

Министерство образования и науки Республики Алтай
Бюджетное научное учреждение Республики Алтай
«Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С.С. Суразакова»

ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТОМ III

**ГОРНЫЙ АЛТАЙ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(1917–1991 гг.)**

Горно-Алтайск, 2023

Утвержден к печати Ученым советом БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Редколлегия:

кандидат исторических наук Н. В. Екеев (ответственный редактор), кандидат исторических наук М. С. Каташев (научный редактор), кандидат политических наук Г. Б. Эшматова

Рецензенты:

Антонов Е.П., кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем коренных малочисленных народов Севера ФГБУН «Якутский научный центр СО РАН»;
Кан В.С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан;

Ханипова И.И., кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

История Республики Алтай. Т. III. Горный Алтай в советский период (1917–1991 гг.) / Редколлегия: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. ист. наук М. С. Каташев (науч. ред.), канд. полит. наук Г. Б. Эшматова; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: 2023. – 972 с.

Том посвящен историческому развитию Горного Алтая в советский период. В главах монографии, на основе широкого круга архивных документов и опубликованных материалов характеризуются процессы в политической, социально-экономической, общественной, культурной сферах Горного Алтая в период с 1917 по 1991 годы. Содержание монографии включает основные события и процессы, которые имели большое значение в истории страны и региона: революция 1917 года и Гражданская война, трансформация традиционного общества в 1920-1940 гг., Великая Отечественная война, послевоенные годы, достижения и трудности в 1950-1980-е гг., общественно-политические изменения во второй половине 1980-х и в начале 1990-х гг.

Книга рассчитана для историков, политологов, широкого круга читателей, интересующихся историей Горного Алтая.

Работа выполнена в рамках реализации Ведомственной целевой программы «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай – основа устойчивого развития региона» (2008-2010 гг.) и Основного мероприятия «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай» (2020-2021 гг.) подпрограммы «Развитие науки в Республике Алтай» госпрограммы Республики Алтай «Развитие образования».

ISBN 978-5-903693-94-8

© БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2023
© Коллектив авторов, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Н.В. Екеев, М.С. Каташев</i>)	7
Глава I. Горный Алтай в годы революций и Гражданской войны (1917–1922 гг.)	29
1.1. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг.	29
1.1.1. От Февраля к Октябрю (<i>Н.А. Майдурова</i>)	29
1.1.2. Горный Алтай в октябре 1917 – мае 1918 гг. (<i>Н.А. Майдурова</i>)	43
1.2. Начало Гражданской войны. Свержение советской власти (<i>М.С. Каташев</i>)	54
1.3. Горный Алтай в составе белой Сибири (<i>М.С. Каташев</i>)	58
1.4. Партизанское движение в Горном Алтае (1919 – 1920 гг.) (<i>М.С. Каташев</i>)	68
1.5. Восстановление советской власти и политика «военного коммунизма» в Горном Алтае. Введение продналога (1920–1921 гг.) (<i>М.С. Каташев</i>)	78
1.6. Крестьянское повстанческое движение в Горном Алтае в 1921–1922 гг. (<i>М.С. Каташев</i>)	87
Глава II. Политические, социально-экономические и культурные преобразования в Горном Алтае в 1922–1929-е гг.	107
2.1. Образование Ойротской автономной области. Национально-государственное строительство в 1920-е гг. (<i>М.С. Каташев</i>)	107
2.2. Деятельность Советов (<i>Г.Б. Эшматова</i>)	114
2.3. Развитие сельского хозяйства (<i>Э.Г. Торушев</i>)	121
2.4. Мелкая промышленность и промкооперация (<i>М.С. Каташев</i>)	143
2.5. Первые шаги по организации системы здравоохранения (<i>Г.Б. Эшматова</i>)	150
2.6. Становление системы народного образования (<i>Л.Н. Аксенова</i>)	166
2.7. Ликвидация неграмотности (<i>Л.Н. Аксенова, М.С. Каташев</i>)	180
2.8. Формирование профессиональной культуры. Культурно-просветительные учреждения (<i>С.Н. Тарбанакова</i>)	185

Глава III. Горный Алтай в годы форсированной модернизации советского общества (1930–1941 гг.)	212
3.1. Население Горного Алтая в 1920–1930-е гг.	212
3.1.1. Демографическое развитие (численность, половозрастной, национальный состав) (М.С. Каташев) .212	
3.1.2. Система расселения (Г.Б. Эшматова)	225
3.1.3. Изменения в социально-профессиональном составе. Занятость (Г.Б. Эшматова)	233
3.2. Коллективизация и раскулачивание крестьянства (1929–1933 гг.) (М.С. Каташев, Э.Г. Торусhev)	243
3.3. Мероприятия по переводу кочевого и полукочевого населения на оседлость (Г.Б. Эшматова)	253
3.4. Сельское хозяйство в условиях становления колхозного строя (1933–1941 гг.) (Э.Г. Торусhev)	260
3.5. Изменения в быту населения (Г.Б. Эшматова)	273
3.6. Становление и развитие промышленности. Дорожное строительство. Транспорт (М.С. Каташев)	289
3.7. Национально-государственное строительство. Социально-политическое развитие региона	300
3.7.1. Деятельность Советов (Г.Б. Эшматова)	300
3.7.2. Подготовка национальных кадров. Проведение политики коренизации. (М.С. Каташев)	309
3.7.3. Политические репрессии (М.С. Каташев)	315
3.8. Социально-культурные преобразования	327
3.8.1. Становление и развитие системы здравоохранения (Г.Б. Эшматова)	327
3.8.2. Народное образование (Л.Н. Аксенова)	343
3.8.3. Культурное строительство. Культура и искусство (С.Н. Тарбанакова)	354
Глава IV. Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	390
4.1. Мобилизация населения. Участие в Великой Отечественной войне (А.А. Иркутова)	390
4.2. Людские потери и демографические последствия (Г.Б. Эшматова)	394
4.3. Социально-экономическое положение (А.А. Иркутова)	403
4.3.1. Промышленность. Трудовые отношения	403
4.3.2. Колхозная деревня в военные годы	411

4.4. Здравоохранение, образование, наука и культура	427
4.4.1. Состояние здравоохранения (Т.В. Захарова)	427
4.4.2. Народное образование (Л.Н. Аксенова)	435
4.4.3. Научное изучение Горного Алтая (Г.Б. Эшматова)	442
4.4.4. Деятельность учреждений культуры. Литература и искусство (С.Н. Тарбанакова)	446
Глава V. Горный Алтай в годы послевоенного восстановления (1945–1953 гг.)	458
5.1. Промышленность (М.С. Каташев)	458
5.2. Сельское хозяйство (Э.Г. Торусhev)	471
5.3. Система здравоохранения (Т.В. Захарова)	484
5.4. Народное образование (Л.Н. Аксенова)	493
5.5. Сфера культуры (С.Н. Тарбанакова)	506
Глава VI. Горный Алтай в 1954–1985 гг.: от ускоренного подъема к стабилизации. Нарастание кризисных явлений	520
6.1. Общественно-политическое развитие	520
6.1.1. Политическая жизнь в годы «оттепели». Реабилитация репрессированных граждан (Г.Б. Эшматова)	520
6.1.2. Органы государственной власти Горно-Алтайской автономной области. Областная организация КПСС	525
6.2. Промышленность и сельское хозяйство	541
6.2.1. Основные тенденции развития промышленности	541
6.2.2. Развитие сельского хозяйства	560
6.3. Изменения в сфере социальной жизни населения	584
6.3.1. Материальное благосостояние. Социальное обеспечение (Н.Н. Ложкина)	584
6.3.2. Торговля и обеспечение предметами потребления (Н.Н. Ложкина)	593
6.3.3. Сфера бытовых услуг (Т.В. Захарова)	604
6.3.4. Жилищное строительство (Н.Н. Ложкина)	614
6.3.5. Жилищно-коммунальное хозяйство (Н.Н. Ложкина)	625
6.3.6. Система здравоохранения (Т.В. Захарова)	635
6.4. Социально-демографические процессы (М.С. Каташев)	651
6.4.1. Численность и состав населения	651
6.4.2. Социально-профессиональная структура	666
6.5. Социально-культурные изменения	671
6.5.1. Народное образование (Л.Н. Аксенова)	671

ВВЕДЕНИЕ

Советский период занимает особое место в российской истории. С 1917 по 1991 гг. в России происходили судьбоносные события, связанные со становлением социалистического государства, его развитием, наивысшим подъемом и затем – драматическим распадом. С одной стороны, имели место выдающиеся экономические, социальные, культурные достижения, с другой – трагические события, потрясения, ошибки и просчеты. Советская эпоха оставила глубокий след во всех сферах жизни российского общества и до сих пор во многом влияет на его современное развитие. Поэтому изучение событий XX века становится особенно важным для понимания проблем и процессов, которые происходят сегодня в Республике Алтай и других регионах Российской Федерации.

Представленное издание является логическим продолжением второго тома «Истории Республики Алтай», в котором рассматривалась история региона в составе Российской империи (1756-1916 гг.).

Научная и практическая потребность исследования обусловлена целым рядом важных факторов.

Во-первых, следует подчеркнуть специфику объекта исследования. Горный Алтай, как и другие национальные регионы Сибири, внес свой вклад в общее историческое развитие страны. В масштабах России национальные административно-территориальные образования обладали небольшой долей численности населения. Однако они как пограничные территории, располагая богатыми природными ресурсами, всегда имели важное стратегическое значение. Горный Алтай характеризовали своеобразные природно-климатические, хозяйственные, социально-демографические условия, этнические и социокультурные особенности. В то же время Горному Алтаю присущи общие черты других национальных регионов Сибири, поскольку его социально-экономическое и культурное развитие определялось политикой государства. В историческом развитии алтайского народа происходили глубокие трансформации в политической, социально-экономической, культурной сферах. В течение жизни нескольких поколений совершился переход от традиционного аграрного общества к обществу современному.

6.5.2. Наука (М.С. Каташев)	691
6.5.3. Культура (С.Н. Тарбанакова)	709
Глава VII. Горный Алтай в годы «перестройки»: от демократизации к кризису советского общества (1985–1991 гг.)	753
7.1. Социально-экономическое положение	753
7.1.1. Состояние промышленности и производственной инфраструктуры (М.С. Каташев)	753
7.1.2. Сельское хозяйство: попытки реформирования (Э.Г. Торушев)	764
7.1.3. Социальное развитие: основные тенденции и особенности (М.С. Каташев)	779
7.2. Политические преобразования. Общественно-политическая ситуация	793
7.2.1. Областная организация КПСС в условиях политических реформ (Г.Б. Эшматова)	793
7.2.2. Новые общественные объединения (М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова)	807
7.2.3. Советы народных депутатов (Г.Б. Эшматова)	819
7.2.4. Выборные кампании в органы представительной власти СССР, РСФСР и Горного Алтая. Референдумы (Г.Б. Эшматова)	836
7.2.5. Деятельность органов государственной власти по повышению административно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области (1988 – август 1991 гг.) (Н.В. Екеев)	852
Заключение (Н.В. Екеев, М.С. Каташев)	863
Приложения	878
Хроника основных событий	899
Словарь основных понятий и терминов	904
Источники и литература	913
Список сокращений	968
Сведения об авторах	971

Во-вторых, исследование исторического опыта развития Горного Алтая в советский период диктуется задачами современной исторической и других гуманитарных наук. Обобщающие труды по истории региона советского периода не публиковались за последние 50 лет. За это время произошли масштабные перемены в жизни общества и исследование истории Горного Алтая, с учетом современных достижений в исторической науке и новых архивных и других источников, представляет собой не только научную, но и практическую и культурно-просветительскую значимость. Представленное обобщающее исследование позволяет расширить наши представления о социально-экономических, политических, культурных, демографических процессах, происходивших в то время.

В-третьих, необходимость подготовки данного издания обусловлена его общественной востребованностью, возросшим интересом к событиям советского времени. Многие проблемы, рассматриваемые в монографии, находятся в центре дискуссий как ученых, так и представителей общественности. Советский период истории страны имеет разноречивые оценки среди населения – от резкой критики в «перестроечное» время до ностальгии по ушедшей эпохе и ее идеализации в последние годы. В нашем совсем недавнем прошлом имели место трагические страницы, упущения, нереализованные возможности. Они нуждаются во внимании не меньше, чем страницы побед и триумфов, и требуют ответственного изучения. Зачастую функция исторической экспертизы переходит к дилетантам, что подрывает доверие к исторической науке. Научно обоснованные аргументы о фактах, обращение к историческим свидетельствам помогут предотвратить манипулирование и разоблачить ложные аргументы. Авторы представленной монографии ставили своей целью беспристрастное и объективное освещение прошедших событий.

История Горного Алтая в 1917-1991 гг. является составной частью общероссийской истории. По разным проблемам исторического развития Горного Алтая в советский период накопился довольно значительный массив научной литературы. Необходимо подчеркнуть, что она включает в себя много аспектов, которые представляют из себя самостоятельные научные направления и количество научно-исследовательских работ на сегодняшний день по истории Горного Алтая в 1917-1991 гг. исчисляются уже сотнями.

Изданы и обобщающие историографические работы [Екеев 1987; Майдурова 2010: 18-24; Горный Алтай: историография ... 2008; Социальная история ... 2010]. Историографический анализ научной литературы по многим аспектам исторического развития Горного Алтая содержится в монографиях, авторефератах диссертаций и отдельных историографических статьях. Из всего количества научных публикаций нами рассматриваются лишь монографии и научные статьи, которые еще не получили подробного освещения в историографической литературе.

В 1920-е гг., в русле методологических разработок основ построения социалистического общества в стране, особое внимание отводилось вопросам адаптации коренных народов к новой социально-экономической системе, их интеграции в «социалистическое общество».

Издательская деятельность активизировалась к юбилейной дате – 10-летию со дня образования Ойротской автономной области в 1932 г. Работы авторов были посвящены демонстрации успехов социалистического строительства в Ойротии на примере роста сельского хозяйства, ликвидации неграмотности, развития национального книгоиздательства и печати и т.д.

Первые опыты осмысления и обобщения недавних событий предпринимались их прямыми участниками – партийно-советскими работниками, руководителями партизанского движения, и носили художественно-публицистический характер [Гордиенко 1931; Третьяк 1933]. Авторы на основе собственных воспоминаний последовательно восстановили картину событий революции и Гражданской войны в Горном Алтае. Главная задача заключалась в том, чтобы показать руководящую роль партии в партизанском движении и в национально-государственном строительстве, и эта цель была достигнута. Однако несмотря на начавшийся процесс унификации и догматизации исторической науки, в работах указанных авторов присутствует и «крамольные» материалы. Так, в книге П.Я. Гордиенко, который в 1920-1922 гг. занимал руководящие должности в аппарате Горно-Алтайского уездного партийного комитета РКП (б), приводится характеристика многих представителей национальной алтайской интеллигенции, которых автор отнес к «национал-шовинистам». В доказательство их контрреволюционности автор приводит дословно доклад о положении в Горном Алтае П.А. Чагат-Строева, члена ВЦИКа от

Ойротии. В докладе приводятся сведения о насилиях со стороны партизанских отрядов в отношении алтайского населения, превышении власти ячейками РКП (б) в сельской местности и т.д. Доклад П. Чагат-Строева автор охарактеризовал как совместное творчество местных «национал-шовинистов, «сознательно оправдывающих каракорумских заправил и возводящих гору обвинений за весь период гражданской войны на партийно-советскую организацию и ее руководство». В книге также подробно приводятся программные установки повстанцев – «бандитов», как свидетельство антисоветской направленности повстанческого движения в 1921-1922 гг.

И.Я. Третьяк, бывший командир горно-партизанской дивизии, подчеркивая ведущую роль большевиков в партизанском движении, уделил большое значение их противостоянию с эсерами за влияние на партизанские массы. Автор обращал внимание на трудности и напряженность этой борьбы, что позже расценивалось как преувеличение степени участия эсеров в партизанском руководстве.

В общем ряду с книгами указанных авторов стоит работа Л.П. Мамета «Ойротия», изданная в 1930 году. Ее можно считать первым научным исследованием национально-освободительного движения алтайцев и национально-государственного строительства в Горном Алтае в годы Гражданской войны. Л.П. Мамет опирался в своем исследовании на документальные материалы Ойротского историко-партийного архива. Национально-освободительное движение алтайцев он охарактеризовал как беспочвенное мелкобуржуазное [Мамет 1930]. Гражданская война в Горном Алтае в значительной степени носила национальные особенности и имела, по мнению автора, во многом межнациональный характер. Такие выводы автора повлекли разгром его книги в периодической печати и жесткую партийную критику за преуменьшение роли классовой борьбы во время Гражданской войны в Горном Алтае. Большой научный интерес представляют копии документов-воззваний повстанцев («бандитов»), выступивших против большевиков в 1921-1922 гг. Как и для П.Я. Гордиенко и И.Я. Третьяка, все это впоследствии трагически отразилось на судьбе самого Л.П. Мамета – он был репрессирован и погиб в заключении.

В 1930-е гг. Горный Алтай, его территория и население исследовались учреждениями Академии наук СССР, которая организовывала этнографические, геологические экспедиции с

целью изучения коренного населения Горного Алтая, природных богатств края, перспектив хозяйственного освоения Ойротии. В начале сентября 1936 г. в областном центре г. Ойрот-Тура прошла научно-практическая конференция для подведения итогов полевых экспедиций. Конференция была организована Советом по изучению производительных сил при Академии наук СССР под руководством академиков Р.А. Обручева и Н.И. Вавилова. По итогам конференции был выпущен сборник докладов, в которых была представлена подробная характеристика природных и хозяйственных условий Ойротии, истории и перспективах освоения территории области [Ойротия 1937].

Начавшиеся работы по комплексному научному изучению Горного Алтая были прерваны Великой Отечественной войной.

В послевоенный период Л.П. Потапов издал две монографии, в которых обобщил свои исследования о происходивших трансформациях в среде коренного населения в условиях социалистического строительства. Приведены сведения о колхозном и социально-культурном строительстве [Потапов 1948; Потапов 1953].

В 1950-е гг. начинается новый этап в изучении истории Горного Алтая. Его начало связывается с организацией Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ). С 1956 г. ГАНИИИЯЛ начал издавать «Ученые записки», в которых периодически публиковались результаты научных исследований по истории Горного Алтая, традиционной культуре алтайцев, их литературе, искусстве и языку.

Происходившие с середины 1950-х гг. изменения в общественно-политической жизни страны активизировали исторические исследования. Усилилась издательская работа, в связи с празднованием знаменательных дат: 200-летия добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства (1956), 40-летия Октябрьской революции (1957), 40-летия Горно-Алтайской автономной области (1962). Были изданы сборники статей и материалов [Подробнее см.: Екеев 1987: 41].

В соответствии с требованиями времени, основное внимание было обращено на вопросы, связанные с установлением советской власти в Горном Алтае. Мероприятия советского государства в отношении коренного населения – алтайцев – рассматривались как доказательство успехов и достижений национальной политики партии большевиков.

Вопросы Гражданской войны и национально-государственного строительства в Горном Алтае подробно исследованы в работах Л.П. Потапова [Потапов 1953], С.Я. Пахаева [Пахаев 1961; Пахаев 1965], В.А. Демидова [Демидов 1970; 1983; 1996]. Исследователи, в рамках общей идеологической концепции, сходились во мнении о контрреволюционной буржуазно-националистической сущности Алтайской Горной думы и Каракорум-Алтайской управы, выражавших интересы торговцев, баев, кулаков и буржуазных националистов. Однако осталась не освещенной работа Каракорумской уездной управы в сфере образования и просвещения населения Горного Алтая.

Вместе с тем, С.Я. Пахаев и В.А. Демидов расходились в оценках отношения Алтайского губернского и Бийского уездного советов к Каракорум-Алтайской управе. Так, С.Я. Пахаев противопоставил руководителей Бийского Совдепа в вопросе о выделении Горного Алтая в отдельную административно-территориальную единицу отсутствию политической гибкости и неверным пониманием ленинской национальной политики.

В центре внимания исследователей находились вопросы национально-государственного строительства в Горном Алтае. Данная проблематика получила подробное рассмотрение в работах В.А. Демидова и Г.Л. Санжиева, в которых авторами в рамках положений официальной историографии показано становление автономии алтайского народа [Демидов 1970; Санжиев 1980].

В 1960-е гг. внимание историков обращается к истории Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. В монографии Я.М. Бражникова рассмотрено участие горно-алтайцев на фронте и в тылу [Бражников 1966]. Основываясь в большей степени на материалах периодической печати, автор представил труд рабочих и колхозников, показал вклад населения области в дело победы. Вместе с тем, состояние отраслей экономики автор обошел вниманием.

Процессы в экономике Горного Алтая на примере промышленности и сельского хозяйства в период с 1945 по 1964 гг. проанализировал в своих работах Н.М. Киселев [Киселев 1961; Киселев 1965]. Автором приведены важные сведения о динамике основных фондов, процессе реструктуризации промышленных предприятий, дан подробный анализ проблем в промышленности

автономной области, в частности, подробно охарактеризованы причины невыполнения плановых заданий. Исследователь характеризует многие проблемы производственной сферы: убыточность предприятий, распыленность производства и его мелкоотраслевой характер. При анализе сельского хозяйства области приводится большое количество статистической информации о сельскохозяйственном производстве, что представляет большой научный интерес и в наши дни. Вместе с тем, автор в своих исследованиях опирается на узкий круг архивных источников, что объясняется закрытостью в те годы ряда архивных документов. Отсутствуют, например, необходимые данные о динамике капиталовложений по отраслям промышленности Горно-Алтайской автономной области. Но в целом исследования Н.М. Киселева отличаются широким привлечением статистического материала и подробным анализом проблемных моментов в экономическом развитии региона.

Одним из главных объектов исторических исследований являлось культурное строительство в Горном Алтае в 1920-1930-е гг. как доказательство успехов социалистического пути развития для коренных народов Сибири. Научное изучение проблем развития социальной и культурной сферы началось в 1950-е гг. и активно продолжилось в 1960–1970-е гг. В отдельных статьях освещались наиболее актуальные проблемы: осуществление всеобщего начального образования, ликвидации неграмотности взрослого населения, открытие учебных заведений, учреждений; социальные и культурные преобразования в среде коренного алтайского населения; формирование национальной алтайской интеллигенции [Варченко 1956; Саруева 1957; Казанцева 1969; Тимофеева 1970; Андронкина 1971; Тоцакова 1961; Тоцакова 1973]. Авторы в своих исследованиях следовали идеологическим установкам партии о беспрепятственном развитии советского общества.

Итогом научных изысканий первого поколения горно-алтайских историков стала коллективная монография «Очерки истории Горно-Алтайской автономной области» [Очерки 1973]. В ней освещены проблемы, связанные с Октябрьской революцией и Гражданской войной, показаны развитие сельского хозяйства и промышленности, социально-культурной сферы региона в периоды индустриализации и коллективизации, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления и в 1950-1960-е годы. Эта

монография – пока единственный обобщающий труд по истории региона советского периода, несет в себе все приметы того времени, когда в исторической науке идеологические требования господствовавшей тогда концепции носили обязательный характер. В ней сделаны первые выводы и обобщения, поставлены проблемы для дальнейшего исследования.

Во второй половине 1970-х – 1980-е гг. в центре внимания историков были проблемы аграрного развития Горного Алтая в первые два десятилетия после установления советской власти. Аграрные преобразования в Горном Алтае этого времени рассмотрены Н.Ф. Лыжиной [*Лыжина* 1983]. Исследованию наиболее сложных этапов социально-экономического развития горно-алтайской деревни – в период «военного коммунизма» и перехода к нэпу посвящены статьи А.А. Болдуева [*Болдуев* 1978; *Болдуев* 1980]. Автор приходит к выводу о том, что осуществление политики «военного коммунизма» протекало в Горном Алтае в более смягченной форме, в отличие от центральных районов страны. Отмечается специфика социально-экономического положения в Горном Алтае, которая заключалась в тяжелых последствиях Гражданской войны для сельского хозяйства, что замедляло процесс осереднячивания крестьянства.

Вопросы социалистической реконструкции сельского хозяйства в 1920–1930-е гг.: социальное расслоение крестьянства, регулирующие меры государства в земельной, кредитной, налоговой сферах, кооперации, переход к оседлости, коллективизация и т.д. Указанная проблематика занимала большое место в работах Л.П. Потапова, В.А. Демидова, В.П. Казанцевой [*Потанов* 1960; *Демидов* 1970; *Казанцева* 1970], в которых авторы показали, что восстановительные процессы в Горном Алтае происходили медленно. В 1988 г. вышла монография Н.В. Екеева, отдельно посвященная аграрному развитию Горного Алтая в 1920-е гг. [*Екеев* 1988]. На основе широкого круга массовых источников показана динамика сельскохозяйственного производства, процессы расслоения в крестьянской и кочевой среде.

Большой вклад в изучение аграрной истории Сибири в период с 1917 по 1937 гг. внесли новосибирские историки. Итогом их многолетнего труда стала коллективная монография «Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917-1937 гг.». Главы о социально-экономических процессах в национальном

селе в указанный период написали Б.Б. Батуев и Г.Л. Санжиев [*Крестьянство... 1983*].

Проблемы коллективизации в Горном Алтае рассматривались В.А. Демидовым и И.П. Эдоковым [*Демидов* 1970; *Эдоков* 1987]. В целом, авторы показали ход коллективизации и перевода кочевников к оседлости в рамках официально принятой схемы, как доказательство успехов и достижений аграрной и национальной политики советской власти. Вместе с тем, критикуя «отдельные искривления линии партии» в колхозном строительстве, авторы на основе широкой источниковой базы дали возможность увидеть противоречивые проблемы, связанные с колхозным строительством. Подробно приведен фактологический материал о массовых нарушениях прав крестьян на первом этапе «сплошной коллективизации» в феврале 1930 г., освещены ошибки в планировании колхозного строительства, что приводило к массовому оттоку из колхозов с весны 1930 г. Дана негативная оценка попыткам форсированного проведения коллективизации, без учета мнения крестьян и последствия ее проведения на первом этапе, которые выразились в резком сокращении поголовья скота и т.д.

Во второй половине 1980-х гг. появились отдельные статьи, посвященные истории Горного Алтая в период после 1945 г.: деятельности учреждений социальной сферы и культуры Горного Алтая [*Медведев* 1971], строительству Чуйского тракта [*Табает* 1975], развитию гуманитарной науки в 1950–1980-е гг. [*Андронкина* 1987]. В целом, проблемы истории Горного Алтая в период после 1945 г. находились еще «на стадии конкретного изучения» [*Екеев* 1987: 45].

Кардинальные изменения в общественной жизни страны после 1991 г. определили новый этап в развитии исторической науки. Со снятием идеологических ограничений и с предоставлением беспрепятственного доступа к партийным архивам у исследователей-историков появились широкие возможности в дальнейшем изучении и переосмыслении актуальных проблем истории Горного Алтая.

В 1990-е гг. в условиях социально-экономического кризиса, историки были лишены возможности систематической работы по сбору материала в региональных архивах. Научная деятельность ограничивалась сбором материала в местном республиканском архиве и публикациями результатов прежних исследований. В первой половине 1990-х гг. был издан ряд работ, посвященных

разным проблемам истории Горного Алтая, в том числе: становление профсоюзов Горного Алтая в 1920–1930-е гг. и их участие в проведении культурной революции в Ойротии [Кандаракова 1992], развитие промышленности в 1930-е гг. и накануне войны [Казанцева 1992], развитие национального тевтра и работа культурно-просветительных учреждений [Тарбанакова 1994].

В 2000-е гг. расширилась тематика научных исследований по истории Горного Алтая в советский период. Сформировались разные точки зрения относительно классовой сущности национального движения в Горном Алтае в 1917 г. В противоположность Л.П. Потапову и В.А. Демидову горно-алтайские историки Н.Ф. Иванцова, Н.А. Майдунова положительно оценивали основные направления деятельности Алтайской Горной думы, полагая, что претворение в жизнь ее идей улучшило бы положение всего населения Горного Алтая [Иванцова 1993; Майдунова 2002]. Сходной точки зрения придерживался В.В. Русанов [Русанов 2010: эл. ресурс]. Текст, входящий в разделы «От Февраля к Октябрю» и «Горный Алтай в октябре 1917 – мае 1918 гг.» был написан Н.А. Майдуновой ранее в 2009 г. Учитывая то обстоятельство, что данный материал не утратил своей актуальности, редколлегия тома посчитала возможным использовать его в настоящем издании.

Вопрос об истоках национального движения рассматривался Л.И. Шерстовой [Шерстова 1999]. В своей диссертации исследователь приходит к выводу о том, что на формирование идей национального самоопределения тюрков Южной Сибири, в том числе и алтайцев, повлияли вызванная Февральской революцией отмена сословного деления российского общества и как следствие, переориентация сословных прав в национальные, а также обращение лидеров национального движения к джунгарскому прошлому.

М.В. Шиловский придерживается мнения о том, что в Горном Алтае к 1917 г. еще не оформился устойчивый слой образованных людей с определенной системой политических взглядов, в том числе относительно перспектив развития алтайского этноса [Шиловский 2021: 94]. Идеиные воззрения Г.И. Чорос-Гуркина и его сподвижников определялись прежде всего национальными интересами своего народа. Теоретической основой являлось областничество. При лояльном отношении к социальным лозунгам горнодумцы вели переговоры о перспективах самоуправления для алтайцев с обеими противостоящими силами в Сибири, что автор

охарактеризовал как политическое лавирование. Развивая этот тезис, А.В. Сушко называет сложившееся в отечественной историографии утверждение о вынужденном переходе Алтайской Горной думы на сторону Советов неверным, поскольку горнодумцы одновременно обращались с просьбой рассмотреть вопрос о самоуправлении и в противоположный лагерь – в Сибирскую областную думу [Сушко 2008: 142]. Однако Э.В. Гордон подчеркивает, что Алтайская Горная дума начинает сотрудничать с Бийским уездным Советом и принимает решение о создании Советов на местах еще в декабре 1917 г., до взятия власти Бийским совдепом [Гордон 2013: 35].

В 2000-е гг. появились статьи, посвященные этапу крестьянского повстанческого («бандитского») движения в 1921–1922 гг. [Бармин 2002; Русанов 2002; Иванова 2006]. На основе нового архивного материала авторами вводятся в научный оборот новые факты о продналоговой политике большевиков и ходе боевых действий. Приводятся и ранее засекреченные факты о насилиях военных в отношении коренного алтайского населения. Следует отметить работу омского историка А.А. Штырбула о мятеже штабс-капитана Сагунина в мае – июне 1918 г. [Штырбул 2012]. В статье приведен материал сибирской прессы за 1918 г., что представляет научную новизну и вызывает читательский интерес об указанном персонаже, оставившем своей деятельностью заметный след в истории Гражданской войны в Горном Алтае.

Государственное становление республик Российской Федерации и набиравшие силу процессы этнического возрождения активизировали изучение вопросов национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг. Большой вклад в изучение данной темы внесли работы, посвященные истории Сибири и Алтая. В работах абаканского историка Е.П. Мамышевой показаны основные этапы национально-государственного строительства автономий Южной Сибири, в том числе – Ойротской автономной области через призму национальной политики государства. В 2010 г. ученым издана монография, в которой обобщены исследования автора по данной теме, освещен ряд вопросов: организация органов власти автономии, деятельность ее представительств в Москве, национально-языковая политика, коренизация, подготовка национальных кадров и т.д. [Мамышева 2010].

Экономическое развитие Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны исследовано в работах А.А. Иркитовой [Иркитова 1997; Горный Алтай 2014].

Горный Алтай в 1960–1980-е гг. являлся по своей экономической структуре регионом преимущественно аграрно-индустриальным. В центре внимания исследователей находилась проблема развития сельского хозяйства. Развитие сельского хозяйства Горного Алтая в указанные годы Горного Алтая освещено в трудах историка И.Ф. Медведева и географа-экономиста А.П. Макошева. И.Ф. Медведев рассмотрел основные аспекты развития аграрной отрасли: сельскохозяйственное производство, материально-техническую базу сельского хозяйства, кадры [Медведев 1994]. Вместе с тем, такой важной проблеме как финансово-хозяйственное положение колхозов, по нашему мнению, автором уделено недостаточно полное внимание. Исследования А.П. Макошева основаны на широком круге статистических источников, что при написании разделов о сельском хозяйстве значительно облегчило авторам анализ динамических показателей [Баева, Макошев 1994; Макошев 1996; Макошев 2009]. В процессе работы использовались подсчеты ученого по динамике поголовья скота и посевных площадей.

В начале 1990-х гг. появились работы, в которых использовались новые подходы и новые оценки социально-экономического развития страны. Большое значение имеют работы на общесибирскую тематику. В общем ряду следует выделить коллективную монографию «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.» [Крестьянство и сельское хозяйство ... 1991] пятитомного труда «История крестьянства Сибири» под редакцией Н.Я. Гущина. Охарактеризована ресурсная база сельского хозяйства и его материально-техническая база, дан развернутый количественно-качественный анализ динамики сельскохозяйственного производства, рассмотрен кадровый потенциал аграрной отрасли, развитие и проблемы отраслей социальной сферы села. Данная работа представляет ценность прежде всего в методологическом значении. Раздел, посвященный сельскохозяйственному производству в национальных регионах Сибири, в том числе и в Горном Алтае, написал горно-алтайский историк И.Ф. Медведев.

Не меньшее значение в развитии экономики области имела другая её отрасль – промышленность. Промышленный комплекс Горного Алтая в разные периоды рассматривали А.Ю. Казанцев, Н.В. Пак, М.С. Каташев [Казанцев 2005; Пак 2008; Каташев 2013].

Проблемы социального развития Горного Алтая раскрыты в ряде коллективных трудов историков Горно-Алтайского госуниверситета [Горный Алтай 2007; Горный Алтай 2010; Социальная история 2010]. Авторские коллективы этих изданий на основе широкого архивного материала сумели обобщить итоги социального развития Горного Алтая на разных этапах советского периода истории региона. В общем массиве историографии выделяются работы О.А. Гончаровой [Гончарова 1995; Гончарова 2008] с анализом деятельности здравоохранения области в разные периоды, и монография Н.Н. Ложкиной [Ложкина 2011], в которой автором комплексно рассмотрены основные составляющие элементы социальной сферы Горно-Алтайской автономной области в 1950–1980-е гг.: жилищно-коммунальное хозяйство, жилищное строительство, торговля, а также доходы населения, сфера бытовых услуг. В целом, развитие социальной сферы области получило достаточно подробное освещение в отечественной историографии. Однако аспекты повседневной жизни населения Горного Алтая не рассматривалась исследователями в качестве отдельной проблемы.

В 2014 г. материалы монографий и статей, ранее опубликованных историками ГАГУ, были сведены в коллективном издании «История Горного Алтая» [История 2014], в котором показаны процессы социально-экономического и культурного развития региона на протяжении длительного времени – с момента вхождения Горного Алтая в состав России (середине XVIII в.) и до 1991 г. Достоинством работы является широко представленный фактологический материал. Однако некоторые важные вопросы не получили должного освещения. Так, например, в разделе «Развитие экономики Горно-Алтайской автономной области в 1945-1985 гг.» основное внимание автора уделено проблемам подготовки кадров и становления материально-технической базы отраслей промышленности. Большое место в разделе занимают сведения о стахановском движении и движении рационализаторов производства, о социалистическом соревновании. Между тем отсутствуют сведения о себестоимости и прибыльности производства на предприятиях и по отраслям в целом, что сужает картину промышленного развития автономной области в такой протяженный период и не дает возможности оценить эффективность работы промышленных предприятий. Слабо использованы статистические источники, из-за чего динамика производственных

показателей отраслей промышленного комплекса не получила подробного освещения.

Развитие народного образования рассматривали в своих работах Копытов Н.Ф., А.П. Беликова, Н.Н. Кудирмекова, Л.Н. Аксенова [Копытов 1994; Беликова 2007; Кудирмекова 2008; Аксенова 2013].

В 2010-е гг. историки НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова издали коллективные монографии [Политические репрессии 2017; Кочевники 2020]. Можно отметить работы, посвященные исследованию отдельных вопросов истории Горного Алтая: землеустройства и кооперации в среде кочевого населения в 1920-е гг. [Каташев 2019; Каташев 2020], коллективизации [Торушев 2009], промышленного развития Горного Алтая в 1920–1930-е гг. [Каташев 2020], деятельности Советов и областной организации КПСС в 1960–1980-е гг. [Эшматова 2021; Эшматова 2021], общественных организаций во второй половине 1980-х гг. [Эшматова 2021].

Отдельные аспекты этносоциальных и этнокультурных процессов, в среде алтайского этноса в конце 1980-х гг., рассматривали исследователи-этнографы Горного Алтая. Возрождение элементов праздничной, обрядовой культуры, обычного права в современной общественной жизни алтайцев освещалось в работах В.Я. Кыдыевой и С.П. Тюхтенева, Н.А. Тадиной. Указанные исследователи анализировали этнополитические и этнокультурные процессы в Горном Алтае, происходившие в среде алтайцев в 1980-е гг. [Кыдыева 1993; Кыдыева 1994; Тюхтенева 1996; Тюхтенева 1999; Тюхтенева 2002; Тадина 2007]. Развитие средств массовой информации, их роль в общественно-политическом движении народов Южной Сибири – алтайцев, хакасов, тувинцев, исследовано в работах Ю.Б. Костяковой [Костякова 2016], развитие национальных видов спорта – в монографии В.Я. Ельдепова [Ельдепов 2021].

В 2000–2020-е гг. появились работы, посвященные истории Сибири и Алтая в советский период [Массовые репрессии ... 2010; Коллективизация и раскулачивание ... 2020; Папков 2012; Реутов 2015; Уйманов 2013, Карлов 2011; Тепляков 2008 и др.]. В них приводится важный материал и о событиях в Горном Алтае. Однако зачастую в большинстве монографий на общесибирскую тематику материалы по Горному Алтаю представлены фрагментарно и отрывочно, особенно в работах, посвященных социально-

экономическому развитию. Это имело место по причине того, что Горно-Алтайская автономная область как часть Алтайского края не выделялась отдельной строкой в отчетных статистических материалах.

Таким образом, в научной литературе по истории Горного Алтая в советский период накоплен значительный пласт наработок ученых разных поколений. Подчеркивая научную основательность документальной базы научных работ ученых-историков, которые трудились в советский период, необходимо признать, что в большинстве исследований многие события рассматривались как констатация успехов «социалистического развития». В трудах историков советского времени нередко не хватало анализа негативных тенденций социально-экономического развития Горно-Алтайской автономной области.

Достаточно подробно изучен период с 1917 по 1941 гг. Однако необходимо отметить, что большинство работ издано в советский период, когда исследователи были вынуждены придерживаться идеологических концепций истории советского общества. Большая часть исследований, посвященных разным аспектам истории Горного Алтая с 1941 по 1991 гг., осуществлены уже в постсоветский период и в 2000–2010-е гг., в условиях открытости архивов. Состояние историографии по истории Горного Алтая в советский период свидетельствует об отсутствии цельных комплексных работ, что требует проведения такого исследования. В условиях широкого выбора концептуальных направлений необходимо как обобщение и переосмысление накопленных знаний по истории Горного Алтая с 1917 по 1991 гг., так и их пополнение за счет расширения проблематики исследования и включения в научный оборот ранее не использованных источников.

В историографии накопилось много научных работ, изданных после 1991 г. Однако они как правило, посвящены узким темам. В небольших публикациях материал носит отрывочный фрагментарный характер, в них слабо используются или же совсем не используются материалы статистики и материалы Всесоюзных переписей населения. В этой связи становится необходимостью издание обобщающей комплексной работы по истории Горного Алтая в советский период, на основе широкого круга источников разной видовой принадлежности.

Авторский коллектив ставит целью восстановить картину социально-экономических, общественно-политических, культурных

процессов, происходивших в Горном Алтае в советскую эпоху в единстве и взаимосвязи. Для их всестороннего освещения ставились задачи рассмотреть ход системной модернизации в регионе с ее издержками и противоречиями, успехами и незавершенностью.

Территориальные рамки исследования – Республика Алтай в ее административных границах. На протяжении 1917-1991 гг. название региона и его положение в административно-территориальной структуре Западной Сибири неоднократно менялись. Первоначально Горный Алтай входил в Бийский уезд Томской губернии, в декабре 1918 г. образован Каракорумский уезд, в январе 1920 г. упразднен но уже в апреле 1920 г. уезд вновь воссоздан как Горно-Алтайский. В июне 1922 г. образована Ойротская автономная область в составе РСФСР, в мае 1925 г. Ойротская автономная область включена в состав Сибирского края, в июле 1930 г. – Западно-Сибирского края, а с сентября 1937 г. – Алтайского края. В 1948 г. Ойротская автономная область переименована в Горно-Алтайскую автономную область. Согласно закону РСФСР от 3 июля 1991 г. Горно-Алтайская автономная область преобразована в Горно-Алтайскую ССР.

Хронологические рамки исследования охватывают время с 1917 по 1991 гг. Начальная дата исследования соответствует утвердившимся положениям в отечественной историографии при периодизации истории России XX-XXI вв. В 1917 г. произошли события, кардинально изменившие ход российской истории: февральская и октябрьская революции 1917 г., которые привели к смене политического устройства и социально-экономической формации страны.

Представленная монография является продолжением второго тома «Истории Республики Алтай». Верхней хронологической границей представленного исследования определен 1991 г., когда советское государство прекратило свое существование, а социалистическая модель общественного устройства была свернута.

Авторы монографии при исследовании поставленных вопросов руководствовались общепринятыми научными принципами, главными из которых являются историзм, системность, объективность. При написании монографии использовался проблемно-хронологический подход с элементами комплексного и сравнительно-исторического анализа.

При выборе концептуальной основы анализа событий авторский коллектив придерживался теории модернизации,

разработанной в трудах В.В. Алексеева, В.А. Красильщикова, И.В. Побережникова. Ими выделены следующие основные критерии модернизации: рост промышленного и аграрного производства, увеличение доли промышленности в объемах производства, применение технологий, основанных на использовании научного знания, углубление разделения труда, высокая урбанизация, вытеснение традиционной сословной элиты «новыми людьми», рост социального равенства между полами, снижение смертности и невысокий естественный прирост населения, распространение грамотности, интеграция широких масс населения в общественно-политические процессы и т.д. [Алексеев 2003].

Историческое развитие Горного Алтая в советский период рассматривается как непрерывный многомерный поступательный процесс трансформации от общества традиционного к современному. Инициатором советской модернизации являлось государство и его институты. Ход изменений включал в себя ряд процессов: индустриализацию, урбанизацию и демографический переход, рост технической оснащенности, профессионализацию, становление новой системы образования, здравоохранения, культуры, трансформации в социокультурной сфере.

При работе над монографией учитывалась региональная специфика, которая во-многом определяла темпы модернизации: природно-климатические условия, многонациональность региона, географическое расположение, преобладание сельского населения над городским, ведущая роль сельского хозяйства в структуре экономики и т.д.

В работе использованы сборники архивных документов. Так, издание «Память народа», содержит большой массив архивных документов с 1922 по 1991 гг. о социально-экономическом и культурном развитии автономной области [Память народа 1993]. В другой сборник «М.В. Карамаев: жизнь и деятельность» вошли документы о социально-экономическом развитии Горно-Алтайской автономной области в период с середины 1950-х до конца 1980-х г. [М.В. Карамаев: жизнь и деятельность 2019].

Подчеркивая значение изданных сборников архивных материалов, необходимо отметить, что в них содержится лишь малая часть всего документального и статистического материала. Основу исследования составили архивные источники, которые вводятся в научный оборот впервые. Это документы, хранящиеся в

центральных и региональных государственных архивах. В качестве источникового материала использовалась делопроизводственная документация фондов Госархива Республики Алтай: Горно-Алтайского (Ойротского) областного комитета КПСС (ВКП(б) (фонд П-1), Горно-Алтайского (Ойротского) областного исполкома (фонд Р-33), Управления статистики (фонд Р-61) и Отдела планирования (фонд Р-59) Горно-Алтайского (Ойротского) облисполкома, других учреждений и организаций.

При написании работы широко использовались материалы делопроизводственной документации, в том числе и недавно рассекреченных архивных дел. Неопубликованные материалы статистики, которые предназначались для служебного пользования, дают возможность составить динамические ряды и получить представление о численности промышленного персонала, объемам капиталовложений и производства в денежном и натуральном выражении, динамике скота и посевных площадей и т.д.

Статистические сведения, содержащиеся в делопроизводственной документации Горно-Алтайского областного комитета КПСС, исполнительных и представительных органов власти Горно-Алтайского областного Совета, позволили раскрыть ранее неизученные вопросы, связанные с деятельностью органов партийно-государственной власти в Горном Алтае.

Одним из главных источников при написании коллективной монографии стали материалы Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 годов. Переписи являются важным источником при изучении динамики естественного движения населения, миграций, национального и половозрастного состава, уровня образования, уровня владения родным языком, распределения работающих по отраслям народного хозяйства и т.д.

При работе над монографией привлекались материалы тематических и юбилейных изданий Управления федеральной службы статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, в которых приводятся обобщенные сведения по народонаселению области [Население Горного Алтая... 2012; Республика Алтай в цифрах... 2006; 2012; 2016; Статистический бюллетень... 1962; Численность рабочих и служащих... 1982]. Необходимые сведения также дополнялись за счет материалов государственных архивов Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай, а также опубликованных материалов Высшей школы экономики, которые находятся в открытом доступе.

В исследовании использовались материалы областных газет, в них наиболее полно отражены разные стороны повседневной жизни жителей области. Газетные публикации использовались для иллюстрации наиболее острых проблем повседневности в ходе социально-экономических преобразований в Ойротии в 1920-1930-е гг. и развития социальной сферы в 1960-1980-е гг.

Научная новизна монографического исследования состоит в том, что впервые в историографии проведено комплексное исследование истории Горного Алтая в советский период. Авторским коллективом обобщен исторический опыт национально-государственного строительства, социально-экономических процессов, развития социальной сферы и культуры в Горном Алтае в 1917-1991 гг. Коллективная монография написана на основе широкой источниковой базы и с опорой на современные достижения исторической науки. Это позволило углубленно исследовать темы, которые прежде не рассматривались историками, и переосмыслить, показать в целостности уже изученные в историографии проблемы истории Горного Алтая.

В ходе работы над проектом авторы столкнулись с некоторыми сложностями исследовательского характера, которые заключаются в следующих моментах.

Многие темы истории Горного Алтая получили достаточно полное изучение в отечественной историографии. Прежде всего, они касаются к истории Горного Алтая с 1917 по 1945 гг. Большинство тем, относящихся к указанному периоду – Гражданская война, сельское хозяйство в 1920-е гг., коллективизация, развитие колхозов в 1930-е гг., здравоохранение, социально-культурные преобразования, культурное строительство – подробно рассмотрены в работах исследователей предыдущего времени. Поэтому перед авторским коллективом стояла задача внести новизну в исследование указанных тем. Основная задача при освещении уже разработанных тем зачастую заключалась в выявлении новых материалов, не попавших в поле зрения исследователей, а также документов, которые историки в советское время не сочли нужным включать в свои работы. В данном случае речь идет о фактах, не вписывавшихся в официальные схемы советской историографии.

Привлечение не опубликованных источников представляет собой новизну в исследовании. Так при изучении вопросов, касающихся Гражданской войны, использованы материалы

архивного фонда УФСБ по РА о деятельности Каракорумской уездной управы в условиях колчаковского правления. Данные документы (имеют ограниченный доступ) содержат интересные факты о мероприятиях управы по борьбе с красновардейскими отрядами в 1918 г., о количестве и численности повстанческих («бандитских») отрядов в 1921-1922 гг. в порайонном разрезе.

В монографии определены и рассмотрены новые, ранее не изученные аспекты традиционных тем в историографии Горного Алтая. При работе над разделом по аграрному развитию Горного Алтая в 1920-е гг. автором параграфа переосмыслена роль баев в кочевой общине. На материалах алтайской газеты «Кызыл Ойрот» показана пропагандистская кампания в отношении байства. Даже на пике нэпа она отличалась крайней непримиримостью и враждебностью, что может свидетельствовать о стремлении властей любыми путями подорвать авторитет богачей-баев среди алтайского населения.

В разделах, посвященных истории Горного Алтая послевоенного времени, исследованы проблемы социального и экономического развития региона в 1950-1980-е гг. Авторы привлекли новые архивные документы, в которых представлены повседневные аспекты деятельности учреждений социальной сферы. Такой материал содержится в докладных записках Горно-Алтайского обкома КПСС, в стенограммах областных партийных пленумов, в выступлениях депутатов. Кроме того, использованы газетные публикации, в них содержится значительный пласт информации о повседневных проблемах жителей области в социальной сфере.

Впервые введены в научный оборот материалы, касающиеся реабилитации репрессированных граждан второй половины 1950 – первой половине 1960-х гг.

В монографии уделено внимание анализу структуры и функционирования системы партийно-советской власти и народного представительства в Горном Алтае на протяжении всего советского периода; рассмотрены вопросы формирования указанных органов власти; кадровый состав и система пополнения кадров, а также контроль за их деятельностью; выборные кампании в органы представительной власти. Освещено экологическое движение в конце 1980-х гг., роль национальной алтайской интеллигенции в общественной жизни Горного Алтая в годы «перестройки». Итак,

при работе над монографией использован широкий круг источников: опубликованные материалы и новые архивные документы.

Работа над коллективной монографией сопровождалась некоторыми трудностями научно-организационного характера. В 2008-2009 гг. авторы приступали к написанию третьего тома, но затем работа была отложена на позднее время ввиду необходимости дополнительного сбора архивного материала, а также выработки единой позиции авторского коллектива. Тексты, написанные в это время Л.Н. Аксеновой, А.А. Иркитовой, Н.А. Майдуровой, С.Н. Тарбанаковой, включены в содержание настоящего тома.

В оценке советского периода российской истории сохраняется противоречивость и полярность взглядов; некоторые проблемы, рассматриваемые в монографии, довольно продолжительное время находятся в центре общественных дискуссий. Поэтому перед авторским коллективом ставилась задача показать события и процессы, происходившие на разных этапах истории Горного Алтая советского периода, по возможности избегая эмоциональной окраски и прямых оценочных суждений. Одной из основных особенностей содержания монографии является его разноплановый характер. Круг поставленных задач и исследованных вопросов отличается большой широтой. Авторы представили свое видение демографических процессов, экономических, социальных, социокультурных трансформаций, происходивших в регионе. Главная задача авторского коллектива заключалась в том, чтобы на основе преимущественно архивных документов восстановить или дополнить реальную картину происходивших событий и тем самым закрыть информационные пробелы.

Материалы коллективной монографии предназначены для специалистов-историков, широкого круга читателей, интересующихся историей Горного Алтая. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, в музейной и краеведческой работе, в просветительской деятельности.

Монография состоит из введения, семи глав, заключения, списка сокращений, словаря понятий и терминов, библиографии и приложения.

Авторский коллектив выражает признательность сотрудникам Государственного архива Республики Алтай, Национального музея РА им. А.В. Анохина и другим учреждениям и ведомствам Республики Алтай за содействие при сборе документов.

Благодарим уважаемых рецензентов – кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника ИГиПМНС СО РАН Е. П. Антонова; кандидата исторических наук, заведующего отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан И. И. Ханипову и кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела новейшей истории В. С. Кан – за ценные замечания и рекомендации, которые помогли при доработке текстов глав монографии.

ГЛАВА 1. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 гг.)

1.1. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг.

1.1.1. От Февраля к Октябрю

Формирование новых органов власти и управления.

К февралю 1917 г. обстановка в Горном Алтае была относительно спокойной. В южных районах прекратились волнения алтайцев, призванных на тыловые работы. На севере региона также не было никаких массовых выступлений. Недовольство затянувшейся войной выражалось в глухом ропоте, связанным с дороговизной и тяжелым положением мобилизованных, о чем они сообщали в своих письмах. Брожение в умы вносили и вернувшиеся с фронта солдаты. И все же Февральская революция стала полной неожиданностью для широких слоев населения [Майдурова 2002: 23].

В Сибири, как по стране в целом, начали формироваться новые органы местного управления. Как правило, это были коалиционные объединения, которые носили названия «временные комитеты», «комитеты общественной безопасности», «комитеты порядка», «исполнительные комитеты» и т.д. Они создавались явочным порядком, под давлением народных масс, чаще всего по постановлениям объединенных собраний или совещаний гласных городских дум и представителей общественных организаций и политических партий [Бабикова 1980: 62]. Так, в сформированный в г. Бийске 3 марта 1917 г. Исполнительный комитет вошли представители от городской думы, Военно-промышленного комитета, благотворительного общества помощи раненым и других общественных организаций, делегаты от рабочих и крестьян.

10-11 марта 1917 г. Исполком провел объединенное заседание с «уполномоченными в количестве 600 лиц от сельских обществ, товариществ, кооперативов Бийского уезда». В резолюции совещания говорилось о признании новой власти. Бийский исполнительный комитет провозглашался органом власти центрального правительства, должен был действовать под контролем последнего и руководствоваться его указаниями и постановлениями [АОАГБ. Ф. Д–11. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Временное правительство постаралось взять под контроль стихийный процесс формирования местных органов власти. Еще 4 марта 1917 г. был учрежден институт правительственных комиссаров с целью заменить упраздненную народными массами царскую администрацию в губерниях и уездах. Циркулярными распоряжениями от 5 и 11 марта, 1 апреля 1917 г. и др. подчеркивалось, что губернские комиссары являются носителями власти Временного правительства, им присваивались (с некоторыми изъятиями) права и обязанности бывших губернаторов. Уездным комиссарам переходили права и обязанности земских (крестьянских) начальников и полицейских исправников, кроме судебных и карательно-дисциплинарных функций [Бабикова 1980: 88].

19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление, рекомендовавшее создать волостные комитеты, которые должны были заменить старые волостные правления. Волостные комитеты формировались на народных собраниях. Порядок выборов в народные собрания и создания волостных комитетов был определен Бийским исполнительным комитетом к концу марта 1917 г. Предварительно на 28 апреля назначался созыв Бийского уездного народного собрания. В Бийском уезде и его национальных районах начались выборы в народные собрания и формирование волостных исполнительных комитетов [Майдурова 2002: 24].

Созданные по инициативе масс уездные и губернские комитеты стали временными органами управления, но, как считает ряд исследователей, Временное правительство не признавало их собственными органами власти (за исключением волостных комитетов). Однако центральное правительство вынуждено было считаться с созданными комитетами. Это выразилось, в частности, в том, что к лету 1917 г. в большинстве мест губернскими и уездными комиссарами были назначены председатели или члены временных комитетов [Бабикова 1980: 87, 90].

В ходе реформы местного управления, которой было посвящено более 40 законодательных актов из 100, принятых Временным правительством [Еремян, Федоров 1998: 169], временные комитеты были заменены земскими учреждениями, выбранными на основе демократических принципов.

В мае – июне 1917 г. появилось несколько законодательных актов, определивших содержание земской реформы. 21 мая вышли

указы «О производстве выборов уездных и губернских земских гласных», «О волостном земском управлении», 9 июня – «Об изменении действующего положения о губернских и уездных земских учреждениях», 17 июня – «О введении земских учреждений в Архангельской губернии, Сибири и Степном крае» и др. Указы сопровождалась инструкциями, в частности, «Наказом по выборам земств в Сибири и Степном крае». По новому законодательству основой земской системы становилось волостное земство, получившее всю полноту власти на местах. Выборы в земство проводились на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всеми жителями волости, достигшими 20-летнего возраста [Яковлева 2003: 435].

К примеру, в ведении волостных земских учреждений находились: заведование имуществом; устройство продовольственных лавок и пекарен, содействие возникновению потребительских обществ; строительство и содержание в исправности дорог, мостов и переправ; попечение о народном образовании, устройство и содержание училищ, библиотек, книжной торговли; устройство и содержание лечебных учреждений; участие в мероприятиях по улучшению санитарных условий жизни населения; устройство приютов, богаделен и т. д.; предупреждение и тушение пожаров; предупреждение падежа скота, организация ветеринарной помощи; содействие развитию земледелия, промышленности, торговли; принятие мер по охране полей, лесов, лугов; оказание юридической помощи населению; охрана общественного порядка и безопасности; исполнение государственных и земских повинностей, законных распоряжений правительственных и общественных учреждений и др. Аналогичные вопросы, но на своем уровне, решали уездные и губернские земства. Надзор за деятельностью губернских, уездных и волостных земств осуществляли губернские и уездные комиссары [Емельянов 1997: 144, 145, 148].

Для организации выборов в Бийском уезде создавались уездная и волостные избирательные комиссии. Уездная избирательная комиссия начала работу 1 июля. Сибирские исследователи отмечали равнодушие, настороженность и даже враждебность крестьян к новым органам власти, выборы в которые значительно затянулись, и земские учреждения были созданы далеко не везде. В Горном Алтае, в отличие от других регионов Сибири, выборы в земства прошли во всех волостях [Иванцова 1992: 28-29; Она же, 1996: 35]. В частности,

в сохранившихся анкетных листах по 19 волостям Горного Алтая можно установить, что в августе земство было учреждено в 8 волостях, в сентябре – в 6, в октябре – в 1 (в остальных четырех анкетных листах данные не указаны) [Яковлева 1989: 10].

Важным правительственным учреждением стали земельные комитеты. Они создавались по постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г. «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием» [ГААК. Ф. Д–229. Оп. 1. Д. 1. Л. 12].

25-27 июня 1917 г. в г. Бийске состоялся съезд представителей от волостей, созванных для учреждения земельных комитетов. Съезд пришел к выводу, что земельный вопрос должно решить Учредительное собрание. Он осудил самовольные земельные захваты и лесные порубки и сформировал уездный земельный комитет и управу, председателем которой был выбран эсер А.А. Лутохин. После съезда начали активно создаваться земельные комитеты на местах. Большая часть волостных земельных комитетов Бийского уезда (46 из 63) образовалась в июле 1917 г. 24 июля приступил к работе Алтайский губернский земельный комитет, а 25 июля начала функционировать губернская земельная управа [Майдурова 2002: 62, 63; Иванцова 1992: 21].

На состоявшейся во второй декаде июля первой сессии Алтайского губернского земельного комитета были разработаны обязательные постановления, касающиеся земельного и лесного вопроса. Земельный комитет принял решение воспретить «всякие самовольные захваты земель, самовольное пользование и всякие самочинные решения земельных нужд». Разрешалось с согласия местных земельных комитетов распределять между нуждающимся населением (на один год без права застройки) пустующие земли «кому бы они не принадлежали и в чьем бы пользовании не находились». Земля распределялась на уравнительных началах в первую очередь между безземельными и малоземельными гражданами. Губернский комитет запретил уездным и волостным комитетам, а также населению самостоятельно устанавливать какие-либо правила для бесплатного отпуска леса [Майдурова 2002: 64]. Таким образом, характер решений как уездного, так и губернского земельных комитетов свидетельствует о том, что местные власти последовательно проводили на Алтае политику Временного правительства в аграрной сфере.

Все вышеперечисленные учреждения власти и управления относились к органам диктатуры буржуазии и составляли, так называемый, первый блок сложившейся в 1917 г. системы двоевластия. Неоднозначная оценка существует лишь относительно низовых крестьянских комитетов и земельных комитетов. Е.Н. Бабилова, Э.М. Щагин, Э.Ш. Хазиахметов полагают, что волостные и сельские крестьянские комитеты, а также земельные комитеты этого же уровня (Л.И. Боженко, Н.Ф. Иванцова) являлись не буржуазными, а революционно-демократическими учреждениями, которые по мере развития революции превращались в органы сплочения и революционной борьбы масс [Горюшкин 1980: 20; Иванцова 1992: 5-6, 26-27; Зыкова 1987: 51].

К органам диктатуры пролетариата и крестьянства относились созданные в ходе Февральской революции и после нее рабочие, крестьянские, солдатские Советы, а также профессиональные союзы, Красная гвардия и др. Совет солдатских депутатов был сформирован в г. Бийске 28 марта, 31 марта возник Совет рабочих депутатов. Представители этих Советов вошли в состав Бийского исполнительного комитета. 30 апреля 1917 г. на общем заседании Бийского уездного народного собрания и уездного продовольственного комитета был сформирован Временный Совет крестьянских депутатов, в который вошло 7 человек от разных волостей уезда. 25-27 июня на съезде представителей Советов крестьянских депутатов уезда, созданных к этому времени, и земельных комитетов был сформирован уездный Совет крестьянских депутатов [Демидов 1970: 23; Кордонский 1973: 37, 38; Октябрь в Сибири ... 1987: 103, 104].

Такое явление, как двоевластие, характерное для рассматриваемого периода, имело большие особенности в Горном Алтае. Дело в том, что Советы здесь долгое время не создавались. Только 1 октября в с. Чемал был организован Совет крестьянских депутатов, который представлял также интересы жителей с. Эликманар (ныне – Элекмонар). Раньше 4 октября возник Онгудайский сельский Совет крестьянских депутатов. В газете «Свободный Алтай» за это число сообщалось, что уездный Совет получил от него пожертвования в сумме 85 руб. Сведений о создании других Советов на территории Горного Алтая до захвата власти большевиками пока не обнаружено [Майдурова 2002: 56-58]. Отсутствие Советов в регионе объяснялось как отдаленностью

Горного Алтая от политических центров, малочисленностью и преимущественно кочевым составом его населения, отсутствием здесь партийных организаций социалистов, по инициативе которых Советы часто возникали, так и тем, что существующий здесь орган местного самоуправления (Горная дума) поддерживала официальные органы власти и управления, созданные Временным правительством.

Алтайская Горная дума: создание, основные направления деятельности. Февральская революция значительно активизировала национальное движение в стране. К этому времени в национальной алтайской среде сформировался слой образованных людей, которые смогли сформулировать политические, хозяйственные, культурные задачи, способствовавшие улучшению жизни своих соплеменников. Как правило, это были лица, проходившие обучение в системе Алтайской духовной миссии (Улалинское миссионерское и Бийское катехизаторское училища). Так, известный алтайский художник и общественно-политический деятель Г.И. Чорос-Гуркин (1870-1937 гг.) получил начальное образование в миссионерской школе. В 1897-1898 гг. он обучался у И.И. Шишкина, спустя год был принят в Академию художеств по классу профессора А.А. Киселева. В 1917 г. он включился в политическую деятельность [Эдоков 1994].

Большое влияние на формирование гражданских и политических взглядов Г.И. Чорос-Гуркина (такое написание фамилии обусловлено его принадлежностью роду чорос), а также первого поколения национальной алтайской интеллигенции оказали известные общественные деятели Сибири: писатели, художники, ученые, естествоиспытатели, издатели. С Г.И. Чорос-Гуркиным поддерживали общение, бывали у него в гостях в с. Аносе ученые-этнографы Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов, писатели Г.Д. Гребенщиков, В.Я. Шишков, Г.Д. Вяткин, В.Я. Зазубрин и другие. Все они исповедовали идеи областничества и неонародничества, многие из них стали видными представителями партии эсеров в Сибири. Они нередко оказывали содействие перспективной молодежи из числа алтайцев. Так, В.Т. Петров (Тибер-Петров), преемник Г.И. Чорос-Гуркина на посту председателя Каракорум-Алтайской управы, возникшей в 1918 г., поступил в Томский университет на медицинский факультет во многом благодаря содействию и рекомендациям Г.Н. Потанина [Письма Потанина 1991: 76-77].

В исследовательской литературе утвердилось мнение, что Г.И. Чорос-Гуркин и его сподвижники ориентировались на партии социалистической и демократической направленности, в первую очередь эсеров. Значительное влияние на их взгляды оказали областники. Основные идеи областничества – государственное устройство на основе демократических ценностей, равноправие наций, предоставление малым народам возможности развития своей культуры и государственности в рамках автономии, стали отправными пунктами в разработке требований по национальному вопросу, которые были обозначены представителями алтайского народа на сессии Томского губернского народного собрания. Сессия проходила с 20 апреля по 18 мая 1917 г. в г. Томске. На ней обсуждалось более 20 вопросов, в том числе «Вопрос об инородцах».

В тезисах, озвученных на народном собрании алтайской делегацией, помимо чисто экономических предложений содержалась просьба одобрить и разрешить созыв в Бийске к 1 июня (или 10 с. г.) съезда представителей алтайцев Бийского и Кузнецкого уездов [Майдурова 2002: 27-28]. Сессия губернского народного собрания согласилась с необходимостью организации такого съезда.

Съезд представителей инородческих волостей Алтая состоялся 1-6 июля 1917 г. в г. Бийске. На нем присутствовало более 60 делегатов от двух десятков волостей Бийского и Кузнецкого уездов. На съезде обсуждались такие вопросы, как подготовка к выборам в Учредительное собрание, аграрный вопрос, о нуждах народного образования, о кооперации, об образовании милиции др. Главным все же был вопрос «об организации алтайского местного самоуправления». Съезд решил назвать орган местного управления инородцев Бийского и Кузнецкого уездов Алтайской Горной думой. Она должна была состоять из 14 отделов. Вначале предполагалось сформировать административно-судебный и финансовый отделы, а остальные открывать по мере возможности. Всего удалось создать пять отделов: земельная управа, финансовый, административно-судебный, народного образования, продовольственно-экономический. Определение волостей, которые войдут в сферу управления Алтайской Горной думы, она должна была провести после разъяснительной работы среди населения Горного Алтая.

Членами Горной думы на съезде были выбраны Г.И. Чорос-Гуркин, ставший ее председателем, С.С. Борисов, Д.М. Тобоков, К. Егуеков, кандидатами в члены Думы – А.Н. Козлов, С. Такачаков,

Н.Я. Никифоров, В.К. Манеев, И.М. Тобоков. Общепризнанный лидер областников Г. Н. Потанин стал почетным членом Алтайской Горной думы. Штат Горной думы был определен съездом в 23 чел. Предполагалось создать Кузнецкий отдел в составе 3 чел., которые имели право решающего голоса на заседаниях Думы. Резиденция Алтайской Горной думы располагалась в г. Бийске [Майдурова 2002: 29, 36, 37]. Созданному на съезде органу самоуправления предстояло наладить связи с официально существующими структурами власти и управления, с политическими партиями и общественными организациями, обозначить свои партийные симпатии и отношение к политике Временного правительства, а главное – добиться выделения территории Горного Алтая в самостоятельную административную единицу. Именно последний вопрос стал определяющим во всей деятельности Думы.

Вопрос о самоопределении алтайского народа, о выделении из Бийского уезда Алтайской губернии (образована в июне 1917 г.) и создании самостоятельной административной единицы решался сложно и претерпел существенные изменения [Майдурова 2002: 41, 42].

24 августа 1917 г. Горная дума предложила волостным исполнительным комитетам срочно обсудить на народных собраниях вопрос о том, в чьем ведении желает остаться та или иная волость: Алтайской Горной думы или Бийского уездного исполнительного комитета. Обсуждение данного вопроса привело к возникновению различных слухов, обострило отношения между русскими и алтайцами, особенно в волостях со смешанным населением. Предложенная горнодумцами форма самоопределения вызвала недовольство русского населения, критически отнеслись к идее создания национально-обособленной административной единицы и деятели местных органов власти.

Мнение Горной думы во многом изменилось под влиянием Министерства внутренних дел, куда она неоднократно обращалась. Известно, что позднее 8 октября 1917 г. Г.И. Чорос-Гуркин вместе с делопроизводителем административно-судебного отдела и секретарем Думы П.К. Семеновым уехал в Петроград. 22 октября они отправили в Барнаул П.Е. Семьянову телеграмму следующего содержания: «Образование в Чемале Алтайского уезда министерством признано желательным. Первому Бийскому земскому собранию, чрез губернского комиссара, предложено указать волости, которые войдут в новый уезд, затем обсудить

этот вопрос должно губернское собрание. Просим Вас, Петрова, Борисова выехать на Бийское собрание, чтобы принять меры во избежание чересполосицы, включить в новый уезд русские волости, расположенные среди инородцев. До образования нового уезда Дума существует. Чорос-Гуркин, Семенов» [Майдурова 2002: 48].

Столкнувшись с неприятием частью населения идеи создания национально обособленных волостей и объединением их затем в самостоятельную административную единицу, а также с отрицательной позицией центральной власти к такой форме самоопределения, Алтайская Горная дума решила выделить Горный Алтай в уездную земскую единицу без различия национальностей. Это произошло в октябре 1917 г.

Горная дума издала несколько обращений к населению, распоряжений волостным органам управления и других документов, где призывала население к спокойствию и взаимопониманию. Был опубликован циркуляр, в котором говорилось, что «выделение некоторых волостей Бийского и Кузнецкого уездов в самостоятельный Горно-Алтайский уезд преследует исключительно удобства жителей горного края, без их национального разделения». Некоторым русским волостям как Шебалинская, Озеро-Куреевская, Сузопская и Макарьевская, которые вклинились в инородческие волости, во избежание чересполосицы, было предложено войти в новый уезд. В то же время инородческим волостям Телеутской, Баяновской (Кузнецкого уезда), Быстрианской и Сарасинской (Бийского уезда), во избежание чересполосицы, рекомендовалось остаться в своих уездах.

Таким образом, к моменту перехода власти к большевикам, Алтайская Горная дума определилась с формой самоопределения алтайского народа и сумела добиться признания необходимости такого самоопределения Бийским уездным исполнительным комитетом, с которым Дума поддерживала постоянные связи. Активно сотрудничала она и с губернским исполнительным комитетом. Так, во второй декаде июля 1917 г. представители Алтайской Горной думы Г.И. Чорос-Гуркин, В.Т. Тибер-Петров, Д.М. Тобоков, С.С. Борисов приняли участие в работе сессии временного Алтайского губернского народного собрания. В сформированный на сессии губернский исполнительный комитет вошел С.С. Борисов. Своим постановлением от 28 августа 1917 г. Алтайский губернский исполком утвердил образование Горной думы [Майдурова 2002: 44, 45, 48].

Алтайская Горная дума поддерживала мероприятия Временного правительства, активно участвовала в подготовке выборов в земства. Во время работы съезда представителей инородческих волостей Алтая, в июле 1917 г., два его делегата вошли в состав уездной избирательной комиссии. Представители Горной думы участвовали в работе уездного и губернского земских собраний, которые открыли свои заседания уже после захвата власти большевиками.

Поддержала она также решение о создании земельных комитетов. Правда, предложенные Горной думой организационные мероприятия в этом вопросе не нашли одобрения у вышестоящих земельных органов. Известно, что в составе Горной думы была выбрана своя земельная управа в составе Н.Я. Никифорова, А.Н. Козлова и А.П. Торбокова, которой поручалось «собрать материалы по земельному вопросу в Горном Алтае» [Майдурова 2002: 43, 63]. 25 июля Горная дума направила С.С. Борисова в качестве своего представителя в Алтайский губернский земельный комитет.

Острая дискуссия о целесообразности образования земельной управы в Горном Алтае и решениях инородческого съезда по аграрному вопросу возникла на первой сессии Алтайского губернского земельного комитета после сообщения Г.И. Чорос-Гуркина. В резолюции, принятой по этому сообщению, говорилось, что такие решения, как «весь Горный Алтай – инородцам; воспрещение переселения в Алтай русских; уничтожение аренды; передача инородцам монастырских земель, всех доходов земельных и лесных; возврат арендных денег за прежние годы на нужды развития и просвещения» создают исключительные условия для немногочисленной по своему составу группы инородцев перед всем населением губернии. Была выражена надежда, «что инородцы по всем вопросам, касающимся земли и леса, примкнут к общей организации земельных комитетов, дав своих представителей в Бийский уездный земельный комитет», и при решении этих вопросов признают руководство губернского комитета [Майдурова 2002: 64; От уезда к республике ... 2001: 14].

После первой сессии губернского земельного комитета Алтайская Горная дума продолжала настаивать на необходимости утверждения самостоятельной инородческой земельной управы, как перед губернским комитетом, так и перед Главным земельным

комитетом (ходатайство от 18 августа 1917 г.) и снова получила отказ. Вопрос этот вновь обсуждался на третьей сессии Алтайского губернского земельного комитета, проходившей в первой декаде октября 1917 г. В дискуссии приняли участие представитель Министерства земледелия эсер К.М. Рычков, председатель Бийской уездной земельной управы эсер А.А. Лутохин, член Барнаульского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевик П.В. Лаврентьев, меньшевик В.П. Монюшко и др. Если К.М. Рычков не видел ничего «вредного и незаконного» в том, что при Алтайской Горной думе образовался земельный отдел, поставившей своей целью «собрание и подготовку материала для предстоящей земельной реформы», то другие участники дискуссии высказались как против этого отдела, так и предложений Думы по аграрному вопросу. В частности, А.А. Лутохин говорил: «если у земельного отдела Алтайской горной думы нет притязаний на юридически самостоятельное правомочное учреждение, как уездный земельный комитет, то недоразумений быть может и не будет, но если Горной думе будут даны полномочия земельных комитетов, то существование двух одинаковых учреждений в уезде не желательно и приведет к неизбежным столкновениям и конфликтам». В.П. Монюшко подчеркнул, что аграрные требования, выработанные съездом представителей инородческих волостей Алтая, идут в ущерб всему инородческому населению региона. По результатам дискуссии была принята резолюция, предлагавшая ввести одного инородца в члены Бийской уездной земельной управы. Это свидетельствовало о том, что Алтайской Горной думе не удалось добиться официального признания своей земельной управы [Майдурова 2002: 65].

Таким образом, Алтайская Горная дума активно сотрудничала со всеми структурами официальной власти и управления, созданными Временным правительством. Поддерживала она связи и с Советами. Так, в работе съезда представителей инородческих волостей Алтая принимали участие члены Бийского уездного Совета крестьянских депутатов Витович и Чукаев и Бийского Совета рабочих и солдатских депутатов А.А. Высоцкий. Выступая на съезде, Г.И. Чорос-Гуркин призвал крестьянский Совет к совместной дружной работе с Алтайской Горной думой. Хотя съезд не принял никакого решения относительно создания Советов, но представители Алтайской Горной думы Н.Я. Никифоров и Д.М. Тобоков позднее были делегированы в Советы г. Бийска [Майдурова 2002: 30, 38,

57]. Созданный же в начале октября 1917 г. Чемальский Совет крестьянских депутатов сразу же дистанцировался от Алтайской Горной думы, считая, «что стремление алтайцев к самоуправлению носит определенный сепаратный и враждебный характер» [Демидов 1970: 30; Свободный Алтай 1917].

Что касается партийно-политических симпатий Алтайской Горной думы, то они были на стороне социалистов-революционеров и областников. Так, при обсуждении вопроса о подготовке к выборам в Учредительное собрание съезд представителей инородческих волостей Алтая рекомендовал в него врача В.Т. Тибер-Петрова. Однако на последнем шестом заседании съезда было рассмотрено предложение о «выборе дополнительно двух лиц, в качестве кандидатов от алтайских инородцев на выборах в Учредительное собрание, на тот случай, если кандидатура В.Т. Тибер-Петрова будет признана неприемлемой для включения в список партии социалистов-революционеров, с которой решено вступить в соглашение» [Майдурова 2002: 32]. В качестве дополнительных кандидатов единогласно были намечены эсеры М.Б. Шатилов и С.П. Швецов.

7 августа 1917 г. на заседании Горной думы был заслушан вопрос о делегировании ее представителей в Барнаульский комитет эсеров для решения вопроса о кандидатах в Учредительное собрание. Постановили послать в Барнаул Л.А. Конзычакова, Г.М. Токмашева и И.А. Евсенина. А через два дня в Барнаул на конференцию социалистов-революционеров было решено отправить И.А. Евсенина и Н.Я. Никифорова, «поручив им добиваться включения в избирательные списки социалистов-революционеров кандидата от населения Алтая» [Майдурова 2002: 60]. Переговоры Горной думы с эсерами относительно представителя от алтайского народа в Учредительное собрание завершились утверждением кандидатуры М.Б. Шатилова. 28 августа Барнаульский комитет партии социалистов-революционеров прислал сообщение, что эсеры «выставленного от инородцев кандидата Шатилова проводят по своему списку в числе первых. Надо полагать, говорилось в сообщении, что это может вполне обеспечить инородцев, и их кандидат должен пройти в Учредительное собрание». 9 сентября Алтайская Горная дума приняла обращение к населению, где напомнила, что на съезде 1-6 июля в качестве кандидатов в Учредительное собрание был намечен В.Т. Тибер-Петров и

дополнительно к нему М.Б. Шатилов и С.П. Швецов. Конференция партии социалистов-революционеров не включила в свой список В.Т. Тибер-Петрова, так как он не состоял в партии социалистов-революционеров. Поэтому Горная дума остановилась на кандидатуре эсера М.Б. Шатилова. В обращении говорилось, что «гражданин Шатилов достаточно известен, как один из честных и неутомимых борцов за права угнетенных народностей, как революционный деятель, который всю свою жизнь отдает борьбе за лучшее будущее нашей общей Родины». Горная дума призывала население отдать свои голоса за М.Б. Шатилова [Майдурова 2002: 61].

При выборах в Учредительное собрание население Горного Алтая отдало предпочтение партии эсеров (по сведениям Алтайской Горной думы, «80 % инородчества Алтая подали свой голос за список партии социалистов-революционеров»), и М.Б. Шатилов прошел в него [ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 9].

Алтайские национальные лидеры поддерживали идею создания Сибирской областной думы, которой, наряду с губернскими властями, по их мнению, должна была подчиняться Алтайская Горная дума. В начале августа 1917 г. А. Кульджин, В.Т. Тибер-Петров, А.И. Побызакوف приняли участие в работе форума областников в г. Томске, получившего название Сибирской конференции общественных организаций. Они заявили себя сторонниками устройства Российского государства на федеративных началах. Известно, что конференция избрала Сибирский организационный комитет, в обязанности которого входила подготовка и созыв съезда представителей губерний и областей Сибири для обсуждения вопроса об автономном устройстве Сибири и выработки соответствующего законопроекта, подлежащего внесению в Учредительное собрание. От Алтайской Горной думы в организационный комитет вошел А.И. Побызакوف.

8-17 октября 1917 г. в г. Томске состоялся первый Сибирский областной съезд. Интересы Алтайской Горной думы на съезде представляли В.Т. Тибер-Петров, С.С. Борисов, М.Б. Шатилов. С.С. Борисов вошел в состав Сибирского областного совета, сформированного на съезде [Майдурова 2002: 44, 45, 48, 49]. Активные связи поддерживали горнодумцы с областниками и после захвата власти большевистской партией.

Наряду с политическими вопросами, которые, безусловно, стали определяющими в деятельности Алтайской Горной думы,

она решала хозяйственные, социальные проблемы своего времени: заботилась о снабжении охотников боеприпасами, рассматривала обращения населения о разрешении бесплатной пастьбы скота и уменьшении налогов, начала продумывать систему преобразований в области культуры и образования и др. По ее инициативе готовился съезд учителей, собирались сведения о состоянии школ в Горном Алтае. Отдел народного образования Думы разработал и разослал анкету, в которой содержались вопросы о количестве учеников, наличии библиотек, учебников и учебных пособий, о количестве сел в волостях, где не было школ, о желании сельских обществ построить интернаты при школах и др. Было подготовлено обращение к Обер-Прокурору Святейшего Синода и Министру народного просвещения с просьбой передать Бийское катехизаторское училище в ведение Горной Думы с целью его преобразования в учительскую семинарию [Майдурова 2002: 68]. Учителя-алтайцы приняли участие в учительском съезде Бийского уезда, состоявшемся в начале августа 1917 г. Съезд принял решение вести преподавание в алтайских школах на родном языке, в случае открытия в Бийске учительской семинарии создать особое отделение для подготовки учителей-алтайцев. Был выбран уездный комитет по народному образованию, при формировании которого учителя-алтайцы решили выделиться в инородческую секцию [Съезды, конференции и совещания 1992: 38, 39].

Алтайская Горная дума содействовала организации культурно-просветительных обществ на территории региона и старалась контролировать их деятельность. Понимая огромную значимость издательской и книготорговой деятельности, она стала пайщиком типографии «Народовластие» и магазина земства «Бийская книготорговля», внося в оба учреждения по 500 руб.

Горная дума начала формировать библиотеку, закупала для нее книги, в частности, из магазина П. Макушина в Томске. Она неоднократно обращалась к населению с просьбой оказать содействие в решении данной проблемы. Было положено начало формированию фондов будущего краеведческого музея. Председатель Думы Г.И. Чорос-Гуркин вел переговоры с Н.С. Гуляевым по поводу приобретения у него архивных материалов, исторической библиотеки и археологического музея [Майдурова 2002: 69, 70].

Таким образом, в феврале-октябре 1917 г. Горный Алтай переживал те же процессы, что и страна в целом. На смену

старым учреждениям пришли новые органы власти и управления: правительственные комиссары, исполнительные комитеты, земства, земельные комитеты и др. Шла подготовка к выборам в Учредительное собрание, которое должно было решить все насущные вопросы жизни страны.

Наряду с правительственными учреждениями существовали организации, созданные по инициативе населения и политических партий. Характерной особенностью Горного Алтая было то, что Советы здесь практически не были созданы. Однако в регионе возникла другая общественная структура, которая фактически стала органом местной власти и управления – Алтайская Горная дума. Об ее властных функциях свидетельствует тот факт, что большая часть инородческих волостей Горного Алтая поддерживала Горную думу, а волостные исполкомы и земства выполняли ее распоряжения. Алтайская Горная дума активно сотрудничала с местными органами власти, созданными Временным правительством, уездным Советом крестьянских депутатов, партией эсеров и областниками. Ее главной целью было добиться выделения Горного Алтая в самостоятельную административную единицу. Хотя решить эту проблему в 1917 г. не удалось, но сама постановка данной задачи четко обозначила социально-экономические, культурные, политические нужды региона, которые предстояло решить в будущем. Более результативными стали в этом году мероприятия, осуществленные Горной думой в области культуры и образования.

1.1.2. Горный Алтай в октябре 1917 – мае 1918 гг.

Создание Советов. Вооруженное восстание в Петрограде в октябре 1917 г., низложение Временного правительства, решение Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о переходе власти к Советам по всей стране, формирование на съезде нового правительства – Совета народных комиссаров знаменовали приход к власти партии большевиков и начало нового периода в истории России.

В Сибири начался процесс признания и установления власти Советов. Так, 6 декабря 1917 г. исполком Барнаульского Совета передал своим приказом власть в городе в руки Советов. В начале декабря внеочередное собрание губернского Совета крестьянских депутатов заявило, что оно «всецело присоединяется к платформе Петроградского Совета и ЦИК» [Иванцова 1995: 28].

В уездном городе Бийске местный Совет вначале принял решение о передаче власти не Советам, а Учредительному собранию. Это произошло 10 декабря 1917 г. В последующем вопрос о власти неоднократно обсуждался на заседаниях Совета. Лишь 21 января 1918 г. большевикам удалось добиться отмены постановления от 10 декабря, и была принята резолюция о признании власти Совета народных комиссаров. Председателем исполкома стал большевик З. Двойных. Обращение к населению уезда объявляло об установлении советской власти [Иванцова 1995: 29].

В исследовательской литературе существует несколько точек зрения относительно сроков установления советской власти. До середины 1960-х гг. XX в. бытовало мнение, что советская власть установилась в сибирской деревне в конце февраля 1918 г. К 1980-м гг. доминирующим стало убеждение, что советизация деревни Западной Сибири в основном завершилась к апрелю. Позднее сибирские историки пришли к выводу, что «между признанием советской власти и реальным установлением власти Советов на местах – дистанция огромного размера», а с установлением советской власти в губернских и уездных центрах массовое строительство Советов на волостном и сельском уровнях не завершилось, а только началось [Шишкин 1987: 11, 12]. В целом же в Западной Сибири к июню 1918 г. Советы были образованы в 60-70 % волостных центров, 4-5 % сел региона [Иванцова 1993: 187].

Если говорить о Горном Алтае, то и здесь произошла переоценка мнений относительно сроков массового создания Советов и окончательной советизации деревни. Так, до середины 1980-х гг. доминировало мнение, что советизация в Горном Алтае завершилась к концу марта 1918 г. Более детальное изучение проблемы позволило установить, что советизация горно-алтайской деревни даже к моменту временного падения советской власти в Сибири охватила лишь 19 волостей из 28 и не более десятой части сел. Причем, 80 % Советов представляли собой переименованные земства. Так, были созданы Шебалинский, Чемальский, Горно-Онгудайский, Черно-Ануйский, Катандинский и др. волостные Советы, сельские советы – в Чемале, Онгудае, Шебалино, Улале, Карасуке, Майме-Чергачаке, Ильинском (Ильинке), Туекте (Туэкте), Сайдысе, Паспауле, Мыюте и др. [Иванцова 1995: 24, 26, 55; Майдурова 2002: 72, 73].

Переход власти в руки Советов в столице, решение о повсеместном создании Советов на местах вначале не нашло

безоговорочной поддержки у органа местного самоуправления – Алтайской Горной думы. Последняя продолжала ориентироваться на созданные в период деятельности Временного правительства земские учреждения и предстоящее Учредительное собрание. Да и сами Советы, признавая советскую власть, нередко ставили это в зависимость от окончательного решения данного вопроса Учредительным собранием.

Спустя три недели после прихода большевиков к власти в центре страны, состоялось первое чрезвычайное земское собрание Бийского уезда, в котором активное участие приняли представители Алтайской Горной думы. В резолюции по политическому моменту, принятой собранием 21 ноября, выражалась надежда на то, что земские учреждения приложат все усилия «к поддержанию спокойствия и порядка на местах, без которого не может быть успешной работы Учредительного собрания», осуждался террор, применяемый большевиками. Помимо резолюции по политическому моменту собрание рассмотрело много других вопросов: сформировало уездную земскую управу, рассмотрело проект сметы уездного земства на 1918 г., избрало делегатов в губернское земское собрание и др. [Майдурова 2002: 123, 124].

Как известно, 2 ноября 1917 г. был принят декрет советской власти «Декларация прав народов России», в котором содержались следующие требования: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Данное решение советской власти вполне отвечало чаяниям горнодумцев.

Лидер Алтайской Горной думы Г.И. Чорос-Гуркин выступил с приветствием в адрес чрезвычайного земского собрания, где выразил надежду, что оно вынесет решение об образовании особого Горно-Алтайского уезда. 22 ноября 1917 г. был заслушан доклад секретаря Думы П.И. Вильдгрубе о предоставлении инородцам права образовывать такой уезд. Собрание приняло следующее постановление: «Не имея в принципе препятствий к образованию из горной части Бийского уезда особого Горно-Алтайского уезда, Бийское уездное земское собрание вопрос о границах этого уезда

откладывает до решения очередного земского собрания, после опроса населения заинтересованных волостей» [Майдурова 2002: 50].

Первое очередное Бийское уездное земское собрание состоялось во второй декаде января 1918 г. На нем Г.И. Чорос-Гуркин сделал доклад, в котором сообщил о результатах работы, проведенной Думой после чрезвычайного уездного земского собрания. Опрос населения Горного Алтая показал, что 71888 чел. (17 волостей и 14 сел) высказались за выделение Горно-Алтайского уезда и 7924 чел. (две волости и 13 сел) – против. За выделение – Тайнинская, Нижне-Кумандинская, Чибитская, Мьютинская, Келейская, Чемальская, Онгудайская, Улалинская, Кош-Агачская, Урсуло-Кеньгинская, Быстрианская, Горно-Онгудайская, Уймонская, Усть-Канская, Верх-Бийская, Улаганская, Паспаульская волости, против – Сузопская и Шебалинская волости. Успенская волость воздержалась от присылки приговора. Докладчик вновь обосновал практическую целесообразность выделения Горного Алтая в самостоятельный уезд и просил утвердить его границы. Земское собрание вновь отложило решение данного вопроса. В ответ на это 12 января Горная дума выступила с заявлением, где оповестила, что инородческое население Горного Алтая объединяется в самостоятельную национальную единицу и «с пути краевого переходит на путь национального объединения», беря решение вопроса о самоуправлении в свои руки [ГААК. Ф. 225. Оп. 1. Д. 27. Л. 23, 24; Майдурова 2002: 54].

После того как Бийское уездное земское собрание вторично отклонило решение вопроса о самоопределении населения Горного Алтая, Алтайская Горная дума переориентировалась на Советы. 12 января 1918 г. она отправила в исполком Бийского Совдепа просьбу дать указания относительно организации Советов на местах. На следующий день волостным земским управам было разослано распоряжение, где сообщалось, что уездное земское собрание не решило вопрос о самоопределении алтайцев, поэтому Горная дума объявила территориально-национальное выделение населения Алтая явочным порядком. Управам предлагалось разъяснить населению сложившуюся ситуацию и выбрать делегатов на созываемый 20 февраля в с. Улала Учредительный краевой инородческий съезд. Признав советскую власть, Алтайская

Горная дума именно на Советы делала теперь ставку в решении национального вопроса. 24 января, командирова своего представителя на губернский съезд Советов крестьянских депутатов, Горная дума поручила ему поставить там вопрос о самоопределении алтайцев [Майдурова 2002: 55, 59].

В январе 1918 г. Губернский исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил упразднить губернское и уездные земства, а 25 февраля было распущено чрезвычайное губернское земское собрание, открывшее свою работу 19 февраля для решения вопроса о власти и в знак протеста против постановления исполкома [Яковлева 2003: 437, 438].

Образование Каракорум-Алтайской окружной управы. Учредительный Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов проходил в с. Улала с 6 по 12 марта (21-27 февраля по старому стилю). Эта дата, отмеченная в работе Л.П. Мамета [Мамет 1994: 75], прочно закрепилась в исторической литературе, хотя в официальных документах Каракорум-Алтайской окружной управы, вышедших после съезда, указана другая дата: 5-13 марта (20-28 февраля по ст. стилю) [ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 22. Л. 23; Д. 31. Л. 7; Д. 32. Л. 65].

На съезде присутствовало 112 делегатов, выбранных от сельских инородческих и крестьянских обществ. Представителей общественных и государственных организаций, приглашенных на съезд, насчитывалось 21 чел. Делегатам и приглашенным было дано равное право решающего голоса [Демидов 1991: 125; ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 31. Л. 10]. Социальный состав делегатов был разнообразным: богачи (А. Кульджин, Д. Тобоков и др.), священнослужители (Ст. Борисов, П. Сорокин), интеллигенты, т. е. врачи, учителя, исследователи, работники свободных профессий (Г. Чорос-Гуркин, В. Донец, В. Анучин и т. д.), крестьяне [Гордиенко 1931: 70]. Наряду с беспартийными были представлены социалисты-революционеры, меньшевики-интернационалисты, большевики [Иванцова 1995: 32].

Повестка съезда включала 9 вопросов: отчет Алтайской Горной думы о проделанной работе, доклады с мест, формирование комиссий из делегатов съезда и обсуждение их работы, отношение к центральной власти, обсуждение проблемы выделения Горного Алтая в самостоятельный округ и др. Съезд принял к сведению

доклад Алтайской Горной думы и выразил ей благодарность за проделанную работу. В восьми комиссиях, сформированных на съезде, обсуждались финансовые, экономические, социальные проблемы, а также вопросы развития образования, здравоохранения, кооперации и др.

Основной задачей съезда, безусловно, было обсуждение результатов работы административной комиссии, разрабатывавшей вопрос о выделении Горного Алтая в самостоятельный округ, а также форме и порядке управления им. В составе комиссии было 32 чел, в том числе четыре сотрудника Алтайской Горной думы: Д.М. Тобоков, В.К. Тюкин, Л.А. Конзычаков, В.Т. Фокин. Доклад по данному вопросу сделал В.И. Анучин. Он предложил выделить Горный Алтай не в уезд, как предполагалось ранее, а в округ. 7 марта 100 голосами, против 6 и 20 воздержавшихся, данное предложение было принято. Из состава Алтайской и Томской губерний выделялась горная часть, которая получала название Каракорум-Алтайский округ. Северная и западная границы округа определялись после опроса населения об его желании примкнуть к новой административной единице. Волости, изъявившие такое желание ранее, считались вошедшими в округ. Высшим органом управления становился окружной совет (Каракорум-Алтайский окружной совет), состоящий из депутатов, избранных демократическим путем сроком на три года. Каракорум-Алтайский окружной совет выбирал окружную управу (Каракорум-Алтайскую окружную управу) в составе пяти членов и трех кандидатов сроком на три года. Округ делился на волости, которые управлялись волостными советами. Последние выбирали волостные управы. Сельские общества управлялись сельскими советами, которые выбирали сельские управы.

Помимо решения о выделении самостоятельного Каракорум-Алтайского округа съезд наметил в будущем программу создания республики из земель, входивших некогда в состав государства Ойрат, а именно: «русский Алтай, земли Минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию». Предполагалось, что новая республика войдет составной частью в общероссийскую федерацию [Мамет 1994: 78-81; Майдурова 2002: 75-78]. Таким образом, в вопросе о самоопределении населения Горного Алтая данный учредительный съезд пошел дальше, чем предыдущий съезд представителей инородческих волостей Алтая, проходивший 1-6 июля 1917 г.

Решения съезда по аграрному вопросу были менее радикальными, чем принятые в июле 1917 г. Не было требования о передаче монастырских и церковно-школьных земель в неотъемлемое пользование инородцев Алтая. Мало того, Улалинский съезд оставил школьные земли в прежних размерах, земельный фонд (в размере действительной потребности хозяйства) оставлялся и Никольскому монастырю. Не было требования об отмене аренды, что противоречило как решениям Бийского съезда, так и «Декрету о земле». Съезд проявил осторожность и относительно определения формы пользования землей. Не было требования и об ее уравнительном распределении. Если Л.П. Мамет полагал, что решения Улалинского съезда по аграрному вопросу доказывали влияние на него байства, то Н.Ф. Иванцова объяснила причины таких решений сложившейся в регионе экономической, социальной и политической ситуацией, которая заставляла «проводить осторожную, гибкую линию в вопросах, связанных прежде всего с осуществлением декрета «О земле» [Иванцова 1995: 47; Мамет 1994: 83].

В области народного образования было принято решение об открытии новых школ и 13 интернатов. Церковно-приходские и миссионерские школы предлагалось включить в общую школьную сеть. В Улале и Онгуде планировалось открыть гимназии смешанного типа. Съезд также указал, что в области внешкольного образования необходимо открывать воскресные и вечерние школы для взрослых, организовать сельские народные читальни и библиотеки, всевозможные культурно-просветительные кружки и общества, создать свой печатный орган и др.

С целью защиты создаваемого нового округа и охраны порядка съезд постановил создать народную гвардию во главе с атаманом.

Было решено сформировать в первую очередь экономический (кооперативный) и фабрично-заводской (промышленный) отделы управы, принято решение о об учреждении Каракорум-Алтайского народного банка. Членами управы стали Г.И. Чорос-Гуркин (председатель), М.Б. Шатилов, В.К. Манеев, В.К. Тюкин, Д.А. Филатов. Кандидатами в члены управы – С.С. Борисов, С.И. Чорос-Гуркин и Я.К. Берсенев. Все, кроме Д.А. Филатова, С.И. Чорос-Гуркина и Я.К. Берсенева, ранее были активными членами Алтайской Горной думы. Всего Каракорум-Алтайская управа насчитывала чуть более 50 членов и служащих. Из 45 человек

(без гвардейцев) 16 – работали в свое время в Горной думе. Помимо экономического отдела (заведующий отделом А.Н. Плеханов) и фабрично-заводского (А.Ф. Мальцев) были сформированы земельно-лесной (Ф.Г. Мальнер), административный (Е.М. Катаев), отдел народного образования (народного просвещения – Н.Я. Никифоров) и отдел народного здравоохранения (В.М. Донец). Кроме отделов, в структуру Каракорум-Алтайской окружной управы входили ревизионная комиссия и комиссия по выделению волостей, народный банк (управляющий Е.Н. Скорик) и народная гвардия. С апреля 1918 г. документы Каракорум-Алтайской окружной управы стали выходить под грифом «Каракорум-Алтайская Окружная Народная Советская Управа» либо «Каракорум-Алтайский Окружной Совет крестьянских и инородческих депутатов Горного Алтая. К.А.О. Народная Советская Управа». Таким образом, к названию органа управления Горным Алтаем, принятом на съезде, были добавлены слова «советская» и «народная». Сразу же после съезда управа приняла ряд документов, в которых рекомендовалось создавать Советы в Горном Алтае, хотя взаимоотношения с некоторыми из них складывались весьма неоднозначно.

Каракорум-Алтайская окружная управа: основные направления деятельности, взаимоотношения с Советами. В исследовательской литературе сложились противоречивые мнения относительно решений Каракорум-Алтайской окружной управы об организации Советов на местах. Некоторые историки полагали, что эти решения были лишь уловкой, а на самом деле на местах ею создавались «лжесоветы» [*Кордонский* 1973: 57; *Демидов* 1991: 127]. Другие исследователи пришли к выводу, что, создавая Советы, управа действовала в тесном контакте с Алтайским губернским Советом и его исполкомом, трезво учитывая реальную ситуацию в стране и проявляя политическую гибкость [*Иванцова* 1995: 35]. Второе мнение нам представляется более верным. Известно много документов, в которых Каракорум-Алтайская окружная управа разъясняла необходимость создания Советов и их задачи, хотя, как уже говорилось ранее, к июню 1918 г. советизация деревни Горного Алтая осталась незначительной, продолжали существовать и земские учреждения. В апреле – мае 1918 г. здесь насчитывалось не менее десятка волостных земских управ: Кош-Агачская, Александровская, Алтын-Кольская, Келейская, Имеринская и др. Создаваемые же Советы чаще всего представляли собой переименованные земства [*Майдурова* 2002: 84, 85].

Принимая решения о создании Советов на территории Горного Алтая, Каракорум-Алтайская окружная управа главную свою задачу видела в определении границ нового округа и достижении признания его в качестве самостоятельной административной единицы органами советской власти. Вскоре после окончания Улалинского съезда Управа командировала в Барнаул в Алтайский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов И.Ф. Веронского и А.О. Бельского. Им поручалось информировать членов Совета о решениях Улалинского съезда [ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 21, 22]. 22 апреля 1918 г. губернский Совет поручил комиссии, в которую вошли три его члена (Усик, Толмачев, Громоздин), а также представители окружной управы (Н. Катаев, В. Фокин) выяснить суть дела. Комиссия пришла к выводу, что выделение Горного Алтая в самостоятельную административную единицу в составе Алтайской губернии с подчинением Каракорум-Алтайского Совдепа Алтайскому губернскому Совдепу очень желательно и необходимо. 27 апреля Алтайский губернский Совет признал территорию Каракорум-Алтайского округа самостоятельным уездом и предложил Бийскому Совету не вмешиваться в дела последнего [*Иванцова* 1995: 34; *Сатлаев* 1991: 6].

В отличие от губернского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов, Бийский совдеп высказал свое отрицательное отношение к Каракорум-Алтайской окружной управе и ее попыткам добиться признания самостоятельности Горного Алтая. Противостояние окружной управе выразилось в том, что Совет постоянно информировал вышестоящие органы власти о «контрреволюционности» окружной управы, посылал красногвардейские отряды на территорию Горного Алтая, угрожая расправой тем селам и волостям, которые пожелали войти в Каракорум-Алтайский округ, явился инициатором ряда вооруженных столкновений. В апреле-мае такие столкновения произошли в Мыютинской, Шебалинской, Быстринской волостях. Так, в Шебалинской волости конфликт произошел из-за того, что местный Совет под руководством В.И. Плетнева не желал присоединения волости к Каракорум-Алтайскому округу и призвал на помощь красногвардейцев Бийского совдепа, который по пути в Шебалино произвел расправу и в Мыютинской волости. Конфликт Каракорум-Алтайской окружной управы и Бийского

Совета в Быстрианской волости был связан также с нежеланием последнего признать стремление жителей волости присоединиться к Каракоруму. Были и другие причины, приведшие к конфликту. Управа была не согласна с некоторыми решениями местного Совета по аграрному вопросу в с. Мыюте, не устраивала ее и политика бессистемных контрибуций на зажиточную часть населения, практиковавшаяся Бийским Совдепом.

В разгоревшийся конфликт между окружной управой и Бийским Совдепом был вынужден вмешаться Запсибсовдеп. 14 мая в Горный Алтай из Омска выехал комиссар Г.К. Соболевский. Прибыв в с. Улала, он отправил 22 мая телеграмму в Бийск, где потребовал от Бийского Совдепа не посылать вооруженных отрядов в Горный Алтай. Другой была позиция Центросибири. В ответ на распространившиеся слухи, что Совнарком признал окружную управу, председатель Центросибири Н.Н. Яковлев послал в Москву телеграмму: «Верно ли, что вы признали за Каракорумской окружной управой инородцев Алтая права губсовдепа? Предупреждаем, что она организована контрреволюционными областническими элементами. Просим ответа. В будущем направляйте подобные дела нам». Получив ответ, Центросибирь предложила Томскому, Алтайскому и Бийскому Совдепам опубликовать сведения о том, что за Каракорумской окружной управой не признаны права губсовдепа. Вместе с тем, Центросибирь так же, как Алтайский и Западно-Сибирский Совдепы рекомендовал Бийскому Совету прекратить всякие вмешательства в дела окружной управы [Демидов 1991: 132-134]. Под давлением вышестоящих органов Советской власти Бийский Совдеп приостановил вооруженные выступления против окружной управы, хотя председатель Бийского совета З. Двойных, считал это неверным. Перемирие оказалось недолгим. В связи с выступлением чехословацкого военного корпуса и ликвидацией органов советской власти в крупных городах Сибири, 31 мая 1918 г. Каракорум-Алтайский округ объявлялся на положении чрезвычайной охраны. Началась новая страница в истории взаимоотношений окружной управы и Советов [Пахаев 1993: 132; Демидов 1987: 26; Майдунова 2002: 95].

Случаи конфликтов Каракорум-Алтайской окружной управы с Советами были все же исключением из общей конструктивной деятельности окружной управы.

Каракорум-Алтайской окружной управой был проведен целый комплекс мероприятий в области образования и культуры. Сразу

после мартовского съезда началась подготовка к съезду учителей, который намечался на 14 мая (состоялся в начале октября). На съезде предполагалось обсудить около двух десятков вопросов: организация учительского союза, учительской семинарии, родительских комитетов, переводы учебников на алтайский язык, разработка программ 1 и 2-х классов школ и др. В ходе подготовки к съезду шел сбор и анализ материала о положении школ. К августу 1918 г. в составленных списках значилось 6 двухклассных и 82 одноклассных школы. Наряду со съездом учителей планировалось провести учительские курсы, где намечалось рассмотреть историю педагогики, программу и методы новой школы и т. д. Особое внимание уделялось разработке методики преподавания алтайского языка и развитию национальной школы [Майдунова 2002: 96, 97].

Помимо школьного образования окружная управа занималась развитием сети внешкольных учреждений. Система внешкольного образования включала в себя стационарные и передвижные библиотеки и читальни, народные дома, местные музеи, воскресные и передвижные школы грамоты, культурно-просветительные общества и др. По неполным данным, в 1918 г. в Горном Алтае функционировало 36 внешкольных учреждений, 15 культурно-просветительных обществ. Культурно-просветительные общества устраивали народные чтения, литературные вечера, спектакли, изыскивали средства для покупки книг и создания библиотек, организовывали воскресные школы [Иванцова 1994: 45].

По инициативе отдела народного образования Каракорум-Алтайской окружной управы было проведено совещание с представителями творческой интеллигенции, где обсуждались вопросы создания собственного издательства, художественной школы и школы искусств. Была сформирована литературно-художественная комиссия в составе Г.И. Чорос-Гуркина, Н.Я. Никифорова, Б.Ф. Добрынина, М.Н. Яковлева и П.Г. Тупикова, задачей которой являлась подготовка первых изданий учебников и другой литературы [Майдунова 2002: 96].

Из других направлений деятельности Каракорум-Алтайской окружной управы необходимо отметить ее финансово-экономические мероприятия. Управа пыталась организовать сбор налогов на территории Горного Алтая, чем вызвала недовольство Бийского Совдепа, приняла решение о создании на базе монастырских хозяйств опытных полей и рассадников скота, об

ассигновании средств на создание трех заводов по переработке древесины, поставила перед губернскими властями вопрос о реконструкции Чуйского тракта. Управа стремилась улучшить продовольственное положение региона, его снабжение товарами народного потребления. В апреле 1918 г. окружная управа организовала закуп у населения сливочного масла и его обмен на порох и другие мануфактурные товары [Майдурова 2002: 98-101].

Таким образом, первые мероприятия Каракорум-Алтайской окружной управы в политической, культурной и экономической сферах обуславливались сложившейся ситуацией и имели взвешенный характер. Управа способствовала созданию Советов на местах. Решая главную задачу – образование самостоятельного Каракорум-Алтайского округа, она натолкнулась на непонимание и противодействие со стороны Бийского и ряда местных Советов. Не добившись официального признания Каракорум-Алтайского округа органами советской власти в Бийском уезде, политические лидеры окружной управы поддержали Сибирское временное правительство, пришедшее на смену Советов в результате «демократической контрреволюции».

1.2. Начало Гражданской войны. Свержение советской власти

Весной 1918 г. Россия стояла на пороге масштабной гражданской войны. Проводимая большевиками политика военного коммунизма обострила социально-экономическую ситуацию в стране, включая и отдаленные национальные окраины. Падение промышленного производства и обесценивание денежных средств привели к нарушению нормального товарооборота между городом и деревней.

К лету 1918 г. руководители Каракорум-Алтайской окружной управы испытали разочарование от опыта взаимодействия с местными органами советской власти, которые не оправдали их надежду в решении вопроса о национальном самоопределении Горного Алтая. К этому времени в регионе сгруппировались антибольшевистские силы, в первую очередь, в лице офицерства. Офицеры старой армии в большом количестве оказались в Горном Алтае после повсеместного установления в Сибири советской власти. Каракорум-Алтайской округ представлялся «островком

стабильности», где не было Советов рабочих и солдатских депутатов, и офицеры не подвергались преследованиям. Ввиду недостатка кадров и просто грамотных людей, офицеры работали в управе в качестве служащих на различных должностях.

Прямой вооруженный конфликт с бийскими большевиками в апреле-мае 1918 г. вынуждал офицерство к организации переворота, о чем они уже открыто говорили в неофициальной обстановке. Был выдвинут лозунг «Вся власть Учредительному собранию». При этом офицеры скрывали свои цели от Г.И. Чорос-Гуркина, который, по мнению военных, не играл ведущей роли в Каракорум-Алтайской управе, хотя являлся ее председателем. Позже они принижали его роль, отмечая нерешительность и попытки лавирования во взаимоотношениях с большевиками. По признанию одного из организаторов переворота, прапорщика В. Залесского, «после переворота национальные группы оказались в стороне и их ожидания самостоятельности были жестоко обмануты, так как власть осталась в руках пришлых офицерских групп» [Эдоков 1994: 119].

Успех переворота был невозможен без серьезной материальной поддержки. По данным Г.З. Иоффе, который опирается на свидетельства генерала А.Н. Гришина-Алмазова, в Сибири деньги для подпольных офицерских групп предоставляла кооперация [Иоффе 1983: 65]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Горном Алтае, где работу по привлечению денежных средств через служащих управы осуществляли сотрудники кооперативных обществ (Горно-Алтайский Союз, Бийский кредитный Союз и Районный кожевенный Комитет); они передали заговорщикам 200 тыс. руб. для покупки оружия и провианта [Каташев 2017: 38].

Восстание чехословацкого корпуса, начавшееся 26 мая 1918 г. на Транссибирской магистрали, нашло поддержку среди групп населения, недовольных политикой советской власти. В первый день выступления советская власть в г. Новониколаевске была свергнута. 8 июня 1918 г. Каракорум-Алтайская управа признала власть Западно-Сибирского комиссариата, который 30 июня был преобразован во Временное Сибирское правительство (ВСП) [Святогорье 2000: 45].

Для свержения советской власти организовывались вооруженные отряды из народной гвардии и добровольцев во главе с офицерами. При окружной управе была создана «следственная

комиссия», которая развернула работу по разъяснению «грабительской политики большевиков». Поручик Лукашевич стал начальником милиции, прапорщик А. Любимцев – комендантом Улалы [ГААК. Ф. Р-1533. Оп. 1. Д. 61. Л. 11].

Ликвидация Советов вылилась в насилия по отношению к сочувствующим советской власти. Поручик Лукашевич выехал в села Мыноту и Шебалино творить суд, выявлять оставшихся участников красногвардейского отряда, членов Совдепа и сочувствующих советской власти. В Мыноте арестовали 12 крестьян, после побоев расстреляли. В Шебалино, где были наиболее сильны позиции большевиков, расстреляли 20 человек за большевистские взгляды [ГААК. Ф. Р-1533. Оп. 1. Д. 32. Л. 23об., 24об.]. В ходе переворота подверглись аресту 85 чел., обвиненных в сочувствии большевикам [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 2. Л. 70об.].

Одновременно предпринимались меры по ликвидации красногвардейского отряда В.И. Плетнева. Отряд к тому времени возвращался в Горный Алтай после боев с чехословацкими войсками под Новониколаевском и на станции Алтайской. Красногвардейцы В.И. Плетнева предприняли действия для ликвидации крестьянского мятежа в предгорном волостном центре – селе Алтайском. Расходы на борьбу с красными отрядами легли на Алтайскую волостную и Каракорум-Алтайскую окружную управы [Каташев 2017: 40].

Между тем 15 июня под контроль вооруженных подразделений чехословацкого корпуса и Сибирской армии перешел Барнаул, а 20 июня – Бийск. При отступлении из Бийска группа партийных и советских работников во главе с председателем Бийского Совдепа З.Я. Двойных была арестована вооруженным отрядом окружной управы около с. Березовка. К концу июня 1918 г. Омская, Семипалатинская, Томская, Алтайская губернии уже полностью находились в руках Временного Сибирского правительства. В условиях, когда советская власть была свергнута повсеместно, отряд В.И. Плетнева вынужден был отказаться от похода на Улалу и самораспустился.

Восстание чехословацкого корпуса подтолкнуло к антисоветскому выступлению и часть реакционного офицерства, недовольного как большевистским правлением, так и властью эсеровской демократии. В конце мая 1918 г. в приграничном с. Кош-Агач поднял мятеж штабс-капитан Д.В. Сатунин. На тот момент бывший офицер царской армии являлся служащим советского

учреждения и находился в составе советской внешнеторговой экспедиции, направленной весной 1918 г. в Монголию для закупки скота. Захватив имущество и денежные средства, он сформировал отряд численностью до 100 чел., большей частью из местных казахов. Двинувшись в сторону Улалы, он приступил к расправам над заподозренными в «сочувствии советской власти», роспуск Советов сопровождался расстрелами и порками [Пахеев 1965: 130]. Поскольку «сторонников» большевиков выявляли большей частью в селах с русским населением, его охватила паника. При вступлении Сатунина в Улалу «местная общественность» в лице Г.И. Чорос-Гуркина, некоторых деятелей Каракорум-Алтайской управы, торговцев организовала встречу Сатунину как своему естественному союзнику в борьбе с советской властью [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 71].

Однако очень быстро Д.В. Сатунин показал всем карательные методы своего правления. За время недолгого пребывания в Улале он развернул террор в отношении сторонников советской власти. Вновь прошла волна арестов. Содержавшиеся в тюрьме в ожидании отправки в Бийск бойцы красногвардейского отряда подверглись избиениям и позже были расстреляны [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 2. Л. 70об.].

На территории Горного Алтая новоявленный диктатор объявил военное правление, местом пребывания центрального органа власти – «Горно-Алтайского Центрального военного Совета», было выбрано с. Онгудай [Демидов 1996: 69]. Г.И. Чорос-Гуркин, как председатель управы, выразил резкий протест всем действиям Сатунина, и выдвинул ультиматум членам Совета, в том числе своему брату Степану о незамедлительном роспуске «Военного Совета». Г.И. Чорос-Гуркин потребовал немедленно прекратить репрессии в отношении русских жителей, поскольку действие Сатунина расценивалось как «движение инородцев против русских» и, тем самым, «порождало национальную вражду» [Святогорье 2000: 184]. Аналогичные требования роспуска сатунинского Военного Совета выразили и руководители Временного Сибирского правительства. Командующий Сибирской армией генерал А.Н. Гришин-Алмазов обвинил Сатунина в мятеже и направил отряд капитана В.Д. Травина для ликвидации мятежа. Об этом министр туземных дел ВСИ М.Б. Шатилов уведомил Каракорумскую управу. Виновных предписывалось арестовать и направить в Омск [ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 40. Л. 93, 94].

4 августа 1918 г., после роспуска своего отряда, Сатунин был арестован, однако очень быстро он был не только освобожден от заключения и суда, но и по рекомендации генерала П.П. Иванова-Ринова, сменившего А.Н. Гришина-Алмазова на посту военного министра ВСП, повышен в звании до подполковника «за особые заслуги перед Родиной» [*Штырбул* 2012: 110].

Временное Сибирское правительство продолжало борьбу с оставшимися большевистскими частями. К августу 1918 г. единственной вооруженной силой, которая оказывала сопротивление белым в Западной Сибири, оставался сводный красногвардейский отряд П.Ф. Сухова. Еще в июне, после оставления Барнаула, отряд, находясь в окружении войск Сибирского правительства, принял решение прорываться в Туркестан через Горный Алтай и Монголию [*Познанский* 1973: 200, 201]. Каракорум-Алтайская управа заняла открыто враждебную позицию по отношению к уцелевшим красным частям [*Пахоев* 1961: 110]. Силы белых для уничтожения отряда П.Ф. Сухова возглавил упомянутый выше В. Травин, подавивший несколькими днями ранее сатунинский мятеж. 9 августа 1918 г. в 7 км от с. Тюнгур отряд П. Сухова, численностью в 253 чел., попал в засаду, организованную казаками и уймонскими крестьянами во главе с прапорщиком А. Любимцевым и разгромлен. Взятые в плен были расстреляны, та же участь постигла П.Ф. Сухова. Отделившийся ранее отряд разведчиков под руководством комиссара отряда Д.Г. Сулима попал в засаду у с. Иня и был уничтожен местными крестьянами под руководством офицера Малкина [*Борьба за власть* 1957: 199]. В течение августа в горах проводилась операция по поиску и уничтожению скрывающихся бойцов суховского отряда. С гибелью отряда П. Сухова вооруженное сопротивление сторонников советской власти на территории Западной Сибири прекратилось.

1.3. Горный Алтай в составе белой Сибири

Падение советской власти открыло дорогу для строительства нового государственного порядка. 30 июня 1918 г., как уже сказано выше, на основе Западно-Сибирского комиссариата было воссоздано Временное Сибирское правительство (ВСП), состав которого был утвержден Сибирской областной думой. Были отменены все декреты Советской власти, одновременно провозглашались принципы демократии и равноправия всех наций, населяющих Сибирь. ВСП

начало проводить меры по восстановлению законодательства, действующего до октября 1917 г.

6 июля 1918 г. ВСП издало постановление о возвращении захваченных после октября 1917 г. земель прежним владельцам впредь до решения Учредительным собранием вопроса о земле [О возвращении владельцам: эл. ресурс]. В соответствии с инструкцией ВСП от 21 августа 1918 г. бывшим владельцам возвращались ранее конфискованные земли. Вместе с тем, инструкция учитывала и интересы крестьян, «реквизировавших» землю: понесенные «захватчиками» материальные и трудовые затраты, вложенные в землю, предписывалось компенсировать. Засеянные поля и сенокосные угодья до сбора урожая должны были оставаться в пользовании лиц, владеющих ими в настоящее время. По мнению В.М. Рынкова, инструкция была лишена реставрационного духа и носила компромиссный характер, признание же права «захватчика» пользоваться результатами своего труда являлось уже частичной легализацией результатов революционных преобразований [*Рынков* 2001].

К этому времени в Горном Алтае крестьянами были захвачены лучшие участки земель у монастырей и крупных арендаторов – мараловодов и коннозаводчиков [*История* 2000: 91]. В Горном Алтае местные власти уже спустя неделю откликнулись на решение ВСП, и 14 июля Чулышманское народное собрание постановило восстановить Чулышманский Благовещенский монастырь [Госархив РА. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 4. Л. 11об]. Подобное решение во-многом диктовалось и стремлением сохранить ценные и удобные земли монастыря в пользовании жителей волости.

Одним из первых постановлений ВСП стала «Грамота ко всем народам Сибири» от 7 июля 1918 г. провозглашалось право коренных народов Сибири на представительство в будущей Сибирской областной думе и высказало готовность идти на предоставление национально-культурной автономии народам Сибири. Уже на второй день после своего создания ВСП организовало Министерство туземных дел, руководителем которого стал видный автономист-областник М.Б. Шатилов. Вместе с тем, новая власть откладывала окончательное решение вопроса о предоставлении коренным народам Сибири национально-территориальной автономии до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Представители алтайской интеллигенции не оставляли надежды на возможность создания самоуправления для алтайцев. В условиях продолжающейся гражданской войны они инициировали вопрос о выделении Горного Алтая из состава Бийского уезда если и не в национально-территориальную, то в отдельную территориальную административную единицу. Временное Сибирское правительство поддерживало стремление Каракорум-Алтайской земской управы. 11 июля 1918 г. Алтайское губернское земское собрание заслушало доклад Г.И. Чорос-Гуркина, в котором он обосновал необходимость выделения территории Горного Алтая в отдельный уезд, и призвал собрание одобрить и признать эту идею [Святогорье 2000: 45, 46]. В качестве основных причин для образования отдельного уезда Г.И. Чорос-Гуркиным были указаны: отдаленность и обособленность Горного Алтая от уездного центра – г. Бийска; географические и экономические особенности региона – преобладание в хозяйственной деятельности населения, как алтайского, так и русского – скотоводства и промыслов, слабое развитие земледелия; отсутствие школ, медицинской помощи, нехватка специалистов; этнические особенности региона, преобладание тюркского населения, не знающего русского языка, которое в большинстве продолжало вести кочевой образ жизни. Докладчик подчеркнул стремление коренного населения к самоуправлению, необходимость создания условий для развития хозяйства алтайцев, распространения просвещения, культуры, системы охраны здоровья [Административно-территориальное 2016: 47, 48]. Губернское собрание высказалось за образование отдельного Каракорум-Алтайского уезда. В сентябре была создана комиссия по установлению границ нового уезда, а в октябре 1918 г. Алтайская губернская земская управа обратилась в МВД ВСП с просьбой признать установленные границы [Демидов 1996: 79].

Уже с июля 1918 г. новый уезд стал существовать фактически. 11 июля был назначен уездный комиссар, его заместителем стал член Каракорум-Алтайской управы В.К. Манеев. Уезд имел своего гласного в Алтайском губернском земском собрании, в качестве представителя от Горного Алтая в Барнаул был послан Д. Тобоков [ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 36. Л. 88об.]. В это же время власти уезда приступили к организации уездной милиции, которая содержалась на средства уезда [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 55]. Горный Алтай был представлен в высшем законодательном органе

Сибири – Сибирской областной думе. Во фракции национальностей насчитывалось 23 депутата, из них от алтайцев – Г.М. Токмашев, Д.М. Тобоков и С.С. Борисов [Демидов 1996: 81]. Однако, из-за сложной политической обстановки и продолжающихся боевых действий, на съезд общественных деятелей в Томск был направлен лишь один С.С. Борисов [ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 36. Л. 105].

Таким образом, Горный Алтай на правах отдельной административно-территориальной единицы был включен в общероссийскую систему земств. Однако официальное утверждение уезда откладывалось на неопределенное время.

Между тем политический режим сибирской контрреволюции стремительно смещался вправо. 18 ноября 1918 г. в столице Директории г. Омске произошел военный переворот, главой правительства стал военный министр А.В. Колчак. Подчеркивая его диктаторские полномочия, правительство присвоило ему титул Верховного правителя. В своих публичных выступлениях он выступал как поборник демократических ценностей.

Тем не менее, новое Всероссийское правительство своим решением от 20 декабря 1918 г. приостановило выборы в земства на территории Сибири. Продлевалась деятельность земских управ, избранных по закону от 14 июня 1917 г. В случае отсутствия состава земских собраний, назначение состава земских управ осуществлялось (согласовывалось) Министерством внутренних дел ВРП [Совет министров ... Т. I. 2016: 142].

Главный курс Верховного правителя заключался в создании «единой и неделимой России», в отстаивании «государственно-объединительной тенденции». После колчаковского переворота усилилось стремление власти к унификации управления. Политическая автономия народов не предусматривалась, решение национального вопроса, как и ранее, возлагалось на будущее Всероссийское Учредительное собрание. В итоге Министерство, отвечавшее за «национальную политику», теряло свою значимость, его статус снижался. 30 ноября 1918 г. Министерство туземных дел было реорганизовано в Туземный отдел МВД, а позже – в подотдел Отдела сельского управления МВД. Его работа носила информационно-рекомендательный характер о положении национальностей на местах, а все предложения очень часто оставались нереализованными [Аманжолова 2000: 12].

Особенно наглядно позиция колчаковской власти к идее автономизации народов Сибири проявилась в отношении к лидерам алтайского национального движения. 12 декабря 1918 г. председатель Каракорум-Алтайской управы Г.И. Чорос-Гуркин был арестован и помещен в бийскую тюрьму по обвинению в попытке отделения Горного Алтая от России. Причиной возбуждения уголовного преследования называлось его стремление к «отделению от России» путем создания «Республики Ойрот», а также сотрудничество с советской властью. Несмотря на ходатайства видных общественных деятелей Сибири, Г.И. Чорос-Гуркин находился в тюрьме до 14 апреля и был выпущен лишь под залог [Демидов 1996: 85]. Но вскоре Г.И. Чорос-Гуркин был посажен в тюрьму вторично и провел в ней почти до конца 1919 г. [Эдоков 1994: 129]. В августе 1919 г. подверглись аресту и были отправлены в бийскую тюрьму по тем же обвинениям члены Каракорум-Алтайской управы В.К. Манеев и В.М. Донец [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 63]. В условиях военного времени национальные съезды, собрания коренного населения разрешалось теперь проводить с разрешения Алтайского губернского комиссара и коменданта г. Бийска [Пахаев 1961: 121]. В таких условиях Каракорумская управа вынуждена была поддерживать колчаковскую власть и идти ей на уступки. Так, управа провела в Горном Алтае досрочную мобилизацию, в конце января 1919 г. Каракорум-Алтайская управа отчиталась перед Алтайской губернской земской управой о завершении частичной мобилизации, в ходе которой в армию было призвано 350 чел. [Демидов 1996: 85]. В начале 1919 г. управа поддержала инициативу прапорщика А.П. Кайгородова (весной 1918 г. он уже занимался формированием каракорумской «народной гвардии») о формировании на добровольческой основе Алтайского конного дивизиона из числа алтайцев. Добровольцам обещались льготы и высокое вознаграждение, благодаря чему численность дивизиона составила около 300 чел., местом его расположения стал г. Бийск [Пахаев 1961: 122]. Одним из источников формирования дивизиона стали средства состоятельных людей Горного Алтая: за счет пожертвований по подписке было собрано более 20 тыс. руб., поставлено 200 лошадей [Демидов 1996: 87]. Дивизион предназначался для «поддержания внутреннего порядка».

В условиях вооруженного противостояния правительство А.В. Колчака стремилось заручиться поддержкой лидеров

национальностей Сибири. С этой целью колчаковское правительство поддержало проект о национальных земствах, озвученный эсерами и областниками во время работы Сибирской Думы. Так, 30 декабря 1918 г. постановлением Земского отдела Министерства внутренних дел Российского правительства в составе Алтайской губернии был образован Каракорумский уезд из 39 волостей, с центром в с. Улала. Определялось число гласных для уездного земского собрания в количестве 40 чел. и 4 представителя от уезда в губернском собрании [Святогорье 2000: 49, 50]. На 3-й чрезвычайной сессии Алтайской губернской земской управы в мае 1919 г. количество волостей в уезде было сокращено до 28 [Путеводитель 2001: 770].

Решение от 30 декабря 1918 г. Совета министров колчаковского Всероссийского правительства фактически закрепило существующее положение, и продлило полномочия Каракорум-Алтайской земской управы. Официальное же признание уездной земской управы со стороны правительственных учреждений, было получено 7 февраля 1919 г. [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 55об.]. Однако для организации нормальной работы управы требовалось создать законодательный орган – Земское собрание из числа избранных делегатов и организовать структуру исполнительной власти. Число гласных (депутатов) в уезде было определено, но самих гласных в новом уезде не было. Требовалось собрать бывших гласных Бийского уездного земского собрания от Горного Алтая. В Каракорум-Алтайском уезде их числилось 8 чел., что было недостаточно, стояла необходимость проведения выборов по волостям для включения в земское собрание депутатов с мест.

В результате неоднократных обращений руководства Каракорум-Алтайской земской управы в лице ее руководителя В.Т. Тибер-Петрова в вышестоящие органы власти и согласования с Министерством внутренних дел ВРП, Управляющим Алтайской губернией и Алтайской губернской земской управой, был выработан порядок выборов в уездное Земское собрание. Процедура выборов определялась законом о положении земств в Сибири от 17 июня 1917 г. и постановлением ВРП от 20 декабря 1918 г. Гласные избирались от волостей пропорционально числу жителей из расчета 1 депутат от 3 тыс. чел. населения.

Воссоздание волостных земских собраний наталкивалось на трудности, поскольку после свержения советской власти в Горном Алтае часть волостей упразднили, их число сократилось с 44 до 28

путем оставления в Бийском уезде, или объединения. Ряду волостей были причислены новые селения. Из 28 волостей только часть из них имела необходимое количество гласных (не менее 20 чел.), избранных по закону от 17 июня 1917 г.

В результате совместной работы губернских, уездных властей и земельного отдела МВД ВРП 18 января 1919 г. было принято положение о выборах в волостные земские собрания, в соответствии с которым в волостях, где количество гласных сохранялось в количестве не менее 20 депутатов, земские собрания приступали к работе в таком составе. В причисленных к волости новых селениях проходили выборы гласных пропорционально количеству населения. В тех волостях, где законно избранных гласных не было или их число не достигало 20 чел., земские собрания составлялись из гласных, избранных от 10 дворов по общему законодательству 1861 г. [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 28, 56, 56об.].

Заседание Земского собрания Каракорум-Алтайского уезда началось 15 мая 1919 г. Открыл заседание председатель уездной земской управы С.И. Гуркин. Председателем собрания был избран М.П. Ошлыков, заместителями – П.С. Ошлыков и М.И. Арбузов. На следующий день делегаты избрали пять комиссий: бюджетную (13 чел.), народного образования (8 чел.), народного здравоохранения (6 чел.), по земельным вопросам, ветеринарии и агрономии, экономике, промышленности (10 чел.) и инструкторскую (29 чел.).

На заседании 18 мая было заслушано письменное приветствие Г.И. Чорос-Гуркина, находящегося в бийской тюрьме. Делегаты собрания решили послать ответную телеграмму Г.И. Чорос-Гуркину как одному из «главных инициаторов и тружеников по созданию Каракорум-Алтайского уезда», с выражением сожаления об отсутствии его на земском собрании. Также единогласно принято решение послать телеграмму в Омск, в Министерство юстиции с просьбой о скорейшем рассмотрении в суде дела Г.И. Чорос-Гуркина [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 31].

27 мая был избран новый состав уездной земской управы в составе 11 членов. Председателем управы вновь избрали В.Т. Тибер-Петрова. В состав управы вошли известные на Алтае лидеры: С.И. Гуркин, В.К. Манеев, Г.М. Токмашев, С.С. Борисов, М.И. Арбузов [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 27, 28об., 29, 38]. Всего на майской (1919 г.) сессии уездного земского собрания присутствовали 55 делегатов (см. Приложение 1).

Каракорум-Алтайская уездная земская управа уделяла большое внимание проблемам народного образования. К тому времени в с. Улала действовала гимназия, в которой велось преподавание на алтайском языке. Одним из первых решений уездного земского собрания в мае 1919 г. было направлено на подготовку к печати школьных пособий на алтайском языке, издание сборников алтайских сказок и преданий для школ уезда [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 30]. В короткий срок были открыты двухклассные начальные училища в Онгудае и в Чемале, школы в Каракольской и в Чибитской волостях. Жители уезда нередко оказывали посильную помощь при транспортировке строительных материалов, возведении зданий. На создание сельскохозяйственной ремесленной школы было собрано 20 тыс. руб. при помощи Национального комитета [Гуркин 1992: 3].

При управе был создан отдел внешкольного образования, который за короткий срок он проделал значительную работу в сфере просвещения коренного населения.

Однако самостоятельное развитие уезда наталкивалось на серьезные трудности экономического и финансового характера. Они были связаны с низким уровнем экономического развития уезда и реальным отсутствием собственных налоговых источников. Основное внимание среди экономических проблем, занимали вопросы аграрного развития, создания налогооблагаемой базы, хозяйственного освоения природных богатств Горного Алтая.

В аграрной сфере правовое положение крестьян, получивших в пользование монастырские и кабинетские земли, укрепилось. Согласно постановлениям колчаковского правительства от 8 и 13 апреля 1919 г. захваченные указанные земли временно передавались в распоряжение государства, а сами крестьяне-захватчики переводились в разряд арендаторов казенной земли. На всех землях урожаями хлебов распоряжались те, кто засеивал и обрабатывал пашни.

И тем не менее, предпринимаемые меры так и не позволили антибольшевистским силам привлечь крестьянство на свою сторону. Причина заключалась в том, что в подходе к вопросу о налогах Временное Сибирское правительство уступало политике свергнутой власти большевиков. Так, если советская власть отменила денежные сборы с населения, то правительство во главе с А.В. Колчаком восстановило поземельный и другие налоги. При этом губернские и уездные земские управы требовали с крестьян выплаты недоимок,

скопившихся за несколько месяцев правления Советов и штрафов за незаконную вырубку леса. Для сбора государственных платежей привлекались вооруженные отряды милиции [Рышков 2006: 65, 70]. С приходом к власти А.В. Колчака такая практика вошла в систему. Подобные меры не могли не вызвать недовольства крестьян, которые часто отказывались платить налоги.

Подобная ситуация сложилась и в Каракорум-Алтайском уезде. Здесь в течение 1919 г. сбор налогов осуществлялся с помощью милиции, при этом результат был неутешительным: к осени 1919 г. поступило всего 10 % от запланированного объема. Силовые меры не могли обеспечить стабильный сбор налогов ввиду обеднения населения. В условиях, когда финансирование земств перекладывалось на местные бюджеты, сложившаяся ситуация привела Каракорумский уезд на грань финансового краха [ГААК. Предисловие: 3]. Причинами низкого поступления налоговых сборов в 1919 г., по заключению статистического отдела Каракорум-Алтайской уездной управы являлись: недород хлебов в некоторых местностях; истощение платежных средств населения; слабая организация работы по сбору средств [ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 272. Л. 3].

Каракорум-Алтайская уездная управа располагала довольно значительным аппаратом по сбору налогов с населения. В феврале 1919 г. в канцелярии управляющего Алтайской губернией отложились сведения о численности и составе милиции в Каракорум-Алтайском уезде. Согласно документам, штат уездной милиции составлял 295 чел., а без учета технического и хозяйственного персонала (конюхов, делопроизводителей, сторожей, бухгалтеров) – 256 чел. (в милиции – 203 чел., в конном отряде – 41 чел., в уголовном розыске – 12 чел.). Уезд был разбит на 5 районов. Средний оклад милиционера составлял 180 руб. [ГААК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 41. Л. 8, 8об., 9].

В мае 1919 г. Каракорум-Алтайская уездная управа ходатайствовала перед Алтайской губернской земской управой о сложении недоимок за 1918 год [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3916. Л. 40об]. «Истощение платежных средств населения» связывалось с массовым падежом скота вследствие бескормизы и большими налогами на организацию уезда [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 40об.]. Перед губернским земским собранием ставился вопрос и о снижении таксы за пользование земельно-лесным фондом

– бывшими кабинетскими землями. Крестьяне в Горном Алтае выражали большое недовольство высокой арендной платой за пользование землями в Улалинском, Онгудайском и Телецком лесничествах [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3916. Л. 44].

Напряженная дискуссия развернулась вокруг вопроса о нормах налогообложения в уезде. Он прошел неоднократное согласование членов уездной земской управы. В итоге были приняты следующие основы налогообложения: «взимать с удобной земли, числящейся по личным лицам и отводной записи» [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 37].

Огромные расходы колчаковского правительства на военные нужды, бюджетный дефицит, эмиссия и инфляция вели к обесцениванию денег. Расходы колчаковского правительства многократно превышали его доходы, разница между ними восполнялась эмиссией [Рышков 2006: 43, 104]. В результате сложного социально-экономического положения Алтайская губернская земельная управа сокращала бюджетные расходы на содержание государственных и земских служащих в губернском центре и на местах. Так, в феврале 1919 г. Алтайская губернская земская управа приняла решение о сокращении смет по земельному отделу Каракорум-Алтайской управе до 11000 руб. вместо 28000 руб. [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 32. Л. 144]. В Горном Алтае уже в мае 1919 г. власти были вынуждены повысить жалование служащим управы ввиду «дороговизны жизни» [ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 57]. В результате крестьяне не стремились вывозить на продажу свою продукцию ввиду отсутствия промышленных товаров для товарообмена, предпочитали придерживать ее «до лучших времен». Данное обстоятельство ставило под угрозу снабжение армии и вынуждало правительство применять чрезвычайные меры: в деревне производились конфискации и реквизиции на военные нужды. У крестьян забирали лошадей, скот, хлеб, фураж, седла, упряжь, одежду военного образца и т.д. [Пахеев 1961: 124]. Широкое применение внеэкономических средств для выкачивания ресурсов из деревни увеличивало недовольство крестьянства. Бесконтрольные действия военных использовались пробольшевицки настроенными лицами в агитации против правительства.

Вооруженные выступления в деревне как реакция против притеснения властей и насилия военных начались уже с сентября

1918 г., но их отличала стихийность, и они еще носили местный локальный характер. К лету 1919 г. крестьянство Сибири уже испытывало разочарование от колчаковского правления и стало связывать с большевиками свои надежды на перемены. Поражения армии на фронте послужили отправной точкой для организации массового выступления в деревне против власти Верховного правителя.

1.4. Партизанское движение в Горном Алтае (1919-1920 гг.)

В июле 1919 г. колчаковская армия потерпела ряд тяжелых поражений под Златоустом и Челябинском и в результате стремительно оставила Урал. Вести с фронта доходили до алтайских деревень и селений, усиливая брожение в крестьянской среде. Развернулись репрессии в отношении неблагонадежных лиц, к которым были отнесены демобилизованные фронтовики, участвовавшие во время мировой войны в солдатских комитетах; матросы; бывшие работники сельсоветов; замеченные в критике властей и др. Из агентурных сведений, характеризовавших настроение сибирского крестьянства, явствовало, что если крестьяне и «ждут большевиков, то только потому, что с приходом их надеются на установление нового порядка и избавление от теперешнего гнета, выражающегося в обысках, порках и прочее». Крестьяне внимательно следили за перемещениями фронта военных действий из Урала в Западную Сибирь. Вести приносили беженцы, раненые военнослужащие, возвращающиеся военнопленные. Усилилась в селах и большевистская агитация [Пахаев 1961: 129].

В августе началась очередная мобилизация, нежелание идти в армию и насилия военных привели к всеобщему восстанию крестьян против колчаковской власти. В первых числах августа 1919 г. восстание началось в Барнаульском уезде и в течение нескольких дней распространилось на всю Алтайскую губернию. 9 августа 1919 г. появилось воззвание Главного военно-революционного штаба Алтайской губернии, в котором цели вооруженной борьбы четко связывались с восстановлением советской власти.

Наиболее крупными районами партизанского движения на Алтае стали: Славгородский уезд, Барнаульский уезд, Причумышье и район предгорного и Горного Алтая. В августе 1919 г. в

предгорных и горных районах Алтайской губернии образовались три зоны партизанского движения. Они включали в себя группу волостей, тяготевших друг к другу, отряды которых совместно боролись против колчаковской власти. Первая зона включала в себя Чарышскую группу волостей в бассейне среднего течения рек Чарыша и Ануя (территория современных Чарышского и Солонешенского районов Алтайского края); вторая – Куяганскую (территория современного Алтайского района Алтайского края), Черно-Ануйскую, Барагашинскую и Усть-Канскую волости; третья зона располагалась на территории нынешнего Усть-Коксинского района – Абайской, Усть-Коксинской, Катандинской и Верх-Уймонской волостей. Каждая из групп волостей имела свои особенности, которые наложили тот или иной отпечаток на первый этап возникновения и развития партизанского движения [Демидов 1996: 88].

В Уймонской долине партизанские группы действовали с августа 1919 г. Повстанцы разоружили колчаковскую милицию и взяли власть в районе в свои руки. Здесь особенно сильным было влияние эсеров, которые руководили Усть-Коксинским военно-революционным партизанским штабом – высшей властью на повстанческой территории. Местные повстанцы воевали под лозунгами восстановления Учредительного собрания. Вместе с тем, веяния времени достигали и этих мест. Большое влияние среди крестьян приобрели бывшие фронтовики, которые стали организаторами первых партизанских отрядов.

В течение августа боевые действия велись большей частью в предгорных волостях. К последним числам августа партизанские соединения в предгорьях были разбиты, движение перекинулось в Горный Алтай, в район Черного и Белого Ануя. Здесь состоялись съезды восставших селений – 30 августа в с. Солонешенское и 8 сентября в с. Черный Ануй. На них были приняты эсеровские резолюции о воссоздании общероссийского народного Учредительного собрания и сохранении земского самоуправления. За эту резолюцию проголосовали 38 крестьянских делегатов, против, за восстановление советской власти – 7 [Колосов: эл. ресурс]. Было принято решение объявить мобилизацию на повстанческой территории и объединить отряды в крупные воинские единицы по образцу регулярной армии. Для объединения действий всех повстанческих отрядов в Горном Алтае и для общего руководства над ними был создан Главный военный штаб [Третьяк 1933: 67].

Антиколчаковское движение носило общекрестьянский характер. В целом в общем числе партизан Горного Алтая доля середняков достигала 33 %, а зажиточных крестьян – 19-20 %. Удельный вес малоимущих крестьян и батраков составил 37 % и 11 % соответственно [История Горного Алтая 2000: 100]. Главной целью вооруженных выступлений крестьянства провозглашалось свержение власти колчаковского правительства.

На тот момент от каждого села действовали свои небольшие самостоятельные отряды, численность каждого из которых составляла несколько десятков человек [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 19об.]. Поскольку одиночные действия вблизи своих селений не приносили большого успеха, повстанческие отряды стали объединяться. В середине сентября 1919 г. на основе мелких отрядов были организованы два партизанских полка. Их командирами стали бывшие унтер-офицеры И.Л. Никифоров и П.Д. Кокорин. Командные должности занимали также бывшие фронтовики, большей частью – унтер-офицеры и георгиевские кавалеры. Полки организовывались по военному принципу, выделялись кавалерия, пехота, разведка, следственная комиссия. 23 сентября в с. Черный Ануй оба полка соединились и образовали бригаду. Командиром бригады избрали И.Я. Третьяка, помощником командира – шебалинского красногвардейца В.С. Зырянова [Демидов 1996: 89, 90]. С этого времени партизанские отряды были организационно оформлены под единым командованием и структурированы.

Командование обоих полков занимало большевистскую позицию. Главной целью вооруженной партизанской борьбы называлась помощь Красной Армии на Восточном фронте и восстановление советской власти. Представители же гражданского населения и местных самостоятельных отрядов придерживались иных взглядов. На съездах восставших селений провозглашалась идея дальнейшего государственного развития страны на общедемократической основе. Однако за партизанскими руководителями стояла реальная вооруженная сила и их авторитет в итоге сыграл свою решающую роль. Командование бригады отказалось подчиниться Главному военно-революционному штабу, избранному съездом повстанческих селений [Третьяк 1933: 69]. Штаб вскоре эвакуировался в Уймон, где уже в июле 1919 г. действовали пять партизанских отрядов общим количеством 600-700 чел. под командованием Д. Краскова [АФ УФСБ РА. Ф. 9.

Д. 502. Л. 21об.]. В соответствии с решениями черно-ануйского съезда об организации Народной армии, уймонцы успели провести мобилизацию мужского населения до 40-летнего возраста.

Тем временем колчаковцы укрепили свои позиции за счет прибывшего из Усть-Каменогорска казачьего полка. Под натиском превосходящих частей партизаны были вынуждены начать отход на соединение с уймонскими повстанцами. Однако, несмотря на превосходящие силы, партизаны при отступлении одерживали победы, используя знание местности и тактику фланговых обходов противника.

5 октября 1919 г. около ур. Шугала произошла встреча с уймонскими партизанами, которые к этому времени выдержали тяжелые бои с каракорумскими отрядами А.П. Кайгородова. На объединенном военном совещании, состоявшемся 9 октября в с. Абай, эсеровское руководство оказалось в меньшинстве и вынуждено было принять резолюцию в пользу восстановления советской власти как конечной цели борьбы [Третьяк 1933: 71].

Из партизанских отрядов Уймонского района был сформирован 3-й горно-партизанский полк, его командиром был избран С.Г. Ладкин. На основе трех полков горно-партизанская бригада была преобразована в дивизию, командование над которой сохранилось за И.Я. Третьяком. Большинство в штабе дивизии, как и прежде, заняли пробольшевистски настроенные фронтовики, лишь должность секретаря хозяйственной части в штабе организованной дивизии досталась эсеру М.И. Арбузову, однако впоследствии тот покинул свой пост и отбыл на Уймон [Третьяк 1933: 81].

Позже, 16 октября делегаты селений Уймонского района провели съезд, на котором были приняты «Временные положения об устройстве гражданской власти». В этом документе повторялись все те же положения, выработанные на предыдущих (солонешенском и черно-ануйском) съездах повстанческих селений: вся будущая власть должна принадлежать Учредительному собранию, а на местах – земскому самоуправлению [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 2. Л. 12-14об.; История Горного Алтая 2000: 102, 103]. Однако партизанское командование не утвердило данный документ, наглядно продемонстрировав, за кем в районе реальная власть.

Тем не менее, гражданскими вопросами в районе вплоть до января 1920 г. занимался избранный съездом Усть-Коксинский райисполком, большинство в котором принадлежало эсерам.

Исполком приложил немало усилий для надежной организации партизанского тыла. Уймонский край превратился в хозяйственную базу партизанского движения. Для нужд военных отрядов создавались склады с запасами хлеба. Была проведена работа по учету домохозяйств и запасов продовольствия в каждом селении. Организовывались рабочие дружины в целях своевременной уборки хлеба, в результате поля оставались полностью засеянными. Помимо снабжения вооруженных отрядов, запасы хлеба выдавались малоимущим хозяйствам, а также служащим. Мобилизации подлежали мельницы, сельхозинвентарь, рабочий скот [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 2. Л. 34, 34об., 35, 40, 41; История Горного Алтая 2000: 102, 103]. Таким образом, Уймонский край оставался единственным районом в Горном Алтае, где население приобрело некоторый опыт самостоятельного нормотворчества и организации самоуправления.

Колчаковские власти тем временем принимали энергичные усилия по подавлению партизанского очага. Был создан Бийский правительственный отряд для борьбы с партизанами на территории Бийского уезда. Военные и гражданские структуры колчаковской власти пытались привлечь к борьбе с партизанами само крестьянское население путем организации лояльных зажиточных слоев иррегулярных вооруженных формирований – отрядов самообороны [Кокоулин: эл. ресурс]. Подобные дружины самообороны были организованы во многих селах Каракорумского уезда, став опорой колчаковских военных частей. Отряды самообороны были созданы в волостных центрах и в старожильческих селениях по Уймонскому и Чуйскому трактам. Дружины подчинялись в военно-оперативном отношении военному коменданту в с. Алтайском штабс-капитану Федоровичу. Каждой команде определялся район ответственности и контроля [ГААК. Ф. Р-1533. Оп. 1. Д. 60. Л. 4]. Наиболее боеспособной из них являлась созданная в Шебалино дружина под командованием бывшего фронтовика Клепикова. Она была сформирована приказом подполковника Хмелевского 24 сентября 1919 г., и состояла из 50 чел. отставных солдат, преимущественно – из числа унтер-офицеров [ГААК. Ф. Р-1533. Оп. 1. Д. 60. Л. 5].

Военное руководство колчаковских отрядов стягивало свои силы к Уймону, пытаясь зажать партизан в кольцо и разгромить их. Начальник Бийского отряда подполковник А.Д. Хмелевский получил подкрепление, на 25 октября в состав его сводного отряда

были включены: туземный дивизион поручика Серебренникова, отряд поручика Гордиенко, крестьянские добровольческие дружины селений Шебалино и Алтайское. Общая численность сводного отряда составляла около 2000 чел. [ГААК. Ф. Р-1533. Оп. 1. Д. 17. Л. 2]. Состав белых частей отличался социальной разнородностью. Отряд Хмелевского состоял из добровольцев уланов, молодежи из рядов интеллигенции и каракорумцев. Отряд Серебренникова состоял в большинстве из каракорумцев [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 24].

Повстанцы оказались в затруднительном положении. Однако в соответствии с выработанным на абайском военном заседании оперативным планом, партизанская дивизия перешла 13 октября в решительное контрнаступление, которое в условиях нарастающего недовольства политики колчаковского правительства развивалось успешно. Боеспособность армейских отрядов и дружин самообороны оказалась низкой. Партизаны, используя горный рельеф местности, применяли тактику охвата с флангов занимаемых колчаковцами селений, что вынуждало военных и дружинников к беспорядочному отходу. В течение октября 1919 г. партизаны взяли под контроль Уймонский тракт от Абая до Черного Ануя и Чуйский тракт от Шебалино до паромных переправ в районе Яломана. В ходе побед над белыми военный арсенал партизан значительно пополнился трофейным оружием, им достались сотни винтовок, несколько тысяч патронов, большое количество шашек, наганов, гранат, пулеметы «Шош», английские 25-зарядные автоматы [ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Д. 456. Л. 98; Третьяк 1933: 110, 119]. В ноябре 1919 г. боевые действия были перенесены на территорию предгорного Алтая.

Сдача 14 ноября частям Красной армии столицы белой Сибири – г. Омска и эвакуация ставки Верховного правителя в Иркутск еще больше дезорганизовали действия армии и властей. С этого времени военно-политическая ситуация в тылу стала необратимо выходить из-под контроля правительства А.В. Колчака. Под влиянием побед Красной армии партизаны полностью склонились к идее восстановления советской власти как конечной цели своей борьбы. В начале декабря дивизия И.Я. Третьяка встретилась с партизанской армией Ефима Мамонтова, а вскоре вошла в контакт с частями Красной армии. В дальнейшем 1-я Горно-Алтайская партизанская дивизия действовала уже по указаниям командования 5-й армии.

К середине декабря 1919 г. Красная армия заняла Новониколаевск, Барнаул, Бийск. В ночь на 9 декабря колчаковские части во главе с Д.В. Сатуниным покинули г. Бийск и направились в сторону Монголии. В числе отступавших из Бийска подразделений был и Алтайский туземный дивизион.

В партизанском движении начался новый этап. 18 декабря партизанский отряд под руководством бывшего фронтовика Ф.И. Усольцева вошел в с. Улалу, и с этого момента органы Каракорумской управы перестали существовать. После взятия Улалы отряд Усольцева двинулся через Бирюлю, Александровку и Бешпельтир на Чемал, а после занятия Чемала продолжил преследование белогвардейских отрядов вверх по Катуню до Эдигана [ГААК. Ф. 5886. Оп. 1. Д. 377. Л. 8].

В декабрьских боях партизаны нанесли серьезный урон противнику. При наступлении на с. Топучая партизанами 2-го полка был уничтожен отряд поручика Гордиенко, погибли офицеры штаба, сам поручик сдался в плен и был расстрелян [Борьба за власть Советов 1957: 337; *Шипунова*: эл. ресурс]. Еще раньше был убит другой сподвижник подполковника Хмелевского – поручик Серебренников [Актелов 1957: 70]. Под Туэжтой полностью сдалась партизанам хабаровская дружина [ГААК. Ф. 5886. Оп. 1. Д. 310. Л. 3]. Недалеко от с. Ороктой, при содействии её жителей, были разбиты улалинская и элекмонарская дружины, а их руководители Пасельский и Тощакوف попали в плен. Тощакова расстреляли по обвинению в казнях пленных [ГААК. Ф. 5976. Оп. 1. Д. 260. Л. 1об.].

Колчаковцы удерживали позиции на паромных переправах в с. Яломан, сохраняя за собой территорию юго-восточной части Горного Алтая. Командование над уходящими белыми частями принял А. Кайгородов, сменивший Д. Сатунина, застреленного своими подчиненными.

Гражданская война сопровождалась беспощадным отношением между враждующими сторонами. «Белые» зачастую убивали с пытками, расстреливали за пособничество партизанам [ГААК. Ф. 5876. Оп. 1. Д. 377. Л. 6; Д. 310. Л. 12]. Не отставали от них и красные, из мести за перенесенные насилия во время колчаковского правления. Взаимная жестокость была обусловлена объективными обстоятельствами – невысоким культурным уровнем, перенесенным многолетним опытом пребывания на фронтах Первой мировой войны. Стихийность в рядах партизан

была характерна практически для всех регионов России, где имело место повстанческое, партизанское движение. Во многом она была обусловлена «особенностями социальной психологии крестьянства, повышенной нервозностью и импульсивностью его революционности» [Ларьков, Шишкин 2013: 84, 94]. Анархизм и партизанская «вольница» зачастую проявлялись в актах самосудов, погромов, грабежей [Историческая энциклопедия ... Т. III. 2009: 581].

С выходом дивизии во внутренние районы Горного Алтая перед партизанскими органами власти встал вопрос налаживания отношений с местным коренным населением. Ранее, еще на Абайском военном совещании в октябре 1919 г. командование партизанской бригады признало факты «плохого отношения» к алтайцам со стороны «ранее действовавших» мелких отрядов и потребовало кардинальной перемены в отношении алтайского населения [ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Д. 456. Л. 80]. Однако затянувшиеся боевые действия дали выход жестокостям по отношению к гражданскому населению.

Абсолютное большинство в партизанских отрядах составляли русские крестьяне, поскольку колчаковская власть восстановила против себя русское село. Каракорумские отряды в глазах партизан рассматривались как ее пособники. При этом немалое количество «инородцев» служило в белых отрядах. Колчаковские власти также предпринимали активные действия по привлечению алтайского населения на свою сторону. Сыграла свою роль и созданная в декабре 1919 г. в с. Онгудай А. Кайгородовым и Сатуниным «Алтайская областная управа» с обещанием алтайскому народу автономии. Большое количество алтайцев служило в дружинах самообороны, особенно много представителей коренного населения находилось в отряде Тужлея Ташкинова. К февралю 1920 г., по данным красноармейской разведки, колчаковско-каракорумовские отряды общей численностью до 2 тыс. чел., оказались на 70 % состоящими из алтайцев [История Горного Алтая 2000: 104].

Поэтому неприязнь к колчаковскому режиму и таким отрядам зачастую распространялась на алтайское население [Мамет 1994: 89]. Между тем от лояльности коренного населения во многом зависел успех восстания против Колчака, поэтому партизанское руководство предпринимало все меры, чтобы искоренить факты враждебного отношения партизан к местному населению. В

партизанских отрядах укреплялась дисциплина, создавались военно-революционные суды и трибуналы [Ларьков, Шишкин 2013: 97].

В январе 1920 г. штаб партизанской дивизии «особым приказом ориентировал командиров своих частей на то, чтобы улаживать возникающие осложнения в отношениях между русским и алтайским населением мирным путем». Такая политика приносила партизанам определенные результаты. Получили распространение случаи вступления алтайского населения в партизанские отряды. Со временем среди партизан была сформирована отдельная алтайская рота численностью 270 чел., которой командовал владевший алтайским языком партизан В.П. Боровиков. Всего же в дивизии состояло до 500 алтайцев [История Горного Алтая 2000: 104]. Вместе с тем, у коренного населения сохранялось опасения преследования со стороны партизанских отрядов. Многие семьи алтайцев-скотоводов, спасаясь от войны, уходили через монгольскую границу [История Горного Алтая 2000: 105]. На заключительном этапе партизанского движения перед руководством Горно-Алтайской дивизии по-прежнему стояла задача привлечения алтайского населения на свою сторону, укрепления доверия к себе.

В ноябре партизанская дивизия вступила на территорию волостей предгорного Алтая, где завязались тяжелые бои с белыми частями. Дальнейшее наступление сдерживал ряд причин: недостаток патронов, морозы, отсутствие боевого опыта и надлежавшей воинской дисциплины в новых полках, степная местность, которая не позволяла партизанам маневрировать и наносить привычные удары с флангов.

Окончательно переломили военно-политическое положение на Алтае победы повстанческой армии Е.М. Мамонтова в степных уездах. Дивизия И.Я. Третьяка в начале декабря вновь нанесла поражение казачьим частям и 9 декабря соединилась с партизанами Ефима Мамонтова в с. Маралиха. На следующий день после объединения была установлена связь с 26-й Златоустовской дивизией Красной Армии. Разгром общего противника и восстановление советской власти поставил вопрос о дальнейшей судьбе партизанских соединений. Приказом Реввоенсовета республики от 11 декабря 1919 г. на советской территории партизанские отряды распускались, их личный состав вливался в части Красной армии [Ларьков, Шишкин 2013: 111]. По распоряжению штаба 5-й армии

дивизия вошла в состав армии в качестве запасной части и оставлена в предгорных районах Алтае [Третьяк 1933: 167]. В дальнейшем 1-я Горно-Алтайская партизанская дивизия действовала уже по указанию командования 5-й регулярной армии. К тому времени дивизия состояла из 11 полков, с общей численностью 18 тыс. бойцов.

10 декабря 1919 г. партизанская армия Е.М. Мамонтова взяла г. Барнаул, а на следующий день туда вошли части Красной армии. 14 декабря был взят г. Новониколаевск. Оставшиеся в г. Бийске колчаковские части во главе с капитаном Д.В. Сатуниным в ночь на 9 декабря покинули город и направились в сторону Монголии. В числе бежавших из Бийска белых отрядов был Алтайский туземный дивизион.

Заняв оборону на паромных переправах у с. Яломан, белые части под командованием А.П. Кайгородова продолжали удерживать свои позиции. После наступления Красной армии весной 1920 г. колчаковские отряды были рассеяны и в середине апреля бежали в Монголию. Однако большинство (две трети) солдат во главе с 3-4 офицерами отказались уходить за границу и сдались командованию 234-го Маловишерского полка. В Монголии оказались 600 чел. рядового состава и 15 офицеров белогвардейских частей [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 167]. После выхода частей Красной Армии к государственной границе партизанские отряды были расформированы. С ликвидацией белогвардейских частей боевые действия на территории Горного Алтая прекратились.

Таким образом, в партизанском движении в Горном Алтае против власти А. Колчака, длившемся с августа 1919 г. по февраль 1920 г., прослеживаются три этапа. За исключением Уймонского района партизанское движение началось в предгорных районах Алтая. Сформированные здесь партизанские соединения в последующем перенесли боевые действия на территорию Каракорумского уезда. На втором этапе (октябрь-декабрь 1919 г.) возросла организованность и массовость партизанского движения как результат усиления противодействия колчаковским репрессиям. После падения колчаковского режима, на заключительном этапе (январь-апрель 1920 г.) партизанская дивизия перешла под командование Красной армии.

В партизанском движении в Горном Алтае участвовали все слои сельского населения, включая зажиточное крестьянство.

Социальная неоднородность партизанского движения обусловила разные идейно-политические установки его участников, что породило на начальном этапе внутреннюю борьбу за контроль в военной и гражданской сферах. Однако реальный авторитет и власть принадлежали военному командованию партизанских отрядов, которое было представлено пробольшевистски настроенными бывшими фронтовиками. Поэтому партизанское движение в Горном Алтае проходило преимущественно под лозунгом борьбы за восстановление советской власти. В целом действия партизанских отрядов сыграли решающую роль в ликвидации на территории Горного Алтая колчаковского режима.

С завершением Гражданской войны перед новой властью встала задача решения социальных, хозяйственных и национальных вопросов в условиях перехода к мирной жизни.

1.5. Восстановление советской власти и политика «военного коммунизма» в Горном Алтае. Введение продналога (1920-1921 гг.)

Формирование органов советской власти. К весне 1920 г. советская власть была восстановлена на всей территории Сибири. Дальнейшая деятельность органов государственной власти и социально-экономическое развитие проходили в русле политики военного коммунизма, которая заключалась «в максимальной централизации и милитаризации органов государственной власти, гипертрофированном использовании ими чрезвычайных форм и методов во взаимоотношениях с обществом ... Политика военного коммунизма была направлена как на решение конкретных задач, продиктованных реалиями революции и гражданской войны, так и на достижение целей социалистического строительства» [Историческая энциклопедия ... Т. III. 2009: 326].

Первоочередной задачей победившей стороны стало создание органов управления советской власти в Горном Алтае. Их функцию в условиях гражданской войны выполняли революционные комитеты (ревкомы), создаваемые большевиками на территории, свободной от антибольшевистских режимов. По распоряжению Сибревкома, все Советы и органы самоуправления, организованные партизанами и повстанцами Сибири в ходе свержения колчаковской власти, были распущены. Их место занимали ревкомы, которые сосредотачивали

в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. В конце декабря 1919 г. при деятельном участии Сибирского ревкома было принято решение о ликвидации утвержденного колчаковской властью Каракорумского уезда и передаче всей территории Горного Алтая под управление трех райревкомов: Улалинского, Уймонского, Шебалинского, подчиненных Бийскому уездному ревкому [Мамышева 2011: 59]. Состав райревкомов формировался путем прямого назначения. Им же поручалась организация волостных и сельских ревкомов. Председателями Улалинского и Шебалинского ревкомов стали большевики Н.Ф. Меджит-Иванов и В.И. Плетнев, Уймонского – Е.И. Астафьев [Демидов 1970: 63].

Нежелание большевистских властей восстанавливать в пределах Горного Алтая самостоятельную административную единицу в виде уезда диктовалось, помимо продолжающихся боевых действий и другими причинами и, в первую очередь, стремлением искоренить в населении «каракорумские настроения» и отсутствием лояльных кадров. Так, «местная туземная ойротская интеллигенция состояла почти исключительно из элементов, связанных с миссионерством ... значительная часть ее была втянута в каракорумские дела, заражена областничеством, смотрела недоверчиво и враждебно на мероприятия Советской власти» [Гордиенко 1994: 95].

Однако новая власть очень быстро столкнулась с прежними проблемами, вызванными трудностями в оперативном управлении территорией Горного Алтая. Вновь встал вопрос о его выделении в отдельную административную единицу. В апреле 1920 г. Алтайский губревком утвердил решение о создании Горно-Алтайского уездного ревкома [Демидов 1970: 63]. При Горно-Алтайском ревкоме создавались отделы: управления, земельный, народного образования, труда и социального обеспечения, народного хозяйства, продовольствия, здравоохранения [Шарабура 2002: 123].

Сибревком не считал необходимым возвращаться к идее организации отдельного уезда. Статус Горно-Алтайского уездного ревкома оставался неопределенным. Как и прежде, вновь возникли разногласия с бийскими властями, которые отказывались признавать за Горно-Алтайским уездом право на самостоятельность. В июле 1920 г. решением Алтайского губревкома был создан Горно-Алтайский районный ревком в границах бывшего Каракорумского уезда, но подчиненный Бийскому уездному ревкому. Одновременно

в обращении к жителям Горного Алтая властями особо подчеркивалось, что новый орган будет защищать одинаково права всех наций, населяющих Горный Алтай [Демидов 1970: 65].

С понижением статуса Горно-Алтайского ревкома с уездного на районный уровень прерогатива в решении важных хозяйственных вопросов перешла Бийскому уездному ревкому. Такая система управления отдаленным национальным регионом со своими природными, хозяйственными и культурно-историческими особенностями быстро обнаружила свою неэффективность. Сказались и некоторые субъективные факторы, как недооценка Бийским ревкомом положения в Горном Алтае, слабое внимание к нуждам района [Мамет 1974: 101; Демидов 1970: 68].

В итоге Алтайский губисполком принял 14 сентября 1920 г. постановление о создании Горно-Алтайского уезда явочным путем. Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов 22 сентября в разговоре с Барнаулом по прямому проводу согласился с постановлением Алтайского губисполкома, на основании чего губисполком 2 октября разрешил Горно-Алтайскому райревкому передислоцироваться в с. Алтайское и начать действовать в качестве уездного ревкома [История Горного Алтая 2000: 108]. 26 марта 1921 г. Сибревком принял решение об образовании Горно-Алтайского уезда [Мамышева 2011: 61].

Процесс формирования волостных и сельских ревкомов завершился в Горном Алтае к июню 1920 г. Наряду с ревкомом, политику «военного коммунизма» проводили местные партийные организации. К октябрю 1920 г. в Горном Алтае действовали 23 партактивы, в которых состояло 264 члена и кандидата в члены партии [Крестьянство Сибири 1983: 94].

Помимо решения задач административно-политического характера, перед большевистской властью стояла необходимость достижения целей социалистического строительства и в экономической сфере.

В Сибири действовал особый курс партийного и государственного строительства, который заключался в назначаемости руководящих органов из Центра, а применительно к Горному Алтаю – из Сибревкома и Сиббюро РКП (б). В отличие от уездного и районных ревкомов, в волостях и селениях ревкомы организовывались путем выборов состава на сельских сходах. При избрании членов ревкома определяющую роль играли не

столько социальное положение, сколько личные качества каждого кандидата. Председателями волостных и сельских ревкомов нередко становились зажиточные крестьяне, имевшие в собственности несколько десятков голов скота. В целом состав ревкомов в первой половине 1920 г. представлял собой следующую картину: бедняки – 55-60 %, середняки – 30 %, зажиточные крестьяне – 10 % [История Горного Алтая 2000: 109]. С восстановлением советской власти в Горном Алтае, большевики были вынуждены считаться с интересами всех слоев крестьянства, которые выступили против Колчака.

Продналоговая политика, ее особенности в Горном Алтае.

Помимо решения задач административно-политического характера, перед большевиками стояла необходимость достижения целей социалистического строительства и в экономической сфере. Одной из первых мер восстановленной советской власти являлось наделение безземельных крестьян землей. Весной 1920 г. земельные отделы при ревкоммах начали вести работу по учету пустующих земель, по волостям определялись временные нормы наделов безземельных и нуждавшихся в земле хозяйств [Госархив РА. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 7, 23, 26]. Но в целом система землепользования в Горном Алтае в 1920 г. оставалась прежней, уравнильного передела земель не произошло, не переделывались и сенокосные площади. Безземельных крестьян также наделяли покосами за счет свободных кабинетских и церковных земель, сохранялись и захватные способы пользования. В отношении крупных землевладельцев меры конфискации применялись по отношению лишь к тем хозяйствам, которые были брошены бежавшими сторонниками колчаковцев [История Горного Алтая 2000: 110, 111].

Переход к мирной жизни в обстановке «военного коммунизма» совершался в условиях максимальной централизации и милитаризации управления хозяйством, широком применении чрезвычайных методов в отношении крестьянства. Рыночные рычаги регулирования экономики были устранены и заменены повсеместным применением административно-репрессивных методов. Из-за разрушенной в стране промышленности товарообмен между городом и деревней оказался прерванным. Выход из этой ситуации большевикам виделся в продовольственной диктатуре и изъятии у крестьян излишков продуктов методом продразверстки.

Продразвёрстка предусматривала сдачу государству по твердым ценам имевшиеся в хозяйствах «излишки», которыми считалась вся сельскохозяйственная продукция, произведенная сверх нормативно установленных расходов для личных и хозяйственных нужд [Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. 2009: 715].

Весной 1920 г. в Сибири еще не была организована сеть продовольственных органов, и заготовки хлебофуража осуществлялись без применения принудительных мер, сохранялась свобода торговли. После завершения весенней полевой кампании органы советской власти ужесточили давление на крестьянство, размеры продразверстки были увеличены.

В Горном Алтае новые порядки вызвали неприятие крестьянства. 17 мая 1920 г. состоялось общее собрание коммунистов Горно-Алтайского уезда, посвященное политическому положению в уезде в связи с вооруженным выступлением в Кузнецком уезде бывшего партизанского командира Рогова. Председатель ревкома В.И. Плетнев охарактеризовал положение населения как катастрофическое из-за голода и отсутствия продовольствия. Заявив о гибельности проводимой политики военного коммунизма и о реальной угрозе вооруженного выступления доведенного до отчаяния населения против советской власти, В.И. Плетнев заявил о своем уходе с поста председателя ревкома. Заседание решило оставить В.И. Плетнева на посту председателя ревкома как «пользующегося авторитетом среди населения Горного Алтая, единственного человека, могущего оказать влияние на ход событий». Было также принято решение поставить в известность Алтайский губревком о политическом положении в Горно-Алтайском уезде, о необходимости предупредить начинающееся брожение среди крестьян уезда [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 51, 52, 53, 55]. Однако вскоре районный ревком во главе с В.И. Плетневым за неподчинение властям был арестован в полном составе [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 93].

Вместе с тем политика военного коммунизма ужесточалась. С июня 1920 г. в Сибири начался новый этап продовольственной политики. Чтобы увеличить объемы поступления хлеба, свободная торговля запрещалась, устанавливались жесткие сроки сдачи разверстки, допускалось применение принудительных мер по отношению к крестьянам, включая вооруженную силу [Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. 2009: 327]. Начало продразвёрстке в

Сибири было положено постановлением Совнаркома «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» от 20 июля 1920 г.

Запрет на свободу торговли еще более усугубил положение со снабжением. В Горном Алтае отсутствовало денежное обращение, прекратился привычный товарообмен между скотоводческими и земледельческими волостями, алтайское население испытывало недостаток в хлебе и продуктах первой необходимости [ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 406. Л. 150]. В юго-восточной части Горного Алтая остро ощущалась нехватка хлеба, что вынуждало житочные скотоводческие хозяйства забивать скот для обмена на хлеб [ГААК. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 113. Л. 1].

Учитывая тяжелое положение населения, Горный Алтай на первое время был освобожден от хлебной разверстки. Власти учли специфику региона и разрушительные последствия Гражданской войны. В Горном Алтае осуществлялась разверстка на мясной скот. При этом размеры разверстки рассчитывались с учетом материальной обеспеченности каждой волости региона, где велось скотоводческое хозяйство. Волости распределялись на три категории, в зависимости от возможностей скотоводческого хозяйства: обеспеченные скотом, не вполне обеспеченные; волости, разоренные боевыми действиями. На разоренные войной Кош-Агачскую, Ининскую, Чибитскую волости мясная разверстка не распространялась. По такому же принципу разверстка распределялась на овец. Методы мясной разверстки вводились в Горном Алтае, в том числе и в отношении кочевников, с учетом местной специфики. Кочевое население юго-восточной части Горного Алтая облагалось разверсткой методом «самотека», когда посланные в район экспедиции закупали у населения скот в обмен на мануфактуру [История Горного Алтая 2000: 113, 114, 115]. Однако в начале 1921 г. экспедиционная заготовка скота была ликвидирована, на кочевое население вводилась общая разверстка. Реакцией населения Кош-Агачской волости стали откочевки в Монголию [История Горного Алтая 2000: 126, 128].

Позже в продовольственную разверстку были включены, помимо зерновых продуктов, большая часть ассортимента продуктов животноводства. В октябре-ноябре 1920 г. объектом реквизиций стали также кожи, шерсть, овчины, теплые вещи [ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 18; ГААК. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 113. Л. 1, 2об.]. Особое недовольство крестьян вызывали разверстки на сено [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 178. Л. 3].

Одним из главных составляющих элементов политики «военного коммунизма» являлось принудительное привлечение населения к труду. В условиях Горного Алтая трудовая повинность включала разные виды: гужевую повинность; дорожную повинность (работа по ремонту дорог); заготовку дров. Распоряжениями Сибревкома, в течение 1920 г. была произведена мобилизация 16 категорий населения [Историческая энциклопедия Сибири ... Т. I. 2009: 326]. В декабре 1920 г. к мобилизациям привлекали мужчин от 25 до 30 лет на срок до 6 месяцев, имевших специальности: строительных рабочих, текстильщиков, гончаров, сапожников, кожевников, других кустарей, не работавших по заданиям советских органов. Мобилизованные передавались в распоряжение уездных комитетов труда [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 22. Л. 7, 8]. В феврале 1921 г. Горно-Алтайский уездный ревком издал приказ о привлечении всех сапожников, не занятых трудом в органах власти. На местах мобилизационные мероприятия осуществляли волостные отделы труда [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 21. Л. 26]. Уклонявшиеся от трудовой мобилизации объявлялись трудовыми дезертирами, и приговаривались к принудительным трудовым работам на разные сроки – от 1 до 6 месяцев.

Широкое распространение получила подводно-гужевая повинность, которая распределялась на каждую волость и селение, и контролировалась на местах, через органы уездного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности [История Горного Алтая 2000: 116]. В связи с растущей потребностью в военных и продовольственных перевозках, гужевая повинность становилась для крестьян тяжелым бременем. В скотоводческих хозяйствах, где потребность в рабочих руках ощущалась наиболее остро, отвлечение населения к трудовым повинностям вызывало особое недовольство и многочисленные жалобы в органы власти [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 178. Л. 3].

Не меньшее недовольство вызывали и военные мобилизации. Молодые люди 1899-1901 г.р., подлежавшие призыву, зачастую уклонялись от него. В таких случаях власти конфисковывали у дезертиров скот и отдавали его семьям демобилизованных красноармейцев. Лошади передавались во временное пользование, а молочный скот – в личную собственность [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 22. Л. 9]. Все перечисленные меры усиливали неприятие крестьянством новых порядков. В итоге уже осенью 1920 г. власти

фиксируют вооруженные выступления крестьян в Уймонской долине и в Закаатунском районе.

Для быстрого восстановления народного хозяйства и под влиянием нарастающего недовольства крестьянства, политическое руководство во главе с В.И. Лениным приняло решение о переходе к новой экономической политике (НЭП). Первым шагом в этом направлении явилось решение X съезда партии о замене разверстки продналогом. 21 марта 1921 г. резолюция партийного съезда получила законодательное оформление соответствующим декретом ВЦИК. Однако для Сибири разверстка временно сохранялась. Для стимулирования снабжения городов хлебом, разрешался товарооборот с крестьянством [Крестьянство Сибири 1983: 95]. НЭП допускала введение рыночных механизмов: разрешалось сдавать и брать в аренду землю, применять наемный труд, поощрялось развитие сельскохозяйственной, кредитной, потребительской кооперации.

Но в отличие от продразверстки натуральным налогом облагалось каждое хозяйство индивидуально, с учетом его экономического состояния. В соответствии с декретом Совнаркома от 21 марта 1921 г. продналог исчислялся исходя из урожайности, количества пашни и скота, числа едоков в семье. Строго соблюдался социально-классовый подход при раскладке налогов, зажиточные хозяйства облагались повышенными ставками.

Предполагалось несколько облегчить положение крестьянства, оживить товарное производство хлеба. Так, излишки сельскохозяйственной продукции крестьянин мог использовать по своему усмотрению. При этом сохранялось большое количество разных видов налогов. В 1921/1922 гг. продналог существовал не как единый, а складывался из 13 отдельных налогов [Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. 2009: 704].

В условиях Горного Алтая введение продналога еще более усугубило положение населения. Так, продразверстка почти не затронула население национальных районов Сибири, а для части деревенской бедноты, жившей за счет государственного обеспечения и внутриволостного распределения, она была даже выгодна. Продналогом облагались все категории крестьянства, в том числе и бедняки, что обусловило их включение в вооруженную борьбу против советской власти [Шшишкин 2011: 134]. При разверстке же продовольственные задания налагались на все селение,

крестьяне несли коллективную ответственность. При продналоге круговая порука отменялась, исчисление налога осуществлялось индивидуально.

К тому же из-за запрета свободной торговли дефицит семян не дал возможности хозяйствам успешно провести посевные работы, в результате чего к лету 1921 г. снабжение хлебом было прекращено. В Горном Алтае разразился продовольственный кризис, охвативший большую часть волостей.

Крестьянство, недавно победившее колчаковскую власть, вновь стало братья за оружие, выражая свое недовольство новым порядком. Уже в июне 1921 г. в Горно-Алтайском уезде появились мелкие вооруженные отряды по 15-20, 30-35 чел. Власти стали принимать срочные меры по их подавлению: был прислан интернациональный отряд ГПУ и отряд, сформированный из милиции [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 93].

Несмотря на тревожные известия, власти уезда продолжали демонстрировать курс на жесткое выполнение натурального налога. В течение июля 1921 г. Горно-Алтайский уездный исполком, а вслед за ним Горно-Алтайский уездный продовольственный комитет издали приказы, направленные на ужесточение наказания за уклонение от продналога. Скотоводческие хозяйства облагались налогом, исходя из прогрессивной ставки налогообложения. Чем больше в домохозяйстве имелось скота, тем больший налог платил хозяин за каждую голову скота. В подобных налоговых условиях держать большое количество скота было невыгодно, что вынуждало зажиточные хозяйства забивать скот, либо распродавать его.

В августе 1921 г. в Горном Алтае власти объявили о введении первых налогов на шерсть, крупный рогатый скот, мед, воск. Вопреки пропаганде и крестьянским ожиданиям, замена разверстки налогами не уменьшила, а увеличила продовольственные обязательства населения перед государством. В отличие от предшествующей продовольственной кампании, население Горного Алтая теперь обязывалось сдать довольно обременительный для него хлебный налог [История Горного Алтая 2000: 129], при этом фактическая урожайность на Алтае оказалась намного ниже расчетной. Тяжелее всего пришлось алтайскому населению Горного Алтая, большинство которого занималось животноводством и охотой. Чтобы выполнить продналог, как русскому так и алтайскому населению приходилось закупать хлеб на стороне, продавая свой скот и инвентарь [История

Горного Алтая 2000: 149]. Кроме того, на крестьян налагались дополнительные обязательства – проводить самообложение, которое должно было производиться путем определения волостных потребностей на содержание местных учреждений и заведений [ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 883. Л. 21].

В условиях истощенного войной региона, где ведущее место в хозяйстве занимало животноводство, хлебный, а также масляный налоги стали обременительными для населения. На продовольственную политику государства резко реагировали даже представители органов власти на местах. Так, в Катандинском, Бирюлинском сельских ревкомах их председатели открыто ее критиковали и «саботировали», не спеша выполнять решения о сдаче хлеба [Русанов 2002: 20, 21].

Мероприятия по осуществлению продразвёрстки и продналоговые кампании в 1920 и в 1921 гг. осуществлялись в общем русле продовольственной и налоговой политики государства в отношении крестьянства. Однако в Горном Алтае эта политика имела свои региональные особенности. Во-первых, Сибревком учитывал тяжелое социально-экономическое положение населения Горного Алтая из-за разрушительных для их хозяйств последствий боевых действий. Продразвёрстка не применялась в волостях, наиболее пострадавшим от войны. В Горном Алтае как скотоводческом регионе, объектом продразвёрстки являлся не хлеб, а скот. Введение продналога не стабилизировало положение населения Горного Алтая, как ожидалось властями, а напротив, еще более усложнило. Переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике сопровождался на местном уровне непродуманными мерами в осуществлении продовольственной налоговой политики. Поэтому в Горном Алтае сложились условия, способствовавшие вооруженному выступлению крестьян против советской власти.

1.6. Крестьянское повстанческое движение в Горном Алтае в 1921-1922 гг.

К середине 1921 г. в крестьянской среде недовольство военно-коммунистической политикой достигло своей высшей точки. К этому времени крестьянские волнения охватили всю территорию страны. Зимой 1921 г. восстала Западная Сибирь, вести о вооруженном выступлении дошли и до Алтая.

В Горно-Алтайском уезде еще до начала продналоговой кампании, в июле 1921 г. началась повсеместная организация повстанческих отрядов. Первое выступление совершилось в тех же местах, где зарождалось партизанское движение против А. Колчака – в Черноануйской и Куяганской волостях. Ранее всех против новой, в недавнем – союзной власти, выступили крестьяне с. Белый Ануй. В июле они разогнали продотряд и организовали «Первый повстанческий Горно-Алтайский полк», избрав командиром председателя сельсовета, бывшего партизана Федоса Тырышкина [Богданов 1972: 137].

Действия властей меняли настроения крестьянства, и провоцировали его на вооруженное выступление. Так, в начале августа 1921 г. население Уймона резко отнеслось к воззванию Кайгородова совместно выступить против советской власти, пообещав эмиссарам есаула «снести голову» недавнему врагу, если он окажется в их краях [Богданов 1972: 136]. Но уже через несколько недель Уймон превратился в один из центров вооруженного выступления крестьян против большевиков.

На большей части территории уезда начались активные боевые действия, которые носили слаженный характер. Повстанцы, объединив свои отряды, перешли в наступление. Им удалось занять ряд волостей и участок стратегически важной транспортной артерии – Чуйского тракта на участке от с. Теньги до с. Ини [Демидов 1996: 106]. Численность объединенных сил повстанцев доходила до 400 чел. Но взять крупные центры волостей, где находились армейские части, повстанцы не смогли. В конце августа другая группа повстанцев численностью до 500 чел. заняла Уймонскую долину [История Горного Алтая 2000: 129]. Летом на территории Горного Алтая оперировали отряды Тырышкина (до 150 чел.) и Пьянкова (50 чел.) из Белого Ануя, Орлова (70 чел.), Тужлея Ташкинова (120 чел.) в Ябогане, Соснина из Усть-Кана (25 чел.), братьев Медведевых из Кырлыка (20 чел.), Санарова и Головина (до 30 чел.) из сел Талица, Чечулиха [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 19об.].

Синхронность локальных выступлений в Горном Алтае обусловили те же причины, которые были характерны для всего повстанческого движения в Сибири: озлобленности населения, «поставленного продработниками на грань жизни и смерти...» [Шишкин 2010: 136].

Тем временем А.П. Кайгородов, обосновавшийся в Западной Монголии, принял решение вторгнуться со своим отрядом на территорию Горного Алтая. В сентябре-октябре его отряд (численностью до 500 чел.) провел ряд боев, но потерпев поражения в предгорных районах Алтая от регулярных частей Красной армии, бежал обратно в горные районы [Демидов 1996: 105]. Действия повстанческих отрядов нередко сопровождалось жестокими расправами над коммунистами и сельскими активистами [Демидов 1970: 77].

События августа-сентября 1921 г. положили начало очередному этапу гражданской войны в Горном Алтае. К концу 1921 г. А. Кайгородову удалось объединить все разрозненные отряды под своим единым командованием.

Социальный состав повстанцев был разнородным. Как и в целом по Сибири, в их числе находились представители разных социальных групп: старожилы, новоселы, кулаки, середняки, бедняки [Шишкин 2011: 136]. В ряде волостей среди повстанцев преобладали середняки и бедняки [История Горного Алтая 2000: 136, 137]. Например, в Бешпельтирской волости, основное население которой составляли алтайцы, большая часть повстанцев была представлена бедняками, владевшими по одной лошади и корове, либо вовсе безлошадными. Волревкомы составляли списки имущества граждан, примкнувших к повстанцам для дальнейшей конфискации имущества. В условиях Горного Алтая, где скотоводство занимало ведущую роль в хозяйстве населения – как оседлого земледельческого, так и кочевого, однолошадные хозяйства относились к бедняцким слоям. Один интересный пример. В списке по Куюмской волости, составленном в конце декабря 1921 г., из пяти граждан, примкнувших к повстанцам, все имели в своих хозяйствах лишь по 1 рабочей лошади. Так, Павел Кучияков (с 1930-х г. известен как Павел Кучияк, классик алтайской литературы) имел лишь избу, скота и иного имущества не было (в примечании значилось: «больше ничего нет»). Председатель волревкома, ознакомившись со списком имущества граждан волости, ушедших в «банду», наложил резолюцию: «Не конфисковывать имущество как у бедных» [Госархив РА. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 32. Л. 3].

Особенностью повстанческого движения являлось широкое участие в его рядах алтайского населения. По имеющимся данным, национальный состав некоторых отрядов, действовавших в Горном Алтае, выглядел примерно следующим образом:

в отряде А. Кайгородова русские составляли 80 %, алтайцы («инородцы») – 20 %; Колесникова – соответственно 85 и 15 %, Семенка (С.В. Тадышева) – 30 и 70 %, Кармана Чекуракова – 10 и 90 %, а в отрядах Тужлея Ташкинова, Товара Чекуракова, а также В. Кусургашева почти все были алтайцами [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 24].

Среди руководителей повстанческих отрядов зачастую встречались офицеры: казачий есаул А. Кайгородов, сотник В. Славарецкий, прапорщик П. Кучуков. Немало офицеров служили в качестве «спецов» в штабах повстанческих отрядов: есаул Пудовкин, поручики Сокольский, Блинов, подпоручики Сыромятников, Астафуров, Мясников, прапорщик Аяшев [Денчик, Модоров 2009: 29, 30]. Вместе с тем, во главе некоторых повстанческих отрядов стояли бывшие партизанские командиры: Федос Тырышкин, Ларион Колесников и др.

Политические взгляды повстанцев сводились к одной цели – ликвидации единовластия коммунистов, отмены продналогов [Гордиенко 1994: 100, 104; Мамет 1994: 107, 109; Демидов 1996: 106, 107; История Горного Алтая 2000: 136, 137]. В целом же политические устремления повстанцев будет правильнее охарактеризовать как «антикоммунистические, имевшие целью установление советской власти демократического типа, свободной от диктата одной коммунистической партии» [Шишкин 2011: 139].

Наиболее полно и четко цели повстанцев были сформулированы в «Программе Сводного Русско-инородческого партизанского отряда», возглавляемого А.П. Кайгородовым. Этот документ рассекречен и опубликован под названием «Программа Кайгородова». В ней излагались основные положения будущего государственного устройства. Его формы виделись повстанческому руководству в демократическом строе, в возвращении всеобщего избирательного права. Оговаривалось, что избирательным правом обладали лишь трудящиеся, которые были заняты физическим или умственным трудом. Стремясь завоевать поддержку среди всех слоев крестьянства, А. Кайгородов провозгласил сохранение всех «завоеваний революции», устранению подлежали лишь ее «крайности». Под «завоеваниями» революции понималось сохранение за сельским населением Горного Алтая в пользовании ранее захваченных монастырских и свободных кабинетских земель. Незанятые земли намечалось оставить в ведении государства. Развитие кооперации относилось к числу наиболее важных

задач государства. В «крупных областях» промышленности и торговли допускалась возможность обобществления. Частнопредпринимательская прибыль ограничивалась государством путем введения прогрессивного налога. Гражданам гарантировались социальные блага и социальная защита, всеобщее бесплатное образование. Предполагалось ввести территориальный принцип построения армии. Осуждалось «насильственное проведение принципов коммунизма», которое подлежало отмене. Провозглашались «свободный труд» и свобода торговли [Поклонов 2012: 49-50].

Содержание Программы достаточно определенно свидетельствует о политических предпочтениях восставших крестьян. Очевидно, что участники повстанческого движения не ставили под сомнение результаты революции, а именно – аграрное законодательство советского государства, которое наиболее полно изложено в Декрете о земле. Подобные идейные установки в крестьянском повстанческом движении в 1921-1922 гг. были характерны для России в целом [Безгин 2017: 11].

Однако в большинстве отрядов на территории Горного Алтая какие-либо политические идеи не выдвигались. Лозунги повстанцев возникали произвольно, в них отражалась реакция на проводимую налоговую политику. Призывалось отменить продналог и устанавливать «такую власть, которую пожелают сами крестьяне» [Гордиенко 1994: 100]. Чаще других звучали призывы: «Восстановление самостоятельности Алтая», «Долой налог», «Советы без коммунистов» [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 92]. Указанные требования выражали основные интересы и чаяния русских крестьян и коренного населения, поэтому среди них находили поддержку. Это обусловило быстрое пополнение рядов повстанческих отрядов из числа сельского населения.

В октябре-ноябре 1921 г. вооруженные действия повстанцев достигли наибольшего размаха, распространившись на большую часть территории Горно-Алтайского уезда. Несмотря на широту повстанческого движения в Горном Алтае, Сибревком и губернские власти подтвердили свое намерение неуклонного проведения в жизнь продовольственной политики. На октябрьскую кампанию по сбору продналога мобилизовывались ответственные работники и члены партии, им в помощь выделялись армейские части [Гордиенко 1994: 98]. К неплательщикам применялось преследование со

стороны народных судов и ревтрибуналов [Крестьянство Сибири 1983: 104].

Жесткие меры властей еще более разжигали недовольство крестьян, что усиливало позиции повстанцев, пополняло их ряды. Настроения населения отражались и на представителях власти, которые в ряде случаев даже переходили на сторону повстанцев. Так, в сводках ВЧК по Алтайской губернии, во время наступления А. Кайгородова в октябре 1921 г., «в 25 верстах севернее с. Шебалино к бандитам ушла комячейка численностью девять человек. Секретарь Ильинского волысполкома арестован за сообщение бандитам сведений о наших частях. Помпредседателя Барагашского волысполкома арестован за укрывательство бандитов» [Советская деревня. Т. 1. 2000: 512].

В октябре 1921 г. отряд А. Кайгородова встретился с Лесным полком Ф. Тырышкина. Общая численность повстанческих отрядов достигла 1,5 тыс. чел. Соединившись, недавние враги двинулись в район Белого Ануя, Куягана и заняли его в начале ноября, тем самым, перенеся свои операции на территорию соседнего Бийского уезда. Попытки же повстанцев выбить гарнизоны красных по Чуйскому тракту закончились провалом [Демидов 1996: 108, 109.].

Успехи повстанцев на начальном этапе своей борьбы во многом были обусловлены поддержкой населения. Так, после нападения отряда Орлова на обоз 185 полка, ряды повстанцев дополнили жители урочищ Кеньга, Тобогой, Каярлык и Ело. Когда в Хабаровку пришел отряд Тырышкина, к нему присоединилось чуть ли не все мужское население села. Кроме того, к отряду Тырышкина примкнула часть жителей селений Каспа, Яломан и Ело. Этот отряд оперировал по всей территории современного Онгудайского района и проводил мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 22об.].

Сибревком реально оценив угрозу со стороны мятежников, предпринял ряд решительных мер по их нейтрализации. С октября 1921 г. Горно-Алтайский уезд был объявлен на военном положении. Укреплялось руководство на уездном и местном уровнях. Несмотря на состоявшуюся выборную кампанию в Советы, к работе они не приступили. Большая часть Советов была вновь заменена на ревкомы [История Горного Алтая 2000: 131].

Быстрое продвижение отряда А. Кайгородова вглубь уезда заставило военное командование направить в Горный

Алтай регулярные формирования Красной армии. Кроме того, в Горном Алтае действовали части особого назначения (ЧОН), укомплектованные бывшими красными партизанами, коммунистами Сибири и Горного Алтая.

В это время отряд А. Кайгородова вступил в пределы Куяганской волости Бийского уезда. 7 ноября 1921 г. части Красной армии и ЧОН при поддержке артиллерии атаковали под Тоураком отряды Кайгородова и нанесли ему чувствительное поражение [Демидов 1996: 107]. При выходе из окружения потери повстанцев составили около 1 тыс. чел. убитыми, ранеными, пленными.

В это же время Семенек, отряд которого действовал на правобережье Катуня, не стал дожидаться подхода отряда А. Кайгородова, и самостоятельно предпринял наступление на с. Улала. Его Закатунский повстанческий полк численностью до 300 чел. [Советская деревня ... 2000: 512] вышел со стороны с. Чемал и по пути укрепленный отрядами сотника В.П. Славарецкого и В.В. Штанакова, пройдя через села Александровку и Бирюлю, 11 ноября 1921 г. подошел к с. Улала. «Банды» Семенека и Штанакова пополнялись, в основном, за счет жителей сел Александровки и Верхнего Карагуза [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 61об.]. Местный гарнизон в оборонительном бою нанес повстанцам Семенека поражение, что положило начало распаду отряда закатунских повстанцев. Отдельные «банды» были рассеяны по урочищам вблизи селений на территории центральной части и северо-востока Горного Алтая [Демидов 1996: 110; Советская деревня ... 2000: 546].

В середине декабря 1921 г. остатки отрядов А. Кайгородова общей численностью до 300 чел., потрепанные в боях, ушли в Аргутское ущелье [Демидов 1970: 79]. К февралю 1922 г. действия повстанцев были ограничены локальными территориями. На третьем этапе повстанческого движения, который можно условно обозначить с декабря 1921 по февраль 1922 гг. повстанческие отряды проводили перегруппировку и собирание сил после понесенных поражений.

Но боевые действия продолжались. Природные особенности Горного Алтая – горный рельеф местности и лесные массивы – представляли собой удобные условия для ведения эффективной партизанской войны. С конца 1921 г. Горный Алтай оставался единственным регионом Западной Сибири, где продолжалось вооруженное выступление крестьян [Крестьянство Сибири 1983: 108, 109].

В докладной записке Ойротского ОГПУ, составленной в 1930 г., общая численность «бандитов» в Горно-Алтайском уезде в 1921-1922 гг. определялась в 8 тыс. чел., не считая «прямых и косвенных пособников». В Горно-Алтайском уезде оперировали 7 крупных «банд», которые насчитывали от 150 до 4000 чел.: в отряде А. Кайгородова число участников доходило до 4000 чел., Колесникова – 700 чел., Штанакова и Семенка 1500 чел., Товара Чекуракова – 360 чел., Тужлея Ташкинова – 150 чел., Кармана Чекуракова – 150 чел. Объединенные отряды Орлова, Полякова, Тырышкина составляли около 200 чел. Кроме того, орудовали 6 мелких отрядов: Соснина (65 чел.), Мандрина (60 чел.), Угрюмова (50 чел.), Фоминых (40 чел.), Барсука (22 чел.), Темдека (20 чел.) [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 2, 16об.].

Таблица 1

Численность участников повстанческого движения в районах Горного Алтая в 1921-1922 гг.

Аймак (район)	Численность населения в районе (на конец 1920 г.)	Численность участников отрядов	Доля участников отрядов в составе населения района, %	Удельный вес в общем числе участников повстанческого движения в Горном Алтае, %
Майминский	12281	400	3,3	5,0
Успенский (Чойский)	11725	300	2,6	3,8
Лебедской (Турочакский)	12430	250	2,0	3,1
Чемальский	5109	1000	19,6	12,6
Шебалинский	10466	600	5,7	7,5
Усть-Канский	7719	1700	22,0	21,4
Онгудайский	8038	700	8,7	8,8
Уймонский (Усть-Коксинский)	10905	2500	22,9	31,5
Улаганский	2848	-	-	-
Кош-Агачский	5149	500	9,7	6,3
Всего	86673	7950	9,2	100,0

Источники: Население Горного Алтая 1994: 15 (Сведения о численности населения Горного Алтая по волостным итогам

Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г.); АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 3, 5, 6, 10-14 (Данные Ойротского ОГПУ на 1930 г.).

Повстанческие отряды действовали по всей территории Горного Алтая. Сведения о численности повстанческих отрядов («банд») в порайонном разрезе, т. е. по административно-территориальному делению Ойротской области на 1930 г. представлены в таблице 1.

На общем фоне Горного Алтая выделялся Уймонский район, который чекисты называли «притоном бандитизма». Здесь было сосредоточено до трети всех повстанцев уезда, выступивших с оружием в руках против политики советского государства. Вторым по численности повстанцев стал Усть-Канский район. Обращает на себя внимание то, что указанные территории в августе-ноябре 1919 г. являлись центрами партизанского движения против власти А. Колчака. Большое количество повстанцев чекисты зафиксировали также в пределах территорий современных Чемальского, Онгудайского, Шебалинского районов РА.

Со стороны органов советской власти предпринимали попытки прекратить повстанческое движение мирным способом. Его участникам предлагалось сдать, добровольно сложившим оружие до 5 января 1922 г. гарантировались жизнь и сохранность имущества, а рядовых повстанцев, оказавшихся в отрядах по мобилизации, отпускали по домам. В результате предпринятых мер до 500 чел. покинули повстанческие отряды [Демидов 1970: 80].

Однако в не меньшей степени пополнялись и силы повстанцев новыми участниками. Закрепившись в труднодоступных горах долины Аргута, А. Кайгородов восстановил связи с повстанческими отрядами, действовавшими на территории Горного Алтая. Население, недовольное продовольственной политикой и действиями местных властей, испытывало к повстанцам сочувствие, что позволяло тем после тяжелых поражений вновь восстанавливаться путем привлечения свежих сил [История Горного Алтая 2000: 136]. Командир 62 бригады А. Галлинг отмечал, что «в ряде случаев мобилизации, проводимые бандитами Кайгородовым, Тырышкиным и другими, находят активный отклик среди населения» [Бармин 2002: 201].

Стремясь снизить накал вооруженного восстания крестьян, власти пытались смягчить тяжесть продналоговой кампании для хозяйств. Реагируя на многочисленные жалобы и учитывая

региональную специфику Горного Алтая, Алтайский губисполком своим решением от 11 февраля 1922 г. объявил объектом обложения для скотоводческих хозяйств – скот [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 883. Л. 21], что избавило скотоводов от обязательства сдавать государству зерновые продукты. Однако на местах усиливались требования по исполнению трудовой повинности. Так, 11 февраля 1922 г., на совещании председателей волисполкомов Горно-Алтайского уезда было подчеркнуто, что каждый трудоспособный гражданин обязан отработать на гужевой повинности 6 дней. На такой же срок он обязан был предоставить свою лошадь на исполнение государственных повинностей [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 883. Л. 5об]. Все это вело к отвлечению рабочих рук из крестьянского хозяйства.

Для борьбы с повстанцами были созданы местные отряды самообороны, например, в с. Туэкта (30 чел.), Онгудай (50 чел.), Ело, Каярлык, Тоботой и Кеньга (45 чел.). В отряды было принято большое количество бывших «бандитов», которые повели разлагающую работу. В результате этого отряды примкнули к повстанцам и выступили против регулярных частей Красной армии [АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 22об.] В местах, занятых повстанцами, проводилась мобилизация мужского населения в отряды. Так, Славарецкий и Штанаков, выполняя указания Кайгородова, провели мобилизацию мужчин в Чулышманской, Ыныргинской, Верх-Бийской и других волостях. Таким способом к февралю 1922 г. численность повстанцев в этих отрядах удалось увеличить до 800 чел. Одновременно пополнили свои формирования и активизировали свои действия в предгорьях Л. Колесников и Ф. Тырышкин [История Горного Алтая 2000: 133]. Вплоть до лета 1922 г. повстанцы не испытывали недостатка в живой силе.

Накопив силы, отряд А. Кайгородова вышел из долины Аргута и в феврале, объединившись с другими отрядами повстанцев, вновь занял ряд населенных пунктов. Гражданская власть в занятом повстанцами Уймонском районе передавалась «Временному районному управлению», которое возглавил меньшевик П.А. Андреев. 20 февраля был проведен «Первый съезд выборщиков Уймонского края», на котором присутствовали 140 делегатов [Гордиенко 1994: 108]. Прежние органы власти перешли в подчинение вновь образованным волостным комитетам [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 160]. Успехи повстанцев в феврале 1922 г. ознаменовали начало следующего этапа повстанческого движения, который продолжался до апреля 1922 г.

Используя горную местность, повстанцы наносили чувствительные удары частям Красной армии. Местные жители нередко снабжали необходимой информацией повстанцев, которые организовывали засады на опасных участках Чуйского тракта. В такие ловушки попадали целые батальоны, а потери исчислялись сотнями убитых [Гордиенко 1994: 111].

Боеспособность частей Красной армии зачастую оставалась невысокой. В феврале 1922 г. кайгородовцы нанесли поражение превосходящим силам 186 полка, взяв в плен две роты красноармейцев и пополнив свои боезапасы трофейным вооружением [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 240. Л. 5об., 6]. По сводкам повстанцев, в феврале 1922 г. отряд Семенка в засаде под Эдиганом разбил эскадрон регулярных войск [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 94]. В это же время повстанческий отряд Т. Чекуракова, устроив засаду, разгромил батальон 185 полка, погибли командир батальона, два командира роты и 83 красноармейца [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 143]. Пленных красноармейцев зачастую отпускали обратно к своим [Мамет 1994: 109]. В основном военнопленных направляли в Уймонский район, где их распределяли, исходя из хозяйственной необходимости, по земельным обществам и заставляли выполнять «казенные работы» [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 154]. Однако к захваченным в плен чоновцам отношение было иным, нередко их подвергали мучительным казням.

Повстанцы атаковали продовольственные обозы с продовольствием и имуществом, которые были конфискованы у населения по продналогу, и раздавали его обратно, что усиливало симпатии населения к «бандитам». Так, в феврале 1922 г. отряд Орлова захватил в районе Тоурака 1500 подвод с продуктами, изъятыми в селах Черный Ануй и Белый Ануй. Разгром обоза имел большой резонанс и вызвал панику в с. Алтайском, где складировался свезенный со всего уезда собранный у населения хлеб. Опасаясь нападения, продналоговые работники спешно грузили зерно на подводы и отправляли в г. Бийск [АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 143, 159].

Власти уезда придавали серьезное значение угрозе распространения повстанчества, и ужесточили политику в отношении «бандитов». Территория Горного Алтая была разделена на 4 боевых участка, в каждом из которых создавались мобильные истребительные отряды из чоновцев, подготовленные для ведения

борьбы с повстанческими отрядами. Одновременно, в целях ослабления рядов повстанцев, власти неоднократно объявляли амнистию.

В целях изоляции А. Кайгородова, отряды ЧОН в феврале 1922 г. нанесли поражение повстанцам Бие-Катунской группы [История Горного Алтая 2000: 141], рассеяв их отряды. Славарецкий перебрался в район Чемала, а Штанаков через Чулышман ушел на территорию Тувы [Советская деревня ... 2000: 803, 810]. Для работы в очищенных от повстанцев волостях решением Алтайского губкома РКП (б) создавались карательные тройки, которые выносили повстанцам суровые приговоры. Захваченные в плен с оружием в руках, как правило, расстреливались. По решению Алтайского губкома РКП (б) при воинских частях создавались такие же тройки, которые руководствовались не соображениями закона, а «революционной совестью» [История Горного Алтая 2000: 141].

Между тем А. Кайгородов, потерпев поражения, вновь отступил в Уймонскую долину. Здесь количество повстанцев уменьшилось до 800 чел. [История Горного Алтая 2000: 134]. В Уймоне собрались «полевые» командиры из других местностей [Демидов 1996: 116; Советская деревня. Т. 1. 2000: 591]. Но к апрелю 1922 г. Уймонский район был окружен подразделениями ЧОН и Красной армии.

Ликвидация отряда А. Кайгородова была возложена на 1-й и 2-й истребительные отряды под общим командованием И.И. Долгих. Совершив в начале апреля 1922 г. 40-верстный переход через заснеженный перевал Теректинского хребта, чоновцы ворвались в с. Катанду, где располагался штаб А. Кайгородова, и уничтожили до 500 повстанцев, был убит и сам А. Кайгородов. Уцелевшие «бандиты» были рассеяны. В это же время силами 2-го Бийского кавполка ЧОН были разгромлены отряды Семенка и П. Кучукова [Кротов 1974: 90, 95].

Разгромив основные силы повстанцев, советская власть не решила проблему их полного подавления. Так, за апрель-май 1922 г., по данным Реввоенсовета Сибири, число «бандитов» уменьшилось с 1915 до 557 чел., однако к июлю вновь возросло до 1239 чел. Наибольшее же количество повстанцев в Горном Алтае за время их вооруженной борьбы достигало 5 тыс. чел. [История Горного Алтая 2000: 135, 136]. Однако с ликвидацией кайгородовского отряда повстанческое движение в Горном Алтае вступило в завершающую

фазу. Несмотря на продолжающееся сопротивление, оно носило разрозненный характер. Повстанцы и их лидеры стали сдаваться в плен. В течение апреля сдались К. Чекураков, В. Штанаков, В. Славарецкий, Семенек, А. Дудин [Советская деревня 2000: 804, 810]. К маю на территории Горного Алтая, по армейским сводкам, действовали 7 малочисленных «банд» [Богданов 1972: 147].

Учитывая, что повстанческое руководство постоянно инициировало в своей пропаганде вопрос об автономии алтайского народа, советская власть сама была вынуждена поднять вопрос о создании автономии алтайцев. В период марта-июня 1922 г. в уезде развернулась широкая пропагандистская кампания, которая ставила целью распространить идею образования автономии среди населения [История Горного Алтая 2000: 126, 141]. Образование Ойротской автономной области, согласно декрету ВЦИК от 1 июня 1922 г., не могло не повлиять на политические взгляды и настроения алтайцев, которые еще оставались в повстанческих отрядах.

Руководство автономной области предпринимало меры по облегчению социально-экономического положения населения, разоренного войной. По ходатайству Сибкрайздрава Сибревком определил продовольственную помощь коренному алтайскому населению по больничным нормам. Из-за отсутствия денег у населения и свертывания торговли жители многих населенных пунктов просили о взимании налога натуральными продуктами, а не деньгами. Сибревком принял во внимание просьбы, поступавшие из Горного Алтая, и ввел для региона перерыв на уплату масляного налога [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 303. Л. 6; Д. 364. Л. 2; ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 109. Л. 85; Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 122. Л. 2]. В результате принимаемых властями мер силы повстанцев иссякли. Их командиры стали сдаваться в плен. К ноябрю 1922 г. повстанческие отряды полностью прекратили свое существование.

В повстанческом движении 1921-1922 гг. на территории Горного Алтая просматриваются следующие этапы. Первый этап (август-октябрь 1921 г.), когда происходило быстрое становление отрядов, их объединение в единую силу под общим командованием А. Кайгородова. В ноябре 1921 г. – январе 1922 г. повстанцы предприняли наступление в северном направлении на основные административные центры, но потерпели ряд поражений и рассеялись по территории Горного Алтая. В феврале-апреле 1922 г. повстанцы вновь объединяются и с новыми силами разворачивают военные действия против отрядов ЧОН и регулярных частей

Красной Армии. С апреля, после разгрома отряда А. Кайгородова, повстанческое движение затухает, и к ноябрю 1922 г. прекращает свое существование.

Как и по всей стране, вооруженное выступление населения русских и алтайских селений в Горном Алтае было направлено против политики советского государства по внеэкономическим методам изъятия ресурсов из сельской среды. Недовольство мероприятиями в продовольственной сфере, возмущение произволом представителей государственной власти и военных на местах обусловили размах повстанческого движения в Горном Алтае. Состав повстанцев был представлен различными слоями крестьянства, в первую очередь, середняками. Значительное место в нем занимали и бедняки. Органы советской власти видели в повстанчестве серьезную угрозу и предпринимали все меры по его нейтрализации. С ликвидацией отряда А. Кайгородова в апреле 1922 г. повстанческое движение пошло на убыль. Создание автономии алтайского народа в июне 1922 г. и объявление амнистии повстанцев создавало условия для завершения вооруженного противоборства в Горном Алтае.

...

Революция 1917 года вызвала к жизни алтайское национальное движение во главе с первым поколением представителей национальной алтайской интеллигенции. Именно они смогли сформулировать цели и задачи для решения насущных нужд своего народа. В обретении административно-территориальной самостоятельности Горного Алтая, а в перспективе – создания автономии Г.И. Чорос-Гуркин и его сподвижники видели жизненную необходимость для дальнейшего исторического развития алтайского народа. Разразившаяся Гражданская война вовлекла в вооруженное противостояние все социальные слои русского и алтайского населения. Боевые действия проходили на всей территории Горного Алтая, включая его отдаленные уголки. Задачи противостоящих сторон заключались не в достижении договоренностей, а в уничтожении своих противников, что объясняет проявление жестокости, исходившей от противоборствующих, воюющих сторон. В Горном Алтае в Гражданскую войну было вовлечено как русское, так и алтайское население. Меры советской власти по сворачиванию продрозверстки, смягчению первых продналогов и образованию Ойротской автономной области создали условия для прекращения боевых действий и перехода к мирной жизни населения Горного Алтая.

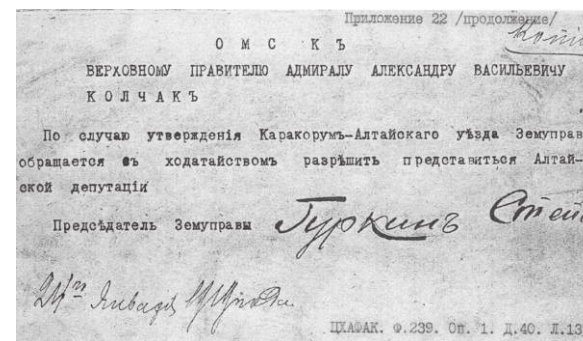
Работа в редакции журнала «Жизнь Алтая» над новым номером. Слева направо: Г.Д. Гребенщиков, писатель, публицист, общественный деятель Сибири, редактор журнала «Жизнь Алтая», И.И. Тачалов, писатель и поэт, Г.И. Гуркин, художник. [1911–1913 гг.]

Сухов П.Ф., большевик, командир сводного красногвардейского отряда, действовавшего в Горном Алтае летом 1918 г.

Плетнев В.И., председатель Шебалинского Совета солдатских и крестьянских депутатов, командир отряда Красной гвардии

Телеграмма Верховному правителю России А.В. Колчаку о необходимости представления делегации по поводу организации уезда, 21 января 1919 г.

Печать Каракорум-Алтайской управы

КАРАКОРУМЪ-АЛТАЙСКІЙ
ОКРУЖНЫЙ СОВЕТЪ

Крестьянск. и Инородчечек.

Депутатов

Горнаго Алтая.

К.А.О.
Народная Советская

У п р а в а.

..... дня 1918 г.

№ 643

Ад.: П.-Т. от с. Улала.

Приложение 21
Конденсациально.

ТОВАРИЩИ.

8-го Апрѣля н.с. с/г. въ с. Улалу /резиденція Управы К.А.О.С./, Бийскимъ Совдепомъ были командированы граждане П.П.Вушинъ, А.И.Тимкинъ, Г.М. Артыкинъ и Т.Д.Прокаевъ, которые явились въ помещеніе К.А.О. Народной Советской Управы завѣрили привидіумъ оя, въ томъ, что они поѣхали одѣлать докладъ о бывшемъ въ Бийскѣ уѣздномъ съездѣ и установить контактъ для планомѣрной работы между сельскими и волостными советами съ одной стороны и Округной Управой съ другой стороны.

На народномъ же Собраніи, созванномъ Округной Управой, Бийскіе делегаты, не смотря на оглашенную Председателемъ Сельскаго Совдепа телеграмму о томъ, что Округъ признанъ Центральнымъ Совнаркомомъ на правахъ Губернскаго Совдепа, повели агитацію противъ выдѣленія Горнаго Алтая въ самостоятельный Округъ и поддѣлываясь подъ тонны массу дошли до того, что отвергали пользу сельско-хозяйственныхъ школы и показательныхъ полей называя это буржуазной затѣей.

Въ своемъ стремленіи привлечь на свою сторону симпатіи большинства собранія, не учитывая ближайшихъ послѣдствій призывали населеніе Улала захватить - запахать земли принадлежанія прежде монастыря, въ то время какъ на эти земли одновременно претендуютъ крестьяне до 13 селъ, а именно с. Улала, Билыли, Карасука, малая Сіульта, Большая Сіульта, В.Кумъ, Вахта, Толгоокъ, Кутащъ и т.д. и тѣмъ самымъ налаженный планъ по распределенію земель разработанный специальной Комиссіей изъ представителей бѣднѣйшаго населенія заинтересованныхъ селеній можетъ потерпѣть крахъ, а земля обогрится кровью въ брабубійственной схваткѣ

крестьянъ сосѣднихъ селеній.

Игнорируя волю всего населенія Горнаго Алтая явившюся въ постановленіи съѣзда 20-го февраля ст.ст о выдѣленіи волостей Горнаго Алтая въ самостоятельный Округъ и не считаясь съ тѣмъ, что Каракорумскій Советъ своими средствами содержитъ школы, больницы, земскую гоньбу, тракты и т.д. Бийскій Совдепъ властаетъ по отдѣлившимся отъ Бийска волостямъ циркулярн требующія уплаты земскихъ сборовъ въ Бийскъ, въ результатъ населеніе изъ боязни заплатить два раза, не даетъ денегъ нивъ Бийскъ, ни въ Каракорумъ, чѣмъ вносится разруха въ мѣстное хозяйство крал.

Вообще Бийскій Совдепъ, вопреки воли съѣзда инородческихъ и крестьянскихъ депутатовъ Горнаго Алтая въ коварной измѣнѣ принципамъ русской октябрьской революціи, признавшей самоопредѣленіе народовъ не на словахъ, а на дѣлѣ, вопреки интереса и пользы бѣднѣйшаго населенія Горнаго Алтая и въ непонятномъ озлобленіи ведетъ прямо контр-революціонную работу, агитируетъ и подрыываетъ подъ Каракорумъ-Алтайскій Советъ, для такимъ образомъ противъ укрѣпленія Советской власти на мѣстахъ.

Доводя объ этомъ до свѣдѣнія своего собрата Губернскаго Совдепа Каракорумъ-Алтайскій Округный Совдепъ проситъ Васъ, товарищи, поставить Бийскому Совдепу, въ настоящемъ его составѣ, это на видъ и проложить имъ не мѣшать намъ работать на пользу трудоваго народа и укрѣпленія советской власти на мѣстахъ, т.к. дальнѣйшая дезорганизаторская работа можетъ повлечь за собой народныя волненія, вызвать междоусобицу, посеявъ разн между русскимъ и инородческимъ населеніемъ.

Председатель *Гуркин*
членъ Управы *Маишев*
Секретарь *Прокаев*
ЦКАРАК. 1. 299. Оп. 1. Д.1.

Письмо Г.И. Гуркина, председателя Каракорум-Алтайской управы в Бийский Совдеп с просьбой о признании самостоятельности Каракорум-Алтайского округа, 1918 г. [май-июнь]

И.Я. Третьяк, командир
Первой горно-конной
Алтайской партизанской
дивизии. АФ НИИА
им. С.С. Суразакова.
Д. 1. И.-5.

С.Г. Ладкин,
командир 3-го
партизанского полка
Уймонского края

В.Т. Тибер-Петров
председатель
Каракорум-
Алтайской управы
в 1919 г.

Чуйский тракт. Белый отряд [1919–1920 гг.]

Группа партизан

П.Я. Гордиенко, Н.И. Иванов (Меджит) с чоновцами

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1922–1929 гг.

2.1. Образование Ойротской автономной области. Национально-государственное строительство в 1920-е гг.

Образование Ойротской автономной области. Создание автономии алтайского народа осуществлялось в соответствии с целями и задачами национальной политики советского государства. Важную роль в проведении национальной политики большевики отводили Наркомату национальностей РСФСР (Наркомнацу) и его органам на местах. В апреле 1920 г. ВЦИК предложил этому наркомату в кратчайший срок сообщить о национальных группах, пожелавших выделиться в особую автономную единицу и высказать свое мнение по данному поводу. В течение апреля 1920 – января 1921 гг. в Сибири и на Алтае шел процесс организационного становления государственных структур, на которые возлагались задачи осуществления национальной политики на местах. В январе 1921 г. был сформирован Горно-Алтайский подотдел во главе с бывшим председателем Каракорума В.Т. Тибер-Петровым [Мамышева 2011: 61].

Вовлечение восточных народов в советское строительство рассматривалось как важная составная часть национальной политики большевиков. В конце февраля 1921 г. состоялось сибирское совещание представителей нацотделов, которое было посвящено в том числе, и вопросу о государственном устройстве коренных народов Сибири. Совещание должно было выработать вопросы, связанные с участием национальностей в федеральном правительстве и федеральных учреждениях. От Горного Алтая на совещании присутствовали И.И. Гаммер, И.И. Зяблицкий, М.В. Эдоков и В.К. Манеев.

26 марта 1921 г. Сибревком постановил выделить Горный Алтай из состава Бийского уезда и образовать самостоятельный Горно-Алтайский уезд в составе Алтайской губернии. Идея организации Алтайской (Ойротской) автономии возникла в разгар

Группа чоновцев

борьбы с повстанцами-«бандитами» в 1921–1922 гг., в рядах которых алтайцы составляли значительную часть. Активно используемые кайгородовцами лозунги о самостоятельности алтайского народа вынуждали партийно-советские органы Сибири инициировать вопрос об организации национальной автономии в Горном Алтае [Демидов 1970: 84, 85].

С начала лета 1921 г. и по январь 1922 г. вопрос об образовании автономии для алтайцев получил подробное рассмотрение в центральных партийных и государственных органах страны. Представители от Горного Алтая инициировали идею создания национально-территориального образования в пределах мест компактного проживания тюркских народов Южной Сибири: алтайцев, хакасов, шорцев. В ходе напряженной дискуссии было принято решение об организации автономии в пределах территории одного Горно-Алтайского уезда с небольшими территориальными изменениями.

В течение зимы и весны 1922 г. активно велась работа по практическому осуществлению указанного вопроса. В марте 1922 г. Сиббюро ЦК ВКП (б) был утвержден будущий руководящий состав Ойротской автономной области, а с ликвидацией в апреле 1922 г. основных сил повстанцев работа по созданию автономной области активизировалась. В мае 1922 г. проект автономии получил утверждение в Наркомнаце, позже Сиббюро ЦК ВКП (б) внесло поправки о придании автономной области прав губисполкома, но с бюджетом и штатом уездного исполкома. Декретом ВЦИК от 1 июня 1922 г. была образована Ойротская автономная область. В ее состав вошли 18 волостей бывшего Горно-Алтайского уезда и 4 волости – Бийского уезда. До созыва I Съезда Советов Ойротской автономной области вся полнота власти сохранялась у Областного ревкома, который был 11 августа 1922 г. образован на основе Горно-Алтайского уездного исполкома. Председателем ревкома остался Н.Ф. Меджит-Иванов, заместителем – Сары-Сэп Конзычаков, членами – Л.А. Папардэ, Г.И. Чусов и П.А. Чагат-Строев [Демидов 1970: 93]. На Съезд возлагалась задача избрания исполнительного комитета «с правами губернского исполнительного Комитета, но с бюджетом и штатами уездного Исполнительного комитета» [Административно-территориальное 2016: 95]. Еще три месяца шла работа по уточнению границ и организации органов власти.

1 мая 1923 г. начался I областной съезд Советов, на котором был избран областной исполком во главе с Н.Ф. Меджит-Ивановым. На съезде были приняты «Основные принципы, положенные в основу дальнейшего развития и существования Ойротской области». Областной съезд Советов ознаменовал завершение формирования системы органов государственной власти и управления Ойротской автономной области.

19 октября 1923 г., по инициативе Ойротского облисполкома, Президиум Сибревкома постановил сократить количество волостей в области с 24 до 10, учитывая малонаселенность области, и в целях сокращения расходов областного бюджета на содержание волостных аппаратов. В течение ноября 1923 г. шла работа по районированию и укрупнению волостей. В результате были образованы 10 новых волостей: Майминская, Чемальская, Успенская, Лебедская, Шебалинская, Онгудайская, Усть-Канская, Уймонская, Улаганская, Кош-Агачская. В сентябре 1924 г. перечисленные волости были переименованы в аймаки [Административно-территориальное 2016: 121–122, 130–131, 134–135].

Национально-государственное строительство в условиях становления автономии. После образования СССР руководство страны обратило серьезное внимание на необходимость решения национальных проблем в республиках. Перед центральной властью стояла цель устранить недоверие коренного населения и предотвратить развитие национализма. В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) была поставлена задача помочь нерусским народам развивать и укреплять в своих национальных районах суд, администрацию, органы управления хозяйственные органы из представителей местного населения, знающих язык и быт местного населения. К мероприятиям коренизации также были отнесены развитие местной печати, школы, театра, системы культпросветучреждений на родном языке [Мамышева 2011: 114]. Созидательная работа осложнялась серьезной проблемой нехватки грамотных кадров, особенно из числа алтайского населения. В 1922 г. грамотность среди алтайцев составляла 6 % [Хабаров 1932: 11].

Перед советской властью стояла задача привлечения старой «буржуазной» интеллигенции на свою сторону, что в целом соответствовало линии центрального руководства на вовлечение представителей коренных народов в социалистическое строительство. На II уездной партийной конференции, которая

проходила 10–13 февраля 1922 г., докладчик Н.Ф. Меджит-Иванов обратился к алтайским интеллигентам, участвовавшим в организации Каракорум-Алтайской управы с призывом направить усилия «исключительно на благо трудящихся и своей самоотверженной работой искупить вину в прошлом» [цит. по: Очерки ... 1973: 150].

В результате многие бывшие деятели Каракорум-Алтайской управы были амнистированы и привлечены к работе в органах советской власти. В Горном Алтае получили назначения на руководящие должности в исполнительных органах власти бывшие работники Каракорум-Алтайской управы В.П. Тибер-Петров, Г.М. Токмашев, В.К. Манеев. В сфере народного образования, культуры работали бывшие учителя церковно-приходских школ Алтайской духовной миссии Н.А. Каланакон, А.И. Суразаков, А.В. Тозыяков, М.И. Ялбачев и другие.

В начале 1920-х гг. ряды руководителей Ойротской автономной области из числа алтайцев пополнили ранее зарекомендовавшие себя на партийной, советской работе Н.Ф. Меджит-Иванов, А.И. Алагызов, Л.М. Эдоков. Позже во властные структуры выдвигались представители алтайской молодежи из комсомольской среды, активные участники Гражданской войны А.С. Тадышев, И.С. Толток, Л.М. Таушканов, П.С. Хабаров, С.С. Сафронов. Они, а также Л.М. Эдоков как выдвиженцы из алтайской молодежи, направлялись на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – учебное заведение Коминтерна для подготовки партийно-советских кадров из числа восточных народов СССР и других стран.

Статус автономии предоставил алтайцам, как и другим народам, право иметь свои представительства при центральных органах государственной власти при Наркомнаце. В функции представительств входило информирование центра и согласовывание с ним мероприятий, проводимых в автономиях. Первым представителем Ойротии при Наркомнаце стал С.С. Борисов. Он занимал данную должность до 1923 г., после чего его сменил И.И. Зяблицкий. С прекращением деятельности Наркомнаца в 1924 г. институт представительств автономий был организован при Президиуме ВЦИКа, содержание представительств возлагалось на местные бюджеты.

Представительство Ойротской автономной области вело большую работу по вопросам экономического развития области,

культуры и образования [Мамышева 2011: 103, 104, 105]. Значительную роль представительство сыграло в формировании алтайской интеллигенции, оно координировало работу по направлению алтайцев в вузы страны, добивалось выделения целевых мест с учетом потребностей автономной области, содействовало улучшению материального положения и быта студентов-алтайцев [Мамышева 2011: 108].

Представительство Ойротии при Президиуме ВЦИК вело работу в решении важных проблем, связанных с национально-государственным строительством в автономии: развитие местной печати, школы, театра, системы культпросветучреждений на родном языке, подготовка кадров для государственного управления, народного хозяйства, образования, здравоохранения, культуры из числа алтайцев.

Языковое строительство стало важной частью национальной политики советского государства. Политика государства в языковой сфере в те годы была направлена на изменение функционального статуса национальных языков, а именно: создание письменности, развитие литературы на родном языке, введение языка коренных народов в административную сферу, систему образования, средства массовой информации и др. Огромное значение придавалось подготовке национальных кадров для аппарата управления, отраслей народного хозяйства, культуры и образования.

Одной из самых острых явилась проблема совершенствования алфавита алтайского языка. Литература, изданная на основе алфавита первой «Грамматики алтайского языка» (1869), рассматривалась в духе революционного времени как «поповская» и «великодержавная». В Горном Алтае развернулась дискуссия по поводу развития алтайского литературного языка на основе нового алфавита. Определились две точки зрения, по вопросу – язык какой этнической группы взять за основу алтайского литературного языка: 1) телеутов и тубаларов; 2) алтайцев (алтай-кижи) с переходом от кириллицы на тодо-бичик, т. е. ойротскую письменность. Итоги дискуссии были подведены на II-ом областном съезде Советов в декабре 1923 г.: съезд постановил признать язык алтайцев южных районов Горного Алтая основным разговорным и литературным языком. В постановлении съезда говорилось, что принятие монгольского (ойротского) алфавита затормозит развитие грамотности, повлечет трудности по ее практическому

применению в школе и общественной жизни [*Штанакова* 2005: 67]. Делегаты алтайцы высказались за введение кириллицы (русского алфавита), поскольку «это поможет ойротам получить качественное образование в учебных организациях РСФСР» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 23. Л. 13]. В постановлении отмечалось: «развитие грамотности среди народностей Ойротской автономной области ходом исторических событий было поставлено на путь принятия русской транскрипции».

Принятие единого литературного языка в 1923 г. выдвигало вопросы пересмотра алфавита православной миссии, создание норм орфографии и терминологии. Съезд принял решение об оказании моральной и материальной поддержки переводческой комиссии для увеличения объемов изданий на алтайском языке [*Мамышева* 2011: 135]. Учебников для алтайских школ не хватало, а изданные еще в 1921 г. отличались низким качеством [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 23. Л. 70]. Вследствие отсутствия учебников и подготовленных педагогических кадров преподавание в алтайских школах велось на русском языке [*Кудирмекова* 2008: 59].

Для развития алтайского языка и литературы немаловажное значение имело становление национальной периодической печати. Первый номер областной газеты вышел 15 ноября 1922 г. в виде газеты-листочка «Кызыл Солун Табыш» («Красные устные новости»). Решение об издании газеты принимало Сиббюро ЦК ВКП (б) в октябре 1921 г. Однако из-за слабой материальной базы и отсутствия кадров было издано лишь два номера газеты-листочка на алтайском языке тиражом по 600 экз. Сама газета-листочка выходила как приложение (вкладыш) к областной газете «Ойротский край» на русском языке. Только 1 сентября 1923 г. вышел первый номер переводной газеты «Ойроттын јери» («Ойротский край»), а 13 февраля 1925 г. начала издаваться газета «Кызыл Ойрот» («Красная Ойротия»), которая теперь выходила только на алтайском языке [*Съемищиков* 2003: 144, 145]. Газета способствовала приобщению алтайцев к чтению на родном языке и литературному языку. В 1920-е гг. ее тираж оставался небольшим. В разные годы он составлял от 250 до 550 экз. Газета «Ойротский край» на русском языке выходила тиражом от 520 до 1200 экз. Обе газеты выпускались два раза в неделю.

В условиях советской власти коренизация была направлена на привлечение в государственный аппарат представителей коренного

населения, чтобы завоевать лояльность местного населения. Практическая реализация поставленных задач по коренизации была определена на XII съезде РКП (б) в сентябре 1923 г. Был принят ряд решений по национальному вопросу, призванных сгладить противоречия между центральной властью и коренным населением республик: необходимость издания законов, обеспечивавших употребление родного языка во всех учреждениях, обслуживавших местное инонациональное население и национальные меньшинства; формирование государственных органов национальных республик и областей управленческими кадрами из местного населения, знавших язык, быт, обычаи, нравы соответствующих народов; организацию книгоиздательского дела на родном языке и т.д. [КПСС в резолюциях 1984: 86, 297].

В Ойротии велась большая работа по коренизации управленческого аппарата. С этой целью органы власти осуществляли важные меры: были попытки перевода делопроизводства на язык титульной нации; создание письменности и литературного языка алтайцев; направление работников партийно-советского аппарата на учебу, в частности, в Коммунистический университет трудящихся Востока; представители алтайцев широко выдвигались на руководящие должности.

В сентябре 1927 г. Президиум Ойротского облисполкома принял постановление о необходимости ускоренного проведения коренизации государственного аппарата области, который «мог бы на родном языке обслужить как коренную, так и русскую части населения» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 30. Л. 67; Д. 70. Л. 2, 7об]. Через профсоюзные организации организовывались курсы по улучшению и по подготовке алтайского языка среди счетоводов, машинисток и пр. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 353. Л. 7]. Кроме того, вводились курсы по изучению алтайского языка для госслужащих.

В 1920-е гг. работа по коренизации еще не носила целенаправленного характера. Вместе с тем, в результате предпринимаемых мер, к 1929 г. в областном аппарате работали 62 сотрудника из числа алтайцев, в том числе: 14 – на руководящих должностях, 22 – в средне-техническом, 26 чел. – в младшем обслуживающем составе [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 4. Л. 64]. Канцелярские и технические работники состояли из русских, что затрудняло перевод на алтайский язык делопроизводственной документации [*Мамышева* 2011: 119].

Образование Ойротской автономной области сыграло благотворную роль в экономическом и социально-культурном развитии алтайского (ойротского) народа. В Горном Алтае в первые годы становления автономии алтайского народа удалось осуществить ряд мероприятий, направленных на внедрение алтайского языка в делопроизводство и в сферу управления. Были достигнуты успехи в организации книгоиздательства и печати для алтайского населения на родном языке, велась подготовка национальных кадров из алтайцев для нужд народного хозяйства и государственного управления, управлению активно привлекались представители алтайского населения. Укрепление госаппарата, сферы образования и культуры представителями коренного алтайского населения, перевод делопроизводства на алтайский язык диктовались практическими нуждами скорейшего включения коренного алтайского населения в систему социалистического государства. Однако позитивные процессы сдерживались нехваткой грамотных специалистов, слабой экономической базой, невысоким уровнем образовательной сферы в регионе.

2.2. Деятельность Советов

В начале мая 1923 г. прошел I-й областной съезд Советов. Съезд обсудил важнейшие вопросы советского и хозяйственного строительства. На заключительном заседании съезд избрал состав первого облисполкома Ойротии во главе с Н.Ф. Меджит-Ивановым. Приказом от 10 декабря 1923 г. приступил к исполнению обязанностей новый состав Ойротского облисполкома, куда вошли 19 членов и 11 кандидатов. Н.Ф. Меджит-Иванова делегировали на II Всероссийский и союзный съезды Советов и в Совет Национальностей СССР [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 1. Л. 1, 10, 11; Д. 2. Л. 9об., 10].

Облисполком проводил в жизнь решения центральных органов власти, руководил промышленностью и сельским хозяйством, контролировал учреждения на территории области, а также различные виды имущества, решал социальные вопросы. Деятельность облисполкома была организована в виде заседаний (сессий). В межсессионный период постоянно действующим органом являлся Президиум облисполкома. Именно на нем лежала

обязанность исполнения всех директив центральных советских органов, областного съезда Советов, разработка материалов для сессий облисполкома. Так, например, в состав Президиума облисполкома в 1926 г. входили Алагызов И.С., Марк О.И., Кочеев М.М., Нагих М.Г., Болотный К.П., Комиссаров К.М., Папардэ Л.А., Зяблицкий И.И., Ялбачев М.И. и кандидатами в члены Президиума: Астрахов В.А., Кумандин Г.И., Калинина Е.И., Хабаров П.С. [От уезда 2001: 78]. В условиях острой нехватки в Ойротии профессиональных кадров, состав первых управленцев включал направленных в Горный Алтай работников из других краев и областей, представителей алтайской интеллигенции, выдвинутых из алтайской молодежи.

В Горном Алтае оформление системы представительных и исполнительных органов власти совпало с административно-территориальными преобразованиями. В 1925 г. Ойротская автономная область была включена в состав Сибирского края, а с 1930 г. , после разделения Сибирского края на Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский края, Ойротская область находилась в составе Западно-Сибирского края. В 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край с включением в его состав Ойротской автономной области [О разделении Западно-Сибирского края 1937: 1].

Все автономные области и округа, входившие в состав РСФСР, в административном плане находились в составе отдельных краев. Начало такой системе управления автономными образованиями было положено в 1923 г. Именно в это время началось введение экономического районирования РСФСР. Одной из его основных целей называлось преодоление социально-экономического отставания автономий малых народов страны оказанием им помощи не только из центра, но и крупными административно-территориальными образованиями (краями), с которыми составляли единое целое в экономическом районировании страны. Это обусловило включение автономных областей и округов в состав крупных и более экономически развитых краев.

18 ноября 1926 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «Об органах управления автономной области Ойратского народа». В этом постановлении говорилось: «Автономная область Ойратского народа, входящая в состав Сибирского края, управляется областным

исполнительным комитетом, избираемым на съезде Советов этой области, и пользуется всеми правами, предоставленными ей постановлениями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании ее и последующими узаконениями» [Об органах: эл. ресурс]. Автономная область пользовалась правами, предоставленные постановлением ВЦИК, имела возможности самостоятельно решать многие жизненно важные вопросы.

В этот период руководство страны поставило перед партийными и советскими инстанциями задачу вовлечения в перевыборы 100 % избирателей. При этом подчёркивалось необходимость устранения от выборов представителей бывших «эксплуататорских классов». Лишение избирательных прав закреплялось в Конституции РСФСР 1918 г.: были определены семь категорий граждан, не имевших права избирать и быть избранными в органы власти и общественные организации: прибегавшие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовые доходы; частные торговцы; монахи и духовные служители церкви и религиозных культов; бывшие служащие царской полиции, корпуса жандармов, охранных отделений; умалишенные и состоявшие под опекой; осужденные [Конституция 1957: 76–87].

«Антисоветские элементы» были обнаружены и среди населения Горного Алтая: если в 1923 г. на выборах в сельские Советы Горного Алтая лишились избирательных прав 1 %, то в избирательной кампании 1928–1929 гг. – 6,2 % населения области [Эшматова 2010: 117].

Контроль за деятельностью Советов осуществлял Наркомат внутренних дел (НКВД). Он следил за своевременным созывом съездов Советов, правильностью проведения выборов в Советы и на съезды Советов, рассматривал жалобы на действия избирательных комиссий, делегировал своих представителей на заседания представительных органов власти. Законодательно эти функции закреплялись в «Положении об НКВД» (1922 г.) [СУ РСФСР 1922: Ст. 386].

В 1920-х гг. принцип проведения прямых выборов был установлен только для сельских и городских Советов депутатов, которые формировались: в городах из расчета 1 депутат на каждую 1000 чел. населения, но в числе не менее 50 и не более 1000 членов (в Улалинском городском Совете в 1930 г. в результате

выборов избрали 122 жителя областного центра) [Горно-Алтайский 2003: 39]; в селениях (в деревнях, селах) из расчёта 1 депутат на каждые 100 человек населения, числом не менее 3 и не более 50 депутатов на каждый сельский Совет (в среднем в Горном Алтае в сельских Советах насчитывалось по 11 депутатов).

К середине 1920-х гг. начался процесс «оживления» выборных кампаний. В 1924 г. в выборах в местные Советы приняло участие 34,7 % избирателей, в 1925 г. – 54,5 % [Очерки истории 1971: 86].

В Конституции РСФСР 1925 г. закреплялось положение о том, что выборы производятся в дни, устанавливаемые местными Советами или их исполкомами. Организацией выборов Советов и созывом съездов Советов также занимались исполкомы.

Депутаты избирались по производственно-территориальному принципу голосования. Выдвижение кандидатов и определение итогов выборов проходило преимущественно на предприятиях, в колхозах, учреждениях и в общественных организациях. Депутаты представляли население избирательных округов. При этом сложилась практика обязательного согласования кандидатур будущих депутатов Советов и делегатов съездов Советов в партийных инстанциях. Связь с фракцией облисполкома была самая тесная. Ни один принципиальный вопрос не проходил без участия и руководства со стороны обкома [Третья Ойратская областная 1924: 1].

В целях организации партийного контроля на съездах и в Советах формировались фракции коммунистов. Они фактически определяли ход работы представительных органов власти. Но существовали так называемые группы беспартийных, которые по согласованию с партийными инстанциями выставляли своих кандидатов в органы власти. Позже подобная практика нашла выражение в формировании в ходе избирательных кампаний в Советы «блока коммунистов и беспартийных».

Первой широкой и открытой избирательной кампанией стали выборы в местные Советы в 1926 г. Порядок выборов в Советы и съезды Советов регулировался соответствующим постановлением Президиума ЦИК СССР от 2 октября 1925 г. В Ойротии вопросы подготовки к перевыборам рассматривались на пленуме обкома партии осенью 1926 г. В итоге явка на выборы составила около 62 % [Эддокс 1987: 27].

Конституция РСФСР 1925 г. законодательно расширила полномочия Советов в сфере социально-экономической деятельности, формирования бюджета, самостоятельного решения земельных вопросов, при сельсоветах были созданы общественные суды. В 1927–1928 гг. законодательно ликвидировались сельская община и мирские сходы. В 1928 г. принимается «Положение о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и исполнительных комитетах», в соответствии с которым на местные органы власти возлагалась ответственность за работу всех предприятий, находящихся на их территории.

Во второй половине 1920-х гг. явка на выборы возрастает. В 1927 г. в области в голосовании участвовали 61,95 % избирателей, в 1929 г. – 73,2 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 192. Л. 23; Д. 409. Л. 42]. Во многом такие результаты стали возможными благодаря целенаправленной политике, направленной на привлечение женщин к участию в выборах в Советы. Если в выборах сельских Советов в 1925 г. участвовало 13,5 % женщин к общему числу избирателей, в 1926 г. – 39,4 % [Михайлов 1972: 12], 1927 г. – 50,1 %, 1929 г. – 64,8 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 192. Л. 23].

Накануне проведения коллективизации партийными органами ставилась задача – очистить сельские Советы «от классово чуждых элементов», вовлекая в деятельность органов власти бедняков и середняков. Например, за 1928–1929 гг. в период проведения различных кампаний и мероприятий по правильности «классовой линии» были «отмечены» следующие сельсоветы: по Усть-Канскому аймаку – Чакырский (чисто национальный); Тюдралинский (с незначительным процентом алтайцев и казахским населением); Яконурский (чисто национальный); Чемальскому аймаку – Чепошский (смешанный); Узнезинский (смешанный); Бешпельтирский (алтайский) [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 4. Л. 56].

Партийные инстанции ужесточили условия отбора и выдвижения кандидатов в депутаты. Прежде всего, претенденты на депутатский мандат должны были отвечать требованиям к классовому происхождению и партийности, социальному положению. Пресекалось выдвижение в органы власти зажиточных крестьян и единоличников, и приветствовалось участие в выборах передовиков социалистического производства – «ударников» и колхозников.

На выборах в Советы осенью 1928 г. областные власти фиксировали случаи «организованного выступления кулачества», что проявлялось в проведении собраний, в обсуждении кандидатур в новый состав сельсоветов (в Кош-Агаче). Кандидаты от зажиточных слоев в борьбе за голоса пытались «задобрить бедноту», бесплатно раздавая скот. Когда «кулацкие» кандидатуры проваливались, наблюдались попытки опротестовать выборы путем подписей, что рассматривалось органами власти как вопиющий факт [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 192. Л. 23].

В докладе «Об экономическом, хозяйственном и социальном положении Ойротской автономной области» облисполком в 1928 г. отмечал, что ряд сельсоветов проводил «кулацкую линию»: Сугашинский, Кырлыкский, Соузарский Усть-Канского аймака, Элекмонарский, Аюлинский Чемальского аймака и др. Например, Соузарский сельсовет при разделе сенокосных участков и скота отдавал предпочтение зажиточным слоям населения. Отмечались случаи найма использования труда батраков и факты спекуляции [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 4. Л. 58]. Такие лица из сельской среды, по мнению властей на местах, не должны были попасть в состав сельсоветов в ходе выборов.

Чистки сельских советов продолжались и впоследствии. В ходе перевыборов был сформирован новый состав сельсоветов. Для взаимодействия избранных депутатов с населением создавались постоянные и временные комиссии.

Женщины занимали заметное место в составе секций (17,5 % по аймачным Советам и 22,2 % по сельсоветам), в работу секций был вовлечён актив, не состоявший членами Советов (11,7 %), доля бедноты составила 44,4 %, середнячества – 29,6 % (см. табл. 1).

Секции занимались вопросами сельского хозяйства, культурного строительства, здравоохранения, землеустройства и др. Все эти вопросы прорабатывались в секциях перед их постановкой на заседаниях аймакисполкомов и сельсоветов, и постановления секций проводились в жизнь.

Таблица 1

Состояние секционной работы в Ойротской автономной области,
1929 г.

	По 7 аймакис- полкомам	По 49 сельсо- ветам
Число секций	29	130
В них членов	257	648
В том числе женщин	45	145
Партийцев	159	131
Представителей учреждений и предприятий	162	156
Членов и кандидатов Совета	44	388
Прочего населения	-	75
Крестьян всего	80	523
Из них:		
Бедняков	52	288
Средняков	28	192
Батраков и рабочих	15	33
Служащих	174	53
Число заседаний	83	187
На них присутствовало	334	757
В том числе женщин	53	144
Разрешено вопросов	296	509
Утверждено	283	422
Проведено в жизнь	279	387
Обследованных учреждений и предприятий	18	13
В них участвовало	23	15
В том числе женщин	5	2

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 409. Л. 47.

Процесс становления системы Советов в 1920-е гг. происходил в русле общественно-политического развития страны. Конституционно была закреплена система выборов в Советы, которую характеризовали неравные, многоступенчатые выборы с ограничением избирательных прав отдельных групп граждан. В Ойротии это проявилось в лишении избирательных прав «кулаков», торговцев, представителей «бывших» сословий. Выборы в Советы сопровождались «чисткой» сельских избирательных комиссий с целью удаления из них представителей «эксплуататорских» слоев

населения. С этой же целью в Ойротии в конце 1920-х гг. проходили кампании перевыборов в сельсоветы. В результате социальный и партийный состав сельсоветов изменился в сторону увеличения удельного веса в них колхозников, представителей бедняцких слоев, членов партии. Вырос и удельный вес женщин в составе Советов, что свидетельствовало о повышении роли женщин в общественной жизни.

2.3. Развитие сельского хозяйства

Состояние сельского хозяйства. С завершением боевых действий в Горном Алтае, сельское хозяйство региона находилось в сложном положении. За годы мировой и гражданской войн животноводство, которое занимало ведущее место в хозяйстве региона, было серьезно подорвано. Так, за 1916–1922 гг. общее количество поголовья основных видов скота уменьшилось: по лошадям – с 133,5 тыс. до 74,9 тыс. голов, КРС – с 138,7 тыс. до 75,5 тыс. гол., овец и коз – с 150 тыс. гол. до 99,8 тыс. гол. [Екеев 1988: 180]. Основными факторами сокращения поголовья скота являлись продолжительные боевые действия, нападения волков, развернувшиеся эпизоотии и болезни скота. Перечисленные выше причины сокращения скота получили частое упоминание в делопроизводстве партийных, советских органов власти Ойротской автономной области, в докладах земельного отдела облисполкома.

Второй по значению отраслью сельского хозяйства являлось полеводство. В отличие от животноводства оно пострадало в меньшей степени в годы военного противостояния. Общая посевная площадь в Горном Алтае за 1916–1922 гг. уменьшилась с 19,7 тыс. га до 15,8 тыс. га (в современном исчислении) [Екеев 1988: 178].

Подрыв животноводства – основы хозяйственного комплекса алтайцев – привел к резкому падению уровня их жизни. Должностные лица Ойротской автономной области, очевидцы тех событий, официально докладывали Сибревкому о том, что алтайский народ на тот момент оказался у опасной черты. Постоянное недоедание послужило благодатной почвой для распространения эпидемий [ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1194. Л. 8; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 18; Д. 883. Л. 78]. При этом возможности для оказания медицинской помощи были ограниченными. Так, в Челушманской волости смертность населения от болезней составляла 70 % [Госархив РА.

Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 4. Л. 51]. Позже констатировалось вымирание от тифа и оспы целых айылов (групп семей кочевников) [Госархив РА. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 73. Л. 35].

Партийные и государственные власти предпринимали меры по улучшению положения коренного населения. Осенью 1922 г. из ряда волостей Горного Алтая поступали ходатайства о снятии с населения натурального и масляного налогов ввиду невозможности их исполнения. Так, Президиум Улаганского волревкома дважды выступал с ходатайством [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 303. Л. 6]. По причине отсутствия денег у населения и свертывания торговли население ряда населенных пунктов просило власти о взимании налога натурой, а не деньгами [ГАНУ. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 122. Л. 2]. Сибревком шел навстречу просьбам из Горного Алтая. Был введен перерыв на уплату масляного налога для Горного Алтая.

Из-за разрушенной в стране промышленности товарообмен между городом и деревней оказался прерванным, поскольку большевикам нечего было предложить крестьянам в обмен на хлеб и продукты продовольствия. В условиях отсутствия денежного обращения и торговли алтайское население испытывало недостаток в хлебе и продуктах первой необходимости [ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 406. Л. 150]. Областные власти предпринимали попытки оживления торговли в Горном Алтае. С этой целью осенью 1922 г. в селах Улала и Шебалино открылись сельские ярмарки для свободной продажи продуктов сельскохозяйственного производства [Кочевники 2020: 172].

Первый год становления Ойротской автономной области пришелся на сложное время восстановления хозяйства региона после Гражданской войны. I областной съезд Советов, состоявшийся в мае 1923 г., обсудил широкий круг вопросов экономической, социальной, культурной жизни области. Отмечалось тяжелое экономическое положение в регионе, необходимость неотложного проведения землеустройства, развития кооперации создания условий для подъема сельского хозяйства. Перед руководством области стояли сложные задачи восстановления хозяйства новой автономии.

Характеристика оседлого крестьянского и кочевого хозяйства. Экономический уклад с преобладанием кочевого скотоводства, недостаток путей сообщений, обширность территории с разными природно-географическими зонами требовали

продолжительного времени для восстановления хозяйства и адаптации населения к новым социально-экономическим условиям.

Новое административно-территориальное устройство Горного Алтая учитывало природные, хозяйственные, культурно-бытовые, этнические, демографические особенности разных частей региона.

В 1920-х гг. территория Горного Алтая по природно-климатическим особенностям условно делилась на четыре зоны: 1. Горно-таежная – Лебедской и Успенский районы (аймаки). 2. Зона смешанно-хвойных лесов – Майминский, Шебалинский и Чемальский районы. 3. Горно-степная – Онгудайский, Уймонский и Усть-Канский районы. 4. Высокогорно-полупустынная – Кош-Агачский и Улаганский районы.

В первой зоне ввиду ее таежного характера, земледелие и скотоводство не получили широкого развития, в хозяйственной деятельности населения большое значение имели лесные промыслы. Вторая зона была местом более благоприятным для земледелия, оседлое население здесь занималось богарным земледелием, скотоводством молочного направления, а полукочевое население – отгонно-пастбищным скотоводством. Третья зона отличалась высоким уровнем развития коневодства, овцеводства, мясо-молочного скотоводства, а также земледелия, которое было распространено в хозяйствах русских крестьян. В четвертой зоне с крайне суровым климатом, население занималось почти исключительно отгонным животноводством. Очагом земледелия здесь были бывшие монастырские земли в долине реки Чулышман.

Зоны имели также четко выраженные особенности, связанные с этническим составом населения. По национальному составу населения в первой и второй зонах преобладали русские. В третьей зоне доминировало уже алтайское, преимущественно полукочевое население – около 56 %, а русские составляли около 43 % (и проживали они преимущественно в Уймонском районе – *М.К.*). Четвертая зона была представлена большей частью полукочевым алтайским и казахским населением (соответственно 69,2 % и 24 %). Основная масса населения была сосредоточена в центральной части региона – во второй и третьей зонах (33,6 % и 32,4 %), около 25 % – в первой и лишь 9,4 % – в четвертой зоне [Екеев 1988: 16, 17].

По данным Ойротского облстата на 1922 год, кочевое население проживало в аилах и урочищах на территории нынешних Усть-

Канского, Онгудайского, Шебалинского (частично), Улаганского и Кош-Агачского районов.

Региональной особенностью сельского хозяйства Горного Алтая являлось существование двух типов общин: оседлая крестьянская – тип с характерными чертами, присущими русской земледельческой общине в Сибири, и полукочевой (кочевой) тип общины коренного населения. Оседлая крестьянская община организовывалась в соответствии с основной формой хозяйственной деятельности местных крестьян – земледелием и скотоводством, полукочевая и кочевая община – экстенсивно-пастбищным животноводством.

В наделах крестьянских общин обрабатываемые сельхозугодья занимали незначительное место. Так, в структуре сельхозугодий Ойротской автономной области на 1925 г. удельный вес пашни составлял 2,9 %, сенокосов – 6,3 %, усадебных земель – 0,2 % общей площади. Необрабатываемые земли, выгоны, пастбища, солончаки и т.д. – находились в общем, нераздельном пользовании, их доля в общинном наделе составляла около 90 % [История Горного Алтая 2000: 156]. Оседлые крестьянские общины с дореволюционного периода унаследовали чересполосицу и дальнотерриторию. По данным на 1927 г. в Горном Алтае расстояние до мест полевых работ составляло от 1,6 до 20 км [Екеев 1988: 42, 44]. Земельное общество оседлого населения Горного Алтая представляло собой типичную крестьянскую общину с мирским самоуправлением.

Земельное общество полукочевого населения вело экстенсивно-пастбищное скотоводство, которое определило условия быта, порядок хозяйствования, формы поселений скотоводов-алтайцев. Кочевали обычно совместно группами семейств в количестве от 2–5 до 20 и более юрт. Для многих полукочевых хозяйств характерно вертикальное яйлажное кочевье – с зимника на летник. Скотоводы имели постоянные непереносные жилища и хозяйственные постройки, особенно в зимних поселениях. Для зимника выбирали межгорные долины и степи, которые в значительном пространстве оставались открытыми или слабо заснеженными, что значительно облегчало обеспечение кормом скота в холодный период года. Здесь же в зимниках у определенной части скотоводов находились пахотные и сенокосные угодья. Весной скотоводческие хозяйства перекочевывали на летовку, которые во многих случаях располагались на высокогорьях, где скот выпасался

на альпийских лугах. У значительной части хозяйств амплитуда кочевий ограничивалась внутри одной долины или даже урочища, когда летник находился на расстоянии в несколько сотен или даже десятков метров от зимника [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 523. Л. 118–119]. Больше была амплитуда кочевья алтайцев и казахов, проживавших на территории современного Кош-Агачского района. Здесь из-за природно-климатических условий скотоводы сохраняли в значительной мере черты, присущие кочевому быту, кроме зимника и летника здесь были и межсезонные места стоянок. Например, за теплый период года хозяйства скотоводов осуществляли 2–3 перекочевки. А в некоторые годы и 5 перекочевок [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 523. Л. 119].

В 1920-е годы зимние стойбища (усадебные места) находились в пользовании отдельных хозяйств. Зимне-весенние пастбища, находившиеся вблизи зимних поселений, были распределены между дьуртами. Внутри дьуртов пастбища были в общем пользовании всех хозяйств (когда дьурт состоял из близких родственников) или распределялись между отдельными хозяйствами (когда дьурт включал в себя помимо родственников и неродственные семьи). Летние пастбища, в зависимости от степени удаленности их от летних поселений, подразделялись на ближние и дальние. Ближние пастбища формально считались общими для всех хозяйств земельного общества. Но поскольку каждый дьурт постоянно находился на одном месте, то его хозяйства, так или иначе, пользовались определенными участками ближних летних пастбищ. На них выпасали коров и телят, кобыл и жеребят, рабочий скот и овец и коз. Дальние, т.е. высокогорные отгонные пастбища находились в нераздельном пользовании всех хозяйств земельного общества или даже хозяйств нескольких соседских обществ, на них выпасали косяки лошадей и стада КРС в течение всего летнего периода. Хотя пастбища формально считались общими для всех хозяйств земельного общества, в действительности каждый дьурт, постоянно пользовался одними и теми же местами. Сенокосные и пахотные земли в большинстве полукочевых общин использовались по захватно-наследственному праву [Екеев 1988: 37, 46, 47, 48].

Отношения между хозяйствами (семьями) внутри алтайской общины (земельного общества) были довольно сложными, они представляли собой конгломерат семейно-родственных, патриархально-родственных связей и отношений.

Землеустройство. В Горном Алтае одной из главных насущных проблем становилась задача урегулирования земельных отношений. Требовалось проведение межселенного землеустройства между русскими и алтайскими земельными обществами для урегулирования запутанных земельных отношений и устранения почвы для будущих конфликтов. Другая, не менее важная причина для проведения скорейшего землеустройства диктовалась хозяйственными соображениями. Землепользование в Горном Алтае зачастую сопровождалось чересполосицей, дальнотельем, большим количеством неудобных земель [Кочевники 2020: 175].

Но главной целью землеустройства являлось осуществление основных принципов аграрной политики большевиков – ликвидация частной собственности и устранение из хозяйственной жизни влияния зажиточных слоев. Для установления «уравнительного землепользования» требовалось проведение межселенного землеустройства, которое было призвано создать устойчивые границы между земельными обществами, и внутриселенного межевания в пользу беднейших слоев населения, вне зависимости от этнической принадлежности [Белозерова 2010: 122]. Отвод земли проводился, в первую очередь, в пользу коллективных хозяйств и кооперативов, и бедняцко-батрацких слоев деревни.

Развертывание землеустроительных работ в области отставало от растущего спроса населения на землеустройство. Областной земельный отдел сразу после окончания первого полевого землеустроительного сезона в 1924 г. постоянно подчеркивал первоочередное значение землеустройства кочевого и полукочевого населения. Обычно первоочередное право в получении земельной регистрации и землеустройство предоставлялось коренному алтайскому населению и русскому населению, проживавшему в местах водворения до принятия ВЦИКом Закона о социализации земли 19 февраля 1918 г. При этом преимущественное право при наделении землей в случае малоземелья получало алтайское население. Во вторую очередь наделалось землей пришлое русское население, но проживавшее в области до издания «Закона о трудовом землепользовании» 23 мая 1922 г. В последнюю очередь подлежали землеустройству переселенцы, прибывшие в область после принятия указанного Закона 23 мая 1922 г. Данные рекомендации областных советских властей и земельных органов об устройстве кочевого и полукочевого населения в первую очередь, определяли порядок землеустройства в области.

На первом этапе землеустроительных работ в 1923–1927 гг. основные работы ставили своей задачей межселенное размежевание и земельную регистрацию земельных обществ. Оно было направлено на решение основных проблем, которые многие годы носили затянувшийся характер. Требовалось установить права граждан на землю, зарегистрировать их, и разграничить наделы земельных общин. К середине 1920-х гг. в ряде мест, где соседствовали разные формы землепользования, сохранялась неопределенная ситуация по вопросу об использовании спорных земельных угодий между оседлыми переселенцами-земледельцами и кочевым и полукочевым населением. Межселенное землеустройство в целом к 1927 г. устранило указанную проблему. Важным итогом межселенного землеустройства стало увеличение трудового землепользования за счет выделения полукочевому населению пахотных земель.

На втором этапе землеустроительных работ в 1927–1929 гг. основной объем мероприятий пришелся на внутриселенное землеустройство индивидуальных хозяйств. Основная задача на данном этапе, накануне сплошной коллективизации, заключалась в переделе земель в пользу бедняцких слоев. Инициатива проведения внутривоспользовательного землеустройства с переделом земель и распределением по классовому принципу исходила, как правило, от бедняцкого собрания граждан общества [Госархив РА. Ф. Р–42. Оп. 5. Д. 187. Л. 64]. Бедняцкие и маломощно-средняцкие слои получали при этом право первоочередности в выборе наиболее качественных и близких луговых и пахотных участков [Госархив РА. Ф. Р–42. Оп. 5. Д. 187. Л. 4, 4об., 7, 7об.]. В результате в кочевой и полукочевой общине бедняцкие слои получили более удобные и качественные угодья – сенокосы и пахотные земли. Однако пастбища оставались в общем пользовании, их основными пользователями оставались крупные собственники скота. Зажиточные (байские) слои, несмотря на подрыв своих экономических сил вследствие утраты удобных сенокосных и пахотных угодий, продолжали сохранять свое влияние в кочевой общине. Устойчивость родовых отношений в алтайской полукочевой общине серьезно сдерживала процесс ее осереднячивания. В местах, где переделы пахотно-сенокосных угодий остались в незавершенном состоянии, бай являлись основными пользователями сенокосов и пастбищ.

Вторая задача землеустройства на данном этапе заключалась также во внутривоспользовательном землеустройстве с целью отвода

земли для коллективных хозяйств разных форм. В соответствии с программными установками государства коллективным хозяйствам предоставлялись в первоочередном порядке лучшие земли. Стремление населения к созданию коллективных хозяйств инициировалось и поощрялось государством, что соответствовало программным целям советского государства. За период с начала 1928 по середину 1929 гг. площадь устроенных колхозов в области выросла с 3300 до 81100 га. К концу 1929 г. были землеустроены 59 из 113 коллективных хозяйств всех видов (8 сельхозкоммун, 8 сельхозартелей, 11 ТОЗов, 45 животноводческих колхозов, 3 машинных товарищества) – или 52,2 % от общего числа [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 21, 114].

Важными результатами землеустройства стал начавшийся переход к оседлости кочевого населения. В 1920-е гг. процесс оседания алтайцев-полукочевников происходил стихийно. Он во многом зависел от экономических возможностей полукочевых обществ и отдельных хозяйств. Бедняки не выражали желания перейти к оседлости ввиду экономической слабости. На обработку пашни и возведение построек требовались значительные средства. Середняки также не проявляли интереса к оседанию, однако высказывались в пользу передела пахотных земель зажиточных хозяев. Внутриселенное землеустройство во многом побудило алтайцев-скотоводов к распространению земледелия в своих хозяйствах. В местностях, где природно-географические условия способствовали его развитию, население стало распахивать землю под посевы [Кочевники 2020: 189].

Однако огородничество не получило развития, население не проявляло интереса к нему ввиду сложных природно-климатических условий.

Землеустроительные работы в среде полукочевого населения накануне сплошной коллективизации не вносили существенных перемен в жизнь коренного населения. Сохранялся полукочевой быт, однако земледелие стало играть большую роль в их хозяйственной жизни. В ряде мест население переходило на организацию коллективных хозяйств разных форм.

Кооперация. В условиях постепенного оздоровления хозяйственной жизни перед большевистским руководством стояли задачи восстановления сельского хозяйства и налаживания товарооборота между городом и деревней. На кооперацию

возлагались задачи: во-первых, укрепления экономической связи между государственным хозяйством и крестьянским населением путем налаживания товарооборота, где кооперации отводилась роль посредника. Кооперация в рамках политики нэпа была призвана оживить материальные стимулы крестьянского хозяйства и обеспечить рост объемов продукции сельского хозяйства. При этом партийное руководство стремилось сохранить влияние большевистского государства на экономическую жизнь в селе путем ограничения частной торговли и уменьшения влияния зажиточных слоев. Государство поощряло организацию кооперативных объединений, обеспечивая интересы бедняцких слоев.

К 1 ноября 1922 г. в Ойротской автономной области числилось 30 кооперативов, расположенных в пределах волостей и находившиеся в крупных селах области. Деятельность потребительской кооперации охватывала на данный момент почти всю территорию области – 150 населенных пунктов – сел, деревень, айылов и пр. [Кочевники 2020: 201].

Кооперативы реализовывали населению, в первую очередь, мануфактурный товар (ткани, обувь и др.), бакалею (сухие продукты, чай кирпичный, соль, спички), а также – керосин, железо, скобяные изделия, галантерею (мелкие промтовары широкого потребления). Потребительские товарищества осуществляли, кроме снабжения, и заготовку сырья. На них возлагались задачи организации товарообменного фонда для обмена на продукцию животноводства, распределения товаров по волостям и селениям. От населения принималась продукция животноводства и промыслов: скот в живом весе, кожсырье, сало, пушнина, рога маралов, шерсть и др. [ГААК. Ф. Р–26. Оп. 2. Д. 123. Л. 53].

В 1922–1923 гг. кооперация в Горном Алтае строилась по принципу интегрирования – объединения всех форм кооперации в единую организацию. Ввиду хозяйственной слабости местных хозяйств и упадка экономической жизни в Ойротии интегральная форма кооперации диктовалась необходимостью объединения средств маломощных кооперативов [Екеев 1988: 119]. Большая часть потребительских кооперативов в начале 1920-х гг. была убыточна и кредитовалась государством [Чедурова 2018: 23].

Созданное на объединенной основе, кооперативное объединение «Ойрот-Интеграл» включало в себя кустарные артели, сельскохозяйственные кооперативы, потребительские общества,

охотничьи артели, кустарно-промысловую кооперацию [Госархив РА Ф. П–1. Оп. 1. Д. 58. Л. 11]. Столь разнородный состав первого после окончания гражданской войны кооперативного союза являлся следствием хозяйственной слабости каждого вида кооперации.

В 1923–1924 г. финансовое положение кооператива ухудшилось, чему в немалой степени способствовал первый кризис нэпа – кризис сбыта 1923 г., когда возник дисбаланс цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Из-за дороговизны промтоваров крестьяне перестали сдавать на рынок свою продукцию. Слабая покупательная способность населения приводила к свертыванию товарообмена. В итоге «Ойрот-Интеграл» реализовывал населению товары широкого потребления по сниженным ценам, зачастую – без большой выгоды для себя. Вскоре «Ойрот-Интеграл» распался, и на его месте стали создаваться специализированные кустарно-промысловые кооперативы [Кочевники 2020: 204].

Созданный в ноябре 1923 г. Ойротский областной союз кооперативов включал в свой состав 25 потребительских обществ с 2124 пайщиками. В его состав позже вошли Облсоюз охотничьих артелей и союз военно-потребительских обществ [Очерки 1973: 164].

К середине 1920-х гг. материально-финансовое состояние кооперативных организаций улучшилось, чему способствовало укрепление финансовой стабильности в стране. Завершение в 1924 г. денежной реформы и введение твердой валюты – «червонца» послужили дополнительным толчком в развитии кооперативного движения в Ойротии, и обозначило новый этап в ее развитии, который продолжался до свертывания нэпа в 1927–1928 гг.

К 1925 г. в области шли процессы быстрого становления специализированных кооперативов в сфере маслоделия, кустарной промышленности, сельскохозяйственного производства. Потребительская кооперация была наиболее развитой среди других видов кооперации. Она, вплоть до организационного укрепления сельскохозяйственно-кредитной и молочной кооперации, выполняла помимо торгово-потребительских также сбыто-снабженческие и агрокультурные функции. Потребкооперация, помимо укрепления товарооборота и снабжения населения, выполняла задачу вытеснения частного торговца из экономической жизни Горного Алтая. В указанный период доля частного сектора в торговле резко сократилась – с 25,3 % до 3,7 % [Екеев 1988: 121].

В целом сеть потребительских обществ за 1923–1926 гг. увеличилась с 26 до 40, но к 1929 г. сократилась до 33. Число членов потребкооперации за 1923–1929 гг. увеличилось с 2124 до 26450 чел., составив почти 41 % всего взрослого населения Горного Алтая. В 1927 г. потребительская кооперация охватывала около половины всех обследованных хозяйств [Екеев 1988: 119, 120].

Восстановление молочноскотоводческих хозяйств области дало развитие масло-сыродельной кооперации, которая занималась переработкой и сбытом молочной продукции. Данный вид кооперации получил быстрое распространение в области. Численность молартелей возросла с 26 в 1924/25 гг. до 35 в 1928/29 гг., а кооперированных хозяйств – с 3500 до 8853. В 1927 г. членами молочной кооперации являлись 19,5 % всех хозяйств области [Крестьянство 1983: 200], а в 1928/29 гг. системой молкооперации было охвачено уже около 39 % всех хозяйств населения. По национальному составу среди пайщиков молкооперации в 1928/29 гг. преобладали русские крестьяне, их удельный вес составил более 70 %, а алтайцев – около 30 %. Инициативу в кооперировании больше проявляли русские хозяйства. В молкооперацию быстро вовлекались оседлые крестьяне и крайне медленно – полукочевые скотоводы [Екеев 1988: 121, 122].

Натуральный характер хозяйств сдерживал развитие молочной кооперации среди скотоводов. Об этом свидетельствуют данные, которые характеризуют объемы переработки молока в алтайских хозяйствах для собственного использования кисломолочных продуктов. По данным Ойротского статбюро, в 1924 г. на производство всей кисломолочной продукции было потрачено молока – объемом около 780 тыс. пудов общей валовой стоимостью 557,3 тыс. руб. Участвовать в кооперации имели возможность, большей частью, зажиточные и середняцкие хозяйства. Для приема «излишков» молока сельскому населению раздавалась мануфактура и товары широкого потребления. Такую возможность имели крупные и зажиточные держатели молочного скота. Бедняцкие хозяйства, по информации кооперативного отдела Ойротского Обкома, не могли позволить себе сдачу молока в обмен на товары, и привлекались к кооперации путем предоставления льгот и материальной помощи [Каташев 2020б: 381].

Основной формой кооперации в Горном Алтае была сельскохозяйственно-кредитная. Она осуществляла ссудные

и снабженческо-заготовительные функции по кредитованию индивидуальных хозяйств, простейших товариществ, колхозов.

На 1 октября 1925 г. в Ойротии действовали 8 кредитных товариществ (в 8 из 10 районных центров), которые объединяли 4417 крестьянских хозяйств или 25 % всех хозяйств. К этому времени в местах проживания полукочевого населения уже действовали кредитные товарищества [Екеев 1988: 119]. При ограниченных ресурсах областного бюджета кредитные товарищества выполняли роль посредников между Облсоюзом и населением в выдаче ссуд [Кочевники 2020: 209].

Степень вовлечения в кредитную операцию оставался не одинаковым – в национальных алтайских аймаках он был ниже среднеобластного уровня и на порядок меньше, чем в русских аймаках.

Кредитная деятельность носила выраженную классовую направленность, что определялось установками аграрной политики большевиков. Кредитные средства выделялись, в основном – бедняцким хозяйствам.

С восстановлением сельского хозяйства в Горном Алтае, с содействия партийных и государственных властей организуется сельскохозяйственная кооперация. Ее членами могли стать производственные кооперативы, артели, товарищества и общества, имевшие целью улучшение и развитие хозяйства, совершенствование сбыта сырья, промышленных и кустарных изделий. Сельскохозяйственная кооперация представляла собой один из инструментов воздействия советского государства на производственные процессы распыленных мелких хозяйств [Чедурова 2018: 25]. Через систему сельскохозяйственной кооперации осуществлялись заготовки, сбыт и частичная переработка крестьянской продукции, государственное кредитование крестьянства, снабжение его инвентарем, оборудованием, семенами и пр. [Екеев 1988: 20].

Шел процесс становления и производственной кооперации. По области с 1925 по 1929 гг. численность производственных кооперативов увеличилась с 25 до 89, а количество объединенных в них единоличных хозяйств выросло с 404 до 1766.

Главной формой производственного объединения стали животноводческие товарищества. На 1 марта 1928 г. в числе 121 зарегистрированного коллектива числились: 2 коммуны,

19 сельхозартелей и ТОЗов, 5 мелиоративных и 25 кустарно-промысловых товариществ, 41 животноводческое объединение. Артели и товарищества объединяли 2062 хозяйства, в т.ч. 458 алтайских. В коммуны и артели объединялись преимущественно бедняцкие маломощные хозяйства, а зажиточные – шли на создание машинных и животноводческих товариществ [Демидов 1970: 142].

Аналогичная картина имела место и в алтайских хозяйствах. В середине 1920-х гг., на начальном этапе организации производственных кооперативов в алтайской полукочевой среде большую роль в их организации сыграли зажиточные слои. Появились простейшие коневодные товарищества, которые в значительной степени были представлены зажиточными алтайцами, а бедняков было незначительное количество. Товарищества, созданные бедняцкими хозяйствами, оставались слабыми в материальном отношении. К 1927 г. из всех бедняцких хозяйств лишь 57 % имели устойчивый рост, остальные не развивались, или же разорялись [Демидов 1970: 141].

К концу 1920-х гг. различными видами кооперации была охвачена основная часть крестьянских хозяйств Горного Алтая. В 1929 г. около 8 % крестьянских хозяйств входили в простейшие производственные объединения, 39 % – в маслосырдельную и более 47 % – в сельскохозяйственно-кредитную кооперацию.

Во второй половине 1920-х гг. набирала силу форма производственного кооперирования – колхозы, однако их доля до начала коллективизации оставалась мизерной. В 1927 г. колхозы объединяли 1,8 % [Екеев 1988: 125, 126], а в 1928 г. – 2,58 % крестьянских хозяйств Горного Алтая. К октябрю 1929 г. колхозы объединяли 6,3 % крестьянских хозяйств [Демидов 1970: 145].

Кооперация послужила средством, которое государство использовало для включения кочевого и полукочевого населения в структуру советского общества. Алтайцы не проявляли сильного стремления стать участниками кооперативного строительства. Инициатива принадлежала русским земледельческим хозяйствам, тогда как полукочевое и кочевое население придерживалось привычных форм хозяйствования. Алтайское полукочевое население было в меньшей степени вовлечено в кооперацию, чем русское. Это было обусловлено географической отдаленностью, невысоким уровнем экономики национальных районов, низкой плотностью населения. На начальном этапе производственной кооперации инициатива в создании простейших животноводческих

товариществ и товариществ по обработке земли принадлежала зажиточным слоям алтайской полукочевой общины.

В дальнейшем зажиточным слоям были поставлены препятствия в организации кооперативов и членства в них. Между тем политика партийного руководства, направленная на поддержку малоимущих слоев, послужила серьезным фактором вступления алтайских хозяйств в кооперативные объединения. Предоставление льгот и материальная поддержка делали кооперацию привлекательной в глазах бедноты. Социальный состав всех видов кооперации в Горном Алтае был представлен в большей степени, малоимущими слоями. Характерно, что в кооперативных объединениях, в первую очередь – в организации сельскохозяйственной кредитной кооперации – продолжали состоять зажиточные слои. В данном случае мотивы были сходными с интересами бедняцких слоев – стремление использовать предоставляемые льготы для улучшения своих хозяйств. Вместе с тем преобладающая роль малоимущего населения в составе коллективных объединений во многом обусловила их материально-финансовую слабость.

К концу 1920-х гг. кооперация подпадала под контроль государственных структур, и подверглась огосударствлению.

Сельскохозяйственное производство. Постепенное восстановление экономической жизни создавало условия для роста сельскохозяйственного производства в Горном Алтае. Усилилась помощь государства в обеспечении хозяйств, в первую очередь – колхозов и бедняцких хозяйств машинами и сельскохозяйственным оборудованием. Вместе с тем, помощи государства в поставках сельскохозяйственного инвентаря было недостаточно. С целью восполнить потребности хозяйств в сельхозоборудовании и машинах, в области советскими органами организуются прокатные и зерноочистительные пункты.

Рост обеспеченности крестьянских хозяйств сельхозинвентарем способствовал расширению площади пашни (см. табл. 1).

Таблица 1

Посевная площадь Горного Алтая, тыс. га

	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Общая площадь	19,7	21,7	15,8	19,2	19,7	21,2	25,2	28,9	33,2	37,9

Источник: *Екеев* 1988: 178.

Данные таблицы показывают, что с 1923 г. происходит рост площади посевов: уже в 1926 г. она превышала уровень 1920 г. на 16 %, а уровень 1916 г. – на 27,9 %. Основными центрами земледелия были Уймонский, Онгудайский, Майминский, Шебалинский аймаки, здесь было сосредоточено 78 % всех посевных площадей.

Рост посевной площади и предпринимаемые властями меры поддержки способствовали увеличению валового сбора зерновых в регионе. За 1923–1929 гг. возросло производство зерновых культур: пшеницы – в 4,8 раза, ячменя – 2,3, ржи – 1,8 и овса – в 2,6 раза. Снижился валовой сбор проса – 3,2 раза. В целом, к 1929 г. потребность в зерновой продукции населения Горного Алтая крестьяне области покрывали на 60 % [*Екеев* 1988: 81].

Недостаток производства зерновых культур восполнялся торговлей с соседними районами Алтайского края. Так, на ежегодных ярмарках в аймаках и областном центре крестьяне постоянно обменивали зерно и муку на продукты скотоводства, промысловые и промышленные изделия. Значительное количество зерна – примерно 500-800 тыс. пудов крестьяне Ойротии приобретали на ярмарках соседнего Бийского округа [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 463. Л. 40; Д. 464. Л. 71; Д. 459. Л. 57].

Несмотря на всю важность земледелия, главное место в экономике Горного Алтая занимало животноводство. Гражданская война привела к существенному сокращению поголовья домашнего скота в регионе, но в 1920-е гг. численность животных значительно подросла. Поголовье скота сравнительно быстро достигло дореволюционного уровня и продолжали стабильно увеличиваться (см. табл. 2).

Таблица 2

Поголовье скота в Ойротии в 1920-е гг., тыс. гол.

	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Лошадь	133,5	88,8	74,9	73,3	81,3	81,2	83,9	99,6	114,6	116,5
в т.ч. рабочие	94,1	62,7	54,4	45,9	54,3	51,7	53,1	49,9	55,3	64,7
КРС	138,7	100,8	75,5	76,9	110,9	125,6	154,4	192,3	214,3	213,2
в т.ч. коровы	67,8	57,3	38,1	39,2	51,8	54,9	65,8	71,9	86,7	86,3

Овцы и козы	150,0	81,3	99,8	119,8	184,8	226,2	267,1	287,5	382,7	428,2
Свиньи	5,2	10,9	3,9	3,6	13,5	13,2	14,5	24,2	18,2	6,6
Маралы	1,9	с.н.	1,6	1,6	1,5	1,6	1,7	2,1	2,6	2,7
Верблюды	0,5	с.н.	0,6	0,6	0,6	0,7	0,9	1,1	1,3	1,6

Источник: *Екеев* 1988: 180.

На рост численности скота в период нэпа повлияла поддержка государства животноводческим хозяйствам. Решением ВЦИК и Совнаркома СССР от 15 июля 1924 г. оказывали поддержку хозяйствам Ойротии путем предоставления налоговых льгот. Скидки на налог получали бедняцкие и разорившиеся хозяйства и хозяйства, которые вели работу по улучшению скота. Льготы по налогу распределялись по классовому принципу. Не распространялись льготы на хозяйства, которые имели более 40 голов скота. Не предоставлялись льготы и хозяйствам, главы которых имели подсобные занятия [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 141. Л. 90, 91].

На положительную динамику поголовья молочного скота значительно повлияло и включение многих хозяйств в высокотоварное маслосыродельное производство. Для стимулирования маслосыродельной кооперации в период нэпа широко проводились работы, направленные на повышение численности и продуктивности КРС. Рост численности овец и коз в Ойротии был обусловлен и высокой товарностью продукции этой отрасли животноводства, выгодными для хозяйств заготовительными ценами на шерсть, овчину и кожу. Традиционно значимой оставалась роль овцеводства и козоводства в жизнеобеспечении полукочевых (кочевых) хозяйств, поскольку обеспечивали их не только пищей, но и сырьем для изготовления одежды, обуви, кошмы [Екеев 1988: 85].

Положительным итогом предпринимаемых мер стал рост объемов заготовок продуктов животноводства. С 1925/26 по 1928/29 гг. объемы заготовок резко возросли: по маслу – в 3,3 раза, мясу – в 2,6 раза, шерсти – в 9,4 раза, кожи крупной – в 13, кожи мелкой – в 10,5 раза [Екеев 1988: 86, 183].

В 1920-е гг. населению удалось не только восстановить хозяйство, но и превысить уровень 1916 г. по общему поголовью домашних животных. В период нэпа усилилась кредитование и

государственная помощь хозяйствам области, в первую очередь – колхозам и бедняцким хозяйствам. В результате в области возросло общее количество сельскохозяйственных орудий и машин. Рост посевной площади и предпринимаемые властями меры поддержки способствовали увеличению валового сбора зерновых в регионе. В хозяйствах населения Ойротской автономной области существенно выросла численность поголовья скота.

Социально-экономические изменения в селе и дьурте Горного Алтая. В Горном Алтае 1920-х гг. социальная структура оседлой деревни была такой же, как и по стране в целом. Крестьянское общество делилось на батраков, бедняков, середняков и кулаков. Расслоение полукочевого алтайского населения было по следующему типу: беднота – *дьокту*, средние слои – *талортулу* и кулацко-зажиточные слои – *баи*.

По мере подъема сельского хозяйства в Горном Алтае средние слои материально укреплялись и увеличивались в численности, при сохранении групп беднейших и кулацких/байских хозяйств. Например, в Ойротии за пять лет (1924–1928 гг.) удельный вес середняцких хозяйств повысился с 47,5 % до 64,8 %, а бедняцких соответственно понизился с 50,7 % до 31,6 %. Кулацкая/байская группа возросла с 1,9 % до 3,8 % [Демидов 1970: 140] и оставалась незначительной в социальной структуре сельского населения.

В 1920-е гг. байские хозяйства полукочевого населения Горного Алтая в период нэпа большей частью смогли частично восстановить свои хозяйства. Необходимо отметить особую роль байства в кочевой и полукочевой общине: многие из них являлись потомственной родовой аристократией: зайсанами, демичи, волостными управителями [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 581. Л. 12]. Баи в глазах алтайцев во многом представляли собой богатых, удачливых родовичей, которые пользовались непререкаемым авторитетом у кочевников. Баи обеспечивали скотом и работой своих малоимущих сородичей. Они имели опыт взаимодействия с органами государства, что представляло большое значение в среде полукочевого (кочевого) населения, которое в основной своей массе было неграмотным и не владело русским языком. В результате байство в Горном Алтае сохранило как экономическое, так и общественное влияние [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 581. Л. 14]. Рост сельскохозяйственного производства в период нэпа

способствовал применению труда батраков. Наемный труд чаще использовали зажиточные кулацко-байские и часть середняцкие хозяйства.

Советские органы власти защищали интересы батрачества, выявляя и ограничивая кулацко-байские эксплуатации, старались учесть и охватить трудовыми договорами батраков, вовлечь их в профсоюз сельскохозяйственных работников [История 2000: 164–165].

Важнейшим методом ограничения и вытеснения байства и кулачества являлась налоговая политика советского государства. Система налогового обложения стала служить средством контроля над частным капиталом и регулированием его накоплением. Так, в области в 1925–1926 гг. сумма сельскохозяйственного налога составила 121120 руб., в 1926–1927 гг. – 147700 руб., в 1927–1928 гг. – 212000 руб. и в 1928–1929 гг. – 342900 руб. При общем возрастании сельхозналога тяжесть обложения легла на середняков и, в первую очередь – на кулаков/баев (см. табл. 3). Например, в скотоводческих хозяйствах региона, в которых доход от животноводства превышал доходы от земледелия. К таковым хозяйствам в 1926–1927 гг. было отнесено 69,2 % всех хозяйств и 65,7 % едоков.

Таблица 3

Налог на одно хозяйство по имущественному положению, руб.

	1925–1926 гг.	1926–1927 гг.
Маломощное	2,81	8,08
Средняцкое	7,86	26,65
Зажиточное	74,96	124,32

Источник: История Горного Алтая 2000: 170.

Как свидетельствуют данные таблицы, в 1926–1927 гг. зажиточные скотоводческие хозяйства были обложены налогом в сравнение с маломощными скотоводческими хозяйствами в 15,3 раза больше, а с середняками 4,6 раза.

Большинство бедняцких хозяйств освобождались от уплаты налогов или получали скидку. В 1925–1926 гг. в целом по стране удельный вес освобожденных от налога самых маломощных хозяйств достиг 25 % [Данилов 2011: 202, 203]. В Горном Алтае в 1925–1926 гг. он составил 29 % всех хозяйств, подлежащих обложению, в 1926–1927 гг. – 42 %, в 1927–1928 гг. – 43 %, в 1928–

1929 гг. – 46 %. Другая часть маломощных хозяйств имела льготные ставки при уплате налогов. Единый сельхозналог на 1927–1928 г. увеличил число освобожденных от обложения бедняцких хозяйств, что стимулировало их развитие, и усилил обложение кулацко-байских хозяйств [История Горного Алтая 2000: 170].

В 1920-е гг. по мере подъема сельского хозяйства Горного Алтая увеличивалась численность середняцких хозяйств, также экономически окрепла и зажиточная часть, соответственно сократилось количество бедняцких хозяйств. Процессу осереднячивания в немалой степени способствовали мероприятия советского государства: землеустройство, кооперация, аграрная и налоговая политика. В аграрной сфере политика государства была направлена на оказание помощи маломощным и середняцким хозяйствам, экономическое ограничение и давление на кулачество.

На этапе свертывания нэпа началась экономическая борьба с кулачеством. При землеустройстве советские органы наделяли зажиточные слои дальними и худшими пашнями, бедноте и середнякам давались ближние и лучшие наделы и покосы. Советское государство проводило политику экономического давления на зажиточные слои, используя налоговые меры. Были увеличены сборы податей по отношению к кулакам и баям при существенном ослаблении налогового бремени для маломощных хозяйств.

В борьбе за влияние на население власти активно использовали газеты и печать. В таком отдаленном регионе, как Ойротия, при слабом распространении радио, газеты являлись единственным органом СМИ, который вел идеологическую борьбу против байства. Так, алтайский драматург Мирон Мундус-Эдоков в статье «Алтай сөөктү карындаштар» пишет о том, что на Алтае есть четыре ненасытных чудовищ («*dört jeek-шиллимип бар*»), у них уже нет прежнего влияния и силы, поэтому не надо подвергается их обману. Далее Мундус-Эдоков перечисляет этих ненасытных чудовищ, и на первом месте он ставит – бая/кулака (*Баитанкы jeek бай* – бай/кулак, первое ненасытное чудовище). Остальные чудовища – это служители культа: косматый православный священник (*jeltek чачту абыс*), с черными мыслями шаман (*кара сагышту кам*) и обманщик дьярлыкчи [Мундус-Эдоков 1926: 2].

В течение всего периода нэпа газета активно представляет на своих страницах образ бая/кулака в негативном, отталкивающем образе. Бай показан чуждым для нового советского общества

враждебным элементом, эксплуататором, жадным и хищным мироедом [Жалга жүрген 1925: 1; Дади 1926: 2]. Во многих номерах «Кызыл Ойрот» печатаются короткие рассказы о плохом отношении баев/кулаков к бедным людям [Байлар жендегенче 1925: 2; Тайбон 1926: 2]. Также в газете печатается материал, как противодействовать влиянию байства/кулачества в аймаках области. Показаны и способы противодействия влиянию байства – при помощи местных Советов, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи или объединившись в кооперативы [Аноятов 1925: 1].

Срыв хлебозаготовок зимой 1927–1928 гг. власти использовали как повод для свертывания нэпа. Фактическое снижение закупочных цен, дефицит бюджета, обострение внешнеполитической обстановки привели к дефициту промтоваров и падению товарообмена между городом и деревней.

Ужесточение контроля над частной торговлей в степных районах во время кризиса хлебозаготовок 1927-1928 гг. вызвало сбой в обеспечении населения Горного Алтая хлебом. Крестьяне, закупавшие хлеб в Бийске, подвергались арестам и конфискации закупленного хлеба [Политические репрессии 2017б: 69].

С лета 1928 г. в Ойротии усилилась кампания по учету объектов налогообложения, с широким вовлечением в нее бедноты и батрачества. На укрывавшихся от налогообложения налагались штрафы. Налоговый пресс стал ощутимо сказываться на положении зажиточных хозяйств. Большинство штрафов определялись в 10-кратном размере, в том числе и за незначительные укрытия от налогообложения – сотые десятины посева. Отсутствие разработанного перечня признаков кулацких хозяйств позволяло аймакисполкомам и сельсоветам произвольно причислять многие середняцкие хозяйства к кулацким.

Количество освобожденных крестьян от сельхозналога в 1927-1928 гг. составило 38 % против 27,6 % в 1926-1927 гг., а число кулацких/байских хозяйств, облагавшихся по повышенной ставке, увеличилось до 6 % против 0,9 % [История Горного Алтая 2000: 171].

После апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) в 1929 г. административный и налоговый пресс на зажиточное крестьянство стал усиливаться с каждым месяцем. «Кулаки» уже не желали оставаться «кулаками» и стремились

распродать свое имущество, сократить площадь посевов, чтобы уйти от высокого налогообложения. Уже весной 1929 г. власти обнаружили факт сокращения посевных площадей. Решить эту проблему предполагалось административными мерами. За сокращение посевов крестьяне зачастую лишались земли. Председатель Ойротского облисполкома И.С. Алагызов накануне посевных работ отправил на места телеграмму с предупреждением о тщательном учете причин сокращения посевных площадей. Особо подчеркивалось о необходимости исходить из классового принципа при рассмотрении дел о сокращении посевов. В отношении кулаков аймакисполкомы безоговорочно применяли решение о лишении прав землепользования [Политические репрессии 2017б: 72].

Чрезвычайные методы особенно широко проявились в хлебозаготовительную кампанию осенью 1929 года. Любое проявление сочувствия к кулакам в виде недообложения строго осуждалось [Политические репрессии 2017а: 36].

Курс на изоляцию «кулака» в деревне проводился и в общественно-политической сфере. В 1928-1929 гг. в стране прошла кампания перевыборов в Советы, которая проводилась под лозунгом борьбы с кулацкими элементами. Выборам в национальных регионах партия уделяла особое внимание, поскольку в них в большой степени присутствовали «пережитки докапиталистических отношений»: значительное влияние байских слоев на сельское население, низкая доля пролетариата в составе населения, «классово-чуждый» состав национальной интеллигенции, слабость партийных кадров и организованность кулацких слоев и т.д. Все эти особенности присутствовали и в Горном Алтае. В кампанию выборов в Советы намечалось ограничить влияние кулаков и баев на односельчан. В результате перевыборной кампании 1929 г. в Советы вошли представители той части деревни, которая готова была поддерживать все мероприятия советской власти. Кулаки и баи лишались избирательных прав, утрачивая свое влияние в селе. Но и после завершения перевыборной кампании предпринимались меры по «очистке» сельсоветов от «проникших» «классово-чуждых элементов».

В номерах газеты публиковались материалы, в которых звучали призывы объединить в единый союз батраков, бедняков и середняков. Указывалась конкретная цель – активно участвовать в выборах в сельские советы, с целью не допустить туда баев/кулаков.

Так, в январском номере газеты за 1929 г. на первой странице в передовице говорилось *Советтерге бирде бай-кулак кирбегени – жоктуларга арга болор. Байлар советтерге кирерге күүрүрөнөр кылыгын базалы. Онын арга-эби жоктулар, батрактар, орто-жаткандар бирик эиндэ болор* – «Если в Советы не войдет ни один бай/кулак – беднякам хорошо будет. Надо пресекать вход баев в Совет. Сила будет в объединении бедняков, батраков и середняков» [Советтерге 1929: 1].

Лишение избирательных прав рассматривалось в индивидуальном порядке на сельских сходах. Несмотря на общий агрессивный настрой в отношении зажиточных крестьян, нередко в их отношении звучали слова защиты со стороны односельчан. В целом лишение избирательных прав граждан по экономическим, социальным и политическим признакам, затронуло значительную часть крестьянства. Кампания травли зажиточного крестьянства захватила партийные ряды. Любое проявление сочувствия кулакам объявлялось отступлением от линии партии и строго осуждалось.

И так, завершением Гражданской войны сельское хозяйство Горного Алтая оказалось в тяжелом положении. Особенно пострадало животноводство, что привело к снижению уровня жизни алтайцев. Оживить сельское хозяйство, придать ему импульс в развитии возлагалось на землеустройство и кооперацию, которые стали основными направлениями политики большевиков по включению коренного алтайского населения в систему советского государства. Восстановление сельского хозяйства сопровождалось процессом «осереднячивания» крестьянства. Политика советского государства была направлена на поддержку интересов бедняцко-батрацких слоев путем предоставления налоговых льгот, лучших земельных участков и т.д. Зажиточные крестьяне из среды русского и алтайского оседлого населения, баи подвергались усиленному налоговому давлению и ограничениям в гражданско-правовой сфере. Антикулацкая политика исключала у зажиточных слоев деревни стимулы улучшать благосостояние своего хозяйства.

Оценивая большую роль и авторитет байства в кочевой общине, идеологическое давление на баев принимало острую эмоциональную форму, что отражалось на страницах областной печати. К концу 1929 г. в деревне Горного Алтая сложилась атмосфера нетерпимости к зажиточному крестьянству. Форсированная коллективизация и раскулачивание деревни стали логическим продолжением политики

государства, направленной на применение «чрезвычайных» мер в отношении зажиточных слоев деревни.

2.4. Мелкая промышленность и промкооперация

Развитие кустарной промышленности в Горном Алтае в годы нэпа. В отличие от сельского хозяйства, промышленное производство в Горном Алтае оставалось на низком уровне и играло подсобную роль. До революции в регионе действовали частные маслозаводы, небольшими артелями велась добыча золота. Необходимые товары изготавливались кустарным способом, большей частью самим сельским населением. В условиях разрушенной отечественной промышленности кустарное производство оставалось особенно востребованным. В течение 1921 г. Совнарком РСФСР издал ряд декретов, поощрявших развитие кустарных промыслов в стране. Отход от практики «военного коммунизма», некоторое разрешение частной собственности оживили кустарное производство.

В Горном Алтае кустарные промыслы были сосредоточены главным образом в местностях, где существовали возможности сбыта продукции потребителям, а также в аймаках, богатых местным сырьем. В наибольшей степени мелкая промышленность получила развитие в многонаселенном по меркам Ойротии административном центре автономной области – с. Улала. Так, в 1923 г. в селе действовали 3 кожевенных, 6 пимокатных, маслобойный, 2 кирпичных завода. Действовали в областном центре небольшие кустарные мастерские (1-2 рабочих) по выделке кож, производству валяльной обуви, столярных изделий и простейшей мебели. Производство оставалось примитивным и сводилось к первичной обработке и переработке сырья [Анкудинова, Гонохов 2007: 7]. Цензовые предприятия (с числом рабочих 16 и более при механическом двигателе и с 30 – без двигателя) практически отсутствовали. Механические двигатели действовали лишь на двух предприятиях – на клепочном заводе и на лесопильном заводе в с. Майма-Чергачаке [Санжиев 1980: 169]. Кустарными промыслами население занималось и на северо-востоке Горного Алтая – в Лебедском (Турочакском) и Успенском (Чойском) аймаках (районах). Здесь преобладали промыслы, связанные с переработкой растительных ресурсов кедровой тайги – производство орехового и пихтового масел, заготовка бадана,

дегтекурение, смолокурение и пр. Большой частью кустарными промыслами занимались сами крестьяне. Живущее в лесных аймаках население до 60-80 % свободного времени от работ в своем хозяйстве тратило на выработку кустарных изделий (ушаты, лопаты, деготь и т.д.) [Каташев 2014: 310-311]. Продукция сбывалась в степных районах Алтая, куда крестьянин выезжал на продолжительное время. В 1924 г. кустарная промышленность и другие промыслы, за исключением охоты дали населению доходов на 395 тыс. руб., или около 8 % общей суммы доходов [Санжиев 1980: 169]. Большинство кустарей оставались крестьянами и промыслы являлись для них побочным занятием. Основные кустарные производства были представлены овчинно-меховым, маслодельным производством, изготовлением товаров первой необходимости.

В Горном Алтае, как и в других автономных республиках и областях Сибири, имели место следующие виды собственности: государственная, кооперативная, мелкотоварное производство кустарей и ремесленников. В районах повышенной концентрации промышленного производства и торговли частный сектор занимал заметное место в экономической жизни, особенно наглядно это прослеживается на примере административного центра области. Так, если в с. Улала в 1923 г. лесопильный завод относился к государственным предприятиям, маслодельный – к кооперативным, то в частном ведении находились сразу несколько заводов: 3 кожевенных, 2 гончарных кирпичный завод, бондарная и сапожная мастерские [Анкудинова, Гонохов 2007: 59]. Всего в 1924 г. в Горном Алтае насчитывалось 266 предприятий кустарного типа, в том числе 198 ручных сезонных мельниц (мутовок), 59 кузниц, 49 кожевенных заводов (кадушечников), 27 маслозаводов, 8 снарядов для обдирки проса (просорушек), 4 бондарных мастерских. Большая часть предприятий принадлежала кулакам и «одиначкам» [Каташев 2014: 311]. Но в целом частный капитал не играл заметной роли в экономической жизни региона. В аймаках подавляющее большинство кустарей составляли хозяева, не имевшие наемных работников. В 1926 г. доля частнокапиталистических элементов, эксплуатировавших чужой труд достигала 2,6 % всего состава кустарей [Санжиев 1980: 188].

Государство стремилось ослабить частника путем укрепления кооперации. Уже 7 июля 1921 г. Совнарком РСФСР Декретом «О промысловой кооперации» предписывал «оказывать кооперативным

организациям преимущества перед отдельными лицами при подыскании необходимых им помещений, при приобретении инструментов и при заготовке необходимого им сырья» [Решения партии и правительства 1967: 233]. В промысловых кооперативах обобществлялись основные средства производства, необходимые для ведения промысла. Оплата производилась в зависимости от количества и качества затраченного труда на основе действующей в промышленности тарифной системы. Деятельностью артелей руководили союзы промысловой кооперации, объединявшие артели по производственному или территориальному признаку. Союзы входили в промысловые советы, а во главе всей системы стоял Центральный совет промысловой кооперации (Центропромсовет). В первые годы нэпа решающую роль в становлении и развитии промысловой кооперации на местах сыграли соответствующие постановления СНК РСФСР и СНК СССР, а также ЦК РКП (б) от 12 июля 1921 г., 20 июля 1923 г., 20 мая 1924 г., которые определили организацию структур промысловых союзов в регионах.

Кооперативному союзу «Ойрот-Интеграл» подчинялись 10 артелей кустарей. Первые годы их работы отличались организационной слабостью, тяжелым финансовым положением, плохо налаженным снабжением кустарей сырьем и сбытом продукции. Снабжение и сбыт производились беспланоно. Основным источником сырья являлись местные ресурсы. Осложняла работу кустарей зависимость заготовительных организаций от частных лиц. Из-за хозяйственной и организованной слабости, недостатка средств и сырья кооперативные артели не могли привлечь большие массы кустарей.

Помимо кустарных обществ в «Ойрот-Интеграл» входили также сельскохозяйственные и потребительские объединения крестьян. Создание мелкой промышленности в Горном Алтае возлагалось на сельскохозяйственную и потребительскую кооперацию. Столь разнородный состав первого после окончания Гражданской войны кооперативного союза являлся следствием хозяйственной слабости каждого вида кооперации. К тому же партийные органы поощряли распространение кооперативных форм на все стороны деятельности крестьянства, поскольку в условиях разрыва торговых и хозяйственных связей именно на кооперацию возлагалась роль посредника в товарообмене между городом и деревней.

Подобный смешанный кооператив ограничивал самостоятельность кустарей, сельскохозяйственная деятельность велась зачастую за счет доходов от операций по продаже кустарных изделий. Власти были вынуждены признать, что подобные объединенные кооперативные организации лишают кооперативы самостоятельности. В 1924 г. «Ойрот-Интеграл» распался, и на его месте стали создаваться специализированные кустарно-промышленные кооперативы. В Горном Алтае процесс их создания стал набирать силу. В целом в этом году в области действовали 11 промысловых кооперативов [Каташев 2014: 312].

Успешное восстановление сельского хозяйства привело к повышению крестьянского спроса на продукцию промышленности. Недостаток промтоваров вследствие невысоких темпов развития легкой промышленности в восстановительный период стимулировал развитие кустарной промышленности Горного Алтая. Опережающий рост сельского хозяйства при отставании отечественной промышленности привел в итоге к «товарному голоду» и «первому» кризису нэпа в 1923 г. Нарушение товарообмена между городом и деревней требовало от партийного руководства действий по оживлению кустарно-промышленной кооперации, которая могла в течение короткого срока обеспечить рынок дешевыми товарами широкого потребления. Деревня большую часть своих потребностей в товарах удовлетворяла продукцией именно мелкой, а не крупной промышленности. Поэтому государство предприняло ряд мер по стимулированию мелкой промышленности путем кооперации кустарного производства. В течение 1923–1924 гг. государство ввело для кооперативных организаций налоговые и кредитные льготы, что создало благоприятные условия для развития кустарно-промышленной кооперации в стране. С этого времени данный вид кооперации стал укрепляться благодаря государственной поддержке. Некоторым кооперативам предоставлялись госзаказы, оказывалась помощь в снабжении сырьем и в сбыте продукции.

Тем не менее, большевики рассматривали кустарей и ремесленников как мелкобуржуазные элементы и стремились подчинить кооперацию своему влиянию. Уже осенью 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) образовало комиссию по партийной работе в кооперации, которая вела контроль за кадрами кооперативных союзов. Как следствие уже в начале 1920-х гг. кустарная кооперация стала ареной борьбы между правящей партией и «старыми»

кооператорами [Ягов 2009: 27]. В Горном Алтае, например, органы ГПУ систематически отслеживали политическую обстановку в «Ойрот-Интеграле», вели оперативную разработку членов союза из числа так называемых «бывших» сословий, анализировали степень влияния партийцев на работу кооператива и пр. Такими мерами партийное руководство стремилось распространить на кооперацию свой контроль.

Но промысловая кооперация не могла обеспечить нужды населения области товарами первой необходимости. Торговля же покрывала всего около 20 % спроса на них [Каташев 2014: 312]. Ведущую роль в обеспечении населения товарами повседневного спроса играло мелкотоварное производство кустарей. В 1925 г. в Горном Алтае насчитывалось 1215 кустарей и ремесленников, стоимость валовой продукции кустарной промышленности составила 746,8 тыс. руб. [Рабочий класс Сибири 1982: 185] У коренного населения самостоятельный слой кустарей и ремесленников почти отсутствовал. В 1926 г. среди алтайцев кустарей и ремесленников было всего 164. Производство было не товарным, а натуральным, шло на домашние нужды. Почти в каждом хозяйстве выделяли предметы рабочего и домашнего обихода [Санжиев 1980: 169]. По данным переписи населения 1926 г. в составе занятого населения Горного Алтая кустарей оказалось 1,58 %. В целом к 1929 г. количество кустарей в Горном Алтае увеличилось до 4463 чел., что свидетельствует о растущем потенциале кустарного производства в области.

При этом главная задача властей по-прежнему заключалась в кооперировании кустарных хозяйств и организации на их основе промышленных артелей кустарного типа. Промкооперация противопоставлялась неорганизованному производству кустарей-одиночек. В 1927 г. облисполком предпринял ряд мер по усилению промышленной кооперации путем объединения кооперирования кустарей вокруг кредитных товариществ и создания самостоятельных артелей, установления связи с рынками сбыта.

Между тем народное хозяйство Горного Алтая по многим показателям приближалось к довоенному уровню. К 1928 г. удалось достигнуть и превзойти довоенный уровень промышленного производства. В Горном Алтае валовая продукция всей промышленности в этом году составила 178 % к уровню 1913 г. Выросло количество маслосырзаводов, увеличился выпуск

продукции лесной промышленности, появилось полиграфическое предприятие.

Производство масла уже в 1925 г. превысило показатели 1913 года. В 1924 г. были выделены из состава потребительской и сельскохозяйственной кооперации в самостоятельные единицы 41 молочный завод. Количество маслосырзаводов увеличилось за 1922–1924 гг. с 24 до 41, а объем производства масла вырос за тот же период с 3930 до 13357 пудов, или почти в 3,4 раза, а к 1925 г. выработка масла расширилась в 2 раза по сравнению с предыдущим годом [Каташев 2014: 313]. С середины 1924 г. в Сибири началась организация молочных артелей и союзов, объединяемых Сибкрайсоюзом молочной кооперации. В Горном Алтае к этой работе приступили в 1925 г. Всего в Ойротии было организовано 25 артелей с общим числом членов 1893 чел., и 5600 коров при артелях. Маслоделие было сосредоточено, в основном, в г. Ойрот-Тура и в Успенском (Чойском) аймаке [Казанцева 1992: 14]. В 1923–1924 гг. появились предприятия по производству сыра, с течением времени они стали открываться на территории современных Онгудайского и Чемальского районов. Работали предприятия деревообрабатывающей промышленности. Производство строительных материалов было сосредоточено также на предприятиях промысловой кооперации [Рабочий класс Сибири 1982: 385].

Однако успешное восстановление народного хозяйства сдерживалось сложными природными условиями региона и, в первую очередь, горным рельефом местности и труднодоступностью. Поэтому огромную роль в экономическом развитии Горного Алтая играли пути сообщения с другими регионами страны. В условиях отсутствия железнодорожного сообщения особенно важное хозяйственное значение в жизни области имел Чуйский тракт, который постановлением ВЦИК РСФСР уже в мае 1922 г. был признан стратегически значимым объектом [Календарь ... 2007: 70]. Летом доставка товаров из Бийска в Улалу по гужевой дороге была затруднительной из-за дождей и разливов, а в весеннее-осеннее время тракт зачастую оставался непроходимым. Трудности с завозом товаров, слабые пути сообщения требовали создания дорожной сети. Поэтому, учтя предложения местных партийно-советских органов, Совет труда и обороны СССР включил Чуйский тракт в список дорог союзного значения. Следствием данного решения явилось строительство новой дороги, проходящей через всю

территорию Горного Алтая и связывающей монгольскую границу с Новосибирском. В итоге к 1928 г. на тракте были проведены ремонтно-дорожные работы, построены паромные переправы и новые мосты через притоки р. Катунь [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 13. Л. 79].

В результате заметно расширились объемы товарооборота с соседней Монголией. Основными товарами были чай, выделанная кожа, металлические изделия, ткани, маральи панты. Прокладка дороги послужила важной предпосылкой для дальнейшего развития промышленных производств в области.

Таким образом, уровень развития экономики Горного Алтая в указанный период оставался невысоким. В народном хозяйстве области присутствовали основные типы многоукладной экономики: государственный сектор, кооперация, частный капитал, мелкотоварное производство. Государственная ценовая промышленность в регионе практически отсутствовала, за исключением двух небольших заводов. Работали и частные предприятия, которые с течением времени усиливали свою роль в хозяйственной жизни региона. Преобладающее место в производстве товаров первой необходимости занимал мелкотоварный уклад, представленный мелкой кустарной промышленностью.

Заметную роль в хозяйственной жизни области играла кустарно-промысловая кооперация. Путь, пройденный кооперацией с 1922 по 1928 гг. характеризуется ее огосударствлением и подчинением жесткому государственному контролю. В условиях централизации кооперации, создаваемые промысловые артели попадали в сферу влияния Центропромсовета и местных государственных и хозяйственных органов. Вместе с тем, попав под опеку государства, кооперация получала поддержку от него в виде снабжения материалами и помощи в сбыте продукции.

Существовали и определенные трудности в развитии местной промышленности. К ним, в первую очередь относились плохие дорожные условия. Тем не менее, в течение 1923–1928 гг. удалось успешно осуществить реконструкцию Чуйского тракта. В указанные годы были созданы предпосылки для расширения и дальнейшего развития мелкого промышленного производства в Горном Алтае.

2.5. Первые шаги по организации системы здравоохранения

Помимо восстановления хозяйственной жизни, задача сохранения здоровья граждан называлась одной из важнейших в политике государства. Профилактические мероприятия имели важное значение не только в организации медицинской помощи населению, но и во всей системе устройства труда и быта.

Сложность решения этих задач заключалась в тяжелой эпидемиологической обстановке, отсутствии квалифицированной медицинской помощи, нехватке медицинских кадров, малых объемах ассигнований на нужды здравоохранения. В начальный период существования советского государства решением организационных вопросов и вопросов медицинского обслуживания населения страны занимался Наркомздрав РСФСР (образован в 1918 г.), а на местах – отделы здравоохранения в структуре ревкомов. В основу советской системы здравоохранения были положены принципы централизованной медицинской системы, подчиненной единому руководству, и предоставление бесплатного обслуживания для всех слоев населения за счет государственного бюджета.

Практические цели и задачи работы отделов здравоохранения определил II Всероссийский съезд здравотделов (март 1920 г.). Согласно его решениям, работа здравотделов заключалась в открытии лечебных учреждений и медицинских участков, организации противоэпидемических мероприятий, привлечения населения к санитарно-просветительской работе.

В это время советским правительством принимаются нормативные документы, которые были направлены на оздоровление эпидемиологической обстановки в стране: «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом», «О мерах по борьбе с эпидемиями», «О порядке отпуска и распределения предохранительных прививок против холеры», «О мерах по борьбе с кишечными заболеваниями: дизентерией, холерой», «Об обеспечении республики банями», «О мерах по борьбе с холерой», «О мерах по улучшению водоснабжения, канализования (канализации – прим. ред.) и ассенизации» и др. и осуществлена рассылка на места. Все это свидетельствовало о решительных мерах государства в борьбе с эпидемиями и сохранению людских ресурсов.

В Сибири советская система охраны и укрепления здоровья населения была организована только в 1919 г. под руководством Сибирского отдела здравоохранения (Сибздрав) при Сибревкоме. Сибздрав окончательно оформился как представительный орган Наркомздрава РСФСР по Сибири к концу 1920 г. Ведомство Сибревкома включало шесть губерний, в том числе Алтайскую [Мохова 2010: 107-108]. Национальным окраинам Сибири уделялось пристальное внимание, поскольку коренное население особенно страдало от эпидемий из-за низкого уровня жизни, отсутствия иммунитета ко многим болезням. Скудность местных бюджетов тяжело сказывалась на материальном положении коренного населения, его социальном и медицинском обслуживании, вело к повышению уровня заболеваемости.

В Горном Алтае до 1917 г. оказывали медицинскую помощь населению: 1 больница, 1 врачебный и 1 фельдшерский пункт [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп 1. Д. 1000. Л. 1].

Отдел здравоохранения Горно-Алтайского ревкома был образован 2 апреля 1920 г. путем выделения из Бийского уездного отдела здравоохранения (уздрав) в связи с образованием Горно-Алтайского уезда [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 47. Л. 13]. Первым заведующим стал Пётр Яковлевич Гордиенко. На тот момент в Горном Алтае с населением по переписи 1920 г. 138704 чел. работали 6 врачебных и 5 фельдшерских участков, которые обслуживали 6 врачей и 38 чел. среднего звена [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 20. Л. 5]. Территория области обслуживалась четырьмя больничными врачебными участками: Улалинским, Озеро-Куреевским, Онгудайским, Чемальским и фельдшерскими амбулаториями: Чойской, Улаганской, Кош-Агачской, Усть-Коксинской. Во время Гражданской войны названные медпункты кроме Улалинского, были разграблены, помещения их полуразрушены [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 197. Л. 131].

В Горном Алтае, как и во всей стране, перед вновь образованными органами здравоохранения стояли задачи проведения первоочередных мероприятий, направленных на ликвидацию инфекционной заболеваемости населения, понижение общей и детской смертности, развитие лечебной и медицинской сети и улучшение ее работы. Решение указанных задач требовало привлечения значительных объемов государственного

финансирования. Однако Горный Алтай не обладал достаточными средствами для содержания лечебных учреждений, привлечения медицинских кадров, закупки оборудования и инструментов. Хронической проблемой для региона являлся высокий уровень инфекционной заболеваемости. Особенно высоким был процент заболеваемости сыпным и возвратным тифами, оспой, глазными болезнями, венерическими заболеваниями. Имели место вспышки холеры, малярии, сибирской язвы. В связи с этим центральными органами власти были разработаны чрезвычайные меры по борьбе с эпидемическими заболеваниями и по улучшению санитарного состояния страны.

После завершения Гражданской войны распространение заразных заболеваний на Алтае приобрело катастрофический характер. Для борьбы с ними в сентябре 1920 г. при губернском здравоохранении была создана санитарная чрезвычайная комиссия, которая в 1920-1921 гг. направила два отряда для проведения профилактики и лечения больных [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 7. Л. 61]. На отдалённых территориях, в районах Онгудая, Улагана, Телецкого озера и Челушманской долины, Кош-Агача вела работу экспедиция по борьбе с инфекционными заболеваниями. Сыпной и возвратный тиф получили наибольшее распространение в районах Кебезенья, Улагана и Онгудая, оспа – Чемальском, Улалинском, Тюдралинском и в с. Каменка. 2 февраля 1921 г. Горно-Алтайский уезд организатором третьего эпидотряда, который выбыл в Онгудай. В этом же году в Усть-Кане и Чемале работал глазной отряд. Кроме того, при уездном революционном комитете организуется отряд для борьбы с эпидемией брюшного тифа [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 44, 63].

Как подтверждают данные уездного здравоохранения, в Горном Алтае медицинские службы регистрировали большое количество инфекционных болезней. Наибольшее количество случаев фиксировалось по сифилису, тифу, оспе (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения эпидотрядов и медучастков в 1921 г.
об инфекционной заболеваемости в Горно-Алтайском уезде

Стационарных		Амбулаторных	
Заболевания	Число случаев заболеваний	Заболевания	Число случаев заболеваний
Тиф брюшной	150	Тиф брюшной	347
Тиф сыпной	280	Тиф сыпной	393
Тиф невозвратный	130	Тиф невозвратный	387
Тиф «неопределен.»	10	Тиф «неопределен.»	100
		Оспа натуральная	528
		Скарлатина	46
		Дифтерит	148
		Дизентерия	129
		Цинга	144
		Сифилис I – III	1259
Общих случаев незаразных болезней: стационарных – 2432; амбулаторных – 38184			

Источник: Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

Тревожные сведения с мест распространения инфекционных заболеваний требовали расширения масштабов деятельности по оказанию медицинской помощи населению на местах. В Горном Алтае начали работу специальные передвижные эпидемические отряды, которые проводили обследование населения и оказывали медицинскую помощь. Для медиков была разработана специальная инструкция для работы в национальных регионах. Стояла задача использовать наиболее пригодные помещения под лечебные пункты, организовать дезинфекционные камеры, строить бани [Нонукова, Чернышов, Стрельченко 2012: 44]. На заседаниях Горно-Алтайского уездного ревкома неоднократно рассматривались вопросы, связанные с заболеваемостью населения. В 1920 г. вышел ряд постановлений местных органов власти о предохранительном оспопрививании [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 65. Л. 2].

В докладе о деятельности Горно-Алтайского уездного здравоохранения за 1921 г. значилось, что в это время лечебную помощь оказывали: 8 врачебных участков и 6 фельдшерских пунктов, в которых числились

6 врачей и 29 фельдшеров, из которых 3 врача и 25 фельдшеров работали на территории уезда [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 20. Л. 12]. Несмотря на хозяйственные трудности, лечебная помощь предоставлялась бесплатно. Наряду с противоэпидемической работой, широко проводились и общесанитарные мероприятия, в которые помимо медперсонала вовлекались хозяйственные и общественные организации, а также местное население [Гончарова 1995: 68, 69].

В организации медицинской работы на территории Горного Алтая уездный ревком часто получал поддержку высших органов власти РСФСР в Сибири. Так, в 1920 г. Сибревком, учитывая уникальные климатические условия региона для лечения легочных заболеваний, издал распоряжение уездному ревкому открыть курорты в Чемале и Тюдрале для больных туберкулезом. В 1921 г. создаётся горно-климатический курорт в Черге и кумысолечебница в Тюдрале. В этом же году открывается больница в с. Улала и 7 врачебных участков, детская больница и дом ребенка.

Ввиду острой нехватки в регионе медицинских кадров, большое внимание придавалось их обучению. Для подготовки работников санитарного просвещения и оспопрививателей уже в 1920 г. организовали бесплатные краткосрочные курсы [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 149. Л. 3]. В 1920 г. отдел здравоохранения ходатайствовал перед уревкомом об открытии месячных курсов для 20 чел. коренного населения для подготовки их в отдаленных местностях [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 149. Л. 3]. После окончания курсов выпускниками проводилась разъездная работа по оспопрививанию и санитарному просвещению населения.

В Горном Алтае пополнение медицинскими кадрами шло в большей степени за счёт организации курсов по подготовке медработников. Другим путём подготовки специализированных медицинских кадров была отправка стипендиатов в вузы и техникумы страны. Тем не менее, медиков в Ойротии катастрофически не хватало. В Горном Алтае, в основном, работали врачи, командированные Сибздравом, Наркомздравом РСФСР. В связи с тяжелыми материально-бытовыми условиями, отсутствием жилья, приспособленных лечебных учреждений, чрезмерной занятостью медики стремились уезжать из этих мест. Разбросанность и малая плотность населения не давали возможности для качественного медицинского и санитарного обслуживания населения. Учитывая

указанные трудности, государство оказывало помощь национальным регионам.

В марте 1921 г. состоялось первое совещание медработников коренных народов Сибири. На нем был принят план, который предусматривал открытие фельдшерских школ для представителей коренной национальности. Во исполнение этих решений молодежь направлялась на учебу в города Сибири: Томск, Иркутск. С 1921 г. началась подготовка медработников из алтайцев в медицинской школе Бийска. В результате в 1927 г. в лечебных и санитарных учреждениях области работало 10 чел. [Дутятев, Насонов 1998: 86].

Таким образом, на первом этапе становления системы здравоохранения в Горном Алтае деятельность медучреждений заключалась, во-первых – в организации системы охраны здоровья на местах, во-вторых – в подготовке медицинских кадров. В результате принятых мер заметно стабилизировалась санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Образование в июне 1922 г. Ойротской автономной области открыло новый этап в развитии системы здравоохранения в Горном Алтае. Работа на местах стала переводиться на плановую основу и приобрела целенаправленный характер. Началась постепенная передача руководства здравоохранением от чрезвычайных органов ревкомов к Советам. На основании постановления областного революционного комитета, с 13 августа 1922 г. начал свою деятельность областной отдел здравоохранения при Ойротском облисполкоме [Ларкин 1967: 2].

После создания Ойротской автономной области в 1922 г., на её территории организовывались врачебные участки, на каждый из которых выделялись 25 коек: Улалинский, Озеро-Куреевский, Чемальский, Онгудайский, Уймонский, фельдшерские амбулатории: в Черге, Паспауле, Кебезени, Шебалино, Александровке, Челушмане, Абае. Остро ощущались нехватка помещений и недостаток медицинских кадров. Из всех медпунктов только Улалинская и Озеро-Куреевская больницы помещались в специальных приспособленных зданиях, остальные в случайных и малопригодных помещениях. Врачей в Улале было – 4, на местах один врач и несколько фельдшеров и медицинских сестер.

По состоянию на 1 января 1923 г. в Улале функционировали облбольница на 25 коек, тюремная амбулатория, заразный барак на 40 коек, аптека, областная и зубная амбулатории. Медицинский персонал состоял из 2 врачей, 2 ротных фельдшеров, одной

фельдшерицы-акушерки, 1 зубного врача и 2 фармацевтов. В районах числились 5 врачебных участков (по 25 коек) и 5 фельдшерских амбулаторий. Врачей на местах не было, насчитывалось школьных фельдшеров – 3, ротных фельдшеров – 3, фельдшериц-акушерок – 2. На тот момент отсутствовала служба судебно-медицинской экспертизы, экспертиза производилась наличными врачами [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 197. Л. 131, 132].

С 25-26 декабря 1922 г. в областном центре с. Улала проходил I областной съезд заведующих врачебными и фельдшерскими пунктами. Съезд постановил просить облздравотдел принять срочные меры к устранению недостатков для коренного улучшения медицинского дела в области. В числе наиболее первоочередных проблем, требовавших незамедлительного решения, назывались: острая нехватка медикаментов и медицинских инструментов, и отсутствие зарплаты. Председателем съезда был избран заведующий Улалинским врачебным участком Н.В. Копорулин. В работе съезда принимали участие заведующие врачебными участками: Чемальским – лекпом Копкин, Онгудайским – Шипковский, Озеро-Куреевским – лекпом Куликов, Шебалинским – лекпом Кулеш, Чергинским фельдшерским пунктом – Лазаревич, Паспаульским – Груша [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 36. Л. 4, 7, 8].

В мае 1923 г. состоялся первый областной съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На съезде в числе ряда наиболее важных вопросов обсуждались мероприятия по охране здоровья населения области и улучшению работы лечебных учреждений. Съезд принял решение организовать курсы медицинских сестёр при каждом лечебном учреждении, открыть санаторий в с. Чемал, детскую амбулаторию в Горно-Алтайске и ряд других мер, направленных на улучшение медицинского обслуживания населения. На съезде было доложено о резком снижении эпидемической заболеваемости [Ларкин 1967: 2].

Организованное становление системы здравоохранения в Ойротской автономной области требовало принятия срочных мер. Медико-санитарная сеть в Ойротской автономной области находилась в сложном материально-техническом состоянии. Не хватало помещений и коечного фонда. По данным, облздравотдела в 1923 г. область для лечения заразных больных располагала только 150 больничными койками. На одну койку приходилось 1892 чел., на одну амбулаторию 8054 чел., и на одну больницу 18120 чел. населения области [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 101. Л. 79]. В

докладе Комитета содействия при Управлении уполномоченного об отправке медотряда к коренному населению для оказания медицинской помощи, указывалось, что в 1923 г. «... в Горном Алтае каждый врачебный участок имеет 25 коек, а каждый фельдшерский – 5. Иначе говоря область должна иметь 90 коек, т.е. на одну койку должно приходиться около 1500 чел. Врачей в области и лекпомов 12, т.е. на одного врача приходится 13000 чел., а на одного лекпома – 11150 чел. Тогда как фактически на всю область 1 врач и 5 лекпомов» [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 64. Л. 28, 29].

Власти уделяли отдельное внимание развитию лечебных учреждений. Так, в течение 1923 г. число коек в областной больнице увеличилось с 25 до 40, штат медперсонала пополнился новыми кадрами, улучшилось медицинское обслуживание [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 64. Л. 29; Д. 197. Л. 134].

В немалой степени этому способствовала помощь государства. Для успешного решения проблем материально-технической базы здравоохранения необходимы были значительные капиталовложения, особенно в национальных регионах. С введением нэпа финансирование здравоохранения в стране переводилось на местный бюджет. При отсутствии средств на местах это означало прекращение всякой деятельности в сфере здравоохранения. В этой ситуации государство предоставляло Ойротской автономной области долгосрочные кредиты. Расходы в абсолютных цифрах не уменьшались, однако в процентном отношении ассигнования на здравоохранение сокращались. Например, расходы области на здравоохранение в 1928 г. фактически стали ниже уровня 1922 г. на 3,6 %, хотя в абсолютных числах они выросли с 45 тыс. в 1922 г. до 178,3 тыс. руб. в 1928 г. [Гончарова 1995: 72].

Таблица 2
Бюджет Ойротской автономной области в сфере здравоохранения 1922-1925 гг.

	1922/1923 гг.	1923/1924 гг.	1924/1925 гг.
Местный бюджет	2211,3	41970,3	78493
Госбюджет	1242,6	7446,1	9812,8
Лечебный фонд	462,0	7985,0	17163,4
Всего по области	4916,9	57402,4	107558,2

Источник: Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 197. Л. 133, 135, 144, 149, 150.

Бюджетная система в области здравоохранения представляла трехуровневую структуру, каждый уровень был наделен определёнными полномочиями. Основными источниками финансирования являлись областной бюджет, лечебный фонд (см. табл. 2). Объемы финансирования увеличивались с каждым годом, учитывая, что в 1917 г. на здравоохранение было отпущено 123 руб. (в фактических ценах) [Калмыков 1935: 1].

Серьезной проблемой оставались эпидемические заболевания. Из их числа наиболее распространенными, кроме тифа, являлись трахома и оспа. В ряде населенных пунктов трахома имела повсеместное распространение. Для ее лечения в с. Улала открывается глазная больница с амбулаторией, и с 10 февраля 1924 г. в области начинает работать летучий глазной отряд [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 197. Л. 135, 136].

В помощь местным органам здравоохранения ежегодно направлялись передвижные медицинские отряды и научные экспедиции на борьбу с различными заболеваниями [Мохова 2010: 110]. Так, в феврале 1924 г. Управлением уполномоченного Российского общества Красного креста (РОКК) по Сибири в Шебалинский район Ойротской области (являлся очагом наибольшего распространения трахомы, среди алтайцев достигало 47 %) был отправлен 1-й Глазной отряд по борьбе с трахомой среди алтайского населения. Отряд состоял из 6 человек: двух врачей, сестры милосердия, инструктора по охране материнства и младенчества, сиделки и служителя. Возглавлял отряд врач-окулист Чепурин с 3-х летним клиническим стажем. 1-й Глазной Сибирского управления Общества Красного Креста (организован на средства Сибирской потребкооперации) – за месяц мог производить до 500 глазных операций; оказывал амбулаторную глазную и другие виды медпомощи [Красный крест 1924: 1]. Внимание к Ойротии как национальному региону было вызвано тем, что коренное алтайское население в значительной степени было поражено этой болезнью. Так, по частично произведенному подворному обследованию 1925 г. установлено: в Усть-Канском аймаке из 1209 обследованных оказалось больных трахомой 229, прочими глазными болезнями 120, всего глазных заболеваний 349 или 28 % к числу обследованных. В Уймонском аймаке из 494 обследованных больных трахомой 81, другими болезнями 33, всего 114, или 23 % к числу обследованных. В этом районе до 60 % населения было поражено сифилисом. В

Онгудайском аймаке за два месяца 1925 г. обследовано русского и алтайского населения 1316, из них трахомой – алтайцев около 60 %, осложнений после трахомы 6 % [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 197. Л. 147, 148].

Сибирский отдел Российского Красного Креста с 1926 по 1929 гг. направлял в Горный Алтай передвижные медицинские отряды. Например, медицинский отряд работал в Чемальском аймаке с 1 июня по 15 августа 1929 г. Кроме Чемальского аймака, в котором за этот период обследовали 4621 чел., было осмотрено и 1539 чел. близлежащего Шебалинского аймака, а также детские ясли, воспитанники интерната, пионеротряда. Наибольшее число больных приходилось на женщин в возрасте 20-40 лет. Среди участников передвижного отряда был Тискенек (Тискенек) Василий Иванович. Первый врач-алтаец, получивший в советское время (в 1928 г.) высшее медицинское образование на медицинском факультете Томского госуниверситета [Полтева 2008: 76].

Кроме трахомы, в Горном Алтае широкое распространение имела ещё одна страшная болезнь – оспа. Организуя борьбу с оспой, облздравотдел в ноябре 1923 г. проводил курсы сестер милосердия со специальной подготовкой по оспопрививанию. Из 30 слушательниц 12 с успехом закончили курсы, 8 из них были алтайки [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 101. Л. 79]. Большинство закончивших курсы не имели опыта работы, но многие оспопрививатели владели алтайским языком, что сыграло положительную роль в работе с местным населением.

В области встречалась и малярия, привнесенная из других мест. Было зарегистрировано случаев малярии: в 1923 г. – 966, 1924 г. – 885, за 9 мес. 1925 г. – 805. Особенно остро стоял вопрос о туберкулезе: в 1923 г. – 180 случаев, в 1924 г. – 380, за 9 мес. 1925 г. – 617. В рамках борьбы с этим заболеванием в Горном Алтае согласно проекту Наркомздрава с 1924 г. стали проводиться массовые трехдневники борьбы с туберкулезом под девизом «За новый быт» [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 197. Л. 146; Д. 127. Л. 9].

С 1924 г. областной отдел здравоохранения приступил к всеобщему подворному обследованию населения, всем родившимся и детям до 2-3 лет производились прививки. Для прекращения поступления инфекции бесплатно прививалось от оспы монгольское население в пограничной полосе [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 101. Л. 79].

Для профилактики социальных болезней, с 1925 г. стало производиться подворное медико-санитарное обследование в целях выявления причин возникновения распространения социальных болезней и способов борьбы с ними (см. табл. 3). Работа эта проводилась участковым медперсоналом.

Таблица 3

Показатели заболеваемости инфекционными болезнями в Горном Алтае в 1927-1929 гг.

	1927 г.		1928 г.		1929 г.	
	Рус.	Алт.	Рус.	Алт.	Рус.	Алт.
Сыпной тиф	5	6	11	4	-	2
Возвратный тиф	3	-	1	-	-	-
Брюшной тиф	66	14	43	25	59	15
	Всего		Всего		Всего	
Скарлатина		420		84		84
Инфлюэнция	4619		4896		5068	

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 30. Л. 209.

Важная роль в развитии здравоохранения в Горном Алтае принадлежит его первым организаторам Д.Г. Калинин, А.Н. Дынину, Л.К. Афанасьеву. Благодаря их деятельности успешно осуществлялись мероприятия по борьбе с эпидемическими заболеваниями, налаживалась медицинская помощь алтайскому населению. С первых лет советской власти работал фельдшер И.А. Шпилькин, который многое сделал в ликвидации инфекционных заболеваний, привитии гигиенических навыков алтайскому населению. По его инициативе открывались первые ясли в Онгудайском и Шебалинском аймаках, был построен Усть-Семинский пионерский лагерь [Ларкин 1967: 2].

Совершенствовалась и работа по санитарному просвещению населения. С развитием системы здравоохранения численно росла профсоюзная организация медицинских и санитарных работников – всемедсантруд. 10 сентября 1924 г. состоялась ее первая областная конференция. Облздравотдел совместно с всемедсантрудом организовал курсы по подготовке работников для проведения санитарно-профилактической работы и организации актива в сельской местности.

В санитарно-просветительскую работу активно включались сельские Советы. В 1923-1924 гг. повсеместно создаются санитарные комиссии при волостных Советах и сантройки при сельских Советах, что значительно активизировало сельскую общественность. Органы здравоохранения широко развернули пропаганду санитарного просвещения через избы-читальни и клубы. Специальными постановлениями областного исполнительного комитета устанавливался санитарный надзор за рынками, состоянием питания, жилищных условий.

Усиливалась санитарно-просветительная работа медучастков. Организовывались местные сансоветы и санкомиссии. Первое время работа областного сансовета шла слабо. В районах в силу перегруженности медперсонала лечебной работой, а также малой квалификации (до 1925 г. на участках в большинстве своем были ротные фельдшера) оценивалась как неудовлетворительно. Только с лета 1925 г., работа активизировалась, в связи с пополнением штатов врачами и школьными фельдшерами [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 197. Л. 147].

Особое значение придавалось санитарно-гигиенической работе среди коренного населения, в особенности – для алтайцев, ведущих кочевой образ жизни. На места отправлялись передвижные санитарно-профилактические выставки со штатными переводчиками. В селениях и в урочищах проводились беседы, лекции, показательные мероприятия. С 1924 г. разъяснительная работа по гигиеническому воспитанию проводилась через юрты-передвижки, а с 1929 г. – в Домах алтайки. Проводилась работа по подбору обслуживающего персонала для участковых пунктов из алтайцев, для удобства обращения за медицинской помощью коренного населения в эти пункты [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 298. Л. 17]. Участковые медработники и участники передвижных медотрядов распространяли среди алтайцев популярную санлитературу, переведенную на алтайский язык. В ее числе были брошюры «Гигиена матери», «Женские болезни», «Детские заразные болезни». Вместе с тем, ощущался большой недостаток в популярной литературе и показательных пособиях.

Несмотря на то, что коренное население получило больше возможностей для обращения за медицинской помощью, уровень медицинского обслуживания оставался низким. Соотношение

количества амбулаторных посещений алтайцами по отношению к всей численности алтайского населения в области возросла за 1925-1928 гг. с 43 % до 92,5 %. Вместе с тем, уровень амбулаторной посещаемости (среднее число посещений врача больными) в среднем по области к общей численности населения составлял в 1928 г. – 200 % [Кочевники 2020: 396, 397].

Алтайское население оставалось привержено традиционным методам лечения и не спешило обращаться за медицинской помощью во врачебные участки. В числе основных причин слабого медицинского обслуживания алтайского населения назывались отсутствие опыта обращения алтайцев к медработникам и низкая материальная база врачебных участков, которые охватывали преимущественно пункты своего расположения. Возможности получения медицинской помощи населением в отдаленных местах оставались низкими. Радиус врачебных участков колебался от 60 до 250 вёрст [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 47. Л. 2]. При этом крупных селений в области было мало, а работающие врачебные участки не имели штата, испытывали нехватку оборудования, у них отсутствовали средства для развозов.

Несмотря на рост количества посещений алтайцами врачебных участков и фельдшерских пунктов, коренное население испытывало недоверие к системе государственной медицины. В областных газетах периодически появлялись статьи, в которых рассказывалось о случаях, порожденных невежеством населения [Темнота хуже невежества 1926: 4].

Отмечалось и обращение населения к знахарям. Виды знахарства у алтайского и русского населения значительно различались. Коренное население чаще всего обращались к камам для изгнания «злого духа» из организма заболевшего. Знахари русского населения лечили болезни разнообразными настоями и отварами, а также неупотребляемыми в медицине средствами. Распространенным явлением стало употребление внутрь сулемы, керосина. Кроме того, прибегали к помощи источников для лечения ревматизма, ран, глазных, кожных и желудочных болезней [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 197. Л. 144-146].

В области постепенно налаживалась система подготовки медицинских кадров. Институт санитарных врачей начал создаваться к концу восстановительного периода.

Лечебное дело развивалось путем дооборудования и реорганизации отдельных учреждений, расширения амбулаторной и организации (с 1923 г.) скорой помощи населению. Увеличить коечный фонд имевшаяся больничная площадь не позволяла, что влекло за собой перегрузку больниц. Несмотря на это, лечебная сеть в области росла с каждым годом. К 1928 г. врачей было 19, среднего медперсонала – 62 чел. и больничных коек – 160. Насчитывалось 7 врачебных и 4 фельдшерских пункта с 33 лечебными учреждениями [Казанцева 1972: 111; Госархив РА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 609. Л. 28]. В марте 1927 г. Пленум Ойротской областной организации ВКП (б) поставил задачу подготовки «кочующих» врачей и фельдшеров для усиления работы среди кочевого населения по профилактике болезней и лечению [Нонукова, Чернышев, Стрельченко 2012: 46].

Зарплата медработникам формировалась за счет пайков и натуральных компенсаций. Медикаменты и на продукты питания больных медучреждения получали от Наркомздрава бесплатно. Из-за недостаточности государственного финансирования органам управления области пришлось искать дополнительные источники средств для обеспечения нужд здравоохранения. Так, в середине 1920-х гг. получило развитие медицинское страхование.

В ноябре 1925 г. созывается съезд участковых врачей и заведующих фельдшерскими пунктами под лозунгом «Лицом к деревне». Съезд нацеливал медработников на просвещение населения и организацию детских яслей, которые должны явиться местом агитации оздоровления семей (т.е. работа с матерями). В 1928 г. вводится плата за амбулаторное и стационарное лечение лиц, торгующих по патенту, прибегающих к наёмному труду, лиц, живущих на не трудовые доходы: частных торговцев, служителей религиозных культов [Алябьева 1999: 5].

Необходимым звеном в создаваемой системе здравоохранения в национальных регионах являлась охрана материнства и детства. Подотдел охраны младенчества и материнства при здравотделе Горно-Алтайского уездного ревкома был образован 1 сентября 1920 г. В ведение подотдела передали два дома ребенка: Челушманский, принадлежавший бывшему местному монастырю и Улалинский, переданный Бийским уездным здравотделом, а также ясли в с. Шебалино, позволявшем содержать не более пяти детей, которые вскоре пришлось закрыть за неимением инвентаря.

На тот момент детских врачей не было, стационарная и амбулаторная врачебная помощь оказывалась только взрослым, детских отделений при больницах тоже не было, отсутствовали ясли, дома матери и ребенка, молочные кухни.

Первыми массовыми учреждениями государственной охраны материнства и детства в селах стали детские площадки и сельские детские ясли. Основными задачами их работы являлись: профилактика безнадзорности, сохранение жизни детей, спасение их от голода и инфекций. Решением Горно-Алтайского уездного ревкома 12 августа 1920 г. в с. Шебалино открывается детский сад-ясли – первое дошкольное учреждение в Горном Алтае [Госархив РА. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 59. Л. 67]. В 1940 г. насчитывалось уже 52 единицы постоянных детских яслей [Республика Алтай 2012: 46, 47].

С образованием Ойротской автономной области и с нормализацией хозяйственной жизни власти получили больше возможностей для решения социальных вопросов. Так, в летний период 1924 г. в области уже работали три детские площадки – в Шебалино, Усть-Кане и Майме-Чергачаке, которые содержались на средства общественных и кооперативных организаций. В 1925 г. на средства, отпущенные Облдеткомиссией, были открыты летние ясли в Улале, Онгудае (им. К. Цеткин) и Шебалино [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 156. Л. 5, 6, 16, 19]. В первое лето через ясли прошли 105 детей. На средства Красного Креста в с. Усть-Кан в том же году были открыты алтайские ясли на 20 мест, но посещало их только 6 детей [Шарабура 2011: 25, 26]. Такая низкая посещаемость свидетельствовала о существующем недоверии коренного населения к детским учреждениям и сохраняющейся стойкой приверженностью к традиционному образу жизни. Однако постепенно шло осознание пользы профилактических учреждений, о чем свидетельствует рост количества яслей и посещающих их детей в последующие годы.

В 1926 г. начала свою работу постоянная консультация для беременных женщин и грудных детей в Улале. При консультации была открыта молочная кухня, отпускавшая для грудных детей молоко, кашу, кисель. При постоянной консультации создали Совет социальной помощи по борьбе с беспризорностью раннего детского возраста. В рамках, проводимых «Неделя ребёнка» организовывался медицинский осмотр беспризорных детей, санитарно-гигиенических мероприятий при поступлении детей

в детский дом и др. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 30. Л. 209]. Организовывались комиссии содействия в аймачных центрах (из них пять работало активно). Главным образом проводилась работа в направлении оказания материальной поддержки летним яслям. С марта 1925 г. при областном суде в с. Улала организована Юридическая консультация, через которую прошло 69 дел, касающиеся пособий при разводе и матерям-одиночкам на содержание детей [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 197. Л. 151].

С течением времени совершенствовалась система помощи женщинам в период беременности и в послеродовой период. Так, к 1928 г. в Горном Алтае действовали 3 специализированных женских консультации. В 1929 г. была открыта областная передвижная женско-детская консультация для обслуживания женщин и детей в районах области [Гончарова 1995: 85, 86].

Таким образом, в первые годы своего существования советская власть приступила к решению неотложных задач в сфере охраны здоровья населения. Последовательная политика государства в указанной сфере выразилась в обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия страны, обращении к проблемам коренных народов национальных регионов. На средства государственного и местных бюджетов происходила организация медицинской сети, были успешно ликвидированы некоторые социально опасные заболевания. В указанный период, на этапе создания в Ойротии системы здравоохранения, создаётся широкая сеть стационарных и передвижных медицинских учреждений. Пополнение медицинскими кадрами осуществлялось в большей степени за счет организации курсов по подготовке медработников и отправки стипендиатов в вузы и техникумы страны; усилилась работа по санитарному просвещению, при этом особое внимание уделялось коренному населению – алтайцам. Были организованы отделы по охране материнства и младенчества и другие структурные подразделения. Открывались детские дошкольные учреждения, сначала временные ясли – летние, а потом уже на постоянной основе.

Перечисленные меры явились важным шагом в становлении и дальнейшем развитии системы здравоохранения в области. Вместе с тем, региональные особенности Ойротии, а именно: патриархально-родовой уклад значительной части коренного населения, кочевой образ жизни, распыленность населения и небольшое

количество крупных населенных пунктов, сдерживали процесс медицинского обслуживания коренного населения. При создании сети медицинской помощи зачастую не учитывались специфика и национальные особенности. Зачастую алтайцы придерживались традиционных форм лечения и нередко отказывались от обращения за медицинской помощью во врачебные участки – как стационарные, так и передвижные.

В конце 1920-х гг. в условиях свертывания нэпа, перехода к коллективизации и перевода кочевого населения на оседлый образ жизни система здравоохранения претерпевает серьезные изменения. Создание медицинских участков осуществлялось в местах интенсивного колхозного строительства. Перед областными властями вставали проблемы организации системы медицинского обслуживания в новых условиях становления колхозного строя и перехода к оседлости, когда население зачастую не способно было ориентироваться в новых экономических условиях.

2.6. Становление системы народного образования

Советское государство с момента своего создания придавало важнейшее значение вопросам народного образования. Декларировалась задача обеспечения трудящегося населения всеобщим бесплатным светским образованием. Одним из первых декретов советской власти стал Декрет СНК РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви. Согласно инструкции от 24 августа 1918 г. здания и все имущество церковно-приходских школ, как народное достояние, переходило в распоряжение местных Советов рабочих и крестьянских депутатов или Народного комиссариата просвещения. Школа в 1920-е годы имела огромное значение в формировании новой «социалистической» культуры и быта населения Ойротии. Учреждения системы народного образования играли просветительскую и воспитательную роль в адаптации коренных народов Алтая к новой государственной системе в первое десятилетие советской власти. Одной из важных функций школы являлось идеологическое воспитание подрастающего поколения как будущих проводников политики советской власти.

Главной задачей государственной политики в отношении национальных окраин в сфере образования заявлялось обеспечение

быстрого расширения сети школ и создание системы обучения детей на родном языке. В постановлении Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», указывалось, что «все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе» [цит. по: Солодова 2008: 187]. При Наркомпросе был создан специальный отдел просвещения национальных меньшинств. В задачу отдела входило руководство работой национальных школ, их строительством, подготовкой учителей и изданием учебников. В 1920 г. Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкомом был организован Сибирский отдел народного образования.

Развитие школьной сети в начале 1920-х гг. Строительство новой школьной системы в Горном Алтае развернулось с первых дней после восстановления советской власти. 12 марта 1920 г. коллегия Бийского отдела народного образования утвердила штат служащих отдела народного образования по бывшему Каракорумскому уезду [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 99. Л. 4]. В марте того же года Горно-Алтайское уездное организационное бюро РКП (б) установило состав уездного отдела народного образования. В уезде были созданы 6 районных отделов народного образования, назначены заведующие районо и школьные инспекторы. Уездный отдел образования осуществлял коренную перестройку школьного дела на основе «Положения о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (1918 г.). В соответствии с этим положением вводились единые девятилетние трудовые школы, разделенные на две ступени: для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс), и для детей от 13 до 17 лет (4-летний курс).

Кроме того, в Горном Алтае как и в целом по РСФСР, устанавливалось бесплатное обучение, вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, воспрещалось преподавание религии.

В структуре отдела народного образования был создан подотдел просвещения национальных меньшинств во главе с И.С. Алагызовым. Отделы народного образования Горного Алтая совместно с местными органами советской власти провели учет детей школьного возраста, особенно из необеспеченных семей, обследовали состояние школ, определили характер и размер средств, требуемых для ремонта. Проводилась работа по открытию новых

школ в ряде волостей Горного Алтая. Улалинский отдел народного образования, как свидетельствуют протоколы коллегии, большое внимание придавал решению вопроса об учительских кадрах.

В 1920-1921 учебном году на территории Горного Алтая действовали 115 школ начального обучения, из них 25 алтайских, 46 смешанных, 3 школы относились к заведениям второй ступени (села Улала, Алтайское, Чемал) [Тимофеева 1962: 171].

22 марта 1921 г. состоялось первое совещание представителей национальных районов Сибири, организованное Сиббюро ЦК РКП (б) совместно с подотделом национальных меньшинств Сибано. На совещании обсуждался вопрос о состоянии образования малых народов Сибири, рассматривались проблемы открытия школ I и II ступени, обеспечении их учебниками и учебными принадлежностями, о преподавании в этих школах на родном языке. В Горном Алтае из-за отсутствия средств в местах проживания населения в небольших селениях, дьуртах, аилах создавались в основном школы I ступени обучения. Малочисленность населения двух национальностей, проживающих в населенных пунктах, привела к созданию смешанных школ. Преподавание в этих школах велось на родном языке учащихся.

Создание национальной школы в регионе представлялось невозможным без развития алтайского языка и создания учебной литературы для учащихся на родном языке. В марте 1920 г. была организована комиссия по составлению учебников на алтайском языке для школ I ступени. В её состав вошли учителя-алтайцы Пояркин А.П., Токмашов Г.М. и учитель Сайдысской школы Уксегешев Н.И.

Первыми учебниками в алтайских школах стали: азбука «Ак Чолмон», которую написал С.Б. Иркин-Обыс, букварь А.Н. Каланакова и первая книга для чтения «Ойрот школа» М.В. Эдокова. Учебниками по арифметике служили: задачник Г. Вишневого для первых групп и задачник Ф.С. Тозыякова – для вторых групп [Варченко 1956: 7].

В 1921 г. в уезде числились 33 национальные школы, из них алтайских школ – 18, смешанных – 14 и 1 – киргизская (казахская). В этих школах обучалось 1332 ученика, работали 42 учителя. Значительная часть детей не посещала школу. Так, летом 1921 г. в 11 волостях уезда 3227 детей школьного возраста находились вне школы [Госархив РА. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 99. Л. 36].

Из-за нехватки бюджетных средств и сокращения объемов ассигнований системы просвещения, на местах приходилось изыскивать внебюджетные источники финансирования школ. Всероссийский съезд заведующих губернских отделов народного образования (губоно), который проходил в г. Москве в сентябре 1921 г., вынес решение о необходимости, в качестве временной меры, использовать всевозможные формы общественной и частной инициативы в сфере образования.

Учреждения образования, в целях оказания им помощи, прикреплялись к промышленным, кооперативным и прочим хозяйственным предприятиям. Отделом народного образования автономной области был разработан и утвержден типовой договор с сельскими обществами о содержании школы. Договор обсуждался и принимался на сельских сходах. В соответствии с ним население брало на себя обязанности по содержанию школы, учителей на основе сметы, прилагавшейся к договору. Отдел народного образования предоставлял в пользование общества помещение для школы с учебно-хозяйственным инвентарем. К марту каждого года сельские жители должны были заготавливать определенное количество дров для школы и учителей. Сельское общество на свои деньги приобретало инвентарь, учебные пособия, учебники, письменные и хозяйственные принадлежности.

Помощь населения школьному делу играла большую роль, поскольку учителя находились в затруднительном материальном положении. В начале 1920-х гг. заработная плата учителя устанавливалась в соответствии с единым тарифом работников просвещения, при минимуме 8 рублей. С наступлением лета оплата учителям прекращалась, т.к. договоры с ними заключались только до окончания учебного года.

К началу 1923 г. социально-экономическая ситуация в Горном Алтае оставалась сложной. Из-за низкой оплаты труда учителя стали уезжать после окончания учебного года. В целях улучшения состояния народного образования в регионе областная партийная конференция приняла постановление о закреплении за областным отделом народного образования (облоно) не менее одной третьей части средств областного бюджета [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 316. Л. 1].

На количество школ в регионе также повлияло сложное социально-экономическое положение в стране после окончания

Гражданской войны. В результате боевых действий количество школ, например, только в одном Уймонском районе сократилось наполовину, а в Улаганском были закрыты все. Всего в 1922/23 учебному году в уезде работало 56 школ [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 99. Л. 1].

Развитие школьной сети в 1923-1929 гг. В 1923 г. школьная сеть области состояла из 70 учебных учреждений, из которых только одна школа являлась школой II ступени, к этой же ступени относили и школу-коммуны. В школах обучалось 4343 ученика. При 10 школах были интернаты. В интернатах проживали 363 воспитанника, из них 260 алтайцев. Беспризорных детей в области числилось 1300 чел. [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 316. Л. 40, 41].

В целях развития дела народного образования в РСФСР СНК 20 августа 1923 г. постановил немедленно приступить к разработке плана введения всеобщего обучения в десятилетний срок. Наркомпросом РСФСР 5 февраля 1925 г. направлялись на места подробные указания о составлении примерных планов осуществления всеобщего обучения в каждом данном районе. В этом же году в области началась разработка плана школьной сети. В основу плана были заложены следующие принципы: а) школа от места жительства детей должна была находиться на расстоянии не более 3-х верст; б) количество учащихся на одного учителя не должно было превышать 30 чел.; в) население должно было принимать обязательное участие в разработке сети школ.

Для решения этой задачи создавались аймачные комиссии, руководство ими осуществляла специально созданная областная комиссия по введению всеобщего обучения, и в июле 1926 г. приступили к учету детей и обследованию школьных зданий в области.

С улучшением социально-экономического положения в Горном Алтае, власти области стали больше придавать значение народному образованию, о чем свидетельствуют расходы на систему образования и их доля в областном бюджете (см. табл. 1).

Таблица 1

Расходы на образование в области, тыс. руб.

Учебный год	Бюджет народного образования	Удельный вес в областном бюджете, %
1922-1923	74,5	11,0
1923-1924	90,0	25,0
1924-1925	227,8	31,0
1925-1926	303,8	40,0
1927-1928	482	42,0
1928-1929	568	45,0

Источник: Аксенова, Сокольская 2021: 184.

Динамика объемов бюджетных ассигнований на школьное дело отличалась неустойчивостью, но с тенденцией к увеличению. Между тем доля расходов в областном бюджете на народное образование непрерывно возрастала. Так, за период с 1922-1923 по 1928-1929 учебные годы доля расходов на образование в бюджете области увеличилась в 4 раза. Расширение ассигнований на нужды народного образования вело к увеличению количества, в первую очередь, национальных школ. Большая часть национальных школ носила передвижной характер. С переводом коренного населения на оседлость, во вновь образованном селении приступали к строительству здания школы. Если в 1924/25 учебном году производился лишь частичный ремонт школ области, то в 1925/26 учебном году удалось построить 9 новых зданий. Средства, отпускаемые на строительство школ, не всегда тратились целесообразно. Здания школ строили, исходя из имеющихся средств, поэтому они быстро устаревали, и необходимо было строить новые. Областные власти поднимали вопрос о строительстве школьных зданий по типовым проектам [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 39. Л. 5].

Местные исполнительные органы власти, стремясь выполнить директивы центральных органов, исходя скорее из потребностей, чем из реальных финансовых возможностей, планировали построить школ намного больше, чем позволяли средства.

Население области оказывало помощь в развитии школьного образования. Например, в Усть-Канской волости в 1923/24 учебном году все школы были отремонтированы за счет населения. Жители

Улаганской волости, получив от государства ссуду зерном, постановили засеять в первую очередь участок для школы. Абайское потребительское общество перечислило школе 1,2 тыс. руб. золотом, в Кош-Агачской волости население выделило 100 баранов на питание детей. И, тем не менее, не все жители могли оказывать помощь и содержать школы и учителей в силу низкого уровня жизни населения области. Если жители не выполняли взятых обязательств по договору, то отдел образования мог закрыть школу на время или на весь учебный год [Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 384. Л. 4]. В 1924/25 учебном году всего в области было 13 школ, работавших на основе договора. В 1925/26 учебном году из 71 школы области 7 школ на основе договора содержались обществами [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 316. Л. 42].

Благодаря финансовой помощи Наркомпроса облоно удалось ликвидировать долги по зарплате, сохранить учительские кадры области. Заработная плата в 1926 г. работников школ I ступени была 45 руб., семилетних – 49 руб. 60 коп. в месяц. Из-за того, что денежные средства использовались местными органами власти по другому назначению, выплата зарплаты зачастую задерживалась [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 316. Л. 39].

Учителя в селах квартирами не обеспечивались, за съем квартир полагалась компенсация, однако зачастую местная администрация ее не выплачивала ввиду отсутствия средств. Руководители районных и областных органов власти на совещаниях и пленумах в своих выступлениях не раз укоряли учителей за то, что они «ходят и просят квартирные». Но несмотря на низкие зарплаты и трудности быта, учителя не покидали школы, и продолжали работать в непростых условиях. На 1 ноября 1923 г. из 70 школ области не хватало учителей лишь в 7 учебных заведениях.

Для развития образования и обучения детей школьного возраста требовалось строить новые здания школ. В середине 1920-х гг. 75 % школ области помещались в непригодных зданиях, не отвечающих требованиям гигиены. В школах часто не хватало дров, до 50 % школ нуждались в мелком и капитальном ремонте. В 1924/25 учебном году на школьное строительство было отпущено 3966 руб. Эти средства позволили провести только мелкий частичный ремонт [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 316. Л. 39].

В результате восстановления хозяйства и подготовки к введению всеобщего начального обучения в регионе создавалась

сеть учебных заведений, в соответствии с принципами построения советской школы и с учетом национальных особенностей (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика роста числа школ и учащихся

Годы	Количество школ в области				Количество учащихся в школах		
	Алтай-ские	Рус-ские	Сме-шанные	Всего школ	Алтай-цев	Рус-ских	Всего уча-щихся
1922/23	16	30	10	56	712	842	1554
1923/24	21	28	8	57	721	1672	2393
1924/25	22	43	6	71	1210	2432	3642
1925/26	23	37	11	71	1365	2396	3761
1926/27	28	43	20	91	1777	3466	5243
1927/28	38	58	20	116	1925	3913	5838
1928/29	48	61	22	131	2245	4143	6388
1929/30	57	65	33	155	3380	5157	8537

Источник: *Рубашкин* 1932: 6.

Как свидетельствуют данные таблицы, менее чем за десять лет количество школ увеличилось почти в 3 раза. Количество национальных школ и классов с обучением на родном языке выросло в 3,5 раза. Увеличивается число учащихся. Однако рост количества обучающихся значительно отстает от увеличения школ. В среднем на школу приходится 55 школьников. Если учитывать с. Улалу (Горно-Алтайск) и наиболее крупные села, то количество учеников в сельских школах будет еще меньше. Тем не менее, учитывая необходимость обучения детей школьного возраста, органы исполнительной власти области стремились к расширению школьной сети.

Недостаточное количество помещений, несвоевременное составление сметы строительства зданий школ и заявок на стройматериалы являлись основными причинами, которые сдерживали рост числа образовательных учреждений области. Органам образования и общественным организациям не удалось изменить отношение к образованию родителей, не желавших отдавать детей в школы и отрывать от себя работника.

Успехи в расширении сети школ разных типов в регионе и укрепление материальной базы учебных заведений создали условия

для выполнения задачи – введение всеобщего обязательного начального образования.

Становление и развитие национальной школы. Трудности в развитии национальной школы были вызваны не только экономическим отставанием региона, но и спецификой расселения в регионе. Переписью 1926 года были учтены 121 село и деревня, 171 поселок, 2020 заимок и хуторов, 58 айлов (мелкое оседлое селение), 15 выселков, 341 урочище, 15 прочих поселений, в т.ч. 6 приисков, 5 кордонов, а всего 923 населенных пункта. В целом по Горному Алтаю в мелких поселениях – дьуртах, айлах, зимниках, хуторах, мелких поселках и деревнях (80 % всех селений) проживало около 40 % населения; в средних поселках, деревнях и айлах (17 % селений) – 32 % и в крупных селах (3 %) проживало 26 % населения. Размеры крупных сел, за исключением Улалы, колебались от 1 до 1,5 тыс. жителей. Алтайское население преимущественно проживало в мелких и средних селениях [История Горного Алтая 1995: 105]. Поэтому большое значение в Ойротии имели интернаты, в которых пребывали дети из отдаленных селений и урочищ, родители которых вели кочевой и полукочевой образ жизни.

Интернаты сыграли большую роль в становлении системы образования Горного Алтая. О необходимости организации интернатов при школах для коренных народов Сибири отмечали участники совещания заведующих губернским советом по просвещению национальных меньшинств в мае 1925 г. В интернатах области дети содержались на полном государственном обеспечении. Сеть школ-интернатов непрерывно росла. Если в 1923/24 учебном году их числилось 10 (из них 6 алтайских, 3 смешанных и 1 русский), то в 1928/29 учебном году – уже 19 с охватом 520 учащихся.

На основании постановления областной партконференции количество интернатов в 1927/28 учебном году сокращалось с 22 до 8. По мнению представителей органов власти автономной области, на обслуживание интернатов тратились значительные средства, которых не хватало для открытия новых школ. Освобожденные средства направлялись в национальные районы для организации малокомплектных школ и оказания помощи детям бедняков.

Основными трудностями в работе интернатов в области являлись: непригодность зданий, неудовлетворительное оборудование, недостаточное снабжение обмундированием, одеждой, обувью, полное отсутствие воспитательного персонала, задержка в выдаче средств на содержание интернатов. Нехватка

средств вынуждала руководителей школ искать пути удешевления детского питания. При школах создавались участки и небольшие фермы, на которых выращивали злаковые и овощи, животных.

Количество интернатов увеличилось, однако качество содержания детей в них не улучшилось. Деятельность интернатов сопровождала многие проблемы: слабое финансирование, нехватка кадров, неудовлетворительное снабжение продуктами питания, слабый уровень организации самостоятельной работы детей во внеурочное время и т.д. Указанные проблемы приводили к отсеву учащихся, к невыполнению планов по охвату образованием детей школьного возраста.

Чтобы сократить отсев детей, местные органы власти организовывали ночлежки и горячее питание, подвоз учеников, но эти меры не во всех районах и школах. Особое внимание уделялось детям из бедняцкой среды, которые не имели одежды и обуви для посещения школы. В 1926/27 учебном году были открыты ночлежки при 15 школах: в 12 алтайских и 3 русских, обслуживавших от 10 до 15 детей в каждой [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 399. Л. 142]. Для оказания помощи детям бедняков и батраков облисполком выделил 20 тыс. руб., 7 тыс. руб. поступило от кооперативных организаций области. Сбор средств и добровольных пожертвований населения в местные школьные фонды не приносил желаемых результатов. Фонды пополнялись в основном из средств областных органов власти и отчислений местных организаций. Школьные советы, по мнению советских органов, прилагали недостаточно усилий для пополнения средств.

Для подготовки специалистов, необходимых в народном хозяйстве, открывались школы крестьянской молодежи. Школы крестьянской, затем колхозной молодежи (далее ШКМ) – учебные заведения для сельской молодежи на базе программы общеобразовательной школы-семилетки с практическим сельскохозяйственным уклоном. Во второй половине 1920-х гг. в области начали работу школы крестьянской молодежи.

Первая ШКМ по решению областного комитета ВКП (б) и облисполкома открылась в 1926 г. в с. Онгудае. В первый год работы школы было принято 19 слушателей в возрасте от 15 до 22 лет. В школе было четыре группы: одна подготовительная и три основных. Все учащиеся первого года обучения были зачислены в подготовительную группу. Обучение детей осуществлялось с

учетом практических нужд региона. В Онгудайской ШКМ большое внимание уделялось в учебном процессе вопросам животноводства.

В 1929/30 учебном году ШКМ была открыта в селах Успенка, Усть-Кан, Уймон. Наибольшее число обучающихся числилось в ШКМ с. Чемала и Онгудая, в этих школах доля алтайцев составляла 28,4 % от всех учащихся. При наборе учащихся в ШКМ учитывался классовый принцип. Детям кулаков, духовенства и «нетрудоспособным элементам» не разрешалось обучаться в этих учебных заведениях. Не менее 50 % учащихся школ должны были принадлежать «бедняцко-батрацким» слоям, 40 % – середнякам и остальные 10 % – «прочим». К ним относились воспитанники детских домов и дети сельской интеллигенции.

Национальную специфику данного типа школы определяло изучение родного языка (4-5 часов в неделю) и истории своего народа (в рамках часов по истории). Сельскохозяйственный уклон школ был представлен в учебном плане дисциплинами: «Производственное обучение сельскому хозяйству» (2-3 часа в неделю), «Основы сельского хозяйства» (4-5 часов), «Работа в мастерских» (4 часа) и др.

Для производственной работы школ создавалась материальная база, выделялся скот, посевные площади и сельскохозяйственный инвентарь. В школах открывались столярные, деревообделочные, сапожные, слесарно-кузнечные мастерские. Ограниченность средств, отпускаемых из местного бюджета, отсутствие материальной помощи со стороны местных хозяйственных и кооперативных организаций привели к тому, что ШКМ находились в тяжелых условиях: учебные помещения не были оборудованы, в классах и общежитии царил антисанитарный состояние, стипендиаты плохо снабжались продуктами. На питание одного слушателя в месяц выделялось 7 руб. 50 коп. Для покупки учащимся обуви и одежды не хватало средств.

В 1928 г. преподавание в национальных школах велось на алтайском языке. Однако национальные школы испытывали серьезные трудности. Учебников по алтайскому языку не хватало. Букварь «Алтай дын» был составлен по звуковому методу. Первая книга для чтения не соответствовала требованиям программы ГУСа. Задачник имелся только для первого года обучения.

В 1929 г. в связи с переходом в течение 3 лет на латинизированный алфавит Облоно был разработан план по изданию

национальной литературы. Основное внимание обращалось не на составление новых учебников, а на издание их на новом алфавите. В 1931 г. в г. Новосибирске начало работать краевое национальное издательство, перед которым ставилась задача издавать учебники и учебные пособия на языках малых народов. К началу 1930-х гг. в школы стали поступать учебники на алтайском языке, отпечатанные латинским шрифтом [Аксенова, Сокольская 2021: 187].

Подготовка учительских кадров. Школа не могла функционировать без педагога. Главной задачей стала подготовка и воспитание такого учительского контингента, который по своему происхождению, политической благонадежности способен был стать проводником партийной линии, особенно в деревне. Новый кадровый состав в основном формировался системой краткосрочных курсов, что вполне отвечало требованиям количественного роста педагогического контингента, но не обеспечивало даже средний профессиональный и образовательный уровень преподавателей.

В течение десятилетий школы Горного Алтая испытывали недостаток учителей, особенно из коренного населения, знающих язык и обычаи народа. Поэтому ускоренная подготовка кадров из местного населения являлась неотложной задачей для всех органов власти. Еще в 1920 г. было принято решение коллегии уездного отдела народного образования об организации на базе учительской семинарии, расположенной в с. Чемал, педагогического института. Планы оказались нереальными, т.к. не нашлось средств для их осуществления.

Состав учителей области в 1920-е гг. пополнялся главным образом через систему краткосрочной курсовой подготовки и переподготовки. Работа курсов организовывалась по специальной программе, с учетом национальных особенностей и языка. Летом 1924 г. в Ойротской автономной области курсы переподготовки прошли 86 % всех учителей. В 1925 г. число прошедших переподготовку составило 238 чел. [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 296. Л. 6].

1 сентября 1926 г. в Улале открылись девятимесячные педагогические курсы. Для обучения было набрано 22 чел. Но такой вид подготовки учителей не способствовал решению проблемы с кадрами, в особенности высокой квалификации для семилетних и средних школ. За короткий период обучения на курсах многие учителя, не имеющие, даже начального обучения не могли освоить

программу в полном объеме. Поэтому продолжалась подготовка учительских кадров в специальных педагогических заведениях Сибири и центральных районах страны. Национальной молодежи для обеспечения поступления в вузы и техникумы создавались льготные условия, по специальным разрядам предоставлялось определенное число мест в учебных заведениях, помимо сметных ассигнований выделялись особые стипендиальные фонды. За три года (1923-1925 гг.) из Горно-Алтайской автономной области в различные учебные заведения было направлено более 100 алтайцев [Проблемы современного педагогического образования 2019: 15].

Улучшению качества учебной работы педагогов области способствовало увеличение количества педагогической литературы. В октябре 1926 г. тиражом 85 экз. вышел первый номер областного педагогического журнала «Ойротская школа». Иллюстрации были подготовлены художником Н.И. Чевалковым. В журнале освещался передовой опыт ойротских учителей, повседневная жизнь школ области.

В целях улучшения подготовки педагогических кадров для начальной школы, с 1 сентября 1925 г. школа II ступени в с. Улале была преобразована в школу с педагогическим уклоном (девятилетка). Группа создавалась из учащихся 8-х классов. Занятия по программе с этой группой проводили во второй половине учебного дня. Это были занятия по педагогике, психологии, методике преподавания предметов начального курса школы. Учащиеся знакомились с учреждениями отдела народного образования во время экскурсий в совпартшколу, детский сад, рабоче-крестьянский клуб. Ежегодно школа выпускала 10-15 чел., которые могли работать учителями в начальной школе.

Практику учащиеся группы проходили не только в начальных классах своей школы, но и в подшефной начальной школе с. Чергачак. Они проводили с учащимися начальной школы индивидуальные и групповые беседы, ставили спектакли и концерты, организовывали праздники. Шефы стали любимцами не только учеников школы в селе, но и жителей близлежащих сел.

Большая часть выпускников, включенная в педагогический класс принудительно и, не имея склонностей и желаний работать учителем, после окончания школы эту профессию не выбирала.

В 1926/27 учебном году в школах области работало 118 педагогов. Рост школ в связи с введением всеобщего начального

образования в области требовал большего количества педагогов с более высоким уровнем образования.

В октябре 1928 г. в с. Улала открылся педагогический техникум. Его студентами стали 62 (по другим сведениям – 63) человека. Из учащихся, окончивших 6 классов, была образована первая группа, в которой обучалось 22 чел., из них четыре русских, «плохо знающих алтайский язык, но обязующихся изучать его наравне с алтайцами». Две группы являлись подготовительными. В них набирали учащихся, окончивших 4-5 классов. В первую группу был принят 21 чел., из них один русский, знающий алтайский язык. Во вторую зачислили 20 чел., все были алтайцы [Копытов 1994: 18, 19].

В первый год в педтехникуме действовало одно отделение – школьное, которое готовило учителей начальных классов. В 1929/30 учебном году открылись еще два отделения – дошкольное и детского коммунистического движения (закрылось в 1932 г.), а также педагогические курсы для учителей. Курсы проводились первое время в летние и зимние каникулы, но с 1931 г. стали функционировать круглогодично. В 1931 г. начало работу заочное отделение, на которое в этом же году заочно обучалось 45 чел.

При техникуме в летние и зимние каникулы проводились курсы для преподавателей. Первый выпуск учителей начальных классов состоялся в 1931 г. – 20 чел., из которых 11 были алтайцами.

Таким образом, с восстановлением советской власти в Горном Алтае, развернулась работа по организации школьной сети в уезде. В Ойротии была организована сеть школьного образования на бесплатной основе. Работали национальные школы с преподаванием на алтайском языке. В условиях низкой плотности населения и труднодоступности территорий с проживанием алтайского населения, в области проводилась работа по созданию интернатов для алтайских детей. Создавались школы крестьянской молодежи, которые были призваны наряду с теоретической подготовкой учащихся, дать им навыки профессиональных знаний. Особое значение придавалось включению алтайской молодежи в такие школы, для чего преподавание в ШКМ организовывалось на родном языке.

Вместе с тем, сложное ограниченное финансовые возможности, труднодоступность значительной части территории

Ойротской автономной области, слабая материальная база, сдерживали развитие сети школ в регионе. Нехватка педагогических кадров была одной из главных проблем системы народного образования Ойротии. Основным каналом пополнения учительских кадров являлась подготовка педагогических кадров через систему краткосрочных курсов. В конце 1920-х гг. подготовка учителей для начальной школы стала осуществляться в педагогическом техникуме. В меньшей степени учительские кадры для Ойротской автономной области готовили вузы Сибири и Москвы.

К концу 1920-х гг. усилиями работников образования, при непосредственной поддержке партийно-советского руководства области, образовалась школьная сеть с широким охватом населения Ойротии и налажена система подготовки учительских кадров. Тем самым была создана основа для дальнейшего развития народного образования Ойротской области.

2.7. Ликвидация неграмотности

Одним из главных условий вовлечения населения в общественную жизнь страны и восприятия основных идейных ценностей советского государства являлась ликвидация неграмотности взрослых, а также подростков школьного возраста, не охваченных школой. Ликвидация неграмотности представляла собой массовое обязательное обучение грамотности. Экономика страны нуждалась в грамотных кадрах для всех отраслей народного хозяйства. Кроме экономических причин, необходимость распространения грамоты диктовалось стремлением приблизить к себе население, разъяснить политические цели большевиков, укрепить свое влияние в обществе путем пропаганды и агитации своих задач.

Согласно декрету СНК РСФСР «О ликвидации неграмотности» (декабрь 1919 г.) все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать и писать, обязывалось учиться грамоте на родном или русском языке по желанию. Достижению цели способствовало создание сети школ и пунктов ликвидации безграмотности, выпуск учебников для взрослых, организация ячеек общества «Долой неграмотность».

Борьба за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения началась в Горном Алтае с восстановлением советской

власти в 1920 г. Проводился учет неграмотных, открывались первые школы грамоты, курсы для взрослых, изыскивались средства на приобретение учебных принадлежностей: бумаги, карандашей, учебников и пр. [Очерки 1973: 316, 317].

Работу по ликвидации неграмотности возглавил уездный революционный комитет. Ревкомом Горно-Алтайского уезда была создана «Чрезвычайная тройка по ликвидации неграмотности». По просьбе ревкома командование местных воинских частей выделяло военнослужащих, бывших учителей, для работы в школах ликбеза. Уже в 1920 г. стали создаваться курсы для взрослых, в селах организовывались ликпункты. В с. Улала было создано 7 вечерних курсов для взрослых. В 1921 г. в уезде насчитывалось 200 ликпунктов, в это же время начали свою деятельность три школы для малограмотных. Работа по ликвидации неграмотности разворачивалась через сеть изб-читален, юрт-передвижек, красных уголков.

Планомерная работа по обучению взрослого населения грамоте началась с 1923 г. В ноябре 1923 г. в Ойротской автономной области открылись 5 ликпунктов и одна школа для малограмотных. Работа по ликвидации неграмотности возлагалась на учителей – ликвидаторов неграмотности.

Большую роль в решении вопроса о ликвидации неграмотности сыграли общественные организации: профсоюзы, комсомол, кооперативы и др. По инициативе комсомольцев на местах была проведена перепись неграмотного населения. Комсомольцы и активисты выясняли причины непосещения школ, помогали бороться с отсевом учащихся и др. Профсоюзные организации провели большую работу по организации кампании по ликвидации неграмотности, вовлечению в нее население области.

Важную роль в ликвидации неграмотности сыграло добровольное общество «Долой неграмотность». Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН) было создано для ликвидации неграмотности среди взрослого населения страны (1923 г.). Председателем ОДН области был утвержден председатель Ойротского облисполкома Н.Ф. Меджит-Иванов [Кандаракова 1992: 78]. В этом году страной был взят курс на достижение грамотности среди населения от 18 до 35 лет к десятой годовщине Октябрьской революции. В Ойротской автономной области ОДН было создано в марте 1924 г.

В 1924/25 учебном году на бюджетные средства было открыто 32 ликпункта, а на средства ОДН – 51. На 83 ликпунктах обучалось 2249 чел., из них 860 алтайцев [Очерки 1973: 317]. ОДН собирали средства на оборудование и содержание ликпунктов.

Темпы ликвидации неграмотности сдерживались нехваткой учителей в области и необеспеченностью школ. С целью подготовки и переподготовка кадров ликвидаторов неграмотности в области были организованы курсы. В 1921 г. начали работу месячные курсы по подготовке ликвидаторов неграмотности в трех пунктах: в селах Улаган, Каракол и Усть-Кан. В 1924 г. учителей-алтайцев насчитывалось всего 40 чел. В этом году повсеместно были проведены конференции учителей, на которых ликвидация неграмотности признавалась первоочередной задачей. По решению Ойротского обкома РКП (б) в с. Улала провели краткосрочные курсы по подготовке лиц, направляемых на работу по ликбезу. Всего было подготовлено 28 чел. В аймаках организовывали обучение по урочищам [Кандаракова 1992: 79, 80]. В 1925 г. на курсах обучались только ликвидаторы из алтайцев, потому что не хватало грамотных людей, знающих алтайский язык, на котором велось обучение коренного населения. Основной силой в ликвидации неграмотности были учителя. Работу с взрослыми они вели на общественных началах в свободное время от работы в школе [Очерки 1973: 318]. Политико-просветительные учреждения зачастую возникали стихийно, по инициативе с мест [Кочевники 2020: 334].

Учитывая образ жизни алтайцев, разбросанность и отдаленность урочищ, организовывались передвижные ликпункты. В 1924/25 учебном году действовало 4 передвижных пункта в Онгудайском, Улаганском, Усть-Канском, Кош-Агачском аймаках. В них обучалось 168 чел. [Ульянов 1926: 122, цит. по: Очерки 1973: 318]. Наряду с ликпунктами было введено и индивидуально-групповое обучение. Для алтаек создавались специальные женские ликпункты, на которых обучение вели женщины.

Для методического руководства ликпунктами была создана система управления. Под руководством облполитпросвета работала областная инструктивная школа, которая руководила деятельностью волостных инструктивно-опорных ликпунктов. Волостные инструктивно-опорные ликпункты «проводили в жизнь» задания областной инструктивной школы, осуществляла и волостные методические конференции работников ликвидации неграмотности.

Партийное руководство страны придавало большое значение деятельности по ликвидации неграмотности. 30 мая 1925 г. ЦК РКП (б) принимает постановление «О работе общества «Долой неграмотность», в соответствии с которым Ойротский обком РКП (б) и Ойротский облисполком принимают меры по усилению работы по ликвидации неграмотности. В короткий срок в аймаках открыли 10 школ-передвижек, которые были обеспечены учебниками и наглядным материалом. Такие школы обслуживали около половины сельских населенных пунктов области. В организации обучения в ликпунктах учителя испытывали затруднения в самых необходимых вещах: вместо мела нередко писали березовым углем на белой стене, которую постоянно забеливали, не было керосина, бумаги, учебников и пособий. Труднодоступные места обслуживались разъездными учителями [Кандаракова 1992: 82]. Обучение грамотности сопровождалось пропагандой идейных ценностей нового советского общества. С 1925 г. в учебные программы ликбеза вводился курс политграмоты.

Ликвидация неграмотности, особенно среди алтайского населения, усложнялась рядом обстоятельств. Учителя-ликвидаторы не знали алтайского языка, алтайцы-кочевники с недоверием относились к деятельности учителей-ликвидаторов, отсутствовали учебные пособия на алтайском языке. Так, первая учебная книга на алтайском языке «Букварь для взрослых» вышла в 1926 г. В дальнейшем издаются первые книги для обучения взрослых, авторами которых были А.В. Тозыяков, М.В. Мундус-Эдоков, П.П. Тыдыков и В.И. Фролов [История Горного Алтая 2000: 242, 243].

К 10-летию Октябрьской революции в Ойротии ставилась задача ликвидировать неграмотность взрослого населения в возрасте до 35 лет. Для выполнения этой задачи были мобилизованы все учителя, учащиеся, грамотные члены трудовых коллективов, профсоюзный актив. Особую трудность в обучении коренного алтайского населения грамотности представляло отсутствие специалистов, владеющих алтайским языком.

Однако из-за материальных трудностей и нехватки учителей полностью ликвидировать неграмотность в 1927 г., как декларировалось ранее, не удалось. К этому времени грамотность взрослых в Ойротии составила 39 % [Очерки 1973: 319].

Для дальнейшего совершенствования культурной революции Ойротский обком ВКП (б) создал специальную комиссию по ликвидации неграмотности, в которую вошли представители партийно-советских органов, профсоюзов, комсомола, руководителей хозяйств [Кандаракова 1992: 85].

Удельный вес работников ликбеза из числа алтайцев составлял в 1926-1928 гг. 35 %-40 % от общего числа работников. Первое поколение учителей-алтайцев внесло большой вклад в ликвидацию неграмотности своего народа, среди них: Е.Я. Суразакова, Е.А. Таштамышева, Т.М. Тоцакова и многие другие [Кочевники 2020: 337].

Во второй половине 1920-х гг. характер борьбы с неграмотностью меняется. Массовым движением за ликвидацию неграмотности становится Всесоюзный культурный поход. В начале октября 1928 г. постановлением областного комитета партии и облисполкома была создана специальная организационная комиссия. Она составила единый план культпохода для всей области. В аймаках создавались комиссии по ликвидации неграмотности и малограмотности – культштабы. В их состав входили представители от сельских советов, партийных и комсомольских ячеек, ОДН и сельских организаций. Они налаживали обучение, решали вопросы подготовки кадров ликвидаторов неграмотности [Очерки 1973: 319]. Профсоюзные организации сформировали в каждой профсоюзной ячейке комиссии содействия, которые ставили задачу осуществлять контроль за посещением занятий слушателями, оказывать помощь женщинам в устройстве детей во время посещений занятий, организовывать обучение на дому [Кандаракова 1992: 85, 86].

Большую роль для поднятия общей культуры кочевого и полукочевого населения играли юрты-передвижки, что позволило добиться высоких результатов в ликвидации неграмотности коренного населения.

Всего же за годы первой и второй пятилеток (1928-1937 гг.) в Ойротии всего было обучено 44941 неграмотных, в том числе 21874 алтайца, 25592 малограмотных, в том числе 11535 алтайцев [Очерки 1973: 323]. В целом за 1926-1939 гг. уровень грамотности населения в Ойротии заметно вырос (см. табл. 1).

Таблица 1

Грамотность населения Ойротской автономной области от 9 лет и старше, по данным всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг., %

Мужчины		Женщины		Все население	
Городское население					
1926	1939	1926	1939	1926	1939
79,2	90,9	59,8	77,9	69,2	84,1
Сельское население					
1926	1939	1926	1939	1926	1939
41,2	83,9	17,3	64,4	28,8	73,4

Источник: Всесоюзная перепись 1992: 43–45, цит. по: Кочевники 2020: 331.

Особенно заметны были успехи в ликвидации неграмотности в сельской местности. Так, в областном центре г. Улала (Ойрот-Тура) уровень грамотности повысился к 1939 г. с 69,2 % до 84,1 %, а в сельской местности – с 28,8 % до 73,4 % всего населения. Резко возросла грамотность женщин, особенно в сельской местности.

Большевистская власть проделала большую работу по ликвидации неграмотности населения, в особенности – в национальных регионах. В Горном Алтае кампания ликвидации неграмотности сдерживалась многими проблемами регионального характера: нехватка школ, недостаток педагогических кадров, небольшое количество учебных пособий на алтайском языке. Целенаправленная деятельность по ликвидации неграмотности принесла свои результаты, способствовала повышению образовательного уровня населения региона. Алтайцы, приобретая основы грамотности, включались в систему советского государства.

2.8. Формирование профессиональной культуры. Культурно-просветительные учреждения

В первые годы советской власти большевистское руководство, понимая значимость идеологического воздействия искусства на население, принимает меры по централизации управления культурой, литературой и искусством.

Культурная революция провозглашалась важнейшим условием строительства нового общества в стране. Ее главными задачами назывались создание социалистической системы образования и просвещения, перевоспитание старой и формирование новой советской интеллигенции, создание социалистической литературы и искусства, подъем науки, формирование новой морали, утверждение атеистического мировоззрения, перестройка быта и т.д. Целью культурной революции провозглашалось формирование человека «нового типа», носителя ценностей советского общества. Важнейшей составной частью культурной революции провозглашался «подъем социально-экономического и культурного уровня» нерусских народов. Развитие национальной культуры находилось в центре внимания советского государства. Перед партийными и государственными органами вставала задача повышения культурного уровня населения национальных окраин России.

В Горном Алтае проведение культурной революции наталкивалось на целый ряд трудностей: отсутствие литературы на алтайском языке (существовала только незначительная религиозная литература, созданная православными миссионерами), массовая неграмотность алтайского и русского населения региона.

Культурная революция охватила все стороны жизни коренных жителей Горного Алтая: санитарное просвещение, переход к оседлому образу жизни, ликвидация неграмотности, создание культурно-просветительских учреждений, национальной литературы и искусства, новой национальной интеллигенции. В Горном Алтае началось развитие литературного творчества и художественной самодеятельности, формирование новой алтайской интеллигенции, руководителей нового типа.

Культурно-просветительские учреждения. Ведущее значение в проведении культурной революции отводилось культурно-просветительским учреждениям. VIII съезд РКП (б), состоявшийся в марте 1919 г., наметил основные пути политико-просветительской деятельности партии в деревне. Съезд принял решение об организации сети народных домов для крестьян в целях организации досуга, просвещения и политического воспитания [Тарбанакова 2011: 32].

Ойротский обком РКП (б) и облизполком, следуя указаниям ЦК РКП (б), придавали большое значение культурно-просветительской работе среди населения. В резолюции, принятой на областной

партийной конференции по отделу народного образования от 23 февраля 1923 г., ставились две задачи:

« – установить сеть библиотек, изб-читален, народных домов и клубов, обеспечить их в минимальной степени материальными средствами путями принятия на областной бюджет для удовлетворения необходимых культурных нужд населения;

– установить сеть школ ликвидации безграмотности преимущественно для беднейшего туземного населения области» [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 4].

Уже в 1921 г. в области насчитывалось: 28 культурно-просветительских обществ, 17 библиотек-читален, около 1500 экземпляров книг в библиотеках и культурно-просветительных обществах. В отчете отдела народного образования области отмечалось: «Театров со сценами – 15, из них в Чемале, Шебалино и Улале функционируют постоянно, остальные любительские» [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 6. Л. 71]. Большое внимание уделялось клубам, занимающимся агитационно-массовой работой среди населения.

К 1924 г. в состав культпросветучреждений области входили 17 народных домов, 22 избы-читальни, 25 библиотек, 1 музей [Госархив РА Ф. П–1. Оп. 1. Д. 116. Л. 4]. Клубные учреждения были призваны бороться с «частнособственническими пережитками прошлого», с «буржуазными и ревизионистскими взглядами», воспитывать новое поколение людей, для которых дело государства и коллектива было приоритетнее, чем свое личное. Клубная деятельность дополняла и развивала работу школ, театров, радио, библиотек.

При Народных домах и клубах проводилась большая политико-массовая работа, которая велась под руководством партийных органов. Лекторы и пропагандисты разъясняли новые методы труда, распространяли агрономические знания, информировали о достижениях страны в промышленности и сельском хозяйстве. В клубных учреждениях проводились различные культурно-просветительские мероприятия.

Большое внимание обращалось также на развитие сети и улучшение работы Домов крестьянина, которые заменяли собой частные постоянные дворы. В них организовывались интересные лекции и беседы. Так, например, при Доме крестьянина в Улале проводились лекции и беседы, которые охотно посещали жители областного центра. Только за декабрь 1924 г. на лекциях и беседах

Улалинского Дома крестьянина присутствовало 335 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 73. Л. 72].

Центром культурно-просветительской работы в деревне являлись избы-читальни. Изба-читальня включала в себя читальню, клуб, справочный отдел, школу взрослых, проводила спектакли и различные мероприятия культурно-просветительского характера. При избах-читальнях, как и при клубах, создавались различного вида кружки: политические, естествознания, сельскохозяйственные и т.д., к руководству которыми привлекались учителя, медицинские работники, агрономы и другие представители интеллигенции. Избы-читальни использовали самые разнообразные виды творческой деятельности.

В 1920-е гг. увеличилось число красных уголков и изб-читален: в 1926 г. красных уголков было 30, изб-читален – 16. Одновременно росла сеть национальных изб-читален: в 1930 г. их стало 18 [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 901. Л. 245].

Одним из своеобразных политико-просветительных учреждений, работавших с кочевым и полукочевым населением, стали «красные юрты-передвижки – «кызыл-айлы». Они представляли собой сочетание избы-читальни и врачебно-консультационного пункта. Эта форма деятельности оказалась приспособленной к жизненному укладу кочевников. Перед юртами-передвижками стояли широкие задачи: разъяснить национальную политику партии и Советского правительства, вести борьбу с патриархально-родовыми пережитками, осуществлять санитарно-профилактическую работу.

Первая юрта-передвижка начала работать в 1924 г. Ее штат состоял из 2-3 человек (пропагандист, киномеханик, медик). Юрты-передвижки располагали комплектом художественной и политической литературы, брошюрами, плакатами, кинопередвижкой, позднее – передвижными радиоприемниками для организации коллективного слушания. Нередко юрты-передвижки имели диапозитивный фонарь, швейную машину, патефон с набором грампластинок, гармонь, а также небольшую библиотечку.

Юрты-передвижки уделяли большое внимание работе среди женщин. Днем их работники проводили показательную уборку юрты, мытье посуды, приготовление пищи, давали различного рода справки. Вечером организовывались беседы, которые сопровождались показом диапозитивов, а иногда и демонстрацией

кинофильмов. Диафильмы и кинокартины вызывали глубокий интерес населения. Популярностью пользовались световые газеты, которые представляли собой, серию связанных общим сценарием диапозитивов с титрами.

Большую помощь местным органам власти оказывал российский Главполитпросвет. Так, например, в июле 1929 г. он отправил передвижную юрту в Ойротскую автономную область. За два месяца ее работники обслужили слет пионеров в областном центре, аймачную батрацкую конференцию в с. Усть-Кан, 8 сельсоветов, 18 урочищ Усть-Канского аймака. По урочищам системой политпросвещения было охвачено 1601 чел. (мужчин – 1138, женщин – 463), всего по Усть-Кану – 834 (440 мужчин, 394 женщины). Всего передвижная юрта обслужила 2440 чел. из общего числа населения по аймаку 9986 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 205а. Л. 108, 109, 110].

Работа юрт-передвижек отличалась большей эффективностью в работе с населением, и потому их сеть быстро росла: в 1926 г. юрт-передвижек насчитывалось 6, в 1927 г. – 11, в 1930 г. – 18 [Госархив РА Ф. П–1. Оп. 1. Д. 205б. Л. 4]. Но для работы в юртах-передвижках, как и в других культпросвет учреждениях, катастрофически не хватало кадров.

Своеобразным учреждением служили Дома алтаек, задачей которых являлись ликвидация политической и общей неграмотности женщин-алтаек, внедрение санитарных навыков, обучение культурному ведению хозяйства, воспитанию ребенка, кройке и шитью, уходу за скотом и т. д. В Домах алтаек продолжалась работа, начатая в юртах-передвижках, но уже в форме курсов. Первый Дом алтайки был создан в 1929 г. в с. Онгудай, а затем на основании решения бюро областного комитета ВКП (б) в 1932 г. были открыты Дома алтаек в селах Кош-Агач и Улаган.

Одним из важнейших учреждений политического и общего просвещения населения являлись библиотеки. ВЦИК возложил руководство библиотеками на библиотечную группу (отдел) Наркомата просвещения. Совет народных комиссаров в 1918 г. издает два декрета, в соответствии с которыми в собственность государства поступали библиотеки частных лиц и ликвидированных учреждений.

Руководство Ойротской автономной области придавало серьезное значение развитию сети библиотек и их комплектованию. Вторая областная партийная конференция, прошедшая в 1923 г., в

числе наиболее важных задач ставила открытие новых библиотек, пополнение их книгами, особенно на алтайском языке. В 1922 г. насчитывалось 16 библиотек с книжным фондом – 8400 книг, в 1930 г. – 35 [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 71. Л. 31]. Постепенно росло число библиотек, которые становились действенными помощниками областных органов в проведении идейно-политической и массово-просветительной работы среди трудящихся масс.

Большую роль в пропаганде новых идей и образа жизни сыграла театральная самодеятельность. Первые театральные кружки возникали при красноармейских частях и в селах с русским населением. По свидетельству одной из первых профессиональных актрис Горного Алтая Е.И. Кошкаровой-Фроловой, ее сценическая деятельность началась в одном из первых спектаклей, которые поставил отряд красноармейцев в Улале. Руководил этими постановками актер театра В. Мейерхольда А. Чикул, который помог и местному Рабоче-Крестьянскому клубу организовать свой драматический кружок [Тарбанакова 1994: 27].

Театральная самодеятельность была популярна среди населения, и быстро развивалась. Уже в 1921 г. в Горно-Алтайском уезде зарегистрировали 29 народных театров, из них имел свое помещение 1 театр, 22 находились при Народных домах и 6 – при помещениях других организаций и учреждений. «За 3,5 месяца театры поставили 247 спектаклей. Разыгранные пьесы распределялись так: 179 драм и комедий, 38 детских пьес и 15 прочего репертуара...» – сообщалось в отчете Алтайского губернского экономического совещания за 1921 год. Репертуар народных театров и драматических кружков составляли пьесы русских классиков – А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова – и пьесы агитационного содержания, о котором можно судить по их названиям: «Стенька Разин», «Безработные», «Красные пришли», «Крестьянин», «Великий коммунар», «Безработные» [Тарбанакова 1994: 27].

Помимо спектаклей самодеятельные театры проводили агитационно-просветительную работу. Митинги и собрания сопровождались концертами, спектаклями, которые часто были художественным продолжением агитационной программы собрания.

Одной из форм культурно-просветительских мероприятий театрализованного характера в 1920-е гг. были «литературные суды»

– имитационные ролевые постановки, практиковавшиеся почти во всех районах области. В качестве подсудимых выставлялись не только герои литературных произведений, но и персонажи из реальной жизни – кулак, батрак, подкулачник, домохозяйка и т.д. Подобных литературные политсуды получили большое широкое распространение в деятельности во многих Народных домов, библиотек, учебных, а также – производственных коллективов города и аймаков области.

Большой популярностью в 1920-е гг. пользовалась «живая газета». Содержание газет было написано простым, выразительным языком, их чтение сопровождалось музыкой, пением, инсценировкой, и потому эта газета была доступна широким массам неграмотных. Корреспондент Ожидающий писал о том, какое впечатление оказывало выступление живой газеты «Синяя блуза» на жителей города Улалы: «... впервые на сцене Улалинского Нардома появилась универсальная «живая» газета «Синяя блуза». С каким восторгом она была встречена, и с каким удовольствием смотрелась она местным крестьянством, особенно молодежью, которые в ней видели не только что-то веселое и занятное, но и полезное... Одним словом, они читали газету, но газету особенную, новую, живую газету...» [Ау, «Синяя блуза» 1926: 4].

После выпуска номеров живой газеты «Синяя блуза» на русском языке появляется живая газета на алтайском языке. Ее авторы и исполнители – курсанты совпартшколы. «В совпартшколе 30 ноября была поставлена впервые в нашей области живая газета на алтайском языке «Кызыл Дьылдыс» («Красная звезда»), «Отразилась в газете жизнь курсантов совпартшколы: выполнение времени отдыха после обеда, курение в комнате, шум в общежитии. Конечно, при постановке были и недостатки, но это первый номер, ребята-алтайцы впервые выступили на сцене, газета была составлена своими силами, ибо изданные не имеются» – писал один из участников выступления [Тарбанакова 1994: 29].

В области проводились различные пропагандистские мероприятия: «Неделя помощи школе», «Неделя помощи голодающему населению Поволжья», «Смотр культурного фронта», празднования 1 мая, годовщины Великого Октября, Дня кооперации и т.д. Ни одна кампания не обходилась без театральных зрелищ и выступлений на импровизированных площадках самодеятельных артистов. На сцене исполнялись народные песни, играли на

национальных инструментах, выступали сказители, камлали шаманы. Пропаганда новых идей, новой жизни при помощи искусства имела большое значение и была наиболее эффективна и доступна среди неграмотного населения.

Широкое распространение в 1920-е гг. получило драматическое искусство. По примеру русских драматических кружков начали организовываться драматические коллективы художественной самодеятельности у алтайцев. В 1922 г. в с. Улала был создан этнографический ансамбль, в репертуар которого вошли народные песни, импровизированные сцены алтайской свадьбы, камлания шамана и пьеса «Кута» («Сватовство»), написанная и поставленная алтайскими артистами. Большое впечатление на зрителей производило камлание шамана. «Невозможно передать впечатление от этой дикой пляски, кружения, как будто гложущего в теснинах гор, звучания бубенцов, трещания бубна и движении шамана, производимых в экстазе ...» – писал корреспондент газеты «Советская Сибирь» о выступлении этнографического ансамбля [Маленький 1924: 5]. Зрители воспринимали шаманские камлания как экзотическое театрализованное зрелище. Камлание шамана на сцене в те годы использовалось также с целью антирелигиозной пропаганды.

В местных и краевых газетах времени публиковались многочисленные заметки о постановках самодеятельных спектаклей в школах, клубах, народных домах, красноармейских частях, красных уголках. Так, в газете «Советская Сибирь» говорилось о показе спектаклей в Улале, Кош-Агаче, Артыбаше. Газета «Ойратский край» рассказывала о постановке в Челушманской школе пьесы «Бежин луг» по рассказу И.С. Тургенева. Постоянно работала в Улалинском рабоче-крестьянском клубе любительская труппа, которая наряду с классическими драматическими произведениями ставила агитационные пьесы, народные театры в селах Чемале, Шибалине. С каждым годом самодеятельные театральные постановки получали все большее и большее распространение в районах области и вызвали огромный интерес среди их жителей. Во многих селах со смешанным населением организовывались драматические кружки на алтайском и русском языках.

Постановка спектаклей активно осуществлялась в среде студенческой молодежи города Улалы. Большой интерес вызвала работа драматических коллективов совпартшколы, педагогического техникума и рабоче-крестьянского клуба города

Улалы, драматического кружка Узнезинской школы. В этих коллективах под руководством педагогов впервые были поставлены пьесы М.В. Мундус-Эдокова, братьев А.В. и Ф.С. Тозыяковых, Н.А. Каланакова, номера живой газеты «Кызыл Дьылдыс», первые пьесы П.В. Кучияка. Из них вышли первые алтайские артисты О. Сарина, И. Сабашкин, П. Кучияк и многие другие [Тарбанакова 1994: 32].

Таким образом, культурно-просветительная работа в области была насыщенной и многообразной. Культпросвет-учреждения сыграли большую роль в повышении культурного уровня населения Горного Алтая, просвещении жителей области.

Одним из средств политического просвещения являлась печать. После перехода Горного Алтая к мирной жизни начался регулярный выпуск областных газет: «Ойротский край» (на русском языке) и «Кызыл Ойрот» (на алтайском языке). Первый номер газеты «Ойротский край» вышел 7 ноября 1922 г. В нем содержались лишь материалы работников редакции. С 5 августа 1923 г. газета стала выходить постоянно, она постепенно налаживала свою работу. Стала поступать информация селькоров из разных районов.

Большое значение придавалось организации газеты на алтайском языке для нужд алтайского населения. Первого мая 1922 г. вышел номер газеты «Кызыл табыш» («Красные новости»), затем газета стала называться «Ойроттын јери» («Ойротская земля»), а с 13 февраля 1925 г. – «Кызыл Ойрот», выпускавшаяся регулярно. Газета пользовалась большой популярностью, и ее выпуски читались с большим интересом среди алтайского населения. На страницах газеты «Кызыл Ойрот» появились первые произведения алтайских писателей. К 1934 г. в области выходило уже 18 местных газет. Ведущими среди них оставались две областные: «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот». Газеты печатали официальные партийные и советские документы, пропагандистские и агитационные материалы, международные хроники, освещали события и факты хозяйственной и культурной жизни Горного Алтая. С ликвидацией неграмотности постепенно росли ряды селькоров областных и аймачных газет: в 1924 г. их было 20, в 1930 г. – 550 [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 105а. Л. 196].

Особое внимание уделялось изданию книг на алтайском языке, для этого была создана переводческая комиссия. В 1924 г. опубликовано всего 2 книги (в т. ч. книга для чтения – «Ойрот

школа»), а в 1929 г. – 69 книг [Госархив РА. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 32. Л. 63]. Партийная и государственные органы неоднократно предпринимали меры по улучшению издательского дела. После издания резолюции ЦК РКП (б) в 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», в 1926 г. в областном центре – Улале были открыты национальное издательство и областная литературная коллегия – первая творческая организация, способствовавшая публикации художественных произведений. Большую помощь в организации издательского дела оказали центральные и краевые партийно-государственные органы. Первое время издавались учебники, а с укреплением финансового положения области увеличилось издание брошюр и книг на алтайском языке.

Важную роль в идеологической и культурно-просветительской работе по воспитанию «нового человека» советское государство отводило кинематографу. Кинофикация получила свое развитие сразу после создания Ойротской автономной области. В 1922 г. в Горный Алтай поступило две, пока еще не озвученные киноустановки (стационарная и передвижная). В 1923 г. в область прибыла первая киноэкспедиция, которая стала снимать художественную картину «Долина Слез». В 1924 г. демонстрировалась первая художественная картина «Первый вальс», получившая широкие отклики у населения области [Улала, Ойрот-Тура 1997: 57, 58]. Кинообслуживание отдаленных мест проживания, животноводческих стоянок осуществлялось культпросвет-передвижками, которые работали согласно плану по определенным маршрутам. Демонстрировались лучшие отечественные фильмы, в которых показывались революционное движение, социалистическое строительство, жизнь народа. Первый кинотеатр был открыт в с. Улала в 1925 г. в помещении бывшей церкви, а первым киномехаником был Григорий Черных. Демонстрировались лучшие фильмы: «Броненосец Потемкин», «Стачка», «Мать», «Потомок Чингиз-хана» и др., в которых показывалось революционное движение, грандиозные события в жизни советской страны. В 1930 г. насчитывалось уже 6 киноустановок.

Большое развитие в Горном Алтае получило музейное дело. В октябре 1918 г., в условиях правления контрреволюционного Сибирского правительства, Каракорум-Алтайская земская управа по инициативе художника Г.И. Чорос-Гуркина приобретает у

известных сибирских краеведов Гуляевых палеонтологическую, археологическую, минералогическую коллекции, научную библиотеку ценных и редких изданий по сибиреведению, геологии, горному делу, археологии, истории и архивные материалы по истории горно-заводского дела, полезным ископаемым и производительным силам Алтайского округа и Томской губернии. «Было передано: 1311 книг, архив из 74 папок, 113 предметов по археологии, минералогии и 12 таблиц, которые были доставлены в Улалу в начале 1919 г. Переданные коллекции из-за отсутствия постоянного помещения были отданы А.В. Бондареву для хранения» [Белекова 2010: 29]. Все эти материалы составили основу будущего музея, который из-за отсутствия помещений музей постоянно менял месторасположение и неоднократно закрывался. В разные годы он находился в с. Кызыл-Озеке, Чемале, Алтайском, пока не начал работу в с. Улале в 1927 г.

Советская власть рассматривала музеи как важный элемент политического воспитания и культурного просвещения народа. Ойротский областной музей постоянно пополнялся новыми экспонатами: археологическими и этнографическими предметами, гербариями, рисунками Г.И. Чорос-Гуркина и пр. На 1 октября 1927 г. в инвентарной книге числилось 300 экспонатов: из них этнографические составляли – 135, христианского культа – 20, исторические – 15, археологические – 16, антропологические – 12, художественные – 2, палеонтологические – 42, зоологические – 42, минералогические – 16, итого в культурно-историческом отделе – 200 предметов, в естественно – историческом отделе – 100. В 1927 г. было приобретено 100 предметов, библиотека пополнилась на 260 книг. В июне-сентябре 1927 г. музей посетило 1480 человек, проведено 26 экскурсий [Белекова 2010: 32].

В 1928-1930 гг. областной музей организовал первые экспедиции по исследованию археологических памятников, полезных ископаемых, красящих и лекарственных растений, местонахождений целебных источников и по сбору этнографических материалов по аймакам Ойротии. В 1930 г. была организована Алтайская этнографическая экспедиция «Общества изучения Сибири и ее производительных сил по сбору и описанию этнографических коллекций для экспорта за границу» (ОИС). В состав экспедиции вошли: работники облмузея (А.И. Новиков – директор, А.В. Анохин и Н.И. Арбузова – научные сотрудники), ученые-этнографы из Ленинграда (А.Г. Данилин, Л.Е. Каруновская,

А.И. Терентьева), а также музыковед К.А. Верков и известный художник Г.И. Чорос-Гуркин. С июля по ноябрь в ходе экспедиции по Чемальскому, Шебалинскому, Онгудайскому, Улаганскому и Турочакскому аймакам был собран богатый материал, фонды музея пополнились новыми уникальными экспонатами [Еркинова 2008: 8].

Становление алтайской художественной культуры явилось одним из важнейших достижений культурной революции. Начало развития изобразительного искусства было положено еще в начале XX в. творчеством первого алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина, а музыкальное искусство – деятельностью композитора и этнографа А.В. Анохина.

Культурная революция охватила все стороны жизни алтайского народа. Основными направлениями культурных преобразований стали формирование национальной письменности и развитие языка. Если до Октябрьской революции художественная культура для народов Горного Алтая была выражена в устном народном творчестве и декоративно-прикладном искусстве, то в новых условиях провозглашенных социалистических преобразований художественное слово приобрело первостепенное значение. Создание новой художественной культуры началось именно с литературы, которая опиралась в своем развитии на традиции устного народного творчества.

Становление периодической печати и книгоиздательства на алтайском языке дало возможности печатать на своих страницах художественные произведения, что стало стимулом к развитию алтайской литературы как профессионального вида деятельности. В 1923 г. II областной съезд Советов депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев постановил принять южно-алтайский диалект за основу алтайского литературного языка. В этом же году в помощь открывающимся школам издается «Алтай-орус сӧзлик» («Русско-алтайский словарь»), составленный С.Я. Кумандиным. Организация печатных органов, возможность издания книг на родном языке явились огромным стимулом для роста писательских кадров.

Значительную роль в зарождении алтайской письменной литературы сыграла газета на алтайском языке «Кызыл Ойрот». На страницах газеты печатались стихи и песни первых алтайских поэтов [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 154, 155].

В первых книгах для чтения – «Ойрот школ» («Ойротская школа») и «Ган чолмон» («Утренняя звезда») – впервые публикуются

произведения М.В. Мундус-Эдокова, рассказы М.В. Чевалкова, статьи, рассказы и стихи П.А. Чагат-Строева, Ч. Чунжекова, А. Тонжана (А. Тозыякова). В последнюю книгу включены переводы М.В. Мундус-Эдокова произведений русских авторов: «Курган» А. Толстого, «Крестьянские дети» Н. Некрасова, «Деревья весело шумели» А. Плещеева и другие. Переводы русских авторов сыграли большую роль в литературной деятельности начинающих алтайских писателей, в развитии их художественного мастерства.

С середины 1920-х гг. выходят отдельными изданиями сначала в Москве, затем в Улале, поэтические и драматические произведения алтайских писателей М.В. Мундус-Эдокова, П.А. Чагат-Строева, братьев Тозыяковых. В 1928 г. опубликован первый сборник прозаических произведений С.Я. Кумандина под названием «Кызыл жылдыс» («Красная Звезда»).

В период своего зарождения новая алтайская литература 1920-х гг. представлена в своих основных родах: лирике, эпосе и драме. Большинство алтайских писателей той поры создавали свои произведения, опираясь на образную систему родного фольклора, искали новые пути и приемы художественного изображения действительности. Не отрываясь от фольклорных традиций, молодые авторы учились мастерству на образцах собственной и русской художественной словесности. В начале своего творческого пути им было важно сохранить форму песен, язык и привычные образы фольклора. В дальнейшем все это прошло путь сложной творческой переработки.

Наиболее популярным жанром алтайской лирической поэзии того времени стала песня – *кожон*, ее слагали повсеместно. Часть этих песен относится к фольклору, другие считаются авторскими, которые по форме и мелодике напоминают народные. К ним можно отнести «Озогызы кожон» («Старая песня») В. Иртанова, «Алтай кожон» (Алтайская песня) А. Кокулекова. В них сохранена форма песни, но содержание их соответствовало новому времени: воспевание преобразований Алтая, восхваление учения, книг. Поэзия, явившаяся наиболее активным средством выражения духовной жизни народа, его патриотических настроений и приобщения к общественно-политической деятельности, открывала первые страницы молодой литературы. Каждое стихотворение алтайских поэтов: П.А. Чагат-Строева, М.В. Мундус-Эдокова, И. Эдокова, О. Кокулекова, И. Иртанова, А. Чокова, А. Борбуева –

было откликом на события, происходившим не только на родной земле, но и во всей стране и даже в мире. Алтайские поэты – люди разного возраста и выходцы из разных социальных слоев, писали о революционных праздниках, об областных партийных и комсомольских конференциях, об организации кооперации, о подписках на займы. Утверждая новые начала жизни, они сравнивали их с прошлым. Во многих стихах есть поэтика контраста: тяжелые картины прошлого противопоставлялись радостному настоящему народа. Большинство стихов по своему содержанию и идейной направленности являлись агитационными, а по форме близкими к народным песням. Эти стихи выражали дух времени. Многие стихотворения 1920-х гг. названы «песней – кожон». Но «многие из них представляют собой призывы (*кычыру сӧс*), наставления (*якьылта*), гимн (*мак кожон*), обращение (*јакару сӧс*), к народу, молодежи, комсомолу, женщинам и т.д.» [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 156, 157, 158]. Поэзия 1920-х гг. отличалась пропагандистской направленностью. Произведения, написанные в это время, отражали события, происходившие и происходящие в Горном Алтае: Октябрьская революция, герои Гражданской войны и В.И. Ленин, переход к оседлости, выборы в Советы, раскрепощение алтайских женщин. Поэтические образы ярко и эмоционально выражали коллективные чувства к отображаемым событиям, формировали отношение народных масс к окружающему миру, к злободневным проблемам.

Наиболее ярко поэзия этого периода была представлена в творчестве поэта и драматурга М.В. Мундус-Эдокова, поэта П.А. Чагат-Строева.

В основном стихотворения М.В. Мундус-Эдокова были адресованы детям, учащимся: «Ўренчиктерге (школьникам)», «Јаш пионер (Юный пионер)», «Кожон (Песня)» и другие. Он писал также сюжетные стихи, басни и сатирические стихи. Обращением к басенному жанру поэт продолжил традиции дореволюционного писателя-просветителя М.В. Чевалкова, М.В. Мундус-Эдоков старался открыть читателям красоту окружающего мира, в сюжетных стихах и баснях воспроизвести своеобразие народного быта, характер и психологию героев [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 162].

Одновременно с М.В. Мундус-Эдоковым творил и работал П.А. Чагат-Строев. В 1920-е гг. он писал и издавал книги: «Ойгор

Баатыр» («Мудрый богатырь», 1926), «Кара-Корум» (1927), «Ўч јүзүн кожон» (Три разных песни», 1929). В 1934 г. им составлена первая хрестоматия по литературе, куда кроме собственных произведений вошли его переводы А.С. Пушкина, И.А. Крылова, А.М. Горького, русских и алтайских писателей [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 165, 166].

Для поэзии П.А. Чагата-Строева характерны типические черты алтайской литературы в период ее зарождения. Отталкиваясь от форм фольклора, поэт искал новые образы и художественные приемы, обращался к эпическому жанру. П.А. Чагат-Строев является и автором лирико-эпических произведений – поэм: «Ойгор батыр (Мудрый богатырь)» и «Кара-Корум», которые на тот момент являлись художественным достижением алтайской литературы [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 168].

В 1920-е гг. начинает рождаться новый род литературы – проза. На страницах периодической печати и в книгах для чтения появляются короткие притчеобразные зарисовки М.В. Мундус-Эдокова, вошедшие в книгу «Ойрот школ» (Ойротская школа) и «Тан чолмон (Утренняя звезда)», рассказы-зарисовки, опубликованные в газетах «Кызыл Ойрот» и «Ойротский край», первые образцы художественной прозы С.Я. Кумандина, изданные отдельной книгой «Кызыл јылдыс» (Красная звезда). К ним можно отнести и специальные брошюры антирелигиозного и патриотического содержания. Об этом же рассказы «Јарлыкчи (Бурханист)», «Кам», «Абыс ла Ўредүчи (Поп и учитель)» М.В. Мундус-Эдокова. Герои этих рассказов – простые труженики, проповедующие новое отношение к жизни и религии, автором сатирически обрисованы представители разных религиозных конфессий: попа, шамана, бурханиста.

М.В. Мундус-Эдоков пишет также рассказы-притчи, основанные на фольклоре: «Түлкү ле Күртүк (Лиса и Тетерев)», «Бөрү и тийиннин балазы (Волк и Бельчонок)» и др. Часто писались и публиковались юмористические рассказы (*кокур сӧс*), в которых авторы обличали недостатки в поведении и характере человека. Начинающие прозаики использовали в своих произведениях не только реальные события, но и заимствовали сюжеты из других литератур, перерабатывая их применительно к местным условиям. Интересен рассказ «Кызыл јылдыс (Красная звезда)» С.Я. Кумандина, основная тема которого – призыв алтайских парней на службу в Красную Армию.

Становление жанров прозы постепенно шло от коротких зарисовок, юмористических и сатирических злободневных рассказов к первым рассказам [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 171, 172, 174].

Наряду с поэзией и прозой интенсивно развивался новый для алтайцев род литературы – драма. Как известно, элементы театрального искусства и драматургии присутствуют в устном народном творчестве, песенных состязаниях, народных играх, в культовых и бытовых обрядах. Но первые пьесы были написаны на современном, а не на фольклорном материале.

Развитие драматургии в первые годы советской власти было обусловлено жизненной необходимостью. Через непосредственный показ событий происходило приобщение зрителей к идеям новой жизни, поскольку в большинстве своем они были неграмотны. В 1922 г. в Улале был создан этнографический ансамбль, в репертуаре которого была пьеса «Куда (Сватовство)», написанная и поставленная первыми алтайскими артистами. Она стала первой пьесой и, несмотря на примитивизм и декларативность, имела большой успех и дала большой толчок развитию самодеятельного театрального искусства в Горном Алтае.

С развитием театральной самодеятельности было написано множество пьес на алтайском языке для возникавших драматических кружков и коллективов. Вначале эти пьесы на родном языке писали учителя, комсомольцы, местные активисты. Иногда местные руководители и общественность обязывали автора написать пьесу на определенную злободневную тему. Так, «в селе Соузар Усть-Канского аймака Горного Алтая колхозники обязали учителя в порядке колхозной дисциплины написать пьесу» [Коптелов 1934: 94]. Пьесы активно вторгались в насущные вопросы и проблемы жизни, становясь одной из форм прямой агитации и пропаганды новых отношений и жизни. Герои пьес рассказывали о преимуществах оседлого образа жизни, призывали овладеть грамотой, вести по-новому хозяйство и т.д. Распространялись пьесы подобно произведениям фольклора.

Первые печатные пьесы стали появляться в середине 1920-х гг. XX в.: «Бий эжиги бийик» («Порог господина высок», 1927) братьев А.В. и Ф.С. Тозыяковых, «Актардын мекези» («Хитрость белых») А.В. Тозыякова, «Жене» («Невестка», 1927), «Озогызы ла эмдигизи» («Прежде и теперь» 1928) М.В. Мундус-Эдокова, «Яны

жүрүм» («Новая жизнь» 1927) Н.А. Каланакова, «Эрлик бийдин коллективи» («Коллектив Эрлик-бия», 1929), «Чечек деп делегатка» («Делегатка Чечек», 1929), А. Точкова и др. Пьесы рассказывали о жизни алтайцев до революции, о событиях гражданской войны, о положении женщин до революции и в настоящее время, о религиозных верованиях алтайцев. По своему содержанию многие пьесы этих лет носили агитационный характер, но среди них «пьеса «Жене» («Невестка») отличалась глубиной социального конфликта, острой сатирической направленностью, художественной зрелостью и эмоциональной силой воздействия» [Казагачева 1972: 29].

На развитие алтайской драматургии благотворное влияние оказала классическая и советская русская драматургия. Молодые драматурги учились мастерству, переводя пьесы русских авторов. Так Н.А. Каланаков перевел агитационные пьесы «Бабы не рабы» Е. Акуловой и «Встреча» С. Подъячева, а затем сам написал пьесу «Яны жүрүм» («Новая жизнь») о жизни алтайской женщины.

В 1920-е г. продолжало развиваться изобразительное искусство Горного Алтая. Начало нового периода в развитии изобразительного искусства связано с творчеством художника Н.И. Чевалкова [Эдоков 1981: 37]. С самого начала своего творчества художник ищет свой изобразительный почерк, новые образы, пластические и живописные средства, опираясь на традиции декоративно-прикладного искусства алтайского народа. В первых работах: «Мечты дикарки», «Вечер», «Базар» он приближается «к подлинному народному примитиву». Эти полотна становятся фундаментом, на котором формируется оригинальный стиль зрелого художника Н.И. Чевалкова. Приходилось ему участвовать и в оформлении города и общественно-политических мероприятий, в издании первых газет и книг. В 1925 г. на выставке в Новосибирске художник выставил 40 полотен, которые поразили зрителя яркостью красок, музыкальностью [Эдоков 1981: 32].

Осенью 1925 г. в Горный Алтай вернулся из эмиграции Г.И. Чорос-Гуркин. В культурной жизни области заметным явлением стало участие в открытии выставки в Москве «Жизнь и быт народов СССР» (1926 г.), где были продемонстрированы картины Г.И. Чорос-Гуркина [Восьмая выставка 1926: 63]. Работы Г.И. Чорос-Гуркина и Н.И. Чевалкова получили признание не только в Сибири, но и во всей стране. Их творчество дало толчок для дальнейшего развития изобразительного искусства и его жанрового разнообразия.

Зарождение и развитие музыкального искусства в Горном Алтае связано с именем этнографа и композитора Андрея Викторовича Анохина. В 1908–1909 гг. он совершил свои первые экспедиции в Туву, Хакасию, Горный Алтай и Монголию, собрал материал по фольклору, народной музыке и этнографии тюркских и монгольских племен, на основе которого обработал алтайские песни и мелодии, написал сюиты и небольшие оперы на темы шаманских камланий. В 1927 г. в торжественной обстановке было отмечено пятилетие Ойротской автономной области постановкой музыкальных представлений «Талай-хан» и «Эрлик» А.В. Анохина.

В 1928 г. в областном центре г. Улала открылся педагогический техникум, где стали готовить учителей для школ области. Наряду с другими преподавателями в педтехникуме работали А.В. Анохин и художник Н.И. Чевалков.

В 1920-е гг. в Горном Алтае началось активное культурное строительство, которое проходило в русле проводимой советским государством культурной революции. Она являлась одним из основных инструментов включения коренного населения в систему советского государства. Культурная революция была призвана повысить общий культурный уровень населения, особенно, коренных народов российских окраин. В Горном Алтае в создании новой социалистической культуры и идеологии большую роль сыграли массовые политико-просветительные и культурные учреждения: Народные дома и Дома культуры, клубы, избы-читальни, библиотеки, театр, музей, юрты-передвижки и др. В это время в области развивается музейное дело, кино, печать, алтайская литература и изобразительное искусство, зародились музыкальное творчество и театральная деятельность. Первые творческие опыты алтайских деятелей искусства уходили корнями в прошлый период, подпитывались фольклорной традицией. Во многом они носили выраженный идеологический характер, в эти годы был заложен фундамент для дальнейшего развития литературы и искусства в Горном Алтае.

...

После окончания Гражданской войны шел процесс восстановления сельского хозяйства в Горном Алтае. Первые мероприятия в земельной, хозяйственной, социальной, культурной сферах способствовали адаптации русского и алтайского сельского населения к новым условиям государства и формирующегося советского общества.

В 1920-е г. в России шел быстрый процесс формирования новой общественной системы. Перемены, которые происходили в Горном Алтае, изменили привычный образ жизни всего населения. Передел земли в ходе землеустройства улучшил возможности ведения земледелия, облегчил положение бедняцких слоев, устранил многие противоречия и земельные конфликты между русским и алтайским населением, истоки которых коренились в дореволюционном времени. Кооперация дала импульс крестьянскому хозяйству, благодаря чему сельское хозяйство Ойротии успешно восстанавливалось после понесенного урона в годы Гражданской войны.

К бесспорным заслугам советского государства необходимо отнести создание системы здравоохранения и школьного образования, учреждений культуры на территории Горного Алтая. Население получило возможность получения бесплатных медицинских и образовательных услуг. Мероприятия по ликвидации неграмотности населения носили плановый всеобщий характер.

Изменения коснулись всех сфер жизни алтайского народа: происходил процесс перехода к оседлости, менялся быт алтайцев, шло приобщение коренного населения к достижениям современной культуры. Из алтайцев готовились кадры управленцев, специалистов в сфере образования и здравоохранения, других отраслей народного хозяйства, появилась профессиональная литература и искусство.

Менялись социальные отношения внутри крестьянского общества и в кочевой общине. Государство последовательно проводило меры, направленные на подрыв былого влияния и авторитета «кулачества» и байства среди населения. Зажиточные слои вытеснялись из хозяйственной и общественной жизни. Государство разжигало непримиримое отношение к кулакам и баям. В результате к концу 1920-х гг. зажиточные слои, в целом, утратили свое экономическое влияние, а в обществе вокруг них была создана атмосфера нетерпимости.

I Ойротский областной съезд Советов, 1923 г.

Делегаты VI облпартконференции. г. Улала, 1928 г.

Н.И. Иванов-Меджит,
первый председатель
Ойротского облисполкома

И.С. Алагызов

А.С. Алагызов

Первое ойротское землячество в Москве, 1923 г.

Первые комсомольцы Улалы, 1925 г.

Участники Улаганской аймачной конференции бедности, 1928 г.

Пункт сдачи зерна государству

Медицинская юрта-передвижка. Улаган, 1929 г.

Ликвидация неграмотности
женщин-алтаск

Ликбез. Обучение на дому

Совещание аймачных женотделов, 1928 г.

Учащиеся Усть-Канской школы-интерната, 1927 г.

Н.А. Каланаков, А.В. Анохин (во втором ряду первый слева) среди учащихся Ойрот-Туринского педтехникума [1928–1931 гг.]

Профсоюзная конференция учителей с участием руководящих работников области (Л.А. Папардэ, 1-й секретарь Ойротского обкома ВКП(б) – в 1 ряду третий слева), П.С. Хабаров, секретарь Ойротского обкома ВЛКСМ – во 2 ряду первый слева, А.С. Алагызов, председатель Ойротского облисполкома – во 2 ряду сверху, пятый слева, Ф.С. Тозыяков, учитель Узнезинской школы – во 2 ряду сверху второй справа, 1925 г.

Делегаты I областного совещания селькоров. Улала, 1926 г.

Совещание учителей. Среди участников совещания П.В. Кучняк, культпросветработник (в 3 ряду третий слева), А.В. Анохин, преподаватель педтехникума (в 3 ряду четвертый слева), конец 1920-х гг.

ГЛАВА III. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГОДЫ ФОРСИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (1930-1941 гг.)

3.1. Население Горного Алтая в 1920–1930-е гг.

3.1.1. Демографическое развитие (численность, половозрастной, национальный состав)

Развитие народонаселения в Горном Алтае в 1920-1930-е гг. происходило в сложных условиях Гражданской войны, коллективизации сельского хозяйства, форсированной индустриализации. Процессы социально-экономической, социокультурной и политической трансформации общества напрямую затронули его демографическую сферу, этнический состав и социально-профессиональную структуру. В свою очередь, количественные и качественные изменения в демографической структуре оказали влияние на социально-экономические процессы в регионе.

Образованная в июне 1922 г. Ойротская автономная область представляла собой аграрный регион со значительным преобладанием сельского населения, низким уровнем урбанизации, отсутствием среднего и крупного промышленного производства. Значительная часть алтайского населения в центральных аймаках (Шебалинском, Чемальском, Усть-Канском, Онгудайском) занималась отгонным скотоводством и вела полукочевое хозяйство, а на юго-востоке, в отдаленных Улаганском и Кош-Агачском аймаках подавляющая часть населения – кочевое хозяйство.

За 1920-1926 гг., по данным Ойротского областного отдела народнохозяйственного учета (ОНХУ), численность населения в Горном Алтае увеличилась с 82,9 тыс. чел. до 99,7 тыс. чел. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 66. Л. 1].

Восстановление картины демографических процессов в регионе в указанный период представляет собой довольно трудную задачу по причине скудости, разрозненности имеющихся данных и их сложности сопоставления друг с другом ввиду разного источникового происхождения. В начале 1920-х гг. старая система регистрации естественного движения населения,

которая была сосредоточена при церковных приходах, была разрушена, а новая, на основе сети загсов – не успела сложиться [Исупов 2010: 92].

Достоверные данные о численности и составе населения сибирских регионов были получены лишь в декабре 1926 г., в ходе проведения Всесоюзной переписи населения. К концу 1926 г. численность населения в регионе увеличилась до 99,7 тыс. чел. [Всесоюзная перепись 1928: 188].

При рассмотрении динамики численности населения в период 1926-1939 гг. сошлемся на данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. Они свидетельствуют о том, что численность населения в Горном Алтае в межпереписной период выросла в 1,6 раза (см. табл. 1). Необходимо отметить неоднозначную оценку историками-демографами ее достоверности ввиду корректирования итогов переписи как статистиками, так и представителями власти. Так, выявленные приписки по Ойротской автономной области, по мнению В.Б. Жиромской, составили: у мужчин 3,2 %, у женщин – 0,9 %. Исследователь показала, что мужчин оказалось в Ойротской автономной области 74,2 тыс. чел., а женщин – 84,8 тыс. чел. [Жиромская 2001: 53, цит. по: Бурматов 2013: 116].

Вместе с тем, несмотря на выявленные историками-демографами погрешности в учете населения 1939 г., данные статистики могут дать представление об основных тенденциях в динамике численности населения (см. табл. 1).

Таблица 1
Численность наличного населения Ойротской автономной области по материалам переписей 1926 и 1939 гг., тыс. чел. (в границах переписи 1970 г.)

Название района	По переписи 1926 г. (на 17 декабря)	По переписи 1939 г. (на 17 января)
Ойрот-Туринский (Майминский)	23,7	26,8
Успенский (Чойский)	-	-
Лебедской (Турочакский)	11,3	25,4
Элекмонарский (Чемальский)	-	-
Шебалинский	17,3	21,1
Онгудайский	10,9	16,1
Усть-Канский	17,0	16,6

Уймонский (Усть-Коксинский)	11,4	18,0
Улаганский	3,4	4,5
Кош-Агачский	6,1	9,8
Всего в сельской местности	101,5	138,3
с. Улала (г. Ойрот-Тура)	5,7	24,1
Всего	107,2	162,4

Источник: Республика Алтай 2006: 39.

Численность населения Горного Алтая (с учетом переданных в 1931 г. из состава Солонешенского района Западно-Сибирского края Усть-Канскому аймаку Ойротской автономной области с Бело-Ануйского, Каракольского, Усть-Кучинского, Усть-Мутинского сельсоветов) увеличилась с 107,2 тыс. чел. до 162,4 тыс. чел., или в 1,4 раза. При этом численность населения в областном центре – с. Улала (в 1928 г. – преобразован в город, с 1932 г. – переименован в г. Ойрот-Тура), выросла более чем в 3 раза. Уровень урбанизации поднялся с 5,3 % до 14,8 %. Повысилась и численность сельского населения – в 1,4 раза.

Полиэтнический состав региона является характерной чертой Горного Алтая. Переписи населения 1926 и 1939 гг. фиксируют изменения в этнической структуре населения Ойротии (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность наиболее многочисленных национальностей Ойротской автономной области по данным переписей 1926 и 1939 гг., чел.

Национальность	1926 г.		1939 г.	
	Всего	Удельный вес, %	Всего	Удельный вес, %
Русские	51812	52,0	114209	70,4
Алтайцы	42278*	42,4	39285	24,2
Казахи	2326	2,3	4280	2,7
Другие	3265	3,3	4405	2,7
Всего по области	99687	100,0	162179	100,0

Источник: Всесоюзная перепись 1928: 60, 61, 95; Всесоюзная перепись 1992: 59.

*Включая записавшихся теленгетами (3414 чел.), ойротами (1477 чел.), кумандинцами (1384 чел.).

Как свидетельствуют данные таблицы, за 1926-1939 гг. доля коренного населения – алтайцев значительно снизилась – почти в 1,8 раза. Удельный вес русских и других национальностей, напротив, заметно увеличился – в 1,4 раза. Выросла и доля казахов в составе населения области – в 1,2 раза. Выделяется динамика по численности алтайцев в сторону уменьшения численности населения, в отличие от других этнических групп. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что русское население в ряде аймаков, особенно в Усть-Канском, причисляло себя к алтайцам в целях уклонения от воинской повинности [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 66. Л. 1].

В Ойротии численно преобладали европейские этнические группы (славяне, балты и финно-угорские народы). Они проживали, большей частью, в областном центре и в северных аймаках области – Ойрот-Туринском (Майминском), Чойском (Успенском), Турочакском. Расселение национальностей носило выраженные порайонные особенности (см. табл. 3). Доля коренного населения – алтайцев – увеличивалась с севера на юг региона.

Таблица 3

Удельный вес основных национальностей в Ойротской автономной области по итогам Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг., %

Район	На 17 декабря 1926 г.		На 17 января 1939 г.	
	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские
Ойрот-Туринский (Майминский)	37,5	59,0	20,0	75,8
Успенский (Чойский)	16,7	77,0	14,4	80,1
Лебединский (Турочакский)	25,7	60,7	16,7	79,7
Уймонский (Усть-Коксинский)	37,8	60,7	13,6	81,9
Элекмонарский (Чемальский)	66,0	33,2	35,3	62,1
Шебалинский	31,6	64,8	26,1	72,4
Усть-Канский	64,1	34,4	32,5	63,0
Онгудайский	67,2	32,2	41,2	57,2
Улаганский	97,0	2,3	76,5	22,6
Кош-Агачский*	53,5	9,2	34,7	32,5
г. Ойрот-Тура	0,4	80,2	11,7	83,9
По области	41,0	52,0	24,2	70,5

Источник: Всесоюзная перепись 1928: 3, 256, 257; данные на 1939 г. рассчитаны по архивным документам (см. Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 2. Л. 15, 16, 17, 18).

*В 1926 и 1939 гг. соответственно 45,4 % и 30,7 % населения района составляли казахи.

Северные аймаки – Ойрот-Туринский, Чойский, Турочакский, а также Усть-Коксинский аймак на юго-западе области – в подавляющем большинстве были представлены русским населением. Коренное население было сосредоточено в южной группе, а также в меньшей степени – центральной группе аймаков, где его доля оставалась выше среднеобластного показателя. Вместе с тем, уменьшение удельного веса алтайцев произошло по всем аймакам области, за исключением областного центра. Значительное количество алтайцев – 2807 чел. – проживало в г. Ойрот-Тура, составляя 12,4 % его населения. Снижение доли алтайского населения связано, в первую очередь, с миграционным приростом русского населения, а также политическими репрессиями (высылкой за пределы Ойротии, массовыми расстрелами) [Коренные этносы 2006: 62, 63]. К 1939 г. алтайское население преобладало лишь в отдаленных юго-восточных Улаганском и Кош-Агачском аймаках.

Процессы урбанизации у алтайцев только начинались. Подготовка кадров из среды коренного населения приносила свои результаты. К 1939 г. в областном центре проживало лишь 6 % алтайцев от общей численности алтайского населения, проживавшего в Ойротской автономной области. В значительной степени они представляли собой первые кадры управленцев, интеллигенции, хозяйственных специалистов.

Кроме этнической принадлежности, перепись 1926 г. фиксировала и родной язык опрашиваемых. Язык является маркером этнической идентификации человека и одним из главных признаков его этнической принадлежности. В Горном Алтае русский язык считала родным большая часть населения – 61009 чел. [Всесоюзная перепись 1928: 60], что превышало численность русского населения (51812 чел.). Алтайский язык родным признали 29290 чел. алтайцев, или 82,3 % от их общего числа. Среди назвавшихся ойротами – 574 чел., или 39,9 % [Всесоюзная перепись 1928: 257].

Среди малочисленных народов Горного Алтая, этнических групп алтайцев – телеутов и кумандинцев – наблюдались процессы ассимиляции с русским и алтайским населением. Так, среди телеутов на родном языке говорили 64 чел., или 18,6 %, кумандинцев – 200 чел., или 14,5 %. Русский в качестве родного признавали 153 опрошенных телеута и 1135 кумандинцев, что составляло 44,5 % и 82,9 % соответственно. Значительная часть телеутов – 125 чел., или 36,3 %, в качестве родного языка назвали прочие языки. Под прочими языками следует понимать алтайский язык.

Перепись населения 1926 г. дает представление о составе населения Ойротской автономной области в годы нэпа. Приток переселенцев изменил соотношение этносов в регионе в сторону увеличения доли восточноевропейских этносов и снижения у коренных народов – алтайцы утратили преобладающее положение по численности населения.

Половозрастная структура населения во-многом определяет демографическое развитие населения, и характеризует последствия для населения войн, революций, социальных катаклизмов, миграций. Последствия Первой мировой и Гражданской войн проявились в нарушении пропорций между полами, особенно – в возрастных группах от 20 до 39 лет. Возрастная структура населения обладала большим воспроизводственным потенциалом – доля молодых возрастов превышала две трети всего населения области, что соответствовало возрастной структуре по Сибирскому краю. Несмотря на тяжелое положение демографической сферы, она сохранила потенциал для самовосстановления.

Перепись 1926 г. подробно отразила половозрастной состав населения Ойротии. Однако в материалах переписи 1939 г. не представлены сведения о соотношении мужчин и женщин с разбивкой по возрастам. Подспорьем могут послужить расчеты Высшей школы экономики (ВШЭ), основанные на неопубликованных итоговых данных разработочных таблиц возрастного состава населения ЦСУ СССР (форма № 11) по областям РСФСР (см. табл. 4).

Таблица 4

Половозрастной состав населения Ойротской автономной области по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг., чел.

Возраст (лет)	1926 г.			1939 г.		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
0–4	8477	8537	17014	10496	10297	20793
5–9	6159	6164	12323	8245	8550	16795
10–14	6605	6324	12929	11668	11748	23416
15–19	5533	2536	8069	7581	8131	15712
20–24	3569	4208	7777	5728	7852	13580
25–29	3407	4057	7464	7225	7984	15209

30–34	2412	2761	5173	5942	5850	11792
35–39	2511	2986	5497	4196	5013	9209
40–44	1936	2081	4017	2883	3279	6162
45–49	1805	1943	3748	2166	2931	5097
50–54	1332	1421	2753	1728	2297	4025
55–59	1254	1365	2619	1388	2568	3956
60 и старше	3522	3704	7226	4758	6583	11341
Возраст неизвестен	45	29	74	29	19	48
Итого	48567	51100	99667	76566	85613	162179

Источник: Всесоюзная перепись 1928: 186–189; рассчитано по: Институт демографии [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru> (дата обращения: 07.03.2020).

В Горном Алтае преобладали молодые возраста, что в целом соответствовало возрастной структуре населения Сибири. Потери во время Первой мировой и Гражданской войн, повстанческого движения, а в 1930-е гг. – политические репрессии, повлияли на сокращение удельного веса мужчин в структуре населения. В 1926 г. удельный вес мужчин составил 48,7 %, в 1939 г. – 47,2 % [рассчитано по: ВПН 1939: эл. ресурс], что немного ниже среднесибирского показателя (48,7 %) [Исупов 1991: 45].

О последствиях Первой мировой и Гражданской войн могут свидетельствовать материалы переписи 1926 г. Изменилось соотношение между полами. Мужчины в возрастных группах от 20 до 39 лет составляли в целом 45,9 % общей численности населения указанных возрастных групп, что заметно ниже среднего показателя по области. В целом, в 1926 г. на 1000 женщин приходилось 950 мужчин, в том числе в возрастах от 20 до 45 лет – 860 мужчин. В 1939 г. на 1000 женщин приходилось уже 894 мужчины, в том числе в возрастах от 20 до 45 лет – 866 мужчин.

Естественное воспроизводство населения в Горном Алтае во второй половине 1920-х – 1930-е гг., как и Сибири в целом, во многом характеризовалось высокими показателями смертности, рождаемости и младенческой смертности (см. табл. 5).

Таблица 5
Число зарегистрированных рождений и смертей в Ойротской автономной области в 1926–1940 гг., чел.

Год	Число родившихся			Число умерших			Естественный прирост		
	Город	Сельская местность	Всего	Город	Сельская местность	Всего	Город	Сельская местность	Всего
1926	202	4182	4384	84	1835	1919	118	2347	2465
1932	425	3671	4096	276	2346	2622	149	1325	1474
1935	370	3561	3931	230	1951	2181	140	1610	1750
1936	346	3252	3598	270	1691	1961	76	1561	1637
1937	508	3867	4375	258	2434	2692	250	1433	1683
1938	655	4732	5387	302	2009	2311	353	2723	3076
1940	678	4749	5427	401	2639	3040	277	2110	2387

Источник: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 13. Л. 13, 14, 64, 65; Д. 33. Л. 16; Д. 73. Л. 7; Д. 101. Л. 4об.; ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 1. Л. 103об.; Д. 2. Л. 29, 29об.; Д. 4. Л. 38, 38об.

Материалы отчетов краевых (Сибирского, Западно-Сибирского, Алтайского краев) органов народнохозяйственного учета о естественном движении населения свидетельствуют о снижении показателей естественного прироста в первой половине 1930-х гг., и о его повышении к концу 1930-х гг.

В Ойротии, где расселение носило разбросанный распыленный характер, а значительная часть населения вела кочевой и полукочевой образ жизни, точный учет рождений и смертей представлялся очень затруднительным. В этой связи, выявление динамики суммарного коэффициента рождаемости и общего коэффициента рождаемости в Горном Алтае в 1920–1930-е гг. представляет собой трудно разрешимую задачу.

К 1940 г. в Ойротской автономной области на местах уже была налажена система учета демографических событий. В отчетах краевого управления статистики о естественном движении населения представлены данные о рождаемости, смертности и младенческой смертности в расчете на 1000 чел. населения (см. табл. 6).

Таблица 6
Показатели общего коэффициента рождаемости в Горном Алтае в 1940 г., на 1000 населения, чел.

	На 1000 чел. населения	
	Родившихся	Умерших
г. Ойрот-Тура	28,2	16,7
Ойрот-Туринский	28,7	19,2
Чойский	35,6	20,2
Турочакский	34,3	13,2
Элекмонарский	31,8	19,9
Шебалинский	31,0	22,6
Усть-Канский	37,1	19,7
Онгудайский	37,4	21,5
Усть-Коксинский	35,8	17,0
Улаганский	38,0	14,2
Кош-Агачский	33,3	26,4
По Ойротской авт. области	33,5	18,7
в том числе		
в городе	28,2	16,7
в сельской местности	34,4	19,1
По Алтайскому краю	38,7	21,8
в том числе		
города	34,1	23,0
сельская местность	39,6	21,5

Источник: ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 4. Л. 119, 120об.

Высокие показатели рождаемости имели место в аймаках, где преобладало алтайское население: Улаганском, Онгудайском, Усть-Канском, а также в отдаленном русском старожильческом Усть-Коксинском аймаке, где преобладало старообрядческое население и в Чойском аймаке. Обращает на себя внимание невысокий уровень рождаемости в Кош-Агачском аймаке, где проживало казахское население, что можно объяснить несовершенством учета демографических событий в отдаленном районе с кочевым населением. В 1940 г. отсутствовали какие-то четкие территориальные особенности рождаемости и смертности

населения. Материалы демографических данных Алтайского Управления народнохозяйственного учета (УНХУ) за 1940 г. могут говорить, по нашему мнению, о несовершенстве учета демографических событий, который продолжал иметь место.

Несмотря на заметные достижения в социальной сфере, уровень жизни населения оставался низким. Одной из наиболее частых причин смертности являлись инфекционные заболевания, которые занимали основное место в структуре смертности и оставались на высоком уровне. В 1936 г. в областном центре г. Ойрот-Туре среди причин смертей жителей города первое место занимали болезни органов дыхания. Инфекционная заболеваемость послужила причиной более трети всех смертей в областном центре. Широкое распространение смертей от болезней органов дыхания и органов пищеварения может свидетельствовать о низком уровне жизни – как основном факторе смертности. При этом болезни, которые были обусловлены не внешним воздействием, а внутренними причинами – болезни сердца, нервной системы, онкология занимали невысокую долю среди причин смертности жителей г. Ойрот-Туры – в совокупности они не превышали 10 % [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 101. Л. 120, 120об.]. Аналогичная картина наблюдалась по всей Западной Сибири – преобладание в структуре смертности болезней инфекционного характера фиксировалось органами статистики Западно-Сибирского и Алтайского краев.

Младенческая смертность во многом характеризует уровень социально-экономического развития региона, в первую очередь – здравоохранения (см. табл. 7).

Таблица 7

Удельный вес умерших в возрасте до 1 года в общем количестве умерших в Ойротской автономной области в 1926–1940 гг. (на конец года), %

	1926 г.	1932 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1940 г.
Город	48,8	22,5	22,6	30,4	33,7	34,8	29,4
Сельская местность	52,4	31,3	29,7	23,5	32,2	37,0	37,9

Источник: Рассчитано по: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 13. Л. 13, 14, 64, 65; Д. 33. Л. 12; Д. 73. Л. 7; Д. 101. Л. 4об.; ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 1. Л. 103 об.; Д. 2. Л. 29, 29об.

Таблица 7 составлена на основе отчетов краевых органов УНХУ о естественном движении населения. Представленные показатели относительно ввиду несовершенства системы демографического учета, однако они могут свидетельствовать о примерных масштабах младенческой смертности. В 1926 г. каждая вторая смерть приходилась на детей до 1 года, а в 1930-е гг. – младенцы до 1 года составляли от четверти до трети всего количества умерших.

Основными причинами младенческой смертности в Горном Алтае являлись заболевания органов дыхания и пищеварения, корь, приобретенная слабость, пороки развития. Так, в 1936 г. в Ойрот-Туре из 97 смертей детей до 1 года в 30 случаях причиной смертности послужили бронхит и пневмония, в 22 – энтерит и диарея, в 12 – корь, в 9 – «врожденная слабость» [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 101. Л. 120, 120об.].

Большую опасность для детей представляли инфекционные болезни. В 1937 и в 1938 гг. в Ойротии родились 4317 и 5367 новорожденных, а умерло в возрасте до 1 года – 870 и 848 чел. [ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 1. Л. 103об.; Д. 2. Л. 29, 29об.]. Путем принятых в демографической статистике расчетов можно сделать вывод о том, что в Горном Алтае в 1937–1938 гг. из 1000 родившихся умирали 175 детей в возрасте до 1 года, или каждый пятый-шестой родившийся младенец.

Самый низкий показатель младенческой смертности отмечен в г. Ойрот-Тура, но он был значительно ниже, чем в городах Алтайского края. В среднем, в Ойротии в 1940 г. умерло 200 детей до 1 года на 1000 родившихся. Показатели смертности детей до 1 года составили: от 174 в областном центре до 296 – в Шебалинском аймаке в расчете на 1000 родившихся в этом году.

Таким образом, значительные показатели младенческой смертности являлись характерной чертой повседневной жизни тех лет. Причинами являлись массовая инфекционная заболеваемость и невысокий уровень медицинского обслуживания населения, которым население еще не было полностью охвачено.

Переписями было учтено сельское и городское население. В 1926 г. в Ойротии отсутствовали городские населенные пункты, административный центр области – село Улала – получило статус города в 1928 г. Поскольку итоги переписи были изданы в этом же 1928 году, в данных по Ойротской автономной области отдельно выделено и городское население.

Миграционные процессы повлияли на увеличение доли трудоспособного населения. Так, за 1926–1939 гг. доля трудоспособных возрастов выросла с 46,6 % до 48,84 %, при этом в областном центре г. Ойрот-Тура она значительно превышала среднеобластной показатель – 55,1 % в 1926 г. и 57,0 % – в 1939 г. [Всесоюзная перепись 1928: 186–189; Всесоюзная перепись населения 1939: эл. ресурс]. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что в городе миграция являлась основным фактором воспроизводства населения.

Процесс урбанизации в Горном Алтае происходил в русле общероссийских процессов. Его определяющим фактором стала политика форсированной индустриализации. Значительное увеличение численности населения областного центра шло одновременно с ростом промышленного производства в городе. Реорганизация промышленной кооперации в сторону укрупнения, расширение объемов городского строительства, создание новых производственных объектов вызвали приток населения в областной центр. Другой причиной роста городского населения являлось возросшее административное значение города, что требовало увеличения числа служащих в областных ведомствах, в учреждениях и организациях города [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 56. Л. 51, 54; Д. 99. Л. 27]. За 1932–1936 гг. (на 1 января) оно увеличилось с 10,5 тыс. чел. до 19,8 тыс. чел.

Органами статистики подробно учитывались причины перемещений в другие местности. В числе причины прибытия в г. Ойрот-Туру назывались: устройство на работу – 2898 чел. (32,0 %), на учебу – 956 чел. (10,6 %), проживание с родными – 298 чел. (3,3 %), в командировку и в отпуск, для прочих целей – 261 чел. (2,9 %). Однако большая часть прибывших предпочла не указывать цель приезда, либо затруднились с ответом – таковых оказалось 4533 чел., или больше половины (50,1 %) [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 151. Л. 39, 39об.].

К сожалению, статистика механического движения в конце 1930-х гг. учитывала лишь города. Поэтому данные механического движения в целом по Ойротской автономной области у нас отсутствуют. Тем не менее, данные механического движения по областному центру могут представить половозрастную характеристику мигрантов.

Деревня сибирского региона стала главным источником роста населения городов Западной Сибири. По подсчетам В.А. Исупова и А.С. Московского, доля сельского населения во всем механическом приросте городского населения в межпереписной период 1926–1939 гг. составила 79 % [Московский, Исупов 1984: 74]. Рост численности населения г. Ойрот-Тура, как и других сибирских городов, происходил за счет механического прироста. В 1937 г. доля сельского населения из числа прибывших в областной центр составила 74 %, а в 1939 г. – 72,3 % [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 151. Л. 38, 38об.; ГААК. Ф. Р–718. Оп. 43. Д. 3. Л. 2, 2об.].

Направленность миграций в сибирские города носила внутрорегиональный характер и не выходила за пределы конкретного края, области, автономной республики или автономной области [Демографическая история 2017: 75]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Ойротии. В миграционном притоке в областной центр удельный вес сельского населения Ойротской автономной области и степных и предгорных районов Алтайского края, без Ойротии, составил в общем числе прибывших в Ойрот-Туру 38,4 % и 27,6 %. В совокупности население сельских местностей Алтайского края и Ойротской автономной области дало областному центру около двух третей всего числа прибывших. Заметный вклад в увеличение городского населения Горного Алтая внесла Новосибирская область, ее удельный вес в числе прибывших составил 11,1 % [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 151. Л. 37, 37об.].

Механический прирост населения привел к изменению этнической структуры в Горном Алтае. Так, за 1926–1939 гг. доля алтайцев в составе населения региона уменьшилась с 35,7 % до 24,2 %. Коренное алтайское население не составляло большинства даже во внутренних аймаках Ойротии – Онгудайском (41,2 %) и Усть-Канском (32,5 %) [Население Горного Алтая 1994: 7, 8]. При этом в райцентрах указанных аймаков Онгудае и Усть-Кане удельный вес алтайцев в общем составе населения был еще ниже – 11,2 % и 22,5 % соответственно. Не составляло коренное население большинства и в Усть-Улагане, где доля алтайцев не превышала 20 % и Кош-Агаче, в котором на казахов и алтайцев приходилось 19,7 % всего населения этих аймачных центров [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 4, 5, 11, 13].

В областном центре Ойрот-Туре доля алтайцев в 1939 г. по сравнению с 1926 г. снизилась с 17,0 % до 11,7 % [Всесоюзная

перепись 1928: 256; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 1]. Городские алтайцы быстро подвергались ассимиляции. Так, в 1936 г. из 48 мужчин-алтайцев, вступивших в брак, 30 женились на русских, 2 – на представительницах «прочих» национальностей, 13 – на алтайках, 2 – на казашках. Аналогичная ситуация наблюдалась и среди женщин: из 34 вступивших в брак алтаек 21 вышла замуж за русских, 13 – за алтайцев [ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 101. Л. 129].

Демографические процессы в Горном Алтае во второй половине 1920-х – 1930-е гг. носили противоречивый характер и в целом соответствовали общесибирским тенденциям, которые заключались в общем росте численности населения за 1922–1939 гг. с периодами спада после завершения форсированного этапа коллективизации. Рост численности русских и представителей этносов Европейской России происходил опережающими темпами за счет миграций. Возросла и доля русского населения в этнической структуре населения области при снижении доли алтайцев.

К характерным чертам демографического развития Ойротии следует отнести преобладание традиционной модели воспроизводства с высокими показателями смертности, младенческой смертности и повышенной рождаемостью. В структуре смертности преобладали причины архаичного характера, при котором ведущую роль в смертности играли факторы экзогенного, внешнего характера – заболеваемость органов дыхания и пищеварения, инфекции. Указанные заболевания во многом были обусловлены внешними причинами, и были связаны с условиями жизни, уровнем здравоохранения, социально-бытовыми условиями. В Горном Алтае имел место высокий уровень механического прироста населения, особенно – городского, что было обусловлено политикой форсированной индустриализации. В межпереписной период 1926–1939 гг. в областном центре появилось алтайское население как результат политики советского государства, направленной на формирование национальных кадров для нужд управления, хозяйства и народного образования.

3.1.2. Система расселения

Горный Алтай относится к типу малонаселенных территорий с редкой сетью крупных населенных пунктов.

О низком уровне заселенности региона и о его неземледельческом характере свидетельствует низкая плотность

населения (см. табл. 1). В 1939 г. на 1 кв. км территории приходилось 1,7 чел. [Троицкая 2003: 48].

Таблица 1

Плотность населения Ойротской автономной области в 1939 г.

Районы (аймаки)	Численность постоянного населения по переписи 1939 г.	Территория района в кв. км.	Плотность населения, чел./кв. км
Ойрот-Туринский	35822	1474,3	24,3
Чойский	11582	4457	2,6
Турочакский	23841	10540	2,3
Элекмонарский	7999	2823	2,8
Шебалинский	12177	3772	3,2
Онгудайский	15641	12080	1,3
Усть-Канский	16162	6729	2,4
Усть-Коксинский	17625	13880	1,3
Улаганский	4189	17997	0,2
Кош-Агачский	9318	20523	0,5
Все население	154356	94275,3	1,7

Источник: Рассчитано по: Госархив РА: Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 715. Л. 6; Оп. 9. Д. 1. Л. 40–42; Административно-территориальное 2016: 308, 317, 329, 367.

Примечание: В 1933 г. Чемальский аймак переименован в Элекмонарский, Уймонский – в Усть-Коксинский, Улалинский аймак – в Ойрот-Туринский, Успенский – в Чойский.

Наиболее высокая плотность населения имела место в Ойрот-Туринском аймаке – 24,3 чел./кв. км, главным образом за счет г. Ойрот-Тура, который входил как городское поселение в состав аймака [Административно-территориальное 2016: 308]. В районах северной низко- и среднегорной части области плотность населения колебалась от 3,2 (Шебалинский аймак) до 2,3 чел./кв. км (Турочакский аймак). В Усть-Канском и Усть-Коксинском районах плотность населения составляла 2,4 и 1,3 чел./кв. км. Наиболее низкой плотностью населения отличались Кош-Агачский – 0,5 чел./кв. км и Улаганский районы – 0,2 чел./кв. км. Диспропорция, исторически сложившаяся между более плотно заселенными предгорьями северо-западного Алтая и малозаселенными его восточными и юго-восточными степями, сохранилась и до настоящего времени. В Горном Алтае преобладал сельский тип расселения.

Большая часть населённых пунктов с оседлым населением, существовавших в Ойротской автономной области в 1926 г., возникла во второй половине XIX в. и в первой четверти XX столетия [Список населенных мест 1928]. Хозяйственной основой для их возникновения почти повсюду было земледелие. Сеть поселений включала: крупные, преимущественно земледельческие села переселенцев-старожилов, средние и малые деревни осевших алтайцев и переселенцев более позднего времени, множество выселок, заимок, пасек, отделившихся от крупных поселений и связанных с ними. Особо выделялись урочища – места сезонных стоянок скотоводов. Природные условия региона и хозяйственные традиции населения оказывали влияние на разнообразие поселений [Мердешева 2008: 7, 8]. С развитием земледелия предпочтение для заселения стало отдаваться межгорным долинам и котловинам [Мердешева, Банникова 2018: 551].

Населенные пункты верхней Лебеди, верхней Коксы и ряд селений по Чуйскому тракту не имели пашен. Возникновение этих селений связано с добычей золота (прииски на р. Лебедь), с пчеловодством (мелкие заимки по Лебеди, Ише, Би, верхней Коксы) или с обслуживанием Чуйского тракта (Кош-Агач, населенные пункты долины Чуи и Урсула). Область оставалась преимущественно сельскохозяйственным регионом. Развитие промышленности с начала 1930-х гг. способствовало более равномерному расселению населения на её территории.

В период 1925–1938 гг. произошли наиболее существенные изменения в расселении (см. табл. 2).

Таблица 2

Число населенных пунктов Ойротской автономной области по данным всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг.

Районы	Число сельских населенных пунктов	
	1926 г.	1939 г.
Ойрот-Турский (Майминский)	64	59
Успенский (Чойский)	158	132
Лебедской (Турочакский)	215	271
Элекмонарский (Чемальский)	45	41
Шебалинский	84	62
Онгудайский	92	161
Усть-Канский	74	72

Уймонский (Усть-Коксинский)	86	100
Улаганский	35	140
Кош-Агачский	71	141
Всего по области	924	1189

Источник: Рассчитано по: Список населенных мест 1928; Список населенных мест 1941.

За эти годы сеть постоянных населенных пунктов была либо создана заново, либо дополнена и реорганизована в результате активного развертывания процесса оседания алтайцев и казахов и развития экономики области. Число сел выросло с 924 до 1189, или на 265 селений. Количество населенных пунктов увеличилось большей частью в таежном Лебедском аймаке за счет образования заимок и мелких населенных пунктов, земледельческом Уймонском и в аймаках, где преобладающую роль в жизни населения играло полукочевое кочевое и хозяйство – в Онгудайском, Улаганском, Кош-Агачском аймаках. В остальных аймаках области имела место концентрация населения вокруг райцентров и сельсоветов.

Концентрация населения и населенных пунктов имела зональные различия, которые проявлялись в неравномерности заселения территории Горного Алтая. Густота поселений снижалась с севера на юг, в зависимости от высотности территории (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение по высотным ступеням сельских поселений различных категорий Ойротской автономной области в 1939 г.

Название района (аймака)	Населенные пункты по численности населения, чел.										
	До 25 чел.	26-50	51-100	101-200	201-500	501-1000	1001-2000	2001-3000	3001-5000	Свыше 5000	Итого
Предгорные аймаки	193	87	97	78	44	17	5	2	1		524
Лебедской	115	47	58	24	16	9	1	1			271
Успенский	44	22	28	26	9	2	1				132
Майминский	17	6	7	14	10	2	2		1		159
Шебалинский	17	12	4	14	9	4	1	1			62

Аймаки Центрального Алтая	154	35	65	52	64	14	9		1		384
Чемальский	5	3	12	9	8	2	2				41
Усть-Канский	12	5	17	9	22	4	3				72
Онгудайский	100	12	14	14	16	3	1		1		161
Усть-Коксинский	37	15	12	20	18	5	3				110
Аймаки высокогорий юго-востока области	195	29	23	17	13	2	2				281
Улаганский	119	6	4	6	4		1				140
Кош-Агачский	76	23	19	11	9	2	1				141
Всего по области	542	151	175	147	121	33	16	2	2		1189

Источник: Рассчитано по: Список населенных мест 1941.

Население в основном проживало в мелких населенных пунктах, количество сельских поселений численностью менее 100 чел. составляло 73 % всех сельских поселений.

Наибольшей густотой поселений выделялось низкое среднегорье (Лебедской, Успенский, Майминский, Шебалинский аймаки) – 524 населенных пункта, где проживало 54,0 % сельского населения. Высокое среднегорье (Чемальский, Усть-Канский, Онгудайский, Уймонский аймаки) насчитывало 384 населенных пункта с численностью населения 57427 чел. (37,2 %). В этих двух высотных поясах было сосредоточено основное количество сельских населенных пунктов, включающих средние и крупные поселения, малые преимущественно находились в Лебедском и Онгудайском аймаках. Высокогорные районы (Кош-Агачский, Улаганский) характеризовались меньшим числом поселений – 281 и невысокой численностью населения 13507 чел. (8,8 %), при этом значительную часть в общем количестве населенных пунктов

данной ступени занимали населенные пункты с числом до 100 чел. (87,9 %), т.е. малые поселения.

Высотное распределение населения не являлось постоянным. Оно находилось в зависимости от степени хозяйственного использования человеком природных возможностей и изменялось вместе с изменением занятий населения. Так, например, до 1930-х гг. население верхней Лебеди было немногочисленным и составляло незначительную часть населения всей долины. Здесь были мелкие и редкие поселки горнорабочих. Основная же часть населения жила по нижнему течению реки. В 1930-х гг. в вершине реки началась разработка полезных ископаемых. Основная добыча велась крупными государственными предприятиями, вокруг которых возник целый ряд населенных пунктов. Другим важным фактором, способствовавшим изменению высотного распределения населения, было оседание бывших кочевников в местах, пригодных для земледелия. Для этого им нередко приходилось спускаться вниз, в долины крупных рек, лежащих значительно ниже тех притоков, где до оседания проживала эта часть населения [Устинова 1949: 89–106].

Переселение на Алтай русских и оседание бывших кочевников приводили к возникновению новых оседлых населенных пунктов. Вместе с этим происходило изменение количественного соотношения между населением, живущим оседло, и кочевниками. На долю первого в 1926 г. приходилось 72,9 % (против 28 % в 1897 г.), на долю жителей урочищ – 27,1 % жителей [Устинова 1947: 140].

К 1937 г. 70 % всего числа кочевников, учтенных в 1926 г., перешли к оседлому образу жизни [Николаев 1967: 2]. Необходимость создания кормовой базы в высокогорных аймаках Горного Алтая поставила перед областью задачу их хозяйственного освоения. Все это привело к созданию оседлых населённых пунктов в районах проживания алтайского населения. Новые поселения появились, в первую очередь в «урочищах» – местах бывших зимовок в Чуйской и Курайской степях, в бассейне Чулышмана и Башкауса, по Урсулу и её притокам (Каярлык, Каракол, Ело, Курота, Туекта), по средней Катуню, т.е. в районах, имевших в 1926 г. наибольший процент кочевого и полукочевого населения.

Средняя людность сельских поселений по области постепенно увеличивалась. Если в 1926 г. на один населенный пункт приходилось 107,9 чел., то в 1939 г. – 115,9 чел. По аймакам этот

показатель отличался неравномерностью, в сторону его превышения. Увеличение показателя людности поселений, в определенной мере было связано с административными преобразованиями и с ликвидацией мелких сёл. Так, например, в 1926 г. на основе постановления ВЦИК, было произведено присоединение из Горной Шории следующих сельсоветов: Чибиченского, Курмач-Байгольского и Сурагашинского, а в 1930 г. из Солонешенского района были присоединены сельсоветы: Б-Ануйский, Усть-Мутинский, Ч-Ануйский, Каракольский, Маринский и Туратинский. Таким образом, количество сельских советов увеличилось. В апреле 1935 г. некоторые населенные пункты исключили и сняли с учета как несуществующие: пос. Тундя, Имеря, Куртугуль [Административно-территориальное 2016: 223, 224, 315]. В пяти аймаках (районах) области произошел процесс концентрации расселения (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика средней людности по административным районам по данным переписей населения 1926 и 1939 гг., чел.

Районы	1926 г.	1939 г.
Ойрот-Турский (Майминский)	252,4	247,9
Успенский (Чойский)	84	90,0
Лебедской (Турочакский)	52,6	93,1
Элекмонарский (Чемальский)	117,3	203,6
Шебалинский	143,1	203,9
Онгудайский	118,5	99,6
Усть-Канский	134,9	229,8
Уймонский (Усть-Коксинский)	132,5	179,42
Улаганский	96,2	31,8
Кош-Агачский	85,2	71,9
В целом по области	107,9	115,9

Источник: Рассчитано по: Список населенных мест 1928; Список населенных мест 1941.

По мере усиления процессов специализации производства, появления промышленных объектов происходило изменение всей системы расселения (см. табл. 5). В составе населения формировалась и увеличивалась доля городских жителей. Однако уровень урбанизации оставался невысоким, в 1939 г. он составил 14,9 %. Единственный город, областной центр, по принятым критериям относился к числу малых городов (до 50 тыс.).

Таблица 5

Динамика населенных пунктов и в них численности населения в Ойротской автономной области по данным переписей 1926 и 1939 гг., чел.

	1926 г.		1939 г.	
	Число пунктов	В них населения, чел.	Число пунктов	В них населения, чел.
До 25 чел.	268	3411	542	5486
26–50	167	6086	151	5509
51–100	205	14620	175	12938
101–200	173	23980	147	21158
201–500	86	24965	121	35761
501–1000	17	12133	33	23272
1001–2000	7	8843	16	21473
2001–3000	-	-	2	46889
3001–5000	-	-	2	7573
Свыше 5000	1	5691		

Источник: Рассчитано по: Список населенных мест 1928; Список населенных мест 1941.

Примечание: городское население в 1926 г. (с. Улала) – 5691 чел.; Ойрот-Тура (1939 г.) – 23573 чел.

Одной из особенностей региона являлась его слабая заселенность. Плотность населения автономной области была ниже по сравнению с большинством сибирских регионов. Ландшафт определял тип хозяйственной деятельности и специализацию сельского хозяйства.

За 1926–1939 гг. шел процесс увеличения количества населенных пунктов. Подавляющая часть жителей сел, деревень проживала в средних и мелких поселениях [Троицкая 2003: 49; Эيماتова 2018: 28]. Русские как правило, селились в местах в широких и сравнительно невысоких долинах с наилучшими условиями для земледелия, оттесняя алтайцев в горы.

В период коллективизации в сельской местности стали возникать постоянные населенные места. Появились центральные усадьбы колхозов, леспромхозов, позднее – совхозов. Необходимость ведения коллективного хозяйства вызвала концентрацию населения в сельских населенных пунктах. Увеличение числа крупных и оседлых населенных пунктов происходило одновременно с сокращением числа мелких и временных поселений. Количество

оседлых поселений возросло в районах традиционного отгонно-пастбищного животноводства (Онгудайском, Улаганском и Кош-Агачском). Тем не менее, крупные населенные пункты были редкими в Горном Алтае.

По мере появления промышленного производства в составе населения формируется и увеличивается доля городских жителей.

3.1.3. Изменения в социально-профессиональном составе. Занятость

В России социальный состав населения коренным образом изменился после Октябрьской революции и последующего периода социалистического строительства. В результате преобразований были уничтожены классы крупных собственников, а затем в ходе коллективизации сельского хозяйства, как социальная группа, было ликвидировано «кулачество» – слой зажиточных крестьян, использовавших наемный труд. Крестьянство стало классово однородным, превратившись в колхозников.

Процесс трансформации социальной структуры населения Горного Алтая происходил в общем векторе социальной и экономической политики советского государства.

Происшедшие сдвиги в социальном составе населения наиболее детально отражают материалы всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг.

При переписи всё население делилось на две группы – самодеятельное и несамодеятельное.

К самодеятельному населению относились лица, имеющие самостоятельный источник средств существования (заработок, доход), а также иждивенцы государства и общественных учреждений, безработные и военнослужащие. Как свидетельствуют итоги переписи 1926 г., в Ойротии самодеятельное население составляло более половины населения области, или 58,3 % (58123 чел.). Указанная группа была сосредоточена, в основном, в сельской местности 95,7 % [Эيماتова 2019: 43, 44]. В структуре занятости городского населения удельный вес «самодеятельных» был значительно меньше, чем на селе – он составлял по области лишь 4,3 %. Отраслевая структура городского населения не являлась такой однородной, как в сельской местности, и отличалась некоторым разнообразием.

К несамодетельным относились люди, живущие на средства других лиц, из них лиц мужского пола – 18042 чел. (43,4 %) и женского пола – 23502 чел. (56,6 %). Доля детей до 10-летнего возраста в общей численности несамодетельного населения составляла 4,4 % (1834 чел.) [Всесоюзная перепись 1929: 10].

Перепись 1926 г. дифференцировала население по положению в занятии (см. табл. 1). В данной категории выделялось 7 групп. Члены семьи, помогавшие в занятии, безработные и военнослужащие рассматривались отдельно.

Таблица 1

Социальный состав населения Ойротской автономной области по переписи 1926 г.

Социальные группы	Самодетельное население			Несамодетельное население		
	Оба пола	муж.	жен.	Оба пола	муж.	жен.
Рабочие	1859	1283	576	1623	609	1024
Служащие	1700	1105	595	2180	724	1456
Лица свободных профессий	28	24	4	32	10	22
Хозяева с наемными рабочими	382	307	75	745	277	468
Хозяева, работающие только с членами семьи, и членами артели	16003	14521	1482	31495	14150	17345
Одиночки	2065	1584	481	3281	1178	2103
Члены семьи, помогающие в занятии	34945	10926	24019	-	-	-
Лица, не имеющие или не указавшие занятий	899	580	319	252	113	139
Безработные	110	63	47	76	22	54
Военнослужащие	132	132	-	16	1	15
Дети моложе 10 лет	-	-	-	1834	958	876
Всего населения	58123	30525	27598	41544	18042	23502

Источник: Всесоюзная перепись населения 1929: 10.

Самой многочисленной социальной группой среди самодетельного населения являлись «члены семьи, помогающие в занятии» – 34945 чел. или 60,1 %. При этом в сельской местности доля указанной группы в числе самодетельных составляла

61,9 % [Всесоюзная перепись 1929: 272–279]. Большая часть этой социальной группы была занята в сельском хозяйстве (94,4 %). На втором месте по численности находились хозяева, работающие только с членами семьи, и членами артели – 16003 чел., или 27,5 %. Третью социальную группу составляли рабочие. Всего их насчитывалось 1859 чел., или 3,2 % всех самодетельных. Основная масса рабочих трудилась в сельском хозяйстве (рабочие в хозяйствах крестьянского типа и сельскохозяйственных предприятий) – 24,1 % и фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности – 11,1 %, остальные были заняты в строительстве – 2,9 %, учреждениях – 2,2 % и прочих отраслях. Четвертое место по удельному весу в самодетельном населении занимали служащие – 1700 чел. (2,9 %). Основная часть служащих работала в учреждениях – 67,2 %, торговле и кредите – 16,5 %. Отдельно выделялись хозяева с наёмными рабочими и одиночки – группы самодетельных производителей, различающиеся по степени предпринимательства. К категории «одиночки» принадлежало 3,6 % всех самодетельных граждан. Численность хозяев с наемными рабочими была значительно скромнее – 0,7 %. Совсем небольшим являлся удельный вес в самодетельном населении области таких социальных групп как: военнослужащие – 0,2 %, лица свободных профессий – 0,05 %. К числу последних относились только 28 человек. По своему профессиональному составу лица свободных профессий (духовенство, частнопрактикующие врачи, люди искусства) были близки к служащим.

Материалы переписи 1926 г. зафиксировали наличие безработицы – 0,2 %. Кроме безработных, в 1926 г. проживали лица, не имеющие или не указавших своего занятия. Таковых насчитывалось 899 чел. (1,5 % от удельного веса самодетельного населения). В основном к этой группе относились иждивенцы государства и общественных учреждений: учащиеся стипендиаты, заключенные, пенсионеры, инвалиды и др.

В отличие от несамодетельного, значительную часть самодетельного населения (52,5 %) в 1926 г. составляли мужчины. Некоторые социальные группы были полностью мужскими. Женщины чаще всего встречались среди членов семьи, помогающих в занятии – 68,7 %. Всё это позволяет говорить о том, что женщины ещё сравнительно слабо были вовлечены в общественное производство, уровень их участия оставался еще довольно низким.

Таким образом, по данным переписи населения 1926 г., в профессионально-отраслевом составе Ойротской автономной области, (согласно общепринятой классификации) подавляющее число трудоспособного населения приходилось на членов семьи, помогавших в занятии, и хозяев, работавших только с членами семьи. Основная часть самостоятельного населения региона была связана с сельским хозяйством. Среди самостоятельного населения значительно преобладали мелкотоварные сельскохозяйственные производители – крестьяне. Доля рабочих от всего самостоятельного населения области составляла 3,2 %. Удельный вес служащих, интеллигенции составляли в 1926 г. совокупно не более 2 % его самостоятельной части. Среди алтайцев же указанные социальные категории не сложились в социальные группы.

Очередная перепись была проведена двенадцать лет спустя, в 1939 г. В межпереписной период произошли кардинальные изменения в социальном и профессиональном составе населения (см. табл. 2). Коллективизация прервала естественный процесс социальной дифференциации деревни, повысила социальную мобильность населения – переход людей из одной социальной группы в другую. В результате, произошло изменение социального статуса человека, связанного с его отношением к средствам производства и ролью в общественной организации труда. Сформировался новый однородный класс – колхозное крестьянство, образованный на основе кооперативной собственности.

Таблица 2

Распределение населения Ойротской автономной области по социальным группам по данным переписи 1939 г.

	Тысяч человек					В процентах к итогу		
	Все-го	в т.ч.				Рабо-чие	Служа-щие	Колхоз-ники
		Ра-бо-чие	Слу-жа-щие	Колхоз-ники	Про-чие			
Все насе-ление	162,4	59,9	26,3	71,4	4,8	36,9	16,2	44,0
в том числе:								
городское	24,0	13,5	7,5	1,8	1,2	56,2	31,3	7,5
сельское	138,4	46,4	18,8	69,6	3,6	33,5	13,6	50,3

Источник: Население Горного Алтая 2012: 89.

Колхозники составляли 44 % от всего населения области, подавляющее большинство которых проживало в сельской местности, рабочие – 36,9 %, служащие – 16,2 %. Вместо индивидуального труд приобрел общественный характер.

В результате преобразований произошли количественные и качественные изменения в составе сельских рабочих и служащих области. Данные переписи 1939 г. свидетельствуют о том, что доля рабочих в сельском населении в сравнении с показателями 1926 г., возросла примерно в 22 раза, а доля служащих – в 6 раз. Также принципиально изменилась социальная структура городского населения. Численность служащих за период между переписями также увеличилась. Мелкотоварные производители были в подавляющем большинстве кооперированы, доля некооперированных сократилась до незначительной величины – менее 1 %. Население стало трудиться в обобществленных сферах производства.

Одним из основных направлений социального движения населения Горного Алтая являлся переход из колхозного крестьянства в состав рабочих и служащих. Первое поколение рабочего класса 1920-х гг. в Горном Алтае имело упрощенную структуру. Промышленные рабочие группировались в промысловой кооперации, в Ойротской автономной области отсутствовала система подготовки рабочих кадров [Мальков 1972: 20]. В отличие от центра страны, в Ойротской автономной области промышленные кадры пока только формировались. В общем количестве населения они увеличили свою долю, и составляли к концу 1930-х гг. уже около трети населения. Удельный вес рабочих, а также их социальная роль, были невелики. Среднегодовая численность рабочих промышленности на начало 1940 г. не достигла 5 тыс., из них почти половина промышленных рабочих была сосредоточена на мелких предприятиях и в промкооперации [Мальков, Коляденко 1972: 188].

Таблица 3

Распределение населения Ойротской автономной области по отраслям народного хозяйства по данным переписи 1939 г., чел.

Производства	Городское население	Сельское население	Всего
Лесное хозяйство	273	4295	4568
Сельское хозяйство	862	32665	33527
Промышленность	1865	6875	8740
Строительство	1243	1874	3117
Транспорт и связь	780	2124	2904
Торговля	1067	2946	4013
Жилищное и коммунальное хозяйство	281	240	521
Госучреждения	1255	2221	3476
Здравоохранение	546	909	1455
Просвещение, наука, искусство, печать	1031	2797	3828
Нераспределенные по отраслям народного хозяйства и неточно указанные	493	1859	2352
Всего	9696	58805	68501
Кроме того, занятые в личном подсобном хозяйстве	1067	932	1999

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 1, 2.

Главной сферой приложения труда сельского населения области, как и прежде, оставалось сельское хозяйство (48,9 %). Следует отметить, что большая часть алтайского населения была занята в сельском хозяйстве, преимущественно, в животноводстве. В этом отношении регион являлся одним из самых «аграрных» районов страны. В несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства было занято населения: в промышленности – 12,7 %, лесном хозяйстве – 6,7 %, торговле – 5,9 %, просвещении, науке, искусстве и печати – 5,6 %. На остальные отрасли народного хозяйства приходился незначительный процент. Среди занятого населения преобладали мужчины – 57,1 %, удельный вес женщин составлял – 42,9 % (см. табл. 3).

Отдельно следует сказать о включении женщин в общественное производство. Данные переписи 1939 г. свидетельствуют о том, что женщины работали практически во всех отраслях народного хозяйства. Осуществился их массовый переход из домашнего и личного подсобного хозяйства в сферу общественного производства.

Заметно расширилась сфера приложения женского труда. Так, например, если в селе почти три четверти женщин (73,3 %) были заняты в сельском хозяйстве, то в городе они активно вовлекались в общественный труд. Так, в промышленном производстве трудились 568 женщин, или 23,5 %, в культурно-просветительских учреждениях – 503 чел. (20,8 %), в торговле и общественном питании – 273 чел., или (11,3 %), в строительстве – 219 чел. (9,1 %), на руководящих должностях – 64 чел. (2,7 %) [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 1, 12].

Сплошная коллективизация сельского хозяйства коренным образом изменила социально-экономическую природу сельского населения. Перепись 1939 г. документально отразила завершение процесса превращения крестьян-единоличников в государственных сельскохозяйственных рабочих. Появилась новая группа рабочих – работники совхозов и МТС. На 1 января 1940 г. в области насчитывались 321 колхоз и 10 совхозов, 2 МТС [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 715. Л. 6]. Колхозы и совхозы объединяли свыше 90 % крестьянских хозяйств [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 57. Л. 2].

Распределение рабочих, служащих и колхозников по отраслям народного хозяйства, соотношение этих основных социальных групп определялось сложившейся структурой экономики и уровнем социально-экономического развития региона (см. табл. 4).

Таблица 4

Занятость населения Ойротской автономной области по данным переписи 1939 г., чел.

Занятия	Общественные группы					
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Кооперир. кустари	Некооперир. кустари	Крестьяне единоличн.
Лесное хозяйство	1942	261	1893	395	13	35
Сельское хозяйство	2993	468	28473	339	0	1197
Промышленность	5577	674	26	1985	328	31
Строительство	2409	305	374	25	60	4

Транс-порт и связь	1641	689	22	416	87	49
Торговля	1913	1718	100	222	0	0
Жилищное и коммуна. хоз-во	301	139	7	24	49	0
Госучрежден.	907	2554	14	1	0	0
Здравоохран.	832	617	2	4	0	0
Просвещ., наука, ис-во, печать	1347	2371	95	15	0	0
Нераспредел. по отраслям нар. хоз-ва	1374	466	482	12	4	13
Всего	19576	10335	31493	3438	609	1330
К р о м е того, занятые в ЛПХ*	387	1518	2910	744	66	–

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 3–14, 31–98.

* Личное подсобное хозяйство.

Таким образом, рабочие преобладали в индустриальных отраслях и в сфере обслуживания, служащие – в государственных учреждениях и других сферах обслуживания населения, а крестьяне – колхозники – в сельском хозяйстве. Крестьяне-единоличники утратили экономическую роль, их численность и доля в экономике стали незначительными. Еще меньшей была прослойка некооперированных кустарей. Они трудились в промышленности, на транспорте и связи, строительстве. Кооперированные кустари, в основном, работали в промышленности, на транспорте и связи, лесном и сельском хозяйстве, торговле, и лишь незначительная группа была связана со строительством, жилищным и коммунальным хозяйством. В целом по области, кооперированные кустари и, в совокупности – крестьяне-единоличники и некооперированные кустари, составляли небольшой удельный вес в общем составе

занятого населения области – 6,0 % и 1,5 % соответственно [Пустогачев 1972: 18].

Процесс индустриализации требовал обеспечения предприятий квалифицированными кадрами. В рассматриваемый период для рабочих и крестьян создавались условия для получения профессионального образования. В результате многие представители молодежи из рабочей и крестьянской среды поступали в учебные заведения и пополняли ряды интеллигенции. Возросло количество специалистов сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветврачи, инженеры и техники) с высшим и средним специальным образованием. Приоритетным направлением национальной государственной политики стало формирование национальных кадров путем выдвиженчества из бедняцко-батрацких слоев. Велась активная работа по подготовке партийно-советских работников, учителей, медицинских кадров. С развитием сельского хозяйства и промышленности учебные заведения стали готовить специалистов для сельского хозяйства, инженерно-техническую интеллигенцию. В результате число специалистов в области с высшим и незаконченным высшим образованием возрастало. В 1939 г. их число составляло 127 чел., еще 328 специалистов имели среднее общее и специальное образование [Модоров 2009: 640]. В таблице 5 представлена численность отдельных групп интеллигенции по переписи 1939 г.

Таблица 5

Численность отдельных групп интеллигенции, по данным переписи 1939 г., чел.

Группы	1939 г.
Инженеры (без руководителей предприятий и цехов)	22
Агрономы	42
Прочий агротехнический персонал (землемеры, зоотехники)	189
Работники науки (профессора, преподаватели вузов и др.)	207
Учителя	1474
Культпросветработники (библиотекари, заведующими клубами, журналисты, и пр.)	377
Врачи	48
Бухгалтеры, счетоводы	1641

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 17, 18, 23, 24.

Наиболее многочисленной группой специалистов являлись бухгалтеры и счетоводы. Данное обстоятельство можно объяснить их востребованностью в колхозах, а также – в ведомствах, учреждениях и организациях области. Другой большой группой интеллигенции стали учителя, что следует связывать с политикой культурной революции и развитием системы народного образования в области. Объяснить относительно низкое число инженеров можно объяснить слабым развитием промышленности в Горном Алтае. Среди интеллигенции выделялась небольшая группа научных работников, профессуры и преподавателей вузов. В указанную группу следует отнести преподавателей учебных заведений Ойротской автономной области: педагогического техникума, учебно-курсового комбината кооперативного образования, животноводческого техникума, колхозного института им. Горького (сельхозшкола), лесного техникума, совпартшколы, педагогического рабфака.

Материалы переписи 1939 г. отразили усложнение профессионально-отраслевой структуры населения региона. В ходе осуществления коллективизации сложилась социально-профессиональная группа руководителей низового ранга: бригадиры тракторных, полеводческих, животноводческих и прочих сельскохозяйственных бригад, звеньевые. На долю бригадиров бригад приходилось – 760 чел., звеньевых – 41 чел. Новые профессиональные статусы в сельском хозяйстве региона отразились в появлении специальностей: заведующих колхозными товарными фермами (505 чел.); селекционеров, яровизаторов (5 чел.); трактористов (142 чел.); комбайнеров и штурвальных (15 чел.); машинистов на сельскохозяйственных машинах (194 чел.). Доля традиционных профессионально-отраслевых специальностей (скотников, конюхов, доярок; садовников, огородников; гуртоправов, пастухов, чабанов) в структуре сельского хозяйства региона составляла 9469 чел. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 2. Л. 19, 25].

Таким образом, социальная структура Ойротской автономной области, по данным переписей 1926 г. и 1939 г., отразила основные результаты форсированной индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и преобразований в области культуры, а также других мероприятий, проведенных Советской властью во второй половине 1920-х и в 1930-е гг.

На смену многоукладной экономике пришло плановое народное хозяйство с единой государственной собственностью в

сфере производства. Сложилась однородная социальная структура общества, которая включала три основных группы: рабочий класс, колхозное крестьянство (и кооперированные кустари), служащие и интеллигенция.

Аграрный характер региона определил преобладание сельского населения над городским. Социальная структура Горного Алтая отличалась от других регионов различным соотношением удельного веса основных трех социальных групп. Появляются новые социально-профессиональные группы населения, занятые в сельском хозяйстве, транспорте, промышленности, торговле и сфере социальных услуг. Изменения в социально-профессиональном составе алтайского населения протекали в условиях проводимой сверху трансформации их социальной структуры и традиционной системы хозяйствования. Алтайцы были заняты в сельском хозяйстве, основной отраслью которого являлось животноводство. Складывалась алтайская национальная интеллигенция, занятая в большей части в сфере образования, здравоохранения, культуры. Имели место тенденции роста численности и удельного веса рабочих и служащих среди занятого населения, расширения участия женщин в общественном труде. В ходе форсированной социалистической модернизации складывалась новая интеллигенция, вышедшая из крестьянской среды.

3.2. Коллективизация и раскулачивание крестьянства (1929–1933 гг.)

Начало сплошной коллективизации. Раскулачивание (декабрь 1929 г. – февраль 1930 г.). В конце 1929 года партийное руководство страны принимает решение о проведении в деревне форсированной коллективизации. Дальнейший путь аграрного развития страны виделся партийному руководству в реорганизации сельского хозяйства на основе создания совхозов и коллективизации бедняцко-средняцких слоев деревни. 7 ноября 1929 г. в газете «Правда» появилась статья «Год великого перелома», в которой сформулирована главная цель аграрной политики партии – объединение единоличных крестьянских хозяйств в коллективные и переход от политики «ограничения эксплуататорских тенденций» кулачества к его ликвидации. Появление указанной статьи принято считать началом процесса сплошной коллективизации. На ноябрьском пленуме 1929 г. курс на неё был озвучен официально.

В Горном Алтае к концу 1929 г. числилось 113 коллективных хозяйств (18 сельскохозяйственных коммун, 16 сельскохозяйственных артелей, 31 товарищество по общей обработке земли, 45 животноводческих колхозов, машинных товариществ) [Кочевники 2020: 224]. Социальный состав колхозов был представлен большей частью маломощными бедняцкими хозяйствами. В целом по области к концу 1929 г. уровень коллективизации достигал 10 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 22. Л. 29].

15 декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП (б) принял постановление «О темпах коллективизации Сибкрая», в котором ставилась задача коллективизировать около 30 % всего сельского населения края. По срокам проведения коллективизации края, области и республики Сибири была распределены на три группы районов. Ойротская автономная область как наименее подготовленная была отнесена к третьей группе, здесь коллективизацию планировалось завершить к 1 октября 1933 г. [История Сибири Т. 4. 1968: 330].

С началом развертывания политики ускоренной коллективизации в стране бюро Ойротского обкома ВКП (б) «встало на путь подхлестывания колхозного движения». Своим решением 25 декабря 1929 г. бюро обкома, в соответствии с постановлением Сибирского крайкома ВКП (б) от 15 декабря 1929 г. о коллективизации в течение 1930 г. около 30 % всего населения края, объявило Уймонский, Онгудайский и Усть-Канский аймаки районами сплошной коллективизации. Обком принял решение вовлечь в колхозы к весне 1930 г. не менее 25 % крестьянских хозяйств [Эдоков 1987: 83]. Однако позже, 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП (б) принял решение о завершении коллективизации в крае в течение весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г.

В Ойротии кампания сплошной коллективизации началась стихийно и к февралю 1930 г. охватила уже 47 % крестьянских хозяйств [Демидов 1970: 173]. В ряде случаев коллективизация проводилась в течение нескольких суток, или «пятидневок» – в Чемальском аймаке на 25 января 1930 г. уровень коллективизации достиг 43 %, через 5 дней – 67 %, а к 20 февраля – 96 %. В Лебедском аймаке за несколько дней эти показатели взлетели с 5 до 85 %, в Кош-Агачском аймаке к 20 февраля – до 80 % [Эдоков 1987: 87]. Нередко на местах в отношении крестьян и общинников-кочевников применялись запугивания и угрозы в случае колебания или нежелания вступать в колхозы. В селениях и урочищах

Горного Алтая по несколько раз созывались собрания, на которых уполномоченные по коллективизации требовали от населения немедленного вступления в колхозы. В результате в короткие сроки достигался высокий уровень коллективизации. На 20 февраля 1930 г. в колхозах области было объединено 18586 хозяйств, или 81 % их общего числа [Эдоков 1987: 86–87], а к 10 марта 1930 г. уровень коллективизации достиг 92 % [Коллективизация сибирской деревни 2019: 185].

Коллективизация сопровождалась «раскулачиванием» зажиточных слоев сельского населения Ойротии. Его цели заключались в полном устранении из хозяйственной и общественной жизни зажиточного слоя хозяев. Диктовалось это политическими установками большевистского руководства. Помимо них, власти руководствовались и чисто хозяйственными задачами в экспроприации зажиточных хозяйств для укрепления слабой материально-технической базы колхозов. К концу 1929 г. колхозы отличались слабостью и низким уровнем материально-технической базы. В основной массе они были мелкими, один колхоз включал примерно 17 хозяйств, на него приходилось в среднем 8 рабочих лошадей, 27 голов крупного рогатого скота, 40 овец. Абсолютное большинство колхозов испытывали острую нужду в сельскохозяйственном инвентаре и тягловой силе [Эдоков 1987: 83].

Для поднятия товарного животноводства требовались значительные капиталовложения. Проблема внутренних ресурсов могла, по мнению партийного руководства области, разрешиться за счет «кулацко-байского» имущества. 25 декабря 1929 г. на заседании бюро обкома было сказано о передаче конфискованного имущества в колхозы. Утверждались критерии кулацких хозяйств. Байские хозяйства распределялись на три категории, исходя из территориальных особенностей региона. В чисто скотоводческих аймаках (Улаганский, Кош-Агачский аймаки) байскими считались хозяйства, имевшие свыше 70 голов; 2. В скотоводческо-земледельческих (Усть-Канский, Онгудайский аймаки) – имевшие свыше 50 голов; 3. В остальных, смешанных – свыше 35 голов скота. По данным Ойротского обкома ВКП (б), к началу 1930 г. в наиболее обеспеченных «байско-кулацких» хозяйствах области, удельный вес которых составлял 2,7 % в общем количестве хозяйств области, было сконцентрировано более 10 % всего поголовья КРС.

Предполагалось конфисковать у них не менее 20 тыс. голов скота на сумму около 700 тыс. руб. [Торушев 2009: 147, 148, 149]. В «кулацких» и «байских» хозяйствах местные власти усматривали большой ресурс для организации национальных и русских колхозов.

30 января 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В нем официально провозглашалась одна из главных задач партии на тот момент – ликвидация кулачества как класса. В соответствии с постановлением, у кулаков конфисковались средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, кормовые и семенные запасы и др.

Зажиточные крестьяне подразделялись на три категории. К первой категории, к которой принадлежал «контрреволюционный кулацкий актив» – применялось немедленное заключение в концлагеря, а в отношении организаторов террористических организаций, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций – высшая мера наказания (расстрел). Вторую категорию, по замыслу разработчиков постановления, должны были составить «остальные элементы кулацкого актива», которые подлежали высылке. В третью категорию попадали кулаки, которые оставались в пределах района, но подлежали расселению на новых участках, отводимых за пределами колхоза. Общее число ликвидируемых хозяйств определялось в 3–5 % от всего числа крестьянских хозяйств. По регионам указывалось количество высылаемых кулаков и определялись районы высылки. Списки высылаемых кулаков устанавливались райисполкомами на основании решений колхозников, батрацко-бедняцких собраний и утверждались окружными исполкомами [Трагедия 2000: 127–129]. На ликвидацию кулацких хозяйств 1 категории органам ОГПУ отводилось 20 дней, еще 20 дней – для выселения кулаков второй и третьей категорий [Папков 2012: 55]. Возрождалась система внесудебных органов – троек.

В Сибири ликвидация кулацких хозяйств осуществлялась на основании постановления краевого комитета партии от 2 февраля 1930 г. Число ликвидируемых кулацких хозяйств определялось в 4–5 % общего числа хозяйств в крае, или почти в 2 раза больше фактического количества кулацких хозяйств.

Раскулачивание сопровождалось фактами террора и мародерства по отношению к кулакам. Об этом свидетельствуют

многочисленные факты, зафиксированные в документальных источниках.

Район высылки для ойротских кулаков 1 и 2 категории определялся в Красноярском крае, в Ачинском округе. К весне 1930 г. в Красноярский край было выселено 236 семей из Ойротии общим числом 1187 чел., из них детей до 18 лет – 544 чел. [Спецпереселенцы в Западной Сибири 1992: 103, 119, 121, 122].

Раскулаченные по 3 категории расселялись внутри Ойротской области. Для этого на северо-востоке области, в таежных аймаках Лебедском и Успенском аймаках создавались места высылки – в пределах Сары-Кокшинского и Верх-Бийского сельсоветов. По плану, в эти места переселялись 545 семей. Здесь намечалось создание животноводческо-земледельческих хозяйств, а также планировалось организовать кустарные производства – выработку дегтя, смолы, заготовку лопат, ободов, полозьев, дуг, обручей, а также сбор кедровых орехов. Но большей частью, выселяемых кулаков рекомендовалось использовать на лесозаготовках, которые расширялись в эти годы [Политические репрессии 2017б: 84].

Наряду с раскулачиванием и выселением производились массовые аресты глав семейств, хозяйства которых были отнесены к кулацким первой категории. По данным секретной части секретариата Сибирского крайисполкома, в Ойротии за «противодействие коллективизации» на 19 февраля 1930 г. было возбуждено 118 дел, большей частью, по статье 79–1 (умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственному и общественным организациям). По этой статье привлекались, как правило, за убой скота и за «разбазаривание» кулацкого имущества [Политические репрессии 2017б: 85].

Обобществление скота в создаваемых коммунах вынуждало крестьян и кочевников забивать свой скот на мясо, что вело к уменьшению поголовья всех видов стада.

В условиях массового обобществления скота в ходе форсированной коллективизации в январе – феврале 1930 г., распространенным явлением в деревне стал забой скота на мясо, что привело к резкому сокращению поголовья стада. Если принимать количество поголовья скота за 1929 г. за 100 %, то в 1932 г. количество поголовья скота составило: по лошадям – 61,6 %, по КРС – 43,0 %, по овцам и козам – 37,1 % от количества поголовья в 1929 г. [Госархив РА. Ф. Р–42. Оп. 1. Д. 173. Л. 44].

Насилие и репрессии, которые получили широкий размах во время коллективизации, вызвали массовое недовольство крестьян. В Горном Алтае вооруженные выступления крестьян начались уже в первых числах февраля 1930 г. [Торушев 2009: 151].

Сибкрайком 11 февраля 1930 г. направил в Ойротию специальную комиссию во главе с Л.А. Папардэ для ознакомления с обстановкой на местах. Комиссия пришла к выводу «о грубейших нарушениях принципа колхозного строительства, широкого применения методов администрирования, игнорирования национальных особенностей хозяйства и быта алтайского населения, насильственного насаждения коммун с принудительным обобществлением даже предметов личного обихода» и др. [Торушев 2009: 151].

По материалам комиссии 20 февраля 1930 г. бюро Ойротского обкома партии предложило аймачным партийным комитетам тщательно проверить списки раскулаченных и восстановить имущество пострадавших середняков и бедняков. Многим из них возвратили имущество и вернули избирательные права. В целом к середине мая 1930 г. по области восстановили в правах 440 раскулаченных хозяйств, большинству из них вернули имущество, за исключением «мелких вещей» [Политические репрессии 2017б: 85]. Работа по восстановлению прав раскулаченных середняков и возвращению им имущества продолжалась и в дальнейшем.

Чтобы ослабить напряженность, партийно-советское руководство решило скорректировать политический курс коллективизации. Во второй половине февраля 1930 г. на места последовали директивы ЦК ВКП (б) о недопустимости спешки при организации колхозов и необходимости учета местных условий в национальных регионах [Данилов 2011: 838]. Так, 20 февраля 1930 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», в котором осуждалась спешка в коллективизации и раскулачивании [Ивницкий 2000: 92].

2 марта был опубликован новый Устав сельхозартели, который представлялся наиболее отвечающим пожеланиям крестьян. В этом же номере «Правды» вышла статья И. Сталина «Головокружение от успехов». В статье вся вина за перегибы возлагалась на местных руководителей [Трагедия 2000: 21]. 5 марта 1930 г. Сибкрайком

ВКП (б) издал постановление, в котором критиковались форсированные методы проведения коллективизации и допущенные при ее осуществлении перегибы.

В ходе развернувшейся кампании борьбы с перегибами и ослабления административного нажима крестьяне стали массово выходить из колхозов. Уровень коллективизации резко снизился с 81 % на 20 февраля [Эдоков 1987: 87] до 10 % к началу апреля [Демидов 1970: 159].

С целью исправления сложившегося положения органами власти в области была развернута кампания по пропаганде лучшего опыта организации колхозов. В апреле 1930 г. прошли перевыборные собрания в оставшихся колхозах, в результате удалось не только остановить дальнейший распад колхозов, но и добиться медленного роста коллективизации: в мае 1930 г. в колхозах области состояло 20,3 % крестьянских хозяйств, а к 10 июня – 22,2 %. Значимую роль в закреплении успехов в колхозном строительстве сыграли экономические меры руководства страны по предоставлению льгот для колхозников: крестьяне, вступившие в колхоз, освобождались от налога на птицу на два года, покрывалась просроченная задолженность по кредитам, снималась задолженность по землеустройству, а также все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля 1930 г. Государство представило материальную помощь колхозам: увеличило завод сельскохозяйственной техники, повысило объемы кредитования. Среди отраслей сельского хозяйства кредиты в первую очередь предоставлялись на развитие животноводства, что в целом отвечало интересам сельского населения Горного Алтая [Эдоков 1987: 99, 100].

После массового оттока из колхозов, насильственные репрессивные меры при проведении коллективизации объявлялись неприемлемыми, поскольку они компрометировали политику партии. Власти пытались применить экономические методы, такие, как: введение экономических льгот для членов колхозов, отказ от повсеместной организации коммун, переход на устав сельхозартели, внедрение сдельной оплаты труда, привлечение виновных к ответственности, пересмотр списков раскулаченных, возвращение избирательных прав ряду лиц, ранее лишенных этих прав – несколько снизили накал недовольства в деревне [Демидов 1970: 159].

В результате предпринимаемых мер крестьяне стали вновь вступать в колхозы, к 10 июня уровень коллективизации поднялся до 22,2 % к [Эдоков 1987: 87, 100]. В дальнейшем в русских и в алтайских хозяйствах наблюдался рост коллективизации. Население стало вновь вступать в колхозы, выбирая для себя приемлемые формы коллективизации. Земледельческое алтайское, полукочевое и кочевое население Ойротии предпочитало простейшие коллективные объединения – товарищества, в которых не обобществлялись земля, инвентарь и скот. Общим был только труд членов товарищества. В аймаках, где преобладало кочевое и полукочевое население, животноводческие товарищества стали наиболее приемлемой и распространенной формой коллективизации.

С 1931 г. с переходом к сельхозартели как основной формы организации коллективных хозяйств, увеличением помощи колхозам со стороны государства, темпы коллективизации стали возрастать. В январе 1931 г. в колхозах Горного Алтая состояло 20 % крестьянских хозяйств, в июне – более 35 %, в декабре – 49 % хозяйств [Коллективизация и раскулачивание на Алтае 2019: 189].

Репрессии крестьянства в 1931–1932 гг. Одновременно продолжалось выселение кулацких хозяйств. К июню 1931 г. партийное руководство области отчиталось о ликвидации основной части кулацких хозяйств. Дальнейшие действия власти связаны с «довывявлением» кулака и преследованием бывших кулаков-лишенцев.

В отношении зажиточной части крестьянства распространялась практика наложения твердых заданий по основным видам сельскохозяйственной продукции. Твердые задания устанавливались в индивидуальном порядке, в случае их невыполнения имущество крестьянина подлежало принудительной продаже, а сам хозяин зачастую подвергался выселению [Ивницкий 2000: 195, 198].

В Ойротии, как и по всей стране, процедура ареста имущества проходила через решение сельсовета. Сохранились факты подобных раскулачиваний «твердосдатчиков». Так, заседанием президиума Актельского сельсовета от 1 марта 1932 г. за неуплату единовременного сбора, на твердосдатчика Гавриила Кужлекова возлагалась уплата в 3-дневный срок 155 руб. По истечении трех дней, в случае неуплаты, постановлялось произвести опись имущества и обратиться в Шебалинский аймакисполком для

выставления описанного имущества на торги [Госархив РА. Ф. Р–423. Оп. 1. Д. 24. Л. 33]. Положение Г. Кужлекова осложнили «компрометирующие факты»: его бывшая служба в колчаковских отрядах, кулацкое прошлое и агитация против колхозов [Память народа 1993: 167]. В итоге семья Кужлекова была лишена имущества, а сам он выслан в Томскую область (обратно он не вернулся).

В докладе областного прокурора Ойротии в декабре 1932 г. звучали призывы не ослаблять бдительность и быть готовыми к продолжению борьбы против классового врага. Отмечалась «нерешительная борьба» с кулацко-зажиточной частью села по выполнению ими твердых заданий. Говорилось о плохой работе по выявлению оставшихся кулацких хозяйств для обложения их в индивидуальном порядке. Вместе с тем, облпрокурор привел факты завышения твердых заданий, подчеркнув, что «приведенные факты не единичны, можно назвать сотни по области» [Память народа 1993: 168, 169].

Установление колхозного строя. В начале 1930-х гг. государственный и колхозный секторы заняли ведущее место в экономике страны. К 1934 г. в колхозы Ойротии было вовлечено 40,2 % всех хозяйств, в том числе 55,1 % всех алтайских хозяйств (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности хозяйств и населения Ойротской области
(на конец года)

Годы	Хозяйств				Население			
	Всего	В т.ч. ал-тайск.	Колхозный сектор		Всего	В т.ч. ал-тайск.	Колхозный сектор	
			Всего	В т.ч. ал-тайск.			Всего	В т.ч. ал-тайск.
1927	20698	10207	118	25	100855	41545	581	112
1928	21227	10401	398	124	103787	42333	1802	564
1929	22826	10728	1784	703	108188	43620	7578	3102
1930	26635	11104	4922	1572	114029	45194	19398	6306
1931	26697	11418	10657	5955	117891	45426	44667	20842
1932	31498	11441	12933	6541	126625	45765	47852	23243
1933	34350	11583	13792	6387	130109	46132	50370	22045
1934	35463	11844	15378	7052	133739	47376	59495	25620

Источник: Кочевники 2020: 227.

В 1930–1933 гг. количество коллективизированных алтайских хозяйств возросло с 703 до 7052, или в 10 раз.

В течение 1931–1933 гг. в Горном Алтае сохранялись тенденции в формах коллективизации. Население более определенно стало делать выбор в пользу сельхозартелей. Большая часть хозяйств области была объединена в сельскохозяйственные артели и ТОЖи. В сельхозартелях числилось 9613 хозяйств, или 71,5%. Доля хозяйств, входивших в ТОЖ, составляла 15,2% [Кочевники 2020: 232]. Колхозная сеть была представлена небольшими хозяйствами, которые располагались на локальных территориях. На каждый сельсовет с кочевым и полукочевым населением приходилось 2–3 колхоза. Выбор полукочевого и кочевого населения в пользу ТОЖей можно объяснить как скотоводческой направленностью хозяйств, так и предоставленной возможностью сохранить скот в индивидуальном пользовании. В ТОЖах скот в наименьшей степени подвергался обобществлению в отличие от сельхозартелей и, тем более коммун, где он полностью переходил в общее пользование.

Оценка работы в колхозах производилась в трудоднях, по количеству и качеству работы. В целом в колхозах Горного Алтая к середине 1931 г. животноводство давало основную товарную продукцию – 53,6% всей товарной продукции, от промыслов – 36,4%, а от полеводства – всего 10% [Кочевники 2020: 237].

Таким образом, в январе – феврале 1930 г., коллективизация и раскулачивание крестьянства сопровождалась многочисленными нарушениями закона и прав граждан. Противодействия крестьянства проводимой политике выражалось в разных формах – от массового забоя скота до организации вооруженных отрядов. С учетом сложившейся ситуации, весной 1930 г. власти пошли на ослабление курса форсированной коллективизации. Осуждались «перегибы», были предприняты меры по реабилитации раскулаченных середняков – восстановление их в прежних правах и возвращение имущества. Однако курс на ликвидацию кулачества не изменился, и в последующие годы он осуществлялся с не менее жесткими методами. Наиболее деятельная и зажиточная часть крестьянства Горного Алтая была выселена за его пределы, но большинство раскулаченных крестьян расселились в пределах области, по другим районам. В 1932–1933 гг. наблюдается смягчение репрессивной политики государства в отношении крестьян.

С развитием колхозного строительства основная часть населения стремилась к организации коллективных хозяйств на основе сельхозартелей и товариществ. Алтайское население в большинстве организовывало коллективные хозяйства на базе животноводческих товариществ, что было обусловлено скотоводческой направленностью хозяйства. С лета 1930 г. вновь начался приток населения в колхозы, но он шел медленными темпами. В условиях форсированной коллективизации, которая проводилась насильственными методами, имело место резкое сокращение поголовья скота из-за массового забоя. С мая 1931 г. среди кочевого и полукочевого населения развернулась работа по его переводу к оседлости, которая способствовала организации колхозов.

3.3. Мероприятия по переводу полукочевого и кочевого населения на оседлость

Коллективизация явилась одним из главных факторов перехода полукочевых хозяйств к оседлости. Колхозное строительство и переход кочевого и полукочевого населения к оседлости шли взаимосвязанно. Переходу к оседлости предшествовала работа по межселенному землеустройству и землеустройству создаваемых колхозов. В границах установленных землепользований земельные органы определили точки оседания (основные и подсобные хозяйства) в Онгудайском аймаке – 15 точек (центральных усадеб) и 10 производственных филиалов, в Усть-Канском аймаке – 10 точек оседания и 5 производственных филиалов. Всего в трудовом пользовании за оседающим населением закреплялось 673030 га. К 1933 г. плановым межселенным землеустройством были охвачены 7071 национальное хозяйство, внутривоспроизводственным – 2928 [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 4. Л. 98].

Переход к оседлости до 1931 г. происходил бесплано, по инициативе самого населения. Седьмой областной съезд Советов, состоявшийся в феврале 1931 г., поставил задачу перехода кочевников Ойротии к оседлому образу жизни. Отказ от кочевого быта рассматривался как одно из главных условий социалистического строительства в области [Демидов 1970: 177, 179, 180].

В мае 1931 г. обком партии принял постановление «О переходе кочевого и полукочевого населения на оседлость», в котором ставились практические задачи – определить и экономически обосновать центры тяготения населения и точки оседания [Эдоков 1987: 114, 115, 117].

Мероприятия по переходу к оседлости заключались в переселении значительной части алтайских полукочевых и кочевых хозяйств из урочищ, и размещение их в одном компактном месте – в центральной усадьбе. Место для центральной усадьбы обычно выбиралось в центре сенокосных и выгонных угодий, при условии обеспеченности водой и дорогами, или условиями для их создания – с ровным рельефом местности и твердым грунтом. Позже центральные усадьбы становились населенными пунктами. Например, в Усть-Канском аймаке в 1931 г. принимается решение о создании 7 центральных усадеб в урочищах: Келей, Яконур, Кан-Озерное, Кан-Алтайский, Мендур-Соккон, Камлак, Шиверта.

Руководство области определило круг следующих наиболее важных задач: 1. Подведение прочной кормовой базы под животноводство. Для этого необходимо было организовать земельную территорию колхозов, заняться улучшением лугов, посевом кормовых культур, трав, овладеть техникой сенокосения и силосования; 2. Проведение мероприятий, обеспечивающих повышение товарности, организации кормления и содержание скота (строительство дворов, кошар, телятников, маслозаводов и т.д.); 3. Создание материально-бытовых условий, стимулирующих оседлый образ жизни (жилищное строительство, постройка бань, детсадов, ясель и т.д.); 4. Создание условий, обеспечивающих рост культурного уровня колхозника (строительство школы, избы-читальни, клуба, фельдшерского пункта и т.п.); 5. Развитие полеводства (там, где позволяли климатические условия) [Кочевники 2020: 277].

После расселения обычно принималось решение о культурно-технических мероприятиях для улучшения сельхозугодий и улучшения кормовой базы. Путем боронования и расчистки кустарников площадь неудобной земли сокращалась. Далее в ряде мест велись работы по мелиорации наиболее ценных сельхозугодий. В результате улучшалось использование сенокосов и пастбищ, повышалась их продуктивность. В сметы

по переселению и оседанию полукочевого и кочевого населения закладывались расходы по обеспечению переселенцев инвентарем, хозяйственными постройками, скотными дворами, системой социально-культурного обеспечения. Производственно-финансовые планы по хозяйственному строительству составлялись по каждому пункту оседания, на уровне каждого сельсовета. На 1 апреля 1932 г. в области числились 4554 кочевых и полукочевых хозяйств, или 20 % от общего числа хозяйств [Кочевники 2020: 239].

Нередко основным мотивом перехода к оседлости являлись сложные условия для ведения скотоводческого хозяйства: недостаток угодий, их плохое качество, неудобное соседство с сильными в экономическом отношении русскими хозяйствами, от которых приходилось зависеть. В результате в центральных аймаках – Чемальском, Шебалинском, Усть-Канском, Онгудайском полукочевое население начало переходить к оседлости, сохраняя в основе своей системы хозяйствования отгонное животноводство с сезонными перекочевками. Но в высокогорных Улаганском и Кош-Агачском аймаках, где для коренного населения сохранялись условия для перекочевков, население не спешило переходить к оседлому образу жизни.

К середине 1931 г., уже после проведения землеустроительных работ и после коллективизации основной массы полукочевых хозяйств, алтайцы продолжали сохранять прежний полукочевой быт и систему хозяйствования. Полукочевое хозяйство обычно имело два пункта кочевки – летом на летниках, которые располагались на хороших выгонных угодьях, большей частью в устьях логов, и зимой – на зимниках, расположенных в вершинах логов, где заготавливалось с лета сено для подкормки скота, и оставалась хорошая трава под снегом. Пастбища на зимниках использовались посредством тебеневки. Радиус кочевков определяется размерами земельного обществ и в среднем по сельсовету равнялся 1–4 км. На летниках полукочевое население часто занималось земледелием [Кочевники 2020: 237].

Организация производства требовала скорейшего создания материально-хозяйственной базы в коллективных хозяйствах. Колхозам области, в том числе – национальным алтайским колхозам – выделялись кредитные средства.

Животноводство развивалось на основе рационального использования естественных пастбищ и увеличения заготовки

кормов на случаи гололедицы и обильных снегопадов [Эдоков 1987: 215]. В колхозах создавались молочно-товарные фермы (МТФ) – крупные производственные помещения. Основными задачами их хозяйственной деятельности являлись: содержание коров с целью получения молока, выращивание телят, хранение кормов и т.д. Организовывались также товарные фермы с другим животноводческими направлениями: овцеводческие, коневодческие, свиноводческие.

Основное внимание отводилось организации молочно-товарных ферм для размещения КРС. В юго-восточных – Улаганском и Кош-Агачском, где население вело кочевой быт – хозяйства специализировались преимущественно на овцеводстве. Основная доля среди всего количества товарных ферм приходилась на ОТФ [Кочевники 2020: 244].

Значительный сдвиг произошел в развитии земледелия и кормодобывания. В октябре 1934 г. областное земельное управление констатировало, что с распространением в хозяйствах земледелия население переходило от кочевого образа жизни к полукочевому. Так, в целом по Ойротской автономной области на 1 октября 1934 г. областное земельное управление зафиксировало 7335 национальных хозяйств, объединенных в колхозы. Из них кочевой быт вели 1485 хозяйств, 2455 – полукочевой, 3385 – оседлый земледельческий. Таким образом, с переходом к оседлости и с образованием колхозов более половины алтайских и казахских хозяйств в колхозах продолжали вести кочевое и полукочевое хозяйствование. В Кош-Агачском аймаке из 1303 хозяйств, объединенных в колхозы, кочевой быт вели 1143 хозяйства, полукочевой – 102 [Кочевники 2020: 241].

Расширились площади сенокосов и пашни в национальных алтайских аймаках, что привело к росту объемов количества сена и заготовленных кормов. В сельском хозяйстве с 1930 г. стали заготавливать силос, и к 1934 г. почти все аймаки занимались силосованием. При этом, если на одну корову в колхозе в 1930 г. приходилось 0,86 ц, то в 1934 г. – в среднем было заготовлено 19,2 ц. Росла обеспеченность скота концентрированными и грубыми кормами. В некоторых аймаках уже в 1934 г. национальные алтайские колхозы, перешедшие и переходящие на оседлость, заготавливали сена больше, чем русские земледельческие колхозы. Однако значительная часть поголовья скота, особенно по Улаганскому и Кош-Агачскому аймакам, находилась на пастбищах [Госархив РА.

Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 832. Л. 14]. По упомянутым юго-восточным высокогорным районам, в которых еще длительное время основной кормовой базой оставались пастбищные угодья, ставились задачи рационализировать зимние пастбища и провести ряд мероприятий по улучшению зимнего содержания скота (закрепление за гуртами для зимы лучших участков, оборудование утепленных для содержания скота построек и т.д.).

Вопрос повышения возможностей кормовой базы был поставлен на научную основу. Так, во второй половине 1930-х гг. в Курайской и Чуйской степях производственные опыты проводил отряд Всесоюзного института растениеводства сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина под руководством А.И. Иванковского. С созданием Ойротской зональной станции в конце 1930-х гг. свои исследования проводят научные сотрудники отдела кормодобывания – Д.И. Чельшев и А.В. Одинцов [Макошев 2009: 67]. Изучались возможности продвижения земледелия в высокогорные аймаки, подбор и выведение для них морозоустойчивых зерновых и кормовых культур; разработка агротехники ухода за орошаемыми сенокосами и посевами в высокогорной зоне; разработка агротехнических мероприятий по улучшению травостоя и повышению питательности сена, пастбищ.

Важным условием для оседания полукочевых хозяйств являлось обеспечение их производственными помещениями для скота. Строительство скотных дворов в области началось с 1930–1931 гг., первые хозяйственные объекты были сданы в эксплуатацию в 1932 г. Всего в области к 1934 г. удалось построить и сдать в эксплуатацию: типовых скотных дворов – 116; телятников – 84; свинарников – 9; кошар – 6; омшаников – 61; конюшен – 11, а вместе с примитивными и приспособленными помещениями обеспеченность поголовья всеми видами построек составляла: скотными дворами – 82 %, кошарами – 51,7 %, свинарниками – 100 %, конюшнями – 35 %. Строительство помещений для скота велось в аймаках, где проживало преимущественно полукочевое население: Усть-Канском, Онгудайском, Шебалинском, Чемальском, а также в аймаках, где велось кочевое хозяйствование – в Улаганском и в Кош-Агачском. Применение утепленных скотных дворов, построенных на зимних пастбищах, обеспечивало сохранение живого веса скота [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 832. Л. 16]. Итак, основные усилия

направлялись на обеспечение производственными помещениями КРС.

Одним из условий перевода к оседлости являлось строительство маслозаводов. Маслодельная промышленность в области возникла после революции. Дореволюционная сеть состояла из 10 кооперативных маслозаводов, нескольких сепараторов, находящихся у зажиточной части русского населения. В хозяйстве кочевника вся молочная продукция потреблялась на собственные нужды. К 1934 г. было построено 4 механизированных маслозавода, 24 конно-пригодных маслозавода, 24 сырзавода и 95 сливочных отделений [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 832. Л. 20]. Строительство маслозаводов изменило старые способы ухода и содержания скота. Как правило, рядом с возникшим маслозаводом строился теплый двор для МТФ, телятник, колхоз начинал заготавливать корм для скота, производить посевы продовольственных и кормовых культур.

Коренным образом изменились способы обработки продуктов. Наряду с традиционными способами выработки сыра «*курут*», масла «*сардю*» и т.п. внедрялась выработка высококачественных сортов сыра и масла [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 832. Л. 20].

В местах, переходящих на оседлость, возводились дома, бани, школы, избы-читальни, клубы. В 1934 г. по 145 оседающим колхозам на 6961 хозяйство колхозников построили 2535 жилых домов и изб, обеспеченность жилыми помещениями к общему числу хозяйств составила 36,4 %. Построено бань – 251, школ – 75, изб-читален – 19, клубов – 10, организованы десятки постоянных ясель и детплощадок [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 832. Л. 22].

В Усть-Канском и Онгудайском аймаках, где коренное население вело полукочевое хозяйство, из алтайцев, вступивших в колхоз, перешли к оседлости 39 % и 50,1 % соответственно. Колхозники Кош-Агачского и Улаганского аймаков, где сохранялись условия для частых перекочевов и ведения отгонного животноводства, в подавляющем большинстве сохраняли прежний кочевой уклад жизни. К тому же в Кош-Агачском аймаке условий для ведения земледелия не было.

Масштабы социально-культурного строительства пока еще отставали от потребностей оседающих колхозов. Так, уровень обеспеченности жилыми помещениями составлял 36,4 %. В начальной стадии находилось и производственное строительство в

оседающих колхозах. В 1935 г. уровень обеспеченности поголовья скота помещениями составляла: по скотным дворам – 13,0 %, телятниками – 12,1 %, конюшнями – 1,5 %, кошарами – 1,3 % [Кочевники 2020: 241, 242]. Проблема обеспечения оседающих колхозов жилыми и производственными помещениями оставалась неразрешенной к концу 1930-х гг.

Процесс перехода к оседлости происходил не такими быстрыми темпами, как первоначально планировало партийно-советское руководство Ойротии. В ходе обследования Онгудайского, Усть-Канского, Улаганского и Кош-Агачского аймаков, где преобладало полукочевое и кочевое население, проверяющие органы определили основные проблемы хозяйственного и социального характера: значительная часть населения продолжала проживать в аилах и юртах, а построенные избышки для бывших кочевников зачастую оставались неблагоустроенными; остро ощущался недостаток специалистов сельскохозяйственного профиля; повсеместно имела место нехватка помещений для большей части поголовья скота. Из-за разбросанности и небольших размеров селений, существовала проблема организации пришкольных интернатов для детей колхозников из окрестных селений, обеспечение бывших кочевников доступными медицинскими услугами.

Большое значение придавалось расширению масштабов агротехнических мероприятий в хозяйствах национальных аймаков с целью расширения площадей кормовых культур, развития овощеводства [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 9. Д. 21. Л. 92]. Предполагалось усилить материально-техническую базу колхозов путем поставок сельскохозяйственного оборудования и техники, строительство в колхозах с бывшим кочевым населением производственных помещений для скота. Продолжало проводиться социальное и культурное строительство в местах оседания.

Особое внимание уделялось социальным вопросам: строительству жилых домов и общественных бань. Усиливался контроль за этим строительством с тем, чтобы не только полностью выполнять план по количеству строящихся объектов, но и особенно по качеству [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 9. Д. 21. Л. 93].

В результате социально-политических и экономических мероприятий советского государства произошел переход значительной части полукочевого и кочевого населения к оседлости. Он осуществлялся одновременно с коллективизацией оседающих

хозяйств. В ходе мероприятий по плановому переводу к оседлости кочевого и полукочевого населения была подведена материально-техническая база для организуемых колхозов: осуществлено землеустройство колхозов, организованы производственные помещения для скота, созданы маслосырзаводы для переработки молока, улучшена кормовая база путем культурно-технических мероприятий. Однако бывшие кочевники продолжали вести отгонное животноводство, которое предполагало сезонные перекочевки скота. Такой вид хозяйствования в наибольшей мере соответствовал природно-климатическим условиям и историческим традициям ведения хозяйства коренного населения. Одновременно создавались объекты социально-культурного назначения, что вело к кардинальной трансформации быта бывших кочевников.

3.4. Сельское хозяйство в условиях становления колхозного строя (1933–1941 гг.)

С началом второй пятилетки (1933–1937 гг.) перед партийным руководством страны стояли новые задачи в области экономического развития. Было объявлено о начале следующего этапа коллективизации с целью дальнейшего объединения крестьянских хозяйств в колхозы, окончательная ликвидация кулачества как класса. XVII съезд ВКП (б), состоявшийся в январе – феврале 1934 г., утвердил программу развития сельского хозяйства на вторую пятилетку. В качестве главной задачи ставилось полное завершение коллективизации, организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, внедрение механизации.

В январе 1933 и в январе 1934 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) принимают законы, согласно которым каждому колхознику и единоличному хозяйству устанавливались фиксированные задания сдачи зерна с каждого гектара земли и в установленные сроки. Обязательная поставка не должна была превышать трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Оставшееся зерно после выполнения обязательной поставки разрешалось использовать по своему усмотрению. При этом ужесточалось законодательство за нарушение обязательств по сдаче. Хозяйства, продавшие зерно по заготовительным ценам, получали возможность покупать дефицитные промтовары на сумму, превышавшую стоимость сданного хлеба в 3 раза [История России 2001: 237].

Колхозное строительство. В Горном Алтае первоочередной задачей стало укрепление колхозной системы путем вовлечения крестьян в действующие коллективные хозяйства. С 1933 года рост количества колхозов в Ойротии стабилизировался. Рост коллективизации достигался за счет административного давления на единоличников. Правительство своим постановлением от 26 сентября 1934 г. повысило ставки налогов для единоличных хозяйств, одновременно ужесточая требования за выполнение государственных поставок. Это усилило вовлечение единоличников в колхозы [Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1983: 245].

К концу 1934 г. значительная часть площади земельного фонда находилась в пользовании колхозов, удельный вес их земель составил: 67,7 % всей пахотной площади в области, 60 % сенокосов, 42,6 % пастбищ [Госархив РА. Ф. Р–33. Д. 645. Л. 98]. Структура сельскохозяйственных угодий в 1930-е гг. оставалась малоподвижной.

К этому времени коллективизация в Горном Алтае, в целом, была завершена. За 1937–1941 гг. ее уровень возрос с 87,4 % [Кочевники 2020: 264] до 96,4 %. В 1941 г. в Горном Алтае действовали 283 колхоза, объединившие 17171 двор крестьян. К началу этого года в области работали 11 совхозов, из них 10 животноводческих, и функционировали 3 МТС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 17. Л. 5]. Таким образом, к началу 1940-х гг. сельское хозяйство Горного Алтая было полностью коллективизировано.

Становление материально-технической базы. Подготовка колхозных кадров. Обеспечение колхозов техникой и производственными помещениями являлось одной из главных задач колхозного строительства. Основная роль отводилась государственным машинно-тракторным станциям (МТС), которые оказывали постоянную помощь колхозам сельскохозяйственной техникой на договорной основе.

В 1932 г. была создана первая в области Онгудайская МТС, летом 1933 г. она имела уже 13 тракторов [Эдоков 1987: 183]. К 1933 г. в области были организованы 10 совхозов, которые планировалось превратить в крупные сельскохозяйственные объединения. В совхозы и колхозы стали поступать трактора и сельскохозяйственная техника. В 1936 г. на полях области работало 100 тракторов, 7 комбайнов, 26 сноповязок, 290 жаток, 987 сенокосилок. МТС

Майминском аймаке имел 32 трактора, обслуживал 14 колхозов [Эдиков 1987: 226]. В 1940 г. в Ойротии действовали уже три МТС, в них были сконцентрированы сельхозтехника и различный сельхозинвентарь [Очерки по истории 1973: 274–275; Демидов 1970: 199]. Увеличение технической и материальной помощи со стороны государства позволило коллективным хозяйствам области расширить свои посевные площади.

Однако механизация оставалась на низком уровне. В коллективных хозяйствах области в конце 1930-х гг. ощущался недостаток техники, в первую очередь – комбайнов и молотилок, их частый простой из-за поломок. При этом отмечалась слабая эффективность работы МТС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1193. Л. 9].

С возрастанием поставок техники и оборудования в колхозы и совхозы области, вставал вопрос о подготовке механизаторских кадров для обслуживания технического парка. Помимо механизаторов особенно остро ощущался недостаток в зоотехниках, ветеринарах, агрономах и экономистах. К концу 1933 г. в хозяйствах области числились 33 зоотехника, 35 агрономов и 40 ветработников. Но на каждого специалиста приходилось по 11–12 колхозов [Очерки по истории 1973: 229].

Учитывая создавшуюся обстановку, советские органы при совхозах, в аймачных центрах открывали различные краткосрочные курсы, семинары, агротехнические кружки, в которых изучали основы агрономии, ветеринарии и зоотехнии. В январе 1934 г. Ойротский обком ВКП (б) принял решение о реорганизации областных курсов в стационарную колхозно-животноводческую школу с двумя отделениями. На двухгодичном отделении готовили руководителей колхозов, животноводческих и полеводческих бригад, обучали счетоводов. На втором отделении велись пятимесячные курсы, на которых повышали квалификацию кадры массовых профессий. В мае 1935 г. в областном центре были открыты краткосрочные курсы председателей колхозов и счетоводов [Эдиков 1987: 190, 191]. В сентябре 1939 г. на базе Онгудайской межрайонной и областной колхозных школ начал работу учебный комбинат по подготовке колхозных кадров массовой квалификации. В 1939–1940 гг. было подготовлено 60 председателей колхозов, 26 заместителей председателей, 182 бригадира ферм, 105 доярок и пастухов [Очерки истории 1971: 176]. Одновременно увеличивалось

число обучающихся в вузах и средне-специальных заведениях за пределами Горного Алтая.

Сельскохозяйственное производство. Поступление в колхозы и совхозы новой техники, рост механизации, пополнение хозяйств подготовленными кадрами создавало условия для расширения посевных площадей в области (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика посевной площади в Ойротской автономной области (на 1 января), га

Категории хозяйств	1931 г.*	1936 г.	1939 г.
Совхозы, госхозы	7457	9653	11292
в том числе совхозы	2358	7532	8541
Колхозы	34431	53426	56450
Хозяйства населения	10336	3127	2231
Всего	52224	66206	69973

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 53. Л. 2.

* На июнь.

Расширение посевных площадей совхозов и колхозов происходило за счет наделов населения и путем вовлечения в пашню новых земель. Опережающими темпами росла площадь посевных земель в государственном секторе сельского хозяйства области. За 1931–1939 гг. доля совхозных земель в посевной площади выросла с 4,5 % до 12,2 %, доля колхозов – с 65,9 % до 80,7 %. Удельный вес площади посевов населения, соответственно, сократился – с 19,8 % до 3,2 %. Таким образом, к 1939 г. площадь пашни перешла в ведение колхозов и совхозов области.

Колхозы и совхозы области основное внимание уделяли расширению посевов, в первую очередь, кормовых культур и зерновых культур, которые имели кормовое значение [Республика Алтай в цифрах 2006: 119].

Население полностью переориентировалось на выращивание овощей и картофеля в своих хозяйствах. Основным источником их производства стали личные подсобные хозяйства, доля которых в 1939 г. составляла: по овощам – 76 % (532 га), по картофелю – 74,2 % (1656 га) посевных площадей, занятых под эти культуры [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 53. Л. 3, 4].

Поголовье основных видов скота
по Ойротской автономной области

Виды скота	Категории хозяйств	Июнь 1932 г.	Январь 1937 г.	Январь 1941 г.
Всего лошадей всех возрастов	Государственные и кооперативные хозяйства	3737	6509	11697
	Колхозы	37219	41277	54520
	Колхозники (скот индивидуального пользования)	7643	5450	2668
	Единоличники	26344	1065	63
	Рабочие, служащие и другие группы населения	...	2747	476
	Итого	74943	57048	69424
Всего крупного рогатого скота всех возрастов	Государственные и кооперативные хозяйства	13591	11191	12012
	Колхозы	46099	61110	80596
	Колхозники (скот индивидуального пользования)	14906	34606	18082
	Единоличники	20900	2391	424
	Рабочие, служащие и другие группы населения	...	10612	12202
	Итого	25496	109910	123316
Всего овец всех возрастов	Государственные и кооперативные хозяйства	2908	17751	15975
	Колхозы	97108	157364	266664
	Колхозники (скот индивидуального пользования)	23400	41864	16723
	Единоличники	24403	1158	143
	Рабочие, служащие и другие группы населения	...	1878	2120
	Итого	147819	220015	301625

Источник: Кочевники 2020: 263–264.

Важным итогом коллективизации и перехода к оседлости стало расширение полеводства в производственной структуре колхозов в национальных алтайских аймаках. В конце 1934 г. алтайские колхозы в национальных алтайских аймаках активно использовали пахотные угодья под посевы. В алтайских колхозах основной посевной культурой являлась пшеница, в меньшей степени – ячмень и овес. Подобная структура посевных площадей из этих трех культур сохранялась с дореволюционного времени вплоть до 1941 г. Полеводство в алтайских хозяйствах играло второстепенную роль, и было направлено на восполнение недостатка кормов для нужд животноводства. Другой важной задачей отрасли являлось обеспечение населения хлебом, его привозили из-за пределов области [Кочевники 2020: 246, 247].

Основным источником получения кормов в Горном Алтае являлись пастбищные, а также сенокосные угодья (см. приложение 4). Вклад пашни, сенокосов и пастбищ в обеспечение скота кормами в колхозах составлял 12,5 %, 60,0 %, 27,5 % соответственно. В русских хозяйствах второе место после сенокосов в обеспечении хозяйств кормами занимала пашня, в алтайских и казахских – пастбища. Русские хозяйства в большей степени были обеспечены кормами в сравнении с национальными – 28,0 ц/усл. гол. против 20,0 ц/усл. гол. Однако алтайские и казахские хозяйства восполняли недостаток кормов возможностями отгонного животноводства, при котором скот выпасался круглогодично, используя подножный корм.

Одним из серьезных просчетов в осуществлении коллективизации Ойротии в этот период было повсеместное насаждение земледелия. В принудительном порядке засеивалась пшеница в местах, непригодных в силу климатических условий для посева. В результате безрезультатно затрачивались финансовые и материальные средства, трудовые ресурсы [История Горного Алтая 2000: 191]. В итоге посевные площади под пшеницу с 1937 по 1940 гг. уменьшились – с 22,2 тыс. га до 17,3 тыс. га [Республика Алтай в цифрах 2006: 119].

В 1930-е гг. изменения происходили и в структуре животноводства области. После обвального сокращения поголовья всех видов скота во время форсированного этапа коллективизации, поголовье скота в Ойротии стало восстанавливаться (см. табл. 2).

Животноводческая отрасль в Горном Алтае после завершения этапа форсированной коллективизации имела противоречивую динамику. Количество поголовья лошадей сокращалось, тогда как по КРС и овцам – возросло. В период 1933–1941 гг. в колхозы вступило почти все сельское население области. Единоличный сектор уже

к 1937 г. стал занимать мизерную долю по количеству поголовья скота. Уменьшалось количество скота в хозяйствах населения при постоянном увеличении поголовья в колхозах и в государственных хозяйствах. Росту поголовья скота в колхозах и совхозах области способствовала работа по улучшению породы скота. Благодаря принятым мерам, возросла продуктивность общественного животноводства.

В национальных алтайских аймаках индивидуальные хозяйства алтайцев и национальные алтайские колхозы в районах ведения полукочевого и кочевого хозяйства, продолжали ориентироваться в своей деятельности на коневодство и овцеводство, несмотря на оказываемую поддержку государством мясомолочному животноводству. Основным лимитирующим фактором в организации скотоводческого хозяйства населения Горного Алтая являются природно-климатические условия, и отгонное скотоводство представляет собой наиболее рациональную систему организации животноводства, при которой животных в течение года содержат на сезонных пастбищах, перегоняя их с зимних на летние пастбища. Отгонное животноводство позволяет использовать при минимальных трудозатратах дешевые корма пастбищных угодий, не истощать местные пастбищные ресурсы. В Горном Алтае, в зонах среднегорья и высокогорья традиционно скот в холодное время года выпасался на зимних пастбищах, находясь на подножном корму. В теплое время года скот отгоняли в высокогорья на летние пастбища.

Так, в 1935–1936 гг. из 107 колхозов, расположенных в четырех национальных аймаках: Онгудайском, Усть-Канском, Улаганском, Кош-Агачском, 85 колхозов вели тебеневочное содержание скота (на зимних пастбищах). В целом по области к середине 1930-х гг. выпасалось на зимних пастбищах 45,6 % поголовья КРС, 89,0 % поголовья лошадей, 92,3 % поголовья овец и коз [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 923. Л. 23].

Отгонное скотоводство являлось отличительной региональной особенностью Ойротии. Его сохранение и дальнейшее развитие обусловили, наряду с природно-климатическими условиями и историческая преемственность хозяйственного развития, трудовые навыки и опыт коренных жителей.

Среди основных задач колхозного строительства являлось не только объединение крестьянских хозяйств в коллективные

хозяйства, но и организация работы в колхозах, создание условий для его роста и обеспечения кадрами.

Материальное положение колхозов. Государство оказывало материальную поддержку колхозам области. 17 февраля 1935 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) утвердили совместным постановлением «Примерный устав сельскохозяйственной артели», разработанный Колхозцентром и одобренный Наркоматом земледелия СССР. В соответствии с его положениями краевые власти приняли постановление об освобождении 114 национальных колхозов Горного Алтая от обязательных поставок зерна и картофеля государству на 1935 год. При этом колхозы Кош-Агачского и Улаганского аймаков полностью освобождались от поставок молока. На трудодни стали выдавать овец, коров, лошадей. Однако, несмотря на предоставляемые льготы, многие колхозы оставались экономически слабыми. Колхозники, получая скот по трудодням, нередко забивали его на продовольственные нужды. Каждое десятое хозяйство не имело скота [История... 2000: 191].

С укреплением колхозного строя возрастала товарность коллективных хозяйств. В Ойротии животноводство оставалось главным направлением сельского хозяйства Горного Алтая, и основным источником доходов в отрасли. В структуре доходов от животноводства основное место занимали мясозаготовки – как в русских, так и в алтайских хозяйствах [Кочевники 2020: 249]. Основной объем денежных доходов поступал колхозам через обязательные поставки государству продукции животноводства. В 1939 г. доход от животноводства в Ойротии составил 53,6 % от общего прибыли или 15,8 млн. руб. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1194. Л. 12]. Основной объем продукции мясомолочного животноводства колхозов сдавался государству. Значительная часть мяса и молока поступала на рынок [Кочевники 2020: 250]. Колхозы Ойротии активно вовлекались в экономическую систему государства.

Доходность русских хозяйств была выше, чем алтайских благодаря развитию мясомолочного животноводства и близости к рынкам сбыта. Если в русских колхозах уровень доходности составлял 684 руб., то в алтайских – 520 руб. [Госархив РА. Ф. Р–33. Д. 645. Л. 121].

Доходы от сдачи и реализации валовой продукции колхозов распределялась по следующим статьям расходов: на налоги

и сборы, на распределение продукции и денежного дохода по трудодням, на производственные расходы, административно-хозяйственные расходы, отчисления на пополнение неделимого фонда, дополнительные отчисления на погашения ссуд, расходы на социально-культурное строительство. Трудодни формировались по принципу сдельной системы оплаты труда.

К этому времени вопросы совершенствования организации труда в колхозах, в целом были разрешены. Основной производственной единицей в колхозах Ойротии, как и по всей стране, являлась бригада, которая производила основные сельскохозяйственные работы по плановым заданиям, на основе разделения труда. В Уставе сельхозартели, принятом в 1935 г., организация производственных бригад становилась обязательной для всех колхозов страны. Бригаде назначались плановые задания. К середине 1930-х гг. организационная производственная структура в колхозах Горного Алтая приобрела постоянный характер.

Заметную роль в формировании доходности играли заработки вне колхоза. Например, в колхозах Улаганского аймака в 1938 г. они принесли доход на сумму 186,7 тыс. руб., или 14,7 %, больше, чем от торговли на колхозных рынках [Каташев 2019: 78, 79]. Избыток трудоспособного населения высвобождался путем организованного отхода в промышленное производство и на промыслы. В результате производственная структура оптимизировалась, уплотнялся рабочий график. Колхоз получал льготы за предоставление организованной рабочей силы на нужды промышленного производства и промыслы [Кочевники 2020: 255].

До лета 1939 года существовала невыгодная животноводческим хозяйствам, каковыми являлось большинство хозяйств Горного Алтая, система заготовительных цен. Она не создавала материальных стимулов у колхозников. В 1939 г. область была включена в список высокогорных районов. В итоге колхозам области были доведены новые зональные нормы сдачи продукции. При расчете с государством по обязательным поставкам разрешалось заменять зерно мясом, что облегчило положение хозяйств. В целях повышения колхозами поставки сельхозпродукции государству СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли в июле 1939 г. постановление «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах». В соответствии с указанным актом существовавшая до этого система мясopоставок по числу поголовью скота на

колхозных фермах отменялась, и устанавливалось исчисление мясopоставок с каждого гектара. Новый погектарный принцип поставок способствовал повышению отчисления сельхозпродукции государству, хозяйства области с большим напряжением выполняли план заготовок [История Горного Алтая 2000: 191–192].

Изменение условий жизни сельского населения. Успехи экономического роста социалистического сектора сельского хозяйства были обусловлены как материальной поддержкой государства, так и широким применением административных и чрезвычайных мер. Обратной стороной внешних успехов оставался невысокий жизненный уровень самих колхозников, о чем сохранились многочисленные документальные свидетельства [История Горного Алтая 2000: 190–193; Горный Алтай: история социального развития 2007: 88–92; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 681. Л. 94, 161, 162].

В 1933 г. доведенные до отчаянного положения часть населения Кош-Агачского аймака готова были уйти за границу. Органами ОГПУ фиксировалось «наличие значительного роста эмиграционных настроений» среди алтайского и казахского населения, готового уйти в Китай» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 681. Л. 16–20].

В Ойротии жизненный уровень жителей села оставался низким и во второй половине 1930-х гг., об этом ярко свидетельствуют материалы правоохранительных органов. В 1936 г. подследственный М., обвиняемый как участник контрреволюционной организации, сообщал о жизни сельского населения области следующее: «Крестьян почти всех загнали в колхозы, говорили, что будем хорошо жить, а на самом деле сейчас хуже, чем раньше жили, налоги берут больше, самим за свои труды ничего не остается, вот если взять колхозников как они живут, сидят без обуви, без одежды, без денег. В колхозах имеется много скота, а мяса колхозники не видят, так как скот резать не разрешают, мясо, молоко, масло все отдай государству, а себе ничего не остается, при этой власти положение крестьян нисколько не улучшается, а наоборот все будет хуже» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 872. Л. 125, 123; Горный Алтай: история социального развития 2007: 88–92].

Особенно плачевное положение наблюдалось в экономически слабых колхозах. Даже если колхозник вырабатывал большинство

трудодней, он получал меньше продуктов и денег, чем в более богатых колхозах [Горный Алтай: история социального развития 2007: 89].

Сокращалась выдача зерна по трудодням. В 1937 и в 1938 гг. в области ни один колхоз не смог полностью рассчитаться с колхозниками по трудодням. В некоторых колхозах в счет трудодня выдавали авансом калоши, керосин, чай, мануфактуру, даже выписывали газету. В последующие годы размер выдачи зерновых на трудодень, и его цена продолжала сокращаться [Горный Алтай: история социального развития 2007: 89].

Основным подспорьем в поддержании жизненного уровня крестьянства оставались личные хозяйства. В 1939 г. их доля в животноводческой продукции по стране составила 67,9 %, из которой 20–25 % продавалось на рынке, остальная часть шла на личное потребление.

Причиной неудач и ошибок в сельском хозяйстве, объявлялись вредительство и саботаж «кулаков», «стремившихся подорвать колхозную экономику». Этим обстоятельством власти объясняли трудности колхозного строительства. Любая неудача в производственной деятельности сразу расценивалась как «саботаж» и «вредительство». Повсеместно выявлялись «контрреволюционные вредительские ячейки», созданные «кулацко-вредительскими элементами».

С завершением коллективизации и массового раскулачивания репрессивная политика вышла на новый этап. После пережитого страной голода 1932–1933 гг. особое внимание отводилось «преступлениям», связанным за неспасение хлеба государству или его продажу по ценам «черного рынка», уклонение от государственных заданий, за халатность и бесхозяйственность, которые квалифицировались как умышленное вредительство и др.

К обвиняемым по таким фактам применялись статьи Уголовного кодекса, предусмотренные за «преступления против порядка управления» и за «должностные нарушения». При рассмотрении дела в суде, в первую очередь устанавливалось социальное происхождение обвиняемого. Если его прошлое оставалось «чистым», привлекали к небольшому сроку заключения. Но если обвиняемый принадлежал к «классово-чуждым» слоям – бывшим кулаком, лишенцем, или в прошлом – бандитом, или

военнослужащим колчаковской армии, по отношению к подсудимому выносились, как правило, суровые приговоры, максимальные сроки заключения в концлагерях. Во время уборочной кампании приговоры систематически публиковались в местной печати.

Так, в феврале 1934 г. за посев хлеба несортированными семенами на небороненной земле механизатор сельхозартели «Герой труда» Николай К. Элекмонарского района из числа «бывших кулаков-эксплуататоров» был приговорен к расстрелу.

Невыполнение плановых заданий, ненадлежащее выполнение рабочих обязанностей теперь приравнивалось к антигосударственным деяниям и расценивалось как саботаж. Жесткими мерами власти заставляли принять крестьян новые порядки. В октябре 1934 г. во время уборочных работ наказания провинившихся носили публичный характер с широким освещением в печати. Для этой цели во время кампании по хлебосдаче в селах области работали выездные сессии областного суда и проводили показательные процессы. Так, 18 октября по решению выездных сессий, которые проходили в селах Манжерок и Шебалино, выносились приговоры за «злостный саботаж» по уборке и сдаче хлеба. В Манжероке был осужден Демьян Ш., который являлся уполномоченным сельсовета по хлебосдаче. Свою работу он выполнял «не надлежащим образом» – не обеспечил единоличников заданиями, при этом не убрал свой посев. Вскоре выяснилось, что уполномоченный ранее был кулаком (имел двухэтажный дом, 23 коровы, 6 лошадей и др.). В результате он был приговорен к 5 годам лишения свободы. В с. Шебалино был осужден машинист О. из колхоза «Путь Ленина». Ему вменялось в вину систематическое невыполнение нормы выработки на посевной, хлебоуборке и хлебосдаче. К тому же он «вел кулацкую агитацию» среди колхозников против хлебосдачи. Поэтому О. был привлечен по ст. 58-1 и приговорен к 5 годам лишения свободы.

Привлекались к ответственности за срыв заданий по хлебозаготовкам и председатели колхозов. По сообщению облпрокурора Гольдберга, в октябре 1934 г. были отданы под суд по ст. 58-14: председатель колхоза им. Алферова, председатель колхоза «Память Ленина» Александровского сельсовета, которые располагались в Ойрот-Туринском аймаке.

Суровые приговоры выносились и единоличникам. 21 октября народный суд рассмотрел дело в отношении единоличника

из с. Малая Черга Шебалинского аймака Семена С. Последний, при подготовке сдачи хлеба по государственному заданию, засыпал мешок галькой и песком – почти на 20 кг. В итоге в течение суток дело было рассмотрено и вынесен приговор – 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Строго наказывались крестьяне и за продажу, обмен хлеба на «черном рынке», или за спекуляцию. Виновные за такие деяния привлекались по ст. 107 Уголовного кодекса, наказание предусматривало не менее 5 лет лишения свободы. Так, в октябре 1934 г. были осуждены по ст. 107 УК колхозники Вдовин и Ефимов (продали 45 пудов хлеба в обмен на 2 коровы), Шарков и Полешук (продали хлеб и купили амбар) – все из Ойрот-Туринского аймака [Политические репрессии 2017б: 106–107].

В Ойротии процесс колхозного строительства сопровождался высылками зажиточного крестьянства и байства, нелояльных лиц. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и Совнаркома, из Ойротской автономной области весной 1936 г. были выселены 300 семей «кулацко-байского и бандитского элемента» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 887. Л. 9–10]. В результате репрессий в 1937–1938 гг. были арестованы и осуждены, сняты с работы опытные руководящие работники. На смену им приходили новые люди, не имевшие достаточного опыта и знаний. К 1939 г. по области было сменено 117 председателей колхоза и 149 заведующих фермами. Из 321 руководителей колхоза 53 % работали до года и только 6 % – свыше пяти. Политика репрессии в регионе продолжилась и в 40-е годы XX в. [Очерки истории 1971: 176]. Как и в последующие периоды, в основном пострадало крестьянство, из 5750 арестованных в 1929–1946 гг. крестьяне составляли 3773 человека [История Горного Алтая 2000: 190].

В течение 1930-х гг. сельское хозяйство Ойротии было полностью коллективизировано. Если в 1933 г. в колхозы вступило около половины всех индивидуальных хозяйств, то к 1941 г. – почти все индивидуальные хозяйства были коллективизированы. Процесс коллективизации был тесно связан и взаимообусловлен с мероприятиями по переводу кочевого и полукочевого населения к оседлости. Коллективизация ускорила оседание кочевого и полукочевого населения. В свою очередь, переход к оседлому образу жизни в стационарных населенных пунктах создавал условия для объединения кочевых хозяйств в коллективные формы

хозяйствования. Большая часть национальных колхозов в районах, где население вело кочевой и полукочевой образ жизни, продолжали вести свое хозяйство на основе сезонных перекочевок скота. Отгонное скотоводство оставалось ведущим элементом в системе традиционного природопользования алтайского и казахского населения. Животноводство являлось главным источником доходов в экономике колхозов, как русских, так и алтайских. Продукция животноводства сдавалась в обязательном порядке государству, что стало основным источником доходов колхозов. Со временем колхозы области включались в общую экономическую систему государства.

Укрепление колхозного строя сопровождалось ухудшением материально-бытовых условий жизни сельского населения. Вследствие принудительной продажи сельскохозяйственной продукции по невысоким закупочным ценам, устанавливаемых государством, колхозники имели небольшие доходы и лица, которые выражали недовольство и неприятие новых порядков, подвергались уголовному преследованию и высылке. Подобными мерами власти стремились заставить крестьян принять новые порядки.

Колхозное производство быстро подверглось огосударствлению. К концу 1930-х гг. колхозы стали составной частью планово-централизованной системы мобилизационной советской экономики. Преобразования в аграрной сфере носили форсированный характер, они привели не только к изменениям в экономической сфере, но и повлекли за собой трансформации быта и жизнедеятельности коренного алтайского населения. В жизни коренного населения наступили кардинальные перемены, которые определили дальнейший путь исторического развития алтайского народа.

3.5. Изменения в быту населения

После Октябрьской революции сложный процесс политических, экономических и социальных преобразований сопровождался активной борьбой со старыми традициями и введением новой идеологии, новых представлений и ценностей. В 1920-е гг. была провозглашена политика в культуре, получившая название «культурная революция» и предполагавшая комплекс мер, направленных на формирование нового человека. Не последняя роль в этом отводилась быту и досугу. Объявлялась непримиримая

борьба с религиозными обрядами, существовавшим неравноправием полов. Декларация равенств мужчин и женщин уже в первых декретах советской власти, а затем в первой Конституции РСФСР (1918 г.), рассматривалась как условие для последующего решения всех проблем, связанных с низким, по мнению большевиков, социальным положением женщины.

Изменения в быту. Наиболее существенную часть домашнего труда у женщин составляло приготовление пищи. В середине 1920-х гг. в Сибири система учреждений массового общественного питания практически отсутствовала. В 1927 г. при Сибкрайисполкоме создан краевой комитет содействия народному питанию, который возглавил работу по расширению сети общепита. В 1926 г. по всей Сибири насчитывалось всего 32 столовых [Букин, Исаев 2007: 29]. Постепенно создается сеть учреждений по обслуживанию быта и в Горном Алтае. Так, в 1937 г. в Ойрот-Туре работало 8 общественных столовых, 10 буфетов и чайных, открыто 36 магазинов [Горно-Алтайский хронограф 2003: 70].

Успехи советской власти в сфере обеспечения населения новым жильем оставались скромнее. Тяжелое положение с жильем наблюдалось во всех регионах России. Дома индивидуальной застройки являлись основным типом жилых строений в сибирских регионах. Проживание в собственном доме, как правило, сопровождалось организацией подсобного хозяйства, которое обычно включало: огород, содержание домашних животных и т.п. В начале 1920-х гг. Улала представляла собой деревню с деревянными постройками, огражденными плетнем или жердями. Большая часть домов не имела двойных рам, исправных печей и зачастую даже стекол в рамах. На 1 января 1923 г. в Улале числились 482 домохозяйства, преобладали дома, состоящие из одной и двух комнат. В целом, по Улале на одного жителя приходилось 2,7 кв. м жилого помещения, и лишь с присвоением статуса города норма жилой площади на одного человека была установлена в 6 кв. м., на деле составляя лишь половину [Захарова 2015: 93, 94].

Жилища сибиряков в редких случаях обладали коммунальными удобствами. Индивидуальные дома в лучшем случае обеспечивались электроосвещением и водоснабжением в виде водоклонок на улице. Электрическое освещение имели примерно 90% домов обобщественного жилого

фонда. Значительно хуже дело обстояло с водопроводными и канализационными сетями [Букин, Исаев 2010: 171]. В 1924 г. в Улале началась электрификация. Электроэнергию от небольшой электростанции мощностью 30 кВт получали лишь некоторые госучреждения. На бытовые нужды населения электроэнергия не отпускалась. Для обеспечения качественной питьевой водой в 1927–1928 гг. планировалось построить 10 колодцев [Захарова 2015: 115, 116]. Строительство водопровода в Улале началось 17 июля 1927 г. К концу 1936 г. в областном центре действовала водопроводная сеть общей протяженностью 1,7 км. В этом же году строители сдали в эксплуатацию первый в городе трехэтажный благоустроенный дом, так называемый Дом специалистов (современный адрес – ул. Социалистическая, 18). В двух верхних этажах этого здания оборудовали 12 жилых квартир с водопроводом и канализацией. Отопление первоначально было печное [Город любимый 1998: 141].

В дальнейшем в областном центре появились многоэтажные и многоквартирные дома, водопровод, построены электростанции, Дом Советов, Дом культуры, кинотеатр, гостиница, ресторан, две бани, магазины, ряд школ, педучилище, областная больница, роддом, госбанк, сельхозбанк, типография, пивоваренный завод, пожарное депо и другие культурно-бытовые учреждения [Город любимый 1998: 71–76].

После отмены частной собственности все купеческие дома, лавки, магазины, заводы были муниципализованы и распределены под советские учреждения, некоторые передавались в арендное пользование госслужащим, описаны случаи взимания арендной или квартирной платы с бывших домохозяев, в случае если они остались проживать в собственных амбарах и других надворных постройках. Аймаки области в жилищной сфере представляли город в «миниатюре». «Постройки аймачных центров еще более жалки, чем постройки Улалы ...» – описывал уполномоченный по коммунальному хозяйству Воронков. Для благоустройства населенных пунктов катастрофически не хватало денежных средств. Так, в области в 1936 г. отсутствовали канализация, водопровод, асфальтированные улицы [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 621. Л. 5].

Власти предпринимали меры для улучшения жилищно-бытовых условий. Например, в 1938 г. намечалось построить по одному коммунальному 3-х квартирному жилому дому для аймачных

работников, достроить и оборудовать общественные бани. А в Кош-Агаче построить заезжий дом (гостиницу) и электрифицировать аймачный центр [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 21. Л. 96].

Изменения во всех сферах жизни привели к утверждению новых праздников, соответствующим идеям социалистической революции. Революционные праздники, народные празднества получили государственную санкцию, приняли узаконенный характер. Утвердился праздник – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, всенародный характер приобрел Первомай. Весной 1918 г. Совет Народных Комиссаров установил первые официальные праздники: 1 января – Новый год, 12 марта – День низвержения самодержавия и 18 марта – День Парижской коммуны. В дальнейшем устанавливались другие официальные праздники: День Красной Армии, 8 Марта и др. Постепенно стало уменьшаться количество религиозных праздников. В 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР сократили число нерабочих религиозных дней с десяти до восьми [Кампарс, Закович 1967: 12].

Со временем появляются другие праздники, например, трудовые праздники. В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 7 апреля 1934 г. о проведении ряда конкурсов сельсоветов на лучшее проведение хозяйственных мероприятий в Ойротской области 1 июля 1934 г. отметили праздник животноводства. Праздник проводился путем организации аймачных и внутриаймачных смотров-выставок по животноводству лучших аймаков, сельсоветов, колхозов, ударников животноводства, давших образцовые показатели по росту животноводства и качественному его улучшению [Кочевники 2020: 402].

Постепенно население стало понимать советские праздники и праздновать их чаще, чем церковные. Но полного отказа от церковных праздников не произошло. Определённая часть населения сохраняла приверженность к той или иной религии, а следовательно, к обрядовой стороне.

Неотъемлемой частью социалистического быта становились физкультура и спорт. Физкультурное движение получило при введении единой спортивной классификации «Готов к труду и обороне». Проводились массовые забеги, заплывы, походы. Началось массовое строительство спортивных площадок и стадионов. В 1923 г. в Улале появляется общество «Динамо». Спустя год в области открываются спортивные кружки: шахматный, гимнастический,

велосипедный, лыжный, конькобежный, стрелковый и др. Их работу возглавили областной и районные Советы физической культуры (СФК). Постановление январского (1928 г.) пленума обкома партии, сделавшего главный акцент на «перевод кочевого и полукочевого населения на оседлость», без чего невозможны были «приобщение алтайцев к социалистическому строительству, перестройка их хозяйства, культуры и быта» не была забыта и роль физической культуры и спорта.

Первые итоги внедрения в Горном Алтае системы физического воспитания физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» подвела физкультурная спартакиада, посвященная 10-летию Ойротской автономной области, в которой приняли участие спортсмены Бийска, Бурятии, Хакасии, Тувинской Народной республики, Монгольской Народной республики.

В 1935 г. в физкультурно-массовой работе появилась новая форма организации трудящихся – система добровольных спортивных обществ (ДСО). Их появление в области («Динамо», «Спартак», «Трудовые резервы», «Урожай») способствовало укреплению коллективов физической культуры, развитию новых видов спорта, содействовало подготовке молодежи к военной службе, сдаче норм на оборонные значки (ГТО, ГСО, «Ворошиловский стрелок» и др.). В этом же году обком комсомола вынес решение о создании спортплощадки на центральных усадьбах совхозов и в крупных колхозах, а также организовать физкультурно-оздоровительную работу в пионеротрядах и на детплощадках [Ельдепов 2007: 13, 14].

Изменились культурные запросы и семейный досуг: радио, газеты, книги, кино стали потребностью почти в каждой семье. В квартирах появляются радиоприемники, картины, библиотечки, выписываются газеты и журналы. Внедряется в быт кочевников основы здорового образа жизни.

Так, например, в 1936 г. в среднем каждый колхозный двор выписывал по 1–2 экз. газет и других периодических изданий [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 937. Л. 33].

Изменения в быту алтайского населения. Переход к оседлости сопровождался ломкой существовавших обычаев алтайцев: основным типом жилища становится рубленый деревянный дом, пришедший на смену юрте. Однако в условиях отгонного животноводства, на летних стоянках она еще оставалась

основным типом жилища. Со временем айлы утрачивали и эту функцию, превращаясь в подсобное помещение. Замена юрты избушкой подрывала традиционные взгляды на жилище с неизменным очагом в центре и четким разделением айла на мужскую и женскую половины, с установленным порядком размещения продуктов и предметов обихода. Появилась проблема освоения нового жилища: женщина-алтайка не могла понять, как могут быть размещены предметы обихода, находящиеся в пользовании мужчин и женщин, и каким образом определить мужскую и женскую половины [Захарова 2008: 8].

С изменением материального благосостояния и повышением количества выпускаемой промышленностью продукции изменилось внутреннее убранство жилищ. В домашнем быте появляется покупная мебель и посуда. Из домашнего быта исчезают сундуки, скамьи и другие предметы обихода. Их заменили трюмо, буфеты, платяные шкафы, диваны, кровати, столы. В 1930-е гг. в быт вошли фаянс, стекло, эмалированная и металлическая посуда и др. Отпала необходимость заниматься изготовлением кожаной посуды, выделывать овчины, шить на всю семью одежду и обувь. В это же время возникли сложности с приготовлением традиционной пищи, поскольку алтайская женщина не всегда знала, как обращаться с печью, зачастую не понимала назначение некоторой посуды.

Начавшаяся культурная революция затронула вопрос о внешнем облике советского человека. Наиболее распространенной мужской одеждой были рубаха с отложным воротником, заправляемая в брюки, гимнастерка, пиджак, кепка. Костюм женщин и молодых девушек чаще всего состоял из юбки с кофтой. Знаковыми атрибутами становились красная косынка и кожаная куртка, ношение которых выражало приобщение к соответствующим идеалам и ценностям [Соболева 2018: 22]. Население переходит на ношение готовой покупной одежды. Так, из алтайской одежды были сохранены мужская, женская и детская шубы (*тон*) и головной убор (*бөрүк*).

Произошли и изменения в рационе традиционного питания алтайцев, который стал значительно разнообразнее. Кроме мясных и молочных продуктов, в пищу входят булочные и кондитерские изделия, сахар, различные крупы, консервы. В связи с развитием огородничества, садоводства и птицеводства рацион питания пополняется новыми питательными и ценными блюдами. Наряду с

новыми блюдами сохраняются традиционные блюда и напитки: *көчдө, кан, жөргөм, чеген, аарчы, курут, быштак, каймак*, и др. В области с 1933–1939 гг. увеличилось душевое потребление основных товаров: по хлопчатобумажным тканям – в 3,2 раза, по готовому платью – в 2 раза, по обуви – в 4,2 раза, по хлебу-муке, макаронам и крупе – в 7,3 раза [Батасов, Рампопорт 1939: 25, 26].

Трансформации имели место и в области семейного быта. Начался процесс разрушения обычно-правовых норм традиционной алтайской патриархальной семьи, пересмотра запретов и ограничений в семейно-брачной сфере, что естественным образом оказало влияние на изменения в свадебные обрядности.

Как пережитки прошлого исчезают обычаи: левират (когда вдова имела право выйти замуж за младшего брата мужа), брак девушки с малолетним мальчиком, калым (выкуп, выплачиваемый за невесту), брак с похищением невесты, многоженство. Утрачивает свое значение экзогамия (запрет браков между лицами, принадлежащих к одному сеоку/роду).

В свадебный обряд были тоже внесены новшества: регистрация брака в сельсовете или ЗАГСе, присутствие свидетелей, молодежная свадьба [Чочкина 2004: 86]. Кроме того, отмечалось, что в алтайских селениях появились случаи заключения браков между парнем и девушкой одного рода. В связи с переходом из айлов в избы повсеместно прекратилось строительство новых традиционных айлов. Свадьба (*той*) проводилась не в юрте, а в доме. Изменения коснулись и алтайской свадебной церемонии, например, обычай закрывать лицо невесты свадебной занавеской *көжжөгө*. Если невеста на свадьбе надевала *чегедек* (верхней одежды замужней женщины), который затем носила всю жизнь, то в последующем произошел отказ от национальной одежды (особого свадебного наряда) [Тадьшева 2019: 327–329, 333].

Сокращение поголовья скота повлияло на размеры выплаты калыма. Калым (*шаалта*) сократился до маленьких размеров или же стал исчезать совсем. Тем не менее, обычаи продолжали существовать на уровне семьи [Енчинов 2012: 33].

Появление колхозов повлияло и на хозяйственные традиции, если ранее при отгоне скота на летние пастбища семья кочевала вместе, то в новых условиях семья должна была оставаться в селе [Енчинов 2008: 121].

В средствах массовой информации очень часто публиковались материалы, посвященные новому быту. Так, в 1924 г. в Усть-

Кане отпраздновали первую «красную», т. е. комсомольскую свадьбу [Красная свадьба 1924: 3]. В с. Бирюля состоялись «красные» октябрины, новорожденную девочку назвали Розой в честь революционного деятеля Розы Люксембург [Лабазов 1924: 2]. А в Онгудае провели комсомольские похороны [Филатов 1924: 2]. Через газету с населением проводилась разъяснительная работа о том, какие виды наказания предусмотрены советским законодательством за традиционные обычаи (калым, многоженство и др.) [Раскрепощение женщины 1924: 2].

Внедрение социалистического быта в алтайскую семью характеризовали новые взгляды и мировоззрение людей. В изменившихся условиях кроме обычных национальных имен стали давать русские и иностранные имена. В связи с происходящими знаковыми событиями в стране стали появляться новые, необычные имена, как например, Коммунист, Инженер, Сталина, Делегат, Пионер, Танкист [Екеев 2015: 370].

Многие обычаи и обряды за годы Советской власти были трансформированы или утрачены. Например, все реже соблюдались обряды, связанные с рождением ребенка, такие ритуалы, как: положение в колыбель («кабайга салганы»), имянаречение («ат адаганы»), той – «праздник густой перловки» («койу кёчё»), с открытием родильных домов постепенно исчезают повитухи – *кин эне* [Чочкина 2004: 85; Енчинов 2008: 271].

Алтайскую колыбель «кабай» также постепенно заменялась колыбелью русского образца, выполненной из новых материалов.

Наряду с происходящим, традиционный уклад жизни и культура алтайцев претерпевали трансформацию и адаптацию к новым реалиям. Трансформация быта алтайцев сопровождалась кампанией по вытеснению из общественной жизни элементов их материальной и духовной культуры.

Проводились кампании по ликвидации *чегедека*, *кедьеге* (косички на голове мужчины), старинной домашней утвари, жилища (*чадыр*, *агаиш-айыл*), культовых предметов. По существу, эти акции означали навязывание им нового, чаще европейского уклада жизни [Екеев 2018: 24]. Через совет колхоза и общее собрание населения ставились вопросы о выселении камов и других представителей религиозного культа из района колхоза, об уничтожении идолов и снятии амулетов, о снятии женщинами алтайками *чегедека*, об отказе от религиозных праздников и обрядов.

Власти ограничивали роль и влияние знатных родовичей и зажиточных слоев. Репрессиям подверглись бывшие родовые старосты (зайсаны), религиозные служители – шаманы (камы) и ярлыкчи; они лишались избирательных прав, а их имущество конфисковалось [Кочевники 2020: 403]. Кроме того, поощрялась публикация заявлений в областной газете «Кызыл Ойрот» об отказе от звания кама и ярлыкчи. Было признано возможным устройство судебных процессов над камами, если в их деятельности имелись доказанные факты принесения вреда хозяйству и здоровью людей [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 460. Л. 49].

Об изменениях в жизни недавних кочевников-алтайцев свидетельствуют материалы научной экспедиции Центрального Антирелигиозного музея и Московского государственного университета. В 1940 г. экспедиция обследовала несколько колхозов в селах Элекмонарского (Эдиган, Каинзара, Куюс) и Онгудайского (Ороктой) районов. В отчете экспедиции отмечается, что вместо разбросанного расселения отдельными юртами, алтайцы стали жить крупными селениями. Старые конические айлы сохранились лишь как летнее жилище, наряду с которым у каждого колхозника есть теплая зимняя изба. В айлах стало гораздо чище. Алтайская одежда встречалась редко. Обычай ношения *чегедека* в обследованных районах был совершенно оставлен (только одну «старуху» встретили в *чегедеке*). Стирка белья, умывание, мытье посуды, прочно вошли в быт. Также отмечалось, что религиозные верования сохранились слабо. Как правило, верований не придерживались как русская, так и алтайская молодежь. Только среди лиц пожилого возраста было немало верующих, но и из этого поколения многие относились к старым поверьям и обрядам иронически. «... Очень редко встретишь в айлах предметы старого культа: священные ленточки на шнурках (*яйки*) и др. Несколько чаще встречаются иконы у крещенных алтайцев и у русских, но и к ним нет уже прежнего почтения ...» [Кочевники 2020: 404].

Итак, происходила замена традиционного быта, новым советским. Проводилась государственная кампания по созданию, детальной разработке и внедрению новой гражданской, безрелигиозной обрядности вместо традиционной, тесно связанной с религией. В довольно короткое время были разрушены традиции, образ жизни кочевого населения, что впоследствии привело к размыванию культуры. По мере втягивания населения

в экономическую и культурную деятельность всего общества, традиционные, локальные культурные ценности теряли свое значение и все большую роль начинали играть единые культурные нормы и ценности. Традиционную культуру в результате трансформации, вызванной культурной революцией, в определенной мере заменили новые формы советской культуры.

Работа среди женщин. Борьба с «вредными», по мнению власти традициями и пережитками в семье и обществе, стала одним из основных направлений политики государства. Ведущая роль в этом процессе отводилась женщинам. Государственная политика в отношении женщин в первые десятилетия советской власти была подчинена политическим, экономическим и социальным задачам развития страны. Создание социальной инфраструктуры являлось одним из условий извлечения женщин из узкой сферы семейных отношений.

Работа среди женщин в Горном Алтае начинается после создания уезда. В приобщении женщины к общественной жизни сыграли огромную роль Женотдел Ойротского обкома партии, женские организаторы райкомов партии и делегатские собрания женщин, созданные при партийных ячейках, а также комитет по улучшению труда и быта женщин.

Основную роль в организации работы среди женщин сыграл отдел по работе среди трудящихся женщин, созданный при обкоме РКП (б) во главе которого долгое время возглавляла К.И. Зыкова. Используя разнообразные формы и методы работы: передвижные – делегатские собрания, в том числе кочевые, кочевые агитаторы, аймачные (районные) и кустовые конференции и собрания женщин по урочищам отдел по работе среди женщин проводил последовательную политику вовлечения женщин в общественную, социальную, культурную работу.

Особое внимание уделялось работе среди коренного населения. Налаживанию работы среди женщин-алтаек мешал ряд факторов: традиционное положение женщины в семье, низкий уровень владения русским языком, разбросанность селений, труднодоступность и отдаленность территории, кочевой образ жизни алтайского населения. Проблема нехватки кадров для работы среди коренного населения стала решаться во второй половине 1920-х гг. В ноябре-декабре 1927 г. были организованы двухмесячные курсы и обучено 26 чел.: 15 алтаек обучалось в местной совпартшколе, 11

– на педагогических курсах в Улале. В 1928 г. в трёх национальных аймаках (Улаганском, Усть-Канском, Онгудайском) планировалось организовать двухмесячные «курсы алтаек с общежитием». В программу курсов должны были войти политграмота, вопросы естествознания и практической работы: кройка и шитьё, готовка пищи, уход за ребёнком [Захарова, Яковлева 2019: 34].

Многие женщины-алтайки стали активными агитаторами за новый образ жизни. Так, Кичиней Тужемеева, с 1932 г. работающая председателем Елинского сельского совета Онгудайского аймака (член Запсибкрайисполкома), с членами культурно-бытовой секции сельсовета сама обходила новые избы колхозников, учила мыть полы, топить печи и готовить пищу, звала неграмотных на ликпункт. «... Под её руководством селение Ело выросло в хорошее колхозное село. Выстроена образцовая школа, ясли, изба-читальня, общественная баня, фельдшерский пункт ... многие колхозники живут в избах, готовят обед в русской печи, имеют эмалированную посуду, кастрюли, чайники, сковороды и т.п., пользуются веником или шваброй и мылом, все это стало неотъемлемой частью быта» – указывалось в отчете областного исполнительного комитета [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 937. Л. 34].

Наиболее действенной и популярной формой среди женского коренного населения стала красная юрта-передвижка. Красная юрта сыграла огромную роль в распространении санитарного просвещения, ликвидации неграмотности, идей равноправия женщин [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 337. Л. 23].

Сосредоточив в своих руках деятельность по культурному просвещению, юридической, материальной, социальной помощи женщинам, женотделы сыграли решающую роль в практической реализации политики раскрепощения женщин. В то же время, в таком национальном регионе как Ойротия, для полного завершения поставленных задач необходим был более долгий временной период.

Сочетая различные формы работы, удалось добиться повышения женской активности, в том числе в выборах в Советы. В 1922 г. в циркулярных указаниях ЦК РКП предлагалось в проведении избирательных кампаний принять все меры к привлечению работниц и крестьянок в выборы Советов и к проведению их в число членов последних [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1. Л. 28].

Впервые женщины принимают участие в съездах Советов. В 1923 г. лишь 9 женщин были делегатами I областного съезда Советов (алтайки среди них отсутствовали). На 6 областном съезде Советов в 1929 г. присутствовало уже 27 делегаток, в том числе 10 алтаек [Тоцакова 1973: 25].

Происходят изменения в составе Советов в районах. Наряду с мужчинами стали избирать женщин. Если в 1923 г. женщины в составе членов сельсоветов составляли 4 %, то в 1926 г. – 12 % [Штанакова 2006: 204]. Так, в 1929 г. в области избрали в члены сельсовета 783 женщины, аймакисполкомов – 10 и облизполкома – 7 женщин. Среди них алтайки: Т. Тапыева – член колхоза, К. Тордокова – председатель сельсовета (Усть-Канский аймак), А. Чекушева – член сельсовета (Уймонский аймак), А. Двоеносова – председатель сельсовета (Шебалинский аймак), Е. Сузопова – заведующая женотделом обкома ВКП (б) и др. [Тоцакова 1973: 24, 25]. Хотя в практике нередко встречались и такие случаи, когда определенная часть населения была против участия женщин в выборах в местные органы власти. Так, секретарь Уймонского парткома Белкин и аймачный женорг Осокина в своем информационном отчете «Об участии женщин в перевыборах сельсоветов в 1929 г.» указывали «... В Верхнем Уймоне мужья средняки и зажиточная часть населения подговорили своих жен, которые отвели на женском собрании всех выдвинутых женщин-активисток, даже которую намечали выбрать председателем сельсовета... Там большое обострение против выдвижения женщин на выборную работу ...» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 553. Л. 60].

К 1936 г. в сельских Советах области из 1933 депутатов, 835 чел. были из числа коренного алтайского населения, что составляло 41,8 % всех депутатов. Женщины составляли более трети всех депутатов местных Советов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 2. Д. 14. Л. 279]. Доля женщин в рядах партии (всего коммунистов – 1589 чел.) составляла на 1 января 1940 г. 19,4 % или 309 женщин [Горно-Алтайская областная 1975: 82]. Это позволяло женщинам оказывать определенное влияние на принятие властных решений, продуктивно решать социальные и культурные задачи.

Основной формой работы среди женщин стали делегатские собрания. В 1926 г. было только 2 делегатских собрания алтаек, 1927 – 8, 1928 – 23. Увеличивался и рост делегаток-алтаек в них. В 1925 г. делегаток из числа алтаек – 118, в 1926 г. – 161, в 1927 г. –

238, 1928 г. – 497 чел. [Кочевники 2020: 409].

Повышалась активность и интерес женщин к работе делегатских собраний, увеличился процент посещаемости на выборных собраниях. Например, в 1928-1929 г. по 7 аймакам присутствовало 2501 женщина, в 1929-1930 г. – 3904 чел.; количество избранных делегаток в 1928-1929 г. по 7 аймакам 1101 делегатка, в 1929-1930 г. – 1336; количество избранных алтаек по 8 аймакам (без Успенки и Маймы) в 1928-1929 г. – 491, в 1929-1930 г. – 536 (без Онгудая и Улагана); количество делегатских собраний в 1928-1929 г. (по всем 10 аймакам) – 104, в 1929-1930 г. по 8 аймакам (без Улагана и Онгудая) тоже 104 делегатских собрания; по составу делегатские собрания в 1928-1929 г. – батрачек – 9,1 %, колхозниц – 12,1 %, в 1929-1930 г. – батрачек – 9,5 %, колхозниц – 23,2 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 517. Л. 118].

Делегатки являлись опорой проводимой политики по раскрепощению женщин. Особенно успешным отмечалось их участие в развитии социальной и культурной сфер. Вовлекая женщин в работу кружков, секций, практике в различных учреждениях они содействовали поднятию общеобразовательного уровня женщин, активной жизненной позиции. Благодаря институту делегатских собраний, женщины получали навыки общественной деятельности. В дальнейшем это позволяло проявить себя на различных участках партийной, советской, профессиональной деятельности. Только в 1933 г. в области из актива делегаток на руководящие должности были выдвинуты: 28 женщин – заведующими товарными фермами, 17 – МТФ, 2 – бригадирами полеводоов, 2 – председателями колхозов. Делегатки принимали активное участие в сеноуборочных кампаниях, открытии ясель, ликвидации неграмотности. В 1937 г. лучшим ликвидатором неграмотности была признана комсомолка Онгудайского аймака Д. Дактуева [Захарова, Яковлева 2019: 57]. Женщин назначали заместителями начальников политотделов МТС. Перед ними ставилась задача создания женского актива в колхозе, продвижении кадров механизаторов, увеличения представительства женщин в советских и партийных органах. Здесь можно назвать имя одной из ярких представительниц Евдокии Сергеевны Алагызовой (выпускница КУТВ), которая была избрана председателем Элекмонарского аймакисполкома [Моя судьба 2006: 250–251].

Помимо вопросов быта, основным звеном в перестройке всей работы среди женщин назывались вопросы сельскохозяйственного

производства. По неполным данным, за 1931 г. колхозницы создали 1230 бригад производственного направления, внедрили соцсоревнование и ударничество, по 4 аймакам имелось 404 постоянно работающих ударниц, организовано 826 красных женских хлебных обозов. Выстроен силами Чергинских колхозниц Шебалинского аймака теплый скотный двор на 100 голов. В месячник финэстафеты, было создано 36 женских финбригад, которые собрали средств 75000 руб. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 605. Л. 1; Д. 608. Л. 129].

Итогом деятельности женских организаций в Горном Алтае явилось понимание того, что женщины, объединив свои усилия, могут и должны принимать участие в решении повседневных проблем. Более активной и самостоятельной стала позиция женщин. Происходило разрушение традиционных представлений о роли женщин в семье и обществе.

Основным условием привлечения женщин к участию в общественно-политической и экономической жизни являлась ликвидация неграмотности среди женщин, повышение их образовательного уровня, профессиональное обучение. В Горном Алтае ликвидация неграмотности завершилась к 1937 г., когда грамотность населения области в возрасте от 8 до 50 лет составила 86 % [Тимофеева 1970: 61]. Но не все слои населения были до конца охвачены обучением, это преимущественно люди зрелого возраста, домохозяйки, охотники и пастухи. В то же время нельзя отрицать значительные успехи, достигнутые в деле повышения общеобразовательного уровня среди женщин. Среди алтайских женщин (в возрасте 9–49 лет) по данным переписей 1926 и 1939 гг. грамотность возросла в 7 раз [Всесоюзная перепись 1992: 85].

В реализации политики неграмотности и малограмотности значительную роль сыграли женщины. Получив образование, они начинали работу агитаторами, участниками и учителями в походе за всеобщую грамотность. С целью ликвидации неграмотности среди женщин организовывались кочевые женские ликпункты с ликвидатором – алтайкой. В статистических сводках за 1928 г. по работе с алтайками было указано, что в Улагане ликвидатор-алтайка, на ликпункт ходило 12 алтаек. В Куладе организован женский ликпункт в котором обучалось 18 алтаек, в Шебалино – 12. Общие ликпункты посещают 1–3 женщины. Неграмотных делегатов из 497–239 чел., т.е. 50 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 506. Л. 11].

Однако, при ликвидации неграмотности встречались большие затруднения. На общие ликпункты алтайки ходить стеснялись. Особенно стеснялись ликвидатора-мужчину [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 336. Л. 49].

Развитие народного хозяйства, рост числа женщин, занятых в сельском хозяйстве, промышленности настоятельно требовало повышения квалификации женщин. Подготовка женских кадров велась как внутри региона, так и за пределами. В совпартшколе и на различных курсах готовили работников юрт-передвижек, женорганизаторов, профсоюзных работников, заведующих женскими яслями. В 1927 г. на двухмесячных курсах подготовили 27 женорганизаторов, 70 % из которых были женщины-алтайки. В этом же году открылись курсы профессионального образования [Андронкина 1976: 31].

Помимо этого, в области рассматривались вопросы о вовлечении в повышенные школы области алтаек и посылки в учебные заведения за пределы региона. Например, в 1924 г. послано в высшие учебные заведения 26 чел. из них 10 женщин [Третья Ойратская 1924: 2]. Однако не все командируемые в вузы, рабфаки, педфаки возвращались по окончании домой. Многие из женщин, выходили замуж и оставались вне области, некоторые, еще не окончив учебного заведения, устраивались в городах Сибири. Из 200 чел. полагавшихся иметь в области, едва имели 40–50 чел. Из всех посланных в вузы в 1928–29 г: Рабфаки – 5 чел., вузы – 2 чел., КУТВ – 3 чел., школы повышенного типа по области 73 чел. – всего 83 чел. В 1929–30 г. предполагалось: рабфак Томск – 17 чел., Москва – 3 чел., КУТВ – 5 чел. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 185. Л. 51–52].

В области появляются средние специальные учебные заведения: педагогическое училище, зооветтехникум, фельдшерско-акушерская школа, национально-педагогический рабфак. Дипломы учебных заведений получали и женщины.

При непосредственном участии женотдела, делегатов, активных женщин в Ойротии создается система материнства и детства. Вопросы об открытии детских яслей и площадок регулярно ставились на делегатских собраниях и на заседаниях Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока при Ойротском облисполкоме [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 185. Л. 51–52].

Женщины не только содействовали созданию детских дошкольных учреждений, но и осуществляли контроль за их деятельностью, тем самым, способствуя устранению недостатков и дальнейшему совершенствованию их работы. Кроме того, женщины принимали участие в судьбе детей, выявляли беспризорных детей и помогали устраивать в семьи, детдома, оказывали материальную помощь. Для проведения борьбы с беспризорностью на местах создаются аймачные детские комиссии [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 30. Л. 209].

В создании лечебно-профилактической помощи женщинам-матерям важную роль сыграл женотдел. При делегатских собраниях организовали секции охраны материнства и младенчества, где осуществлялось санитарное просвещение населения. Женщины сделали серьёзный вклад в создание и развитие лечебно-профилактической помощи женщинам-матерям, открытию женских и детских консультаций.

К 1940 г. было открыто женских, детских поликлиник, амбулаторий (самостоятельных и входящих в состав других учреждений) – 11 единиц [Республика Алтай 2012: 56].

Характеризуя участие женщин в социальном и культурном развитии Горного Алтая, необходимо отметить их важную роль в данном процессе. При их непосредственном участии открывались первые детские дошкольные учреждения, женские и детские консультации, создавались советы взаимопомощи, налаживалась культурная жизнь в регионе. Огромную роль сыграли женские организации в распространении идей санитарного просвещения. Нельзя не оценить роли женщин в образовании и развитии бытовых учреждений.

Благодаря сочетанию различных форм и методов работы с населением, советская власть решила поставленные задачи – женщины стали активными участницами строительства нового общества, равноправными работниками. Обучение грамоте позволило продвинуться в преодолении гендерного неравенства.

В целом преобразования бытовой сферы жизни осуществлялись не такими темпами и не с теми результатами, на которые рассчитывали власти. Реформирование требовало концептуально разработанной программы на уровне государства и значительных материальных вложений.

3.6. Становление и развитие промышленности. Дорожное строительство. Транспорт

Промышленность в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.). Во второй половине 1920-х гг. государством стала последовательно проводиться политика индустриализации страны. В отношении национальных районов России и Сибири, в частности, ставилась задача ликвидации их экономического отставания от остальных регионов России. Решить данную задачу предполагалось путем ускоренного развития народного хозяйства национальных автономий, оказания им действенной государственной поддержки. На заседаниях партийных и государственных исполнительных органов Сибирского края практически ежегодно рассматривались вопросы, связанные с социально-экономическим состоянием автономных областей Хакасии и Ойротии, анализировались перспективы дальнейшего промышленного развития этих двух регионов. Годовые планы экономического развития Горного Алтая, составляемые Ойротским облисполкомом, корректировались и утверждались вышестоящими структурами Сибирского крайисполкома.

Ойротская областная парторганизация придавала большое значение роли кустарного производства в снабжении населения товарами первой необходимости. Основное внимание уделялось промышленной переработке продуктов сельского хозяйства, строительству маслосырзаводов, развитию промыслов [Санжиев 1980: 181]. В Горном Алтае, в силу низкого уровня производительных сил области, промышленное развитие виделось в поддержке кустарного производства и его обобществлении.

В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) в экономике Горного Алтая произошли заметные структурные преобразования. Кооперация кустарей и ремесленников, навязываемая «сверху», была в основном, завершена. Деятельность промкооперации вошла в плановое русло и стала определяться директивными установками партийных властей области. Преобразования в конце 1920-х – начале 1930-х гг. коренным образом изменили мелкую кустарно-ремесленную промышленность: она выросла в широко развитую систему кооперативно-промышленного производства и способствовала удовлетворению постоянно

растущих потребностей населения. В ходе осуществления производственных задач первой пятилетки в Ойротии сложилась система промышленной кооперации. К 1932 г. в систему областного «Многопромсоюза» входили 26 артелей, которые занимались разнообразной деятельностью, направленной на удовлетворение повседневных нужд населения: выработкой кирпича, пошивкой и починкой одежды, пищевым производством, изготовлением гончарной посуды, кузнечным производством и т.д. [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 306]. Деятельность промкооперации была направлена на переработку местных ресурсов: леса, растительного сырья, продукции животноводства, строительных материалов и др. Производство промкооперации было сосредоточено, большей частью, в областном центре, однако с течением времени оно получило развитие и в районах области.

По соотношению удельного веса в территориальной структуре занятых в промышленности можно восстановить картину размещения промышленного производства на территории Ойротии в конце 1930-х гг. Наибольший удельный вес лиц, занятых в промышленности, отмечен: в Турочакском и Ойрот-Туринском районах, в областном центре г. Ойрот-Тура, в районных центрах (Онгудай, Усть-Кокса, Шебалино, Турочак, Кош-Агач). Высокий удельный вес занятых в промышленности на территории Турочакского района связан с широким развитием лесозаготовок и лесохимии в Прителецкой тайге. В г. Ойрот-Тура, Кош-Агаче действовали государственные предприятия, а в районах – небольшие производственные объекты местной промышленности, и артели промышленной кооперации Многопромсоюза (см. приложение 2).

Ввиду слабой разработанности сырьевой базы промышленности, в области начались работы по изучению природных ресурсов. Обследование лесов проводилось лесозаготовительной экспедицией Западно-Сибирского края, Ленинградской лесотехнической академией. Но все изыскания «не претендовали на значительную точность, а давали лишь приближенное представление о лесных ресурсах» [Ойротия 1937: 367]. Ввиду ускоренного характера работ природные ресурсы Горного Алтая оставались исследованными поверхностно, их детальное изучение переносилось на более позднее время.

Остро ощущалась в Горном Алтае нехватка рабочих кадров. В области успешно велась курсовая подготовка строительных рабочих. В 1930 г. удалось подготовить 301 плотника, 273 каменщика, 75 штукатуров, 30 печников. Всего было подготовлено 579 чел., в т.ч. 212 женщин (31,6 %). На курсах подготовки промышленных кадров число алтайцев составляло 127 чел., или около 20 % общего числа слушателей курсов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 406. Л. 124].

Дальнейшее экономическое развитие Горного Алтая напрямую зависело от темпов строительства путей сообщения. Благодаря помощи государства к началу 1930-х гг. была завершена реконструкция Чуйского автомобильного тракта. Но Усть-Коксинский, Улаганский, Чойский, Турочакский не имели удовлетворительного транспортного сообщения с Чуйским трактом и областным центром [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 915. Л. 51]. Решение этой задачи переносилось на следующую пятилетку.

Информационная инфраструктура развивалась невысокими темпами. Постепенно осуществлялась радиофикация области. Велась работа по развитию телеграфной связи и телефонизации. В 1930 г. областной центр не имел непосредственной телеграфной связи с Новосибирском, телеграммы передавались через г. Бийск. По всей области действовали 8 аппаратов системы Морзе. Три района – Успенский, Уймонский, Улаганский – не имели телеграфной связи с областным центром [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 406. Л. 111]. Почтовой связью на 1 октября 1930 г. обслуживалось всего 19 % населения автономной области [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 156. Л. 91].

Материально-техническая база учреждений связи находилась в неудовлетворительном состоянии, по этой причине телеграфное сообщение районных центров с сельсоветами имело место лишь в Онгудайском районе. Радиовещанием были охвачены все районы, однако в ряде сел радио еще не было [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 222. Л. 24, 25].

К концу первой пятилетки перед руководством области стоял ряд проблем, требующих решения: подъем производства промкооперации, создание новых промышленных предприятий, в первую очередь, строительного профиля и по добыче природных ископаемых, дальнейшее развитие дорожно-транспортной сети и связи.

Развитие промышленности в годы второй и третьей пятилеток (1933–1941 гг.). В 1933 г. страна приступила к

осуществлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства. Дальнейшее промышленное развитие Горного Алтая проходило в соответствии с общими тенденциями индустриального развития страны. Вместе с тем, становление промышленности сдерживалось рядом местных факторов. Отсутствие железнодорожного транспорта и плохое качество дорог затрудняли доставку сырья и вывоз готовой продукции, что удорожало ее себестоимость. Вводить в хозяйственный оборот местную сырьевую базу представляло сложность по причинам ее плохой исследованности и отсутствия разработок, слабости строительных организаций. Краевые и областные власти ставили задачи развития промышленной кооперации на базе вовлечения в хозяйственный оборот всего многообразия местных ресурсов.

Промышленное производство в Горном Алтае было представлено, большей частью, мелкими кооперированными артелями, которые вели выработку продукции кустарным способом. Промышленное производство по-прежнему было сосредоточено в мелких кустарных мастерских. Так, в 1935 г. из 945 предприятий, учтенных промышленной переписью, 594 представляли собой мастерские с числом работников 1–2 чел. Доля предприятий, на которых численность рабочих не превышала 10 чел., составляла 87,0 %. С числом рабочих от 11 до 30 чел. – 78 предприятий, или 8,3 %. С числом рабочих свыше 30 чел. – 22 предприятия, или 2,3 %. 22 предприятия числились как бездействующие [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 475. Л. 101]. На предприятиях преобладал ручной труд, а имевшееся оборудование было устаревшим. Из-за отсутствия механизации, или ее слабого уровня, производительность предприятий оставалась низкой, а себестоимость продукции высокой [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 475. Л. 101, 102].

Слабый уровень материально-технической базы промышленного производства сдерживал освоение местных ресурсов Горного Алтая. Государство выделяло финансовые средства на развитие промышленности в Ойротии, основную долю капиталовложений составляли дотации государства. Объем капиталовложений в народное хозяйство Горного Алтая во второй пятилетке (1933–1937 гг.) составил 65 млн. руб., превысив объемы капиталовложений в первой пятилетке почти в 2,5 раза [Очерки... 1973: 257]. Капиталовложения в промышленность Горного Алтая составили в годы второй пятилетки 6,1 млн. руб. [Санжиев

1980: 238]. Свыше 80 % капиталовложений планировалось направить на строительство новых объектов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 325. Л. 57].

Промартели входили в систему Многопромсоюза (промышленная кооперация), Лесхимсоюза (лесообработка и лесохимическое производство), и местной промышленности, предприятия которой вели разнообразную деятельность, в первую очередь: по выработке стройматериалов (кирпича, извести, пиломатериалов), производство мебели и деревообработка. Кроме того, в области действовали подчиненные краевому управлению Наркомату пищевпрома мелкие предприятия – заводы Маслопрома.

Вся продукция местной промышленности, за исключением Маслопрома и, частично, Леспромсоюза (пихтовое масло), шла на местный рынок и реализовывалась внутри области.

Во второй пятилетке рост числа промартелей прекратился, начался процесс концентрации производства. К концу 1937 г. в систему Многопромсоюза входила 41 промысловая артель с количеством около 2 тыс. членов, и 26 артелей работало в системе Леспромсоюза. Промысловая кооперация была представлена различными видами производства: пищевым, кожевенным, предметов культурного обслуживания, металлообработки, силикатным, химическим, меховым, текстильным, ткацким, швейным и др. В составе промкооперации находились и предприятия по выработке строительных материалов: кирпича, извести, пиломатериалов, а также производства мебели и др. Деятельность большинства артелей на 80 % базировалась на привозном сырье.

Особенно большую долю промысловая кооперация области занимала в таких отраслях промышленности, как легкая, пищевая, лесозаготовительная, деревообрабатывающая, лесохимическая, производство строительных материалов и металлических изделий [Рабочий класс 1982: 390].

В сложных условиях развивалось производство строительных материалов. Рост городского строительства требовал расширения объема производства стройматериалов. Но при увеличении объемов валовой продукции, себестоимость кирпичных заводов была невысокой, и предприятия оставались убыточными. Причиной тому являлась отдаленность заводов от железнодорожных путей, в силу чего в качестве топлива приходилось использовать местную

древесину, а не привозной уголь, и это влияло на удорожание конечной продукции [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 475. Л. 103; Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 1001. Л. 23].

Производство на предприятиях промкооперации отличалось большей оборачиваемостью оборотных средств. При увеличении доли госпредприятий в структуре производства в годы второй пятилетки, объем валовой продукции промкооперации вырос в 5,5 раз, тогда как в госпромышленности – всего в 3,5 раза [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1160. Л. 11]. Особенно высокий уровень оборачиваемости имел место в сельской местности [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 920. Л. 67об.]. Рост оборота средств в промкооперации был обусловлен растущими потребностями населения в продукции повседневного спроса. Несмотря на увеличение валовых показателей, низкий уровень механизации и высокая себестоимость продукции, снижали качество продукции, вынуждали предприятия сужать ассортимент за счет прекращения выпуска дешевых товаров.

Накануне войны началась работа по организации промышленного производства в сельской местности. В аймаках вводились в строй новые кирпичные заводы, пошивочные, обувные мастерские, мастерские по переработке шерсти. В результате доля продукции, выпускаемой в г. Ойрот-Тура снизилась – за 1933–1940 гг. она уменьшилась с 80 % до 38,9 % [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 475. Л. 113, 119; Д. 620. Л. 38].

Значительная часть средств направлялась на развитие пищевкусового производства. В промышленном комплексе Горного Алтая пищевая промышленность входила в систему Наркомата пищевого прома, и стала одной из главных отраслей в регионе. Она была представлена, главным образом, производственными объектами маслодельного и сыроваренного производства, а также хлебопечения. Количество маслосыродельных заводов в годы второй пятилетки выросло с 48 до 54 [Очерки 1973: 255], а к 1941 г. достигло 74 [Казанцева 1992: 15]. Была проведена реконструкция сети маслосырзаводов в пользу комплексного использования молочного сырья колхозов и совхозов области. На предприятиях Маслопрома были проведены работы по механизации производства [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 997. Л. 4], но они осуществлялись недостаточно высокими темпами, за 1934–1938 гг. доля механизированных маслосырзаводов в общем числе маслосырзаводов выросла с 12 %

до 16 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 1047. Л. 3]. С завершением второй пятилетки размещение маслосырзаводов по всей территории Горного Алтая завершилось [Казанцева 1992: 15].

Благодаря помощи государства, вводились в строй новые, относительно крупные применительно к Ойротии производственные объекты пищевой промышленности. В 1933–1937 гг. в г. Ойрот-Тура стали работать хлебозавод и мясокомбинат. Большой объем финансовых средств направлялся в молочное производство области. За вторую пятилетку (1933–1937 гг.) государство вложило в него капиталовложений на сумму около 2 млн. руб. [Казанцева 1992: 15].

Большое значение для Горного Алтая имела лесозаготовительная промышленность. В 1933 г. плановая промышленная заготовка леса осуществлялась Обллеспромхозом на территории Турочакского, Чойского и Элекмонарского аймаков. В системе Обллеспромхоза осуществляли лесозаготовки Лебедской, Телецкий, Верх-Катунский леспромхозы. Лесозаготовительное производство было сосредоточено на территории Турочакского аймака, в бассейнах рек Лебеди и Байгола, и в верховьях Бии. В Прителецкой тайге в 1933–1934 гг. заготавливалось 88–95 % всего объема лесозаготовок, осуществлявшихся промышленными объектами на территории области.

В целом, за годы второй и третьей пятилеток, финансовая поддержка государства позволила создать новые леспромхозы, построить лесовозные дороги, технически оснастить лесозаготовительные предприятия. В области в годы второй пятилетки заготавливалось до 400 тыс. куб. м. леса в год, что в 4 раза превышало заготовки леса в годы первой пятилетки [Рабочий класс 1982: 384]. Однако областные власти не ставили задачей развитие лесозаготовительного производства в качестве приоритетной отрасли ввиду высоких расходов и убыточности сплавных работ. Ситуацию в лесозаготовительной отрасли усугубляли отсутствие механизации производства, и нехватка постоянных рабочих кадров. Ввиду указанных причин, краевые власти отложили программу широкого лесопромышленного освоения лесов Прителецкой тайги. Предназначенная для этой цели реконструкция Бийского лесозавода переносилась на будущее [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 851. Л. 22].

Для создания основы промышленного строительства необходимо было ввести в хозяйственный оборот природные богатства Горного Алтая, практически неисследованные. В годы

второй пятилетки в области развернулся широкий фронт геолого-разведочных работ, в результате были обнаружены месторождения полезных ископаемых, а подготовка к их промышленному освоению началась в последние годы второй пятилетки [Очерки 1973: 255]. Исключительное значение имело ртутное месторождение, найденное партией Союзметредразведки под руководством В.А. Кузнецова в окрестностях с. Акташ в 1934 г. На состоявшейся в мае 1935 г. конференции, посвященной развитию производительных сил Ойротии, была признана перспективность разработки ртути в Горном Алтае [Ойротия 1937: 95].

Золото добывалось в верховьях р. Лебеди. Его добыча носила простейший характер: велась старательским методом вручную или при помощи взрывчатки. Слабая разведанность недр Горного Алтая, в том числе – и золотосодержащих участков – сдерживала промышленное освоение региона. Для укрепления золотодобывающей отрасли требовалось ее техническое оснащение, а промышленное производство велось ручным способом, какая-либо механизация отсутствовала. В 1936 г. на приисках Горного Алтая начинается размещение отдельных машин и механизмов [ГАНУ. Ф. Р–195. Оп. 1а. Д. 4а. Л. 1].

В целом, промышленное строительство в Горном Алтае в годы второй пятилетки отмечено заметными достижениями. За 1933–1937 гг. вырос удельный вес промышленности в экономике области: к 1937 г. он достиг 35 % валовой продукции всего народного хозяйства Горного Алтая [Очерки 1973: 255]. Стоимость продукции промышленности за 1933–1937 гг. увеличилась с 2322,8 до 8809,3 тыс. руб., или в 3,8 раз, а ее доля в структуре валовой продукции народного хозяйства достигла 33 % [Рабочий класс 1982: 391].

Успешное функционирование промышленности и строительства не могло осуществляться без налаженной работы транспорта и связи. Для Горного Алтая проблема строительства дорог носила первостепенную важность ввиду протяженности территории, недостатка дорог, или их плохого качества. В Ойротии в середине 1930-х гг. 79,3 % дорожной сети представляли собой дороги естественного грунта. Улучшенные и профилированные (выровненные) грунтовые дороги вместе с дорогами под каменной одеждой (гравийные, щебеночные), составляли 320 км, или 13,5 % дорожной сети. Заметную роль в системе путей сообщения

продолжали играть выючные тропы, их доля достигала 7,2 % в дорожной сети области. Преобладал гужевой транспорт, в январе 1931 г. в области было учтено всего 10 грузовых автомобилей «АМО» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 237. Л. 32].

Основной дорожной магистралью оставался Чуйский тракт. Власти области придавали серьезное значение развитию дорожного хозяйства. С началом второй пятилетки основные усилия были направлены на строительство Чуйского тракта. В сентябре 1932 г. на совещании заместителя Главдортранспорта Ф.Я. Лаврова с участием представителя Ойротской области при ВЦИК и СНК РСФСР М.И. Ялбачева было принято решение о передаче Чуйского тракта в ведение НКВД, тракту придавался статус военизированной дороги. С этого времени на строительстве Чуйского тракта стали трудиться заключенные Сиблага, ставшие основной рабочей силой на строительстве [Политические репрессии 2017а: 157].

В Ойротии функционировали также дороги областного и межрайонного значения, которые являлись ветками Чуйского тракта: ответвления на Чемал, Усть-Кан, Улаган. Перечисленные дороги имели грунтовое, или улучшенное гравием, грунтовое покрытие. Транспортное сообщение было доступно с селениями Ойрот-Туринского, Чемальского, Онгудайского, Усть-Канского, Кош-Агачского аймаков, а затруднено (ввиду неудовлетворительного состояния дорог) с Улаганским, Усть-Коксинским, Турочакским и Чойским аймаками. Состояние путей сообщения на аймачном уровне было еще хуже, они зачастую представляли собой выючные, тележные, либо сезонные (зимние) дороги. Вместе с тем, плохое состояние путей сообщения серьезно сдерживало развитие золотопромышленности и лесозаготовок.

Из-за бездорожья и непроходимости Турочакского аймака, использовался водный транспорт. По Телецкому озеру курсировал небольшой пароход, который был завезен сюда еще в дореволюционное время. От Турочака до Бийска по р. Бии ходили два парохода, но подводные камни и перекаты препятствовали судоходству [Ойротия 1937: 4, 6, 9]. Отсутствие путей сообщения и бездорожье тормозили социально-экономическое развитие Ойротии, поскольку грузоперевозки автотранспортом были намного дешевле, чем доставка грузов гужевым способом.

Стояла не менее важная задача строительства межаймачных дорог, которые соединяли бы аймаки с Чуйским трактом. С

началом второй пятилетки дорожное строительство местных дорог осуществлялось собственными силами аймаков. В условиях ограниченных средств и ресурсов, развернуть в Горном Алтае дорожное строительство в необходимых масштабах, не представлялось возможным. В течение второй пятилетки (1933–1937 гг.) дорожные ведомства и управления РСФСР и Западно-Сибирского края не проявляли заинтересованность в строительстве местных дорог из-за отсутствия профессиональных кадров [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 594. Л. 126].

Несмотря на невысокий уровень материально-технической базы дорожно-транспортной отрасли и отсутствие кадров постоянных рабочих, в течение 1933–1941 гг. были достигнуты важные результаты: закончено строительство Чуйского тракта, проведена его реконструкция, возведены новые мосты, расширена сеть местных дорог областного и районного значения. Завершение строительства Чуйского тракта положило начало грузовому автосообщению в области. Дорожно-транспортная сеть области сложилась в единую систему, которая послужила основой будущего дорожного развития Горного Алтая.

В Ойротии развивалась и такая важная отрасль как связь. За годы второй пятилетки выросла сеть почтово-телеграфных учреждений – с 18 до 58. Если в 1932 г. телефонные станции работали только в двух, то к 1937 г. – уже во всех аймаках области. Кроме того, была установлена прямая телефонная связь с г. Барнаулом. Телефонизация развивалась медленными темпами. Из 116 сельских советов к 1937 г. телефонизированы были лишь 32, а также 6 совхозов и 24 колхоза. К 1940 г. во всех аймачных центрах работали телефонные станции. Было телефонизировано 6 совхозов и 32 колхоза [Кочевники 2020: 319].

Основным источником пополнения рабочей силы оставался оргнабор колхозников. Обобществление и механизация труда позволяли колхозам высвободить людей. Постоянных профессиональных рабочих кадров в ведущих отраслях промышленности области не было. Рабочие кадры в лесозаготовительной отрасли формировались на временной основе, из числа колхозников Турочакского аймака и сопредельных районов Алтайского края [Захарова 2006: 7]. В золотопромышленности рабочие кадры устраивались на прииски временно, в свободное от полевых работ время. В этой стратегически важной отрасли,

предприятия которой находились в союзном подчинении, шел быстрый процесс формирования кадров постоянных рабочих. Для закрепления рабочих на прииске ставилась задача создания благоприятных социальных условий – обеспечения приисковых поселков школами, клубами, а также радиоустановками и спортивными площадками. В результате к декабрю 1940 г. количество рабочих достигло 1862 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1192. Л. 29].

Рост индустриального развития в области привел к увеличению численности рабочих кадров. К 1 апреля 1937 г. их количество возросло до 14,4 тыс. чел., или в сравнении с 1932 г. более чем в полтора раза [Рабочий класс 1982: 394], а к 1940 г. возросла до 20,6 тыс. [Рабочий класс Сибири 1984: 27]. В 1939 г. в Горном Алтае доля рабочих составляла 31,0 %, служащих – 16,2 % от всего населения области [Санжиев 1980: 255]. В целом в крупной промышленности было занято к 1939 г. 2600 рабочих. Национальные кадры составили 10–15 % общего количества рабочих [Санжиев 1980: 250].

В годы второй и третьей пятилеток (1933–1941 гг.) индустриализация Ойротской автономной области протекала в соответствии с целями политики индустриализации. Основное место в промышленном производстве продолжала занимать промкооперация, деятельность которой ориентировалась на снабжение населения товарами первой необходимости. В конце 1920-х гг. была осуществлена реорганизация промышленного производства путем укрупнения и кооперирования кустарного производства. С ростом капитального строительства и увеличением объемов промышленного производства удельный вес продукции промкооперации в общем количестве произведенной продукции снижался. Благодаря расширенному капитальному строительству в сельской местности, г. Ойрот-Тура терял значение центра сосредоточения промышленного производства, доля областного центра в общем объеме промышленного производства также снижалась за счет роста местной и кооперативной промышленности в аймаках.

Расширение промышленного производства сдерживали отдаленность региона от центров сырья и сбыта, слабая строительная база, сложные природные условия, недостаточно развитая транспортная сеть, недостаток или отсутствие постоянных

квалифицированных кадров. В условиях ограниченных финансовых возможностей, власти особое внимание уделяли отраслям, которые имели стратегическое государственное значение. В 1933–1941 гг. в Ойротии усилилось изучение природно-ресурсного потенциала, развернулись геологоразведочные работы, в результате чего были открыты новые месторождения ценных цветных металлов и, в первую очередь ртути и золота. Наиболее заметные успехи имели место в развитии золотодобывающей отрасли и в дорожном строительстве. В годы второй и третьей пятилеток была заложена основа для дальнейшего промышленного развития Горного Алтая.

3.7. Национально-государственное строительство. Социально-политическое развитие региона

3.7.1. Деятельность Советов

С началом масштабных преобразований в сфере сельского хозяйства советское государство приступило к реорганизации административно-территориального устройства для усовершенствования системы управления в регионах. Решением ВЦИК, 30 июля 1930 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Западно-Сибирский край включал 14 округов и Ойротскую автономную область. В Ойротскую автономную область входили 10 аймаков, которые делились на 113 сельсоветов [Население Горного Алтая 2012: 53–54].

Проводимая в стране индустриализация требовала концентрации ресурсов и усиления централизации государственного устройства. Принятая VIII Съездом Советов СССР в декабре 1936 г. Конституция СССР унифицировала национально-государственное устройство страны. Новый этап в развитии Ойротской автономной области начался в сентябре 1937 г. после упразднения Западно-Сибирского края и образования на его территории Новосибирской области и Алтайского края, в состав которого вошла Ойротская автономная область.

С укреплением власти большевиков их национальная политика изменилась. Вместо коренизации развернулась борьба с «буржуазным национализмом». Многие представители национальной интеллигенции, в том числе и Ойротии, подверглись репрессиям. Свертыванию функционального применения

алтайского языка в немалой степени способствовала политика советского государства в сфере национального образования. С 1938 г. учебная программа начальных ойротских национальных школ была приведена в соответствие с программой школ РСФСР [Кудирмекова 2008: 74, 75]. Начал набирать силу процесс закрытия национальных школ, общественные функции алтайского языка стали сужаться.

В ходе преобразований сельского хозяйства органы исполнительной власти получили широкие полномочия в проведении политики коллективизации. В 1930 г. структура Ойротского облисполкома усложнилась: она включала отделы, комиссии, управления и комитеты. В июне 1930 г. число должностных работников, состоящих на персональном учете отдела кадров Ойротского обкома ВКП (б) составляло 25 человек.

Их состав определялся в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 25 сентября 1930 г. «О типовой структуре областных отделов облисполкомов» [Саран 2016: 186]. Отделы с постоянными сотрудниками можно классифицировать по функциональному признаку. Так, административный отдел занимался организацией самой системы власти.

К группе отделов, занимавшихся экономическими вопросами, относились: дорожно-транспортный, коммунальный, земельный, торговый и финансовый отделы, контролировавшие соответствующие отрасли хозяйства.

Следующая группа отделов управляла социальными вопросами: областной отдел социального обеспечения, отдел народного образования, областной отдел здравоохранения и женский отдел. Все отделы подчинялись президиуму облисполкома.

Комитеты облисполкома в отличие от отделов занимались более узкими вопросами. Так, при облисполкоме действовал комитет крестьянских обществ взаимопомощи (ККОВ).

Некоторые комиссии создавались на временной основе. Группа комиссий занималась вопросами экономики: плановая комиссия, посевная комиссия, комиссия по содействию государственному кредиту и сберегательному делу. Другие комиссии создавались под конкретные социальные проблемы: комиссия по рассмотрению заявлений о восстановлении в избирательных правах и комиссия по рассмотрению жалоб на раскулачивание, детская комиссия, комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока и др.

Управления облисполкома имели двойную подчиненность – местным органам власти и центральным, например, управление отд. Сибторга, областное земуправление, областное лесоуправление [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 572. Л. 185об.].

В социальной и хозяйственной жизни села важная роль отводилась группам бедноты, создаваемым при сельских Советах, кооперативах, крестьянских комитетах взаимопомощи, колхозах. Их задача состояла в побуждении к политическому участию беднейших слоев населения. Группам бедноты придавались чрезвычайные полномочия в осуществлении мероприятий государства по коллективизации и «раскулачиванию» на местах.

На 1930 г. при сельских организациях были организованы группы бедноты по 9 аймакам области, всего – 224 группы. Зачастую группы бедноты работали нерегулярно, заседания проводились беспланово, от случая к случаю, общие батрацко-бедняцкие собрания чаще всего подменяли группы бедноты [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 409. Л. 58].

С началом коллективизации принимается положение о сельских Советах, в 1931 г. – о районных съездах Советов и райисполкомах, в 1933 г. – о городских Советах. Новая законодательная база существенно расширила их компетенцию в сфере управления местной промышленностью, колхозами, совхозами.

Из-за сложности формирования системы представительных органов процесс избрания депутатов растягивался на несколько месяцев. Например, план проведения избирательной кампании 1930–1931 гг., составленный облизбиркомом устанавливал следующие сроки:

- отчётно-перевыборная кампания с 15 ноября 1930 г. по 5 декабря 1930 г.;
- выборы в Советы с 1 декабря 1930 г. по 20 декабря 1930 г.;
- выборы в аймачные органы и горсовет с 25 декабря 1930 г. по 20 января 1931 г.;
- областной съезд Советов – 3 февраля 1931 г. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 409. Л. 41].

В 1931 г. в Горном Алтае одной из основных задач перевыборной кампании в сельсоветы провозглашалась «организация масс на борьбу с классовым врагом-кулаком баем и на ликвидации его как класса на основе коллективизации». В итогах перевыборной

кампании отмечалось, что «... классовый враг в первые же дни кампании постарался протащить свою агентуру в состав сельских избирательных комиссий». Так, в составе сельских избирательных комиссий было выявлено 44 чел. «чуждого элемента», 6 чел. «агентов кулаков», 3 чел. осужденных судом, 11 чел. «родственников» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 409. Л. 41].

Массовая «чистка» сельизбиркомов через колхозно-батрацкие, бедняцкие, середняцкие собрания от «классово-чуждых элементов» привела к заметному изменению их классового и политического состава.

По окончании проверки сельизбиркомов их состав стал представлен большей частью колхозниками (40,3%), представителями бедняцких слоев (34,8%), членами партии (29,4%) и комсомола (15,1%) [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 409. Л. 41].

Усилия партийных и советских властей с участием правоохранительных органов по активизации избирателей и отбору кандидатов в депутаты в 1930-е гг. увенчались успехом. По Ойротской автономной области явка на выборы в Советы в 1931 г. составила 72,2 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 409. Л. 42].

После завершения этапа форсированной коллективизации состав сельских Советов претерпел заметные изменения (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав сельских Советов Ойротии (%)

	Сельсоветы		Президиум сельсовета		Председатели сельсоветов		Ревизионная комиссия	
	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.
Всего избрано членов		1793	-	365	-	107		325
Из них колхозников	-	35,2	-	47,6	-	71,9	-	32,5
Женщин	23,6	27,4	-	24,4	7,3	9,4	11,0	16,0
Алтайцев	43,0	48,4	-	52,8	43,1	49,5	33,1	40,8
Неграмотных	27,2	17,3	-	11,2	8,7	2,8	-	-
Членов ВКП (б)	13,7	18,3	-	31,2	44,0	61,6	15,6	13,0
Членов ВЛКСМ	6,3	9,9	-	11,5	9,2	8,4	9,8	11,6

Избранных 1-й раз	63,5	54,0	-	49,6	56,1	40,1	62,9	58,6
Бедняков	-	57,1	-	64,6	-	75,7	-	47,8
Средняков	-	32,4	-	26,3	-	15,9	-	32,8
Зажиточ- ных	-	0,1	-	-	-	-	-	-
Рабочих	8,5	6,4	-	6,0	11,0	7,4	4,0	2,4
Кустарей	0,4	0,3	-	-	-	-	-	-
Учителя, врачи	1,1	1,4	-	1,6	-	-	10,7	8,2
Служащие	2,3	2,0	-	1,1	1,8	0,9	8,6	7,9

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 409. Л. 42.

В сельских Советах области заметно возрастает удельный вес бедняков, а также алтайцев-колхозников. Кроме того, повысился удельный вес женщин и членов ВКП (б). Такая же картина имела место в городском и в аймачных органах власти.

Для укрепления взаимосвязи с населением в шести аймаках – Лебедском, Уймонском, Шебалинском, Успенском, Усть-Канском и Онгудайском – были развернуты секции рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), которые пользовались большим авторитетом среди населения. В задачу инспекции входило пресечение злоупотреблений и улучшение работы подконтрольных ей учреждений. Одним из направлений её деятельности был контроль над выполнением законов и распоряжений правительства.

Благодаря настоятельной рекомендации орготдела при ряде аймакисполкомов и сельских советов работали бытовые комиссии, которые включали секции сельского хозяйства (производственные совещания), культурно-просветительные, финансово-налоговые и др. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 409. Л. 47].

В целях усиления работы с кочевым и полукочевым населением, в отдаленных высокогорных аймаках вводится институт уполномоченных по урочищам. Уполномоченные по урочищам периодически отчитывались перед сельисполкомом о проделанной работе [Эдоков 1987: 28].

Проводились и массовые смотры работы Советов. Основной целью смотра являлось осуществление директив партии и правительства о перестройке работы Советов применительно к условиям реконструктивного периода. В 1931 г. смотр в ряде аймаков (Усть-Кан, Шебалино) разрешил вопрос о переводе

делопроизводства алтайских национальных сельсоветов на алтайский язык. В результате Яконурский, Чагырский, Ябоганский, Кырлыкский, Мендур-Сокконский, Ускучинский, В-Чергинский, Апшуяхтинский, Каспийский, Бешпельтирский, Актельский сельсоветы перешли полностью на алтайский язык [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 409. Л. 48].

Большое значение придавалось информационному обеспечению деятельности Советов. Практически с первых месяцев образования автономной области Ойротский облисполком совместно с Ойротским обкомом РКП (б) начали издавать газету «Ойротский край» (с 1932 г. – «Красная Ойротия», с 1948 г. – «Звезда Алтая»), которая доставлялась во все сельсоветы. В газетах публиковались важнейшие решения центральных органов власти, облисполкома и его отделов и др. 13 февраля 1925 г. вышел отдельным тиражом первый номер на алтайском языке «Кызыл Ойрот» [Кочевники 2020: 355, 356].

В Ойротии в 1930–1931 гг. прошли кампании выборов и перевыборов в сельсоветы. К началу 1930-х гг. была сформирована структура исполнительных органов власти для улучшения оперативного руководства.

С середины 1930-х гг., под лозунгами «чистки» партийно-государственного аппарата и развернувшейся кампании против «буржуазного национализма» в Горном Алтае начинаются судебные процессы против руководящего состава Советов всех уровней. Репрессиям подверглись видные партийно-советские работники Ойротии – Никита Федорович Меджит-Иванов, Иван Савельевич Алагызов, Павел Семенович Хабаров, Сергей Сергеевич Сафронов, Иван Васильевич Пьянков и Андрей Александрович Сыркашев – в разные годы проработавшие на должности председателя Ойротского облисполкома. Почти все они, за исключением И. В. Пьянкова (сослан в Архангельскую область), были приговорены к высшей мере наказания [Моя судьба 2006: 33, 34, 36, 46, 49, 52].

Репрессии захватили большую часть руководителей местных Советов. 70 % председателей аймакисполкомов (АИК) были признаны «врагами народа». Среди них Маскин И.А. – председатель Усть-Канского АИК, Кузьмин А.А. – председатель Усть-Коксинского АИК, Таушканов Л.П. и Кардаманов И.Г. – возглавлявшие Улаганский АИК, Горлатов А.Г. – председатель Элекмонарского АИК, председатели Кош-Агачского и Шебалинского АИК Емельянов П.А. и Хардииков З.Ф. [Антародонов 2007: 24, 25].

На фоне разворачивающейся в Ойротии кампании по разоблачению «врагов народа» проходило обсуждение проекта Конституции СССР. В колхозах, на предприятиях, на пленумах Советов и съездах население высказывали свои предложения по законодательному закреплению гражданских прав, свобод, социальных гарантий. Итоги были подведены на IX областном чрезвычайном съезде Советов, который открылся в областном центре 1 ноября 1936 г. [Эдоков 1987: 222].

Конституция вносила значительные изменения в порядок формирования Советов. Выборы депутатов стали всеобщими для граждан, достигших 18-летнего возраста, равными и прямыми с тайным голосованием. Из Основного закона страны исключалось несколько дискриминационных положений. Во-первых, городское население утратило право на преимущественное представительство в Советах, во-вторых, исчезло упоминание такой категории граждан, как «лишенцы». В соответствии с «Положением о выборах в Советы депутатов трудящихся» (29 июля 1939 г.), в Ойротской автономной области сформировано 68 округов [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 57. Л. 27].

Местные Советы избирались на два года и работали в сессионном порядке. Постоянно действующими коллегиальными органами оставались исполкомы. Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. провели чёткое разграничение компетенции Совета и его исполкома, подчеркивались приоритетность представительных органов власти – Советов, их самостоятельность перед исполкомами. Советы осуществляли общее руководство предприятиями и учреждениями социально-культурной сферы, формировали местные бюджеты.

Выборы в обновленные Советы прошли в 1937–1939 гг. (в Верховный Совет СССР – 12 декабря 1937 г., в Верховный Совет РСФСР – 26 июня 1938 г. и в местные Советы депутатов трудящихся 24 декабря 1939 г.) [Эшматова 2019: 67, 73; Очерки 1973: 292].

На выборах в Верховный Совет СССР в Ойротской автономной области приняли участие в голосовании 97,4 % избирателей, из них 99,8 % голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных [Очерки 1973: 260; Очерки 1971: 156].

В числе депутатов Совета Национальностей Верховного Совета СССР первого созыва от Горного Алтая были избраны 3 алтайца: заведующий молочнотоварной фермой колхоза «Дьяны

Конок» Турочакского аймака М.М. Барбачаков, председатель облисполкома Ч.М. Кандараков и председатель колхоза «Красная Армия» Шебалинского аймака Ш.С. Ялатов.

С такими же высокими показателями активности прошли выборы в Верховный Совет РСФСР (I-й созыв: 1938–1946 гг.) от области избран депутатом Антонов Ф.С. – первый секретарь Ойротского ОК ВКП (б) [От уезда 2001: 254] и местные Советы депутатов трудящихся (1939 и 1940 гг.).

На выборах в местные Советы, по данным Мандатной комиссии областного Совета депутатов трудящихся приняли участие в голосовании 80268 чел. (99,2 %). Состав избранных депутатов в большей мере совпадал с социальным составом населения. Он включал 53 члена и кандидата в члены партии, 13 беспартийных, 2 комсомольца, в том числе представителей интеллигенции – 12 чел. Из депутатов рабочих 5 чел. находились на партийной, хозяйственной, советской, военной работах. Из депутатов крестьян – 45 на партийной, хозяйственной, советской, военной работе. В составе депутатов было 2 врача, агрономов и зоотехников – 3, учителей – 4 чел. Стахановцев 14 человек, рабочих – 3 чел., колхозников – 21 чел. Подавляющим большинством депутатов являлись молодыми мужчинами (до 30 лет, имели начальное образование), женщины составляли 27,9 % [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 57. Л. 27, 28].

В составе областного Совета 60,3 % депутатских мандатов имели русские и 32,3 % – алтайцы. Это отвечало в целом основному подходу строительства советской автономии, когда национальный состав органов государственной власти области состоял в основном из лиц русской и коренной национальностей. Преобладающую часть (73,5 %) составляли работники партийных и советских органов, а доля специалистов была чуть более 13 %. Вместе с тем, удельный вес рабочих промышленности и работников сельского хозяйства в составе областного Совета был незначительным.

28–29 декабря 1939 г. состоялась первая сессия Ойротского областного Совета депутатов трудящихся нового созыва, на которой был сформирован исполнительный комитет с подведомственными управлениями (автомобильного транспорта, лесной промышленности, государственного страхования, контрольно-ревизионное, НКВД), отделами (коммунального хозяйства, народного образования, внутренней торговли, кинофикации, финансовый, социального обеспечения, земельный,

организационно-инструкторский, общий), плановой комиссией и комитетом по делам физкультуры и спорта [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Л. 2, 3].

Согласно новой Конституции усиливался общественный контроль за деятельностью Советов – обязательная отчетность депутатов о своей работе перед избирателями и право отзыва депутатов в установленном законном порядке.

На первых сессиях местных Советов в 1939 г. были сформированы новые рабочие органы – постоянные комиссии (вместо депутатских групп и секций). Их основная задача заключалась в контроле за выполнением решений сессий Советов. Постоянные комиссии привлекали к своей работе актив из местных граждан. В составе областного Совета стали действовать следующие постоянные комиссии: сельскохозяйственная, бюджетно-финансовая, культурно-бытовая, народного образования, здравоохранения, местной промышленности, по торговле, оборонная, дорожная, революционной законности, благоустройства. Членами постоянных комиссий на 1 июля 1940 г. являлись 231 депутат. Число активистов, привлеченных к работе постоянных комиссий – 594 чел., в том числе женщин – 210. Только за первое полугодие 1940 г. было проведено – 73 заседания, рассмотрено вопросов – 124, сделано содокладов комиссиями на сессиях Советов – 20, внесено вопросов на рассмотрение исполкомов Советов – 19 [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 40. Л. 5об.].

Определяющую роль в работе Советов продолжали играть комитеты ВКП (б). Концепция принимаемых законов и постановлений, управленческие и кадровые решения инициировались партийным руководством. Обычно партийные резолюции направлялись в Советы для соответствующего правового «оформления». При этом в подготовке окончательного решения большую роль играли фракции депутатов-коммунистов.

В 1940 г. в Ойротской области действовало один городской и 10 районных Советов депутатов трудящихся; за 1 полугодие 1940 г. в этих Советах состояло 292 депутата, в т. ч. 199 членов ВКП (б), 31 комсомолец, 97 женщин. Кроме того, проведено 32 сессии Советов, на которых рассмотрено 107 вопросов, а также прошло 239 заседаний исполкомов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 40. Л. 5].

В Ойротской автономной области продолжалось организационное формирование представительных и

исполнительных органов власти, происходило расширение прав представительных органов. Формально шел процесс закрепления демократических прав граждан.

Работу Советов характеризовали выборность органов государственной власти, подотчетность депутатов избирателям, коллегиальность в работе Советов и обязательность выполнения всех распоряжений вышестоящих органов нижестоящим. Они обеспечивали широкое участие граждан в реализации властных полномочий. Но безальтернативные выборы обесценивали представительскую функцию Советов.

В соответствии с новой Конституцией СССР, в Ойротской области в 1938 г. прошли выборы в Верховный Совет СССР, а в 1939 г. – в местные Советы. В структуре Советов появились новые подразделения – постоянные комиссии, которые выполняли контролирующую функцию по выполнению решений Советов.

Несмотря на расширение роли Советов в общественной жизни, определяющую роль в их деятельности играли партийные комитеты. Политические репрессии руководящих советских работников всех уровней отрицательно повлияли на деятельности Советов Ойротской автономной области.

3.7.2. Подготовка национальных кадров. Проведение политики коренизации

Национально-государственное строительство в Ойротии осуществлялось в русле партийной политики коренизации национальных административно-территориальных образований. С конца 1920-х гг. власти приступили к целенаправленным мероприятиям по усилению коренизации государственного аппарата и созданию национальных кадров. В ходе становления советского государства и начавшихся форсированных социально-экономических преобразований, большевистское руководство стремилось завоевать доверие и лояльность к советской власти со стороны коренного населения национальных окраин. Партия большевиков нуждалась в кадрах управленцев и интеллигенции из среды коренного населения, которые могли бы донести политику советского государства до своих народов, и адаптировать ее к местным условиям. Продолжались инициированные партийно-советскими органами власти мероприятия по выдвижению

на руководящие и административные должности в партийно-государственном аппарате представителей коренного населения. Областные власти проводили мероприятия, направленные на широкое внедрение алтайского языка в официальной сфере и делопроизводстве.

Бюро Ойротского обкома ВКП (б) 30 сентября 1929 г. приняло решение о работе по дальнейшей коренизации (алтаизации) госаппарата за счет выдвижения коренного алтайского населения в низовые, средние звенья советского государственного аппарата, и в областные учреждения. Отмечалось отсутствие четкого плана коренизации, комплексности и целенаправленности в его реализации, медленные темпы. Так, коренизацией полностью был охвачен лишь один национальный Улаганский аймак.

Утверждалась номенклатура 50 должностей в областном аппарате, которые должны были занять выдвиженцы из алтайцев – низовых работников аймачного и сельского уровня. Указывалось на необходимость выдвижения представителей коренного населения в учреждения, где выдвиженцы могли реализовать свой хозяйственный опыт работы на местах, в национальных аймаках (в земельных органах, органах сельхозкредита и др.). В резолюции решения бюро Ойротского обкома ВКП (б) ставились задачи коренизировать в 1930 г. Усть-Канский, Онгудайский и Кош-Агачский аймаки и все национальные сельские советы области [Мамышева 2020: 184].

Требования о необходимости усиления работы по коренизации аппарата поднимались на партийных пленумах и в постановлениях бюро Ойротского обкома ВКП (б) неоднократно в течение 1930 года. В январе 1931 г. Ойротский облисполком принял решение о мероприятиях технического характера по обеспечению быстрых темпов коренизации: были открыты курсы для машинисток со знанием алтайского языка, внедрялась практика делопроизводства на алтайском языке не только в национальных, но и смешанных в национальном отношении аймаках, где делопроизводство требовалось осуществлять как на алтайском, так и на русском языках [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 357. Л. 1].

В процессе коренизации управленческих структур важную роль сыграла ускоренная подготовка кадров через систему льгот, «национальных наборов» в вузы страны. Одной из главных задач коренизации являлся отбор и воспитание кадров, служащих коммунистической партии и советскому государству и активно

пропагандирующих их идеи. Для алтайцев, поступавших на рабфаки, была разработана программа вступительных испытаний, которая содержала в себе задания по политической грамоте [Мамышева 2010: 186]. На работу в органы управления, партии, в организации и ведомства направлялись выдвиженцы, принадлежавшие титульной нации и обладающие «классовой сознательностью».

Попытка коренизации госаппарата в кратчайшие сроки оказалась трудноразрешимой задачей в силу нехватки подготовленных кадров – как грамотных алтайцев, так и технических работников со знанием алтайского языка [Мамышева 2010: 185]. Между тем, планы коренизации доводились по всем ведомствам и учреждениям, в том числе: кооперации, заготовкам, колхозам, автотранспортным предприятиям и т.д. Порой допускались «перегибы» в работе по коренизации – нередко составы отделов «перетасовывались» сотрудниками, исходя из того, что знающие алтайский язык должны были быть представлены равномерно по каждому подразделению [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 357. Л. 1]. В последующие годы партийные и государственные власти области констатировали неудачи коренизации и назначали новые сроки по ее форсированию.

Несмотря на многие трудности объективного характера при проведении коренизации, доля коренного населения в госаппарате возрастала. Так, за 1927–1932 гг. национальная прослойка в составе Советов области увеличилась с 36,2% до 46,7%. К этому времени в числе 116 сельских советов области национальных с преобладанием коренного населения числилось 54, в 38 из них делопроизводство и переписка с аймакисполкомами велись исключительно на родном языке [Хабаров 1932: 10, 11].

Алтайский язык получил широкое применение не только в административной области, но и в сфере образования, просвещения и культуры, а также газетно-книжного производства. Десятилетие спустя после образования автономии, издавались на алтайском языке 3 областные газеты («Кызыл Ойрот», «Крестьянская газета», «Ойротский комсомолец») и 1 аймачная («Дьаны Дьол» («Новый путь»), Кош-Агач). В 1923–1931 гг. выпуск книжной продукции на алтайском языке возрос по целому ряду показателей: по названиям книг – с 2 до 96; тиражу – с 1 до 160 тыс. экз.; объему – с 4,5 до 370 печатных листов. Большею частью публиковались политические издания, учебники на родном языке, национальная художественная

литература. В дальнейшем стали больше издавать книги на производственную тематику по сельскохозяйственному профилю [Чевалков, Эдоков 1932: 97, 98, 99].

К июню 1935 г. удельный вес работников-алтайцев, занимавших руководящие должности, составил по областному аппарату номенклатуры – 21 %, аймачному аппарату – 23,4 % и на сельском уровне – 29,6 %. На уровне среднего звена работников служебного аппарата (инспекторы, инструкторы, специалисты) на областном, аймачном и сельском уровнях, их доля составила 17,1 %, 19,5 % и 32,3 % соответственно [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 795. Л. 24].

Показатели коренизации номенклатурного аппарата повышались от областного к аймачному и сельскому уровням. Работники-алтайцы были наиболее востребованы на местах, на уровне аймаков и, особенно – в сельской местности. Об этом свидетельствуют и данные удельного веса инструкторов и инспекторов государственного аппарата. В обязанности работников, занимавших указанные должности, входила деятельность связанная с взаимодействием подчиненных организаций и групп непосредственно на местах. На областном, аймачном и сельском уровнях доля инспекторов и инструкторов – представителей алтайской национальности – составляла 34,9 %, 35,1 % и 41,1 % соответственно (см. приложение 9).

Активно привлекались к работе в областном и аймачных аппаратах партийных органов и Советов, учреждениях и организациях работники русской национальности, знавшие алтайский язык. Среди руководителей инспекторско-инструкторского состава и специалистов доля русских работников, знавших алтайский, или же казахский языки, составляла 3,9 %, 2,9 %, 2,4 %. На аймачном уровне эти показатели были выше: 7,8 %, 5,4 % и 2,5 %. На сельском же уровне для русских работников, знавших алтайский язык, оставалась незначительной.

Работники-алтайцы аймачного аппарата занимали руководящие должности, большей частью – в Советах, в организациях Облпотребсоюза и Многопромсоюза. Специалисты-алтайцы были заняты в Облпотребсоюзе, системе здравоохранения и в земельных управлениях аймаков [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 795. Л. 26].

Работа по коренизации велась и в учреждениях здравоохранения, образования, просвещения (см. табл. 1).

Таблица 1

Коренизация в Ойротской автономной области
(на 1 января), чел.

Областные учреждения	1933 г.		1934 г.		1935 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
ОблОНО, всего	17	100	13	100	18	100
в том числе алтайцев	6	16	5	39	8	44
Облздравотдел, всего	79	100	78	100	10	100
в том числе алтайцев	8	10,2	8	10,3	3	33
Типография, всего	81	100	62	100	65	100
в том числе алтайцев	19	23,5	8	13	7	10
Издательства газет, всего	17	100	22	100	28	100
в том числе алтайцев	5	30	7	32	8	22

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 795. Л. 27.

Благодаря налаженной системе обучения национальных кадров в системе здравоохранения и народном образовании за 1933–1935 гг. доля алтайцев в учреждениях здравоохранения области повысилась с 10,2 до 33 %, а в народном образовании – с 16 % до 44 %. В типографии и редакциях газет, напротив, доля специалистов-алтайцев за эти годы снизилась.

Областные власти вели активную работу по организации управленческих кадров из числа алтайского населения путем обучения в вузах, техникумах, и курсовой подготовки. Так, доля алтайцев, направляемых на учебу в вузы для последующей работы в системе государственного аппарата, составила на 1 июня 1935 г. для органов власти, ведомств и организаций областного уровня – 52,4 %, а для органов власти, ведомств и организаций аймачного уровня – 75,5 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 795. Л. 24].

Подавляющая часть алтайской молодежи проходила обучение по целевым направлениям областного отдела народного образования в вузах и средних специальных заведениях страны. В 1933–1934 гг. по направлению ОблОНО в вузах обучались 68 студентов-алтайцев, в техникумах – 460 учащихся-алтайцев. В техникумах также проходили обучение 26 учащихся-алтайцев по направлению Облпотребсоюза, и 10 – Обллеспромхоза [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 795. Л. 28].

В 1930-е гг. шел процесс подготовки национальных кадров в сфере управления, культуры и образования. Важную роль играла ускоренная подготовка кадров через особую систему (рабфаки) для представителей коренного населения в вузах страны. В ускоренной подготовке национальных кадров значительную роль играли краткосрочные курсы, кружки и школы [Мамышева 2011: 131].

С конца 1920-х гг. и в первой половине 1930-х гг. политика коренизации и расширения сферы применения алтайского языка в официально-деловой сфере приобрела целенаправленный плановый характер. Представители коренного алтайского населения активно выдвигались на разные должности в государственном аппарате областного уровня, пополняли штаты ведомств, организаций, исполнительных органов аймачного уровня, направлялись на работу в сельские советы. Национальные кадры готовились для нужд системы управления областного и аймачного уровней, для народного образования, здравоохранения, газетно-издательского дела, культурно-просветительской работы. Подготовка кадров велась как путем целевого направления молодежи на учебу в высшие и средне-специальные заведения страны, так и благодаря развитой системе курсовой подготовки выдвиженцев из числа алтайского населения. В результате к середине 1930-х гг. алтайский язык получил больше возможностей для своего применения.

Масштабные преобразования советского государства во всех сферах хозяйственной и культурной жизни характеризовались централизацией мер языкового строительства и попытками форсированного введения алтайского языка в административную сферу. В этот период русский язык постепенно сокращал свои функции, особенно в районах компактного проживания коренного населения. Был осуществлен переход алтайского языка на латиницу.

С укреплением власти большевиков, с середины 1930-х гг. национальная политика в стране стала меняться. Политика, направленная на унификацию всех сторон общественной жизни, в итоге привела к урезанию прав автономий, в том числе Горного Алтая и определила дальнейшее национально-государственное развитие региона. Постоянно провозглашавшийся курс на равноправие языков в области образования стал сворачиваться. С конца 1930-х гг. начинается распространение русского языка, на него возлагалось максимальное количество функций. В целом национально-культурная политика большевиков в 1930-е гг. носила сложный и противоречивый характер. Тем не

менее, она имела существенное значение для национального становления и культурного развития алтайского народа.

3.7.3. Политические репрессии

Противоречивые последствия коллективизации умножали число недовольных новыми порядками. Власти приступили к насильственному подавлению любых форм протеста. Факты критики политики советской власти или проявление сомнений в ее правильности со временем стали рассматриваться как антигосударственные проступки и преступления. С завершением коллективизации и массового раскулачивания репрессивная политика вышла на новый этап. После пережитого страной голода 1932–1933 гг. особое внимание отводилось «преступлениям», связанным за несдачу хлеба государству или его продажу по ценам «черного рынка», уклонение от государственных заданий, за халатность и бесхозяйственность, которые квалифицировались как умышленное вредительство.

К этому времени поиск политически нелояльных элементов распространился и на руководящие кадры из числа национальной алтайской интеллигенции. В поле зрения чекистов оказались лица, ранее работавшие в Каракорум-Алтайской управе, а также выдвинутые на руководящую работу представители из среды «бывших» сословий, заподозренные в «буржуазном национализме». В декабре 1933 г. в Ойротии была выявлена «контрреволюционно-националистическая организация». В буржуазном национализме были обвинены Г.М. Токмашев и В.К. Манеев (работники Облпотребсоюза), Г.И. Кумандин (начальник облфинотдела), И.И. Зяблицкий (начальник облплана), Л.М. Эдоков (зав. отделом животноводческих ферм) и другие.

В 1934 г. в Ойротии развернулась кампания чистки партии с целью выявления скрытых «буржуазно-националистических элементов». 13 июля 1934 г. бюро ЗапСибкрайкома ВКП (б) приняло постановление по докладу полпреда ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Н.Н. Алексеева «О вскрытии контрреволюционной деятельности буржуазно-националистических элементов в районах Ойротии, Хакасии и Горной Шории». Бюро Крайкома поставило перед ойротской парторганизацией задачу использовать проходившую кампанию чистки для изгнания из партийных

рядов всех «националистических элементов». Особое внимание предписывалось уделить культурно-идеологической сфере (школы, издательства, организации НТА, общественные организации и т.д.). Ставилась задача укреплять эти участки проверенными кадрами [ГАНУ. Ф. П–3. Оп. 2. Д. 649. Л. 7]. 16 июля закрытое письмо Крайкома ВКП (б) с текстами постановления и докладом Н.Н. Алексеева было разослано на места, в регионы. В печати усилилась кампания по разоблачению «буржуазного национализма» в сфере культуры, искусства и образования [Политические репрессии 2017а: 110].

В августе 1934 г. в г. Новосибирске был проведен политический процесс по организации «Союз сибирских тюрок». Всего по делу привлекалось 37 чел. из Ойротии, Хакасии, Шории, в том числе Г.И. Чорос-Гуркин (художник), Н.Е. Амыр-Сана (Козлов) (заготовитель сельпо), Н.А. Каланаков (преподаватель педтехникума, автор учебных пособий на алтайском языке), И.Н. Михайлов-Очи (ст. инспектор КрайОНО). Все они обвинялись в том, что создали контрреволюционную организацию с целью объединения Ойротии, Хакасии, Горной Шории и Тувинской Народной Республики в одно государство – буржуазно-демократическую Тюркскую республику. Для этого подготовили программу и устав организации, активно занимались контрреволюционной деятельностью. Но в действительности, как выяснилось, работа участников этой организации сводилась к агитации среди хакасов, шорцев и алтайцев идеи объединения народов Южной Сибири и сбора подписей для подачи петиции Правительству СССР об образовании АССР тюрок Южной Сибири в составе РСФСР [Карлов 2011: 119, 120, 124].

По приговору суда участников данной организации осудили к различным срокам заключения, в том числе А.Н. Каланакова – к 3 годам. Шесть человек осуждены условно, семеро подсудимых, в том числе Г.И. Чорос-Гуркин и И.Н. Михайлов-Очи были оправданы [Карлов 2011: 127, 128]. В 1934 г. был арестован по тем же обвинениям и осужден на 5 лет Г.М. Токмашев (работник областного нациздательства, преподаватель педтехникума и автор учебников на алтайском языке). Поиск «националистов» активизировался и в сельской среде.

В конце 1935 г., подводя итоги «чистки» партийных рядов и проверки партийных документов, руководство Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) сделало вывод о высокой степени «засоренности» Ойротской областной парторганизации. Результаты

кампании проверки партдокументов 1935 г. были признаны неудовлетворительными, и было решено ее продолжить в следующем году. По итогам проверки 1936 г. из партии было исключено 260 чел. из числа «кулацко-байских, белобандитских и других элементов». По данным руководства крайкома ВКП (б), более 30 % членов обкома ВКП (б) и свыше 25 % работников облисполкома были признаны «классово-чуждыми кулацко-байскими и бандитскими элементами» [Политические репрессии 2017б: 117].

В 1936 г. начался очередной этап политических репрессий в стране. К суду вновь привлекли бывших лидеров оппозиции Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, уже отбывавших наказание. Теперь бывшие лидеры оппозиции обвинялись уже не просто в «разжигании террористических настроений», а непосредственно в подготовке террористических актов против лидеров партии и государства. В августе 1936 г. Военной коллегией Верховного суда СССР рассматривалось дело об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». Все подсудимые – представители «троцкистско-зиновьевской оппозиции» – были признаны виновными и приговорены к расстрелу (26 августа приговор привели в исполнение).

В обстановке поиска «засевших в партии врагов народа» в Ойротии разворачивался следующий этап политических репрессий. Октябрьское дело 1935 года было расширено до уровня всей области. В феврале 1936 г. был арестован председатель Ойротского облисполкома С. С. Сафронов, затем последовали другие аресты. С 7 по 15 августа 1936 г. Спецколлегия Запсибкрайсуда рассмотрела дело по 16 обвиняемым [ГАНУ. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 227. Л. 120–120об]. По ее приговору 4 человека были приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам заключения. Однако приговоренным к расстрелу предоставили право подачи ходатайства о помиловании. Президиум ВЦИК, рассмотрев ходатайства приговоренных к расстрелу (Сафронова С.С., Арбанакова А.И., Папина И.И., Ялбачева М.И.), в постановлении от 26 октября 1936 г. применил к ним частную амнистию: расстрел был заменен на 10 лет лишения свободы [Госархив РА. Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 1117. Л. 321; Д. 1119. Л. 273]. Судебное разбирательство по делу «ойротских националистов» проходило одновременно с политическими процессами в других регионах Сибири.

Атмосфера недоверия, нагнетаемая сверху, провоцировала в обществе настроения поиска «врагов народа». Ситуация в Ойротской парторганизации вызывала настороженность у краевого партийного руководства и характеризовалась как политически неустойчивая. К тому же по их же оценкам на ход преобразований в Ойротии влияли местные особенности (традиционный хозяйственный уклад коренного населения и сохранение патриархальных традиций и др.).

Второй московский процесс против бывших партийных и государственных функционеров в январе 1937 г. проходил на фоне развернувшейся в прессе кампании по «разоблачению, выявлению врагов народа». В Горном Алтае материалы судебного процесса публиковались в областной печати и передавались по радио на русском и алтайском языках, обсуждались на митингах и «организованных слушаниях» в организациях и учреждениях [Политические репрессии 2017а: 120].

В феврале 1937 г. в г. Бийске был арестован бывший руководитель партизанского движения в Горном Алтае И.Я. Третьяк, на тот момент он являлся пенсионером. Вместе с ним подверглись аресту его ближайшие сподвижники В.С. Зырянов, В.М. Лыжин, А.М. Лыжин, которые занимали ответственные посты в Ойротии [Гришаев 1992: 130, 133, 134].

Установка на развертывание репрессий по всей стране была дана на пленуме ЦК ВКП (б), состоявшемся 23 февраля – 3 марта 1937 г. На пленуме был заслушан доклад Наркома внутренних дел Н. Ежова о «деле Бухарина-Рыкова» [Материалы февральско-мартовского 1992: 3]. Решения данного пленума ЦК ВКП (б) о расширении политических репрессий получили активное обсуждение в регионах.

16–18 марта 1937 г. в Новосибирске состоялся Пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) с участием секретарей райкомов и горкомов края. В своем докладе на заседании пленума Р. Эйхе призвал усилить борьбу по выявлению «врагов народа». В докладе начальника Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю С. Миронова об итогах работы по ликвидации троцкистских организаций, правых и эсеров, прямо давалось указание на активизацию выявления замаскировавшихся «врагов» по всем учреждениям и ведомствам [Февральско-мартовский пленум: эл. ресурс].

25-28 марта состоялся пленум Ойротского обкома ВКП (б). Выступающие высказались о необходимости усиления бдительности и организации работы по выявлению «двурушников» в своих рядах [Политические репрессии 2017б: 124]. В целом же работа областной парторганизации признавалась неудовлетворительной из-за большого количества выявленных в её рядах «чуждых элементов». Было принято решение о снятии с поста секретаря обкома партии М.Б. Новаковского и переводе его на хозяйственную работу. Решением пленума новым секретарем обкома партии избирается С. Н. Юфит. Кроме того, начальником областного УНКВД был назначен И. Бочаров, которого через два месяца, в июне сменил М. Жигунов.

В Ойротии дело о «Блоке контрреволюционеров-националистов» разрасталось. 19 мая 1937 г. был арестован И.С. Алагызов, 21 мая – Л.А. Сары-Сеп Канзычаков, 27 мая был заключен под стражу Н.Ф. Меджит-Иванов, 6 июня – Л.П. Таушканов и 11 июня 1937 г. – Г.И. Чорос-Гуркин [Книга памяти 1996: 16, 28, 99, 153, 226]. По указанию бюро Ойротского обкома ВКП (б), в организациях и ведомствах проходили открытые партийные собрания с обсуждением вопроса о задачах, связанных с борьбой партийных органов с «шпионско-вредительской работой троцкистско-бухаринских агентов и их буржуазно-националистических сообщников» [Политические репрессии 2017а: 126].

В соответствии с ранее разработанной УНКВД схемой, ойротский «Блок контрреволюционеров-националистов» состоял якобы в единстве с подобными организациями в Хакасии и Горной Шории. Создание этого «блока» приписывалось Г.И. Чорос-Гуркину, Н.Ф. Меджит-Иванову, А.С. Алагызову [Госархив РА. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 1118. Л. 62]. В составе руководящего «областного центра» организации указывались: заведующий нацотделом крайисполкома И.С. Алагызов, Л.А. Сары-Сеп Канзычаков, С.С. Сафронов, И.В. Пьянков, П.С. Хабаров, а также председатель Ойротского облисполкома А. Сыркашев, секретарь обкома ВЛКСМ К. Эмекчинов, председатель Улаганского аймакисполкома Таушканов Л.П., писатель П.А. Чагат-Строев. В структуре ойротской организации существовала якобы «параллельная контрреволюционная молодежная повстанческая организация из социально-чуждой и националистической молодежи», во

главе с И.С. Толтоком (бывший секретарь обкома ВЛКСМ) и А.С. Алагызовым – заместителем председателя Облпотребсоюза [Самаев 2005: 67, 69]. Все вышеперечисленные лица впоследствии были арестованы.

В обстановке нарастания шпиономании в стране состоялся очередной Пленум ЦК ВКП (б), который проходил в Москве 23–29 июня 1937 г. Наряду с положением о выборах в Верховный Совет СССР и с хозяйственными вопросами, на пленуме обсуждался доклад Н. Ежова о раскрытии ряда «фашистских антисоветских формирований» в стране из числа бывших троцкистов, правых, эсеров и др. [Петров, Янсен 2008: 293–312]. На пленуме давалась установка об усилении работы по разоблачению «врагов народа» среди высокопоставленных партийных работников.

После июньского пленума партийное руководство страны окончательно пришло к решению о необходимости осуществления массовой репрессии «неблагонадежных элементов», которые представляли, по мнению партийной верхушки и руководства НКВД, угрозу существующему строю. Вся предшествовавшая кампания первой половины 1937 года, направленная на разгром старых партийных кадров, распространялась за рамки партийного аппарата. С этого времени начинаются активные мероприятия по подготовке к изоляции и ликвидации потенциальных противников советской власти. В Горном Алтае прошли аресты видных политических фигур и состоялись громкие процессы по ним.

2 июля 1937 г. Политбюро ВКП (б) разослало на места телеграмму за подписью И. Сталина с указанием взять на учет всех кулаков, вернувшихся из ссылки как возможных зачинщиков антисоветских диверсий и преступлений. В течение июля 1937 г. партийная верхушка страны в тесно взаимодействии с руководством НКВД разрабатывала план будущей операции по нейтрализации и ликвидации граждан, потенциально опасных для советской власти [Трагедия советской деревни 2004: 319].

31 июля 1937 г. Политбюро утвердило приказ НКВД № 00447 от 30 июля, целью которого указывалась изоляция и физическая ликвидация всех возможных классовых врагов. Политбюро предписывало НКВД закончить операцию в 4-месячный срок. Были поставлены задачи по организации новых лагерей ГУЛАГа и их финансовом обеспечении. В течение 4 месяцев намечалось осудить

и приговорить к расстрелу 75950 человек, заключить в лагеря 193000 человек [«Большой террор» 2007: эл. ресурс].

Подготовка операции проводилась в секретном режиме в соответствии с указаниями НКВД. В Западно-Сибирском крае под руководством УНКВД были образованы 13 оперативных секторов, в том числе Ойротский [Массовые репрессии 2010: 36–38].

Накануне массовых репрессий, в июне-июле 1937 г. аресты прошли в ряде областных организаций, которые якобы были отмечены «засоренностью классово-чуждым элементом» в ходе предыдущих партийных чисток и тем самым, попали под контроль карательных органов. Многочисленные аресты руководящего состава, специалистов, рядовых сотрудников и рабочих прокатились в Облплане, Областном лесоуправлении, Облфинотделе, Облземотделе, Отделе народного образования, в конторе «Запсибзолото» и на приисках, в Горстрое, на Ининской автобазе, в совхозе «Чемал», в Чемальском доме отдыха и т.д.

3 августа 1937 г. в Ойротской области, согласно приказу НКВД № 00447, начала «работу» тройка НКВД в составе: начальника областного УНКВД Жигунова М.М., секретаря Обкома ВКП (б) Енчинова Н.И., областного прокурора Старикова М.Я. [Ланков 2010: 148; Политические репрессии 2017а: 132]. Тройка обязана была через каждые 5 дней отчитываться перед вышестоящими органами НКВД и отправлять вверх протоколы решений. К этому времени в Ойротском УНКВД уже имелся свой «банк данных» на неблагонадежных лиц.

В Ойротеи во второй половине 1937 г. одной из главных целевых групп репрессий стали представители «подозрительных» национальностей – поляков, немцев, латышей, корейцев и др. Они рассматривались как потенциальные агенты спецслужб Германии, Японии, Латвии, Польши. Репрессии сопровождалась нагнетанием атмосферы недоверия и бдительности.

В конце сентября 1937 г. Западно-Сибирский край был упразднен, на его основе образованы новые административно-территориальные образования. Решением НКВД от 15 октября 1937 г. Алтайскому краю были определены «лимиты» в 2,5 тыс. чел. по первой категории и 1 тыс. чел. по второй. Но по ходатайству Алтайского крайкома ВКП (б) Политбюро ЦК ВКП (б) решением от 20 октября увеличило показатели по первой категории до 4 тыс. чел.

и по второй – до 4,5 тыс. чел. Уже к концу ноября 1937 г. в Алтайском крае поставленные задания по арестам были выполнены [Трагедия 2004: 606].

По приговорам тройки при УНКВД Ойротской автономной области в 1937 г. (с августа по декабрь) было осуждено 2821 чел., из них приговорено к расстрелу – 1211 человек (42,9 %). Местом массовых расстрелов стал Ойротский пересыльный лагерь НКВД. За три дня – с 29 по 31 декабря 1937 г. – были расстреляны и захоронены в отдельной яме 231 человек [Политические репрессии 2017а: 149]. В следующем 1938 г. было расстреляно 428 человек [Антарадонов 2007: 23]. Тройка при УНКВД по Алтайскому краю рассматривала наиболее значимые (с их точки зрения) политические дела, по которым проходили большие группы обвиняемых людей.

31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП (б) внесло своим решением новые коррективы в вопросе о продолжении репрессии. Для Алтайского края устанавливалось новое задание: 2000 чел. – по первой категории и 1000 чел. – по второй [Массовые репрессии 2010: 51]. К середине марта показатели по заданиям были превышены: более чем в 1,5 раза – по осужденным и в 2 раза – по расстрелам.

Групповые дела рассматривались по всем аймакам Ойротской автономной области. Повсеместно «вскрывались и ликвидировались» «контрреволюционно-националистические диверсионные повстанческие организации». Среди арестованных было немало рядовых колхозников. Проявления бесхозяйственности, неудовлетворительное исполнение служебных обязанностей рассматривались как диверсия. Теперь любая провинность (допущенный падеж скота, поломка техники или сельхозинвентаря, неподготовленность к сельхозработам и т.д.) рассматривалась как контрреволюционный акт и умышленное вредительство. Обычным делом являлась переквалификация экономических и должностных преступлений в политические. Аналогичная ситуация наблюдалась и по хулиганским фактам, которые зачастую квалифицировались как совершение, или попытку совершения террористических актов.

По указанию начальника Ойротского УНКВД М. Жигунова, как установлено позже, было выписано до 200 постановлений на арест людей по национальному признаку, без всякого наличия компрометирующего и учетного материала. Отбор лиц для ареста по национальной принадлежности производился по карточкам

адресного стола, избирательным спискам и листам по учету кадров учреждений [Политические репрессии 2017б: 134].

К началу 1938 г. партийной верхушке страны стало очевидным, что террор вышел за «установленные рамки» и приобрел хаотичный характер. Поток исключений из партии, большое количество «вычищенных» в 1937 г. встревожило партийное руководство страны. Корректировку в ход репрессий внес январский (1938 г.) пленум ЦК ВКП (б). Он подверг осуждению «огульные, массовые исключения из партии». Вся вина за необоснованные исключения из партии и репрессии возлагалась на местные власти, но большей частью – на отдельных «коммунистов-карьеристов», которые, стремясь застраховать себя «от возможных обвинений в недостатке бдительности», применяли «огульные репрессии против членов партии» [КПСС в резолюциях 1985: 12]. Пленум ЦК ВКП (б) осуждал «перегибы» при исключении из партии и поиска «врагов народа», критиковалась излишняя бдительность. При этом сам курс на «окончательный разгром» «врагов народа» не подвергался сомнению.

Почти на каждом заседании бюро Ойротского обкома ВКП (б) рассматривались заявления о восстановлении в партии. Всего же на 1 ноября 1938 г. было рассмотрены 123 апелляции, из них по 23 решено положительно, т.е. восстановлены в партии, а по 93 – отказано в восстановлении. К ответственности по обвинению в ложных показаниях, осуществлении незаконных арестов и пр., стали привлекать партийных руководителей районного (аймачного) уровня и аппарата НКВД. В массово-огульном исключении из партии обвинялся секретарь Обкома С. Н. Юфит и в феврале 1938 г. он был освобожден от должности, без последующей репрессии. На его место был назначен Ф.С. Антонов.

Подверглись аресту ряд работников Ойротского УНКВД по обвинению в необоснованных репрессиях. 20 октября 1938 г. Военный Трибунал Западно-Сибирского округа пограничных и внутренних войск НКВД вынес приговор в отношении руководящего работника Ойротского НКВД К. Хуснутдинова. В обвинительной части упоминалось о незаконных методах ведения следствия, о фальсификациях дел. В итоге К. Хуснутдинов приговорен к отбыванию наказания в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет [Тепляков 2008: эл. ресурс].

В среде сотрудников НКВД нередкими были случаи самоубийств. Причины подобных «явлений, чуждых большевизму» во многом объясняются разочарованием в своей «работе» по «разоблачению» невиновных людей, преследования и нападки со стороны начальства за недостаточное рвение по выявлению «врагов народа», а также угроза самим оказаться на месте арестованных [Тепляков 2008: эл. ресурс; Политические репрессии 2017а: 141].

В 1938 г. кампания поиска и выявления «врагов народа» снизилась, однако проводилась столь же последовательно. В первой половине марта 1938 г. в Москве состоялся открытый политический процесс по делу об «Антисоветском право-троцкистском блоке». На скамье подсудимых оказались ранее уже «разоблаченные» Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Г.Х. Раковский, Г.Г. Ягода и др. 17 обвиняемым вынесена высшая мера наказания и через день после окончания процесса, 15 марта они были расстреляны [Большой террор 2007: эл. ресурс].

В Горном Алтае в 1938 г. продолжался поиск «врагов народа» внутри партии. На 25 ноября 1938 г. из ее рядов было исключено 72 члена и кандидата партии, при этом на 15 мая в рядах областной парторганизации числилось 706 членов и кандидатов ВКП (б). Уличенные в «связях с врагами народа» к уголовной ответственности не привлекались. Однако исключенные в 1938 г. с формулировкой «враги народа» получали разные сроки заключения, в основном их осуждали на 10 лет лишения свободы, приговаривали и к высшей мере наказания.

В мае 1938 г. в Ойротии прошла очередная волна арестов среди ответственных работников. В сентябре 1938 г. секретарь Ойротского обкома ВКП (б) Антонов докладывал партийному руководству Алтайского края о результатах борьбы с «врагами народа». В частности, он проинформировал о раскрытии в г. Ойрот-Тура троцкистской организации, членами которой, по замыслу следователей НКВД, стали руководящие партийные работники областного и районного звена. Большинство из обвиняемых решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР были расстреляны в один день, 4 ноября 1938 г. [Политические репрессии 2017б: 140, 141].

Курс на дальнейшее уничтожение «врагов народа» сохранялся. Он вновь был подтвержден на первой Алтайской краевой партконференции ВКП (б), которая проходила в г. Барнауле 7–14

июня 1938 г. Делегаты от Ойротии с удовлетворением отчитались об «очищении» Ойротии от «злейших врагов народа» [Политические репрессии 2017а: 142, 143].

К осени 1938 г. партийной верхушке стал очевидным факт истощенности массовых репрессий. С этого времени предпринимаются меры по их свертыванию. Переломным моментом стало совместное Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. Большинство исследователей данное решение рассматривается как завершение массовых репрессий. В соответствии с указанным Постановлением ликвидировались тройки, официально прекращалась «кулацкая операция» по приказу НКВД № 00447, свёртывались все массовые операции по национальным линиям. Одновременно Постановление подтверждало высокую политическую оценку «работы», проведенной НКВД в 1937–1938 гг. по разгрому врагов народа и очистке СССР от них. Особо подчеркивалось, что на этом «дело очистки» страны от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов не окончено [Трагедия советской деревни 2006: 307–311].

После ноябрьского пленума 1938 г. и последовавших за ним решений органами юстиции развернулась деятельность по пересмотру приговоров, вынесенных тройками УНКВД и другими внесудебными органами.

В Ойротии органы прокуратуры активно включились в работу по устранению фактов «нарушений социалистической законности». Дела пересматривались не только в отношении членов партии и ответственных работников партийно-советского аппарата. Органы юстиции вели тщательную проверку и в отношении рядовых колхозников, которые были осуждены тройками в групповом порядке.

Однако массовый пересмотр дел по обвинительным, особенно, по расстрельным приговорам, грозил скомпрометировать партийную верхушку, ответственную за проведение репрессий. Необходимость их проведения не подвергалась сомнению. В процедуру пересмотра дел вносились коррективы. Процесс пересмотра приобрел централизованный характер, он был регламентирован и вскоре

замедлен [Бордюгов 2013: 25]. Подавляющее большинство дел, которые направлялись на пересмотр, завершались отказом. По выборочным данным, в Алтайском крае в 1939–1940 гг. было отменено всего лишь около 0,35 % всех приговоров, вынесенных здесь тройками [Гридунова 2009].

В 1939 г. имели место случаи ареста колхозников. Так, в Кош-Агачском аймаке (Казахском сельсовете, в селениях Чаган-Узун, Мухор-Тархата) в течение 9 месяцев были «вскрыты» 4 «контрреволюционные» и «террористические» группы [Политические репрессии 2017а: 156]. Всего в Горном Алтае за 1939–1940 гг. было арестовано 170 чел. [Книга памяти 2003: 244].

Итак, политические репрессии в Горном Алтае в 1930-е гг. осуществлялись в общем направлении репрессивной политики большевистского руководства страны. Выделяются этапы проведения политики политических репрессий в Горном Алтае, в зависимости от масштабов ее осуществления.

В 1935–1936 гг. в Новосибирске и Ойрот-Туре прошел ряд политических процессов по делу «выявленной контрреволюционно-буржуазной организации» и ее филиалов в аймаках. В 1937 г. политические репрессии в Горном Алтае приобрели массовый масштабный характер. В первой половине 1937 г. они еще не носили широкого распространения. После июньского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) политические репрессии принимают целенаправленный характер, распространившись на все социальные слои населения. С января 1938 г. репрессии пошли на убыль. Однако их смягчение касалось, в первую очередь, партийных работников.

К концу 1938 г. партийная верхушка страны пришла к пониманию исчерпания террора. После ноябрьского пленума ВКП (б) 1938 г. были упразднены тройки УНКВД, прекращены массовые репрессивные операции. В это время «Большой террор» в Ойротии, как и по всей стране, завершился. Но правильность политики репрессий высшим руководством страны не подвергалась сомнению, осуждались лишь методы ее осуществления.

3.8. Социально-культурные преобразования

3.8.1. Становление и развитие системы здравоохранения

В начале 1930-х гг. в стране существенным образом были пересмотрены формы организации медицинской помощи и разработаны новые методы работы лечебно-профилактических учреждений, прежде всего, дифференцированный подход к организации медицинской помощи различным группам населения. Приоритетами политики здравоохранения стали: преимущественное развитие системы медицинского обслуживания промышленных рабочих и работников колхозов и совхозов на селе; повышение санитарной культуры населения; улучшение лечебно-профилактической помощи и санитарно-гигиенического обеспечения; расширение сети медицинских учреждений в сельской местности. Здравоохранение вступило в новую фазу развития.

Расширение сети учреждений здравоохранения. В Горном Алтае в условиях массовой коллективизации для выяснения реальной ситуации в здравоохранении облздравотдел решил в 1931 г. провести обследование состава населения аймаков, на основе которого предстояло продолжить работу по расширению сети стационарных медицинских учреждений [Гончарова 2008: 107, 108].

Для этого требовалось было значительное обеспечение финансовыми средствами. Ежегодно увеличивались расходы на здравоохранение области (см. табл. 1).

Таблица 1

Бюджет облздрава, тыс. руб.

Годы	Сумма
1931 г.	623,0
1932 г.	838,8
1933 г.	1067,9
1934 г.	1355,7
1935 г.	2136,7
1936 г.	3923,745 (план)

Источник: Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78об.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, за 1931–1935 гг. объемы расходов на здравоохранение в бюджете Ойротской области

непрерывно возрастали (в 3,4 раза). В 1938 г. на здравоохранение уже было отпущено около 4,66 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 1. Л. 89].

В результате целенаправленного финансирования системы здравоохранения в Ойротской автономной области, вводились в строй новые медицинские объекты.

Однако, отпущенные средства в ряде аймаков зачастую оставались неиспользованными из-за слабой строительной базы в Ойротии, труднодоступности большей части территории, плохих путей сообщения (см. табл. 2).

Таблица 2

Исполнение бюджета Ойротской автономной области
(с 1 января по 1 октября 1935 г.), руб.

п-19п	Наименования ай-маков	Наз на - чено	Выпол- нено	% ис- пол - нен.	В том числе ка-питаловложе-ния	
					Назна- чено	Испол- нено
1.	Кош-Агачский	163500	119000	72,77	32000	30900
2.	Улаганский	108600	47300	43,55	-	3800
3.	Усть-Канский	108800	59200	54,41	-	-
4.	Онгудайский	132300	75200	56,84	7000	4900
5.	Элекмонарский	76600	42200	55,12	5000	3000
6.	Усть-Коксинский	97900	44400	45,35	-	-
7.	Турочакский	76300	59600	78,11	6000	6000
8.	Шебалинский	57600	31300	54,34	-	-
9.	Чойский	52200	38,500	73,75	4000	4100
10.	Майминский	40300	22300	55,33	-	-
	Итого по аймакам	914100	539000	58,96	-	52700
11.	г. Ойрот-Тура	322400	243300	75,15	3000	3000
12.	Облздрав	806300	618500	76,66	-	-
	Бюджет области	2042800	1400800	68,56	-	55700

Источник: Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78об.

По данным Облздравотдела, например, на строительство дезопунктов в Кош-Агаче, четыре года подряд отпускались средства, но они ежегодно оставались не использованными. Сходная ситуация наблюдалась в г. Ойрот-Тура, с 1934 г. выделенные средства не использовались в запланированном объеме.

При вводе в строй новых объектов сохранялась нехватка помещений. Областная больница и городская поликлиника как единственные крупные лечебные учреждения, обслуживающие население всей области, требовали больших денежных затрат на расширение площадей. Так, из-за задержки строительства нового здания родильного дома в областном центре, родильное отделение в 1939 г. размещалось в здании облбольницы.

По причине недостаточного количества коек в областной больнице, частым явлением были отказы нуждающимся больным в стационарной помощи. Из-за нехватки помещений не выполнялся и план оказания стационарной медпомощи учреждениями ряда аймаков области. Многие сельские больницы не могли принимать больных.

Наличие больниц на 10–15–20 коек без самостоятельного амбулаторного приема не удовлетворяло ни население аймаков, ни самих врачей, работающих в больницах. Амбулаторное обслуживание населения нередко проводилось на квартирах. Вопрос об организации в каждом аймачном центре самостоятельных врачебных амбулаторных приемов являлся крайне необходимым. В целях улучшения медицинского обслуживания населения, облздрав в 1937 г. спроектировал 7 дополнительно самостоятельных врачебных амбулаторий (Шебалино, Чоя, Турочак, Усть-Кан, Челушман, Элекмонар и в Чаган-Узуне) [Госархив РА.Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 827. Л. 72об.].

Несмотря на трудности, в Ойротии расширялась сеть учреждений здравоохранения, увеличивались масштабы и качество оказания медицинской помощи населению (см. табл. 3).

Таблица 3

Работа лечебных учреждений Ойротской области (1931–1935 гг.)

Годы	Амбулаторная			Стационарная		
	Всего посещ.	В т.ч. алтайцев	Из общего числа пер-вич.	В с е г о про ш ло больных	В т.ч. алтай-цев	Проведено койко/дней
1931 г.	285450	62338	167403	5227	963	53499
1932 г.	289701	65554	152141	5173	1186	54381
1933 г.	374341	79764	177503	6225	1821	60553
1934 г.	428892	уч.н./полный	уч.н./пол-ный	5922	720	57795
1935 г.	433517	-//-	-//-	6838	-	71095

Источник: Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78.

В первой половине 1930-х гг. темпы больничного строительства в Горном Алтае заметно усилились. Сельские медучреждения строились в местах, где намечались центральные усадьбы создаваемых колхозов и совхозов. В 1934 г. была построена новая областная больница [Яимов 2011: 205]. Благодаря предпринимаемым мерам в аймаках области появились объекты здравоохранения. В 1936 г. было закончено строительство аймачных больниц в Кош-Агаче и Улагане, проведён ремонт аймачных больниц в Турочаке, Чое, Онгудае и Элекмонаре. Госплан утвердил строительство в том же году следующих объектов: прачечной при облбольнице, родильного отделения, оборудование тубдиспансера, больницы в Элекмонаре, приемного покоя в с. Чаган-Узуне Кош-Агачского аймака, с. Чедро Улаганского аймака. Кроме того, по плану намечались ввести бани, прачечные, дезокамеры при всех аймачных больницах, дезопункты в Кош-Агаче и Улагане, скотный двор хозяйства при облбольнице и капитальный ремонт самих аймачных больниц.

Отдельно следует сказать про аптечную сеть. Первая аптека открылась в 1922 году. С образованием аймаков, стали открываться аймачные аптеки. Первыми открылись аптеки в Усть-Коксинском и Майминском аймаках. С февраля 1933 по 1941 гг. аптечную службу в области возглавлял помощник провизора В.П. Клопотов. Он провел большую работу по расширению аптечной сети с охватом всех районов Ойротии. К 1941 г. сеть состояла из 12 аптек [Полоков 1973: 4]. В последующие годы аптечная сеть получит дальнейшее развитие.

Улучшалось снабжение медучреждений инструментами и оборудованием (см. табл. 4).

Таблица 4

Сведения об обеспечении хирургическим инструментарием, предметами ухода и инвентаря в Ойротской области (1928–1934 гг.), в % к норме

Район	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Кош-Агачский	52	52	60	71	75	70	100
Улаганский	50	50	67	72	78	78	100
Усть-Коксинский	62	66	72	72	68	71	87
Онгудайский	75	78	80	80	80	78	90
Усть-Канский	72	76	82	87	87	83	90
Элекмонарский	60	71	71	78	80	73	87

Турочакский	51	60	90	90	85	73	88
Шебалинский	63	63	70	67	70	70	90
Чойский	67	58	58	60	62	61	88
Майма-Чергачак	59	68	68	70	70	90	90
Ойротский	70	70	73	78	78	82	100

Источник: Гончарова 1995: 88.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что в течение 1930–1934 гг. лечебные учреждения области были обеспечены медицинским инструментарием и инвентарём от 60 до 80 % от установленных норм. Ситуация улучшилась к 1934 г., когда отдалённые районы и областной центр получили медицинское обеспечение в соответствии с нормами.

В 1935 г. для нового кабинета облбольницы была получена рентгеновая аппаратура хорошего качества. Снабжение медицинскими инструментами и предметами ухода выросло в несколько раз по сравнению с предыдущими годами. Для улучшения продуктового снабжения, некоторые лечебные учреждения организовывали прибольничные хозяйства. Например, в 1935 г. работники облбольницы засеяли 47 га пашни под сельхозкультуры и овощи, содержали коров, английских свиней, овец, кур, имели свой сельхозинвентарь.

К середине 1930-х гг., помимо количественного роста лечебных учреждений, наблюдалось качественное улучшение работы отдельных больниц и фельдшерских пунктов. Удовлетворительно работали больницы в Турочаке, Чое, Шебалино, Элекмонаре. Рацион питания больных улучшился в 2–3 раза [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 665. Л. 79об.].

До середины 1934 г. велся статучёт алтайской части населения области, поскольку среди алтайцев все еще сохранялся полукочевой быт. Так, в 1929 г. амбулаторно было принято 36735 алтайцев, в 1933 г. – 79764. Стационарный прием алтайцев составил: в 1929 г. – 702 чел., в 1933 г. – 1821 чел. [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78]. И так, за 4 года охват алтайцев амбулаторным обслуживанием возрос больше чем в 2 раза, стационарной помощью – почти в 3 раза.

Система оказания медицинской помощи организовывалась на предприятиях, в хозяйствах. К 1936 г. во всех совхозах (кроме мараловодческих) действовали медицинские пункты. Фельдшерские

пункты были созданы и в районах ведения лесозаготовок. В Турочакском аймаке работали 6 фельдшерских пунктов [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78об.].

Руководство Ойротской автономной области уделяло серьезное внимание системе мер по развитию здравоохранения в регионе: формированию передвижных медицинских отрядов, надбавках к зарплате врачей, освобождению жителей отдалённых районов (Кош-Агачского, Улаганского, Онгудайского, Усть-Канского) от платы за медикаменты в аптеках, усилить работу по охране материнства и младенчества. В этом же году бюро Ойротского обкома ВКП (б) приняло специальное постановление о медицинском обслуживании Кош-Агачского и Улаганского районов, где отмечалось, что необходимо заслушивать доклады о состоянии здравоохранения в целях претворения в жизнь решений партии и правительства о медицинском обслуживании населения. Бюро отмечало, что, по его оценкам, в пограничных районах работа в профилактических учреждениях несколько улучшилась, но не было ещё «удовлетворения от медицинского обслуживания трудящихся области» [Горный Алтай 2007: 94].

Кадры медицинских работников. Расширение сети медицинских учреждений требовало их кадрового обеспечения (см. табл. 5).

Таблица 5

Кадры медицинских работников Ойротии, чел.

Годы	Врачей	Средний медперсонал		Оспо при- вивателей
		С законч. средн. образованием	С незаконч. об- разованием	
1931 г.	33	44	20	4
1932 г.	32	46	24	10
1933 г.	34	58	30	11
1934 г.	33	55	44	6
1935 г.	36	54	80	10

Источник: Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 77.

Данные Облздрава подтверждают о том, что число врачей в первой половине 1930-х гг. несколько увеличилось, также расширилась и штатная структура. Наблюдался рост количества среднего медперсонала с незаконченным образованием. Пополнение среднего медперсонала осуществлялось за счет подготовки

работников на областных курсах медсестер. Так, в 1931 г. через курсы медсестер прошли 34 чел., 1932 г. – 20 чел., 1933 г. – 38 чел., 1934 г. – 17 чел., в 1935 г. – 37 чел., из них алтайцев 22 чел. Ясельных работников через областные курсы было выпущено: в 1931 г. – 104 чел., 1932 г. – 55 чел., 1933 г. – 115 чел., 1934–1935 гг. – 129 чел.

В дальнейшем подобного роста не наблюдалось, т.к. Наркомат здравоохранения РСФСР издал приказ об организации двухгодичных сестринских курсов только при больницах свыше 200 коек. И на курсы должны были приниматься медработники с 7-летним образованием.

В докладе «О состоянии и работе лечебных учреждений Ойротии» 8 января 1936 г. зав. облздравотделом Афанасьев отмечал: «... Здесь у нас постоянная нехватка персонала, особенно врачей, фельдшеров и акушеров. Ряд лечебных учреждений не развернуты полностью. Этот недостаток не только в сельской местности, но и в городе.

В Ойротии дело с кадрами далеко неблагополучно. Несмотря на все повышающиеся требования к медучреждениям, увеличивающейся обращаемости больных как амбулаторных, так и стационарных – ведущая часть медработников специалисты высшей квалификации – врачи к нам не прибывают» [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 77об.].

По плану на 1936 г. в штатах медицинских кадров области должно было числиться 74 врача, однако их реальное число составило 55 чел. Даже запланированное количество медицинских работников не соответствовало реальным нуждам здравоохранения области [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 827. Л. 73об.].

В областном центре также отсутствовали необходимые врачебные кадры. Например, в 1939 г. горполиклинике по плану предусматривалось иметь 16 среднегодовых врачебных единиц, но фактически в ней значились 10–12 врачей, при этом половина из них работали по совместительству [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 885. Л. 20].

В медицинской сфере ощущался дефицит и среднего медперсонала с законченным средним образованием. К примеру, в 1939 г. в аймаках области должно было занято 53 врачебных должности, а фактически работали 18 врачей занимающих 35 врачебных должностей, среднего медперсонала – 257 чел., а фактически было 211 чел, некоторые из них не имели законченного среднего образования [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 885. Л. 20об.].

Критически не хватало младшего медицинского персонала со стажем не менее 1 года, чаще всего рабочий стаж обычно составлял несколько месяцев.

Недостаток врачебных кадров наблюдался и в женско-детских консультациях. В 1939 г. вместо 9 врачей по плану работали лишь 4 врача [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 885. Л. 20].

Необходимо отметить о почти полном отсутствии медицинских кадров из коренного населения, процент коренизации среди медработников составил в 1936 г. 19 %, при этом – за счёт младшего персонала. В 1936 году в Ойротской автономной области числились только 1 врач и 7 чел. среднего медперсонала с законченным образованием. Отсутствовали лица с полным средним образованием для направления в медвузы. Для поступления в медрабфак существовали требования: образование, не ниже 4–5 классов, возраст 17–30 лет и стаж работы 2–3 года.

Очень многое зависело и от социальных и бытовых условий, в каких находились медработники области. Нерешенной оставалась проблема обеспечения медработников города и села квартирами, что сказывалось на текучести кадров.

На нехватку кадров влияло и низкое финансирование здравоохранения области. Так, например, в 1936 г. в Шебалинском аймаке при годовой смете в 63000 руб. расходовалось только 31000 руб. Медработников не снабжали продуктами питания. В облздрав постоянно поступали письма от медицинского персонала, в которых указывалось: «Когда можно будет есть хлеб не один раз за обедом, а хотя бы ещё с утренним чаем», «... Люди не думают о работе, а заняты главным образом вопросом, где достать рубль на хлеб, а сыскав его сосредотачивают внимание придется ли им получить, хотя бы немного хлеба ...» [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78, 82]. Имели место и другие случаи, когда, например в Чойском аймаке вновь прибывший зубной врач остался в течение полугода без квартиры и снимал «угол», проживая совместно с хозяевами [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 891. Л. 4об.].

Часто медработникам задерживали выплату зарплаты. В 1935 г. несвоевременно получали зарплату следующие аймаки: Шебалинский, Усть-Канский, Онгудайский, Усть-Коксинский. Особенно пострадали те лечебные учреждения, которые в 1935 г. перевели на низкобюджетные сельсоветы. Например, в Теньге медперсонал получал зарплату «авансами» в 10–40 руб. и не

знали за какой месяц с ними рассчитались. На остальные расходы сельсовет средства не выделял. В результате больницы «сидели» без дров, керосина, продуктов, не выкупали медикаментов. В городе, амбулатория систематически имела задолженность аптеке. В итоге аптека прекратила отпуск медикаментов в кредит [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 79].

Проблему кадров пытались решить путем их подготовки. В 1930 г. в Бийске открылась медико-санитарная школа, куда направлялись юноши и девушки из Горного Алтая. Также на учебу в мединституты и училища Новосибирска, Москвы, Томска, Омска, Свердловска и других городов продолжала прибывать алтайская молодежь. Число обучавшихся по медицинским специальностям постепенно возрастало [Гончарова 2008: 110].

Для повышения квалификации медиков Облздрав отправлял работников на курсы усовершенствования врачей. Так, в 1934–1935 гг. направили на курсы 6 чел., в 1940 г. – 23 чел. Переподготовку проходили при медицинских институтах Москвы, Ленинграда, Казани, Новосибирска [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78; Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 891. Л. 6].

Ранее, в феврале 1933 г. в Ойротии открываются курсы ясельных сестёр под патронажем заведующего областным отделом здравоохранения М.И. Вершинина. Будущих сестёр учили врачи М.А. Дивногорский, Русикова и Золотова. Директором курсов вначале работал В.Н. Благоразумов, а затем А.Ф. Каминская.

В это же время открывается школа ясельных сестёр, на базе которой в 1936 г. была основана фельдшерско-акушерская школа (ныне медколледж) [Кириченко 2000: 6]. К 1939 г. Ойротская областная акушерская фельдшерская школа обучила 21 человека по сестринской специальности, все они были направлены в аймаки области для работы в сельских врачебных участках.

В 1941 г. планировалось выпустить 17 фельдшеров с законченным средним образованием (из них 7 в области санитарии), и 29 сестёр для детских учреждений [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 891. Л. 5].

В объяснительной записке заведующего облздравом Цаплина указывалось: «На 1940 г. облздравотдел по плану должен получить по разнарядке Наркомздрава 8–10 врачей и кроме того в порядке добровольного приглашения из других республик и краёв получить 5–7 врачей, среднего медперсонала с законченным

средним медицинским образованием по примеру 1939 г. по разнарядкам Крайздраваоблздрав получит 30–35 чел., намеченный план получения медицинских кадров в 1940 г. ни в коей мере не обеспечивает всю медсеть по области, но улучшит медобслуживание как в смысле амбулаторных посещений у врача, так и посещений в фельдшерских пунктах на 30–40 %» [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 885. Л. 20об.].

Вследствие нехватки врачебных и фельдшерских кадров, медицинские учреждения не могли оказать действенную медицинскую помощь, особенно в сельской местности. Посещаемость фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов составляла 33 %. Так, на 1 октября 1939 г. в Ойротской автономной области работали лишь 29 фельдшерских пункта. На 1 января 1940 г. фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты были обеспечены кадрами полностью, хотя часть из них пополнялись не фельдшерами, а медсестрами без законченного среднего образования. Укомплектование некоторых фельдшерских пунктов медсестрами также дало снижение посещаемости больных в виду малой квалификации медсестер. В конечном итоге в 1940 г. в области работало 46 врачей и 410 человек среднего медицинского персонала [Народное хозяйство 1992: 94–97].

Мероприятия по борьбе с заболеваниями. Активно велась работа по борьбе с социальными и острозаразными заболеваниями: трахомой, венерическими болезнями, туберкулезом.

До 1934 г. в области работали временные глазные отряды, а с 1934 г. уже имелся 1 постоянный трахоматозный диспансер и 3 трахоматозных сестринских пункта. Планомерная борьба с трахомой началась в 1934 г., тем не менее она еще не приносила ощутимого эффекта [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 665. Л. 77]. Возглавлял противотрахоматозный диспансер выпускник Томского медицинского института В.И. Тискинеков [Хронограф 2019: 148–149]. Им были организованы первые постоянные отряды для оказания помощи по лечению глазных болезней. Ежегодно проводились профилактические осмотры населения города и районов для выявления заболеваний трахомой. Осмотры осуществляли медицинские работники общей лечебной сети и пунктов противотрахоматозного диспансера. Выявленных больных ставили на учёт. В населенных пунктах, не благополучных по заболеваемости, проводился осмотр населения, устраивались

консультации с разъяснениями по профилактике глазных заболеваний [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 827. Л. 73].

Целенаправленно осуществлялись мероприятия по борьбе с социальными болезнями. Уже в 1930 г. в Нижнем Уймоне создается четвёртый в Ойротской областной венерологический пункт на 3 койки, в нем работали 3 медика [Яимов 2011: 205]. В 1936 г. Ойротской автономной области оказывали медицинскую помощь два вендиспансера общей вместимостью 20 коек: областной венерологический диспансер на 10 коек, и передвижной вендиспансер, который действовал в Турочакском аймаке.

Проводилась в Ойротии работа и по ликвидации туберкулеза. Для достижения необходимых успехов требовалась серьезная материальная база. Между тем, на территории области отсутствовали стационарные учреждения (за исключением 5 коек при областном Тубкабинете), и не было специальных кадров. Например, в Улаганском аймаке лёгочный туберкулёз занимал значительное место среди других заболеваний, тогда как транспортирование больных в областной центр было крайне затруднительным из-за географической отдаленности и транспортной труднодоступности аймака. Учитывая эти обстоятельства, при Улаганской больнице был развернут стационар для туберкулезных больных на 5 коек [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 827. Л. 73, 73об.].

В 1935 г. в Ойрот-Туринской областной больнице организовали противотуберкулёзный диспансер на 7 коек. Его основателем стала Николаева Т.П. [Яимов 2011: 205].

В этот период активно способствовала созданию противотуберкулёзного санатория в с. Чемал Е.И. Калинина (супруга М.И. Калинина), сосланная на Алтай в 1930-е гг. Позднее в Чемале открывается и детский туберкулёзный санаторий на 150 мест [Хронограф 2019: 53].

В областном центре долгое время отсутствовала служба скорой помощи. При отсутствии автотранспорта медицинская помощь оказывалась с запозданием [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 827. Л. 73, 73об.]. Только в 1940 г. была организована городская станция скорой помощи.

Несмотря на определенные трудности в обслуживании населения, создаётся санитарная авиастанция для оказания скорой помощи населению отдалённых и труднодоступных районов. Санитарным самолётом производились вылеты по срочным

вызовам, где оказывалась своевременная медицинская помощь, благодаря этому были спасены жизни многих больных. Только за 1940 г. состоялось до 100 вылетов. Кроме того, производились плановые выезды на консультацию в аймачные амбулатории квалифицированных сил городских лечебных учреждений [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 891. Л. 6об.].

Охрана материнства и младенчества. Необходимым звеном в создаваемой системе здравоохранения являлась охрана материнства и младенчества (см. табл. 6). Так, к 1936 г. в областном центре работали 2 консультации (детская и женская), 3-е постоянных ясель на 60 коек, один Дом ребёнка на 40 коек, молочная кухня и пункт Охраны здоровья детей и патронаж. В 1939 г. открывается детская амбулатория (впоследствии – Горно-Алтайская областная детская больница). В 1940 г. детское здравоохранение переходит на участковый принцип работы. В частности, приказ № 59 от 28 января 1941 г. гласил о обязательном патронаже детей, 100 процентов госпитализации детей до года. В инфекционном отделении выделили 15 коек для борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями [Алябьева 1999: 4].

Таблица 6
Система охраны материнства и младенчества в Ойротской автономной области

Годы	Женских и детских консул.	Смеш.*	Молочн. кухня	Домов матери и ребёнка	Ясли			
					Пост.	Врем.	Из них нац.	Охват детей
1931 г.	1	-	-	-	60	97	43	2678
1932 г.	1	2	-	-	85	89	68	4169
1933 г.	1	3	-	-	83	98	74	4367
1934 г.	1	3	1	1	78	102	75	5300
1935 г.	2	3	1	1	28	145	47	3583

Источник: Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 665. Л. 78об.

* Так в документе.

В 1934 г. в городе открылся Дом матери и ребёнка и молочную кухню. Однако проблема недостатков кадров серьезно сдерживала полноценную работу учреждений охраны материнства и младенчества.

Областные власти обращали серьезное внимание на проблему развития системы охраны материнства и младенчества. В 1937 г., согласно отпущенных кредитов, помимо трех ясель строились облздравом еще новые ясли на 60 коек. Таким образом, охват обслуживания детей яслями увеличился в 2 раза. Выросшее население в городе предъявляло требование на гораздо большее количество ясельного обслуживания. В таблице 7 приведены данные по количеству яслей в городе и районах области на начало 1939 г.

Таблица 7
Сеть яслей на 1 января 1939 г. по Ойротской автономной области

Аймаки	Всего	Из них		Охват	Охват детей	
		постоянных	сезонных		в постоянных	в сезонных
Кош-Агачский	14	2	12	187	35	152
Улаганский	14	1	13	212	15	197
Усть-Канский	29	5	24	649	115	534
Онгудайский	21	4	17	410	88	322
Элекмонарский	23	6	17	315	115	200
Шебалинский	27	3	24	355	27	328
Усть-Коксинский	38	9	29	876	186	690
Чойский	14	3	11	243	51	192
Турочакский	16	1	15	251	36	215
Ойрот-Тура	28	3	25	495	61	434
Ойрот-Тура	5	5		80	80	
Всего по области	229	42	187	4073	8089	3264

Источник: Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 885. Л. 88.

Родильная помощь проводилась в областной больнице, находящейся от города в 4 км. И развивалась не на должном уровне (родильных коек при облбольнице было всего 15). Например, только за последние 5 месяцев 1936 г. ежедневно при облбольнице проходило от 25 до 30 родов. В силу дальности расстояния больницы от города и районов наблюдались случаи так называемых «уличных» родов. Поэтому приходилось держать в больнице специальные постоянно занятые 2–3 палаты от 15 до 25 чел. приезжающими из районов женщинами за значительный срок до родов (10–15 дней).

В сельской местности облздравотдел планировал организовать в каждом аймачном центре постоянно действующие ясли и одну женскую консультацию. Кроме того, ясли и консультации должны

были стать базой для подготовки кадров ясельных работников для колхозов на селе, где каждое лето развертывалось большое количество временных ясель [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 827. Л. 71об.].

Детские ясли организовывались и в сельской местности, прежде всего, в колхозах. Так, например, в колхозе «Кызыл Ойрот» Шебалинского аймака руководила детскими яслями ударница колхоза Аня Тушкенекова. Обязанности нянь в яслях зачастую выполняли работницы с положительными характеристиками, как правило, ударницы производства. Правление колхоза выделяло в достаточном количестве мясные, молочные и другие продукты. «... Каждому ребёнку пошито несколько комплектов белья, оборудована хорошая постель, выдано полотенце, кусок туалетного мыла и зубная щётка», – указывалось в газетной заметке [Морозов 1935: 1].

Проводимые курсы при областном центре ясельных работников, в силу дальности расстояния 400–500 км, не могли в достаточной мере обеспечить необходимой подготовкой кадров для колхозной ясельной сети отдаленные аймаки.

Вновь проектируемые 5 детских и женских консультаций и 12 постоянных ясель, а также планирование выделения больших объемов ассигнований на дотацию временным яслям по сельской местности увеличивало ассигнование 1937 г. по отношению к 1936 г. на сумму 461100 руб. (сюда включалось и содержание аймачных инструкторов ОХММ в сумме 27 тыс. руб.). При этом отмечалась частая смена инспекторов ОММ по причине низкой оплатой труда [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 11. Д. 1. Л. 14].

Санитарно-профилактическая работа. Важной проблемой являлась работа по санитарному оздоровлению и санитарному просвещению в области. Участок работы по данному направлению являлся наиболее слабым звеном в деле здравоохранения из-за нехватки кадров, слабой материальной базы санитарной службы, невысокой санитарной культуры населения.

Санитарно-профилактическая работа в области разворачивалась медленно из-за отсутствия санитарных врачей. В 1930 г. была создана первая межрайонная санэпидемстанция [Коробко 2002: 13]. Так, летом 1933 г. облздрав принял на работу двух санитарных врачей, но им не выделили квартир. В результате оба врача вскоре выбыли [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 696. Л. 117].

Исходя из реальных возможностей, облздрав наметил самые необходимые мероприятия. Их осуществление послужило первоначальной базой для проведения планомерной работы и успешной работой по борьбе с эпидемиями.

Так, например, в 1937 г. в области по штату требовались: 1 врач эпидемиолог, 2 санврача, 3 помощника санврача и по одному дезинфекторов на десять аймаков.

Также в Ойротской автономной области необходимо было организовать пункты санитарной службы в аймаках: 2 межаймачные санитарные лаборатории и дезопункт в Кош-Агаче [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 827. Л. 72.].

С 1940 г. в штаты здравотделов введены санинспектора в количестве 7 чел. на область [Любушкина 1947: 2].

В области сохранялась тревожная обстановка по сыпному тифу. Для оказания практической помощи на врачебные участки направляются врачи с других регионов края, например, из Бийска в Черный Ануй поехал врач Машкович, Абышкин – в Чибит, Кашина – в Абай, Мусат – в Теньгу [Алябьева 1999: 5].

В довоенный период начинается плановое наступление на все инфекционные заболевания. К 1937 г. на территории области ликвидированы последние случаи заболеваний оспой, чумой, чуть раньше было покончено с холерой. К 1940 г. заболеваемость сыпным тифом по сравнению с 1922 г. снизилась в 26 раз и фиксировалась в единичных случаях [Коробко 2002: 14]. Накануне Великой Отечественной войны в области было закончено поголовное оспопрививание, создана хорошая иммунная прослойка среди детского населения по отношению к ряду инфекций [Кодкин 1961: 55].

Для борьбы с малярией в 1938 г. образована областная малярийная станция. С 1941 г. работала областная зубная станция, проводящая работу по профилактике и лечению эндемического зоба. Для организации и руководства санитарно-просветительской работой в 1940 г. создали областную санпросветбазу. С 1937 г. при областной больнице работал пункт переливания крови [Любушкина 1947: 2].

Развитию здравоохранения в Горном Алтае в 1930-е гг. много сил и энергии отдали врачи Д.Г. Мешкинд, М.Н. Гвоздева, В.М. Купенко, Николаева Т.П., Любушкина В.М., Иванова П.П., Тарский Г.З., Сазыкина Т.С., Баклыкова В.В., Тарасова П.А., а

также медицинские работники среднего звена Соколова Т.П., Эдокова А.М., Абабкова Т.П., Власова К.В. и Ходочинская В.Х. и многие другие. Широко известно имя Тарского Г.З., начав свою работу участковым врачом Онгудайской больницы, он в дальнейшем более 30 лет возглавлял терапевтическую службу, являясь по существу, её организатором [Ларкин 1967: 2; Кириченко 2000: 6]. Эти доктора заложили фундамент медицины, определили стратегию охраны здоровья на многие годы вперёд. К сожалению, некоторым выпала трагическая судьба. Были расстреляны врач-рентгенолог городской поликлиники К.М. Барановский (1938 г.) [Книга памяти 1996: 17], врач городской поликлиники О.Е. Витковская (1938 г.) [Книга памяти 1996: 21], первый зав. здравоохранением в Ойротии П.Я. Гордиенко (1937 г.) [Моя судьба 2006: 31, 32], заведующий Ойротским облздравотделом Д.Ф. Коробченко (1938 г.) [Книга памяти 1996: 32], заведующий баклабораторией С.В. Ким (1938 г.) [Книга памяти 1996: 30]. Объявлен «врагом народа» бывший заведующий Ойротским облздравотделом, ректор Омского мединститута профессор И.И. Сысоев (1938 г.) [В жерновах 2014: эл. ресурс]. К длительным срокам лишения свободы были приговорены врач, санинспектор В.Н. Благоразумов (1938 г., лишен свободы на 12 лет) [Книга памяти 1996: 19], главный врач облбольницы Н.Я. Иоффе (1938 г., лишен свободы на 10 лет) [Книга памяти 1996: 24], врач городской поликлиники А.И. Трибунская (1937 г., лишена свободы на 10 лет) [Книга памяти 1996: 37] и другие... В список репрессированных попал врач-окулист В.И. Тискинеков (расстрелян в 1938 г.) [Книга памяти 1996: 47; Мемориальная доска 2018: 12; Полтева 2008: 76–78].

В предвоенные годы в области здравоохранения проводятся мероприятия, направленные на улучшение социальных условий медработников. В этот период повышается заработная плата врачей от 350 до 500 руб. (если стаж более 10 лет), упорядочивается режим работы. В 1940 г. медработники переходят на восьмичасовой рабочий день. С 9 мая 1940 г. вводится участковый принцип. В область прибыло 26 врачей, из них 5 зубных, 26 акушерок, 45 медсестёр [Алябьева 1999: 4]. К этому времени сеть учреждений здравоохранения заметно расширилась: в 1940 г. на территории области работали 22 больницы, 23 амбулатории, 43 фельдшерских пункта, 3 вендиспансера, 36 трахоматозных медпунктов и отрядов, тубдиспансер, 11 зубокабинета в лечебных учреждениях,

1 рентгеновский кабинет, 12 аптек [Народное хозяйство 1992: 94–97].

Меры, предпринимаемые в 1930-е годы, способствовали дальнейшему становлению и развитию системы здравоохранения, основанной на принципах бесплатности и доступности. Создаётся широкая сеть медицинских учреждений, формируется их материально-техническая база. Особенностью создаваемых медицинских служб в Горном Алтае являлось использование как передвижных, так и стационарных форм. Началась планомерная подготовка медицинских кадров и из числа молодежи алтайской национальности, усилилась работа по санитарному просвещению, удалось ликвидированы некоторые социальные заболевания. Возможности для широкого оказания медицинских услуг населению сдерживал ряд проблем регионального характера: недостаточная плотность медицинской сети в отдаленных районах, отсутствие высококвалифицированных специалистов, слабые возможности медучреждений для оказания специализированной помощи, нехватка медикаментов и инструментария.

3.8.2. Народное образование

Развитие школьной сети. Достижение всеобщей грамотности являлось одной из приоритетных задач советского государства. Развернувшаяся в стране индустриализация требовала безотлагательного решения этой задачи. В соответствии с решениями XVI съезда ВКП (б) были приняты постановления ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г., ВЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. о введении в стране с 1930-1931 учебного года всеобщего обязательного начального обучения детей в возрасте с 8 до 10 лет. В соответствии с указанными решениями Президиум Горно-Алтайского облисполкома 19 января 1931 г. постановил о введении всеобщего обязательного начального обучения на территории всей области для детей 8–11 лет, а для алтайского населения – детей до 12 лет.

В связи с нехваткой в Ойротской автономной области учителей и помещений школ, в 1930-1931 учебном году предусматривалось введение всеобщего обучения только в двух аймаках – Майминском и Онгудайском, а также в г. Улале, как наиболее подготовленных для проведения всеобщего обучения. Предполагалось, что в этом учебном году школу будут посещать 70 % алтайских и 71 % русских детей

[Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 212. Л. 30]. На всей территории области всеобуч планировалось ввести с 1931-1932 учебного года.

Однако на местах условия для организации всеобуча были сложными, аймаки имели ограниченные возможности для решения поставленных задач. В середине августа 1931 г. стало известно, что в Онгудайском аймаке введение всеобщего начального обучения было на грани срыва. Для помощи аймоно областным советом народного просвещения (Облсовнарпросом) и областным отделом образования была организована бригада, которая провела подготовительную работу в аймаке. В другие аймаки также были направлены инспектора Облсовнарпроса. В отчетах облоно отмечалось, что местные организации не понимали значения введения всеобщего начального образования и не принимали соответствующих мер. Дети школьного возраста оставались без обуви, одежды, питания. Отдельные школы из-за недостатка топлива закрывались на несколько дней (Чибит, Чемал, Успенка и др.) [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 212. Л. 30]. Введение всеобщего обязательного начального обучения в Горном Алтае сдерживали сложные условия региона: кочевой и полукочевой образ жизни части населения, труднодоступность значительной части территории Горного Алтая, слабая материальная база системы народного образования.

Несмотря на перечисленные трудности, количество школ, открытых в первые годы всеобуча, постоянно увеличивалось (см. табл. 1).

Таблица 1

Школьная сеть в первые годы всеобуча (1930-1933 гг.)

Годы	Всего школ	Количество школ		
		Национальные	Русские	Смешанные
1930-1931	175	57	76	42
1931-1932	209	77	81	51
1932-1933	230	69	111	50

Источник: История Горного Алтая Т. 2. 2000: 238.

Рост количества национальных школ в 1931-1932 учебном году связан с началом перевода коренного населения на оседлый образ жизни. В каждом населенном пункте была построена школа.

В 1931-1932 учебном году начальной школой было охвачено 90 % детей в возрасте 8–11 лет. При этом удельный вес детей алтайцев в возрасте до 12 лет, которые посещали начальную школу,

достиг 89,5 %. В 1932-191933 учебном году школу посещали 85,8 % детей школьного возраста. Снижение процента обучающихся детей в отчетах объяснялось тем, что местные органы не принимали меры против отсева учащихся. Дети из отдаленных селений, проживавшие в общежитиях и интернатах при школах, оставались без продуктов питания, в свободное от занятий время никто с ними не занимался, не следил за их здоровьем. Поэтому многие из них вернулись к родителям [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 7. Д. 8. Л. 1]. В аймачных отделах народного образования отсутствовали общие сведения о количестве детей школьного возраста, был плохо организован подвоз детей.

В этом же учебном году алтайские начальные школы были переведены областным отделом народного образования на пятилетний срок обучения. Соответственно изменялись учебные планы, программы и учебники.

С переходом к всеобщему начальному обучению встала необходимость строительства зданий для школ. Особенно трудно было решать эту задачу в районах с полукочевым и кочевым алтайским населением. Экспроприированные дома баев представляли собой избушку или юрту, которые трудно было использовать под школу. В 1932 г. из 209 работающих школ лишь 74 располагались в специально приспособленных зданиях, остальные учебные заведения располагались во временно используемых помещениях [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 375. Л. 27]. Для решения вопроса о строительстве качественных зданий школ требовались дополнительные ассигнования. В 1932 г. на строительство новых школьных зданий выделили 329 тыс. руб., из них 50 % передавалось четырем районам – Усть-Канскому, Онгудайскому, Кош-Агачскому, Улаганскому, население которых переводилось на оседлость.

Архитектурно-сметным бюро Наркомпроса РСФСР и Сибирским краевым отделом народного образования были разработаны проекты ойротских школ. В проекте количество классных комнат зависело от числа групп-комплектов. Также предусматривались коридор, рекреационный зал и интернат. Но ввиду недостатка средств в областном бюджете ассигнования, получаемые из центра, шли лишь на первостепенные нужды школ и интернатов. Поэтому для строительства школ был использован более дешевый проект, разработанный техником облоно Мартыновым. В соответствие с данным проектом предполагалось одно учебное

помещение, комната для учителя и сторожа, столовая, комната для ночлега, баня. В пояснительной записке к проекту указывалось на возможность последующей пристройки к зданию дополнительных комнат с целью размещения нескольких ученических комплектов. На практике чаще всего ограничивались одним учебным помещением и, в лучшем случае, коридором. Школьные здания были небольшими, с окнами без откидных фрамуг, без комнат для одежды и умывания, рекреационных и подсобных помещений.

Ввод в действие школьных зданий затягивался из-за низких возможностей строительной базы. В 1932 г. намечалось построить 15 новых школьных зданий и достроить 17, которые не были введены по планам прошлых лет. Из 15 школ 10 планировалось построить в аймаках, где велась работа по переходу полукочевого населения к оседлости. К началу учебного года началось строительство 9 школьных зданий, их достроить не удалось. К строительству 6 так и не приступили, поскольку не были заготовлены лесоматериалы. Из 17 зданий школ, которые планировалось достроить в 1932 г., к ноябрю сдали лишь 9. На низкие темпы строительства школ влиял ряд факторов: дефицит квалифицированных рабочих кадров в области; несвоевременное финансирование; неудовлетворительное выполнение заявок области на получение дефицитных стройматериалов (листовое железо, цемент, стекло, олифа, краски, гвозди и т.д.) со стороны крайстройснаба и пр. Для форсирования строительства и оказания практической помощи облисполком направил в аймаки бригаду техников-строителей в составе 4 чел. сроком на месяц. Президиум областного исполкома возбудил ходатайство перед краевым исполкомом об отпуске ссуды на два года в размере 326 тыс. руб. для постройки школ.

Секретариат Запсибкрайкома ВКП (б) контролировал осуществление всеобуча в Ойротии. Об этом свидетельствуют докладные записки отдела культуры и пропаганды при обкоме ВКП (б) (Культпроп) и отчетные документы советских органов. Например, в постановлении секретариата Запсибкрайкома ВКП (б) о подготовке школ к 1932-1933 учебному году работа Ойротского обкома признавалась неудовлетворительной. В постановлении отмечалось, что многие планируемые школьные здания не были построены и отремонтированы к началу учебного года. Учителя в некоторых аймаках не получили отпускные и доплаты к зарплате за предыдущий учебный год. Констатировалась, что школы

были обеспечены оборудованием на 50 %. Областным отделом образования не был разработан конкретный план подготовки школ к новому учебному году, а аймисполкомы, по-прежнему, не уделяли должного внимания введению всеобуча в районах [Школа Западной Сибири 1970: 156].

В начале 1930-х гг. материально-правовое положение учителей в области оставалось тяжелым. Постоянная задержка зарплаты учителям со стороны большинства аймакисполкомов не способствовала закреплению в школах молодых педагогических кадров. В целях устранения текучести учительских кадров областные власти пытались улучшить материальное положение работников школы, обязывая власти на местах усилить меры по материальному снабжению учителей, а прокуратуре – повысить контроль по защите прав школьных работников. Факты «безобразного отношения к просвещенцам» освещались в газетах «Ойротский край» и «Советская Сибирь». Однако эти решения оставались большей частью на бумаге, не повлияв на улучшение материального положения учителей [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 656. Л. 11].

К 1932-1933 учебному году ликпункты и школы малограмотных были полностью обеспечены учебниками как на русском, так алтайском и казахском языках.

Деятельность пунктов по ликвидации неграмотности в период культпохода согласовывалась с работой культурно-просветительных учреждений, особенно с библиотеками, избами-читальнями, юртами-передвижками. Приобретенные навыки закреплялись чтением газет, книг, просмотром спектаклей, работой в кружках.

Для улучшения работы по ликвидации неграмотности в области использовали в 1930-е гг. различные формы: культэстафеты и культштурмы, культслеты, культотряды. К 1937 г. грамотных среди населения области было 86 процентов.

К 1932 г. выполнение решения о всеобуче уже дало определенные результаты. В целом же, как утверждает исследователь П.Л. Трофимов, всеобщее начальное обязательное обучение детей в Западной Сибири как в русских, так и в национальных школах было в основном закончено в течение трех лет, т.е. к 1933 г. Однако итоги смотра реализации постановления «О начальной и средней школе» свидетельствовали о том, что на 15 февраля 1933 г. охват детей в национальной школе составил 83 %.

Осуществление всеобщего образования требовало значительных ассигнований. Основным источником средств, выделяемых народному образованию, являлся бюджет области. Немалое значение имели и средства общественных организаций и населения, однако данный источник финансирования не был представлен в финансовой отчетной документации.

Заметную роль в решении задач всеобщего образования сыграло и население области. Жители сел и города на собраниях выдвигали встречные планы о досрочном выполнении всеобщего образования. С этой целью проводили месячники оказания помощи школе, субботники и воскресники по подготовке школ к учебному году.

Невзирая на трудности, уже в середине 1930-х гг. подавляющая часть детей в возрасте 7–12 лет (98 %) посещала начальную школу. В области начался следующий этап развития образования – подготовка к введению семилетнего всеобщего образования. 1 июня 1935 г. Ойротский облисполком принял решение «О плане введения семилетнего всеобщего обучения в области». Пятые классы намечалось открыть в Ыныргинской, Паспаульской, Яконурской, Талицкой, Курмач-Байгольской, Кебезенской, Теньгинской, Ильинской, Каспийской, Бешпельтирской, Кош-Агачской, Чибитской, Улаганской, Сайдысской, Манжерокской и Кызыл-Озекской школах. В последующие годы сеть неполных средних школ увеличивалась более быстрыми темпами, например, в 1936 г. удалось ввести в строй 22 школы. Учащиеся сел, проживавшие далеко от семилетних школ, обеспечивались общежитием. Учеников подвозили к школам один раз в неделю. Общежитиями были обеспечены 92 школы, детей обеспечивали горячими завтраками. Нуждающимся детям оказывалась помощь одеждой и обувью. В 1935-1936 учебном году в городе и в 5 аймаках было выдано: обуви – 128 учащимся, и одежды – 327 учащимся [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 450. Л. 101].

На первой областной конференции учителей-ударников, проходившей в январе 1935 г., в докладе заведующего областным отделом народного образования отмечалось, что грамотность населения к 1935 г. в области составляла 89,9 %, а среди алтайского населения 86,6 %. Функционировало более 200 начальных школ с охватом 17084 учащихся, в том числе 5303 алтайцев, более 30 неполных школ, одна средняя школа, три техникума (педагогический, зооветеринарный, кооперативный), педагогический рабфак, художественная школа, леспромхозучилище. В вузах страны

обучалось 116 чел., в том числе 74 алтайца [История Горного Алтая 2000: 238].

Основное внимание властей области уделялось развитию национальных школ для алтайского населения. С каждым годом возрастали объемы издания учебников на родном языке. Учащиеся начальной национальной школы в 1935-1936 учебном году обеспечивались учебниками по большинству предметов [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 450. Л. 111].

В улучшении работы национальных школ области положительную роль сыграл перевод алтайской письменности с латинизированного алфавита на русскую графику. ЦИК РСФСР в 1938 г. принял решение о переводе алтайской письменности на графику русского алфавита, утвердил алтайский алфавит и орфографию алтайского языка. В основу алтайской орфографии был положен проект Т.М. Тоцаковой. Перевод алтайской письменности с латинской транскрипции на русский алфавит помогал учащимся не только овладеть научными основами родного языка, но и успешно изучать русский язык. На основе нового алфавита и орфографии стали издаваться учебники, программы, наглядные пособия для национальных школ, книги.

В 1938 г. Наркомат просвещения ввел единые для всех нерусских школ учебные планы. Изучение русского языка стало обязательным. В национальных начальных алтайских школах преподавание русского языка начиналось со 2-го, а в неполных средних и средних школах – с 3-го класса.

В конце 1930-х гг. усиливается внимание к изучению русского языка, что, с одной стороны, давало возможность национальным кадрам продолжать обучение, и, с другой, – облегчало адаптацию русскоязычного населения в национальном регионе. Однако ослабление внимания к национальным школам вело к размытию национальной самобытности народа, унификации культуры.

С переводом основной массы алтайского населения к оседлости во второй половине 1930-х гг. выросла сеть средних и неполных средних школ. В 1937-1938 учебном году в области насчитывалось 38 неполных средних школ с общим количеством 5580 учащихся и 9 средних школ, в которых обучалось 428 чел. Таким образом, в конце тридцатых годов процесс формирования советской общеобразовательной школы в Ойротской автономной области был, в основном, завершен.

Однако в постановлении СНК РСФСР от 21 декабря 1939 г. «О состоянии всеобщего обязательного обучения в школах РСФСР» подчеркивалось, что в ряде краев, областей и автономных республик план всеобщего обучения детей выполнен не полностью. Совнарком РСФСР в целях выполнения этого плана предложил Наркомпросу РСФСР и органам местной власти обеспечить вовлечение в начальные школы всех детей, подлежащих обучению.

Становление школьной системы в Горном Алтае на основе всеобщего начального образования происходило в сложных условиях. Многие проблемы социального и бытового характера сохраняли свою остроту, что серьезно сказывалось на снабжении школ, становлении материальной базы народного образования. Так, в начале 1940-1941 учебного года 235 детей не посещали школу. Были приняты меры к развертыванию интернатов, буфетов при школах и т.д. Но эти мероприятия не закреплялись до конца учебного года, что приводило к отсеву учащихся весной. В течение всего учебного года отсутствовал должный учет за посещаемостью школьниками учебных заведений со стороны администрации школ, органов народного образования, сельских исполкомов. В некоторых школах, не посещающих занятия учащихся, просто вычеркивали из списка в журналах, не выясняя причин их отсутствия. Не был организован подвоз учеников, живущих далеко от школы. Не принимались меры предупреждения отрыва учащихся от школы в связи с перегоним скота на весенние пастбища и началом охоты. Всего из школ в данном учебном году выбыло 5086 учащихся, из них учащихся начальной школы – 2768 чел.

Тем не менее, в Ойротии работа органов власти всех уровней, ведомств и образовательных учреждений по введению всеобщего начального обучения принесла ощутимые значимые результаты. В 1940-1941 учебном году в области работали 305 школ, из них начальных школ – 219, начальных средних школ – 63, средних школ – 18. В школах обучалось числилось 20170 учащихся [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 11. Л. 33].

Педагогические кадры. С ростом сети школ встала задача их пополнения учителями. С середины 1920-х гг. подготовка учителей для начальных классов осуществлялась в Улалинской школе II ступени из числа учащихся. Большую роль в подготовке педагогических кадров сыграл открывшийся в октябре 1932 г.

Ойротский педагогический техникум (с 1937 г. – педагогическое училище) в г. Ойрот-Тура. В октябре 1932 г. Ойротский облисполком принял решение об открытии при педагогическом техникуме высших педагогических курсов с двумя отделениями: обществоведческим и русского языка, родного языка и литературы. Поступающие на курсы должны были иметь образование не ниже 7 классов и трехлетний стаж работы.

Первый выпуск учителей начальных классов в количестве 20 чел. состоялся в 1931 г. В связи с увеличением сроков обучения в училище выпуска в 1932 г. не было. В январе 1933 г. техникум окончили 15, а в июле того же года – 16 чел. (школьное отделение). В 1934 г. в педтехникуме открылось вечернее отделение, в результате количество учащихся возросло. В 1936 г. в техникуме обучалось 358 чел. В 1937 г. техникум переименован в педагогическое училище [Аксенова 2019: 16, 17].

В 1920-е гг. в стране начинает складываться система заочного образования. В 1929 г. Наркомпрос РСФСР утвердил принципы и организационные основы заочного обучения. Были созданы специализированные центры кадров без отрыва от производства. В 1931 г. в педагогическом техникуме г. Ойрот-Тура было создано заочное отделение, на котором в 1932 г. заочно обучалось 45 чел. В 1937 г. образование заочно в области получили 263 чел. Несмотря на недостатки заочного обучения из-за отсутствия единых учебных планов и большой текучести заочников, набор на заочное отделение увеличивался, т.к. это позволяло повысить уровень образования тех, кто уже работал в школе учителями. В марте 1931 г. учителя-заочники приравнивались к студентам стационарных отделений [Аксенова 2019: 16].

Для того, чтобы обеспечить возросшую школьную сеть кадрами, в Сибири расширили сеть педагогических техникумов и школ с педагогическим уклоном. С 1 октября 1932 г. в г. Ойрот-Туре подготовку квалифицированных кадров из числа алтайской молодежи начал проводить национальный педагогический рабфак. В истории образования страны XX в. рабочие факультеты (рабфаки) сыграли значительную роль. Они должны были готовить детей рабочих и крестьян к поступлению в вузы страны. Рабфак Ойрот-Туры осуществлял подготовку национальных кадров. Большинство слушателей ойротского рабфака поступали после курсов ликвидации грамотности, с плохим знанием русского языка. Поэтому на изучение

русского языка выделялось значительное количество времени: 16 часов в неделю, арифметику – 8 часов, природоведение – 4 часа. Первый набор составлял 60 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 656. Л. 9].

Подготовка учительских кадров через систему очно-заочного образования в педагогическом техникуме и на курсах рабфака приносила положительные результаты, количество педагогических кадров, в том числе – среди коренного населения – заметно увеличилось. Так, в 1935 г. в школах области работали 716 учителей, из них 240 алтайцев [Демидов 1970: 207]. В 1938 г. более 300 алтайцев были направлены из школы на подготовительное отделение педучилища и рабфака [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1001. Л. 60]. Одновременно учительский состав в школах Ойротии пополнялся за счет специалистов, прибывавших из других краев и областей, много учителей в Горный Алтай приезжало по путевкам Наркомпроса. Однако основным каналом пополнения состава учителей в Ойротской автономной области в 1930-е гг. являлась система краткосрочной курсовой подготовки и переподготовки. На курсах осуществлялся учебный процесс по специальной программе, с учетом национальных особенностей и языка.

С ростом во второй половине 1930-х гг. числа школ повышенного типа – неполных средних и средних школ, началось перемещение учителей из начальных классов в старшие, возросла потребность в педагогических кадрах высокой квалификации. 27 сентября 1936 г. вопрос о педагогических кадрах и их квалификации стал предметом обсуждения на расширенном заседании бюро Ойротского Обкома ВКП (б). В постановлении предлагалось создать сеть консультационных пунктов для учителей. Для инспекции подготовки кадров в штат облоно вводились должности двух разъездных инструкторов для обслуживания Кош-Агачского, Улаганского, Усть-Канского, Онгудайского районов. В зимние каникулы проводились конференции учителей.

В целях повышения квалификации учительских кадров, по инициативе Ойротского обкома ВКП (б) организовывались аттестации школьных работников. Аттестация способствовала выявлению учителей новаторов, обобщению и распространению передового педагогического опыта, повышению общеобразовательной и педагогической подготовки учительских кадров. Из 840 учителей, прошедших аттестацию, 287 получили звание учителя начальной и

средней школы. Остальным было предложено продолжить работу в школе и к определенному сроку закончить заочно педагогические учебные заведения.

Расширение сети школ требовало увеличения количества учительских кадров. В 1937 учебном году, прием на первый курс педтехникума был доведен до 180 чел. Росли возможности заочного обучения, в течение двух лет (1938–1939 гг.) педагогическое училище закончили заочно 160 учителей. К концу 1938 г. 450 учителей области учились заочно в педагогических и учительских институтах, техникумах [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 4. Д. 9. Л. 56]. Прошедшая аттестации выявила 160 учителей-отличников и ударников, добивавшихся полной успеваемости учащихся. Их опыт изучался и распространялся в школах области. Лучшие из них: С.Н. Шабуракова, С.А. Алексеев, С.Н. Усов, М.В. Аниконова, А.К. Вагаева были удостоены правительственных наград указом от 10 мая 1939 г. [Госархив РА. Ф. Р–241. Оп. 1 Д. 49. Л. 32].

Несмотря на трудности и проблемы, количество учительских кадров в Ойротии увеличивалось. В 1940-1941 учебном году в школах области работали 1371 чел. Из них алтайцев и казахов – 344. Среди учителей по уровню образования преобладали учителя, имевшие среднее и незаконченное среднее образование. Для перехода к всеобщему семилетнему образованию в области необходимо было решать проблему подготовки кадров педагогов с высшим образованием. Облоно стремилось повысить квалификацию учителей через заочное обучение в педтехникуме и в институтах. Для решения указанной задачи при Ойротском педучилище создается филиал сектора заочного обучения Бийского учительского института. Это облегчило получение неполного высшего образования учителями области, особенно города и ближайших аймаков. Из 583 учителей, работавших в средних и семилетних школах, должны были направлены учиться 552, а реально обучались только 39 чел.

Сложным оставалось положение с учителями для национальных неполных и средних школ. Педучилище и рабфак не справлялись с задачей подготовки квалифицированных кадров для 5–7 классов и средней школы. В 1941 г. в Бийском учительском институте открылось национальное отделение для подготовки учителей неполных и средних школ Ойротской автономной области. В 1940 г. при Ойротском областном педагогическом кабинете, в

котором работали наиболее квалифицированные учителя в качестве методистов, организуется отдел национальных школ. Отдел проводил работу по оказанию методической и консультативной помощи учителям родного и русского языка национальных школ. В Ойротской автономной области к началу 1940-х гг. были достигнуты значимые результаты для организации системы подготовки учителей для национальной школы и для повышения квалификации педагогов.

Таким образом в 1930-е гг. на территории области было в основном осуществлено всеобщее начальное обучение детей школьного возраста и развернулась работа по введению всеобщего семилетнего образования. Была расширена школьная сеть путем строительства сельских школ. В результате в систему школьного образования удалось вовлечь все районы области, включая отдаленные труднодоступные местности с кочевым и полукочевым населением. Опережающими темпами шло строительство национальных школ.

В 1930-е гг. была создана структура общеобразовательной школы, обеспечивающая преемственность получения образования, которая действовала в области в предыдущий период. Процесс развития школьной системы обучения в Ойротской автономной области шел в русле тенденций общегосударственного развития. В ходе школьного строительства приходилось преодолевать многие трудности, связанные недостаточно приемлемым уровнем материально-финансового обеспечения работы школ.

Уровень общепедагогической подготовки у многих учителей оставался низким. Состав новых учителей в основном формировался системой краткосрочных курсов, что вполне отвечало требованиям количественного роста педагогического контингента. Главной задачей стала подготовка и воспитание учительского контингента, который по своему происхождению, политической благонадежности должен был стать проводником партийной линии, в первую очередь – в деревне.

3.8.3. Культурное строительство. Культура и искусство

С конца 1920-х гг. партийное руководство приступает к установлению контроля над культурной и творческой жизнью в стране, начинается огосударствление культуры. Вопросы культуры

находились в ведении Наркомата просвещения. С развертыванием форсированного строительства социализма в стране деятельность в сфере культуры и искусства переходит под жесткий политический контроль и начинает приобретает пропандистскую направленность. Основными целями провозглашенной большевиками культурной революции назывались: во-первых, повышение уровня грамотности населения и приобщение к культурным ценностям, во-вторых – распространение и утверждение основных постулатов марксистско-ленинской идеологии.

Основную работу по культурному и политическому просвещению населения вели культпросветучреждения. В 1931 г. сеть культурно-просветительских учреждений имела разветвленный характер и включала 75 изб-читален, 16 библиотек, 3 клуба, 3 Дома культуры, 1 краеведческий музей, 1 областную художественную школу [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 277. Л. 12]. Партийные и государственные власти области возлагали на перечисленные выше учреждения ведение политико-воспитательной и агитационной работу по вовлечению коренного населения в новую жизнь. В народных Домах, клубах, избах-читальнях, библиотеках, юртах-передвижках лекторы и агитаторы проводили беседы, читали лекции на самые разные темы, создавали ликбезы, показывали кинофильмы, медицинские работники оказывали медицинскую помощь, ставились самодеятельные спектакли. По-прежнему большую роль в политико-воспитательной и культурно-массовой работе играли избы-читальни, красные уголки. В период осуществления коллективизации и перехода алтайского населения на оседлость роль изб-читален еще более возросла. Они под руководством местных партийных органов становились центром политико-воспитательной работы в сельской местности. При избах-читальнях и красных уголках в селах создавались различные курсы: агротехники, агротехзнаний, по овладению сельскохозяйственной техникой. Организовывались инициативные группы агитаторов создания колхозов, бригады по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, по культурному обслуживанию крестьян в период полевых работ.

В годы коллективизации и перехода алтайского населения на оседлый образ жизни увеличилось число изб-читален и красных уголков: в 1936 г. изб-читален стало 92, красных уголков – 296 [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 901. Л. 245]. Одновременно росла

сеть национальных изб-читален, которых в 1934 г. было 44, а юрт – передвижек в 1936 г. насчитывалось 13 [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 205-б. Л. 4].

При Домах культуры, клубах, избах-читальнях работали кружки художественной самодеятельности. В 1935–1936 гг. и в 1938–1939 гг. были проведены областные олимпиады народных талантов.

Учреждения культпросвета под руководством партийных органов осуществляли большую агитационно-массовую работу, меняя формы деятельности. Место передвижных форм постепенно занимали стационарные. В 1939 г. уже действовали 11 Домов культуры, 115 изб – читален, 114 колхозных клубов, 207 красных уголков. В период весеннего сева 1939 г. 132 агитбригады обслужили 458 колхозных ферм. Приоритетом являлось создание культурных центров на местах, в колхозах [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 299. Л. 31].

В 1930-е гг. партийными и государственными органами по-прежнему большое внимание уделялось развитию библиотечной сети и комплектованию библиотек, в первую очередь – книгами на алтайском языке. Значительно увеличилось число библиотек области и их книжного фонда: в 1937 г. насчитывалось уже 52 различных библиотеки с книжным фондом более 60 тыс. экз. [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 1. Д. 971. Л. 31].

Развивалась киносеть области. В 1930 г. в Горном Алтае кинопоказ населению осуществляли 6 киноустановок. В 1936 г. в области работали уже 11 киноустановок, 12 кинопередвижек, 1 звуковая киноустановка, 1 звуковая кинопередвижка. Но развитие киносети сдерживалось серьезными трудностями: не хватало квалифицированных кадров, знающих киноаппаратуру, подготовленных лекторов, которые могли бы провести на алтайском языке лекцию перед показом кинофильма.

Проводилась работа по подготовке кадров работников кинофикации, создавались новые кинопередвижки, совхозы и колхозы приобретали киноустановки. К концу 1930-х гг. все стационарные установки стали переводиться на звуковую систему. В мае 1936 г. открылся первый в истории Ойротской автономной области фестиваль советских художественных фильмов, на котором демонстрировались такие популярные ленты, как «Чапаев», «Подруги», «Партийный билет» и другие. В 1939 г. был открыт

первый звуковой кинотеатр им. М. Горького на 310 мест. Новый современный кинотеатр в г. Ойрот-Тура занимал одно из первых мест по качеству в Алтайском крае. В 1940 г. насчитывается уже 31 киноустановка, включая и профсоюзные. Число посещений достигает в этом году 410,5 тыс. чел. [Горно-Алтайской автономной области 60 лет 1982: 77].

Быстрыми темпами развивалось и радио – наиболее удобный и доступный вид связи. В 1931 г. в области действовали: 1 трансузел, 210 трансточек, 1 радиопаучок, 73 электроустановки, 4 коротковолновые радиостанции. Был открыт радиотрансляционный центр, но он не работал из-за отсутствия оборудования, связь была плохой [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 706. Л. 33]. Большим достижением в радиофикации Горного Алтая являлась постройка и сдача в эксплуатацию в 1934 г. Ойрот-Туринской радиовещательной станции РВ–83, которая с весны 1934 г. стала вести передачи сначала только на русском языке, а с 1936 г. – и на алтайском. С 1934 по 1936 гг. количество радиоточек в области возросло почти в три раза, интенсивно радиофицировались колхозы, совхозы, школы, клубы, Дома алтайки, избы-читальни [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 83. Л. 22]. В 1934 г. открыли радиокомитет, при котором был организован ансамбль национальных инструментов.

К концу второй пятилетки в области работали широковещательная радиостанция, 2 приемно-передающие радиостанции, 3 трансляционных узла, 920 трансляционных точек, 176 эфирных установок [Очерки 1973: 256].

Чтобы пополнить репертуар своих радио-ансамблей, областной радиокомитет в 1938–1940 гг. осуществила экспедиции по селам области. Собранный материал обрабатывался, тексты переводились с одного языка на другой, утверждались в литературном объединении (ЛИТО) и допускались к исполнению со сцены и в радиозфире [Костякова 2007: 22].

Развитие местного вещания сдерживалось трудностями, связанными с нехваткой помещений и дефицитом кадров специалистов. Отсутствовала необходимая аппаратура, а также мощные приемно-передающие радиостанции. Создание радиокомитета в Горном Алтае в 1934 г. положило начало организационному и техническому оформлению радиовещания в области. Кадровую базу, прежде всего, технических работников, удалось создать, в основном, благодаря радиолюбительскому движению.

В Ойротии в результате проведения масштабных мероприятий по массовой радиофикации сельской местности и созданию местного (низового) вещания в районах удалось радиофицировать районные центры, увеличить охват населения радиослушанием. К 1939 г. процесс становления системы массового радиовещания Горного Алтая был в целом завершен [Костякова 2007: 14].

Заметные успехи были достигнуты в развитии музейного дела. Большую работу по комплектации своих фондов провел областной краеведческий музей. В 1931 г. музей был переведен в бывшую лавку купца Бодунова и размещен в трех комнатах нижнего этажа, а с 1933 г. музей стал занимать весь дом. В 1933 г. Ойротский музей был включен в число государственных музеев Наркомпроса и принят на государственный бюджет. Значительно улучшился кадровый состав музея. С 1930 по 1931 гг. в нем работал научным сотрудником музея композитор и этнограф А.В. Анохин, который продолжал вести сбор этнографического и музыкального материалов народов, населяющих Горный Алтай. В 1930 г. силами сотрудников музея была организована Алтайская этнографическая экспедиция «Общества изучения Сибири и ее производительных сил по сбору и описанию этнографических коллекций для экспорта за границу», которая охватила Чемальский, Шебалинский, Онгудайский, Улаганский, Турочакский аймаки. Во время очередной экспедиции в с. Куюм в 1931 г. А.В. Анохин умер.

Музей постоянно пополнял свои фонды новыми экспонатами. В начале 1930-х гг. поступили конфискованные шаманские бубны и одежда камов. В 1934 г. с назначением директором С.М. Сергеева, выпускника Московского университета, археолога по профессии, в музее началась активная научно-исследовательская, собирательская и экспозиционная работа. Для разработки и составления плана новой экспозиции «Алтай до Октября» были приглашены на работу новые кадры: А.Г. Данилин – известный ученый, научный сотрудник Русского музея, сын Г.И. Чорос-Гуркина Геннадий, художники А. Хмылев, М. Примеров и другие. В 1933–1937 гг. С.М. Сергеев принимал участие в Саяно-Алтайской экспедиции, возглавляемой научными сотрудниками Исторического музея С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховым, часть археологических находок также поступила в фонды музея.

Усиление идеологического контроля отразилось и на работе учреждений культуры. С 1934 по 1938 гг. из фондов и библиотеки

музея было изъято множество предметов, картин, книг, рукописей, которые отнесли к контрреволюционным и другим вредным предметам. Директор С.М. Сергеев был освобожден от работы. После этого последовала череда директоров. С 1927 по 1941 гг. в музее сменилось 12 директоров. Тяжелая участь постигла и художественное наследие арестованного и расстрелянного в 1937 г. Г.И. Чорос-Гуркина, сотни картин и рисунков после его ареста были рассредоточены по различным учреждениям [Еркинова 2008: 11, 12].

Формировались таксидермические коллекции. Основу естественнонаучных коллекций музея составили палеонтологические материалы С.И. и Н.С. Гуляевых, представляющие собой фрагменты костей мамонта, черепа шерстистого носорога. Музей организовывал специальные экспедиции по изучению флоры и фауны Горного Алтая, отстрелу животных и птиц для отдела природы. Постепенно музей пополнял свои коллекции отдела природы [Еркинова 2008: 13].

Музейные работники проводили большую культурно-массовую работу: читали лекции, проводили беседы и экскурсии, организовывали передвижные выставки.

Большую роль в приобщении алтайцев к новой советской культуре сыграла печать. В 1930-е гг. начали издаваться на русском и алтайском языках газеты: дата 1930 г. «Крестьян улустын газеди» («Крестьянская газета»), «Ойротский комсомолец» и «Ойроттын комсомолы» (с 1931 г.), «Белен бол» («Будь готов», с 1932 г.). Газеты издавались также в районных центрах: Онгуде, Шебалино, Улагане, Элекмонаре. Всего же в 1940 г. издавалось 9 районных газет, из них 6 газет на алтайском языке, тираж, которых составил 13,7 тыс. экз. Увеличилось также число книг, изданных на алтайском языке: в 1940 г. было издано 32 названия с тиражом 75 тыс. экз. [Госархив РА.Ф. Р–54. Оп. 1. Д. 513. Л. 176]. Развитие печатных изданий способствовало становлению и дальнейшему развитию художественной литературы алтайского народа.

Литература и искусство. В начале 1930-х гг. в стране продолжается процесс идеологизации культуры, усиливается контроль за развитием духовной жизни общества. Изменяется структура органов управления культурой в сторону унификации литературных, художественных, театральных объединений страны. В апреле 1932 г. постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке

литературно-художественных организаций», объединило всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти, в единый Союз советских писателей. Аналогичные изменения, связанные с унификацией и объединением в творческие союзы, были проведены и в других сферах искусства. В результате деятели искусства попадали под контроль партийных комитетов и соответствующих структурных подразделений партии, отвечавших за «работу с художественной интеллигенцией».

Тем не менее, литературное творчество в Горном Алтае оживилось, увеличилось количество публикаций художественных произведений на алтайском языке. В июне 1932 г., в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б), в Ойротской автономной области создается областное литературное объединение писателей и журналистов. Ее главная задача заключалась в выявлении молодых творческих сил [Очерки 1973: 527].

В 1930-е гг. было положено начало творческим встречам и творческому содружеству алтайских писателей с представителями литератур других регионов страны и зарубежья. В 1933 г. Горный Алтай посещает французский писатель Андре Мальро, в 1934 г. – немецкие писатели Франц Вайскопф и Алекс Веддинг. Они отметили большие положительные перемены, произошедшие в судьбе одного из «инородческих» народов царской России. Алтайские писатели совместно с коллегами – новосибирцами А. Коптеловым, Вас. Непомнящих, Е. Стюарт, И. Мухачевым, украинским поэтом Н. Бажаном, москвичами С. Шведовым и М. Колосовым, грузинским писателем Ш. Сослани – выступают на читательских конференциях [Городская читательская 1931: 4].

К середине 1930-х гг. литература стала играть основную роль в политическом воспитании «нового человека», поэтому она быстро оказалась под идеологическим контролем партийных комитетов. Перед писателями и поэтами ставилась конкретная задача изображения действительности в рамках официальной концепции «социалистического реализма». В таких условиях героями художественного творчества становились большевики, комсомольцы, батраки, а врагами – баи, кулаки, попы и другие представители «бывших» сословий. Усилилась борьба с «национализмом», под которым понималось внимание к национальным, этническим мотивам поэтов и писателей в своем творчестве.

Ужесточилась репрессивная политика партии в отношении литераторов, творчество которых не вписывалось в идеологические рамки. Такие писатели и поэты объявлялись «попутчиками», «заблуждающимися интеллигентами», а порой получали ярлык «националистов», что являлось уже прямым политическим обвинением. Многие алтайские писатели были подвергнуты резкой критике. Так, слова литературного сотрудника ЗапСибОГИЗа К.И. Филатова о необходимости использовать в своем творчестве алтайские сказки, о значении фольклора в развитии литературы, бдительный партработник, автор статьи расценивает как контрреволюционное высказывание.

С 1934 г. в Ойротии развернулась кампания против «националистических проявлений в культуре и литературе». Традиционная культура объявлялась отсталой и подвергалась жесткой критике. Так, факт национализма был замечен в экспонировании областным музеем старых дореволюционных вещей алтайцев [Вопросы алтайского литературоведения 2009: 104–105].

В июне 1934 г. в Новосибирске состоялся первый съезд писателей Западной Сибири, в его работе приняли участие начинающие алтайские писатели П.В. Кучияк и Ч.А. Чунижеков. С докладом о развитии литературы в Ойротской автономной области выступил А.Л. Коптелов, проанализировав процесс развития алтайской литературы. При этом докладчик оценил творчество таких писателей, как Г.М. Токмашев, Л. Сары-Сеп Канзычаков, А. Тозыяков, М. Мундус-Эдоков, назвав их открытыми контрреволюционерами, бывшими «каракорумовцами», обвинив их в том, что они «буржуазные националисты», и всячески препятствовали развитию советской художественной литературы [Коптелов 1934: 100,101]. Впоследствии эти оценки сыграли трагическую роль в судьбе названных писателей.

В сентябре 1934 г. Первый Всесоюзный съезд писателей официально утвердил метод социалистического реализма, что изменило творческий процесс развития многих национальных литератур, в том числе алтайской. Делегатом этого съезда от Ойротии стал П.В. Кучияк. Решения Первого Всесоюзного съезда писателей, направленные на унификацию литературного процесса, обусловили партийную чистку и последовавшие затем политические репрессии.

В 1930-е и в последующие годы большую помощь в становлении и развитии алтайской литературы оказали писатели Новосибирской писательской организации. Журнал «Сибирские огни» стал первооткрывателем литератур народов Сибири: на его страницах печатались произведения алтайских, хакасских, тувинских писателей, уделялось внимание этнографии, истории и культуре народов сибирского региона.

Были опубликованы алтайские героические сказания, народные песни, сказки, легенды, предания в переводах А. Коптелова, Вас. Непомнящих, В. Зарубина, А. Смердова, Е. Стюарт, И. Мухачева, Е. Березницкого, А. Алексеева и других. В журнале «Сибирские огни» впервые увидели свет многие произведения П.В. Кучияка – его лучшая пьеса «Чейнеш», главы неоконченного романа «Адыйок». Здесь же напечатаны материалы по истории и этнографии А. Анохина, Н. Бакая, С. Канзычакова. Статьи и очерки А.Л. Коптелова и С. Кожевникова стали первыми исследованиями фольклора и художественной литературы алтайцев.

В начале 1930-х гг. регулярно издаются печатные книги на алтайском языке. В 1935 г. выходит первый поэтический сборник поэтов «Совет Ойротын ӧзүми» («Рост советской Ойротии») [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 186, 187, 188].

В алтайской литературе появляется плеяда начинающих поэтов: И. Эдоков, В. Моможоков, И. Тантыев, А. Чоков, А. Борбуев, Т. Озочинов и др. Продолжают активно работать М.В. Мундус-Эдоков, П.В. Чагат-Строев, А.В. Тозыяков, Г.М. Токмашев и др.

В алтайской литературе этого десятилетия преобладает поэзия, еще очень тесно связанная с устно-поэтическим творчеством. Сохраняется идейно-тематическая направленность произведений, характерная для литературы 1920-х гг.: восторженное утверждение новых начал жизни, те же жанровые разновидности – стихи-агитки, стихи, в которых используются художественные традиции фольклора, традиционная поэтика: синтаксический параллелизм, контрастное изображение прошлого и настоящего.

Начинающие поэты создавали торжественные и ликующие стихи о трудовых подвигах строителей новой жизни, об изменениях, происходящих в ней. Героями алтайской поэзии были советские люди, строители новой жизни – учителя, агрономы, колхозники. Воспевался их созидательный труд, новое отношение к труду, чувство ответственности за общее дело. И хотя многие из этих

произведений по своим художественным достоинствам не являлись совершенными, их отличали искренность, убедительность.

В 1930-е гг. создается множество произведений народного творчества. Особенно много песен сочинялось на сельские темы. Народные певцы использовали традиционную форму для передачи современного содержания. Тематика песен была самая разнообразная. Лучшие из них вошли в сборник «Творчество народов СССР», напечатаны в журналах «Колхозник» и «30 дней». Песни 30-х годов, восторженные и нередко наивные, полны веры в правильность выбранного пути и в светлое будущее, ради которого совершаются трудовые подвиги и победы, хотя в жизни не все складывалось так гладко и прекрасно, как в песнях. Но оборотной стороны жизни, с которой многие сталкивались, предпочитали не замечать [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 188, 189].

Многие алтайские поэты начинали свою литературную деятельность в конце 1920-х – начале 1930-х гг. с сочинения стихов в стиле алтайских народных песен. Это В. Моможоков, А. Чоков, Т. Озочинов, А. Борбуев, Ч. Чунижеков, И. Эдоков, П. Кучияк, Я. Бедюров, Ч. Енчинов, С. Кумандин и другие. Они отличались друг от друга творческими биографиями, стилем, манерой образного мышления, но были похожи в одном – в своих стихах, песнях, поэмах они стремились отразить успехи, показать свершения социалистического строительства, писали о любви советских людей к своей родине и партии большевиков, необходимости классовой борьбы с открытыми и тайными врагами государства. В стихах звучали искренние строки и вера, которая не совпадала с суровой действительностью. Молодые поэты использовали народнопоэтические образы, обороты речи для выражения нового содержания, народные песни для них являлись основными художественными образцами [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 189].

Алтайские авторы широко обращаются к переводу на алтайский язык произведений русской литературы и русских советских писателей. Переводы оказали большое влияние на формирование алтайского поэта А. Чокова. Это нашло отражение в создании им большого эпического полотна «Письмо ойротского народа Великому Сталину» [Чоков 1936], переведенное на русский язык поэтом Вас. Непомнящих. А. Чоков, как и многие другие советские люди и творческие работники, искренне верил «великому

вождю и учителю». В своем произведении он художественно воссоздает исторический путь своего народа, начиная с глубины веков до современных дней. Вместе с тем, в своей оде, воспевающей вождя А. Чоков отразил жизнь алтайского народа, его горестное прошлое, радостное настоящее, надежды на светлое будущее. Поэзия А. Чокова была посвящена и общественно-политической тематике, но это не спасло его, общественного деятеля, поэта, от репрессий в 1937 г.

В это же время происходит жанрово-стилистическое обогащение алтайской поэзии, что особенно проявилось в развитии больших эпических форм. Огромные и социальные сдвиги в народной жизни, открыли возможности для образного утверждения действительности средствами эпической поэзии. И конечно же, в обогащении жанровых возможностей жанра героических сказаний во многом помогло освоение опыта национального фольклора в целом, а также русской советской поэзии. Эпически осваивая современность и историческое прошлое, алтайские поэты создавали разные поэмы: повествовательно-сюжетные, лиро-эпические, драматические. Наряду с широкими эпическими полотнами о народных судьбах подобно «Письму ...» А. Чокова, «Зажглась золотая заря» П. Кучияка, второй редакции «Каракорум» П.А. Чагат-Строева, где последовательно разворачивается сюжет, раскрываются народные судьбы. Существовали и драматические поэмы, такие, как «Смерть Янар» и «Арбачи» П. Кучияка, «Ледовая дорога» И. Эдокова, в которых исследовались социальные проблемы, события гражданской войны.

Поэмы 1930-х гг. характеризуются углубленным вниманием поэтов к внутреннему миру человека и к обстоятельствам, в которых он действует и в которых резче проступают его нравственно-психологические качества [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 191, 195].

Во второй половине 1930-х гг. темы и жанры становятся разнообразнее. Немало произведений создавалось на военную тематику, в которых призывали крепить военную мощь, вооруженные силы страны, говорили о единстве армии и народа, доблести и героизме красноармейцев.

Иное звучание обретает поэзия одного из известных алтайских поэтов – П.А. Чагат-Строева. Стремясь к реалистическому отображению действительности, поэт не избежал натурализма и

описательности. Эти недостатки характерны не только для поэзии П.А. Чагат-Строева 1930-х гг., но и других поэтов, в том числе и раннего П.В. Кучияка [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 196].

В алтайской литературе как и в литературах других народов страны, возникает большой интерес к произведениям устного народного творчества, по-новому преломляются его вековые традиции, заново просматривается художественное наследие своего народа. Был выявлен ряд талантливых сказителей. Наиболее интересно среди них творчество Николая Улагашева, открытие которого принадлежит П.В. Кучияку и московской детской писательнице, собирательнице фольклора А.Л. Гарф. Творческие биографии поэта и кайчи (сказителя эпоса) тесно связаны между собой. Биография сказителя подробно описана П.В. Кучияком, А.Л. Коптеловым, С.С. Суразаковым. К искусству кайчи Н.У Улагашев приобщился с детства. В девятилетнем возрасте впервые воспроизвел речитативом героическое сказание «Алтай Куучин», услышанное от сказителя Кыскаша. В 15 лет он был уже известным сказителем с богатым репертуаром. Своими учителями он считал таких сказителей-кайчи, как Кабака Тадыжекова, Сабака Болчонова, Кыдыра Отлыкова, Дьамат [Истории алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 197, 198]. Записанный от Н. Улагашева фольклор составил основной фонд произведений алтайского героического эпоса, изданных позже.

В 1930-е гг. продолжилось развитие алтайской драматургии. Первые пьесы П.В. Кучияка «Борьба» («Женижү»), 1932), «Работа белых» («Актардын ижи», 1933), «Враги в капкане» («Оштүлөр чакпыда», 1934) и «Петля» («Тузак», 1935) были агитационного содержания, в которых он старался отразить рождение и укрепление новой жизни в Горном Алтае, и формирование нового типа людей. Все эти пьесы написаны в жанрах бытовой драмы и комедии. Школой драматургического мастерства стали пьесы в переводах П.В. Кучияка: «Гроза», «На бойком месте», «Не все коту масленица» А.Н. Островского, «Огни маяка» Л. Карасева», «Падь серебряная» Н. Погодина.

Становление Кучияка – драматурга связано с деятельностью национального колхозно-совхозного театра, с постановкой его народной драмы «Чейнеш», являющейся вершиной драматургического мастерства писателя.

В начале 1930-х гг. были заложены основы театрального искусства в Горном Алтае. В 1932 г. к празднованию 10-летия Ойротской автономной области Обком ВКП (б) принял решение об организации национального театра. Облисполкому было поручено к дням празднования 10-летия образования автономии, закончить строительство здания театра. Национальному издательству предлагалось активизировать работу над переводами русских пьес, редакциям областных газет объявить конкурс на лучшую инсценировку или монтаж, в котором отразятся все достижения за годы существования области.

К дням празднования 10-летия Ойротии П.В. Кучияк написал первую пьесу «Борьба» («Женижү»), которая рассказывала о классовой борьбе вокруг колхозного строительства. Пьеса была несовершенна, но, несмотря на недостатки, была поставлена к юбилейной дате [Тарбанакова 2012: 72].

В праздновании принимал участие созданный годом ранее хакасский национальный театр, который трудно было еще назвать театром, скорее агитбригадой синеблузников. По ряду объективных причин театр в 1932 г. не открыли. Одна из основных причин – отсутствие профессиональных кадров актеров и режиссеров.

В 1933 г. на областной культконференции профсоюзов принимается специальная резолюция об организации профессионального театра, в которой поручалось Ойротпромсоюзу театральное обслуживание города. С весны 1933 г. Ойротпромсоюз организовал на артельных началах группу актера и режиссера Л.Н. Баского «Коллектив работников «Ойрот-театра», а также выделил дотацию «Ойрот-театру» в сумме 16 тыс. руб. [ГАНО. Ф. 896. Оп. 1. Д. 263. Л. 106].

Первым спектаклем, который поставил коллектив «Ойрот-театра», стал «Лес» А.Н. Островского. Спектакль вызвал положительные отклики зрителей. Следующей работой «Ойрот-театра» стала постановка комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». «Ойрот-театр» работал в трудных условиях. Здание театра оставалось плохо приспособленным, сырым, не хватало помещений под цеха. Театр нуждался в световой аппаратуре, декорациях, профессиональных кадрах. За период работы в качестве артели Ойротпромсоюза (с марта 1933 по август 1934 гг.) театр поставил свыше 36 пьес русской и зарубежной классической драматургии: А.Н. Островского, А.М. Горького, Н.В. Гоголя, Ф. Шиллера, А.П. Чехова; пьесы

современных авторов: Д. Фурманова, Н. Погодина, В. Шкваркина, Б. Лавренева, К. Тренева, М. Шолохова и др. [ГАНО. Ф. 896. Оп. 1. Д. 223. Л. 109]. Репертуар театра стал обширным и разнообразным, театр ежемесячно ставил 12 спектаклей, из них 3 премьеры, т.е. каждая пьеса шла в среднем по четыре раза. Театр, несмотря на недостатки в работе, вызывал любовь и признание зрителей. Посещение театра приравнялось к празднику, к награждению премией. «Лучшие места в театре – ударнику» – такой призыв прошел по всем предприятиям и учреждениям города Ойрот-Туры. Через год работы в качестве артели Ойротпромсоюза театр был передан в ведение горсовета, а затем в систему театров управления театрально-зрелищных предприятий Западно-Сибирского края.

В начале сезона 1934-1935 г. в «Ойрот-театр» приехал новый художественный руководитель режиссер Ф.А. Новиков, в творчестве которого чувствовалось влияние В.Э. Мейерхольда. Под его руководством были поставлены спектакли: «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Чапаев» по одноименному роману Д. Фурманова, в которых режиссер принес новые формы. Премьера спектакля «Чапаев» был посвящен дням празднования 17-й годовщины Октября и 15-летием освобождения Сибири от Колчака. Появление на сцене Чапаева-Новикова в легендарной бурке зрители встретили бурей восторга и громкими криками одобрения [Тур 1935: 4].

Летом 1935 г. впервые был проведен гастрольный обмен между бийским и ойротским театрами. «Ойрот-театр» выехал на гастроли в г. Бийск, а в Ойрот-Туре (ныне Горно-Алтайск) работала бийская опереточная группа. К новому сезону была приглашена из Москвы группа актеров и новый режиссер Н. Головин. Сезон 1935-1936 г. театр открыл спектаклем «Аристократы» Н. Погодина, поставленный новым режиссером театра, вслед за которыми театр поставил «Шестеро любимых», «После бала» Н. Погодина, «Интервенцию» Славина, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Любовь Яровую» Тренева [Тарбанакова 1994: 55].

Впервые в начале 1936 г. группа артистов под руководством режиссера Строева выезжала для показа спектаклей рабочим Чуйского тракта и населению районов области. Спектакли «Ойрот-театра» посмотрели колхозники Шебалина и Черги.

Но в основном «Ойрот-театр» работал в городе и в районы области не выезжал. Такая работа мало удовлетворяла возросшие культурные потребности населения. Вместе с тем, своей работой театр активизировал работу художественной самодеятельности, в

первую очередь, театральной. «Ойрот-театр» заложил традиции, подготовил зрителя к восприятию театрального искусства, и создал базу для возникновения национального театра.

После успешного выступления на краевой олимпиаде народного творчества зимой 1936 г. в г. Новосибирске, в котором приняли участие многие коллективы художественной самодеятельности, руководство Ойротской автономной области обратилось в Западно-Сибирский краевой отдел народного образования с докладной запиской о создании национальной студии на базе существующего «Ойрот-театра». Предложение было поддержано Западно-Сибирским крайкомом ВКП (б), и 14 апреля 1936 г. Президиум Ойротского облисполкома принял постановление об организации национальной студии на базе существующего городского «Ойрот-театра» [Госархив РА. Ф. Р–223. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Западно-Сибирским управлением театрально-зрелищных предприятий были направлены педагоги для отбора студийцев из числа талантливых участников художественной самодеятельности. Для руководства студией приглашается молодой режиссер из г. Киселевска Кемеровской области И.С. Забродин. 10 октября 1936 г. национальная студия начала свою работу. В ее состав вошли 25 человек, большинство из которых не были знакомо с работой профессионального театра. Учебную программу составили общеобразовательные предметы и специальные предметы [Госархив РА. Ф. Р–223. Оп. 1. Д. 10. Л. 2].

В конце 1936 г. студийцы показали зрителям свою первую работу: две сцены из трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина. В марте 1937 г. студийцы приступили к постановке большого спектакля «Чапаев» по роману Д. Фурманова. Работа над спектаклем «Чапаев» стала хорошей школой воспитания молодых актеров. Оформление спектакля было сделано по эскизам новосибирского художника С. Белоголового. Дебютировала студия в высокогорных колхозах Онгудайского аймака, где актеры играли на алтайском языке. Зрители горячо приняли «Чапаева». В связи с успешной работой студии и выпуском первого спектакля, 2 июня 1937 г., в день празднования 15-летия Ойротии, студию преобразовали в первый Ойротский национальный колхозно-совхозный театр-студию. В следующем спектакле «Поднятая целина» по книге М. Шолохова (в переводе И. Кочеева) молодой коллектив предстал уже более окрепшим, сформировавшимся [Кожевников 1940: 137].

Большим событием для молодых актеров стала постановка пьесы «Гроза» А. Островского. Молодой коллектив постоянно гастролировал в аймаках области. За два года театр побывал в пяти аймаках: Онгудайском, Шебалинском, Элекмонарском, Усть-Канском, Кош-Агачском. В каждом аймаке было показано от 12 до 16 представлений [Госархив РА. Ф. Р–223. Оп. 1. Д. 10. Л. 2]. В репертуаре были спектакли и концертные программы. Нередко представления показывались в помещении школы или под открытым небом. Воспитательная функция театра в этот период и последующие годы была огромной, и она являлась таковой в течение всей работы театра.

Подлинное рождение национального театра и национальной драматургии связано с пьесой «Чейнеш» П.В. Кучияка, над которой драматург работал более двух лет. Работа над пьесой продолжалась и при ее постановке. В начале 1939 г. был сделан перевод пьесы на русский язык, и коллектив приступил к работе. Главную роль Чейнеш эмоционально, ярко сыграла Ольга Сарина. Самым ярким отрицательным образом спектакля стал шаман Берегош в исполнении артиста Я. Быйхыева. Спектакль отличался хорошим актерским ансамблем. Тщательно разрабатывались не только главные, но и эпизодические роли. Впечатляющие яркие образы героев, обилие бытовых картин, насыщенность пьесы фольклором, музыкой, песнями создало ее неповторимый национальный колорит. Спектакль «Чейнеш» явил собой подлинное рождение национального театра. В июне 1939 г. спектакль начал свою сценическую жизнь.

Летом 1939 г. в связи с открытием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Комитет по делам искусств при Совнаркомех СССР принял решение провести смотр колхозно-совхозных театров страны. В смотре приняло участие 300 колхозно-совхозных театров В Алтайском крае был проведен краевой смотр, в котором приняли участие пять театров. Ойротский национальный колхозно-совхозный театр занял в нем первое место и поехал на Всесоюзный смотр, проводимый в г. Москве. К сожалению, показ спектакля на Всесоюзном фестивале не состоялся. Приехавшие в Москву артисты, не дождалась вагона с декорациями, реквизитом и костюмами.

Творческий коллектив театра обращался и к зарубежным авторам. В июне 1940 г. состоялась премьера нового спектакля

«Слуга двух господ» К. Гольдони, который получился ярким, зрелищным с веселыми пантомимами и танцами, с остроумными забавными трюками и был восторженно принят зрителями.

Заметные результаты были достигнуты и в развитии алтайской музыкальной культуры. Своеобразное музыкальное творчество алтайцев привлекало внимание известных композиторов и музыкантов. В эти годы в Горном Алтае работали композиторы А. Анохин, А. Хитрово, В. Мурадели, А. Кочарян, И. Раков, Б. Сальмонт, А. Ильин, написавшие ряд произведений, которые вошли в золотой фонд. Музыковеды И. Рыжкин, М. Невитов, А. Данилин собрали богатый музыкальный фольклор и проанализировали его в ряде статей: «О музыкальной культуре Ойротии», «Ойротские песни» и т.д.

Особый вклад в развитие алтайской музыки сделан композитором и этнографом А.В. Анохиным – известным собирателем музыкального фольклора тюркских народов. Впоследствии он написал ряд музыкальных произведений по алтайским мотивам. После создания в 1935 г. национального вокально-инструментального ансамбля радиокомитета местная промартель «Быт» изготовила по чертежам С.И. Костина и Б.А. Попова партию алтайских топшуров и икили – традиционных алтайских инструментов [Параев 1963: 14], но попытка также оказалась не совсем удачной.

Создание национального театра во многом стимулировало развитие музыкального, хореографического и хорового искусства. При театре был организован оркестр национальных инструментов, работала хореографическая группа и хор. Оркестр проводил большую работу по записи музыкального фольклора, обработке народных мелодий [Тарбанакова 1994: 65].

1930-е годы – время зарождения и становления основных видов и жанров профессионального изобразительного искусства Горного Алтая. Общий подъем развития советского искусства выразился в Горном Алтае в открытии здесь в 1931 г. областной художественной школы, в организации филиала Союза советских художников (1936 г.).

Партийное руководство области уделяло художественному искусству большое внимание. Летом 1930 г. группа алтайских художников была направлена облисполкомом в районы Алтая для изучения жизни области и сбора материалов к предстоящим

выставкам. В конце года в Улале состоялась «первая объединенная выставка картин ойротских художников», в которой приняло участие пять живописцев и графиков – Чорос-Гуркин, Чевалков, Сухов, Кочнев и Неустроев, на ней экспонировалось около 200 произведений [Эдоков 1981: 34]. Ставился и вопрос об открытии художественной школы в Ойротии. Впервые вопрос об открытии художественной школы на Алтае был поднят на 1-м съезде сибирских художников. В резолюции съезда было записано: «Съезд считает необходимым особое внимание местных организаций ОНО обратить на усиление художественного просвещения среди нацменьшинств Сибири – в частности, оказать содействие в организации художественной мастерской в Ойротии» [Первый сибирский съезд 1927: 207]. Задачи нового учебного заведения были изложены его первым директором И.Т. Липовцевым: «Школа педагогов-художников должна стать кузницей воспитания нового красного художника коренного алтайского населения, умеющего в своей живописи изложить тот исторический путь, который совершает алтаец от кочевого хозяйства к культурному социалистическому» [Тарбанакова 2012: 78].

В июне 1931 г. открылась художественная школа, в которую приняли 30 учеников. Преподавателями стали Г.И. Чорос-Гуркин, Н.И. Чевалков, бывший студент ВХУТЕИНа и ученик частной студии А. Савинова, А. Луппов. Преподаватели и ученики часто путешествовали по Алтаю, много рисовали, писали этюды, регулярно устраивали выставки своих работ, активно содействовали своим искусством утверждению новой жизни.

Самыми авторитетными и любимыми учителями художественной школы были Г.И. Чорос-Гуркин и Н.И. Чевалков. Особенно важны и плодотворны были Чорос-Гуркинские уроки профессионального живописного мастерства. Это проявилось в творчестве его учеников и в альбоме линогравюр, созданным учениками и преподавателями школы к празднованию 10-летия Ойротии в 1932 г. «Техническое выполнение альбома не блещет высоким качеством, не очень высок и профессиональный уровень произведений, вошедших в него. Но, несмотря на технические и профессиональные недостатки, альбом несет в своем содержании печать эпохи. Это своеобразный художественный рассказ о времени» [Эдоков 1981: 36].

Во второй половине 1930-х гг. изобразительное искусство Горного Алтая обрело высокий профессиональный уровень и

стало заметным явлением сибирской художественной жизни. Об этом свидетельствовало участие алтайских художников на первой Западно-Сибирской выставке изобразительных искусств, где их произведения были признаны в числе лучших. В эти годы художественный коллектив области непрерывно пополнялся подрастающим новым поколением национальных художников.

Ведущее место среди художников области занимали Г.И. Чорос-Гуркин и Н.И. Чевалков. В их творчестве, под влиянием новых задач времени, произошли значительные изменения. Новая советская действительность стала содержанием их творчества.

В мае 1932 г. были созданы организационные бюро Союза советских художников Западной Сибири в Новосибирске и Восточной Сибири в Иркутске. Филиал Западно-Сибирского Союза советских художников был организован в конце этого же года и в Ойротии на общественных началах.

В Новосибирске организуется первая выставка изобразительного искусства Западно-Сибирского края, в которой приняли участие Г.И. Чорос-Гуркин, Н.И. Чевалков и ученик художественной школы Г. Бекин. Работы алтайских художников на тему колхозного и совхозного строительства были признаны в числе лучших [Эдоков 1981: 38].

1930-е годы представляют качественно новый этап в творчестве Г.И. Чорос-Гуркина. Отражение новой жизни, и тем самым утверждение ее, становится главным содержанием его искусства. Чорос-Гуркина увлекали новые общественные отношения между людьми, их внешнее и внутреннее перерождение, он активно участвует в организации филиала Союза художников. Ведущей темой художника стала работа над картинами, посвященными гражданской войне и установлению Советской власти на Алтае. Таковы картины «Алтайские партизаны», «Ойротия на пути к заветам Ленина». Интересна другая большая пейзажная композиция «Алтай», в которой Чорос-Гуркин развернул перед зрителями величественную панораму горной страны с ее дремучими лесами, быстрыми реками, бесконечными, набегающими друг на друга цепями гор. Картина осталась в стадии разработки. Эта композиция стала последней работой Г.И. Чорос-Гуркина.

К середине 1930-х гг. Н.И. Чевалков задумал изобразить ряд исторических полотен, которые должны были составить цикл картин об историческом прошлом и настоящем Алтая. Он написал из этого цикла картины «Зайсанский суд», «Расстрел мальчика

офицером-сатунинцем» и «Разгром банды». В двух последних работах Чевалков отказался от прежней яркости и декоративности цвета.

В мае 1937 г. была организована выставка «Социалистическое строительство Ойротии», посвященная 15-летию области. В ней участвовали Г.И. Чорос-Гуркин, А.А. Каланаков, В.С. Каспинский, Н.В. Шагаев, П.Г. Дулебов, скульптор Я. Мечешев и другие. На выставке были показаны работы и Н.И. Чевалкова, умершего в марте этого года [Эдоков 1981: 45].

Во второй половине 1930-х гг. в Ойротии сформировалась смена молодых художников. К этому времени появляется скульптура, книжная графика, а с открытием театра – и театрально-декорационная живопись. В художественной школе совершенствовал свое искусство первый алтайский скульптор-резчик по дереву Ярымка Мечешев. Творчество Мечешева было связано с традиционной народной резьбой по дереву, проявлявшейся главным образом в узорной резьбе на деревянных предметах быта, таких как кровати, сундуки, коновязи, деревянная посуда и т.д. К числу лучших работ Мечешева относилась композиция «Сартакпай», «Ойрот», «Козы», «Портрет И.В. Сталина». Все они являлись попыткой решать сложные идейные и эстетические проблемы времени традиционными средствами народной скульптуры. «То, что Мечешев обладал незаурядным талантом, говорят его изображения животных. Здесь он выглядит подлинным мастером, хранителем векового опыта народа. Вырезанные им верблюды, козы, сарлыки и другие животные совершенны и закончены, как истинно народные вещи, отшлифованные выработанными в течение столетий приемами» [Эдоков 1981: 43].

В связи с развитием в области издательского дела, ростом алтайской литературы стала формироваться книжная графика. Во второй половине 1930-х гг. началось интенсивное изучение и публикация богатейшего материала алтайского эпоса – сказок, легенд, героических сказаний, появились первые советские книги об Алтае и алтайцах. К их оформлению издательства привлекали сибирских художников И.В. Титкова, А. Заковряшина, часто бывавших на Алтае и хорошо знавших этот горный край и алтайских художников. Одну из первых публикаций алтайских народных сказок, осуществленную Г. Вяткиным, выпущенным Сибкрайиздат в Новониколаевске в 1926 г., и первые иллюстрации к роману

А.Л. Коптелова «Великое кочевье» делал Г.И. Чорос-Гуркин. Его иллюстрации отличались знанием народного быта, умением подать национальный колорит и опытом отличного рисовальщика [Эдоков 1981: 42].

Лучшим достижением алтайской книжной графики довоенной поры является оформление книги алтайских сказок, записанных от известного сказителя Н.У. Улагашева, изданной в 1941 г. областным национальным издательством, которое осуществил А. Каланаков. Он оформил книгу в соответствии изобразительного материала с содержанием, в органичном применении орнамента и удачно найденной графической форме сюжетных иллюстраций.

В 1930-е годы складывается модель новой «социалистической культуры». Ее целями большевики провозгласили поднятие духовного уровня народа, создание массовой культуры, доступной для всего населения, культурное просвещение граждан страны в рамках марксистско-ленинской идеологии, разрыв с традициями прошлого, которые мешали «перевоспитанию масс» и социалистическому строительству. Для новой культуры были характерны пропагандистская направленность и идеологический фон, контроль за деятельностью мастеров культуры. Провозглашался курс на унификацию всех сторон общественной жизни, в том числе и в культурной сфере. Декларировался полный отказ от традиций прошлого, которые объявлялись не только чуждыми, но и враждебными новому строю. На смену «старой» интеллигенции пришли новые кадры из среды бедняцко-средняцких слоев общества, активно поддерживавших мероприятия советского государства.

Одной из главных задач учреждений культуры провозглашались наряду с политическим просвещением, подъем культурного уровня народа, в первую очередь – коренного населения. Культурное и политическое просвещение населения осуществлялось через широкую сеть культурно-просветительских учреждений. В условиях Горного Алтая, где население продолжало вести кочевое хозяйство, культпросветучреждения использовали не только стационарные, но и мобильные формы работы с населением. К середине 1930-х гг. в Горном Алтае появились профессиональные литераторы, художники, журналисты, работники культуры. В 1930-е годы были заложены основы для создания современной профессиональной культуры и искусства алтайцев. Искусство

и литература стали факторами культурного, идеологического и политического значения, послужили инструментом интеграции алтайского народа в систему советского государства.

...

1930-е годы стали переломными в жизни народов, проживавших в Горном Алтае. Процессы модернизации наглядно проявились в экономической и в социально-культурной сфере.

Произошла реорганизация кустарного производства, в ходе которой промышленные артели были укрупнены. Во второй половине 1930-х гг. появились промышленные предприятия в пищевой промышленности и целые отрасли государственного значения – как золотодобывающая промышленность. Изменилась дорожная инфраструктура, на которую государство выделяло немалые средства ввиду стратегической важности.

В 1920–1930-е гг. была достигнута социальная однородность общества путем вытеснения из общественной жизни старых социальных групп. Коллективизация, переход к оседлости и становление колхозного строя кардинально изменили образ жизни алтайцев. Демографическое поведение коренного населения мало изменилось, и характеризовалось высокой рождаемостью и высокой смертностью. Трансформации хозяйственный уклад, быт, духовная жизнь подверглись ломке, которая положила начало их размыванию. Перемены и новации происходили одновременно с насаждаемыми запретами в отношении многих элементов традиционной материальной и духовной культуры алтайцев, которая объявлялась отсталой и не вписывающейся в новые условия социалистического общества. Однако новации не изменили основу хозяйственного уклада алтайцев, который продолжал основываться на отгонном животноводстве с сезонными перекочевками. В среде алтайцев начались процессы урбанизации в связи с процессом формирования национальных кадров. Создание профессиональной алтайской литературы и искусства повысили этническое самосознание алтайцев.

В эти годы сложилась система власти на местах. С её укреплением партийное руководство страны принимает решение о массовом репрессировании лиц, которые по его мнению, представляли опасность для власти. В результате в Горном Алтае политическим репрессиям подверглись управленцы, представители интеллигенции, специалисты, колхозники. Были физически

уничтожены представители разных поколений национальной алтайской интеллигенции.

Действительность 1930-х годов была противоречивой. Одновременно шло становление сети народного образования, была ликвидирована неграмотность. Итоги форсированной модернизации проявились и в создании в Горном Алтае доступной системы здравоохранения. В местах кочевков появлялись передвижные школы, медпункты, юрты-передвижки. Алтайский народ достиг больших результатов по пути интеграции в советское общество и в государственную систему управления. Мероприятия советского государства в сфере национальной политики привели к созданию профессиональных кадров из числа алтайцев в партийно-советском аппарате, народном образовании, культуре, экономике. На смену представителям старой алтайской интеллигенции пришли выдвиженцы из малоимущих слоев общества, сторонники советской власти.

В это время создаётся основа для дальнейшего социально-экономического и культурного развития народов, проживавших на территории Горного Алтая. Последующий ход событий прервала Великая Отечественная война.

П.Я. Гордиенко (в центре),
П.С. Хабаров (первый справа), 1930 г.

Тадыш И.С., 1936 г.

Колхозники сельхозартели Турочакского аймака

Слушатели
курсов
трактористов

Ремонт сельхозтехники ойротами

Ойротия. Первый сноп государству

Полевой стан, 1934–1935 гг.

Транспортировка
маслосыродельной
продукции, 1930 г.

По новым
дорогам

Подготовка
кадров
шоферов,
1930-е гг.

Областная языковедческая конференция. Присутствуют: второй ряд:
П.И. Чевалков, инспектор Ойротского ОблОНО (1-й слева),
П.В. Кучияк, писатель (5-й слева), Т.М. Тошаква, преподаватель
Ойротского педучилища (3-я справа), Н.П. Дырэнкова, преподаватель
Ленинградского госуниверситета (2-я справа); третий ряд: И.П. Кочеев,
учитель (3-й слева), Е.М. Тошаква, преподаватель животноводческого
техникума (2-я справа), 1940 г.

Борисов-Кочубеев М.А.
Из материалов следственного дела, 1937 г.

Профилактический осмотр населения

Группа участников совещания по работе среди женщин. Улала, 1930 г.

Женщины-ойротки за работой над пошивом одежды

Празднование 10-летия Ойротии. Товарищеский матч по баскетболу между командами Ойротии и Хакасии. Критический момент для команды Хакасии

Сотрудники Ойротского областного национального издательства

Руководители Ойротии в Турочакской начальной средней школе.
Во 2 ряду в центре – П.С. Хабаров, 1935 г.

Г.И. Чорос-Гуркин с учителями

Преподаватели и учащиеся Ойротского педтехникума, 1934 г.

Курсы по подготовке в вузы

Рабочая поездка Президента ВАСХНИЛа академика Н.И. Вавилова по Горному Алтаю. Второй слева – председатель Ойротского облисполкома И.В. Пьянков, третий слева – Н.И. Вавилов, 1936 г.

Курсы учителей города. г. Ойрот-Тура. 3 ряд крайняя справа – Т.М. Тоцакова

Члены Майминского аймакисполкома, 1930 г.

Радиопередвижка на одном из своих маршрутов по Горному Алтаю, конец 1930-х – начало 1940-х гг.

Артисты Ойротского национального театра, 1939–1940 гг.

Струнный ансамбль Ойротского радиокomiteта

Состав Верх-Уймонского сельсовета, 1930 г.

ГЛАВА IV. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

4.1. Мобилизация населения. Участие в Великой Отечественной войне

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. была объявлена мобилизация на территории 14 военных округов, в том числе в Сибирском округе. Призыву подлежали военнообязанные с 1905 по 1918 гг. рождения. В августе в связи с необходимостью восполнить боевые потери стали призываться военнообязанные 1890–1904 гг. рождения. Дополнительно призывались все лыжники, имевшие подготовку инструкторов или спортсменов 1-го, 2-го, 3-го разряда, мастеров лыжного спорта, врачи, медсестры, радисты, снайперы. Организация проведения мобилизаций возлагалась на военные Советы округов и местные военные комиссариаты [Этот день 2020: 7]. В тот же день Ойротский обком партии и облисполком приняли Постановление № 85 о проведении в области мобилизации, о перестройке работы аппаратов учреждений, предприятий, колхозов и совхозов соответственно условиям военного времени [Горно-Алтайская областная 1975: 14, 15].

В первый же день войны по Ойрот-Туре было подано 119 заявлений на фронт, в том числе 65 – от женщин. К утру 23 июня в Шебалинский райвоенкомат поступило свыше 50 заявлений. А всего по области лишь за несколько дней после начала войны было зарегистрировано свыше 800 заявлений добровольцев, из которых более 200 – от женщин [Этот день 2020: 39].

Наиболее напряженно проходила мобилизация в начальный период войны. Первый поток резервистов без какой-либо подготовки направляли на три главных участка фронта – Ленинградский, Смоленско-Московский и Киевский. В спешке командование закрывало бреши на фронте, из призванных в 1941 году большинство погибли либо пропали без вести. Так, 22 июня 1941 г. Улаганский райвоенкомат по настойчивой просьбе отправил на фронт 7 комсомольцев, окончивших школу. Первыми из этой «семерки» в действующую армию попали братья Исаевы, стали разведчиками. Оба погибли. Мирон Бачишев был искусным

снайпером, тоже погиб в бою. Лейтенант Иван Титов командовал пулемётным взводом. Из 7 комсомольцев тяжело раненым вернулся только капитан Н. Черепанов. Из села Черный Ануй ушли на фронт в первые же дни войны шестеро братьев Фурцевых (живым вернулся один), два брата Кулаковых (оба погибли), четверо братьев Игарминых (пришел с фронта только один) [История и культура Горного Алтая 2013: 143, 144].

В информации Ойротского обкома ВКП (б) Алтайскому крайкому партии в связи с выступлением по радио Председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина 9 июля 1941 г. указывалось: «... По области в основном мобилизация прошла нормально, согласно мобплана. Были некоторые недостатки, но они сразу же устранялись на месте. В данное время добровольно служить в Красной Армии подано 1020 заявлений, из них 300 – от женщин» [Была война 2010: 13].

В начальный период войны на Алтае были оперативно сформированы десятки боеспособных соединений и частей, в том числе 178-ая, 232-ая, 298-ая, 212-ая, 380-ая стрелковые дивизии, 42-ая, 74-ая стрелковые бригады и др. В их составе находилось много представителей из Ойротской автономной области. В сентябре 1941 г. по приказу Ставки Верховного Главнокомандования в Алтайском крае была сформирована 73-я отдельная Сибирская кавалерийская дивизия. Значительную часть ее состава пополнили участники Гражданской войны, бывшие бойцы и командиры известной Первой конной армии, охотники, опытные стрелки. В дивизии сражались и горно-алтайцы: председатель колхоза «Горный Алтай» Шебалинского района С.В. Налимов (в декабре 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза), председатель Камлакской сельхозартели того же района Игнатий Семенов, горняк одной из приисковых артелей Полуктов и др.

Представители Горного Алтая воевали в рядах и 75-ой кавалерийской дивизии. Командир дивизии генерал-майор В.А. Конинский писал в своих воспоминаниях: «Соединение наше развертывалось по полномасштабному расписанию. Отбор личного состава был самый тщательный, ибо дивизия предназначалась для рейдов по тылам противника. Однажды в наш город в распоряжение командования прибыла большая группа бойцов-алтайцев, в основном таежных охотников и пастухов – всего человек 600. Раньше мне как-то не доводилось встречаться с алтайцами, но я,

признаться, имел довольно смутное представление об этом народе. Гляжу, молодые мужчины от 25 до 40 лет, лицом монгольского типа, коренастые и похоже, сугубо штатские. Но сибирские товарищи очень высоко отзывались об этих парнях – дисциплинированных, исполнительных, дружных, надежных бойцах. Не знаю, какое решение я принял бы, но меня подтолкнули сами алтайцы. Группами и поодиночке они подходили ко мне и просили, буквально умоляли: «Возьми, жалеть не будешь. Мы из малопульки белке в глаз попадаем». Уж очень просили парни, и я не устоял: принял их в дивизию. Эти люди, словно самой природой созданные для службы в кавалерии. В седло взлетали. Не садились и уж тем более не залезали, а именно взлетали, даже не прикасаясь к стремянам, сидели в седле, будто вместе с ним приросли к коню. На 300–400 метров из обыкновенной трехлинейки стреляли не хуже иного снайпера».

Таких отзывов сохранилось немало. В письме командования 247-й стрелковой дивизии секретарю Ойротского обкома ВКП (б), председателю облисполкома от 3 сентября 1941 г. говорилось: «Благодарю Вас, товарищи, за крепкое и надежное пополнение. С такими чудо-богатырями можно выполнить любое задание ...» [История и культура 2013: 144–146].

В декабре 1941 г. – феврале 1942 г. на территории Сибирского округа была сформирована 232-я стрелковая дивизия, впоследствии получившая название Сумско-Киевской. В дивизии удельный вес алтайцев достигал 8 % всего ее личного состава. В июле 1942 г. дивизия прибыла на Воронежский фронт. В начале сентября советскому командованию стало известно, что фашисты намерены осуществить переброску части своих войск из-под Воронежа в район Сталинграда, на помощь окруженной армии Паулюса. Советские войска перешли в наступление, чтобы сорвать планы врага. Здесь, под Воронежем, в составе 232-й дивизии сражались и погибли многие горно-алтайцы. В память о тех ожесточенных кровопролитных боях в селе Губарево стоит монумент. На мраморных плитках высечены фамилии 279 погибших воинов, в том числе 24-х бойцов из Горного Алтая: Алексеева Александра Михайловича – Турочакский район, с. Усть-Лебедь, Власова Зиновия Васильевича – Турочакский район, с. Чулча, Майманова Кадыра Арчиновича – Усть-Коксинский район, с. Курунда, Озочина Кокуля – Онгудайский район, с. Бичикту-Боом и других [Этот день 2020: 45–46].

Во второй половине мая положение на фронте ухудшилось. Немецко-фашистские войска захватили Керчь и Керченский полуостров. В эти же дни наши войска потерпели тяжелое поражение в Харьковской операции. В начале июля немецко-фашистские войска овладели Севастополем. Поддерживая патриотическое движение граждан в их стремлении оказать любую помощь фронту, бюро Новосибирского обкома партии совместно с Военным Советом Сибирского военного округа (СибВО) инициировали перед ЦК ВКП (б) и Ставкой Верховного Главнокомандования вопрос о создании добровольческих дивизий. Получив одобрение, командование СибВО 7 июля 1942 г. отдало приказы о формировании отдельных добровольческих стрелковых бригад, в том числе и 1-ой Алтайской. Призыв добровольцев охватывал население в возрасте от 19 до 40 лет, и проводился только из числа тех, кто прошел не менее 110-часовую программу военного обучения. К концу июля 1942 г. укомплектование завершилось. Всего из Ойротской автономной области были отобраны и зачислены в эту бригаду 261 человек из 1568 подавших заявления [История и культура 2013: 147; Алтай в годы Великой 1965: 58].

С самого начала войны властями области и военкоматами принимались меры по подготовке будущих военнослужащих. В области были организованы школа противовоздушной обороны, курсы медсестер, снайперская школа для девушек. Проводилась подготовка лыжников, минометчиков, пулеметчиков, истребителей танков, шоферов, радиоспециалистов, горных стрелков. Через систему всеобща проходили школьники-старшеклассники, они выезжали в летние лагеря на военную подготовку, где их обучали основным азам бойца-пехотинца [Была война 2010: 72–89].

Кроме общей мобилизации проводились партийные мобилизации. За 1941 г. мобилизовали 755 членов партии, за 1942 г. – 426, за 1943 г. – 144, за 1944 г. – 99, за 1945 г. – 34 коммуниста. Больше всего коммунистов призвали из Ойрот-Туринского, Усть-Коксинского, Онгудайского районов. Общее число коммунистов области на конец июня 1941 г. составляло 2002, на фронт за 1941–1945 гг. выбыли 1458 человек, т.е. 78 % состава областной партийной организации. Сражались на фронте 7320 комсомольцев, что составляло численность комсомольской организации на начало войны [Горно-Алтайская областная 1975: 133].

Общее количество мобилизованных по области составило 42268 человек [Книга памяти 1994: 631].

С началом войны в Ойротской автономной области, как и по всей стране, началась всеобщая мобилизация. Нападение Германии вызвало высокий патриотический подъём. В области развернулось добровольческое движение, в первые дни войны в военкоматы поступал поток заявлений с просьбой направить на фронт, причем заявления зачастую подавались целыми семьями. В самой автономной области развернулась широкая работа по боевой подготовке граждан, подлежащих к призыву на военную службу. Воины из Горного Алтая участвовали в боевых действиях практически на всех фронтах и направлениях театра военных действий. Формировались добровольческие соединения из числа уроженцев Алтайского края, большое внимание придавалось кавалерийским, а также стрелковым частям. Сохранились отзывы командования о высоких боевых качествах воинов-горно-алтайцев из Ойротии. Мобилизации продолжались в течение всей войны, на фронт были призваны более сорока тысяч жителей Горного Алтая.

4.2. Людские потери и демографические последствия

Демографические потери. Великая Отечественная война закончилась долгожданной Победой, однако её радость была омрачена огромными жертвами, которые понесли народы Советского Союза в борьбе с фашизмом. Военные действия велись на обширной территории и отличались большими масштабами, ожесточенным характером и значительными людскими потерями.

Велик урон, причиненный действиями немецко-фашистских войск народному хозяйству СССР. Он достиг почти 41 % материальных потерь всех стран, участвовавших в войне. Полностью или частично было разрушено и сожжено 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сёл и деревень, уничтожено около 32 тыс. промышленных предприятий и 65 тыс. км железнодорожных путей, разорено 98 тыс. колхозов, около 1,9 тыс. совхозов и 2,9 тыс. машинно-тракторных станций. В совокупности около 30 % национального богатства [Вторая мировая 1985: 89].

Демографическое эхо оказалось тяжелым и затяжным. В полной мере осознать последствия можно, лишь учитывая тот факт,

что Россия пережила перед этим трагическим событием Первую мировую и Гражданскую войны, голод 1921 и 1932–1933 гг., репрессии.

Вопросы о человеческих потерях в военные годы являются темой обсуждения в научной, специальной и популярной литературе. Историки, демографы, военные статистики называли различные цифры. Диапазон их достаточно велик. Потери определяются от 7 до 46 млн. чел. [Рыбаковский 2000: 109; Рыбаковский 2011: 9]. В настоящее время, по данным межведомственной комиссии по подсчёту потерь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. общие демографические потери страны за военный период составляют 26,6 млн. чел., из них потери действующих вооруженных сил 8,6 млн. чел., остальные – гражданское население: женщины, старики, дети [Выступление 2017: 2]. Общие демографические потери СССР были выше фронтовых.

Процесс подсчета потерь продолжается на региональном и общероссийском уровнях. За годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по данным книг призывов военных комиссариатов, из Ойротской автономной области ушли на фронт 42268 чел., из них 707 женщин [Чепкин 2002: 15]. Общее число погибших составляет 21299 человек, или 67,1 %, в том числе 83 женщины, или 26,6 % от числа женщин-фронтовичек [Книга Памяти 2000: 345]. Вернулись домой 10445 чел. [Они сражались 2000: 297].

На основе статистических данных, опубликованных в Книгах Памяти Республики Алтай (5 томов, погибших воинов горно-алтайцев на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) и Книгах «Они сражались за Родину» (4 тома, о воинах горно-алтайцах, вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), нами установлено, что потери среди уроженцев Ойротской автономной области достигли пиковых результатов в 1942–1943 гг. Основная масса погибших в ходе войны солдат была в возрасте от 20 до 35 лет. Наибольшее количество мобилизованных в Ойротии приходилось на воинов, родившихся ранее 1923 года рождения. Подавляющее большинство среди всех призванных (98,3 %) составляли мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, или 83,4 % трудоспособного населения области. Подобные масштабы мобилизации сильнее всего затронули сельское население, которое стало главным источником комплектования советской армии. Как

и в стране в целом, в Горном Алтае отмечается большое число погибших (67,1 %), пропавших без вести (24,9 %).

Из призванных воинов горно-алтайцев, ушедших на фронт, не найден ни среди погибших, ни среди вернувшихся с фронта – 10524 чел. (24,9 %) [Они сражались 2000: 297]. Документально установлена судьба 31744 воинов, или 75,1 % призванных в армию.

Для малонаселенного региона потеря такого контингента самых деятельных людей стало ощутимой тяжестью. До войны согласно Всероссийской переписи населения 1939 г., в нашей области проживало 162179 чел., в том числе 76566 мужчин и 85613 женщин [Всесоюзная перепись 1992: 23]. Особенно остро данное обстоятельство отразилось на мужской части общества. В боях погибли 3546 воинов-горно-алтайцев 1923–1927 годов рождения, или 16,6 %. Самые большие потери понесли Чойский район (78 %), Шебалинский (75,7 %), Усть-Коксинский (74,5 %), Кош-Агачский (72 %), Усть-Канский (71,4 %), Улаганский (71 %).

Людские потери в годы Великой Отечественной войны были не равномерными по годам. В 1941 г. они составили 13,4 % (2848 чел.), в 1942 г. – 30,4 % (6470 чел.), в 1943 г. – 29,2 % (6210 чел.), в 1944 г. – 16,9 % (3607 чел.), в 1945 г. – 7 % (1487 чел.), год гибели неизвестен – 3,1 % (677 чел.) [Книга Памяти 2000: 346].

На защиту Родины встали люди самых разных национальностей: русские, алтайцы, казахи и другие, проживавшие в то время на территории области. С полей сражений не вернулись 67,4 % алтайцев, 67,1 % русских, 67 % казахов, 65 % других представителей других национальностей.

Среди ушедших на фронт воинов горно-алтайцев есть имена 26 наших земляков, Героев Советского Союза, трое – полные кавалеры ордена Боевой славы.

Гибель в боях, смерть от ран, болезней, голода повлекли резкое сокращение численности населения. Война по существу представляет собой демографическую катастрофу, имевшую не только ближайшие, но и отдаленные последствия. Наряду с прямыми потерями населения общество понесло и косвенные потери, связанные со снижением рождаемости в военные и послевоенные годы. Уход в армию большого количества мужчин обусловил снижение естественного воспроизводства населения.

Если в довоенном 1940 году население нашей области увеличилось на 5462 новорожденных, то в военном 1943 г. – лишь на

1115. При этом низкий уровень жизни, недостаточное медицинское обслуживание и, как следствие, повышение заболеваемости вызвали рост смертности. Сложилась такая ситуация, для которой характерной стала отрицательная демографическая динамика, когда смертность превышает рождаемость. Так, в 1942 г. число умерших было выше числа родившихся на 860 чел., еще более увеличился этот показатель в 1943 г. – 1006 чел. Несколько улучшилось положение в 1944 г. – число смертей превзошло число рождений лишь на 66 чел. [Троицкая 2001: 498].

Война повлияла и на качество населения, коренным образом изменив возрастную-половую структуру и семейный состав. Наибольшие относительные потери в войне пришлось на мужчин призывного возраста. На полях сражений погибли миллионы молодых мужей, оставив миллионы вдов. Другие женщины не смогли выйти своевременно замуж, поскольку на фронте погибли их потенциальные женихи. В 1943 г. среди сельского населения, составляющего основную часть жителей нашей области, в возрастной когорте от 18 до 24 лет мужчин насчитывалось в 5,7 раза меньше, чем женщин. В возрастной когорте от 25 до 49 лет мужчин было меньше женщин в 4,8 раза.

В 1944 г. этот разрыв еще более усугубился: в группе 18–24-летних – в 6,3 раза, в группе 25–49-летних – в 5,1 раза. Незначительно изменилось это состояние в 1945 г. В возрастной когорте 18–24-летних доля мужчин была меньше в 4,9 раза, в возрастной группе 25–49 лет – в 5,2 раза. Нарушенное демографическое равновесие было восстановлено в этих возрастных группах только к 1970 году. Тем не менее, инерционность демографических процессов обусловила тот факт, что вступление в бракоспособный возраст малочисленных поколений, родившихся в годы войны, приводило к снижению уровня брачности на протяжении многих лет [Троицкая 2001: 498, 499].

Существенную деформацию претерпела профессиональная структура, так как самые разрушительные изменения произошли в возрастных группах трудоспособного населения. Негативно отразилась война на образовательном и культурном уровне молодого поколения из-за плохого функционирования и материального обеспечения культурно-просветительных и образовательных учреждений.

За годы войны резко сократилось население Ойротской автономной области – на 55,9 тыс. человек, или на 33,9 % (со 165 тыс. чел. в 1941 г. до 109,1 тыс. чел. в 1945 г.). Потери населения были столь значительны, что потребовалось почти четверть века для восстановления довоенной численности. Только в 1970 г. население нашего региона достигло и немного превысило довоенный уровень, составив 168,2 тыс. чел. Если же принять во внимание нереализованные рождения в военные годы, то потери населения возрастают еще более [Троицкая 2001: 499].

Эвакуированное и перемещенное население на территории Горного Алтая. Демографическая картина в Горном Алтае в годы войны определялась также миграциями населения. Ойротия приняла эвакуированных граждан, и стала местом ссылки многих депортированных народов.

В ходе эвакуации, которая проходила в 1941 и в 1942 гг., из фронтовых и прифронтовых зон удалось вывезти в тыл по разным данным от 17 млн. до 25 млн. чел. [Великая 2020: 279]. Из угрожаемых районов в первую очередь подлежали вывозу детские учреждения, женщины с детьми и люди пожилого возраста. Рабочие и служащие эвакуировались на восток вместе со своими предприятиями и учреждениями.

В годы Великой Отечественной войны всего в Сибирь, по имеющимся данным, прибыло более 1 млн. эвакуированных, из которых почти 90 % разместились в Западной Сибири [Исупов 1997: 97]. Алтайский край принял меньшее число эвакуированных, чем другие западносибирские регионы [Мелехова 2015: 148]. В Алтайском крае насчитывалось примерно 215 тыс. чел. [История 2019: 115]. В Ойротской автономной области всего за годы войны по разным оценкам было размещено от пяти тысяч до 7826 чел. эвакуированных граждан [Очерки 1973: 354; Этот день 2020: 13; Машегова 2010: 77]. Ввиду разрозненности и неполноты архивных документов об эвакуации в Ойротскую автономную область требуется дальнейший поиск источников, а также сверка и корректировка приведенных в них цифр. Однако на основании имеющихся материалов можно с большей степенью достоверности определить общие масштабы эвакуации в Горный Алтай.

25 июля 1941 г. бюро Ойротского обкома ВКП (б) совместно с облисполкомом утвердили план размещения прибывающих

граждан и обязали партийные организации, Советы и руководителей хозяйственных организаций проявить о них заботу, обеспечить жильем, одеждой, обувью, создать нормальные бытовые условия и устроить на работу. Для повседневного руководства этой работой была создана областная оперативная группа из членов бюро обкома и облисполкома. Такие же группы были созданы во всех районах и городе. В структуре Ойрот-Туринского городского исполнительного комитета введена специальная должность инспектора по хозяйственному устройству эвакуированного населения [Этот день 2020: 117].

Таблица 1

Разрядка по размещению эвакуированного населения по аймакам Ойротской автономной области (27 августа 1942 г.)

№ п/п	Наименование ай-маков	Всего людей	Кол-во семей из расчёта 4-х чел. на семью	Выслать подвод
1.	Усть-Коксинский	1000	250	250
2.	Усть-Канский	750	188	188
3.	Онгудайский	250	63	63
4.	Шебалинский	400	100	100
5.	Чойский (Паспаул)	50	12	12
6.	Элекмонарский	100	25	25
7.	Турочакский	150	38	38
8.	Ойрот-Туринский	200	75	75
	Всего	3000	751	751

Источник: Этот день 2020: 120.

Так, решением от 27 августа 1942 г. Ойротский облисполком утвердил порайонный план приема и размещения трёх тысяч эвакуированных граждан в восьми районах области (см. табл. 1).

На 26 июля 1943 г. соотношение эвакуированного населения, размещенного в городской и сельской местности региона, имело почти равные значения: 2315 чел. и 2377 чел. соответственно. Следует отметить, что в сельской местности размещалось большинство эвакуированных детских учреждений, а в городе – семей фронтовиков, нач. состава и учебных заведений.

Преобладающее количество эвакуированных прибыло из блокадного Ленинграда и Ленинградской области. Далее следует Украинская ССР, г. Москва и Московская область, Белорусская ССР,

другие области Европейской части РСФСР [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 394; Этот день 2020: 13; *Машегова* 2010: 78]. Например, по данным переписи на январь 1942 г., которую прошли 4709 чел., указали место своего проживания до эвакуации: Ленинградская область – 2905, Украина – 510, Московская область – 308, Сталинград – 240 [*Машегова* 2010: 82].

В 1942 г. в г. Ойрот-Туру эвакуировали 2-ю спецшколу Военно-воздушных сил из Ленинграда. Спецшколой было выпущено более 750 лётчиков, штурманов и техников. Выпускники школы направлялись в военные авиационные училища для прохождения дальнейшей учебы. После войны, 11 сентября 1945 г., Ленинградская специальная школа ВВС реэвакуирована в Ленинград [Этот день 2020: 142–147].

Эвакуированные граждане активно включались в работу тыла. Многие из них в силу своего образования и опыта назначались на управленческие посты, возглавили промышленные артели и учреждения. В Горный Алтай прибыли люди, владеющие разными профессиями. Это бухгалтеры и экономисты (30 % от всех прибывших), учителя, врачи, медсестры, парикмахеры и др. Эвакуированные работали в медшколе (3 чел.), педучилище (13 чел., в том числе легендарный Викниксор, директор Республики ШКИД Сорока-Росинский Виктор Николаевич), сельхозтехникуме (6 чел.), торгово-кооперативной школе (1 чел.), рабфаке (3 чел.), в городских и сельских школах (25 чел. – только в городских школах) [*Машегова* 2010: 80, 81; *Бухтуева* 2020: 8]. В медицинских учреждениях области работали 50 эвакуированных медработников, что в значительной степени усилило качество работы системы здравоохранения.

По национальному признаку большая часть эвакуированных была представлена преимущественно русскими. По данным переписи среди эвакуированных были еврейями – 627 чел., украинцами – 384, белорусами – 61, поляками – 34, эстонцами – 25, немцами – 13, татарами – 11, латышами – 8, финнами – 7, молдаванами – 4, хорватами – 3, мордвой – 2, грузинами – 2, литовцами – 1, один итальянец из Ленинграда, и 1 швейцарец (работал в Чойской школе). С эвакуированным населением на свою историческую родину приехали и алтайцы – 9 чел. [Этот день 2020: 13, 135; *Машегова* 2010: 78].

Движение населения в ходе эвакуации по большей части носило возвратный характер. Реэвакуация, т.е. процесс возвращения

эвакуированных на прежние места жительства, началось сразу после первого этапа эвакуации в декабре 1941 г. (с разгрома гитлеровских войск под Москвой) и продолжалась в неопределённо долгое время, в том числе и после окончания войны. Полных масштабов этот миграционный поток достиг зимой 1942–1943 гг. (когда немцы были разбиты под Сталинградом и Красная армия начала контрнаступление).

В родные места стали возвращаться эвакуированные, прибывшие в Горный Алтай. С 1944 г. обратно вернулись домой эвакуированные ленинградцы. Многие из них остались в Горном Алтае [Этот день 2020: 14].

Возвращение людей на прежнее место жительства продолжалось ещё несколько лет. Категория «эвакуированные» и статистические данные по их перемещениям в официальных документах республиканского архива в 1946–1947 гг. уже не фигурируют, т.е. абсолютное большинство эвакуированных вернулись домой.

В целом эвакуация не оказала значительного влияния на демографическую ситуацию в регионе. Однако приток эвакуированных в Горный Алтай сделал богаче духовную и культурную жизнь местного населения, повысил научный потенциал. Эвакуированные граждане внесли трудовой вклад в развитие области и в приближение победы.

В годы войны Горный Алтай стал местом ссылки для многих депортированных народов страны. Депортации обосновывались либо потенциальной возможностью перехода на службу к врагу, либо наказанием за уже совершенные преступления. В течение 1941–1944 гг. в Ойротию на спецпоселение были сосланы немцы, калмыки, молдаване, литовцы, представители других национальностей. По данным УНКВД по Алтайскому краю (на 15 сентября 1941 г.) в Ойротской автономной области разместили 1423 чел. поляков, белорусов, литовцев. В первый год войны к ним присоединились и немцы [Политические репрессии 2017а: 232].

На 8 августа 1943 г. числилось 312 депортированных поляков, которые с началом войны были переведены в категорию беженцев. Подавляющее большинство из них – 295 чел., проживали в областном центре Ойрот-Тура [*Ирkitова* 2006: 158]. Среди сосланных в с. Куташ Майминского района (преимущественно женщины с детьми, и несколько человек мужчин пожилого возраста, всего 46

семей) почти 50 человек были поляками. Кроме них достаточно много оказалось и литовцев [Политические репрессии 2017а: 228; Гуляева 2018: 172]. В числе сосланных в Ойротию оказалась семья Войцеха Витольда Ярузельского – участника Великой Отечественной войны в составе 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко, сформированной на территории СССР в 1943 г. [Гартман 2018: 144, 145].

Большая часть ссыльных в области привлекались к работам на лесозаготовке, изготовлению кирпича, полевым и прочим хозяйственным работам. Тяжелые условия труда, неустроенный быт являлись одной из причин высокого уровня смертности спецпереселенцев. Главными ее причинами были дистрофия, воспаление легких и туберкулез. Это значит, что многие депортированные умирали от недостатка питания, из-за простуды, отсутствия теплого жилья, одежды и тяжелых условий работы на морозе и др. В целом же в сибирском регионе выравнивание числа родившихся и умерших у депортированных началось только с 1947 г. [Бруль 1999: 115].

Принудительное переселение репрессированных народов в годы Великой Отечественной войны шло на восток страны, в том числе в регионы Сибири. Вместе с тем, в Ойротской автономной области по сравнению с другими краями, областями и республиками Сибири, миграционный поток был невысокий.

Демографические последствия Великой Отечественной войны сказывались на протяжении ряда десятилетий. Война привела к сокращению численности населения, уменьшению удельного веса мужчин, увеличению доли пожилых возрастных групп, резкому падению показателей рождаемости, вызвала ухудшение состояния здоровья населения. С ростом в обществе числа сирот, пожилых одиноких людей, инвалидов увеличилась нагрузка на социальное и медицинское обеспечение.

В годы Великой Отечественной войны Ойротская автономная область, как и другие регионы Сибири, приняла множество эвакуированных граждан. В Ойротию были направлены учебные и научно-исследовательские, детские учреждения. Их коллективы внесли значимый вклад в развитие здравоохранения, народного образования и науки в Горном Алтае. Кроме того, Горный Алтай стал не только пристанищем для беженцев, но и местом ссылки для представителей репрессированных народов, которым пришлось

вынести все незаслуженные испытания, выпавшие на их долю. Своим трудом на лесозаготовках, в дорожном строительстве, в сельском хозяйстве, спецпереселенцы также внесли свой вклад в развитие народного хозяйства и социальной сферы автономной области в военное время.

4.3. Социально-экономическое положение

4.3.1. Промышленность. Трудовые отношения

Промышленное производство. Война внесла серьезные коррективы в развитие промышленности Горного Алтая. С одной стороны, ускорился рост ряда отраслей промышленности, связанных с обороной страны. С другой стороны, война затормозила производственные процессы, промышленность лишилась многих важных поставок из европейской части страны. Потребности в дефицитных материалах предстояло восполнить за счет привлечения местных ресурсов. Требовались исключительная изобретательность, инициатива и творчество рабочих, инженеров, техников и хозяйственников, чтобы удовлетворить запросы фронта. Оборонные задания выполнялись на пределе технических и человеческих возможностей.

Ойротия являлась сельскохозяйственным регионом и поэтому единственной отраслью, имевшей оборонное значение, стала горнорудная промышленность, созданная в области в начале войны. Промышленная разработка ртути в Горном Алтае к тому моменту приобрела большое значение, поскольку Никитовское месторождение (Донбасс) было захвачено немцами, а Хайдораханское месторождение в Средней Азии еще не было сдано в эксплуатацию. Горный Алтай в этих условиях становился единственным центром по добыче этой ценной и необходимой для военно-промышленных нужд руды. Она использовалась при производстве боеприпасов (капсюлей и взрывателей).

Строительство Акташского рудника началось в декабре 1941 г. По расчетам областного руководства, производство ртути должно было составить около 1 тонны в месяц [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 81. Л. 85]. И рабочие рудника в течение всей войны выдавали ртутную киноварь для нужд фронта.

Высоких результатов удалось достигнуть во многом благодаря рационализаторским предложениям специалистов рудника, рабочих-горняков. Работники рудника Акташ были отмечены правительственными наградами. Орденом «Знак Почета» был награжден начальник рудника В.Г. Татарченко, медалью «За трудовую доблесть» – сменный мастер цеха Пелагея Майдурова. В силу острого недостатка рабочих рук обком ВКП (б) вынужден был просить разрешения краевых органов использовать труд заключенных ИТК № 5, 6, расположенных в п. Акташ. С их помощью строилась дорога к руднику.

В апреле 1942 г. облисполком и обком партии Ойротии вплотную занялись организацией строительства эксплуатационного разведывательного комбината для переработки руд Чаган-Узунского месторождения цветных и редких металлов. В начале 1943 г. горно-обогатительный комбинат был пущен в эксплуатацию. В сутки он перерабатывал более 10 т руды [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 80. Л. 155].

В декабре 1942 г. решением СНК СССР создается трест «Ойротзолоторедмет», который объединил все предприятия горнорудной промышленности области. В него вошли: Акташский рудник по добыче киновари, Змеиногорский рудник по добыче золота и барита, Калгутинский вольфрамовый рудник, Турочакское золотоуправление и Баранчинское приискное управление по добыче золота. Эта мера позволила более оперативно решать вопросы материально-технического снабжения, обеспечения предприятий кадрами, оказания большей помощи на местах.

Главные специалисты горнорудной промышленности имели бронь, они освобождались от воинской обязанности. Это облегчало положение с обеспеченностью рабочими кадрами. С планом 1943 г. работники отрасли справились на 125,4 %, в 1944 г. – на 111 %. С 1940 по 1943 гг. капиталовложения в эту отрасль промышленности области увеличились в 27 раз. Объем продукции за годы войны вырос в 1,8 раза [Мальков, Бражников 1973: 174].

С началом войны возросла роль Чуйского тракта – главной транспортной артерии Горного Алтая. Областное руководство в ноябре 1942 г. приняло решение для обеспечения бесперебойного автодвижения по Чуйскому тракту, производства подготовительных работ по борьбе со снежными заносами, а также работ по расчистке тракта от снега ввести на территории области, прилегающей

к Чуйскому тракту, т.е. по Ойрот-Турскому, Шебалинскому, Онгудайскому, Кош-Агачскому аймакам, трудовую повинность на весь срок военного времени. Привлечение граждан к трудовой повинности допускалось на срок до 2 месяцев, с продолжительностью рабочего времени 8 часов в день и 3 часа обязательных сверхурочных. Автопарк области из года в год сокращался: если на 1 января 1940 г. было 148 грузовых автомашин, то на 1 января 1943 г. – 60, весной 1944 г. – 28 машин, из которых в рабочем состоянии была только половина [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 320. Л. 5]. В этих условиях нередко для перевозок использовался рабочий скот.

Война осложнила и без того тяжелое положение в лесной промышленности. Потеряв в самом начале войны основную часть квалифицированных кадров, машин предприятия отрасли так и не смогли восстановить их в ходе войны. Недостаток в рабочей силе (постоянно 55–60 % к плану), транспортных средств (35 % к потребности), слабая техническая оснащенность и низкая организация труда лесорубов снижали производительность труда в лесной промышленности.

Для выполнения государственных заданий по заготовке леса, в Ойротской автономной области с декабря 1941 г. была введена трудовая повинность для мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. От повинности освобождались рабочие и служащие, занятые в государственных учреждениях, предприятиях и на транспорте, а также высококвалифицированные специалисты из эвакуированного населения, временно не работавшие.

Такой способ набора рабочей силы применялся не только для выполнения планов леспромхозов, но и при заготовке дров для предприятий союзной, республиканской, областной, городской и аймачной промышленности, а также для школ, больниц, бань, жилых домов и других коммунальных предприятий. Условия труда лесорубов были очень тяжелые. Несмотря на непомерные усилия тружеников области, ни в 1941 г., ни в 1942 г. леспромхозы Горного Алтая с планом лесозаготовок не справились. Однако фронт и народное хозяйство страны нуждались в стройматериалах. И в 1943 г. планы были существенно повышены. Для выполнения возросшего объема работ устанавливались высокие сезонные нормы – 100 дней. В этом году область дала стране более 60 тыс. кубометров древесины, заняв первое место в соцсоревновании по тресту «Алтайлес» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 77. Л. 109].

В 1944–1945 гг. положение в отрасли несколько стабилизировалось. Для заготовки и вывозки требовалось не менее 34 тыс. чел. Ни в какой другой отрасли промышленности не было сосредоточено такого количества рабочих. На истощенных лошадях, при скудном продовольственном снабжении выполняли свои нормы лесорубы. Люди жили в тайге по 4–5 месяцев в наскоро сколоченных бараках. Несмотря на все усилия, к концу войны объем продукции лесной промышленности области сократился на 38,4 % (по Сибири – на 37,5 %) [История и культура 2013: 154].

На пределе сил и возможностей трудились не только горняки и лесорубы, но и рабочие всех других предприятий. Такие отрасли промышленной кооперации, как выделка овчин и кож, производство обуви, обмундирования, пищевых продуктов, переориентировались на нужды фронта. Наладилось производство посуды, дегтя, скипидара, пихтового масла, трикотажа, сапожного крема. Работа по обеспечению кадрами предприятий легкой промышленности имела свою специфику. В 1941–1942 гг. для предприятий отрасли не существовала такая форма и источник пополнения кадров как мобилизация, так как мобилизованные направлялись в основном в лесную, горнорудную и золотодобывающую промышленность области. Рабочие кожевенных и валяльно-войлочных мастерских трудились в условиях повышенной влажности воздуха, вдыхая вредные испарения. Многие предприятия для выполнения заказов привлекали надомников, прибегали к помощи местных Советов, которые проводили набор нужных специалистов, работавших не по специальности в учреждениях, предприятиях, колхозах, совхозах.

Некоторые рабочие добровольно переходили с кожевенных, шорных, овчинных предприятий на работу в деревню или на оборонные заводы Алтайского края. Главными причинами этого явления являлись тяжелый, слабо механизированный труд, ограниченная возможность получения квалификации и невысокий уровень заработной платы, относительно низкие нормы продовольственного снабжения по карточной системе, отсутствие подсобных хозяйств, сложности с жильем.

Из-за увеличения производственной нагрузки, перераспределения рабочих кадров и технических средств годовой план 1942 г. Облместпромом удалось выполнить всего лишь на 61 %, Облпищепромом – на 53,6 %, по Многопромсоюзу – на 89 %. В 1943 г. многие предприятия сумели войти в ритм военного

времени, мобилизовать все свои возможности и ресурсы. План 1943 г. удалось выполнить государственными предприятиями на 104 %, кооперативными – на 103 %. Работницы швейной фабрики Крайлегпрома З. Болгова, Т. Данилова выполнили по три нормы. Отставание наблюдалось лишь в пищевой промышленности, где процент выполнения плана составил 72,3 % [История и культура 2013: 155; Бражников 1966: 138]. Причина невыполнения плана заключалась прежде всего в особо тяжелом состоянии в 1943 г. сельского хозяйства области. Недопоставки мяса, овощей и другого сырья предприятиям отрасли напрямую сказывались на темпах ее развития.

В июле 1943 г. в промартели «Ойротка» открылся ткацкий цех. Уже в первых числах августа он начал выдавать продукцию. Несмотря на то, что цех пополнился новым оборудованием, оно только осваивалось, в производстве преобладал ручной труд. Работать в цехах приходилось при керосиновом освещении. При этом работницы зачастую выполняли свои нормы на 150–170 %. В 1943–1944 гг. удалось организовать пять новых артелей – коопераций инвалидов, оснастить оборудованием и механизмами. Расширилась сеть ремонтно-починочных мастерских по обслуживанию населения.

Несмотря на успехи отдельных предприятий, положение в местной промышленности области оставалось тяжелым: отрасль с трудом справлялась с заказами фронта, почти ничего не производя для населения. На XII-м Пленуме обкома ВКП (б) в сентябре 1943 г. отмечалось, что «местная промышленность находится в полнейшем завале. Наше тягло даже на 50 % не обеспечено телегами, санями, упряжью, а мы требуем от районов, чтобы они вывозили ряд важных грузов из глубинки». Работа облисполкома подверглась серьезной критике. «Надо отказаться от излишней опеки над облисполкомом, потребовать от него конкретной работы, ответственности за провал планов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 79. Л. 22].

За годы войны оборудование не обновлялось, а имеющееся находилось в изношенном состоянии. Не хватало транспортных средств, в промышленном производстве использовалась тяговая сила. Но и лошадей, поскольку они рассматривались как стратегически важный ресурс, поставляли фронту. За годы войны поголовье лошадей во всех видах хозяйств сократилось вдвое. Вследствие перечисленных причин местные ресурсы практически

не осваивались, а те производственные объекты, которые строили свою работу на привозном сырье, часто испытывали перебои с поставками [Каташев 2020: 89–90].

К концу войны в г. Ойрот-Тура работали 37 предприятий государственной промышленности и промысловой кооперации, три треста союзного значения: Оленетрест, Ойротзолоторедмет, Сыртрест. Во всей области насчитывалось более 400 небольших государственных и кооперативных предприятий, из них 54 предприятия союзного и республиканского значения, 23 – местного, 58 – относящихся к промысловой и инвалидной кооперации. Имелось 99 сыроваренных и маслодельных заводов, 108 механических и водяных мельниц, Чемальская ГЭС, 19 электростанций в районных центрах и на предприятиях [История и культура 2013: 156].

Трудовые отношения. Проблемы снабжения населения. Напряженная обстановка на фронте требовала мобилизации всех трудовых и материальных ресурсов для обеспечения армии и тыла необходимой продукцией.

К концу 1941 г. в действующую армию было призвано около 30 % всех квалифицированных рабочих Ойротской автономной области. Кроме того, область помогала своими трудовыми ресурсами сопредельным регионам, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. о мобилизации трудоспособного городского населения для работ на предприятиях оборонной промышленности и стройках. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 58 лет и женщины от 16 до 45 лет, не занятые общественно-полезным трудом. За первые два года войны Ойротская автономная область направила на эти работы около 2,6 тыс. чел. В результате народное хозяйство Ойротии испытывало недостаток в рабочих кадрах. В 1942 г. во всех отраслях промышленности области насчитывалось менее 4 тыс. рабочих, а к концу 1945 г. – всего 3,4 тыс. [Мальков, Бражников 1973: 175].

В активную трудовую деятельность вовлекались ветераны труда, домохозяйки, подростки. В основном, конечно, использовались трудовые резервы деревни. Благодаря усилиям местных партийных, советских, хозяйственных органов, промышленность области обеспечивалась необходимым минимумом рабочих рук.

Задача повышения производительности труда решалась во многом, путем распространения на производстве разных форм социалистического соревнования.

В обстановке массового пополнения промышленного производства рабочими кадрами, не имевшими необходимой квалификации, вставала задача организации их обучения в кратчайшие сроки. В годы войны использовались все виды обучения: курсовая подготовка, бригадно-индивидуальный метод с обучением на производстве, стахановские школы и производственные курсы на базе предприятий, без отрыва от производства.

Совместным решением бюро Алтайского краевого комитета ВКП (б) и Алтайского крайисполкома от 19 июля 1941 г. в п. Иня Онгудайского района области начало работу ремесленное училище. Первый набор учащихся составил 170 чел. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 26. Л. 6, 8]. Ининское училище в то время являлось единственным учебным заведением в области, готовившим кадры для промышленности и сельского хозяйства. Помимо рабочих специальностей, в области была налажена система подготовки руководящих кадров.

Характерной чертой состава рабочих кадров военного времени являлось значительное увеличение доли женщин в производстве – с 33 % в 1940 г. до 53 % в 1942 г. На отдельных предприятиях Горного Алтая число женщин достигало 65–70 % к общему количеству работавших. Произошло также заметное омоложение рядов рабочих за счет лиц преимущественно до 18–20 лет [История и культура 2013: 150].

Острый характер приобрела проблема снабжения населения одеждой, обувью, мылом и другими вещами первой необходимости. Корни кризиса уходили в довоенное состояние легкой и местной промышленности. Передвойной 70–75 % товаров, реализуемых через розничную торговлю, принадлежали к разряду остродефицитных. В годы войны товары стали еще менее доступными для населения, поскольку выработка основных потребительских товаров в стране уменьшилась в несколько раз [Палецких 1995: 64].

В сложившихся тяжелых условиях в сфере государственного и кооперативного снабжения и торговли действовал административный контроль. Важнейшей характеристикой централизованного снабжения и торговли являлось нормирование – административное ограничение отпуска товаров населению. Строго централизованная и регламентированная карточная система снабжения гражданского населения стала действовать с середины 1941 г. согласно, которой преимущества в снабжении отдавались работникам приоритетных

отраслей. Население разделялось по признаку общественной полезности на четыре категории снабжения: рабочие, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет. Нормы снабжения колебались: от 200 до 1000 г хлеба в день; от 200 до 4500 г мяса-рыбы; от 150 до 1000 г жиров; от 200 до 600 г сахара и кондитерских изделий в месяц. Нормы централизованного снабжения были дифференцированными и зависели от норм выработки.

Цены по карточкам являлись фиксированными гораздо ниже рыночных. Благодаря карточной системе, страна сумела мобилизовать и отладить обеспечение населения продуктами и товарами первой необходимости. Но даже с учетом централизованных поставок, фонды края оставались ограниченными. В Ойротскую область продуктов и товаров поступало еще меньше, так как оборонные заводы края обеспечивались в первую очередь. Поэтому партийные и советские органы направляли немало усилий на регулирование системы снабжения в области. Средства, выделяемые государством, прежде всего, направлялись остро нуждающимся: в 1942 г. в область было направлено 8 тыс. руб. для оказания единовременной помощи эвакуированным из прифронтовой полосы, семьям рабочих, служащих и военнослужащих [Ирkitова 1997: 16].

В отличие от жителей села, горожане имели меньше возможностей самостоятельно обеспечивать себя продуктами питания. Поэтому в апреле 1943 г. бюро Ойротского обкома РКП (б) и Ойротский облисполком издали совместное постановление о развитии в области коллективного и индивидуального огородничества с целью дополнительного обеспечения рабочих и служащих овощной продукцией. Под огороды гражданам для посадки овощей и картофеля передавались все возможные бесхозные земельные площади, на семью выделялось до 0,15 га или 15 соток. Под посадки отводились даже полосы отчуждения вдоль автодорог. Власти обеспечивали горожан посадочным материалом, местные предприятия развернули работу по изготовлению садово-огородного инвентаря. Земли выделялись через учреждения и предприятия. Многие учреждения занимались также выращиванием скота, чему способствовал полусельский характер областного центра, наличие обширных сенокосов, лугов, выгонов [Была война 2010: 198–199].

Начавшаяся война поставила перед руководством и населением Ойротской автономной области необходимость скорейшего

решения сложных задач обеспечения народного хозяйства области трудовыми кадрами. В Ойротии мобилизации привели к резкому оттоку квалифицированных рабочих и колхозников в армию. При этом, в область прибыло эвакуированное население, в основном – женщины и дети. В таких непростых условиях необходимо было вовлечь в производство значительную часть новых кадров, в основном, женщин. Перевод народного хозяйства на военные рельсы потребовал введения карточной системы распределения продуктов по установленным нормам. Государство оказывало материальную поддержку остро нуждающимся семьям. Указанные меры могли в некоторой степени решить проблему обеспечения жителей Горного Алтая продуктами питания, создать необходимые условия для налаженной работы народного хозяйства автономной области в условиях военного времени.

4.3.2. Колхозная деревня в военные годы

Организация сельскохозяйственного производства.

Всю тяжесть войны в первую очередь, испытала на себе деревня. Политика государства в сельском хозяйстве ежедневно требовала мобилизации всех ресурсов отрасли для нужд фронта, для чего под жесткий контроль были поставлены земельные отношения, материально-техническое снабжение, финансовая и налоговая политика, распределение рабочей силы. Перевод экономики на военные рельсы осуществлялся за счет отраслей гражданского производства, главным образом, за счет сельского хозяйства. Из-за ухода на фронт большей части мужчин, количество трудоспособных колхозников в Ойротской автономной области за первые 6 месяцев войны сократилось на 20 %, а к 1945 г. – на 45 % по сравнению с довоенным временем.

Ввиду отвлечения на нужды фронта значительной части техники, автомобильный и тракторный парк колхозов и совхозов резко уменьшился. Только за II полугодие 1941 г. колхозы и совхозы Алтая направили в армию из 17 тыс. единиц техники, 6 тыс. тракторов, 7 тыс. автомашин. В результате уровень механизации сельскохозяйственного производства сократился в 2 раза, по некоторым видам – в 4 раза. Половина наличных тракторов простаивала из-за отсутствия запчастей, недостатка горючего, низкой квалификации механизаторских кадров, сменивших

ушедших на фронт. Краевое руководство даже вынесло специальное решение, в котором рекомендовало обязать колхозников отработать 30 дневных норм на своих коровах.

В условиях войны государство предпринимало меры по ужесточению требований в сфере труда. 13 апреля 1942 г. Совнаркомом СССР и ЦК ВКП (б) было принято постановление «О повышении для трудоспособных колхозников обязательного минимума трудодней». Он составил 120 трудодней в год против 80 установленных в 1939 г. Вводился обязательный минимум и для подростков – членов семей колхозников – в размере не менее 50 трудодней. Колхозники, не выполнившие без уважительных причин нормы, могли предаваться суду, исключаться из колхозов, терять право на приусадебный участок.

С началом войны рост выработки трудодней происходил у всех категорий сельского населения, занятого в общественном хозяйстве. За свои трудодни люди нередко получали только учетные «палочки». Обесцениванию трудодня способствовали как существовавший в том время остаточный принцип распределения натуральных доходов колхозов среди его членов, так и уравниловка, сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней [Зинич 1994: 113].

Деревня не могла обойтись только собственными силами, особенно в посевную и уборочную кампании. Согласно постановлению СНК СССР от 17 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельской местности» осуществлялась отправка горожан на работу в колхозы. Мобилизации подлежали мужчины и женщины от 14 до 55 лет, а также учащиеся неполных и средних школ.

Каждый мобилизованный на уборку урожая должен был выработать 40-50 трудодней в колхозах и 50-60 дневных норм в совхозах, а для учащихся – 20-30 трудодней. За уклонение от выполнения трудовой повинности виновные привлекались к административной ответственности в виде денежного штрафа в размере до 100 руб. или исправительных работ до одного месяца.

Установление командного стиля руководства сельским хозяйством позволило быстрее мобилизовать материальные и трудовые ресурсы деревни. Однако нарушение демократических основ управления сельскохозяйственными отраслями приводили

к серьезным негативным явлениям в экономике, оплате труда и материальном обеспечении тружеников села. Основу питания сельских тружеников Ойротии составлял картофель, площади посадок которого к концу войны увеличились на 55,6 %, в первую очередь за счет личных приусадебных хозяйств.

Из дополнительного источника дохода, каким личное хозяйство должно быть согласно Уставу сельскохозяйственной артели, оно превратилось для колхозников в военные годы в основной. Ведь даже у наиболее добросовестных колхозников доходы по трудодням не превышали одной трети их общих доходов. На состояние личного хозяйства колхозника напрямую сказывались все трудности развития общественного хозяйства, в частности, животноводства. В 1943 г. на пленуме Ойротского обкома ВКП (б) отмечалось, что «за последние два года число коров в личном пользовании уменьшилось на семь тысяч голов. У нас почти половина бескоровников ... Стахановское движение на единых идеях не создашь. А результат всего этого – организационно-хозяйственное ослабление колхозов. Не случайно, что всякие «слияния» привели к уменьшению числа колхозов на 49 за последние два года. В Кош-Агачском аймаке до 40 % колхозников в единоличном пользовании не имеют скота. Это район, где сосредоточено 35 % поголовья скота в области! В соседнем с ним Улаганском аймаке из 655 хозяйств колхозников в 400 дворах нет ни одной головы скота» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 79. Л. 15, 20, 21; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 260. Л. 84].

Начиная с 1943 года колхозы оказывали помощь своим работникам в приобретении личного скота. Его количество увеличилось также благодаря применению дополнительной оплаты натурой. Однако уровень жизни сельского населения по сравнению с городским оставался очень низким.

Государство стремилось заинтересовать колхозников в результатах своего труда. В Ойротской области в 1944–1945 гг. в колхозах стали чаще практиковать в качестве премии выдачу промышленных изделий (отрез ткани, предметы хозяйственного назначения). Выручали сельчан мастера по выделке кожи, войлока, обработке шерсти. Именно их продукция, в основном, и одевала горно-алтайскую деревню в суровую военную пору [Ирkitова 1997: 19].

Сельскохозяйственное производство. Растениеводство.
В едином аппарате военно-экономической мобилизации

сельского хозяйства заметную роль играли заготовительные органы. Для изъятия продукции предпринимались всевозможные организационные меры, большей частью они имели чрезвычайный характер (сдача семенного материала, маточного поголовья, сокращение или невыдача трудодней). Заготовительные цены на сельхозпродукцию оставались такими же мизерными, как и до войны.

Основную часть колхозной продукции государство получало по линии обязательных поставок, а также натуроплаты МТС. Последняя определялась количеством гектаров «мягкой пахоты», т.е. все работы, произведенные силами МТС (пахота, сев, молотба и т.д.), сводились к этому общему показателю. Кроме названных, были и другие источники поступления сельскохозяйственной продукции. Два из них появились в самом начале войны – это фонд Оборона и фонд Красной Армии. В фонд Оборона, как правило, поступала продукция от самих колхозников, поэтому в поставках колхозов он особой роли не играл. Но в фонд Красной Армии они обязаны были ежегодно производить довольно существенные отчисления [Пановский 1970: 37]. Наибольший удельный вес в общем балансе заготовок колхозов занимали хлебопоставки.

В условиях начавшейся войны уборку урожая 1941 г. Ойротская область провела с трудом и в поздние сроки. Во многих хозяйствах боролись за размеры посевных площадей, упуская из виду качество работы. Всего по области на полевых работах лета и осени 1941 г. хозяйства использовали в качестве гужевой силы свыше 2 тыс. коров колхозников. Урожай 1941 г. удалось убрать вовремя благодаря поставленной организации работ облисполкомом и обкомом партии и ускоренного обучения механизаторских кадров. Уже в октябре в области удалось подготовить около 300 механизаторских кадров. Активно пропагандировался опыт передовых хозяйств, районов.

Весной 1942 г. перед сельским хозяйством области встала новая проблема – нехватка семян. Колхозы своевременно не засыпали семенной фонд, отдав зерно государству, полагая, что займутся этим после выполнения государственных заданий. Кроме того, при создании фонда осенью 1941 г. многие колхозы не учли необходимости увеличения посевных площадей. Семена удалось изыскать у соседних районов Алтайского края путем обмена на скот. В результате план сева 1942 г. был выполнен на 120 % [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 78. Л. 3].

Этот успех был во многом обеспечен четкой организацией труда. Ойротский обком ВКП (б) обязал райкомы, райисполкомы и его земельные отделы обеспечить правильное комплектование бригад и звеньев, закрепить за ними определенные площади посева, установить задания по урожайности каждой культуры. За перевыполнение этих заданий производилась дополнительная оплата [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 78. Л. 3].

В области получила широкую поддержку инициатива трактористок Ставрополя, начавших всесоюзное соцсоревнование трактористок и женских тракторных бригад. Включившись в соцсоревнование, работницы брали обязательства выработать на каждый 15-сильный трактор 450–550 га при хорошем качестве обработки земли, сэкономить 10 % горючего и смазочных материалов, 10 % средств, отведенных на ремонт. Только в Онгудайском аймаке участвовало в этом соревновании 19 человек. Это были Клавдия Потпокова, Мария Сыкыкова, Дергал Курматова и другие. Первенство среди них держала Кымыс Диунова. Она ежедневно вспахивала по две нормы при экономии горючего. За высокие показатели в работе её наградили медалью «За трудовое отличие». Одним из первых закончил сев Усть-Коксинский район, засеяв сверх плана 900 га. За отличную работу районную комсомольскую организацию, возглавляемую Зоей Даниленко, наградили переходящим Красным Знаменем обкома ВЛКСМ, более 400 передовиков получили денежные премии. За качественное проведение весеннего сева 1942 г. руководители области и хозяйств были также отмечены правительственными наградами [История и культура 2013: 162, 163]. Ойротской автономной области вручили переходящее Красное Знамя Алтайского крайкома ВКП (б) и Алтайского крайисполкома. Руководители области в решении IX пленума (июль 1942 г.) предлагали «дальнейшее расширение посевных площадей, превращение области из потребляющей в отношении продовольственного хлеба в производящую». Отмечалось, что «всякие попытки объяснить те или иные провалы в работе ссылками на недостаток кадров, пленум осуждает, как неправильные, небольшевистские, людей у нас много ...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 78. Л. 7, 9].

Осенью 1942 г. Ойротии было доведено задание убрать хлеб с 71800 га, что было на 13,5 га больше, чем в предыдущем году. Благодаря расширению площадей впервые удалось собрать

большой урожай хлеба – 12800 т. План по хлебозаготовкам оказался перевыполненным, однако для этого пришлось пожертвовать семенным фондом. В результате ситуация в растениеводстве в 1943 г. серьезно осложнилась. Вот что об этом говорил председатель облисполкома Ч.М. Кандараков, выступая на XIII-м Пленуме обкома в конце 1943 г.: «... После выполнения плана хлебозаготовок состоялся разговор с т. Лобковым (первый секретарь крайкома ВКП (б) – И.А.), который говорил о передаче области 25 центнеров. У нас этой возможности не было, но для того, чтобы получить приветственную телеграмму, мы решаем на бюро о передаче. И я сам лично выезжал проводить эту работу на месте. Семян для посева не оставалось, и в 1943 году сеять было нечем» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 78. Л. 19, 20].

Расширение посевных площадей являлось вынужденной мерой, продиктованной сложившимися в стране тяжелыми обстоятельствами. В дальнейшем, из-за нехватки рабочих рук и снижения уровня технической оснащенности в сельском хозяйстве, разрыв между размерами посевных и уборочных площадей все больше возрастал. Это относилось прежде всего, к зерновым культурам. План госпоставок картофеля после 1942 г. стал выполняться, в основном, за счет личных хозяйств. Колхозы принимали картофель в качестве возмещения трудодней. Недопоставки по всем видам сельскохозяйственной продукции область замещала мясом.

Чрезмерное напряжение сил и средств для выполнения государственного плана 1942 года, который по объему намного превосходил довоенный уровень, предопределило, наряду с другими факторами, возникновение тяжелой ситуации в сельском хозяйстве области в 1943 г. Гибель огромного количества скота из-за нехватки кормов (борьба за рекордный урожай отодвинула на задний план проблему их заготовки), падение урожайности – такова картина этого года.

Начиная с 1943 года происходило быстрое сокращение посевов. И это стало наиболее характерной тенденцией в развитии сельского хозяйства и в последующие годы войны. К 1945 г. общая посевная площадь в стране составила 113, млн. га против 190,4 млн. в 1940 г. [Анисков 1966: 37]. Заметно сократилась посевная площадь и в Горном Алтае: в 1940 г. она составляла 69,9 тыс. га, в 1941 г. – 81,7, 1942 г. – 93,2, 1943 г. – 74,6, 1944 г. – 66,5, 1945 г. – 58,4 тыс. га [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 260. Л. 93].

При этом ощущалась острая нехватка руководящих кадров. В области на 1 июля 1943 г. в армию было призвано 296 председателей из 315, 342 заведующих фермами. Аппарат обкома оставался укомплектованным всего лишь на 68 %. Частая сменяемость председателей колхозов, заведующих ферм происходила не только из-за призывов в армию. Иногда снимали с должности за малейшее проявление неорганизованности, рассматривая это как саботаж, подрывавший обороноспособность страны [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 79. Л. 11, 16, 18].

Пленум Алтайского крайкома ВКП (б) в феврале 1943 г., анализируя обстановку в сельском хозяйстве края, отмечал, что «перегибы в кадровой политике налицо». В частности, первый секретарь крайкома (снятый с этой должности в конце 1943 г.) В.Н. Лобков высказывал следующее: «Секретари райкомов партии должны будут в ближайшее время внимательно посмотреть наказанных людей. У нас получается, что 50 % работников политотделов с партийным взысканиями, что конечно, неправильно ... С такой практикой надо кончать, ибо вы останетесь к весне без председателей колхозов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 48. Л. 116]. Большие сложности сельское хозяйство области испытывало из-за недостатка квалифицированных специалистов. В хозяйствах не хватало учетчиков, бухгалтеров, веттехников, агрономов, поскольку относительно небольшой для области костяк специалистов оказался на фронте.

Руководство области в кратчайшие сроки организовало обучение новых специалистов. На наиболее ответственные участки работы направлялись партийные и комсомольские организации. Сельские райкомы совместно с райисполкомами решали все вопросы хозяйственной и политической жизни деревни. Многие выдвиженцы военных лет стали талантливыми организаторами производства.

Осенью 1943 г. государству было сдано 520 тыс. пудов зерна, на 175 тыс. меньше, чем в 1942 г. Не был выполнен план по заготовкам картофеля и сахарной свеклы. Уборочные работы были выполнены с помощью механизмов только на 28 %, а 72 % – вручную. Ведь тракторный парк не обновлялся и поэтому нуждался в ремонте гораздо больше, чем в мирное время. Материально-техническое снабжение МТС, особенно запасными частями, сократилось во время войны в 5, а по многим основным деталям в 10–20 раз;

отгрузка горючего на трактор уменьшилась на 48 %. В 1942–1943 гг. в МТС работали в основном трактористы и комбайнеры, только что прошедшие курсы и не имевшие практического опыта. В таких условиях важнейшее значение приобретала мобилизация внутренних резервов.

Из-за падежа скота, невыполнения плана хлебопоставок за 1943 г. был освобожден от должности первый секретарь Алтайского крайкома В.Н. Лобков. В областной партийной организации также сменилось руководство. Были приняты долгожданные решения о том, что «главной отраслью сельскохозяйственного производства в области должно быть животноводство». В частности, Пленум обкома считал необходимым при планировании посевных площадей на 1944 г. внести необходимые коррективы по отдельным аймакам и колхозам в сторону их сокращения, направив развитие полеводства на обслуживание животноводства как главной отрасли хозяйства области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 79. Л. 11, 13].

Многими партийными работниками области отмечались недостатки в управленческой системе, во взаимодействиях краевых и областных органов. Так, второй секретарь обкома ВКП (б) Е.М. Чапыев в своем выступлении говорил следующее: «Я считаю, что крайком ВКП (б) до сих пор нашей областью руководил не конкретно. В представлении работников крайкома Ойротия в Алтайском крае занимает такое же место, как, скажем, Грязнухинский, Локтевский и всякий другой район в крае, без учета национальных и климатических условий области. Крайком часто планирует всю нашу экономику, ликвидируя нашу самостоятельность. Достаточно сказать, что целая автономная область не имеет своей собственной нефтебазы, не имеет автоотряда, нас принимают за обычную глубинку. Мы даже инструктора обкома не в состоянии утвердить без крайкома. Даже наша тара и та распределяется не нами, а крайкомом и крайисполкомом. Крайком зажал нашу инициативу» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 82. Л. 52]. Принятые на Пленуме обкома решения позволили немного улучшить положение в народном хозяйстве области.

В 1944 г. план сева яровых и весенне-тракторных работ в области удалось выполнить в установленные сроки. Эти работы проводились на более высоком агротехническом уровне, лучше был обеспечен уход за посевами. Государство оказало помощь семенами картофеля в размере 250 тыс. т колхозам, подсобным хозяйствам, потребкооперации, пищепрому, детдомам, больницам и семьям

военнослужащих. Урожайность зерновых в 1944 г. оказалась на 47 % выше предыдущего года (по Алтайскому краю урожайность увеличилась с 2,5 ц в 1943 г. до 4,2 ц в 1944 г.).

Увеличился и валовой сбор зерна в хозяйствах области. Годовой план хлебозаготовок был исполнен, государству сдали 623 тыс. пудов зерна, на 103 тыс. пудов больше, чем в 1943 г. На уборке урожая образцы труда показывали не только молодежь, но и пожилые колхозники. Так, в колхозе «Завет Ленина» Ойрот-Туринского района звено пожилых колхозниц (Бушуева Евгения Вениаминовна – 63 лет, Табакаева Александра Егоровна – 59 лет и др.) систематически перевыполняло нормы выработки.

В сложном положении находилась материально-техническая база колхозов. К концу войны число тракторов МТС сократилось на 36 %, а в колхозах – в 3 раза (если в 1941 г. было 18 тракторов, то осталось всего 6, да и те не были годны к полной эксплуатации). В колхозах области не осталось ни одной грузовой автомашины, а к началу войны их было 100.

Несмотря на трудности, в 1945 г. Горный Алтай также справился с объемом хлебосдачи. Удалось расширить посев яровой пшеницы на 11 тыс. га.

В 1945 г. вся посевная площадь Ойротской области составляла 58,4 тыс. га (уменьшение произошло на 11,5 тыс. га, т.е. на 16,4 %), из них зерновые культуры занимали 51,1 тыс. га. По категориям хозяйств посевная площадь распределялась следующим образом: колхозы – 42,7 тыс. га, совхозы – 10,8, личные хозяйства колхозников – 2,1, подсобные хозяйства рабочих и служащих – 2,7 тыс. га [Народное хозяйство 1957: 20].

Развитие животноводства в годы войны. Война существенно повлияла и на развитие главной отрасли сельского хозяйства области – животноводства. За годы войны общественное стадо колхозов Горного Алтая сократилось по всем видам скота на 19,7 %. Одной из основных причин, препятствовавших в годы войны развитию животноводства в области, явились высокие нормы госпоставок, которые не обеспечивались низкой продуктивностью кормовых угодий.

Особенно напряженное положение сложилось со сдачей государству молока. В среднем по области требовалось сдать молока 702 л с каждой фуражной коровы, в то время как надой с одной головы в среднем в течение 5 лет составлял 730 л в год. Таким

образом, все надоенное молоко требовалось сдать государству, не оставляя ничего даже на прокорм телят.

Такая же сложная ситуация имело место и с заготовкой кож. На колхозы области возлагались задания сдавать кож из расчета 22,1 % от общего поголовья КРС, в то время, как приплод составлял 33 %. В Кош-Агачском районе процент поставок кож составлял 39 % к поголовью скота, при приплоде 35 %. Следовательно, выполняя госпоставки, колхозы области должны были ежегодно сокращать поголовье скота, так как приплод не обеспечивал процент изъятия.

План по мясopоставкам по итогам 1941 г. был выполнен на 101 %, молокопоставкам – на 95 %, брынзе – на 86 %, яйцам – на 87 %, шерсти – на 96 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 57. Л. 2; Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 70. Л. 125].

Трудовая нагрузка на работников животноводства возрастала с каждым годом. Норма закрепления коров за доярками в 1941 г. составила от 8 до 14 голов, в зависимости от продуктивности, в некоторых хозяйствах эта цифра доходила до 18. Норма нагрузки на скотника равнялась 50, его среднедневная выработка – 1,5 трудодня. У чабанов выработка составляла 1,92 трудодня [РГАЭ. Ф. 9477. Оп. 1. Д. 1034. Л. 84]. Эти показатели были в 1,5–2 раза выше данных 1938 г.

Мясopоставки за 1942 г. Ойротская автономная область выполнила на 98,7 % (23717 ц вместо 24018 ц по плану). Колхозы хронически не справлялись с объемами поставок молока. Это объяснялось, кроме общих причин отставания животноводства, ухудшением породного состава коров, отсутствием качественной подкормки маточного поголовья, уменьшением взрослого скота в стаде.

Период зимы и весны 1942–1943 гг. оказался самым тяжелым для животноводческой отрасли области. Кормов катастрофически не хватало, в земельных органах и колхозах работало всего 33 зоотехника, на каждого из них приходилось по 8 хозяйств и по 14 с лишним тысяч голов скота. 4 ветврача и 19 веттехников не в силах были справиться с резко увеличившимися болезнями среди животных. В результате в колхозах пало скота всех видов 21 тыс. голов, а в совхозах – 5407 голов. Особенно тяжелая обстановка сложилась в Усть-Канском районе (пало 18 тыс. голов скота). План обязательных поставок продукции животноводства области в этом году не удалось выполнить.

Причины столь тяжелого положения в животноводстве области, многие участники Пленума обкома, состоявшегося в ноябре 1943 г., видели в «засорении» колхозов классово-чуждыми элементами: «массовый падеж скота, недостаток кормов и помещений для скота заставляет нас задуматься над тем, не орудуют ли в аймаках и колхозах классово-чуждые нам элементы, чего мы проглядели в силу плохой работы с кадрами ...». По области прокатилась волна судебных процессов над руководителями хозяйств, исключения их из партии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 79. Л. 22; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Оп. 43. Д. 49. Л. 116]. Работа обкома ВКП (б) признавалась неудовлетворительной, были проведены перевыборы руководящих партийных органов: из 41 члена обкома 35 чел. были избраны впервые, из старого состава бюро (7 чел.) был избран только один человек.

С установлением погектарного принципа госпоставок продуктов животноводства план сдачи их значительно увеличился. Многие хозяйства испытывали большие трудности с выполнением этого объема поставок. Из положения выходили путем замены кедровым орехом, пушниной и т.д. Колхозу «Эзендик» Онгудайского района необходимо было сдать в 1943 г. вместе с недоимкой 194,54 ц мяса. Для этого требовалось 122 головы КРС, а колхоз имел в наличии всего 112 голов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 57. Л. 3]. Без разрешения подобной взаимозамены колхоз мог остаться без скота. И таких хозяйств в области было немало.

Другой способ выполнения поставок заключался в поставках скота из основного воспроизводящего стада, что, в конечном счете, привело к сокращению маточного поголовья и уменьшению количества поголовья скота. Основной причиной невыполнения обязательных поставок продуктов животноводства, сокращения поголовья скота являлись завышенные нормы. Положенное количество сдачи скота устанавливалось на основе характеристики земель Горного Алтая 1909–1910 гг., которая не соответствовала действительности.

Большой проблемой многих колхозов являлась текучесть кадров, которую усугублял недостаток людей на фермах. В результате создавалась перегрузка в объеме работ в расчете на одного животновода. Если в 1940 г. на фермах работало 85 тыс. чел. и на 1 работника приходилось 10,4 головы скота, то в 1943 г. работало всего 54 тыс., нагрузка составляла 16,8 головы на 1 работника.

Большинство работников животноводческих ферм уходило в полевые бригады, где выдавался хлеб в период хлебоуборки, было меньше материальной ответственности [РГАЭ. Ф. 9477. Оп. 1. Д. 795. Л. 7, 31, 38, 41].

Даже в необычайно сложных условиях отдельные хозяйства добивались заметных успехов. Так, по итогам соцсоревнования в животноводстве в 1943 г. победителями были признаны: колхоз «Кызыл Аргут» Кош-Агачского района, выполнивший государственный план развития животноводства по лошадям на 100,5 %, по КРС – на 103,5 %, по овцам – на 111,5 %, по верблюдам – на 112,5 % и полностью рассчитавшийся с государством по обязательным поставкам продуктов животноводства; овцеводческая ферма колхоза «Дяны Дюрум» Усть-Канского района, выполнившая план по овцеводству на 104,4 %, получившая деловой выход 118 ягнят на 100 маток и давшая рост поголовья овец на 20 % [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 78. Л. 125].

В 1944 г. положение в животноводстве области несколько улучшилось. Этому содействовало принятое в сентябре 1944 г. постановление правительства «О мерах по подъему животноводства в колхозах Ойротской автономной области Алтайского края». Совет народных комиссаров обязал облисполком прекратить контрактацию и покупку скота у колхозников и рекомендовал продать им в 1944 г. 5 тыс. ярков, прежде всего, участникам войны, их семьям. Предложено было обследовать пастбищные угодья, установить порядок их использования. Расходы, связанные с этими мероприятиями, государство брало на себя. С колхозов списывалась задолженность прошлых лет по поставкам государству мяса, молока, шерсти и кож. Было уменьшено на 10 % норма обязательных поставок мяса колхозам, имевшим две животноводческие фермы – КРС и овцеводческую, при наличии в одной из них удвоенного минимума поголовья скота. Рекомендовалось выдавать дополнительно натурой за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота.

По итогам соцсоревнования в животноводстве в 1944 г. победителями стали Улаганский район, колхоз «Мухор-Тархата» Кош-Агачского района, Молочно-товарная ферма колхоза «Завет Ленина» Ойрот-Турского района.

Правительство страны приравнило наметившиеся успехи в сельском хозяйстве Алтайского края к крупным победам на

фронтах. Боевыми орденами в феврале 1945 г. наградили группу партийных и советских работников Алтай – 31 чел., в том числе 22 чел. из Ойротской автономной области. Орденом Отечественной войны II-й степени награждены: председатель облисполкома Ч.К. Кыдрашев, уполномоченный Министерства заготовок по области К.Н. Дзяминович, секретари райкомов: Ойрот-Турского – Г.С. Долгих, Онгудайского – А.И. Фатькин, Усть-Коксинского – В.У. Радошкин, председатели райисполкомов: Онгудайского – А.Г. Паутов, Турочакского – В.Г. Кречетов, Усть-Коксинского – В.А. Бреев [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 70. Л. 72].

В первом полугодии 1945 г. тенденция улучшения положения в отрасли сохранилась. Сдвиг произошел благодаря большей помощи государства в этот период, привлечению на фермы дополнительных рабочих рук, повышению материальной заинтересованности в нелегком труде животновода. Больших успехов достигли в 1945 г. хозяйства Онгудайского района. Так, колхоз «Дяны Дьол» («Новый путь») этого района (председатель – Елена Упаева) сдал государству поставки за 1945 и 1946 гг. Колхоз «Эркин Ӧмӧлик» («Свободный коллектив») также Онгудайского района (председатель – Ф. Барсуков) с мясopоставками рассчитался полностью, госплан выполнил по всем показателям [РГАЭ. Ф. 9477. Оп. 1. Д. 1210. Л. 178]. Это хозяйство завоевало первое место в области. Ему было вручено переходящее Красное знамя обкома и облисполкома.

Валовая продукция сельского хозяйства в 1945 г. составила 60 % от уровня 1940 г. По всем категориям хозяйств за годы войны количество крупного рогатого скота сократилось на 24 %, в том числе коров – на 23 %, свиней – почти в 2 раза, овец и коз – на 13 %, рабочих лошадей – на 35 %. Это составило примерно 64 тыс. голов скота всех видов. Урон, нанесенный войной хозяйствам области, можно проследить на примере одного из передовых и крупных хозяйств области – Ябоганского совхоза. С 1940 по 1946 гг. посевы его сократились более чем на одну треть, лошадей – более чем на половину, а поголовье овец – на 27 %. Война отбросила хозяйство Ябогана по посевным площадям к уровню 1933–1934 гг., по поголовью лошадей – к уровню 1932 г. [РГАЭ. Ф. 9477. Оп. 1. Д. 1210. Л. 178].

Труженики сельского хозяйства Ойротской автономной области сумели внести достойный вклад в обеспечение фронта

и промышленности продуктами и сырьем. За 1941–1945 гг. колхозники Горного Алтая сдали государству 416 тыс. ц зерна, 217,6 тыс. ц мяса, 750 тыс. ц молока, 1312 ц животного масла, 15840 ц шерсти, 108 тыс. кож, более 187 тыс. овчин [Крестьянство Сибири 1985: 206]. Хозяйства отдавали по госпоставкам почти все из полученной продукции, оставляя намного меньше необходимого.

Хозяйства области сдавали государству также продукты, получаемые благодаря природным богатствам края. Это были кедровый орех, ценный горный мед, пушнина и рыбопродукты. Здесь с выполнением планов тоже было сложно, так как многое зависело от погодных явлений (выпадали иногда неурожайные сезоны), опытные промысловики были мобилизованы в армию, не хватало снаряжений для этих работ. Росту сдачи ореха способствовало то, что его принимали вместо всех видов сельхозпродуктов, подлежащих сдаче государству по обязательным поставкам, натурплате за работы МТС и возврату ссуд по эквивалентам (1 пуд кедровых орехов вместо 3 пудов зерна, 1,5 пудов мяса и 5 фунтов шерсти).

Охотничий промысел в начале войны занималось 653 чел., из них 83 женщины. Норма добычи за сезон на кадрового охотника составляла свыше 600 руб.

К концу 1943 г. в колхозах области было 216 пасек, в них 23245 пчелосемей. Выход валовой продукции составлял 735500 кг, с одной пчелосемьи – 38 кг меда, который полностью сдавался государству.

Добыча рыбы была в годы войны свыше 6 тыс. центнеров. Контингент промысловиков включал 460 чел. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 81. Л. 94; Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 76. Л. 8]. Таким образом, в тяжелых условиях военного времени область изыскивала все возможности снабжения населения и фронта продовольствием и другими средствами.

Сельское население в годы войны. Население области внесло немалый личный вклад в победу не только напряженным трудом, но и приобретая облигации госзаймов, сдавая средства в фонд обороны и на строительство боевой техники, в помощь эвакуированному населению, рабочим промышленных предприятий и т.д. Приведем наиболее яркие примеры: председатель Бело-Ануйской сельхозартели В. Комлев внес из личных сбережений на строительство танковой колонны «Алтайский колхозник» 70 тыс. руб., чабан колхоза «Кызыл Козуль» Теке Модоров –

50 тыс. руб. Еще были танковые колонны «Колхозная молодежь», «Осоавиахимовец Алтай», авиаэскадрилья «Алтайский истребитель», торпедный катер «Комсомолец Ойротии», танк «Пионер Ойротии». 300 млн. рублей – сумма, которая поступила от населения области в годы войны в бюджет государства. Ни одно село, ни одно хозяйство и коллектив не остались в стороне от этого благородного и нужного дела.

Все это достигалось за счет тяжелого изнурительного труда жителей села, в том числе и детей. Они, в возрасте от 8 до 10 лет, занимались прополкой колхозных полей, собирали колоски, картошку, возили копна, вязали снопы. Постарше, в 12–14 лет порой наравне со взрослыми участвовали в уборке урожая, когда работы шли с раннего утра до темноты. В областном центре 12-летние школьники в зимнее время, в снегу, обрубали сучья сваленных на заготовке дров деревьев. В 14 лет дети уже считались взрослыми, они участвовали в сельскохозяйственных работах, зимой заготавливали дрова. В целом за три первых военных года в колхозах и совхозах Ойротии работали 16653 ученика и их учителя, ими было выработано 783 тысячи трудодней [Была война 2010: 301]. Считалось, что каждый школьник должен быть охвачен работой. При этом детям, помимо обработки колхозных полей, приходилось в свободное время помогать родителям на своих приусадебных огородах, которые оставались главным источником питания семей. Еды всегда не хватало, она отличалась скудостью и однообразием. Несколько лучше обстановка обстояла летом, когда можно было собирать ягоды, калбу (черемша), кандык, пользоваться продукцией переработки молока. Ловили диких животных, шкурки кротов и сусликов сдавали в отделения «Заготзерна». За это получали зерно, крупы, ткани, а то и спички и соль, которые были большим дефицитом в годы войны. Использовали в пищу отруби, жмых. Зимой приходилось сидеть впроголодь, ждали весны, когда появятся первые корнеплоды.

Находилось время для отдыха, посиделок, танцевальных вечеров. В областном центре частыми гостями на вечерах были курсанты ленинградской школы ВВС. В селах центрами культурной жизни были дома культуры. Устраивали танцы, крутили кино. Нередко организовывали коллективные читки. В 1941 г. была издана книга Николая Улагашева «Чёрчөктор», в которую были включены

произведения алтайского героического эпоса. Школьники читали, взрослые слушали о подвигах богатырей, эмоционально переживая гибель и смерть фольклорных героев. Люди жили сплоченно, дружно, помогали и поддерживали друг друга. В целом оставалась надежда на преодоление всех трудностей, вера в благополучное завершение войны [Была война 2010: 262, 263, 265].

Деревня Горного Алтая испытала все трудности военного времени. Они заключались в нехватке руководящих кадров, специалистов, рядовых работников. Из-за изъятия значительной части автомобилей и тракторов на нужды фронта, уровень механизации сельскохозяйственного производства в области резко снизился, что ухудшило условия труда сельчан. После ухода на фронт большей части мужчин основная трудовая нагрузка пришлась на женщин, их доля среди колхозников превышала 80 %. Оставшиеся мужчины были подростки и старики, инвалиды. Женщины же не могли трудиться за троих, в сельском хозяйстве наблюдался спад производства. Упадок растениеводства вел к сокращению поголовья скота из-за нехватки заготовленных кормов. Особенно напряженное положение было со сдачей государству молока. Выполняя госпоставки, колхозы области должны были ежегодно сокращать поголовье скота, так как приплод не обеспечивал процент изъятия. Задания перед государством удавалось выполнять за счет повышения трудовой нагрузки.

Труженики сельского хозяйства Ойротской автономной области внесли достойный вклад в обеспечение фронта и промышленности страны продуктами и сырьем. Хозяйства отдавали по госпоставкам почти все из полученной продукции, оставляя лишь самое необходимое. Для жителей села огромное значение имели личные хозяйства, которые обеспечивали в необходимом минимуме картофелем и овощами. Свой вклад в дело помощи армии внесли простые граждане области за счет сверх напряжения своих сил.

Власти пытались облегчить положение сельских жителей путем оказания материальной поддержки нуждающимся колхозникам. Трудности и лишения принимались как неизбежное, оправданное и временное. Все усилия были направлены на помощь фронту, на победное завершение войны.

4.4. Здравоохранение, образование, наука и культура

4.4.1. Состояние здравоохранения

С началом Великой Отечественной войны перед советской системой здравоохранения были поставлены сложные задачи: во-первых, обеспечить фронт квалифицированными медицинскими кадрами, во-вторых, сохранить материально-технический и кадровый потенциал отрасли на местах, в-третьих, организовать медико-санитарное обслуживание населения в тылу. Общее руководство здравоохранением страны осуществлял Народный комиссариат здравоохранения СССР. Решение задач военного времени в Ойротской автономной области было возложено на областной отдел здравоохранения.

К 1941 г. медицинская сеть области включала 19 больниц на 460 коек, 23 родильных дома, 16 врачебных амбулаторий, 13 фельдшерско-акушерских пунктов, 5 трахоматозных диспансеров, 35 трахоматозных пунктов, туберкулезную больницу, 11 женских и детских консультаций, детскую больницу [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 949. Л. 3-3об.]. Официальные данные позволяют сделать вывод о некотором сокращении медучреждений, например, по врачебным участкам. Если в 1940 г. по области насчитывалось 24 врачебных участка на 509 коек [Горно-Алтайской автономной 1982: 71], то к 1943 г., по данным отчета инспектора областного отдела здравоохранения в Ойротский обком ВКП (б), их число сократилось до 21 [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 189. Л. 87об.].

Качество медицинской помощи, оказываемой населению этими учреждениями, оставалось невысоким. Основная причина сложившейся ситуации заключалась в нехватке кадров медиков. Зачастую медработники совмещали несколько должностей, обслуживая разные по медицинской направленности учреждения. Например, в Онгудае практически под одной крышей находились больница, амбулатория, венерологический диспансер и трахоматозный диспансер, женская консультация и родильный дом. В г. Ойрот-Туре – инфекционная больница и родильный дом [Была война 2010: 328]. Такая практика позволяла хотя бы формально, но сохранять медицинскую сеть области.

Получить узкоспециализированную медицинскую помощь, провести сложные анализы, пройти физиолечение населению было невозможно, хирургическую помощь оказывала только городская больница.

Руководство области прилагало все возможные усилия для того, чтобы население в самых экстренных случаях могло получить медицинскую помощь. Перед войной в апреле 1941 г. в качестве самостоятельного лечебного учреждения была создана скорая медицинская помощь [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 3. Д. 2. Л. 22], которая могла пользоваться внеочередными транспортными услугами, а также привлекать любых врачей к выполнению своих основных функций. В реальности это право долгое время продолжало оставаться формальным, поскольку внеочередные транспортные услуги предоставлялись только для военных нужд, а нехватка кадров сохранялась до конца войны. Тем не менее, только за одно полугодие 1944 г. скорая помощь обслужила 53 чел. в городе, перевезла 153 больных и оказала амбулаторную помощь 806 обратившимся.

Серьезной проблемой военного времени являлось материально-техническое снабжение учреждений здравоохранения. Созданная еще в довоенный период материально-техническая база медучреждений постепенно приходила в упадок. Повсеместно не хватало шприцев, инструментария, кроватей, постельного белья и полотенец, и особенно – медикаментов [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 935. Л. 23–24], что снижало качество медицинского обслуживания. Часть палат из-за нехватки топлива были закрыты. Медицинские участки, повсеместно требовавшие ремонта, зачастую продолжали оказывать медицинскую помощь за счет самоотверженного труда медиков [Гончарова 2008: 123].

Лишь к 1943 году «... удалось почти полностью восстановить производство медикаментов», поскольку была возобновлена работа эвакуированных на восток страны нескольких крупных химико-фармацевтических предприятий [Исупов 2007: 126].

Еще одна сложная проблема в здравоохранении Горного Алтая заключалась в нехватке кадров, ее решение вошло в число первоочередных задач медицинской системы области. На 1 января 1941 г. количество медицинских кадров по области составляло: врачей – 114 чел. из 143 положенных по штату, среднего медицинского персонала – 434 чел. из 487 по штату. Больше

всего требовалось врачей в Усть-Коксинском аймаке и г. Ойрот-Туре, средний медицинский персонал – в Онгудайском аймаке и в областном центре [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 924. Л. 90]. К концу 1941 г. кадровая проблема еще более обострилась: в Турочакском аймаке работало 5 врачей, в Кош-Агачском и Онгудайском – по 3, в Улаганском, Чойском и Элекмонарском – по 2, Усть-Канском и Усть-Коксинском аймаках – по 1 врачу.

В первые пять месяцев войны на фронт из области было мобилизовано 55 врачей [Память народа 1993: 236]. За 5 лет войны область направила на фронт 73 врача, 159 работников среднего медицинского персонала, десятки дружинниц и санитарок [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 189. Л. 87]. Ушли на фронт лучшие врачи области: врач-фтизиатр М.А. Тихомирова, терапевт Г.З. Тарских, дезинфектор Е.А. Карпунина, рентгенолог А.А. Суворцев, санитарные врачи В.М. Любушкина и П.В. Ларкин, хирург А.А. Носов и многие другие высококвалифицированные специалисты [Была война 2010: 330–335]. Весь третий курс фельдшерского отделения Ойротской фельдшерско-акушерской школы добровольно ушел на фронт [Медицинские работники 1941: 2]. Студентки школы в коллективном заявлении писали: «Мы, отличницы учебы, услышав сообщение о нападении фашистских разбойников на нашу страну, желаем добровольно идти на фронт и с честью защищать свою родину, если потребуется, отдадим жизнь» [Анкудинова 2011: 8]. За проявленный героизм и отвагу преподаватели и выпускники школы В.Л. Вторушина, М.Д. Чехлова, Е.А. Журавлева, А.М. Кулижникова и другие были награждены боевыми орденами и медалями.

Среди врачей – участников Великой Отечественной войны было много тех, кто на протяжении всей своей жизни оказался верен избранной профессии. Среди них: Илья Александрович Шпилькин – военным медиком прошел Первую мировую и гражданскую войны, с 1923 г. работал в системе здравоохранения Горного Алтая: боролся с трахомой, венерическими болезнями, организовывал курсы медицинских сестер, руководил отделом санитарного просвещения. Отличник здравоохранения РСФСР, награжден орденами Отечественной войны I степени, Знаком Почета и медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». Алексей Алексеевич Носов – с 1934 по 1941 гг. работал врачом-хирургом областной больницы.

Отличник здравоохранения РСФСР, награжден орденом «Красной Звезды». Павел Васильевич Ларкин – санитарный врач, награжден орденом Отечественной войны II степени, Знаком Почета, медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945», «За победу над Японией», «За боевые заслуги». Валентина Михайловна Любушкина – с 1933 по 1941 гг. санитарный врач в Усть-Канском, Чойском аймаках, Ойрот-Туре. Награждена орденами Отечественной войны I степени, «Красной Звезды», Знаком Почета, медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945», «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», и многие другие [Была война 2010: 330–335].

В течение 1942–1943 гг. количество врачей и среднего медицинского персонала в Ойротии продолжало снижаться. Если в 1942 г. работало 95 врачей, то год спустя, в 1943 г. количество сократилось до 71, по среднему медперсоналу – с 436 до 394 чел. соответственно [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 189. Л. 87об.]. Несмотря на то, что Народный комиссариат здравоохранения СССР неоднократно принимал все возможные меры по интенсификации работы персонала больниц и рациональному распределению медицинских кадров, этого оставалось недостаточно. На 1 мая 1945 г. в городе медицинскую помощь населению оказывали 29 врачей, работающие на 60 должностях, в районных центрах – 25 врачей на 43 должностях [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 401. Л. 11].

Необходимую помощь в решении кадровых проблем области оказывал Алтайский краевой отдел здравоохранения. Так в феврале 1941 г. по инициативе Крайздрава для работы на Черно-Ануйский врачебный участок был направлен врач из г. Бийска [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 2. Л. 14]. В январе 1943 г. в Горный Алтай из разных частей страны прибыли 22 врача, среди которых педиатры, стоматологи, хирург, венеролог, кардиолог и др. [Была война 2010: 319–320], все они были распределены на работу в различные медицинские учреждения области. Кроме того, часть приезжего населения поступила на краткосрочные курсы фельдшеров, пополнив списки призывников [Машегова 2010: 80–81].

В области были организованы курсы усовершенствования для младшего медицинского состава, к которым привлекались выпускники мединституты и фельдшерско-акушерской школы. В годы войны школа практически не имела постоянного корпуса, построенное в 1941 г. общежитие заняли переселенцы [Анкудинова

2010: 3]. В июне 1941 г. в медицинские учреждения области были направлены 13 её выпускников [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 2. Л. 64]. В этом же году Ойрот-Туринский городской комитет Красного Креста выпустил две группы медицинских сестер [Захарова 2020]. В августе 1941 г. 4544 женщины и девушки области прошли обучение на курсах медсестер и санитарок [Нечайкина 2010: 170]. В феврале 1942 г. выпускницы медицинских курсов в с. Чемал были направлены в аймаки области [Стрекалов 1942: 4].

Зачастую средний медицинский персонал совмещал свою непосредственную деятельность с руководящей должностью, а также врачебной практикой. В годы войны фельдшеры заведовали шестью аймачными отделами здравоохранения, четырьмя руководили медсестры, та же ситуация наблюдалась в городской детской больнице и родильном доме [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 2. Л. 74, 67]. В любое время года, медик Черно-Ануйского врачебного участка пешком обслуживал 10 населенных пунктов, расположенных в 10–20 км друг от друга. В Кош-Агачском районе три врача за год осуществили более трех тысяч посещений больных.

Кроме лечения больных, медикам ежедневно приходилось решать и другие жизненно важные вопросы: организовывать питание и заготовку топлива. Основную часть продуктов питания получали с подсобного хозяйства. К примеру, в 1942 г. подсобное хозяйство областной больницы составляло 31 га пахотных земель, 16 га огородов, 75 га сенокосов, 1,5 га ягодных и садовых культур. При больнице содержали 20 коров, 23 лошади, 13 свиней, 16 овец, 80 кур и уток, ухаживали за пчелосемьями [Социальная история 2007: 202].

Серьезно на питании медиков сказались перебои в снабжении продуктами. По 4–5 месяцев в году не получали хлеба медики Улаганского, Турочакского и Усть-Канского аймаков. Нормы выдачи хлеба для них были снижены на 20 %. Для того, чтобы получить паек, необходимо было преодолеть расстояние в несколько километров, зачастую пешком. Практически отсутствовало снабжение промышленными товарами, одеждой и обувью. К примеру, в Улагане врач в самые сильные морозы ходила в деревянных ботинках на вызовы к больным, фельдшер Онгудайского участка обрабатывали сыпнотифозные очаги босиком. Эти проблемы, требовавшие каждодневного решения, сохранялись на всем протяжении войны [Гончарова 2008: 133].

Проблемы военного времени, социально-бытовая неустроенность, неудовлетворительное материальное обеспечение населения, массовая эвакуация населения вглубь страны ухудшили и без того сложную эпидемическую обстановку как в стране, так и в Ойротской области: «... население тыловых районов СССР опасно балансировало на грани эпидемического порога» [Исупов 2007: 127].

В январе 1942 г. вопрос тифозной инфекции рассматривался на заседании облисполкома. Собравшиеся констатировали, что областная инфекционная больница по своей скученности и непригодности, а также по территориальному размещению, сама является источником распространения инфекции [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 72. Л. 183].

В 1942 г. для борьбы с эпидемиями в стране была принята санитарно-эпидемическая политика, сформулированная Постановлениями ГКО от 2 февраля 1942 г. «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии», прежде всего, направленная на просветительскую работу среди населения. Повсеместно были организованы и начали работу противоэпидемические комиссии. На страницах газеты «Красная Ойротия» почти еженедельно для населения публиковались заметки санитарно-просветительского характера. 14 санпросветработников области только за 1942 г. провели среди населения 4663 лекции. Наибольшее число просветительских мероприятий организовали санинструкторы в Шебалинском и Чойском аймаках.

В сентябре 1942 г. Ойротская областная санэпидстанция была переведена в с. Онгудай и реорганизована в Онгудайскую межрайонную санитарно-эпидемиологическую станцию, Кош-Агачский и Онгудайский дезпункты – в аймачные санэпидстанции [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 74. Л. 179]. Необходимого количества специалистов для работы в этих учреждениях не было. Отсутствие таких специалистов привело к тому, что все важные противоэпидемические мероприятия проводились медицинским персоналом со средним образованием, чаще всего с отсутствием профессионального опыта.

В начале 1943 г. особенно неблагоприятными по заболеваемости сыпным тифом были признаны Онгудайский, Усть-Коксинский и Улаганский аймаки, к концу года ситуация по заболеваемости стала критической уже в восьми аймаках [Была

война 2010: 319]. По г. Ойрот-Туре ситуация также требовала незамедлительного решения. Только за октябрь–декабрь 1943 г. в области имели место 114 случаев заболеваемости сыпным тифом [Госархив РА. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 404. Л. 10].

Кроме сыпного тифа, в 1943 г. в области регистрировались другие острые инфекционные заболевания: 71 случай – брюшного тифа, 101 – дизентерии, 91 – паратифа, 57 – дифтерии и 27 – скарлатины [Была война 2010: 325–326]. Вспышки малярии были особенно сильными в Турочакском и Чойском аймаках.

Сложная эпидемиологическая ситуация (в большинстве случаев по заболеваемости тифом и скарлатиной) находилась на постоянном контроле у руководства области, неоднократно обсуждалась на заседаниях, чрезвычайно противоэпидемической комиссии [Госархив РА. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 404. Л. 1]. Несмотря на предпринимаемые меры, заболеваемость скарлатиной и тифом до войны оставалась низкой. Аналогичные трудности из-за отсутствия персонала и медикаментов были в организации профилактики и лечения социальных болезней: венерических, туберкулеза, трахомы. Наиболее пораженными венерическими заболеваниями являлись Онгудайский, Шебалинский, Элекмонарский и Усть-Коксинский аймаки.

Серьезной проблемой все военные годы оставалась трахома. В начале войны в г. Ойрот-Туре работал трахоматозный диспансер, четыре трахоматозных диспансера и пункты в районах, но и в них больные не могли получить систематического лечения из-за отсутствия персонала и медикаментов [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 958. Л. 60]. Лишь к концу войны наметилась тенденция к снижению количества вновь заболевших трахомой.

Борьбе с туберкулезом также уделялось пристальное внимание со стороны властей области. Единственная в области туберкулезная больница с вместимостью больных на 20 коек располагалась в центре города, что являлось недопустимым с точки зрения соблюдения санитарных правил [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 77. Л. 39]. Только за первое полугодие 1943 г. в областной туберкулезный диспансер обратилось более тысячи человек [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 972. Л. 10]. И все же больные в большинстве случаев были вынуждены лечиться на дому. Диагностическое оборудование по выявлению разных форм туберкулеза, рентгенкабинет и специализированная лаборатория в области отсутствовали [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 1.

Д. 972. Л. 10]. На всю область работал только один врач-фтизиатр, он же заведующий тубдиспансером.

В результате рост заболеваемости привел к росту смертности. Сигналы о смертности в областной отдел здравоохранения на протяжении всей войны поступали из аймаков области. В 1942 г. самый высокий процент смертности от скарлатины был зарегистрирован в Онгудайской больнице [Гончарова 2008: 141]. Резко увеличилась смертность среди грудных детей. В отчете инспектора областного отдела здравоохранения Черепановой указывалось, что главной причиной детской смертности являлось качество питания. Детские учреждения испытывали недостаток риса, сахара, молока, круп, дети, зачастую питались картошкой и ржаным хлебом. Особенно плохо обстояла ситуация с обеспечением продуктами питания детской молочной кухни, в лучшем случае каши готовились на воде [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 177. Л. 41].

В 1942 г. сложности с кадровым и материальным обеспечением отмечались во всех аймачных женских и детских консультациях. Например, в Усть-Канском аймаке амбулаторный прием детей и беременных женщин вел врач-педиатр, который за первое полугодие 1942 г. принял 57 беременных женщин, 513 гинекологических больных, а также оказал консультации 694 детям в возрасте до 1 года [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 958. Л. 23, 23об.]. Акушерка Бело-Ануйского акушерского пункта за этот же период амбулаторно приняла 1876 чел., в том числе 7 родов на дому [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 1. Д. 958. Л. 25]. Наиболее стабильно продолжала работать лишь консультация в г. Ойрот-Туре. В среднем в течение войны в ней работало 6 медработников. Ими только в 1942 году было проведено 920 наблюдений и принято 506 родов [Гончарова 2008: 145].

Для оздоровления населения во время войны продолжал работать Чемальский санаторий, в котором могла поправить здоровье лишь незначительная часть населения. В 1942 г. в его штате числилось 14 человек: 1 врач, 3 медработника различного профиля, обслуживающий персонал. В военные годы, при санатории было организовано подсобное хозяйство на 350 га, функционировали кирпичный завод, гидроэлектростанция, автотракторный парк, маслодельный и колбасный заводы, механические мастерские, конный обоз [Баскакова 2009: 15]. В 1942 г. сюда были эвакуированы

247 детей и сотрудников детского костнотуберкулезного санатория из Ленинграда. Наряду с ними в Горный Алтай были эвакуированы Борисоглебский детский дом, дети из Поволжья, Ростовская школа трудновоспитуемых детей.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны повседневная работа медицинских учреждений из-за острой нехватки площадей, оборудования и медикаментов, кадрового дефицита сопровождалась серьезными трудностями и проблемами. Ценой невероятных, каждодневных усилий медиков удавалось проводить лечебную и профилактическую работу, бороться со вспышками эпидемических заболеваний, содержать медицинскую сеть области. Перемещения больших масс людей в годы войны, приток эвакуированных граждан и спецпереселенцев вызвали рост эпидемиологической заболеваемости в Горном Алтае. Наблюдался рост заболеваемости и смертности, особенно среди детей. Медицинские работники осуществляли все возможные меры для снижения заболеваемости, однако хронические проблемы здравоохранения зачастую снижали эффективность предпринимаемых усилий. В целом же благодаря самоотверженному труду медицинских работников Ойротии удалось не только сохранить систему здравоохранения области, но и развивать, несмотря на все тяготы военного времени.

4.4.2. Народное образование

С началом Великой Отечественной войны руководство страны, Народный комиссариат просвещения приступили к проведению безотлагательных мероприятий, направленных на сохранение системы народного образования и перестройку ее деятельности в соответствии с условиями и требованиями военного времени. Продолжалась начатая в 1930-е годы планомерная работа по строительству и совершенствованию школьной системы. Главной задачей народного образования по-прежнему оставалось обеспечение всеобщего обязательного обучения. Высшие органы власти – ЦК ВКП (б), СНК и ВЦИК СССР в первые месяцы после начала войны приняли ряд постановлений, в которых были обозначены основные приоритеты деятельности школ.

Школьная сеть. В годы Великой Отечественной войны в Ойротской автономной области, как и по всей стране, ассигнования

на образование значительно уменьшились в связи с мобилизацией материальных и людских ресурсов на нужды войны. Однако повышение грамотности населения оставалось в числе основных задач государства. Несмотря на огромные трудности, вызванные войной, в области продолжал осуществляться всеобуч. Заведующие отделов народного образования в Ойрот-Туре и в аймаках, председатели сельских и городского исполкомов, по решению облисполкома, должны были принять меры для того, чтобы все дети школьного возраста посещали занятия. Однако на практике решения не всегда выполнялись из-за многих проблем, вызванных войной. Недостаток рабочих рук в колхозах и совхозах компенсировали трудом учащихся средних и старших классов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 150. Л. 129].

Проведению учета контингента детей, подлежащих обучению, мешала большая подвижность населения, поэтому он проводился с большими затруднениями. Ниже представлены данные об учете детей, их посещении школ в области (см. табл. 1).

Таблица 1
Количество учащихся, посещавших школы Ойротии
в 1941–1945 гг.

Годы	Учено детей школьного возраста (тыс. чел.)	Посещавших школу (тыс. чел.) на конец учебного года	Оставшихся вне школы (тыс. чел.) детей школьного возраста
1941–1942 г.	25936	23899	2127
1942–1943 г.	25968	23329	2604
1943–1944 г.	23759	16631	2677
1944–1945 г.	24077	19979	2186

Источник: Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 214. Л. 2; Д. 287. Л. 8.

Число учащихся, не посещавших школу, в годы войны увеличилось. Меры, принятые местными органами власти после постановления СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» (1944 г.), способствовали увеличению числа учащихся в школах области.

Однако трудности военных лет вносили свои коррективы в процесс обучения. Часто школьники, которые задерживались на

работах в колхозах и совхозах в начале учебного года, не возвращались в школу. Материальная необеспеченность, отсутствие одежды и обуви, расстояния более трех километров и невозможность подвоза учащихся к школе, особенно в разгар сельскохозяйственных работ, были причинами непосещения школьниками учебных заведений. Значительное количество учащихся 5–10 классов по мобилизации направлялось в ФЗУ и другие ремесленные школы, педучилище и нацпедрабфак.

В августе 1941 г. Ойротский облисполком утвердил план школьной сети на 1941–1942 учебный год. В области работало 305 школ с контингентом учащихся 33121 чел. Заведующие айм(гор)оно обязывались пересмотреть сеть школ и сократить, где «это окажется возможным число наиболее маломощных школ». В первую очередь это касалось начальных трехклассных школ, в которых обучалось по 9–12 человек. Было принято решение не открывать в отдаленных районах, как Улаганский и Кош-Агачский классов в школах, если не набиралось 10 учеников. В остальных районах области наполняемость должна была составлять не менее 15 учеников в классе, в городе не менее 30. Десятые классы открывались в школах в том случае, если в классах было не менее 10 учащихся [ГААК. Ф. 573. Оп. 1. Д. 155. Л. 2].

В публикациях советского периода отмечается, что количество школ по сравнению с довоенным уровнем, увеличилось с 265 до 300 [Очерки по истории 1973: 390]. Однако по данным областного отдела народного образования, количество школ в годы войны уменьшилось (см. табл. 2).

Таблица 2
Численность школ в 1941–1945 гг. в Ойротской автономной области (на начало учебного года)

	Учебный год			
	1941–1942 г.	1942–1943 г.	1943–1944 г.	1944–1945 г.
Всего школ	305	282	295	298
в т.ч.				
начальных	219	193	210	211
неполных средних	68	72	66	67
средних	18	17	19	20

Источник: Аксенова 2008: 69.

В 1941-1942 учебном году была проведена намечаемая еще до войны большая работа по упорядочению школьной сети. Школы, в которых насчитывалось 25–30 чел., расположенные в 1–3 км от большого села, где было учебное заведение, закрывались (Турочакский, Чойский аймаки). Объединение школ проходило и в 1942-1943 учебном году «для большей экономии средств, но не в ущерб выполнению закона о всеобуче». Это привело к сокращению количества школ. Однако необеспеченность учащихся одеждой, обувью, продуктами, сокращение интернатов вынудили вновь открывать малокомплектные школы в составе двух классов.

Выполняя постановления и решения, особые инструкции центральных советских органов о вовлечении детей школьного возраста в школы, принятые в 1943-1944 гг., местные партийные и советские организации старались больше внимания уделять школе. Так, за 1944-1945 учебный год обком партии на заседании бюро шесть раз обсуждал вопросы работы школы. Вопросы состояния народного образования рассматривались на областной сессии Совета депутатов трудящихся. Решения и принятые меры способствовали улучшению работы школ. В 1944-1945-м учебном году из 298 школ области 22 не допустили отсева учащихся [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 379. Л. 7].

Для обучения учащихся, которые не могли посещать школу в связи с работой, в 1943 г. была открыта первая школа рабочей молодежи (ШРМ) в г. Ойрот-Туре. В течение года ускоренными темпами создавалась сеть школ рабочей молодежи, к 1944-1945 учебному году в области работали уже 24 ШРМ [Беликова 2007: 72].

Сокращение финансирования системы образования в годы войны, недостаток рабочих рук привели к тому, что многие школы оставались без ежегодного ремонта. В большинстве школ ремонт проводился силами педагогических коллективов и технического персонала, старших учащихся и колхозников. В 14 школах района помещения были подготовлены к учебному году за счет привлечения специальной рабочей силы (перекладка печей, перестилка полов и др.), т.е. их работа оплачивалась, в отличие от труда работников школы [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 7. Л. 120]. Снабжение стройматериалами осуществлялось, в основном, по наряду краевых организаций, поэтому в школах постоянно не хватало стекла, замазки и пр. Во многих школах окна заделывались фанерой, дощечками.

Заготовка дров являлась одной из наиболее насущных задач. В большинстве случаев дрова заготавливались собственными силами школьных работников. При этом для вывозки дров необходимы были лошади, а их не хватало. По данной причине школы нередко оставались без отопления и прекращали работу. Учебный год в таких случаях продлевался до июля, но большая часть учеников старших классов занятия не посещала, потому что трудилась в колхозах. Педагогические коллективы школ также работали в поле, на выгрузке зерна и других сельскохозяйственных работах.

Большая часть сел области оставалась не электрифицирована, школы освещались керосиновыми лампами. Керосина также не хватало, что приводило к сокращению в зимнее время уроков и невыполнению программ. Недостаток тетрадей компенсировали тем, что писали на газетах, старых брошюрах, корешках квитанционных книжек, грифельных досках и т.д. Ученики сами обеспечивали себя чернилами и клеем, изготавливая их из «баданного корня, березовой губы», лиственничной канифоли.

Подготовка кадров учителей. Одна из самых сложных проблем в системе школьного образования Ойротии военных лет заключалась в необеспеченности школ учительскими кадрами, особенно остро такая ситуация сложилась в национальных школах. С началом войны многие учителя ушли на фронт. Это еще больше обострило проблему с учителями, которых не хватало и до войны. Ряды учителей области пополнились небольшим количеством эвакуированных преподавателей из других регионов.

Обком партии и облисполком неоднократно поднимали вопрос об открытии учительского института в области. После консультаций с соответствующими инстанциями бюро обкома ВКП (б) 14 июня 1941 г. приняло постановление «Об организации Ойротского национального отделения при Бийском учительском институте». На облоно возлагалась задача подобрать группу в количестве 35 чел. из учителей алтайцев, выпускников педучилища, рабфака и средних школ для посылки их в г. Бийск на учебу. Одновременно поручалось «найти преподавателя ойротского языка и литературы» и его же назначить зав. кафедрой ойротского языка на этом отделении. В Барнаул была направлена просьба о выделении 30 тыс. руб. на содержание ойротского отделения учительского института [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 69. Л. 181]. Несмотря на трудности военного времени, отделение было открыто. Из этой

группы студентов уехали на фронт: Алеков Николай, Чичинов Василий, Суразаков Сазон, Шебалин Василий, Тадыев Михаил, Бабаев Алексей.

В августе 1941 г. в Ойрот-Туру эвакуировался Московский педагогический институт им. К. Либкнехта, при котором было открыто ойротское отделение. Инициатором создания отделения был Баскаков Николай Александрович. Он же стал заведующим отделением и кафедрой алтайского языка и литературы. В январе 1942 г. из Бийского института были отозваны 10 студентов и зачислены в состав нового отделения. Нехватка национальных кадров учителей поставила под угрозу набор студентов на алтайское отделение. В 1942 г. на конец июля было подано всего 6 заявлений на 30 мест. В этой связи администрация вуза обратилась в Ойротский обком ВКП (б) с просьбой оказать содействие в наборе студентов алтайского отделения, для чего просили освободить от работы желающих обучаться учителей и рабочих [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 153. Л. 1]. В 1943 г. институт вернулся в Москву, вместе с ним выехали студенты ойротского отделения. В целом Ойротское отделение произвело 4 выпуска, его выпускники внесли большой вклад в развитие культуры, науки, литературы и образования Горного Алтая.

В Московском пединституте велась работа по повышению квалификации учителей области. При нем действовали курсы для учителей области, на которых занятия проводили профессора и преподаватели вуза. Летом 1942 г. при Ойрот-Турунском педучилище были проведены трехмесячные курсы по подготовке учителей начальных классов национальных школ. На курсах обучалось 40 учителей с образованием 7–8 классов. Для пополнения кадров учителей неполных средних школ также организовывались курсы, на которых обучалось 9 чел. Все 9 слушателей курсов были зачислены студентами ойротского отделения пединститута им. К. Либкнехта. В результате семилетние школы кадрами не пополнились. С 1 декабря 1944 г. при педучилище работали курсы по подготовке в вуз, на которых обучалось 15 чел., из них 12 алтайцев. С января этого же года проводились десятимесячные курсы по подготовке учителей начальной школы. Всего обучалось 30 чел., из них 4 алтайца [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 287. Л. 10].

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 11 марта 1944 г. «Об улучшении работы в педагогических училищах»,

Ойротский облисполком принял решение об увеличении контингента учащихся Ойрот-Турунского училища до 560 чел. В постановлении облисполкома особое внимание уделялось расширению работам по коренизации и по улучшению материального положения учащихся и преподавателей.

Отсутствие педагогических кадров, особенно в национальных школах, стало причиной приостановки учебного процесса в начальных и неполных средних школах в некоторых районах.

Материально-бытовое обслуживание учителей области оставалось неудовлетворительным, этот вопрос неоднократно рассматривался на заседаниях Ойротского облисполкома. Учителя плохо или вообще в течение нескольких месяцев не снабжались хлебом, продовольственными и промышленными товарами. В целях улучшения материального состояния школьных работников облисполком принимал решение о выделении 10 % из централизованных и местных фондов промтоваров учителям. В аймачных центрах, МТС, совхозах учителя прикреплялись к столовым, с этой целью учреждениям общепита выделялись дополнительные фонды для питания. В г. Ойрот-Туре открылись специальная столовая и магазин для учителей. Председателям аймаков вменялось в обязанность проверять степень обеспеченности учителей квартирами, отоплением, освещением. В случае обнаружения недостатков строго требовалось принимать меры по их устранению, в результате материальное положение учителей области несколько улучшилось. Вместе с тем, незначительные объемы производства товаров первой необходимости и плохое снабжение снижали эффективность принимаемых мер.

Несмотря на трудности, система образования Горного Алтая продолжала стабильно функционировать. В годы войны выполнялся план коренизации школ области. Во всех 18 семилетних национальных школах преподавание велось на родном языке. Вместе с тем работа в сфере национального образования также сопровождалась трудностями военных лет. Помимо нехватки педагогических национальных кадров открытие новых национальных классов сдерживали такие проблемы, как недостаток учебной литературы. В начале войны Ойротское издательство закрылось, литература и учебники на алтайском языке не выпускались.

Органы власти старались обеспечить четкую работу педагогических коллективов и качественного выполнения своих

обязанностей каждым учителем. Партийные организации отделов народного образования стали регулярно рассматривать вопросы учебно-воспитательной, внешкольной работы, активизировали индивидуальную работу с учителями. Райисполкомы усилили контроль за трудоустройством подростков школьного возраста, не посещавших школу.

В Ойротской автономной области тяготы войны вызывали серьезные трудности в финансировании и материальном снабжении учебных заведений. Остро ощущался недостаток учительских кадров. Из-за материальных и финансовых проблем школьная сеть подверглась реорганизации, некоторые школы и интернаты были закрыты. Тем не менее, она была сохранена, осуществлялся всеобщий, выполнялся план коренизации школ. Система народного образования в области продолжала проводить в трудных условиях войны стабильную работу, сохраняя и развивая школьную сеть. Большой вклад в подготовку квалифицированных педагогов внесли эвакуированные учреждения, в первую очередь – Московский государственный педагогический институт. Школа сыграла важную роль в обучении школьников рабочим специальностям для нужд народного хозяйства путем организации сети школ рабочей молодежи. Учителя осуществляли большую работу в воспитании патриотических качеств у молодежи, укрепляя веру своих учеников в скорую победу.

4.4.3. Научное изучение Горного Алтая

Деятельность научных учреждений сыграла заметную роль в общественной жизни Горного Алтая. Начавшаяся Великая Отечественная война не дезорганизовала деятельность научных учреждений, лишь во многом изменила направление исследований. 23 июня 1941 г. в Академии наук (АН) СССР прошло внеочередное, расширенное собрание Президиума АН на котором было решено перестроить науку на военный лад. В числе основных направлений работ выделялись проблемы, имеющие оборонное значение, поиски и конструирование средств обороны, научная помощь промышленности, мобилизация сырьевых ресурсов [Савицкий 2017: 73]. Аналогичное указание получили вузы и научно-исследовательские учреждения от Всесоюзного комитета по делам высшей школы и отраслевых наркоматов.

С самого начала войны первостепенное значение имела разведка и добыча тех видов минерального сырья, которые шли на удовлетворение потребностей оборонных отраслей промышленности. В 1941 г. Западно-Сибирское геологическое управление Комитета по делам геологии при СНК СССР вело работы на территории Ойротской автономной областью [Серазитдинов 2017: 124]. Кроме организаций Комитета по делам геологии работали геологоразведочные организации, созданные в составе отраслевых наркоматов, объемы работ которых превышали комитетские. На территории Горного Алтая ученые-геологи Л.А. Рагозин, К.В. Радугин и другие проводили геологическую съемку территории и разведку полезных ископаемых [Серазитдинов 2017: 123–132].

Научные исследования проводились и по изучению почв. С начала 1930-х гг. осуществлялись крупномасштабные исследования, выполняемые почвенными партиями при областных, краевых управлениях землеустройства, а также академическими учреждениями. Ученый-почвовед Б.Ф. Петров разработал пути рационального использования почвенных ресурсов Алтая и освоения различных горных поясов, включая и альпийский пояс (итоги деятельности изложены в работе «Почвы Алтайско-Саянской горной области», 1952 г.) [Ковалев, Трофимов 1977: 37, 40].

Выполнялись и научно-исследовательские работы по другим научным направлениям, например исследователь В.В. Крыжановская в 1942–1943 гг. изучает млекопитающих как переносчиков клеща в Прителецком очаге энцефалита. Работа проводилась комплексно зоологами Томского университета, паразитологами Всесоюзного института экспериментальной медицины и работниками Алтайского заповедника [Млекопитающие как переносчики: эл. ресурс].

Большой вклад внесли коллектив опорного пункта НИИ плодоводства (ВНИИС) в г. Ойрот-Туре. Учитывая недостаток продовольствия, под руководством М.А. Лисавенко проводилось сортоизучение определенных овощных и ягодных культур, было организовано массовое размножение лучших сортов для обеспечения семенным материалом колхозов и населения. Разрабатывались технологии разведения лекарственных растений. В окрестностях города выращивалось большое количество плодов, ягод, овощей для населения и госпиталей. В 1943 г. опорный пункт был преобразован в Алтайскую плодово-ягодную станцию [Калинина: эл. ресурс].

Во время войны проводила работу комплексная зональная сельскохозяйственная опытная станция. Постановлением СНК

от 23 сентября 1944 г. при станции организовали два опорных пункта: Кош-Агачский и Усть-Коксинский. Согласно приказу НКЗ СССР № 392 от 24 марта 1945 г. на базе Ойротской зональной опытной станции животноводства была образована Ойротская сельскохозяйственная станция. На ней в это время работала учёный, селекционер Окулич-Казарина Л.В. (одна из авторов новой породы коз «горноалтайская») [АО МО «Майминский район». Ф. Р-46]. Под её руководством в колхозах Ойротской автономной области приступили к скрещиванию местных малопродуктивных животных с привозными козлами оренбургской, ангорской, придонской пород. Началом её работы стало изучение местных животных и выделение из всего поголовья нескольких типов. Затем она занялась созданием отар с двумя направлениями продуктивности – шерстного и пухового [Сыева 2022: 64, 65].

Трагическое для страны начало войны, необходимость нормального функционирования военной экономики выдвигали в число первоочередных задач эвакуацию важных промышленных объектов, учреждений культуры, образования, науки вглубь страны. С первых дней войны Западная Сибирь стала одним из главных регионов эвакуации [Снегирева 2015: 35].

В 1941 г. областной центр принял из Тамбовской области Плодовоовощной институт им. И.В. Мичурина и Московский педагогический институт им. Карла Либкнехта. В этом же году произошло слияние Мичуринского института с Ойротским сельскохозяйственным техникумом, на праве отделения. В институте действовали 3 кафедры: плодоводства, овощеводства, селекции. Сельскохозяйственный институт имел подсобное хозяйство, а также оказывал помощь колхозам и совхозам области в проведении сельскохозяйственных работ. Выполнялись научные исследования, а также проходила защита диссертаций. Только, за первый учебный год институт выпустил 45 агрономов-плодоовощеводов. Новые специалисты сельского хозяйства направлялись на работу в совхозы и МТС Алтайского края и Ойротской области [Этот день 2020: 149]. При институте им. И.В. Мичурина в 1943 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата сельскохозяйственных наук директор опорного пункта плодоводства Михаил Афанасьевич Лисавенко (в будущем академик Академии сельскохозяйственных наук СССР, Герой Социалистического труда) [Бражников 1966: 26].

В Московском педагогическом институте им. К. Либкнехта, помимо подготовки специалистов по истории, литературе, химии, математике и физике, по ходатайству местных властей, в феврале 1942 г. было создано отделение алтайского языка и литературы [Этот день 2020: 139]. Для Горного Алтая, не имевшего в то время ни одного учителя с высшим образованием, подготовка местных педагогов имела исключительно важное значение. Из первого набора закончили институт пять человек: Сазон Саймович Суразаков, Ольга Григорьевна Сабашкина, Карп Степанович Тюков, Иван Карманович Сабашкин, Валентина Васильевна Чичинова. Многие студенты ушли на фронт и не вернулись [Суразакова 2022: 154, 155].

На середину 1942 г. профессорско-преподавательский состав насчитывал более 30 чел., и включал таких известных ученых, как физик А. Зильберман, математик А. Лопшиц, историков В. Семенова и С. Кана, литературоведа Б. Грифцова, бывшего лагерника – русиста И. Голанова, химика В. Спицына, тюрколога Н. А. Баскакова, географа Р. Кабо и других. Прибывшие в эвакуацию ученые активно включались в жизнь Ойротской области. После реэвакуации в 1943 г. научная библиотека (более 5000 книг) педагогического института им. К. Либкнехта была оставлена в Ойрот-Туре. Позднее эти книги составят основу библиотеки Горно-Алтайского учительского института [Эвакуация во спасение: эл. ресурс; Этот день 2020: 141].

Из Москвы в Ойротию перевели научно-исследовательскую лабораторию пантового оленеводства Наркомсовхозов СССР. Ее разместили в Шебалинском оленесовхозе. Последний послужил экспериментальной базой для внедрения научных методов ведения хозяйства [Бражников 1966: 26, 27].

Нельзя не сказать об единственном научно-просветительском учреждении – областном краеведческом музее. В годы войны деятельность музея в большей мере была направлена на политико-просветительскую работу. Научно-исследовательская работа и краеведческая работа не проводилась. Тем не менее музей в это время поддерживал связь с Ойротским отделом Всесоюзного Географического общества, с музеями г. Барнаула и Бийска и некоторыми научными экспедициями. Перед музеем была поставлена задача сбора материалов военного времени: фронтовые письма, предметы быта, награды, фотодокументы и пр. [Белекова: эл. ресурс].

Таким образом, в годы войны научные учреждения перестраивались в соответствии с нуждами тыла и фронта, подчиняя свою работу главной цели – содействовать Победе над фашистской Германией. Специалисты различных областей науки продолжали разрабатывать актуальные проблемы. Научные экспедиции проводили геологи, биологи, специалисты сельского хозяйства и др. Укреплялись связи с другими научными организациями. Одновременно велась подготовка высококвалифицированных кадров, оказывалась помощь народному хозяйству. Важным событием в области явилось прибытие в Ойрот-Туру эвакуированных исследовательских учреждений. Несмотря на ограниченные возможности, в условиях того периода ученые, решая не простые задачи смогли внести свой вклад в развитие науки.

4.4.4. Деятельность учреждений культуры. Литература и искусство

Годы Великой Отечественной войны оставили заметный след в развитии алтайской культуры. Выпавшие на страну и на Ойротскую автономную область испытания требовали мобилизации всех сил на победу над врагом. На представителей алтайской культуры легла ответственная задача воспитания патриотических чувств, укрепления веры в победу. Основным направлением в культпросветработе, в искусстве и литературе стала патриотическая тема. В годы войны также возрос интерес к фольклору и историческому прошлому своего народа.

Культурно-просветительные учреждения. С началом войны большую политико-воспитательную и агитационно-просветительную работу стали проводить культурно-просветительные учреждения. В августе 1941 г. бюро Ойротского обкома ВКП (б) утвердило мероприятия по усилению агитационно-пропагандистской работы в связи с военной обстановкой. Ежедневно должны были проводиться политические информации, работать столы справок, оформляться «Агитокна ТАСС» и «Окна Сатиры», газетные витрины, доска показателей, вывешиваться плакаты [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 7. Л. 177, 178]. В годы войны в области работали 10 Домов культуры, 64 колхозных и совхозных клуба, 14 стационарных и полустационарных киноустановок, 9 кинопередвижек, 10 районных, 10 сельских, 1 областная, 1

городская детская – всего 22 библиотеки, 116 изб – читален, 214 красных уголков, продолжали функционировать два Дома алтайки и две юрты передвижки, проводившие работу среди женщин-алтаек и работников отгонного животноводства [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 5. Л. 24]. Деятельность работников культпросветучреждений заключалась в проведении общественно-политических и культурных мероприятий, распространению наглядной агитации.

Большое значение в агитационно-пропагандистской работе придавалось газетам. До апреля 1942 г. в области издавалось 4 областных, 9 районных газет. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) от 5 апреля 1942 г. о сокращении тиража и объема газет из-за нехватки бумаги, бюро обкома ВКП (б) 11 апреля 1942 г. постановило уменьшить на 15 % тираж и сократить периодичность выпуска областных газет «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот». Они стали выходить 8 раз в месяц. Одновременно было закрыто 6 районных газет. Продолжали выходить один раз в неделю газеты: в Кош-Агачском районе – «Янғы јол» («Новый путь»), в Усть-Коксинском – «Знамя Ленина» и в Улаганском – «Ойротский охотник» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 108. Л. 88]. Подписной лимит периодических изданий газет и журналов сократился с 44727 до 15773 экз. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 4. Л. 3]. Особо важную роль играли газеты на алтайском языке, так как они являлись основным источником информации для многих алтайских жителей, не владевших русским языком. Большое значение имело областное радиовещание, которое велось на русском и на алтайском языках. По радио передавались сводки с фронтов, освещалась помощь фронту, текущие задачи и другая информация.

С началом войны работа учреждений кинофикации области не остановилась. В городе работало два кинотеатра на 609 посадочных мест, в селах продолжали действовать кинопередвижки. В годы Великой Отечественной войны работа киноустановок, кинопередвижек, как и других учреждений культуры, отличалась оперативностью и мобильностью, подчинялась главной цели – воспитанию патриотизма, укреплению веры в победу [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 5. Л. 24].

Продолжил свою работу и областной краеведческий музей, сотрудники которого также проводили большую политико-воспитательную и патриотическую работу, выезжая с лекциями и докладами, развешивая тематические и фотовыставки, большей частью посвященные Великой Отечественной войне. В 1944 г.

музею были переданы работы Г.И. Чорос-Гуркина: 484 картины и 20 альбомов художника, 2198 рисунков пером, карандашом, акварелью, многие, из которых с записями справочного или дневникового характера [Еркинова 2008: 13, 14]. Работа Ойротского музея в годы ВОВ продолжалась в стабильном режиме. Создавались новые экспозиции, передвижные выставки, проводились экскурсии, фонды пополнялись новыми материалами.

Литература и искусство. В военный период литература, театральное и изобразительное искусство в своих исканиях обратились к устному народному творчеству, которое вобрало в себя эстетический, исторический и литературный опыт всех поколений. Алтайская литература в годы Великой Отечественной войны оказалась в крайне трудном положении. В первые же дни ушли на фронт начинающие писатели: Исай Тантыев, Такша Озочинов, Ойок Иртанов, Иван Шодоев, Иван Кочеев, Николай Куранакон и др. Участвовала в обороне Ленинграда и была контужена молодая поэтесса Александра Саруева, сражались на разных фронтах войны и получили ранения Сазон Суразаков и Чет Енчинов. Оставшиеся в тылу продолжали трудиться [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 236].

Писатель Павел Кучияк, работая в театре ведущим актером, вел большую работу в газетах, на радио, среди населения. Новое направление творчества П. Кучияка ярко проявилось в известном стихотворении «Наказ матери» («Энезинин јакылтазы»), написанном в начале войны [Кучияк 1967: 74]. Это стихотворение-наказ, призывающее покарать врага. В нем использован традиционный жанр алтайского фольклора – *алкыш-сӧс* (благопожелание). Поэт воссоздает героико-эпические образы матери и сына, основываясь на традиции героического эпоса: мать напутствует богатыря, идущего на бой [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 237].

Тема защиты Отечества, единения народа в годы Великой Отечественной войны получает развитие и в творчестве выдающегося алтайского сказителя Николая Улагашева. В стихотворениях «Руки коротки!» («Колыгар кыскачак») и «Октябрьская песня» он воспеваает патриотические чувства граждан страны [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 240].

Характерные черты алтайской литературы военных лет ярко проявились в творчестве Чета Енчинова. Военная тематика была основной в его поэзии и драматургии. Он пишет стихи, поэмы и пьесы

о советских воинах и партизанах, о табунщиках и чабанах. В поэзии нашли яркое отражение образы родной земли, матери, любимой. На слова стихотворений «Шонкорым», «Аргымак», «Кайран менин кӧӧркиим» были написаны композитором А. Новиковым песни, ставшие любимыми не одним поколением слушателей. В период войны Ч. Енчинов создает большие эпические полотна – ряд поэм, в которых получили отражение темы войны и героизма людей [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 241, 242].

Жизнь и творчество Янга Бедюрова также связаны с Великой Отечественной войной. Он – участник войны, завершивший свой боевой путь в Дрездене. Наиболее заметное место в лирической поэзии Я. Бедюрова занимает жанр послания (письма), который был чрезвычайно распространен в годы войны. Стихотворения: «Билик-письмо», «Письмо нӧкӧриме» («Письмо другу»), «Письмонын нерези» («Ожидание письма»), «Амыр јӱрсе, бирикпей», («Встретимся, если будем живы ...») можно отнести к жанру послания. В них поэт пишет о том, что в каждой войне много людского горя, и раскрывает чувства и надежды алтайского воина: как бы тяжело ни было, победа будет за нами.

В годы войны продолжается развитие алтайской драматургии. П.В. Кучияк пишет пьесы, которые рассказывали о героических подвигах советских людей в тылу и на фронте. Надо отметить, алтайские пьесы военных лет воскрешали актуальность и злободневность тематики, сценарную природу пьес агитационного театра, но им была присуща некоторая искусственность их построения.

Пробует себя в драматургии Чет Енчинов. Его первая пьеса-драма «Темир-Санаа» (1942 г.), написанная по мотивам одноименного героического сказания, является первым сценическим прочтением эпоса. Второе произведение – пьеса «Санаш» – рассказывала о судьбе алтайца-бедняка. Одноактная драма «Эркин-баатыр» (1944 г.) продолжила фольклорное направление, «Ай-Тана» (1945 г.) является первой музыкальной драмой. Кроме того, создаются, но сценически не воплощаются пьесы на материале истории и фольклора: историческая драма «Канза-бий» П.В. Кучияка и драма «Алып-Манаш» С.С. Тобокова по одноименному героическому сказанию. В связи с Постановлением ЦК ВКП (б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (1946 г.) они были не разрешены к постановке.

Театр. Весной 1941 г. национальный колхозно-совхозный театр приступает к постановке пьесы «Ўч кыс» («Три девушки») П.В. Кучияка. Премьера спектакля состоялась 22 июня 1941 года – в день начала Великой Отечественной войны. Многие зрители ассоциировали героев спектакля с героями событий, происходивших в жизни. Так, злой Дьелбеген – это Гитлер, напавший вероломно на нашу страну.

Театр с самого начала войны срочно перестраивает свою работу. Почти все актеры-мужчины призываются в действующую армию или уходят добровольцами на фронт. В июле 1941 г. Всесоюзным комитетом по делам искусств принимается директивное решение ликвидировать часть учреждений культуры и искусств. Алтайский краевой отдел искусств решает сократить некоторые совхозно-колхозные театры, в их числе и ойротский. Облесполком и обком ВКП (б) направляет ходатайство о сохранении театра, приводя весомые доказательства его необходимости. Ходатайство Ойротского облесполкома и обкома получило положительное решение, и театр продолжил свою работу. Из оставшихся актеров была организована концертная бригада. Всего за второе полугодие 1941 г. творческий коллектив театра представил зрителям 80 концертов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 148. Л. 1]. Ойротский театр в годы войны, как и другие театры страны, обратился к драматургии, созданной на материале национальной истории и фольклора. В 1942 г. творческий коллектив театра осуществил постановку первой пьесы Ч. Енчинова «Темир-Санаа» – героического сказания о народном восстании алтайцев против китайских завоевателей. Особенно удался центральный образ Темир-Санаа, созданный П.В. Кучияком. Автор воспевал мужество героя, призывал к борьбе за свободу, и это было созвучно тем чувствам, что переживали люди в годы войны [Тарбанакова 1994: 80]. В следующем сезоне театр ставит еще одну пьесу Ч. Енчинова – «Санаш». В алтайской труппе, пополненной в начале 1942 г. участниками художественной самодеятельности и молодыми студийцами, продолжали утверждаться принципы реалистического театра. В 1943 г. режиссер Н. Лях-Раскольников поставил спектакль «Два гвардейца» П. Кучияка о героических подвигах советских людей на фронте и в тылу.

Творческий коллектив работал в трудных условиях: не хватало необходимых материалов для постановки спектаклей, актеры недоедали, болели. В июле 1943 г. П.В. Кучияк из-за

болезни умер. Его уход из жизни стал большой утратой для всего творческого коллектива: талантливый драматург и актер, оказывал большое влияние на работу театра. В развитии культурной жизни области участвовали эвакуированные учреждения, учебные заведения, актеры, художники, режиссеры, ученые из разных городов Центральной России. Эвакуированная интеллигенция активизировала художественную жизнь города, играла большую роль в развитии всего профессионального искусства.

Театр обращается также к произведениям советских драматургов, как: «Евдокия Ивановна» И. Чекина, «Вынужденная посадка» М. Водопьянова и Ю. Лаптева, «Русские люди» К. Симонова. Осуществляются постановки одноактных пьес на русском и алтайском языках, концертные программы занимают большое место в репертуаре театра и др.

Ойротский театр стал все чаще играть смешанным составом на русском языке, что было вызвано малочисленностью актерского состава. Для постановки спектаклей со значительным числом действующих лиц привлекались эвакуированные актеры. Создалась русская группа. В эти суровые годы войны театр обращается к классике, работа над которой стала серьезной профессиональной школой для актеров. В 1944 г. режиссер И.С. Забродин и художник Н. Лях-Раскольников поставили спектакль «Васса Железнова» М. Горького, затем «Лекарь поневоле» Ж.Б. Мольера.

В 1945 г. театр осуществляет постановку пьесы Ч. Енчинова «Ай-Тана», рассказывающей о жизни колхозников в годы войны. Главным конфликтом пьесы военного периода стала борьба колхозников с остатками классовых врагов. Позднее на этот недостаток указывали литературоведы [Суразаков 1968: 96]. Премьера состоялась 9 марта 1945 г. «Праздником национального искусства» называли эту постановку московские критики А. Марголина и Б. Бендерский.

В марте этого же года алтайский театр принял участие во Всероссийском смотре национальных театров, которые проводили Управление по делам искусств при СНК РСФСР и Всероссийское театральное общество. Творческий коллектив показал три спектакля: «Ўч кыс» П.В. Кучияка, «Васса Железнова» М. Горького и «Ай-Тана» Ч. Енчинова. Постановщиком всех трех спектаклей был художественный руководитель театра И.С. Забродин, художником – Н. Лях-Раскольников. Московские критики А. Марголина

и Бендерский отметили, «что просмотренные спектакли свидетельствуют о правильном умном и талантливом руководстве режиссера И.С. Забродина» [РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 6. Д. 111. Л. 6].

В трудные годы войны творческий коллектив продолжал поиск нового репертуара, осваивал классическую русскую и зарубежную драматургию. Ставились спектакли по пьесам национальных авторов. Всего за годы войны было показано 760 спектаклей и концертных программ, обслужено 130 тыс. зрителей [Госархив РА. Ф. Р – 223. Оп. 1. Д. 30. Л. 26].

Изобразительное искусство. Война задержала развитие изобразительного искусства Горного Алтая. Почти все художники ушли на фронт, закрылась художественная школа: ее ученики и преподаватели также ушли защищать Родину. Алтайское изобразительное искусство военного периода характеризуется творчеством художников, приехавших в область перед войной, либо в самом начале ее. В 1939 г. приехали живописец В.Р. Волков из Омска, С.А. Астра, возглавивший коллектив алтайских художников, театральный художник-декоратор Н.С. Лях-Раскольников и др. В 1940 г. в Барнауле создана краевая организация Союза художников с филиалом в Ойротской автономной области. Председателем филиала избирается С.А. Астра. В начале 1941 г. живописцы и графики Горного Алтая приняли участие в 4-й краевой художественной выставке «Наш край. От Сибири кандалной к социалистическому Алтаю» [Эдоков 1981: 52].

В военные годы художники Горного Алтая писали патриотические картины, оборонные плакаты, лозунги, призывы, регулярно выпускали красочные «Окна ТАСС», в которых откликались на последние сводки Информбюро о положении на фронтах, периодически устраивали выставки своих работ, активно участвовали в областных и краевых выставках [Эдоков 1981: 53].

В феврале 1942 г. группа художников Горного Алтая приняла участие в краевой выставке, посвященной 24-летию Красной Армии. Из всех видов изобразительного искусства в годы войны наиболее востребованной оказалась графика и ее жанры: политическая карикатура, плакат, фронтовой рисунок. На выставке большинство авторов показало графические произведения. Содержание же всех работ было общим: героическая борьба советского народа с фашизмом, организация трудящихся тыла на помощь фронту.

Были проведены важные художественные выставки военных лет в области и за ее пределами, в которых приняли участие алтайские графики и живописцы: июнь 1943 г. – краевая выставка (г. Барнаул) «Алтай – фронту», февраль 1944 г. – областная выставка. В 1944 г. в г. Ойрот-Туре проведена выставка художников Ойротии, посвященная Великой Отечественной войне. Выставка познакомила жителей областного центра со 150 работами художников: Л. Сухова, С. Астры, Д. Кузнецова и других [Белекова 2020: 78]. В январе 1945 г. вновь состоялась областная выставка «Ойротия и фронт», на которой было представлено уже около 200 произведений.

Тогда же в Москве на первой послевоенной Всесоюзной выставке советских художников демонстрируется пять произведений В. Волкова, среди них картина «Песня о Родине» и «Портрет председателя колхоза-миллионера «Мухор-Тархата» Н. Майманакова». Картина и портрет были удостоены дипломов Комитета по делам искусств РСФСР. В творчестве В.Р. Волкова, одного из старейших художников Сибири, алтайский период является начальным этапом его биографии [Эдоков 1981: 55].

Материальные тяготы войны стали серьезным препятствием развития культуры. Невзирая на трудности, культурно-просветительские учреждения вели стабильную работу, их деятельность носила агитационно-пропагандистскую направленность. Война стала главной темой во всех жанрах литературы и искусства. Творчество писателей, поэтов, артистов, художников было направлено на воспевание патриотизма, самопожертвования, укрепляя в людях настрой на победу. Несмотря на высокую трагедийность художественных произведений, мастера культуры сосредотачивали внимание на повседневных темах, обращались к сатире, юмору. На более высокий уровень своего развития поднялось театральное искусство, были созданы новые произведения литературы, получили дальнейшее развитие драматургия и изобразительное искусство. Лучшие произведения литературы, изобразительного искусства и театра этого периода отличает дух поисков: они проявились в приемах создания образа героя, в обрисовке новой действительности, в многообразных жанровых обновлениях.

С первых дней войны деятельность учреждений культуры, творчество писателей и деятелей искусства были направлены на создание в обществе обстановки сопротивления агрессору.

Культурно-просветительские учреждения области, несмотря на трудности военного времени, оперативно вели работу с населением, широко используя наглядный эмоциональный материал. Ежедневный напряженный труд работников областного музея и театра, клубов, библиотек, кинопередвижек, газет и радио, деятельность писателей и художников внесли свой вклад в Победу, укрепляя веру в нее.

* * *

С началом Великой Отечественной войны Горный Алтай вместе со всей страной вступил в жестокое противостояние с врагом. Уроженцы Ойротии сражались на всех фронтах театра боевых действий. Невосполнимые человеческие потери составили свыше 20 тысяч человек, или более половины всех призванных на фронт жителей области, война затронула почти каждую семью в Горном Алтае. Подсчет человеческих потерь войны не закончен и продолжается по сей день. Остались не учтенными десятки и сотни тысяч раненых и изувеченных фронтовиков, которые быстро умирали уже после окончания войны.

Противоборство с агрессором шло не только на фронтах войны, но и в экономике, культурной сфере. От каждого жителя Горного Алтая – и на фронте, и в тылу – достижение Победы потребовало самоотверженности и огромного напряжения сил. В условиях войны народное хозяйство области было переориентировано на военные нужды. С уходом на фронт большей части мужчин основное место на производстве заняли женщины и подростки, которым пришлось трудиться в чрезвычайно тяжелых условиях. Мобилизация всех ресурсов и жесткая дисциплина помогли дать фронту необходимое количество промышленной продукции и продовольствия. Достигнуто это было за счет сверхнапряжения сил тружеников тыла. Из-за оттока рабочих рук, мобилизации на нужды фронта грузового транспорта, рабочих лошадей, нехватки оборудования и механизмов производственно-хозяйственные в отдельные годы нередко не выполнялись. Ойротская автономная область понесла серьезные экономические потери, что проявилось в сокращении посевных площадей и поголовья скота, в уменьшении объемов выпускаемой промышленной продукции.

Все учреждения социальной сферы с первых дней после начала войны выполняли задачу сохранения нормальной жизнедеятельности общества. Система здравоохранения в условиях

войны смогла решить первостепенные задачи стабильной работы медучреждений, бороться с инфекционными заболеваниями, не допускать эпидемий. Школьные педагоги области продолжали учить детей в условиях, когда зачастую не хватало топлива для отопления школ и средств на капитальный ремонт. Работники сферы культуры своей деятельностью ежедневно укрепляли в людях веру в победу.

В Ойротии в годы войны проживали люди, нашедшие здесь пристанище и защиту от настигшей их войны. Область приняла много эвакуированных учреждений образования и науки, которые сыграли заметную роль в становлении научного потенциала в Горном Алтае. Помимо эвакуированных, в области оказались и спецпереселенцы, представители репрессированных народов. Они также внесли свой вклад в развитие экономики.

Совместно пережитые испытания ради достижения Победы способствовали сплочению народов, проживающих в Горном Алтае. Это позволило победить в самой кровопролитной и тяжелой войне в истории Отечества.

Группа сандружинниц перед отправкой на фронт

Лисавенко М.А.,
селекционер,
директор плодово-
ягодной станции
Всесоюзного НИИ
садоводства им.
И.В. Мичурина

Погрузка и вывозка ртути, Акташ

Промартель «Ойротка»

Обоз с хлебом для фронта

1-4 курсы ойротского отделения литфака МГПИИ им. В.И. Ленина, 1945 г.

ГЛАВА V. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1945–1953 гг.)

5.1. Промышленность

С окончанием Великой Отечественной войны страна вступила в новый период своего развития. Наступившая мирная жизнь ставила сложнейшую задачу воссоздания экономического потенциала государства. Помимо восстановления десятков и сотен городов и селений, разрушенных войной, необходимо было переключить экономику страны на производство гражданской продукции, ввести в строй новые объекты промышленности, энергетики, проложить сотни километров автодорог и др. Принятый в марте 1946 г. Закон «О пятилетнем плане восстановления народного хозяйства» предусматривал достижение к 1948 г. довоенного уровня производства в промышленности и в сельском хозяйстве, а к 1950 г. – превышение его в 1,5 раза.

Соответствующие задачи стояли и перед руководством Ойротии. Требовалось обеспечить предприятия рабочими кадрами за счет демобилизованных военнослужащих, провести реконструкцию и механизацию работавших предприятий, ввести в строй новые объекты. Эти задачи обсуждались на состоявшейся в июле 1946 г. XVI сессии областного Совета депутатов трудящихся. На ней был утвержден план первой послевоенной пятилетки, в соответствии с которым к 1950 г. выпуск валовой продукции промышленности должен был превзойти уровень 1940 г. в 4 раза, по предприятиям кооперации – на 66,5 %, или на две трети [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 80. Л. 13].

Промышленное производство (1945–1950 гг.). В основу производственной программы на первое послевоенное пятилетие по промышленности было положено максимальное использование промышленных фондов, реконструкция и расширение действующих производств, освоение новых видов продукции, обеспечение капитальными средствами производство стройматериалов, повышение производительности труда. Наиболее важной задачей называлось удовлетворение растущей потребности населения в товарах широкого потребления, в первую очередь – в одежде, обуви, товарах повседневного спроса [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 112. Л. 74].

Планировалось построить ряд важных промышленных объектов: шерсте-ткацкую фабрику мощностью переработки более 200 тонн шерсти в год, 5 механизированных и 8 полумеханизированных сыродельных заводов общей мощностью по переработке 8700 л молока ежегодно, 13 цехов по производству советского и голландского сыра, 8 сезонных сыродельных заводов, новых видов производств промышленной кооперации. Кроме того, планировалось осуществить реконструкцию лесозавода местной промышленности, механизировать валяльно-войлочную фабрику, расширить сырьевые и производственные базы предприятий пищевой промышленности [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 112. Л. 75]. На все эти цели выделялись значительные ассигнования (см. табл. 1).

Таблица 1
Капиталовложения в развитие государственной и кооперативной промышленности Горного Алтая в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.)
(без лесной промышленности и цветной металлургии)

Отрасль	Объемы, тыс. руб.
Топливная промышленность	300,0
Легкая промышленность	300,0
Пищевая промышленность	300,0
Сыромаслодельная промышленность	8054,0
Местная промышленность	3500,0
Кооперативная промышленность	2750,0
Всего	14904,0

Источник: Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 112. Л. 75.

За годы Великой Отечественной войны резко снизилось производство продукции невоенного характера, особенно товаров народного потребления. Оборудование большинства предприятий к концу войны оказалось изношенным и нуждалось в капитальном ремонте или замене. Остро ощущалась и нехватка транспорта, большая часть которого была мобилизована на военные нужды. Так, на 1 октября 1945 г. в ведении автотранспортной конторы находилось лишь 14 автомашин, из которых около десяти были в непригодном состоянии и подлежали списанию [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 73. Л. 47]. За годы войны производство кирпича в области упало в 9 раз, сыра, мебели, хлебобулочных изделий – в 2

раза, вывоз древесины сократился в 4 раза [Архив Алтайкрайстата. Д. 1508. Л. 2], производство мясомолочной продукции – в 5,5 раз [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 80. Л. 14].

Первый послевоенный год был особенно трудным, на предприятиях области не хватало рабочих рук. Летом 1945 г. начали возвращаться домой военнослужащие. На 5 марта 1946 г. в область прибыл 4251 демобилизованный воин, из них трудоустроено 3278 чел. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 82. Л. 36]. Но понесенные потери оказались невосполнимыми. Так, в 1946 г. штатная численность производственно-промышленного персонала лесной отрасли, несмотря на приток демобилизованных, не превышала 60 % от плановой [Очерки 1973: 408]. Укомплектованность предприятий транспортными средствами составляла 35 % от потребности.

Центральные власти и краевое руководство придавали важное значение будущему освоению лесных ресурсов Горного Алтая. С 1947 г. начались проектные работы по строительству Бийского лесозавода для переработки сплавляемой древесины в г. Бийск. Мощности предприятия планировалось довести до 750 тыс. куб. м пиломатериалов в год, что превышало объемы лесозаготовок по всей области. Для этой цели предполагалось строительство новых двенадцати леспромхозов в окрестностях Телецкого озера.

Ведущими предприятиями отрасли являлись Кебезенский и Дайбовский леспромхозы треста «Алтайлес» Министерства лесной промышленности СССР, осуществлявшие вырубку леса на территории Турочакского и Чойского аймаков. Лесозаготовки осуществлялись вручную, для работы привлекались колхозники из близлежащих сел, поскольку постоянных кадров рабочих пока было мало. Трудности в разработке лесных массивов Горного Алтая заключались в слабом развитии сети лесовозных дорог. Вследствие данной причины лесозаготовки носили локальный характер, вблизи дорог, населенных пунктов и рек. Оставалась низкой заготовка древесины на одного рабочего.

Государство оказывало помощь государственным предприятиям. В 1949 г. на лесозаготовительных работах в леспромхозах Минлеспрома СССР стали использоваться трелевочные тракторы, мотозлектропилы, лебедки [Очерки 1973: 411].

Заготовку древесины вели также промышленные предприятия краевого и областного подчинения: районные

промкомбинаты, Гортоп местной промышленности Алтайского крайместпрома, а также промартели системы Обллеспромсоюза. Ввиду низкой технической оснащенности и отсутствия транспорта, лесозаготовительные работы в предприятиях местного подчинения велись в небольших масштабах.

Для дальнейшего развития промышленного производства и жилищно-коммунального строительства необходимо было решить задачу расширения производства строительных материалов – кирпича, извести, пиломатериалов. Промышленность производства стройматериалов была представлена предприятиями местной промышленности Алтайского крайисполкома – Ойрот-Туринским кирпично-известковым заводом с годовой мощностью 1 млн. кирпича и 300 т извести и Майминским лесозаводом мощностью 6 млн. куб. м пиломатериалов в год.

В области работали небольшие предприятия 8 районных промкомбинатов, а также 1 городской промкомбинат. Перечисленные предприятия обладали недостаточно высокими производственными мощностями и не могли покрыть потребностей областного строительства в материалах, которые большей частью завозились из других регионов. При этом на райпромкомбинаты, помимо выработки стройматериалов, возлагалось производство товаров широкого потребления [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 9. Д. 73. Л. 12]. В небольших объемах производство кирпича осуществлялось промартелями, производство на которых сдерживалось низкой механизацией труда. Во второй половине 1940-х гг. в ряде райпромкомбинатов были построены новые пилорамные лесозаводы, но этого оставалось недостаточно для полного обеспечения строительных организаций материалами.

Слабые возможности строительной базы сдерживали ввод в действие новых объектов. В 1948 г. Майминский лесозавод мог выдавать лишь 33,7 % пиломатериалов, а Ойрот-Туринский кирпичный завод – 41,5 % извести и 3,9 % кирпича от общей потребности данных видов продукции [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 110. Л. 54]. Низкий уровень материально-технического оснащения указанных предприятий не позволял в полной мере использовать богатство минеральных ресурсов области – извести, гранитного камня, мрамора. По данной причине стройматериалы завозились в область извне, что вело к удорожанию строительных работ.

Наибольшее стратегическое значение в регионе имела горнорудная промышленность. Она была представлена Акташским рудоуправлением Министерства цветной металлургии СССР и Турочакским золотоприисковым управлением треста «Алтайзолото» Министерства внутренних дел СССР. Указанные предприятия находились в союзном подчинении и получали достаточно серьезную помощь в первую послевоенную пятилетку. В одном только 1947 году Акташскому руднику государство выделило 1,997 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 9. Д. 121. Л. 5]. Благодаря усиленной помощи удалось увеличить производственные мощности Акташского рудника. Кроме того, решались многие социальные и бытовые вопросы: для рабочих открыли душевую, столовую, мастерскую по ремонту спецодежды и спецобуви и пр. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 9. Д. 121. Л. 12]. Производственная база рудника включала в себя горный цех, металлургический завод с тремя роторными печами, электростанцию, автогужевой транспорт. В первые послевоенные годы добыча ртути осуществлялась большей частью вручную [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 9. Д. 121. Л. 9].

Предприятия легкой промышленности находились в подчинении ведомств различного уровня. В г. Ойрот-Тура осуществляли свою деятельность валяльно-войлочная и швейная фабрики Министерства легкой промышленности РСФСР, ряд крупных специализированных артелей, таких как «Текстильщик», «Обувщик», «Трикотажница» и др. Трудности послевоенного времени особенно остро отразились на ряде предприятий легкой промышленности. Так, валяльно-войлочная фабрика не выполняла план из-за некачественного оборудования и нехватки производственных площадей, вследствие чего производство оставалось убыточным. Относительно благополучнее обстояла ситуация на швейной фабрике, рабочие которой справлялись с плановыми заданиями.

Некоторые артели промкооперации имели высокий уровень материально-технической оснащенности, и являлись относительно крупными в масштабах области предприятиями по выпуску продукции товаров широкого потребления. Например, в 1947 г. промартель «Текстильщик» (бывшая «Ойротка») была оснащена 88 ручными станками, на предприятии стала работать электростанция мощностью 18 кВт, что решило задачу электрификации производства [Баева, Макошев 1994: 98]. В артели удалось наладить выпуск более

120 цветов тканей [Лак 2008: 73]. В этом же году к промартели «Текстильщик» было присоединено предприятие «Партизан» с 14 ручными станками. Выпуск тканей увеличился в 1,8 раза, достигнув 320 тыс. пог. метров. Сырье поступало из различных регионов страны [Баева, Макошев 1994: 98].

Наибольшее распространение в области получило маслосырдельное и мясомолочное производство, что было обусловлено природными особенностями и историческими условиями Горного Алтая. К началу войны сложилась довольно разветвленная сеть маслосырзаводов по всей территории области. Государственная промышленность союзного подчинения была представлена Сыртрестом Министерства мясомолочной промышленности СССР, в состав которого входили 10 аймсырпромов, включавших 109 сырмаслозаводов, 14 сепараторных, 332 молокоприемных, маслоприемных и сборных пунктов. Однако развитие отрасли сдерживалось слабой технической оснащенностью, доля механизированных заводов в общем количестве составляла менее 6 %, что стало причиной систематического невыполнения плана по производству продукции. В маслосырдельной промышленности производительность труда снизилась за 1946 г. на 8,9 %, а себестоимость выпускаемой продукции возросла против плановой на 16 %. В результате Сыртрест закончил год с убытками и недостатком оборотных средств [Казанцева 1992: 23]. По причине отсутствия автотранспорта и вследствие перебоев с поставками молока на предприятиях маслосырдельной промышленности допускались простои. Так, в 1947 г. использование промышленного фонда заводов Сыртреста составляло 44 % [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 112. Л. 3]. Вплоть до 1949 г. предприятия данной организации оставались убыточными, сумма их дотаций доходила ежегодно до 1,5 млн. руб. Лишь в указанном году Сыртрест закончил работу с доходом 394 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 141. Л. 58].

В области работали и другие государственные предприятия пищевой промышленности: Ойрот-Туринский хлебокомбинат краевого треста «Рославхлеб» Министерства пищевой промышленности РСФСР, снабжавший г. Ойрот-Туру и Ойрот-Туринский аймак хлебобулочными изделиями, и мясокомбинат Министерства мясомолочной промышленности РСФСР.

Заметную роль в производстве продуктов питания играли госпредприятия пищевой промышленности областного подчинения.

Так, в области действовали 10 районных пищекомбинатов. Предприятия выпускали кондитерские и кулинарные изделия на базе местного сырья. И в этой отрасли, которая работала на местном сырье, существовали те же общие для промышленного сектора области проблемы – нехватка оборудования и техники, отсутствие производственных площадей. В результате продукция пищекомбинатов отличалась низким качеством. Сдерживало развитие предприятий пищевой промышленности и отсутствие закрепленных за комбинатами земельных угодий для выращивания плодов, ягод, овощей. По данной причине, а также из-за перебоев с поставками фондируемого сырья – сахара и патоки, мощности комбинатов использовались не полностью, предприятия работали с убытками.

Производством продуктов – печенья, кваса, национальных блюд и др. – занимались также многочисленные артели системы Облмногпромсоюза.

В 1947 г. в составе местной промышленности действовали 8 промкомбинатов, которые помимо стройматериалов, производили и товары широкого потребления для жителей области. Промкомбинаты, которые располагались в областном центре и в каждом аймаке, изготавливали мебель, металлические и столярные изделия, одежду и др. Продукция промкомбинатов оставалась невысокого качества, из-за низкого технического уровня и отсутствия квалифицированных кадров. Рабочие, которых вербовали из колхозов на договорных началах на сезон или на год, не могли освоить новые профессии за столь короткий срок и, следовательно, не могли выпускать качественные изделия. При этом рабочих нередко перебрасывали на лесозаготовительные работы, из-за чего объемы валовой продукции райпромкомбинатов оставались небольшими. Трудности заключались также в отсутствии собственного транспорта. Колхозы же, остро нуждавшиеся в гужевом транспорте, неохотно выделяли свои подводы на перевозку сырья и материалов, что нарушало технологический процесс.

Промышленность Ойротской автономной области в послевоенный период носила расплывчатый характер, и большей частью была представлена предприятиями промышленной кооперации. Так, на 1 июня 1948 г. в общем объеме продукции, произведенной всей промышленностью области, доля артелей Облмногпромсоюза составляла 31,7 %, артелей Обллеспромсоюза

– 16,2 %. В артелях этих объединений промышленной кооперации трудились 1927 чел., или 41,4 % всех рабочих и служащих области, занятых в промышленности [Память народа 1993: 291].

В первые послевоенные годы на промкооперацию возлагалась основная задача в обеспечении населения товарами первой необходимости. В условиях Горного Алтая, где перерабатывающие производства государственной промышленности не получили развития, промкооперация являлась основным источником удовлетворения растущих потребностей населения в товарах широкого потребления.

В 1947 г. кооперативная промышленность подразделялась на Обллеспромсоюз (лесопромысловая кооперация), включавший 27 артелей, и Облпромсоюз (промысловая кооперация), объединявший 21 артель. Из всего количества промартелей 11 находились в областном центре – г. Ойрот-Туре: «Быт», «Новый путь», «Текстильщик», «Красный Кожевник», «Электрометалл», «Труженик» и др. Большинство промартелей были многопрофильными, с низким уровнем технической оснащенности. Отдельные виды технологического оборудования имелись лишь в специализированных артелях. Основную долю в общем объеме производства кооперативной промышленности занимали крупные промартели, специализировавшиеся на выработке швейных и текстильно-ткацких изделий. Так, промартель «Текстильщик» в феврале 1950 г. произвела почти 48,7 % всей валовой продукции кооперативной промышленности [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 141. Л. 26, 27], а доля швейной и текстильно-ткацкой продукции в этом году составила 60 % всей продукции промартелей [Архив Алтайкрайстата. Д. 1508. Л. 1, 2].

Кооперативная промышленность Горного Алтая была призвана обслуживать население товарами первой необходимости, поэтому хозяйственные власти уделяли ей особое внимание и помощь. Благодаря поддержке государства в 1947 г. в артелях Обллеспромсоюза удалось обновить производство, ввести в строй два пихтозавода, лесозавод, цех бондарной мастерской, мебельную мастерскую, смолоскипидарную установку и пр. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 111. Л. 122]. Одновременно с вводом в строй новых объектов происходило обновление машин и оборудования в специализированных крупных артелях.

Ежегодно увеличивались объемы валовой продукции. Но ее рост происходил за счет расширения производства, а не его

интенсификации. Производительность труда оставалась низкой, что было обусловлено слабостью материально-технической базы кооперативной промышленности. К концу первой пятилетки одна треть промысловых артелей не обеспечивалась оборудованием, оставалась не механизированной [Киселев 1965: 10], доля ручного труда на предприятиях местной и кооперативной промышленности составляла 76 % в общем объеме выпускаемой продукции [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 110. Л. 146]. Вручную выполнялись работы по производству кирпича, обозных изделий, мебели [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 155. Л. 61].

Имевшиеся производственные мощности оставались неосвоенными. Так, в системе Облместпрома производственные мощности использовались менее чем на 50 % [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 155. Л. 61], а на некоторых предприятиях и того меньше. В системе Облмногпромсоюза мощность кирпичных заводов использовалась на 16,1 %, кожевенных – на 8,3, лесопильных – на 26,6, деревообрабатывающих цехов – на 38,4 % [Казанцева 1992: 24].

Причинами слабого освоения мощностей предприятий являлись: во-первых, нехватка рабочей силы на некоторых предприятиях. Сезонность многих видов работ, отсутствие собственного жилфонда обусловили высокий уровень текучести рабочих кадров; во-вторых, неудовлетворительное снабжение сырьем и топливом. В 1946 г. промышленность, работавшая на привозном сырье занимала 54,6 % в общем объеме производства [Казанцева 1992: 25]. Краевые ведомства не обеспечивали промышленность области шерстью, кожей, торговым железом, трикотажной пряжей и др. В результате вынужденных простоев на ряде промартелей временно прекращали свою деятельность сапожные и кожевенные цеха [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 110. Л. 122].

Слабая материально-техническая база, неэффективное использование производственных мощностей предприятий промкооперации снижали эффективность промышленного производства. Недостаточно высокими темпами шло снижение себестоимости продукции. На предприятиях Облмногпромсоюза вместо запланированного уменьшения себестоимости на 3 %, фактическое снижение составило 0,2 %, а в артелях Облместпрома вместо запланированного снижения, напротив, шло повышение себестоимости продукции [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 110.

Л. 118]. В результате многие предприятия местной и кооперативной промышленности оставались планомерно нерентабельными.

С помощью государства принимались меры по укреплению их материально-технической базы. В 1949 г. капиталовложения в промышленный сектор области составили 7,5 млн. руб. [Очерки 1973: 411]. В этом году в Горном Алтае были пущены в производство два новых сырзавода, 3 рамных лесозавода, 7 пихтоваренных установок, смолоскипидарный завод, швейный и приготовительный цеха промартели «Текстильщик» [Очерки 1973: 411], 4 кирпичных и черепичный завод, построена на р. Майма городская электростанция, которая обеспечивала электроэнергией промартель «Большевик» сапоговаляльную и валяльно-войлочную фабрики и др. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 110. Л. 156].

Увеличилась и численность промышленных кадров в области, причем оно шло более высокими темпами, чем по Сибири в целом. С 1945 по 1950 гг. она выросла с 3521 до 5265 чел., или примерно в полтора раза [Архив Алтайкрайстата. Д. 1508. Л. 2], тогда как по сибирским регионам – на 40 % [История Сибири 1969: 195].

В итоге к 1950 г. общая валовая продукция промышленности области превзошла довоенный уровень на 10,8 % [Киселев 1965: 9]. Объем вывозки древесины за 1945–1950 гг. увеличился в 2,6, производство кирпича – в 3,9, сыра – в 1,6 раза, хлопчатобумажных тканей – в 7,5 раз [Архив Алтайкрайстата. Д. 1508. Л. 2]. Необходимо отметить, что плановые задания выполнялись, как правило, за счет производства второстепенных изделий, в целом же по всей номенклатуре продукции задания оставались невыполненными [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 155. Л. 1, 52]. Производство перечисленных видов продукции к концу первой пятилетки оставалось на уровне, который был ниже довоенного (см. табл. 2).

В целом промышленность Горного Алтая закончила первую послевоенную пятилетку положительными сдвигами. Удалось ввести в строй новые производственные объекты, обновить техническую базу некоторых предприятий. Выросли объемы в валовом и натуральном выражении, увеличилась численность рабочих. Однако развитие промышленности существенно сдерживалось низким уровнем материально-технической базы промышленности. Проблемы, свойственные большинству предприятий промышленного комплекса Горного Алтая: слабая

механизация, низкая загрузка мощностей, высокая себестоимость продукции – долгое время оставались неразрешенными, их решение переносилось в следующую пятилетку. Перед руководством области и хозяйственными структурами стояла задача повышения уровня технической оснащенности предприятий, оптимизации деятельности промышленности.

Промышленность в первой половине 1950-х гг. В феврале 1951 г., на специальной сессии областного Совета депутатов эти вопросы обсуждались в ряду первоочередных мер. Ставилась задача повышения качества выпускаемой продукции, выполнения плана по валовым показателям и ее ассортименту [Очерки 1973: 414].

Подъему экономики области в годы пятой пятилетки способствовала большая помощь со стороны государства. Помимо плановых капиталовложений на капитальное строительство отпускались дополнительные средства. Так, в январе 1953 г. Совет Министров РСФСР принял постановление об оказании помощи Горно-Алтайской автономной области: на строительство новых объектов производственной и социальной сферы, благоустройство областного центра и сельских населенных пунктов дополнительно выделялось свыше 365 млн. руб. [Очерки 1973: 415].

В годы второй послевоенной пятилетки значительно выросли объемы промышленного производства.

Таблица 2

Производство основных видов промышленной продукции в Горном Алтае в 1945–1955 гг.

Вид продукции, ед. изм.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Вывозка древесины, тыс. куб. м	355	83	214	-	274	301	299	404
в т.ч. пиломат., тыс. куб.	19	5	11	19	17	21	17	39
Кирпич строительный, тыс. шт.	3196	350	1363	1531	1625	2307	2511	4058
Обувь кожаная, тыс. пар	18	32	17	17	23	21	20	24
Швейные изделия, тыс. шт.	3227	-	-	-	-	2313	2792	2212
Сыр, тонн	777	379	607	648	634	670	674	849

Ткань х/б, тыс. пог. м	-	50	375	456	576	738	638	702
Гардинно-сетчатое полотно, т. пог. м	-	-	-	-	-	-	-	1010
Мебель новая, тыс. руб.	33	17	54	56	87	80	112	137
Ртуть, тонн	-	-	92	-	-	68	74	84
Хлебобулочные изделия, тонн	4961	2442	3689	4042	4152	4420	5210	5782

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1508. Л. 2.

Довоенный уровень объема валовой продукции удалось превзойти уже в 1950 г., однако по отдельным видам производств он был достигнут лишь к середине 1950-х гг. Особенно большое отставание наблюдалось в лесной, маслосыродельной, строительной отраслях. Но общая тенденция заключалась в стабильном ежегодном росте производства промышленной продукции.

Развитие ряда отраслей продолжало сдерживаться низким уровнем механизации, невысоким уровнем освоения производственных мощностей. В 1951 г. предприятий с полностью механизированным процессом производства в области числилось только 2, полумеханизированных – 10, а с ручным производством и с частично механизированным циклом работ – 58. Во всех предприятиях преобладала конная тяга, машин же имелось всего 25 [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 155. Л. 209].

На ряде предприятий областного подчинения по-прежнему высокой оставалась себестоимость производимой продукции. Большинство из них испытывали недостаток оборотных средств, продолжали работать с убытками. По состоянию на 1 октября 1951 г. имелось убыточных предприятий: в системе Облместпрома – 7, Облпищепрома – 3, Облмногпромсоюза – 8, Обллеспромсоюза – 1 [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 155. Л. 210]. Основное место в производстве промышленной продукции занимала промкооперация. В 1950 г. ее доля в общем объеме валовой продукции составляла около 30 %, а в 1955 г. достигла 34 %. Вместе с мелкими предприятиями Облместпрома и Облпищепрома ее доля в эти годы достигала 44–46 % [Расчитано по: Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 141. Л. 20, 21, 22; Д. 268. Л. 36, 37]. Около половины валовой продукции промкооперации приходилось на немногочисленные крупные специализированные промартели.

Многоотраслевой распыленный характер, низкий уровень технической оснащенности предприятий кооперативной промышленности требовали оптимизации производства. Выход виделся в укрупнении промартелей и укреплении за счет этого их производственной базы. В 1953 г. произошло слияние Облмногпромсоюза и Обллеспромсоюза. В следующем 1954 году ряд артелей подверглись укрупнению, из 42 артелей кооперативной промышленности осталось 30. В 1954 г. на базе сапоговаляльной фабрики была организована гардинно-тюлевая фабрика. В первое время она размещалась в ветхих помещениях, непригодных для установки нового оборудования. Поэтому пришлось заново возводить корпуса фабрики. В феврале 1955 г. фабрику ввели в строй, и к концу года она выпустила около миллиона квадратных метров гардинно-сетчатого полотна.

В послевоенные годы развивалась связь, велось дорожное строительство, но медленными темпами. Так, в 1946 г. было введено 7 км автогужевых дорог, тогда как перед войной, в 1940 г. – 256,2 км [Республика Алтай в цифрах 2006: 139].

Количество телефонных точек за 1940–1950 гг. увеличилось с 2,4 тыс. до 5,5 тыс. Появились телефонные точки и в сельской местности, в 1950 г. их насчитывалось 169. Развивалась и радиосвязь, радио становилось доступнее населению. За десятилетие с 1940 по 1950 гг. количество радиоточек выросло с 2,4 тыс. шт. до 5,5 тыс. шт. [Республика Алтай в цифрах 2006: 151]. Однако радиовещание еще оставалось недоступным для большинства населения Горного Алтая. Еще в 1955 г. радиовещанием в области было охвачено 42,4 % дворов. Наименее радиофицированными оставались районы: труднодоступные северные таежные Турочакский (25,4 %) и Чойский (24,3 %) и юго-восточные высокогорные Улаганский (28,1 %) и Кош-Агачский (20,4 %) [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 301. Л. 23].

Развитие промышленности Горного Алтая в 1945–1955 гг. происходило в сложных противоречивых условиях. В годы первой послевоенной пятилетки удалось превзойти довоенный уровень промышленного развития по объему валовой продукции. Укреплялась материально-техническая база отраслей промышленности, вводились в строй новые предприятия. В первой половине 1950-х гг. темпы роста производства нарастали с каждым годом. Вместе с тем, промышленное освоение Горного Алтая сдерживалось

проблемами, обусловленными региональной спецификой промышленного производства. К ним в первую очередь, относились низкий уровень технического оснащения; трудности в снабжении сырьем; недостаток рабочих кадров и их низкая квалификация на ряде предприятий, в том числе, ведущих. Указанные проблемы вели к высокой себестоимости и убыточности многих предприятий, особенно, в промышленности местного подчинения. В итоге довоенный уровень по производству основных видов продукции в натуральном выражении удалось достигнуть лишь к концу послевоенного периода, к середине 1950-х гг. Сложной оставалась структура промышленного производства, которое было представлено большей частью мелкими предприятиями местной и кооперативной промышленности. Начавшийся в середине 1950-х гг. процесс укрупнения промартелей остался незавершенным. Вместе с тем в это время возникли все предпосылки для качественного преобразования промышленного сектора региона путем укрупнения и специализации многочисленных мелких предприятий и укрепления их производственной базы.

5.2. Сельское хозяйство

Война нанесла серьезный урон сельскому хозяйству Горного Алтая. Особенно тяжелыми стали невосполнимые людские потери. Ситуацию усугубили миграции населения и сокращение численности колхозных дворов, в результате чего в сельском хозяйстве остро ощущалась нехватка рабочих рук. В конце 1945 г. в колхозах число работавших трудоспособных колхозников составляло 16559 чел., или всего 62,9 % от трудоспособной части населения колхозной деревни в 1940 г. Негативные изменения коснулись материально-технической базы сельского хозяйства, на фронт была мобилизована значительная часть автопарка области и лошадей. Мобилизация автомобилей, тягловой силы на нужды армии привели к снижению производственных возможностей хозяйств. В результате посевная площадь в колхозах снизилась за 1940–1945 гг. (на конец года) с 56,5 до 42,7 тыс. га [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3]. Большие утраты понесло и животноводство, общее поголовье скота за 1941–1945 гг. сократилось (на конец года) по всем его видам: по КРС – в 1,3 раза, свиней – в 1,8 раза, овец и коз – в 1,2 раза. Особенно уменьшилось количество лошадей – в 2 раза, что было вызвано

потребностями военного времени [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 52. Л. 1, 25, 29, 42, 50]. Уменьшилась и продуктивность скота. Положение осложнялось тем, что ход колхозного строительства был прерван войной, многие мероприятия по укреплению материально-технической базы колхозов остались неосуществленными.

Восстановление и укрепление материально-технической базы. Подготовка кадров. План восстановления сельского хозяйства страны, который был утвержден Верховным Советом СССР, предусматривал восстановление довоенного уровня сельского хозяйства с дальнейшим увеличением валового сбора сельскохозяйственных продуктов. Государство выделяло на эти цели 19 млрд. руб., из которых 8,8 млрд. руб. направлялись на восстановление и развитие МТС, 2 млрд. – на ирригацию и мелиорацию, 2 млрд. руб. – на прирост поголовья скота в совхозах [Крестьянство 1983: 213]. Вопросы, связанные с дальнейшим развитием сельского хозяйства, были конкретизированы на февральском (1947 г.) пленуме ЦК ВКП (б).

Задачи, поставленные руководством страны, получили обсуждение на местах. На состоявшейся в июле 1946 г. XVI сессии Ойротского областного Совета был утвержден план восстановления и развития народного хозяйства автономной области. Основное внимание отводилось организационному и хозяйственному укреплению МТС, совхозов и колхозов. Планировалось в течение двух лет восстановить довоенный уровень посевных площадей, значительно расширить поголовье общественного скота: лошадей и КРС – на 50 %, овец и коз – на 121 %, увеличить количество тракторов и комбайнов [Память народа 1993: 6, 281–282]. Предусматривалось укрепить колхозы области, упорядочить дисциплину в них, осуществить подготовку специалистов сельского хозяйства.

Государство оказывало материальную и финансовую помощь сельскому хозяйству. МТС пополнялись тракторами и комбайнами, увеличился уровень механизации хозяйств. В 1948 г. в Горном Алтае действовали 4 МТС, в которых числились 171 трактор [Память народа 1993: 290]. Расширялись работы по электрификации сельского хозяйства. К 1952 г. действовали электростанции в 25 из 169 колхозах области [Память народа 1993: 318–319], или 14,7 %, что в целом примерно соответствовало уровню электрификации колхозов по Алтайскому краю (16 %) [Крестьянство 1985: 217]. Рост технической вооруженности позволил уменьшить физическую

нагрузку на колхозников. Однако предпринимаемых мер было недостаточно, уровень материально-технической базы колхозов оставался низким.

В годы первой послевоенной пятилетки стоимость неделимых фондов (части имущества колхозов, которая не подлежала распределению между колхозниками, предназначенная для производства сельскохозяйственной продукции и для социального строительства) выросла незначительно – с 6,8 млн. руб. в 1945 г. – до 6,9 млн. руб. в 1950 г., а к 1953 г. он увеличился до 8,4 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3].

Задачи восстановления сельского хозяйства во многом зависели от степени обеспеченности отрасли квалифицированными кадрами. Главным источником пополнения трудовых ресурсов в колхозах являлись демобилизованные воины. Массовая демобилизация завершилась в 1948 г., в результате сельское хозяйство Горного Алтая пополнилось трудоспособными работниками. В колхозах области их численность за 1945–1950 гг. увеличилась с 16,6 тыс. чел. до 19,0 тыс. чел. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3].

С поступлением техники хозяйства стали остро нуждаться в специалистах механизаторах. Возрастала потребность и в руководителях хозяйств разного уровня. В октябре 1948 г. создается областная школа механизаторов в с. Иня Онгудайского района, где готовили инструкторов по механизации трудоемких процессов. Позднее школа была преобразована в училище механизации сельского хозяйства, где готовили трактористов-машинистов широкого профиля. Здесь также получали подготовку шоферы, комбайнеры и техники-дояры. Обучение кадров работников сельского хозяйства велось в зооветтехникуме, одногодичной сельскохозяйственной школе и в школах механизации [Память народа 1993: 316]. Однако они не удовлетворяли возросшей потребности в колхозных кадрах. Хозяйствами зачастую руководили люди, не имевшие даже общеобразовательной подготовки. Для приобретения опыта в хозяйственной деятельности Горно-Алтайский обком ВКП (б) и Горно-Алтайский облисполком в январе 1950 г. направили 22 председателя колхозов в передовые районы Шипуновского района Алтайского края, 20 чел. были направлены на учебу в специальную трехгодичную сельхозшколу по подготовке председателей колхозов. Но предпринятых мер было недостаточно, по-прежнему ощущалась

нехватка руководителей колхозов с соответствующей квалификацией [Очерки по истории 1973: 425].

Нехватка кадров продолжала оставаться одной из острых проблем сельского хозяйства Горного Алтая. В 1952 г. в Горно-Алтайской автономной области в сельскохозяйственном секторе не хватало 29 бригадиров тракторных бригад, 240 трактористов, 35 комбайнеров, 80 зоотехников и ветеринарных врачей, 15 инженеров механиков [Киселев 1964: 41]. В целом, несмотря на трудности из-за оттока населения из колхозов в области, удалось создать систему подготовки кадров сельского хозяйства.

Изменение системы управления сельским хозяйством.

После окончания войны встал вопрос о необходимости внесения изменений в систему управления колхозами. Переход к мирной жизни требовал смягчения чрезвычайных методов и форм руководства сельским хозяйством, порожденных условиями военного времени. Характерными чертами регулирования колхозного производства в годы войны являлись жесткий централизм, усиление административных мер воздействия, активное вмешательство местных партийных и советских организаций в деятельность колхозов. В результате имели место неправильное распределение трудодней, расхищение общественных земель колхозов, оплата труда работников, не связанных с колхозным производством, перерасход трудодней в пользу административного аппарата и т.д. В краях, областях и автономных республиках Сибири подобные факты имели распространенный характер [Крестьянство 1985: 225].

В 1946 г. государство приступает к мерам по укреплению колхозов, их материально-технической базы. Совмин СССР и ЦК ВКП (б) приняли 19 сентября 1946 г. постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах». Устранить неблагоприятное положение в колхозах страны предполагалось за счет принятия ряд мер, которые сводились к правильному распределению трудодней, наведению порядка в землепользовании, к сохранности общественного имущества и усилению трудовой дисциплины. Под указанными задачами в большей степени подразумевались действия по пресечению попыток колхозного крестьянства увеличить свои личные приусадебные наделы за счет общественного фонда колхозных земель, и усилению контроля за выработкой колхозниками трудодней, а также наведение порядка в использовании колхозных земель [Миронов 2006: 29; Мухамедов, Николаев 2017: 89].

В соответствии с постановлением колхозам возвращались их незаконно занятые земли и имущество. Основная часть земель занималась предприятиями и учреждениями, которые не имели отношения к колхозному производству. В ходе проведенных проверок в колхозах Горного Алтая проверочная комиссия установила, что в 261 колхозе «незаконно» изъяли более 19 тыс. га пахотных, сенокосных и пастбищных, приусадебных наделов. Было выявлено 73 случая возникновения хуторов на землях колхозов Турочакского, Чойского, Улаганского районов. В 1946 г. колхозам возвратили более 17 тыс. га земли.

В ходе борьбы с нарушениями Устава сельхозартели колхозам возвращалось незаконно взятое имущество: почти 400 голов скота, 12 автомашин. Удалось погасить более трети дебиторской задолженности. Одновременно в колхозах области сокращался штат административного и обслуживающего персонала.

По итогам проверок обнаружилось нарушения «демократических основ управления» в колхозах – во многих колхозах правления колхозов не избирались, а председатели зачастую назначались или снимались райкомами ВКП (б) без согласия колхозников [Очерки по истории 1973: 125, 426, 428]. Вместе с тем, тяжелое социально-экономическое состояние колхозов, «оживление собственнических пережитков среди колхозников», нехватка руководящих кадров вели к строгой централизации в планировании и управлении. В условиях недостатка экономических стимулов это зачастую сопровождалось многими издержками [Крестьянство 1985: 226–227].

Другим направлением мер, направленных на усиление эффективности организации колхозного управления, стала работа по ликвидации обезличивания в использовании земли, скота и повышению роли трудодня как материального стимула к труду. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» в колхозах стали укрепляться постоянные производственные бригады как основной базовой производственной единицы внутриколхозной организации труда. Вводился новый порядок начисления трудодней, за перевыполнение плана в соответствующей пропорции начислялись проценты от выработанных трудодней. За невыполнение плана предусматривалось с бригады списание трудодней в той же

пропорции, но не выше 25 % [Крестьянство 1985: 228]. Однако экономическая слабость колхозов и низкие заготовительные цены ограничивали возможности премиальной оплаты колхозников.

В целях расширения общественного хозяйства и улучшения его материально-технического обеспечения, государство инициировало укрупнение колхозов. В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле», в Горном Алтае развернулась работа по объединению колхозов. За 1950–1952 гг. количество колхозов в автономной области сократилось с 172 до 161 [Госархив РА Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3]. В результате концентрации сельскохозяйственного производства возросла его техническая оснащенность. В некоторых районах укрупнение колхозов проводилось без достаточной экономической целесообразности. Так, в северных лесных Майминском, Турочакском, бывшем Чойском аймаках и в ряде колхозов других аймаков количество земли в обработке значительно сократилось – на 20–50 %. Участки пашни, которые выводились из сельскохозяйственного оборота, не могли обрабатываться тракторной техникой ввиду разрозненности земельных участков. Ранее они распахивались тягловой силой [Очерки по истории 1973: 424, 425].

В результате проводимой политики укрупнения колхозов, с 1950 г. начался процесс оттока трудоспособного населения из колхозов. За 1950–1953 гг. (на конец года) численность колхозников трудоспособного возраста значительно уменьшилась – с 19,0 тыс. чел. до 12,2 тыс. чел. [Госархив РА Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3]. Это усугубляло проблему нехватки кадров в сельском хозяйстве.

Сельскохозяйственное производство. Вся тяжесть в восстановлении сельского хозяйства страны легла на колхозы как на основных землепользователей. В Горном Алтае к концу 1945 г. на долю колхозов среди хозяйств всех категорий приходилось: 77,5 % всего поголовья лошадей, 53,6 % – поголовья КРС, 86,4 % – поголовья овец, 73,6 % – всех посевных площадей [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 53. Л. 2; Д. 54. Л. 3]. К концу восстановительного периода в распоряжении колхозов продолжала находиться большая часть площади сельхозугодий (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение сельскохозяйственных угодий
(пахотные земли, сенокосы, пастбища, сады и целина)
в хозяйствах Горно-Алтайской автономной области, тыс. га

	1950 г.	1953 г.
Земли колхозов всего	1007,8	1007,1
в том числе:		
Земли общественного пользования	1004,6	1004,3
Приусадебные участки в пользовании колхозников	3,0	2,5
Земля в личном пользовании рабочих, служащих и др. на колхозных землях	0,2	0,3
Земли гос. хозяйств том числе:	217,4	163,2
В пользовании совхозов	167,1	116,9
В пользовании других сельхоз. предприятий	50,3	46,3
Земли в личном пользовании рабочих и служащих	0,9	0,8

Источник: Народное хозяйство 1957: 18.

В структуре сельхозугодий области доля пашни составляла 6,7 %, сенокосов – 14,4 %, пастбищ – 78,5 %. Поскольку основная часть сельхозугодий приходилась на пастбища, ведущей отраслью являлось животноводство отгонного типа. В начале 1950-х гг. в пользовании колхозов числилось 79,3 % пахотных земель области и все сенокосные и пастбищные угодья [Память народа 1993: 289]. Животноводство, как и в предшествующие периоды, оставалось основной отраслью сельского хозяйства области, земледелие играло вспомогательную роль, и его задача заключалась в обеспечении общественного скота кормами.

В первые послевоенные годы колхозы Горного Алтая испытывали огромные трудности в производственной деятельности: не хватало рабочих рук, техники, тяглового скота. Однако благодаря комплексу мер организационного и производственного характера [Крестьянство 1985: 236], в первую послевоенную пятилетку (1945–1950 гг.) удалось увеличить всю посевную площадь с 58,5 тыс. га до 64,9 тыс. га. В 1951 г. она превысила довоенный уровень 1940 г., а в 1953 г. – достигла 82,35 тыс. га [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 53. Л. 2, 5]. Быстрое восстановление в короткие сроки посевных площадей к 1950–1951 гг. соответствовало общей динамике по

стране и Сибири в целом. Успешно шло восстановление посевных площадей и в колхозном секторе Горного Алтая – с 1945 по 1950 гг. они увеличились на 13,6 % и достигли 48513 га. При этом в колхозах Сибири посевная площадь увеличилась на 37,5 % [Крестьянство 1985: 236].

В растениеводческой отрасли Ойротии ведущее место занимало производство зерновых культур. За 1945–1950 гг. их посевная площадь возросла с 51,16 тыс. га до 53,5 тыс. га, а к 1953 г. – увеличилась до 55,3 тыс. га. Опережающими темпами увеличивалась площадь кормовых культур, что было обусловлено необходимостью укрепления кормовой базы животноводства. При этом сократились посевы овса, но и он, как важная кормовая культура, занимал основное место в структуре зерновых площадей, в 1950 г. его доля составляла более 38 % [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 53. Л. 3]. В результате за годы войны и первую послевоенную пятилетку структура посевов изменилась: за 1941–1953 гг. (на начало года) сократились площади: пшеницы яровой – в 1,2 раза, овса – в 1,1 раза, технических культур – в 1,4 раза. При этом возросли площади посевных культур: ржи озимой – в 2,5 раза (за 1941–1951 гг.), овощей и картофеля – в 1,5 раза, кормовых культур – в 2,2 раза [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 53. Л. 2–9; Горный Алтай в цифрах 1990: 40].

Несмотря на рост технической оснащённости, ее уровень продолжал оставаться низким, тракторов для проведения посевных работ не хватало. Земля зачастую эксплуатировалась нерационально, пашня в хозяйствах использовалась слабо. В 1953 г. из 1170,3 тыс. га. всех сельхозугодий пахотоспособных земель числилось только 120 тыс. га., из них пашня в обороте составляла только 83,5 тыс. га. За 1951–1953 гг. из сельхозугодий было исключено 54,9 тыс. га [Очерки по истории 1973: 251, 430].

По причине неудовлетворительного использования техники и отсутствия нужных агротехнических мероприятий имело место снижение урожайности и сокращение объемов валового сбора зерна. С 1950 по 1953 гг. объем заготовки зерна снизился на 9,5 тыс. ц, или на 4 %. Себестоимость полевых работ в расчете на 1 га пахоты колебалась от 44,18 руб. (в старом масштабе цен) в Усть-Канской МТС до 200,34 руб. в Кош-Агачской ЛМС. Из 9 МТС только две (Чергинская и Усть-Коксинская) добились снижения себестоимости. В результате в 1951 г. убытки в МТС области составили 47 тыс. руб. [Киселев 1964: 37].

Главной отраслью аграрного сектора продолжало оставаться животноводство. В Горно-Алтайской автономной области в зависимости от природно-климатических и хозяйственных условий были определены три основные зоны и три направления в развитии животноводства: первая – северная зона и совхозы Усть-Коксинского района с благоприятными природно-климатическими условиями, хорошим естественным травостоями и пастбищами, с развитым земледелием. Главным направлением определялось молочно-мясное скотоводство. Вторая зона – горностепная (центральная часть области), природно-климатические условия которой характеризовались меньшим количеством осадков, но хорошими пастбищами и развитым земледелием. Зона была признана благоприятной для развития мясомолочного и шерстно-мясного скотоводства. Третья зона, высокогорно-степная, отличалась малым количеством осадков и суровым климатом, низкими возможностями для кормодобывания. Здесь практиковалось круглогодичное пастбищное содержание скота; главным направлением сельского хозяйства являлось мясо-шерстное скотоводство. Зональное районирование способствовало росту поголовья скота и улучшению его племенных качеств [Очерки по истории 1973: 437, 438].

За 1945–1953 гг. поголовье скота в Горном Алтае заметно возросло (см. табл. 2).

Таблица 2

Поголовье скота в хозяйствах всех категорий, гол. (на 1 января)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1953 г.
КРС	123316	93993	118941	121837
Лошади	69424	35465	49546	56051
Овцы	261396	215741	349048	489558
Козы	40229	47021	88208	78717
Свиньи	12272	6215	11100	16174

Источник: Госархив РА Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 52. Л. 2, 26, 38, 50.

К 1953 г. поголовье овец, коз и свиней превысили довоенный уровень в 1,9, в 2 и в 1,4 раза соответственно. По поголовью КРС довоенный уровень был почти достигнут, но не превзошел его, а по лошадям он уменьшился и составил 80,7 % от уровня показателя количества лошадей в 1940 г.

Однако планируемый рост поголовья общественного животноводства во многом сдерживался слабой кормовой базой и низкой обеспеченностью животноводства помещениями для скота. Так, недостаток животноводческих помещений в 1947 г. составлял: по конюшням – на 55,3 %, овчарням – 52,3 %, скотным дворам – 23,5 %, телятникам – 11,1 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 113. Л. 3].

В результате имел место высокий падеж молодняка скота, что снижало общий выход поголовья. Например, в области в 1950 г. падеж крупного рогатого скота составил 12966 гол., или 12 % от общего поголовья, лошадей 3589 гол. или 7,9 % от общего поголовья, овец и коз 68625 гол. или 11,5 % от общего поголовья, свиней 3341 гол. или 15,4 % от общего поголовья [Госархив РА Ф. Р–33. Оп. 25. Д. 22. Л. 52, 53, 54].

Главной причиной высоких показателей падежа скота являлась плохая обеспеченность кормами. Недостаток кормов обуславливалась нерентабельностью земледелия. С посевной площади хозяйства области в начале 1950-х гг. получали всего 6–7 ц кормовых единиц с 1 га посевной площади, что приводило к нехватке кормов и к большому падежу среди КРС, овец и коз [Очерки по истории 1973: 430–431; *Киселев* 1964: 36–37].

При росте количества общественного скота его продуктивность оставалась низкой. Так, по плану на 1951 год надой молока должен был составить 1480 л на 1 корову, было же получено – 745 л, настриг шерсти на 1 овцу при плане 2,7 кг, удалось получить лишь 1,43 кг [Госархив РА Ф. Р–33. Оп. 25. Д. 22. Л. 72, 73]. В 1953 г. надой молока на 1 корову составлял 906 л, настриг шерсти – 1,8 кг на 1 овцу. Живой вес скота, сдаваемого государству, не превышал 200–210 кг по КРС, 36–38 кг по овцам, 70–80 кг по свиньям [*Киселев* 1964: 38; *Киселев* 1965: 11; История Сибири 1968: 389].

Несмотря на перечисленные трудности, объем заготовок сельхозпродуктов возрастал. В начале 1950-х гг. колхозы и совхозы области справились с продажей государству сельскохозяйственной продукции. В 1953 г. в сравнении с 1946 г. вырос объем заготовок и закупок мяса на 183,6 %, молока – на 60,3 %, шерсти – на 146,4 %. Маралосовхозы закончили 1953 г. со сверхплановой прибылью в сумме 178 тыс. руб. [Очерки истории 1971: 249–250]. За 1953 г. колхозы и совхозы Горно-Алтайской области произвели мяса – около 81,8 тыс. ц, из них продали государству 73,3 тыс. ц мяса,

молока – 240,9 тыс. ц, в том числе продали государству 207,6 тыс. ц [*Киселев* 1964: 55].

Финансово-хозяйственное положение колхозов. Выполнение планов по сдаче сельхозпродукции государству достигалось за счет сверхусилий и напряженного труда колхозников. Нередко нарушался принцип материальной заинтересованности колхозников и колхозов в развитии общественного хозяйства. Передовым хозяйствам зачастую доводились завышенные планы сдачи продукции государству не зависимо от закрепленной за ним земельной площади. В результате чем больше колхоз сдавал сельхозпродукции, тем в большем объеме на него возлагались плановые задания. Хозяйства вынуждены были работать в убыток себе. Так, колхозы Майминского района в 1953 г. сдали государству сельхозпродукции по госпоставкам на общую сумму 384,3 тыс. руб. в действующих ценах, при этом фактические затраты на производство этой продукции выразились в сумме примерно 1105,8 тыс. руб., или в 3 раза больше. В аналогичном положении были хозяйства и других районов области [*Киселев* 1964: 38].

Многие колхозы оставались экономически слабыми, они в небольшом количестве выдавали колхозникам хлеб и деньги по трудодням. Большинство колхозов не имели возможности собственными силами вести капитальное строительство, из-за чего каждый год увеличивалась государственная задолженность колхозов [Очерки истории 1971: 247]. Так, к 1950 г. общая задолженность колхозов по отчислениям в неделимые фонды составляла около 5 млн. руб. Накопившаяся задолженность вела колхозы к некредитоспособности и лишала их возможности осваивать долгосрочные кредиты на производственные нужды [Память народа 1993: 317, 318]. Рост уровня материально-технической базы колхозов происходил за счет дотаций от государства, поскольку денежные доходы колхозов в указанные годы в колхозах снижались – с 3,4 млн. руб. в конце 1945 г. до 2,6 млн. руб. – в конце 1952 г. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3].

Несмотря на рост произведенной продукции в колхозах и совхозах, в течение всего послевоенного десятилетия уровень жизни сельского населения Горного Алтая оставался невысоким. В колхозах области доходы тружеников определялись трудоднями, оплата по ним зачастую из-за экономической слабости колхозов была очень низкой и неравномерной. В 1953 г. облсельхозуправление

из 161 колхоза 48 отнесло к отстающим. В них на 1 трудодень выдавалось 0,4 кг зерна и 26 коп. деньгами. В 18 колхозах на трудодни не выдавали зерна и в 54 – не выдавали денег [Память народа 1993: 328, 329].

Выполнение планов по сдаче продукции осуществлялось во многом за счет поставок из личных хозяйств колхозников. Во второй половине 1940-х гг. со ста дворов сдавали 37–43 гол. скота, с каждого двора 40–60 кг мяса, от 100 до 280 л молока, десятки яиц. Если колхозники налог задерживали, у них изымали скот. Брели налог и за фруктовые деревья, даже если они не плодоносили. Для получения дополнительных денежных средств государство в добровольно-принудительном порядке заставляло сельских тружеников подписаться на государственные займы независимо от доходов семьи [Горный Алтай: история социального развития 2007: 135, 143–147].

Последствия войны тяжело отразились на личных хозяйствах, в которых произошло существенное снижение количества поголовья скота. Так, за 1946–1951 гг. (на начало года) в личных хозяйствах колхозников количество скота по всем его видам уменьшилось: лошадей – с 0,9 тыс. гол. до 0,6 тыс. гол., КРС – с 16,2 тыс. гол. до 14,5 тыс. гол., овец и коз – с 9,1 тыс. гол. до 3,8 тыс. гол., свиней – с 1,5 тыс. гол. до 0,5 тыс. гол. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 51. Л. 3–6]. Сокращению скота в личных подсобных хозяйствах способствовала практика его закупки колхозами у населения для выполнения плана по госпоставкам и для восполнения колхозного стада. В 1951 г. происходило дальнейшее сокращение скота в индивидуальных хозяйствах [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 25. Д. 22. Л. 189].

В начале 1950-х гг. на уменьшение скота в индивидуальных хозяйствах повлияли решения государства в налоговой сфере. Так, в соответствии с постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП (б) от 3 сентября 1951 г. значительно возросло налоговое обложение индивидуальных хозяйств. Для колхозников крайне разорительными стали обязательные поставки государству натуральной продукции. Личные хозяйства, которые имели в собственности скот в количестве, превышающем установленный постановлением максимум, облагались налогом. Увеличивались налоговые сборы с колхозников. Сельскохозяйственный налог в СССР к 1951 г.

увеличился в 5 раз по сравнению с 1939 г., а в 1952 г. вырос еще на 15,6 %. Многие колхозники лишний скот стали реализовывать до 1 января 1952 г., с целью не платить налоги по нормам единоличных хозяйств [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 25. Д. 22. Л. 190]. Рост уровня жизни сдерживался дефицитом продовольственных и промышленных товаров.

В послевоенное время развитие сельского хозяйства Горно-Алтайской автономной области происходило под влиянием общих для всей страны факторов.

Укреплялась материально-техническая база колхозов, расширилась работа по подготовке и повышению квалификации кадров. Значительно возросла помощь государства, в результате чего неделимый фонд в колхозах возрос. В итоге удалось восстановить довоенный уровень производства. В 1951–1952 гг. в колхозах Горного Алтая был превзойден уровень 1940 г. по основным показателям сельскохозяйственного производства, за исключением поголовья КРС, которое достигло довоенного уровня к концу 1953 г. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 61. Л. 3].

Несмотря на увеличение количественных показателей в животноводстве, общий рост сельскохозяйственного производства серьезно сдерживал ряд проблем, к наиболее существенным из которых относились: недостаток рабочих кадров, невысокий уровень механизации и слабая оснащенность техникой, нехватка животноводческих помещений, низкая кормообеспеченность в хозяйствах. Государство, как и прежде, старалось повысить производительность труда сельских жителей путем административных мер и при помощи трудового энтузиазма, без использования экономических механизмов. В сельском хозяйстве области оставалась высокой доля экономически отстающих хозяйств, поэтому жизненный уровень тружеников села оставался низким. Планы колхозов по сельхоззаготовкам выполнялись за счет продукции личных хозяйств населения. Для населения области крайне обременительными стали обязательные поставки государству натуральной продукции из своего подворья. В результате сокращалось поголовье скота в личных подсобных хозяйствах колхозников. В целом, несмотря на многие трудности, сельскохозяйственное производство Горного Алтая к 1953 г. в основном достигло довоенного уровня.

5.3. Система здравоохранения

После окончания войны система медицинской помощи в Горном Алтае, начала постепенно восстанавливаться. Необходимо было проделать огромную работу по ликвидации санитарных последствий войны, принять меры по улучшению демографической ситуации, повысить качество медицинского обслуживания, восстановить материальную базу учреждений здравоохранения, и создать условия для ее дальнейшего развития. Особую остроту представлял вопрос увеличения количества медицинских кадров, в первую очередь – в сельской местности.

Сеть медицинских учреждений. К 1947 г. медицинская сеть области включала 3 больницы (детскую, областную, туберкулезную), 79 фельдшерских пунктов, венерологической, трахоматозной и туберкулезной диспансеры, зобную, санитарно-эпидемиологическую и малярийную станции, раковый, бруцеллезный и санитарно-просветительский пункты, пункт переливания крови, родильный дом, женскую консультацию, городскую поликлинику, станцию скорой помощи, лабораторию клинической диагностики и зубопротезный кабинет [Гончарова 2008: 152]. В целях улучшения обслуживания сельского населения разворачивались аптечные пункты при всех врачебных участках, расположенных вне райцентров [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 26]. Началась работа по открытию врачебных участков на предприятиях. В 1948 г. открылись врачебные здравпункты в артели «Текстильщик» и на валяльно-войлочной фабрике [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 467. Л. 13].

Однако накопившиеся проблемы затрудняли оказание населению полноценной медицинской помощи, которая могла бы соответствовать всем необходимым требованиям. Особенно остро стояла проблема нехватки зданий медицинских учреждений, из которых большинство находилось в ветхих, приспособленных помещениях, требовавших ремонта. Так, областная туберкулезная больница располагалась в приспособленном жилом помещении площадью 120 кв. м, инфекционная больница – в бывшем рентгенофизиокабинете городской поликлиники, дифтерийный изолятор – в бывшем подсобном помещении при конюшне [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 469. Л. 13, 17, 125, 446].

В 1948 г. были определены основные задачи в области здравоохранения, заключающиеся в ликвидации маломощных «карликовых» организаций, объединении больничных и поликлинических учреждений. За счет укрупнения медицинских учреждений предполагалось улучшить качество лечебно-диагностической работы, повысить эффективность специализированной и внебольничной помощи. Областную больницу объединили с городской поликлиникой, туберкулезный диспансер с туберкулезной больницей, женскую консультацию с родильным домом, детскую консультацию с детской больницей [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 7; Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 488. Л. 32; Д. 467. Л. 12]. Эффективность от предпринимаемых мер оказалась невысокой, вопреки заявленным задачам. Реальные итоги проведенной работы по укрупнению медучреждений были подведены в 1950 г. заведующим областным отделом здравоохранения К.И. Поназдырем и охарактеризованы им как формальные [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 1012. Л. 18].

В 1950 г. количество больничных учреждений в области достигло 27, они располагали 604 койками, функционировало 72 фельдшерских пункта [Гончарова 2008: 153]. В 1951 г. реорганизация сети лечебно-профилактических учреждений области продолжилась. Областная больница была объединена с поликлиникой, противозобной станцией, онкологическим пунктом, инфекционной больницей. Общее количество коек было доведено до 200. Детскую городскую больницу объединили с детской амбулаторией и детской консультацией. Коечный фонд объединенного учреждения увеличился до 35 коек. Кожно-венерологический диспансер объединили с венерологической больницей с 30 койко-местами [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 25. Л. 11–12, 25].

Осуществление реорганизации системы здравоохранения в Горном Алтае наталкивалось на трудности, обусловленные региональной спецификой. Укрупнение медицинских учреждений не подкреплялось достаточными финансовыми средствами. Отдаленные высокогорные территории области из-за бездорожья и труднодоступности не обеспечивались квалифицированной медицинской помощью. С целью ее приближения к населению началось переоборудование врачебных участков в больницы.

Например, в 1950 г. в помещении врачебного участка с. Александровка была открыта больница на 12 коек, что несколько улучшило ситуацию в Майминском аймаке, поскольку ранее население 10 сельсоветов было вынуждено обращаться за медицинской помощью за 35–45 км [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 58].

Одним из важнейших направлений работы здравоохранения области в первые послевоенные годы являлось оздоровление населения. В 1950 г. в области работали 2 детских санатория, рассчитанных на одновременный прием 155 детей, имелся один санаторий для взрослых на 250 чел. При этом они были переориентированы на лечение инвалидов войны. Стояли насущные задачи расширения санаторно-курортной сети, улучшения материальной базы, повышения качества обслуживания отдыхающих. Недостаточное финансирование и слабое материальное обеспечение собственной базы отдыха и лечения приводили к тому, что часть жителей области для укрепления своего здоровья вынуждена была совершать поездки в санаторно-курортные учреждения других регионов [Горный Алтай 2007: 128].

К 1951 г. сеть медицинских учреждений области включала 86 фельдшерско-акушерских пунктов, 21 сельский врачебный участок в общей сложности на 674 койки, 13 санитарно-эпидемических станций [Память народа 1993: 320]. Вместе с тем, значительные расстояния между населенными пунктами, почти полное отсутствие специальных транспортных средств ограничивали возможность для населения отдаленных сел и стоянок получать квалифицированную медицинскую помощь.

Материально-техническое состояние учреждений здравоохранения. За годы войны материально-техническая база здравоохранения Горного Алтая оказалась практически полностью изношенной и требовала серьезных финансовых вложений.

Помещения, занимаемые детской больницей, инфекционной и туберкулезной больницами, Домом малютки, не соответствовали своему назначению. В детской больнице наблюдалась недопустимая скученность. Вместо 3–4 кв. м на одного ребенка по норме, приходилось лишь 1,5 кв. м. При госпитализации дети грудного возраста помещались на одну детскую кроватку вместе с матерью [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 413. Л. 6]. В туберкулезной больнице не хватало твердого и мягкого инвентаря, отсутствовали рентгенкабинет и физиокабинет [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 469.

Л. 17об.]. С 1943 г. не проводился ремонт в областной больнице: многие окна были забиты досками, печи и отопительная система находились в запущенном состоянии [Заканчивается ремонт 1948: 2].

Неудовлетворительное состояние материально-технической базы учреждений здравоохранения снижало эффективность их деятельности. Не хватало зданий и площадей для размещения больных. Так скарлатинозные больные госпитализировались в помещения вендиспансера, а дифтерийные больные – в бывшем подсобном помещении при конюшне. Начатое в 1940 г. строительство в городе инфекционной больницы было законсервировано. Туберкулезная больница размещалась в центре города в помещении, не приспособленном для госпитализации этого контингента больных [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 413. Л. 6, 7]. Ремонт помещений если и проводился, но из-за их ветхости не имел эффекта. Например, в здании областной больницы был проведен косметический ремонт, после которого второй этаж «грозил» обвалиться [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 555. Л. 124]. Помимо ветхости зданий, у лечебных учреждений области сохранялась проблема с их отоплением [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 413. Л. 6].

Неблагоприятно складывалась ситуация с медицинским и санитарно-бытовым обслуживанием на отдаленных стоянках и МТС. Лишь с развитием в области санитарной авиации ситуация с оказанием медицинской помощи населению отдаленных территорий постепенно начала меняться [Гончарова 2008: 154–155]. Только за 8 месяцев 1948 г. врачами санавиации было сделано 99 вылетов, на месте произведено 35 неотложных операций, эвакуировано 58 больных, осмотрено и проконсультировано 2236 чел., проведено 50 лекций и бесед с медицинскими работниками аймаков [Санитарная авиация 1948: 1].

Аптечная сеть области также не имела возможности в полном обеспечении населения медицинской помощью. Аптечные пункты работали лишь при 7 врачебных участках, при этом в них зачастую отсутствовали необходимые лекарства. В аймачных аптеках Улагана, Усть-Коксы, Турочака часто отсутствовали йод, сердечные средства, перевязочный материал и необходимый инструментарий [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 85].

В начале 1950-х гг. материально-хозяйственная база аймачных медицинских учреждений продолжала оставаться слабой. Многие ветхие помещения разрушились, требовалось строительство новых.

Медицинские кадры. Военные мобилизации сократили медицинских работников области до минимума. Так, в 1946 г. вместо необходимых 166 врачей работало лишь 53. Из них 30 – в городской больнице, 23 – в сельской местности. На тех медицинских участках, где штат врачей состоял 8–9 чел., работали всего 1–2 чел. На сельских врачебных участках врачей в 1946 г. не было [Гончарова 2008: 155–156].

В медицинской сети города в 1946 г. работали 25 врачей, из них 4 были заняты в аппарате облздрава, 2 – в фельдшерско-акушерской школе, 1 – в санитарной части НКВД. Врачебные должности были заняты средним медицинским персоналом с недостаточным практическим стажем. Например, городская поликлиника при штате в 19,5 врачебных единиц имела 3 врачей, из них 2 – совместителя. Недостаток во врачебных кадрах снижал качество обслуживания населения города. Из-за низкой квалификации средних медицинских работников имели место случаи поздней госпитализации, вспышек эпидемических заболеваний и некачественного обслуживания больных на дому.

К 1947 г. в области работали 71 врач вместо запланированных по штату 165, 154 фельдшера, 42 акушерки и 184 медсестры. Недостаток средних медработников составлял 94 чел. Вплоть до 1949 г. во всех аймачных центрах отсутствовали хирурги. Офтальмологическую помощь населению после войны оказывало 26 пунктов, 4 трахоматозных диспансера в городе, Усть-Кане, Онгуде и Элекмонаре. Обеспеченность медиками этих учреждений была минимальной. В городе в диспансере работала одна врач Ярлыгаева, на местах эту работу вели медицинские сестры. Немногочисленные медицинские кадры оказывали помощь только обратившимся в медучреждения больным и лишь эпизодически выявляли очаги распространения болезни [Гончарова 2008: 159].

Пути подготовки и привлечения медицинских кадров, как и в предыдущие годы, оставались ограниченными. В основном приток медиков шел за счет выпускников городского медицинского училища, переподготовки медицинских кадров, курсов усовершенствования и целевого направления выпускников медицинских вузов страны в область. Однако неблагоприятные условия жизни и работы приводили в большой текучести медицинских кадров. Из-за отдаленности участков многим больным не оказывалась своевременная медицинская помощь [Гончарова

2008: 156].

Борьба с инфекционными и эпидемиологическими заболеваниями. Сложная ситуация способствовала распространению инфекционных, эпидемических и социальных болезней в послевоенные годы практически во всех районах области. Кош-Агачский и Шебалинский районы являлись неблагополучными по сыпному и брюшному тифу, Онгудайский и Усть-Коксинский районы – по скарлатине, областной центр – по скарлатине, и особенно, дизентерии.

Борьбу с инфекционными заболеваниями в городе осуществляла инфекционная больница, однако она не имела своего помещения, и занимала здание родильного дома, которое требовало капитального ремонта [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 446. Л. 12об.].

В 1946 г. городским отделом здравоохранения был разработан план проведения противоэпидемических мероприятий по желудочно-кишечным заболеваниям. Он предполагал тщательную диагностику и лечение брюшного тифа, дизентерии и других инфекционных заболеваний в условиях стационара, проведение полного комплекса противоэпидемических мероприятий в очагах заболеваний, а также ежедневный профилактический осмотр детей и персонала в детских учреждениях [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 402. Л. 9, 9об.].

Нехватка зданий и площадей для медицинских учреждений серьезно сдерживала борьбу с инфекционными заболеваниями в области. Несмотря на предпринимаемые меры, в 1946–1947 гг. почти постоянно происходили вспышки тифа, дизентерии, скарлатины и других заболеваний. Перед системой здравоохранения области стояла задача принятия экстренных мер по их ликвидации. В 1946 г. в трехдневный срок в городе открывают скарлатинозный изолятор на 10 коек [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 415. Л. 8]. В виду угрозы вспышки септической ангины в 1947 г. были организованы три бригады по борьбе с заболеванием: в Ойрот-Туре, Элекмонарском и Шебалинском аймаках [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 465. Л. 46].

Летом 1948 г. в г. Горно-Алтайске наблюдался резкий рост желудочно-кишечных заболеваний, в основном за счет дизентерии [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 488. Л. 1, 4].

Основная причина распространения эпидемических заболеваний заключалась в социально-бытовой неустроенности, особенно бывших фронтовиков. Многие вернувшиеся с фронта

нуждались в серьезно медицинской помощи. Свалки мусора, открытые питьевые источники, недоедание, голод, невозможность приобрести товары первой необходимости делали людей незащищенными, подверженными болезням.

По сравнению с 1945 г., заболеваемость дизентерией на протяжении 1946–1949 гг. возросла в 2,2–5,6 раза, брюшным тифом в – 2,2 раза, скарлатиной – в 3,3–3,7 раза. Только за 9 месяцев 1947 г. в г. Горно-Алтайске было зарегистрировано инфекционных больных – 202 чел., среди них корью – 28, скарлатиной – 21, сыпным и брюшным тифом – 17 [Гончарова 2008: 158].

Серьезной проблемой для медиков продолжали оставаться малярия, бруцеллез, холера, дифтерия, а также венерические болезни.

В 1947 г. удалось снизить заболеваемость малярией за счет проведения противомаларийных и гидротехнических мероприятий. Так, если в 1946 г. по области было зарегистрировано всего 118 новых случаев заболеваемости малярией, то за 1947 г. – 99 новых случаев [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 28].

В декабре 1948 г. на заседании облисполкома обсуждался вопрос о мероприятиях по снижению заболеваемости туберкулезом. Было принято решение обязать областной отдел здравоохранения, городской и аймачные исполкомы ввести с 1 января 1949 г. обязательные прививки против туберкулеза всем новорожденным детям, а также провести обследование населения, занятого в социальной, медицинской сферах, общественного питания, и рабочих с вредными условиями труда [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 488. Л. 56]. В 1950 г. ситуация по туберкулезу продолжала оставаться неблагоприятной. Работа по выявлению и профилактике заболевания среди детей осуществлялась недостаточно полно. При выявлении больных детей на дому, они чаще всего не госпитализировались. Финансирование детского туберкулезного санатория было минимальным, не хватало витамина «Д». Помещение, выделенное под городской туберкулезный диспансер, не вмещало всех больных [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 23. Л. 23–24].

В целях усиления борьбы против рака и вовлечения в эту работу всего населения, с 15 по 21 октября 1949 г. в области провели противораковую неделю [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 81]. Для более эффективной борьбы с дифтерией планировалось

организовать в области лечение дифтерийных носителей, создать в городе и районных центрах изолированные кабинеты для таких больных, наладить лабораторный контроль за лечением носителей [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 7. Л. 2]. Для лечения больных скарлатиной в городе был развернут изолятор на 25 коек [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 25. Л. 46]. Продолжалась работа медиков по борьбе с трахомой. В 1952 г. в области имелось 4 трахоматозных диспансера: в Горно-Алтайске, Онгудае, Усть-Кане, Элекмонаре и 27 трахоматозных сестринских пунктов. Радиус обслуживания населения был достаточно велик – от 5 до 20 км (пешком). Зачастую трахоматозные пункты не имели собственного помещения [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 9. Л. 14–17].

Областной отдел здравоохранения, анализируя причины высокой заболеваемости в начале 1950-х гг., отмечал недостатки в работе по выявлению и локализации очагов инфекций, слабость санитарно-просветительной работы. С целью усиления этого направления работы в 1953 г. в области был открыт областной Дом санитарного просвещения второй категории [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 25. Л. 185]. На первый план ставились задачи санитарной пропаганды – предупреждение, профилактика различных болезней. Их эффективность зависела от массовости, содержательности и доступности санитарной пропаганды. Но несмотря на то, что были созданы 4 районные СЭС, одна областная и одна пограничная в Ташанте, 2–3 раза в месяц врачи областной станции выезжали на места для оперативного руководства работой, улучшения в санитарно-просветительской работе появлялись медленно [Гончарова 2008: 159].

Широкое распространение инфекций приводило к росту смертности. По данным Алтайского краевого здравоохранения, в 1946 г. только в г. Ойрот-Тура от скарлатины умерло 2,38 % заболевших, от кори – 3,91 %, от тифа – 6,66 %, от дифтерии – 45,5 %. Высокие показатели смертности наблюдались до конца 1940-х гг.

На первом месте в структуре смертности по области в 1945–1950 гг. была смертность от болезней сердца (17 %), на втором – от злокачественных новообразований (12 %), на третьем – от нервных болезней (4,5 %). Коэффициент детской смертности в 1946 г. по области составил 5,4 %, в 1947 г. – 10,7 %. Наивысший показатель смертности в 1947 г. наблюдался в Усть-Канском (13,6), Усть-Коксинском (12,4), Майминском (10,8), Кош-Агачском

и Элекмонарском (8,8) районах и городе (22,4) [Горный Алтай 2007: 153–155].

Основными причинами детской смертности являлись туберкулез, желудочно-кишечные инфекции, воспаление легких. Высокая детская смертность обуславливалась не только общими социальными причинами, но и низкой эффективностью работы служб здравоохранения. Незрелость системы по охране материнства и детства привела к тому, что только 45,5 % женщин рожали в больницах [Гончарова 2008: 162]. Помещение единственного в области родильного дома находилось в полуразрушенном состоянии, хотя средства на его ремонт выделялись [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 23. Л. 24]. При этом смертность самих рожениц составляла 4,25 %.

Рассмотрев итоги областного совещания работников здравоохранения, облисполком в 1948 г. отмечал, что работа по снижению детской заболеваемости и смертности проводится неудовлетворительно, имеют место случаи позднего выявления и госпитализации инфекционных больных, невыполнение плана профилактических прививок [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 21. Л. 45].

Система здравоохранения в Горном Алтае в послевоенные годы постепенно восстанавливалась, но этот процесс происходил медленными темпами. Особенно остро стоял вопрос обеспечения медицинской системы новыми зданиями и дополнительными площадями для стационарного размещения больных. Проблема нехватки кадров, как врачей, так и среднего медицинского персонала, продолжала сохраняться на протяжении всех послевоенных лет. Органы власти и руководители медицинских учреждений не смогли решить задачу обеспечения медицинских кадров нормальными условиями для быта и для работы. Общий уровень заболеваемости в области оставался высоким и не имел четкой тенденции к снижению. Власти пытались изменить ситуацию в лучшую сторону через организацию здорового питания и улучшение условий проживания населения, широкое внедрение в практику антибиотиков. И все же в послевоенные годы были осуществлены важные мероприятия по преодолению санитарных последствий войны, что способствовало улучшению здоровья населения.

5.4. Народное образование

Развитие школьной сети. В условиях перехода жизни страны на мирные рельсы большое внимание уделялось восстановлению и дальнейшему развитию системы народного образования. В первом, послевоенном, 1945-1946 учебном году, была проведена работа по уточнению и упорядочению сети школ, учету детей, подлежащих обучению, ремонту и оборудованию школьных зданий. Приоритетом школьной политики в СССР стало всеобщее начальное и семилетнее обучение. Осуществление этой задачи было сопряжено с большими трудностями: не хватало зданий, школьного оборудования, учебников и письменных принадлежностей, педагогических кадров.

В пятилетнем плане развития народного образования первоочередной задачей в осуществлении всеобщего образования в области являлось дальнейшее развитие сети школ.

Таблица 1
Рост количества школ и учащихся в Горно-Алтайской автономной области (на начало учебного года)

Годы	Всего школ	в том числе			Кол-во учащихся
		начальных	семилетних	средних	
1945-1946	312	240	62	10	21615
1947-1948	328	259	59	10	16739
1951-1952	306	223	71	12	20576

Источник: Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 101. Л. 33; Д. 118. Л. 5; Д. 56. Л. 33; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 493. Л. 6об.

Данные областного органа образования свидетельствуют об увеличении начальных и некотором сокращении семилетних школ в первые послевоенные годы. Дальнейшему становлению школьной сети препятствовали трудности, связанное с региональной спецификой Ойротии. К ним, в первую очередь относились отдаленность сельских населенных пунктов друг от друга и занятость большинства жителей трудоспособных возрастов в отгонном животноводстве. Подобные проблемы ставили перед властями области вопрос об открытии малокомплектных начальных школ в высокогорных животноводческих районах. В таких очень

маленьких школах наполняемость класса порой не превышала 5–7 чел. Однако плохая материальная база малокомплектных школ, низкий уровень качества знаний учащихся стали причинами того, что некоторая часть малокомплектных школ впоследствии была закрыта.

В немалой степени этому способствовала проводимая в 1950-е гг. государством политика укрупнения колхозов. Несмотря на сокращение малокомплектных школ, в среднем наполняемость классов в области оставалась небольшой. В 1952 г. в школах г. Горно-Алтайска в первый класс было принято 240 чел., по области 1538, т.е. в среднем 5 учащихся на учебное заведение [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 56. Л. 33]. С одной стороны, политика укрупнения школ была оправдана экономически, поскольку позволила укрепить материальную базу и повысить качество учебно-воспитательного процесса. С другой стороны, она привела к отрицательным последствиям, поскольку значительная часть населения проживала в труднодоступных мелких населенных пунктах. Заметную роль в экономике области играло отгонное животноводство, в котором было занято большинство коренного алтайского населения высокогорных районов. Областные власти в итоге отказались от закрытия многих малокомплектных школ.

К реализации решений XVIII съезда ВКП (б) (1939 г.) об осуществлении всеобщего среднего образования в городе и завершении семилетнего образования в деревне партийное руководство вернулось после окончания войны. Сохранялась проблема охвата населения всеобщим образованием. К концу 1940-х гг. в стране устанавливается всеобщее семилетнее образование. Постановление Совета Министров РСФСР от 26 января 1949 г. вводило повсеместное вовлечение в школу всех детей и подростков, не имевших законченного начального образования, полный охват в городах и рабочих поселках детей и подростков семилетней школой. С этого момента начинается новый этап развития советской общеобразовательной школы. Центральным пунктом государственной политики в сфере школьного образования стал провозглашенный партийно-советским руководством постепенный переход к всеобщему среднему образованию, что нашло свое подтверждение в документах XIX съезда КПСС в 1952 г.

В Горно-Алтайской автономной области введение всеобщего семилетнего образования определялось решением сессии областного

Совета депутатов трудящихся от 29 октября 1952 г. Перевод на семилетнее обучение требовал значительных изменений в школьной сети области, ее рационализации, повышения удельного веса семилетних и средних школ. Изменения в структуре школьной сети, прежде всего, коснулись наиболее населенных районов области. Так, в г. Горно-Алтайске к 1952 г. количество школ в областном центре по сравнению с первым послевоенным годом сохранилось, но изменились их типы: вместо 4 начальных, 2 неполных, 2 средних школ в областном центре стали действовать 3 начальных, 2 – семилетних, 3 – средних [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 101. Л. 33]. В 1952-1953 учебном году общее число школ в области, по сравнению с 1945-1946 учебным годом, уменьшилось на 17, при этом количество семилетних школ выросло на 11, а средних – на 5 школ [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 274. Л. 3]. В этом же 1952-1953 учебном году алтайских начальных школ в области было 63, семилетних – 4, средних – 1; казахских начальных – 6, семилетних – 2; смешанных начальных – 20, смешанных семилетних – 17, средних – 2. Произошло сокращение и укрупнение существующих школ. Начальные школы с достаточным контингентом учащихся реорганизовывались в семилетние. Малокомплектные начальные школы закрывались. На базе некоторых из них открывались новые более крупные начальные школы [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 12. Д. 80. Л. 3].

Кроме того, работающая молодежь могла получить среднее образование в школах рабочей молодежи. В 1950 г. в области действовала 51 школа для работающей молодежи, из них одна в г. Горно-Алтайске, остальные – в сельской местности. Такое соотношение количества школ рабочей молодежи в пользу села было вызвано спецификой сельскохозяйственного региона. В 1950-1951 учебном году в вечерних школах сельской молодежи обучалось 1198 чел. [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 261. Л. 37]

Реализация всеобщего образования. Вовлечь с начала учебного года всех детей в школу, не допустить отсева учащихся – такую задачу поставил Ойротский областной отдел народного образования на 1945-1946 учебный год. Для решения указанной задачи требовалось «иметь строго проверенные точные данные о количестве детей школьного возраста в каждом населенном пункте» [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 95. Л. 190]. Ежегодно в аймаках проводился учет детей 7–14 лет. К августу составлялись списки детей, подлежащих обучению. В сентябре проводился контрольный

переучет детей. И тем не менее, часть детей школьного возраста не учитывалась органами народного образования. В первые дни занятий 1947-1948 учебного года 692 ребенка оказались вне школы. В результате принятых мер количество неохваченных обучением детей в этом году сократилось до 133 чел. [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 96. Л. 212]. Фактически неучтенных детей оставалось больше. В некоторых аймачных отделах народного образования списки детей, подлежащих обучению, отсутствовали, что затрудняло контроль выполнения закона о всеобуче. Аймачные исполкомы Советов депутатов трудящихся вопросом всеобуча, по мнению зав. облоно, совершенно не занимались, переложив всю работу по его осуществлению на отделы народного образования, школы и учителей. Например, в Элекмонарском аймаке сельские советы самоустранились от участия в проведении учета детей, в результате чего десятки детей пропустили занятия, не учитывалась и потребность в одежде и питании детей, не были созданы фонды всеобуча [Надеждин 1948: 2].

Невыполнение закона о всеобуче на протяжении ряда лет констатировала проверка системы народного образования области комиссией Министерства просвещения РСФСР в 1951 г. В начале 1950-1951 учебного года школами области остались не охваченными 1012 чел. В течение учебного года выбыло по неуважительным причинам 1954 чел. [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 20. Л. 183].

Вместе с тем, вопрос о состоянии и выполнении закона о всеобуче постоянно находился в центре внимания на всех областных и аймачных совещаниях заведующих айм(гор)оно, директоров, завучей и учителей школ. На заседаниях исполкомов заслушивались отчеты отдельных директоров школ, а на заседаниях облисполкома отчитывались председатели аймисполкомов с содокладами зав. аймоно. Ставился вопрос о всеобуче на сессиях аймисполкомов и бюро РК ВКП (б).

С 1951 г. учет детей школьного возраста был поставлен на государственную основу, и перешел из ведения школы к сельским советам и органам статистики. Ежегодно на 1 января сельские советы стали предоставлять отчеты. К учету детей школьного возраста подключились советские, общественные, хозяйственные органы.

Материально-техническое состояние школ.

Трудности военного и послевоенного времени, ограниченность

областного бюджета не давали возможности поднять материально-хозяйственную и учебную базу школ на должный уровень. Особенно сложным оставалось положение со школьными зданиями. Школы по-прежнему, в основной своей массе, размещались в устаревших и приспособленных зданиях, из-за отсутствия ремонта пришедших в большую ветхость. Требовались большие ассигнования, чтобы поднять материальную базу школьной системы.

В научной литературе отмечается, что максимальный рост совокупных расходов на образование в СССР был в 1947 г. В этом же году из областного бюджета было выделено 27865,1 тыс. руб., что составило 44,6 % общего бюджета области [Варченко 1956: 13]. Однако финансирование осуществлялось не полностью. Так, на 25 декабря 1948 г. образование в области было профинансировано на 89 % от запланированного объема. Облоно испытывал трудности даже в приобретении продуктов для детских домов, питание которых было очень скудным.

Вследствие слабого материально-финансового обеспечения школ области, к концу 1940-х гг. в системе народного образования скопился целый комплекс проблем, которые в ряде случаев приобрели повсеместный характер: невыполнение планов капитального ремонта школьных зданий, или же его неудовлетворительное качество; задолженность по зарплатам учителям и школьным работникам; плохая обеспеченность школ дровами [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 96. Л. 209; Д. 201. Л. 184]. Так, например, школьное здание Куяхтонарской начальной школы Шебалинского аймака, расположенной в 6 км от районного центра, в течение ряда лет не ремонтировалось. Школьное здание находилось в крайне неудовлетворительном состоянии, без крыши, без туалета, с выбитыми стеклами. Дровами школа не обеспечивалась. 30 куб. м дров, которые были заготовлены для школы и оплачены сельским советом, председатель колхоза израсходовал на колхозные нужды. Такое же положение имело место в Актельской школе Шебалинского района, Бешпельтирской школе Элекмонарского аймака и др.

Постоянно задерживалось и переносилось строительство школьных зданий из-за перебоев в поставках стройматериалов. Нередко кирпич и брус, предназначенные школам, руководители колхозов и местных Советов передавали на нужды колхозного или промышленного строительства. Подобные проблемы, связанные с работами по строительству объектов образования, наблюдались

в целом по стране. В июне 1949 г. Министр просвещения РСФСР в своем приказе отнес Горно-Алтайскую автономную область к регионам, где было «особенно плохо».

Другая, не менее важная и серьезная проблема, которая не позволяла нормально вести учебный процесс, заключалась в плохом снабжении школ канцелярскими принадлежностями, учебниками, учебным оборудованием для школьных кабинетов, хозяйственного инвентаря. Так, по состоянию на 1 ноября 1948 г. учебники не поступили в школы более половины районов.

Тетрадами и школьно-письменными принадлежностями школы обеспечивались относительно удовлетворительно. Вопрос о писчей бумаге и снабжении школ области качественным мелом облоно решал напрямую через заместителя Министра просвещения РСФСР и начальника отдела нерусских школ Министерства просвещения РСФСР.

Для полной нормализации работы школ требовалось пополнить фонды библиотек, создать учебные кабинеты, лаборатории, мастерские. Эти проблемы решались путем целенаправленного снабжения учебных заведений учебниками, книгами для внеклассного чтения, приборами и реактивами для оборудования кабинетов химии, биологии, физики. Оборудование для учебных мастерских поставляли шефствующие предприятия.

В начале 1950-х гг. многие школы пополнились учебным оборудованием, но кабинеты для него зачастую отсутствовали. Например, из 82 семилетних и средних школ лишь 18 имели кабинеты по физике, 12 – по химии, 11 – по биологии. Не имелось карт по истории, микроскопов, пособий по русскому языку. При этом сохранность оборудования и учебных пособий во многих школах оставалась неудовлетворительной.

Удовлетворить материальные нужды школы в трудные послевоенные годы лишь за счет бюджетных средств представлялось трудноразрешимой задачей. Большую помощь школам оказывали общественные организации, трудовые коллективы. По решению бюро Алтайского крайкома ВКП (б) проводились месячники помощи школе. Основными задачами месячников провозглашались: осуществление закона о всеобуче, предотвращение отсева учащихся из школ, организация материальной помощи нуждающимся учащимся, подвоз топлива к школам, квартирам учителей, ремонт квартир учителей, приобретение ремонтно-строительных материалов для подготовки школ к учебному году. С первыми

успехами восстановления народного хозяйства всей страны и Горно-Алтайской автономной области, в частности, улучшилось материальное обеспечение школ за счет средств колхозов и предприятий области.

Однако в начале 1950-х гг. значительные финансовые средства, которые направлялись на строительство школ, не всегда осваивались. Причины заключались в слабых возможностях местной строительной базы и в невысоком уровне промышленности, в частности, деревообрабатывающей, отсутствии кирпичных заводов и т. д. Местные Советы стремились решить проблемы школ собственными силами, привлекая население на строительство, ремонт школ, доставку дров, благоустройство.

Учебно-воспитательная работа. Проблемы послевоенного времени отражались на качестве учебно-воспитательного процесса. Одной из них стал рост второгодничества. В 1947-1948 учебном году из 20163 учащихся школ области 3897 считались второгодниками, или 19 % общего количества. Основной причиной неуспеваемости учеников, по мнению руководства ведомств, являлся низкий уровень организации учебно-воспитательной работы в значительной части школ РСФСР. Проверка показала, что в ряде школ имело место завышение оценок и «прямое очковтительство» в целях фиктивного повышения школьной отчетности [Надеждин 1948: 1].

Среди причин слабой успеваемости учащихся школ области являлся невысокий образовательный ценз учителей. С открытием в 1949 г. в г. Горно-Алтайске учительского института ситуация начала меняться, школы области стали получать все больше учителей с соответствующим образованием.

Значительные изменения были внесены в этот период в организацию учебно-воспитательного процесса национальных школ. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 11 августа 1946 г., для более качественного освоения алтайскими детьми программы начальной школы, в Ойротской автономной области в 1947-1948 учебном году начали работу подготовительные классы для детей шестилетнего возраста для овладения минимума знаний по русскому языку. Например, в 1951-1952 учебном году в подготовительных классах учились 121 чел. В начале 1950-х гг. успеваемость в алтайских школах оставалась низкой, в том числе из-за необеспеченности школ области учебниками на алтайском

языке. Так, из 3893 учащихся в числе неуспевающих числились 933 ученика.

В национальных аймаках способом повышения охвата обучением, ликвидации второгодничества, стали интернаты. Однако, в первый послевоенный год в отдельных аймаках, где преобладало русское население, таких как: Усть-Коксинский, Турочакский, Чойский – пришкольные интернаты были закрыты. В области были созданы интернаты для детей алтайцев при школах и педучилище, в которых воспитанники находились на полном государственном обеспечении [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 52. Л. 35].

Школы-интернаты области испытывали материальные и финансовые трудности, характерные для всей школьной сети. Немногочисленные средства, которые отпускали на содержание интернатов, поступали с опозданием и не полностью. Например, на 1 октября 1948 г. городские интернаты получили ассигнований только на 60,1 % от плановой суммы, сельские – на 34,7 %. Интернаты в Чойском аймаке были профинансированы – на 24,5 % от запланированного, в Улаганском – на 14,6 %, в Майминском – на 11,9 % [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 6. Д. 61. Л. 61].

В первые послевоенные годы в области действовали 14 интернатов для алтайских детей. В 1947 г. открылось 34 интерната на полном государственном обеспечении, в которых числилось 1574 чел., и 13 интернатов общего типа с наполняемостью в 473 учащихся. Государство оказывало существенную помощь на содержание школьных интернатов для детей алтайцев. Так, в 1946–1947 учебном году было отпущено 125270 руб., более 20 тыс. м тканей, 870 пар обуви, несколько сотен комплектов платья, что позволило обеспечить работу 28 школьных интернатов [Очерки 1973: 493]. Тем не менее этого оставалось недостаточно.

Материальная база интернатов оставалась слабой, они не обеспечивались мебелью, кухонной посудой, мягким инвентарем. Питание детей, живущих в интернатах, за исключением городских, было организовано очень плохо. Вместо 8 руб. 64 коп., отпускаемых на питание одного воспитанника в сутки, фактически расходовалось 2–3 рубля. В ряде интернатов воспитанники с начала учебного года вообще не получали хлеба (Бешпельтир, Чибит, Каракол и др.). Финансовые органы не разрешали закупать продукты для интернатов на рынке, а заставляли брать в магазинах по более высоким ценам. Тяжелые условия, в которые попадали дети в интернатах, приводили к частым побегам воспитанников. Воспитательная работа в школах

зачастую не велась из-за нехватки воспитателей, или отсутствия у них педагогического образования [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 52. Л. 35].

Таким образом, развитие школьной системы в Горном Алтае в 1945–1953 гг. происходило в непростых условиях послевоенного времени. Ввиду мобилизации материальных и финансовых ресурсов на восстановление прежних возможностей народного хозяйства, школы области испытывали недостаток средств для ремонта, снабжения топливом и продуктами питания, обеспечения учебным материалом. Расширение школьной сети сдерживалось низкими темпами строительства новых школ вследствие слабости областного бюджета.

Учительские кадры. Развитие народного образования в послевоенные годы напрямую зависело от увеличения педагогических кадров, повышения их квалификации. Положение с педагогическими кадрами в области оставалось сложным. На 1 июля 1945 г. в Горном Алтае работали 1079 учителей, при общем штате 1221 единица, т. е. 142 учительские ставки оставались незанятыми. Школам области требовалось 25 учителей математики и физики, 19 – русского языка и литературы, 9 – истории и географии, 6 – химии и биологии, 18 учителей иностранного языка. Такие предметы, как рисование, пение, черчение преподавали учителя других предметов или начальных классов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 383. Л. 41].

Численность учителей области пополнилась за счет учителей из состава демобилизованных воинов. К началу 1946–1947 учебного года в школы вернулось 60 чел., из них 3 с высшим образованием, 6 – с неоконченным высшим и 51 – со средним образованием. По приглашению Облоно в школы области прибыли 11 чел., из них 6 – с высшим и 4 – с неоконченным высшим образованием [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 80. Л. 47]. Однако возвратившиеся с фронта не могли восполнить общей нехватки учительских кадров.

Из-за их отсутствия не могла развиваться сеть семилетних и средних школ области. Облоно ежегодно обращался в отдел образования Алтайского крайисполкома с просьбой направить на работу в область не менее 40 чел. с высшим образованием. Но заявки выполнялись частично. Так, в 1951 г. вместо 54 учителей по различным предметам, крайоно направил в область лишь 6 учителей с высшим образованием. Школы оставались неуккомплектованными учителями с высшим образованием [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 12. Д. 80. Л. 18].

Сложной оставалась ситуация с обеспеченностью кадрами и для национальных школ. Из 255 учителей алтайцев со средним образованием числилось 76 чел., с незаконченным средним – 173, с незаконченным высшим – 6 [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 383. Л. 41].

Особенно непростое положение с укомплектованностью педагогическими кадрами имело место в казахских школах Кош-Агачского аймака. В двух семилетних школах (Джазаторской и Казахской) не хватало учителей даже со средним образованием, детей учили работники школ, окончившие 5–7 классов [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 95. Л. 229]. Горно-Алтайский отдел народного образования был вынужден отправить в 1947 г. в Министерство просвещения РСФСР докладную записку, в которой излагалось положение в казахских школах области и просьба ходатайствовать перед Министерством просвещения Казахской ССР о направлении в областные школы 14 учителей казахов с высшим и незаконченным высшим образованием и 18 – со средним образованием [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 77. Л. 85].

При том, что учителей в области остро не хватало, в школах наблюдалась высокая текучесть кадров, 87 человек, имевших педагогическое образование, работали не по специальности. Причинами ухода учителей из школы назывались тяжелые материально-бытовые условия жизни, перевод на партийную работу, семейные обстоятельства [Аксенова 2020: 11]. Трудные бытовые условия, необеспеченность жильем, низкая заработная плата способствовали отъезду молодых специалистов. Постановление Совета Министров СССР о льготах и преимуществах для сельских учителей (февраль 1948 г.) в области практически не выполнялось. В условиях карточной системы приобрести продукты и товары первой необходимости представляло большие сложности. Частыми были перебои в снабжении учителей хлебом. В большинстве аймаков не выдавался керосин, а если выделяли, то вместо положенных 6 л отпускали по 1–2 л. Не во всех районах учителя получали промтовары, например, в Усть-Коксинском, Чойском, Онгудайском районах не поступило ни одной пары валяной обуви, вместо кожаной предоставили резиновую. Из швейных изделий поставляли всего по две, три вещи. В некоторых районах, например, в Чойском, Ойрот-Турском месяцами не платили зарплату. На 20 декабря 1948 г. задолженность по заработной плате только за ноябрь

составляла 192 тыс. руб. При этом многие учителя не обеспечивались квартирами [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 95. Л. 178].

Наличие и уровень подготовки учительских кадров являлись одним из главных условий качественного образования. Решению этой задачи областные власти уделяли особое внимание. В послевоенные годы он решался несколькими путями: за счет выпускников Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, Горно-Алтайского педучилища. Пополнялись учительские кадры слушателями 10-месячных курсов при педучилище, и по направлению Крайно. Таким образом, основными способами пополнения школ учительскими кадрами являлись: очное и заочное обучение педагогических кадров в вузах и средних учебных заведениях; курсовая подготовка при средних учебных заведениях; целевой набор по заявкам органов народного образования.

Изменения в сети школ области, связанные с введением семилетнего всеобуча, вызвали потребность в большом количестве учителей с высокой квалификацией. В связи с этим встал насущный вопрос создания в Горно-Алтайской автономной области своего вуза, который был бы ориентирован на национальные особенности региона. В августе 1949 г., на основании приказа Министра Просвещения РСФСР в 1949 г. в г. Горно-Алтайске был открыт учительский институт. Новый вуз начал свою работу с подготовки учителей по двум специальностям: русский язык и литература, физика и математика. Высокие потребности системы народного образования области в квалифицированных кадрах способствовали тому, что в конце 1949 г. по приказу Министерства просвещения РСФСР открылось еще одно отделение: естественно-географическое. В первый год общий план набора – 125 человек – был выполнен с трудом [Белоусова 1999: 52]. В ноябре того же года в институте начало работу заочное отделение с планом набора 150 чел. Однако приняли только 120 чел. В 1950 г., учитывая низкий уровень подготовки абитуриентов, вынесли решение об открытии двухгодичного подготовительного отделения с набором 50 чел. Штат преподавателей в институте составил 16 чел. Многие дисциплины вели преподаватели педучилища и учителя школ города. За период своей деятельности Горно-Алтайский учительский институт подготовил для народного образования 356 специалистов. В 1953 г. учительский институт был реорганизован в педагогический.

Кафедры образованного в 1949 г. учительского института стали базой повышения уровня методической работы учителей области. Преподаватели института принимали участие в оказании методической помощи школам области, в инспектировании школ.

Значительную роль в развитии алтайского языка и литературы, преподавании их в школе стал играть коллектив Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (открыт 7 мая 1952 г., сокращенно ГАНИИИЯЛ). Директором стал С.С. Суразаков, впоследствии – первый алтаец – доктор наук. Объединенными силами преподавателей пединститута, сотрудниками научно-исследовательского института в соавторстве с передовыми учителями были разработаны и изданы программы, учебники и методические пособия по родному и русскому языку, литературе для алтайских школ.

В целях увеличения учительских кадров для национальных школ увеличивался прием алтайцев в педагогическое училище, при котором было создано подготовительное отделение с полным обеспечением за счет государства. В 1947 г. в педучилище поступили 96 алтайцев. На рабфак было принято 180 алтайцев из 267 учащихся. 12 учителей алтайцев пополнили учительские и руководящие кадры области после окончания педагогического института им. В.И. Ленина (Москва) [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 96. Л. 212].

Проблема нехватки педагогических кадров для системы народного образования области продолжала сохранять свою остроту. В центре внимания государственных и партийных органов оставался вопрос обеспечения школы педагогическими кадрами через разные формы подготовки. Основным источником формирования кадров для школы оставалось педагогическое училище, а также – курсовая подготовка при Горно-Алтайском педучилище и средне-специальных учебных заведениях Алтайского края. С открытием учительского института удалось несколько разрешить проблему нехватки кадров школьных работников в области.

В послевоенные годы школьная система области медленно восстанавливалась. В соответствии с решениями руководства страны местные власти приступили к реализации мер по переводу школьной системы к всеобщему семилетнему образованию, увеличивалось количество семилетних и средних школ. Региональная специфика

вносила свои коррективы в развитие системы народного образования области.

В силу природно-климатических особенностей, хозяйственных занятий населения, системы расселения, в области преобладали начальные школы с небольшой наполняемостью классов. Для решения задачи обеспечения широкого охвата школ детьми школьная сеть подверглась укрупнению за счет ликвидации мелких школ в отдаленных маленьких труднодоступных селениях. Проблема отсева учащихся решалась ускоренным развитием сети интернатов, а также подвозом учащихся в школы, обеспечение многодетных и малообеспеченных семей необходимой одеждой и обувью, материальными средствами. Благодаря дальнейшему развитию школ-интернатов в какой-то степени решалась проблема охвата учебной алтайских детей, родители которых были заняты в отгонном животноводстве. За счет укрупнения материально-техническая база школ несколько улучшилась, однако это мера не принесла ожидаемого эффекта из-за слабых возможностей областного бюджета. Из-за недофинансирования школы находились в тяжелом состоянии: их здания приходили в ветхость, не хватало канцелярских принадлежностей, учебного оборудования. Капитальный ремонт зачастую осуществлялся силами самих педагогов и населения. Не хватало учительских кадров, а те педагоги, которые работали в школах, проживали в тяжелых бытовых условиях. Вместе с тем, стабильно работала система подготовки кадров школьных работников.

Значительные изменения были внесены в организацию учебно-воспитательного процесса национальных школ, при которых организовывались подготовительные классы для ускоренного обучения алтайских детей русскому языку. В ходе проводимой политики укрупнения колхозов школьная сеть подверглась реорганизации за счет сокращения числа малокомплектных школ. В области было реализовано решение правительства о введении семилетнего образования. Увеличилось и количество школ рабочей молодежи.

Трудности послевоенного времени не давали возможности быстро справиться даже с теми проблемами, которые носили первостепенный насущный характер. В итоге недостаточно приемлемое материальное обеспечение школ влияло на снижение

успеваемости учащихся. Первостепенная задача заключалась в повышении уровня жизни населения. Последствия и тяготы войны продолжали отражаться на развитии школьной системы весь послевоенный период.

5.5. Сфера культуры

Развитие культуры и искусства в послевоенное время, в целом, протекало в строгом соответствии с идеологическими установками и политикой партии. Произведения литературы, живописи, музыки архитектуры, театра, работа радио и печати оценивались с позиций концепции классовости культуры, метода социалистического реализма.

Культурно-просветительные учреждения. После окончания Великой Отечественной войны жизнь постепенно входила в привычное мирное русло. Деятельность учреждений культуры – клубов, библиотек, изб-читален, Домов культуры – занимала важное место в партийно-советской работе, уделявшей большое внимание подъему культурного строительства.

В 1945 г. сеть культурно-просветительных учреждений представляла собой следующую картину: изб-читален – 116, Домов культуры – 10, колхозных клубов – 74, районных библиотек – 10, сельских библиотек – 10, красных уголков – 214, областная библиотека – 1, городская детская библиотека – 1, областной музей – 1, Домов алтайки – 2 (Кош-Агач, Улаган), юрт-передвижек – 2 [Госархив РА. Ф. Р–190. Оп. 5. Д. 1. Л. 5]. В наличии было действующих 24 киноустановки, в том числе 12 – звуковых и 12 – немое кино [Память народа 1993: 303]. В 1946 г. по решению партийного руководства, с целью активизации культурно-просветительной работы среди работников отгонного животноводства, были восстановлены юрты-передвижки в Кош-Агачском и Улаганском районах. В области стали работать 4 юрты-передвижки [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 424. Л. 1].

До 1945 г. деятельностью клубов, библиотек, Домов культуры на местах руководили отделы народного образования. Учитывая большое значение культпросветучреждений в подъеме культуры и политическом воспитании населения, Совет народных комиссаров СССР 6 февраля 1945 г. принял постановление о создании самостоятельных органов по руководству учреждениями культуры

в центре и на местах. На основании решения 14 сессии Ойротского областного Совета депутатов от 26 июля 1945 г. при исполнительном комитете областного Совета депутатов были созданы Горно-Алтайский областной отдел культуры и районные отделы культуры. Основная деятельность областного отдела культуры заключалась в организации и координации работы культурно-просветительных и профессиональных учреждений.

Продолжал свою деятельность Горно-Алтайский краеведческий музей. В послевоенные годы его фонды понесли большую утрату. В октябре 1945 г. на основании распоряжения Алтайского краевого Совета трудящихся и решения Ойротского облисполкома музей передал 227 картин и 12 альбомов с 2,5 тыс. рисунков Г.И. Чорос-Гуркина для экспозиции в Алтайский краеведческий музей [Еркинова 2009: 14].

Стала возрождаться художественная самодеятельность. В условиях перехода к мирной жизни ее репертуар расширялся, решались задачи по восполнению рядов художественных самодеятельных коллективов. Работа художественной самодеятельности уже в первые послевоенные годы стала приносить заметные успехи. Начиная с 1946 г. коллективы художественной самодеятельности области не раз становились участниками Всероссийского смотра художественной самодеятельности. В 1947 г. в Москве демонстрировал свое искусство хор колхоза «Советская Конституция» Онгудайского района под руководством Сорпона Этенова.

Большую роль в росте культурно-просветительных учреждений сыграло постановление крайкома партии и крайисполкома «О плане культурного строительства в крае» (1948 г.), в соответствии с которым на новое строительство отпускались средства из бюджета. Строительство планировалось вести за счет общественности, методом народной стройки.

Партийные и государственные органы области проводили огромную работу по развитию сети культурных учреждений и улучшению их материальной базы. За годы войны помещения многих изб-читален и клубов оказались непригодными для нормальной деятельности. Некоторые из них были превращены в складские помещения. Ряд клубов и изб-читален не имели своего оборудования и самых простых музыкальных инструментов. К 1949 г. из 139 культпросветучреждений 47 не имели своих

помещений. Сохранялась проблема с подбором кадров. Многие заведующие избами-читальнями и клубами работали временно, происходила их частая сменяемость.

Несмотря на количественный рост библиотек, сохранялись трудности в обеспечении книгами отдаленных населенных пунктов, чабанских стоянок и др. В 1949 г. для обслуживания коренного населения создается библиотека-автомобиль, маршрут которого был утвержден с учетом возможностей обслуживания национального населения. Она обслужила 27 населенных пунктов 4-х аймаков, расположенных по Чуйскому тракту. Книжный фонд библиотеки-автомобиля составил 2027 экз., читателей – 1985 чел. [Госархив РА. Ф. Р–190. Оп. 2. Д. 20. Л. 14]. Обслуживание населения библиотекой-автомобилем прекратилось в 1951 г., в связи увеличением сети библиотек.

Продолжили работу по просвещению алтайских женщин стационарные учреждения – Дома алтайки. Обучение в них происходило с отрывом от производства, сроком два месяца. По ходатайству Горно-Алтайского обкома ВКП (б) и Горно-Алтайского облисполкома, Совет Министров СССР издал в июле 1949 г. распоряжение об открытии в районах Горного Алтая 6 Домов алтайки [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 15. Д. 7. Л. 3]. Однако набор слушателей оставался небольшим. Так, в 1951 г. шесть Домов алтайки выпустили всего 209 чел. вместо 600 по плану. Нехватка кадров работников культуры негативно отражалась на функционировании учреждений. Текучесть кадров оставалась высокой, только за 1 полугодие 1950 г. в сельской местности сменилось 59 чел., или 24,5 % всего кадрового состава. Причинами текучести кадров являлись жилищная необустроенность, низкая зарплата. Ведение культурно-просветительной работы в сельской местности наталкивалось на трудности, связанные с материальным обеспечением и недостатком кадров. Из 10 домов культуры 2 располагались в нетиповых зданиях, 4 – в бывших церквях. Многие сельские клубы, сельские библиотеки не имели собственных помещений, размещались в клубах [Память народа 1993: 305–306].

В целом, сеть культурно-просветительных учреждений заметно расширилась. На 1 июня 1950 г. в нее входили: 10 домов культуры, 10 районных библиотек, 40 сельских клубов, 76 изб-читален, 14 сельских библиотек, 6 Домов алтаек, 6 юрт-передвижек, 1 областная библиотека, 1 областной музей, 1 городская детская

библиотека. Ведомственных библиотек было 13, колхозных, советских и профсоюзных клубов 44. Одновременно шел процесс перевода изб-читален на бюджет сельских клубов. К 1950 г. в области действовали 24 киноустановки, в том числе 42 киноустановки, из них 40 киноустановок звуковых и 2 киноустановки немоего кино [Память народа 1993: 303, 304].

Областные власти принимали меры по открытию новых объектов культуры. В 1952 г. для дальнейшего развития музыкального искусства в области открылась первая музыкальная школа, в которой стали заниматься и дети, и взрослые. Ее основателем и педагогом стал музыкант В.Т. Заводчиков.

В послевоенные годы издавались две областные газеты – «Кызыл Ойрот» на алтайском и «Красная Ойротия» на русском языках, выходили 3 районных газеты: в Кош-Агачском районе «Янгы јол» («Новый путь»), Усть-Коксинском «Знамя Ленина» и Улаганском «Ойротский охотник». В 1948 г., в связи с переименованием области, изменились и названия газет: «Красная Ойротия» стала «Звездой Алтая», «Кызыл Ойрот» – «Алтайдын Чолмоны» [Очерки истории 1971: 266].

Развивалось и радио, однако к концу 1940-х гг. в Горном Алтае оставалось немало нерадиофицированных деревень. Для их обслуживания нередко использовались передвижные радиоузлы [Костякова 2007: 21]. В 1950 г. радиопередвижка представляла собой автомобиль, который оборудовался 50-ваттовым радиоузлом, выносными динамиками, коротковолновой рацией полевого типа, узкоплечным киноаппаратом, магнитофоном и электростанцией. Свою первую поездку радиопередвижка совершила в высокогорный Кош-Агачский район.

С конца 1940-х гг. время местного вещания постепенно было уменьшено на 50 %. Сокращению (по объему и количеству), прежде всего, подверглись программы на алтайском языке. Руководство обкома ВКП (б) в 1951 г. ходатайствовало перед Алтайским крайкомом, ЦК КПСС и Всесоюзной радиоккомпанией о восстановлении прежнего объема вещания. В течение 1951 г. их просьбы были удовлетворены [Костякова 2007: 18].

Культурно-просветительная работа в области испытывала все трудности послевоенного времени. Вместе с тем, политика государства, направленная на восстановление прежних возможностей сферы культуры, постепенно приносила свои результаты.

Алтайская литература. В годы Великой Отечественной войны алтайская литература понесла потери и утраты. На фронтах Великой Отечественной войны погибли многие молодые поэты, в эти же годы алтайская литература потеряла двух писателей – П.В. Кучияка и Н.У. Улагашева, творческая деятельность которых внесла значительный вклад в становление и развитие алтайской литературы.

После окончания войны возвращались на родину писатели-фронтовики: Я. Бедюров, И. Шодоев, И. Кочеев, ушедшие на поля сражений со студенческой скамьи – С. Суразаков, А. Саруева. Возобновили свою творческую работу Ч. Енчинов, Ч. Чунижеков, Г. Калкин, Е. Чапыев, А. Шабураков и др. [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 248]. Литературная жизнь в Горном Алтае происходила без бурных потрясений. Печально известное августовское постановление ЦК ВКП(б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», которое было направлено на ужесточение цензуры и идеологического надзора за литературной деятельностью в стране. Но в Горном Алтае к этому времени еще не было своей писательской организации, а творчество писателей и поэтов зачастую сводилось к пафосному изображению действительности.

Партийными органами предпринимались меры «по дальнейшему развитию алтайской художественной литературы и повышению ее идейного и художественного уровня». В конце 1948 г. в области создается литературное объединение писателей и журналистов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 3. Д. 27. Л. 91]. Его главная задача состояла в выявлении молодых творческих сил и привлечении их к литературной деятельности. Учащиеся областной национальной школы Л. Кокышев, Э. Палкин, А. Адаров начали публиковать свои первые произведения. И начинающих поэтов, по рекомендации литературного объединения, в 1952 г. Горно-Алтайский обком партии направил в Литературный институт им. М. Горького. Областным литературным объединением в первые послевоенные годы руководил Ч. Енчинов. Поначалу работа объединения сосредоточилась в редакции газеты «Алтайдын Чолмоны», в национальном издательстве, а после открытия Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, с 1952 г. литературно-творческая работа области целиком проходила в его стенах, вплоть до создания писательской организации в 1959 г. В 1952 г. Горно-Алтайское литературное

объединение насчитывало в своих рядах 36 чел. [Вопросы развития 1954: 45].

Активное участие в литературной жизни Горного Алтая принимали русские писатели: А. Коптелов, И. Мухачев, А. Смердов, В. Непомнящих, Е. Стюарт, Б. Попов, И. Фролов, М. Длуговской, Н. Дворцов, А. Сотников, К. Козлов, А. Демченко, Г. Кондаков и др. Их объединяла тема Алтая, его история, перемены в жизни алтайского народа.

С 1947 г. начал издаваться литературно художественный альманах «Алтайдын тууларында» («В горах Алтая») на алтайском языке. На страницах ведущих литературно-художественных журналов Сибири («Сибирские огни», «Алтай») и альманаха «В горах Алтая» стали публиковаться стихи, поэмы, рассказы, очерки алтайских писателей. Особенно активно на страницах областных газет «Алтайдын Чолмоны» и «Звезда Алтая» печатались К. Козлов, А. Саруева, С. Суразаков, В. Кучияк, учащиеся В. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 248].

В ГАНИИЯЛе и на кафедре алтайского языка и литературы ГАГПИ развернулась большая подготовительная работа для учреждения писательской организации. В эти же годы берет свое начало алтайское литературоведение. Так, в журнале «Сибирские огни» в течение 1945–1947 гг. публикуются критические статьи А. Коптелова о творчестве Ч. Енчинова, о жизни и творчестве П. Кучияка. На страницах альманаха «В горах Алтая» стали регулярно выходить обзорные статьи литературоведов С. Каташа, С. Суразакова, М. Бочарова и статьи самих писателей. В 1948 г. Горно-Алтайское областное национальное издательство выпустило книгу Н.А. Баскакова «Алтайский фольклор и литература».

На протяжении послевоенного десятилетия партийными органами осуществлялись мероприятия по улучшению работы областного литературного объединения. Совместно с сибирскими писателями Новосибирска, с алтайской краевой писательской организацией проводились совещания и семинары писателей Горного Алтая (1947, 1949, 1950, 1951 гг.) [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 249].

Основным жанром алтайской литературы послевоенного периода оставалась поэзия. Одно из центральных мест в поэзии

занимает тема мирной созидательной деятельности советского народа. Тема труда, воспевание родной земли нашла широкое отражение в творчестве алтайских писателей. В это время были изданы 10 сборников стихов, пьес и рассказов писателей и поэтов А. Шабуракова, Ч. Енчинова, А. Саруевой, Ч. Чунижекова, С. Суразакова, В. Кучияка. В них ощущаются пульс жизни страны, ее трудовой пафос, жажда героев перестраивать на новый лад жизнь и хозяйство родной страны.

Переводятся на алтайский язык многие произведения русских и советских писателей. Несмотря на заметные достижения, произведения алтайских поэтов и писателей страдали схематичностью и штампами, приверженностью теории бесконфликтности.

Театр. Развитие театрального искусства в Горном Алтае в послевоенное время опиралось на достижения в довоенные годы. В 1946 г. по решению Всероссийского комитета по делам искусств при областном национальном театре дополнительно к алтайской была создана русская труппа, которая открыла свой первый сезон спектаклем «Где-то в Москве» и начала регулярную работу.

В июне 1947 г. алтайский театр отметил свой юбилей и подвел итоги десятилетней деятельности. За это время было поставлено 27 премьер и 15 концертных программ, 1814 спектаклей и концертов посмотрело более 300 тыс. зрителей [Госархив РА. Ф. Р–223. Оп. 1. Д. 30. Л. 26]. Алтайский театр внес значительный вклад в развитие национальной культуры, способствовал развитию музыкального и хореографического искусства: были созданы хор, оркестр и хореографическая группа [Тарбанакова 1994: 93]. Активно сотрудничали с театром композиторы А. Ильин, А. Новиков. Театр воспитывал и формировал эстетический вкус зрителей: знакомил с классическим наследием лучших русских и западных драматургов, пьесами советских писателей. Кроме того, творческий коллектив создал и развил оригинальную драматургию. И хотя не все национальные пьесы оказались значительными в художественном отношении, это был серьезный вклад в развитие литературы и искусства алтайского народа.

Выросли и окрепли актерские кадры, раскрылись их дарования, укрепилось профессиональное мастерство. Работа

творческого коллектива получила заслуженное признание: актеры А. Алтарыкова, Е. Уксегешева, Е. Тыдыкова, И. Шульгина, директор Л. Шебанов награждены орденами и медалями. Актриса А. Алтарыкова и художественный руководитель И.С. Забродин были удостоены звания заслуженных артистов РСФСР. Многие актеры награждены грамотами обкома и облисполкома.

В ноябре 1947 г. состоялась успешная премьера спектакля «Любовь Яровая» К. Тренева (переводчик И. Кучияк, реж. Ю. Днепров). В начале 1948 г. из театра уходит его основатель И.С. Забродин. Художественное руководство принимает заслуженный артист Казахской ССР Л.В. Леонов. С 1948 г. театр переведен на работу без дотации, к которой он был не готов. К творческим трудностям добавилась и финансовая задолженность. К 1950 г. она составила 132 тыс. руб. Все это привело к закрытию театра в середине 1950 г. Оставили небольшую труппу актеров, которая выезжала в районы области с концертными программами и одноактными спектаклями [Тарбанакова 1994: 100].

Развивалось и изобразительное искусство. В послевоенные годы алтайские художники ставили своей задачей художественное осмысление пройденного страной и областью пути, воспевание труда советских людей, ликвидировавших последствия военной разрухи. На областной выставке 1949 г. демонстрировались картины А. Хмылева, Н. Шагаева и С. Чернова [Эддокс 1981: 55].

Трудности послевоенного времени затронули сферу культуры самым непосредственным образом. Культурно-просветительные учреждения испытывали те же проблемы, которые имели место в здравоохранении и народном образовании. За счет ввода в действие новых клубов и домов культуры расширялась сеть учреждений культуры. Но недостаток финансирования не давал возможности улучшить материальную базу учреждений. Зачастую они располагались в малоприспособленных зданиях, которые давно требовали капитального ремонта. Учреждения нуждались в квалифицированных кадрах, а также в необходимости обеспечить специалистов жильем и приемлемыми бытовыми условиями.

С переходом к мирной жизни деятели культуры продолжали совершенствовать свое мастерство. В послевоенное время усилились идеологические требования к деятелям литературы и искусства. В их творчестве преобладал торжественный пафосный

стиль и устоявшиеся штампы. Действительность, как правило, показывалась в праздничном свете, как беспроблемное развитие общества, без трудностей и необходимости их преодоления. Вместе с тем, в литературе появились новые имена, проходили литературную учебу начинающие талантливые поэты, с творчеством которых начался новый этап в развитии алтайской литературы. К середине 1950-х гг. постепенно создавались предпосылки для дальнейшего поступательного развития литературы и искусства Горного Алтая.

* * *

После окончания войны развитие промышленности и сельского хозяйства происходило в условиях недостатка рабочих рук, нехватки транспортных средств и производственных площадей. В результате объемы показателей промышленности по большей части отраслей превысили довоенные показатели лишь к середине 1950-х гг. Аналогичная картина наблюдалась в сельском хозяйстве. Процессы восстановления возможностей здравоохранения и народного образования шли медленно. Из-за слабых возможностей бюджета области медицинские учреждения и школы часто располагались в ветхих зданиях, которые нуждались в ремонте.

Деятельность культурно-просветительных учреждений нередко сводилась к трансляции решений партии и правительства. Творчество деятелей литературы и искусства было выдержано в строгом следовании идеологическим требованиям коммунистической партии. Со смертью в марте 1953 г. И.В. Сталина перед пришедшим на смену партийным руководством встала задача выбора путей развития советского общества.

Первая сессия Верховного Совета СССР. Депутаты Совета национальностей от Ойротской автономной области. Слева направо: Герой Советского Союза С.В. Налимов, Ч.К. Кыдрашев, председатель Горно-Алтайского облисполкома, С.Н. Шабуракова, зав. Ойротским областным педагогическим кабинетом, март 1946 г.

Обед механизаторов

Группа студентов фельдшерско-акушерской школы

Учителя школы № 12 г. Ойрот-Туры, май 1946 г.

Ойротский национальный рабфак. Педсовет
(в центре В.К. Плакас, директор), 1946 г.

Усть-Кан, зав. отделом кинофикации М.И. Клейн и киномеханик
Е.М. Коноплева, 1952 г.

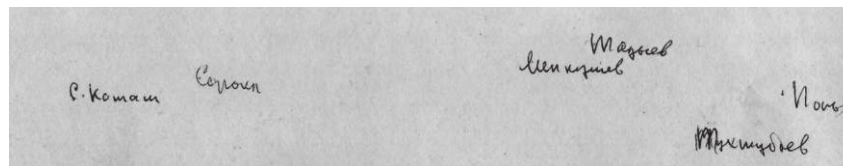

Шебалинская юрта-передвижка на Алгаирской ферме

Юрта-передвижка на маршруте, 1952 г.

Участники Всесоюзной конференции «Вопросы алтайского языка и литературы», 1951 г.

ГЛАВА VI. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В 1954–1985 гг.: ОТ УСКОРЕННОГО ПОДЪЕМА К СТАБИЛИЗАЦИИ. НАРАСТАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

6.1. Общественно-политическое развитие

6.1.1. Политическая жизнь в годы «оттепели». Реабилитация репрессированных граждан

Период 1953–1964 гг., иначе первое десятилетие после кончины И.В. Сталина, получил название «хрущевская оттепель». Это время характеризуется в общественно-политической жизни страны осуждением культа личности И.В. Сталина и практики политических репрессий. Руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым инициировало процесс десталинизации, провозглашался курс на демократизацию, затронувшую все сферы общества.

Одним из основных направлений внутренней политики государства стали мероприятия по восстановлению правопорядка и укреплению «социалистической законности», в апреле 1953 г. были прекращены политические дела («Мегрельское», «Дело врачей»). Арестован, и позже расстрелян министр внутренних дел Л.П. Берия, привлечены к суду и понесли наказание сотрудники органов безопасности, повинные в организации политических репрессий. Предпринимаются меры по упразднению всех внесудебных органов карательных служб. С этого времени осуществляются первые шаги для будущих действий по пересмотру незаконных приговоров.

Начавшиеся в центре процессы получили мощный импульс на местах. На пленумах, партийных собраниях звучали обвинения в адрес ближайших соратников И.В. Сталина в соучастии в преступлениях. Так, в г. Горно-Алтайске 17 июля 1953 г. совместно с партийным активом был проведен областной пленум по обсуждению постановления пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Обсуждение решений пленума прошло и в районных организациях КПСС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 272. Л. 35–39].

В 1954–1955 гг. продолжалась работа по восстановлению законности. Уголовные дела (в том числе и дела о государственных преступлениях) теперь рассматривались только в судебном порядке, при полном соблюдении прав и законных интересов обвиняемого. Прокуратуре возвращались права надзора за правоохранительными органами. Все дела о государственных преступлениях, совершенных гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, изымались из подсудности военных трибуналов и передавались на рассмотрение областных, краевых и верховных судов. Чтобы обеспечить единообразное применение законов судами, упразднены военные трибуналы войск МВД и транспортные суды. Была отменена установленная непосредственно перед войной и в военные годы уголовная ответственность за самовольный уход рабочих и служащих с работы, за прогулы.

Одновременно происходил процесс реабилитации незаконно репрессированных граждан. На июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. обсуждался вопрос о необходимости реабилитации в отношении осужденных за контрреволюционные преступления граждан, ставшими жертвами политических репрессий в 1930-е гг. В 1953–1954 гг. ЦК КПСС, Правительство СССР приняли ряд решений, направленных на развертывание процесса реабилитации.

С сентября 1953 г. к пересмотру дел по ст. 58 приступили Верховные суды СССР, РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР, Военный трибунал Сибирского военного округа (СибВО). Активизация процесса реабилитации на местах началась только после создания постановлением Президиума ЦК КПСС в феврале 1954 г. комиссий (в Сибири – областных и краевых) по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Для пересмотра дел в комиссии включались руководители органов прокуратуры, юстиции, МВД и КГБ краев, областей, автономных республик. Работа комиссий носила секретный характер. Практически свыше 70 % лиц, осужденных несудебными органами, были реабилитированы в 1954–1956 гг. военным трибуналом СибВО. Из числа реабилитированных около 75 % были осуждены в 1937–1938 гг., большинство из них были расстреляны по приговорам несудебных органов или умерли в местах лишения свободы [Кузнецов 1992: 153–156].

Новый этап десталинизации в стране положил XX съезд партии, проходивший в феврале – марте 1956 г. На съезде выступил

Н.С. Хрущев с докладом «О культе личности и его последствиях». Доклад был посвящен осуждению культа личности И. Сталина, массовых репрессий во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг., внесудебных арестов и незаконных методов ведения следствия органами безопасности. Поднимались вопросы о реабилитации репрессированных партийных, государственных, военных деятелей, погибших в годы массовых репрессий, об оправдании репрессированных народов и возвращения их из мест ссылки в места проживания. Впервые публично, хотя и в режиме секретности, недавние трагические события характеризовались как беззаконие, а вся вина за них возлагалась лично на И.В. Сталина.

Закрытый доклад Н.С. Хрущева вызвал большой резонанс среди коммунистов области. Во всех первичных партийных организациях области прошли собрания по обсуждению материалов съезда [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 515. Л. 1–4]. Только в Горно-Алтайской городской партийной организации состоялись партийные собрания в 105 первичных парторганизациях. По докладу Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях» состоялись собрания в 62 коллективах рабочих, служащих и колхозников, на которых присутствовало 5344 чел. Первичные партийные организации выдвигали предложения о том, чтобы портреты Сталина не вывешивались в общественных местах, в школах не разучивались стихи, прославлявшие Сталина и т.д. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 525. Л. 39–41].

Работа по ознакомлению с докладом «О культе личности и его последствиях» проводилась и в районных партийных организациях, а также в школах, на комсомольских собраниях [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 525. Л. 21].

XX съезд активизировал работу по реабилитации. В 1956–1957 гг. Президиумом Алтайского краевого суда были реабилитированы известные в Горном Алтае деятели, репрессированные в 1936–1938 гг.: Г.И. Чорос-Гуркин и его сын Геннадий, командир Горно-конной партизанской дивизии И.Я. Третьяк, партийные и советские руководители Ойротии: Н.Ф. Меджит-Иванов, И.С. Алагызов, С.С. Сафронов, П.С. Хабаров, М.А. Борисов-Кочубеев, И.В. Пьянков, Л.А. Сары-Сеп Канзычаков, А.А. Сыркашев, М.И. Ялбачев и многие другие [НА. НИИА. Ф. Материалы по истории. Д. 6; Госархив РА. Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 633. Т. 1. Л. 88, 394–396; На Алтае 2019: эл. ресурс; Госархив РА.

Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 611. Л. 226–231, 295–296, 311–312; Д. 633. Т. 1. Л. 88, 394–396; Д. 1291. Л. 167; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 21. Л. 14; *Марачев* 1999: 51].

Помимо известных в Горном Алтае партийных и советских деятелей, реабилитировали рядовых граждан. Так, в 1957 г. были реабилитированы И.П. Сабашкин и его сын Д.И. Сабашкин, оба работали учителями в школе, отец Илларион Павлович – был известен как сказитель, знаток алтайского эпоса.

Всего за 1950-е – начало 1960-х гг. был пересмотрен основной массив дел по репрессиям 1937–1938 г., но большая часть из них осталась без изменения приговора [*Матюшин* 2008: 17].

После XX съезда активизировалась работа по возвращению гражданских прав репрессированным народам. В 1940–1950-е гг. Горный Алтай стал местом ссылки немцев, поляков, литовцев. В течение 1955–1956 гг., Президиум Верховного Совета СССР своими указами снял ограничения в отношении находившихся на спецпоселении граждан, представителей репрессированных народов. Несмотря на то, что продолжали действовать ограничения по их возвращению к местам прежнего проживания, возврату конфискованного имущества, был сделан первый шаг со стороны государства по реабилитации этих народов. В 1956 г. Верховный суд РСФСР начал пересмотр дел в отношении спецпереселенцев и завершил эту работу к 1 ноября 1957 г. [Политические репрессии 2017б: 210].

В целом, в СССР за 1954–1960 гг. реабилитировали 737 182 чел., из них на территории бывшего Западно-Сибирского края (в т. ч. Горного Алтая) реабилитировано около 80 тыс. чел. [*Уйманов* 2013: 49].

В Горно-Алтайской автономной области органы юстиции также последовательно осуществляли работу по реабилитации пострадавших граждан, хотя и недостаточно полно (см. табл. 1). Всего за 1954–1964 гг. в Горном Алтае были реабилитированы 185 человек. И это несмотря на то, что только по законченным дополнительным расследованиям УКГБ по Горно-Алтайской автономной области и Прокуратурой области в 1955–1956 гг. установили 800 граждан, необоснованно репрессированных [М.В. Карамеев 2019: 38–39].

Пик по реабилитации пришелся на 1958 год (92 человека). В немалой степени этому способствовало принятие Верховным Советом СССР в феврале 1957 г. «Положения о Верховном суде»,

направленное на дальнейшее укрепление органов правосудия и строжайшее соблюдение ими законности при рассмотрении дел. Проводилась проверка обоснованности осуждения каждого лица, обвинявшегося в совершении политических преступлений. По ее результатам органы юстиции реабилитировали много граждан, подвергшихся необоснованным репрессиям. Менялось уголовное законодательство в сторону его смягчения [Об утверждении 1958: эл. ресурс; Об утверждении 1960: эл. ресурс].

Таблица 1

Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Горном Алтае, 1954–1964 гг.

	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Количество реабилитированных граждан	-	1	8	3	92	34	4	2	33	2	6

Источник: Уйманов 2012: 97.

Резкое увеличение количества реабилитированных граждан в 1962 году следует связывать с итогами XXII съезда, который состоялся в октябре 1961 г. На съезде вновь подверглись острой критике культ личности И. Сталина и незаконные репрессии. Съезд вынес решение вынести тело Сталина из Мавзолея и захоронить у Кремлевской стены. Все города, населенные пункты, колхозы, совхозы, промышленные предприятия и другие учреждения, носившие имя И. Сталина, переименовывались. Памятники Сталину демонтировались, его произведения были изъяты из открытых фондов библиотек. 16 ноября 1961 г. на заседании исполкома Горно-Алтайского городского Совета депутатов трудящихся принимается решение о переименовании проспекта имени Сталина (до 1948 г. – Ойротская улица) в Коммунистический проспект [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 681. Л. 53; Д. 494. Л. 10].

Публичное обсуждение итогов съезда прошло на собрании Горно-Алтайского областного партийного актива 30 ноября 1961 г. В основном докладе, открывающем собрание партийного актива, отмечалось «... Расследованием уголовных дел, возникших на территории Горного Алтая с 1935–1938 гг. установлены

многочисленные извращения социалистической законности, фальсификация признательных показаний путем провокаций, физического воздействия...». В докладе перечислялись партийно-советские руководители Горного Алтая, «необоснованно подвергнутые репрессиям», решительно осуждались «злоупотребления властью», отмечалась необходимость проведения в жизнь мер, которые полностью исключили бы в будущем повторения подобных «ошибок» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 21. Л. 17–20, 97–102].

Итак, политика «оттепели» была направлена на реформирование политического режима. XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина, официально признал наличие в стране политических репрессий и их незаконность. Принимается целый ряд нормативно-правовых документов, имевших важнейшее значение для реабилитации жертв политических репрессий. С середины 1960-х гг., со сменой политических приоритетов, тема репрессий стала замалчиваться. Реабилитация граждан осталась незавершенной, к ее публичному обсуждению общество вернулось лишь в конце 1980-х гг., с изменением общественно-политической обстановки в стране.

6.1.2. Органы государственной власти Горно-Алтайской автономной области. Областная организация КПСС

Советы депутатов трудящихся составляли основу государственной власти страны. Решения XX съезда КПСС инициировали попытки демократизации советской государственной системы. В январе 1957 г. вышло Постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами». В нем ставились первоочередные задачи – изменить организационно-массовую работу Советов и вовлечь трудящихся в деятельность постоянных комиссий. Вводилась обязанность депутатов регулярно отчитываться перед избирателями. 10 апреля 1957 г. бюро Горно-Алтайского обкома КПСС утвердило мероприятия по выполнению указанного постановления. В работе Советов Горного Алтая вошли в практику сельские сходы, периодические отчеты перед избирателями по выполнению наказов и критических замечаний [Эшматова 2021б: 337].

В целях развития правовой базы деятельности Советов в 1957–1960-х гг. центральными органами власти принимаются Положения о местных (сельских и районных) Советах депутатов трудящихся, о выборах в местные органы власти, об отзыве депутатов и др. Для того чтобы вовлечь в деятельность Советов широкие слои населения, руководство страны принимает решение об увеличении численности депутатов всех уровней. До этого времени количество депутатов Горно-Алтайского областного Совета не было постоянным и увеличивалось в зависимости от роста численности населения. С 1957 по 1965 гг. депутатский корпус областного Совета вырос с 95 до 100 депутатов, в районных – с 315 до 440 чел. [Память народа 1993: 368, 369, 384]. С начала 1960-х гг. депутатский корпус обновлялся не менее чем на 30 %.

Конституция СССР 1977 года расширила полномочия местных Советов, закрепив за ними право координации и контроля деятельности предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения в сфере землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, обслуживания населения, соблюдения законодательства. Впервые в Основном законе подчеркивался всеобъемлющий характер контроля Советов за исполнительными и распорядительными органами, а также всеми должностными лицами.

В 1981 г. принимается постановление Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве» [О дальнейшем 1981], которое расширило права и обязанности Советов. В соответствии с ним, исполкомы областных Советов получили право участия в согласовании проектов пятилетних и годовых планов развития предприятий союзного и республиканского подчинения. Кроме того, Советы получали дополнительные финансовые возможности для решения имеющих важное значение вопросов жизни населения. К 1985 г. в Горном Алтае осуществляли деятельность областной, городской, 9 районных, два поселковых, 79 сельских Советов народных депутатов [Сообщение 1985: 2–3].

Участие населения в деятельности Советов обеспечивалось избирательной системой, которая предоставляла представительство всех слоёв населения, отражала его социально-профессиональную и национальную структуру. В числе депутатов каждого созыва

состояло не менее 50 % рабочих и колхозников, не менее трети женщин и беспартийных, не менее 20 % – в возрасте до 30 лет и т.д. На каждых выборах состав депутатов обновлялся более чем наполовину.

С целью привлечения населения к управлению государство снижает возрастной ценз для избрания депутатами в высшие органы государственной власти: в Верховный Совет СССР – с 23 до 21 года, в Верховные Советы союзных и автономных республик – с 21 до 18 лет. Следствием такой политики стало увеличение количества депутатов в Советах всех уровней. В Горно-Алтайском областном Совете с 1965 по 1985 гг. депутатский корпус вырос со 100 до 150 чел., районных – с 440 до 675 [Память народа 1993: 384; Сообщение 1985: 2].

Выборы в областной Совет проходили согласно Закону РСФСР «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР». Право выдвижения кандидатов в депутаты принадлежало компартии, профсоюзам, ВЛКСМ, кооперативным и другим общественным организациям, трудовым коллективам, а также собраниям военнослужащих по воинским частям. Выдвижение кандидатов на избирательных собраниях сопровождалось напутствиями и наказами будущим депутатам. Выборы в областной Совет проводились на безальтернативной основе чаще всего по принципу «один округ – один кандидат», в результате отсутствовала состязательность при голосовании. Законодательно устанавливается ограничение, согласно которому гражданин не мог быть избран более чем в два Совета народных депутатов. Провозглашалось равенство возможностей для представителей всех социальных групп.

Кадровый состав Советов в результате выборов обновлялся каждые 2,5 года. Депутатский корпус Горно-Алтайского областного Совета обновлялся в среднем на 70 % (см. табл. 1). Депутаты работали на непостоянной основе, не прерывая своих профессиональных обязанностей. Что касается явки избирателей, то на протяжении исследуемого периода, независимо от вида выборов, оставалась неизменно высокой (99,9 %). Протестное голосование, по официальным данным, составляло менее одного процента. Основное количество депутатских мандатов получали члены и кандидаты в члены КПСС. Все кандидатуры депутатов проходили утверждение в партийных органах. Вместе с тем, более 40 % депутатов не являлись членами партии. Наличие беспартийных депутатов подчеркивало

больший демократизм существующих представительных органов и имело политическое и пропагандистское значение. Кандидатами в депутаты выдвигались люди, кандидатуры которых нередко обсуждались в трудовых коллективах. Достаточно полно в Советах были представлены рабочие и колхозники.

Таблица 1
Состав депутатов Горно-Алтайского областного Совета в 1957–1985 гг.

	1957	1965	1980	1985
Всего депутатов, чел.	95	100	150	150
мужчин	58	57	80	79
женщин	37	43	70	71
По партийности:				
членов и кандидатов в члены КПСС	60	58	82	82
беспартийных	35	42	68	68
Избранных депутатов впервые	62	76	105	...
По роду занятий:				
рабочих на производстве	17	32	69	69
колхозников	30	21	15	16
служащих	48	47	66	65
По возрасту:				
молодежь до 30 лет	...	...	60	56
членов ВЛКСМ	...	...	44	38

Источник: Республика Алтай 2012: 18; Память народа 1993: 385; Сообщение об итогах выборов 1980: 2; Сообщение об итогах выборов 1985: 2.

Примечание: ... – данных не имеется.

Удельный вес количества рабочих – депутатов в областном Совете увеличился с 17,9 % в 1957 г. до 46 % в 1985 г. Это позволило Советам использовать в работе практические знания и опыт представителей трудовых коллективов. Доля колхозников в составе Советов, снизилась, с 31,6 % – в 1957 г. до 10,7 % – в 1985 г. Увеличение доли рабочих в составе Горно-Алтайского областного Совета при ее уменьшении по колхозникам произошла вследствие роста численности рабочих в ходе промышленного строительства и в процессе преобразования колхозов в совхозы, в результате которого колхозники переводились в категорию рабочих

совхозов. Качественный состав органов представительской власти, в определенной степени, отражал социальную структуру населения.

В составе Советов молодежь составляла более 30 %. Молодежь имела своих представителей в Верховном Совете СССР. Молодые депутаты включались в работу Советов, являлись членами различных комиссий, руководителями отделов. А многие возглавляли органы местной власти на селе. Заметно возросло число депутатов-женщин – с 38,9 % до 47,3 %.

Лучшие представители трудовых коллективов и партийно-советские руководители регулярно избирались депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР. В Верховный Совет СССР от Горно-Алтайской автономной области, помимо партийных и советских руководителей региона, избирались депутатами также министры союзного и всероссийского уровней, руководители Алтайского крайисполкома, крупных научных учреждений и т.д. Депутатом Верховного Совета РСФСР двух созывов (1963–1971 гг.) избирался Ч.К. Кыдрашев и последующих четырех созывов (1971–1989 гг.) – М.В. Карамаев, возглавлявшие Горно-Алтайский облисполком.

Процедура выдвижения кандидатов в депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР осуществлялась под руководством партийных комитетов. Сложилась обязательная процедура выдвижения трудовыми коллективами ответственных лиц руководства страны и регионов. Например, на собрании трудового коллектива швейной фабрики «Главшвейпрома» в 1954 г. были выдвинуты кандидатами в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР Г.М. Маленков, А.И. Микоян, П.К. Пономаренко, Н.И. Сорока [Горно-Алтайский 1954: 2]. Такая процедура выдвижения кандидатами в депутаты сохранялась до конца 1980-х гг.

В разное время интересы избирателей в высших органах государственной власти страны представляли также врачи, педагоги, агрономы, чабаны, скотники, хозяйственные и политические руководители.

Депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР не получали зарплат из госбюджета за свою депутатскую деятельность. Исходя из своей профессии и специальности, они входили в соответствующие профильные комитеты. Любой вопрос в Верховном Совете рассматривался в присутствии и при участии людей, чьи знания, авторитет и опыт работы пользовались признанием.

Работа областного Совета организовывалась в рамках регулярно проводившихся сессий и деятельности постоянных депутатских комиссий. В соответствии с принятым протоколом, сессии областного Совета обычно проходили в течение двух дней. В их работе обязаны были принимать участие депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, избранные от Горного Алтая. На сессиях областного Совета, помимо народных избранников, присутствовали все заведующие отделами и начальники управлений облисполкома, председатели районных и городских исполкомов, председатели сельских Советов, партийный и советский актив.

На сессиях рассматривались и решались важнейшие вопросы, отнесенные к ведению соответствующих Советов народных депутатов, избирались постоянные комиссии, создавались исполнительные и распорядительные, а также другие подотчетные им органы. В соответствии с законами РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов в РСФСР» и «О городском, районном Совете народных депутатов РСФСР» сессии краевого, областного, городского и районного Советов народных депутатов созывались исполнительным комитетом не реже четырех раз в год.

Повестка сессии, как правило, более чем на половину состояла из «плановых вопросов», вытекающих из полномочий местных Советов и деятельности его постоянных комиссий: комплексное экономическое и социальное развитие на их территории; контроль за соблюдением законодательства расположенными на этой территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения; координация и контроль их деятельности в сферах землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения. Кроме того, важнейшими по иерархии вопросами повестки сессии являлись «событийные» – итоги выборов, реакция на различные решения и постановления советских и партийных органов, съезды, пленумы и т.д. На сессиях обсуждались и утверждались планы экономического и социального развития и бюджета территории, планы жилищного, коммунального, культурно-бытового строительства и благоустройства. Предметом обсуждения на сессиях были вопросы укрепления государственной, трудовой и производственной дисциплины, народного образования, культуры, охраны окружающей среды, выполнения наказов избирателей [М.В. Карамаев 2019: 44–316].

Рабочими органами Советов являлись постоянные комиссии. В соответствии со ст. 142 Конституции РСФСР постоянные комиссии избирались из числа депутатов «для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению местных Советов, а также для содействия проведению в жизнь решений Советов, контроля за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений, организаций». Согласно Положению о постоянных комиссиях местных Советов народных депутатов РСФСР [Положение о 1983] постоянная комиссия определялась как организационная форма работы депутатов, призванная обеспечивать непрерывность функционирования представительного органа власти.

Рекомендации постоянных комиссий местных Советов подлежали обязательному рассмотрению соответствующими государственными органами, предприятиями, учреждениями и общественными организациями. Так, в Горно-Алтайском областном Совете народных депутатов в 1985 г. действовали 14 постоянных комиссий: мандатная, планово-бюджетная, по промышленности, по транспорту и связи, по строительству и промышленности строительных материалов, по сельскому хозяйству, по торговле, общественному питанию и товарам народного потребления, по жилищно-коммунальному хозяйству и благоустройству, по здравоохранению, социальному обеспечению, физкультуре и спорту, по народному образованию, по культуре, по вопросам труда и быта женщин, охраны и материнства и детства, по социалистической законности и охране государственного и общественного порядка [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 883. Л. 1об.]. Например, в 1979 г. с участием постоянных комиссий подготовлено и рассмотрено на сессиях 1640 вопросов и на заседаниях исполкомов – более тысячи вопросов. Комиссиями сделано 634 доклада по различным вопросам хозяйственного и социально-культурного развития. Об интенсивности и характере работы постоянных комиссий свидетельствует следующая статистика: за 1985 г. постоянными комиссиями районных Советов народных депутатов проведено 351 заседание, где рассмотрено 197 вопросов [Эшматова 2021б: 341].

За год на сессиях Советов обсуждались в среднем не менее 15–20 вопросов, а на постоянных комиссиях Советов – около 100 вопросов, наиболее важные которые затем выносились на заседания исполкомов Советов депутатов трудящихся. Поэтому, на

сессиях Советов обязательно заслушивались отчеты исполкомов о проделанной работе. В качестве примера можно привести следующие данные. В 1979 г. местными Советами депутатов трудящихся Горного Алтая была проведена 561 сессия, где рассмотрено 1115 вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства [Быть депутатом 1980: 2]. Работа сессий Советов депутатов трудящихся, также как и партийных конференций и пленумов, широко освещалась в СМИ.

Одной из форм работы депутатов Советов в 1970–1980-е гг. являлось объединение в депутатские группы и посты. Депутатские группы состояли минимум из трех депутатов и формировались как по территориальному, так и по производственному принципу. В середине 1980-х гг. депутаты Горно-Алтайского городского Совета депутатов образовали 11 депутатских групп, в том числе 5 территориальных и 6 производственных [Эшматова 2021б: 341]. Так, например, на Горно-Алтайской ткацкой фабрике несколько лет действовала группа из 11 депутатов, во главе с депутатом горсовета Е.И. Ворошиной. Группа занималась вопросами качества производимой продукции, ремонта станков и оборудования, соблюдения внутреннего трудового распорядка [Костенков 1984: 24].

На подведомственных местным Советам предприятиях, учреждениях и организациях, создавались также депутатские посты. Один или несколько депутатов Советов разных уровней наделялись полномочиями по осуществлению контроля за исполнением решений Советов на конкретном предприятии. В своей работе депутатские посты взаимодействовали с «народными контролерами» и активистами.

В деятельности депутатов Советов особое место занимал депутатский запрос. Депутат мог в праве обращаться руководству государственных и общественных органов, предприятий, учреждений и организаций по вопросам депутатской деятельности и принимать участие в рассмотрении поставленных им вопросов. Ответ на запрос депутата подлежал оглашению на сессии Совета. По ответу на запрос депутата или группы депутатов Совет принимал соответствующее решение.

Депутатский запрос был весьма распространенной формой работы Советов и, как правило, в качестве пункта повестки присутствовал практически на каждой сессии [М.В. Карамаев

2019: 48–55]. Содержание депутатских запросов, в основном, касалось выполнения наказов избирателей и различных проблем, возникающих в избирательных округах. В большинстве случаев вопросы запроса решались. Например, в статье, опубликованной 4 апреля 1985 г. в газете «Звезда Алтая», отмечалось, что «... местные Советы области восемнадцатого созыва приняли к исполнению 1631 наказ, из которых 1613 реализовано. Новые жилые дома и школы, предприятия торговли, общественного питания, коммунального хозяйства и быта, многие километры дорог, тротуары и мосты, просторные детские дошкольные учреждения, газоны и палисадники – вот слагаемые этой цифры».

Работа по наказам избирателей велась повсеместно. Тем не менее, в ряде случаев часть наказов оставалась без внимания; например, исполкомы Советов нетребовательно относились к руководителям отделов и управлений, предприятий и организаций, колхозов и совхозов, ответственных за выполнение наказов в срок [Наказы избирателей 1985: 1].

Высший орган государственной исполнительной власти – Горно-Алтайский облисполком избирался областным Советом (облсоветом) депутатов трудящихся. Члены облисполкома избирались из числа депутатов на первой сессии облсовета каждого созыва. По представлению председателя облисполкома, облсовет утверждал персональный состав руководителей управлений, отделов, других приравненных к ним структурных подразделений. В 1985 г. Исполнительный комитет Горно-Алтайского областного Совета народных депутатов состоял из 22 отделов и управлений [Эшматова 2021б: 343].

Отделы и управления облисполкома отчитывались о своей работе перед облсоветом, а также предоставляли отчеты в соответствующие структуры Алтайского крайисполкома и в министерства, государственные комитеты РСФСР. Периодически ответственные работники отделов и управлений облисполкома выступали с отчетами на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан.

Рай(гор)исполком избирался на первой сессии районного, городского Совета депутатов трудящихся в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов исполкома. Так, Горно-Алтайский горисполком действовал на основе принципа «двойного

подчинения», т.е. непосредственно горсовету и облисполкому. Отделы и управления райисполкома также действовали на основе этого принципа. Рай(гор)исполкомы выполняли следующие основные функции: руководство хозяйственным и социально-культурным строительством на территории района, города; созыв сессий Совета, обеспечение её подготовки, организация предварительного обсуждения проектов решений Совета в трудовых коллективах и по месту жительства; координация работы постоянных комиссий; разработка и внесение в Совет перспективного плана экономического и социального развития экономики района (города); организация выполнения решений Совета и вышестоящих государственных органов; руководство отделами и управлениями, предприятиями, учреждениями и организациями районного, городского подчинения.

Спецификой советских представительных органов власти являлось определяющее влияние на их деятельность со стороны партийных комитетов. Наиболее важные вопросы, особенно кадровые, принимались только после предварительного обсуждения на бюро обкома КПСС. В их число входили, например, кандидатуры на должности заведующих отделами и начальников управлений облисполкома, руководителей областных организаций и членов разных комиссий при облисполкоме.

Кандидатура на должность председателя облисполкома выдвигалась ЦК партии. Только после этого бюро обкома партии рекомендовало депутатам областного Совета избрать согласованную кандидатуру председателя облисполкома. Председатель облисполкома в обязательном порядке являлся членом бюро обкома партии, также как и первый секретарь обкома партии входил в состав облисполкома. Созыв очередных сессий областного Совета, вопросы повестки, решения и рекомендации предварительно согласовывались партийными инстанциями [Первая сессия 1980: 1].

В истории Горного Алтая заметный след оставили председатели Исполнительного комитета Горно-Алтайского областного Совета депутатов трудящихся: Тухтубаев И.И. (1948–1959 гг.), Кыдрашев Ч.К. (1959–1971 гг.), Карамаев М.В. (1971–1988 гг.) [Моя судьба 2006: 63–64, 59–60, 72–73]. Они пользовались высоким авторитетом у населения, и не только из-за занимаемой должности. Каждый из них внес значительный вклад в развитие экономики и культуры Горного Алтая.

За 30-летний период времени (1954–1985 гг.) положительные изменения произошли в качественном составе советских органов. Все председатели и заместители председателей рай(гор)исполкомов, около половины председателей исполкомов сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся имели высшее образование. Подавляющее большинство из них являлись специалистами разных сфер народного хозяйства Горного Алтая [Эшматова 2021б: 343].

Деятельность областного Совета депутатов трудящихся проходила в тесном контакте с обкомом КПСС. Определяющая роль партийных комитетов во взаимодействии с Советами была закреплена в Законе СССР от 20 сентября 1972 г. «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР». В преамбуле к нему говорилось, что депутат Совета призван «претворять в жизнь избирательную платформу нерушимого блока коммунистов и беспартийных, воплощающую политику Коммунистической партии, интересы народа» [О статусе: эл. вариант]. В Конституции СССР 1977 г. в статье 6 руководящая роль КПСС нашла законодательное закрепление.

Все вопросы, выносимые на сессию, также предварительно обсуждались на заседании партийной группы, которая наравне с постоянными комиссиями вносила свои предложения в проект решения. Об определяющей роли компартии свидетельствует повестка многих сессий областного Совета, где рассматривались вопросы по реализации решений съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС. Кроме того, продолжалась практика издания совместных постановлений бюро обкома КПСС и исполкома областного Совета народных депутатов. Принимаемые ими директивы по существу дополняли друг друга, мало чем отличались решения по социально-хозяйственным вопросам. В решениях комитетов КПСС, как правило, преобладающее место занимали политико-идеологические установки, они носили более общий характер, а в постановлениях представительных властных структур давалась конкретика и отсутствовали установки для общественных организаций.

Таким образом, главным фактором развития системы государственного управления в Горном Алтае являлась деятельность Советов – выборных органов власти. В Советы депутатов трудящихся избирались представители от всех основных социально-демографических групп населения. Депутаты осуществляли свои полномочия не прерывая свою производственную или

служебную деятельность и проводили большую работу на местах. Советы сочетали в себе одновременно функции нормотворчества, государственного управления и контроля на всех уровнях власти. Деятельность Советов и их исполкомов велась под политическим руководством соответствующих комитетов КПСС. На ведущие должности органов исполнительной власти назначались члены партии.

Общественно-политическая жизнь в регионе четко вписывалась в контекст общественно-политического развития страны. Основные функции центральных органов власти во взаимодействии с обществом заключались в реализации политики партии на местах. Властные структуры областного, городского и районного уровней, действовавшие в Горно-Алтайской автономной области, представляли собой систему, деятельность которой контролировалась, координировалась и направлялась партийными комитетами. Выборы Советов проходили на безальтернативной основе.

Областная организация КПСС. Ведущую роль в политической системе советского государства продолжала играть Коммунистическая партия. Попытки демократизации политической власти после 1953 г. вызвали перемены в партийно-государственном аппарате на местах. 20–22 января 1954 г. состоялась XVIII Горно-Алтайская областная партийная конференция. После работы конференции на первом пленуме Горно-Алтайского обкома КПСС был утвержден новый состав, избраны бюро и секретариат обкома, утверждены заведующие отделами [Пленум Горно-Алтайского 1954: 1].

На 1 января 1955 г. штат Горно-Алтайского обкома КПСС состоял из 3 секретарей, помощника секретаря и 7-ми отделов: организационно-партийной работы; пропаганды и агитации; отдела школ; сельскохозяйственного отдела; отдела торговых, финансовых и плановых органов; отдела промышленности и транспорта; отдела по работе среди женщин. Структура обкома КПСС включала также два сектора: особый сектор, финансово-хозяйственный сектор. Всего в отделах работали 40 человек. В 1957 г. штаты обкома партии были сокращены до 25 чел., за счет упразднения трех отделов (школ; торговых, финансовых и плановых органов; по работе среди женщин) и некоторых штатных единиц в отделах и секторах [Историческая справка 1974: 144–145].

В дальнейшем структура Горно-Алтайского обкома КПСС неоднократно претерпевала изменения в зависимости от конкретной политической обстановки и задач, поставленных партией [Очерки истории 1971: 330; *Эшматова* 2021а: 336–337]. В рассматриваемый период областной комитет КПСС возглавляли секретари: Н.И. Сорока (1950–1955 гг.), Н.М. Киселёв (1955–1960 гг.), Р.А. Дорохов (1960–1964 гг.), Н.С. Лазебный (1964–1978 гг.), Ю.С. Знаменский (1978–1988 гг.) [Они сражались 2000: 251, 252].

Горно-Алтайский обком КПСС в соответствии с решениями и директивами центральных руководящих партийных органов, определял основные направления развития Горно-Алтайской автономной области, принимал решения, осуществлял кадровые назначения на руководящие должности в сфере государственного управления, народного хозяйства, просвещения и культуры. Обком КПСС был ответственен за состояние хозяйственного и культурного строительства, экономическое и социальное развитие Горного Алтая, за осуществление партийных директив во всех сферах общественной жизни, за партийно-политическое и организационное обеспечение выполнения государственных планов и заданий. Обком партии организовывал исполнение решений КПСС городскими и районными парторганизациями [*Швец, Юдин* 1980: 182–183; *Словарь* 1987: 162].

Горно-Алтайский обком КПСС избирался на областной партийной конференции, в составе членов и кандидатов в члены обкома партии. На пленуме обкома КПСС избирался бюро, включавшее 9 членов и 3 кандидатов. Членами бюро являлись, прежде всего, партийные руководители (секретари обкома, некоторые заведующие отделами, первый секретарь Горно-Алтайского горкома партии).

Районные (городской) комитеты КПСС избирали бюро в составе 5–7 чел., контролировали первичные партийные организации на предприятиях и учреждениях. Они представляли обкому партии отчеты о своей деятельности в установленные сроки и по определенной форме. Районные (городской) комитеты партии имели соответствующие отделы (пропаганды и агитации; партийных, профсоюзных и комсомольских организаций; сельского хозяйства; промышленности и транспорта) [*Эшматова* 2021а: 337].

С середины 1950-х гг. усиливаются темпы увеличения количества коммунистов (см. табл. 2). По сравнению с 1921 г.

(временем организации уездного комитета партии) количество членов и кандидатов в члены партии возросло более чем на три тысячи человек или почти в 4 раза. XX съезд КПСС обязал партийные организации усилить работу по индивидуальному отбору кандидатов в члены партии. После этого число коммунистов стало быстро расти.

Таблица 2

Численный состав Горно-Алтайской областной организации КПСС (на 1 января), чел.

1954 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
4825	4939	6041	7647	8662	8997	10317	11433

Источники: Горно-Алтайская областная 1975: 15, 16; Делегату XXXI 1978: 33; Делегату XXXII 1980: 47; Делегату XXXIII 1983: 10; Делегату XXXIV 1985: 8, 14; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 58. Д. 87. Л. 1.

Заметный количественный рост коммунистов имел место в 1960–1965 гг. и 1975–1980 гг., а самые медленные темпы роста наблюдаются в 1970–1975 гг. В определенной мере, на данное обстоятельство повлияли решения XXIV и XXV съездов КПСС (1971, 1976 гг.), на которых серьезное внимание обращалось вопросам строгого отбора и регулирования роста партийных рядов. Ряды партии пополнялись в основной массе людьми, которые пользовались авторитетом в трудовых коллективах. При приеме в партию предпочтение отдавалось рабочим [Горно-Алтайская областная 1975: 29]. Главная задача кадровой политики КПСС заключалась в направлении на наиболее важные участки всех отраслей народного хозяйства партийных кадров, зарекомендовавших себя в работе.

Обком КПСС постоянно осуществлял контроль за деятельностью руководителей советских, профсоюзных и хозяйственных органов по выполнению ими решений партии и правительства, служебных обязанностей. За ненадлежащее выполнение своих обязанностей в 1983–1985 гг. заменено 850 руководителей и специалистов, из них 13 % освобождены обкомом КПСС как не обеспечивавшие надлежащего руководства. Отмечалась высокая сменяемость номенклатурных работников. Только половина

всех сменившихся была выдвинута на ответственную работу и на укрепление кадров трудовых коллективов [Эшматова 2021а: 339].

Особое внимание уделялось укреплению состава партийных кадров. При утверждении секретарей первичных организаций предпочтение отдавалось кандидатам с высшим образованием. Постоянно решались задачи по выдвижению женщин на партийную работу. Так, в 1985 г. шесть женщин были избраны секретарями горкома, райкомов партии. Среди секретарей первичных партийных организаций женщины составляли 47 % [Эшматова 2021а: 338].

Одной из основных сфер деятельности партийных комитетов в кадровой работе являлся подбор и курирование хозяйственных руководителей. Благодаря профессиональным знаниям, производственному опыту, умению понимать и решать общественные проблемы, хорошо знающие свое дело хозяйственники пользовались уважением в коллективах. Так, в качестве примера эффективных руководителей предприятий назывались: Алферов А.Я. – директор Верх-Катунского лесхоза, Иваницкий А.Н. – директор ткацкой фабрики, Казанцев И.Е. – директор совхоза «Эдиганский», Кудачин П.Е. – председатель колхоза им. XXII партсъезда Усть-Канского района, Санаа А.В. – директор совхоза «Советский Алтай» и другие [Ключевая проблема 1985: 1].

Обком, рай(гор)комы партии много внимания обращали на подготовку, учебу высококвалифицированного персонала. Партийные учебные заведения давали среднее специальное образование и готовили специалистов для работы, главным образом, в сельских районах. Сотни человек получили профессиональное образование через систему партучебы.

Значительную роль в системе подготовки кадров играла Академия общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Обком партии по возможности направлял на учебу в АОН наиболее перспективных работников. Многие ее выпускники впоследствии стали известными государственными деятелями Горного Алтая. Для повышения деловой квалификации партработников использовались разные формы партийной учебы: переподготовка на межобластных курсах, семинары, научно-практические конференции, инструктивные совещания и др. Всё это позволило улучшить качественный состав кадров, входящих в номенклатуру обкома, горкома, райкомов партии. В 1985 г. 90 % партийных кадров имели высшее и незаконченное

высшее образование. Третью часть номенклатурных работников составляли специалисты сельского хозяйства, 17 % – специалисты промышленности, транспорта, связи и строительства [Ключевая проблема 1985: 1].

В Горном Алтае к 1985 г. среди 30 секретарей горкома и райкомов КПСС все имели высшее образование, двое из них – ученую степень кандидата наук, более половины специалистов народного хозяйства окончили или учились в высших партийных учебных заведениях [Эшматова 2021а: 339]. Падающая часть первых секретарей комитетов партии имели стаж руководящей партийной работы от 5 до 10 лет [Моя судьба 2006]. Высшее образование становилось обязательным для партийных кадров руководящего звена.

Партийные организации на местах большое внимание уделяли работе среди населения. В 1960-е гг. в практику работы партийных комитетов входит привлечение населения через разнообразные общественно-консультативные объединения (советы, отделы, комиссии).

Во второй половине 1970-х гг. в деятельности комитетов КПСС с кадрами номенклатуры появилась такая форма, как утверждение характеристик работников на бюро обкома, рай(гор)комов партии в присутствии самих работников. Только с ноября 1984 г. по декабрь 1985 г. заслушаны отчеты и утверждены характеристики более 1200 членов и кандидатов в члены партии. Из них 90 % получили положительную характеристику, многим объявлена благодарность, даны рекомендации на выдвижение. По оставшимся членам партии даны характеристики с замечаниями по работе [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 61. Д. 1. Л. 45].

Партийные комитеты стремились вовлечь граждан в процедуру принятия решений по наиболее злободневным проблемам. Особенно важное место занимало проведение тематических дней открытого письма. Такие встречи проводились по вопросам народного образования, медицинского и бытового обслуживания. Невнимательное отношение некоторых руководителей к просьбам граждан вынуждало их обращаться в вышестоящие организации. Так, в 1984–1985 гг. в партийные комитеты поступило через вышестоящие органы около четвертой части всех писем. В письмах, поступивших в обком партии, указывалось на нарушение руководителями партийной этики и даже законов. К примеру, за

1983–1985 гг. в обком партии поступило 78 писем о злоупотреблении служебным положением. По результатам проверки писем некоторые руководящие работники были исключены из рядов КПСС [Эшматова 2021а: 339, 340].

Горно-Алтайский обком КПСС, прежде всего в лице бюро и секретариата, выполнял руководящую роль в деятельности органов государственной власти региона, а городской и районные комитеты партии – соответственно в городе и районах. В соответствии с проводимым политическим курсом партии, а также административно-территориальными изменениями постоянно происходили преобразования в структуре партийных комитетов, их аппарата. Деятельность партийных комитетов охватывала целый спектр форм и методов работы. Областной комитет КПСС постоянно анализировал стиль и методы работы городского, районных и первичных партийных организаций Горного Алтая, обращал особое внимание вопросам подбора, расстановки и воспитания партийных и советских кадров. Они постоянно обсуждались на пленумах обкома и рай(гор)комов КПСС. Возросла требовательность к руководящим кадрам за соблюдение исполнительской, государственной и трудовой дисциплины. Заметно повысился уровень образования партийных и советских работников.

6.2. Промышленность и сельское хозяйство

6.2.1. Основные тенденции промышленного развития

Развитие промышленности в 1953–1964 гг. Уровень, достигнутый в развитии экономики страны в последнюю послевоенную пятилетку (первая половина 1950-х гг.), создавал предпосылки для масштабных преобразований в промышленной сфере. С этой целью центральное руководство предусматривало осуществление следующих задач: строительство в восточных регионах РСФСР индустриальной базы страны; комплексную механизацию производства; структурную перестройку индустриального комплекса; перевод промышленного производства на путь интенсификации; ведомственную реорганизацию и др. Указанные решения были сформулированы на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС и на XX съезде партии, проходившем в феврале 1956 г., Съезд утвердил задачи на шестую пятилетку до 1960 г. В

дальнейшем, на внеочередном XXI Съезде КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.) был одобрен семилетний план развития народного хозяйства с 1959 по 1965 гг., он представлял собой расширенный план шестой пятилетки.

Сибирь, с ее богатейшими природными запасами отводилось особое место в экономической стратегии государства. В планах Правительства СССР в восточных регионах России предусматривалось решение ряда важных задач: дальнейшее освоение природных ресурсов, организацию территориально-производственных комплексов; ввод в строй крупных промышленных объектов; создание лесопромышленной базы страны. В новый этап своего развития вступала и экономика Горного Алтая. Совершенствование промышленного производства в эти годы связывалось с расширенным капитальным строительством. Решить поставленные задачи на прежней материально-технической основе промышленности было уже невозможно. Требовались не просто повышение объемов валовой продукции предприятий, а значительная реконструкция структуры промышленного сектора региона, преобразование мелких многоотраслевых предприятий с низким уровнем технической оснащенности и организация экономически мощных специализированных предприятий.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 апреля 1956 г. «О реорганизации промысловой кооперации» крупные специализированные промартели передавались союзным и республиканским ведомствам, а мелкие переходили в систему местной промышленности (за исключением промартелей инвалидов, которые действовали до 1960 г.). На базе упраздненных артелей промысловой кооперации и мелких предприятий местной промышленности создавались межрайонные специализированные промкомбинаты и пищепромкомбинаты, работавшие на местном сырье. Так, ведущая специализированная промартель «Текстильщик», которая производила около половины валовой продукции всей кооперативной промышленности, в 1956 г. была реорганизована в ткацкую фабрику, а в 1958 г. на базе промартели «Заря Алтая» организована обувная фабрика.

Благодаря проведенной реорганизации удалось устранить систему многоподчиненности промышленных предприятий, находившихся в ведении 10 различных инстанций союзного, республиканского, краевого и областного уровней. Законом СССР

от 10 мая 1957 г. отраслевой принцип управления экономикой страны заменялся территориальным, через Советы народного хозяйства (Совнархозы). После реорганизации предприятия имели два вида подчинения: государственное (Совнархоз) и местное (Горно-Алтайский облисполком). Одновременно с реорганизацией управления промышленностью осуществлялись укрупнение и специализация предприятий перерабатывающей промышленности, что закладывало основу для повышения уровня механизации производства, особенно в легкой и пищевой промышленности. К 1962 г. реорганизация промышленности в Горном Алтае была, в основном, завершена. Если в 1954 г. большинство предприятий промышленности находилось в областном подчинении, то в начале 1960-х гг. – уже в государственном. На долю госпредприятий к 1963 г. приходилось почти 87 % валового производства промышленной продукции [Киселев 1965: 12]. За 1956–1964 гг. число промышленных предприятий вследствие реорганизации и укрупнения объектов промышленности сократилось с 67 до 46.

Объемы капиталовложений во многом зависели от ведомственной принадлежности заводов и фабрик. Предприятия цветной металлургии: Акташское горно-металлургическое предприятие по добыче ртути и золотоизвлекательная фабрика в пос. Сейка подчинялись союзному ведомству – Минцветмету СССР, их производственная деятельность признавалась стратегически важной для государства. Предприятия легкой промышленности, расположенные в г. Горно-Алтайске гардинно-тюлевая, ткацкая, швейная фабрики, леспромхозы, расположенные в пределах Турочакского и Чойского районов, Горно-Алтайский маслосырзавод, Горно-Алтайский мясокомбинат и другие, позже возникшие предприятия, находились в ведении министерств РСФСР. В подчинении Алтайского крайисполкома были Горно-Алтайский кирпичный завод, Майминский мотороремонтный, Горно-Алтайский пивоваренный, Горно-Алтайский обозостроительный заводы, Горно-Алтайская обувная фабрика. Они относились в ведомственном отношении профильным управлениям Алтайского крайисполкома. Возможности финансирования предприятий краевого подчинения оставались ниже, чем предприятий, находившихся в системе Совмина РСФСР и Совмина СССР.

Наряду с организационными преобразованиями, в расширенных масштабах осуществлялось капитальное

строительство. Приоритетной целью на семилетие 1958–1965 гг. объявлялась реконструкция старых предприятий области. В целом же государство направило в народное хозяйство Горного Алтая (без колхозов) в 1959–1965 гг. 436 млн. рублей [Текущий архив филиала АКС в РА. Д. «Основные показатели...». Л. 79]. От общего объема инвестиций на долю промышленности пришлось более половины средств.

Во второй половине 1950-х гг. были введены в строй рудник «Веселый», леспромхозы Иогачский, Шебалинский и Байгольский, построены поселки лесозаготовителей Иогач, Чуйка, Бийка, на территории швейной фабрики вступил в действие новый двухэтажный кирпичный корпус, установлен стационарный мост через р. Бию у с. Артыбаш, проложены лесовозные дороги общей протяженностью более 500 км и др.

До 1958 г. капиталовложения направлялись главным образом на строительные-монтажные работы. В общем объеме инвестиций они составляли почти 77 % [Киселев 1965: 7].

С началом семилетнего плана основной объем капиталовложений стал вкладываться в техническое переоснащение предприятий. Доля ассигнований на строительные-монтажные работы в среднем по Горному Алтаю уже не превышала 10 % всего объема капиталовложений [ТА филиала АКС в РА. Д. «Основные показатели...». Л. 79]. Благодаря расширенному финансированию, к 1962 г. все предприятия легкой промышленности удалось оснастить новым высокопроизводительным оборудованием, устранить ручной труд, полностью механизировать производственные процессы. В итоге в Горном Алтае удалось создать крупную производственную базу. В целом за 1956–1964 гг. стоимость основных производственных фондов промышленности выросла с 10158,3 до 25497,1 руб., или почти в 2,5 раза.

Предприятия пополнялись новыми кадрами рабочих и инженеров. Общая численность производственно-промышленного персонала за 1956–1964 гг. выросла с 7337 до 9164 чел., или в 1,24 раза. При этом численность инженерно-технических работников за 1958–1965 гг. увеличилась в 1,4 раза [Каташев 2020а: 135, 136].

Помимо обеспечения промышленных предприятий квалифицированными работниками, не менее важной задачей являлось обучение прибывающих рабочих основным профессиональным навыкам. С завершением реструктуризации

промышленности предприятия стали получать новую технику и оборудование, которые требовали грамотного и эффективного использования. К началу 1960-х гг. в стране действовала налаженная система обучения и повышения квалификации рабочих кадров. Подготовка осуществлялась по двум каналам: непосредственно на производстве и в системе производственно-технического образования.

Проведенные структурные преобразования, укрепление материально-технической базы, рост промышленных кадров качественно изменили промышленность Горного Алтая и послужили основными факторами дальнейшего роста объемов производства (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика валовой продукции по основным отраслям промышленности Горного Алтая в 1956–1964 гг., тыс. руб. (в ценах на 01.07.1955 г.)

Отрасль	1956		1964		1964 в сравнении с 1956, %
	Валовая продукция	Уд. вес, %	Валовая продукция	Уд. вес, %	
Горнорудная и металлургическая	12822,0	5,9	20800,0	4,3	162,2
Лесозаготовительная и деревообрабатывающая	35352,2	16,2	84620,0	17,5	239,4
Пищевая	64645,4	29,7	148250,0	30,6	229,3
Стройматериалов	19526,8	9,0	29010,0	6,0	148,6
Легкая	49581,7	22,7	184580,0	38,1	372,3
Обувная	2457,2	1,2	6650,0	1,3	270,6
Облпродпромтоваров*	11652,8	5,3	-	-	-
Полиграфическая	1245,2	0,6	1570,0	0,3	126,1
Машиностроительная	-	-	6950	1,4	
Прочие**	19739,7	9,1	1830	0,4	9,3
Всего	217999,0	100,0	484260,0	100,0	222,1

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 7. Д. 20. Л. 1, 2, 3, 5; Д. 15. Л. 5, 6, 7, 8, 9.

- явление отсутствует.

Производство основных видов промышленной продукции в
Горном Алтае в 1956–1964 гг.

Вид продукции, ед. изм.	Год							
	1956	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Вывозка древесины, т. куб. м	484	559	654	749	734	840	819	877
в т.ч. пиломат., тыс. куб. м	34,4	36,4	51,2	65,7	66,8	70,5	79,3	64,0
Кирпич строительный, т. шт.	3923	3879	4524	5674	8090	8790	10270	13174
Обувь кожаная, тыс. пар	21	24	38	66	112	124	109	120
Швейные изделия, тыс. шт.	2821	4093	4771	5985	7306	6045	6087	6591
Сыр, тонн	1007	1012	1153	1361	1324	1238	1181	1390
Ткань х/б, тыс. пог. м	624	1198	1087	1498	1741	2047	2115	1926
Гардин-сетч. полотно, т. пог. м	3516	6918	7083	8496	8956	9463	8651	9242
Мебель новая, тыс. руб.	90	282	324	420	575	741	810	892
Ртуть, тонн	92	99	100	102	105	113	124	134
Хлебобулочные изделия, тонн	5834	6145	6259	6106	7495	8377	8426	9292

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1508. Л. 2, 3.

В целом, промышленное производство предприятий Горного Алтая отмечено поступательным ростом. Особенно высокими темпами осуществлялось производство кирпича, изготовление обуви, швейных изделий и хлопчатобумажных тканей, мебели.

Росла и эффективность промышленного производства. Производительность труда, или выработка продукции на одного работника промышленно-производственного персонала, увеличилась за 1958–1963 гг. с 28261 до 46251 руб., или почти в 1,6 раза [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 7. Д. 20. Л. 4]. Благодаря этому удалось

*В данную структуру входили бывшие промартели, занимавшиеся производством продуктов питания и продукции ширпотреба.

**В эту группу входили промартели инвалидов (до 1960 г.), Горно-Алтайский водопровод, промпредприятия Облпотребсоюза и торгующих организаций.

В целом объемы промышленной продукции в Горном Алтае в 1955–1964 гг. возросли более чем в 2 раза. К 1964 г. лидирующее место по объему производства прочно заняли предприятия легкой промышленности, что является положительным итогом экономического развития региона в «хрущевское» время. Лидерами промышленного производства стали фабрики, которые имели высокий уровень выхода конечной продукции. Предприятия отрасли в наибольшей степени увеличили объемы выработки продукции и расширили свою долю в промышленном секторе. Успехи отрасли можно объяснить повышенными объемами ассигнований, ростом капитального строительства и техническим переоснащением предприятий.

Промышленное развитие в области в значительной степени определялось его природными и историческими особенностями. Значительную долю в общем объеме производства занимали отрасли, ориентированные на добычу, заготовку и обработку местного сырья.

Второе и третье места по объемам промышленного производства занимали лесозаготовительная промышленность и предприятия пищевой промышленности разного ведомственного подчинения (находившиеся в г. Горно-Алтайске пивзавод, винзавод, хлебозавод, мясокомбинат, предприятия Маслопрома и др.). Заметно снизили свою долю мелкие предприятия вследствие проводимой реорганизации: к 1960 году были окончательно упразднены промартели инвалидной кооперации и мелкие предприятия промышленности торгующих организаций.

Объем промышленной продукции за 1955–1964 гг. возрос более чем в 2 раза. О темпах роста промышленного производства помимо валовых показателей могут свидетельствовать и данные динамики промышленной продукции в натуральном выражении (см. табл. 2).

добиться снижения себестоимости в промышленном производстве. В 1963 году на 1 руб. выпущенной в целом по промышленности продукции приходилось 86,7 коп. затрат [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 7. Д. 20. Л. 76].

Между тем, несмотря на увеличение объемов производства и рост валовой продукции, в некоторых отраслях оставались отдельные убыточные предприятия, в том числе, и государственного подчинения. С убытками работали в начале 1960-х гг. добывающие предприятия цветной металлургии – рудники Акташский и «Веселый», большая часть леспромхозов, ряд организаций по производству стройматериалов, Горно-Алтайский мясокомбинат. Так, убытки предприятий Главлесхоза РСФСР в 1963 г. составили 580,9 тыс. руб. Неблагополучная ситуация имела место в ведущих предприятиях отрасли – Байгольском, Турочакском, Иогачском, Каракокшинском леспромхозах. При этом убытки лесозаготовительных предприятий были плановыми [Каташев 2020а: 138]. Убытки предприятий складывались вследствие высокой себестоимости работ, причинами которой являлись: недостаточно развитая дорожная сеть, слабая механизация производственных процессов, низкий уровень перерабатывающего производства на предприятиях, отдаленность от рынков сбыта продукции потребителям, высокие транспортные расходы, отставание социальной сферы, недостаток рабочих кадров.

Существенно влияла на повышение себестоимости проблема завоза из других регионов сырья для его переработки на предприятиях Горного Алтая. Например, фабрики легкой промышленности находились в зависимости от поставок сырья из отдаленных регионов страны, что увеличивало расходы на транспортировку и повышало себестоимость продукции. Так, пряжа для Горно-Алтайской гардинно-тюлевой фабрики поставлялась из г. Таллина (Эстония), а хлопчатобумажная ткань для Горно-Алтайской ткацкой фабрики – из г. Москвы, Ленинграда, Биробиджана [Киселев 1964: 30].

С течением времени промышленность Горного Алтая заняла свою нишу в территориальном разделении труда. Товары, производимые ткацкой и гардинно-тюлевой фабрикой, поставлялись во все уголки страны. Гардинно-тюлевая фабрика была единственным предприятием в Сибири и на Дальнем Востоке,

которое специализировалось на выпуске такой ценной продукции, как гардинно-сетчатое полотно. Единственным на востоке России являлось и ртутное производство. Сыр вывозился в Москву и Ленинград, а также в Кемерово, на Урал, в Забайкалье, в Хабаровск, Приморье [Киселев 1965: 11]. Пиленый лес отправлялся большей частью в Казахстан и в республики Средней Азии. Но основным потребителем древесины являлись степные малолесные районы Алтайского края. Ведущим леспромхозам Горного Алтая отводилась роль поставщика сырья на Бийский лесозавод, который вырабатывал пиломатериалы для нужд потребителей края.

В целом в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Горно-Алтайской автономной области сложилась устойчивая структура промышленности, в общих чертах просуществовавшая до 1991 года. В ней заняли свою нишу цветная металлургия, лесозаготовительная отрасль, заводы и фабрики пищевой и легкой промышленности. Оформилась территориальная специализация производства, в которой предприятиям цветной металлургии и лесозаготовительной отрасли отводилась роль поставщиков сырья за пределы региона. Большую роль в промышленном развитии Горного Алтая играли и перерабатывающие отрасли – пищевая и легкая промышленность. Продукция их предприятий утверждала себя на общесоюзном рынке.

Процесс индустриального освоения региона в конце 1950-х – начале 1960-х гг. проходил в общем русле общероссийских тенденций развития экономики, однако имел и свои региональные особенности. Около половины объема валовой продукции производили перерабатывающие предприятия пищевой и легкой промышленности, производство которых было направлено на удовлетворение потребительских нужд населения.

В 1956–1964 гг. заметно расширились масштабы производства продукции фабрик и заводов, увеличилась численность рабочих кадров. Но рост валовых показателей зачастую не обеспечивался эффективной отдачей промышленного производства в отдельных отраслях. Ведущие предприятия лесозаготовительной промышленности являлись планово убыточными. Недостаточно развитая производственная инфраструктура, отдаленность от рынков сбыта, слабая техническая оснащенность сырьевых предприятий сдерживали их экономическое развитие. Перечисленные проблемы

снижали эффективность промышленного производства. Однако не могли изменить общую тенденцию развития промышленности региона по пути модернизации производства.

Развитие промышленности в 1964–1985 гг. К середине 1960-х г. развитие промышленности Горного Алтая вышло на качественно новый уровень. Проведенная структурная реорганизация промышленного сектора, техническое переоснащение предприятий создали предпосылки для стабильного роста промышленности.

Дальнейшее развитие промышленного сектора происходило в соответствии с государственной политикой в промышленной сфере. После смещения в октябре 1964 г. Хрущева Н.С. с руководящих постов был принят ряд мер, направленный на реформирование государственно-хозяйственного механизма. На сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС рассматривался вопрос «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». В соответствии с решениями пленума подлежали ликвидации органы территориального управления и планирования – совнархозы, восстанавливались система отраслевого управления промышленностью, общесоюзные, республиканские министерства и ведомства. Пленум определил главные направления реформы: расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и усиление материальной заинтересованности рабочих в результатах их труда.

Подавляющее большинство предприятий Горного Алтая перешло в ведение союзных, республиканских (РСФСР) министерств и ведомств, и их территориальных подразделений в Алтайском крае. Промышленный сектор был включен в единый народнохозяйственный комплекс страны, подавляющая часть продукции предприятий, расположенных на территории области, поставлялась за его пределы.

Для практической реализации программы индустриального развития требовались крупные капиталовложения, объемы которых увеличивались с каждой пятилеткой (см. табл. 3).

Таблица 3

Капитальные вложения в развитие экономики
Горного Алтая, млн. руб.

Пятилетки				Всего за 1966– 1985 гг.
1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	
96,6	137,9	197,4	289,8	721,7

Источник: *Карачаков, Карачакова 2007*: 18.

Данные таблицы свидетельствуют о значительных объемах ассигнований, направляемых на развитие экономики Горного Алтая.

В 1965–1985 гг. в регионе осуществлялись целенаправленные мероприятия по развитию материальной базы строительного комплекса. Последовательно проводилась реконструкция действующих предприятий стройиндустрии, но их недостаточная мощность служила основной причиной медленных темпов работ, затягивания ввода объектов в действие. Подобное состояние строительной индустрии не могло не отразиться на выполнении планов капитального строительства. И, тем не менее при всех негативных моментах, в указанные годы были построены новые заводы и цеха, линии электропередач, автодорог, объекты социально-культурного назначения.

В течение всего рассматриваемого периода велись работы по реконструкции заводов и фабрик горнорудной, пищевой, легкой промышленности. Для работников предприятий вводились в строй многоквартирные дома, общежития, детские сады. Принимались серьезные меры по улучшению условий труда на фабриках и заводах, на некоторых предприятиях рабочие обеспечивались столовыми, душевыми комнатами, прачечными и прочими объектами соцкультбыта.

Помимо строительно-монтажных работ, значительные объемы государственных ассигнований выделялись и на техническое переоснащение промышленности. Предприятия практически всех отраслей, хотя и медленными темпами, но стабильно пополнялись новой техникой и оборудованием.

О масштабах капитального строительства в Горном Алтае могут свидетельствовать данные, характеризующие динамику ввода в действие основных производственных фондов в регионе (см. табл. 4).

Таблица 4

Ввод в действие основных фондов государственных и кооперативных предприятий и организаций (без колхозов) в Горном Алтае по пятилеткам, млн. руб.

1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	Всего за 1966–1985 гг.
78,9	126,7	218,0	298,5	722,1

Источник: *Карачаков* 1998: 81.

Была выполнена большая программа по укреплению материально-технической базы экономики Горного Алтая. При этом масштабы ассигнований увеличивались с каждой пятилеткой. Благодаря государственной помощи значительно расширилась материально-техническая база промышленного производства, что позволило увеличить его объемы (см. табл. 5).

Таблица 5

Валовая продукция по отраслям промышленности Горного Алтая

	1965 г.	уд. вес, %	1975 г.	уд. вес, %	1985 г.	уд. вес, %
Горнорудная промышленность и цветная металлургия	2113	4,3	2307	3,0	5117	4,6
Машиностроение и металлообработка	661	1,4	3617	4,7	6065	5,5
Лесозаготовительная	6536	13,4	12899	16,6	19021	17,1
Деревообрабатывающая	827	1,7	3413	4,4	2352	2,1
Пищевая	15498	31,8	27228	35,1	29887	26,9
Легкая	18876	38,7	24720	31,9	32520	29,2
Произв. стройматериалов	3149	6,5	3032	3,9	5576	5,0
Полиграфическая	174	0,3	321	0,4	358	0,3

Другие*	959	1,9	...	...	10353	9,3
Всего	48793	100,0	77537	100,0	111249	100,0

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 15. Л. 5, 6, 7, 8, 9; Д. 32. Л. 4, 5, 6; Д. 40. Л. 5, 6; Д. 245. Л. 2, 3, 310, 311.

*Горно-Алтайское СМУ, водопроводные системы, с 1985 г. – УБ 14/13.

Примечание: ... – данных не имеется.

В целом промышленность Горного Алтая увеличила объемы производства за 1965–1985 гг. в 2,3 раза. Наивысшие темпы роста имели место в машиностроительной отрасли, на ее предприятиях объемы выпуска продукции за 1965–1985 гг. возросли в 9,1 раз. С превышением среднеобластного показателя прироста произведенной продукции работали предприятия лесозаготовительной, деревообрабатывающей промышленности, цветной и горнорудной отраслей. Снижались объемы производства в ведущих отраслях промышленного сектора региона – пищевой и легкой промышленности, темпы прироста продукции увеличились в них соответственно в 1,9 и в 1,7 раза. Слабыми темпами развивалась также промышленность производства стройматериалов, объемы производства ГАЗЖБИ и кирпичного завода выросли всего в 1,8 раза, что объясняется частыми и долгими работами по реконструкции предприятий.

Определяющую роль в структуре промышленного сектора играли отрасли, связанные с производством продукции потребления – пищевой и легкой промышленности. Предприятия указанных отраслей производили большую часть промышленной продукции, причем в 1965–1975 гг. их доля составляла почти 70 %. К 1985 г. она снизилась, составив, чуть более 50 %. Сокращался и их удельный вес в общей структуре промышленного производства. Заметное место занимала лесозаготовительная промышленность, ее доля в промышленном секторе выросла за двадцать лет с 13,4 % до 17,1 %. Увеличился удельный вес отрасли машиностроения – с 1,4 % до 5,5 %, или почти в 4 раза.

Предприятия промышленности стабильно работали, с каждым пятилетием увеличивая объемы производства (см. табл. 6). Однако по некоторым направлениям выпуска промышленной продукции имели место спады.

Таблица 6

Производство промышленной продукции в натуральном выражении (1965–1985 гг.)

	Ед. изм.	Год				
		1965	1970	1975	1980	1985
Ртуть	Тонн	142	74	99	40*	43**
Вывозка древесины, в том числе:	Тыс. куб. м	772,5	854	896	774	802,7
деловой	Тыс. куб. м	619,4	606	659	587	598,1
пиломатериалов	Тыс. куб. м	50,2	91	118	96	78,8
Кирпич	Тыс. шт.	11619	8577	7500	3668	3643
Сборные ж/б констр. и детали	Тыс. куб. м	-	9,3	29,5	29,0	43,2
Электросамовары	Тыс. шт.	-	-	51	69	84
Гардинно-тюлевые изделия	Тыс. пг. м	9010	10813	9219	9142	4894
Ткани х/б	Тыс. пг. м	1955	2261	2776	2610	3838
Ткани п/шерстяные	Тыс. п. м	404	441	480	379	-
Обувь валяная	Тыс. пар	9,1	13	13	11,4	7
Обувь кожаная	Тыс. пг. м	126	162	129	168	229
Мясо	Тонн	3723	4176	2963	2840	4062
Колбасные изделия	Тонн	359	748	598	394	784
Вино плодово-ягодное	Тыс. Гк/л	432	776	897	489	254
Пиво	Тыс. Гк/л	208	320	396	220	233
Масло животное	Тонн	1180	597	590	733	729
Сыр	Тонн	1505	1602	1340	1892	1905
Цельномолочная продукция	Тонн	4772	7350	9666	9750	11679

Источник: Народное хозяйство 1992: 57, 58; АГКС. Д. 1508. Л. 9; Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 12. Д. 36. Л. 7; Д. 40. Л. 7; Д. 43. Л. 11; Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 13. Д. 46. Л. 103.

*За 1979 г.

**За 1984 г.

Данные таблицы указывают на снижение производства строительных материалов из-за затянувшейся реконструкции ЗЖБИ. Снижение объемов выпуска кирпича с 1970 по 1980 гг.

было вызвано слабой осваиваемостью средств из-за затянувшейся реконструкции кирпичного завода. Но в целом материально-техническая база предприятий промышленности заметно расширилась.

К этому времени в промышленном секторе Горного Алтая сложилась структура кадров производственно-промышленного персонала (ППП) (см. табл. 7).

Таблица 7

Среднесписочная численность работников производственно-промышленного персонала в Горном Алтае в 1965–1985 гг.

	1965	1970	1975	1979	1985
Цветная металлургия	882	523*	400*	542	471
Пищевая промышленность	1047	1404	1364	1413	1189
Легкая промышленность	2467	2642	2147	1778	1541
Деревообработ. промышленность	518	571	542	312	195
Промышл.-ть пр.-ва стройматериалов	1386	1624	419**	491**	501
Лесозаготовительная промышленность	2329	2233	2280	2090	2147
Машиностроительная	223	430	591	590	595
Полиграфическая	89	102	104	103	101
Прочие	184	-	-	-	-
Всего	9125	9531	7847	7319	6740

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 12. Д. 15. Л. 11, 12; Д. 32. Л. 8, 9, 10; Д. 36. Л. 5, 6; Д. 40. Л. 5, 6, 8, 9; Д. 43. Л. 13, 14; Д. 245. Л. 11, 109, 165.

*Без рудника «Веселый», т.к. с 1 января 1969 г. планово-убыточный рудник был переведен на новые условия планирования. В соответствии с ними устанавливалась новая цена за основную продукцию и производился пересчет продукции в новые цены.

**Без кирпичного завода.

Наибольшая численность кадров ППП наблюдалась в легкой промышленности, а также в лесозаготовительной отрасли. С течением времени структура численности кадров ППП изменилась в пользу лесозаготовительного производства. Третьей по численности кадров ППП оставалась пищевая промышленность. С середины 1970-х гг. наблюдается уменьшение численности кадров ППП во всех отраслях промышленности.

Рост производства существенно сдерживался невысоким уровнем производственной инфраструктуры, которая в условиях Горного Алтая во многом играла определяющую роль в развитии экономики региона. Серьезное значение имели такие ее элементы, как дорожная отрасль и электроэнергетика. Удалось добиться серьезных успехов в данных секторах экономики, но эффективность работ снижали недостаточно высокие темпы строительства.

Крайне слабой оставалась производственная база дорожных организаций. Большинство автотранспортных предприятий были убыточны или с низкой рентабельностью. Одним из главных факторов, снижавших эффективность работы автотранспорта, являлась слабая производственная база, вследствие чего эксплуатационная возможность транспорта оставалась низкой.

Недостаточно развитый уровень производственной инфраструктуры серьезно снижал эффективность государственных капиталовложений. Например, на удорожание работ влияла необходимость поставки электроэнергии на большие расстояния из Алтайского края. Стоимость электроэнергии в Горном Алтае по данной причине оставалась самой высокой среди регионов Западной Сибири, поэтому энергоемкие перерабатывающие производства в области отличались высокой себестоимостью и оставались неконкурентоспособными в сравнении с производствами соседних регионов, где были собственные источники производства электроэнергии. На удорожание строительных работ влияла и необходимость доставки грузов автотранспортом. Например, на перевозку стройматериалов, сырья и оборудования для предприятий промышленности автотранспортом требовались большие расходы ГСМ, что вело к удорожанию стоимости конечного продукта в промышленности, замедлению темпов работ в строительном секторе. По данной причине развитие переработки сырья в Горном Алтае и, тем более, в ее отдаленных районах, являлось нерентабельным производством.

Другой причиной слабой эффективности промышленного комплекса в регионе оставалась слабая техническая оснащенность предприятий. На техническое перевооружение выделялись немалые средства, но их было явно недостаточно. Преобладала экстенсивная форма воспроизводства основных фондов. Новое оборудование во многих случаях направлялось не на замену физически и морально

устаревшего оборудования, а на расширение действующего парка. В результате в отраслях усилился процесс накопления старых производственных фондов. Например, в мясной промышленности их износ к первоначальной стоимости на начало 1985 г. составлял 28 %, тогда как в 1975 г. – 25 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 61. Д. 16. Л. 97].

Процесс технического переоснащения промышленных предприятий остался незавершенным. Для промышленности Горного Алтая, представленной главным образом мелкими и средними предприятиями, были характерны низкие темпы обновления основных производственных фондов, высокий (около 60 %) удельный вес ручного труда. Общими проблемами в работе предприятий различных отраслей промышленности на долгие годы оставались устаревшее изношенное оборудование, нехватка производственных площадей, недостаток техники, слабость собственной ремонтной базы, перебои в поставках запчастей и комплектующих узлов для машин и механизмов, высокая текучесть кадров из-за нерешенных социально-бытовых вопросов.

Так, например, уязвимым местом предприятий мясомолочной промышленности являлась нехватка холодильного оборудования. К концу 1980-х гг. при потребности мясомолочной промышленности Горного Алтая в 2,2 тыс. т единовременного хранения в холодильниках, емкость последних исчислялась только в 0,9 тыс. т, т.е. составляла 40 % [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 2. Д. 1. Л. 15]. Не имели холодильных установок 5 маслосырзаводов, 8 молокоприемных пунктов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 29. Л. 5]. Цеха комбината и холодильные камеры работали с перегрузкой проектной мощности в 1,5–3,5 раза, что при указанных выше условиях исключало соблюдение санитарных и технологических норм.

Оставались большими потери материально-технических ресурсов по причине недостатка производственных площадей на предприятиях. На ткацкой фабрике, например, в первой половине 1980-х гг. более 80 % оборудования и материалов хранились под открытым небом, что приводило к их порче [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 10. Д. 866. Л. 16].

Часто уже полученное оборудование не устанавливалось из-за нехватки квалифицированных кадров основного и вспомогательного производства (в том числе ремонтной службы), медленного

строительства и реконструкции производственных помещений, неувязок в планировании, некомплектной поставки оборудования. Особенно много не установленного оборудования скапливалось на реконструируемых предприятиях. Зачастую реконструкция затягивалась, и поступающее на предприятия оборудование оставалось на складах. Многие из перечисленных проблем были характерны в целом для промышленности регионов, отстававших в социально-экономическом развитии. Перечень подобных примеров можно продолжить и дальше, поскольку содержание многих архивных материалов руководящих органов власти говорят об острых и сложных проблемах в капитальном строительстве и в развитии отраслей промышленности.

Причинами слабого эффекта капиталовложений в промышленность Горного Алтая являлись: во-первых, сырьевая направленность значительной части отраслей и слабость материально-технической базы перерабатывающих производств; во-вторых, низкий уровень производственной инфраструктуры; в-третьих, незавершенное техническое переоснащение предприятий промышленности. При этом экономические стимулы развития производства в отраслях работали слабо. Если первые годы «косыгинской» реформы отмечены успехами в повышении эффективности предприятий, то с начала 1970-х гг. ситуация стала меняться. Отказ от экономических методов хозяйствования в конце шестидесятых годов привел к свертыванию реформы управления народным хозяйством, что обусловило формальное осуществление хозрасчета в отраслях. Развиваясь в условиях старой технической и экономической политики, хозрасчет остался на уровне эксперимента.

Горно-Алтайский облисполком инициировал обсуждение сложных проблем промышленного сектора экономики региона, намечались и разрабатывались меры по их устранению. Так, благодаря инициативам Горно-Алтайского облисполкома, Совет Министров РСФСР принял 27 марта постановление № 173 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию Горно-Алтайской автономной области Алтайского края». К этому времени была проведена работа в Совмине СССР и секретариате ЦК КПСС. Постановление предусматривало выделение дополнительных средств на развитие производственных объектов и социальной сферы Горного Алтая. Значительные капиталовложения выделялись и на нужды промышленности [М.В. Карамаев 2019: 106].

В 1965–1985 гг. производительность труда, или выработка валовой продукции из расчета на одного работника производственно-промышленного персонала поднялась примерно в 3,1 раза. Опережающими темпами увеличивалась производительность труда на рудниках Акташском и «Веселом» – в 4,5, в ремонтных предприятиях машиностроительной отрасли – в 3,4 раза, лесозаготовительной и, особенно, в деревообрабатывающей промышленности – в 3,2 и в 7,9 раза соответственно. Значительно возросла производительность труда на предприятиях производства стройматериалов – в 4,9 раз. Причинами роста производительности труда в указанных отраслях являлись, в первую очередь, предпринимавшиеся меры по техническому переоснащению предприятий и расширению их производственных мощностей.

В результате поддержки государства, финансово-экономическое положение предприятий промышленности упрочилось. Промышленный сектор Горного Алтая за 1975–1985 гг. увеличил объем прибыли, была устранена убыточность предприятий. Вместе с тем, в ведущих отраслях промышленности – легкой и пищевой – уровень прибылей продолжал снижаться.

Слабая производственная база стройиндустрии, низкий уровень производственной инфраструктуры, незавершенное техническое переоснащение большинства предприятий промышленности объективно снижали эффективность усилий коллективов промышленных предприятий. К середине 1980-х гг. промышленный и строительный сектора экономики подошли с грузом проблем, которые были характерны для всей страны в целом.

Итак, в 1965–1985 гг. в Горном Алтае была осуществлена обширная программа строительных работ. Общий объем капитальных вложений в развитие народного хозяйства Горного Алтая превысил по ценам того времени 720 млн. рублей, что было во много раз больше, чем вкладывалось за все предшествующие годы ее экономического развития. Привлечение крупных финансовых средств позволило создать новые заводы и фабрики, автодороги и линии электропередач, расширить и реконструировать действующие предприятия. Промышленный сектор экономики Горного Алтая являлся частью единого народнохозяйственного комплекса страны, ведущие предприятия промышленности находились в ведомственном подчинении центральным союзным и республиканским министерствам и их территориальным

управлениям. Основное место в структуре производства занимали легкая и пищевая отрасли промышленности. Немалая часть предприятий находилась в ведении Алтайского крайисполкома.

Наиболее крупные успехи развития области были связаны с расширенным строительством материально-технической базы промышленного сектора экономики. Несмотря на большие объемы строительно-монтажных работ и рост технической оснащенности предприятий, имели место и трудности в капитальном строительстве, которые были связаны, прежде всего, с горным ландшафтом, отсутствием железнодорожного сообщения и собственных источников электроэнергии, слабой плотностью населения, недостаточно развитой сетью автомобильных дорог и пр. Вследствие указанных причин строительные работы отличались высокой себестоимостью и затягивались во времени. Подрядные организации не выполняли планы по вводу в строй новых объектов, лишь на 60–80% осваивались выделяемые капиталовложения.

Невысокий уровень производственной инфраструктуры серьезно сдерживал развитие промышленного сектора народного хозяйства Горного Алтая. В рассматриваемый период удалось добиться серьезных успехов в электроэнергетике и дорожной отрасли, но эффективность работ снижали недостаточно высокие темпы строительства в этих секторах экономики.

6.2.2. Развитие сельского хозяйства

Попытки реформирования сельского хозяйства в 1954–1964 гг. Курс на демократизацию общественной жизни, наметившийся к середине 1950-х гг. проявился в попытках переориентировать советскую экономику на удовлетворение первостепенных нужд населения, в частности, в продуктах продовольствия и в товарах повседневного спроса. В августе 1953 г., на заседании Верховного Совета СССР, Председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков выступил с программной речью о необходимости изменений аграрной политики государства. Поднять эффективность сельского хозяйства предлагалось путем принятия мер, направленных на оживление материальной заинтересованности колхозников. Для достижения данной цели предлагалось снизить налоги для колхозов, отменить подоходный принцип налогообложения и списать все недоимки за прошлые годы, увеличить государственные

закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, повысить доходы колхозников, выделить дополнительные ассигнования на укрепление материально-технической базы колхозов и на развитие социальной сферы сельского хозяйства, расширить возможности кооперативной и колхозной торговли и др. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС руководитель партии Н.С. Хрущев конкретизировал и развил перечисленные задачи.

Их решение виделось в повсеместном распространении экстенсивных методов развития сельского хозяйства, за счет широкого вовлечения в хозяйственный оборот под посевы зерновых культур свободных земель. Он выдвинул идею быстрого расширения посевных площадей путем освоения целинных земель. Стратегию дальнейшего развития сельского хозяйства СССР определило постановление февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. В нем ставилась цель увеличения в ближайшие годы производства зерновых культур и заготовки хлеба на 35–40 %. Главным источником для достижения этой амбициозной задачи называлось освоение огромных территорий целинных и залежных земель Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа [Коммунистическая партия 1985: 365].

В соответствии с указанным постановлением ЦК КПСС, в Горном Алтае колхозы и совхозы за 1954–1957 гг. распахали 26,9 тыс. га целинных земель и 22,9 тыс. га залежных земель. В результате в течение трех лет площадь пашни значительно возросла. Так, за 1954–1956 гг. площадь пахотных земель под сельхозкультуры увеличились на 21,2 тыс. га.

В Горном Алтае параллельно с освоением новых целинных земель, происходил обратный процесс, когда колхозы и совхозы забрасывали уже используемые пахотные участки. Так, за 1954–1957 гг. из хозяйственного оборота было выведено 15,1 тыс. га пашни. Из выведенных оборота полей – 7,4 тыс. га не обрабатывались по причине невозможности вести механическое возделывание (вспашка была возможна из-за труднодоступности лишь с применением лошадей, соответственно сев и жатва велись ручным способом) [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 628. Л. 44, 45].

Продолжался процесс укрупнения колхозов, который шел одновременно с ликвидацией «неперспективных деревень». Жители переезжали на центральные усадьбы, в результате чего сельскохозяйственные угодья на прежнем месте забрасывались

и выводились из хозяйственного оборота. Особенно наглядно последствия ликвидации неперспективных деревень и укрупнения колхозов проявились в труднодоступном таежном Турочакском районе, где отсутствовали нормальные пути сообщения, а транспортная доступность с целым рядом населенных пунктов была возможна лишь в зимнее время. Так, например, в 1955 г. колхоз «Путь Ленина» Турочакского района объединил восемь мелких колхозов. Следствием явились снижение урожайности культур, падение доходов колхоза и, как результат, резкое сокращение – в 7 раз – числа колхозников по причине их ухода из колхоза на лесозаготовки и лесные промыслы. В результате массового оттока трудоспособного населения посевные площади колхозов района сократились с 4077 га до 1836 га [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 762. Л. 28, 29].

Процесс укрупнения колхозов происходил в русле партийной политики реорганизации колхозов в совхозы, в целях «сближения города и деревни». Это соответствовало взглядам Н.С. Хрущева на развитие сельского хозяйства через создание крупных механизированных хозяйств, в которых должны были трудиться не крестьяне, а наемные сельскохозяйственные рабочие. Процесс реорганизации колхозов в совхозы происходил в Горном Алтае во второй половине 1950-х гг. Так, в июне 1956 г. на базе 11 колхозов Чойского района создан – один из крупнейших в РСФСР Чойский мясомолочный совхоз [Очерки истории 1971: 279].

К концу 1957 г. основной объем сельскохозяйственного производства был сосредоточен в совхозах: их удельный вес по посевным площадям в Горном Алтае составил 55,3 %, в совхозах – 35,8 % КРС, 29 % овец, почти полностью – пушно-меховые звери, 60 % пчелосемей и все поголовье маралов и пятнистых оленей. В совхозах с каждым годом нарастал объем произведенной сельскохозяйственной продукции [Очерки истории 1971: 279, 280].

К 1958 г., после завершения реорганизации и укрупнения хозяйств, числилось 11 совхозов и 89 колхозов [Очерки по истории 1973: 335, 452, 423].

Наряду с продолжающимися мероприятиями, связанными с ликвидацией «неперспективных деревень», укрупнением колхозов и их реорганизации в совхозы, в середине 1950-х гг. в стране развернулась «кукурузная кампания». Она была призвана, по мнению ее инициатора Н.С. Хрущева, разрешить кормовую

проблему в стране. Решение о широкомасштабном распространении посевов кукурузы утвердил январский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС. Планировалось в течение пяти лет значительно увеличить площадь посевов этой культуры, и занять ею большую часть осваиваемых целинных земель. Однако повсеместное внедрение кукурузы проводилось без учета природно-климатических условий регионов.

В Горном Алтае кукурузу стали внедрять в 1955 г. В ряде колхозов в поясе низкогорья имели место высокие урожаи этой культуры. Но в поясе среднегорья с более суровыми природно-климатическими условиями, результаты оказались иными. Неудовлетворительные результаты имели место в Усть-Канском и Онгудайском районах из-за заморозков и нарушений агротехнических правил [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 511. Л. 36].

В целом в 1956 г. колхозы получили урожая кукурузы 73 ц с 1 га вместо запланированных 150 ц с 1 га. Основная причина плохого роста кукурузы в регионе заключалась в низком уровне среднегодовой температуры в указанных районах. Бюро обкома предлагало в планах посевов на 1957 год в районах с невысоким урожаем кукурузы сеять в качестве основной кормовой культуры подсолнух как культуру, более приспособленную к природно-климатическим условиям Горного Алтая [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 550. Л. 26].

Несмотря на все трудности, которые сопровождали мероприятия по реорганизации аграрного сектора Горного Алтая, объемы сельскохозяйственного производства возрастали. Этому в немалой степени способствовал аграрный курс, заданный в 1953 году. Значительно усилилась помощь государства сельскому хозяйству. Так, с 1955 по 1962 гг. общий объем капитальных вложений в сельскохозяйственное производство составил 6876,9 тыс. руб. [Киселев 1964: 42]. К 1958 г. тракторный парк региона увеличился до 1332 тракторов (в 15-кратном исчислении), или 1,5 раза в сравнении с 1953 г. [Очерки по истории 1973: 452]. В результате роста технического оснащения сельского хозяйства, снизилась себестоимость одного гектара тракторных работ. В 1957 г. функционировали 9 укрупненных МТС, из них 6 закончили год с прибылями [Очерки истории 1971: 279, 280].

Развитие деревни Горного Алтая в 1954–1958 гг. происходило в соответствии с аграрной политикой государства. В результате повышения цен на сдаваемую государству сельхозпродукцию и

снижения налогов с личных приусадебных хозяйств колхозников заметно выросло поголовье КРС, овец, свиней, маралов (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности основных видов поголовья скота в Горном Алтае, тыс. гол. (на 1 января)

	1953 г.		1959 г.		1964 г.	
	По всем категориям хозяйств	в т.ч. в хозяйствах населения	По всем категориям хозяйств	в т.ч. в хозяйствах населения	По всем категориям хозяйств	в т.ч. в хозяйствах населения
КРС	108,6	26,7	128,5	48,4	162,0	39,7
в т.ч. коровы	46,5	17,7	53,8	26,1	62,6	22,3
Лошади	54,5	0,6	39,7	3,9	43,2	2,5
Овцы	395,4	4,1	632,8	16,2	774,4	27,8
Козы	83,4	1,1	40,4	2,6	64,0	5,5
Свиньи	10,6	1,1	11,7	7,2	8,5	7,2

Источник: Госархив РА. Ф. Р–69. Оп. 16. Д. 52. Л. 2, 3, 6, 9, 13, 14, 15, 20, 21, 26, 27, 32, 34, 38, 39, 44, 45, 51, 52, 57, 59.

За 1953–1964 гг. значительно увеличилось поголовье овец, при этом заметно сократилось поголовье коз и лошадей. Динамика роста количества скота в личных приусадебных хозяйствах сменилась спадом. Данное обстоятельство обусловлено противоречиями «хрущевской» аграрной политики. С 1959 г. началось снижение поголовья КРС, лошадям и свиньям, что было связано с началом кампании ограничения скота ЛПХ.

В 1953–1964 гг. в хозяйствах уменьшилось поголовье коз и лошадей. За 1954–1958 гг. существенно возросла численность свиней в 2,5 раза. Свиноводство развивалось в личных подсобных хозяйствах. Так, если в 1953 г. населения у себя в подворье выращивало 1054 животных, то в 1957 г. – уже 19114 голов свиней, т.е. поголовье в личных подсобных хозяйствах увеличилось в 8 раз [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 52. Л. 32]. В итоге, производство продуктов сельского хозяйства в расчете на душу населения с 1955 по 1958 гг. заметно повысилось [Очерки истории 1971: 280].

Несмотря на рост объемов производства в колхозах и совхозах, государственные планы за 1956 г. и 1957 г. остались

невыполненными. Реализовать удалось лишь план по производству шерсти. Неблагоприятные климатические условия 1957 года отрицательно сказались на урожайности зерновых. Численность скота хотя немного возросла, но продуктивность животноводства из-за слабой кормовой базы оставалась низкой. Как следствие, в колхозах имел место падеж скота. Так, за 1955–1956 гг. колхозы региона допустили убыток на 6 млн. руб. от падежа скота (9017 гол. КРС, 3859 гол. свиней, 45499 гол. овец и 2843 гол. коз) [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 510. Л. 23].

Кормовая проблема являлась одной из главных проблем сельского хозяйства Горного Алтая, и власти уделяли ей первостепенное внимание. В течение 1956 г. на пленумах обкома КПСС обсуждались и принимались решения по наиболее злободневным вопросам сельского хозяйства: проблемы создания прочной кормовой базы, предотвращения падежа скота путем обеспечения хозяйств помещениями, зооветеринарным обслуживанием и др. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 510. Л. 2–4].

В 1959 г. руководство страны принимает на XXI съезде КПСС семилетний план развития экономики Советского Союза (1959–1965 гг.). В сфере сельского хозяйства ставилась задача достижения такого уровня производства, который мог позволить полностью удовлетворить потребности населения в продовольствии, а промышленности – в сырье и обеспечить все другие нужды государства в сельскохозяйственной продукции. [КПСС в резолюциях 1986: 304]. Семилетний план развития сельского хозяйства Горного Алтая предусматривал дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства. Особенностью животноводства области, как и раньше, являлась преобладающая роль яйлажного скотоводства (пастьба скота с посезонными перегонами). В целях повышения показателей животноводства ставилась задача улучшения естественных кормовых угодий. Решение кормовой проблемы виделось в расширении пашни, для чего ставились задачи: провести орошение на площади 12,6 тыс. га, произвести раскорчевку и расчистку леса от кустарников – на площади 27,7 тыс. га, осушить заболоченные земли на площади 9,9 тыс. га [Очерки истории 1971: 296].

Колхозы и совхозы Горного Алтая расширили площади посевов. С 1956 по 1960 гг. в хозяйствах региона пашня увеличилась на 10,9 тыс. га. Основное место в посевной площади занимали

кормовые культуры. В 1960 г. они составляли более половины всей площади пашни. Площадь естественных кормовых угодий (сенокосов и пастбищ) расширялась путем проведения мелиоративных работ. Так, в Кош-Агачском районе площадь орошенных и обводненных земель под сельхозугодия в этом году увеличилась на 1500 га [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 803. Л. 33].

К концу 1950-х гг. изменились формы экономической связи между государством и колхозами. Июньский пленум ЦК КПСС 1958 г. признал целесообразным множественные формы заменить единой формой государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов в порядке закупок по единым, экономически обоснованным ценам, дифференцированным по зонам страны. Также пленум рекомендовал списать с колхозов всю задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, контрактации и натуральной оплате за работы МТС. Реализация решений февральского и июньского пленумов ЦК КПСС 1958 г. благоприятно повлияло на развитие сельскохозяйственного производства Горного Алтая [Очерки по истории 1973: 467, 468]. В январе 1961 г. принимается постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению экономики и финансового состояния колхозов», которое предоставляло колхозам национальных районов Сибири льготы по подоходному налогу. На 1961–1965 гг. хозяйства освобождались от обложения налогом 80 % их доходов от реализации всех видов скота, птицы, молочных продуктов. Принятое постановление значительно укрепило материально-техническую базу колхозов. Кроме того, с 1 февраля 1961 г. снижались цены на бензин, на запасные части к тракторам, грузовым автомашинам и сельскохозяйственным машинам, продаваемым колхозам в среднем на 40 %. Также государство произвело отсрочку платежей колхозов на приобретенную им в МТС технику, помещения и оборудование на сумму 262 млн. руб. В результате принятых мер, колхозы и совхозы получили дополнительные ресурсы и стимулы для укрепления своей материально-технической базы [Медведев 1994: 69].

В целом с 1960 по 1965 гг. количество тракторов возросло с 868 до 1322 физических единиц, зерноуборочных комбайнов с 413 до 434, автомобилей (грузовых и автоцистерн) с 821 до 856. К 1965 г. на один колхоз приходилось 9 тракторов и 14 грузовых автомобилей [Медведев 1994: 70, 72, 73].

За 1953–1963 гг. в колхозах и совхозах Горного Алтая увеличился валовой сбор зерна на 73 %, но это стало возможно за счет увеличения посевных площадей. Низкой оставалось урожайность, например, в 1962 г. с полей получено пшеницы – 6,1 ц/га, ячменя – 6,4 ц/га, овса – 5,8 ц/га, гороха – 5,7 ц/га [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 143. Л. 15]. Урожайность культур оставалась невысокой, несмотря на рост применения удобрений в хозяйствах: за 1960–1962 гг. объемы внесения органических удобрений на поля колхозов и совхозов увеличились с 18 до 102 тыс. т, минеральных – с 60 до 217 т [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 218. Л. 13].

При этом сохранялась установка на экстенсивное развитие сельского хозяйства путем расширения площади пашни за счет свободных земель и залежей. В целом, к 1964 г. после освоения новых земель площадь пашни колхозов и совхозов Горного Алтая увеличилась по сравнению с 1960 г. на 10074 га – с 119,9 тыс. га до 130,6 тыс. га [Каташев 2002: 113].

В структуре посевных площадей основное значение отводилось пропашным культурам, в первую очередь – кукурузе. Менялась и структура пашни, за счет искоренения многолетних трав и внедрения пропашных культур. В октябре 1961 г., на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущев выступил с критикой травопольной системы земледелия. На февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС 1962 г. был провозглашен курс на искоренение многолетних трав. В 1962 г. очередная кампания, на этот раз – по борьбе с травопольной системой земледелия – захватила и Горный Алтай, началось повсеместное распахивание многолетних трав.

В итоге за 1960–1964 гг. площадь посевов многолетних трав сократилась с 24760 га до 19500 га, а урожайность снизилась с 16,8 ц/га до 8,8 ц/га, что существенно повлияло на уменьшение количества заготовленных кормов. Не оправдала себя и внедряемая кукуруза. Удельный вес ее посевов в пашне по Горному Алтаю вырос за 1961–1963 гг. с 3,7 % до 6,7 %. Планировалось получать от данной культуры 250 ц зеленой массы с 1 га пашни. Но желаемого результата достичь не удалось, в среднем заготавливалось 180–190 ц/га [Каташев 2002: 114, 115, 116]. Например, в 1962 г. урожай кукурузы на силос был 125,5 ц/га [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 143. Л. 15]. В целом, проводимые мероприятия по повышению обеспечения животноводства кормами не дали желаемого результата.

Снижалась и продуктивность естественных кормов угодий (ЕКУ), т. к. им отводилась второстепенная роль. Хотя ЕКУ увеличили за счет государственных земель, но пастбища и сенокосы рассматривали как источник дешевых кормов. Использовали их бессистемно и зачастую неправильно, приводя к полной непригодности сенокосы и пастбища. Все это уменьшило заготовку кормов с ЕКУ, которые составили в 1960 г. – 7,9 ц/га, в 1962 г. – 7,5 ц/га, в 1963 г. – 8,29 ц/га. Общая заготовка кормов с ЕКУ снизилась за 1958–1964 гг. с 9,5–10 ц/га до 7,1 ц/га [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 253. Л. 62].

В решении Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в феврале 1964 г., главными путями интенсификации сельского хозяйства назывались химизация, развитие орошения, внедрение комплексной механизации и электрификации производственных процессов. Лозунги, призывавшие к ликвидации многолетних трав, начали корректироваться в противоположную сторону. Руководство Горно-Алтайского обкома КПСС, понимая ситуацию на местах, начали возделывать многолетние травы. Уже на следующий год, после проведения последовательных мер по восстановлению и расширению посевных площадей многолетних трав, отмечалось повышение их урожайности [Каташев 2002: 116].

В первой половине 1960-х гг. в Горном Алтае положительные результаты были достигнуты в животноводстве. Так, продолжался рост общественного поголовья скота. За счет повышения поголовья скота в колхозах и совхозах удалось добиться увеличения производства продукции животноводства: мяса, молока, шерсти. Стабильную прибыль приносило овцеводство. Благодаря помощи государства удалось поднять племенное дело, и улучшить породу овец в общем стаде. В сочетании с другими положительными факторами это дало возможность произвести дешевую баранину [Очерки истории 1971: 323]. Однако сельское хозяйство Горного Алтая развивалось экстенсивным путем, что сдерживало экономические показатели отрасли. В середине 1963 г. из 51 колхоза и 13 совхозов региона, экономически слабыми числились 17 сельхозартелей и 4 совхозов [Киселев 1964: 57, 59].

Повышение государством закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию в 1963 г. несколько выправили экономическое состояние хозяйств.

Вместе с тем, динамика прибыли в совхозах отличалась неустойчивостью. С 1958 по 1962 гг. убытки совхозов от хозяйственной деятельности составили 1401 тыс. руб. Из 6 видов продукции только три: мясо баранины, шерсть, продукция звероводства дали в указанные годы чистую прибыль, а производство молока, мяса КРС, мяса свинины приносило убытки [Киселев 1964: 63–64].

Уровень технической оснащенности сельскохозяйственного производства продолжал оставаться низким, что влияло на материально-финансовое состояние хозяйств. Вследствие недостаточно эффективного использования машинно-тракторного парка хозяйств продукция растениеводства в Горном Алтае отличалась высокой себестоимостью. После ликвидации МТС в 1958 г. вся техника была в обязательном порядке продана колхозам, в результате резко снизилось финансовое положение хозяйств, квалифицированные кадры механизаторов покинули колхозы, ухудшилась материальная база для содержания и обслуживания техники. В отделе сельского хозяйства Горно-Алтайского обкома КПСС постоянно фиксировались факты слабой выработки тракторов и машин из-за их неудовлетворительного ремонта и эксплуатации [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 78. Л. 38; Д. 79. Л. 151]. Не хватало производственных площадей для хранения техники, а слабая строительная база не позволяла проводить производственное строительство в широких объемах [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 8. Л. 68; Д. 79. Л. 150, 151]. В результате сельскохозяйственная техника быстро приходила в неисправность и подолгу простаивала в ремонте из-за плохого качества ремонта. В хозяйствах имел место перерасход денежных средств на ремонт техники. Оставалась на низком уровне и механизация заготовки кормов. В 1964 г. сенокосение было механизировано на 53 %, стогование сена – на 27 %, уборка силосных культур и трав – на 57 %, стогование соломы механизирована на 52 %. Ручным трудом выполнялось от 50 до 70 % объемов заготовок грубого корма [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 265. Л. 17].

Производство животноводческой продукции также отличалось высокой себестоимостью вследствие низкого уровня механизации животноводства. Так, доля механического доения коров в 1962 г. составляла 26 %, проводилось оно в основном в летнее время. Сенокосение с использованием тракторных механизмов занимало 32 %, стогование сена – 15 %. При заготовке кормов недостаточно

полно использовалась техника: в сенокосении доля ее применения составила 32 %, в сеноуборке – 15 % всего объема работ [Киселев 1964: 60, 61, 62].

Проблемным для сельского хозяйства Горного Алтая оставался кадровый вопрос. Уровень образования руководителей хозяйств оставался невысоким. Так, в 1960 г. по области 66,3 % председателей колхозов не имели среднего образования, тогда как по Сибири их доля составляла 56 %. Стояла задача повышения уровня подготовки руководителей среднего звена. Она решалась путем их направления на учебу в вузы и в средние специальные учебные заведения. В результате в этом году количество управляющих фермами с высшим и средним образованием увеличилось вдвое. Однако из-за неудовлетворительных материально-бытовых условий, низкой зарплаты сохранялась текучесть кадров специалистов по агрономии, ветеринарии и механизации сельского хозяйства.

При подготовке работников массовых профессий сельского хозяйства (доярок, чабанов, телятниц, скотников-пастухов) положительно себя зарекомендовала система наставничества, производственные бригады сельских школ, летние лагеря труда и отдыха учащихся, которые были практически при каждой сельской школе. В 1960 г. в школах Горного Алтая имелось 30 ученических производственных бригад и 71 звено, в 1965 г. – 10 производственных бригад, 16 лагерей труда и отдыха, 105 звеньев, в которых работало и отдыхало более 6 тыс. учащихся сельских школ [Медведев 1994: 41, 42, 62]. В соответствии с постановлением бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР летом 1961 г. – в Горном Алтае при некоторых хозяйствах были созданы школы передового опыта. В них изучали прогрессивные методы доения, пастбы и выращивания животных. С 1963 г. через школы передового опыта в сельскохозяйственное производство региона стали внедряться биопрепараты, гидропонный метод выращивания зеленого корма, оренбургский метод стрижки овец и т. д. [Очерки по истории 1973: 470, 471].

К началу 1960-х гг. в стране закончилась «целинная эпопея», экстенсивные методы производства себя исчерпали. Партийное руководство пришло к осознанию необходимости перехода развития сельского хозяйства на путь интенсификации производства, курс на которую получил подтверждение на февральском пленуме ЦК КПСС 1964 г. На пленуме были продекларированы основные направления

дальнейшего развития сельского хозяйства: широкая химизация земледелия и животноводства, всемерное развитие орошаемого земледелия, внедрение комплексной механизации и достижение науки и передового опыта, осуществление специализации производства на основе научно обоснованного размещения сельского хозяйства, коренное улучшение строительства на селе, подъем экономически слабых колхозов и повышение материальной заинтересованности колхозников в общественном производстве и т.д. [Крестьянство 1991: 6–7].

Важную роль в поставках сельскохозяйственной продукции играли личные приусадебные хозяйства населения. Например, в 1962 г. личные приусадебные хозяйства сдали государству валовой продукции животноводства на сумму 10,4 млн. руб., в том числе говядины в живом весе на сумму 2,24 млн. руб., молока – на сумму 3,5 млн. руб. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 128. Л. 34–35].

Личные приусадебные хозяйства были вынуждены соблюдать требования о строгом лимитировании количества скота, установленные на декабрьском пленуме ЦК 1958 г. На июньском пленуме 1959 г. Н.С. Хрущев вновь со всей решительностью заявил о необходимости введения запрета содержать скот жителям городов и рабочих поселков. В 1962 г. бюро Горно-Алтайского обкома издало постановление, которое возлагало на органы партийной и советской власти всех уровней указание повсеместно запретить скармливание скоту и домашней птице хлеба и других хлебопродуктов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 87. Л. 43–45]. ЦК КПСС и в дальнейшем лимитировало количество личного скота своими постановлениями в 1963, 1964 гг.

В 1953–1964 гг. сельское хозяйство Горного Алтая продолжало развиваться по экстенсивному пути. Руководством страны и лично Н.С. Хрущев инициировали разные кампании, направленные на рост сельскохозяйственного производства, которые проводились путем административного нажима. Меры по укрупнению колхозов, расширению пашни и кормовых культур, в первую очередь – кукурузы, сведение многолетних трав в пользу пашни – в итоге не привели к запланированному росту продукции растениеводства серьезно снижало эффективность сельскохозяйственного производства. С конца 1950-х гг. в хозяйства стала в большом количестве поступать техника, укреплялась материально-техническая база. Но расширение технического парка не подкреплялось созданием

для него производственных помещений, в результате чего трактора находились нередко в нерабочем состоянии. Несмотря на стабильное положение с заготовками сельскохозяйственной продукции, ее себестоимость оставалась высокой. При этом значительную роль в выполнении государственных заданий по сдаче сельхозпродукции хозяйства выполняли за счет скота личных приусадебных хозяйств. В животноводстве, которое традиционно представляло ведущую отрасль аграрного сектора Горного Алтая, проблема механизации труда в кормопроизводстве и на фермах оставалась неразрешенной. Попытки решить первостепенную для области кормовую проблему политико-волевыми методами и при сохранении старого экстенсивного пути развития хозяйствования не приносили ожидаемого эффекта.

Развитие сельского хозяйства в 1965–1985 гг. После смещения в октябре 1964 г. Н.С. Хрущева перед новым политическим руководством страны встала задача осуществления экономических реформ в аграрной сфере. Понимание необходимости реформ было у большинства граждан, поскольку общество устало от экспериментов Н.С. Хрущева в сельском хозяйстве. На мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 г. были отмечены недостатки и ошибки в аграрной политике партийного руководства в предыдущие годы и принят ряд мер, направленных на их устранение. Объявлялось начало реформы в сельском хозяйстве. Ее основными положениями являлись: повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, установление 50 %-ой надбавки к закупочной стоимости за перевыполнение плана, снятие ограничений на ведение личного подсобного хозяйства, списание задолженностей колхозов по ссудам на приобретение техники в МТС. Значительно увеличивались масштабы капиталовложений на развитие сельского хозяйства.

В Горном Алтае в последующие пятилетки интенсификация сельскохозяйственного производства становится приоритетным направлением в аграрной политике. В растениеводстве ставились задачи повысить эффективность использования земель, увеличить урожайность сельскохозяйственных культур. Важное значение придавалось повышению продуктивности кормовых культур, которые должны были обеспечить стабильный рост заготовки кормов. Животноводство являлась ведущей отраслью региона. Для повышения его эффективности ставились задачи: увеличить

продуктивность и численности скота, сократить яловость маточного поголовья, уменьшить падеж скота, обеспечить сохранность молодняка [Очерки по истории 1973: 475].

Итоги решений мартовского пленума проявились в усилении помощи колхозам и совхозам Горного Алтая со стороны государства. Так, с колхозов Турочакского района списывались долгосрочные ссуды на сумму 99 тыс. руб. [Медведев 1994: 70].

Большое внимание отводилось материально-технической базе сельского хозяйства. Земля в сельском хозяйстве является основой производства, сохранение и повышение плодородия назывались главными условиями эффективности сельскохозяйственного производства. Основная часть сельскохозяйственных угодий в Горном Алтае находилась в пользовании колхозов и совхозов.

Площадь всех сельхозугодий в 1971–1985 гг. составляла 1,24–1,23 млн. га (см. табл. 2).

Таблица 2

Сельскохозяйственные угодья, находящиеся в пользовании сельхозпредприятий Горного Алтая, тыс. га

	1971 г.		1985 г.	
	Площадь, тыс. га	Удельный вес, %	Площадь, тыс. га	Удельный вес, %
Всего сельхозугодий	1236	100,0	1233	100,0
в том числе:				
Пашни	121	9,8	145	11,8
Сенокосы	175	14,1	152	12,3
Пастбища	937	76,0	935	75,8

Источник: *Макошев* 2010: 98.

С 1971 по 1985 гг. площадь сельхозугодий в Горном Алтае сократилась на 3 тыс. га. Имело место увеличение площади пахотных угодий и ее сокращение у естественных кормовых угодий, в первую очередь – сенокосов, площадь которых уменьшилась в указанные 15 лет на 23 тыс. га. Площадь пастбищ заметно расширилась, в отличие от ее показателей ее динамики по РСФСР и по Сибири, где наблюдалось сокращение площадей пастбищ [Крестьянство Сибири 1991: 71]. В структуре сельскохозяйственных угодий преобладали сенокосы и пастбища. Пастбища занимали около трех четвертей всей площади сельхозугодий. В силу природно-климатических условий отгонное животноводство, как и прежде являлось ведущей

отраслью сельского хозяйства Горного Алтая [Макошев 2010: 164]. Пашня также во многом использовалась для нужд животноводства, как источник производства кормов для скота.

Для повышения плодородия пашни в хозяйствах увеличились объемы применения удобрений, за 1971–1985 гг. объем внесения минеральных удобрений в общественных хозяйствах возрос в расчете на 100 % питательных веществ – с 5746 до 75022 ц, а органических удобрений – с 78,1 тыс. т до 294,9 тыс. т [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 76. Л. 1, 5.].

Повышение качества сельхозугодий достигалось также путем их мелиорации. Руководство Горно-Алтайской автономной области отводило мелиорации земель серьезное место в развитии аграрного сектора. С начала 1970-х гг. с каждой пятилеткой стабильно вводились 6,5–6,8 тыс. га орошенных и 1,2–1,9 тыс. га осушенных земель, а с середины 1970-х гг. началась масштабная работа по обводнению сельскохозяйственных земель. Важное значение придавалось работе по осушению болотистых земель. Указанные виды мелиорации послужили основными факторами расширения площади пашни. Так, за 1971–1985 гг. площадь орошаемых земель увеличилась на 19,9 тыс. га, осушенных – на 4,4 тыс. га. Особую роль в создании кормовой базы отводили обводнению степей в Кош-Агачском и Улаганском районах. С середины 1970-х гг. масштабы работ по обводнению Курайской и Чуйской степей значительно возросли, орошаемые и осушенные земли стали играть большую роль в производстве грубых кормов [Крестьянство Сибири 1991: 76].

Благодаря предпринимаемым мерам наблюдался рост урожайности у всех сельскохозяйственных культур.

Заявленный руководством страны курс на интенсификацию сельского хозяйства требовал значительных капитальных вложений. Только за десятую пятилетку (1976–1980 гг.) на развитие сельского хозяйства Горного Алтая они составили по всему комплексу работ 130,5 млн. руб., в годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) государство на развитие сельского хозяйства – 136 млн. руб. Это позволило усилить материально-техническое оснащение колхозов и совхозов [Горно-Алтайской автономной 1982: 20].

С увеличением объемов капитальных вложений стабильно пополнялся парк техники колхозов и совхозов Горного Алтая: за 1970–1985 гг. количество тракторов и грузовых автомобилей в сельском хозяйстве увеличилось в два раза: тракторов – с 1848 до

3741, грузовых автомобилей – с 1204 до 2472 [Горно-Алтайской 1982: 18; Народное хозяйство 1992: 54]. Если в 1965 г. в среднем на один колхоз приходилось 9 тракторов, то в 1985 г. – 43 трактора, а грузовых автомобилей увеличилось с 14 на один колхоз в 1965 г. до 40 в 1985 г. [Медведев 1994: 71].

В результате поступления техники поднялся уровень механизации труда в совхозах: в сенокосении – с 65 % в 1975 г. до 85 % в 1980 г., стоговании сена – с 53 % до 67 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 14. Д. 58. Л. 23; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 64. Д. 6. Л. 105]. В колхозах и совхозах росла механизация труда и на животноводческих фермах, но в меньших темпах. Так, уровень механизации доения коров за 1965–1985 гг. в колхозах поднялся с 6,5 % до 35 %, в совхозах – с 16,4 % до 83 % [Медведев 1994: 73].

Увеличение государственного финансирования сельскохозяйственного сектора области способствовало материальному укреплению колхозов и совхозов, росту их фондовооруженности.

Подъем уровня материально-технической базы в хозяйствах Горного Алтая ставил задачу обеспечения сельскохозяйственного производства кадрами массовых профессий. В 1970 г. для сельского хозяйства было подготовлено 259 механизаторов, в 1975 г. – 368, в 1980 г. – 230. Механизаторские кадры в Горном Алтае, как и в целом по Сибири, готовились в СПТУ, систем курсов, в сельской средней школе. В подготовке животноводов положительно себя зарекомендовала система наставничества, производственное обучение в сельских школах [Медведев 1994: 62].

В сельскохозяйственном производстве Горного Алтая за весь рассматриваемый период ощущался недостаток дипломированных специалистов. Принятые меры в решении данной проблемы в какой-то мере способствовали улучшению укомплектованности колхозов и совхозов кадрами с высшим и средним специальным образованием. В 1965–1985 гг. стабильно работала система подготовки кадров сельского хозяйства. Руководители колхозов и руководители среднего звена проходили обучение в вузах и среднеспециальных учебных учреждениях.

Основным производителем сельхозпродукции оставались колхозы и совхозы (см. табл. 3). С середины 1960-х гг. продолжался процесс централизации и концентрации сельскохозяйственного производства.

Таблица 3

Число колхозов и совхозов в Горном Алтае, на конец года

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Колхозы	44	19	20	20	20
Совхозы	15	24	30	37	38
Приходится на 1 колхоз колхозных дворов	175	232	247	263	298

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 34.

За 1965–1985 гг. количество колхозов уменьшилось с 44 до 20, а совхозов – увеличилось с 15 до 38. С 1965 по 1975 гг. шел процесс сокращения колхозов путем их объединения и преобразования в совхозы. Основная причина реорганизации колхозов заключалась в их слабой экономической эффективности. В 1970-е годы целевое распределение средств государственного бюджета осуществлялось в строго централизованном порядке, что ограничивало хозяйства в выборе решений. Так, например, в 1980 г. убыточными стали 27 совхозов из 37 совхозов, 4 колхоза из 20 [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 67. Л. 39, 43].

Отчуждение работников сельскохозяйственной сферы от колхозно-совхозной собственности, существовавшая система оплаты труда не стимулировали колхозников и рабочих совхоза к повышению производительности. Повсеместное распространение получили факты безответственного отношения к общественному имуществу. Это приводило к большому падежу скота, быстрому износу техники и сельхозинвентаря. Естественный срок службы инвентаря в колхозах и совхозах по причине того, что зимой и летом хранился под открытым небом, сокращался в 3–4 раза [Медведев 1994: 210, 211].

В начале одиннадцатой пятилетки была принята Продовольственная программа, одобренная майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС. Эта программы являлась комплексом материально-технических, экономических, социальных, организационных и идеологических мер, направленных на решение продовольственной проблемы, на стабильное снабжение населения всеми видами продовольствия. В Горном Алтае, согласно требованиям Продовольственной программы, в декабре 1982 г. было образовано Горно-Алтайское агропромышленное объединение.

Падение стимулирующей роли заработной платы работников сельского хозяйства в начале 1980-х гг. и связанное с этим ухудшение плановой, технологической, трудовой дисциплины заставило партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей обратиться к опыту коллективов с оплатой труда по конечным результатам [Крестьянство 1991: 130]. Для того, чтобы максимально задействовать потенциал сельскохозяйственного производства, стали вводить хозяйственный расчет. Среди всех форм хозрасчета был выбран коллективный подряд, который предполагал выполнение трудовым коллективом производства сельхозпродукции на условиях договора с администрацией сельхозпредприятия. Партийное руководство надеялось с введением новых производственных отношений реанимировать материальные стимулы регулирования ведения хозяйства в условиях централизованной командно-административной системы управления экономикой. Работа подрядных бригад некоторое время отличалась эффективностью, в 1985 г. они произвели валовой продукции на сумму 29221,6 тыс. руб. или 44 % от общего объема производства животноводческой продукции в валовом выражении. Производительность труда одного работника в этих коллективах возросла до 7,7 тыс. руб., тогда как в целом по сельскому хозяйству производительность труда составила 3,2 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 64. Д. 58. Л. 9, 10].

Административное внедрение коллективного подряда имело краткосрочный эффект. Производственные показатели подрядных коллективов и бригад, работавших на индивидуальной сдельщине, после первых положительных опытов и роста, сменились быстрым снижением. Не оправдались и надежды, что с переходом на подрядные отношения возрастут объемы производства сельскохозяйственной продукцией. В работе подрядных коллективов продолжали преобладать административно-командные методы управления со стороны администраций колхозов и совхозов, распространенным явлением являлось прямое вмешательство руководства в деятельность бригад. Отвлечение членов трудовых коллективов, работавших на подряде, к другим работам, не имевших отношение к договору, допускались нарушения в оплате труда. Самостоятельность подрядных коллективов была ограничена, поскольку право пользования землей на длительный срок не оговаривалось в договоре [Крестьянство Сибири 1991: 133].

В целях повышения эффективности труда активно задействовались социалистические движения на производстве. Большое распространение получило движение новаторов сельскохозяйственного производства. Но сравнительно высоких показателей достигали лишь отдельные трудовые коллективы, или работники. В условиях низкой мотивации социалистическое соревнование нередко превращалось в кампании к юбилейным датам, с проявлениями заорганизованности и формализма.

Сельскохозяйственное производство. Аграрный сектор Горного Алтая развивался в соответствии с установками политики КПСС в сфере сельского хозяйства. Вместе с тем, аграрная отрасль имела свои региональные особенности. Ведущим направлением являлось животноводство в силу природно-климатических, исторических, хозяйственных условий региона. Растениеводство играло в основном, вспомогательную роль, для обеспечения потребностей животноводства в кормах.

В 1965–1985 гг. в структуре посевных площадей Горного Алтая продолжалась тенденция увеличения доли кормовых культур (см. табл. 4).

Таблица 4

Структура посевной площади в Горном Алтае, тыс. га

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Вся посевная площадь	131,1	129,8	137,9	147,9	150,7
Зерновые культуры, всего	65,7	60,4	49,1	44,0	42,9
в том числе:					
Пшеница	4,9	6,6	1,5	2,1	2,5
Овес	22,5	28,4	24,7	23,8	20,7
Ячмень	35,2	2,0	22,2	16,8	13,8
Картофель	3,5	3,3	3,2	3,4	2,5
Овощи	0,4	0,4	0,5	0,5	2,5
Кормовые культуры	61,5	65,7	85,1	100,0	105,0

Источник: Горно-Алтайской автономной 1982: 21–26; Народное хозяйство 1992: 15.

Во второй половине 1960-х гг. вся посевная площадь снизилась, но с 1970 г. происходил ее рост. Динамика посевных площадей отмечена увеличением площади кормовых культур

при снижении площади зерновых. В структуре зерновых культур основное место занимали овес и ячмень. Их удельный вес в структуре зерновых культур увеличился в указанный период с 44,0 % до 80,4 %. Таким образом, растениеводство в Горном Алтае было полностью переориентировано на нужды животноводства как база для заготовки кормов. В растениеводстве региона картофелеводство и овощеводство занимали незначительное место.

Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, направленные на повышение закупочных цен, повысили материальную заинтересованность в развитии производства, улучшили экономические показатели сельскохозяйственной отрасли, благодаря чему объемы сбора сельскохозяйственной продукции увеличивались (см. табл. 5).

Таблица 5

Валовой сбор сельскохозяйственных культур в общественном секторе сельского хозяйства Горного Алтая (в среднем за год), тыс. ц

	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.
Зерновые культуры	131,1	129,8	137,9	147,9	150,7
Картофель	24,2	4,8	10,5	5,0	8,4*
Овощи	3,8	1,6	4,1	3,3	1,7*
Однолетние травы на сено	224,7	567,9	465,0	663,5	698,0*
Многолетние травы на сено	239,7	260,3	288,7	301,9	411,7*
Силосные культуры	641,3	1168,7	1154,5	1682,4	1688,0*
Кукуруза на силос и зеленый корм	934,7	1127,8	870,6	984,2	844,3*

Источник: Горно-Алтайской автономной 1982: 29; *Народное хозяйство 1992: 255.

В растениеводстве шел процесс уменьшения валовой продукции зерновых культур вследствие сокращения их посевных площадей. Сложные природно-климатические условия ограничивали возможности для развития зернового хозяйства. При

этом увеличивался среднегодовой сбор кормовых культур, силосных культур, многолетних и однолетних трав. Создавшееся положение приводило к значительному увеличению поставок зернофуража и комбикормов из государственных фондов. В Горном Алтае ежегодно от 15 до 30 % фактического расхода кормов покрывалось за счет государственных зерновых ресурсов [Медведев 1994: 94].

Природно-климатические условия, исторический опыт хозяйствования, навыки коренного населения определили главную роль животноводства в структуре сельскохозяйственного производства (см. табл. 6).

Таблица 6

Поголовье скота в хозяйствах всех категорий, тыс. гол.

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
КРС	169,9	171,3	172,4	175,7	181,8
в том числе коров	66,3	64,4	66,6	73,0	75,2
Овцы и козы	943,0	1024,9	1120,8	1145,0	1177,3
в том числе овцы	870,4	897,9	935,2	937,7	960,9
Лошади	43,5	48,2	52,0	55,3	63,1
Свиньи	12,1	9,8	9,3	14,9	18,9
Маралы	10,1	12,6	14,9	16,6	18,4
Пятнистые олени	5,5	6,8	7,3	7,8	8,4

Источник: Горно-Алтайской автономной 1982: 32–36; Макошев 1996: 26–29, 32; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 52. Л. 5, 17, 29, 35, 41, 53.

В структуре животноводства ведущая роль отводилась овцеводству и козоводству. Мясошерстное овцеводство является основной отраслью животноводства Горного Алтая. Динамика поголовья основных видов скота (КРС, овцы, козы, лошади) в 1961–1985 гг. отмечена стабильным ростом, за исключением коров. Из всех видов скота численность поголовья уменьшилась только по верблюдам.

Динамика производства животноводческой продукции носила несколько неустойчивый характер (см. табл. 7).

Таблица 7

Производство основных продуктов животноводства в колхозах и совхозах, в среднем за год

	1961–1965 г.	1966–1970 г.	1971–1975 г.	1976–1980 г.	1981–1985 г.
Скот и птица в живом весе, тыс. ц.	161,9	178,9	230,1	179,4	187,9*
Молоко, тыс. ц	414,5	449,0	426,4	405,5	449,1*
Шерсть, тонн	1408	1650	1833	1857	1917*

Источник: Горно-Алтайской автономной 1982: 38; *Народное хозяйство 1992: 279–280, 282.

Производство молока в 1970-е гг. сокращалось, но в первой половине 1980-х гг. – вновь возросло. Во второй половине 1960-х гг. и в первой половине 1970-х гг. имело место увеличение объемов производства, но во второй половине 1970-х гг. производство мяса резко сократилось. В первой половине 1980-х гг. объемы производства мяса стали увеличиваться. Овцеводство является традиционной отраслью животноводства Горного Алтая, чему способствует наличие больших площадей пастбищ. Выработка шерсти в 1965–1985 гг. стабильно увеличивалась.

Производство основной продукции животноводства во многом зависело не только от динамики поголовья скота, но и от продуктивности животных (см. табл. 8).

Таблица 8

Показатели продуктивности скота

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Надой молока на одну корову, кг	1632	1831	1702	1735	1785
Настриг шерсти на одну овцу, гр.	1874	2101	2097	2025	2298
Начес пуха на одну козу, гр.	–	315	428	481	541

Источник: Народное хозяйство 1992: 24.

В 1970-е гг. имело место снижение удойности коров, что повлияло на сокращение производства молока. Увеличение производства шерсти происходило экстенсивным путем, за счет расширения поголовья овец. Хозяйствам не удавалось повысить

естественное воспроизводство общественного скота из-за низкой механизация труда в животноводческих фермах. Надой молока в среднем на 1 фуражную корову в 1985 г. в среднем составил 1763 кг, что был меньше показателя по Алтайскому краю на 450 кг. А в некоторых хозяйствах Горного Алтая надой с 1 коровы был еще меньше – по 1200–1400 кг молока в год. Слабо решался вопрос нагула скота. Вследствие отдаленности хозяйства сдавали мясоперерабатывающим предприятиям скот тощей и нижнесредней упитанности, о чем свидетельствуют документальные материалы сельскохозяйственного отдела Горно-Алтайского обкома КПСС. Рост животноводства сдерживался падежом скота, из-за которого область ежегодно теряла до 20 % молодняка.

Несмотря на наличие трудностей, которые сдерживали развитие аграрного сектора, колхозы и совхозы Горного Алтая выполняли плановые обязательства (см. табл. 9). После 1982 г. одновременно с повышением закупочных цен вводились надбавки к закупочным ценам для низкорентабельных и убыточных хозяйств [Крестьянство 1991: 189].

Таблица 9

Государственные закупки сельхозпродукции в Горном Алтае
в хозяйствах всех категорий

	1961– 1965 гг.	1966– 1970 гг.	1971– 1975 гг.	1976– 1980 гг.	1981– 1985 гг.
Зерна, т	2001	95	3	–	–
Картофеля, т	1568	1062	1330	2112	2562
Овощи, т	365	22	488	951	1934
Хмеля, ц	494	960	920	902	925
Скот и птица в живом весе, тыс. т	17107	19414	25302	23644	26729
Молоко, т	38728	41920	41616	40029	41679
Шерсть, т	1908	2414	2789	2971	14664*
Козий пух, ц	167	308	572	964	1306
Панты маралов, кг	...	8942	12627	14315	15078
Панты пятнистых олений, в кг	...	709	931	1059	1097

Источник: Горно-Алтайской автономной 1982: 42–44;
Народное хозяйство 1992: 29–31, 33.

*В чистом волокне.

Примечание: ... – данных не имеется.

В рассматриваемый период наиболее рентабельной отраслью животноводства Горного Алтая являлось овцеводство. В конце 1970-х гг. продукция овцеводства и козоводства (мясо, шерсть, пух) в составе товарной продукции колхозов и совхозов составляла около 50 %, а удельный вес овец и коз в структуре стада в 1960–1980-е гг. достигал также около 1/2 поголовья основных видов скота в переводе на условные головы. Значительных успехов добился ряд хозяйств в развитии пухового козоводства. Так, в 1970–1980-е гг. в Западной Сибири козы в основном разводились в Горном Алтае. Регион превратился в крупную козоводческую базу всероссийского значения. Объем ежегодного производства козьего пуха составлял 40 % всего объема заготавливаемого в СССР пуха, и более 60 % объема пуха, заготовленного в РСФСР. Козоводство в советский период являлось высокодоходной отраслью животноводства с положительной динамикой продуктивности [Макошев 2010: 193, 195, 196].

Природные условия региона позволяли с успехом развивать табунное коневодство, яководство, верблюдоводство. Горному Алтаю традиционно принадлежит приоритет в получении маральных и оленьих пантов – исходного сырья для производства на предприятиях фармацевтической промышленности высокоэффективного препарата пантокрин. Хозяйства области давали 60 % всей пантовой продукции, производимой в РСФСР. В целом за рассматриваемые годы поголовье маралов возросло. Увеличилось и количество главной продукции этой отрасли животноводства – пантов [Медведев 1994: 108].

С середины 1960-х гг. в Горном Алтае сократилось производство зерна. Высокими темпами возрастали заготовки картофеля при сокращении его производства. Это свидетельствует о росте товарности картофеля [Крестьянство Сибири 1991: 190]. Также имел место опережающий рост заготовки овощей.

Таким образом, с 1965 по 1985 гг. сельскохозяйственное производство Горного Алтая стабильно развивалось, несмотря на ряд сдерживающих факторов. Колхозы и совхозы с помощью государства укреплялись организационно и хозяйственно. Хозяйства пополнялись новой техникой и оборудованием, росла механизация производства. Вместе с тем, уровень механизации продолжал оставаться слабым. Невысокая механизация труда во в сельскохозяйственном производстве повышала себестоимость продукции.

Базовым производственным направлением аграрной отрасли в Горном Алтае являлось животноводство, основные усилия были направлены на производство кормовых культур. В результате их площадь возрастала опережающими темпами, в том числе за счет введения в хозяйственный оборот осушенных и орошенных земель. Наиболее рентабельной отраслью животноводства оставалось овцеводство. Высокодоходной отраслью животноводства Горного Алтая являлось и козоводство. Хозяйства области давали основную часть пантовой продукции, производимой в РСФСР.

Была налажена стабильная работа по подготовке кадров массовых профессий и руководителей среднего звена. Основные показатели материальной базы сельского хозяйства также отмечены положительной динамикой: поголовье скота всех видов возрастало, расширилась посевная площадь.

Принятые государством меры в заготовительной политике повысили заинтересованность работников сельского хозяйства в развитии производства, и способствовали положительной динамике заготовок сельхозпродукции.

6.3. Изменения в сфере социальной жизни населения

6.3.1. Материальное благосостояние. Социальное обеспечение

Доходы населения складывались в основном из заработной платы рабочих и служащих, пенсий, пособий и иных социальных выплат. Одним из первых директив советского правительства в сфере улучшения материального положения работников системы образования, стало постановление Совета Министров СССР от 10 февраля и 26 марта 1954 г. Согласно данному постановлению учителям была повышена заработная плата, установлены пенсии за выслугу лет, утвержден порядок награждения медалями и расширены бесплатные коммунальные услуги [Очерки по истории 1973: 259].

В начале 1960 г. Совмин СССР осуществлял различные мероприятия, по созданию прочной основы для систематического улучшения материального положения колхозников, что подтверждалось, прежде всего, ростом стоимости трудодня. В этой связи, при перерасчете на деньги стоимость одного трудодня рабочего

в колхозах Горного Алтая в 1961 г. по сравнению с 1954 г. возросла более чем в 8 раз. Кроме того, в сельском хозяйстве шло списание с колхозов всей задолженности по обязательным поставкам, что благополучно влияло на материальное благосостояние колхозников.

В середине 1960-х годов наблюдается увеличение среднемесячной заработной платы работающих, рост их численности, упорядочение начисления заработной платы и т. д. Например, увеличение суммы заработной платы в 1967 г. против 1966 г. произошло за счет роста численности рабочих в целом по Горному Алтаю на 5,8 %. Улучшалась и производительность труда, например, в промышленности на 4 %, в строительстве на 13 %. В этой связи фонд заработной платы возрос на 9 %. Увеличились и расходы населения на 8 % против 1966 г., в основном за счет роста товарооборота государственной и кооперативной торговли [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 5. Д. 99. Л. 15-16].

Материальный уровень низкооплачиваемых рабочих и служащих тоже был изменен в положительную сторону. С 1954 по 1964 гг. их заработная плата увеличилась почти в два раза, а среднегодовая зарплата одного промышленного рабочего в 3,5 раза.

Благоприятной тенденцией было и то, что с середины 1960-х годов возрастал удельный вес в доходах крестьянина через оплату труда в колхозном производстве. Если в 1965 г. только у 4 % населения душевой доход превышал 100 руб. в месяц, то к 1985 г. эта доля составляла свыше 60 %. В 1980 г. на оплату труда и отпусков из валового дохода коллективных хозяйств направлялось 10,2 млн. руб., в 1984 г. – 12,9 млн. руб., прирост этого фонда за 4 года составлял 25,6 % [Народное хозяйство 1992: 118].

Дальнейшему росту заработной платы способствовало введением с 1 января 1972 г. районного коэффициента в размере 15 % к заработной плате рабочих и служащих, которые ранее по постановлениям конца 1960-х гг. его не получали. В 1973 г. была повышена минимальная заработная плата с 40–55 руб. до 70 руб. с одновременным увеличением тарифных ставок и должностных окладов среднеоплачиваемым категориям работников, занятых в производственных отраслях и работникам непромышленных отраслей. В результате среднемесячная заработная плата рабочих и служащих по всем отраслям народного хозяйства в Горном Алтае увеличилась с 62,7 руб. в 1955 г. до 178,4 руб. в 1985 г. или в 2,8 раза [Народное хозяйство 1977: 52]. Однако несмотря на рост

благополучия, у населения пока еще не было полного достатка предметов потребления.

Существенным дополнением к показателям роста доходов населения являлось пенсионное обеспечение. Среди мероприятий, проведенных с целью улучшения уровня жизни населения, важное значение имел закон о государственных пенсиях, вступивший в силу с 1 октября 1956 г. Особенностью этого законодательного акта являлось то, что впервые пенсию по старости можно было получать, имея не полный стаж (в размере, пропорциональном этому стажу), благодаря чему сразу же возросла численность пенсионеров. Недостатком данного закона явилось то, что он не распространялся на нетрудоспособных престарелых колхозников и колхозниц [Иванова 2014: 143].

Для успешной реализации закона о государственных пенсиях исполнительный комитет и отдел социального обеспечения области должны были проделать организационную и разъяснительную работу среди населения. В этой связи к 1 октября 1956 г. было пересмотрено 9677 пенсионных дел и назначено свыше 1000 новых пенсий. За октябрь было выплачено пенсий на сумму около 2,17 млн. руб., или почти в 2 раза больше, чем в сентябре 1955 г. Кроме того, остро нуждающимся пенсионерам была оказана единовременная материальная помощь и предоставлены безвозвратные ссуды на сумму в 221,7 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 166. Л. 74].

По этому же закону в 74 колхозах Горного Алтая для оказания материальной помощи колхозникам, инвалидам и престарелым были организованы кассы взаимопомощи, так называемые добровольные организации членов профсоюзов, объединяющихся для оказания взаимной товарищеской материальной помощи. В 1959 г. на содержании 50 касс находилось 1966 чел. На обеспечение престарелых и инвалидов из касс было выплачено 1360 руб., приобретено 65 путевок на санаторно-курортное лечение, а также выдано 888 ц хлеба [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 199. Л. 123-124; Д. 223. Л. 107].

Все устанавливаемые государством пенсии делились на максимальные и минимальные, на пенсии, узаконенные на общих или льготных основаниях, что зависело от стажа работы и условий труда. Минимальные пенсии обеспечивали нормальное «с точки зрения общества» обеспечение потребляемых жизненных благ

[Заславский 1984: 24]. Максимальные же пенсии более полно удовлетворяли потребности нетрудоспособных, они были более стабильны и рассчитаны на длительную перспективу. И первые, и вторые пенсии являлись основным источником доходов для большинства их получателей.

Соответственно на выплату пенсий и пособий государством отпускались значительные средства, которые распределялись на пенсии и пособия членам колхозов, рабочим и служащим и иным получателям. Существенным дополнением к улучшению пенсионного обеспечения колхозников явилось вступление в силу постановления Совета Министров СССР от 20 июля 1964 г. № 622 «О государственном обеспечении и социальном страховании председателей, специалистов и механизаторов колхозов», благодаря которому наиболее квалифицированные кадры колхозов были уравнены в правах с рабочими и служащим совхозов [Очерки 1973: 487].

В дальнейшем с целью повышения благосостояния населения в 1971 г. вводились 100 % выплаты пособий по временной нетрудоспособности для семей с тремя и более детьми, независимо от продолжительности стажа работы родителей; установлены пособия для детей в малообеспеченных семьях; повышены пособия инвалидам с детства, размеры пенсий семьям, потерявшим кормильца.

С 1 ноября 1981 г. устанавливалась выплата государственного единовременного пособия работающим или обучающимся с отрывом от производства матерям в размере 50 руб. при рождении первого и 100 руб. при рождении второго ребенка. Такой порядок выплаты пособий распространялся на северные районы страны, в т.ч. Сибири. В этого же времени государство повысило размер государственного пособия одиноким матерям до 20 руб. на каждого ребенка, которое выплачивалось до достижения ребенком возраста 16 лет, а учащимся, но не получающим стипендию – 18 лет [Социально-экономическое развитие 1987: 189].

В 1971–1980 гг. был проведен комплекс мероприятий по улучшению материального обеспечения пенсионеров. Минимальный размер пенсий рабочих и служащих по возрасту увеличивался в 1,5 раза (с 30 до 45 руб. в месяц), колхозников – в 2,3 раза (с 12 до 28 руб.). Пенсии инвалидам 1-й и 2-й групп стали исчисляться на уровне и выше пенсий по возрасту. В 1981 г. были

повышены минимальные размеры пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца, а также минимальные размеры пенсий по возрасту рабочим и служащим (с 45 до 50 руб.). В результате размер минимальной пенсии приблизился к минимальной зарплате и составил в 11-й пятилетке более 70 % от ее уровня против 64 % в 10-й пятилетке. Разница в размерах минимальных пенсий рабочих и колхозников сократилась до 10 руб. в месяц в 11-й пятилетке, против 17 руб. в 10-й [Госархив РА. Ф. Р-48. Оп. 8. Д. 42. Л. 5].

В 1981–1985 гг. стал применяться новый порядок определения надбавки к пенсии за общий стаж работы. Если трудовой стаж рабочих и служащих мужчин составлял не менее 35 лет, а женщин 30 лет, и если при этом не менее 25 лет у мужчин и не менее 20 лет у женщин, имеющих детей, приходилось на работу в одном предприятии, учреждении, организации, то им увеличивался размер надбавки к пенсии с 10 до 20 %. Минимальный размер пенсии по случаю потери кормильца семьям погибших военнослужащих рядового состава срочной службы на одного нетрудоспособного был повышен с 27 до 38 руб. в месяц, а семьям рабочих и служащих на одного нетрудоспособного члена семьи – с 21 до 28 руб. в месяц. Таким образом, денежные доходы населения, которые, формировались за счет пенсий и пособий, ежегодно увеличивались.

Положительная динамика улучшения материального положения отражалась в показателях роста вкладов населения Горного Алтая в сберегательные кассы. На 1 января 1955 г. вкладчиками являлись 20000 тыс. чел., которые хранили на своих сбережениях 15421 тыс. руб. Средний размер вклада составлял 771 рубль. Спустя год, количество вкладчиков увеличилось на более чем на 2 тыс., а сумма сбережений на 2,9 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 147. Л. 52; Д. 156. Л. 38]. В 1965 г. сумма обязательных платежей, добровольных взносов и сбережений составила 63,36 тыс. руб. В 1966 г. эта сумма составит 220,8 тыс. руб. На 1 января 1967 г. по Горному Алтаю насчитывалось 38412 вкладчиков, в 1970 г. – 47633 (110 сберкасс), а в 1975 – 61306 (118 сберкасс) [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 5. Д. 99. Л. 16–17, 55]. Такая форма хранения денежных средств для населения была вполне приемлемой, в связи с чем наблюдался ежегодный рост вкладчиков и вкладов в государственные банки.

Следующей формой увеличения доходов населения были общественные фонды потребления, которые составляли более 2/3

от общего дохода граждан и складывались на основе общественной собственности на средства производства. Они выполняли две социальные функции: за их счет содержались временные или нетрудоспособные члены общества и обеспечивалось удовлетворение населения в здравоохранении, образовании и т.д. В числе общественных фондов потребления колхозов имелись, например, пенсионный фонд и фонд оказания единовременной помощи, выплатившие за 1959–1961 гг. пенсий престарелым колхозникам в сумме 62,6 тыс. руб., в 1962 г. уже 113 тыс. руб., а в 1970 г. на выплату пенсий и пособий было использовано 854,2 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. Р-48. Оп. 5. Д. 116. Л. 29].

Составным компонентом материального благосостояния является удовлетворение потребностей населения в социальном обслуживании или социальной защите. Социальная защита обеспечивала населению комплексное, разностороннее решение различных проблем, обусловленных социальными рисками, которые могли привести или уже привели к полной или частичной потере возможностей реализации прав, экономической самостоятельности и социального благополучия.

Социальная защита населения Горного Алтая в 1954–1985 гг. осуществлялась главным образом через областной отдел социального обеспечения (собес) при Горно-Алтайском облисполкоме, которому подчинялись городской и районные отделы соцобеспечения. Работники отделов должны были в течение года проверять все предприятия, организации и учреждения, выплачивающие пенсионные пособия нуждающимся в них.

В функции областного отдела соцобеспечения входило рассмотрение писем, жалоб и заявлений населения. Следует отметить, что большинство претензий было связано с назначением и выплатами пенсий. В связи с тем, что отдельные райсобесы недостаточно глубоко и правильно разъясняли причины отказа в назначении пенсионных выплат, гражданам приходилось обращаться в вышестоящие инстанции, хотя отказы в большинстве случаев были правомерными. Облсобес по итогам каждого квартала направлял в городской и районные органы соцобеспечения письма-ответы о состоянии рассмотрения жалоб и заявлений. Например, согласно сведениям о поступлении в областной отдел социального обеспечения писем, заявлений и жалоб за годы 8-й пятилетки на первом месте стояли вопросы об оказании материальной помощи (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о письмах, жалобах и заявлениях, поступивших в
облисполком от граждан

Вопросы	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	Всего
О назначении и увеличении пенсий и госпособий	50	47	36	43	26	202
Об оказании материальной помощи	59	54	50	51	38	252
Прочие	21	35	60	46	107	269
Итого	130	136	146	140	171	723

Источник: Госархив РА. Ф. Р-48. Оп. 5. Д. 46. Л. 126.

При общем увеличении количества писем и жалоб увеличивалось и количество писем об оказании материальной помощи населению. Данный факт, скорее всего можно объяснить тем, что те граждане, которым отказывалось в назначении пенсии или пособия, старались обратиться за материальной помощью с целью улучшить свое материальное положение.

Органы социальной защиты населения занимались не только назначением и выплатой пенсий и пособий. Значимым направлением являлось так называемое оказание содействия в переквалификации и дальнейшем трудоустройстве пенсионеров и инвалидов. Так, согласно отчетам о выполнении плана мероприятий по трудоустройству и материально-бытовому обслуживанию пенсионеров, отдел социального обеспечения Горно-Алтайского облисполкома систематически решал организационные вопросы о направлении на учебу или переквалификацию инвалидов каждого района [Госархив РА. Ф. Р-48. Оп. 5. Д. 117. Л. 42–44]. Инвалиды, обучающиеся в профтехучилищах или техникумах через органы соцобеспечения, находились на полном государственном обеспечении. Им полностью оплачивалось обучение, проживание и питание.

Работающие пенсионеры были заняты в таких отраслях, как, строительство, коммунальное и бытовое обслуживание, здравоохранение, просвещение. В сельской местности ежегодно

более 400–450 чел. были заняты на сезонных сельскохозяйственных работах в колхозах и совхозах в летне-осеннее время. Ветераны труда, инвалиды принимали активное участие по заготовке кормов.

Распространенной формой трудоустройства сельских пенсионеров являлся так называемый труд на дому. Инвалиды-старики делали грабли, черешки для вил, лопат, заготавливали метла для лесничества. Ремонтировали конскую сбрую, сани, телеги. Женщины охотно занимались вязкой носков, платков, шалей, починкой изношенной одежды, но из-за отсутствия сырья (нитки, пряжа, спицы) не всегда выполняли порученное им задание.

Кроме трудоустройства инвалидам оказывалась разносторонняя материальная помощь, например, торговые организации продавали кирпич, шифер, цемент со скидкой 30–50 %, лесозаготовительные организации выделяли лес, пиломатериалы, райбыткомбинаты организовывали ремонтную бригаду по заявлению пенсионера для починки крыши, печи, крыльца, завалинки и т.д. Всем инвалидам, проживающим в черте города, выдавались бесплатные проездные билеты на всех видах городского пассажирского транспорта. Но зачастую не все пенсионеры пользовались данной услугой. Из-за несвоевременной подачи заявок с точным количеством льготников не всем хватало бланков проездных билетов. В результате чего возникали справедливые жалобы в органы соцобеспечения со стороны инвалидов.

В соответствии с распоряжениями гор-/райисполкомов продолжали проводиться соответствующие мероприятия по обеспечению инвалидов войны и семей, погибших военнослужащих жилой площадью. Так в 1972 г. из 38 инвалидов, состоящих в очередном списке на получение жилой площади, получили квартиры 25, из 16 семей погибших военнослужащих получили квартиры 10. Остальные 13 инвалидов и 6 семей погибших военнослужащих могли получить квартиры только в следующем году [Госархив РА. Ф. Р-48. Оп. 8. Д. 6. Л. 15].

Особое внимание уделялось самой многочисленной категории нуждающихся в социальной помощи – ветеранам Великой Отечественной войны. Так, согласно постановлению Совета Министров СССР от 21 февраля 1980 г. «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны» для работающих участников войны предоставлялся очередной отпуск в удобное для них время, при

необходимости и дополнительный, сроком до двух недель в году [КПСС в резолюциях 1986: 450–452].

Инвалидам войны 1-й и 2-й группы, проживающих в домах без центрального отопления, предоставлялась 50 %-ная скидка от стоимости топлива, кроме того, 478 человек этой же категории освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога, налога со строений и земельной ренты. Все инвалиды ВОВ пользовались 80 % скидкой на лекарства от их стоимости в аптеках Горного Алтая, правом на внеочередное обслуживание в поликлинике, амбулаториях и фельдшерских пунктах. Значительно расширился круг инвалидов, пользующихся правом 50 % скидки от стоимости проезда по РСФСР на железнодорожный, воздушный и водный транспорт, а также круг инвалидов, которым выдавались бесплатно автомобили и мотоциклы [Госархив РА. Ф. Р-48. Оп. 8. Д. 77. Л. 14].

Следующим важным направлением социальной программы развития советского общества было оказание помощи семьям в воспитании детей, а именно: выплаты пособий по беременности и родам; единовременных пособий при рождении ребенка; пособий по уходу за малолетним ребенком, а также пособий по временной нетрудоспособности в случае болезни ребенка, предоставление различных льгот работающим матерям, материальная помощь на приобретении детских вещей; содействие в устройстве детей в детские учреждения и т.д.

26 марта 1956 г. был принят указ об увеличении отпуска по беременности и родам с 77 до 112 дней (56 дней до родов и 56 после родов), что благополучно повлияло на систему охраны материнства и детства. При этом имелись случаи увольнения беременных женщин под предлогом сокращения штатов или понижения их в должности под видом перевода с более тяжелой работы на менее тяжелую. Следует подчеркнуть, что подобные случаи не носили массового характера. Не менее важным дополнением социальных преобразований конца 1950-х годов стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 мая 1959 г. «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста».

С целью оказания всестороннего воздействия на трудно воспитываемых детей и подростков, при городском, районных, сельских Советах, на промышленных предприятиях, стройках,

школах работали Советы содействия семье и школе, женские советы, родительские, уличные и домовые комитеты, которые вели воспитательную работу в таких семьях. Кроме того, в школах функционировали пришкольные оздоровительные площадки, лагеря труда и отдыха, производственные бригады, организовывались уличные и дворовые футбольные и хоккейные команды, военизированные игры и т.д. Педагогические коллективы школ совместно с родительскими комитетами принимали активное участие в воспитательной работе. Вместе с тем, многие городские, районные и сельские Советы депутатов трудящихся в воспитательной работе с детьми и подростками допускали элементы формализма. Развитие массовой культурно-оздоровительной работы сдерживалось нехваткой спортивных сооружений, а также отсутствием квалифицированных тренерских кадров.

Таким образом, особенностью материального благосостояния населения Горного Алтая в 1954–1985 гг. явилось то, что с одной стороны общегосударственный курс на повышение благосостояния дал свои положительные результаты, а с другой – воплощение в действительность этого курса носило сложный и противоречивый характер. Во-первых, происходило увеличение денежных доходов населения за счет бюджетного финансирования из центра, которые возросли в 2,5 раза, однако эти средства не всегда можно было тратить на удовлетворение личных потребностей. Кроме того, государственная система уравнительной оплаты труда рабочих и служащих не лучшим способом сказывалась на качестве их работы, распространённое явление равнодушия к результатам своего труда лежало в отсутствии материального стимулирования трудящихся. Во-вторых, каждый гражданин обеспечивался комплексом жилищно-коммунальных, бытовых, торговых и иных услуг, но качество этих услуг оставляло желать лучшего. В-третьих, специфика природно-климатических условий и географическая отдаленность региона накладывали дополнительные трудности в реализации общегосударственного курса, направленного на повышение материального благосостояния населения.

6.3.2. Торговля и обеспечение предметами потребления

Торговое обслуживание населения всегда представляло собой сложную социально-экономическую проблему. Высокогорным

районам области, которые занимали большую часть ее территории, по сей день присущи специфические условия: значительная рассредоточенность населения, большие расстояния между населенными пунктами, плохая территориальная доступность. В таких сложных условиях сфера торгового обслуживания, помимо обеспечения населения необходимыми продуктами питания, бытовой техникой и промышленными товарами, являлась составным компонентом социально-бытовой инфраструктуры, и, так или иначе, способствовала улучшению условий жизни местного населения.

Основными государственными торгующими организациями в исследуемый период на территории Горного Алтая являлись областной потребительский союз, Горно-Алтайский госторг, отделы рабочего снабжения Минлесхоза, Союзпечать, Аптекоуправление, Книготорг и Управление дороги «Бийск – Ташанта».

Сельские районы обслуживала самая большая торгующая организация – облпотребсоюз, которая объединяла Майминский, Шебалинский, Турочакский, Онгудайский, Усть-Канский, Усть-Коксинский, Кош-Агачский потребительские союзы и Улаганское потребительское общество. В Горно-Алтайске и в рабочих поселках торговое обслуживание в основном осуществляли Горно-Алтайторг, Акташский и Веселовский продснабы [Малахов 1975: 107].

Колхозная торговля была представлена Горно-Алтайским колхозным рынком, но большого распространения не получила. Колхозная торговля относилась к так называемому неорганизованному рынку, т.е. ее деятельность не планировалась, товарооборот и цены колхозной торговли не устанавливались в плановом порядке, а складывались непосредственно на рынке под воздействием спроса и предложения, стихийно. Стихийность колхозной торговли ограничивалась целенаправленным экономическим воздействием государства.

Потребление населением товаров повседневного спроса осуществлялось главным образом посредством розничного товарооборота. Розничная торговая сеть состояла из государственных торговых предприятий, кооперативных организаций и предприятий общественного питания. В общей структуре розничного товарооборота в 1955 г. на долю кооперативной торговли приходилось 59,2 %, остальная часть – 40,8 % распределялась между государственными и колхозными торгующими организациями [Очерки 1971: 302].

Сеть розничных торговых предприятий Горного Алтая в 1955 году насчитывала 435 магазинов и ларьков, 35 предприятий общественного питания [Народное хозяйство 1958: 239]. В 1956 г. было открыто, не функционировавших по разным причинам до указанного года, 8 магазинов, 5 чайных и столовых, 17 школьных буфетов. В этом же году построено 22 магазина, 9 чайных и столовых, 15 товарных складских помещений, 6 ларьков. Вместе с тем, план розничного товарооборота в 1956 г. был выполнен на 94,9 %, что объясняется перебоями в торговле товаров повседневного спроса, таких как керосин, мыло, соль и другое [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 166. Л. 76].

В связи с ростом торговых предприятий увеличивался и их товарооборот. Его росту способствовало расширение торговой сети, в том числе и предприятий общественного питания (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о наличии торговой сети и сети общественного питания

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Магазины и палатки	435	739	727	749	786	786	757
Сеть обществ. питания	35	137	152	189	194	224	
Итого	470	876	879	938	980	1010	

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 626 «Д». Л. 16–21; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 5. Д. 208. Л. 3.

Приведенную выше сеть торговых предприятий в 1960 г. должны были существенно дополнить предприятия общепита. Открытие дополнительных столовых диктовалось требованием освободить значительную часть женщин от домашней работы и усилить производственную деятельность в совхозах. Согласно постановлению бюро облисполкома от 17 июня 1960 г. на областное сельхозуправление и облпотребсоюз возлагались задачи в текущем году открыть 11 столовых в совхозах. Однако, управление сельского хозяйства и облпотребсоюз, а также директора совхозов не выполнили данное постановление бюро обкома КПСС [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 223. Л. 83].

Дальнейший рост торговой сети и товарооборота предполагалось осуществлять в рамках специального постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению советской торговли» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 223. Л. 84]. Торгующие организации учитывали специфику сельскохозяйственного производства Горного Алтая, связанную с отгонно-пастбищным животноводством и ставили перед собой задачи максимального удовлетворения потребностей животноводов на стоянках в необходимых товарах повседневного спроса. Поэтому, с 1960-х гг. развозная торговля, как особая форма розничного торгового обслуживания, приобретала особое значение. В 1960 г. работников отгонно-пастбищного животноводства обслуживали 24 автолавки, 27 конных развозки, на чабанских стоянках были организованы торговые ларьки. Большая удалённость сезоннообитаемых пунктов, плохие дорожно-транспортные условия, особенно в зимнее время, не позволяли полностью удовлетворять потребности животноводов в товарах повседневного спроса [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 15. Л. 85].

Торговая сеть расширялась, в результате чего товарооборот к концу 1965 г. увеличился на 75 % по сравнению с 1958 г. Расширилась развозная торговля, работали автолавки, была организована торговля по заказам работников отгонного животноводства [Очерки 1971: 328, 336].

Кооперативная торговля в общем объеме товарооборота преобладала над государственной и колхозной. Кооперативная сеть в сфере розничного товарооборота включала Майминский, Турочакский, Усть-Коксинский райпотребсоюзы, а также Горно-Алтайторг, Акташский и Веселовский продснабы. Кооператоры этих районов выполнили план товарооборота в 1967 г. на 108,3 %, и получили по 23 тыс. руб. сверхплановой прибыли. Положительных результатов в торговле удавалось добиться благодаря точно продуманному ассортименту товаров, отвечающему запросам покупателей. В магазинах, как правило, такие товары размещались на видных местах, как и предполагал торговый сервис, а качество торгового обслуживания было на порядок выше. Кроме того, покупатель получал полную информацию об услугах, оказываемых продавцами магазина [Служить людям 1967: 3].

Благодаря предпринимаемым мерам объемы товарооборота стабильно возрастали (см. табл. 2).

Таблица 2

Розничный товарооборот в Горном Алтае в 1955–1980 гг.
(без оборота по продаже сельскохозяйственных продуктов)

Год	Весь товарооборот за год (тыс. руб.)		%	Год	Весь товарооборот за год (тыс. руб.)		%
	План	Фактически			План	Фактически	
1955	2955	30209	102	1970	91900,0	93,860	102,1
1963	14095	13759	97	1971	98000,0	99881,6	102
1964	59188,6	58771,7	99	1972	62650	64696,2	103,3
1965	60308,0	63473,0	103,6	1973	68400	69097,7	101
1966	42795,0	43885,9	102,5	1974	72900,0	75039,5	102,9
1967	45770,0	46721,0	102,1	1975	79200,0	79627,2	100,5
1968	-	-	-	1976	82200,0	82358,0	100,2
1969	51800,0	52133,8	100,6	1980	162806	167238	103

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 4. Д. 150. Л. 1; Д. 158. Л. 1, 22; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 8. Д. 130. Л. 133; Д. 135. Л. 1; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 11. Д. 14. Л. 8; Д. 37. Л. 1, 129; Д. 58. Л. 88; Д. 64. Л. 66, 149; Д. 104. Л. 6, 68, 139; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 41. Л. 109.

Товарооборот в Горном Алтае увеличивался с каждым годом, план по его выполнению в большинстве случаев перевыполнялся. Отдельное внимание следует уделить тому, что общей тенденцией в структуре предприятий розничной торговли являлся рост числа специализированных магазинов. В 1975 г. в системе облпотребсоюза имелось 487 магазинов, в т.ч. 5 крупных районных универмагов, 70 магазинов по торговле промышленными товарами, 143 магазина по торговле продовольственными товарами и 192 магазина по торговле товарами повседневного спроса.

В 1975 г. удельный вес продажи товаров методом самообслуживания в общем объеме розничного товарооборота составлял только по потребительской кооперации 57,5 % [Ложкина 2011: 61]. Таким способом сверх плана удалось реализовать товарной продукции более чем на 1,5 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 590. Л. 53]. Такая форма работы имела немало преимуществ. Покупатель мог самостоятельно выбрать необходимый ему товар, обращаясь к продавцу лишь за консультацией. Созданные удобства

для покупателя облегчали и труд продавцов, но с введением системы самообслуживания им предъявлялись новые требования. Продавцам необходимо было знать все характеристики любого товара, быть взаимно вежливыми и регулярно повышать качество товароведческого дела.

Одним из основных недостатков, сдерживавших развитие торговой сферы, являлась слабая работа отдельных торговых предприятий по развитию товарооборота. Отдельные райпо допускали просчеты в заявках, ошибки в количестве и наименовании покупаемых товаров. Товарные запасы в некоторых магазинах превышали нормативы в три раза, а в некоторых не хватало даже тех вещей, которые имелись на складах. Крупные недостатки в управлении товарными ресурсами приводили к ухудшению снабжения населения, невыполнению планов, скоплению на большие суммы неходовых вещей и в конечном итоге к их порче.

Документальные материалы, хранящиеся в государственных архивах, и периодическая печать содержат большое количество сведений о проблеме завышения цен. В некоторых магазинах не на всех образцах товаров, выставленных на витринах, имелись ярлыки цен, поэтому продавец случайно или целенаправленно мог завышать цены. Кроме этого, ценники иногда неправильно оформлялись, т.е. отсутствовало полное наименование товара, сорта, даты расфасовки, подписи ответственного за расфасовку лица [*Сластенин 1974: 2*].

Отсутствие в сельских магазинах таких товаров повседневного спроса как соль, чай, спички, свежемороженая рыба, манная крупа и т.д. объяснялось неудовлетворительной работой торговой базы облпотребсоюза. Торговая база не осуществляла работу по своевременному изъятию некачественных товаров. Не в срок и с нарушением ассортимента осуществляла отгрузку товаров. Работники магазинов почти не бывали на базе облпотребсоюза, а вся работа по подбору товаров перекладывалась на экспедиторов, которые, как правило, жили в городе и не знали истинных потребностей сельских покупателей, а потому отгружали порой, то, что первым попадало под руку.

Выше обозначенные проблемы усложнялись слабой материально технической базой развозной торговли. За последние 3 года 10-й пятилетки (1978–1980 гг.) товарооборот развозной торговли не получал роста, а в отдельных районах даже сокращался. Автолавки, отвлекаясь на хозяйственные работы, часто

использовались не по назначению. Так, например, в Усть-Канском райпотребсоюзе из 18 имеющихся автолавок 10 использовались на обслуживание животноводов [Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 7. Д. 48. Л. 33].

Не уделялось должного внимания и рациональному использованию передвижных средств обслуживания, т.е. отсутствовал точный маршрут каждой автолавки, которая доставляла товары повседневного спроса. Многие жители испытывали недостаток, как продуктов питания, так и простейших товаров промышленного производства. Не получила решения и задача обеспечения населения качественной продукцией, что самым непосредственным образом влияло на зависимость населения, как Горного Алтая, так и Сибири в целом, от товарных рынков европейской части страны и импорта товаров из-за границы.

Кроме того, система торгового обслуживания нуждалась в значительном повышении квалификации кадров торговых работников. В начале 10 пятилетки в сфере торговли Горного Алтая было занято более 5000 человек, из них только 1 % имел высшее образование, 12 % – специальное среднее и 18 % – общее среднее. Остальной состав работающих не имел даже среднего образования [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 590. Л. 76].

План 11-й пятилетки (1981–1985 гг.) ставил перед кооператорами важную для работников торговой сферы задачу: полнее использовать внутренние резервы для улучшения заготовок, закупок у населения излишков сельхозпродуктов (мяса, молока, яиц, овощей и т.д.). Для этого было крайне важно, чтобы районные общества потребкооперации и их рознично-торговые предприятия активно влияли на жителей села с тем, чтобы каждый из них содержал скот, птицу, выращивал картофель, овощи, фрукты. В свою очередь на кооператоров возлагались задачи обеспечения бесперебойной продажи владельцам личных подсобных хозяйств концентрированных кормов, минеральных удобрений и сельскохозяйственного инвентаря.

Кооператоры облпотребсоюза наряду с заготовкой и продажей продовольственных товаров, уделяли значительное внимание снабжению населения товарами промышленного производства. Исходя из этого, партия наряду с быстрым подъемом сельского хозяйства придавала огромное значение развитию отраслей группы «Б» [*Комогорцева 2003: 96*], которая была представлена предприятиями текстильной, кожевенной, обувной, швейной

и другими отраслями легкой промышленности, играющими важную роль в занятости населения, особенно женщин, а также в удовлетворении потребностей населения в товарах народного потребления. Но для Горного Алтая данные товары считались редкостью. Отсутствие качественных дорог внутри населенных пунктов, характер труда предопределяли ценность хороших резиновых или кирзовых сапог почти круглый год, калош и фуфаяк. В некоторых районах только к середине 1970-х стали доступны зимние кожаные утепленные ботинки, шерстяные костюмы, свитера, пальто, плащи и куртки из болоньевой ткани.

Однако в дальнейшем, в 1979 г. при общем росте розничного товарооборота увеличивалась и реализация промышленных товаров на 7,9 % по отношению к 1975 г. При этом продажа готовой одежды и белья поднялась на 25 %, шерстяных тканей – 44 %, шелковых – 11,3 %, меха и меховых изделий – 32,8 %, ковров – 21 %, телевизоров – 77,5 %, велосипедов и мотоциклов – 42 %, электробытовых машин – 35,1 %, стиральных машин – 23 % [Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 7. Д. 9. Л. 55; Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 6. Д. 100. Л. 5–7].

Изменение ассортимента покупаемых товаров свидетельствовало о возрастающих запросах населения, тесно связанных с повышением уровня материального благосостояния и культурного роста (см. табл. 3).

Таблица 3

Продажа товаров культурно-бытового назначения по Горному Алтаю, шт.

Товар	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Часы	14852	18538	21734	29126
Холодильники бытовые	355	2044	4875	3632
Стиральные машины	1463	4670	3103	3084
Электроутюги	-	3683	10230	6150
Велосипеды и мотовелосипеды	1920	2537	2141	3733
Мотоциклы и мотороллеры	733	675	1072	1363
Радиоприемники и радиолы	2170	3843	4281	3605
Телевизоры	441	1434	3197	4106
Магнитофоны	-	358	1497	1106
Пианино и рояль	24	48	34	50
Фотоаппараты	-	617	869	960
Швейная машина	944	813	835	1588
Автомобили	18	-	509	632
Пылесосы	-	...	1192	1131

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 626 «Б». Л. 1–6.

Примечание: ... – данных не имеется.

Статистические данные свидетельствуют о том, что городские и сельские жители стали в большом количестве приобретать такие товары как автомобили, холодильники, стиральные машины, телевизоры, музыкальные инструменты. Важно, что абсолютным лидером среди приобретаемых товаров стал автомобиль, продажа которого увеличилась за 1965–1980 гг. в 35 раз. В 10 раз возросла продажа бытовых холодильников, в 9,3 раза телевизоров, 5 раз музыкальных инструментов, 2,1 раза стиральных машин. Продажа остальных товаров так же продолжала расти.

Следующим показателем, характеризующим уровень торгового обслуживания населения, является организация товарооборота через сеть предприятий общественного питания, к которым относились столовые, рестораны, чайные, закусочные, буфеты. Эта сфера, также, как и торговля, нуждалась в совершенствовании, прежде всего, уровня обслуживания населения.

Анализ статистических сведений показывает синхронный рост предприятий общепита и торговли. Например, если на 1 января 1956 г. общее количество предприятий общественного питания составляло 59, то в 1976 г. уже 193 [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 4. Д. 150. Л. 1; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 36. Л. 1133].

Помимо роста количественных показателей предприятий общепита, улучшилось и качество обслуживания. В организации обедов для промышленных организаций, школ и учебных заведений заблаговременно составлялось меню с учетом ассортимента и количества блюд, а также оговаривались сроки и время доставки обедов, а в некоторых случаях предприятия общепита кроме доставки брали на себя услугу по предварительной сервировке столов.

Количество работающих предприятий общепита с каждым годом увеличивалось, например, с 871 человека в 1976 г. до 1014 в 1979 г. В результате заметно сокращалась и текучесть кадров, если в 1976 г. она составляла 30 %, то в 1979 г. 19,5 %. По подсчетам отдела торговли на 1979 г. из Горного Алтая обучалось в ВУЗах 4 человека, техникумах – 27, в школе рабочей молодежи – 40, это позволило хоть и не значительно, но решить кадровую проблему [Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 7. Д. 43. Л. 35].

За годы своей деятельности предприятия общественного питания существенно изменили ассортимент вырабатываемой продукции и технологии ее выпуска. За два десятка лет система

общественного питания потребкооперации сделала заметный шаг вперед, увеличив объем товарооборота с 3491,3 тыс. руб. в 1956 г. до 10984,8 тыс. руб. в 1982 г. или в 3 раза [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 4. Д. 150. Л. 2; Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 6. Д. 2. Л. 1].

Несмотря на значительное увеличение сети предприятий общепита, в их работе зачастую имели место грубейшие нарушения технологии производства и выпуска товара, или его недовес. Пища готовилась зачастую с нарушениями технологии [Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 6. Д. 100. Л. 96].

В некоторых пунктах общепита имелись факты завышения цен, не во всех пунктах общепита в течение рабочего дня выдерживался ассортимент блюд [Чернов 1974: 4].

Культура обслуживания так же оставляла желать лучшего. Во многих предприятиях пренебрежительно относились к созданию элементарных удобств для клиентов. Не везде хватало приборов для специй, столовых салфеток, чайных ложек, разносов. Практически во всех столовых оплата за обеды бралась в буфетах, а блюда выдавались с линии раздач, в результате чего посетителям приходилось отстаивать по две очереди.

Кадровый вопрос характеризовался низким коэффициентом квалификации работников общепита. По количественному составу, согласно штатному расписанию, кадры головной столовой были укомплектованы полностью, но качественный состав находился на низком уровне. При этом план по повышению квалификации кадров с каждым годом увеличивался. Так, если в 1976 г. с высшим образованием на предприятиях общепита Горного Алтая работало 11 чел., то в 1979 г. 17, со средне специальным образованием в 1976 г. 72, в 1979 г. – 84 [Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 7. Д. 9. Л. 65].

Вместе с тем количественные показатели роста не отражали действительно качественных изменений. Значительная часть торговых точек не отвечала санитарным требованиям. Торговая площадь магазинов и число посадочных мест предприятий общественного питания были намного меньше нормативных. Гораздо ниже оставался уровень обеспеченности предприятиями торговли и общественного питания в отдаленных населенных пунктах. Развитие материальной базы торговли существенно уступало темпам товарооборота. Покупательская способность населения, связанная с высоким уровнем доходов, опережала развитие торговой сети.

Таким образом, отдаленность населенных пунктов, их неодинаковая территориальная доступность диктовали особую необходимость в обеспечении всеми необходимыми товарами и продуктами питания сотни и тысячи работников сельского хозяйства, работающих на животноводческих стоянках и пастбищах. Готовясь к сезонным работам, кооператоры районов должны были уделять особое внимание рациональному использованию передвижных средств обслуживания, своевременно ремонтировать автолавки и конные развозки, на стоянках устанавливать торговые ларьки, организовывать посылочную торговлю.

Основной прирост предприятий торговли в Горном Алтае происходил за счет нового строительства магазинов в населенных пунктах отдаленных районов. Торговая сеть Усть-Коксинского и Усть-Канского районов увеличилась за этот период в среднем в 1,9 раза, Улаганского и Кош-Агачского в 1,2 раза, в целом по региону в 1,4 раза [Госархив РА. Ф. Р–54. Оп. 7. Д. 43. Л. 31].

Изменилась и структура товарооборота, в нем все большее место стали занимать товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода (автомобили, стиральные машины, холодильники, телевизоры и т.д.) (см. табл. 4).

Таблица 4

Структура розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание

	На душу населения (руб.)			
	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Продовольственные товары				
Мясо и мясопродукты	19,47	29,67	23,36	28,25
Рыба и рыбопродукты	5,31	6,62	5,11	6,77
Масло животное	18,10	9,14	7,66	8,77
Масло растительное	1,34	1,33	2,09	2,75
Молоко и молочные продукты	5,87	16,18	16,43	16,51
Яйца	1,74	5,41	7,57	9,90
Сахар	21,80	23,24	21,55	21,12
Кондитерские изделия	23,74	23,67	29,52	40,56
Хлеб и хлебобулочные изделия	28,89	32,81	36,13	37,71
Другие продовольственные товары	169,66	241,69	270,61	307,16

Непродовольственные товары				
Х/б ткани	8,14	7,40	8,01	7,82
Шерстяные ткани	4,28	7,30	7,35	4,88
Шелковые ткани	4,25	7,84	12,15	10,91
Одежда и белье	5,75	71,09	89,52	116,32
Трикотажные изделия	14,34	28,31	34,30	45,90
Чулки и носки	5,12	7,10	8,84	10,14
Обувь кожаная	17,41	29,02	32,61	43,23
Фарфоро-фаянсовая посуда	1,41	2,71	3,29	2,78
Мебель	6,32	12,87	18,98	24,86
Другие непродовольственные товары	98,13	157,09	177,56	259,60

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 626 «Г». Л. 35.

Система общественного питания развивалась за счет расширения сети. Показатели ее роста не отставали от предприятий торговли.

Несмотря на увеличение товарооборота, развитие и размещение торговой сети показывало, что усилия и ресурсы сферы торговли, как материальные, так и товарные были недостаточны для совершенствования торгового обслуживания жителей села. Некоторая их часть шла на расширение торговли, как правило, в райцентрах или крупных населенных пунктах. При действующих нормативах обеспеченности торговой площадью в населенных пунктах с численностью 500 человек, практически исключалась возможность строительства торговых точек. А потому жителям отдаленных мелких поселков приходилось ждать автолавку, или же идти пешком до ближайшего села для покупки самых необходимых товаров.

6.3.3. Сфера бытовых услуг

С преодолением трудностей послевоенного времени возросли материальные потребности людей, что требовало принятия мер по ускоренному развитию службы быта. Развитие сферы бытовых услуг в послевоенном Горном Алтае во многом носило те же проблемы и особенности, которыми характеризовалась служба бытового обслуживания населения еще в довоенные годы. Постепенно

возможности доступа граждан к бытовым услугам значительно улучшились. Жители Горного Алтая могли получить услуги по индивидуальному пошиву, ремонту одежды и обуви, мебели, металлоизделий, обзоров, химчистке и крашению одежды [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 86. Л. 2-3]. Для сельского же населения большая часть предоставляемых услуг оставалась недоступной, поскольку они оказывались только в областном центре – Горно-Алтайске.

Во второй половине 1950-х гг. ситуация в сфере бытового обслуживания населения стала меняться в лучшую сторону. Значительно увеличился ассортимент бытовых услуг, были построены и введены в эксплуатацию новые объекты быта: в 1956 г. мастерская при Горно-Алтайской ткацкой фабрике [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 25. Д. 32. Л. 1], а в 1958 г. – мастерские по ремонту товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения при Горно-Алтайской обувной фабрике. Повысилось качество бытового обслуживания населения в райцентрах. Так, например, в течение первого квартала 1959 г. в Онгудае и Усть-Кане начали принимать заказы мастерские по ремонту мотоциклов, велосипедов, швейных машин, радиоаппаратуры, электронагревательных приборов и другой техники [Госархив РА. Историческая справка к фонду Р-362]. Однако качество оказания подобных услуг продолжало вызывать нарекания у населения [И дорого... И плохо... 1959: 2]. Оценка «качества» оказываемых районными промкомбинатами услуг населению постоянно публиковалась на страницах средств массовой информации.

С ростом благосостояния населения государство принимало меры по совершенствованию системы бытовых услуг. В 1959 г. вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения», в котором органам власти на местах рекомендовалось расширить сеть предприятий по бытовому обслуживанию населения, особенно по пошиву и ремонту одежды и обуви, парикмахерских. В соответствии с указанным постановлением в Горном Алтае к 1960 г. сеть бытовых мастерских удалось увеличить до 86 (в 1951 г. – 66). Появились новые виды бытового обслуживания населения: ремонт сложных бытовых машин и приборов, услуги прокатных пунктов. Наибольшим спросом у населения продолжали пользоваться услуги по пошиву и ремонту одежды, обуви, валке валенок и парикмахерские [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 86. Л. 3-4].

В 1963 г. создается областное управление бытового обслуживания населения, на которое возлагалась задача превращения службы быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства. Ведущая роль в решении указанной задачи отводилась районным комбинатам быта [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. В 1964 г. комбинаты уже функционировали в 5 райцентрах (Кош-Агаче, Онгудае, Усть-Кане, Майме и Турочаке). Бытовое обслуживание населения Усть-Коксинского района осуществлялось бытовыми цехами и мастерскими Мультинского деревообрабатывающего комбината. Цеха и мастерские бытового обслуживания имелись при Шебалинском винкомбинате. Предприятия быта отсутствовали лишь в Улаганском районе. Наиболее крупным среди предприятий бытового обслуживания населения являлся Горно-Алтайский городской быткомбинат. Сотрудники его цехов и мастерских обслуживали не только городских жителей, но и выезжали в районы, где брали различные заказы и доставляли готовые изделия [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

За 1963 г. к уже имеющимся 86 дополнительно открылись еще 76 бытовых цехов и мастерских. Проводилась работа по подготовке кадров для службы быта и повышению их квалификации: для предприятий быта удалось подготовить 17 специалистов, 34 направлены на учебу, 139 специалистов, работающих в отрасли, обменялись опытом на предприятиях [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 12].

В результате предпринятых мер объем бытовых услуг, оказываемых населению, резко возрос. Дальнейшему росту сферы бытовых услуг способствовала организация в мае 1965 г. областного бюро обслуживания населения в качестве самостоятельного хозяйственного предприятия. Бюро принимало от населения заказы на работы и бытовые услуги, консультировало.

Особое внимание уделялось развитию службы быта в сельской местности. Для нужд населения функционировали 173 мастерские [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 86. Л. 5-6], практически во всех районах, за исключением Кош-Агачского и Улаганского, при бытовых комбинатах были организованы выездные приемные пункты. Жители отмечали, что постепенно улучшалось и качество бытового обслуживания. Например, в 1964 г. в Чойской районной газете «Животновод» отмечалось: «Второй год на центральной

усадьбе совхоза в селе Чоя работает пошивочная мастерская Майминского райбыткомбината ... За полтора года после открытия мастерской здесь выполнено более четырехсот различных заказов, среди которых десятки шерстяных и шелковых платьев для доярок и телятниц, много костюмов для скотников и механизаторов совхоза, а также многочисленные заказы для детей. С каждым месяцем портнихи совершенствуют свое мастерство, значительно улучшают качество выполняемых ими заказов ...» [Улучшается качество 1964]. Однако такие положительные изменения, появившиеся в системе бытового обслуживания населения, являлись скорее исключением. В большинстве случаев качество оказываемых населению услуг продолжало оставаться низким, не хватало квалифицированных специалистов, а их труд зачастую использовался не по назначению [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 47. Л. 13].

Главными направлениями в работе предприятий службы быта являлись создание производственной базы и расширение видов услуг населению. На эти цели Министерство бытового обслуживания РСФСР только за 1967-1970 гг. выделило Горному Алтаю 860 тыс. руб. [Память народа 1993: 416]. Благодаря помощи государства с середины 1960-х гг. развернулось капитальное строительство объектов сферы бытового обслуживания. В 1966 г. был введен в эксплуатацию Майминский райбыткомбинат [Госархив РА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 47. Л. 9], на базе кирпичной, известковой и деревообрабатывающей отраслей создан комбинат строительных материалов и ремонтных работ.

В 1967 г. в Горно-Алтайске начали работу цех по переработке давальческой шерсти, мастерская по ремонту радиоприемников и телевизоров. С этого времени у населения появилась возможность получить качественную услугу по ремонту сложной бытовой техники. До этого времени жителям региона для ремонта бытовой техники приходилось обращаться в Бийское ателье по ремонту телевизоров и радиоприемников, объемы и темпы которого не удовлетворяли потребностей населения. В 1968 г. был построен шерстепрядильный цех [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 4. Л. 111], в большинстве районных центров началось строительство типовых зданий комбинатов бытового обслуживания. В этом же году в Горно-Алтайске введена в строй фабрика химчистки с новейшим отечественным оборудованием, но в течение года проектная мощность фабрики использовалась только на одну треть. Началось

строительство Дома быта, в котором планировалось организовать цех по вязанию и пошиву трикотажных изделий, механизированный отдел по срочному ремонту обуви [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 22. Д. 4. Л. 17].

В результате ввода в действие производственных объектов службы быта, расширения видов бытовых услуг, объемы бытового обслуживания населения постоянно росли (см. табл. 1).

Таблица 1

Объем бытовых услуг населению Горного Алтая
в 1960-е гг., тыс. руб.

1965	1966	1967	1968	1969	1970
773,0	923,4	1112,2	1329,1	1539,9	1820,4

Источник: *Ложкина* 2010: 98.

В целом, по Горному Алтаю за 1966–1969 гг. объем бытовых услуг населению увеличился в 2 раза. При этом в районах, расположенных вблизи областного центра (Шебалинском, Майминском, Турочакском), предприятий быта на 40–50 % было больше, чем в отдаленных районах (Кош-Агачском, Усть-Коксинском, Онгудайском). Население отдаленных районов продолжало испытывать неудобства в доступе к услугам службы быта. На первой сессии областного Совета депутатов трудящихся 22 марта 1969 г. рассматривался вопрос о строительстве домов быта и организации приемных пунктов в колхозах и совхозах. Особенную озабоченность властей вызывала сложившаяся ситуация в Усть-Коксинском и Онгудайском районах. Депутатами отмечалось, что бытовое обслуживание населения в этих районах развивалось достаточно слабо, количество оказываемых бытовых услуг населению не увеличивалось [Госархив РА. Ф. Р–362. Оп. 1. Д. 136. Л. 1, 5].

К началу 1970-х гг. в области насчитывалось более 160 видов бытовых услуг, функционировало 2 городских и 8 районных комбинатов бытового обслуживания, в которых действовали 176 мастерских, комнат быта и приемных пунктов, работало более 1300 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 22. Д. 4. Л. 105]. Несмотря на довольно обширную сеть предприятий быта и большой спектр оказываемых ими услуг, в январе 1970 г. на пленуме Горно-Алтайского обкома КПСС были четко обозначены проблемы отрасли. Отмечалось, что объем услуг в расчете на одного жителя

Горного Алтая снизился, плохо осваиваются мощности бытовых предприятий, особенно в районах. На заседании были определены основные задачи развития отрасли – обеспечить развитие всех видов бытового обслуживания, приблизить услуги к населению, оказывать их непосредственно на производстве, местах массового отдыха и в целом превратить службу быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 22. Д. 4. Л. 17, 105].

Ассортимент бытовых услуг постоянно расширялся. На предприятиях бытового обслуживания населения внедрялись новые виды бытовых услуг, связанных с туристическим отдыхом: прокат стационарных палаток с постельными принадлежностями на озерах Ая и Манжерок, прокат водных велосипедов, пошив штормовок из прорезиненной ткани, арчимаков (кожаные сумки из двух сумин, используемые для перевозки на лошадях), меховых кожаных перчаток, изделий из вельвета на поролоне, крашение хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Вместе с тем качество оказываемых услуг продолжало оставаться низким и, в первую очередь – в сфере ремонта одежды, обуви, мебели, бытовых приборов, химической чистке и стирке белья. Сельские жители, особенно отдаленных от областного центра районов, о существовании таких услуг знали только из средств массовой информации.

Руководство Горного Алтая прилагало все возможные усилия для развития сферы бытового обслуживания населения. Начали строиться крупные специализированные, механизированные по последнему слову техники предприятия. Например, на основании решения Горно-Алтайского облисполкома № 134 от 14 апреля 1971 г. на базе шерстопрядильного и трикотажного цехов Горно-Алтайского горбыткомбината была организована хозрасчетная трикотажная фабрика [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 430. Л. 105]. Наряду с ними продолжали функционировать небольшие приемные пункты, что давало возможность осуществлять сбор заказов по месту жительства, а их исполнение производить в специализированных ателье или мастерских [*Ложкина* 2010: 97].

17 июля 1973 г. Алтайский крайисполком постановил организовать в Горно-Алтайске хозрасчетное предприятие по ремонту металлоизделий, сложной бытовой техники, транспортных средств.

Несмотря на рост числа оказываемых услуг, в отрасли продолжали сохраняться проблемы, требовавшие пристального внимания. Это антисанитарное состояние комбинатов, приемных пунктов и ателье, низкое качество оказываемых населению услуг, их недоступность для сельских жителей [Госархив РА. Ф. Р–362. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–10]. Проблема предоставления бытовых услуг для населения, проживающего в труднодоступных селах и урочищах была достаточно четко обозначена в 1974 г. Управлением бытового обслуживания населения, которое разработало комплекс мероприятий для ее решения, согласно которому планировалось направлять в труднодоступные села выездные бригады для приема заказов, а их жителей обслуживать вне очереди [Госархив РА. Ф. Р–362. Оп. 1. Д. 262. Л. 24–25].

На развитие сферы бытовых услуг Горного Алтая выделялись значительные средства. Так, с 1971 по 1975 гг. на развитие бытового обслуживания было направлено 2,8 млн. руб., началось строительство Дома быта в Горно-Алтайске, комбината бытового обслуживания в Турочаке, проведены реконструкция и расширение действующих предприятий, осуществлена механизация ряда производственных процессов, улучшение условий труда, на эти цели было израсходовано 433 тыс. руб. Повысился уровень технического оснащения бытовых предприятий, приобретено и установлено различного оборудования на 204 тыс. руб. К 1975 г. областное управление бытового обслуживания населения объединило 54 предприятия. Кроме того, в Горно-Алтайске создавались обособленные предприятия по ремонту сложных бытовых машин и приборов («Рембыттехника»), радиотелевизионной аппаратуры, изготовлению и ремонту трикотажных изделий. В сферу их обслуживания все районы области [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 12. Л. 39]. Бытовое обслуживание населения заметно улучшилось, выросли объемы услуг, расширился их ассортимент, например, в 1975 г. службой быта оказывалось 456 видов услуг [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 12. Л. 39–40; Д. 17. Л. 198]. Сеть бытовых мастерских и приемных пунктов, главным образом, увеличилась за счет открытия комплексных приемных пунктов.

Одной из наиболее трудно решаемых проблем в сфере бытового обслуживания населения в 1970-е годы являлась подготовка кадров. В 1971 г. в разных отраслях службы быта Горного Алтая было занято 1266 чел., в том числе на селе – 746. Не хватало

квалифицированных инженеров, техников, мастеров. Подготовка специалистов для швейных и трикотажных мастерских велась на Горно-Алтайском технологическом техникуме и Барнаульском профтехучилище. Но для сферы бытового обслуживания постоянно не хватало парикмахеров, фотографов, мастеров для фабрик химчистки и крашения одежды, обувщиков. Частично проблема нехватки кадров решалась за счет системы совместительства [Ложкина 2010: 101–102].

Предприятия службы быта испытывали нехватку автотранспорта и рабочей силы. Особенно острой проблемой являлся нехватка производственных площадей. Во многих районах службы быта располагались в непригодных, неотапливаемых помещениях без элементарных удобств и электроэнергии. Эти обстоятельства стали причинами неудовлетворительного оказания населению услуг изготовлению мебели и бондарной посуды, ремонту обуви и др. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 12. Л. 46–47; Ф. Р–362. Оп. 1. Д. 286. Л. 25–26]. Практически неразвитой оставалась сфера обеспечения населения банно-прачечными услугами.

В 1977 г. в сфере бытового обслуживания населения Горного Алтая имелись 63 крупные предприятия, они объединяли 277 мелких предприятий и мастерских, на которых трудились свыше 1600 чел. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 13. Л. 150; Ф. Р–362. Оп. 1. Д. 286. Л. 70]. К 1980 г. в службе быта значительно увеличилось количество приемных пунктов, выросли объемы бытовых услуг населению, в том числе в сельской местности (см. табл. 2), увеличился объем реализации бытовых услуг.

Таблица 2

Сеть предприятий бытового обслуживания и основные показатели, характеризующие развитие бытового обслуживания населения

Основные показатели	1965 г.	1970 г.	1980 г.
Число мастерских (ателье) в службе быта, ед.	205	223	161
в том числе в сельской местности	173	168	110
Число приемных пунктов в службе быта, единиц территориально-обособленных	9	39	148
в том числе в сельской местности	1	20	120

Среднесписочная численность работающих на предприятиях службы быта	898,5	1250	1721
Объем бытовых услуг населению, тыс. р.	699	1600	4532
в том числе			
в городской местности	373	864	1703
в сельской местности	326	736	2829

Источник: Республика Алтай в цифрах 2006: 158.

Документы официальной статистики свидетельствуют о том, что к 1980 г. (в сравнении с 1965 г.) в сельской местности при сокращении числа мастерских (ателье) в службе быта, произошло резкое увеличение приемных пунктов. Вероятнее всего, это было связано с тем, что жители сел стали предпочитать пользоваться услугами городских предприятий через приемные пункты, чем бытовыми услугами низкого качества, предоставляемыми районными быткомбинатами. В указанное время значительно вырос объем бытовых услуг, предоставляемых сельскому населению (см. табл. 3).

Таблица 3

Объем реализации бытовых услуг населению по видам (тыс. руб.)

Виды услуг	1965 г.	1970 г.	1980 г.
Объем реализации бытовых услуг – всего	699	1600	4532
в том числе			
ремонт и индивидуальный пошив обуви	58	146	574
ремонт и индивидуальный пошив одежды	262	916	1132
ремонт радиотелевизионной аппаратуры, бытовых машин и приборов и изготовление металлоизделий	20	41	239
ремонт и техническое обслуживание транспортных средств	-	5	8
ремонт и изготовление мебели	59	100	203
химическая чистка и крашение	-	22	40
услуги прачечных	19	124	211
строительство и ремонт жилищ	31	138	380
услуги фотографий	49	79	283
услуги бань и душевых	81	99	123

услуги парикмахерских	73	94	176
услуги пунктов проката	4	12	19
транспортные услуги	4	27	486
ритуальные услуги	1	6	245
прочие	8	53	413
Объем реализации бытовых услуг на душу населения, руб.	4,14	9,51	26,23

Источник: Республика Алтай в цифрах 2006: 159; Статистический ежегодник 2005: 331.

О достижениях и проблемах сферы оказания бытовых услуг населению можно судить по материалам XXXIV областной партийной конференции (17–18 декабря 1985 г.). К.А. Кремер – начальник областного управления бытового обслуживания населения отмечал стабильный рост бытового обслуживания населения. В этой сфере трудилось 69 бригад (400 человек), за 1984–1985 гг. объем бытовых услуг возрос на 8,2 %; значительно улучшилось бытовое обслуживание в Усть-Канском, Майминском, Онгудайском и Турочакском районах. Но несмотря на положительные тенденции в развитии службы быта, отмечено о недостатке принимаемых мер [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 61. Д. 1с. Л. 37, 178–181].

Постепенно служба быта совершенствовала свою работу по улучшению доступности бытовых услуг населению. Принимались меры, направленные на повсеместное внедрение абонементного обслуживания, организацию приема заказов по почте и телефону, ремонт бытовой техники на дому. На селе стали внедряться новые виды и формы обслуживания населения: ремонт цветных телевизоров, электронных часов, цветное фото, услуги проката личного характера, перебивка и изготовление валенок, вспашка огородов, изготовление печных труб, духовок, умывальников, сундуков.

О совершенствовании сервиса обслуживания свидетельствовало появление такой формы обслуживания, как дни быта, на которых демонстрировались модели одежды и обуви, швейные изделия, новые виды причесок и стрижек. Высокое качество услуг было немислимо без роста профессионального мастерства, чему способствовали конкурсы на звание «Лучшая закройщица», «Лучшая приемщица», «Лучшая вязальщица» [Ложкина 2010: 100–101].

Таким образом, в 1954–1985 гг. развитие сферы бытовых услуг в Горном Алтае имело как достижения, так и проблемы. С одной стороны, постоянно вводились в строй новые объекты сферы бытового обслуживания, увеличивалась ее сеть, расширились виды и объемы услуг, оказываемых населению. Городские и сельские жители могли воспользоваться такими услугами как пошив одежды и обуви, заказ новой мебели, ремонт сложной бытовой техники, услуги парикмахерской и химчистки. Широкий ассортимент услуг, несомненно, облегчал повседневную жизнь людей.

С другой стороны, высокие количественные показатели зачастую шли в разрез с качеством оказываемых услуг. Слабая материальная база, нехватка квалифицированных кадров, недостаточное внимание местных властей на развитие службы быта в сельской местности приводили к тому, что реальное состояние отрасли не отвечало потребностям населения, рост показателей службы быта обеспечивался не за счет качества услуг, а за счет их количества. В целом сфера быта требовала от областного руководства более пристального внимания, серьезных и продуманных решений, роста качественных показателей.

6.3.4. Жилищное строительство

Жилищное строительство Горного Алтая в 1954–1985 гг. включало ряд направлений: увеличение жилого фонда за счет строительства дополнительного жилья, предоставление квартир, увеличение общей полезной площади. Обеспечение жильем было не просто проявлением комфорта, а «важнейшим условием формирования системы жизнеобеспечения» [Родин 1981: 49], тем более для регионов с суровыми природно-климатическими условиями, каким по сей день является Горный Алтай.

В середине 1950-х гг. жилищная проблема для страны в целом и некоторых национальных регионов в частности, являлась одной из наиболее насущных в сфере социальной политики КПСС. Остро стоял вопрос о расширении государственного жилищного строительства, переходе на посемейное заселение квартир, повышении уровня благоустройства возводимого жилья. Необходимо было в кратчайшие сроки переселить из бараков и экономичного или коммунального жилья с низкими потолками, совмещенными санузлами и общей кухней в новое, просторное жилье. В

соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 г. осуществлялся переход к повсеместному строительству жилых домов, хоть и с экономичными квартирами, но для одной семьи. Для реализации этой цели в производстве капитального строительства стали применяться более рациональные конструкции зданий, начали строиться крупнопанельные многоэтажные дома новой планировки.

С целью повышения эффективности капитального строительства государство стремилось осуществлять ввод в действие новых мощностей, совершенствовать техническое оснащение действующих предприятий, обновлять механизацию и автоматизацию производства строительных материалов. Повышать уровень индустриализации строительства планировалось через комплексно-механизированный процесс монтажа зданий и сооружений. Соответственно на реализацию этих целей государством своевременно и в возрастающем объеме осуществляло капитальные вложения в развитие жилищного строительства. По статистическим данным нижеприведенной таблицы, капиталовложения в жилищное строительство за 20 лет увеличились в 5,4 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Капиталовложения в жилищное строительство за счет всех источников финансирования, млн. руб.

1965 г.	1970 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
4,0	4,9	8,7	9,0	9,4	10,0	9,7
1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	
11,2	11,9	16,5	16,9	22,4	21,6	

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 403. Л. 84–85.

В результате стабильного финансирования значительно увеличивался объем государственного и колхозного строительства, при этом масштабы и удельный вес индивидуального строительства рабочими, служащими и колхозниками значительно снижались. Перечисленные виды строительства рассмотрим подробнее.

Государственное строительство жилого фонда осуществлял трест «Горноалтайскцелинстрой», включавший в себя производственную зону, трест механизации, промышленный трест и автотранспортное предприятие. Трест являлся основной подрядной

организацией госзаказов, распределявший объекты строительства по районным ПМК.

К середине 1950-х гг. в строительной отрасли области скопился целый ряд проблем, обусловивших невыполнение поставленных задач.

Так, на 1 января 1956 г. размер жилой площади в Горном Алтае за 1954–1956 гг. увеличился с 166355 кв. м до 188646 кв. м или в 1,1 раза, в первую очередь за счет строительства нового жилья. В 1957 г. было введено в эксплуатацию 851 кв. м жилой площади или 171 % к плану. Индивидуальные застройщики построили 450 кв. м жилья [Очерки истории 1971: 275].

Однако в некоторых районах Горного Алтая, таких как Улаганский, Усть-Канский, Чойский за 2 года не было построено ни одного нового дома. В остальных же районах строительство хоть и медленно, но велось.

Таблица 2

Введено в действие жилых (общая площадь) домов за счет всех источников финансирования, тыс. кв. м

1965 г.	1970 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
36,9	45,2	65,2	53,8	62,4	54,5	55,6
1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	
61,7	72,5	68,7	72,0	84,4	88,8	

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 403. Л. 84–85.

Введение жилых домов за 20 лет увеличилось в 2,4 раза (см. табл. 2). В 1970 г. весь городской жилищный фонд общей (полезной) площади составлял 290 тыс. кв. м, в том числе, обобществленный – 147,8 тыс. кв. м, и находящийся в личной собственности граждан 142,2 тыс. кв. м. Это частично облегчило населению получение квартир от государства по очереди. В 1970-х гг. примерно каждая пятая семья имела возможность получить новую квартиру.

По состоянию на 1 января 1973 г. всего в Горном Алтае имелось 578 государственных жилых домов, включающих 1319 квартир, в которых проживало 4607 чел., в 1974 г. количество жилых домов увеличилось до 622, включающих 1328 квартир и 4579 жильцов соответственно. Данные показатели не снизили темпов и в 1975 г.,

составив 651 жилых домов с 1370 квартирами, в которых проживало 4681 чел. [Ложкина 2011: 38].

Большая часть возводимого жилья строилась в городе и районных центрах. В 1975 г. городской жилищный фонд вырос почти в 2 раза против 1970 г., и составил, весь – 403, обобществленный – 220,2 тыс. кв. м, находящийся в личной собственности граждан – 183,7 тыс. кв. м [Горно-Алтайской автономной 1982: 68].

К концу 9-й пятилетки (1971–1975 гг.) большинство жителей Горного Алтая получило свыше 190 тыс. кв. м жилья, это почти столько же, сколько за 7 и 8 пятилетку, вместе взятые, а в г. Горно-Алтайске введено в строй жилья в 2,5 раза больше, чем в предыдущей восьмой пятилетке [М.В. Карамеев 2019: 66]. В это же время было построено и введено 25 школьных зданий, два профтехучилища, 14 дошкольных учреждений, домов культуры на 1750 мест, больниц на 480 коек [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 590. Л. 56].

Увеличивался объем строительного-монтажных работ, выполняемых подрядным способом. Многие строительные организации повысили уровень сборности строительства, этот показатель на начало 1976 года составлял 32 процента, против 19 в начале пятилетки. В шести бригадах треста «Горно-Алтайскводстрой» был освоен способ работы бригадным подрядом по методу Злобина, что предполагало делегирование бригаде права распоряжаться строительными средствами, включая финансы, определять режим рабочего времени и, соответственно, нести ответственность за качество выполненных работ. Данный метод позволял сдать строительный объект раньше указанного срока.

Расширялась материально-производственная база строительства: введен в действие механизированный склад для цемента, построена опорная база Горно-Алтайской ПМК–1106, начато строительство баз управления механизации строительных работ Онгудайского и Усть-Коксинского ХСУ, автотранспортной конторы треста «Алтайсельстрой». Кроме того, были построены и введены в эксплуатацию цеха по производству бетона, раствора и сборного железобетона на заводе ЖБИ, осваивались технология и мощности по производству керамзита и керамзитобетона, что позволяло постоянно повышать производительность труда на стройке и снижать стоимость строительства.

Вместе с тем достигнутые темпы роста не обеспечивали выполнения государственного плана в строительстве по многим

показателям. Одним из серьезных недостатков считалось невыполнение плана капитальных вложений в строительство.

Таблица 3

Капиталовложения в жилищное строительство
в 1955–1980 гг.

Год	Капитальные вложения в сметных ценах (тыс. руб.)			Ввод в действие жилой площади (кв. м)		
	План	Выполнение	%	План	Выполнение	%
1955	-	-	73,8	-	-	75,1
1960	21320	18451	86,6	22006	14949	67,9
1965	2818,1	2477,1	88	23539	12623	54
1970	43694	38980	89	34839	22098	63
1975	75710	71420	94	47623	44627	94
1980	74450	81030	109	41826	43779	106

Источник: Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 199. Л. 127; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 10. Л. 33; Д. 15. Л. 69; Д. 23. Л. 67; Д. 36. Л. 69; Д. 41. Л. 87; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 938. Л. 3.

Из приведенных данных становится ясно, что план капитальных вложений в жилищное строительство за 25 лет увеличился в 3,5 раза, а показатели выполнения этих планов только в 1,8 раза (см. табл. 3). Однако темпы роста ввода в действие жилой площади возросли лишь в 1,4 раза. Это объясняется тем, что мощности строительных организаций существенно отставали от темпов капиталовложений. Из-за низкого уровня индустриализации строительства, слабой производственной базы строительных организаций, недостаточной мощности предприятий, производящих строительные материалы, а также нехватке подготовленных кадров, капиталовложения в строительство осваивались не полностью.

В середине 1950-х годов строительно-монтажное управление № 4 треста «Алтайстрой» выполнить строительную программу в городе могла только на 52,2 %. В этой связи капиталовложения, отпущенные на расширение и техническую реконструкцию строительных материалов, осваивались не в полной мере [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 166. Л. 48].

В 1966 г. строительные организации не освоили капиталовложений более чем на 2,4 млн. руб., и в результате не

сдали в срок 11 тыс. кв. м жилья, а на 1 августа 1967 г. в целом по Горному Алтаю годовой план государственных капиталовложений вместо 9 млн. 450 тыс. руб. был освоен лишь на 4 млн. 704 тыс. руб. Кроме того, из запланированных 16407 тыс. кв. м жилья, было сдано в эксплуатацию только 7667 тыс., или 47 %. Особенно неудовлетворительно обстояли дела с вводом в эксплуатацию жилья в Турочакском районе, здесь было сдано только 20 %, а в Онгудайском и Майминском районах – 27 и 31 % жилья соответственно [Федорин 1967: 4]. Постоянное невыполнение плана освоения средств по капитальному строительству превратилась в хроническую на долгие годы, в первую очередь – из-за слабости строительной отрасли Горного Алтая.

Качество строительства продолжало оставаться низким. Из всех объектов, введенных в эксплуатацию в 1975 году, только около 30 % было принято с хорошей оценкой. Необходимо было принимать дополнительные меры по развитию базы строительных организаций, увеличению производства кирпича и местных строительных материалов, по комплектованию строительных подразделений квалифицированными кадрами и т.д.

Указанные недостатки отражала и местная периодическая печать, на страницах которой очень часто указывалось на то, что производственная база треста не всегда обеспечивала потребности населения Горного Алтая в строительных материалах и различных конструкциях. Из-за отсутствия лесопильного завода и специализированного леспромхоза по заготовке древесины существовала проблема нехватки пиломатериалов. На некоторых предприятиях и стройках не полностью использовались основные производственные фонды, медленно осваивались новые методы ведения строительно-монтажных работ, не увеличивались мощности бетонно-растворных узлов, не в полной мере использовались автотранспорт и подъемно-транспортные средства [Алев 1967: 4].

За годы 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) в Горном Алтае на возведение нового жилья было израсходовано 50 млн. руб., или на 12 млн. больше, чем в 9-й пятилетке. Несмотря на то что, объем капитальных вложений по всем источникам финансирования за годы 11-й пятилетки (1981–1985 гг.) удалось освоить на 125 % к уровню 10-й пятилетки, динамика капитальных вложений в жилищное строительство стала заметно снижаться (в 1981 г. – 1,84 млн. руб., 1982 – 1,76 млн. руб., 1983 – 1,71 млн. руб., в 1984 – 1,55 млн. руб.,

и в 1985 г. – 1,420 млн. руб.) [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 749. Л. 39].

В целях повышения качества массового жилищного строительства, в начале 1980-х в стране органами Госстроя СССР были разработаны типовые проекты новых, более комфортабельных жилых домов. В связи с многообразием климатических, сейсмических, геологических условий строительства применялись типовые проекты, имеющие в своем составе более 2 тыс. различных блок – секций. Каждая серия включала 10 типов квартир (от однокомнатных до пятикомнатных), в которых можно было разместить любую семью. Как отмечал заместитель председателя Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР Ю. Родин, проекты вышеперечисленных домов предусматривали улучшенную тепло-и звукоизоляцию, а также увеличение средней площади квартир. Полезная площадь квартир в новых проектах увеличивалась с 48,5 кв. м в 1975 г. до 51,8 в 1980 г. По таким проектам в целом по стране в 1981 г. возводилось около 60 % домов [Родин 1967: 52].

В годы 11-й пятилетки (1981–1985 гг.) было построено жилья площадью 284 тыс. кв. м, ряд объектов производственного и непромышленного назначения. Произошли существенные изменения в характере жилищного строительства и структуре вводимого жилья. В городе и некоторых райцентрах возводились крупнопанельные и крупноблочные дома. Но в них, по свидетельствам писем и жалоб граждан в местную периодическую печать, из-за некачественного монтажа имелись многочисленные случаи протекания стыков, промерзание панелей наружных стен и совмещенных кровель, кроме того, многие фасады таких зданий имели «неприглядный» вид [Стрельников 1985: 3]. В ряде случаев жилые дома сдавались в эксплуатацию без благоустройства. Строители писали гарантийные обязательства на окончание работ в следующем году, но эти обязательства оставались на бумаге. После этого благоустройство выполнялось стихийно и с некоторыми отступлениями от проекта, что не соответствовало предусмотренной архитектурной композиции. Зачастую строители устанавливали «сырые» плинтусы, подоконники и другие столярные детали, а после их «высыхания» образовывались трещины и щели, на затирку которых тратилось много лакокрасочных материалов и времени. Что же касается отделочных работ то и здесь имелись недостатки,

например, не хватало алебаstra для затирки стен, соответственно тормозились покрасочные работы. Из-за нехватки цемента не на что было класть плитку [Иванов 1984: 2].

Следующим видом строительства являлось колхозное, масштабы и удельный вес которого по свидетельствам многочисленных делопроизводственных и статистических источников значительно увеличивались. В рассматриваемое время хозяйственным способом осуществлялось более 50 % всего строительства. Суть хозяйственного способа строительства заключалась в том, что колхоз обеспечивал застройщиков всеми необходимыми материалами, оборудованием, оказывал помощь техникой, транспортом. Отношения между застройщиками и колхозом регулировались договором, предусматривающим тип проекта, объем работ, их сметная стоимость, а также сроки обеспечения застройщика материально-техническими ресурсами и средствами механизации. После окончания строительства дом по желанию новосела арендовался у колхоза с выплатой обычной квартплаты или приобретался в личную собственность на льготных условиях (50 % от стоимости дома оплачивало хозяйство).

Слабое развитие колхозного строительства наблюдается в середине 1950-х годов. Например, в 1955 г. не введено в эксплуатацию ни одного квадратного метра жилой площади в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском районах. Не выполнялся план по капиталовложению в жилищное строительство. Соотношение сноса жилых зданий по причине ветхости и полного физического износа в количестве 6089 кв. м к объему нового строительства составляло 19,4 % [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 938. Л. 4–5].

В 1964 г. на колхозное строительство было выделено 1092 тыс. руб., освоено только 794 или 73 %. Планировалось сдать в эксплуатацию 7894 кв. м, но фактически удалось сдать 5459 кв. м или 69 % [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 10. Д. 7. Л. 64].

Пик строительства в колхозах имел место в 10–11 пятилетках (1975–1985 гг.), когда большое внимание стало уделяться строительству жилых домов. Если в 9-й пятилетке колхозы построили и ввели в действие 29901 кв. м жилых домов, то в 10-й – 43973 кв. м, а в 11-й уже 51103 кв. м, в целом количество построенного жилья возросло 1,7 раза [Горный Алтай в цифрах 1990: 103]. По этому показателю перевыполняли план от 3 до 1,6 раза Усть-Канский, Усть-Коксинский, Чойский и Кош-Агачский

районы. Наибольшее количество квартир (от 28 до 15) получили рабочие в совхозах «Амурский», «Чойский», «Эдиганский», «Кебезеньский» и «Теньгинский», что создавало благоприятные условия для укрепления кадров на селе и создания стабильных трудовых коллективов [Иванов 1984: 2].

Третий вид рассматриваемого строительства – индивидуальное, возводилось преимущественно в сельской местности для колхозников и рабочих совхозов (см. табл. 4). Кроме того, индивидуальное строительство велось в «частном секторе» городов и поселков, а также в дачных поселках и садовых товариществах. В рассматриваемый период данный вид строительства, в отличие от государственного, сократился в 1,2 раза.

Таблица 4

Индивидуальное жилищное строительство в 1958–1965 гг.

Год	Жилплощадь в городской местности (кв. м)	Жилплощадь в сельской местности	Год	Жилплощадь в городской местности (кв. м)	Жилплощадь в сельской местности
1958	6500	2100	1966	756	408
1959	3887	1600	1967	529	939
1960	3547	1255	1980	3027	5799
1961	1995	901	1981	4088	6395
1962	2000	800	1982	3760	7342
1963	700	700	1983	4678	9515
1964	1000	427	1984	3212	12743
1965	567	427	1985	5446	8760

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 402. Л. 38, 47.

В 6-й пятилетке темпы индивидуального строительства сократились в 1,8 раза, а в 7-й пятилетке – в 3,5 раза. В связи с недостатком личных сбережений и отсутствием государственных кредитов, люди строили неохотно. Если в 8-й пятилетке на долю индивидуального жилищного строительства приходилось почти 54 % построенного жилья, то в 10-й – только 21 %.

Данные периодической печати указывали на некоторые проблемы по осуществлению индивидуального строительства. Например, острая нехватка строительных и отделочных материалов: леса, цемента, алебаstra, краски, кистей и т.д. В столярно-

плотницком цехе часто не хватало фурнитуры: петель, угольников, шурупов, шарниров. А также имелись определенные сложности с приобретением и доставкой строительных материалов [Пешков 1984: 2].

Жилищное строительство в сельской местности требовало нового подхода. С одной стороны, люди нуждались не просто в жилье, а в доме со всем набором необходимых удобств: водопроводом, электричеством, теплоснабжением, газом и т.д. С другой стороны, большая часть сельских семей – и русских, и алтайских – нуждалась в приусадебном участке и хозяйственных постройках во дворе. Но такое жилье, удовлетворяющее все запросы сельского жителя, как в стране, так и в Горном Алтае отсутствовало.

Отдельного внимания заслуживает, развернувшиеся в 1965–1980 гг. массовое сельское строительство и благоустройство. В конце 1965 г. Госстрой СССР, Министерство сельского хозяйства и Союз архитекторов занимались разработкой проекта планировки застройки в сельской местности. В целях обеспечения постоянного руководства сельским строительством было создано союзно-республиканское Министерство сельского строительства со своими ведомствами во всех союзных и автономных республиках, краях и областях. В штаты исполкомов районных Советов вводились должности архитекторов и инженеров – инспекторов, отвечающих за «правильную» планировку и застройку селений. Вместе с межколхозными строительными организациями министерство осуществляло производственное и культурно-бытовое строительство на селе [Коваленко 2008: 40].

В этой связи принятое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 сентября 1968 г. № 728 «Об упорядочении строительства на селе» предусматривало разработку в течение пяти лет планов районной планировки и генеральных планов застройки центральных усадеб совхозов и колхозов. В результате чего началось постепенное преобразование населенных пунктов в благоустроенные поселки с соответствующим набором жилищных и культурно-бытовых условий [Мазур 2005: 33].

Жильцов переселяли в более крупные деревни, в которых, как предусматривалось типовыми проектами, строились школы, клубы, магазины, столовые административные здания, разбивались площадки с газонами и цветниками. Жилая зона застраивалась как многоэтажными, так и одноэтажными индивидуальными

застройками с полным инженерным обеспечением, т.е. водопроводом, центральным отоплением, канализацией, газификацией и т.д.

Горный рельеф и сложная климатическая характеристика Горного Алтая не могли не отразиться на решении всех строительных задач при реконструкции и строительстве населенных пунктов. Из-за отсутствия централизованной системы планирования и финансирования строительства процесс реализации генеральных планов постройки города и сел проходил медленно и со значительными отступлениями от проектов [*Скоренко 1973: 3*].

Особое внимание уделялось процессу «искусственного укрупнения» населенных пунктов, при котором малые деревни устранялись из общественной и хозяйственной жизни (прекращали работу школы, клубы, магазины, накладывался запрет на какое-либо строительство или капитальный ремонт). Закрывались многие животноводческие фермы, в ряде мест оказывались заброшенными старопахотные земли, которые возделывались не одним поколением крестьян.

Кроме того, проблема нехватки кадров была знакома руководителям многих сфер народного хозяйства страны. Практически до середины 1970-х гг. главное пополнение рабочего класса составляли не выпускники ПТУ, а те, кто шел работать сразу после школы. На строящихся объектах не хватало прорабских участков и инженерно-технических работников, знающих технологию строительства и технические возможности строительных механизмов.

Кадровый вопрос помогали решать строительные студенческие бригады (ССБ). В связи с огромным размахом строительства в стране и регионах и нехваткой строительных рабочих, ССБ вносили значительный вклад в развитие строительства всех объектов социальной инфраструктуры. Ежегодно в теплый сезон года студенты выезжали, на какой-либо строящийся объект. Большую часть бойцов составляли, как правило, юноши и лишь 14–26 % – девушки. Труд в строительных отрядах организовывался в 2–3 смены. Качество работ у всех сезонных строителей признавалось как хорошее. В частности, из 66 объектов, сданных студентами в 1975 г., лишь три получили оценку «удовлетворительно», а остальные «хорошо» и «отлично» [*Петров 1975: 119*].

Таким образом, государство придавало большое значение вопросам жилищного строительства. Государственные капитальные

вложения в жилищное строительство непрерывно возрастали: с 1965 по 1985 г. они увеличились в 5,4 раза. Ежегодно вводились в действие новые жилые дома в городе, рабочих поселках и сельской местности. Пик жилищного строительства в Горном Алтае пришелся на 1970–1975 гг., когда было введено в действие 5290 кв. м жилья в городе и 2358 кв. м в селе, в результате чего каждая пятая семья могла получить новую квартиру [*Ложкина 2011: 98*].

В результате стабильного финансирования значительно увеличивался объем государственного и колхозного строительства, при этом масштабы и удельный вес индивидуального строительства рабочими, служащими и колхозниками значительно снижались. Несмотря на высокие темпы строительства, качество и благоустроенность жилья по свидетельствам источников не могли в полной мере решать жилищную проблему. Кроме того, достаточно проблематичным являлся вопрос о выполнении планов капиталовложения, которые на протяжении рассматриваемого периода имели практически постоянную динамику роста. Однако строительные организации не могли в полной мере освоить капиталовложения по всем видам строительства.

6.3.5. Жилищно-коммунальное хозяйство

Обеспечение населения Горного Алтая жилищно-коммунальными услугами в 1954–1985 гг., осуществлялось в рамках, продиктованных политикой партии, социально-экономических и политических программ развития, как отдельного региона, так и страны в целом. Решением вопросов по оказанию коммунальных услуг занималось управление жилищно-коммунального хозяйства, которое на протяжении указанного периода видоизменялось и переименовывалось, не меняя при этом своих базовых услуг, оказывающих функций населению.

В середине 1950-х годов коммунальное хозяйство Горного Алтая включало в себя санитарно-технические предприятия (водопроводы, предприятия по уборке территорий населенных мест и санитарной очистке домовладений, прачечные, бани) и энергетические предприятия (электрические распределительные сети и электростанции). Следует отметить, что население региона, в основном, проживало в деревянных одноэтажных домах, занимая по одной, две комнаты, редко 3–4 комнаты. Жилые дома

в аймачных центрах были одно-двухкомнатные. Большая часть коренного населения проживала в национальном аиле. В этой связи, полноценные коммунальные услуги оказывались городу Горно-Алтайску, и некоторым районным центрам [*Миколаускайте* 2012: 64].

Во второй половине 1960-х годов имело место преобразование ведомственной принадлежности коммунального хозяйства, однако существенных изменений в функциональной деятельности не было. Так, в соответствии с постановлением Алтайского крайисполкома от 23 марта 1965 г. № 196 «О переводе на новые условия оплаты труда работников жилищно-коммунальных предприятий местных Советов депутатов трудящихся», отделения местного хозяйства райисполкомов переименовывались в комбинаты коммунальных предприятий и благоустройства. В связи с данными изменениями штатное расписание во всех комбинатах стало предусматривать по 4 сотрудника: начальник, главный бухгалтер, счетовод (он же кассир) и заведующий хозяйством. В дальнейшем Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1971 г. Министерство коммунального хозяйства РСФСР преобразовывалось в Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР и, соответственно, Горно-Алтайское областное управление коммунального хозяйства было преобразовано в Горно-Алтайское жилищно-коммунальное хозяйство. Управление жилищно-коммунального хозяйства облисполкома, в соответствии с Конституцией РСФСР, являлось областным Управлением и в своей деятельности подчинялось как областному Совету народных депутатов и его исполнительному комитету, так и управлению жилищно-коммунального хозяйства Алтайского крайисполкома [*Ложкина* 2011: 44].

Главными задачами управления жилищно-коммунального хозяйства облисполкома являлись: обеспечение выполнения решений партии и правительства о развитии подведомственного ему жилищного и коммунального хозяйства, полное удовлетворение потребностей населения в жилищно-коммунальном обслуживании; сохранение и дальнейшее благоустройство жилищного фонда, обеспечение пропорционального развития всех отраслей подведомственного ему жилищного и коммунального хозяйства на основе установленных норм.

Ведомственное распределение средств на создание коммунальной инфраструктуры города и рабочих поселков Горного Алтая осуществлялось по принципу союзного и республиканского подчинения. Поскольку капиталовложения выделялись через отраслевые структуры, то Советы очень часто уступали ведомственным интересам, стремясь получить деньги на развитие непроизводственной сферы [*Куксанова* 1994: 52–53].

Капиталовложения на развитие коммунального хозяйства постоянно увеличивались. Согласно протоколам заседаний сессий Горно-Алтайского областного Совета депутатов, за 1962–1963 гг. объем капиталовложений в коммунальное хозяйство составил 1,7 млн. руб. или на 370 тыс. руб. больше, чем за 1960–1961 гг. Расширялась сеть коммунальных предприятий. К 1964 г. в г. Горно-Алтайске начали работать гостиница и механическая прачечная, в с. Онгудай и в с. Шебалино построены бани. Кроме того, введены в строй 27 электроподстанций, проложено 92 км высоковольтных и низковольтных линий [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 282. Л. 66].

Капиталовложения в ЖКХ возросли в девятой пятилетке (1971–1975 гг.) в 2,2 раза по сравнению с предыдущей. Только по местным Советам было введено основных фондов коммунального назначения более чем на 6 млн. руб. Построено 5 км водопроводных, 91,3 км электрических сетей, городская канализация, три дизельных электростанции, две гостиницы на 104 места, база дорожно-мостового строительного управления и ряд других объектов, газифицировано 19,5 тыс. квартир. По итогам пятилетки населению было предоставлено коммунальных услуг на 8,5 млн. руб., что в 2,1 раза больше, чем в восьмой пятилетке.

Вместе с тем, вышеперечисленные достижения, ещё не в полной мере отвечали постоянно растущим потребностям населения, о чем совершенно справедливо отмечается в решении крайисполкома по отчету облисполкома об улучшении коммунального обслуживания населения.

Для преодоления отставания в развитии коммунального хозяйства предстояло в текущей пятилетке вложить около 15 млн. руб. по всем источникам финансирования и увеличить коммунальные услуги в 1,5 раза. Поэтому продолжалось строительство районной котельной и тепловых сетей в городе, водопроводов во всех райцентрах, гостиниц в Усть-Кане, Усть-Коксе и Онгуде, расширялась сеть банно-прачечного хозяйства [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 590. Л. 72].

Капитальные вложения в коммунальное хозяйство постоянно увеличивались, однако они не всегда расходовались по назначению, освоить выделенные суммы не всегда удавалось в полной мере.

Особое внимание в работе ЖКХ уделялось внешнему благоустройству населенных пунктов (см. табл. 1).

Таблица 1

Расходование средств на благоустройство районов (тыс. руб.)

Наименование работ	1970 г.	1980 г.
Уличное освещение	17,2	25,97
Реконструкция электросетей	11,7	35,3
Строительство и ремонт дорог	30,6	75,18
Строительство тротуаров	6,4	15,9
Строительство штакетной изгороди	9,5	19,96
Художественное оформление и содержание районных центров	30,3	14,4
Строительство, содержание и ремонт мостов	23	24
Строительство и содержание туалетов	3,2	3,6
Строительство и содержание стадионов	16,3	
Озеленение райцентра	6	11,9
Приобретение автотранспорта	15,1	...
Ремонт тротуаров	...	15,9
Прочие работы	30,7	76,39
Итого	200	318,5

Источник: Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 83. Л. 52–53; Госархив РА. Ф. Р–63. Оп. 7. Д. 52. Л. 91–92.

Примечание: ... – данных не имеется.

Значительная часть расходов государственных средств направлялась на строительство, содержание и ремонт дорог и мостов, что было естественно в условиях обширной горной местности. Значительные капиталовложения шли на художественное оформление и содержание районных центров. На электрификацию, озеленение, на строительство тротуаров так же отпускались значительные средства.

Но большинство жителей волновал вопрос качества оказания коммунальных услуг. Об актуальности этой проблемы свидетельствовали многочисленные письма, которые поступали в редакцию газеты «Звезда Алтай». Например, жильцы дома № 79 по пр. Коммунистическому обращались с многочисленными

жалобами: на несвоевременные вывозы нечистот, в результате чего канализационные воды проникали в подвалы, где у многих жителей хранились овощи и разные вещи; низкую температуру в квартирах, когда в зимнее время во многих квартирах, особенно первого этажа, комнатная температура редко поднималась выше 14 градусов; ненадлежащее выполнение по водоснабжению и т.д. Редакция отмечала, что подобные письма о плохом благоустройстве, к сожалению были не единственными [Пишут нам читатели 1969: 4].

На протяжении рассматриваемого периода, наиболее важным направлением деятельности ЖКХ являлось электрификация Горного Алтая. В середине 1950-х гг. здесь действовали 5 электростанций коммунального хозяйства, две из которых находились в городе. Однако они работали не в полную мощность и не удовлетворяли потребности населения в электроэнергии. Так, только 25 % населения города обеспечивались электроосвещением [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 199. Л. 124].

Значительная часть территории Горного Алтая не была охвачена электроснабжением, или подача электроэнергии производилась лишь по несколько часов в сутки. Причины такого положения заключались в низком уровне производственной инфраструктуры системы энергоснабжения. На 92 тыс. кв. км территории области приходилось 41 км высоковольтных линий совхозов, 91 источник электроэнергии (86 – тепловых и 5 гидроэлектростанций). Коммунальные электростанции районов находились в неудовлетворительном техническом состоянии, что приводило к невыполнению планов по выработке электроэнергии, удорожанию себестоимости и убыткам. В таких районных центрах как Кош-Агач, Улаган, Чоя и Онгудай электростанций не имелось. При этом областной отдел коммунального хозяйства не производил своевременный ремонт сельских электростанций.

Развернуть широкую целенаправленную работу удалось благодаря одобренному в Совете Министров СССР плану строительства городской электростанции мощностью 2000 кВт и электростанций в 5 районных центра.

На 1 января 1956 г. в Горно-Алтайской автономной области было электрифицировано 95460 кв. м (в том числе 23518 кв. м жилой площади в г. Горно-Алтайске) жилого фонда, что составило 50,6 % ко всей учтенной площади. За отчетный период 1954–1956 гг. прирост электрифицированной жилой площади составил 16611 кв. м или

21,3 %. Что касается благоустройства жилья обобщественного жилищного фонда в районах то здесь имелось лишь частичное благоустройство электроосвещением, исключение могли составлять социально-значимые объекты, такие, например, как санаторий «Чемал», который обеспечивался 100%-ым освещением [Память народа 1993: 355].

В феврале 1967 г. в целях упорядочения эксплуатации линий электропередач и трансформаторных подстанций, согласно решению № 43 Горно-Алтайского облисполкома из ведения управления бытового обслуживания передавалось Горно-Алтайской горэлектросети здание подстанции с оборудованием мощностью 220 кВт, обслуживающей комбинат строительных материалов и ремонтных работ. В результате все ремонтные и строительные работы по электрификации населения стали производиться значительно быстрее и качественнее. Так, потребление населением электроэнергии с каждым годом стало увеличиваться (1966 г. – 16,1 тыс. кв./ч, в 1967 г. – 21,6, 1969 – 28,3, 1970 – 30,5).

В 1969–1970 гг. из имеющихся 1562 жилых домов, подлежало электрификации 1085, которые не пользовались электроэнергией т.к. не имели собственных подстанций и не были присоединенным к государственным электрическим сетям.

Коммунальная энергетика получила наибольшее развитие за годы 10-й пятилетки (1975–1980 гг.). В это время шесть районов области было подключено к государственной энергосистеме. В городе Горно-Алтайске постоянно велась реконструкция электрических сетей с заменой воздушных линий, электропередач на кабельные сети. Для устойчивого энергоснабжения осуществлялась реконструкция электросетей и расширение дизельных электростанций с соответствующим увеличением мощностей дизелей. Проводилась замена всех опор ЛЭП. Велась регулярная работа по оборудованию уличного освещения, причем выделяемые средства на его содержание увеличивались с 25,97 тыс. руб. в 1980 г. до 26 тыс. руб. в 1981 г. [Ложкина 2011: 46, 47].

Главной подрядной организацией, выполняющей все работы по электрификации Горного Алтая, являлся ПМК «Алтайсельэлектросетьстрой». В соответствии с приказом Министерства энергетики и электрификации СССР от 26 февраля 1981 г. № 60 предусматривалось построить 967 км ЛЭП

110–35 кВт, а также трансформаторных подстанций общей мощностью 99,4 тыс. кВт, в результате чего на начало 1982 г. протяженность коммунальных ЛЭП составляла около 400 км со 120 трансформаторными подстанциями. Мощность коммунального энергетического хозяйства в 1985 г. увеличилась в 1,5 раза по сравнению с 1981 г. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 50. Д. 46. Л. 10, 33].

Подключение сельских районов к государственной энергосистеме осуществлялось постепенно. Доступ к дешевому электричеству первыми получили села Майминского района, затем линии электропередач тянулись в Шебалинский и Онгудайский районы, и дальше в Усть-Коксинский и Усть-Канский районы. Но практически во всех районах очень медленно велись работы по сооружению подстанций низковольтных линий. Кроме того, к 11-й пятилетке трест «Сибэлектросетьстрой» освоил лишь 13 млн. руб. из выделявшихся 20 [Кармаев 1981: 3].

Подключение Турочакского и Чойского районов к государственной энергосистеме началось лишь в 1984 г. Предусматривалось также строительство электролинии «Иня – Акташ», которая должна была передавать электроэнергию в Улаганский район. С вводом высоковольтной линии «Манжерок – Чепош – Черга» в 110 кВт, область получила резервное питание, повысив при этом надежность энергообеспечения потребителей. На 223 км увеличилась протяженность линий 10 и 0,4 кВт. Электроэнергия пришла на стоянки чабанов Усть-Канского, Усть-Коксинского и Онгудайского районов [Иванов 1984: 1].

Выполнение намеченных планов по строительству электроподстанций и ЛЭП позволяло закрыть существующие неэкономичные дизельные электростанции и сберечь сотни тонн дорогостоящего дизельного топлива. Более того, в связи с созданием объединенной энергетической системы сельское хозяйство в основном перешло на централизованное снабжение от государственных энергосистем, что имело важное значение для дальнейшего перерастания сельскохозяйственного труда в разнородность индустриального [Алексеев 1976: 257].

Кроме организационных работ по увеличению электрификации Горного Алтая, местным Советам и коммунальным органам предстояло реализовать программу по улучшению и упорядочению теплоснабжения населения. Отсутствие централизованного тепла

сдерживало сдачу в эксплуатацию жилья и культурных объектов. Строительство больших районных котельных, которые могли бы обеспечить теплом целые микрорайоны, сдерживалось отсутствием специальных огнеупорных материалов для строительства [Госархив РА. Ф. Р–63. Оп. 7. Д. 75. Л. 123–124].

Следующим направлением деятельности ЖКХ являлось водоснабжение. Рациональное использование и защита от загрязнений водных ресурсов, обеспечение населения водопроводными коммуникациями являлось одной из острейших проблем коммунального хозяйства, т.к. с ростом населенных пунктов и количества жителей одновременно возрастала потребность в воде. Все вопросы по снабжению водой жителей сел Горного Алтая водой решал трест «Горно-Алтайскводстрой», подведомственный управлению коммунального хозяйства облисполкома. Работа по строительству водопроводных сетей отличалась большой трудоемкостью и требовала значительных затрат времени, а также денежных и материальных ресурсов. Данная проблема во многом была обусловлена горным рельефом местности региона, из-за чего бурение скважин представлялось технически затруднительно. Приходилось затрачивать немалые средства при сооружении водопроводных сетей.

В середине 1950-х гг. коммунальное хозяйство города включало в себя самотечный водопровод (около 4,5 км) с мощностью 0,2 тыс. куб. м в сутки, который мог обеспечить горожан на 70 %. Население ряда районов города не были обеспечены водой, не имелось даже колодцев и жителям городских окраин приходилось пользоваться водой из загрязненных источников или много времени затрачивать на доставку питьевой воды. Основная масса населения пользовалась водой из открытых водоемов [Миколаускайте 2012: 64].

В это же время для обеспечения городского населения водой был открыт ключ «Малиновый», который обеспечивал питьевой водой незначительную часть городской периферии. В дальнейшем, для более полного удовлетворения населения водой, в 1966 г. введены в действие построены четыре водопроводных скважины (100 м³/час) и проложена водопроводная сеть в 8,2 км.

Несмотря на то, что протяженность водопроводной сети с каждым годом увеличивалась (1970 г. – 12,5 км, 1975 г. – 31,8 км), она не могла в полной мере удовлетворять существующие потребности

населения в воде [Ложкина 2011: 48]. Так, жители ул. Пушкина, обращались с жалобами в газету на водоснабжение: «Частные домовладельцы пользуются водой из собственных домашних колонок, которые сами устанавливают. В некоторых местах удается забить трубы в грунт только на 6 м, соответственно качество такой воды оставляло желать лучшего» [Воронин 1969: 6].

В дальнейшем подача холодной воды увеличилась с 6,6 куб. в 1981 г. до 9,5 куб. в 1985 г. Для текущего ремонта водопроводных сетей был организован специальный механизированный отряд, оснащенный необходимой техникой.

Горно-Алтайский облисполком проводил необходимую работу и по реализации плана газификации. С этой целью в 1968 г. Саратовскому институту «Гипрониигаз» поручалось разработать схему газификации Горного Алтая [Память народа 1993: 420]. В конце пятилетки было установлено 700 газовых плит, а число газифицированных квартир в Горно-Алтайске и поселках городского типа на 1970 г. составляло 3 тыс. [Ложкина 2011: 49].

В этот период газификация стала активно проникать и в сельскую местность, где в 1970 г. уже было учтено 1,4 тыс. газифицированных домов, в 1975 г. – 11,4 тыс., а в 1983 г. – 30,6 тыс. «Голубым» топливом стали пользоваться такие отдаленные районы, как Кош-Агачский, Улаганский и Усть-Коксинский [Горно-Алтайской автономной 1982: 60–68].

Организация оказания услуг по баням и гостиницам, находящимся в ведении коммунального хозяйства, имела существенные недостатки. В течение многих лет санитарно-гигиеническое состояние бани и гостиниц не отвечало предъявляемым требованиям.

Низкая посещаемость бань объяснялась тем, что в них совершенно не предоставлялись дополнительные услуги (парикмахерская, заготовка и продажа банных веников, прокат простынь и полотенец, продажа мыла и мочалок, срочная стирка белья и т.д.). В районных центрах отсутствовала организация механизированной стирки белья [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 66. Л. 2].

Например, в 1970 г. остались невыполненными планы по посещению населения в банях: из запланированных 385 тыс. чел., фактически же было помыто 370 тыс. чел. [Память народа 1993: 453]. Такое положение объяснялось тем, что в некоторых

районных центрах (Улаган, Усть-Кан, Кош-Агач) бани находились в неудовлетворительном, ветхом состоянии, в результате чего большую часть времени не работали. Несмотря на то, что в 1975 г. Горно-Алтайск занимал 4 место в Алтайском крае по количеству бань и их единовременной вместимости (3 бани – 160 мест) уступая только Барнаулу (13 – 1069), Новосибирску (6 – 184), Бийску (5 – 517), проблема с посещением до конца оставалась нерешенной. Даже после проведенного капитального ремонта многие бани не соответствовали санитарным нормам и вновь подлежали немедленному закрытию [Итоги 1981: 83].

Повседневное внимание обращалось на необходимость улучшения санитарного состояния или «внешнего благоустройства» населенных пунктов. Данным вопросом занимались местные Советы и коммунальные предприятия. Для производства уборочных работ было создано специализированное автохозяйство, на которое возлагались функции санитарно-гигиенической уборки. В Автохозяйство поступили высокопроизводительные дорожные машины по уборке снега, очистке и вывозке жидких стоков. В рамках внешнего благоустройства продолжалось оформление центральных площадей, улиц, бульваров; оборудование их покрытием, освещением, озеленением, устройство ливневой канализации и другие работы [Ложкина 2011: 49].

Развитие жилищно-коммунального хозяйства в 1954–1985 гг. протекало сложно и неоднозначно. При значительном увеличении жилого фонда и количества предоставляемой жилплощади населению Горного Алтая, качество коммунальных услуг оставляло желать лучшего. Несмотря на ежегодный рост государственных ассигнований и выполнение плана по их освоению, расходовались они не всегда по назначению.

Важное значение в жизнеобеспечении населения имела коммунальная энергетика, включающая энергоснабжение, обеспечение газом и теплом. Однако материально-техническое снабжение их оставалось неудовлетворительным. Тепловые сети нередко находились в аварийном состоянии. Отсутствие достаточной квалификации рабочих кадров, сказывалось на эксплуатации оборудования, которое, как следствие, выходило из строя раньше времени. Низкий уровень производственной инфраструктуры системы энергоснабжения не позволил в полной мере обеспечить электричеством всю территорию Горного Алтая.

Ежегодно увеличивались услуги банно-прачечного и гостиничного хозяйства, но уровень обслуживания населения значительно отставал от действующих норм. Что касается обеспечения населения водой, то в силу того, что в Горном Алтае не было целевой программы поэтапного развития водоснабжения, значительная часть населения сельской местности и некоторая городская пользовалась естественными водоемами.

6.3.6. Система здравоохранения

Основные принципы советской системы здравоохранения были сформулированы после сентябрьского пленума ЦК КПСС в 1953 г. Ставились задачи приблизить специализированную медицинскую помощь к сельскому населению, поднять уровень медицинского обслуживания жителей села до уровня, существующего в городах [Пленум ЦК КПСС 1953]. К концу 1950-х гг. должны были улучшиться амбулаторно-поликлиническое обслуживание городского населения, работа службы скорой помощи, а также ликвидированы ряд болезней: дифтерия, корь, скарлатина, коклюш, брюшной тиф, бруцеллез, малярия, туляремия, полиомиелит, сибирская язва и туберкулез. Предусматривались и меры по ликвидации дефицита в обеспечении населения и лечебных учреждений медикаментами.

Постановлением Совета Министров СССР от 14 января 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» определялся оптимальный размер коечного фонда городских и сельских больниц, необходимый для обеспечения разносторонней квалифицированной медицинской помощи населению. К этому времени был принят ряд партийных постановлений, направленные на обеспечение комфортных жилищно-бытовых условий для медработников, в первую очередь – в селах [О мерах по дальнейшему 1960: эл. ресурс].

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. система здравоохранения Горного Алтая, восстановившаяся в послевоенное время, стала испытывать ряд серьезных трудностей. Они были обусловлены общей социально-экономической ситуацией в стране.

Первостепенными задачами в сфере здравоохранения стали сохранение действующей сети лечебных учреждений области, а также создание новых в отдаленных селах. Проблема доступности

медицинской помощи для населения находилась на постоянном контроле в Горно-Алтайском облисполкоме

С середины 1950-х гг. сеть медицинских учреждений в районах Горного Алтая стала увеличиваться (см. табл. 1).

Таблица 1

Сеть медицинских учреждений в Горном Алтае в 1950–1956 гг.

Районы	Число больничных учреждений		В них коек		Фельдшерских пунктов		Число постоянных яслей		В них мест	
	1950	1956	1950	1956	1950	1956	1950	1956	1950	1956
Кош-Агачский	3	3	40	40	7	14	-	2	-	40
Улаганский	2	2	15	30	4	8	1	1	20	30
Усть-Канский	2	4	30	60	6	13	2	3	35	60
Онгудайский	3	3	71	70	5	10	1	1	30	30
Элекмонарский	2	2	32	35	7	9	2	2	45	60
Шебалинский	1	3	23	50	5	14	2	3	40	60
У.-Коксинский	2	4	33	50	10	14	5	5	100	100
Турочакский	5	5	35	75	14	21	1	2	20	50
Майминский	3	5	55	135	16	27	3	3	65	80
Горно-Алтайск	4	3	270	390	1	-	4	4	200	200
Итого	27	34	604	935	79	130	21	26	555	710

Источник: Народное хозяйство 1957: 47.

С 1950 по 1956 гг. сеть медицинских учреждений в разрезе аймаков значительно расширилась: общее число больничных учреждений выросло с 27 до 34, количество коек в них – с 604 до 935, значительно увеличилось количество фельдшерских пунктов – с 79 до 130. К 1956 г. в наибольшей степени были обеспечены медучреждениями Турочакский [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 42. Л. 24], Майминский, Шебалинский районы и г. Горно-Алтайск.

Очень непростая ситуация складывалась с оказанием медицинской помощи детям. Городская детская больница не справлялась с потоком больных детей, большая часть которых не могла получить квалифицированную медицинскую помощь из-за нехватки помещений и загруженности медицинского персонала.

В 1956 г. на заседании горисполкома главный врач городской детской больницы Пискун докладывал, что «... детская больница до 70 % из-за скученности оставляет детей на дому с воспалением легких, что отражается на исходе болезни. Из-за отсутствия областной детской больницы, районных педиатров, детская больница города госпитализирует до 30–40 % тяжелобольных из районов области ...» [Госархив РА. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 645. Л. 30]. Только через 7 лет в 1963 г. в целях улучшения организационно-методического руководства лечебно-профилактическим обслуживанием детей облисполком принял решение о реорганизации Горно-Алтайской городской детской больницы в областную детскую больницу [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 11. Д. 65. Л. 57].

Постепенно начали появляться новые объекты здравоохранения. В 1958 г. на базе областной больницы был организован противозобный диспансер на 10 коек [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 52. Л. 43], с 1959 г. началось строительство противотуберкулезного диспансера, трех районных больниц. И все же этих объектов здравоохранения было недостаточно.

Вместе с тем, строительство новых медицинских учреждений осуществлялось медленными темпами, несмотря на то, что денежные средства на капитальное строительство и ремонт выделялись (см. табл. 2).

Таблица 2

Бюджет здравоохранения Горно-Алтайской автономной области в 1961–1965 гг., млн. руб.

Статьи расходов	Год				
	1961	1962	1963	1964	1965
Всего	2918,4	3145	3309,6	3650,7	4308,5
В том числе зарплата	1549,1	1648,8	1707,5	1869,7	2404,2
Оборудование	46,7	54,2	23,4	38,2	57,6
Мягкий инвентарь	91,7	94,1	98,5	96,4	112,5

Капвложения	23,2	23,8	83,5	147,6	86,1
Капитальный ремонт	90,7	118,0	120,4	157,4	134,1

Источник: *Гончарова* 2008: 167.

Данные по бюджету здравоохранения за 1961–1965 гг. свидетельствуют о том, что ежегодно расходы государства на эту сферу увеличивались практически по всем статьям, за исключением капвложений. Основная часть выделяемых средств (50–60 %) направлялась на заработную плату медицинским работникам, остальное – на приобретение оборудования, инвентаря и капитальный ремонт, на который ежегодно тратилось от 90,7 млн. руб. до 157,4 млн. руб. Ежегодно увеличивались ассигнования на материально-техническое снабжение учреждений здравоохранения. Если в 1956 г. из областного бюджета медицинским учреждениям на приобретение жесткого инвентаря и оборудования были выделены 600 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 3. Д. 42. Л. 55–56], то к 1965 г. эта сумма увеличилась до 170,1 млн. рублей. И все же выделяемых сумм на оборудование и инвентарь было недостаточно, они составляли приблизительно 2–3 % от общего бюджета. Почти в каждом учреждении здравоохранения не хватало медицинских шкафов, кушеток, гинекологических кресел, тонометров, градусников [*Гончарова* 2008: 170, 189].

Бюджет организаций здравоохранения практически по всем районам Горного Алтая исполнялся достаточно стабильно [*Гончарова* 2008: 168]. Существующая система финансирования позволяла содержать разветвленную сеть учреждений здравоохранения. В 1963 г. работали 37 больниц, 24 здравпункта, 187 фельдшерских пунктов и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), 10 санэпидстанций, 1 станцию скорой помощи и 3 санатория, всего 262 медицинских учреждения (см. табл. 3).

Таблица 3

Сеть медицинских учреждений Горного Алтая в 1958–1963 гг.

Показатель	1958	1960	1961	1963
Число больниц	37	35	39	37
В них коек	1125	1235	1335	-
Фельдшерских пунктов и ФАП	145	171	176	187

Роддомов	4	...	8	-
Здравпунктов	8	...	15	24

Источники: Статистический бюллетень 1962: 21; Горно-Алтайской автономной 1982: 71; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 4. Д. 315. Л. 66, 93, 95–96.

Примечание: ... – данных не имеется.

Несмотря на стабильное расширение сети учреждений здравоохранения, их материальная база, особенно в сельской местности, оставалась на невысоком уровне. Она могла обеспечить выполнение самых простых процедур. Большая часть лечебных учреждений продолжали размещаться в старых, ветхих, приспособленных помещениях. В 1958 г. в справке обкома КПСС о состоянии здравоохранения указывалось, что, «к сожалению, многие медицинские учреждения Майминского, Элекмонарского, Шебалинского, Онгудайского районов находятся в плохих хозяйственных и санитарных условиях, размещены в затерявшихся, маленьких однокомнатных ветхих домах. Впервые появившемуся на селе человеку без проводника это учреждение не найти ...».

В Турочакском районе выявлялись случаи расположения фельдшерских пунктов в частных домах. Имелись факты, когда в помещении, в котором велся прием больных, проживали медицинские работники, что, естественно, не соответствовало действующим санитарным нормам. Все ФАП Онгудайского, Кош-Агачского районов требовали капитального ремонта [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 4. Д. 315. Л. 66, 93, 95–96], что, в свою очередь, сказывалось на эффективности работы медицинских учреждений.

Имеющийся коечный фонд использовался не полностью, койки в районных и участковых больницах были заняты лишь на 73–93 %, в городе – не более 96 % [*Гончарова* 2008: 170–171]. Неудовлетворительно работали передвижные ФАП в Усть-Канском, Усть-Коксинском и Онгудайских районах, созданные для медицинского обслуживания работников отгонного животноводства: не хватало врачей, медикаментов, лекарств. Разовую медицинскую помощь на стоянках оказывали выездные бригады медиков, что все же не гарантировало постоянного медицинского обслуживания.

Общие проблемы здравоохранения отражались на работе родильных домов, женских и детских консультаций, молочных кухонь. В Кош-Агачском и Улаганском районах до 1963 г. акушерско-

гинекологические службы не функционировали. В целом из 95 обследованных ФАП в сентябре 1960 г. только 37 оказывали акушерскую помощь [Гончарова 2008: 182].

Другой сложной проблемой в системе здравоохранения продолжала оставаться кадровая проблема, которая требовала незамедлительного решения. До 1955 г. численность медицинских работников Горного Алтая несколько возросла, однако, в последующие несколько лет эта тенденция пошла на спад (см. табл. 4).

К концу 1950-х гг. медицинские учреждения оказались обеспечены квалифицированными кадрами лишь на 60 %, что в свою очередь привело к закрытию ряда участковых больниц и ФАП. Постоянно не хватало педиатров, хирургов, зубных врачей, невропатологов не только в районах, но и в областном центре. В городской детской больнице вместо 16 врачей в 1958 г. работало 3, из 22 врачебных участков только в 7 из них были врачи, а в остальных – фельдшеры [Гончарова 2008: 172]. К 1960 г. особенно остро ощущалась нехватка врачей в Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском и Усть-Коксинском районах.

Таблица 4

Численность работников, занятых в здравоохранении, численность врачей и число больничных коек в Горном Алтае

Основные показатели	1950 г.	1955 г.	1956 г.
Численность врачей (включая зубных), чел.	103	139	131
Среднего медицинского персонала, чел.	503	741	735
Число больничных коек	683	900	935

Источник: Народное хозяйство 1957: 49.

Для решения кадровой проблемы предпринимались разные меры: трудоустройство выпускников медицинских вузов по распределению в область, целевое обучение в медицинских вузах, повышение квалификации на базе медицинских вузов.

В 1960 г. Горно-Алтайский облисполком ходатайствовал в Алтайский крайздравотдел о направлении в область 100 врачей [Память народа 1993: 373]. В 1957–1958 гг. крайздравотдел направил для работы в область 57 врачей, 210 средних медицинских работников, из которых 37 врачей и 50 медсестер были направлены в районные больницы.

Формы подготовки собственных кадров оставались прежними: целевое обучение в учебных заведениях медицинского профиля, подготовка кадров среднего звена в медицинском училище Горно-Алтайска, профессиональная подготовка и переподготовка через систему краткосрочных курсов. В начале 1960-х гг. по целевому набору в учебных заведениях медицинского профиля обучалось 499 человек. С 1961 по 1964 гг. повышение квалификации на базах областных и краевых лечебных учреждений и институтов усовершенствования прошло 113 (69 %) врачей, 161 (17 %) средних медицинских работников. Постепенно методическим центром становится областная больница, на базе которой с 1957 г. начали проводиться врачебные конференции, методические советы. Ежегодно кадры медицинских работников пополнялись за счет выпускников медицинского училища [Гончарова 2008: 172–173].

Несмотря на налаженную систему подготовки врачей и сестринского персонала, проблема их нехватки продолжала сохранять свою остроту из-за высокой текучести кадров медработников. Причинами текучести стали: отсутствие жилья и не обустроенность жизни в районах, задержки заработной платы, невнимательное отношение руководства к нуждам отдельных работников, общие недостатки системы медобслуживания на местах.

По причине трудных условий труда, нерешенных жилищных проблем, текучесть медицинских кадров стала привычным явлением. В 1958–1959 гг. из Горного Алтая уехало 37 врачей, в 1961–1962 гг. – 66, в 1963–1964 гг. – 120 человек. Наибольшая текучесть кадров наблюдалась в Кош-Агачском, Онгудайском и Шебалинском районах. На 1 февраля 1962 г. области требовалось 300 врачей, в целом укомплектованность медицинскими кадрами составляла 47,3 % [Гончарова 2008: 173, 175].

Итак, к середине 1960-х гг. в системе здравоохранения Горного Алтая наблюдались следующие тенденции. С одной стороны, увеличивалась сеть медицинских учреждений, внедрялись новые методы лечения и диагностики заболеваний, с другой стороны – материально-техническая база больниц и поликлиник продолжала оставаться слабой, не эффективной, не хватало квалифицированных специалистов, организаторов здравоохранения.

В октябре 1964 г. новое руководство страны стало предпринимать более решительные меры для улучшения медицинской помощи

населению, чтобы высококвалифицированная медицинская помощь стала неотъемлемой частью повседневной жизни не только городского, но и сельского населения. Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране», в городах и селах планировалось значительное увеличение койка-мест в больницах. Кроме того, предусматривалась организация специализированных центров, отделений по оказанию медицинской помощи (кардиохирургических, ожоговых, нейрохирургических, неврологических и др.). Буквально через два десятилетия эти принципы будут положены в основу более масштабной пропаганды здорового образа жизни и профилактики болезней: центров (отделений) профилактических осмотров, диспансеризации, санитарно-гигиенического воспитания населения [О мерах по дальнейшему улучшению 1968: эл. ресурс].

К 1967 г. система здравоохранения Горного Алтая включала: 4 врачебных здравпункта, 20 фельдшерских здравпунктов, 196 ФАП, 1 станцию скорой медицинской помощи, 2 детских туберкулезных санатория на 200 коек, детские ясли на 840 мест, дом ребенка на 100 мест, 9 учреждений санэпидстанций, 7 колхозных родильных домов, бюро судмедэкспертизы, 200 аптечных пунктов. Однако оснащенность большинства медицинских учреждений новыми хирургическими, другими специальными инструментами, инвентарем (кушетками, шкапами и др.) и лечебно-диагностической аппаратурой оставалась на низком уровне [Госархив РА. Ф. Р-44. Оп. 11. Д. 127. Л. 11]. Система здравоохранения нуждалась в капитальном строительстве медицинских учреждений по типовым проектам.

Особое место в системе здравоохранения занимала областная больница. В первые послевоенные годы в ней были организованы терапевтическое, хирургическое, гинекологическое отделения на 200 коек, построен инфекционный корпус на 40 коек. В 1950–1960-х гг. в больнице открылись узкопрофильные отделения: травматологическое, ЛОР, глазное, психиатрическое.

В первой половине 1970-х гг. в Горном Алтае были введены в строй важные медицинские учреждения: областная детская больница на 125 коек с поликлиникой на 300 посещений в смену; областная санитарно-эпидемиологическая станция второй категории; хирургический корпус областной больницы на 250

коек [Память народа 1993: 438]; Усть-Канская районная больница на 50 коек, заканчивалось строительство родильного дома на 60 коек. За счет средств колхозов и совхозов за 1973–1974 гг. было построено 14 ФАПов. В 1975 г. был закончен капитальный ремонт терапевтического корпуса областной больницы, в котором разместились пульмонологическое и онкологическое отделения, отремонтированы и реконструированы объекты здравоохранения в ряде районов [М.В. Карамаев 2019: 264, 265]. Врачи областной больницы курировали районные медицинские учреждения, консультировали, выезжали в районы.

Продолжала сохраняться нехватка помещений для больниц. В 1972 г. из 37 объектов здравоохранения только 5 находились в типовых зданиях. К 1976 г. удалось развернуть 2470 больничных коек, из которых 825 размещалось в приспособленных ветхих деревянных помещениях. Особого внимания требовало решение задачи медицинского обслуживания животноводов на отдаленных стоянках. Так в апреле 1976 г. председатель Горно-Алтайского облисполкома М.В. Карамаев в докладной записке председателю Госплана СССР Н.И. Масленникову отмечал, что сложность медицинского обслуживания Горного Алтая состоит в большой территориальной разбросанности населенных пунктов, связанных с ведением отгонного животноводства [М.В. Карамаев 2019: 266]. Обеспеченность больничными койками на 10 тыс. населения в Кош-Агачском районе составляла 60, Майминском – 80, Усть-Коксинском – 90 коек, что вынуждало оказывать медицинскую помощь больным из этих районов в областных учреждениях, находящихся в 400–500 км [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 13. Л. 82].

Медицинскую помощь населению оказывала городская поликлиника, ежедневно принимая более 1 тыс. человек. Врачебный прием вели 6 участков и 2 терапевта. Врач-терапевт за 6 месяцев в 1970 г. в среднем принимал до 4840 больных, обслуживал 350–400 выездов на дому и на производство. В 1970 г. было совершено 217 плановых выездов медицинских работников в районы, в 1971 г. – 267 [Гончарова 2008: 201, 202].

Предпринимались меры к укреплению системы охраны здоровья детей. К 1977 г. было развернуто 549 детских коек, велось строительство детских отделений при районных больницах в Онгудеае и Шебалино. В областной больнице медицинская помощь

детям оказывалась 15 разнопрофильными специалистами. За 1976–1977 гг. удалось осуществить реконструкцию детской больницы. Но все эти мероприятия не могли значительно снизить во многом социально обусловленную младенческую смертность [Гончарова 2008: 208].

Постепенно начала улучшаться ситуация по охране здоровья женщин. К 1972 г. на 61,5 тыс. женского населения в Горном Алтае значились 21 акушер-гинеколог и 130 акушерок, имелось 259 акушерских и 107 гинекологических коек. В 1975 г. в областном центре было построено новое трехэтажное здание родильного дома с тремя отделениями: акушерским, новорожденных и дородовой госпитализации [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 349. Л. 159].

Развивалась система ведомственной медицины, при организациях создавались медицинские участки. На базе АТК объединения «Алтайсельстройтранс», кирпичного завода, завода железобетонных изделий в г. Горно-Алтайске стало работать наркологическое отделение [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 732. Л. 24–25]. В 1982 г. начато проектирование хирургического корпуса областной больницы на 240 коек [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 35. Л. 1–2].

В сельской местности продолжал сохранять остроту вопрос доступности квалифицированной медицинской помощи. Для его решения в 1983 г. на базе ФАПов Шебалинского, Чойского, Майминского и Усть-Коксинского районов планировалось открыть пять врачебных амбулаторий и три передвижных фельдшерских пункта [М.В. Карамаев 2019: 275–276]. Их открытие позволило охватить медицинской помощью более 12 тыс. человек, а также 75 животноводческих стоянок. В 1984 г. введены в эксплуатацию Онгудайская (120 коек) и Шебалинская (100 коек) районные больницы с поликлиниками.

За счет привлеченных средств хозяйств и предприятий были построены здания Чойской райбольницы, родильного отделения Кош-Агачской райбольницы, 3 районные санитарно-эпидемические станции (Чойская, Улаганская, Турочакская), 3 врачебные амбулатории (Паспаульская, Чемальская, Верх-Уймонская), 23 ФАП и отремонтированы здания областной детской больницы, областного туберкулезного диспансера [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1236. Л. 57]. В 1984 г. медицинскую помощь в Горном Алтае

оказывали 37 амбулаторно-поликлинических отделений и 205 ФАП (в том числе 21 передвижной) [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1236. Л. 47–48].

К 1985 г. стационарную медицинскую помощь населению оказывали 30 больниц на 2745 коек. Хотя за 1965–1985 гг. количество больничных учреждений по Горному Алтаю уменьшилось, но число коек, напротив, увеличилось (см. табл. 5). Во вводимых в эксплуатацию больницах койки порой простаивали из-за нехватки врачей. Особенно заметно это прослеживалось в сельской местности.

Таблица 5

Сеть здравоохранения Горного Алтая

Показатель	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Число больничных учреждений	34	34	31	37	30
Коек в них	1585	1940	2470	2570	2745

Источник: Гончарова 2008: 193.

Материально-техническая база областных медицинских учреждений оставалась слабой. В 1976 г. лечебно-профилактическим учреждениям здравоохранения из резервов Росмедтехники было выделено незначительное количество медицинского оборудования, которого для региона было недостаточно [М.В. Карамаев 2019: 267].

Постепенно расходы областного бюджета на сферу здравоохранения увеличивались (см. табл. 6), что позволило улучшить материально-техническую базу медицинских учреждений, продолжить строительство новых объектов.

Таблица 6

Бюджет здравоохранения Горного Алтая в 1966–1982 гг., тыс. руб.

1966	1968	1969	1970	1971	1972
4572,7	5444,9	6287,5	6998,4	8148,6	7280,33
1977	1978	1979	1980	1982	
9602,7	10876,7	11126,7	11300,0	12700,0	

Источник: Гончарова 2008: 190.

В 1984 г. областному отделу здравоохранения удалось провести достаточно результативную работу по укреплению материально-технической базы областной больницы: автопарк был укомплектован транспортом повышенной проходимости, необходимой аппаратурой и оборудованием было оснащено новое отделение анестезиологии-реанимации, приобретено физио-, лабораторное и другие оборудования. Все это позволило освоить 17 новых методов лечения и обследования больных [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1236. Л. 30].

Улучшение материально-технического обеспечения учреждений здравоохранения позволило открыть в Горно-Алтайской городской поликлинике кабинеты централизованной диспансеризации и фармацевтической информации, в областной больнице установить монитор на 4 точки слежения, проводить под микроскопом микрохирургические глазные операции, внедрить рентген контрастные методы обследования детей и другие методы обследования и лечения [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 1236. Л. 50].

Большое внимание уделялось совершенствованию работы городской детской поликлиники. В 1983 г. она была переведена на новый режим работы, а в 1984 г. произошло разукрупнение педиатрических участков, число которых было доведено до 13. В среднем один участковый педиатр обслуживал 780 детей. Прием вели врачи по 17 специальностям. Проведение данных мероприятий позволило улучшить качество обслуживания детей в Горно-Алтайске и снизить показатель детской смертности (с 18,3% до 14,5% в 1982–1983 гг.) [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1236. Л. 29–30].

К середине 1980-х гг. улучшилась материально-техническая база детских и родовспомогательных учреждений. Была проведена горячая проточная вода к городскому родильному дому и женской консультации. Осуществлены реконструкция и капитальный ремонт женской консультации под резервный родильный дом. Изолировано родильное отделение Турочакской ЦРБ, начато строительство родильного отделения Чойской ЦРБ. За счет привлеченных средств построены родильные отделения Кош-Агачской ЦРБ и Барагашской участковой больницы Шебалинского района. Улучшены условия детских, родильных отделений, консультаций Онгудайской и Шебалинской ЦРБ за счет ввода в действие типовых больниц.

Рост сети учреждений здравоохранения привел к обострению еще одной не решаемой проблемы – во вновь построенных или отремонтированных больницах зачастую не кому было работать.

К 1967 г. в сфере здравоохранения Горного Алтая трудились 187 врачей, 1082 средних медицинских работника. Среди них можно отметить Р.Я. Альчибаеву – педиатра Усть-Канской районной больницы, Л.И. Арляпову – заведующую Усть-Мунинским ФАП, Т.А. Каташ – главного врача областного противотрахоматозного диспансера, Р.И. Кулинок – главного врача областного Дома ребенка и др. За заслуги в сфере здравоохранения 8 врачам в 1967 г. присвоили почетное звание «Заслуженный врач РСФСР», 113 медицинских работников награждены значком «Отличник здравоохранения». За 1965–1967 гг. повысили свою квалификацию 99 врачей и 129 средних медицинских работников [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 11. Д. 127. Л. 11–12].

Однако проблема нехватки медицинских кадров сохраняла свою остроту продолжительное время. В 1967 г. в Горном Алтае не хватало 190 врачей, обеспеченность ими областных медицинских учреждений составляла 48,8 %. За 1965–1967 гг. за пределы области выехало 88 врачей, 248 средних медицинских работников [Госархив РА. Ф. Р–44. Оп. 11. Д. 127. Л. 12]. Особенно напряженной сложилась ситуация с обеспечением кадрами передвижных медицинских пунктов. На стоянки и в отдаленные населенные пункты медики из областного центра приезжали только по экстренному вызову. Зачастую в сложных случаях помощь оказать было просто некому.

Ограниченность получения квалифицированной медицинской помощи наблюдалась и в областном центре – Горно-Алтайске. Так, укомплектованность областной поликлиники была достаточно низкой, из-за недостатка мест в областной больнице больные неделями ожидали своей очереди [Гончарова 2008: 201].

К 1970 г. численность врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала по сравнению с 1960 г. в Горном Алтае увеличилось практически вдвое (см. табл. 7), но и этого количества специалистов было недостаточно.

Таблица 7

Основные показатели развития здравоохранения
в Горном Алтае

Основные показатели	1950 г.	1960 г.	1970 г.
Численность врачей всех специальностей, всего	122	251	522
Численность среднего медицинского персонала, всего	539	1292	2046
Число больничных учреждений, ед.	22	34	32
Число больничных коек, всего	659	1940	2680
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	29	41	41
Число ФАП (включены колхозные роддома и фельдшерские здравпункты), всего	112	197	226
Число коек для беременных женщин и рожениц, ед.	102	272	260
Число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий (самостоятельных и входящих в состав других учреждений), ед.	12	24	24

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 97.

К 1971 г. в связи с ежегодным пополнением молодыми специалистами укомплектованность врачами удалось повысить до 59,9 %, средними медицинскими работниками – до 81,3 %. Также уменьшилась текучесть врачебных кадров: если в 1968 г. в область прибыло 49 и убыло 41 врачей, то в 1972 г. – соответственно 44 и 18 врачей [Память народа 1993: 439, 440]. Но до середины 1980-х годов не удалось устранить текучесть медицинских кадров. Особенно часто сменялись работники среднего и младшего звена. В 1984 г. требовалось 488 врачей и 1953 средних медицинских работника. Больше всех потребность в врачах наблюдалась в учреждениях здравоохранения Чойского, Кош-Агачского и Шебалинского районов, а в среднем медицинском персонале – в Майминском, Улаганском и Шебалинском районах (см. табл. 8).

Таблица 8

Обеспеченность медицинским кадрами по районам
Горного Алтая, 1984 г.

Наименование района	Обеспеченность медицинскими кадрами (на 10 тыс. населения)	
	Врачами	Средними медицинскими работниками
Кош-Агачский	11,4	79,2
Улаганский	19,6	71,2
Усть-Канский	12,7	77,3
Онгудайский	15,9	106,3
Шебалинский	11,5	72,9
Усть-Коксинский	10,6	83,1
Турочакский	18,4	94,8
Майминский	13,1	70,4
Чойский	11,2	87,6
г. Горно-Алтайск	73,6	204,8
Итого	27,6	110,6

Источник: Госархив РА. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1236. Л. 18.

Основными медицинскими учебными учреждениями, в которых готовились кадры медработников для Горного Алтая оставались Барнаульский медицинский институт и Горно-Алтайское медицинское училище.

Постоянно осуществлялась работа по повышению квалификации медицинских работников. В 1979–1981 гг. прошли специализацию 155 врачей и 280 средних медработников. За 1983–1984 гг. повысили свою квалификацию 21 врач по разным специальностям. Под руководством областного отдела здравоохранения областная детская больница, с привлечением специалистов Алтайского медицинского института, стала регулярно проводить семинары-совещания по актуальным вопросам педиатрии. Только за 1983 г. было проведено 4 таких семинара-совещания.

По данным официальной статистики, в 1980 г. в Горном Алтае числилось 522 врача всех категорий, 2046 среднего медицинского персонала [Республика Алтай в цифрах 2006: 93]. В 1981 г. их численность сократилась: в лечебно-профилактических учреждениях работало 416 врачей, 1882 средних медицинских работника, 145 фармацевтов [Память народа 1993: 467].

Для большего охвата населения медицинской помощью в течение 1984 г. было проведено разукрупнение терапевтических и педиатрических участков в Горно-Алтайске: организованы соответственно 18 и 13 участков. В сельской местности создано 37 педиатрических, 37 терапевтических участков, дополнительно открыты 5 врачебных амбулаторий. Кроме того, организованы мобильные врачебные амбулатории областной больницы (клиническая лаборатория, стоматологическая поликлиника и два флюорографа) [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1236. Л. 49].

В результате предпринятых мер текучесть медицинских работников в Горном Алтае стала снижаться: если в 1983 г. выбыло 39 врачей, то в 1984 г. – 24, в 1985 г. – 7. Наибольшее число выбывших врачей наблюдалось в Усть-Коксинском, Усть-Канском и Кош-Агачском районах. В числе причин выбытия врачей более 56% выехавших назвали отсутствие жилья или неудовлетворительные коммунально-бытовые условия [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1236. Л. 58]. Наиболее остро проблема обеспеченности медработников жильем сохранялась в сельской местности. Областное руководство предпринимало неоднократные попытки ее решения. Так, в ноябре 1988 г. председатель Горно-Алтайского облисполкома М.В. Карамаев в докладной записке министру здравоохранения СССР Е.И. Чазову писал: «... область испытывает большой дефицит врачебных кадров, который только в Горно-Алтайске составляет сегодня более 120 врачей высшей категории и главным образом из-за отсутствия нормальных жилищных условий» [М.В. Карамаев 2019: 277]. Для решения этой проблемы требовалось дополнительно выделить 800 тыс. рублей на завершение строительства в областном центре 70-квартирного жилого дома для медицинских работников. Отметим, что в дальнейшем эта задача была успешно решена и многоквартирный дом был сдан в эксплуатацию.

В 1965–1985 гг. в Горном Алтае было развернуто строительство новых медицинских учреждений, значительно решить кадровую проблему. Увеличение финансирования сферы здравоохранения позволило оснастить лечебные учреждения новым оборудованием, внедрить современные методы лечения и диагностики заболеваний.

Значительно расширилась сеть медицинских учреждений, в том числе в сельской местности, улучшилось ее материально-техническое оснащение. Удалось стабилизировать текучесть медицинских кадров в г. Горно-Алтайске и крупных районных

центрах. Таким образом, в Горном Алтае, несмотря на немалые материально-финансовые и кадровые трудности, была налажена эффективная и мобильная система здравоохранения, отвечавшая требованиям времени.

6.4. Социально-демографические процессы

6.4.1. Численность и состав населения

Период с середины 1950-х по конец 1980-х гг. отмечен интенсивным хозяйственным освоением Сибири и Горного Алтая. Состав населения Горного Алтая претерпевал существенные изменения под влиянием миграционных процессов и урбанизации. Увеличения численности служащих и интеллигенции, особенно – среди коренного алтайского населения.

К концу 1980-х гг. сложилось территориальное расселение этносов, проживавших в Горном Алтае. В 1989 г. русское население преобладало в г. Горно-Алтайске (33,1 % всего русского населения региона), в Майминском районе (17,6 %), Усть-Коксинском (10,7 %), Турочакском районе (8,7 %). Коренное алтайское население в большинстве оставалось сельским. В 1989 г. в сельской местности проживало 89,5 % алтайцев, тогда как русских – 63,2 %. Алтайцы проживали в высокогорных районах: Онгудайском (19,6 %), Усть-Канском (17,6 %), Шебалинском (14,3 %) и Улаганском (13,2 %). Казахи компактно проживали в Кош-Агачском районе [Троицкая 1994: 122, 123].

За 30-летний период (1959–1989 гг.) возростала численность населения по всем основным национальностям в регионе. Динамика прироста и изменения удельного веса отличались своими особенностями (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Горного Алтая по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

	Численность, тыс. чел.				Удельный вес, %			
	1959*	1970*	1979**	1989**	1959	1970	1979	1989
Все население	157,2	168,3	172,0	190,8	100,0	100,0	100,0	100,0

в том числе:								
русские	109,7	110,4	108,8	115,2	69,8	65,6	63,3	60,4
алтайцы	38,0	46,8	50,2	59,1	24,2	27,8	29,2	31,0
казахи	4,7	7,2	8,7	10,7	3,0	4,3	5,1	5,6
украинцы	1,5	1,3	1,3	1,7	1,0	0,8	0,8	0,9
Прочие национальности	3,3	2,6	3,0	4,1	2,1	1,5	1,7	2,1
Городское население								
Все население	29,8	39,7	47,2	51,5	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:								
русские	26,0	34,5	40,2	42,4	87,2	86,9	85,2	82,3
алтайцы	2,9	4,1	5,0	6,9	9,7	10,3	10,6	13,4
казахи	0,2	0,3	0,5	0,8	0,7	0,8	1,1	1,6
украинцы	0,5	0,5	0,6	0,7	1,7	1,3	1,3	1,4
Прочие национальности	...	...	...	...	...	...	...	...
Сельское население								
Все население	127,4	128,6	124,8	139,2	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:								
русские	83,7	75,9	68,6	72,8	65,7	59,0	55,0	52,3
алтайцы	35,6	43,2	45,5	52,9	27,9	33,6	36,5	38,0
казахи	4,5	6,9	8,2	9,9	3,5	5,4	6,6	7,1
украинцы	1,0	0,8	0,7	1,0	0,8	0,6	0,6	0,7
Прочие национальности	3,3	2,4	2,7	3,8	2,6	1,9	2,2	2,7

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 55, 59.

*Наличное население.

**Постоянное население.

Примечание: ... – данных не имеется.

В Горном Алтае, как и в других многонациональных регионах страны, наблюдались ассимиляционные процессы, как результат межнациональных культурных взаимодействий (включая смешанные браки, доминирование русского языка). Этот процесс затронул и алтайское население, о чем может свидетельствовать снижение доли алтайцев, считающих алтайский язык своим родным языком. Так, с 1970 по 1989 гг. удельный вес алтайцев,

считавших родным язык своей национальности, снизился с 97,7 до 89,6 % (с 42861 до 52970 чел.) [Население Горного Алтая 2012: 98]. По переписи 1989 г. в областном центре 25% алтайцев считали родным русский язык. К этому времени удельный вес национально-смешанных семей составлял 15 % от общего числа семей.

Одной из главных характерных факторов демографического развития Горного Алтая является преобладание сельского населения над городским. Горно-Алтайская автономная область к концу 1980-х гг. традиционно занимала второе место в России по доле сельского населения. Административный центр автономной области – г. Горно-Алтайск и на сегодняшний день является единственным городом в регионе. В Горном Алтае, кроме того, были два поселка городского типа – Акташ в Улаганской районе и Сейка – в Чойском. Указанные поселки находились в местах расположения горнорудных предприятий. В 1970 г. село Чемал получило статус курортного поселка, но в 1988 г. вновь приобрело статус сельского населенного пункта [Николаева, Суразакова 2013: 79].

Население Горного Алтая за 1959–1989 гг. увеличилось с 156,0 тыс. чел. до 190,8 тыс. чел. (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность постоянного населения Горного Алтая по Всесоюзным переписям населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., тыс. чел.

Город, районы	1959	1970	1979	1989
Всего по области	156,0	169,2	172,0	190,8
г. Горно-Алтайск	27,8	35,4	39,9	46,0
Майминский	27,0	27,1	27,3	22,6
Чойский				9,1
Турочакский	18,2	14,9	13,6	13,6
Чемальский	22,7	22,7	21,3	22,7
Шебалинский				
Онгудайский	13,8	15,5	15,0	16,3
Усть-Канский	14,2	15,3	14,9	16,2
Усть-Коксинский	16,2	16,5	16,4	16,7
Улаганский	7,1	9,3	9,3	11,2
Кош-Агачский	9,0	12,5	14,3	16,4

Источник: Республика Алтай в цифрах 2006: 50.

Увеличение численности населения региона в разные годы происходило неравномерно, наибольший темп прироста численности населения имел место в 1980-е гг.

Между переписями 1959 и 1989 гг. численность городского населения в Горном Алтае возросла с 29,7 тыс. чел. до 51,6 тыс. чел., а его доля в доля – с 19,0 % до 27,0 %. С 1979 г. темпы повышения удельного веса городского населения стали снижаться. Численность сельского населения также увеличилась – с 126,3 тыс. чел. до 139,2 тыс. чел., а доля – снизилась с 81,0 % до 73,0 %. Тенденция увеличения численности сельского населения заметно отличалась от динамики в целом по России и по Сибири, которая характеризовалась убылью населения и ее оттоком в города. За 1959–1989 гг. численность городского населения в регионах Сибири возросла в 1,9 раза [Крестьянство Сибири 1991: 44], тогда как в Горном Алтае – в 1,7 раза. Сельское население же в целом по краям, областям и автономным республикам Сибири сократилось в 1,3 раза, тогда как в Горном Алтае – напротив, возросло в 1,1 раза. Процесс урбанизации в Горном Алтае происходил в основном за счет внешней миграции.

Численность городского и сельского населения изменялась под воздействием естественного движения населения и механического движения. В зависимости от показателя их величины происходили ее изменения на порайонном уровне. Численность населения увеличивалась во всех районах Горного Алтая, за исключением Шебалинского (вместе с Чемальским) района, где она не изменилась, и в Турочакском, где произошло заметное сокращение, особенно – в 1960-е годы, вследствие ликвидации «неперспективных деревень». Опережающими темпами увеличение численности населения в сравнении со средним показателем по Горному Алтаю отмечено в отдаленных юго-восточных районах – Улаганском и Кош-Агачском.

Демографическая ситуация в сельской местности во многом зависела от принимаемых руководством страны мер в сфере аграрной политики. Развернувшаяся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. по инициативе Н.С. Хрущева кампания укрупнения колхозов ставила целью улучшить эффективность сельскохозяйственного производства. Кроме того, уже в послевоенные годы перед властями

встала проблема закрепления кадров на селе. Для ее решения провозглашалась задача сгладить различия между городом и деревней в социальной сфере и в культурной жизни. Создание укрупненных колхозов, преобразование их в совхозы вызвало, в свою очередь, необходимость переселения колхозников в объединенные хозяйства. Органы власти пришли к мнению о радикальной трансформации традиционной системы поселенческой сети в сельской местности, в соответствии условиями укрупненного сельскохозяйственного производства. Толчком к активной модернизации колхозной деревни послужили решения государственного и партийного руководства страны в 1957–1961 гг. [Мазур 2007: 338, 341, 342].

В первой половине 1960-х гг. в Горно-Алтайской автономной области произошли значительные административно-территориальные преобразования. В сентябре 1954 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об объединении сельских советов Алтайского края» 39 сельсоветов были объединены в 17. Из упраздненных сельсоветов в состав укрупненных было перечислено 60 населенных пунктов [Белоусова 2010: 114–115].

Одновременно происходило слияние сельских районов. В 1956 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета был упразднен Чойский район, его территория передавалась Майминскому району. В марте 1962 г. объединены Элекмонарский (Чемальский) и Майминский районы в Майминский. В январе 1965 г. территория Элекмонарского района была передана Шебалинскому району. В 1980 г. Майминский район был разукрупнен с образованием Чойского района [Белоусова 2010: 115, 116].

В 1957–1960 гг. прошла вторая волна укрупнения сельсоветов. Только с 1967 по 1977 гг. были исключены и сняты с учета как несуществующие – 110 населенных пунктов [Административно-территориальное деление 2016: 327–328, 334, 342–344, 351–352, 358, 373, 391]. В дальнейшем, в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. процесс упразднения населенных пунктов продолжался. При этом быстро росли крупные сельские поселения с транспортной доступностью, в которых были сосредоточены производственная база, шло социально-культурное строительство.

Таблица 3

Группировка сельских населенных пунктов Горного Алтая
по людности в 1970–1989 гг.

Районы	Год	Число населен. пунктов	в том числе с численностью населения, чел.								
			1-25	26-100	100-200	200-500	500-1000	1000-2000	2000-3000	3000-5000	Свыше 5000
Турочакский	1970	65	27	12	7	5	5	1	-	1	-
	1989	39	13	3	7	4	4	1	-	1	-
Чойский	1970	39	16	6	5	2	2	3	-	-	-
	1989	18	6	1	2	1	1	3	-	-	-
Майминский	1970	39	9	12	5	3	3	2	-	-	1
	1989	25	3	6	1	3	3	1	1	-	1
Шебалинский	1970	54	7	8	8	4	4	3	1	1	-
	1989	41	2	7	4	8	8	1	2	1	-
У.-Коксинский	1970	41	4	4	4	10	10	1	1	-	-
	1989	41	5	6	4	6	6	3	-	1	-
У.-Канский	1970	25	1	-	3	13	4	3	-	-	-
	1989	24	-	-	6	8	5	4	1	1	-
Онгудайский	1970	32	4	3	1	14	8	1	-	1	-
	1989	27	1	1	1	17	5	1	-	-	1
Улаганский	1970	16	3	5	2	2	4	-	-	-	-
	1989	12	-	2	-	4	4	1	1	-	-
Кош-Агачский	1970	16	4	-	1	3	6	2	-	-	-
	1989	13	-	-	1	1	3	7	-	1	-
По области	1970	327	75	50	36	97	46	16	3	3	1
	1989	240	30	[26]	26	86	39	22	4	5	2

Источник: *Макошев, Минаев* 1994: 61.

В 1989 г. средняя людность сельского поселения в Горном Алтае составляла 580 чел., что превышало средний показатель по Сибири (450–455 чел.) в 1,3 раза. Сельское население области было сконцентрировано большей частью в крупных сельских населенных пунктах. Доля сельских населенных пунктов с численностью населения свыше 1000 чел., которые обладали более высокими возможностями для жизни населения, достигала в 1989 г. более 20 %, превышая почти в два раза средний показатель по Западной Сибири и в четыре раза – по РСФСР. Мелкие населенные пункты с численностью жителей до 100 чел. составляли в Горном Алтае 23,3 %, что примерно соответствовало среднему показателю по Сибири. Доля мелких населенных пунктов хуторского типа (менее 25 чел.) составляла 12,5 % и была несколько выше среднего показателя (9,2–9,9 %) по Сибири, но ниже более чем в два раза (29 %) – по РСФСР [Крестьянство 1991: 51].

Концентрация населения в Горном Алтае имела порайонные различия. Крупные поселения находились в Кош-Агачском и в Майминском. Показатели, превышающие среднеобластные, наблюдались в Усть-Канском, Улаганском, Онгудайском районах (см. табл. 3).

В течение 1970–1989 гг. шел процесс сокращения числа сельских населенных пунктов. Увеличилось число населенных пунктов с численностью населения свыше 1000 чел.

Мероприятия государства по ликвидации «неперспективных населенных пунктов» и «сближению города и деревни» во многом произвели противоположный эффект и побудила колхозников уезжать в городскую местность. В результате по всей стране исчезали небольшие селения. В Горном Алтае в ходе политики ликвидации «неперспективных» населенных пунктов прекратили существование десятки сел. Этот процесс продолжался и в дальнейшем.

Опережающий рост городского населения происходил в основном за счет миграции населения. В Горном Алтае, по материалам переписи 1989 г., по масштабам межрегиональная миграция преобладала над внутренней – так, лишь 40 % прибывших мигрировали в пределах региона. В межрегиональных перемещениях доминировало русское население. Во внутрирегиональной миграции преобладали алтайцы. Территориальная подвижность имела этнические особенности. У алтайцев доля лиц, сменивших

место постоянного жительства, хотя бы один раз в жизни составляла 32,2 %, тогда как у русских – 59,9 %. Этнические особенности проявлялись и на поселенческих аспектах перемещений, связанных с хозяйственными занятиями и образом жизни. Так, почти 77% мигрантов-алтайцев проживало в сельской местности, тогда как среди русских – около 60 % [Тюнчева 1996: 135]. Низкая миграционная подвижность была характерна не только для алтайцев, но и для всех других коренных народов, проживающих в автономиях Сибири, с тенденцией к ее повышению [Крестьянство 1991: 389].

Межрегиональная миграция русского населения в Горный Алтай имела положительное сальдо. В 1970-е гг. наблюдался отток населения из районов Горного Алтая. Население прибывало, в основном, в областной центр г. Горно-Алтайск [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 13. Д. 33. Л. 1–7]. Эта же тенденция сохранялась и в первой половине 1980-х гг. – мигранты расселялись большей частью, в городской местности. Сельские районы Горного Алтая в некоторые годы имели отрицательное сальдо миграции [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 222. Л. 1; Д. 226. Л. 1]. Социальные причины миграции из села в город в краях, областях и республиках Сибири были схожими: социально-бытовые трудности жизни в селе, тяжелые условия труда, низкий уровень снабжения потребительскими товарами и бытовыми услугами [Крестьянство 1991: 46].

Иммиграция в Горный Алтай имела выраженную социо-территориальную направленность, в сельскую местность. Так, доля мигрировавших в сельскую местность в 1991 г. составила 67,5 % общей численности мигрантов, тогда как в городскую – 32,5 %. При этом приток населения в сельскую местность превышал выезд из нее. По возрастной структуре среди прибывших преобладали лица в трудоспособном возрасте – 73,9 % от общего числа. По данным на 1991 год, основная масса мигрантов прибывала из Алтайского края – 70 %, а также из других регионов Западной Сибири – 7,6 %, Казахстана – 5,3 %, Восточной Сибири и дальнего Востока – 2,6 %, республик Средней Азии – 3,4 %, Украины – 1,6 %. Приток населения из других регионов оставался незначительным [Тюнчева 1994: 126].

Другим фактором динамики численности населения является естественный прирост. Демографические процессы в Горном Алтае

1959–1989 гг. происходили в русле общероссийских тенденций, однако имели свои особенности.

Важное значение в демографическом и социально-экономическом развитии имеет половозрастная структура населения. Итоги всесоюзных переписей населения показывают, насколько изменился половозрастной состав населения (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение населения Горного Алтая по полу и возрасту в 1959 и в 1989 гг.

Возраст населения, лет	1959			1989		
	Оба пола	мужчины	женщины	Оба пола	мужчины	женщины
Всего	157161	70343	86818	190831	90946	99885
0-2	14891	7620	7271	13577	6977	6600
3-5	14161	7103	7058	12445	6378	6067
6-9	15732	8029	7703	15342	7746	7596
10-15	41096	6130	6242	20573	10271	10302
16-19	9066	4352	4714	10334	4435	5899
20-24	13946	6597	7349	12658	6131	6527
25-29	15263	7589	7874	17169	8816	8353
30-34	15126	6843	8283	17791	9156	8635
35-39	8773	3128	5245	14324	7339	6927
40-44	7733	2930	4803	7675	3833	3842
45-49	7604	2771	4833	7102	3535	3567
50-54	5790	2103	3687	9472	4578	4894
55-59	4952	1410	3542	9933	4560	5373
60-64	3319	1059	2260	9230	3631	5599
65-69	2948	916	2032	4667	1355	3312
70-74	373	694	1749	3550	1046	2504
75-79	1603	485	1118	2776	685	2091
80-84	875	292	583	1395	304	1091
85 лет и старше и не указавшие возраст	964	292	672	818	112	706

Источник: Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения. 1989. Ч. 1: 24, 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 46, 48, 50, 52, 54, 56, 58, 60, 62; Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 года (эл. ресурс).

В Горном Алтае имело место изменение равновесия между полами в сторону увеличения доли женщин, особенно – в средних и в старших возрастах. Так, 1959 г. баланс между мужчинами и женщинами в возрастах до 15 лет выражался в соотношении 1,0 : 1,02, то в возрастах от 20 до 35 лет – 1,12. Наиболее отчетливо демографические последствия Второй мировой войны проявились в соотношении между мужчинами воевавшего поколения от 35 до 59 лет и женщинами этих же возрастов: 1,0 – 1,79. Другой причиной некоторого дисбаланса в половозрастной структуре населения являлась миграция, приток в область мужчин трудоспособного возраста, что было, в целом, характерно для всех автономий Сибири [Крестьянство 1991: 391].

В период с 1959 по 1989 гг. шел процесс нарастания доли старшего поколения. Изменялось соотношение населения по основным возрастным группам (моложе трудоспособного – до 16 лет, трудоспособного – мужчины от 16 до 60 лет и женщины от 16 до 55 лет, старше трудоспособного – мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет) (см. табл. 5).

Таблица 5

Динамика населения Горного Алтая по возрастным группам (по результатам Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.)

Год	Населения, тыс. чел.				Удельный вес в общем составе населения, %		
	Население на начало года	Моложе трудоспособного	Трудоспособном	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособном	Старше трудоспособного
1959	157,2	57,2	84,3	15,7	36,4	53,6	10,0
1970	168,3	63,4	85,4	19,5	37,7	50,7	11,6
1979	172,0	63,2	97,0	21,8	30,9	56,4	12,7
1989	190,8	61,9	101,1	27,8	32,4	53,0	14,6

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 58.

Как свидетельствуют данные официальной статистики, динамика трудоспособного возраста и возраста моложе трудоспособного, отличалась неустойчивостью, с постепенным снижением удельного веса групп этих возрастов. При этом доля

возраста старше трудоспособного постоянно увеличивалась. Это может свидетельствовать как о снижении уровня рождаемости, так и уровня смертности в регионе. Вместе с тем, в национальных автономиях Сибири, и в Горно-Алтайской автономной области, в частности, тенденция уменьшения доли молодых возрастов при увеличении ее у лиц старше трудоспособного возраста, была выражена меньше, чем в других краях и областях Сибири и РСФСР [Крестьянство 1991: 300].

Половозрастной состав населения имел этнические особенности. Так, у алтайского, а также у казахского населения в своей возрастной структуре преобладающее место занимали молодые возраста. Если доля трудоспособного возраста у русских, алтайцев и казахов оставалась примерно одинаковой – 52,8 и 51,9 и 52,9% соответственно, то доля лиц старше трудоспособного возраста составляла: у русских – 17,3, алтайцев – 10,8, казахов – 6,5 %. У алтайского и казахского населения был выше уровень рождаемости, и также выше уровень смертности [Троицкая 1994: 122].

Численность населения определяется уровнем его рождаемости и уровнем его смертности (см. табл. 6).

Таблица 6

Естественное движение населения в Горном Алтае в 1960–1980-е гг.

Год	Число родившихся			Число умерших		
	Все население	городское	сельское	Все население	городское	сельское
1950	4537	604	3928	1656	2741	1382
1970	3236	589	2647	1486	313	1173
1980	3841	802	3039	2082	527	1555
1991	3579	726	2853	2079	592	1487
	Естественный прирост (убыль)			Умершие в возрасте до 1 года		
	Все население	городское	сельское	Все население	городское	сельское
1950	2876	330	2546	537	83	454
1970	1750	276	1474	70	11	59
1980	1759	275	1484	142	32	110
1991	1500	134	1366	82	25	57

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 66.

Общие коэффициенты естественного движения населения
Горного Алтая (на 1000 чел. населения)

Год	Число родившихся			Число умерших		
	Все население	городское	сельское	Все население	городское	сельское
1950	37,5	26,4	40,1	13,7	12,0	14,1
1970	19,2	14,8	20,5	8,8	7,9	9,1
1980	22,0	16,7	23,7	11,9	11,0	12,3
1991	18,4	14,1	20,0	10,5	11,1	10,3

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 66.

Естественное движение населения в Горном Алтае характеризовалось постоянным приростом, число родившихся превышало число умерших. Снижение рождаемости в 1960-е гг. в значительной степени было связано с тяжелыми последствиями Великой Отечественной войны, что соответствовало общим тенденциям рождаемости по всей стране. Из-за резкого снижения рождаемости в годы войны, спустя 20–25 лет после ее окончания, в стране оказалось мало супружеских пар и молодых женщин в благоприятном для деторождения возрасте [Население СССР 1974: 11]. На снижение рождаемости повлияла и заметная диспропорция в соотношении полов в репродуктивном возрасте (16–49 лет) (см. табл. 4).

По некоторым данным, общий коэффициент рождаемости в Горном Алтае в 1980-е гг. постепенно повышался – период с 1980 по 1988 г. он вырос с 21,9 до 25,6 ‰, т. е. в 1,2 раза, рост рождаемости соответствовал демографическому развитию в целом по Союзу. Помимо национальных традиций рождаемости, одним из важных факторов её положительной динамики являлась возрастная структура населения. Кроме того, существенную роль в повышении рождаемости в СССР сыграло принятие в 1981 году специальных правительственных постановлений о поощрении рождаемости и новых льготах по материнству и детству. Однако демографическое развитие в стране определялось завершением на большей части ее территории демографического перехода который характеризовался снижением рождаемости и смертности. В такой ситуации демографическая политика государства давала кратковременный эффект. В результате в конце 1980-х гг. вновь возобладала тенденция к сокращению рождаемости, что проявилось и в Горном Алтае. Здесь уже в 1989 г. произошел резкий спад уровня рождаемости – до 21,8 ‰ [Чемчиева 2014: 290, 291].

В целом Горном Алтае, как и в других национальных регионах Сибири, уровень рождаемости и естественного прироста был выше, чем в среднем по РСФСР [Крестьянство 1991: 389].

Для более полного представления о динамике естественного движения, приведем данные Алтайстата о количестве родившихся и умерших на 1000 чел. населения (см. табл. 7).

Процессы воспроизводства населения в Горном Алтае характеризовались положительной динамикой естественного прироста населения. По сравнению с показателями рождаемости и смертности 1950 года, общие коэффициенты рождаемости и смертности сократились. Однако, с 1970 по 1991 гг. они почти не изменились, и оставались примерно на одном уровне. Понизился и коэффициент естественного прироста, как в городе, так и в сельской местности. Уменьшение рождаемости в 1960-е гг., в период между 1950 и 1970 гг. следует связывать с демографическими последствиями Великой Отечественной войны. Когда в 1970-е гг. повзрослели и стали вступать в брак лица, рожденные в послевоенное время, рождаемость вновь возросла.

Развитие системы здравоохранения и рост уровня жизни населения привели к значительному снижению показателей смертности в 1950–1960-е гг. Увеличение её показателей смертности в 1970-е гг. можно объяснить увеличением доли пожилых возрастов в возрастной структуре населения, поскольку уровень смертности в этих возрастных группах был выше, чем в молодых.

Снижение рождаемости и снижение смертности характеризует переход в Горном Алтае от традиционного к современному типу воспроизводства.

К 1991 г. среди трех ведущих классов причин смерти (сердечно-сосудистая заболеваемость; онкозаболеваемость; травмы, отравления, самоубийства) внешние причины (травмы, отравления, убийства, самоубийства, несчастные случаи) устойчиво занимали второе место (см. табл. 8).

Таблица 8

Показатели смертности в результате внешних воздействий в
Горном Алтае в 1991 г.

Структура смертности	1991 г.
Умершие от всех причин	2064
в том числе от несчастных случаев, отравлений, травм	479
Удельный вес, %	23,2
Число умерших от всех причин на 100 000 человек населения	1046,1
в том числе от несчастных случаев, отравлений, травм	242,8

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 62.

Внешние причины смертности во многом зависят от образа жизни и поведения человека, уровня здравоохранения, в целом состояния социально-экономической сферы.

Показатели младенческой смертности в наибольшей степени характеризуют уровень социально-экономического развития региона и состояние здравоохранения. Успехи в развитии здравоохранения, расширение сети учреждений охраны материнства и детства, искоренение многих инфекционных болезней желудочно-кишечного тракта и легочных болезней способствовали резкому снижению младенческой смертности в стране и в Горном Алтае, в частности. Коэффициент младенческой смертности (соотношение умерших до 1 года к общему на 1000 умерших) за 1950–1970 гг. резко снизился – с 39,2‰ до 8,0‰, что свидетельствует об улучшении качества жизни населения и развитии системы здравоохранения в 1950–1960-е гг. В последующие годы динамика коэффициента младенческой смертности отличалась некоторой неустойчивостью: в 1980 г. его показатель составил 11,9‰, в 1991 г. – 7,8‰ [Республика Алтай в цифрах 2012: 27].

В целом, общий коэффициент прироста населения в Горном Алтае оставался положительным, с постепенным снижением (см. табл. 9).

Таблица 9

Общий коэффициент естественного прироста населения Горного
Алтая (на 1000 чел. населения), ‰

Год	Все население	городское	сельское
1950	23,6	16,1	25,1

1970	10,3	6,8	11,5
1980	10,0	6,0	11,3
1991	7,9	3,0	9,7

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 66.

За 1950–1991 гг. коэффициент естественного прироста резко снизился с 26,3‰ до 7,9‰. Его уменьшение имело место как в городе, так и в сельской местности. При этом, коэффициент прироста отличался в городе и в селе – в сельской местности он был значительно выше, за счет высокой рождаемости (см. табл. 7).

Демографические процессы в Горном Алтае в 1959–1989 гг. в целом соответствовали общероссийским тенденциям, однако имели свои особенности. Горный Алтай является полиэтничным регионом. Этническая структура региона изменялась в сторону понижения удельного веса русского населения, и увеличения доли алтайцев (с 24,2 % в 1959 г. до 31,0 % в 1989 г.). Высокий уровень рождаемости в рассматриваемый период, ее высокие показатели отмечены среди алтайского населения, что объясняется этническими традициями многодетности у алтайцев и особенно – у казахов. Младенческая смертность и смертность от внешних причин, показатели которых значительно превышали среднероссийский уровень, являлись сдерживающими факторами естественного прироста. Состав населения региона с преобладанием «молодых» возрастов. В возрастной структуре населения большую долю занимал возраст – младше трудоспособного, и в меньшей степени – старше трудоспособного, с тенденцией их выравнивания. Алтайское и казахское население по возрастной структуре являлось более «молодым», у этих этносов доля населения моложе трудоспособного возраста была выше, чем у русского, а населения старше трудоспособного возраста – ниже. Поэтому уровень демографической нагрузки оставался ниже среднероссийских показателей. Горно-Алтайская автономная область оставалась преимущественно сельским регионом, миграционная подвижность населения была представлена большей частью, русским населением. Алтайцы и казахи играли заметную роль во внутренней миграции. В Горном Алтае, как и во всей стране, шел процесс урбанизации, хотя его темпы несколько уступали среднесибирским показателям. Процесс урбанизации происходил в основном за счет внешней миграции. Вследствие урбанизации доля алтайцев, считавших

алтайский язык своим родным, снизилась за 1970–1989 гг. с 97,7 % до 89,6 %, это процесс происходил за счет уменьшения количества считающих алтайский родным языком алтайцев, которые проживали в городе.

6.4.2. Социально-профессиональная структура

Основными элементами советского общества были еще в середине 1930-х гг. провозглашены рабочий класс и колхозное крестьянство, а также «прослойка» – интеллигенция. Кроме того, при проведении переписей выделялись группы: крестьяне-единоличников, не Kooperированных кустарей.

Таблица 1

Социальный состав населения Горного Алтая по данным переписей населения 1959 и 1989 гг.

Общественные группы	1959		1989	
	Численность, чел.	Уд. вес, %	Численность, чел.	Уд. вес, %
Всего населения	157161	100,0	190831	100,0
в том числе:				
Рабочие	91880	58,5	116307	60,9
Служащие	29750	18,9	53270	27,9
Колхозники	34622	22,0	21161	11,1
кооперированные кустари	516	0,33	-	-
крестьяне-единоличники	47	0,03	-	-
некооперированные кустари	127	0,08	-	-
лица свободных профессий	13	0,01	-	-
служители культа	1	0,01	-	-
не указавшие на общественную группу	205	0,13	-	-
лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью	-	-	93	0,05

Источник: Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения. 1989. Ч. 3. 1992: 2, 98–100; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 16. Л. 1.

Наиболее существенным фактором изменения социально-классовой структуры явился перевод значительной части колхозов

в совхозы, что повлекло за собой переход массы колхозников в социальную группу сельскохозяйственных рабочих. Так, в регионе среднегодовая численность рабочих и служащих в сельском хозяйстве увеличилась с 1965 по 1981 гг. с 13,8 тыс. чел. до 16,8 тыс. чел., в том числе в совхозах – с 13,3 тыс. чел. до 16,1 тыс. чел. [Численность рабочих и служащих 1982: 9]. В эти же годы были упразднены такие категории, как лица свободных профессий – их стали относить к служащим, кооперированные кустари, которых отнесли к рабочим и др.

Указанные изменения, в целом соответствовали общероссийским тенденциям. Продолжался рост абсолютной численности и удельного веса рабочих и служащих при уменьшении доли колхозного крестьянства (см. табл. 1). В таком же направлении шло изменение соотношения между основными составляющими социальной структуры населения национальных автономий Сибири, в том числе – и в Горном Алтае [Карачаков 1998: 106].

Распределение населения по источникам средств существования характеризует во многом уровень социально-экономического развития региона. По данным переписей 1959 и 1989 гг. доля занятого населения в Горном Алтае за 1959–1989 гг. увеличилась с 42,1 % до 46,5 % (см. приложение 11). Однако этот процесс происходил очень медленно, в условиях некоторого сокращения доли трудоспособного населения. К 1989 году 88,9 % занятого населения составляли рабочие и служащие государственных предприятий, учреждений и организаций, в колхозах работало 10 % занятых лиц. Численность населения, учтенного в категории лиц, находившихся на иждивении государства (в основном, пенсионеры), составляла 10,0 %. Часть пенсионеров, которая на момент проведения переписи имела постоянную работу, была отнесена к занятому населению [Население СССР 1974: 131]. В период 1959–1989 гг. наиболее значимым изменениям, которые произошли в структуре групп населения по источникам средств существования, следует отнести сокращение численности и удельного веса лиц, занятых в личном подсобном хозяйстве, их доля упала с 8,3 % до 0,5 %. Возросла численность, и доля пенсионеров и стипендиатов, что свидетельствует о позитивных процессах в развитии пенсионной системы в стране и дальнейшем развитии образования. Увеличение численности пенсионеров также связано с расширением в возрастной структуре населения доли лиц старше трудоспособного возраста.

В указанный период численность занятого населения выросла с 66,1 до 88,7 тыс. чел., или на 25,4 %. Рост занятых среди городского населения шел опережающими темпами – за тридцать лет он составил 48,1 %, занятых в сельском хозяйстве – 16,8 % [Всесоюзная перепись населения 1992: 159; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 17. Л. 90, 98, 110; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 14. Д. 5. Л. 41, 44, 47]. Снижение численности занятых в возрасте до 20 лет может свидетельствовать о повышении значения высшего образования в жизни молодых людей.

За 1959–1989 гг. отраслевая структура занятости претерпела существенные изменения (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики, тыс. чел.

	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1991 г.
Всего занятых	47,9	57,9	69,8	66,9
Промышленность	9,7	11,7	11,1	9,9
Строительство	1,9	3,5	4,9	5,1
Сельское хозяйство	13,8	16,8	17,3	16,9
Лесное хозяйство	-	0,7	1,9	0,3
Транспорт	2,6	2,9	3,4	2,7
Связь	1,1	1,4	1,6	1,6
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, заготовки	3,3	4,4	6,0	6,2
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	1,0	1,0	1,8	1,9
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	2,9	3,9	4,8	5,0
Народное образование	5,4	6,4	8,1	9,8
Культура и искусство	0,4	0,8	2,0	2,4
Наука и научное обслуживание	2,0	1,8	3,3	1,6
Кредитование и государственное страхование	0,2	0,2	0,6	0,5
Аппарат органов государственного управления, органов управления, кооперативных и общественных организаций, прочие отрасли	1,4	1,7	2,3	2,3
Прочие отрасли	2,2	0,7	0,7	0,7

Источник: Республика Алтай в цифрах 2016: 64.

Современные обобщенные статистические материалы содержат сопоставительные данные по отраслям экономики. В данной таблице представлены сведения лишь по численности лиц, занятых в общественном производстве, без учета лиц, занятых индивидуальным трудом, в домашнем хозяйстве, в личном подсобном хозяйстве. Общая численность лиц, занятых общественным трудом, в Горном Алтае возросла с 47,9 до 66,9 тыс. чел., или в 1,4 раза, что соответствовало общей картине в стране. Данное обстоятельство свидетельствует о дальнейшем вовлечении людей в общественное производство. Большая часть занятых была сосредоточена в сельском хозяйстве, промышленности, народном образовании, торговле.

В отраслях, связанных с материальным производством, за исключением строительства, отмечена неустойчивая динамика – рост численности занятых чередовался спадом. Увеличение численности занятых в строительной отрасли можно объяснить возрастающими объемами производственного и жилищного строительства, широкими масштабами введения в строй объектов социального и культурного назначения. При снижении среднегодовой численности лиц, занятых в материальном производстве, имел место ее рост в нематериальной сфере: в торговле и общепите – в 1,9 раза, в ЖКХ и бытовом обслуживании – также в 1,9 раза, в здравоохранении, физкультуре и службе социального обеспечения – в 1,7 раза, в народном образовании – в 1,8 раза, в культуре и искусстве – в 6 раз, в кредитовании и страховании – в 1,6 раза. С развитием народного хозяйства и усложнением его структуры увеличилось и количество занятых в сфере управления – в 1,5 раза.

Перераспределение занятых в системе общественного труда между производственной и непроизводственной сферами в пользу второй в период с 1965 по 1991 гг. являются следствием глубоких изменений, которые произошли в экономике страны за эти двадцать пять лет, ускоренным развитием социально ориентированных отраслей.

Одной из важнейших характеристик занятости населения является его структура по выполняемой работе (см. табл. 3). Все занятые лица условно распределяются на две группы – занятых преимущественно физическим трудом, и занятых преимущественно умственным трудом.

Таблица 3

Численность и соотношение населения Горного Алтая, занятого преимущественно физическим и умственным трудом

	1959 г.	1989 г.
Все занятое население (тыс. чел.)	66113	88667
в том числе:		
занятые преимущественно физическим трудом	52697	60433
занятые преимущественно умственным трудом	13416	28234
Все занятое население (в % к итогу)	100,0	100,0
в том числе:		
занятые преимущественно физическим трудом	79,7	68,2
занятые преимущественно умственным трудом	20,3	31,8

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д 45. Л. 4-6; Горный Алтай. Перепись населения 1989. Ч. 3. 1992: 261, 309.

Необходимо оговориться, что сопоставление данных переписей 1959 и 1989 гг. имеет некоторые ограничения для анализа в первую очередь, по причине большого срока периода – 30 лет, и разными параметрами переписей, проводимых в эти годы. Тем не менее, официальные данные статистики дают нам возможность увидеть некоторые тенденции в изменении структуры занятости населения Горного Алтая за данный период. Численность лиц, имевших занятия, увеличилась за 1959–1989 гг. на 25,4 %, при этом занятых физическим трудом – на 12,8 %, занятых умственным трудом – на 52,5 %. Указанные показатели соответствовали общим тенденциям в изменении структуры занятого населения по стране – опережающим ростом занятых умственным трудом, с увеличением их доли в общем составе занятых общественным трудом [Население СССР 1974: 152].

О возрастании значения умственного труда в определенной мере свидетельствует рост доли лиц, имевших высшее и среднее образование среди всех занятых лиц [Численность и состав 1985: 63]. Образовательный уровень занятых общественным трудом за 1970–1989 гг. заметно повысился за счет увеличения доли лиц с высшим, средним специальным и общим средним образованием, и уменьшением доли занятых с неполным средним образованием, и резким снижением ее у лиц с начальным образованием.

Изменения в социально-профессиональной структуре населения Горного Алтая во многом соответствовали процессам, протекавшим в советском обществе в течение тридцати лет, с 1959 по 1989 гг. В регионе увеличивалась численность рабочих и служащих и их доля в социальной структуре общества (с 58,5 % до 60,9 % – у рабочих, с 18,9 % до 27,9 % – у служащих). Численность и удельный вес колхозников, напротив, снижались – с 22,0 % до 11,1 %. Основными факторами увеличения численности и доли социальных групп рабочих и служащих являлись перевод колхозов в совхозы с переходом бывших колхозников в категорию рабочих совхозов, а также опережающее развитие непромышленной сферы в сравнении с предыдущими годами – здравоохранения, культуры, народного образования, торговли, сферы бытовых услуг и т.д.

О расширении модернизационных процессов свидетельствует повышение за 1959–1979 гг. уровня среди занятых с высшим образованием (в промилле, на 1 тысячу занятых) с 18 ‰ до 69 ‰ и снижением доли занятых лиц с начальным образованием (с 393 ‰ до 227 ‰). С 1959 по 1989 гг. произошло увеличение удельного веса лиц, занятых преимущественно умственным трудом (с 20,3 % до 31,8 %), и снижение его у лиц, занятых физическим трудом (с 79,3 % до 68,2 %).

6.5. Социально-культурные изменения

6.5.1. Народное образование

Система народного образования Горного Алтая в условиях реформ 1954–1964 гг. Успешное восстановление народного хозяйства страны, рост научно-технического прогресса, развертывание промышленного строительства в восточных регионах РСФСР ставили перед государством задачу приблизить систему образования к потребностям народного хозяйства, создать условия для подготовки грамотных специалистов для нужд сельского хозяйства и промышленности. Решить перечисленные проблемы была призвана школьная реформа, начатая в 1958 году. Она заложила курс на увеличение продолжительности обучения общеобразовательной и профессиональной подготовки учащихся.

Первые попытки введения трудового обучения в учебный процесс предпринимались в 1954–1955 гг. В младших классах вводились уроки труда, в старших классах – практические занятия на пришкольных опытных участках и в учебных мастерских. XVIII областная партийная конференция (январь 1954 г.) потребовала от всех районных и первичных партийных организаций оказывать практическую помощь школам в осуществлении перехода к политехническому образованию, налаживании связи школы с колхозно-совхозным производством, формировании у учащихся положительного отношения к сельскохозяйственному труду. За три года (1953–1955 гг.) почти во всех семилетних и средних школах были созданы пришкольно-опытные участки. Лучшим считался участок Шебалинской средней школы с большим плодовым садом. Школа ежегодно в 1953–1955 гг. являлась участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [Андронкина 1967: 74–75].

Однако в середине 1950-х гг. многие школы региона не имели помещений для занятий по труду, машиноведению. Не хватало квалифицированных кадров для преподавания этих предметов. В 1955 г. из всех учителей труда, машиноведения только один имел незаконченное высшее образование, 80 – среднее, 6 чел. – незаконченное среднее образование. Наблюдался отрыв школы от жизни, значительная часть выпускников не имела трудовых навыков, требуемых промышленностью и сельским хозяйством.

Принятый в декабре 1958 г. Закон «Об укреплении школы связи с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР» декларировал усиление внимания к трудовому воспитанию и политехническому обучению. Система образования, сложившаяся в тридцатые годы, подверглась перестройке. Вместо общеобразовательного семилетнего вводилось всеобщее обязательное восьмилетнее образование. Помимо трудового обучения, школьники обязаны были проходить обучение рабочим профессиям и производственную практику на промышленных предприятиях в сельском хозяйстве. Происходило расширение сети профессионально-технических училищ и техникумов, увеличивалось количество вечерних школ, в которых обучались три категории слушателей: выпускники 8-го класса, по тем или иным причинам не продолжившие обучение в дневной средней школе, взрослые, ранее не получившие среднего образования, а также небольшая часть молодежи, получающая профессию.

К 1958 г. в Горном Алтае числилась 261 школа, из которых 252 школы находились в сельской местности. Из всего количества школ 179 являлись начальными, 58 – семилетними, 21 – средняя. Контингент учащихся был утвержден в 21718 чел. В школах работали 1438 учителей. Кроме того, были учтены 11 школ сельской молодежи с общим количеством учащихся 547 чел. и 1 школа рабочей молодежи с числом учащихся 237 чел. [Память народа 1993: 365, 366].

Введение профессиональной подготовки учащихся в средней школе требовало увеличения срока обучения на один год для изменения учебных программ расширения производственной базы, привлечения кадров. В целях усиления связи обучения в школе с производственной деятельностью предприятий промышленности и сельского хозяйства создавалась соответствующая материально-техническая база. Сложилась система приобщения детей к общественно-полезному труду: для учащихся 5–7 и частично начальных классов работа в школьных учебных мастерских и учебно-опытных участках; для учащихся старших классов – наряду с теоретическим курсом по основам производства практикумы по машиноведению, электротехнике, основам сельского хозяйства как в школьных специальных кабинетах и мастерских, опытных участках, так и в промышленных предприятиях, совхозах и колхозах, летняя производственная практика, специализированные классы.

В Горном Алтае перевод школ на новый учебный план осуществлялся постепенно, по мере создания материальных условий. В 1958/59 учебном году по новому плану работали уже 10 средних школ, в 1961/62 учебном году – 33, в 1962/63 году – 66 восьмилетних и 15 средних с производственным обучением школ [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 95. Л. 190].

С введением всеобщего восьмилетнего образования ставилась задача реорганизации 35 семилетних школ области в восьмилетние и 5 восьмилетних в одиннадцатилетние. В связи с увеличением количества учащихся появилась потребность в новых школьных площадях, что требовало дополнительного финансирования. Государство оказывало серьезную помощь в школьном строительстве, в первую очередь – в сельской местности. В апреле 1958 г. Совмин СССР постановил выделять колхозам и совхозам целевые кредиты, а также оказывалась помощь в приобретении строительных материалов и школьного оборудования, что

способствовало решению задач всеобуча. Ассигнования на нужды образования Горного Алтая составили в 1964 г. свыше 7 млн. руб. [Очерки 1973: 497].

Всего за 1959–1965 гг. в Горном Алтае построили 49 новых зданий школ, в том числе 31 – на средства колхозов, совхозов и леспромхозов Министерства лесной промышленности. Так, в 1958 г. Министерство лесной промышленности израсходовало на строительство школ около 1 млн. руб. К уже имеющимся зданиям школ были сделаны пристройки. В ряде случаев колхозы и совхозы передавали школам свои помещения [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 27. Д. 201. Л. 27]. В ходе реорганизаций и капитального строительства школьная сеть претерпела некоторые изменения (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура школьной сети Горного Алтая в 1958–1965 гг.

Уч е б н ы й год	Всего школ	Начальные школы	Восьмилетние (семилетние) школы	Средние школы	Кол-во учащихся
1958–1959	259	180	58	21	23160
1964–1965	253	160	75	18	37504

Рассчитано по: ГААК. Ф. Р–573. Оп. 4. Д. 101. Л. 1–2.

Переход на всеобщее восьмилетнее образование и связанная с ним реорганизация ускорили процесс укрупнения школ. Число восьмилетних и средних школ к середине 1960-х гг. значительно возросло. Природно-географические и экономические условия горного региона диктовали необходимость сохранения значительного числа малокомплектных начальных школ. Это требовало от органов народного образования укрепления учебно-материальной базы таких школ, поиска новых форм организации методической работы с учителями

Несмотря на относительно высокие темпы строительных работ, учебных площадей в школах не хватало. Большинство из них работали в две смены, к началу 1963/64 учебного года только 33,4 % школ вели занятия в одну смену. Спортивные залы работали в 30 школах. Ощущался недостаток помещений для специализированных кабинетов, что ограничивало возможности учебной работы, а также внеклассной работы с учащимися. Из-за отсутствия помещений

не выполнялся план набора в группы продленного дня, что не способствовало решению проблемы школьной безнадзорности.

В ходе мероприятий по переходу на восьмилетнее образование в школах организовывались кабинеты технических средств обучения. На начало 1963/64 учебного года в 251 школе насчитывалось 34 звуковых киноустановки, 31 радиоприемник, 3 телевизора. В большинстве национальных школ этих средств не имелось. Такая база была недостаточна для широкой кинофикации учебного процесса [Андронкина 1967: 90].

Природная и хозяйственная специфика Горного Алтая вносила свои коррективы в развитие школ региона. Ее характеризовали малая плотность населения, труднодоступность большей части территории, неравномерность расселения и преобладание в аграрном производстве ряда районов отгонного животноводства, при котором родители учеников отвлекались на длительное время на сезонную работу. Все это требовало строительства новых интернатов и расширения мест в уже действующих. Особенно усилилось значение интернатов в связи с решением задач восьмилетнего и среднего всеобуча. В апреле 1957 г. специальное постановление Совета Министров утвердило положение о школе-интернате. Теоретики школьного образования полагали, что постоянное пребывание учащихся в школах-интернатах позволяет педагогам рационально строить процесс обучения и воспитания, осуществлять их разумное сочетание, чередовать обучение, труд, спорт и отдых, а главное максимально использовать воспитательный потенциал коллектива для формирования всесторонне развитой личности.

Местными органами власти принимается ряд решений о строительстве интернатов, улучшении их материальной базы. В результате количество учащихся в интернатах увеличивалось (см. табл. 2).

Таблица 2

Число учащихся, проживающих в интернатах

Учебный год	Всего детей в интерна- тах	Из них	
		на государствен- ном обеспечении	в интернатах об- щего типа
1961–1962	3100	2500	600
1964–1965	4400	2500	1900

Рассчитано по: Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 6. Д. 61. Л. 4.

Как свидетельствуют данные отчетов отделов образования районов, рост числа детей в интернатах в первой половине 1960-х гг. происходил в основном, за счет открытия интернатов общего типа, которые содержались на средства колхозов и совхозов.

Снижению числа подростков, не охваченных обучением, способствовал рост школ рабочей и сельской молодежи. Обучение в вечерних школах сельской молодежи проводилось без отрыва от сельскохозяйственных работ. После окончания вечерней школы рабочей и сельской молодежи выпускники имели право продолжить свое образование в средних специальных или высших учебных заведениях [Беликова 2007: 105].

Учебный процесс в школах ориентировался на производственное обучение. Одной из форм соединения обучения с производительным трудом стала работа ученических бригад и звеньев учащихся в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях, опытных участках. На ежегодных областных слетах они ежегодно подводили итоги своей работы. Бригады оказали серьезную помощь колхозам и совхозам в производственной деятельности. В 1960 г. школьники полеводческих бригад заготовили для животноводства 66,9 тыс. ц грубых и 7,6 тыс. ц сочных кормов, а весной 1961 г. посеяли и осенью убрали 291 га картофеля, сахарной свеклы, бобов, кукурузы. Члены животноводческих ученических бригад работали на фермах колхозов, совхозов, выращивали цыплят, кроликов, организовывали шефство над молодняком. В 1960 г. членами 9 школьных животноводческих бригад было выращено для колхозов и совхозов свыше 1000 кроликов и 42717 цыплят [Андронкина 1967: 83]. Вместе с тем, руководители колхозов и совхозов, промышленных предприятий, где проходила производственная практика, не всегда допускали школьников к машинам, доверяли им выполнять операции, связанные с ручным трудом.

Несмотря на предпринимаемые усилия, выпускники школ не стремились пополнить ряды рабочего класса и колхозного крестьянства. В 1963 г. в Горном Алтае окончило среднюю школу 296 юношей и девушек, из них только 18 чел. (6 %) ко всем окончившим, поступило работать на производство по приобретенной в школе специальности. 79 чел. (26 %), поступили на работу, совершенно не сходную с полученной в школе специальностью, 173 чел. (58 %), стали продолжать обучение в вузах или средних специальных учебных заведениях.

Переход к всеобщему восьмилетнему образованию в конце 1950-х гг. и мероприятия местных органов власти позволили повысить качество образования, что отразилось на уменьшении отсева учащихся в школах. В результате сократилось число детей, не охваченных школой. В 1959/60 учебном году нехватка детей составил 203 чел., а отсев за год – 128 чел. За 1961/62 учебный год эти цифры соответственно составили: 212 и 140 человек [Копытов 1995: 65].

Для оказания помощи школьникам из малообеспеченных семей в стране создавались специальные фонды всеобуча, средства из которых расходовались на приобретение одежды, обуви, письменных принадлежностей для данной категории детей. Зачастую привлекались средства населения. Подворный обход комиссиями, состоявшими из учителей и представителей общественности, давал возможность собрать различные вещи для детей [Госархив РА. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 95. Л. 202]. Вместе с тем, в Горном Алтае вопрос о создании фонда всеобуча решался сложно. Отсутствие фондов всеобуча при школах сказывалось на оказании материальной помощи школьникам. Учащиеся, не имевшие обуви и одежды, нерегулярно посещали школу, по этой причине с наступлением холодов наблюдался отсев учащихся. Даже дети, которые жили в школьных интернатах, пропускали занятия.

В целях предотвращения отсева учащихся, помимо создания фонда всеобуча, организовывался подвоз учащихся, проживающих в значительном отдалении от школы, предпринимались и другие меры. Тем не менее, органам народного образования полностью добиться прекращения отсева детей из школы не удалось.

В развитии образовательного процесса национальной школы нарастали тенденции сокращения бюджета учебного времени на родной (алтайский) язык и литературу, постепенного снижения статуса алтайского языка как языка преподавания, изменения мотивации в изучении родного и русского языков в пользу последнего. С 1958 г. родителям предоставлялось право самостоятельно выбирать школу и язык обучения своих детей. С этого момента, по мнению некоторых исследователей, дальнейшее изучение учащимися – алтайцами родного языка осуществлялось не в обязательном порядке, а добровольно, по волеизъявлению их родителей, что в последующие годы привело к частичной, а иногда и полной утрате алтайцами родного языка и к распространению

русскоязычия в алтайской национальной школе [Кудирмекова 2008: 118]. Сокращение сферы родного языка в национальных школах на некоторый период стало общей тенденцией и в других национально-административных образованиях. 5 мая 1962 г. состоялась очередная сессия областного Совета депутатов трудящихся, которая приняла решение, в соответствии с проводимой государством политикой в сфере народного образования, о переводе учащихся пятых классов национальных школ на русский язык обучения с 1 сентября 1962 г.

Успешное решение многих проблем в школьной системе во многом зависело от наличия квалифицированных кадров (см. табл. 3).

Таблица 3

Рост учительских кадров Горного Алтая
(1957/58–1964/65 учебные годы)

Учебный год	Количество учителей	Из них		
		С высшим образованием	С неоконченным высшим	Алтайцев и казахов
1954/1955	1379	142	482	18
1959/1960	1577	290	352	111

Источник: Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 286. Л. 8.

За вторую половину 1950-х гг. количество учителей заметно увеличилось. Возросла доля учителей с высшим образованием – с 10,3 % до 18,4 %. Удельный вес учителей с незаконченным высшим образованием заметно сократился – с 35,0 % к 22,3 %. Обращает на себя внимание резкий рост числа учителей из числа алтайцев и казахов – в 6,2 раза, а их доли в общем количестве учителей – с 1,3 % до 7,0 %, или почти в 6 раз. Уменьшение количества учителей с незаконченным высшим образованием объясняется тем, что в первой половине 1950-х гг., учительские институты, которые готовили специалистов для семилетних школ, были преобразованы в педагогические институты с увеличением сроков обучения.

Главным источником пополнения школ Горного Алтая учительскими кадрами являлись Горно-Алтайский государственный педагогический институт и педагогическое училище. Только за 1960–1963 гг. пединститут распределил в Кош-Агач, Онгудай,

Турочак, Улаган, Усть-Кан и Усть-Коксу 150 учителей. Горно-Алтайское педучилище в 1962 г. направило в школы Горного Алтая 65 учителей [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 2. Д. 694. Л. 57].

Проводимые преобразования требовали от учителя постоянной учебы. Выросло значение курсов по повышению квалификации учителей. В 1962 г. был открыт на общественных началах Институт усовершенствования учителей [Копытов 1995: 66.]. Кафедры Горно-Алтайского пединститута играли заметную роль в повышении квалификации учителей, завучей и директоров школ через такие формы как семинары. Руководители районных секций по ряду учебных предметов проходили обучение при институте усовершенствования учителей в г. Барнауле.

Большую роль в повышении педагогического мастерства учителей играли городские, кустовые и школьные методические объединения. На заседаниях методических объединений рассматривались вопросы улучшения трудового и нравственного воспитания, эстетического и физического развития учащихся, соблюдения дисциплины и повышения качества обучения.

Создавались школы передового опыта, где лучшие учителя рассказывали о своих творческих поисках и находках, проводили открытые уроки, обсуждали вопросы совершенствования методов преподавания, и опорные школы – методические центры, объединяющие педагогические коллективы нескольких близлежащих школ. В их задачу входила не только пропаганда, но и внедрение в практику достижений педагогической науки и передового опыта. Официально школами передового опыта были утверждены школы: № 1 и № 13, областная национальная в г. Горно-Алтайске и Шебалинская средняя. На базе Элекмонарской (директор Могильников И.М.) и Весело-Сейкинской (директор Куликов А.М.) были созданы территориальные методические Советы на общественных началах. Во всех крупных школах стали действовать родительские лектории [Андронкина 1967: 81].

Учителя школ принимали активное участие в жизни города или села. Они избирались депутатами советов разного уровня, были пропагандистами, агитаторами, лекторами. Проводили работу по эстетическому воспитанию населения, сами участвовали в коллективах художественной самодеятельности и руководили многочисленными кружками народного творчества.

Но зачастую администрации районов и города не уделяли нуждам учителей должного внимания. Сложные бытовые условия послужили причиной большой текучести кадров. Например, в 1957 и в 1958 гг. в школы Горного Алтая прибыло 117 и 220 выпускников вузов и училищ, а выбыло – 95 и 184 чел. соответственно [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 27. Д. 10. Л. 28].

К середине 1960-х гг. восьмилетнее обучение стало обязательным для детей школьного возраста. Были построены новые здания средних школ в крупных селах, развивалась материальная база учебных заведений. Благоустраивались и налаживалась работа интернатов. Активное участие в возведении школьных объектов стали принимать предприятия отраслевых ведомств, колхозов и совхозов Горного Алтая. В тоже время укрупнение учебных заведений, сокращение малокомплектных начальных школ, недостаточное обеспечение школ учебно-методическими пособиями на алтайском и русском языках, не всегда позволяли эффективно решать проблемы образования в регионе, что вело к снижению качества подготовки учащихся. Несмотря на многие трудности и проблемы, школьная реформа конца 1950-х гг. открыла новый этап развития образовательной системы в Горном Алтае.

Переход к всеобщему среднему образованию в школах Горного Алтая во второй половине 1960-х – 1970-е гг. Переход к всеобщему среднему образованию ставился в центр школьной политики с середины 1960-х гг. Учитывая многие негативные моменты, связанные с перегруженностью учебного процесса в пользу производственного обучения, большое внимание теперь уделялось совершенствованию содержания образования и приведению его в соответствие с уровнем развития науки, техники и культуры. В новых учебных планах и программах более рационально распределялся учебный материал по годам обучения, принимались меры к преодолению перегрузки учащихся учебными занятиями. С целью развития индивидуальных способностей учащихся и углубленного изучения основ наук в учебный план были включены (с VII класса) факультативные занятия по выбору учащихся. К 1975 г. общеобразовательные школы страны завершили переход на новый учебный план и модернизированные учебные программы.

С 1970/71 учебного года в РСФСР начался переход с четырехлетней начальной школы на трехлетнюю. Обучение

в четвертых классах общеобразовательных организаций осуществлялось по новым программам и предметам. В связи с этим 10 начальных школ Горного Алтая реорганизовывались в восьмилетние, а 10 начальных школ – закрыли. В 1972–1973 учебном году завершился полный цикл перехода на трехлетнее начальное обучение, во всех школах вводились новые программы и учебники.

Партийно-советское руководство Горно-Алтайской автономной области и органы народного образования провели значительную работу по охвату восьмилетним обязательным обучением детей школьного возраста. Только за три года (1965–1968 гг.) удалось ввести в строй 23 школьных здания почти на 5,5 тыс. мест. Это были крупные школы, которые могли принять большое количество детей в отдаленной и труднодоступной местности. Например, Онгудайская школа планировалась на 640 ученических мест, Каракокшинская, Мухор-Тархатинская, Курайская, Каракольская, Усть-Кумирская, Яконурская – на 320 мест.

За 1968–1970 гг. было построено школьных площадей еще на 6,9 тыс. ученических мест. За счет привлеченных источников финансирования, в первую очередь – средств колхозов и совхозов – удалось ввести в строй 17 школьных зданий. Благодаря расширению школьных площадей учебный процесс стал проводиться в одну смену. Так, в первую смену к концу 1970 г. учились 68 % всех школьников области [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 10. Л. 15].

Большинство школ Горного Алтая находились на балансе колхозов и совхозов, от финансово-хозяйственного состояния которых зависели возможности осуществления нового строительства, проведения капитального и текущего ремонта школьных зданий. Несмотря на улучшение материальной базы образования, сохранялась проблема нехватки учебных площадей. В отчетах облоно отмечалось, что 30 % школ были переуплотнены, 10 % – расположены в малопригодных зданиях, 18 % – не имели центрального отопления, а подавляющее число школьных учреждений водопровода и канализации. Недостаточное количество производственных бригад являлось одной из причин не сдачи зданий школ в установленный срок [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 172. Л. 5, 6]. Многие интернаты отдаленных высокогорных Кош-Агачского, Улаганского районов, а также Шебалинского района не

были радиофицированы, территории их не благоустраивались, они не имели бытовых, гигиенических помещений [Аксенова 2011: 8].

Во второй половине 1970-х гг. наблюдается замедление темпов строительства. Только по объектам отдела капитального строительства остались не использованными более 3 млн. руб. Ежегодные капитальные вложения по народному образованию Горного Алтая осваивались не более чем на 30 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 44]. Имели место проблемы, связанные с ремонтом школ и подготовке их к новому учебному году. Основная трудность в проведении ремонта заключалась в отсутствии строительных подрядных организаций. Ремонтные работы проводились в основном хозяйственным способом [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 45]. Невыполнение планов строительства приобрело хронический характер, строительство школьных объектов зачастую превращалось в «долгострой».

В целом в период между 1965/66 уч. годом и 1980/81 уч. годом количество школ уменьшилось с 262 до 189 (см. приложение 19). Изменения в сети школ Горного Алтая произошли в основном за счет реорганизации малокомплектных начальных школ, которые представляли большую проблему из-за небольшого количества учащихся и учителей. В 1967–1968 учебном году действовали 138 начальных школ. Из них общее количество учеников на 1 школу не превышало: в 14 школах – 10 детей, 13 начальных школах – 15, в 31 – не превышало 30 детей. В таких школах работали по 1–2 учителя [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 26. Д. 79. Л. 1].

Особое беспокойство вызывала слабая учебно-материальная база начальных школ. Значительная часть из них была расположено в ветхих непригодных помещениях, 16 школ находились в аварийном состоянии. Все больше детей, проживающих с родителями на чабанских стоянках и в небольших алтайских селениях, на время учебного года вынужденно жили в интернатах, редко общаясь с семьей и родственниками, утрачивая национальные традиции. Из-за сложных жилищных и бытовых условий учителя малокомплектных школ оставляли работу и уезжали. Вместо выбывших учителей отделы народного образования районов ежегодно направляли в школы выпускников средних школ, не знавших методики, а иногда и слабо владевших содержанием учебных курсов [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 26. Д. 79. Л. 3–4.]

Сокращение количества малокомплектных начальных школ требовало расширения сети интернатов. Однако проблема

недостаточного количества школ-интернатов в Горном Алтае сохраняла свою остроту.

На 25 ноября 1981 г. в 73 пришкольных интернатах воспитывался 4841 ребенок, из них 4660 были на государственном обеспечении. По данным Облоно, за 1976–1980 гг. были построены и отремонтированы помещения интернатов на 714 мест [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 58. Д. 33. Л. 2].

В ряде районов нарушались постановления как центральных органов страны, так и областных о бесплатном и организованном подвозе школьников, проживающих на расстоянии более трех километров от школы к месту учебы. По данным облоно 640 учащихся, большинство из них младших классов, нередко добирались до школы пешком или на случайном попутном транспорте, преодолевая порой большое расстояние. Подвоз учащихся организовывался нерегулярно. Предназначенные для него автобусы, зачастую использовались в хозяйствах не по назначению и быстро ломались, дети были вынуждены пропускать занятия, а впоследствии и прекращать обучение в школе.

Выпускники восьмых классов могли получить среднее образование в профессиональных училищах Горного Алтая. Например, с 1975 по 1978 гг. профтехучилища подготовили более 4,2 тысячи квалифицированных рабочих. Однако некоторые ПТУ, как например, ГПТУ–28 и Ининское СПТУ – испытывали затруднения с выполнением плана набора учащихся, что являлось возможно следствием недостаточной профориентационной работы [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 32, 33.].

Еще одной формой охвата подростков и юношей средним образованием стали вечерние и заочные школы. В 1969/70 учебном году начался переход на новые учебные программы для данного типа учебных заведений, который завершился в 1976/77 учебном году.

Трудовое обучение, работа по профориентации среди учащихся стали одним из главных направлений деятельности школы. Для решения этой цели в школах развивалась опытническая работа, создавались летние производственные лагеря труда и отдыха для учащихся старших классов. В 1979/78 учебном году работало 56 ученических бригад с охватом 4738 учащихся, 42 лагеря труда и отдыха. Для руководства и оказания практической помощи по вопросам трудового воспитания за школами закрепили

специалистов сельского хозяйства (62 чел.), 28 автомашин, 63 трактора, оборудовали 18 кабинетов автодела, 30 кабинетов сельхозмашин. Организовывались областные слеты и конкурсы трудовых объединений учащихся, областное социалистическое соревнование ученических производственных бригад [Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 43. Д. 17. Л. 33.]

Повышению качества учебно-воспитательного процесса способствовало создание групп продленного дня. Если в 1961/62 учебном году в школах работало 15 групп продленного дня, то к 1970/71 учебному году – 99 групп с 2655 учащимися. По плану облоно к середине 1970-х гг. должно было быть 3300 групп продленного дня. Удалось создать 3188, что составляло 96,9 % от запланированного. Основная причина невыполнения плана по комплектованию групп продленного дня заключалась в отсутствии помещений, т.к. большинство школ работало в две смены.

Произошли изменения и в национальных школах. С 1970 г. по желанию родителей обучение в национальных школах велось на русском языке, алтайский и казахский языки и литературы изучались как учебные предметы. Преподавание в 1–3 классах национальных школ осуществлялось на алтайском языке, в трех школах на казахском. С 4 по 10 класс преподавание, по желанию родителей, проводилось на русском языке, а родной язык и родная литература изучались как предмет. В соответствии с новыми требованиями были созданы программы по родному языку и литературе. В 9–10 классах вводилось преподавание родной литературы. Особое значение придавалось обучению русскому и родному языкам в национальных школах. Перевод национальных школ на новые программы завершился в 1974–1975 учебном году. Количество учителей в национальных школах увеличилось за 1971–1975 гг. с 166 до 241 [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 9].

На февраль 1979 г. в Горном Алтае числилось 79 национальных школ, из них: 54 – национальных алтайских школы и 25 – национальных школ смешанного типа. В Кош-Агачском районе действовали 3 национальные казахские школы [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 107]. Всего в национальных школах обучалось 11054 школьника [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 1], в том числе: 9440 – алтайской национальности, 1440 – казахской национальности, 128 – других национальностей.

Школы стабильно пополнялись квалифицированными специалистами. Так, с 1964 по 1971 гг. количество учителей в школах увеличилось с 2285 до 2742 чел., или в 1,2 раза. При этом число учителей с высшим образованием выросло с 645 до 980 чел., или в 1,5 раза, а их доля в общем педагогическом составе – с 28,2 % до 35,7 %. Заметно возросло количество учителей алтайцев и казахов – со 202 до 804, а их удельный вес, соответственно – с 8,8 % – до 35,4 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 4. Д. 286. Л. 8; Госархив РА. Ф. Р–55. Оп. 26. Д. 162. Л. 2, 3]. В 1971/72 учебном году так же работал 1081 учитель со специальным средним образованием. Вместе с тем, 326 учителей имели среднее и неоконченное среднее образование.

Проведение реформы в общеобразовательных школах требовало значительного количества педагогов. Пополнение кадров для системы образования осуществлялось в основном за счет выпускников Горно-Алтайского государственного педагогического института и Горно-Алтайского педагогического училища. С целью увеличения кадров учительства увеличивается прием абитуриентов на факультеты института и отделения училища. Для этого расширялась материальная база института и училища. Например, в 1974 г. было введено в строй новое студенческое общежитие пединститута на 800 мест, заложен фундамент под новый корпус вуза, пополнялись учебным оборудованием лаборатории и кабинеты. На трех факультетах (историко-филологическом, естественно-географическом и физико-математическом) обучалось 1827 студентов на очном и 1761 студент на заочном отделениях [Беликова 2007: 127].

Меры, предпринятые руководителями системы образования по подготовке учительских кадров, способствовали постепенному их количественному и качественному росту. В 1979 г. в школах Горного Алтая работало 2276 учителей, 81 % из них имели высшее образование.

Большую работу в переподготовке учителей провел областной институт усовершенствования учителей (ОИУУ), который был открыт в 1968 г. Под руководством ОИУУ и областного методического кабинета проходила подготовка учителей к работе по новым программам в связи с введением всеобщего среднего образования. С переходом школ на новые программы обучения Облоно и ОИУУ проводили совместные проверки школ области и

инспектирование работы учителей. С 1970 по 1977 гг. переподготовку в ОИУУ прошли 9251 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 48]. Методические кабинеты укреплялись квалифицированными методистами. Открылись кафедры общественных наук, педагогики и психологии.

В 1970-е гг. в ОИУУ сложилась система работы по повышению квалификации педагогических кадров, которая включала следующие варианты: месячные курсы с отрывом от работы, учебные индивидуальные и групповые консультации, шефство старших учителей над молодыми, школы молодого педагога, пропаганда передового педагогического опыта.

Повышение образовательного уровня учителей осуществлялось и через обучение на заочном отделении институтов. В 1979 г. на заочном отделении Горно-Алтайского пединститута учились 588 учителей. Своевременно выполняли учебный план 1/3 часть студентов. Например, из 60 заочников Кош-Агачского района не выполнили учебный план 22 человека.

При этом, партийными органами продолжала отмечаться застарелая проблема – текучесть учительских кадров. За период с 1975 по 1978 гг. из школ районов и г. Горно-Алтайска выбыло более 1000 учителей. В сельской местности ежегодное прибытие новых учителей не успевало восполнить их выбытие. Причинами текучести учительских кадров являлась неустроенность быта, необеспеченность продуктами питания, несвоевременное обеспечение коммунальными услугами [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 43. Д. 17. Л. 38]. Только в г. Горно-Алтайске в общем списке на получение квартир числилось 70 чел. В льготном списке как молодые специалисты насчитывалось 22 чел. В этой связи наблюдался медленный рост численности учительских кадров, за период с 1965/66 уч. года по 1980/81 уч. год она возросла с 2,2 тыс. чел. до 2,4 тыс. чел. (см. приложение 19).

Итак, в 1970-е гг. в системе народного образования Горно-Алтайской автономной происходил процесс роста количества средних школ с десятилетним сроком обучения, за счет реструктуризации (сокращения) школ с восьмилетним сроком обучения. В небольших селах оставались малокомплектные школы, обеспечивавшие обучение детей без отрыва от семьи. В первой половине 1970-х гг. совершился переход с четырехлетнего на трехлетнее начальное обучение. Укреплялась материальная база школ, что отвечало

задачам трудового обучения и политехнического образования. В связи с переменами в системе образования, в середине 1970-х гг. был осуществлен переход на новое содержание образования. Изменилось соотношение между гуманитарными и естественно-научными дисциплинами с увеличением доли последних, значительно повысился теоретический уровень изучаемого школьниками материала. Активно шло создание новых учебников и учебных программ, в национальной школе возросло значение русского языка в учебном процессе. К концу 1970-х гг. система народного образования сложилась в устойчивую структуру. Однако в школьной системе сохранялись старые проблемы: нехватка школьных помещений и средств обучения, которые бы соответствовали современным требованиям. Сохранялась необходимость повышения качества образования.

Осуществление реформы образовательной системы Горного Алтая в 1980-е гг. В первой половине 1980-х гг. система народного образования Горного Алтая продолжала поступательно развиваться. К середине 1980-х гг. работали 184 школы, в которых обучалось 31409 учащихся [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 61. Д. 33. Л. 6].

На IV областном съезде учителей (март 1983 г.) констатировалось, что в Горно-Алтайской автономной области действовало 68 средних, 53 восьмилетних, 59 начальных с контингентом учащихся более 30 тыс. чел. Функционировали 2 вспомогательных, 1 санаторная школа, 2 детских дома.

В 1984 г. в общеобразовательных школах работали 2628 учителей, в большинстве – местные жители. Вопросы о закреплении молодых специалистов рассматривались на заседаниях партийных и советских органов.

Несмотря на достижения в сфере народного образования Горного Алтая, продолжала оставаться актуальной задача обеспечения восьмилетнего всеобуча. Установка на сокращение «отсева» приводила к административному рвению, порождая элементы принуждения. В частности, стал оформляться курс на максимальный перевод школьников в 9 класс. Фактически основным мерилем работы педагогов становилось сокращение числа неуспевающих. В числе главных оказалась задача повышения «качества знаний», понимавшегося как рост процента успевающих и детей, учившихся на «4» и «5». Педагоги оказались под мощным прессом, они прямо принуждались к завышению оценок.

Сомнительные победы на этом пути оборачивались реальными недостатками, потерями.

Накопившиеся проблемы в системе народного образования страны поставили вопрос необходимости реформы, о проведении которой было заявлено на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. Идея реформы состояла в том, чтобы привести сферу образования в соответствие с реальными потребностями социально-экономического развития страны. Рекомендовалось учитывать региональную специфику. Каждой республике, области, району ставилась задача составить свой конкретный план мероприятий и реализовать его по мере создания для того условий. Предлагалось перейти к среднему 11-летнему сроку среднего образования.

В сельских районах и в г. Горно-Алтайске прошли обсуждения проекта основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 33. Л. 3]. При горкоме и районных комитетах КПСС создавались рабочие группы, которые подвели итоги обсуждения проекта. Для выполнения решений разрабатывались планы мероприятий по выполнению «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы». В 1984 г. областные власти всех уровней приступили к подготовке реформы системы школьного образования, провозглашенной руководством страны. В 1984/85 учебном году в подготовительные классы приняли 1100 детей шестилетнего возраста [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 33. Л. 6].

К концу 1980-х гг. завершился переход начальной школы на четырехлетнее обучение. За четыре года к обучению приступили 3500 детей шестилетнего возраста. Только в 1989/90 г. за школьные парты сели свыше 2000 шестилеток. В связи с введением обучения в школе с шестилетнего возраста встала задача создания дополнительных классов. Это требовало строительства новых зданий или пристроек к школьным зданиям. С 1984 по 1991 гг. в Горном Алтае было построено и введено 13 школ на 4330 мест, 20 детских садов на 1990 мест. Численность школ, занимающихся в две смены, сократилась на 2,4 %. Всего за период с 1980/81 уч. года по 1989/90 уч. год количество школ увеличилось с 189 до 196 (см. приложение 19).

Советское государство в реализации школьной политики исходило из положения о том, что страна не являлась однородной в этническом и культурном плане. Поэтому получение образования

связывалось с решением задач национального образования, которое учитывало интересы национальных меньшинств и этнических групп. Ряд партийных документов стал основой для изменений по улучшению работы национальных школ. Только за два года (1987/88, 1988/89 гг.) на учебные планы нерусских школ перевели 28 школ Горного Алтая. Такая же работа проводилась и в дошкольных учреждениях. Для работников детских садов была подготовлена в конце 1980-х гг. программа с методическими рекомендациями по изучению алтайского языка. В 1989/90 учебном году в Горно-Алтайском педучилище открылась группа по подготовке воспитателей детских садов.

В 1988/89 уч. году в школах Горного Алтая обучались 34,6 тыс. детей (см. приложение 19). По национальному составу они были представлены следующим образом: русских – 45 %, алтайцев – 44 %, казахов – 8 %, 3 % учащиеся других национальностей. Обучение велось в 96 национальных школах, что составляло ровно половину от общего количества школ. В 61 школе обучение велось на алтайском языке, в 5 – на казахском. Обучение на родном языке осуществлялось также в 30 смешанных школах. Выбор языка обучения зависел от желания родителей на основе конституционного права граждан страны [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 8. Д. 937. Л. 90].

Большую работу для улучшения работы национальных школ проводилась учеными, учителями, преподавателями учебных заведений по созданию учебников, учебно-методической литературы и наглядных пособий для национальных школ. Для начальных классов ученые и специалисты разработали новый комплект учебников, включавший букварь, пособия для учителя, книгу для внеклассного чтения, а также программу по обучению детей, не знающих родной язык. Значительный вклад в разработку и внедрение научно-методических основ обучения и воспитания учащихся алтайской национальности, обучения их на алтайском языке внесли кандидаты филологических наук (на тот момент) З.С. Казагачева, А.Т. Тыбыкова, Н.М. Киндикова, Н.Н. Суразакова.

Кроме того, в 1989 г. работали 70 алтайских детсадов. Для обучения в них впервые была создана программа по изучению алтайского языка [Из выступлений в прениях 1989: 3].

Начавшаяся школьная реформа способствовала демократизации школы, активному поиску учителей наиболее эффективных форм и методов обучения. В школах проводились

педагогические эксперименты по внедрению новых методик и воспитательных систем. В соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР от 27 марта 1989 г. «О направлении учебных планов на 1989–1990 учебный год» школам предоставлялось право в пределах установленного времени по классам и с учетом особенностей данной школы вносить изменение в распределение часов на изучение отдельных предметов, решать вопрос об окончательном выборе варианта учебного плана. Серьезно значение придавалось открытию классов с углубленным изучением отдельных предметов. В 1989/90 учебном году в Горном Алтае открылись 33 таких класса. Основное место в ряду классов с углубленным изучением занимали классы с изучением иностранных языков, их количество составляло 12 классов [Аксенова 2011: 9].

Поскольку содержание проводившихся преобразований в полной мере ограничивалось рамками реально существовавшей образовательной модели, реформа неизбежно оказалась отягощенной присущими ей типичными болезнями. Формализм, планотворчество, процентомания, приписки, дальнейшая идеологизация образовательного процесса и т.п. стали еще заметнее. И чем дольше власти не могли предложить полноценной, концепции реформ, тем очевиднее, рельефнее они становились. Отчетный энтузиазм подменял реальные дела.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. в Горном Алтае был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию. Выпускники основной школы продолжали обучение в 9 (после 1984 г. – в 10) классе средней школы. Учащиеся получали среднее образование в средних специальных учебных заведениях, вечерних школах или областной заочной школе.

Задача введения массового среднего образования потребовала нового строительства школ, укрупнения сети действующих общеобразовательных учреждений. За годы осуществления введения всеобщего среднего образования было построено значительное количество школ, в основном десятилеток. Однако усилия по введению всеобщего среднего образования, опираясь исключительно на дневную среднюю школу, не давали ожидаемых результатов. Другим образовательным институтом, на который в конце 1960-х годов возлагалась задача предоставления среднего образования, стали вечерние (сменные) средние школы.

В проведении реформ образовательной системы страны значительное место отводилось подготовке и повышению квалификации кадров учителей всех ступеней образования. С 1950-х гг. по конец 1980-х гг. в Горном Алтае значительно возросло количество педагогических работников, особенно – алтайцев и казахов. Существенно улучшилась работа по подготовке, повышению квалификации педагогических кадров в соответствии с требованиями школы и других учреждений просвещения. За период с 1980/81 уч. года по 1989/90 уч. год численность учителей выросла с 2,4 тыс. чел. до 3,4 тыс. чел., или почти в 1,4 раза (см. приложение 19). Вместе с тем многие молодые учителя в течение учебного года покидали место работы из-за условий, не соответствующих жилищно-бытовым требованиям и материальной базы школ, несмотря на все предпринимаемые попытки органов образования их улучшить.

Продолжалась работа по дальнейшему совершенствованию учебно-воспитательного процесса в школе. Больше внимания стало обращать на трудовое воспитание учащихся, их профессиональную ориентацию, а также идейно-политическое, нравственное, эстетическое воспитание и физическое развитие.

В 1980-е гг. предпринимается еще одна попытка преобразования советской школы, в основу которой закладывалось изменение сроков обучения (введение 11-летнего образования), предоставление учащимся возможности специализации по отдельным дисциплинам, снижение наполняемости классов. Реформа побудила общественность к поиску путей обновления школы и привела к созданию творческих объединений учителей, авторских школ, независимых научно-исследовательских коллективов. В конце 1980-х гг. решались вопросы расширения сферы применения алтайского языка в национальных школах. Началось быстрое развитие национальных школ, изучение родного языка с дошкольного возраста.

6.5.2. Наука

Формирование научного потенциала в Горном Алтае происходило в общем направлении социально-экономических и социально-культурных преобразований, совершавшихся в стране. Развитие науки имело свои региональные особенности. Со времени

образования Ойротской (с 1947 г. – Горно-Алтайской) автономной области в здесь не существовало специальных научных организаций, не хватало квалифицированных кадров. Научные исследования по истории, языковедению и литературе Горного Алтая выполняли центральные академические институты страны. Образование научного учреждения гуманитарного профиля в регионе стало возможным только в середине XX в.

В Горном Алтае направленность научных исследований во многом определялась природными, экономическими, культурными особенностями региона. Систему научно-исследовательских учреждений представляли следующие учреждения: Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ГАГПИ), Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ГНИИИЯЛ), Горно-Алтайская сельскохозяйственная опытная станция (ГАСХОС), отдел горного садоводства Алтайской опытной станции садоводства, Чергинский и Телецкий филиалы институтов СО АН СССР, а также Алтайский государственный природный заповедник, геофизическая экспедиция.

Ведущее место по количеству штатного персонала занимал ГАГПИ – единственный вуз в регионе. В 1964 г. численность преподавательского состава ГАГПИ составляла 134 чел. В дальнейшем она постоянно увеличивалась (см. табл. 1).

Таблица 1

Штатная структура Горно-Алтайского государственного педагогического института, единиц, на конец года (1970 г. – на середину года)

Количество	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Факультетов	3	3	3	3	4	5
Кафедр	12	14	17	19	18	20
Всего научно-педагогических работников, чел.	144	173	172	169	172	192
в т.ч. кандидатов наук	18	34	46	52	65	83
докторов наук	-	-	1	-	-	2

Источник: Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 294. Л. 1; Д. 315. Л. 27; Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 7. Д. 139. Л. 67; Д. 140. Л. 14; АФ ГАГУ. Д. 366. Л. 7; Д. 17. Л. 4; Д. 75. Л. 3; Д. 124. Л. 13; Д. 137. Л. 4; Д. 146. Л. 2.

За 1965–1991 гг. численность научно-педагогического состава увеличилась с 144 до 226 чел., или примерно в 1,6 раза. При этом количество кандидатов наук выросло примерно за этот период с 18 до 82 [АФ ГАГУ. Д. 67. Л. 4; Д. 154. Л. 6]. Появились в вузе и свои доктора наук. К 1991 г. в ГАГПИ работали 4 доктора наук: преподаватель ГАГПИ С.С. Каташ, совместитель, старший научный сотрудник Горно-Алтайского НИИЯЛа А.Т. Тыбыкова (оба были алтайцами по национальности), и привлеченные профессора – О.Т. Молчанова из Львовского сельхозинститута и С.И. Григорьев из Алтайского госуниверситета. В целом доля «остепененных» специалистов в указанный период увеличилась с 12,5 до 38,1 %.

Повышение квалификации сотрудников ГАГУ осуществлялось разными путями, главным из которых была аспирантура. Горно-Алтайский пединститут направлял перспективных молодых сотрудников в ведущие вузы России и, в первую очередь: Московский, Ленинградский, Куйбышевский государственные педагогические институты, Томский государственный университет. В 1970–1980-е гг. число проходивших обучение в очной целевой и заочной аспирантуре составляло от 8 в 1983 г. [АФ ГАГУ. Д. 108. Л. 20] и в 1984 г. [АФ ГАГУ. Д. 117. Л. 8] до 29 в 1974 г. [Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 275. Л. 6] и в 1976 г. [Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 313. Л. 2; Д. 315. Л. 14].

Другой распространенной формой повышения квалификации являлось обучение в институтах и на факультетах повышения квалификации (ФПК и ИПК) при ведущих вузах России. Срок такой подготовки мог быть от 3 недель до полугода. На такой же срок сотрудники вуза направлялись на стажировку. Количество сотрудников, повысивших свою квалификацию путем подобных видов курсовой подготовки, составляла в год – от 27 в 1979 г. [Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 315. Л. 14] до 54 – в 1985 г. [АФ ГАГУ. Д. 140. Л. 14]. Такая система имела широкий охват, в 1970–1980-е гг. доля сотрудников, повысивших квалификацию от общей фактической численности научно-педагогических сотрудников, колебалась – от 14,1 % в 1975 г. [Расчитано по: Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 292. Л. 2; Д. 293. Л. 1; Д. 313. Л. 9; Д. 315. Л. 24] до 63 % в 1986 г. [АФ ГАГУ. Д. 140. Л. 14].

Увеличилось и число структурных подразделений в ГАГПИ, обусловленное качественным и количественным ростом профессорско-преподавательского состава (ППС). Так, если в

1965 г. работало 3 факультета: естественнонаучный, историко-филологический и физико-математический, то в 1991 г. – уже 6. Факультеты реорганизовывались, в 1985 г. на основе естественно-географического были созданы географо-биологический и биолого-химический, а в 1989 г. из историко-филологического – филологический и исторический, в 1991 г. – образован факультет иностранных языков. Путем разделения действующих кафедр и организацией новых их общее количество выросло с 1964 по 1991 гг. с 12 до 22.

Направленность научных исследований в вузе во многом определялась местными региональными особенностями – этнокультурным фактором и отраслевой структурой экономики. Основными фундаментальными направлениями научно-исследовательской деятельности являлись: история, археология, этнография, литература, язык народов Алтая; ботаника, зоология, геоэкология, экономика и народное хозяйство Горного Алтая и т.д. Разработка данных вопросов в целом соответствовала насущным нуждам региона. Значительная часть кафедр института планировали работу методического характера и сосредотачивали свое внимание на разработке частных проблем.

Институтом успешно велись экспедиционные работы по всем районам Горного Алтая. В этих экспедициях активно участвовали студенты ГАГПИ. Полевые исследования осуществлялись по ряду направлений, объектами наблюдения сотрудников института являлись: археологические памятники, фольклорные материалы, флора и фауна Горного Алтая, природные среды региона. В 1970–1980-е гг. осуществлялись совместные экспедиции с Центральным Сибирским ботаническим садом СО АН СССР под руководством ведущих ученых-ботаников Сибири К.А. Соболевской, А.В. Куминовой, И.М. Красноборова. Работы проводились и стационарно, на экспериментальных участках биологической станции института. Кроме того, сотрудниками кафедры ботаники велись опытно-исследовательские исследования в трех сельских школах Горного Алтая [Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 369. Л. 12].

В начале X пятилетки велась хозяйственная работа «Оценка сельскохозяйственных ресурсов Абайского совхоза» под руководством Т.И. Модиной. С 1977 г. по договору с Центральным НИИ «Гидропроект» им. С.Я. Жука начались комплексные исследования природного комплекса в районе затопления будущего

Еландинского водохранилища проектируемого каскада ГЭС. Для этого привлекались кафедры ботаники, зоологии и химии. По результатам экспедиционных работ был представлен анализ возможных изменений микроклимата, дано краткое геоботаническое описание, составлены рекомендации для областных организаций по охране и защите особо ценных и реликтовых растений и памятников природы Горного Алтая. К совместной работе привлекались и академические центры СО АН СССР [Госархив РА. Ф. Р–265. Оп. 2. Д. 369. Л. 17]. Итоги исследований публиковались в академических изданиях и журналах ведущих вузов страны.

В институте появились перспективные сотрудники, разработки которых оказались весьма востребованными и вскоре вызвали большой спрос в народнохозяйственной сфере. В декабре 1978 г. на кафедру физической географии прибыл аспирант Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе Ю.А. Лебедев, занимающийся изучением прочности пород при помощи специальных приборов, сконструированных им [АФ ГАГУ. Д. 68. Л. 1]. Данные приборы предназначались для раскалывания горных пород безвзрывным способом и открывали собой новый этап в развитии горных разработок. После окончания аспирантуры молодой специалист продолжил работу над диссертацией по теме «Разработка и исследование новых систем геомеханического контроля и управления горным давлением при обработке мощных пологих рудных тел».

Активно велась научно-практическая работа и физиками института. В 1979 г. согласно постановления ГКНТ при Совете Министров СССР от 17 апреля 1979 г. № 142 «О развитии магнитографического метода контроля качества материалов и изделий» институт выполнял хозяйственную работу «Разработка способа селективности магнитографического метода контроля сплошности сварных швов» и «Разработка методов автоматизации магнитографического контроля сплошности» по заказу Института физики материалов УНЦ СО АН СССР. Руководителем проекта долгие годы являлся преподаватель физико-математического факультета С.П. Михайлов.

Результативность научной работы в ГАГПИ серьезно сдерживалась из-за нехватки помещений и оборудования для лабораторной работы. Преподаватели вуза имели небольшие возможности для полноценной исследовательской работы.

Основным центром научно-исследовательской деятельности в институте являлся Научно-исследовательский сектор (НИС), который с высокой результативностью вел хоздоговорные работы. Особое место среди выполняемых в эти годы проектов занимала деятельность группы под руководством Ю.А. Лебедева по безвзрывному способу раскалывания строительного камня. Изобретенные исследователем гидрораскалывающие установки экспонировались на ВДНХ, в Болгарии, Польше, Чехословакии, Китае, Корее, Японии [Госархив РА. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 387. Л. 15; АФ ГАГУ. Д. 137. Л. 15; Д. 154. Л. 5]. Достижения НИСа ГАГПИ широко публиковали в центральные издания: журналы «Изобретатель-рационализатор»; «Техника – молодежи»; «Юный техник»; газетах «Правда», «Учительская газета», «Советская Россия», а также в краевых и областных газетах. Кроме того, результаты работ получили освещение в передачах по Центральному телевидению и радио.

К концу 1980-х гг. ученые института имели большой задел, результаты их работ широко применялись в народном хозяйстве страны. Научные разработки по внедрению результатов исследований на практике продолжались и в дальнейшем, создавая условия для основания прочной научной базы вуза.

Гуманитарными проблемами занимался Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ). В задачи института входили: организация научно-исследовательских работ по языку, литературе и истории алтайского народа; издание научно-исследовательских и научно-популярных работ, посвященных изучению языка, литературы и истории алтайцев, а также – оказание практической помощи учительству, партийно-советским органам, работникам печати, искусства и т.д.

Как и все подобные комплексные гуманитарные НИИ в автономных республиках и областях РСФСР, ГАНИИИЯЛ находился в прямом подчинении Горно-Алтайскому облисполкому, планы НИР утверждались обкомом КПСС. Деятельность института, профиль и основные направления научных исследований ГАНИИИЯЛа, как и всех комплексных национальных институтов, уточнялись соответствующими отделами Секции общественных наук Президиума АН СССР.

В разные годы ГАНИИИЯЛ возглавляли директора: С.С. Суразаков (май 1952 г. – июль 1955 гг., октябрь 1964 – август

1966 гг.), Е.М. Тошакова (июль 1955 г. – май 1958 гг.), Т.М. Тошакова (май 1958 – март 1964 гг.), П.Е. Тадыев (март 1964 г. – сентябрь 1964 гг., ноябрь 1973 – август 1978 гг.), Е.Г. Мултуева (сентябрь 1966 – январь 1973 гг.), И.П. Эдоков (август 1978 г. – декабрь 1987 гг.), Я.А. Пустогачев (июнь 1988 – сентябрь 1996 гг.) [НИИ алтаистики 2010: 89–92]. Дважды директорами были С.С. Суразаков, П.Е. Тадыев. Исполняли обязанности директоров С.М. Каташев (январь 1973 г. – ноябрь 1973 г.), Н.В. Екеев (декабрь 1987 г. – май 1988 г.).

Научные сотрудники проходили учебу в очной аспирантуре при академических институтах и ведущих вузах страны, таких, как: Институт археологии АН СССР, Институт этнографии АН СССР, Институт истории АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, Институт языкознания АН СССР, Объединенный Институт истории, филологии, философии, права СО АН СССР, Томский государственный университет и др. Первые сотрудники ГАНИИИЯЛа учились в аспирантуре в ведущих академических школах страны, под научным руководством известных в стране и в мире ученых. Так, историк С.Я. Пахаев учился в аспирантуре Томского госуниверситета у д.и.н. профессора И.М. Разгона, историк и этнограф Ф.А. Сатлаев – в аспирантуре ленинградской части Института этнографии АН СССР у д.и.н. профессора Л.П. Потапова. Литературовед З.С. Казагачева прошла подготовку в ИМЛИ им. А.М. Горького у д.ф.н., профессора А.А. Петросян. Лингвисты Н.А. Кучигашева, В.Н. Тадыкин, А.Т. Тыбыкова проходили обучение в аспирантуре Института языкознания АН СССР у д.ф.н. профессора Н.А. Баскакова. Традиции сотрудничества с ведущими академическими учреждениями под научным руководством ведущих по своей специальности ученых были продолжены в будущем.

Перед началом обучения сотрудники нередко проходили стажировку от полугода до года по месту будущей учебы, что способствовало повышению квалификационного уровня молодых сотрудников. В целом работа по подготовке квалифицированных специалистов носила стабильный характер. Ежегодно в аспирантуре обучались от 1 до 3 сотрудников. В итоге институт пополнялся квалифицированными исследователями. В конце 1960-х – 1970-е гг. приступили к работе в институте зарекомендовавшие себя в научной деятельности, прошедшие академическую

школу сотрудники: этнограф Н.И. Шатинова, литературоведы С.М. Каташев, Р.А. Палкина, фольклористы И.Б. Шинжин, К.Е. Укачина, искусствовед В.И. Эдоков.

Исследования в институте в первые годы проводились в его трех структурных подразделениях: секторе истории, секторе языка, секторе литературе. Профиль научно-исследовательской работы в секторах и ее основные направления определялись специализацией структурных подразделений и соответствующими планами НИР.

Во второй половине 1960-х гг. сектор истории занимался изучением отдельных проблем истории Горного Алтая с древнейших времен и в советский период (этапы установления Советской власти и строительства социализма). Особое внимание уделялось вопросам национальной консолидации алтайцев, отдельным предметом исследования были их этническая история, народное искусство. Для освещения данной темы планировалось организовать археологические, этнографические и антропологические исследования (экспедиционные и камеральные).

Сектор языка проводил исследования по следующим направлениям: разработка проблем развития единого алтайского литературного языка и вопросов усовершенствования современной алтайской письменности (алфавит, орфография); изучение словарного состава алтайского языка и составление различных словарей; исследование грамматического строя алтайского языка, диалектов и говоров субэтнических групп алтайцев. Кроме того, во второй половине 1960-х гг. сотрудники сектора языка выполняли работу по прикладной тематике: сектор работал над составлением и улучшением школьных учебников и пособий по алтайскому языку, разрабатывал вопросы общественно-политической, научной терминологии.

Сектору литературы, в соответствии с перспективным планом на 1966–1970 гг., ставились задачи: сбор, изучение, публикация устного народного творчества алтайцев (героический эпос, сказки, народные песни); изучение творчества современных алтайских писателей и пр. [Госархив РА. Ф. Р–462. Оп. 1. Д. 31. Л. 10, 11].

Перечисленные темы исследований в целом сформировали основные направления научно-исследовательской работы в институте на длительное время. Большой частью указанные вопросы изучались в рамках индивидуальных планов НИР сотрудников института.

В рамках выполнения перспективного плана удалось

осуществить ряд экспедиций, в том числе – социолингвистическое обследование в ряде районов Горного Алтая в 1967 г. В 1969 г. большинство сотрудников института принимали участие в комплексной экспедиции, в ходе которой был проведен сбор этнографического, фольклорного, лингвистического материала.

ГАНИИИЯЛ активно сотрудничал с институтами АН СССР, вузами Сибири, Горно-Алтайским пединститутом. В исследовании проблем истории и алтайского языка принимали участие доктора наук, известные российские ученые, профессора с мировыми именами Л.П. Потапов и Н.А. Баскаков, преподаватели ГАГПИ С.С. Суразаков, Г.В. Кондаков [Андронкина 1987: 22]. В научно-редакторском руководстве и непосредственном написании принимали участие ведущие специалисты ОИИФФ СО АН СССР [Госархив РА. Ф. Р–462. Оп. 5. Д. 48. Л. 2]. Так, в 1964 г. Г.А. Докучаев, зав. отделом гуманитарных исследований СО АН СССР приступил к кураторству коллективной монографии «Очерки истории Горно-Алтайской автономной области» [Госархив РА. Ф. Р–462. Оп. 5. Д. 20. Л. 26]. В 1969 г. опубликована монография Л.П. Потапова «Этнический состав и происхождение алтайцев». Итак, во второй половине 1960-х гг. в научно-исследовательской работе ГАНИИИЯЛ активно участвовали ученые институтов АН СССР.

К середине 1970-х гг. ученые ГАНИИИЯЛ имели солидный научный задел, к этому времени было издано значительное количество научной литературы. Наиболее важными работами, как в общетеоретическом, так и научно-практическом отношении являлись: «Русско-алтайский словарь» (1964 г.), «Сложные глаголы в алтайском языке» А.Т. Тыбыковой (1966 г.), «Причастие в алтайском языке» В.Н. Тадыкина (1971 г.), «Зарождение алтайской литературы» З.С. Казагачевой (1972 г.), «Кумандинцы» Ф.А. Сатлаева (1974 г.), коллективные монографии «Очерки истории Горно-Алтайской автономной области» (1973 г.), «Горно-Алтайская организация КПСС в цифрах» (1975 г.) и др. Издавались памятники алтайского героического эпоса: «Алтын-Безе» (1965 г.), «Алтай баатырлар» тт. VII, VIII (1965, 1974 гг.), «Маадай-Кара», изданный в двуязычной академической серии «Эпос народов СССР» (1973 г.). Сотрудники института публиковали свои работы в институтском издании «Ученые записки», которое выходило с периодичностью в 1–2 года.

Вместе с тем, научно-исследовательская работа в ГАНИИИЯЛ была отмечена мелкотемьем, индивидуальным характером работы, малым количеством комплексных научно-

исследовательских проектов. В итоге результативность научно-исследовательской работы в институте снижалась. В июне 1977 г. бюро Горно-Алтайского обкома КПСС обсудило вопрос «Об эффективности научных исследований в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы». Бюро обкома потребовало от дирекции ГАНИИИЯЛ устранения отмеченных недостатков и разработки мероприятий по повышению эффективности научных работ в институте и усилению их связи с нуждами народного хозяйства области. Усилилась и координация исследований со стороны академических научных учреждений, с учеными которых сотрудники ГАНИИИЯЛ вели совместную научную разработку многих проблем. Так, в 1976–1980 гг. из 26 тем 6 выполнялись в соответствии с координационными планами АН СССР [Госархив РА. Ф. Р-462. Оп. 5. Д. 33. Л. 12].

Расширился круг вопросов в тематике научно-исследовательской работы института. Сотрудники сектора истории продолжали изучение прежних тем, а именно: история населения Горного Алтая с древнейших времен; происхождение алтайцев, их культура и быт; установление и укрепление Советской власти. Проблематика исследований историков института во многом определялась идеологическими установками того времени. В 1960–1980-е гг. основными проблемами большинства исследований стала классовая структура алтайского общества в дореволюционный период и ее изменения в годы Советской власти, вопросы классовой борьбы, национально-освободительного движения в Горном Алтае. Одним из приоритетных направлений деятельности этнографов являлось историко-этнографическое изучение этнотерриториальных групп и алтайского народа в целом. В постоянном поле зрения исследователей находились материальные и нематериальные (духовные) элементы традиционной культуры алтайцев. Большое внимание уделялось изучению традиционной материальной и нематериальной культуры алтайцев, а также семьи, семейных обычаев и обрядов, социального положения алтайской женщины [Научно-исследовательский институт 2010: 19, 25].

Открытие в институте сектора народного творчества в 1973 г. усилило значение ГАНИИИЯЛ как центра гуманитарной науки в области. Первоочередной задачей деятельности сектора оставалась систематическая работа по осуществлению записей произведений народного творчества. Второй не менее важной задачей являлась

научная публикация лучших образцов устной поэзии алтайцев и, таким образом, включение их в научный оборот, в мировую науку и культуру. Третья задача заключалась в исследовании фольклора и искусства алтайцев в общетеоретическом плане. В 1981 г. редакционно-издательский совет АН СССР принял решение об организации издания в 60 томах серии «Памятники устной поэзии народов Сибири и Дальнего Востока» [Андронкина 1987: 30]. В 1980 г. аналогичные постановления об издании двуязычной серии приняли Президиум СО РАН и Бюро редакционно-издательского Совета СО РАН [Госархив РА. Ф. Р-462. Оп. 5. Д. 33. Л. 25]. На фольклористов возлагалась задача подготовки четырех томов лучших образцов фольклора, в которые должны были войти: героический эпос; народные сказки; мифы, легенды, предания; песни и обрядовая поэзия. Издание серии являлось составной частью научных исследований СО АН СССР на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г. по программе «Сибирь». К экспедиционной работе сектора активно привлекались преподаватели и студенты алтайского отделения ГАГПИ. К середине 1980-х гг. у сектора народного творчества имелся богатый опыт совместной работы с научной лабораторией Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки [Госархив РА. Ф. Р-462. Оп. 3. Д. 73. Л. 12].

В развитие алтайской фольклористики значительный вклад внес доктор филологических наук Сазон Саймович Суразаков. Он принимал участие в огромной подготовительной работе, которая велась в течение ряда лет и предвляла решение о создании ГАНИИИЯЛа. С.С. Суразаков записал от сказителей 19 крупных героических сказаний, в 1985 г. в издательстве «Наука» была издана его монография «Алтайский героический эпос». Он являлся составителем и редактором 10 томов героического эпоса «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри») [Андронкина 1987: 31].

Началом проведения фронтальной работы по собиранию материалов в соответствии с требованиями 60-томной двуязычной академической серии явилась комплексная экспедиция Института филологии СО АН СССР и ГАНИИИЯЛ в 1984 г. В ее состав входили фольклористы, лингвисты, музыковед, звукооператор, художник. Основная цель экспедиции заключалась в изучении современного состояния эпического наследия на Алтае. Значимость этой экспедиции состояла в том, что было засвидетельствовано живое бытование эпического наследия на Алтае. С 1984 г. ГАНИИИЯЛ

впервые в практике научных центров Сибири и Дальнего Востока приступил к проведению фольклорных экспедиций на договорной основе совместно с Новосибирской государственной консерваторией им. М.И. Глинки [Научно-исследовательский институт 2010: 54].

Помимо фольклористов, участие в ряде коллективных работ принимали также лингвисты и литературоведы института. Сотрудники сектора языка участвовали в выполнении комплексных программ, разработанных ведущими научными институтами АН СССР: «Памятники древнетюркской письменности в Горном Алтае» совместно с Институтом востоковедения АН СССР, «Диалектологический атлас народов Сибири» с ИИФФ СО АН СССР. Литературоведы написали ряд статей для академических изданий ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР «История Всемирной литературы» и «Литература народов СССР». Проекты «Грамматика алтайского языка», «История Горного Алтая» выполнялись учеными ГАНИИИЯЛа в сотрудничестве с их коллегами из ОИИФФ СО АН СССР, которые осуществляли научно-методическую помощь [Госархив РА. Ф. Р-462. Оп. 5. Д. 20. Л. 18].

Традиционной являлась совместная деятельность с кафедрами истории и филологии ГАГПИ, с областным краеведческим музеем, областной писательской организацией. Коллектив института принимал участие в разработке учебников и учебных программ для алтайских сел области. Кроме того, Институт оказывал научно-практические консультации Горно-Алтайскому обкому КПСС, научным сотрудникам академических институтов Сибири, Азербайджана, Киргизии и др.

Издания ГАНИИИЯЛа приобрели популярность не только в стране, но и за рубежом. На труды института «Маадай-Кара», «Ученые записки», «Топонимический словарь», «Алтай баатырлар», «Оленгир», «Вопросы истории Горного Алтая», «Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма», «Причастие в алтайском языке», «Природа простого предложения», «Алтайские загадки» были запросы из США, ФРГ, ГДР, Японии, Швеции, Югославии, Индии, Венгрии [Госархив РА. Ф. Р-462. Оп. 5. Д. 40. Л. 4, 5]. Институт нередко принимал иностранных ученых и корреспондентов.

В результате привлечения дополнительных кадров активизировалась собирательская работа. Археологи и фольклористы регулярно выезжали в экспедиции. В середине 1980-х гг. средняя

продолжительность полевого сезона составляла в среднем от 1,5 до 2 месяцев. В итоге архив института пополнялся новыми полевыми материалами. В 1985 г. в Шебалинском районе была проведена фольклорно-этнографическая экспедиция при участии студентов Новосибирской консерватории и специалиста-фотографа. В фонды институтского архива поступило только в этом году 270 фонограмм и более 330 фотографий [Госархив РА. Ф. Р-462. Оп. 3. Д. 94. Л. 7, 8].

В целом к середине 1980-х гг. ГАНИИИЯЛ имел серьезную материально-источниковую базу. Институт располагал единственной в области научной библиотекой, ценнейшим фондом архивных и рукописных материалов и фонотекой. Основой архивного фонда являлись материалы экспедиций. На 1985 г. архивный фонд института состоял из 804 папок и 81 папки-подборки.

Институт имел большие возможности для подготовки высококвалифицированных специалистов. Ведущие ученые Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Новосибирска являлись научными руководителями, консультантами, оказывали большую помощь в подготовке научных кадров высшей квалификации. Значительный вклад в научное руководство по подготовке научных трудов института к изданию внесли академик АН СССР А.П. Деревянко, чл.-корреспондент АН СССР профессор Л.Н. Тимофеев, доктора наук, профессора Н.А. Баскаков, Л.П. Потапов, В.М. Гацак, Х.Г. Короглы, Б.Н. Путилов, В.М. Наделяев, А.Б. Соктоев, Е.И. Убрятова, М.И. Черемисина.

Повышение научного уровня института способствовало расширению его структуры. В 1986 г. открылся сектор археологии, который под руководством А.С. Суразакова стал ежегодно организовывать археологические экспедиции в Онгудайском, Чемальском, Кош-Агачском и других районах Горного Алтая. Изменения, которые стали происходить в обществе во второй половине 1980-х гг. способствовали повышению роли социологических исследований. По распоряжению Горно-Алтайского облисполкома от 5 сентября 1989 г. в Институте был создан сектор социально-экономических исследований, руководителем назначена кандидат философских наук Т.А. Троицкая. Сектор разрабатывал и выполнял исследовательские программы по формированию трудовых ресурсов Горного Алтая, а позднее перешел к изучению этносоциальных процессов и качества жизни народонаселения Республики Алтай.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. ученые Горно-Алтайского института истории, языка и литературы внесли значительный вклад в изучение истории, культуры, литературы, языка алтайского народа. Заметную роль в этом сыграли академические институты страны, поддержка известных российских ученых. В 1965–1985 гг. издается ряд работ фундаментального характера по алтайскому литературоведению, орфографии, истории Горного Алтая. В эти годы сложились и утвердили себя в научном мире общероссийского уровня алтайское языкознание и фольклористика. Результаты исследований ученых института послужили основой для дальнейшего развития науки, образования и культуры алтайского народа.

Научные исследования проблем сельского хозяйства всегда были важными и актуальными для региона. Данной проблематикой занималась Горно-Алтайская сельскохозяйственная опытная станция СО РАСХН (до 1979 г. – в ведении Министерства сельского хозяйства РСФСР с подчинением Алтайскому НИИ сельского хозяйства). С 1961 г. Горно-Алтайская СХОС располагалась в с. Майма, при станции было создано крупное ОПХ «Чуйское» из четырех бывших колхозов и одного совхоза. В указанный период станцией руководили: Ю.И. Чулкин (1963–1970 гг.), Г.В. Альков (1970–1976 гг.), А.И. Король (1977–1982 гг.), Н.П. Костюлин (1982–1983 гг.), В.И. Завражнев (1983–1985 гг.), И.Т. Бахтушкин (1985–1997 гг.).

Основными направления научных исследований сельскохозяйственной станции являлись: сохранение генофонда скота; вопросы гибридизации в скотоводстве и яководстве; создание внутривидовых типов пуховых коз и полутонкорунных овец, приспособленным к условиям круглогодичного пастбищного содержания; совершенствование технологии разведения пантовых оленей в условиях Горного Алтая; ветеринарное обеспечение животноводства; улучшение кормовых угодий; испытание и разработка новых сортов кормовых культур, адаптированных к горным условиям Сибири; земледельческое освоение высокогорных полупустынных степей и др. На опытной станции в разные годы работали многие видные ученые, причем имена таких, как Ш.А. Мкртчян, В.И. Копырин, А.Ф. Мейснер, В.В. Иванова, И.М. Любимов, Д.И. Челышев, Ф.М. Доброгорский, В.А. Чулкина и др., были известны не только в Горном Алтае, но и далеко за его пределами.

Ученые станции достигли серьезных результатов, которые активно использовались на практике, в хозяйственной деятельности: разработана агротехника возделывания ряда сельскохозяйственных культур, получены гибридные быки между крупными породами скота и яками, введена в производства технология чистки пуха, выявлены и применены на практике новые методы заготовки кормов и виды удобрений и т.д. Особенно важные результаты имели место в работе по выведению новых пород овец. Так, в результате многолетней работы сотрудников опытной станции и животноводов хозяйств в республике была выведена новая высокопродуктивная порода пуховых коз – горно-алтайская (утверждена в 1982 г.). По начесу пуха козы новой породы превосходят исходных алтайских коз в 4–5 раз, не уступающая по этому признаку лучшим породам мира и в то же время хорошо приспособленная к разведению в условиях круглогодичного пастбищного содержания. Порода получила широкое распространение как в России, так и за рубежом. За выведение и совершенствование горно-алтайской породы пуховых коз сотрудникам института (станции): Г.В. Алькову, Л.В. Окулич-Казариной, В.Н. Тадыкину, З.К. Красковой и В.Л. Манжину присуждена Государственная премия Российской Федерации 1997 года в области науки и техники.

Значительный вклад в развитие и становление кормопроизводства Республики внесли профессор В.М. Вазов, кандидаты наук Л.Т. Пушкина, И.И. Мальцев, Н.А. Качкышев, сотрудники Е.Н. Винокурова, Н.А. Пушкин и многие др. [Портал СО РАСХН: эл. ресурс]. Тематика работ горно-алтайских ученых-аграрников носила широкий охват и касалась многих насущных проблем сельского хозяйства региона. Результаты научной деятельности работников станции активно применялись на практике, в хозяйственной жизни автономной области.

Проблемы садоводства в горных условиях изучала другая научная организация сельскохозяйственного профиля – Опытное-производственное хозяйство «Горно-Алтайское». Данное учреждение было создано в июне 1975 г. на основе экспериментальной базы горного садоводства и Чемальского пункта плодоводства, которые являлись структурными подразделениями находившегося в г. Барнауле Научно-исследовательского института садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко. Позже был организован плодово-ягодный питомник в с. Соузга. Опытное хозяйство

занималось проведением экспериментальных работ, декоративным садоводством, разведением в питомнике посадочного черенкового и семенного материала плодово-ягодных растений, создавало эксплуатационные плодово-ягодные насаждения [Путеводитель 1998: 122]. Учреждение внесло значительный вклад в озеленение и благоустройство г. Горно-Алтайска. Возглавлял Горно-Алтайское опытно-производственное хозяйство Ю.Д. Бурый – с 1962 г. и до выхода на заслуженный отдых в 2003 г. С участием ученого были выведены 170 новых сортов фруктовых и плодово-ягодных пород.

Богатство рудных месторождений Горного Алтая требовало их поиска и целенаправленного изучения. Данными вопросами занималась находившаяся в с. Майма – Горно-Алтайская геофизическая экспедиция. Ее работники осуществляли проведение топографо-геодезических и камеральных работ, создание сети пунктов геофизических наблюдений, составление геофизических планов и карт, магнитных карт, карт физических аномалий, вели магниторазведку. Геофизическая экспедиция проводила работы по металлометрии и электроразведке.

В Горном Алтае вели научную работу научные подразделения головных институтов Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1964 г. в с. Артыбаш Турочакского района по инициативе Г.Г. Собанского был создан Телецкий стационар Института систематики и экологии животных СО АН СССР. На базе стационара ученые института проводили исследования промысловых зверей Алтая и природы региона. Стационар включал в себя ряд специализированных и служебных помещений, вольеров для животных. На этой базе проводились исследования животного мира Горного Алтая. Алтайское экспериментальное хозяйство СО АН СССР было создано учеными Института цитологии и генетики в 1980 г. на базе Чергинского маралосовхоза. В этом же году в Чергу привезли первые экспериментальные группы животных, находившихся на грани исчезновения [Ельчинова, Кудачинова 2012: 32].

Актуальной проблемой для Горного Алтая оставалась разработка вопросов, связанных с рациональным использованием природных богатств региона, в частности, кедровой тайги. С конца 1960-х гг. научно-практическая деятельность по защите кедровых лесов сосредоточилось в научных учреждениях Академии наук СССР: Институте леса им. В.И. Сукачева и Биологическом

институте СО АН СССР. Природоохранная деятельность научных институтов естественнонаучного профиля в основном заключалась в разработке рекомендаций для органов власти и хозяйственных ведомств. Еще в декабре 1966 г., на пике движения общественности в защиту кедров, Государственный комитет по лесному хозяйству СССР высказался с просьбой разработать для кедровых лесов Сибири систему лесохозяйственных мероприятий и основные принципы организации лесного хозяйства с учетом комплексного использования кедровых лесов.

Ведущую роль в комплексных исследованиях кедровой тайги сыграл Алтайский государственный природный заповедник (АГПЗ), восстановленный в 1967 г. АГПЗ представлял собой известный в Сибири естественнонаучный центр, в котором проводились комплексные научные и экспериментальные исследования. В нем были сосредоточены многие стационарные базы крупных академических институтов и вузов Сибири, – таких, как Институт биологии и Институт экспериментальной биологии и медицины СО АН СССР, Уральское отделение ВНИОРХ, Томский государственный университет, Воронежский университет, Красноярский институт леса и др. [ГААК. Ф. 213. Оп. 6. Д. 53а. Л. 16].

Тематика исследований носила широкий профиль, в планах научно-исследовательских работ сотрудников заповедника значились проблемы: изучение состояния и возобновления кедровых, лиственничных, сосновых и березовых лесов с целью обоснования необходимых лесовосстановительных мероприятий и рационализации использования лесных ресурсов; изучение экологических основ рационального использования ценных промысловых животных Горного Алтая; состояние и возобновление горных лесов; составление карт почв, растительности, животного мира; сбор материалов по химическому составу речных и озерных вод и др. Указанные работы проводились сотрудниками АГПЗ совместно с научно-исследовательскими институтами Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Воронежа [ГААК. Ф. 213. Оп. 6. Д. 53а. Л. 25, 27, 28]. Научная работа в заповеднике объективно способствовала тому, что проблема вырубке кедровых лесов Прителецкой тайги находилась в центре внимания ученых не только Сибири, но и всей страны.

За сравнительно небольшой по историческим меркам период 1960–1980-х гг. в Горном Алтае был создан научный

потенциал: сложились учреждения науки и высшего образования которые осуществляли научно-исследовательскую деятельность в регионе. К середине 1950-х гг. на ее территории осуществляла научно-практические исследования Горно-Алтайская комплексная сельскохозяйственная опытная станция, уже начали работать Горно-Алтайский государственный педагогический институт, Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, которые позже стали региональными научными центрами. С середины 1950-х и в 1960-е гг. шел процесс становления научно-исследовательской деятельности в регионе, накопление фактологического материала и формирование научных кадров по всем научным специальностям.

Научно-исследовательская деятельность в Горном Алтае в 1964–1991 гг. во многом определялась особенностями общественно-политической обстановки тех лет. В 1960–1970-е гг. появились ощутимые результаты в развитии фундаментальных исследований в различных сферах гуманитарных, естественнонаучных, физико-математических и технических наук. Биологи ГАГПИ целенаправленно исследовали флору и фауну Горного Алтая. Прочно утвердили себя в общероссийском масштабе алтайская фольклористика, языковедение, литературоведение. Значительных успехов достигли ученые-аграрники. Результаты их деятельности – выведение новых пород скота, улучшение качества кормовых культур, новые технологии чистки пуха и заготовки кормов – активно использовались в сельскохозяйственном производстве.

Во второй половине 1980-х гг. широкое распространение получили хоздоговорные работы, направленные на внедрение научных разработок в производство. Географы ГАГПИ исследовали природные условия в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС. Физики ГАГПИ успешно использовали свои открытия на практике. Так, оборудование, которое получило применение в народном хозяйстве страны и за рубежом.

В сфере гуманитарных наук была расширена тематика исследований, сделаны значительные наработки по истории Горного Алтая в период первой половины XX века. Исследователи-археологи на основе собранного полевого материала провели реконструкцию элементов материальной и духовной культуры кочевников скифского, гунно-сарматского, тюркского времени. Фольклористы приступили совместной работе с ведущими академическими учреждениями страны по сбору и анализу алтайского героического эпоса. Прочно

утвердилось сотрудничество с ведущими учреждениями Академии наук СССР. Результаты этой кропотливой работы появились уже позже.

Успехи ученых Горного Алтая, достигнутые в эти годы создали базу для стабильной научно-исследовательской деятельности в последующее время.

6.5.3. Культура

Развитие культурно-просветительных учреждений в 1953–1964 гг. На культурно-просветительские учреждения (культпросветучреждения) возлагалась важная роль в политическом и идеологическом просвещении населения. В 1953 г. отдел культуры Горно-Алтайского облисполкома реорганизовывается в управление культуры, в структуру которого входили: отдел кинофикации (на хозрасчете), отдел культпросвет работы и отдел радиоинформации (на хозрасчете).

В 1953 г. Горно-Алтай имел широкую сеть культпросветучреждений: 43 библиотеки, 70 сельских клубов, 46 изб-читален, городской и 10 районных Домов культуры, областной музей, Дом народного творчества, 71 ведомственный клубов, библиотек, 11 культпросветпередвижек и 6 Домов алтаек [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 2а. Д. 255. Л. 1–142].

С началом целинного строительства сеть культпросветучреждений стала расширяться на базе существующих изб-читален [Госархив РА. Р–190. Оп. 5. Д. 148. Л. 4]. Государство наращивало капиталовложения в социально-культурную сферу. Другим источником финансирования строительства новых объектов соцкультбыта являлись колхозы. Обкомы и облисполкомы активно содействовали колхозам по строительству культпросветучреждений на средства колхозов [Сизов 2001: 32, 33]. Сеть учреждений культуры с 1954 г. постоянно увеличивалась. Одновременно сокращалось такое же количество изб-читален [Госархив РА. Ф. Р–190. Оп. 5. Д. 148. Л. 94].

Упразднялись устаревшие виды культпросветучреждений, происходило преобразование изб-читален в сельские клубы и в Дома культуры. Практика показала, что Дома алтайки, сыгравшие положительную роль на первом этапе культурной революции, уже не отвечали возросшим потребностям населения и его

культурному уровню. В 1955 г. Горно-Алтайский облисполком принял решение о реорганизации с 1 января 1956 г. Домов алтайки в культпросветпередвижки [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 26. Д. 23. Л. 6].

В 1956 г. был проведен Первый Горно-Алтайский областной съезд работников культуры. На съезде поднимались вопросы работы культпросветучреждений и учреждений искусства, ставились задачи для дальнейшей деятельности в свете решений XX съезда партии. В числе наиболее важных задач называлось улучшение работы культпросветучреждений, укрепление их материальной базы.

Несмотря на рост количества учреждений культуры, их материально-техническая база оставалась слабой. Из-за того, что не проводился ремонт и не завозилось топливо, в середине 1950-х гг. прекратили деятельность некоторые сельские клубы Усть-Канского, Усть-Коксинского, Шебалинского Турочакского районов. Не имелось помещений клубов в селах Казахское Кош-Агачского района, Туекта, Иня, Яломан Онгудайского района. Содержание работы многих клубов не отвечало современным требованиям.

Государственные, партийные органы Горного Алтая старались постоянно укреплять материальную базу учреждений культуры. В немалой степени этому способствовала политика государства, заинтересованного в повышении уровня культуры и образования в сельской местности для модернизации аграрной отрасли. Так, в 1956 и в 1957 гг. в районах Горного Алтая было построено 17 клубов, 2 библиотеки и кинотеатр. В 1957 г. насчитывалось 80 библиотек Министерства культуры [Тарбанакова 2011а: 68]. Библиотеки вели активную пропаганду произведений советской художественной литературы. Помимо художественных произведений, популяризировались книги по различным вопросам: хозяйственным, аграрным, политическим, антирелигиозным, международной политике и др.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. партийные и советские органы усилили работу по подготовке и переподготовке кадров клубных и библиотечных работников. Основной формой учебы являлись шестимесячные, трехмесячные, месячные курсы, действовавшие в Барнауле и Горно-Алтайске.

К 1960 г. оставшиеся избы-читальни были реорганизованы в сельские клубы. В Горном Алтае к этому времени работало более 300 учреждений культуры в том числе: 12 Домов культуры, 106 сельских клубов, 13 культпросветпередвижек, 83 библиотеки

и 182 киноустановки, областная концертная бригада, книжное издательство, типография, краеведческий музей, Народный театр, детская музыкальная школа, магазин книготорга и городской парк культуры и отдыха [Горно-Алтайской области 1982: 77].

Продолжала сохраняться проблема культурного обслуживания отдаленных сел и животноводческих стоянок. В 1956 г. Горно-Алтайский облисполком утвердил положение о культпросветпередвижке отдела культуры аймакисполкомов [Госархив РА. Ф. Р–190. Оп. 2 Д. 21. Л. 35], после чего в области появляются новые центры культуры. Культпередвижка – перемещаемый грузовым автомобилем клуб – решала проблему обеспечения культурным досугом селян в труднодоступной местности. Такие передвижные клубы включали в себя, как правило, библиотеку, киноаппаратуру, экран, музыкальную установку. Сеть культпросветпередвижек постоянно увеличивалась, активизировалась их деятельность. Так, если в первый послевоенный год числилось всего 2 культпросветпередвижки, то в 1956 г. – уже 13. С 1956 г. Дома алтаек реорганизовывались в культпросветпередвижки.

Культпросветпередвижки выполняли идеологическую функцию. Работники передвижек проводили политико-воспитательную работу: разъясняли постановления Советского правительства, материалов партийных съездов, подводили итоги социалистического соревнования, рассказывали об опыте передовиков животноводства, достижениях сельскохозяйственной науки.

Культпросветпередвижки принимали активное участие в организации и проведении различных праздников: Дня пастуха, Дня молодежи, Первой борозды, и т. д. Празднования Дня пастуха получило широкое распространение в Кош-Агачском, Улаганском, Онгудайском, Усть-Канском районах, где проводились колхозные и межколхозные Дни пастуха. Они заняли прочное место в культурно-просветительской работе и стали одним из традиционных праздников животноводов.

В местах широкого распространения отгонного животноводства возникла необходимость создания своеобразных стационарных центров культуры. В 1956 г. первый такой центр – Дом животноводов возник в урочище Чаган-Бургузы Кош-Агачского района, который обслуживал 55 чабанских стоянок и животноводческих ферм трех

колхозов. Это было типовое учреждение клубного типа. В него входили: кинозал, комната для приезжающих, медпункт, баня, магазин. В установленные дни сюда съезжались животноводы. С ними проводились политические занятия, семинары по основам зоотехнии, обмену опытом. В Доме животновода можно было посмотреть кинокартину, послушать лекцию, почитать книгу, журналы, газеты [Тарбанакова 2011а: 72, 73].

Для обслуживания работников отдаленных сел и животноводческих ферм профессиональным искусством, в конце 1958 г. на базе ансамбля песни и пляски при областном управлении культуры была создана межрайонная концертная бригада на основе объединения шести культпросветпередвижек [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 26. Д. 76. Л. 10].

Большое значение в культурном росте жителей села имело кино. По мере увеличения количества Домов культуры и клубов росло и число стационарных киноустановок. В 1955 г. число киноустановок увеличилось до 84, одновременно практически вся киносеть была снабжена звуковой аппаратурой. В 1958 г. работало 117 государственных киноустановок, из них 3 киноустановки обслуживали г. Горно-Алтайск, 10 – райцентры, 15 – крупные населенные пункты, остальные населенные пункты обслуживали 89 кинопередвижек. В этом же году на нужды кинофикации поступили 12 комплектов киноаппаратуры и 14 новых киноустановок [Госархив РА. Ф. Р–190. Оп. 5. Д. 43. Л. 5, 6]. В 1960 г. киноустановок стало 182, вместе с профсоюзными [Горно-Алтайской автономной области 1982: 77].

В работе киносети, несмотря на большое внимание к ней партийных и государственных органов, оставались нерешенными многие проблемы: отсутствие электростанций во многих населенных пунктах, нехватка современной киноаппаратуры, запасных частей, транспорта. Высокой оставалась текучесть киномехаников и мотористов, в основном работали малоквалифицированные кадры киномехаников.

В 1960-е годы было развернуто движение за осуществление сплошной кинофикации, что способствовало значительному росту киноустановок. Населенные пункты, имевшие 50 и более дворов, получали стационарную звуковую установку. Подбор репертуара велся самими киномеханиками. Большой популярностью у жителей села пользовались киномеханики-передовики: И.С. Штанакон из Бешпельтира, К.Д. Тарбанаков из Элекмонара, Л.А. Осинцева

из Чемала, Г.Ф. Шевров из Озеро-Куреева, С.Г. Бебекин и И.Т. Огородников из Усть-Коксы, О.П. Боктошев из Шашикмана, Н.И. Самаева из Кырлыка, семейная династия Дарсалямовых из Кош-Агача [Тарбанакова 2011б: 85].

Репертуар фильмов был самым разнообразным. Много показывалось советских фильмов: «Кубанские казаки», «Молодая гвардия», «Высота», «Тихий Дон», «Щит и меч», «Председатель», «Баллада о солдате», позже, в 1970–1980-е годы: «Отец солдата», «Доживем до понедельника», «Материнское поле», «Белорусский вокзал», «Раба любви», «Москва слезам не верит», «Вам и не снилось» и др. Демонстрировались и зарубежные фильмы: итальянские – «Рокко и его братья», «Ночи Кабирии», «Вчера, сегодня, завтра», «Брак по-итальянски» и др., французские – «Хиросима – любовь моя», «Шербурские зонтики», «Мужчина и женщина», «Прощай полицейский», также немецкие, венгерские, польские, чехословацкие, финские и других стран. Кинематограф не только развлекал, но и знакомил с образом жизни и культурой других народов и государств.

Благодаря помощи государства работа культпросвет учреждений активизировалась. Так, в Усть-Коксинском, Турочакском, Онгудайском, Горно-Алтайском и Чойском Домах культуры работали 6 кружков художественной самодеятельности, которые ставили спектакли и концерты, проводили тематические вечера. Выступали агитбригады, активно велась работа и в сельских клубах. Многие сельские клубы и дома культуры стали центрами культурно-воспитательной работы. Таким был в 1960-е годы Турочакский Дом культуры. Содержательно и интересно строили свою работу в 1960-е гг. сельские клубы – Саратанский Улаганского, Аносский Шебалинского, Курундинский Усть-Коксинского районов, рудника «Веселый» и другие.

В период проведения важнейших политических мероприятий культпросветучреждения осуществляли массово-агитационную работу. В целом, в одном только 1960 году было проведено: лекций и докладов – 3395, чтоток и бесед – 3136, обслужено при этом 103383 чел., тематических вечеров и клубных дней – 205, на которых присутствовало 13978 чел.; спектаклей и концертов было поставлено 1052, обслужено 110140 чел. В Горном Алтае работали 16 агитбригад, которые выступили 419 раз перед 23927 зрителями, 13 культпередвижками обслужено 2503 чабанских стоянок и животноводческих ферм [Госархив РА. Ф. Р–190. Оп. 5. Д. 43. Л. 88].

Развивалась театральная деятельность самодеятельных творческих коллективов. В 1960 г. при городском Доме культуры открылся первый народный театр. Вскоре были поставлены спектакли «Дали неоглядные» Н. Вирты, «Стряпуха» А. Софронова, затем «Васса Железнова» М. Горького, «Платон Кречет» А. Корнейчука, комедия немецкого драматурга Ханса Пфайфа «Гамлет в Гейдельберге» в исполнении самодеятельных артистов [Очерки по истории 1973: 535].

Заметное место в культурно-просветительской работе занимал областной краеведческий музей. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. сотрудниками музея регулярно проводились комплексные экспедиции по сбору и изучению этнографических материалов в сельских районах. В музей поступали предметы быта и декоративно-прикладного искусства из Онгудайского, Шебалинского и Улаганского районов. Фонды музея формировались также за счет покупок и пожертвований, благодаря которым была сформирована экспозиция «Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны» [Республика Алтай 2010: 226].

В 1962 году в музее организационно оформились три отдела: советский, досоветской истории, и отдел природы. Они постоянно вели экспозиционную и выставочную работу. Ежегодно разрабатывались тематико-экспозиционные планы, планы стационарных и передвижных выставок. Работники музея активно работали среди сельского населения, проводили передвижные выставки, читали лекции. Так, только в 1962 г. музей посетило около 14 тыс. чел., его сотрудники организовали 90 экскурсий и бесед [Национальный музей РА: эл. ресурс]. Сотрудники создавали передвижные выставки, вели собирательскую работу по истории и археологии Горного Алтая, истории г. Горно-Алтайска, создавали коллекции по ветеранам Великой Отечественной войны, работали в архивах разных регионов страны. Своей научной и экспедиционной работой значительный вклад в просвещение населения внесли своей научной и экспедиционной работой представители разных поколений музейных работников: Л.А. Давыдова, Г.Н. Кучияк, Н.В. Белоусова, Т.И. Полтева, Р.М. Еркинова, В.А. Кочеев, Т.М. Кабекова, В.Т. Липатова, Т.А. Жукова, Г.А. Никитина, Е.В. Скосырская и другие.

Заметных успехов удалось добиться в развитии книгоиздательства и печати. Для алтайского книгоиздательства

в послевоенные годы характерно нарастание единиц и объемов книжной продукции. Так, за 1954–1960 гг. вышло 1479 названий книг тиражом 1573 тыс. экз. [Госархив РА. Ф. Р–364. Оп. 2. Д. 2. Л. 4]. К 1957 г. тираж газет достиг довоенного уровня. Вместе с тем, сложной проблемой для редакций газет оставалась нехватка квалифицированных кадров. Их недостаток газеты восполняли большим количеством рабселькоров, которые работали во всех районах области и писали статьи, заметки по различным проблемам развития экономики, сельского хозяйства, промышленности. Рабселькоры освещали события, происходившие в том или ином пункте, их письма и статьи публиковались на страницах газет.

Привычным атрибутом повседневной жизни жителей села стало радио, которое оказывало культурное влияние на население всех возрастов. К началу 1960-х гг. область располагала широкой сетью радиоузлов Министерства связи, колхозов, совхозов, различных промысловых артелей. Через радиоузлы транслировалось центральное, краевое и местное вещание. Радиовещание велось ежедневно на русском и алтайском языках. В 1961 г. было построено типовое здание Дома радио, оснащенное новейшим по тому времени оборудованием и линиями связи, речевой и записывающей студиями [Очерки по истории 1973: 524]. В условиях, когда телевидение еще не появилось в Горном Алтае, радио являлось одной из главных форм досуга жителей.

Годом ранее появилось телевидение, которое сыграло заметную роль в культурной жизни региона. Оно помогало широкому кругу населения знакомиться с достижениями культуры народов всех национальностей нашей страны, талантами мастеров советской культуры и искусства.

Развитие культпросветучреждений в 1964–1989 гг. С середины 1960-х гг. работа клубных учреждений была во многом приурочена к памятным юбилейным датам. Проводилась работа по военно-патриотическому воспитанию. Движение под девизом «Неделя боевой славы» преобразилось в восьмидесятые годы во «Всесоюзную Вахту памяти». Она проходила ежегодно с 3 по 9 мая, включая в себя разные формы клубной работы: театрализованные представления, встречи с ветеранами, митинги, шествия, агитпробеги и т.д. Велось оформление стендов: «Они сражались за Родину», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Наши ветераны».

Учреждения культуры работали в тесном контакте с районными Советами ветеранов.

Идеологическое воспитание в целях «формирования коммунистического мировоззрения» и трансляция государственной пропаганды являлись одной из главных функций работы культпросветучреждений. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. внедряется форма клубной работы устный журнал: «Государство – это мы», «Верны заветам революции», «Образ строителя коммунизма», «Люди мира, на минуту встаньте», «Я голосую за мир» и др. Становятся частью повседневности такие формы клубной работы как вечера чествования победителей социалистического соревнования, ветеранов – наставников молодежи, знатных людей села, семейных трудовых династий [Тарбанакова 2011а: 70].

Определенная работа в клубных учреждениях велась по эстетическому воспитанию. Проводились выставки изобразительного и декоративно-прикладного искусства, литературные вечера, гостиные, театрализованные представления и концерты, чтение лекций.

Действенными помощниками в работе клубных учреждений являлись агитбригады. Они включали в свои программы такие темы, как факты из рабочей жизни, повышение эффективности сельскохозяйственного производства, борьбу за экономию и бережливость, утверждение трезвого образа жизни и т. д. В течение года каждая агитбригада не менее 50 раз, а лучшие, такие, как «Искра» Майминского РДК, «Голос времени» Кырлыкского СДК Усть-Канского района, до 90 раз выезжали на полевые станы, фермы, чабанские стоянки, отдаленные села.

В 1960-е годы изменились задачи культпередвижек. Одной из существенных сторон их деятельности становится культурное обслуживание животноводов, организация их досуга. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. культпередвижки сменяются автоклубами, обслуживавшими работников отгонного животноводства. К началу 1980-х гг. в Горном Алтае работали 46 передвижных клубов [XXXV Горно-Алтайская 1988: 25].

В 1960–1970-е гг. культпросветпередвижки стали применять технические средства: магнитофоны, фотоаппараты, киносъёмочную аппаратуру; организовывать световые газеты, фотовитрины, вести запись магнитофоном обязательств животноводов, рассказы об опыте их работы, демонстрировали кинофильмы, ставили концерты художественной самодеятельности.

В 1968 г. в районном центре с. Кош-Агач был создан межколхозный ансамбль «Чуя», в состав которого вошли талантливые участники художественной самодеятельности: танцоры, певцы, музыканты. Ансамбль «Чуя» давал в год по 80100, каждые два месяца выступая с новой программой концертов. Ансамбль неоднократно гастролировал не только в районах Горного Алтая, но и в Башкирской и Тувинской АССР, в Монгольской Народной Республике, Хакасии, районах и городах Алтайского края [Тарбанакова 2011а: 73, 76].

В практике работы клубных учреждений важное значение имело внедрение новых обрядов и современных праздников. Работники клубных учреждений подготавливали и проводили торжественные вечера, посвященные знаменательным датам: День Советской армии и Военно-Морского флота, Международный день 8 марта, День Победы, 1 мая и т.д. Формы работы в этом направлении были разнообразны: тематические вечера, митинги, театрализованные представления, шествия, манифестация, концерты-митинги.

В 1970-е годы становятся более разнообразными формы и жанры самодеятельного искусства. Появились народные театры, народные хоры, различные хореографические коллективы, любители художественной фотографии, скульптуры, вокально-инструментальные ансамбли.

Развивается самодеятельная эстрада. В 1970-е годы на базе самодеятельных театральных кружков стали возникать народные театры. В 1974 г. работало пять народных коллективов, и в одном из них – Усть-Канском народном цирке, под руководством В.Е. Крылова, занималось более ста человек. В течение года этот коллектив давал более 50 концертов труженикам села.

В рамках 1-го Всесоюзного фестиваля народного творчества в 1977 г. самодеятельный театральный коллектив из Каспы стал лауреатом Сибирского фестиваля народных театров и театральных коллективов, ансамбль комусистов из с. Кулады Онгудайского района и два сказителя – Т. Шинжин и Э. Калкин – участвовали в заключительных концертах фестиваля, и стали лауреатами [Тарбанакова 2011а: 68].

В селах свой вклад в организацию культурного просвещения и досуга внесли Дома животноводов. В 1970 г. в Горном Алтае работало 8, а в 1988 г. – 18 Домов животноводов [XXXV Горно-

Алтайская 1988: 25]. В целом за 1965–1985 гг. количество культпросветучреждений увеличилось с 204 до 258 [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 96. Л. 96; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 493. Л. 63об.].

Работа передвижных клубов планировалась в отделах культуры и райкома партии, и каждый автоклуб обслуживал закрепленную за ним зону. Работниками автоклуба в красных уголках животноводческих ферм, на чабанских стоянках оформлялась наглядная агитация: лозунги, плакаты, социалистические обязательства, «Боевые листки» и «Молнии». Также обязательно проводились циклы бесед и лекций по решениям КПСС, под такими названиями, как «Планы партии – планы народа», «Свежий ветер перемен», мероприятия «Дни качества», «Дни культуры», «Недели трудовой славы» и др. [Тарбанаква 2011а: 73].

Развитие культпросветучреждений серьезно сдерживали трудности, характерные для всей страны: нехватка техники и оборудования, перебои в снабжении запчастями. Серьезной оставалась проблема недостатка кадров из-за нерешенного жилищного вопроса и низкой оплаты труда (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность работников в клубных учреждениях Горного Алтая в 1975–1988 гг., чел.

1975		1980		1988	
Всего	в т.ч. со специальным образованием	Всего	в т.ч. со специальным образованием	Всего	в т.ч. со специальным образованием
456	59	420	82	404	93

Источник: XXXIV Горно-Алтайская 1985: 96.

Количество работников клубов уменьшилось, но количество подготовленных по профилю работы специалистов – возросло. Выросла за 1975–1988 гг. и доля работников со специальным образованием – с 12,9 % до 23 %, или почти в два раза. Вместе с тем, оставалась большая текучесть кадров из-за нерешенных бытовых и материальных проблем. Многие выпускники высших и средних учебных заведений культуры зачастую не являлись к месту работы.

В 1970–1980-е годы подготовка специалистов осуществлялась в учебных заведениях – культпросвет- и музыкальных училищах, институтах культуры. Специалисты имели возможность повысить

свою квалификацию в стажировках, на курсах и семинарах в ведущих профильных вузах. В 1975 г. открывается Государственный Институт культуры в краевом центре г. Барнауле. В Горно-Алтайском педагогическом институте и педучилище возникли факультеты общественных профессий, готовившие руководителей драматических, хоровых, танцевальных и музыкально-инструментальных самодеятельных коллективов.

Молодежь ежегодно отправлялась на учебу в учебные заведения культуры (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество студентов из Горного Алтая, обучающихся в вузах и среднеспециальных учреждениях культуры, чел.

1983 г.		1985 г.		1988 г.	
Обучалось в вузах	Обучалось в среднеспец. учреждениях	Обучалось в вузах	Обучалось в среднеспец. учреждениях	Обучалось в вузах	Обучалось в среднеспец. учреждениях
113	114	121	150	149	171

Источник: XXXV Горно-Алтайская 1988: 102.

Количество обучавшихся в вузах и в среднеспециальных учреждениях по профилю культпросветработы в 1980-е гг. стабильно увеличивалось.

Пополнение учреждений культуры квалифицированными специалистами активизировало культработу в селах Горного Алтая. В 1985 г. уже насчитывалось 10 народных театров, 1 народный хор, 1 народный цирк. В течение длительного времени стабильно работали народные театры Онгудайского РДК под руководством режиссера Э.Н. Айдосовой, Каспинского СДК – реж. Б.Т. Самыков, Ортолыкского СДК – реж. Л.Б. Барбачакова. Они проводили большую работу с детьми и подростками, создавая детские студии при народных театрах.

Расширялась сеть клубных учреждений, укреплялась их организационная структура. В мае 1984 г. Горно-Алтайский облисполком своим решением создал централизованные клубные системы, которые объединяли в сельской местности работу Дома культуры, сельских клубов, автоклубов и филиалов библиотек. В этом же году было организовано 9 централизованных клубных систем, а в 1988 г. их насчитывалось – 21. Централизация руководства клубной работой осуществлялась через единые комплексные планы.

Клубные учреждения, входившие в централизованные клубные системы, должны были стать ведущими в организации идейно-политического, нравственного, трудового воспитания, а также – организации досуга населения [Тарбанакова 2011а: 75].

В 1985 г. вводится новая форма клубных объединений – культурно-спортивный комплекс – соединение работы клубных и спортивных учреждений. В 1988 г. их было создано 14, они представляли собой районные и сельские культурно-спортивные комплексы. В 1985–1987 гг. проводился второй Всесоюзный фестиваль народного творчества, посвященный 70-летию Советской власти. Составной частью его, как и первого, явились отчетные концерты в сельских клубах и Домах культуры, затем в районных ДК, и заключительный этап – отчетный концерт районов – проходил в областном центре [XXXV Горно-Алтайская 1988: 25].

Совместная деятельность клубных и спортивных учреждений подтолкнула к идее создания праздника со спортивными состязаниями, выставками изобразительного и декоративно-прикладного искусства, выступлениями творческих коллективов. Впервые был проведен такой праздник в 1988 г. с названием Эл-Ойын в с. Ело в Онгудайском районе, а годом позже он прошел в с. Шаргайта в Шебалинском районе. С проведением праздника «Эл-Ойын» связывается процесс начала возрождения элементов традиционной духовной и материальной культуры алтайцев [Тарбанакова 2011а: 75].

Основную роль в трудовом, патриотическом, эстетическом воспитании играли клубы, которые использовали различные формы деятельности: театральные представления, фестивали, художественную самодеятельность и пр. Успешно велась работа по подготовке кадров. Будущие специалисты в сфере культуры имели возможность получить профессиональное образование как в Горном Алтае, так и за ее пределами. Однако деятельность культпросветучреждений наталкивалась на целый ряд проблем: недостаток кадров, низкие зарплаты работников культуры, социальные проблемы, и, в первую очередь, нерешенный жилищный вопрос. Возникали сложности и с материально-техническим обеспечением клубных учреждений. Но, несмотря на трудности, сеть культпросветучреждений расширялась, укреплялись их организационная структура и материально-техническая база.

Значительный вклад в развитие духовной культуры народа внесли библиотеки. В 1970–1980-е гг. библиотечная сеть в Горном Алтае расширилась (см. табл. 3).

Таблица 3

Библиотечная сеть в Горном Алтае в 1975–1988 гг.

	1975	1980	1988
Количество библиотек, ед.	130	135	154
их книжный фонд, млн. экз.	1,3	1,4	1,77
в них читателей, чел.	92143	99052	10718

Источник: XXXV Горно-Алтайская 1988: 102.

В 1971 г. было построено новое здание областной библиотеки. Кроме того, существовала сеть библиотек других ведомств [Тарбанакова 2011б: 78].

Библиотеки систематически пропагандировали достижения сельскохозяйственной науки и передового опыта: проводились выставки, беседы, обзоры, устные журналы на темы «Наука и практика в сельском хозяйстве», «О бригадном подряде», «Заготовке кормов – передовую технологию», и т.д. Работа библиотек в помощь профессиональному чтению тружеников села велась по единым планам с РАПО и управлениями сельского хозяйства.

Во всех библиотеках велась работа в помощь трудовому воспитанию молодежи: проводились вечера-портреты, вечера-чествования передовиков производства. Книги доставлялись в поселки, на фермы, животноводческие стоянки, в полевые бригады. Особое внимание уделялось пропаганде книг по нравственному и эстетическому воспитанию, проводились обзоры, беседы, литературные вечера и гостиные и другие массовые мероприятия. Широко пропагандировались произведения алтайских писателей и отмечались юбилеи зачинателей алтайской литературы: 100-летие П.А. Чагат-Строева, 90-летие П.В. Кучияка, 50-летия А. Адарова, Э.М. Палкина, 70-летие А.М. Демченко, А.Ф. Саруевой, И.В. Шодоева и др. [Тарбанакова 2011б: 80].

Методическим центром являлась областная библиотека. Здесь ежегодно проводились семинары и практикумы библиотекарей. Работники областной библиотеки оказывали практическую помощь районным и сельским библиотекам.

Важную роль в духовном развитии населения Горного Алтая играли детские музыкальные и художественные учреждения,

которые осуществляли начальное музыкальное, хореографическое, художественное образование детей (см. табл. 4).

Таблица 4

Сеть музыкальных и художественных школ в Горном Алтае
в 1975–1985 гг.

	1975	1980	1985	1987
Количество музыкальных школ, ед.	12	14	13	13
Филиалов музыкальных школ, ед.	12	-	17	-
Школ искусства, ед.	-	-	2	2
Художественных школ, ед.	1	1	1	1
Общее число учеников, чел.	1217	1360	1564	1806

Источник: *Тарбанаква* 2011б: 81–83.

Преподаватели музыкальных школ и школ искусства Горного Алтая принимали активное участие в концертах художественной самодеятельности. Многие из учителей являлись в клубных учреждениях руководителями хоров, ансамблей, танцевальных коллективов, преподавателями музыкальных и художественного факультетов народных университетов культуры, вели работу по эстетическому воспитанию и пропаганде музыки и изобразительного искусства. Вместе с тем, материальная база в ряде школ не обеспечивала возможности ведения учебного процесса на необходимом уровне.

Значительную работу в сохранении культурно-исторического наследия, пропаганде научно-просветительных знаний проводил музей. В 1980 г. в музее стал работать отдел археологии, сотрудники которого занимались сбором археологического материала. Музей стал пополняться полноценными археологическими коллекциями. В фонды музея поступили различные материалы эпохи палеолита и бронзы, раннего железа и средневековья [*Белекова* 2010: 226].

В 1982 г. начал работу художественный отдел, стала активно собираться художественная коллекция. В 1984 г. работали передвижные выставки «Из истории комсомола Горного Алтая», «Ради жизни на земле», «Искусство ранних кочевников», «Старинная русская одежда и утварь», «Некоторые минералы-сувениры Алтая» и др. Так, с 1983 г. открывается филиал музея в с. Верх-Уймон.

Музеем постоянно проводилась массовая и научно-просветительная работа. Экскурсии и тематика лекций отличались

разнообразием. Организовывались массовые мероприятия: встречи с участниками Великой Отечественной войны, художниками, археологами, интересными людьми; Уроки мира, пионерские сборы, праздники улиц, недели «Музей и дети».

Сотрудниками музея оказывалась методическая и практическая помощь школьным музеям, залам «Боевой славы» и ленинских комнат г. Горно-Алтайска. В 1970–1980-е гг. насчитывалось 30 школьных музеев, 93 зала боевой и трудовой славы, 69 ленинских залов, 33 краеведческих уголка [*Белекова* 2010: 221].

В конце 1988 г. было введено в строй новое музейное здание, работники музея начали трудиться над разработкой экспозиций музея и комплектованием фондов. В 1989 г. в новом музее впервые прошла выставка картин Г.И. Чорос-Гуркина, хранившихся в фондах музея.

Расширялась киносеть Горного Алтая. В 1970–1980-е гг. открывались стационарные кинотеатры в районных центрах: Майме, Турочаке, Чое, Акташе. В 1970 г. работали 253 установки, в 1980 г. – 246 установок, 8 кинотеатров. Регулярно осуществлялась подготовка кадров путем проведения семинаров, учебы на курсах киномехаников. В результате улучшилось положение с сельскими киномеханиками, работа которых была поставлена под общественный контроль [Горно-Алтайской 1982: 77].

В 1970–1980-е гг. возникли новые формы работы: на общественных началах действовали кинолектории, киноуниверситеты, детские кинотеатры [XXXII Горно-Алтайская 1980: 44]. Отделы кинофикации и кинотеатры имели современное оснащение и работали без срывов.

Важную роль в культурном развитии населения Горного Алтая играло радио (см. табл. 5). В 1970–1980-е гг. в программу радиовещания было включено и художественное литературно-драматическое вещание. По радио на алтайском языке звучат голоса поэтов, певцов, актеров, литературных критиков. Большую известность и популярность приобрели дикторы областного радио П. Первалова, Р. Кудирмекова, Ю. Югов, В. Туденев, которых знали и помнили слушатели разных поколений. У алтайской аудитории пользовались популярностью авторские передачи на алтайском языке: «Балдарга чорчоктор» («Рассказы детям») А. Ередеева, передачи о творчестве алтайских писателей А. Кокышевой, а также «Солундар» («Новости»), «Прогноз погоды» – поскольку

хозяйственный цикл в сельской местности зависел от погодных условий.

Проводное радиовещание постепенно охватило самые отдаленные местности Горного Алтая.

Таблица 5

Количество введенных в действие радиоточек в Горном Алтае в 1975–1985 гг., ед.

1970	1975	1980	1985
30106	34593	40228	45650

Источник: XXXV Горно-Алтайская 1988: 42.

Несмотря на введение в действие большого числа радиоточек, качество строительства радиотрансляционной сети зачастую оставалось не на должном уровне. Существующая радиотрансляционная сеть работала неудовлетворительно, особенно в высокогорных и отдаленных районах. Однако радиовещание являлось важным элементом информации населения об успехах в промышленности и сельском хозяйстве, общественной жизни и развитии культуры.

Большая роль в развитии алтайского языка, сохранении алтайской духовной культуры принадлежала национальному книгоиздательству и печати. Для расширения тематики публикуемых материалов, повышения их актуальности – в 1969 г. был увеличен формат газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны». Газеты стали четырехполосные, они подробно публиковали материалы о международном положении и внутрисоюзной жизни. Много места отводилось и материалам идеологического и пропагандистского содержания. Появлялись статьи по истории Горного Алтая, культуре алтайского народа, публиковались отзывы на спектакли, литературные страницы, фотоснимки. Газеты становились интересными, более значимыми в жизни населения, расширялся круг читателей. Тираж обеих областных газет в 1975 г. составил 21,7 тыс. экз., в 1980 – 27,1 тыс. экз.

С 1979 г. стали издаваться две районные газеты: «Чуйские зори» (с. Кош-Агач) и «Сельская новь» (с. Шебалино) тиражом 6,5 тыс. экз. [Горно-Алтайской 1982: 77]. В 1988 г. тираж областных газет достиг 31,3 тыс. экз., районных – 7,0 тыс. экз. в год. Население наряду с местной периодической печатью широко пользовалось центральными изданиями [XXXV Горно-Алтайская 1988: 26, 30].

Подготовка кадров журналистов осуществлялась путем направления талантливой молодежи в вузы гг. Ленинграда, Москвы, Красноярка, Иркутска, Барнаула и др. городов, а также на алтайском отделении ГАГПИ. Кроме того, приезжали молодые специалисты по распределению.

Большое развитие получило книгоиздательство. Работа по изданию книг на алтайском языке имела стабильный характер (см. табл. 6).

Таблица 6

Объемы изданной книгопродукции на алтайском языке

	1969-1971 гг.	1975–1980 гг.	1981–1985 гг.
Количество наименований книг и брошюр, шт.	130	219	208
Тираж, тыс. экз.	300	142,7	415,9

Источник: XXXV Горно-Алтайская 1988: 26.

На алтайский язык переводились произведения русских и советских классиков, современных художников слова. Издавалось массово-политическая, учебная, сельскохозяйственная, медицинская литература, произведения алтайских писателей и поэтов.

Алтайская литература и искусство в 1953–1964 гг. Время хрущевской «оттепели» отмечено сложными и противоречивыми процессами во всех сферах жизни советского общества. Те годы, насыщенные важными событиями, отложили заметный отпечаток на культурное развитие страны, ее литературу и искусство. Перемены после XX съезда КПСС отразились на творчестве писателей, поэтов, художников, деятелей культуры и искусства в центре страны и на ее национальных окраинах.

Во второй половине 1950-х гг. активизировалась литературная жизнь в Горном Алтае. В 1951, 1956 гг. в г. Горно-Алтайске проходили научные конференции, на которых рассматривались вопросы о развитии языка и художественной литературы, о повышении художественного мастерства писателей.

В ноябре 1958 г., в соответствии с письмом Организационного комитета Союза советских писателей РСФСР, бюро Горно-Алтайского обкома КПСС и Горно-Алтайский облисполком вынесли решение создать Горно-Алтайское областное отделение Союза советских писателей [Очерки по истории 1973: 528], а 20 апреля

1959 г. состоялось учредительное собрание Горно-Алтайского отделения Союза советских писателей. Создание Горно-Алтайского отделения Союза писателей СССР ознаменовало начало нового, профессионального этапа в развитии алтайской литературы. В 1965 г. в писательскую организацию Горного Алтая входили 15 членов Союза писателей СССР.

В конце 1950-х гг. отделение союза писателей Горного Алтая инициировало реабилитацию известных писателей, которые были репрессированы: П.А. Чагата-Строева, А.В. Тозыякова, Ф.С. Тозыякова, Л.М. Эдокова, А.П. Чокова, и др. Областное книжное издательство стало издавать произведения, забытые и изъятые из истории алтайской литературы: «Стихи и басни» М.В. Чевалкова (1958 г.), основоположника алтайской литературы, его «Стихи и поэмы» (1958 г.), «Светоч» М.В. Мундуса-Эдокова (1959 г.), «Талдап алган произведенийелер» («Избранное») П.В. Кучияка (1953 г.) и т. д. Это явилось восстановлением прервавшейся духовной связи, литературной традиции поколений, обращением к опыту первых алтайских поэтов, писателей.

Уже в своих первых поэтических сборниках молодые поэты А. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин стремятся постичь связи и закономерности между временем и эпохой, судьбой народа и судьбой человека. Вышедшие в свет в конце 1950-х – начале 1960-х гг. поэтические книги Л. Кокышева, Э. Палкина, Б. Укачина, П. Самыка, Ш. Шатинова, А. Ередеева свидетельствуют о разнообразии художественных поисков.

Знаменательным для истории алтайской литературы стал выход в свет романа Л. Кокышева «Арина» на алтайском языке в 1959 году. Это первый роман в истории алтайской литературы. Л.В. Кокышев одним из первых начал раскрывать тему жизни тыла в период Великой Отечественной войны в алтайской литературе. Судьба народа в романе «Арина» показана через историю жизни одной простой женщины. С появлением первого национального романа алтайская проза вышла за границы национальной литературы.

Дальнейшее развитие получил театр. В середине 1950-х гг. предпринимаются попытки возродить профессиональное театральное искусство в Горном Алтае. В 1956 г. открывается музыкально-драматический театр. В начале работы небольшой коллектив ставил постановки, не требовавшие большого количества

действующих лиц и сложного музыкального оформления «Сто миллионов» В. Собко, «Вас ждут друзья» А. Аграра, И. Белиц, «Факир на час» В. Дыховичного и А. Слободского. Коллектив работал в трудных условиях: не хватало актерских профессиональных кадров, слабой оставалась материально-техническая база, не хватало специалистов – оформителей сцены. В следующем сезоне положение несколько улучшилось. Творческий коллектив пополнился опытными актерами и способной молодежью. Укрепление творческого состава позволило ставить оперетты: «Марги» И. Ипатовая, «Марица» И. Кальмана, «Вольный ветер» И. Дунаевского, «Роз-Мари» Р. Фримла. Спектакли отличались друг от друга разными художественными уровнями, но они вызывали интерес зрителей [Тарбанакова 1994: 141].

Театр на протяжении своей работы испытывал большие трудности в своей работе. Для укрепления сил творческого коллектива и материально-технической базы краевое управление культуры в 1959 г. переводит его сначала в г. Бийск, затем в г. Барнаул.

Развивалось и эстрадное искусство. В 1950–1960-е годы художественное обслуживание населения Горного Алтая осуществлялось различными концертными бригадами. В 1962 г. создается областная национальная концертная бригада, руководил которой молодой выпускник института культуры г. Москвы А. Крюков. Он собрал интересный коллектив. В нем начинали свою деятельность алтайские композиторы А. Тозыяков, В. Хохолков, А. Бобров и др. [Тарбанакова 2011а: 74].

Демократизация общественной жизни во второй половине 1950-х гг. затронула и изобразительное искусство Горного Алтая. На областных выставках демонстрировались в основном этюды природы, незначительные жанровые картины и портреты также этюдного характера. Не развивалась скульптура, станковая картина, монументальная и театральная-декорационная живопись, очень слабой была и книжная графика.

В 1950-е гг. и начале 1960-х гг. большую роль в воспитании творческих кадров сыграла художественная студия при городском Доме культуры, руководимая художником-педагогом А.А. Лупповым. Многие воспитанники студии впоследствии стали профессиональными художниками, архитекторами, искусствоведами.

Юбилейная художественная выставка 1962 года «Алтай в изобразительном искусстве», посвященная 40-летию Горно-Алтайской автономной области, подвела итоги развития искусства. Ведущее место в ней занимали произведения Г.И. Чорос-Гуркина и переехавших в Барнаул Н. Иванова, С. Чернова, а также новосибирца Н. Шагаева. Из работ местных художников в экспозиции было представлено несколько пейзажных этюдов М. Чевалкова, С. Янсона и В. Запрудаева.

Возрождение прерванных национальных традиций в развитии изобразительного искусства Горного Алтая стало главной задачей последующего поколения художников, вступивших на творческий путь в первой половине 1960-х гг.

Итак, процессы развития культуры, литературы и искусства в Горном Алтае 1953–1964 гг. происходил в русле общероссийских тенденций. Эти годы отмечены интенсивностью и динамизмом культурного строительства в стране. Росла сеть культпросветучреждений, которые своей многогранной деятельностью прилагали усилия по приобщению населения к культурной жизни Горного Алтая и страны в целом. Благодаря поддержке государства расширялась их сеть, повышался уровень материально-технической базы. Свою роль в культурном просвещении жителей области сыграли печать и кино. Перемены в советском обществе во второй половине 1950-х гг. качественно изменили литературу и искусство. Оттепель, которая началась после XX съезда, дала толчок процессам обновления, положило начало освобождению общественного сознания от догм и идеологических стереотипов.

Алтайская литература и искусство. В шестидесятые годы началось бурное развитие алтайской профессиональной культуры. Еще в 1950-е гг. большая группа талантливой молодежи была направлена в театральные вузы Москвы и Ленинграда, в Литературный институт им. М. Горького, в институты культуры, в высшие и средние учебные заведения изобразительного искусства. Возвращаясь после окончания учебы, молодые писатели и поэты, музыканты, актеры и художники активно включались в творческую жизнь Горного Алтая, обогащая её новыми идеями и замыслами.

Алтайская литература в 1960–1980-е гг. качественно отличается от литературы предшествующих десятилетий. Исторические изменения, происходившие в жизни государства в конце 1950-х

– начала 1960-х гг., обусловили переход алтайской литературы на более высокий профессиональный уровень. В литературу приходят новые мастера, испытывавшие влияние хрущевской «оттепели», они были относительно свободны от идеологических стереотипов. Алтайская литература в 1960-е годы выходит за пределы собственно национальных интересов, получив возможность овладевать достижениями других национальных культур.

Традиционным в 1960–1980-е гг. стало проведение Дней и декад литературы, фестивалей искусства и литературы, конференции и семинары писателей, как в Москве и в других крупных литературных центрах, так и в Горном Алтае. Декады российской (1973, 1979 гг.), тувинской, казахской, якутской (1970 г.), белорусской (1973 г.) литератур на Алтае и Дни алтайской литературы в Якутской АССР (1971 г.), на Украине (1972, 1978 гг.), в Башкирии (1982 г.), Москве (1983 г.), Латвии (1984 г.) помогали алтайским писателям, читателям и зрителям других республик увидеть национальное своеобразие искусства и литературы Горного Алтая. В работе конференций и семинаров принимали участие ученые, писатели и критики Москвы, Ленинграда и соседних регионов [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 258].

В 1960–1980-е гг. алтайская литература прочно утверждает себя в общесоюзном литературном пространстве. Важной формой творческого взаимообогащения явились переводы произведений русских и зарубежных классиков, современных поэтов многонациональной страны. Произведения алтайских писателей переводятся на многие языки народов СССР, публикуются на страницах центральных газет и журналов: «Дружба народов», «Юность», «Огонек», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Сибирские огни», «Алтай» [История алтайской литературы. Кн. 1. 2004: 259].

Происходит дальнейшее расширение, обогащение жанров алтайской литературы, художественных стилей. С середины 1960-х гг. начался процесс углубления новаций, переосмысления старых национальных жанровых форм и постоянное их видоизменение. Происходит не только синтез, слияние разных жанров, но и процесс появления новых, складывается своя жанровая система. Лирические жанры развиваются не только во взаимодействии с творчеством советских и зарубежных поэтов, но и под влиянием общетюркской и национальной традиций.

В 1970-е гг. тематика и жанры алтайской поэзии заметно меняются: поэты обращаются к проблемам культурно-исторического наследия народа, успешно развивается гражданская лирика. В стихах алтайских поэтов основной линией проходит тема личной ответственности за судьбу страны, родины, народа, она раскрывается во многих произведениях алтайских поэтов и писателей: Л. Кокышева, А. Адарова, Б. Бедюрова, Ж. Белекова, А. Ередеева, Э. Палкина, П. Самыка, Э. Тоюшева, Б. Укачина, Ш. Шатинова, И. Шинжина.

Алтайская поэзия этого периода представлена почти всеми видами лирики: думы, баллады, романсы, песни, элегии, послания и посвящения, эпиграммы, пародии и др. Поэты все чаще обращаются к древнейшим формам устной алтайской поэзии. Таковы поэтические миниатюры Б. Укачина («эжерликтер» – двустихия, «экчеликтер» – четверостишия), Ш. Шатинова («индер» – зарубки), Б. Бедюрова («дептер» – свод стихов-миниатюр, «чинмерилер» – узоры). Крупной стихотворной формой в алтайской поэзии является поэма, к ней обращаются в 1960–1980-е гг. Л. Кокышев, Б. Укачин, А. Адаров, Э. Палкин, П. Самык, А. Ередеев, Э. Тоюшев, Д. Белеков. Создавались новые формы жанра поэмы – рассказ в стихах (Б. Укачин, П. Самык).

1960–1980-е годы – новый этап в развитии сатирических жанров. Наибольшее распространение в поэзии получили басня, сатирические стихи-пародии и эпиграммы. Эпиграмма в форме сатирического портрета, остроумного шаржа получила развитие в творчестве Л. Кокышева, К. Телесова, П. Самыка.

В алтайской литературе происходило развитие не только поэзии, но и прозы. Развиваются и утверждаются все прозаические жанры: роман, повесть, рассказ, очерк.

В 1960–1970-е гг. выходят в свет романы Л. Кокышева «Цветок степей» («Чолдордин чечеги», 1968 г.), «Созвездие Мечин» («Мечин жылдыс»), «На рассвете» («Тан алдында», 1972 г.), Э. Палкина «Алан» (1978 г.).

В 1970–1980-е гг. появляются романы: «Катунь весной» К. Телесова, рассказывавший о гражданской войне и о первых годах становления советской власти, «Синяя птица смерти» А. Адарова повествует о политических репрессиях 1937 года, интересны главы неоконченного романа С. Суразакова «Улалу», проблемам алтайского села посвящен роман С. Манитова «Хлеб – в колосе».

В эти годы достижением художественной зрелости алтайской прозы стала повесть. Во многих произведениях Л. Кокышева, И. Кочеева, Ш. Шатинова Д. Каинчина, Ж. Маскиной, И. Шинжина, И. Шодоева, К. Телесова, Б. Укачина поднимаются проблемы и вопросы о месте человека в этом мире, роли труда в жизни общества, исторического прошлого, о взаимоотношениях людей разных взглядов, о борьбе нового мира со старым, о нелегкой судьбе деревни.

Алтайские рассказы разнообразны по тематике. Образ современного человека, различные человеческие характеры, историческое прошлое народа, нравственно-этические проблемы и вопросы, раскрываются в лучших рассказах: А. Адарова, Д. Каинчина, А. Ередеева, И. Кочеева, К. Телесова. Один из основных авторов этого жанра является прозаик Д. Каинчин. Он написал и издал более 20 книг на русском и алтайском языках.

В алтайской прозе интенсивно развивается очерк. В этом жанре успешно работают писатели Б. Укачин, С. Каташ, Э. Палкин и журналисты В. Тоенов, У. Садыков, Н. Витовцев, Ю. Егоров.

В 1960-е гг. происходит становление алтайской драматургии. После «хрущевской» оттепели появляются произведения на историческую тематику: «Шулмус» Ч. Енчинова, (1965 г.) и «Тумантык Аркыт» («Туманный Аргут», 1969 г.) Л. Кокышева, в которых осмысливаются знаменательные вехи исторического пути алтайского народа: вхождение в состав России, Гражданская война.

Развитие алтайской драматургии связано с работой театральной бригады областного КЭБа и национального драматического театра. В 1970-е гг. создаются комедия «Жиит жүректөр» Л. Кокышева, трагикомедия «Туба» А. Юданова на основе произведений Л.В. Кокышева; народная драма «Алтын тандак» («Золотая заря», 1978 г.) М. Назаровой по произведениям П. Кучика.

Переводятся пьесы русской и зарубежной классической драматургии и современных авторов, что явилось своеобразной школой мастерства. С начала деятельности театра идет обращение к значительным поэтическим и прозаическим произведениям алтайской литературы и перевод их на сценический язык. В 1980-е гг. пишутся пьесы разных жанров: комедия, драма, трагикомедия и др. Начинает развиваться драматургия для детей, создаются пьесы на фольклорном материале.

В конце 1980-х гг. наблюдается интерес к историческому прошлому народа, поискам корней и истоков, фольклору, героическому эпосу, начинается сценическое воплощение эпических фольклорных произведений. Наиболее удачной попыткой выражения творческого замысла в использовании эпических мотивов стала пьеса «Сын Алтая» (1990 г.) Ю. Лиманова, по мотивам героического сказания «Алтай-Буучай». Пьеса «Багульник на кровавом снегу» (1987 г.) С. Ларионова посвящена событиям и героям гражданской войны в Горном Алтае, показанным без привычных идеологических штампов. Изобличает человеческие пороки и преступления в своей драме «Оч» («Расплата»), 1990 г.) Н. Шумаров.

Таким образом, 1960–1980-е годы в алтайской литературе стали временем поисков, плодотворных находок и значительных свершений.

В 1972 г. создается экспериментальная театральная бригада при областном Концертно-эстрадном бюро. Первая работа молодого коллектива – постановка пьесы хакасского драматурга М.Е. Кильчичакова «Медвежий лог» (реж. А.Д. Никитин, пер. П. Самыка) – была успешной. За пять лет работы театральная бригада поставила немало интересных спектаклей, среди которых выделялись «В ночь лунного затмения» М. Карима и «Туба» Л. Кокышева. Творческий коллектив постоянно гастролировал по районам Горного Алтая.

Театральная группа областного Концертно-эстрадного бюро стала базой для создания национального театра, который был открыт в июне 1977 г. 24 марта 1978 г. Национальный драматический театр начал свой первый сезон спектаклем «Золотая заря» П. Кучияка, поставленным главным режиссером М.Г. Назаровой. Спектакль явился программным и определил дальнейшее направление творческого коллектива.

В первые годы работы закладывались театральные традиции, молодой коллектив в это время осваивал достижения и опыт других творческих театров страны, а также большое внимание уделял развитию национальной драматургии. Труппа состояла из русской и алтайской групп и была двуязычна.

С 1982 по 1989 гг. театр возглавляли режиссеры А.Д. Никитин, В.Г. Ильин, Е.А. Егоров, Н.Ф. Паштаков, которые проводили большую педагогическую работу по развитию актерского мастерства, и поставили разноплановые спектакли.

Все годы работы театр большую часть своих спектаклей показывал сельским зрителям. В конце 1980-х гг. в связи с демократизацией общественной жизни изменилась духовная жизнь общества, творческий коллектив театра обращается к истокам, ранее закрытым темам исторического прошлого, к фольклору. Делаются первые попытки сценического воплощения алтайского героического эпоса. Инсценируются и ставятся спектакли по произведениям героического эпоса: «Кёзүйке» реж. А. Юдановым, «Сын Алтая» под художественным руководством М. Новохижина реж. Н. Шумаровым. Во второй половине 1980-х гг. большой интерес у зрителей вызвали спектакли: «Красные кони на синей траве» по пьесе М. Шатрова и «Светлые души» В. Шукшина в постановке В.Г. Ильина, «Дожди» Е.А. Егорова. В перечисленных спектаклях обозначается поиск дальнейшего развития театра. Так, А. Юданов искал новый сценический язык, связанный с пластикой, В.Г. Ильин обращался к социально-бытовой тематике, а Е.А. Егоров являлся режиссером романтического направления.

В 1988 году в дни празднования 10-летнего юбилея театр подвел итоги своей деятельности. За годы работы творческий коллектив осуществил 60 постановок и концертных программ по пьесам русской и зарубежной классики, современной русской и национальной драматургии. Лучшие спектакли определили творческое лицо театра, в них совершенствовалось мастерство алтайских актеров.

Особое внимание коллектив театра уделил произведениям алтайских авторов (всего около 20 произведений). Спектакли театра просвещали, обогащали эмоционально своих зрителей, приобщали к богатству устного народного творчества.

Труппа театра не раз за эти годы пополнялась выпускниками творческих вузов страны: выпускниками Щукинского театрального училища, дважды выпускниками Красноярского института искусств, выпускниками ГИТИСа, института искусств Уфы.

Разнообразной была гастрольная география театра: Тува, Хакасия, Казахстан, Киргизия, Башкирия. Алтайские артисты гастролировали в Кемеровской, Курганской, Иркутской областях, почти во всех районах и городах Алтайского края.

В конце 1980-х гг. в театре активно начинается поиск новых эстетических концепций, среди которых преобладало стремление к созданию синкретического театра, совмещающего в себе исторические, фольклорные, пластические направления.

Заметную роль в культурной жизни области играла эстрадная деятельность. В 1972 г. организуется областное концертно-эстрадное бюро с двумя группами – театральной и эстрадной. В 1977 г., после открытия областного национального театра, в КЭБ были организованы две группы: лекторий и кукольная, в 1986 г. создан фольклорный ансамбль «Алтай». Артисты КЭБ обслуживали не только села Горного Алтая, но и гастролировали в районах Алтайского края, Тувинскую АССР и республиках Средней Азии. В свою очередь, в Горный Алтай ежегодно приезжали на гастроли творческие коллективы Бийского, Барнаульского, Новосибирского, Тувинского, Хакасского театров, Алтайской краевой филармонии, труппы центральных театров страны, творческие коллективы республик Средней Азии, что способствовало взаимному обмену достижениями культуры.

В процессе творческого развития и подъема культуры Горного Алтая развивалось изобразительное искусство. В середине 1960-х гг. сложилась группа художников, целиком сформировавшаяся в послевоенное время, которая в последующем стала играть ведущую роль в развитии художественной культуры области. Среди представителей нового поколения выделялся И.И. Ортоңулов, одинаково успешно работавший, как в станковой, так и в книжной графике. Одновременно с И. Ортоңуловым появились молодые графики и живописцы, деятельность которых определяла будущее изобразительного искусства Горного Алтая. В феврале 1964 г. в Горно-Алтайске была развернута выставка рисунков студента историко-филологического факультета Михаила Бабакова. В 1965 году Бабаков становится дипломантом Всероссийской выставки художников-любителей. Вторая его персональная выставка состоялась в 1966 году.

В середине 1960-х гг. художественный коллектив пополнился молодыми кадрами. На областной юбилейной выставке, посвященной 50-летию Октябрьской революции, показали работы живописцев А. Исакова и В. Запрудаева. Удачным стал дебют З. Янсон и скульптора А. Гурьянова. В целом, несмотря на отдельные удачи, юбилейная выставка 1967 г. выявила и основные недостатки в развитии алтайского изобразительного искусства тех лет.

В начале 1970-х гг. в Горный Алтай приехала группа талантливых, профессионально подготовленной молодежи, часть из которых стала работать преподавателями рисования в сельских

школах, или оформителями в районных художественных мастерских.

В мае 1969 г. при областном Доме народного творчества был создан общественный совет художников, который объединил более 30 художников и оформителей. Задача совета заключалась в том, чтобы объединить художников Горного Алтая, устраивать семинары и творческие консультации, организовывать выставочную деятельность. Помощь молодому коллективу стала оказывать алтайская организация Союза художников РСФСР.

На юбилейной выставке 1970 года выявилось стремление художников к решению тематической и пейзажной композиции, желание выявить и показать сложный углубленный психологический образ современности. Хорошие отклики получили работы молодых горно-алтайских графиков и живописцев В. Костина, Н. Тырышкина, Ю. Комзолова, С. Янсона, А. Исакова, А. Лыкова, З. Янсон, В. Хромова, скульптора А. Гурьянова. На этой выставке успешно выступил со станковыми линогравюрами И. Ортоңулов.

В эти годы изобразительный фольклор алтайцев получил новую жизнь в профессиональном и прикладном искусстве. Это проявилось и в произведениях живописцев, В. Запрудаева, В. Костина, А. Исакова, в промышленном производстве: в оформлении изделий гардинно-тюлевой и ткацкой фабрик, в украшении одежды – бытовой, праздничной и особенно концертной, а также в оформительском и зародившемся монументально-декоративном искусстве.

Вместе с тем, «не во всем использование национальных традиций оказалось оправданным и верным. Иногда оно приводило к внешней стилизации, увлечению экзотикой, а чаще всего к поверхностной обобщенности, к сознательному преувеличению этнографических деталей и т.д.» [Эдоков 1981: 43].

Большим событием культурной жизни Горного Алтая стала юбилейная выставка 1972 года «В горах голубого Алтая», посвященная 50-летию образования СССР и Горно-Алтайской автономной области. 76 авторов выставили свои произведения на суд зрителей. 11 представителей Горного Алтая, не считая народных мастеров, показали 27 работ: графика И. Ортоңулова, живописные полотна А. Исакова, А. Таныша, М. Чевалкова, С. Янсона и других живописцев свидетельствовали о потенциальных возможностях их создателей, о новом качественном росте художественного уровня их творчества.

Характерной особенностью развития современного искусства Горного Алтая являлось содружество художников разных национальностей. С творчеством А. Гурьянова связано возрождение алтайской скульптуры. Художник В. Запрудаев искал свои сюжеты, свое образно-цветовое осмысление пространства, развивая живописную традицию Н. Чевалкова, опирающуюся на вековой опыт народного декоративно-прикладного искусства алтайцев. В 1976 г. состоялась первая персональная выставка пейзажиста С. Янсона, посвященная его 50-летию, показавшая палитру его творческих исканий.

В экспозиции областной выставки 1977 года, посвященной 50-летию Октября, демонстрировалось более 160 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, представлены 42 авторами. Участники этой выставки С. Янсон и И. Ортоңулов стали участниками республиканской выставки «По родной стране», посвященной 60-летию Великого Октября.

Художественная жизнь Горного Алтая продолжала свое развитие. В 1978 году Горно-Алтайске была проведена персональная выставка живописца В. Костина, экспозиция которой отчетливо показала направление стилистических поисков художника.

Большое значение для развития изобразительного и декоративно-прикладного искусства Горного Алтая имела пятая зональная выставка «Сибирь социалистическая» в г. Барнауле в 1980 г. Сорок одно произведение живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства представили 20 авторов из области. Участниками V зональной выставки «Сибирь социалистическая» стали живописцы, графики, скульпторы и мастера декоративно-прикладного искусства. Войлочные ковры – сырмаки и настенные вышитые ковры (кебис-чердэки) народных мастериц из Кош-Агача стали подлинным открытием выставки. Творчество кош-агачских мастериц стало предметом специального обсуждения на творческой конференции, посвященной итогам зональной выставки, которая как, и следующая – «Нивы Алтая» в 1983 г. – стала хорошей профессиональной школой для художников.

В 1988 г. в Горном Алтае образовалось свое отделение Союза художников РФ и художественный фонд. Изобразительное искусство вышло на новый уровень своего развития.

В период 1965–1990 гг. культурная жизнь в Горном Алтае отличалась динамизмом. Интенсивная деятельность культпросветучреждений, гибкость и мобильный подход в их работе позволили стабильно обеспечить культурно-досуговыми запросами население отдаленных труднодоступных мест. Искусство и литература развивались в соответствии с требованиями о необходимости соблюдения установок социалистического реализма. Вместе с тем, своеобразие художественных традиций, уникальность природы, талант творческих индивидуальностей определили самобытность литературы и искусства Горного Алтая. В эти годы культура, литература и искусство достигли наивысших успехов, творчество алтайских писателей и поэтов утверждалось на всесоюзном уровне. Внес значительный вклад в развитие национальной культуры театр, он способствовал развитию драматического, музыкального, хореографического искусства и сценографии. Театр активно проводил воспитание и формирование эстетического вкуса зрителей: познакомил с классическим наследием лучших русских и западных драматургов, пьесами советских писателей, развивал оригинальную драматургию. Развитию алтайской национальной культуры, литературы, искусства способствовало влияние русской и советской многонациональной культуры СССР. Вся деятельность культпросветучреждений, творчество мастеров искусства, литературы, несмотря на идеологический пресс, влияли на развитие духовной культуры народа, и сыграли свою роль в формировании этнической самоидентификации алтайцев. Рост национального самосознания вылился впоследствии в возрождение многих элементов традиционной культуры алтайского народа.

...

Модернизационные процессы, развернувшиеся с конца 1950-х гг. во всех сферах общественной жизни, изменили облик Горного Алтая.

Перемены в общественно-политической сфере были невозможны без восстановления и укрепления законности, прав граждан. Признавались преступными массовые политические репрессии, смягчены уголовное и трудовое законодательство. В Горном Алтае проводилась работа по реабилитации ранее незаконно осужденных граждан. По итогам XX, XXII съездов партии в областной партийной организации прошла кампания осуждения культа личности И.В. Сталина.

Неоднозначно процессы модернизации происходили в сельском хозяйстве Горного Алтая. Произошло расширение и обновление машинно-тракторного парка хозяйств. Однако механизация аграрной отрасли оставалась незавершенной. Животноводство являлось рентабельным производством в хозяйствах, но его производительность характеризовалась невысокими темпами роста и была значительно ниже, чем в хозяйствах Алтайского края. Производство в ряде хозяйств оставалось убыточным. Властям не удавалось реанимировать материальные стимулы в аграрном производстве, поскольку производственная деятельность в колхозах и совхозах осуществлялась в рамках административного руководства и плановой системы. Нарастание объемов сельскохозяйственного производства происходило в большей мере на экстенсивной основе. Его слабая экономическая эффективность порождала бесхозяйственность и незаинтересованность работников в результатах своего труда.

Значительно большие успехи были достигнуты в развитии промышленного сектора. В ходе его реорганизации в конце 1950-х – начале 1960-х гг. сформировалась структура промышленного производства в Горном Алтае. Предприятия легкой промышленности, которые находились в подчинении Совмину РСФСР, своевременно обеспечивались высокотехнологичным оборудованием. Вместе с тем, развитие промышленного комплекса ограничивалось нехваткой производственных площадей, многие заводы и фабрики, особенно краевого подчинения оставались слабо механизированными. Медленно развивались строительный комплекс и производственная инфраструктура: дорожное строительство и электроэнергетика.

Достигнуты были положительные результаты в улучшении социальной сферы. Рост капиталовложений позволил расширить сеть учреждений здравоохранения, обеспечить их необходимым медицинским оборудованием. В 1960–1980-е гг. в больших объемах шло капитальное строительство школ, больниц, жилья. Улучшалась и степень благоустроенности жилья: обеспеченность водопроводом, центральным теплоснабжением, канализацией, газом. Увеличилась оплата труда, денежные накопления граждан. Вместе с тем, наблюдалось неравномерное обеспечение социальными услугами населения региона. Сельские жители имели худшие показатели в сравнении с городским по обеспеченности

жилищно-коммунальными услугами, бытовому и медицинскому обслуживанию.

В 1950–1980-е гг. в Горном Алтае происходил демографический переход от расширенного к простому воспроизводству населения, что выражалось в снижении рождаемости к показателям обычного воспроизводства и снижении смертности вследствие повышения продолжительности жизни. Повышенная рождаемость имела место в сельской местности в районах, где преобладало алтайское и казахское население. В среде коренного населения, особенно у казахов, сохранялись традиции высокого воспроизводства населения.

Большие изменения произошли в сфере науки. В период 1950–1980-х гг. был создан научный потенциал Горного Алтая, ряды ученых пополнялись квалифицированными специалистами с учеными степенями кандидатов и докторов наук, расширилась тематика исследований в сфере гуманитарных и других научных направлений.

Позитивные процессы происходили в социальной и культурной жизни села. В области была налажена система подготовки кадров для нужд производственной и социальной сфер, возрастал образовательный уровень населения, расширялась доля лиц, занятых умственной деятельностью. Увеличивалось количество управленцев, специалистов, педагогов, врачей, работников культуры.

Однако население, особенно сельское, не могло в полной мере реализовать свои запросы в обеспечении товарами. Сохранялась проблема преодоления различий в обслуживании горожан и сельчан медицинскими, бытовыми, коммунальными услугами. В областной центр и за пределы региона выезжала значительная часть трудоспособного населения. В целом, процесс модернизации экономики и социальной сферы Горного Алтая, несмотря на очевидные успехи, оставался незавершенным.

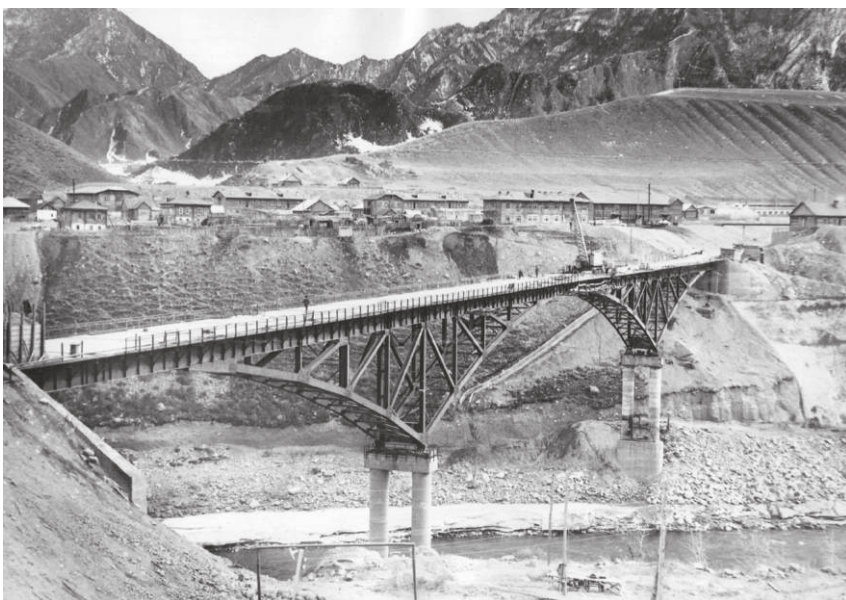

М.В. Карамеев, председатель Горно-Алтайского облисполкома, депутат Верховного Совета РСФСР на заседании сессии Верховного Совета (1970-е гг.)

Штабелевка леса

Новый мост через р. Катунь. с. Иня, 1970 г.

Горно-Алтайская гардинно-тюлевая фабрика. Члены группы народного контроля Л.Н. Екиннеева (бракер) с бракером Н.М. Циганенко за просмотром качества готовой продукции фабрики

Цех пищевых красителей плодового совхоза-завода «Подгорный», 1975 г.

Заготовка кормов. Урочище Кокорю-Оозы, с. Кокоря Кош-Агачского района

Коневодческая стоянка в Кош-Агачском районе, 1 сентября 1976 г.

Новая улица в селе Кокоря Кош-Агачского района, 1979 г.

Новостройки города Горно-Алтайска (ныне жилой дом № 2 по ул. Ленкина), 1975 г.

Вечер молодой семьи. Врач-косметолог Базыхина Т.В. дает совет по уходу за кожей лица, 1960 г.

Занятия юннатов школы №1 г. Горно-Алтайска, 1955 г.

Занятия в ГАГПИ (ныне ГАГУ). Ведет преподаватель А. Изотова [1950–1960-е гг.]

Первый выпуск алтайского отделения историко-филологического факультета Горно-Алтайского государственного пединститута, 1957 г.

Экспедиция Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИЯЛа, ныне НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова) в Улаганский аймак. Участники экспедиции: Л.В. Кокышев, Н.А. Кучигашева, В.О. Адаров, 1956 г.

Преподаватели историко-филологического факультета ГАГПИ на первомайской демонстрации. Слева направо: П.Е. Тадьев, С.С. Суразаков, Г.В. Кондаков, С.С. Каташ, К.В. Трояков, 1 мая 1979 г.

Сотрудники ГАНИИЯЛа с доктором исторических наук Л.П. Потаповым [1966–1972 гг.]

Участники подготовки «Диалектологического атласа тюркских народов». Первый ряд (слева направо): В.И. Рассадин, Н.Н. Широбокова, Э.Ф. Чистяков, М.Ч. Чумакаева, З.П. Демьяненко, В.М. Надеяев. Второй ряд (слева направо): З.Б. Чадалита, Е.И. Убрятова, Д.Ф. Пагачаков, Н.А. Кучигашева Новосибирск, 1978 г.

Областная концертная бригада с праздничным выступлением. Исполнитель песни В.Ш. Ялатов, аккомпанирует на аккордеоне В.Ф. Хохолков

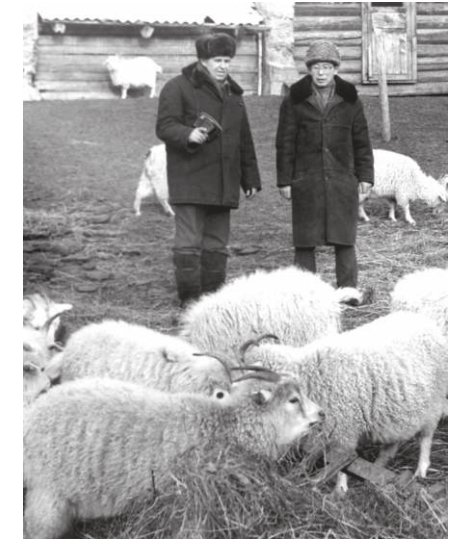

Сотрудники ГАНИИИЯЛа на Международной научной конференции «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности». Слева направо: В.И. Эдоков, И.Б. Шинжин, С.М. Каташев, Ф.А. Сатлаев. Ташкент, сентябрь 1986 г.

Л.В. Окулич-Казарина, советский ученый в области селекции животноводства. Автор выведения новой породы коз «горно-алтайская». С 1944 по 1959 г. – научный сотрудник Горно-Алтайской сельскохозяйственной опытной станции

Ученые-селекционеры Горно-Алтайской сельскохозяйственной опытной станции Г.В. Альков, доктор сельскохозяйственных наук и В.Н. Тадыкин

Праздничное мероприятие, посвященное 200-летию вхождения Горного Алтая в состав России. Сводный хор исполняет народную песню «Кан-Алтай», 1956 г.

Вокальное трио. Исполнение алтайской песни на алтайских национальных инструментах, 1957 г.

Женский певческий хор Шебалинского аймака, 1957 г.

Горно-Алтайская областная писательская организация, 1958 г.

Хор межрайонной концертной бригады, 1962–1964 гг.

Встреча писателя В.И. Белова в Горном Алтае с алтайскими писателями, 1976 г. Слева направо: 1-й – В.Ф. Хохолков, 2-й – Б.У. Укачин, 4-й – В.И. Белов, 5-й – В.Т. Самыков (Самык)

Занятия в Горно-Алтайской художественной школе

Встреча мастера спорта по греко-римской борьбе И.А. Самтаева после победы на чемпионате Европы, 1986 г.

ГЛАВА VII. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ»: ОТ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ К КРИЗИСУ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (1985–1991 гг.)

7.1. Социально-экономическое положение

7.1.1. Состояние промышленности и производственной инфраструктуры

Новое руководство страны во главе с М.С. Горбачевым провозгласило в апреле 1985 г. курс на перестройку. Решение многих проблем в сфере экономики виделось в ускорении научно-технического прогресса и приоритетном развитии передовых наукоемких отраслей. Декларировалась необходимость расширения самостоятельности предприятий путем введения хозрасчета и самофинансирования при закупке сырья и продаже производимой продукции. Планировалось пересмотреть систему цен, установленных зачастую директивно, без учета реальной себестоимости продукции. Первые перестроечные кампании в 1985–1986 гг. носили во многом идеологический популистский характер и не затрагивали основ хозяйственного механизма.

Серьезные сдвиги в экономике стали происходить с 1987 года. С принятием Закона СССР «О госпредприятии» традиционные плановые обязательства заменялись госзаказом, промышленным предприятиям предоставлялась некоторая свобода в заключении прямых договоров друг с другом, а также большая автономия в распоряжении собственными средствами, в частности, выплата заработной платы и премиальных.

В первые годы перестройки экономическое развитие Горного Алтая шло без резких потрясений и перемен. На XXXIV областной партконференции, проходившей 17–18 декабря 1985 г., определялись приоритетные задачи дальнейшего промышленного развития: реконструкция заводов – «Электробытприбор», пивзавода, кирпичного, хлебозавода, совхоза-завода «Подгорный», Союзгинского мясокомбината – с расширением действующих мощностей; техническое перевооружение ряда маслозаводов; строительство домостроительного комбината, пивоваренного завода,

дробильно-сортировочной установки, асфальтобетонного завода; увеличение протяженности автодорог и линий электропередач; организация перерабатывающих производств продукции сельского хозяйства и пр. [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 1. Л. 145].

Большое внимание Горному Алтаю оказывали центральные органы власти государства. Так, в январе 1986 г. Совет Министров СССР издал постановление № 47 «О мерах по дальнейшему социально-экономическому развитию Горно-Алтайской автономной области Алтайского края в 1986–1990 гг.», в соответствии с которым на развитие области в 1986–1988 гг. направлялись 278 млн. руб.

Поддержка государства предоставила областным властям реальные возможности улучшения положения в промышленном секторе экономики. В течение 1985–1987 гг. бюро Горно-Алтайского обкома КПСС приняло ряд постановлений по развитию материально-технической базы машиностроительной промышленности, перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса, кирпичного производства, улучшению деятельности рудника «Веселый». В результате были переоснащены ведущие предприятия машиностроительной отрасли, введены в строй автоматические линии, установлено современное оборудование. Предприятия работали по договорам по внедрению современной технологии производства с научно-техническими предприятиями из других регионов страны. Успешно решались вопросы социального характера: строилось жилье для работников предприятий машиностроительной промышленности – Майминского мотороремонтного, Пыжинского ремонтного заводов и филиала завода «Электросигнал». Принятые меры привели к снижению себестоимости и повышению прибыльности предприятий. В мясомолочной отрасли начались расширенные работы по строительству современных перерабатывающих предприятий и реконструкции действовавших заводов и комбинатов.

Между тем проблема оснащения предприятий новой техникой оставалась нерешенной. Пыжинский ремзавод, например, по технической оснащенности оставался на уровне ремонтной мастерской. На Майминском мотороремонтном заводе нормативные темпы обновления активной части основных фондов оставались низкими. Около 60 % оборудования здесь эксплуатировалось свыше 15–17 лет. Оставался низким коэффициент сменности

работы и загрузки оборудования. Во второй половине 1980-х гг. снижался коэффициент сменности оборудования на предприятиях «Электробытприбор» и «Электросигнал» и, как следствие, падала фондоотдача [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 1. Л. 46, 47].

Подобные трудности были характерны и для лесной промышленности. С запрещением с 1989 г. вырубке кедра условно-сплошным способом объемы заготовки и сплава древесины значительно сократились. Предприятия с переходом на самофинансирование, вынуждены были предпринимать меры по переводу хозяйства с лесозаготовок на переработку древесины. Единственный выход виделся теперь в производстве товаров, пользовавшихся спросом среди населения [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 120. Л. 7, 120]. В итоге за 1988–1989 гг. сумма валовой продукции товаров народного потребления выросла в 1,5 раза, а ее доля в общем объеме выпускаемой продукции увеличилась с 4,7 до 9,1 %.

С переходом в 1988 г. промышленности на хозрасчет и самоокупаемость предприятия области столкнулись с серьезными трудностями. В легкой промышленности работу предприятий серьезно осложняла проблема отдаленности поставщиков сырья. В таких условиях руководители фабрик применяли меры по укреплению старых и налаживанию новых связей с поставщиками сырья и покупателями. Высокая доля ручного труда на предприятиях снижали эффективность усилий трудовых коллективов.

В пищевой промышленности с участием зарубежных специалистов возводились новые перерабатывающие модули по производству колбас и сырокопченостей в Майминском районе. Ввод в строй новых производств являлся большим шагом вперед в развитии агропромышленного комплекса области. Но и здесь начавшим работу предприятиям пришлось столкнуться с рядом проблем и, в первую очередь, с отсутствием квалифицированных кадров для работы на установленном оборудовании, наладке механизмов. Другой причиной низкой загрузки мощностей оставалась нехватка сырья для производства колбас из-за ограниченных объемов продукции свиноводства. Трудности, вызванные излишней централизацией системы снабжения, сказались на острой нехватке тарной продукции, упаковочного материала в перерабатывающих отраслях агропромышленного комплекса [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 63. Л. 24; Д. 82. Л. 6].

Переход промышленности Горного Алтая на новую систему хозяйствования происходил в сложных условиях, развитие промышленного сектора области сдерживал груз застарелых проблем. Одна из них заключалась в слабости собственной строительной базы. На территории области работали два предприятия по производству строительных материалов – Горно-Алтайский завод железобетонных изделий и Горно-Алтайский кирпичный завод. Их производственные мощности не могли покрыть потребности народного хозяйства региона в стройматериалах, которые приходилось завозить из г. Бийска, ближайшей железнодорожной станции, которая находилась в 100 км от г. Горно-Алтайска. Затраты на доставку автотранспортом оставались высокими, что вело к увеличению себестоимости строительства. Из-за отдаленности доставки стройматериалов работы по реконструкции и расширению действовавших мощностей предприятий превращались в «долгострой», зачастую велись с недоделками и браком [Казанцев 2006: 62]. Так, затянувшаяся реконструкция на кирпичном заводе привела к снижению производства необходимого стройкам области кирпича. К концу 1980-х гг. в области действовали 8 заводов общей выработкой около 30 млн. шт. кирпича в год, принадлежавших разным ведомствам [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 11. Л. 117]. Несмотря на увеличение объемов производства кирпича к 1990 г. почти вдвое, по сравнению с 1985 годом, проблема обеспечения им строек осталась неразрешенной. К 1991 г. местная производственная база обеспечивала стройки региона кирпичом лишь на 17 % от потребности [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 156. Л. 67].

Динамика объемов производства продукции в валовом исчислении оставалась неустойчивой в зависимости от отраслей промышленности (см. табл. 1).

Таблица 1

Валовая продукция по отраслям промышленности Горного Алтая в 1985–1990 гг., тыс. руб.

	1985 г.	Уд. вес, %	1990 г.	Уд. вес, %
Горнорудная промышленность и цветная металлургия	5117	4,6	10633	10,0
Машиностроение и металлообработка	6065	5,5	2525	2,4

Лесозаготовительная	19021	17,1	13371	12,5
Деревообрабатывающая	2352	2,1	923	0,9
Пищевая	29887	26,9	28591	26,8
Легкая	32520	29,2	37711	35,4
Производство стройматериалов	5576	5,0	6567	6,2
Полиграфическая	358	0,3	425	0,4
Другие*	10353	9,3	5806	5,4
Всего	111249	100,0	106552	100,0

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 245. Л. 2, 3, 310, 311.

*Горно-Алтайское СМУ, водопроводные системы, с 1985 г. – УБ 14/13.

В целом за 1985–1990 гг. объем промышленного производства в Горном Алтае уменьшился на 4,2 %, но предприятия продолжали стабильно работать. Несмотря на снижение валового объема продукции, производительность труда выросла на 5,7 %.

Аналогичная динамика наблюдалась и в производстве основных видов промышленной продукции (см. табл. 2).

Таблица 2

Производство промышленной продукции в натуральном выражении (1985–1990 гг.)

	Ед. изм.	1985 г.	1990 г.
Ртуть	тонн	45,4	78,6
Вывозка древесины, в том числе:	тыс. куб. м	803	328
Деловой	тыс. куб. м	598	238
пиломатериалов	тыс. куб. м	79	57
Кирпич	тыс. шт.	3643	6840
Сборные ж/б констр. и детали	тыс. куб. м	43	53
Гардинно-тюлевые изделия	тыс. пг. м	4894	4555
Ткани х/б	тыс. пг. м	3838	3119
Ткани п/шерстяные	тыс. пг. м	-	-
Обувь валяная	тыс. пар	7	-
Обувь кожаная	тыс. пг. м	229	289
Мясо	тонн	4062	3732
Колбасные изделия	тонн	784	527
Вино плодово-ягодное	тыс. гк/л	254	188

Пиво	тыс. гк/л	233	316
Масло животное	тонн	729	825
Сыр	тонн	1905	2047
Цельномолочная продукция	тонн	11679	14527

Источник: Народное хозяйство 1992: 57, 58; Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 2. Д. 24. Л. 4.

Итак, объемы выпускаемой продукции в натуральном выражении сократились лишь по вывозке древесины, производству пиломатериалов, гардинно-тюлевых изделий, вина плодоягодного.

Другой причиной невысокой эффективности промышленного производства в регионе оставалась низкая техническая оснащенность предприятий. На техническое перевооружение выделялись немалые средства, но их было явно недостаточно. Преобладала экстенсивная форма воспроизводства основных фондов – новое оборудование во многих случаях направлялось не на замену устаревшего оборудования, а на расширение действующего парка. В результате в отраслях усилился процесс накопления старых производственных фондов. Наличие большого количества устаревшего оборудования не могло не сказаться на ассортименте изделий и ее качественных характеристиках.

В итоге процесс технического переоснащения промышленных предприятий Горного Алтая к концу 1980-х гг. остался незавершенным. Для промышленности области, представленной главным образом мелкими и средними предприятиями, были характерны низкие темпы обновления основных производственных фондов, высокий (около 60 %) удельный вес ручного труда.

Помимо потерь, связанных с реализацией конечного продукта за пределами области, предприятия и организации ежегодно несли большие убытки при транспортировке продукции. Так, например, потери мясoproдуктов по данной причине в 1989 г. составили почти 2,5 тыс. т, что соответствовало примерно половине выделяемых государственным фондам области на питание ее населения [Агропром: пути радикальной 1990: 2].

Из-за низкого технического уровня мощностей по переработке, несовершенства способов заготовки, перевозки и хранения не использовалось большое количество сельскохозяйственного сырья.

В условиях горного бездорожья, из-за недостатка количества автомашин высокой проходимости, большая часть молока вывозилась гусеничными тракторами, медленная доставка в значительной мере снижала его качество [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 54. Л. 34].

Определяющую роль в развитии экономики Горного Алтая играла производственная инфраструктура. Особенно серьезное значение имели такие ее элементы, как дорожная отрасль и электроэнергетика. В рассматриваемый период удалось добиться серьезных успехов в данных секторах экономики, но эффективность работ снижали недостаточно высокие темпы строительства.

К середине 1980-х гг. доля дорог с усовершенствованным покрытием составляли всего 29 % от их общей протяженности. Слабая материально-техническая база дорожно-строительной отрасли не позволила решить проблему обеспечения области качественными дорогами. Управление «Горно-Алтайавтодор» было укомплектовано техникой, в основном, старых образцов, собственного транспорта имелось мало. Управление включало 2 строительных и 9 эксплуатационных организаций, но не имело постоянного поставщика железобетонных изделий, плит, мостовых конструкций. Неудовлетворительным оставалось и материально-техническое снабжение организаций отрасли. Так, выделение фондов по ГСМ во второй половине 1980-х гг. составляло 20 % от потребности, по стройматериалам – около 75 %, а уровень обеспечения материально-техническими фондами составлял около 30 % [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 8. Д. 900. Л. 8, 29]. В результате дорожно-строительные работы осуществлялись медленно, и даже усиленное финансирование отрасли не могло на тот момент решить проблему повышения качественного состояния дорог.

Слабой оставалась производственная база дорожных организаций. Большинство автотранспортных предприятий являлись убыточными или низкорентабельными. Одной из главных причин, снижавших эффективность работы автотранспорта, являлась слабость производственной базы, вследствие чего его эксплуатационная возможность оставалась низкой. Доля подвижного состава к концу 1980-х гг. составляла в общей стоимости основных фондов 70–90 %, тогда как она должна была составлять 40 % [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 2. Д. 1. Л. 19].

В электроэнергетике существовали те же проблемы – отставание строительной базы и невысокий уровень технической оснащенности отрасли. Подрядными строительными организациями работы по электрификации области велись медленно, причиной чему являлись: несвоевременные поставки оборудования, слабая обеспеченность подрядных строительных организаций треста «Алтайсельэлектрострой» кадрами и техникой. Сложная система взаимоотношений между потребителями и поставщиками влекла перебои в поставках материалов для проводов и оборудования для подстанций, что вело к простоям производства.

Имеющиеся же мощности электроэнергетики отличались слабой надежностью ввиду низкого уровня производственной базы, недостатком, а порой и полным отсутствием техники на некоторых участках.

Между тем низкий уровень электрификации народного хозяйства являлся одной из важнейших причин отставания развития экономики Горно-Алтайской автономной области. Так, электровооруженность труда в промышленности Горно-Алтайской автономной области в 1988 г. составляла 7 тыс. кВт. ч./чел. против 13,9 в Алтайском крае и 35,5 по стране [Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 2. Д. 1. Л. 6].

Недостаточно развитый уровень производственной инфраструктуры серьезно снижал эффективность государственных капиталовложений. Например, на удорожание работ влияла необходимость поставки электроэнергии на большие расстояния из Алтайского края. Стоимость электроэнергии в Горно-Алтайской автономной области по данной причине была самой высокой среди регионов Западной Сибири, поэтому энергоемкие перерабатывающие производства в Горном Алтае отличались высокой себестоимостью и оставались неконкурентоспособными в сравнении с производствами соседних регионов, где имелись собственные источники производства электроэнергии. На удорожание строительных работ влияла и необходимость доставки грузов автотранспортом. Так, на перевозку стройматериалов, сырья и оборудования для предприятий промышленности автотранспортом требовались большие расходы ГСМ, что вело к удорожанию стоимости конечного продукта в промышленности, замедлению темпов работ в строительном секторе. По данной причине развитие переработки сырья, в особенности, в отдаленных районах, оставалось нерентабельным занятием.

Характерной чертой промышленного производства в Горном Алтае являлась жесткая зависимость большинства предприятий от централизованных поставок сырья из других регионов страны. Например, сырье для фабрик легкой промышленности автономной области поставлялось из Казахстана, г. Минска, Воронежа [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792 а. Л. 5].

За 1988–1991 гг. производство продукции в натуральном выражении сократилось по всем ее видам, за исключением выработки ртути, вывозки пиломатериалов и производства овощных консервов.

Тем не менее, заводы и фабрики продолжали стабильно работать. Благодаря завершению реконструкции предприятий цветной металлургии, они понизили себестоимость выпускаемой продукции почти в 2 раза и перешли из разряда убыточных в прибыльные, что не могло не отразиться на общих показателях. За 1988–1991 гг. себестоимость выпускаемой продукции в целом по промышленности уменьшилась на 2 коп.

Стали приносить свои положительные результаты механизмы экономического стимулирования, которые заработали в конце 1980-х гг. Предприятия увеличили объемы прибыли, несмотря на снижение валовых показателей (см. табл. 3). В области оставалось немалое число плано-убыточных предприятий, которые понесли серьезные потери при переходе на хозрасчет. В целом промышленность Горного Алтая во второй половине 1980-х гг. заканчивала каждый год с прибылью, которая значительно возросла в годы перестройки, особенно в легкой промышленности.

Таблица 3

Прибыль в промышленности Горного Алтая в 1965–1990 гг. по отраслям, тыс. руб., в фактических ценах

	1965 г.	1975 г.	1985 г.	1990 г.
Цветная металлургия	-503	-483	178	7115
Машиностроительная	-7	-248	261	486
Лесозаготовительная	338	314	916	-6
Деревообрабатывающая	189	-37	62	-15
Промышленность производства стройматериалов	-330	-498	70	416
Легкая	4070	3154	2780	5948

Пищевая	1569	1891	952	1736
Полиграфическая	45	37	62	300
Другие (УБ 14/13)	...	...	...	994
В целом по области	5371	4130	5281	16974

Рассчитано по: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 15. Л. 18–20; Д. 36. Л. 19; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 245. Л. 21, 162.

Примечание: ... – данных не имеется.

Если в 1965–1985 гг. объем прибыли оставался примерно на одном уровне, то с переходом предприятий на хозрасчет она резко увеличилась. За 1985–1988 гг. объем прибыли возрос в 1,4 раза, а в 1989 и в 1990 г. – в 1,8 и в 1,3 раза в сравнении с предыдущими годами [рассчитано по: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 12. Д. 15. Л. 18, 19; Д. 36. Л. 13; Д. 40. Л. 13; Д. 43. Л. 18; Оп. 15. Д. 245. Л. 23, 106, 135, 162]. Указанные цифры свидетельствуют о положительных тенденциях в развитии промышленности Горного Алтая в перестроечный период. Такие успехи можно объяснить особенностями структуры промышленного сектора экономики области, в котором значительную долю занимали предприятия легкой и пищевой промышленности. Именно эти предприятия, продукция которых отличалась повышенным спросом в условиях жесткого дефицита, смогли улучшить свое финансовое положение. Подобная ситуация наблюдалась в целом по всей стране [Народное хозяйство СССР 1991: 22, 23]. Предприятия, ориентированные на потребление и быстрое получение прибыли, сумели в новых условиях хозяйствования извлечь для себя большую выгоду.

С прибылью закончили предприятия и 1991 год, ее рост произошел за счет фабрик и заводов легкой, пищевой и промышленности производства стройматериалов. Сложнее ситуация обстояла в лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслях, леспромхозы и лесхозы которых в конце 1980 – начале 1990-х гг. несли убытки.

В экономике стали утверждаться формы нового хозяйственного уклада в стране. В 1991 г. в Горном Алтае работали 262 кооператива, их доход от реализации продукции в этом году составил более 68 млн. руб., из них фонд оплаты труда – почти 40 % всего объема вырученной прибыли [Очерки 2014: 87].

Внешне благоприятная картина имела свою оборотную сторону. С переходом предприятий на хозрасчет был запущен процесс роста цен на сырье и товары, но его масштабы пока еще были небольшими по сравнению с увеличением прибыли предприятий. Несмотря на рост капиталовложений, их отдача с течением времени снижалась. Увеличивался разрыв между темпами роста фондовооруженности промышленно-производственного персонала и темпами роста производительности труда, уменьшалась фондоотдача, себестоимость продукции не уменьшалась. Отход от плановой директивной экономики при отсутствии налаженных рыночных структур привел к свертыванию хозяйственных связей, что серьезно усложнило деятельность промышленных предприятий в области. Увеличение прибылей многочисленных кооперативов, предприятий группы «Б», ориентированных на производство продукции потребления, рост заработной платы работников привели к разрастанию денежной массы в стране. В итоге был запущен механизм инфляции, которая в 1989 г. имела пока еще скрытую форму и проявлялась в опустении прилавков магазинов. К концу 1990 г. экономическая ситуация в стране обострилась, а ухудшение политической обстановки еще более усугубило это положение.

Развитие промышленности Горного Алтая к началу 1990-х гг. сдерживали многие нерешенные проблемы, к наиболее серьезным из которых относились: низкий уровень строительной базы в области; устаревшее изношенное оборудование на ряде предприятий; нехватка производственных площадей и недостаток техники; слабость собственной ремонтной базы, перебои в поставках запчастей для технических средств и оборудования; зависимость предприятий от внешних источников сырья и слабая освоенность местных запасов; низкий удельный вес перерабатывающих производств в структуре промышленности; невысокий уровень развития производственной инфраструктуры и, в первую очередь дорожно-транспортной отрасли и электроэнергетики.

Территориальная специализация производства эффективно функционировала в условиях социалистической экономики, но при попытках внедрения рыночных отношений подобная система стала давать серьезные сбои: методы планового директивного управления народным хозяйством отступали, между тем как новые рыночные структуры еще не укрепились.

7.1.2. Сельское хозяйство: попытки реформирования

Основные положения аграрной политики государства были сформулированы в решениях апрельского и июньского (1985 г.) пленумов ЦК КПСС, XXVII съезда КПСС (февраль-март 1986 г.). Она предполагала увеличение объемов валовой продукции сельского хозяйства на основе интенсификации производства. Предполагалось повышение уровня технической оснащенности хозяйств за счет поступления в хозяйства новой современной техники. Указанная задача ставилась в общем русле мероприятий по техническому переоснащению и «ускорению» модернизации народного хозяйства страны.

Для аграрного сектора области ставилась задача увеличения выхода продукции путем интенсификации производства. Планировалось повысить роль материальных стимулов, поднять эффективность используемых ресурсов, значительно расширить инициативу, повысить самостоятельность колхозов и совхозов. Главное внимание предполагалось перенести на повышение эффективности использования земли. Предпринятые меры должны были составить основу для повышения возможностей кормовой базы, увеличения производства кормов.

В рассматриваемый период в регионе основным производителем сельхозпродукции являлись колхозы и совхозы (см. табл. 1).

Таблица 1

Число колхозов и совхозов в Горном Алтае
(на конец года)

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
Колхозы	20	20	20	20	20	20	22
Совхозы	38	39	41	41	41	41	43

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 77–78; Народное хозяйство 1993: 245, 247.

С 1985 по 1990 гг. количество колхозов в области оставалось без изменений. В 1991 г. были созданы еще два коллективных хозяйства. Шел процесс увеличения количества совхозов. Так, в течение 1985–1987 гг. создаются три совхоза – два оленеводческих и один

птицеводческий, а в 1991 г. образуются ещё два – овощеводческий и овцеводческий [Народное хозяйство 1993: 249].

Государство оказывало значительную помощь сельскому хозяйству Горно-Алтайской автономной области (см. табл. 2).

Таблица 2

Капиталовложения в объекты производственного и непромышленного назначения агропромышленного комплекса Горно-Алтайской автономной области, тыс. руб.

1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
43062	46297	17909	18823	28297

Источник: Госархив РА.Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 529. Л. 35; Д. 530. Л. 36, 44; Д. 531. Л. 36; Д. 532. Л. 38; Д. 534. Л. 49.

В 1986–1990 гг. наибольшие объемы капиталовложений в строительство объектов производственного и непромышленного назначения в агропромышленный комплекс имели место в 1986 и 1987 гг. В эти годы, в русле провозглашаемой политики «ускорения», государство направляло значительные средства на повышение уровня технического оснащения хозяйств. Так, в течение одиннадцати месяцев 1986 г. колхозы и совхозы области получили техники и оборудования на 9 млн. руб., в том числе 500 тракторов, 272 автомобиля, 52 зерноуборочного комбайна, другой техники [Карамеев 1986: 1].

Всего за 1986–1990 гг. объем капитальных вложений государства в сельское хозяйство области составил 229,6 млн. руб., что позволило сельскохозяйственным организациям развернуть строительство производственных зданий и сооружений. В эти годы было введено в строй животноводческих помещений: коровников, телятников – вместимостью 12,9 тыс. гол., кошар для овец – 89,5 тыс. гол., возведено силосных сооружений вместимостью 73,9 тыс. т, построено зерноскладов и зерносеменовохранилища – вместимостью 12,8 тыс. т, и других объектов.

Значительные средства направлялись на улучшение естественной кормовой базы. В годы двенадцатой пятилетки площадь орошаемых земель увеличилась на 6,5 тыс. га, осушенных – на 0,6 тыс. га, обводненных – на 123,5 тыс. га [Народное хозяйство 1992: 72, 74]. Большое значение придавалось мелиоративному строительству и освоению мелиоративных земель. В 1986 г. на эти цели было выделено 3,8 млн. руб. [Знаменский 1986: 1].

Несмотря на сложности в экономической жизни, сельское хозяйство области в 1991 году продолжало стабильно финансироваться, но в гораздо меньших среднегодовых объемах, чем в предыдущую пятилетку. Кризисные явления в экономике имели следствием снижение объемов капитального строительства в аграрной отрасли. Так, в 1991 г. удалось построить и сдать в эксплуатацию животноводческих помещений: коровников, телятников – вместимостью 830 гол., и кошар для овец – 4,1 тыс. гол., или в 2,9 раза и в 4,4 раза ниже среднегодовых показателей в 1986–1990 гг. Силосных сооружений в 1991 г. было возведено емкостью 1,9 тыс. т, зерноскладов и зерносеменовохранилищ – 2,0 тыс. т, или меньше среднегодовых показателей в предыдущую пятилетку – в 7,8 и в 6,2 раза соответственно. Значительно уменьшились объемы работ, направленных на улучшение естественных кормовых угодий. В 1991 г. было обводнено земель на площади 19,8 тыс. га [Народное хозяйство 1992: 74], или почти в 6 раз меньше в сравнении со среднегодовыми показателями по этому виду работ во второй половине 1980-х гг.

Вкладывались средства и в техническое оснащение хозяйств области. Дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного производства не могла развиваться без повышения комплексной механизации рабочих процессов в животноводстве. Между тем в сельском хозяйстве автономной области в 1986 г. с помощью машин выполнялось лишь 27 % всех работ. Даже на комплексно механизированных фермах более 40 % операций выполнялось вручную. Несмотря на расширение технического парка в хозяйствах, низкий уровень ремонтной базы снижал эффективность интенсификации. Во многих колхозах и совхозах не соблюдались правила эксплуатации и хранения техники. Большое ее количество простаивало из-за недоброкачественного ремонта и неудовлетворительного технического обслуживания, преждевременно изнашивалось и списывалось. На заседании IV пленума Горно-Алтайского обкома КПСС от 27 декабря 1986 г. отмечалось, что в области ежегодно не используются 1100 единиц машин и механизмов. Экономический ущерб от их простоя составил около 1 млн. 650 тыс. руб. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 64. Д. 6. Л. 115, 122, 129]. На невысоком уровне оставалась комплексная механизация животноводства региона (см. табл. 3).

Таблица 3

Охват комплексной механизацией животноводческих ферм в Горно-Алтайской автономной области в 1987 г., % скотомест

Всего по фермам механизированы операции	23
В том числе	
Доение	88
Автопоение	39
Удаление навоза	31
Кормораздача	28

Источник: Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 70. Д. 10. Л. 28.

Данные таблицы показывают, что в наибольшей степени были механизированы операции по доению коров и автопоению. В целом же животноводческие фермы являлись механизированными менее чем на четверть.

Структура земельного фонда в Горно-Алтайской автономной области не претерпела существенных изменений. В 1985 г. земельный фонд составил 9306,2 тыс. га в т.ч. сельскохозяйственных угодья 1233 тыс. га, из которых пашни 145 тыс. га, сенокосы – 152 тыс. га и пастбища – 935 тыс. га [Горный Алтай в цифрах 1990: 36; Народное хозяйство 1993: 252].

В структуре площади пашни основное место занимали посеы кормовых культур. Растениеводство традиционно играло подсобную роль по отношению к животноводству. Увеличение объема производства продукции животноводства и снижение ее себестоимости в значительной степени зависело от состояния кормовой базы. Основным источником производства всех видов кормов оставалась пашня. С нее хозяйства получали 90 % всех фуражных запасов. При этом пахотных площадей было недостаточно для обеспечения животноводства кормами. Так, в Горно-Алтайской автономной области на 1 условную голову приходилось всего 1,15 га, тогда как в крае этот показатель был выше в 2,3 раза [Подкорытов 1989: 2]. Нехватку кормов приходилось восполнять за счет ресурсов хозяйств Алтайского края. К концу 1980-х гг. для нужд животноводства ежегодно затрачивалось свыше 11 млн. руб. на приобретение кормов в степных хозяйствах края.

В целом к концу 1980-х гг. посевные площади достигают своего наивысшего увеличения (см. табл. 4).

Таблица 4

Посевные площади сельскохозяйственных культур, тыс. га
(в хозяйствах всех категорий)

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
Вся посевная площадь	150,7	152,4	151,7	151,6	152,3	146,3	146,6
Зерновые культуры	43,0	42,9	43,0	41,6	39,9	38,9	37,9
Кормовые культуры	105,0	105,7	105,9	107,2	109,7	104,8	105,8
Картофель	2,5	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	2,3
Овощи	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,26	0,50

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 40; Народное хозяйство 1992: 253.

В Горном Алтае сокращались площади зерновых культур. Растениеводство, как и в предшествующие периоды, было ориентировано на обеспечение нужд животноводства, около 70 % всей посевной площади отводились под кормовые культуры. Хозяйства области продолжали поставлять государству картофель и овощи.

В структуре посевной площади зерновых культур значительная ее часть отводилась под зернофуражные культуры, в первую очередь – под овес. В 1990 и 1991 гг. удельный вес площади посевов овса в общей площади зерновых культур составлял 48,1 % и 47,1 % [Народное хозяйство 1992: 16, 20].

В рассматриваемый период корма для скота в основном заготавливали на естественных сенокосах, площадях сеяных трав и силосных культур (см. табл. 5).

Таблица 5

Уборочная площадь кормовых культур, га

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Кукуруза на силос	4518	4360	4265	4386	4514	4352
Силосные культуры	11815	10051	6976	7086	8914	9278
Однолетние травы на сено	32878	30704	28282	27226	24503	22534

Однолетние травы на сенаж, конц. корма	19266	23953	27909	26501	24614	23551
Многолетние травы на сено	29395	30410	32244	34805	36990	31714
Многолетние травы на сенаж, силос, зеленные корма	3269	2924	2547	4012	3137	3906
Естественные сенокосы	43579	42122	36684	30869	25760	20111
Улучшенные сенокосы	12177	12220	11525	10598	12616	9694

Источник: Оглянемся назад 1991: 3.

В структуре площади посевов кормовых культур основное место занимали многолетние и однолетние травы, а также естественные и улучшенные сенокосы. Вместе с тем, площадь сенокосов за 1985–1991 гг. сократилась – почти в 2 раза. Значительно уменьшилась площадь посевов кукурузы на силос, силосных культур и однолетних трав на сено. Увеличение посевных площадей имело место лишь по многолетним травам. Сокращение естественных сенокосов и однолетних трав происходило, в первую очередь, из-за высокой себестоимости заготовительных кормов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 84. Л. 10]. Решение кормовой проблемы виделось партийному руководству области в расширении посевов многолетних трав. Так, на заседании секретариата Горно-Алтайского обкома КПСС от 16 декабря 1987 г. ставился вопрос о необходимости расширения посевов многолетних трав, сокращения однолетних, так как последние ведут к потере качества кормов и эрозии почвы [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 36. Л. 163].

О развитии растениеводства могут свидетельствовать показатели урожайности сельскохозяйственных культур (см. табл. 6).

Таблица 6

Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц/га

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Общая урожайность	9,9	11,7	13,1	13,2	13,7	10,1
Озимая рожь	7,9	10,7	10,8	12,0	10,8	7,5

Озимая пшеница	-	14,5	11,1	11,7	10,4	16,5
Яровая пшеница	12,8	16,2	14,9	15,1	12,5	7,5
Ячмень	11,1	12,6	13,9	13,3	12,2	10,9
Овес	9,3	11,2	13,2	13,5	15,6	10,0
Горох	8,0	4,5	6,7	7,5	9,8	5,9
Гречиха	-	29,3	-	-	19,1	21,4

Источник: Оглянемся назад 1991: 3.

Динамика урожайности отличалась неустойчивостью – с заметным подъемом в 1987–1990 гг. и снижением в 1990 г. Крупные капиталовложения, которые направлялись на мелиорацию и обводнение сельхозугодий, зачастую не окупались. Низкой оставалась продуктивность поливных земель. Так, в 1986 г. было получено 12 ц кормовых единиц с одного гектара, что являлось значительно ниже запланированных показателей [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 64. Д. 6. Л. 122].

Одна из причин невысокой продуктивности посевных культур заключалась в слабой эффективности работы по улучшению качества земель. Средняя урожайность одной кормоединицы с 1 га посевных, площадей за 4 года (1987–1990 гг.) составила в среднем за год 11,3 ц вместо 16,2 ц возможного урожая. В результате хозяйства Горного Алтая не могли самостоятельно решать проблему с кормами, и вынуждены были обращаться к хозяйствам сопредельных районов Алтайского края [Память народа 1993: 540; Горький урок зимовки 1988: 1]. Например, во время неблагоприятной зимы 1987–1988 г. из степных районов Алтайского края к второй декаде января хозяйствам Горного Алтая было поставлено: 7210 т сена, или всего 36 % объема грубых кормов, предусмотренным заданием, а фактические поставки сена и комбикормов составили в указанные годы мизерную долю от плановых заданий: 70 т соломы, или 0,5 % от предусмотренного планом объема поставок, и 103 т гранулированных комбикормов – 4 % от всего объема, предусмотренного заданием [Память народа 1993: 540; Горький урок зимовки 1988: 1]. Недостаточно высокая урожайность отрицательно сказывалась на обеспечении хозяйств кормами, что являлось хронической проблемой аграрной отрасли Горно-Алтайской автономной области.

В годы двенадцатой пятилетки развивались овощеводство, картофелеводство и хмелеводство. Вместе с тем, объемы заготовок

по картофелю и овощам отличались нестабильной динамикой, чередуясь спадами и подъемами. Задания для колхозов по закупке картофеля и овощей носили второстепенный характер, поскольку основной продукцией для сдачи по госзаготовкам оставались мясо, молоко, шерсть и пух. С 1988 г. объемы госзакупок картофеля и овощей стали резко снижаться [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 530. Л. 30–31; Д. 531. Л. 30–31; Д. 532. Л. 36–37; Д. 534. Л. 35–36; Оп. 16. Д. 17896. Л. 38–39; Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1057. Л. 91].

Главной отраслью сельского хозяйства Горного Алтая оставалось животноводство. В 1986–1990 гг. количество поголовья скота достигает самых высоких показателей (см. табл. 7).

Таблица 7
Количество скота по основным видам в хозяйствах всех категорий Горно-Алтайской автономной области в 1985–1991 гг., гол. (на конец года)

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
КРС	181785	190350	131152	188663	189083	185636	182922
В том числе ко- ровы	75179	74394	74233	73660	74187	74348	74811
Овцы	960965	968108	968441	963999	966500	936337	913317
Козы	217387	220247	214901	214566	217903	220061	218840
Лошади	63154	68883	71785	69510	73672	77470	78855
Свиньи	18931	19349	19044	19109	19686	18380	20363
В том числе у населения							
КРС	52201	54811	56585	57656	60176	59620	66563
В том числе ко- ровы	24634	24746	26286	26576	27612	29248	31598
Овцы	77183	81773	87893	95066	104883	109867	131994
Козы	78568	86658	87768	90119	92767	97829	107743
Лошади	7711	8038	8005	8878	10643	10183	12751
Свиньи	18121	18146	18005	18199	18566	17646	19743

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 52. Л. 5–6, 11–12, 17–18, 23–24, 29–30, 32, 35–36, 41–42, 47–48, 53–54, 59–60, 65–66, 71–72; Народное хозяйство 1992: 35, 36, 43, 44, 45, 46, 47.

Как и в предшествующие периоды, в структуре животноводства сельского хозяйства области ведущая роль отводилась овцеводству и

козоводству. В целом динамика поголовья скота во второй половине 1980-х гг. отмечена ростом по всем видам скота с некоторым уменьшением в 1990 году. В хозяйствах региона умножили поголовье конематок, на товарных фермах улучшили работы по ведению коневодства. В результате принятых мер увеличилась численность лошадей.

Одна из важнейших задач сельского хозяйства Горного Алтая, которая требовала своего решения, заключалась в наращивании объема производства животноводческой продукции (мяса, молока, шерсти и пантовой продукции). Основное внимание традиционно уделялось производству продукции животноводства (см. табл. 8). Показатели заготовок имели положительную динамику в сравнении предыдущим пятилетием.

Таблица 8

Среднегодовые показатели производства животноводческой продукции

	Ед. изм.	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.
Скот и птица в живом весе	тыс. тонн	26729	33716
Молоко	тонн	41679	45101
Шерсть	тонн	14664 (в чистом волокне)	16441 (в чистом волокне)
Козий пух	центнеров	1306	1456
Панты маралов	кг	15078	15504
Панты пятнистых оленей	кг	1097	1307

Источник: Горно-Алтайской автономной 1982: 42–44; Народное хозяйство 1992: 29–31, 33.

Итак, в 1986–1990 гг. производство животноводческой продукции в хозяйствах Горного Алтая стабильно заметно увеличилось в сравнении с прошлой пятилеткой.

Росли и качественные показатели животноводства. В рассматриваемый период среднегодовой выход валовой продукции сельского хозяйства увеличился на 12 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 3. Л. 30].

Таблица 9

Государственные закупки продукции животноводства в хозяйствах всех категорий

	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
Скота, живым весом, т	29777	32919	34761	35730	35395	27565
Молоко, т	45399	45585	47693	44321	42504	42955
Шерсть овец (в чистом волокне), ц	14313	14640	14805	16150	15061	13641
Козий пух (в чистом волокне), ц	1423	1414	1358	1505	1581	1302
Панты маралов, кг	15552	17066,5	17176	13846	13882	2730,5
Панты пятнистых оленей, кг	1096	1100	1358	1458	1395	871,9
Мед, ц	1209	1318	460,6	364	30	329

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 530. Л. 27–32; Д. 531. Л. 27–30; Д. 532. Л. 28–32; Д. 534. Л. 28–32; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1789 б. Л. 31–35; Госархив РА. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 1057. Л. 91.

В 1986–1990 гг. хозяйства региона вели стабильную работу по закупкам продукции животноводства. Успешно сдавали государству скот, а также шерсть и пух овец и коз. В молочном производстве имело место некоторое уменьшение производства – в 1989 и в 1990 гг. В течение второй половины 1980-х гг. росли объемы закупок других основных видов животноводческой продукции: скота, шерсти овец, козьего пуха. В 1990 и 1991 гг. наблюдается сокращение объемов закупок. Ощутимо сократилось производство меда.

Особую тревогу у руководства региона вызывало повсеместное снижение численности маточного поголовья, которое сопровождалось снижением продуктивности скота и вело к истощению базы производства продукции животноводства. Так, к декабрю 1990 г. поголовье молочных коров уменьшилось по сравнению с началом пятилетки на 2345 гол., овцекозomatок – на 38881 гол. [Память народа 1993: 537; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 3. Л. 30].

К концу 1980-х гг. проблема повышения продуктивности животноводства неоднократно рассматривалась областными

властями. Немало скота сдавалось с недостаточной весовой кондицией. Так, в 1990 г. доля КРС тощей и средней упитанности составила 12 % от всех сданных голов КРС. При этом удельный вес КРС высшей упитанности в общем объеме закупок достигал 53 %, что являлось ниже, чем в 1988 и в 1989 гг., а овец – 39 %. Низкой оставалась продуктивность коров молочного стада – 1981 кг, это на 12 кг больше, чем в 1989 г. [Оглянемся назад 1991: 3].

Сдерживал развитие животноводства и падеж скота (см. табл. 10).

Таблица 10

Падеж КРС, овец и коз всех возрастов в колхозах, совхозах, госхозах, тыс. гол.

	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.
КРС	57,5	34,2
Овцы и козы	820,2	494,4

Источник: Народное хозяйство 1992: 50–51.

Несмотря на заметное снижение в сравнении с предыдущим пятилетием, падеж скота в хозяйствах области продолжал оставаться высоким.

Сохраняющиеся проблемы в сельском хозяйстве сдерживали развитие отрасли. В 1991 г. хозяйства Горного Алтая не справились с обязательствами по продаже государству сельхозпродукции. Так, план закупа скота в живом весе был выполнен лишь на 90 %, молока на 77 %, меда на 34 %. Успешно справлялись хозяйства области с поставками шерсти и козьего пуха, плановые задания по указанным видам животноводческой продукции были выполнены на 109 и 114 % соответственно [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1789 б. Л. 31–35, 38–39].

Личные подсобные хозяйства. В аграрной политике государства ЛПХ придавалось важное значение в решении продовольственной проблемы. Об этом говорилось в новой редакции программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, где в частности отмечалось, что «... для пополнения продовольственных ресурсов будут использованы подсобные хозяйства предприятий и граждан, коллективное садоводство и огородничество». Большое значение для развития ЛПХ населения имели постановления ЦК КПСС и Советов Министров СССР «О дополнительных мерах по развитию

личных подсобных хозяйств граждан коллективного садоводства и огородничества» (1987 г.). Решение руководства страны было направлено на стимулирование производства сельскохозяйственной продукции в личном секторе.

В постановлении III пленума Горно-Алтайского обкома КПСС от 2 августа 1986 г. отмечалось: «В соответствии с пятилетним планом не менее 7,3 тыс. тонн мяса и 1,5 тыс. тонн молока необходимо ежегодно закупать в личных подсобных хозяйствах населения. Без привлечения этих ресурсов мы не сможем решить проблему снабжения жителей области продуктами питания» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 64. Д. 6. Л. 120]. Далее в постановлении отмечалось, что личные хозяйства имели большие возможности для увеличения производства сельхозпродукции, и их нужно рассматривать как дополнительную отрасль колхоза, совхоза. Например, на начало 1988 г. на 100 сельских подворий региона приходилось 120 КРС, в том числе 56 коров, 389 овец и коз, 18 лошадей и 39 свиней [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 64. Д. 6. Л. 120; Оп. 70. Д. 10. Л. 27]. В хозяйствах населения ведущее место в структуре поголовья скота занимал КРС. В рассматриваемый период, стабильно росла численность коров. Некоторое уменьшения численности всех видов животных, кроме коров, имело место в 1991 г.

К середине 1980-х гг. личные подсобные хозяйства стали важным сегментом сельского хозяйства региона. Колхозы и совхозы план продажи мяса государству за 1986 г. нередко выполняли за счет скота из личных подворий. За этот год в счет выполнения плана было закуплено у населения 6415 т скота, в том числе сверхпланового – 4231 т. В 1986 году 39 колхозов и совхозов области закупили скота и птицы на 2526 т больше, чем планировалось в производственно-финансовых планах хозяйств. Так, в 1986 г. передовым по поставке скота государству стал Улаганский район, хозяйства которого выполнили план на 108,3 %. При этом в районе отмечались самые низкие по районам области показатели делового выхода молодняка скота в расчете на 100 маток: по телятам – 70, ягнятам и козлятам – 58. В этом году в хозяйствах района был высокий уровень падежа скота по области, не дали приплода 30 % коров и овцематок и 22 % конематок. В таких не совсем благоприятных для животноводства района условиях перевыполнение сдачи государству скота и птицы удалось достигнуть благодаря сверхплановому за купу скота у

населения (555,9 т). Без поставок хозяйств населения район мог выполнить план продажи скота государству лишь на 73,5 %. Удельный вес мяса индивидуального сектора составил 36,5 % от фактической сдачи скота районом [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 7. Д. 84. Л. 47–48].

В 1988 г. ЛПХ Горного Алтая занимали важное место в структуре поставок государству животноводческой продукции. В общем объеме поставок удельный вес продукции ЛПХ составил: по мясу – 39 %, молоку – 48 %, шерсти – 53 % всего объема животноводческой продукции, сданной по всем категориям хозяйств.

Партийные органы обращали внимание на невысокую обеспеченность скотом личных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Так, на пленуме Горно-Алтайского обкома КПСС от 19 августа 1989 г. отмечалось, что руководители целого ряда колхозов и совхозов не оказывают помощь ЛПХ: «не выделяют населению в достаточном количестве корма, транспортные средства, пастбищные угодья, мало продают молодняка. Райисполкомам надо навести в этом деле надлежащий порядок» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 1. Л. 109].

Во второй половине 1980-х гг. ЛПХ являлись важным сегментом сельского хозяйства региона. В указанные годы хозяйства населения каждый год продавали государству от общего объема в среднем 10,1 % шерсти в чистом волокне, в том числе козьего пуха – 46,8 %. В 1991 г. 89,4 % всего объема проданного меда государству приходилось на ЛПХ. С 1986 по 1991 гг. ЛПХ занимали заметное место и в поставках государству картофеля [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 17896. Л. 35].

Хозрасчетные отношения. Для разрешения продовольственной проблемы, руководство страны предпринимало меры для усиления материальной заинтересованности колхозников в производстве продукции сельского хозяйства. Важным направлением аграрной реформы стал объявленный на XXVII съезде КПСС переход к экономическим методам хозяйствования – как в городе, так и в сельской местности. Цель реформы заключалась в том, чтобы сформировать систему материального стимулирования на селе, усилить снабжение городов продуктами питания. Предлагалось внедрение разных форм хозяйствования: хозрасчета, арендного подряда, самофинансирования. С 1 января 1988 г. по всей

стране все сельскохозяйственные предприятия переводились на хозрасчет и самофинансирование.

В Горном Алтае наибольшее применение среди других форм хозрасчета получили коллективный подряд, аренда. В большей степени хозрасчетные отношения затронули животноводческую отрасль аграрного сектора. В животноводстве коллективным подрядом было охвачено 73 % производственных коллективов, в растениеводстве – около 50 %. К началу 1987 г. на коллективный подряд были полностью переведены коллективы, занятые в мараловодстве, оленеводстве и пчеловодстве [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 58. Л. 10–11; Д. 1. Л. 13].

Для максимальной интенсификации сельскохозяйственного производства, с 1988 г. начинается активная разработка арендных отношений. К середине 1989 г. в Горном Алтае функционировали 955 арендных коллективов в животноводстве, за которыми было закреплено 42,8 % поголовья овец и коз, 38 % – КРС, 6 % – лошадей, 4 % маралов и оленей. В растениеводстве арендные отношения осваивали 104 бригады, которые обрабатывали 29 тыс. га пашни (20 % от имеющейся площади).

Несмотря на отдельные успехи, хозрасчетные отношения не принесли ожидаемого результата. Перевод хозяйств на хозрасчет осуществлялся формально, проводился административными методами. Сами работники сельского хозяйства, в том числе и руководители, рассматривали перевод хозяйств на хозрасчет как очередную кампанию. Изменялась только форма финансирования, а перестройка организации производства при наличии тотальной централизации не происходило. Оставались старые подходы к новым формам оплаты труда, принцип уравниловки, господствовавший тогда, не давал стимулов трудиться лучше, встречали неприятие у руководства.

Основными причинами слабого эффекта от внедрения хозрасчетных отношений являлись: слабый уровень механизации сельскохозяйственного производства в регионе, особенно животноводства, нерешенная проблема с обеспечением хозяйств кормами, отсутствие необходимой правовой базы. Так, первый секретарь обкома КПСС В.И. Чаптынов, выступая с докладом на областной партийной конференции 24 ноября 1990 г., отметил: «По нашим данным около 80 процентов арендаторов не удовлетворены своей работой. И здесь прежде всего сказывается

неудовлетворительное обустройство, финансовое, материально-техническое и правовое обеспечение крестьянства, жесткое планирование госзаказа на продовольственную продукцию, отсутствие целевого паритета, а также реализации законов о земле, собственности, аренде и кооперации ...» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 3. Л. 32].

В 1985–1991 гг. сельскохозяйственный сектор Горного Алтая продолжал развиваться в соответствии с общей линией аграрной политики партии, провозглашавшей ранее своей главной задачей решение продовольственной проблемы в стране.

Колхозы и совхозы с помощью государства укреплялись организационно и хозяйственно, возрастала их материально-техническая база. Вместе с тем, эффективность мер по техническому переоснащению снижалась из-за большого количества неисправной техники и слабых возможностей ремонтной базы. Невысоким оставался уровень механизации в животноводстве. Сельское хозяйство продолжало развиваться экстенсивным путем за счет вовлечения в хозяйственное использование новых ресурсов. При этом продуктивность растениеводства и животноводства существенно не повышалась. Во второй половине 1980-х гг. произошел рост объемов заготовок животноводства. Однако в растениеводстве задача ускоренного роста заготовок овощей для решения продовольственной проблемы решена не была. Планы выполнения заданий заготовкам хозяйства зачастую выполняли путем приема продукции личных приусадебных хозяйств. За счет ресурсов подворий частного сектора руководители хозяйств имели возможность выполнять плановые задания, даже в неблагоприятных для хозяйств условиях. Хозяйства населения являлись основными производителями картофеля, так же они существенное место занимали в поставке животноводческой продукции. Приусадебное хозяйство носило натуральный характер, его резервы во многом носили ограниченный характер.

Попытки повысить показатели производства путем внедрения хозрасчетных отношений и материальной заинтересованности работника в результатах своего труда имели невысокие результаты, что в целом соответствовало общей картине по стране. В условиях административно-плановой системы хозяйствования эти новации, несмотря на высокий первоначальный эффект, не получили развития.

7.1.3. Социальное развитие: основные тенденции и особенности

На начальном этапе перестройки, в течение 1985–1988 гг. ЦК КПСС принял ряд постановлений, которые были посвящены решению наиболее злободневных проблем социальной сферы, а именно: улучшению социально-бытовых условий трудящихся, увеличению сети оказания услуг населению, созданию условий для расширенного индивидуального жилищного строительства, развитию социальной сферы в сельской местности и т.д.

Сложные природно-географические условия, а именно – преобладание горного рельефа местности и лесного ландшафта, низкая плотность населения и географическая отдаленность ряда сел от райцентров, большое количество мелких населенных пунктов, транспортная труднодоступность значительной части территории – ограничивали возможности населения в доступе к услугам здравоохранения, службы быта, связи, транспорта и пр.

Государство оказывало значительную материально-финансовую поддержку развитию социальной сферы Горного Алтая. За 1986–1990 гг. в народное хозяйство региона было вложено свыше 542,0 млн. руб., из них в объекты непромышленного назначения – около 212,4 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 402. Л. 57] или 39,2 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Капитальные вложения по объектам непромышленного назначения по всем источникам финансирования (в ценах 1984 г.), тыс. руб.

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Всего по объектам непромышленного назначения	28232	36281	38517	44987	48167	44687
в том числе:						
жилищное строительство	20490	26046	25519	30412	30921	28652
коммунальное строительство	3428	3186	4508	5271	3549	4715

учреждения здравоохранения, физкультуры и соцобеспечения	429	682	280	1033	1812	494
учреждения народного образования	2799	4293	6019	4332	6505	5130

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 402. Л. 57, 58.

Большая часть материально-финансовых средств, предназначенных для социально-культурной сферы, в годы XII пятилетки направлялась на жилищное строительство – на него выделялось в указанный период от 64 до 73 % всего объема капиталовложений. В 1991 году, в условиях начавшейся инфляции, и повышения индекса цен, капиталовложения составили 217,5 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 403. Л. 28об.], из них в непроизводственную сферу – 67,3 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 403. Л. 36], или 30,9 % общего объема освоенных капиталовложений.

Основным источником финансирования строительства и реконструкции объектов продолжали оставаться бюджетные средства – государственные капиталовложения. За 1985–1991 гг. их доля в общем объеме финансирования непроизводственной сферы составляла в разные годы от 74 до 86 %. В наибольшей степени патерналистская роль государства проявилась в финансировании коммунального строительства, которое полностью обеспечивалось за счет государственных капиталовложений. Значительный вклад в финансирование вносили колхозы, доля средств которых среди других источников капиталовложений в указанный период колебалась от 10 до 14 %. К началу 1990-х гг. заметную роль в финансировании объектов соцкультбыта и сферы культуры стали играть кооперативы и общественные организации – за 1985–1990 гг. доля их средств в общем объеме капиталовложений возросла с 1,5 до 9,75 % [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 402. Л. 57].

Денежные доходы являлись одним из наиболее важных компонентов уровня жизни населения (см. табл. 2). К середине 1980-х гг. в Горном Алтае уровень народного благосостояния был значительно ниже, чем в среднем по РСФСР и по Алтайскому краю. Сохранялись и социально-классовые различия в оплате труда.

Таблица 2

Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве и оплата труда колхозников в Горном Алтае, руб.

		1985 г.	1990 г.	1991 г.*
Заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве	РСФСР	201,4	296,8	552,0
	Алтайский край	203,1	286,3	517,8
	Горный Алтай	176,3	250,4	458,1
Оплата труда колхозников	РСФСР	166	265	425
	Алтайский край	195	320	502
	Горный Алтай	148	225	421

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 19, 20.

* С июля 1991 г. – Горно-Алтайская АССР.

Уровень заработной платы рабочих и служащих, и оплаты труда колхозников в Горном Алтае оставался ниже среднероссийских показателей и показателей по Алтайскому краю. Если брать показатель заработной платы рабочих и служащих, и оплаты труда колхозников в РСФСР за 1985–1990 гг. за 100 %, то уровень зарплаты в области составлял: 87,4–84,4 % – по зарплате у рабочих и служащих, и 89,2–84,9 % – по оплате труда колхозников. Между тем, как свидетельствуют приведенные цифры, разрыв между уровнями оплаты труда в среднем по РСФСР и в Горно-Алтайской автономной области сокращался. Необходимо сказать, что в указанный период уровень оплаты труда в Горном Алтае был самым низким среди всех краев, областей и автономий Сибири.

В Горном Алтае в 1985–1990 гг. динамика среднемесячной заработной платы рабочих и служащих, и оплаты труда колхозников в целом, соответствовала динамике оплаты труда в стране. Повышение оплаты труда колхозников происходило более высокими темпами чем у рабочих и служащих, что соответствовало общегосударственной тенденции. В результате только за 1991 год уровень оплаты труда колхозников почти достиг среднероссийского показателя.

Вместе с тем, уровень оплаты труда в колхозах Горного Алтая оставался ниже, чем уровень заработной платы рабочих и служащих. Оплата труда колхозников в 1986–1990 гг. равнялась,

соответственно, 83,9 и 90,0 % заработной платы рабочих и служащих, а в 1991 г. она поднялась до 91,9 %. Необходимо учитывать, что условия труда и быта в сельской местности были тяжелее, чем в городе. Значительное место в доходах колхозников занимало личное приусадебное хозяйство, поэтому фактически доходы колхозников на единицу труда составляли еще более малую часть. Вместе с тем, разрыв между уровнем заработной платы рабочих и служащих, и оплатой труда колхозников с каждым годом сокращался.

Сбережения граждан росли – за 1985–1991 гг. число вкладов увеличилось с 87,4 тыс. до 142 тыс. Увеличение числа вкладов превышало среднероссийские темпы – если по РСФСР число вкладов увеличилось в 1,4 раза, то в Горном Алтае – в 1,6 раза. Средний размер вклада на душу населения в 1985–1990 гг. вырос с 945 тыс. руб. до 1345 тыс. руб., и являлся самым большим среди всех регионов Сибири [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 22, 23]. Рост вкладов населения может свидетельствовать о низком уровне товарного обеспечения в Горном Алтае.

При устойчивом повышении номинальных денежных доходов, реальные доходы из-за повышения индекса цен на товары снижались. В Горно-Алтайской автономной области, как и в Алтайском крае, шло постепенное снижение реальных доходов населения. Так, в Улаганском районе реальные доходы населения за 1988–1991 гг. упали на 34,3 % [Социальная история 2011: 165].

Жилищная проблема представляла собой одну из наиболее сложных социальных задач, стоявших перед государством. Наибольший объем средств направлялся на жилищное строительство, его доля в общем объеме капиталовложений составила за 1986–1991 гг. более 70 % (см. табл. 3).

Всего в годы XII пятилетки (1986–1990 гг.) было введено в действие 7886 квартир [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 402. Л. 54].

Таблица 3

Показатели ввода в действие жилья (по источникам финансирования), кв. м

Введено в строй	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Общей (полезной) площади, кв. м	85936	100847	97657	111502	102745	93943
в том числе за счет:						

государственных капитальных вложений	60158	69080	66245	69009	62627	52802
капитальных вложений колхозов и межколхозных организаций	9902	11561	8808	12917	13065	10158
средств населения	14166	16012	16510	21529	22607	24164
другие (средств жилищно-строительных кооперативов, капитальных вложений потребкооперации, общественных организаций, сверхлимитные, беспланового строительства, арендных предприятий)	1710	4194	6094	8047	4446	6819
Из всей общей площади, в т.ч. построено в сельской местности, кв. м	65161	76155	74198	78798	76054	78512
Количество построенных квартир, ед.	1404	1647	1565	1775	1476	1423
в том числе за счет:						
государственных капитальных вложений	966	1146	1075	1116	884	815
капитальных вложений колхозов и межколхозных организаций	168	184	130	183	181	145
средств населения	229	230	254	327	329	354

других (средств жилищно-строительных кооперативов, капитальных вложений потребкооперации, общественных организаций, сверхлимитные, беспланового строительства, арендных предприятий)	31	87	49	149	37	109
--	----	----	----	-----	----	-----

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 402. Л. 54; Д. 403. Л. 86.

Развитие жилищного строительства в Горном Алтае «перестроечное» время отмечено положительной динамикой до 1988 г., и начавшимся в следующем году спадом. В 1991 г. объем введенной в строй общей площади резко уменьшился до уровня 1983–1984 гг. Но несмотря на снижение темпов строительства, общая площадь жилого фонда за 1985–1991 гг. (на конец года) увеличилась с 1,9 млн. кв. м до 2,6 млн. кв. м [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 402. Л. 55; Д. 1789а. Л. 45]. Появились новые благоустроенные микрорайоны: «Жилмассив», «Мебельная фабрика», «Автовокзал», «Ткацкая фабрика» и другие.

Претерпели изменения источники финансирования жилищного строительства. Доля жилого фонда, введенного в строй за счет средств государственных капиталовложений за 1986–1991 гг. снизилась с 68,5 % до 56,0 %. Одновременно возрастали масштабы и доля индивидуального жилья благодаря росту денежных доходов населения – в указанный период его удельный вес вырос с 15,9 % до 29,1 %. При этом в сельской местности строительство жилья населением шло опережающими темпами – его доля в указанный период расширилась с 14,9 % до 33,6 %. Указанные показатели были значительно ниже среднего уровня по Сибири. Уровень обеспеченности жильем в Горном Алтае в сельской местности оставался самым низким среди других регионов Сибири в течение 1985–1991 гг.

К середине 1980-х гг. строительство в сельской местности в Сибири, в том числе и в национальных районах, выполнялось по типовым проектам [Крестьянство Сибири 1991: 263]. В Горном Алтае строительство проводили два строительных треста и подрядные строительные организации. В 1991 году числились 2 треста, 27 подрядных строительных государственных организаций, а также 5 строительных кооперативов [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 403. Л. 78].

В Горно-Алтайске и в райцентрах, как и в предыдущий период, осуществлялось строительство крупнопанельных и крупноблочных домов [Ложкина 2011: 39]. В 1991 г. большая часть средств направлялась на возведение кирпичных и панельных домов, домов из железобетона [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 403. Л. 39].

Сельское строительство велось стабильно и относительно высокими темпами. За 1985–1990 гг. общая площадь жилых домов, введенных в действие, увеличилась с 64,7 тыс. кв. м до 79,0 тыс. кв. м. Важную роль в расширении сельского жилищного строительства сыграло постановление Совета Министров СССР «О программе социального развития села» от 5 апреля 1989 г., которое предусматривало предоставление помощи населению в виде кредитов, оказание материальной поддержки со стороны колхозов и совхозов [О программе: эл. ресурс]. В результате объемы индивидуального строительства в сельской местности заметно увеличились, благодаря росту денежных доходов населения, представления ему государственных кредитов, оказанию помощи со стороны колхозов и совхозов. За 1985–1991 гг. площадь вводимого жилья в сельской местности, построенного за счет средств населения, расширилась с 8,8 тыс. кв. м до 21,3 тыс. кв. м [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 403. Л. 87].

В результате по обеспеченности жилой площадью жители сел почти сравнялись с горожанами – в 1991 г. на 1 чел. в селе и в Горно-Алтайске приходилось, соответственно – 13,0 кв. м и 13,7 кв. м [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 46].

Благодаря стабильному вводу в действие новых квартир, постепенно обеспечивались жильем граждане, нуждавшиеся в улучшении жилищных условий (см. табл. 4).

Таблица 4

Число семей, улучшивших свои жилищные условия

	1990 г.		1991 г.	
	Всего семей	в т.ч. городская местность	Всего семей	в т.ч. городская местность
Число семей, получивших жилую площадь и улучшивших жилищные условия	413	362	619	297
Из них:				
инвалидов ВОВ, погибших военнослужащих и приравненных к ним	6	6	13	7
участников ВОВ	8	7	7	2
военнослужащих, воевавших в Афганистане	7	7	4	2
военнослужащих, уволенных в запас в отставку	2	1	-	-
многодетными семьями	20	18	79	11
молодыми семьями	23	13	65	16

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 964а. Л. 1, 1об., 6, 6об.

В 1991 г. количество семей, получивших жилье, выросло по сравнению с предыдущим годом. Жилье активно выделялось очередникам в сельской местности. Всего же в 1990 и в 1991 гг. было распределено очередникам жилой площади количеством 11,2 тыс. кв. м и 25,2 тыс. кв. м, из них в домах-новостройках – 9,6 тыс. кв. м и 18,5 тыс. кв. м соответственно [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 964а. Л. 1, 1об., 6, 6об.]. В 1991 г. получили новые квартиры 619 семей или 12 % всех находящихся в очереди на жилье [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 50]. В этом году среднее количество жилой площади, полученное льготниками-очередниками, составило: по инвалидам ВОВ и семьям погибших военнослужащих – 23,1 кв. м на семью, по участникам ВОВ – 28,6 кв. м, военнослужащих, воевавших в Афганистане – 50,0 кв. м,

многодетным семьям – 41,8 кв. м, молодым семьям – 38,5 кв. м [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 964а. Л. 6, 6об.].

Несмотря на ввод в действие новых квартир и домов, обеспеченность населения жильем оставалась низкой. В 1985 г. Горный Алтай занимала последнее место среди других областей, краев и республик Сибири по уровню обеспеченности жильем на душу населения. В 1991 г. область вышла по обеспеченности жильем на предпоследнее место среди регионов Сибири. Так, если в целом по РСФСР всю площадь, приходившуюся на 1 жителя в 1985 и в 1990 гг. принять за 100 %, то в Горном Алтае она равнялась 66 % и 80 % соответственно [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 1789а. Л. 45], отставание от среднероссийского уровня продолжало оставаться значительным ввиду долгостроя и продолжительных сроков строительства жилья. Коммунальные квартиры, рабочие общежития и бараки не решали жилищной проблемы населения [Социальное развитие 2011: 155]. В Горном Алтае к февралю 1991 года в очереди на получение жилья состояли 6479 семей, из них 233 семьи проживали в коммунальных квартирах, 826 – в общежитиях, 84 – в ветхом и аварийном жилье. Срок получения квартиры для очередников оставался длительным, к 1991 г. 841 семья состояла на учете на получение жилья 10 и более лет [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 964а. Л. 22].

Итак, объем капиталовложений, которые направлялись на жилищное строительство в области, постоянно увеличивался, однако в 1990–1991 гг. стал снижаться. Основной вклад в финансирование жилищного строительства внесло государство. В течение всего указанного периода аналогично нарастало строительство квартир и домов, введенных в строй за счет средств населения.

Объемы жилищного строительства в период 1985–1991 гг. соответствовали динамике капиталовложений – рост площадей построенного жилья продолжался до 1989 г., и сменился спадом в 1990–1991 гг. Уровень обеспеченности жилья оставался одним из самых низких в Сибири, однако с течением времени он выравнивался. К 1991 г. он почти сравнялся между сельским и городским населением.

В сложных природных условиях Горного Алтая население особенно нуждалось в обеспечении центральным отоплением, канализацией, водопроводом. В сельской местности в 1985–1991 гг. уровень благоустройства жилья оставался значительно ниже, чем в среднем по Алтайскому краю и по РСФСР (см. табл. 5).

Таблица 5

Оснащенность жилищной площади в сельской местности коммунальными удобствами (на конец года), %

		1985 г.	1990 г.	1991 г.
Водопровод	РСФСР	39	49	50
	Алтайский край	33	50	56
	Горный Алтай	8	15	15
Канализация	РСФСР	22	36	38
	Алтайский край	16	26	32
	Горный Алтай	8	11	13
Центральное отопление	РСФСР	32	37	38
	Алтайский край	16	22	31
	Горный Алтай	9	13	25
Горячее водоснабжение	РСФСР	13	19	19
	Алтайский край	2	3	3
	Горный Алтай	0,4	2	2
Ванна	РСФСР	24	32	33
	Алтайский край	11	19	23
	Горный Алтай	5	9	10
Газ	РСФСР	73	78	78
	Алтайский край	73	77	81
	Горный Алтай	29	47	47

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 57-63.

В Горном Алтае уровень благоустройства в сельской местности был намного ниже по сравнению с сельской местностью РСФСР и Алтайского края: по уровню обеспеченности водопроводом – в 4,9 и в 4,1 раза соответственно; канализацией – в 2,8 и в 2 раза; центральным отоплением – в 3,6 и в 1,8 раза; горячим водоснабжением – в 32,5 и в 5 раз; ваннами – в 4,8 и в 2,2 раза соответственно, и ниже уровня обеспеченности газом – в 2,5 раза ниже, чем в РСФСР и в Алтайском крае.

Руководство автономной области инициировало обращения в Совмин СССР и в Совмин РСФСР о необходимости усиления материально-финансовой помощи региону. Правительство СССР 10 января 1986 г. принимает постановление № 47, направленное на

дальнейшее социально-экономическое развитие Горно-Алтайской автономной области, а два месяца спустя аналогичное постановление принимает Совмин РСФСР [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 64. Д. 8. Л. 46]. В соответствии с принятыми постановлениями в Горном Алтае расширяются масштабы коммунального строительства. Больше внимания стало уделяться благоустройству жилья. В результате разрыв в показателях уровня коммунального обслуживания сельского населения между РСФСР и Алтайским краем, с одной стороны, и Горным Алтаем с другой, стал постепенно сокращаться. Однако, в отдаленных районах обеспеченность коммунальными услугами оставалась еще ниже среднеобластного показателя.

Ситуация с обеспеченностью в Горном Алтае населения жильем и коммунальными услугами являлась характерной для национальных автономий Сибири. Сельские районы не располагали соответствующими стартовыми материально-техническими возможностями и квалифицированными кадрами [Крестьянство Сибири 1991: 417].

Уровень обеспеченности телефонной связью также отставал от среднероссийских показателей, но подобная ситуация являлась характерной в целом для Сибири. За 1985–1991 гг. на 100 семей и одиночек приходилось: в городе и рабочих поселках – 24,5–37,7 телефонных аппаратов, в сельской местности – 7,8–15,5 телефонных аппаратов. Радиовещанием и телевизионным вещанием была обеспечена подавляющая часть населения. Вместе с тем, в отличие от других регионов Сибири, в Горном Алтае оставались села, где транслировался лишь один Первый канал телевидения. Около 10 % населения не имели возможности смотреть другие каналы, в частности – Вторую программу телевидения [Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 149, 150, 151].

В отличие от соседней Хакасии, в Горном Алтае еще не было своего теле-трансляционного центра, и местное телевидение появилось лишь в конце декабря 1991 года. Между тем стояла необходимость телетрансляции передач не только для русского, но и для алтайского населения.

В условиях роста доходов населения возрастала покупательная способность населения, увеличивался объем товарооборота.

Таблица 6

Продажа продовольственных и непродовольственных товаров в государственной и кооперативной торговле в расчете на душу населения, руб.

	Продовольственных			Непродовольственных		
	1985 г.	1990 г.	1991 г.	1985 г.	1990 г.	1991 г.
РСФСР	663	824	1505	595	920	1647
Алтайский край	575	735	1901	561	783	1237
Горный Алтай	482	487	1406	656	1038	1269

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 29, 30.

В период 1985–1991 гг. в Горном Алтае происходил рост продажи продовольственных и непродовольственных товаров, однако в области имели место высокие показатели товарооборота непродовольственных товаров и низкие показатели – продовольственных (см. табл. 6), что соответствовало общероссийским тенденциям. В Горном Алтае как в регионе с сельскохозяйственным характером производства большая часть расходов населения приходилась на непродовольственные товары: в 1985 г. доля расходов на них составила 57,7 %, а в 1991 г. – увеличилась до 60,0 % [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 28]. Такие же особенности в структуре продаж наблюдались и в другом аграрном регионе Сибири – Тувинской АССР.

Многие продовольственные товары поступали в сельские магазины в ограниченном количестве, и были малодоступны значительной части сельского населения [Крестьянство 1991: 253]. На общий объем товарооборота потребительской кооперации в сельской местности в Горном Алтае значительно влияли надбавки к единым государственным розничным ценам с учетом транспортных расходов. Размер надбавок был дифференцирован, и зависел от расстояния до железнодорожной станции. При этом, большая часть всего объема товарооборота потребительской кооперации приходилась на города, и рабочие поселки, районные центры [Крестьянство 1991: 255]. За счет своего ЛПХ сельчане, в большей степени, потребляли мясо, сало, молоко, яйца, картофель, овощи.

Заметно расширилась и торговая сеть: за 1985–1991 гг. в Горном Алтае количество объектов торговли увеличилось с 757 до 824, а число предприятий общепита – с 285 до 3144 [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 626д. Л. 13, 21].

С расширением торговой сети выросли и объемы товарооборота: за 1985–1990 гг. – с 214,6 млн. руб. до 302,4 млн. руб., в том числе по общественному питанию – с 12,9 млн. руб. до 18,7 млн. руб. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 527. Л. 54, 57об.; Д. 532. Л. 68].

Возрастал объем реализации бытовых услуг: за 1985–1991 гг. в расчете на одного жителя он увеличился с 26,18 до 66,08 руб., но это были самые низкие показатели среди регионов Сибири. Между тем разрыв в объемах бытового обслуживания между областным и республиканским и краевым уровнями сокращался. В 1985–1990 гг. душевой объем реализации бытовых услуг был ниже показателей по РСФСР в 1,8 и в 1,3 раза, а в сравнении с Алтайским краем – в 2,0 и в 1,3 раза соответственно [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 43].

Потребности населения по ряду товаров удовлетворялись все в меньшей степени. т.к. товары часто отсутствовали в свободной продаже. Список дефицита увеличивался, и к 1991 г. включал в себя уже почти все: от обуви до ниток [Крестьянство 1991: 415].

Здравоохранение области представляло собой устоявшуюся систему [Социальная история 2011: 168]. К концу 1990 г. в области действовали 19 поликлиник, 189 фельдшерско-акушерских пунктов, а также 11 женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторных учреждений. Было развернуто 204 больничных койки для беременных и рожениц – 140 в сельской местности и 64 – в городской [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 228. Л. 4]. В целом уровень обеспеченности койками снижался – в указанный период на 10 тыс. чел. населения число коек уменьшилось с 152,9 до 142,9 ед. Подобная динамика имела место как в целом по РСФСР, так и в Алтайском крае [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 96].

Медицинские учреждения стабильно пополнялись кадрами врачей и среднего медицинского персонала (см. табл. 7). Подготовка врачей велась, в основном, в Московском стоматологическом институте, в Алтайском государственном медицинском институте. Кадры среднего медицинского персонала готовились в Горно-Алтайском медицинском училище. Благодаря налаженной системе набора на учебу молодых людей по целевым направлениям в медицинских вузах страны, медицинские учреждения в сельской местности пополнялись специалистами.

Таблица 7

Количество медицинских работников в медицинских учреждениях Горного Алтая, 1990 г.

Районы	Врачи	Зубные врачи	Средний медицинский персонал
Майминский	44	2	166
Чойский	10	2	73
Турочакский	16	2	129
Шебалинский	44	5	198
Онгудайский	22	1	172
Улаганский	15	3	81
Кош-Агачский	22	2	128
Усть-Канский	20	-	122
Усть-Коксинский	23	3	156
Всего по сельской местности	216	20	1225
г. Горно-Алтайск	337	7	863
р. п. Веселая Сейка	3	1	15
р.п. Акташ	8	-	47
Итого по городу	348	20	925
Итого по области	564	28	2150

Источник: Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 15. Д. 228. Л. 3.

Развитие медицины в области соответствовало общероссийским тенденциям, однако уровень медицинского обслуживания отставал от Алтайского края. Так, с 1985 по 1991 гг. обеспеченность населения врачами в Горном Алтае снизилась с 39,4 до 32,7 чел. в расчете на 10 тыс. чел. населения, то в Алтайском крае – поднялась с 34,3 до 41,7 чел. По среднему медицинскому персоналу также наблюдался отток кадров – за период с 1985 по 1991 гг. число медсестер и медбратьев в Горном Алтае уменьшилось с 133,5 до 114,1 чел. на 10 тыс. населения, то в Алтайском крае – выросло с 104,5 до 116,2 чел. [Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 1792а. Л. 92, 94]. Проблема недостаточной укомплектованности медучреждений квалифицированными кадрами продолжала сохранять остроту и в конце 1980-х гг. Так, в достаточно благоприятно обустроенной и оснащенной областной больнице обеспеченность кадрами

составляла 76 % – по врачам от плановой штатной структуры и 79 % – по среднему медицинскому персоналу [Социальная история 2011: 169].

Социальное развитие Горного Алтая в 1985–1991 гг. в целом совпадало с ходом социального развития по стране. Капиталовложения в объекты социальной сферы расширялись, но с 1990 г. государство стало сокращать расходы на ее развитие. В конце 1988 года увеличивается доля средств населения при строительстве жилья. Росли доходы граждан, однако с конца 1980-х гг., из-за роста индекса цен, они фактически в реальном выражении снизились. Увеличение денежных доходов влияло на рост товарооборота, который в условиях аграрного региона отличался своей спецификой. Население тратило денежные средства, большей частью, на непродовольственные товары. Отличительной особенностью социальных процессов в регионе являлось сокращение коечного фонда в расчете на душу населения, наблюдался отток медицинских кадров.

7.2. Политические преобразования. Общественно-политическая ситуация

7.2.1. Областная организация КПСС в условиях политических реформ

С середины 1980-х гг. начинается новый этап в общественно-политической жизни страны. Приход к высшей государственной и партийной власти М.С. Горбачёва положил начало реформаторскому процессу, позже названном его инициатором перестройкой.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС приступила к осуществлению политической реформы в области государственного строительства. Принятие законов на двенадцатой внеочередной сессии Верховного Совета СССР (29 ноября – 1 декабря 1988 г.) «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР», «О выборах народных депутатов СССР», заложило основу политическим преобразованиям [Внеочередная 1988]. Процесс реформирования политической системы страны включал 4 этапа.

Первый этап – обновление структуры Советов, порядка формирования и деятельности высших органов власти и

избирательного процесса; второй этап – гармонизация отношений между СССР и входящими в его состав республиками. В этот период рассматривались вопросы статуса союзных, автономных республик, автономных областей и автономных округов, расширения их прав и возможностей в политической и культурной жизни; третий этап – укрепление роли местных Советов народных депутатов на своей территории. Этому послужило принятие Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве; четвертый этап – реформа судебно-правовой системы и создание правового государства, рассчитанная на более длительный срок [На демократической 1989: 3].

Официально предписанное направление политики практически реализовывалось через первичные партийные организации. В начале 1985 г. численность партийных организаций Западной Сибири достигала 902,7 тыс. чел., что составляло 4,8 % от общего количества членов КПСС, достигшего 18,7 млн. чел. [Котляров 2011: 12].

В Горном Алтае в 1985–1988 гг. наблюдается стабильный рост членов КПСС с 11433 до 11886 чел., несмотря на уменьшение количества первичных партийных организаций (с 448 до 438). Положительная динамика отражала позитивную реакцию общества на провозглашение партией задачи ускорения социально-экономического развития и перестройки. В последующие годы партийные ряды пошли на убыль и в 1991 г. составили 9945 членов в 411 первичных организациях [Эшматова 2021в: 63; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 14. Л. 1]. Одной из причин подобного явления стало усиление социального недовольства, т.к. по прошествии первых лет перестройки не произошло реальных сдвигов в социально-экономическом положении населения [Котляров 2011: 12].

Национальный состав коммунистов области был представлен 38 национальностями, из них доля русских составляла 52,6 % и алтайцев – 37,4 %. Состав членов областной организации был представлен разными поколениями (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав коммунистов Горного Алтая по партийному стажу, 1988 г., %

Всего коммунистов	до 3 лет	4–5 лет	6–10 лет	11–20 лет	21–49 лет	50 лет и более
11457	11,8	7,6	17,8	25,2	37,3	0,3

Источник: XXXV областная 1988: 13.

Прослеживалось «старение» возрастного состава членов партии, в 1988 г. наиболее значительную долю занимала группа 21–49 лет (37,3 %). Средний возраст коммунистов составлял в 1988 г. – 43 года, в 1989 г. – 45 лет, в 1991 г. – 46 лет [Эшматова 2021в: 64]. Областная партийная организация почти на 40 % состояла из лиц старше 50 лет [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 14. Л. 16]. Они вступили в партию в «сталинское» время и в годы «хрущевских» преобразований, а сложились как личности и профессионалы в условиях «брежневского» правления. Это не могло не повлиять на их взгляды и подходы в партийной жизни. Большая доля старших возрастов может косвенно свидетельствовать о консервативных взглядах в рядах коммунистов.

Серьезные изменения произошли в системе пополнения партийных рядов. Прием в члены КПСС ежегодно сокращался (см. табл. 2).

Таблица 2

Прием кандидатами в члены КПСС в Горном Алтае, чел.

1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	За первое полугодие 1991 г.
489	480	384	276	220	66	7

Источник: Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 58. Д. 87. Л. 1; Оп. 74. Д. 9. Л. 18; Оп. 76. Д. 14. Л. 13, 22.

Данные таблицы свидетельствуют о значительном сокращении приема в кандидаты КПСС в последние годы перестройки (1989–1991 гг.), что было характерно для подавляющего большинства партийных организаций в Горном Алтае. Снижалась роль комсомола в пополнении партийных рядов. Удельный вес членов ВЛКСМ в общем числе принятых в кандидаты членов партии составлял: в 1986 г. – 68,1 %, в 1987 г. – 68,2 %, за 9 месяцев 1988 г. – 48,1 %, в 1990 г. – 19,7 %. В 1990 г. в областной партийной организации состояло лишь 186 членов партии в возрасте до 26 лет (1,9 %).

В годы «перестройки» резко увеличился добровольный выход из партии. Например, в областной партийной организации в 1990 г. из 1602 выбывших членов партии, 649 чел. были исключены, а 953 чел. добровольно вышли из партии по разным причинам и мотивам: из-за снижения авторитета партии (29,2 %), нежеланием выполнять партийные обязанности и уплачивать членские взносы (19,8 %), по

состоянию здоровья (12,2 %) и т. д. [Эшматова 2021в: 65]. Таким образом, процессы, происходившие в составе областной партийной организации, отразили сложную обстановку в партии и в обществе.

Случаи выхода из партии недостаточно полно анализировались и не всегда получали принципиальную оценку. В 1990 г. у 206 (23,4 % от общего числа) сдавших свои партийные билеты, были не выяснены причины, которые побудили их на такой поступок [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 14. Л. 29].

На V Пленуме обкома КПСС (6 января 1990 г.) отмечалось: «... среди выбывших есть и карьеристы, и приспособленцы, и, конечно, лица, давно заслуживающие исключения из членов КПСС по моральным и другим качествам ... Многие из них подали заявления из меркантильных соображений. В их числе члены кооперативов, которые стали много зарабатывать ... К сожалению, среди выбывших много рабочих, добросовестных и честных людей ...» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 5. Л. 21].

К осени 1990 г. в стране набирают силу общественные организации антикоммунистической направленности. В соответствии с указаниями ЦК КПСС, Горно-Алтайский обком партии принимает ряд мер по противодействию оппозиционным силам. План организовали по трём основным направлениям: работа с партийным активом, с интеллигенцией и со СМИ. В течение оставшегося года проводится определённая работа, в частности подготовлены выступления в областных, районных газетах, по радио о партийном имуществе и бюджете, порядке их использования; информированы все коммунисты области о действиях Российского демократического форума. Преподаватели Горно-Алтайского пединститута выступили с лекциями о переходе к рыночной экономике. Проводились встречи в пединституте, ГАНИИИЯЛе, в редакциях газет, радио с делегатами XXVIII съезда КПСС и Учредительного съезда КП РСФСР [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 13. Л. 26, 27].

Большое внимание уделялось вопросам назначения партийной номенклатуры на новые должности. На партийных собраниях, бюро обкома обсуждались характеристики работников номенклатуры областного, городского, районных комитетов КПСС. Только за 1986 г. по результатам рассмотрения характеристик в партийных организациях рекомендовали рассмотреть о целесообразности пребывания в должности 21 чел., освободили 63 работника, 156 чел. рекомендовали для зачисления в резерв к выдвижению на большую

работу. В 1987 г. включили в резерв обкома, горкома, райкомов партии 744 чел., в том числе обсудили характеристики на 477 чел. В то же время в результате проведенной работы 158 чел. исключили из резерва [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 1. Л. 25].

Вместе с тем повышение требовательности со стороны партийных организаций выявило недостатки в подборе и их расстановке. Под воздействием решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС партийные организации стали строже спрашивать с коммунистов за проступки и злоупотребления, такими как пьянство, хищения, служебные злоупотребления и т.д.

Следует отметить частую сменяемость партийных кадров. В 1986 г. в Турочакском районе КПСС сменилось 9 работников из 15 (60 %), Онгудайском 7 из 16 (44 %). За пятилетие в 1,5–1,7 раза обновился состав аппарата Онгудайского, Усть-Канского, Улаганского районов КПСС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 1. Л. 30]. За это же время одна пятая часть секретарей партийных организаций и половина из партийного аппарата были выдвинуты на «большую» работу. В то же время с формулировкой «по болезни», «по семейным обстоятельствам» и другим причинам был освобождён каждый второй.

За 1986 г. смена работников только по номенклатуре райкома достигла в Турочакском районе – 36,6 %, Усть-Коксинском – 29 %, Майминском, Онгудайском, Усть-Канском – 28 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 1. Л. 31].

К началу 1991 г. руководящие должности в партийных комитетах занимали главным образом мужчины в возрасте от 30 до 40 лет, которые в подавляющем большинстве имели высшее образование, и прошли учебу в ВПШ. Около половины руководящих работников являлись специалистами народного хозяйства. Данные о профиле образования руководящих кадров позволяют сделать вывод о сосредоточенности первых лиц на решении хозяйственных задач [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 15. Л. 1].

Национальный состав работников был репрезентативен населению Горного Алтая. В 1990 г. номенклатуру обкома КПСС составляли представители 11 национальностей. В их числе 56,3 % – русских, 33,6 % – алтайцев, 10 % – другие национальности [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 5. Л. 23].

Горно-Алтайский обком КПСС воспринимался жителями в качестве структуры, обладающей реальной властью и способностью

в масштабах региона решить ту или иную проблему. Письма, жалобы, заявления непосредственно направлялись в обком партии, хотя поднимаемые вопросы относились к компетенции местных советских и хозяйственных органов.

В приходящих на адрес обкома партии письмах увеличилось число вопросов, касающихся стиля и методов работы руководителей, недостатков в их деятельности. Наибольшее их количество поступило от жителей Горно-Алтайска, Майминского, Улаганского, Шебалинского, Турочакского районов.

Особенно отмечался рост жалоб от граждан по жилищным вопросам и коммунальному обслуживанию. Так, из 38014 устных и письменных обращений от жителей области в вышеназванные инстанции в 1985 г. число обращений по жилищным вопросам составило 6345 или 16,7 %, что на 2,4 % превысило уровень 1981 г., 3969 (10,44 %) – по вопросам коммунального обслуживания, что на 3,32 % больше чем в 1981 г.

Судя по письменным и устным обращениям, острая проблема заключалась в необходимости улучшения жилищных условий и коммунального обслуживания в Горно-Алтайске. Например, из поступивших 271 писем в обком КПСС в 1987 г. 105 от горожан, из них 42 (40 %) по жилищным вопросам. Из 148 принятых на приеме граждан 112 (75,6 %) ставили вопросы об улучшении жилищных условий.

Партийные комитеты фактически были главными политическими институтами на соответствующей территории, что приводило к подмене ими государственных и хозяйственных структур. Эта проблема поднималась на XXVII съезде КПСС, состоявшемся 25 февраля – 6 марта 1986 г. [Материалы XXVII 1986]. Съезд принял решение не допускать подмены Советов и хозяйственных органов в вопросах, непосредственно входящих в их компетенцию. В июле 1986 г. ЦК КПСС рекомендовал прекратить практику совместных постановлений партийными и советскими органами. С 1987 г. областной партийный комитет значительно сократил количество принимаемых постановлений, в том числе совместно с исполкомами Советов. Первый секретарь обкома партии Знаменский Ю.С., выступая на VIII пленуме Горно-Алтайского обкома КПСС 30 января 1988 г. отмечал «... Бюро обкома отказалось от принятия большого количества совместных постановлений с советскими и другими органами. В текущем году

число таких постановлений уменьшилось на одну треть. Меньше стало дублирования документов вышестоящих органов. По сравнению с 1985 г. снизилось количество принятых постановлений в полтора раза, рассылка в горком, райкомы партии – в два раза, запрос информации с мест в три раза» [Отчёт бюро 1988: 1]. Несмотря на эти меры, практика партийных органов по управлению социально-экономическими процессами и вмешательству в текущую деятельность Советов и хозяйственных органов сохранялась [Память народа 1993; М.В. Карамаев 2019].

Постепенно руководство страны пришло к идее политической реформы, которая предполагала уменьшение политической роли партии и наделение Советов всей полноты власти. Важнейший шаг к этой реформе предприняли в 1988 г. на XIX Всесоюзной партийной конференции [Материалы XIX 1988]. Ее делегатами от партийной организации Горного Алтая были избраны первый секретарь обкома КПСС Д.Е. Нартов, председатель облисполкома М.В. Карамаев, первый секретарь Усть-Канского райкома КПСС Н.М. Тайтаков и чабан совхоза «Теньгинский» А.В. Яльчинов [Эшматова 2021в: 66]. Следует отметить, что подготовка к партконференции в Горном Алтае проходила в русле кампании критики и самокритики.

На XIX Всесоюзной партконференции при обсуждении вопроса о новых методах партийного руководства Советами было рекомендовано выдвигать на должности председателей Советов первых секретарей партийных комитетов. Данное решение в областной партийной организации вызвало высказывания как в поддержку, так и против совмещения двух должностей [Эшматова 2021в: 67]. Предлагалось сократить партийный аппарат, ликвидировать отраслевые отделы в партийных комитетах [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 20. Л. 21, 23].

XIX Всесоюзная партконференция приняла резолюции «О демократизации советского общества и политической реформе», «О межнациональных отношениях». Во втором документе констатировалась необходимость создания условий для развития каждой нации и народности страны, допускалось изменение правового положения национальных регионов.

Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. акцентировал внимание коммунистов на негативных явлениях в политической жизни и постановил, что главным способом их преодоления должна стать демократизация. После этого пленума областная партийная

организация уделила больше внимания освещению темы перестройки в своей деятельности. В газете «Звезда Алтай» в мае 1987 г. была открыта рубрика: «Партийная жизнь: как идёт перестройка» [Немова 1987: 2]. На страницах газеты звучали оценки, критика работы партийной организации области по руководству перестройкой. Активно обсуждались материалы съездов, последующих пленумов ЦК КПСС. На пленумах всех уровней, в первичных организациях, трудовых коллективах проходили обсуждения отчетов выборных органов «по руководству перестройкой». В целом, состоялось около 600 собраний, в которых приняли участие свыше 18 тыс. чел. учтено более 100 предложений и дополнений.

Критические замечания были адресованы, прежде всего, Горно-Алтайскому облисполкому и его отделам и касались большей частью хозяйственных вопросов [Идеологию обновления 1988: 2]. Обкому КПСС направлены предложения о «совершенствовании форм и методов работы с людьми», о «расширении принципов демократии и гласности в работе», об «усилении интернационального воспитания»; критиковались кабинетный стиль работы отдельных работников ОК КПСС, недостатки в подборе кадров, подмена хозяйственных, советских органов, «мелочная опека», недостатки в идеологической работе и др. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 21. Л. 107].

В целом решения Всесоюзной партконференции создали основу для передачи всех законодательных, исполнительных и контрольных функций Советам. Но реализация этого курса на местах шла медленно по разным причинам.

В сентябре 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором утвердили Платформу КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» [Материалы 1989]. Платформа КПСС предлагала комплекс конкретных решений – расширение прав автономных республик во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства; повышение правового статуса автономных областей и округов; обеспечение всех прав и условий для сохранения национальных традиций, развития культуры и языка граждан, живущих за пределами своих национально-территориальных образований или не имеющих таковых в СССР, их представительство в органах власти; создание национальных районов, сельских, поселковых Советов в местах компактного проживания национальностей, которые не имеют своих национально-территориальных образований.

В связи с обсуждением платформы КПСС в части административно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области наметились две основные точки зрения: а) вывести область из состава Алтайского края с непосредственным подчинением высшим органам власти РСФСР; б) повысить статус области до уровня автономной республики в составе РСФСР [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 20. Л. 12].

6 января 1990 г. состоялся пленум Горно-Алтайского обкома КПСС, который рассмотрел вопрос «О задачах областной партийной организации по реализации платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». На пленуме была обсуждена программа действий обкома партии, государственных и общественных организаций в этом направлении [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 5. Л. 72–79].

Горно-Алтайский обком КПСС и Горно-Алтайский облисполком принимали меры по созданию благоприятных условий для развития русско-алтайского (алтайско-русского) двуязычия в общеобразовательных школах. Так, в 1990 г. дополнительно вводилось изучение родного языка в 19 общеобразовательных школах. Было открыто 28 факультативов по родному алтайскому языку, 51 класс с углубленным изучением алтайского языка и литературы. В русских школах действовал 61 кружок для желающих изучать алтайский язык. В старших классах всех средних школ введен предмет по изучению истории Горного Алтая [В единстве 1990: 1].

В средствах массовой информации прошла серия публикаций и выступлений учёных, преподавателей, партийных и комсомольских работников, журналистов, представителей культуры по проблемам межнационального общения, повышения его культуры, развития алтайского языка и истории. Под рубрикой «Навстречу пленуму обкома КПСС» по национальному вопросу только в областных газетах опубликовано около ста материалов [В единстве 1990: 2].

Одним из средств профилактики экстремистских действий стали круглые столы по проблемам межнациональных отношений. По итогам дискуссий были приняты решения, регулировавшие функционирование национальных языков на территории региона. Третья сессия Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области двадцать первого созыва 25 октября 1990 г. приняла решение «О языке межнационального общения на

территории автономной области» [От уезда 2001: 113, 114]. Русский язык объявлялся государственным и языком межнационального общения на всей территории автономии. Официальными языками в автономной области были признаны русский и алтайский языки, а также казахский язык в местах компактного проживания казахского населения.

Процессы демократизации советского общества привели к переоценке исторического опыта развития Советского государства. Немаловажную роль в этом процессе сыграл пересмотр советской истории. В газете «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны», учредителями которых являлись Горно-Алтайский обком КПСС и Горно-Алтайский облисполком, появляются публикации центральных средств массовой информации по исторической проблематике. На страницах газеты публикуются материалы о реабилитированных гражданах, воспоминания о трагической судьбе родных и близких в период политических репрессий [Гуцин 1989: 3; Курносова 1989: 3; Тозыякова 1989: 3].

На фоне изменения отношений церкви и государства, развивающихся процессов гласности 29 сентября 1987 г. в Горно-Алтайске зарегистрировали религиозное общество православных христиан [Город любимый 1998: 287]. Началось строительство православного храма. 11 сентября 1990 г. Горно-Алтайский облисполком принимает решение о передаче церковной атрибутики и утвари, хранящихся в Горно-Алтайском областном краеведческом музее, Свято-Преображенской церкви, которая открылась 25 октября 1990 г. [Горно-Алтайский хронограф 2003: 205, 206].

Отмена статьи 6 Конституции СССР в марте 1990 г. упразднила прежний политико-юридический статус КПСС. Партия утратила важнейший правовой аргумент, который обосновывал её вмешательство во все сферы общественной жизни. После этого функции комитетов КПСС стали сокращаться. XXVIII съезд КПСС, состоявшийся 2–13 июля 1990 г., принял решение о переходе к регулируемому рынку, а также ликвидировать номенклатуру кадров.

Одним из основных направлений реформы политической системы страны была передача властных полномочий от компартии Советам народных депутатов, прежде всего – в сфере управления экономическими процессами. Для реализации курса по решению июльского 1988 г. Пленума ЦК КПСС провели реорганизацию партийного аппарата всех уровней. Пленум Горно-Алтайского

обкома КПСС своим постановлением от 3 декабря 1988 г. утвердил структуру аппарата обкома в количестве 8 чел., в которую вошли отделы: организационно-партийной и кадровой работы, идеологический, государственно-правовой, общий, комиссия партийного контроля и управление делами. В новой структуре областного партийного комитета экономическими вопросами занимались два отдела: социально-экономический и аграрный. Общее количество работников устанавливалось в количестве 42 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 70. Д. 14. Л. 12, 13].

Для реализации установок XIX Всесоюзной партийной конференции по восстановлению «ленинского принципа коллегиального обсуждения и принятия решений» 27 декабря 1988 г. на II пленуме обкома партии были образованы комиссии по следующим направлениям: комиссия по вопросам организационно-партийной и кадровой работы, идеологическая с выделением рабочей группы по вопросам интернационального воспитания, по вопросам социально-экономического развития, по аграрным и правовым вопросам. В задачи комиссий входило изучение проблем по своим направлениям и выработка для обкома КПСС предложений по совершенствованию деятельности партийных организаций, по реализации решений конференций областной партийной организации и пленумов обкома КПСС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 70. Д. 14. Л. 47, 48].

По итогам XXVIII съезда КПСС пленум Горно-Алтайского обкома партии 21 августа 1990 г. принял постановление об упразднении существующей структуры, должности аппарата обкома КПСС и партийных учреждений (Дом политического просвещения, университет марксизма-ленинизма), а также сокращения аппаратов обкома, горкома, райкомов КПСС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 7. Л. 93, 94; Д. 11. Л. 79, 80].

Постановлением объединенного пленума Горно-Алтайского обкома КПСС и контрольной комиссии областной парторганизации от 9 февраля 1991 г. «О постоянных комиссиях, структуре, штатах и регламенте работы аппарата обкома КПСС» были созданы следующие постоянные комиссии по основным направлениям деятельности обкома КПСС: по организационно-партийной работе с подкомиссией по взаимодействию с Советами и общественно-политическими организациями; идеологическую с подкомиссией по работе с молодежью; социально-экономическую; аграрную. Указанные

комиссии возглавляли секретари обкома КПСС Чаптынов В.И., Антарадонов Ю.В., Альпимов У.А. и Сребрянский Ю.С. Были также утверждены заместители председателей перечисленных комиссий, являвшиеся заведующими соответствующих отделов: Сабин В.К. (организационно-партийной работы), Демидов А.М. (социально-экономического) и Поносов В.А. (управляющий делами обкома КПСС).

Общий численный состав ответственных работников аппарата обкома КПСС устанавливался в количестве 21 чел., партийных учреждений – 4 (партархив – 1, общественно-политический центр – 3), контрольной комиссии областной парторганизации – 2 чел. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 1. Л. 65, 66].

На территории Южной Сибири, как и повсеместно, организации КПСС в первые годы «перестройки» (1985–1986 гг.) целиком продемонстрировали поддержку политическому курсу ЦК КПСС [Тугужекова, Реутов 2011: 211].

В условиях стремительно меняющейся политической обстановки и ухудшения социально-экономического положения политика центрального партийного руководства стала встречать противодействие на местах. С 1990 г. началась открытая критика проводимого курса ЦК КПСС. Основная дискуссия развернулась вокруг обсуждения проектов Платформы «К гуманному, демократическому социализму» и Устава КПСС, которая превратилась в основной объект критики со стороны руководства Горно-Алтайского обкома КПСС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 20. Л. 18–23]. Итоги обсуждения подвели на XXXVI Горно-Алтайской областной партконференции [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 1]. Основным объектом критических высказываний стала идея превращения КПСС в парламентскую партию. Звучали требования сделать все, чтобы сохранить «единство партии и народа». Предлагалось создать крестьянскую партию, которая должна была сыграть роль партии, альтернативной КПСС [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 1. Л. 65, 77–78]. Выступал против многопартийности и В.В. Гусев – первый секретарь Горно-Алтайского обкома КПСС. Критике подверглись высшее партийное руководство и лично М.С. Горбачев; высказывания от коммунистов с мест отличались остротой и эмоциональностью [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 20. Л. 46, 50].

В конце 1990 – начале 1991 гг. критика проводимого курса в стране усилилась. Руководители областной парторганизации демонстрировали консервативную позицию в оценке политических событий в стране и о ситуации в партии. В идейном плане областная парторганизация оставалась на позиции сохранения общественно-политической системы, существовавшей в СССР, с руководящей ролью КПСС.

20 июля 1991 г. Президент РСФСР подписал указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях, организациях РСФСР». Бюро обкома КПСС 30 июля 1991 г. выступает с заявлением о том, что данный указ не состоятелен не только с юридической, но и общечеловеческой точки зрения, ущемляет права граждан, общественных организаций [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 5. Л. 29, 30].

Попытка сохранить КПСС и единое союзное государство силовыми методами была предпринята 19–21 августа 1991 г. высшими должностными лицами страны путем образования Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), завершившаяся провалом. В Сибири реакция на провозглашение власти ГКЧП была различной от открытых выступлений против до признания ГКЧП. Краевые и областные Советы заняли выжидательную позицию [Величко 2007: 38, 39].

Для того, чтобы дать объективную оценку деятельности органов управления региона во время государственного переворота, решением президиума областного Совета народных депутатов от 29 августа 1991 г. была создана депутатская комиссия в составе 9 чел. В оценке действий президиума и исполкома областного Совета среди членов депутатской комиссии сложилось два мнения. Одна группа депутатов комиссии (В.А. Варванец, В.Г. Герасимов), считала, что президиум Совета, занявший выжидательную позицию и не исполнивший указаний руководства РСФСР, должен уйти в отставку в полном составе. Другая группа членов комиссии (В.В. Кудачин, В.Э. Кыдыев, М.М. Сазанкин и др.) придерживалась мнения, что руководство республики, заняв нейтральную позицию, не допустило нарушения Конституции РСФСР, обеспечило стабильную обстановку в республике. Отставка президиума и исполкома Совета народных депутатов накануне выборов в

республиканский Совет признавалась нежелательной, поскольку повлекла бы за собой ненужную конфронтацию, дестабилизацию социально-экономической и политической обстановки в Горном Алтае [От депутатской 1996: 2].

После подавления путча Президент РСФСР 21 и 23 августа подписал указы о приостановлении деятельности КПСС и передаче ее движимого и недвижимого имущества в собственность государства [Ведомости 1991: Ст. 1149; Ведомости 1991: Ст. 1164]. Бюро республиканского комитета Компартии РСФСР от 24 августа 1991 г. вынесло решение о приостановлении деятельности республиканского комитета, городского и районных комитетов Компартии РСФСР и определило передать всё движимое и недвижимое имущество и наличные средства на расчетных счетах республиканской парторганизации под юрисдикцию Горно-Алтайского республиканского Совета народных депутатов. Для исполнения постановления бюро 3 сентября 1991 г. образована комиссия по подготовке к передаче партийного имущества и средств [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 5. Л. 36, 37].

Указом Президента РСФСР от 6 ноября 1991 г. прекращалась деятельность КПСС и Компартии РСФСР на территории РСФСР, а их организационные структуры распускались [Ведомости 1991: Ст. 1537]. Через месяц после августовского путча ГКЧП прекратил своё существование и ВЛКСМ. На чрезвычайном XXII съезде ВЛКСМ 27 сентября 1991 г. объявили, что комсомол выполнил свою историческую роль и прекращает своё существование, а его правопреемниками являются республиканские Союзы молодежи.

Таким образом, Горно-Алтайская областная партийная организация, как и КПСС в целом, в рассматриваемый период претерпела институциональные и идейно-политические изменения. В 1985–1986 гг. парторганизация поддерживала стратегию на ускорение и перестройку, которая предполагала изменение методов социалистического строительства. В 1987 г. заявленный КПСС курс на развитие демократии и самоуправления в обществе вызвал положительную реакцию в партийных рядах. Начавшиеся процессы демократизации политической системы и экономической реформы постепенно приняли неуправляемый характер. К 1991 г. функции центрального и региональных комитетов КПСС сузились, в их компетенции остались общественно-политические и внутривнутрипартийные вопросы. В 1989–1991 гг. сокращается число

партийных организаций и членов КПСС. Снижение количества членов партии происходило в связи с их добровольным выходом из партии из-за падения авторитета КПСС в обществе, недоверия к её руководству. Активнее всего покидали партию рабочие и колхозники.

Общественно-политическая ситуация в Горном Алтае складывалась в условиях относительного сохранения политической и межнациональной стабильности. Общественно-политическая активность населения была связана прежде всего с решением повседневных жизненных проблем, социальных вопросов.

7.2.2. Новые общественные объединения

Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. в России характеризовался подъемом гражданской активности. Частью повседневной жизни стали митинги, демонстрации и другие массовые выступления граждан. Данное явление коснулось и Горного Алтая.

Управлением юстиции Горно-Алтайского облисполкома было зарегистрировано 5 общественных объединений: Горно-Алтайское отделение Демократической партии России (25.09. 1991 г.), Горно-Алтайский Республиканский союз «Чернобыль» (26.11.1991 г.), Горно-Алтайское Республиканское общество «Эне-Тил» (26.11.1991 г.), Горно-Алтайская городская ассоциация ветеранов войны и Вооруженных сил и др. (18.12.1991 г.) [ТА Управления Министерства юстиции РФ по РА].

Активизации этого процесса способствовали изменения в правовом положении общественных организаций. На начальном этапе перестройки становление «третьего сектора» происходило на прежней правовой основе, при отсутствии закона об общественных организациях и обилии подзаконных актов – ведомственных распоряжений, инструкций, определявших порядок создания и функционирования общественных организаций. Ранее государственные органы решали вопросы о целесообразности создания тех или иных общественных организаций. В конце 1980-х гг. предпринимаются первые шаги, направленные на ослабление государственного воздействия на общественные институты и расширение их самостоятельности. 9 марта 1988 г. Постановлением Совета Министров СССР отменяется порядок,

согласно которому для проведения съезда общественной организации требовалось разрешение Правительства СССР или союзной республики. Общественные организации получили возможность свободно созывать свои съезды, а также право свободных международных контактов, включая вступление в международные объединения [Шутько 1991: 76–86].

По-другому выстраиваются взаимоотношения общественных организаций с государственными органами. Закон СССР «О выборах народных депутатов в СССР», принятый 1 декабря 1988 г. предоставил общественным организациям одну треть мест (750 мандатов) в новом высшем органе государственной власти – Съезде народных депутатов СССР, который начал работу в мае 1989 г. С середины 1989 г. начались послабления в процедуре регистрации некоммерческих организаций. Весной 1990 г. III съезд народных депутатов СССР внес изменения в статьях 6 и 7 Конституции СССР (1977 г.), отменявшие положение о руководящей роли КПСС в жизни советского общества. В новой редакции Конституции СССР был закреплён политический плюрализм. Все общественные организации, в том числе политические партии, получили возможность наравне с КПСС участвовать в политической жизни общества и государственных органах.

Важнейший шаг по пути создания правовой основы функционирования общественных формирований был сделан 9 октября 1990 г. принятием закона «Об общественных объединениях», регламентирующего отношения в сфере социальной активности граждан [Об общественных 1990]. Закон ввел новое понятие – «общественное объединение». К общественным объединениям относились: политические партии, массовые движения, профсоюзы, женские, ветеранские организации, организации инвалидов, молодежные, детские и иные добровольные общества. Из них политические партии и массовые движения впервые обрели правовой статус. Все политические партии признавались равными перед законом, их деятельность должна была осуществляться в нерабочее время и за счет собственных средств. К общественным объединениям не относились кооперативные и иные организации, преследующие коммерческие цели; религиозные организации; органы территориального общественного самоуправления (советы микрорайонов, домовые, уличные, поселковые и т.п. комитеты), а также органы общественной самодеятельности.

Закон 1990 г. заменил разрешительный порядок создания общественных объединений на регистрационный. Регистрирующими органами стали министерства юстиции, их управления (отделы) в союзных и автономных республиках.

На фоне общественно-политических перемен, происходивших по всей стране, в Горном Алтае первоначально возникло экологическое, затем национально-культурное движение. Позднее в регионе сформировались отделения политических партий. Создаются новые религиозные организации. Общественно-политическая жизнь включала в себя ряд процессов: поиск путей национального строительства, изменение функций и деятельности большинства общественных организаций, формирование политических партий, неформального движения и т. п. Особое влияние оказывала возникающая национальная и политическая активность граждан.

«Катунское» движение. В Горном Алтае экологическое движение проявило себя в неформальной деятельности против строительства Катунской ГЭС. Дискуссия по данной проблеме вызвала большой общественный резонанс не только в Горном Алтае, но и далеко за его пределами. Общественное движение против строительства Катунской ГЭС происходило на фоне общедемократического протеста. В нее прямо или косвенно были вовлечены представители всех слоев населения: активисты-общественники общероссийских неформальных «зеленых» движений; специалисты и ученые естественных и гуманитарных наук из крупных городов страны и Горно-Алтайска; российская творческая интеллигенция, в первую очередь писатели, представители национальной алтайской интеллигенции. Кроме того, инициативную роль на первом этапе экологического движения сыграли национал-патриотические организации из сибирских городов, в частности Новосибирска. Они, как и объединения творческой интеллигенции, придерживались традиционалистских ценностей народов России и отвергали вестернизацию.

Первыми заявили о «катунской» проблеме работники вузов и академических учреждений, они открыли ее для широкой общественности. Но специалисты естественнонаучного профиля поднимали вопрос лишь о доработке проекта Катунской ГЭС, сама же идея строительства станции не подвергалась сомнению.

Дискуссии по этому вопросу начали свой отсчет с середины октября 1986 г. В это время на турбазе «Катунь» проходила научная конференция «Экологические проблемы Катунского бассейна в связи с его энергетическим освоением». По её итогам были выработаны рекомендации, адресованные проектировщикам и планирующим ведомствам. Впервые прозвучали слова о «возможных неблагоприятных последствиях строительства». Затронутые вопросы: угроза остепнения поймы Верхней Оби, наличие карстовых отложений в ложе будущего водохранилища, возможное изменение климата, сейсмоопасность района строительства, предлагалось рассмотреть «беспристрастным организациям». Полтора месяца спустя, 1 декабря 1986 г. в газете «Правда» вышла статья Н. Витовцева и Ю. Винокурова «О дешевых киловаттах реки Катунь», которая открыла процесс публичного обсуждения проблемы. Авторы осветили спорные вопросы, прозвучавшие на конференции. В целом статья представляла собой критику проекта Катунской ГЭС, но не саму идею ее строительства.

В следующем 1987 году к обсуждению проблемы строительства ГЭС на Катунь подключилась общественность. В феврале в г. Бийске, по инициативе местной писательской организации, состоялся митинг со сбором подписей против строительства ГЭС. Общественное обсуждение проекта Катунской ГЭС имело место в Москве и Новосибирске. Активисты новосибирского отделения национал-патриотического общества «Память» отправили письма по 15 адресам, в которых содержалась критика проекта ГЭС. В феврале 1987 г. по инициативе общества «Память» в новосибирском Академгородке состоялось общественное обсуждение проблемы строительства ГЭС на Катунь [Каташев 2005: 32].

Далее кампания в центральной прессе в короткий промежуток времени сделала проблему Катунской ГЭС достоянием всего информационного пространства страны. На жителей Горного Алтая неожиданно обрушился вал информации о возможных негативных последствиях строительства ГЭС. Однако общественность Горного Алтая организационно была еще не готова к активной деятельности против строительства ГЭС.

9–10 сентября 1987 г. в Горно-Алтайске и Барнауле состоялось совещание по вопросам проектирования и строительства Катунской и Чемальской ГЭС с участием руководителей центральных ведомств на уровне заместителей. Были учтены замечания

экспертизы Сибирского отделения Академии наук, предусмотрены дополнительные капиталовложения в развитие социальной инфраструктуры, в археологические раскопки и компенсацию потерь флоры и фауны, на продолжение научного изучения вопросов, связанных с влиянием последствий строительства на растительный и животный мир. В конце месяца в Москве, на заседании Совмина РСФСР, проект был признан наиболее оптимальным с точки зрения влияния на окружающую среду, однако, с учетом замечаний общественности, направлялся на экспертизу Госплана СССР.

Инициатива в обсуждении всех рисков вокруг строительства Катунской ГЭС исходила на тот момент от общественников-неформалов «зеленых» организаций Ленинграда, Пензы, Кемерово, и других городов страны. Письма направлялись в Государственный комитет СССР по охране природы (Госкомприроды СССР), который, в соответствии со сложившейся протокольной практикой, обязан был дать ответ на обращения граждан. Ответом на поток писем стало поручение Правительства СССР Государственной экологической экспертизе рассмотреть результаты работы с проектом по замечаниям экспертов. По итогам проверки в октябре 1988 г., Госкомприроды СССР отметил «слабую проработанность» проекта строительства Катунской ГЭС [РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 82. Л. 12, 13; Д. 81. Л. 1, 207].

С углублением процессов демократизации общества в стране, экологическое движение в регионах Сибири получало организационное оформление. В конце декабря 1988 г. в Москве был создан Социально-экологический союз (СоЭС) – общественная экологическая организация. 22 января 1989 г. в Алтайском госуниверситете (г. Барнаул) состоялась конференция представителей неформальных групп «зеленых» из Барнаула и других городов Алтайского края. В ходе дискуссии о путях экологического движения среди участников конференции наметился раскол. Часть делегатов во главе с учеными-географами высказались за программу Н. Реймерса (проведение научной и экспертной работы, сотрудничество и взаимодействие с ведомствами в проведении экологических экспертиз). Другая часть делегатов придерживалась позиции писателей, и поддержала позиции С. Залыгина (сотрудничество с широким кругом общественности, экологическое просвещение и работа среди населения). В результате алтайская краевая делегация во главе с В. Ревякиным выступила за программу

Н. Реймерса. Их поддержали представители от клуба «Катунь», входившего в состав СоЭС [Витовцев 1989: 3]. Таким образом, курс катунского движения был определен на взаимодействие с ведомствами и независимую научную экспертную работу.

К середине 1989 г. в связи ухудшением социально-экономического положения общественно-политическая ситуация в стране изменилась, и это проявилось в радикализации экологического движения.

Партийно-советское руководство Горного Алтая не могло не реагировать на рост протестных настроений среди населения, и предпринимало все возможные меры для привлечения не определившихся жителей региона на свою сторону. Используя наиболее эффективный инструмент – прессу, власти усилили разъяснительную работу. С 1988 г. на страницах газеты стали в большом количестве публиковаться мнения рядовых жителей села. Авторы писем, в основном, жители отдаленных сел, описывали кричащие факты социально-бытового неблагополучия, тяжелых условий труда, настойчиво повторялось мнение о том, что Катунская ГЭС может изменить к лучшему жизнь тружеников села.

К середине 1989 г., на пике экологического движения в Горного Алтая, национальная алтайская интеллигенция заняла ведущее место в широком спектре его участников. Лидерами катунского движения стали писатель В.Т. Самыков, журналисты В.Э. Кыдыев, Н.В. Витовцев и другие.

Запланированное обсуждение доработанного проекта Катунской ГЭС происходило на заседании Президиума Совета Министров РСФСР 12 сентября 1989 г. Свое отрицательное мнение высказали представители пяти академических институтов СО АН СССР. Проект отправлялся на доработку.

В октябре 1989 г. клуб «Катунь» органично распадается на две составные части. На его основе образуются алтайский филиал российской экологической партии Социально-экологический союз, и на Общество по сохранению языка и культуры коренного населения «Эне-Тил». Позже, с обострением социально-психологического климата, экологические лозунги потеряли свою актуальность, сменились на политические.

Общество «Кедр». С середины 1980-х гг. в движение по защите кедровых лесов включились представители интеллигенции Горного Алтая. Проблему сохранения кедровых лесов в Горном

Алтае активно поднимала общественная организация «Кедр», которая носила неформальный характер и состояла, большей частью, из представителей творческой интеллигенции, в писателей Горного Алтая (А. Адаров, Б. Бедюров, А. Демченко, В. Самыков и др.). Входили в «Кедр» также журналисты местных газет (В. Варванец, А. Зыкова, М. Тарпаков), преподаватели Горно-Алтайского пединститута (А. Маринин), а также отдельные работники лесоохранных служб (В. Ветров).

В отличие от катунского движения, общественная деятельность по защите кедровых лесов не носила публичного характера, и не оказывала заметного общественного влияния на население. Мотивами, побудившими национальную интеллигенцию развернуть деятельность в защиту кедровых лесов, можно считать стремление сохранить природную среду в местах проживания алтайского этноса, сберечь его материальную культуру в виде традиционных форм жизнеобеспечения, поддержать благосостояние коренного населения, у которого доходы от промыслов играли заметную роль в семейном бюджете. Они выступали с требованиями оградить окружающую среду своей «малой» родины от хищнического использования ее природных богатств. Выступая в защиту кедровых лесов, представители национальной алтайской интеллигенции стремились сохранить привычный культурно-исторический ландшафт.

Порождающей средой движения «Кедр» являлись организации творческих работников – союзы писателей, художников, театральных деятелей и т.д. Подобные союзы носили иерархическую соподчиненность, например, писательская организация Горного Алтая являлась частью Союза писателей РСФСР. Поэтому алтайские писатели имели возможность напрямую общаться со своими коллегами из Москвы. В середине 1980-х гг. лидерами «зеленого» движения выступали писатели В.Г. Распутин и С.П. Залыгин.

Несмотря на общие цели участников катунского движения и клуба «Кедр», в них прослеживаются некоторые различия, в первую очередь, во взаимоотношениях с местной властью. В лозунгах и целях общества «Кедр» отсутствовали мотивы антибюрократического протеста. Наоборот, писатели Горного Алтая – члены общества «Кедр» выступали в качестве надежных союзников местной власти против хозяйственных ведомств в лице Алтайского управления Минлесхоза РСФСР. Стремление оградить свою среду проживания

от действий центральных хозяйственных органов проявлялось в общественных движениях экологической направленности во всех регионах СССР.

Работа общества «Кедр» носила скорее, «клубный» характер, в нее не были вовлечены широкие круги общественности. Причины ограниченного влияния «Кедра» на общественно-политические процессы в области заключались, во-первых – в том, что ведущая роль в деятельности по сохранению кедровых лесов принадлежала областной власти; во-вторых – проблему кедров в конце 1980-х гг. затмила дискуссия вокруг строительства Катунской ГЭС.

Экологическое движение в Горном Алтае развивалось в общем направлении общественно-политических процессов, происходивших по всей стране. Противники Катунской ГЭС выражали, большей частью, скопившийся в обществе протест, а экологические требования представляли собой в то время единственную доступную и легальную форму выразить свое стремление участвовать в решении вопросов местного развития. Летом 1989 г. общественная активность достигла своего пика, но уже осенью 1989 г., после отклонения проекта строительства Катунской ГЭС, и отправки его на доработку, экологическое движение в Горном Алтае пошло на спад.

Вместе с тем, особенности экологического движения в Горном Алтае заключались в ведущей роли национальной алтайской интеллигенции, что особенно проявилось во время наибольшего размаха движения. Мотивы алтайской интеллигенции заключались, скорее, в стремлении сохранить природный ландшафт региона, который являлся важным фактором формирования культурно-исторического своеобразия Горного Алтая. Река Катунь и кедровая тайга символизировали сам горный регион Алтай (*Алтын жыш*) и тем самым являются одними из главных этнокультурных, духовных символов алтайского народа. Кроме того, руководители Горного Алтая проявляли стремление защитить природные ресурсы на территории своего региона от их нерационального использования.

Национально-культурные организации. В Горном Алтае на волне экологического движения сформировались самостоятельные национальные организации и отделения общероссийских партий. Активисты движений и партий – это зачастую бывшие партийные функционеры различного уровня.

Часть членов экоклуба «Катунь», представлявшая собой главным образом алтайскую интеллигенцию, учредила в конце ноября 1989 г. новую общественную организацию «Эне-Тил» («Материнский язык»). Инициативными активистами нового объединения стали В.Э. Кыдыев, М.М. Сазанкин, С.С. Темеев, В.А. Тоенов и др. Организация нашла поддержку большинства алтайской интеллигенции. В Горно-Алтайске, четырех районах, в сёлах с алтайским населением организационно были оформлены органы (отделения) этого общества, издавалась газета. Городское отделение было зарегистрировано исполкомом горсовета. Вопросы, поднимаемые организацией, сводились к конкретным проблемам социально-экономического и культурного характера, развития языка, литературы, искусства, возрождения традиций и обычаев алтайцев, деятельности средств массовой информации. Некоторые представители общества «Эне-Тил» на учредительной конференции выступили по проблеме расстановки кадров, выражали неудовлетворенность формированием выборных руководящих органов, депутатского корпуса, высказывали мысль о необходимости создания новой партии [Эшматова 2021г: 202].

Значительную роль в популяризации и возрождении традиционной алтайской культуры играли средства массовой информации: областная газета «Алтайдын Чолмоны», радио. Большой популярностью у коренного алтайского населения пользовались радиопередачи на алтайском языке с участием писателей. Телевещание появилось в Горном Алтае лишь в декабре 1991 г. Однако телевидение на алтайском языке открылось в октябре 1988 г. и осуществлялось краевым телецентром в Барнауле. В телевидении популярностью пользовалась передача «У очага» («Очоктын јанында»), которую ежемесячно проводил автор-ведущий журналист В.С. Торбоков [Торбоков: эл. ресурс].

Летом 1988 г. был проведен первый всенародный праздник «Эл-Ойын» в с. Ело Онгудайского района. Возрастающий интерес алтайцев к родной культуре проявился в развитии национальных видов спорта. В программу праздника включили культурно-массовые мероприятия, почти утраченные традиционные спортивные состязания: скачки, кёк-бору, борьба-күреш, шатра, камчи, поднятие тяжестей и др. «Эл-Ойын» становится главным национальным праздником Горного Алтая [Эне-Тил 1989: 3]. За три дня на играх побывали свыше 18 тыс. человек, увидевшие

выступления фольклорных ансамблей и отдельных солистов, реконструкцию традиционного алтайского жилья [Ельдепов 2015: 30]. В дальнейшем традиционные спортивные состязания и культурные мероприятия прочно утвердились в общественной и культурной жизни региона, а «Эл-Ойын» стал проводиться регулярно через каждые два года.

Партийные, советские, комсомольские, общественные организации области стремились активизировать контакты с новыми самостоятельными общественными организациями, находить формы влияния на их деятельность, участвовали в дискуссиях, обсуждения назревших проблем. 2 марта 1988 г. бюро Горно-Алтайского обкома партии утверждает план мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС от 8 января 1988 г. «О преодолении негативных тенденций в деятельности некоторых самостоятельных формирований» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 70. Д. 18. Л. 78–79, 93–96].

Еще одним движением, набиравшим силу, являлось возрождение традиционного общественного института *сöök* (рода). В июне 1990 г. в с. Боочи Онгудайского района прошло собрание алтайцев рода майман. Зайсаном данного сеока был избран Бардин А.К. – член КПСС, директор совхоза «Эдиганский» [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 20. Л. 46]. Примеру представителей рода майман последовали и другие крупные сеоки (кыпчак, телёс, сагал, мундус) и провели свои праздничные встречи [Кыдышева 1993: 11]. Самоидентификация (самоопределение) людей по принадлежности роду послужила поводом к созданию новой общественной организации – «Тöргöө зайсанов» (Президиум глав родов), в задачу которой входило регулирование вопросов внутривидового и общезнатического развития алтайцев. Эта организация стала играть заметную роль в деле возрождения традиционного культурного наследия алтайцев и их субэтнических групп. В 1991 г. возникли ассоциации северных алтайцев (тубаларов, чалканцев), лидером которых стал артист и общественный деятель А.В. Юданов.

Процесс этнической самоидентификации алтайцев привел к образованию другой общественной организации – Курултай алтайского народа (Алтай калыктын курултайы) и его выборного органа – «Тöс Тöргöө» (Центральный президиум), ставящей своей целью участие в решении задач социально-экономического и культурного развития алтайского народа.

Следующим аспектом этнокультурного развития Горного Алтая стало возрождение традиционных религий и верований алтайцев, русских и других народов. 4 октября 1991 г. официально зарегистрировали буддийское религиозное объединение «Ак-бурхан» (руководитель А. Санашкин) [ТА Управления Минюста РФ по РА]. Религиозной организацией была установлена связь с управлением Традиционной буддийской сангхой России, расположенным в Бурятии.

Активисты общественных организаций принимали участие в обсуждении проблемы повышения правового статуса автономной области и дальнейшего развития народов Горного Алтая. Создание и становление общественных организаций в регионе, созданных по этническому признаку, происходили в соответствии с национальной политикой государства.

В среде русского населения Горного Алтая также наблюдается процесс возрождения своей традиционной культуры [Гончарова 2016: 42]. В 1990 г. на базе исторического факультета Горно-Алтайского пединститута образовалась неформальная группа, состоявшая из преподавателей и части студентов, журналистов и работников культуры. Деятельность организации заключалась в проведении различных вечеров по культурно-исторической тематике. На одном из них, посвященном Славянской культуре и письменности, памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия, проходившем 28 мая 1991 г., участники инициативной группы приняли решение, создать «Общество ревнителей русской истории и культуры». 30 сентября 1991 г. состоялось учредительное собрание, на котором были определены основные его задачи и направления работы. Члены общества заявили, что они выступают за национально-культурное возрождение России посредством ее возвращения к национальным духовным ценностям – православию. Основными направлениями работы общества, по их мнению, должны стать проведение мероприятий, посвященных православным праздникам, героическим этапам отечественной истории страны, Сибири; пропаганда в различных формах национального, духовного и исторического наследия русского народа; изучение духовной христианской литературы, философских, этнографических, исторических трудов и др.

Процессы этнического возрождения коснулись и алтайских казахов. 30 мая 1990 г. в г. Барнауле создано и зарегистрирована общественная организация местных казахов «Бирлик» («Единство»).

По её инициативе 25 июля 1990 г. в с. Кош-Агач был проведен I-й Курултай казахов Алтайского края и Горного Алтая, где участвовали 120 делегатов. На мероприятии озвучивались проблемы развития казахской национальной культуры, языка, традиций; образования и воспитания в семье и школах; о возможности телепередачи, газетных полос, страниц (вкладышей) на казахском языке [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 20. Л. 47, 48].

Общественно-политические движения. Из всего разнообразия движений этого периода самыми массовыми стали общественно-политические, связанные с процессами демократизации, борьбы за власть, укрепления государственности и т.д. С 1990 г. начинается активное создание и регистрация политических объединений, именовавших себя партиями. В 1991 г. были зарегистрированы как общесоюзные партии КПСС и ЛДПСС. В РСФСР к концу 1991 г. официально действовало 13 политических партий и союзов [Ермаков 2008: 113].

Большинство политических партий этого периода, несмотря на свое название, в организационном отношении партиями не являлись, а представляли собой самостоятельные политические объединения единомышленников вокруг лидера. Вновь образованные партии отражали все основные политические направления. Одно из них определявшее себя, как «демократическое движение», в начале 1991 г. было представлено рядом организаций: движение «Демократическая Россия», Республиканская партия Российской Федерации (РПРФ), Социал-демократическая партия России (СДПР) и Демократическая партия России (ДПР) [Голосов 2006: 32].

Следует отметить, что до августа 1991 г. важнейшую роль на политической арене продолжала играть КПСС, которая оставалась правящей партией. Указанные два широких политических направления играли важную роль в общественно-политической жизни. Отделения (филиалы) вышеназванных партий появились и в Горном Алтае. 27 октября 1990 г. в Горно-Алтайске состоялась учредительная конференция демократических сил Горного Алтая. Горно-Алтайское отделение ДПР в основном объединяло юристов, предпринимателей и часть творческой интеллигенции [Жуков 1998: 97]. К весне 1991 г. в местном отделении ДПР насчитывалось более 200 чел. членов ДПР [Параев 1991: 2]. В Программу ДПР входили задачи противостояния коммунистической идеологии, борьбы за власть, отказ от социалистического пути развития и т.д.

Будучи сторонниками кардинального переустройства существующей государственной модели, местные демократы по существу не поддержали стремление руководства Горно-Алтайской автономной области и других общественно-политических объединений к повышению государственно-правового статуса автономной области [Казанцев 2012: 23, 24; Параев 1991: 2].

В период попытки захвата власти ГКЧП региональная организация ДПР составила обращение к жителям Горного Алтая. Впоследствии лидеры данной организации выступали за полный запрет КПСС, за роспуск организаций (Совета ветеранов и др.) поддержавших ГКЧП. Они выдвигали требование отставки главных редакторов газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны». А 31 августа 1991 г. лидеры областной организации ДПР инициировали проведение митинга в Горно-Алтайске, направленного против руководства Горно-Алтайской АССР [Реутов 2015: 87].

Таким образом, процессы становления общественных организаций (и движений) в Горном Алтае во многом определялись политической обстановкой в стране. Развернувшиеся в обществе дискуссии вокруг сложных вопросов социально-экономического и общественно-политического развития активизировали обсуждение многих региональных проблем, требовавших своего разрешения. Многонациональный состав населения области оказал значительное влияние на ход общественных процессов в регионе. Рост этнического самосознания привел к повышению общественной активности алтайского населения. Стремление оградить окружающую природную среду обитания стало одним из основных мотивов экологического движения, направленного против строительства Катунской ГЭС и вырубки кедровых лесов.

Рост национального самосознания алтайцев, русских и других этнических групп, проживающих в Горном Алтае, сопровождался стремлением к возрождению традиционной культуры, религий (верований), народных праздников (Эл-Ойын) и созданием общественных национальных организаций (Эне-Тил, Төс-Төргөө и др.).

7.2.3. Советы народных депутатов

Политика перестройки провозглашала расширение полномочий Советов народных депутатов. Демократизация избирательной системы на основе альтернативности, состязательности и гласности

избирательной кампании были призваны обеспечить обновление депутатского корпуса.

Выборы в Верховный Совет РСФСР и местные Советы, прошедшие в 1985 г., незначительно отличались от всех предыдущих. Как и ранее, обком партии заранее определил кандидатов в депутаты – руководителей партийных организаций, советских органов и предприятий, передовиков производства.

По результатам выборов в Советы всех уровней были избраны в областной Совет народных депутатов – 150, городской – 140 депутатов, районные – 675 депутатов, сельские советы – 1989, в поселковые – 87 депутатов. Одновременно были избраны депутаты от Горно-Алтайской автономной области в Алтайский краевой Совет народных депутатов [Сообщение 1985: 2, 3; Сообщение 1985: 1]. Депутатом Верховного Совета РСФСР XI созыва избран председатель Горно-Алтайского облисполкома М.В. Карамев [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 71. Д. 4. Л. 82].

Преимущественно депутаты работали в местных Советах на общественных началах и не обладали достаточным опытом и знаниями в области законодательства и управленческой деятельности. Чаще всего в депутаты выбирались люди от производства, за трудовые заслуги [Госархив РА. Ф. П–33. Оп. 11. Д. 869. Л. 21–24].

В результате реформирования политической системы происходило изменение структуры, функций и прав Советов. На XXVII съезде КПСС была поставлена задача обновления состава Советов, внесение корректив в избирательную практику с целью того, чтобы «депутатами избирались наиболее достойные люди, способные на высоком уровне вести государственные дела» [Горбачев 1987а: 72]. На январском пленуме ЦК КПСС (1987 г.) прозвучал призыв обсуждать на предвыборных собраниях несколько кандидатур [Материалы пленума 1987: 47]. Укрепление Советов в годы перестройки виделось руководству КПСС как процесс развития самоуправления, прежде всего через Советы. Они, согласно замыслам партии, должны были полностью оправдывать свою роль полномочных и решающих органов [Горбачев 1987б: 32].

Начиная с 1987 г. начинают осуществляться первые мероприятия по реформированию Советов народных депутатов: реформа избирательной системы, расширение гласности в работе Советов, их хозяйственной и финансовой самостоятельности. Повышение прав местных Советов в хозяйственной сфере в первую

очередь, связывалось с принятием Закона о государственном предприятии (объединении) от 30 июня 1987 г. Согласно закону, предприятия обязаны были отчислять часть средств в региональные бюджеты, и согласовывать планы капитального строительства с областными, краевыми, республиканскими Советами народных депутатов.

Расширение гласности в работе Советов выразилось в совершенствовании их сессионной деятельности, поощрялась конструктивная критика.

На V сессии областного Совета народных депутатов XIX созыва (15 апреля 1986 г.) отмечалось, что Советам необходимо менять стиль и методы работы [Госархив РА. Ф. П–33. Оп. 6. Д. 895. Л. 56–57].

Более результативными были изменения в избирательной практике. На основе решений январского пленума КПСС 1987 г. ЦК КПСС принял 17 февраля 1987 г. постановление «О проведении выборов в местные Советы народных депутатов, народных судей и народных заседателей районных (городских) народных судов». Предлагалось провести выборы с участием нескольких депутатов по одному округу. Рекомендовалось отказаться от практики обязательного избрания депутатами Совета работников исполкома, а также тех, кто был депутатом более двух-трех сроков подряд, ставилась цель и «ограничить практику выдвижения в трудовых коллективах кандидатов, не работающих в соответственных коллективах или не связанные с ними», а также «запретить заполнение справок на избирателей, не явившихся голосовать, как на выбывших».

В ходе подготовки избирательной реформы в 1987 г. на части территории страны провели экспериментальные выборы по многомандатным округам. В Горном Алтае для эксперимента определили Майминский район [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 9. Л. 2; Об образовании 1987: 1].

Бюро обкома партии 30 марта 1987 г. принимает план организационных и агитационно-массовых мероприятий в связи с подготовкой и проведением выборов в местные Советы, народных судей и народных заседателей районных (городского) народных судов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 9. Л. 15–21; Об утверждении 1987: 1; Об утверждении 1987: 1].

На территории района были образованы многомандатные

округа по выборам в районный и сельские Советы, избирательные комиссии, действовали агитпункты, агитационные коллективы и пропагандистские группы по разъяснению среди населения материалов по выборам в местные Советы [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 7. Л. 93, 94]. По состоянию на 27 апреля 1987 г. коллективами и общественными организациями, сходами граждан выдвинули кандидатами в депутаты по многомандатным округам в сельские Советы – 40,5 %, районный – 37,3 % от всех мандатов. По многомандатным округам обсудили 149 кандидатур, выдвинули 110 кандидатов на 96 мандатов [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 7. Л. 86].

В условиях эксперимента проведения выборов с несколькими кандидатами по многомандатным избирательным округам ни избиратели, ни кандидаты, ни официальные лица порой не знали, как действовать в новой ситуации. В итоге выдвижение кандидатов в депутаты прошло без подготовки и широкого обсуждения и без большого числа кандидатур. Не полностью использовались возможности выдвижения кандидатов в депутаты сельских и районных Советов народных депутатов на общих собраниях, сходах граждан по месту жительства. Не привлекались к обсуждению и выдвижению представителей сельских, уличных, домовых комитетов, женсоветов, советов ветеранов войны и труда.

Местные власти составляли пофамильные списки отказавшихся идти голосовать, анализировали причины подобного поведения. Уклонение избирателей от голосования объяснялось нерешенностью социальных проблем и падением авторитета власти. Можно сказать, что неучастие было порождено также в определенной мере недоверием к политической системе, отсутствием конкуренции. Учитывая, что экспериментальные выборы проводились в условиях однопартийности, выбор кандидатов был предопределён.

В этих выборах особенно ярко проявились общественные настроения. Заслуживает внимания документ, содержащий сведения о подписях на избирательных бюллетенях по выборам народных депутатов в местные Советы 21 июня 1987 г. Они дают некоторое представление о социальном самочувствии части граждан и об их негативной оценке кандидатов: «Пусть мясо в магазинах будет дешевле», «Когда будет отопление по ул. Социалистической № 20», «Нет воды по ул. Фрунзе», «Не сделана дорога по пер. Колхозному», «Живем в его резервации», «Несправедливый, скрывает

мошенников», «Получил квартиру незаконно» и т.д. [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 20. Л. 112, 114].

Выборы проводились в 9 районных, городском, 3 поселковых и 75 сельских Советах народных депутатов, в том числе – в порядке эксперимента по многомандатным избирательным округам – в одном районном и в 6 сельских Советах народных депутатов.

По информации горкома партии, в выборах приняло участие: в районные Советы – 99,3 %, городской Совет – 98,6 %, поселковые Советы – 100 %, сельские Советы – 99,2 % от всех избирателей соответствующих избирательных округов.

В городской Совет избрали 140 кандидатов, были выдвинуты на собраниях 140 кандидатов, обсуждались 174. В областной Совет избрали 35 депутатов, на собраниях было выдвинуто 35 кандидатов, обсуждалось 47. В краевой Совет избрали 5 депутатов, выдвинуто 5 кандидатов, обсуждалось 7 человек [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 67. Д. 20. Л. 103].

Таблица 1
Состав депутатов местных Советов народных депутатов Горно-Алтайской автономной области (без учёта итогов выборов по многомандатным избирательным округам), 21 июня 1987 г.

	Всего	
	Количество	%
Всего депутатов	2644	100,0
По полу:		
мужчин	1404	53,1
женщин	1240	46,9
По партийности:		
членов и кандидатов в члены КПСС	1155	43,6
беспартийных	1489	56,3
По роду занятий:		
рабочих	1158	43,7
колхозников	319	12,0
По возрасту:		
молодежи в возрасте до 30 лет	775	29,3
членов ВЛКСМ	510	19,2

Источник: Сообщение 1987: 1; Сообщение 1987: 2.

Без учёта многомандатных избирательных округов, по данным избирательной комиссии в голосовании приняло участие подавляющее большинство избирателей: за кандидатов в депутаты

районных Советов – 98,9 %, городского Совета – 98,8 %, поселковых Советов – 98,6 %, сельских Советов – 99,9 % избирателей. Против кандидатов в депутаты районных Советов высказались 1,0 % всех голосовавших, городского Совета – 1,1 %, поселковых Советов – 1,3 %, сельских Советов – 1,0 %. Состав депутатов обновился на 59,7 % (см. табл. 1).

По многомандатным избирательным округам в результате выборов состав депутатов обновился на 70,3 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Состав депутатов местных Советов народных депутатов
Горно-Алтайской автономной области
(по многомандатным избирательным округам), 21 июня 1987 г.

	Всего депутатов		Резервных депутатов	
	Количество	%	Количество	%
Всего депутатов	277	100,0	82	100,0
По полу:				
мужчин	161	58,1	34	41,4
женщин	116	41,8	48	58,5
По партийности:				
членов и кандидатов в члены КПСС	120	43,3	38	46,3
беспартийных	157	56,6	44	53,6
По роду занятий:				
рабочих	180	64,9	43	52,4
По возрасту:				
молодежи в возрасте до 30 лет	96	34,6	27	32,9
членов ВЛКСМ	49	17,6	19	23,1

Источник: Сообщение 1987: 1; Сообщение 1987: 2; Сообщение 1987: 2.

В этот день состоялись также выборы народных судей районных (городских) народных судов РСФСР. В этом виде выборов приняло участие 98,8 % всех избирателей. За кандидатов в народные судьи голосовало 98,7 % избирателей и против кандидатов в народные судьи – 1,3 %. Всего избрали 17 судей. В их числе 15 женщин (88,2 %), 11 членов и кандидатов в члены КПСС (64,7 %). Состав народных судей обновился на 35,3 % [Сообщение 1987: 1].

В целом результаты выборов 1987 г. в Горном Алтае соответствовали общесоюзной тенденции – сохранялась практика подбора депутатского корпуса по социальному, половозрастному,

образовательному и профессиональному принципам. Большинство депутатских мандатов на этих выборах получили руководители среднего звена, специалисты народного хозяйства и представители местной интеллигенции.

На XIX Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся летом 1988 года, в ходе острых дискуссий принимается резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы» [XIX Всесоюзная 1988: 53]. Вертикальная соподчиненность Советов и исполкомов отменялась, но при этом не была определена компетенция Советов разных уровней. В 1989 г. решением Верховного Совета учреждается пост председателя местного Совета народных депутатов, соответствовавший в иерархии должности руководителя местной организации КПСС. Этим же решением Верховный Совет утвердил институт Президиума Совета народных депутатов, который осуществлял деятельность Совета между сессиями. Президиум Совета народных депутатов формировался из числа председателей постоянных комиссий. Общей задачей предпринимаемых мер провозглашалось «возрождение полномочия Советов». Отмечалась необходимость «введения в практику альтернативных выборов Советов всех уровней». При этом присутствовало пожелание «рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов» [XIX Всесоюзная 1988: 55].

После Всесоюзной партконференции в Горно-Алтайском областном Совете народных депутатов начался поиск и внедрение новых форм работы. На IX-й сессии областного Совета народных депутатов XX созыва (17 марта 1989 г.) отдельно рассматривался вопрос «О задачах местных Советов народных депутатов по совершенствованию стиля и методов работы в свете резолюции XIX Всесоюзной и постановления XXXV областной партийной конференций» [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 966]. Главным содержанием организационной работы Советов народных депутатов являлась социальная проблематика. Более двух третей, рассматриваемых на сессиях и исполкомах вопросах касались непосредственно труда, жизни и быта населения области, удовлетворения их материальных и культурных запросов. Как отмечалось ранее, одним из важнейших вопросов сессий Советов являлся отчет исполнительного комитета, его обсуждение и принятие конкретных решений.

Свои задачи и функции Советы осуществляли в определённых организационных формах и методах. Важнейшей формой работы Советов являлась сессионная деятельность, совершенствованию которой придавалось большое значение. К подготовке сессии привлекался депутатский актив. С материалами сессии заранее знакомились члены постоянных комиссий, которые предварительно обсуждали тезисы докладов и проекты решений. Облисполком обращался к депутатам и жителям области с просьбой высказывать в письмах, по телефону, через областные газеты «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» свои замечания и предложения о деятельности облисполкома, его отделов и управлений.

При подготовке сессий работниками облисполкома изучалась практика организационной работы райисполкомов и некоторых сельских Советов, а отделы и управления анализировали стиль и методы своей деятельности и высказывали свои предложения и замечания по работе облисполкома, которые учитывались в докладах и решениях сессий. Сессии становились более демократичными форумами волеизъявления депутатов и плюрализма мнений. Депутаты на сессиях высказывали собственные мнения, предлагали различные пути и формы организации и решения поставленных задач.

Например, в 1988 г. было проведено 503 сессии, на которых рассмотрели более 1300 вопросов, в обсуждении которых участвовало 78 % депутатов местных Советов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 966. Л. 13]. На сессиях чаще стали рассматриваться вопросы о наказах избирателей, о мерах по реализации критических замечаний и предложений, о выполнении депутатами своих обязанностей, о выполнении ранее принятых решений. Наблюдалось расширение тематики запросов. Они становились более злободневными и острыми. Если ранее запросы были посвящены большей частью, вопросам оказания материально-технической поддержки, то впоследствии запросы больше касались общих социальных проблем. В то же время ряд Советов слабо использовал эту форму.

Областной Совет народных депутатов на период полномочий всего принял 207 наказов, из них выполнили только 130 (62,8 %). По отдельным районным Советам доля выполненных наказов колебалась от 25–37 % в Онгудайском и Шебалинском Советах до 41,4–48 % в Чойском, Турочакском и Усть-Коксинском Советах. В Горно-Алтайском городском Совете народных депутатов

выполнялся только каждый второй наказ. Слабо работали с наказами избирателей и критическими выступлениями депутатов сельские и поселковые Советы и их исполкомы. В 1988 г. по первичному звену Советов народных депутатов исполнено 57% наказов избирателей.

Во взаимосвязи с наказами избирателей рассматривались критические замечания, предложения и просьбы депутатов. В областном Совете сложилась практика по материалам каждой сессии разрабатывать мероприятия по практическому осуществлению высказанных депутатами критических замечаний и предложений, которые затем утверждались на заседании облисполкома и включались в планы его работы. Такая практика позволяла по каждому предложению вырабатывать чёткую линию по его реализации. По результатам рассмотрения, которых сообщалось лично депутату, а также на сессии, предоставлялась информация о ходе выполнения наказов. Однако контроль за исполнением предложений ни всегда осуществлялся на должном уровне. Так, в течение 1988 г. на сессиях Онгудайского, Майминского, Улаганского, Усть-Коксинского и Кош-Агачского райсоветов ни разу не рассматривались вопросы о выполнении критических замечаний и предложений депутатов. Поэтому многие предложения не реализовывались, накапливалось число невыполненных просьб и предложений [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 966. Л. 15].

Значительные возможности в укреплении связи Советов с населением, выполнении его запросов, предоставляла собой деятельность постоянных комиссий. В 1989 г. во всех Советах области числилось 450 постоянных комиссий. В 1990 г. их число сократилось почти в два раза, поскольку многие комиссии создавались формально и практически бездействовали. Они проводили свои заседания обычно в день сессии без подготовки, наспех, по обсужденным вопросам решения не принимались. На сессиях редко практиковались доклады и содоклады комиссий и почти не заслушивались их отчёты. Так, в 1989 г. на сессиях районных Советов на 72 постоянных комиссий отчитались о своей деятельности только 11 (15 %), сельских Советов – 47 % [Чаптынов 1990: 2].

Определяющим в осуществлении Советами государственной власти являлось инициативное и активное участие в работе каждого депутата. В предыдущих созывах многие депутаты не проявляли активности, практически не участвовали в деятельности Советов и

их органов. Особенно низкий уровень активности наблюдался на сессиях районных Советов Улаганского – 30,7 %, Кош-Агачского – 36,0 %. Невысока активность и была в городском Совете – 43,6 % и областном Совете – 42,0 % (1988 г.) [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 966. Л. 18].

Оценивая работу исполнительно-распорядительных органов Совета, следует отметить, что облисполкомом принимались меры к совершенствованию стиля и метода работы своей и гор-/райисполкомов. Состояние этой работы постоянно анализировалось. На заседаниях облисполкома рассматривались вопросы о работе исполкомов районных и сельских Советов, некоторых областных ведомств и управлений, заслушивались комплексные отчёты исполкомов районных сельских Советов. Вместе с тем, областной управленческий аппарат в это время сократился более чем на 200 человек.

Стали практиковать проведение «Дней облисполкома», дни малых сёл, дни депутатов, встречи и т.д. Проведение подобных мероприятий помогало оперативно решать возникшие вопросы, постоянно находиться среди населения, знать и жить заботами людей.

Слабым местом в работе Советов и исполкомов оставался недостаточный контроль за принятыми решениями. Принимались большие по объёму и неконкретные по содержанию решения, что затрудняло их выполнение и контроль [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 966. Л. 26].

Горно-Алтайский областной Совет утверждал и контролировал реализацию в регионе долговременных комплексных программ – «Продовольственная», «Мясо», «Молоко», «Здоровье», «Дороги», «Квартира» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 965. Л. 120–126].

Управление экономикой территории являлось важной компетенцией местного Совета. Расширились полномочия местных Советов в экономике. Главной функцией Совета как органа власти было финансово-бюджетное руководство [О краевом: эл. ресурс; О городском: эл. ресурс]. Совет также руководил работой по исчислению и взиманию государственных и местных налогов и сборов. Совет утверждал текущие и перспективные планы социально-экономического развития территории, организовывал и контролировал реализацию этих планов, утверждал отчёты об их выполнении; учитывал при разработке текущих и перспективных

планов и бюджета указы избирателей, предложения трудовых коллективов, а также общественных организаций; обеспечивал сбалансированное развитие экономики территории.

Большинство направлений деятельности местных Советов так или иначе имели социальное значение. Преимущественно уделялось внимание здравоохранению и образованию.

Социально-экономическому развитию Горного Алтая уделялось определенное внимание и со стороны центральных органов власти страны. Так, председатель Совета Министров СССР Рыжков Н.И. специально посетил Горный Алтай в марте 1989 г. На встрече с партийно-советским и хозяйственным активом в обкоме партии он рассмотрел насущные, перспективные вопросы, в частности о необходимости укрепления энергетического потенциала области, в связи с этим ускорения решения о строительстве Катунской ГЭС и поднятии многоотраслевого животноводства на более высокий качественный уровень [Варванец 1989: 1; Совершенствовать стиль 1989: 1].

Одной из широко обсуждаемых кампаний периода перестройки стала антиалкогольная кампания. В годы перестройки борьба с пьянством приобрела новое дыхание после выхода постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» (1985 г.) и принятием соответствующего антиалкогольного законодательства.

Советские, партийные, хозяйственные и правоохранительные органы, общественные организации области направляли все свои усилия на осуществление мер, способствующих активизации работы по преодолению пьянства и алкоголизма. Работа велась комплексно, при сочетании воспитательных, экономических, медицинских и административно-правовых мер.

Активное участие в борьбе с пьянством и алкоголизмом принимали общественные формирования. В области функционировали 53 совета общественных пунктов охраны правопорядка, 245 советов профилактики в трудовых коллективах, 452 первичных организаций общества борьбы за трезвость. Регулярно проводились «Дни открытых дверей», в которых принимали участие руководители РОВД и предприятий, секретари партийных организаций, работники суда и прокуратуры, депутаты местных Советов.

Принимались практические меры. Например, в Горно-Алтайске открыли областной наркологический диспансер, выделили помещение из амбулатории и стационара на 60 койко-мест, пять ставок врачей наркологов и 14,5 ставки фельдшеров. Во всех районах открыли наркологические кабинеты. Однако положение дел в области по преодолению пьянства и алкоголизма продолжало оставаться острым, отмечался высокий уровень преступности, травматизма. Проводимая работа еще не везде носила целенаправленный характер [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 72. Д. 13. Л. 8-12].

С кризисными явлениями в экономике продолжали бороться традиционными способами, объявляя социалистические соревнования, беря повышенные трудовые обязательства. Но, ни эти меры, ни принятие пятилетних и ежегодных планов социально-экономического развития области не приносили ожидаемых результатов.

Повышение роли Советов и их ответственности предъявляло строгие требования к советским кадрам. Следует отметить, что Советы автономной области укомплектовывались в основном подготовленными сотрудниками. Все председатели райисполкомов, их заместители, секретари гор-/райисполкомов, руководители областных и большинство руководителей районных ведомств имели высшее образование. Состав председателей сельских, поселковых Советов с высшим образованием составлял 47 %, секретарей с высшим и средним образованием – 97 %. В 1988 г. более 30 работников прошли переподготовку на постояннодействующих курсах в г. Барнауле и на межобластных курсах в г. Новосибирске. В районах и Горно-Алтайске работали школы советского актива, проводилась аттестация советских работников.

В подборе, расстановке кадров имелись некоторые упущения. Прежде всего, отмечалась текучесть кадров советских работников. Среди председателей исполкомов в 1988 г. она составила 22 %, заместителей райисполкомов – 43 %, председателей сельских Советов – 21 % (в 1987 г. – 19 %), и среди секретарей сельских Советов – 22 % (в 1987 г. – 12 %). Особенно большая сменяемость председателей сельских Советов наблюдалась в Улаганском районе – 50 %, Онгудайском – 44 %. Каждый третий секретарь сельского Совета сменился в Онгудайском, Усть-Коксинском, Чойском и Улаганском районах. Причина сменяемости указывалась разная:

большой объем работы и отсутствие надлежащих условий труда, низкая зарплата [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 966. Л. 40].

В кадровой политике пытались исходить из требования пропорционального представительства наций и народностей, проживающих в области. В 1990 г. из 3096 депутатов местных Советов, 52 % составляли русские, 39,8 % – алтайцы, 5,5 % – казахи, 2,5 % – другие национальности. Представители коренной национальности составляли среди советских работников – 31,4 %, комсомольских работников – 40 %, среди директоров совхозов и председателей колхозов – 43,3 %, среди руководителей предприятий, организаций, учреждений и её ведомств – 17,8 % [В единстве 1990: 2].

В деятельности Советов постоянное внимание уделялось рассмотрению писем, обращений и жалоб граждан. В Советы ежегодно поступало до 4,5 тыс. писем и на приём побывало до 18 тыс. чел. Только в 1988 г. в облисполком поступило 900 писем, из них 289 из вышестоящих органов и организовали приём 338 граждан. В целом письма и жалобы внимательно рассматривались, и на них давались обоснованные ответы. Но зачастую из-за поверхностного отношения к рассмотрению писем от населения, они «ходили» по кругу, что заставляло граждан обращаться в вышестоящие органы [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 966. Л. 40, 41].

Развернувшийся в стране процесс демократизации предоставил гражданам возможности реализации основных конституционных прав. Первые альтернативные выборы в местные Советы 4 марта 1990 г. показали, что подавляющая часть населения Горного Алтая сохранила лояльное отношение и высокую степень доверия к коммунистической партии. Выборы прошли при высокой активности избирателей. Тогда было избрано 100 депутатов, представляющих почти все слои населения.

27 марта 1990 г. на первой сессии Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области XXI созыва предстояло решить важные организационные вопросы. Впервые планировалось избрать председателя областного Совета – руководителя представительного органа власти региона. Ранее на каждой сессии избирался председательствующий и секретарь сессии. Межсессионную работу парламента обеспечивал избираемый депутатами председатель облисполкома. Теперь же в соответствии с принципами разделения «ветвей власти» требовалось разграничить

полномочия представительного и исполнительного органов государственной власти.

На основании ст. 145 Конституции РСФСР и постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 февраля 1990 г. «О временном положении председателей и президиума местных Советов народных депутатов РСФСР» областной Совет решил избрать председателем Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области В. И. Чаптынова, депутата от избирательного округа № 43, освободив его от обязанностей председателя исполкома областного Совета народных депутатов [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991а. Л. 36].

На сессии областного Совета народных депутатов был сформирован новый коллегиальный орган – Президиум в составе 17 чел. В него вошли председатель областного Совета, председатели постоянных комиссий, депутаты. Президиум принимал решения по организации и подготовке предстоящих сессий областного Совета, заседаний постоянных комиссий, «Дней депутата» [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991а. Л. 50–51].

Согласно решению депутатов, председателем исполнительного комитета Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области избран В. И. Петров и членами исполкома стали: Каржавин В.А., Илаков А.В., Альпимов У.А., Тарабаев Н.И., Сумачаков И.И., Серебренников А.А., Тулинов Н.И., Троценко Ф.В., Охрин И.А., Бедюров Б.Я. [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991а. Л. 56].

В тот же день на сессии областного Совета народных депутатов было образовано 8 постоянных депутатских комиссий:

по вопросам плана, бюджета, управления и самоуправления, социально-экономического развития, работы кооперативов, производства товаров народного потребления, труда, цен и налогообложения;

по аграрным вопросам, продовольствию, социальному развитию села, экологии и рациональному использованию природных ресурсов;

по вопросам развития промышленности, строительства, энергетики, транспорта, связи, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства;

по вопросам торговли, общественного питания и бытового обслуживания;

по вопросам науки, народного образования, культуры, языка, межнациональных отношений и интернационального воспитания;

по вопросам социалистической законности и правопорядка, гласности, приема и обращений граждан;

по делам молодежи, ветеранов и инвалидов, охраны семьи, материнства и детства, здоровья населения;

по вопросам внешнеэкономических связей [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991а. Л. 39].

Горно-Алтайский областной Совет народных депутатов XXI-го созыва всего провёл три сессии и принял ряд важных решений: «О Федеративном договоре и о государственно-правовом статусе Горно-Алтайской автономной области», «Декларация о государственном суверенитете Горно-Алтайской автономной области», «О языке межнационального общения» и др. [От уезда 2001: 109–117; Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 1013а. Л. 70–72].

13 февраля 1991 г. на сессии областного Совета народных депутатов принято новое официальное название представительного органа власти – Совет народных депутатов Горно-Алтайской автономной советской социалистической республики (АССР). Первая сессия Совета народных депутатов Горно-Алтайской АССР приняла ключевые нормативно-правовые акты, положившие начало становления парламентаризма в республике: «Об основных показателях плана экономического и социального развития республики на 1991 г.», «Об организационных мерах в связи с изменением статьи 82 Конституции РСФСР», «О проекте Конституции РСФСР», «О проекте Союзного Договора». Несмотря на короткий срок работы (4 месяца 18 дней) республиканский Совет народных депутатов стал самостоятельным законодательным органом власти региона. Нельзя не отметить, что если на начальной стадии становление парламентаризма происходило в явочном порядке, то в дальнейшем он действовал на законных основаниях и официально признавался федеральными органами власти. После принятия Закона РСФСР от 3 июля 1991 г. «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику» законодательный орган власти региона стал называться Советом народных депутатов Горно-Алтайской ССР. Принятые на сессиях нормативно-правовые документы по наиболее значимые социально-экономическим и правовым вопросам именовались законами, а другие – постановлениями [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 1014. Л. 12].

На второй внеочередной сессии Совета народных депутатов Горно-Алтайской АССР 13 марта 1991 г. абсолютным большинством голосов депутатов принято решение о совмещении должностей председателя Совета Горно-Алтайской АССР и первого секретаря обкома КПСС [Эшматова 2022: 29].

В изменившихся условиях политической жизни страны, оказалось довольно сложно разрешить проблемы соотношения полномочий президиума и исполкома местного Совета народных депутатов. Председатель и члены президиума представляли Совет в отношениях с государственными, общественными организациями и органами местного самоуправления, докладывали Совету о положении дел на его территории, информировали о своей деятельности, представляли кандидатуры для избрания на номенклатурные должности, координировали деятельность постоянных комиссий и депутатских групп, оказывали содействие депутатам в осуществлении полномочий, а также необходимую правовую, организационно-техническую и иную помощь в выполнении ими функций, предусмотренных Законом СССР «О статусе народных депутатов в СССР». Они предварительно рассматривали обращения граждан, поручали депутатам проверки, по результатам которых выносились предложения об устранении выявленных недостатков, отмене незаконных решений, привлечении к ответственности лиц, виновных в нарушении государственной дисциплины и законности, решали возложенные законом вопросы по организации выборов и т.д.

Вопросы организации работы Советов народных депутатов повсеместно вызвали определённый интерес и значительные трудности, порождённые как новизной структуры Советов, так и неопределённостью их положения, штатной численности и взаимоотношений с исполкомом.

Законы предоставляли местным Советам народных депутатов широкий спектр прав, сохраняя соподчиненность местных органов власти по вертикали. При этом законодательно не были разграничены компетенции между местным Советом – органом местного самоуправления и областным (краевым) Советом народных депутатов, отнесенным к органу государственной власти.

В практическом осуществлении намеченных задач определяющее место принадлежало сельским и поселковым Советам народных депутатов. В 1990 г. в Горном Алтае действовало

83 сельских и 2 поселковых Советов [Чаптынов 1990: 2]. Был случай, когда в двух сельских Советах (Хабаровском и Куладинском) Онгудайского района должности председателей Совета и колхоза совмещались [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 966. Л. 37].

В рассматриваемые годы активно принимались меры по повышению ответственности сельских Советов за комплексное социальное развитие территории. За инициативное решение задач переустройства села, социальных проблем и перевыполнение заданий за 1989 г. победителями областного социалистического соревнования стали Кокоринский, Турочакский и Кызыл-Озекский сельские Советы, в краевом соревновании – Тобелерский сельский Совет и во Всероссийском соревновании – Горбуновский сельский Совет [Чаптынов 1990: 2]. К сожалению, ввиду отсутствия необходимых средств, социальные проблемы не разрешались в полной мере.

В деятельности Советов народных депутатов Горного Алтая не хватало последовательности в реализации намеченных мер. Наблюдалась слабая организаторская работа по выполнению собственных решений, снизилась требовательность к хозяйственным кадрам за выполнение планов и заданий. Исполком Совета народных депутатов во главе с председателем, помимо текущей работы, осуществлял подготовку вопросов и проектов решений, выносимых для обсуждения на сессии Совета.

В ходе политической реформы вводились демократические принципы в избирательную систему. Состоялись первые альтернативные выборы в местные Советы народных депутатов. Значительно обновился состав местных Советов всех уровней: от сельских, районных до областного. Депутаты исполняли свои обязанности по совместительству с основной работой, что обеспечивало высокую степень связи депутатов и избирателей. В рассматриваемые годы процесс реорганизации Советов на принципах местного самоуправления оказался невозможным по причине экономической слабости и отсутствия конкретных критериев разграничения компетенций представительных и исполнительных органов Советов народных депутатов.

7.2.4. Выборные кампании в органы представительной власти СССР, РСФСР и Горного Алтая. Референдумы

Основное содержание реформы политической системы страны заключалось в обновлении структуры Советов, порядка формирования и деятельности высших органов государственной власти, избирательной системы. Начало для формирования законодательной базы для проведения в стране выборов в Верховный Совет СССР было положено решениями XIX Всесоюзной партконференции, состоявшейся в конце июня – начале июля 1988 г. Осуществление политической реформы определили законы от 1 декабря 1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР» [Об изменениях: эл. ресурс; О выборах: эл. ресурс]. Внеочередная сессия Верховного Совета СССР в декабре 1988 г. приняла указанные законы. Выборы народных депутатов СССР были назначены на 26 марта 1989 г. [По пути 1989: 3].

Выборы народных депутатов СССР (26 марта 1989 г.). Избирательная кампания по выборам народных депутатов СССР началась сразу после принятия вышеуказанных законов. В результате политической реформы, полномочиями высшего органа власти наделялся Съезд народных депутатов СССР. Из числа депутатов формировался двухпалатный Верховный Совет, функционировавший на постоянной основе. В союзном законе «О выборах народных депутатов СССР» кроме депутатов от 750 территориальных и 750 национально-территориальных округов, предусматривалось выдвижение 750 депутатов от общественных организаций (в т. ч. 100 депутатов от КПСС). В соответствии с новым законом территориальные округа создавались с равным количеством избирателей на всей территории страны [О выборах: эл. ресурс].

В избирательных округах выдвигались кандидаты в депутаты на альтернативной основе. Выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР началось за три месяца и закончилось за 2 месяца до выборов, т.е. с 26 декабря 1988 г. по 24 января 1989 г. [Календарь избирательной 1989: 1]. Право выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР предоставлялось собраниям, конференциям трудовых коллективов; республиканским, краевым, областным, окружным, районным, городским органам общественных

организаций, а также собраниям избирателей по месту жительства, если на нем присутствовало не менее 500 избирателей, проживающих на территории избирательного округа; собранием военнослужащих по воинской части; общественным организациям, имеющим общесоюзные органы [Табеев 1989: 3].

Число кандидатур на собраниях не ограничивалось. Участник собрания мог предлагать для обсуждения и свою кандидатуру [Слово депутата 1989: 1]. Каждый коллектив (собрание), выдвинувший кандидатов в депутаты, должен был быть представлен на окружном собрании.

В Закон о выборах вносилось новшество, заключающееся в том, что кандидатами в народные депутаты СССР выдвигались граждане, работающие или проживающие на территории соответствующего избирательного округа, а также введение несовместимости статуса депутата СССР с определенным должностным положением. Кроме того, граждане СССР не могли быть одновременно народным депутатом более чем в двух Советах.

Центральная избирательная комиссия провела встречи с представителями общественных организаций, распределила между ними мандаты. Всего мандаты выделили 38 организациям, которые объединили и привлекли к выборам более 100 различных обществ и ассоциаций [На демократической 1989: 3].

В Горном Алтае для проведения выборов народных депутатов СССР образовали один территориальный избирательный округ № 68, куда вошли, кроме области, 7 районов Алтайского края: Красногорский, Смоленский, Солонешенский, Петропавловский, Советский, Быстроистокский и Алтайский, а также пять национально-территориальных округов: Катунский с центром в Горно-Алтайске, Майминский, Шебалинский, Онгудайский и Усть-Канский [Табеев 1989: 3]. Сформировано 214 избирательных участков [Избирательные участки 1989: 3].

В соответствии с требованиями Закона о выборах, в области в установленные сроки прошло выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР от 73 общественных организаций и 140 трудовых коллективов. Всего по избирательным округам был выдвинут 31 кандидат в народные депутаты СССР [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 72. Д. 5. Л. 12].

Обсуждение кандидатов в депутаты от КПСС прошло и в партийных организациях области. На собраниях первичных

Варванец 1989: 1; *Сам* 1989: 1; *Витовцев* 1989: 2; *Варванец* 1989: 2].

Кандидатами и их группами поддержки использовались разнообразные методы агитации: листовки с биографией и предвыборной программой, регулярные публикации в районных и областных газетах, выступления по местному радио, агитбригады. Особая роль в агитационной работе отводилась доверенным лицам, которые активно участвовали в организации встреч с населением.

В преддверии дня голосования проходили многочисленные встречи с населением в колхозах, совхозах, на предприятиях. Кандидаты в народные депутаты провели 300 встреч, на которых присутствовало 37 тыс. избирателей, выступило две тысячи человек [Алушкин 1989б: 1; Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 5. Л. 13].

Вместе с тем, со стороны районных комитетов партии допускалось искусственное организационное давление на общественное мнение в пользу определённых кандидатур. Такая односторонняя агитация привела к противоположным результатам. Избиратели отвергали любые попытки давления. По-прежнему ждали указаний «сверху». В итоге ряд общественных организаций вообще не использовали своих прав [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 5. Л. 14, 15]. При выборах народных депутатов СССР не во всех округах были альтернативные кандидатуры [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 5. Л. 33].

Фактически в каждом номере в областных газетах размещались предвыборные материалы: биографии и платформы кандидатов, написанные их доверенными лицами и журналистами, отчёты по итогам встреч с избирателями, мнения простых читателей, разъяснения аспектов нового закона. По традиции на предприятиях, в различных организациях, в совхозах и колхозах развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу выборов.

Всего под постоянными рубриками, посвященным выборам, опубликовано 120 материалов (репортажи, отчёты, очерки, интервью), 30 передач прозвучало по областному радио [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 5. Л. 13]. В основном всем кандидатам предоставлялась равная возможность использовать средства массовой информации.

В день выборов в голосовании приняло участие 111216 избирателей из 121140, включенных в список, или 91,8 % избирателей по пяти национально-территориальным округам. Не пришло голосовать много избирателей – 9924 человека (8,2 %). Признаны

недействительными 1380 бюллетеней. Низкая явка избирателей на голосовании была в Горно-Алтайске – 85,1 %, Майминском – 90,7 и Усть-Коксинском районах – 91,5 % [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 5. Л. 13; Табаев 1990: 1, 3; ТА ГС – ЭК РА].

Несмотря на достаточно высокую цифру (91,8 %), явка в 1989 г. немного отличалась от традиционной фактически стопроцентной явки в стране и регионе на предыдущих выборах [В Центральной 1989: 1; Праздник советской 1989: 1].

По итогам выборов народными депутатами СССР от Горного Алтая были избраны Сорокин М.И., Кручина Н.И., Гусев В.В., Плетенецкий Д.Е., Илаков А.В., Ерелина В.К., Кулешов А.А. [От уезда 2001: 254].

Анализ документов даёт право утверждать, что избирательная кампания по выбору народных депутатов СССР в Горном Алтае характеризовалась широким вовлечением в неё граждан. В целом партийные и советские органы стремились выстраивать свою деятельность, исходя из требований программных документов партии. Разрабатывались подробные планы на период предвыборной кампании. При этом, активно выполнялась работа по выдвижению «нужных» кандидатов, устанавливался традиционный контроль над всей агитационно-пропагандистской и организационной работой.

Свою роль в отсеивании значительной части выдвинутых кандидатов сыграли окружные избирательные комиссии, которые создавались местными органами власти и осуществляли организацию проведения выборов. Комиссии имели право предварительного отбора кандидатов, и созыва окружных собраний, на которых могли «отсеять» некоторых кандидатов. По итогам проведения таких собраний сошли с дистанции многие кандидаты, которые оказались не готовыми отвечать на многочисленные и зачастую, острые и требующие обширных познаний вопросы избирателей, не сумели грамотно и чётко сформулировать свои политические взгляды. Поэтому избиратели зачастую отдавали своё предпочтение тем кандидатам, которые лучше представили и защитили свои предвыборные платформы, свою программу действий, кто мог уверенно и развернуто публично отстаивать своё мнение. Среди получивших мандат народного депутата от Горно-Алтайской автономной области не было ни одного колхозника и рабочего. Последний раз интересы избирателей от указанной группы населения представляла колхозница колхоза им. XXIV съезда КПСС

Онгудайского района Ечишева С.Е. на выборах в Верховный Совет СССР 4 марта 1984 г. [Депутаты Верховного Совета 1984: 1].

Результаты выборов в Горно-Алтайской автономной области нельзя назвать (в отличие от некоторых других регионов) поражением номенклатуры. В регионе выборы в целом прошли в пользу действующей власти. Административный ресурс, лояльность населения к областному руководству стали основополагающими факторами победы народных избранников от компартии.

Выборы народных депутатов РСФСР и Горно-Алтайского областного Совета (4 марта 1990 г.). Изменения системы органов представительной власти СССР привели к тому, что в 1989 г. в Российской Федерации был учрежден Съезд народных депутатов РСФСР. В этом же году принимаются законы РСФСР «О выборах народных депутатов РСФСР» и «О выборах депутатов местных Советов РСФСР» [О выборах: эл. ресурс; О выборах: эл. ресурс].

4 марта 1990 г. одновременно проходили выборы народных депутатов РСФСР и депутатов местных Советов (последние в истории Советов и первые альтернативные в истории РСФСР).

В соответствии с Законом РСФСР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР», календарным планом мероприятий президиума Совета Министров РСФСР по подготовке и проведению выборов в республиканские и местные Советы народных депутатов РСФСР, рекомендациями Центральной избирательной комиссии в области были намечены и осуществлены организационные и практические меры, обеспечивающие проведение выборов. На заседании облисполкома 13 ноября 1989 г. утвердили календарный план основных мероприятий по подготовке и проведению выборов народных депутатов РСФСР, местных Советов народных депутатов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 9916. Л. 23]. Кроме того, при обкоме партии создали рабочую группу для разработки проекта предвыборной платформы областной партийной организации с правом привлечения к работе представителей общественных организаций, творческих союзов, различных отраслей народного хозяйства и социальных групп населения, учёных и специалистов, рядовых коммунистов и народных депутатов, средств массовой информации. 6 января 1990 г. на V Пленуме обкома КПСС эту предвыборную платформу областной партийной организации утвердили [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 72. Д. 7. Л. 59; Платформа 1989: 1; Информационное сообщение 1990: 1].

Существенной особенностью данной избирательной кампании явилось сокращение депутатского корпуса Советов. На территории области образовали Горно-Алтайский территориальный округ № 162, Алтын-Кельский национально-территориальный округ № 151, Чуйский национально-территориальный округ № 152, соответствующие округа по выборам в местные Советы.

Согласно календарных сроков были созданы 15 окружных избирательных комиссий по выборам в краевой Совет, 10 окружных избирательных комиссий по выборам в областной Совет, 80 – по выборам в городской Совет, 450 – в районные, 1520 – в сельские по одномандатной избирательной системе, 45 – в поселковые Советы. В целом в Горном Алтае сформировано 225 избирательных участков, выдвинуты представители и утверждены составы участковых избирательных комиссий [Об образовании 1990: 3; Состав участковых 1990: 3; Сообщение 1990: 3].

Для проведения политической и агитационно-агитационно-массовой работы среди избирателей создавались клубы избирателей, куда вошли представители различных общественных организаций. Ход предвыборной кампании освещался областными и районными газетами, телерадиокомитетом. Областные газеты «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» опубликовали более 130 материалов, в эфире прозвучало 210 радиопередач.

Агитационно-пропагандистскую работу в области вели 199 агитколлективов, две тысячи агитаторов, создано 70 клубов избирателей, 126 агитпунктов, 53 справочно-информационных центра [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 9. Л. 123].

Большая организаторская работа по подготовке и проведению выборов осуществлялась избирательными комиссиями, исполкомами Советов и партийными комитетами.

В развернувшейся избирательной кампании по всем звеньям местных Советов было выдвинуто 3762 кандидата в депутаты, 3088 человек – трудовыми коллективами, 240 – общественными организациями, 442 – собраниями избирателей по месту жительства [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 9916. Л. 24].

В подавляющем большинстве округов выдвигались альтернативные кандидаты. На 15 мандатов в краевой Совет зарегистрировали 57 кандидатов, безальтернативные выборы прошли в одном округе, в остальных 14 округах по три и более кандидатур [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 74. Д. 9. Л. 123].

В Горном Алтае на 100 депутатских мест в областном Совете претендовали 232 кандидата, в 22 округах зарегистрировано по одному кандидату, в 87 округах две и более кандидатур. В Горно-Алтайский городской Совет на 80 мест зарегистрировали 125 кандидатов, в 40 округах по одному. На 450 депутатских мест в районных Советах претендовали 688 кандидатов, в 255 округах зарегистрировано по одному кандидату. На 1595 мест в сельских Советах зарегистрировали 1911 кандидатов, из которых 1210 избирались без альтернативы [Косинцев 1990: 1; Сообщение 1990: 2, 3].

На выборах народных депутатов РСФСР по Горно-Алтайскому территориальному округу № 162 были выдвинуты 3 кандидата, по Алтын-Кельскому округу № 151 – более 10, по Чуйскому № 152 – 9 кандидатов [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991. Л. 1-3; Оп. 2«в». Д. 172. Л. 3-46; Кандидаты 1990: 1-3].

Большая часть собраний и конференций проходила организованно, в соответствии с установленным законом порядке. На встречах избирателей с кандидатами в народные депутаты поднимался вопрос о статусе области, о невозможности оставаться в составе Алтайского края, о практической реализации политической реформы.

Вместе с тем, в некоторых случаях нарушались требования статей Закона о выборах о порядке выдвижения кандидатов в депутаты. Факты нарушений имели место в г. Горно-Алтайске, Турочакском, Улаганском, Шебалинском районах. Например, в Чемальском сельском Совете Шебалинского района при регистрации кандидата в депутаты сельского Совета был установлен факт подделки подписей в протоколе регистрации. Не везде создавалась обстановка свободного волеизъявления избирателей. Подчас вместо того, чтобы выдвигать кандидатами наиболее активных, политически грамотных претендентов на депутатский мандат, на собрании преобладали эмоции, местнические интересы, – сообщалось в информации облисполкома об итогах выборов народных депутатов РСФСР, местных Советов народных депутатов в Горно-Алтайской автономной области [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991б. Л. 24, 25].

Встречи избирателей с кандидатами в депутаты проводились в различных вариантах: в трудовых коллективах, по месту жительства, одновременные встречи всех кандидатов одного округа [Варванец, Немова 1990: 1, 2; Витовцев 1990: 1, 2; Васильева 1990: 1,

3]. Так, всего было проведено 45 встреч с кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР. С кандидатами в депутаты местных Советов народных депутатов – 2680 встреч.

Следует отметить, что в организации встреч с кандидатами в депутаты допускались некоторые недоработки. Например, на встречу в округ приглашали по 10–15 кандидатов разных уровней, – от кандидатов в депутаты сельского Совета до кандидатов в депутаты краевого Совета. Имели место факты, когда на встречах число кандидатов, доверенных лиц превышало число избирателей, часть встреч была сорвана из-за отсутствия избирателей [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991б. Л. 25].

Выборы народных депутатов РСФСР, местных Советов народных депутатов в 1990 г. прошли в 4 тура (4 марта, 18 марта, 22 апреля, 29 апреля).

В день выборов 4 марта 1990 г. приняло участие в голосовании 105460 человек, что составило 87,5 % всего списочного состава избирателей [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 74. Д. 9. Л. 124]. Высокая степень участия была характерна для сельских районов области. Например, в Кош-Агачском районе проголосовали – 96,0 %, в Усть-Коксинском – 95,4 %, в Усть-Канском – 94,0 %, Улаганском – 91,3 %, Чойском – 90,3 %. Самая низкая степень участия зафиксировали в областном центре – 80,2 % [ТА ГС – ЭК РА].

Приведенные цифры показывают о постепенном снижении активности населения в выборах.

В первом туре голосования по выборам народных депутатов РСФСР по Горно-Алтайскому избирательному округу № 162 приняло участие 87,7 % избирателей, по Алтын-Кельскому национально-территориальному округу № 151 – 83,02 %, по Чуйскому национально-территориальному округу № 152 – 93,3 %.

По выборам в местные Советы народных депутатов соответственно: в краевой Совет – 87,6 %, в областной Совет – 87,0 %, в городской Совет – 81,4 %, в районные Советы – 89,6 %, в сельские Советы – 89,8 %, в поселковые Советы – 84,8 %. Число бюллетеней признанных недействительными по выборам в местные Советы народных депутатов 12202 бюллетеней. В последующих турах приняло участие в голосовании 71604 избирателей (59,5 %) [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 991б. Л. 25].

В результате всех туров голосования избрано 3 народных депутата РСФСР: Чаптынов В.И. (председатель Горно-Алтайского

облисполкома), Петров В.И. (генеральный директор Горно-Алтайского агропромкомбината «Горный Алтай», первый заместитель председателя Горно-Алтайского облисполкома), Лебедев Ю.А. (директор инженерного центра «Силэн») [Сообщение 1990: 1; Избран 1990: 1; Победил 1990: 1].

По итогам голосования также были избраны 15 депутатов краевого Совета, 98 депутатов областного Совета, 80 депутатов городского Совета, 446 депутатов районных, 1583 сельских, 45 поселковых Советов народных депутатов. В числе народных депутатов сельского звена избрано 70 депутатов по 4 многомандатным избирательным округам Майминского района, а также 9 резервных депутатов. В 17 избирательных округах выборы признавались не действительными. В этих округах, а также избирательных округах, где кандидаты в депутаты не были избраны проведены повторно выборы и повторное голосование [Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 9916. Л. 25]. 25 мая 1990 г. на повторных выборах избрали два депутата областного Совета, 4 депутатов районных Советов, 7 депутатов сельских Советов [Итоги 1990: 1].

Всего в ходе четырёх туров голосования избрано во все звенья Советов народных депутатов области 2252 человека. Состав депутатского корпуса обновился более чем на 70 %. В нем преобладали почти все социальные группы населения. 36 % – руководителей предприятий, организаций, колхозов и совхозов, советские и партийные работники. Если взять областной Совет, то эта категория составляла 66 %, среди депутатов районного уровня – 40 % [Чаптынов 1990: 2]. Преобладающее число избирателей поддержало кандидатов из числа коммунистов – 39,9 % [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 74. Д. 9. Л. 126].

Произошли изменения в депутатском составе областного Совета в пользу крупных хозяйственных работников. Региональной партийной номенклатуре удалось сохранить доминирующее положение во всех местных властных структурах.

Таким образом, выборы 1990 г. продемонстрировали с одной стороны, некоторое снижение избирательной активности населения, с другой – все еще достаточно высокий административный ресурс партии. Выборная статистика советских выборов конца 1980-х начала 1990-х гг. значительно отличается от той, которая имела место при выборах предыдущих депутатских корпусов Советов. Сократилась доля «статусных» депутатов. Их количество

и пропорции регулировались для декларирования демократизма и народного характера представительства советских органов власти, в которых должны были быть представлены в определенных пропорциях рабочие, колхозники, женщины и др. Уменьшилась доля партийной и советской номенклатуры. По-прежнему значительную часть депутатских мест занимали представители партийных органов и руководители предприятий, организаций, учреждений.

Отсутствие практического опыта применения нового законодательства о выборах, приводило к отступлению от правовых норм в избирательной кампании. На ход избирательной кампании накладывали отпечаток несовершенство законодательства, отсутствие четких закрепленных правовых норм, сложившиеся традиции.

Референдумы СССР и РСФСР (17 марта 1991 г.). С 1989 г. главным политическим вопросом стал вопрос о существовании союзного государства. II и III Съезды народных депутатов, состоявшиеся в 1989–1990 гг., приняли ряд решений, которые имели большое значение в реформировании государственной политической системы. В частности, была отменена 6-я статья Конституции 1977 г. о руководящей роли КПСС, партия перестала быть главной политической силой. Параллельно с постом Председателя Верховного Совета вводилась новая должность – Президент СССР. Первым и последним Президентом Советского Союза стал М.С. Горбачёв, избранный 15 марта 1990 г. на третьем внеочередном Съезде народных депутатов СССР [Избрание М.С. Горбачёва: эл. ресурс]. Система разделения властей в государстве приобрела конкретные черты. У Президента СССР была сосредоточена исполнительная власть, Верховного Совета СССР – законодательная власть, Верховного Суда СССР – судебная власть.

По решению IV Съезда народных депутатов СССР и на основании постановления Верховного Совета СССР от 16 января 1991 г. на всенародное голосование выносился вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы любой национальности?». Это было беспрецедентное событие в истории страны – ни до, ни после утверждения в СССР всенародного голосования, обсуждение о ее судьбе не проводилось.

Радикализация общественно-политической ситуации в стране ставила перед органами власти на местах новую повестку работы.

8 февраля 1991 г. бюро обкома партии принимает постановление «О задачах партийных комитетов, коммунистов области по пропаганде концепции нового Союзного договора». В нём партийное руководство определённо выражало поддержку идеи Союзного договора [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 3. Л. 9, 10].

11 февраля 1991 г. состоялось первое заседание Горно-Алтайской окружной комиссии по проведению референдумов СССР и РСФСР. Председателем комиссии был избран помощник народного депутата РСФСР С.С. Тюхтенов. Окружная комиссия утвердила план своей работы [Готовясь к референдуму 1991: 1].

Областной Совет народных депутатов принимает 13 февраля 1991 г. Постановление «О проведении референдумов СССР и РСФСР» [Тюхтенов 1991а: 2]. Через месяц 13 марта 1991 г. состоялась вторая внеочередная сессия Горно-Алтайского областного Совета народных депутатов. Принятию постановления предшествовали два заседания президиума Совета – 11 и 13 марта, на которых обсуждались вносимые на сессию вопросы: о референдуме РСФСР на территории Горного Алтая и о совмещении должностей председателя Совета и первого секретаря обкома КПСС.

По вопросу о референдуме РСФСР состоялась острая полемика с широким обменом мнений. Некоторые депутаты выступили за введение президентского правления в Российской Федерации, отмечая важность обретения республикой государственного суверенитета, достойного представительства России в составе равноправных суверенных республик-государств – новом Союзе, в поддержку Б.Н. Ельцина. Другие депутаты высказывались против президентского правления, выражали опасения, что это ещё более обострило бы общественно-политическую ситуацию в стране. Противоречивые суждения высказывались и по вопросу референдума СССР – с различным видением нового Союза [Сессия 1991: 1; *Параев* 1991: 1].

Горно-Алтайский областной Совет народных депутатов выразил четкую позицию неприятия предложения Верховного Совета РСФСР о введении поста Президента РСФСР [О референдуме 1991: 1].

Накануне референдума в области развернулась кампания в пользу сохранения СССР на основе обновленного Союзного

договора. В местных газетах начали публиковаться материалы с высказыванием мнений о необходимости сохранения единого государства [*Чальчиков* 1991: 2; *Чанчибаева* 1991: 1; *Данилов* 1991: 1; *Обращение* 1991: 1].

При этом партийные органы фиксировали недостатки в разъяснительной работе в пользу сохранения СССР, что вызывало тревогу областного руководства. Отмечалась слабая работа депутатов, партийного актива, работников культуры и средств массовой информации по разъяснению смысла и содержания референдумов. При этом указывалось на активизацию противников Союзного договора, которые проводили в области агитационную работу [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 3. Л. 74].

В Горном Алтае в референдуме СССР приняли участие 85,4 % всего числа избирателей, а в референдуме РСФСР – 85,0 % общего числа.

По итогам референдума в Горном Алтае за сохранение СССР высказалось 89 % из числа принявших участие в голосовании (намного выше, чем в других областях и республиках Сибири). В порайонном разрезе за сохранение Союза ССР проголосовали от 92 до 96% избирателей в шести районах (Кош-Агачском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Улаганском, Чойском и Шебалинском) и от 82,9 до 85% (т.е. значительно ниже) в Горно-Алтайске, Майминском и Турочакском районах.

На референдум РСФСР был внесен вопрос: «Считаете ли Вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?». На поставленный вопрос за президентское правление в РСФСР утвердительно ответили – 52,3 %, а к числу граждан, включенных в список, – 44 % голосовавших. В разрезе районов за президентство в РСФСР большинство (от 50 до 64%) граждан проголосовали в Горно-Алтайске и пяти районах (Майминском, Турочакском, Чойском, Шебалинском и Усть-Коксинском), а меньшая часть (от 29 до 42,9%) граждан в четырех районах (Кош-Агачском, Онгудайском, Усть-Канском и Улаганском) [Госархив РА. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 3. Л. 73; ТА ГС–ЭК РА; Итоговые данные 1991: 1; *Тюхтенов* 1991б: 1; *Табаев* 1991: 1].

Итоги референдумов свидетельствовали о неоднозначном подходе и оценке вынесенных на референдумы СССР и РСФСР вопросов. Избиратели областного центра и преимущественно северных районов проголосовали – за введение поста Президента

РСФСР. В целом большинство принявших в голосовании граждан поддержало идею обновленного Союза. Против сохранения Союза ССР как обновлённой Федерации суверенных республик проголосовало 9260 чел. или 8,7 %. Значительное количество бюллетеней признано недействительными. Так, по референдуму СССР признаны недействительными 2245 бюллетеней и по референдуму РСФСР – 5740 бюллетеней. Из числа граждан, получивших бюллетени, 787 чел. не участвовали в голосовании [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 3. Л. 74].

Таким образом, в Горном Алтае по сравнению с другими регионами страны, идея введения поста Президента получила меньшее распространение.

Кампания по выборам Президента РСФСР (12 июня 1991 г.). 12 июня 1991 г. состоялись первые выборы Президента РСФСР. В выборах президента приняли участие шесть кандидатов, которым для победы необходимо было получить более половины голосов избирателей [Зарегистрированы кандидатами 1991: 1]. Это были единственные выборы, на которых граждане голосовали за президента и вице-президента, шедших в одной графе.

18 мая 1991 г. обкомом партии утверждается план мероприятий по подготовке и проведению выборов Президента РСФСР [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 5. Л. 13–14].

На проведение выборов Президента РСФСР в Горном Алтае выделили около 297 тыс. руб. Действовали окружная, городская, районные и 222 участковые комиссии.

В республике по выдвижению кандидатов в Президенты РСФСР провели собрания, на которых выдвинули Н.И. Рыжкова и А.М. Тулеева. Образовали инициативные группы: в Горно-Алтайске и Шебалинском районе. Только в поддержку Н.И. Рыжкова было собрано более 14 тыс. голосов [Табаев 1991: 3]. В поддержку его кандидатуры так же создавались инициативные группы в Горно-Алтайске, Майминском, Турочакском и Чойском районах [Плетнева 1991: 1].

Руководствуясь решением совместного Пленума ЦК КПСС и ЦКК Компартии, мнением многих партийных организаций, трудовых коллективов, избирателей, бюро обкома КПСС поддержало коллективы, выдвинувшие кандидатом в Президенты Н.И. Рыжкова.

Для агитационной работы в трудовых коллективах, по месту жительства граждан и помощи партийным организациям при

обкоме партии создали инициативную группу из числа коммунистов в поддержку кандидата в Президенты РСФСР Рыжкова Н.И. в составе: Антаронов Ю.В. (руководитель группы, секретарь обкома КПСС), Волков В.В. (первый секретарь горкома КПСС), Сабин В.К. (заведующий отделом оргпарторганизации обкома КПСС), Лошкарёв Н.П. (председатель контрольной комиссии областной парторганизации), Табакаев Ю.В. (ректор пединститута), Нефедова Р.Н. (секретарь парткома совхоза-техникума), Сарыкин В.Н. (редактор газеты «Звезда Алтая»), Демидов А.М. (заместитель председателя ресисполкома), Урезков Б.К. (председатель республиканского совета ветеранов), Молодых Д.Д. (водитель автоколонны № 1931), Гранин А.Н. (заведующий общественно-политическим центром обкома КПСС) [Госархив РА. Ф. П–1. Оп. 76. Д. 5. Л. 9–10].

В Горном Алтае в областной прессе в основном публиковались статьи, положительно характеризующие Н.И. Рыжкова. Информация с одобрительными отзывами о Б.Н. Ельцине встречались не так часто, в основном со встреч избирателей, где выражалось доверие демократам [Реутов 2015: 105]. Однако в редакцию поступали письма, в которых указывалось, что в Горном Алтае предвыборная кампания по избранию Президента РСФСР приобрела однобокий характер [Полищев 1991: 1].

Выборы состоялись 12 июня 1991 г., в первую годовщину принятия Декларации РСФСР о суверенитете. Этот день был объявлен государственным праздником (День принятия Декларации о государственном суверенитете РФ, впоследствии День России).

Выборы проходили по мажоритарной системе абсолютного большинства. В голосовании приняли участие 81,8 % избирателей Горного Алтая. По результатам голосования победил Рыжков Н.И. (получил 32,0 % голосов); второе место занял Тулеев А.М. (24,4 %) и третье место – Ельцин Б.Н. (22,4 %). Остальные кандидаты (Жириновский В.В., Макашов А.И., Бакатин В.В.) набрали от 10,2 до 2,2% голосов. Против всех кандидатов проголосовали около 2 % избирателей [Итоги выборов 1991: 3]. Таким образом, Горный Алтай не стал регионом поддержки Ельцина Б.Н., как и некоторые другие национальные регионы (Тува, Северная Осетия, Агинский Бурятский автономный округ) [Выборы Президента 2000: 291–292].

В связи с ликвидацией монополии КПСС на власть избирательная система претерпела значительные преобразования. Предоставилась возможность участия в выборах представителей

разных политических партий и общественных движений. На законодательном уровне были заложены основные принципы, которые закрепились в российской избирательной системе постсоветского периода. К таким принципам относились свободное выдвижение и обсуждение кандидатур, включение в избирательный бюллетень неограниченного количества кандидатов, проведение выборов по одномандатным и многомандатным округам и другие.

В целом, анализ избирательных кампаний 1989–1991 гг. показывает, что в Горном Алтае, в сравнении с другими российскими регионами, гораздо позднее шло формирование оппозиционно настроенных политических сил. Влияние коммунистической партии на социально-политические процессы было достаточно прочным. Об этом свидетельствуют результаты выборов. В итоге выборных кампаний члены КПСС получали большинство голосов избирателей.

7.2.5. Деятельность органов государственной власти по повышению административно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области (1988 – август 1991 гг.)

Важным отрезком времени стали 1988–1991 годы, когда происходило совершенствование советской формы правления. Институты народовластия приобретают реальные очертания благодаря созданию правовых механизмов их реализации. По форме правления и государственному устройству страна остается советской федеративной республикой с самым демократическим за всю историю Советского государства политическим режимом. Однако накопившиеся за многие предыдущие годы неразрешенные проблемы и давление извне постепенно поворачивали развернувшиеся позитивные процессы вспять. Страна вступила в полосу острейших кризисов. Так, кризисному состоянию национально-государственных отношений способствовали чрезмерный централизм в управлении, многолетнее недостаточное внимание союзных органов к интересам экономического и социального развития республик, к рациональному использованию их природных ресурсов, факты неуважения к национальной культуре, языку и обычаям [Лукьянова 2000: 8, 91].

Стало очевидно, что нужны более серьезные, чем

предусматривались, изменения в базисных отношениях, политико-юридической надстройке и в культурно-идеологической сфере. На повестке дня встали вопросы, требовавшие решения, и, в первую очередь необходимость масштабных экономической и правовой реформ; изменение и совершенствование сферы межнациональных отношений, реформа политической системы.

Характеризируя положение Горно-Алтайской автономной области в конце 1980-х гг. председатель Верховного Совета Республики Алтай В. И. Чаптынов на первой годовщине образования Республики Алтай отметил: «Наша автономная область, как и четыре другие автономные области в РСФСР, в политической, юридической, экономической и социальных областях оказалась в неравном положении с другими народами ... Все это отрицательно сказалось на экономическом и социальном развитии нашей автономной области. Область к 1989 году почти по 60 показателям отставала от среднечраевых и среднереспубликанских показателей. До начала перестройки проблемы автономной, да и союзных республик, как вы знаете, не решались, а забивались внутрь. Перестройка, гласность и демократия дали толчок к усилению национального самосознания, к самоопределению наций и народностей» [Чаптынов 2001: 130].

В деятельности органов государственной власти по повышению административно-политического статуса Горно-Алтайской автономной области следует выделить два этапа: первый этап (1988–1990 гг.) и второй этап (до августа 1991 г.).

Начало **первого этапа** сложной работы по повышению статуса Горно-Алтайской автономной области можно связать с постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР, где поручалось исполкомам автономных областей в срок до 15 марта 1989 г. представить свои предложения об укреплении статуса автономий [Тюхтеев 1998: 21; Белоусова 2010: 118]. Этот вопрос обсуждался на расширенном заседании Горно-Алтайского облисполкома и 2 марта 1989 г. облисполком обратился в Президиум Верховного Совета РСФСР и Совет Министров РСФСР с предложением о выводе автономной области из состава Алтайского края. В дальнейшем по данному вопросу Горно-Алтайский облисполком обращался в Президиум Верховного Совета РСФСР (7 июня 1989 г.), председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанову и председателю Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным

отношениям Г.С. Тарасевичу (7 августа 1989 г.) [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 968]. Следует сказать, что в обращениях Горно-Алтайского облисполкома были высказаны и другие предложения: восстановить институт постоянного представителя автономной области при центральных органах, увеличить число народных депутатов РСФСР от автономных областей, создать в Верховном Совете две палаты – Совет Республики и Совет Национальностей, образовать постоянную комиссию «по делам народностей автономных областей, автономных округов и национальных групп, проживающих за пределами своих автономных территорий». Ряд предложений внесены и в связи с обсуждением проектов опубликованных законов об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР, о выборах народных депутатов РСФСР и местных Советов народных депутатов [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 968]. Указанные обращения Горно-Алтайского облисполкома были поддержаны на сессиях большинства сельских, поселковых, городского и районных Советов народных депутатов Горного Алтая.

Решения Горно-Алтайского облисполкома от 2 марта 1989 г. были широко освещены среди населения Горного Алтая через областные газеты и радио. Так, редактор газеты «Алтайдын Чолмоны» С. С. Тюхтенов опубликовал в двух областных газетах – «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» – большую статью «Где наши «губернские» права? Или о статусе автономной области». В статье он попытался дать историческое, юридическое и практическое обоснование вопросу о необходимости повышения правового статуса автономной области, вывода её из состава Алтайского края [Тюхтенов 2009: 224]. В связи с предстоящим Пленумом ЦК КПСС и вторым Съездом народных депутатов СССР, в июле 1989 г. номера газеты «Звезда Алтая» со статьей С. С. Тюхтенева были разосланы редакторам восьми газет, секретарям обкомов и председателям исполкомов трех других автономных областей РСФСР, а также отдельным руководителям Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР [Тюхтенов 2009: 230].

После принятия на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС платформы «Национальная политика партии в современных условиях», вопрос о выходе Горно-Алтайской автономной области из состава Алтайского края специально рассматривался на XI сессии областного Совета народных депутатов двадцатого созыва (22 сентября 1989 г.). Обсудив доклад

секретаря облисполкома Д. И. Табаева, депутаты большинством голосов приняли решение «О повышении правового статуса области». Депутаты областного Совета, выражая волю населения области, решили воспользоваться предоставленным правом и просить «Верховный Совет РСФСР вывести Горно-Алтайскую автономную область из состава Алтайского края и перевести её в непосредственное подчинение органов государственной власти и управления Российской Федерации», а также «привести статью 82 Конституции РСФСР в соответствие со статьей 86 Конституции СССР» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 968; Табаев 2012: 144]. Такое решение мотивировалось тем, что «нахождение области сначала в составе Сибирского, затем Западно-Сибирского и Алтайского краев на первоначальной стадии, ввиду слабого развития экономики области и отсутствия квалифицированных местных кадров, сыграло положительную роль, но постепенно превратилось в сдерживающий фактор развития области, поскольку при планировании и распределении материально-технических средств не учитывались уровень развития производительных сил области, её национальные особенности, природно-климатические условия. Характерным для развития области стало её превращение в сырьевую базу краевых и некоторых центральных ведомств, не развивалась перерабатывающая промышленность. В результате чего область значительно отстала в своем социально-экономическом и культурном развитии от районов Алтайского края и других регионов. Низким остается уровень жизни трудящихся области, их обеспеченность жильем, объектами просвещения, здравоохранения и культуры» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 968].

На негативные факторы нахождения Горно-Алтайской автономной области в составе Алтайского края, а в связи с этим на ограниченный правовой статус области указывал на XI сессии Верховного Совета РСФСР депутат от Горно-Алтайского избирательного округа М.В. Кармаев. 26 октября 1989 г. он выступил за повышение конституционно-правового статуса автономных областей, отмечая то, что назрела необходимость изменения правового статуса автономных областей с непосредственным подчинением органам государственной власти и управления РСФСР [Екеев 2019: 12–17; Екеев, Каташев 2019: 24].

Надо сказать, что в составе руководства области и депутатов областного Совета, кроме активных сторонников, были также

«умеренные» по вопросу о выходе автономной области из состава края и непосредственном подчинении высшим органам государственной власти и управления РСФСР [Казанцев 2005: 16–17].

В решении вопроса о повышении государственно-правового статуса автономных республик и автономных областей РСФСР большое значение имело принятие 12 июня 1990 г. первым Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР. В статье 9 Декларации была признана необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краёв и областей РСФСР. Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации [Ведомости 1990: Ст. 22].

17 августа 1990 г. на второй сессии Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области XXI созыва была принята Декларация «О Федеративном Договоре и повышении государственно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области», в которой, основываясь на Конституциях СССР и РСФСР, Законе СССР от 26 апреля 1990 года «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», «Декларации о государственном суверенитете РСФСР», поручении Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 июля 1990 г. и учитывая «неотложную необходимость занятия автономной областью достойного места в качестве полноправного субъекта в обновленном Союзе суверенных республик», провозглашалась необходимость заключения Федеративного Договора и повышения государственно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области «путем признания её субъектом Федерации СССР и РСФСР и исходящими из этого полномочиями как субъекта Федерации» [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 992; От уезда к республике 2001: 109]. На данной сессии была создана комиссия по консультации с высшими органами власти РСФСР по вопросам разработки и согласования основных принципов Федеративного устройства СССР и РСФСР и определения политического статуса автономной области как субъекта Федерации. В состав комиссии включены: Бородулин Ю.П., Кыдыев В.Э., Петров В.И., Табаев Д.И., Урезков Б.К., Усенов Т.К. и Чаптынов В.И. [Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 992; От уезда к республике 2001: 110].

25 октября 1990 г. на третьей (внеочередной) сессии Совет народных депутатов Горно-Алтайской автономной области принял Декларацию и провозгласил государственный суверенитет Горно-Алтайской АССР. В статье 1 Декларации указано о преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. Далее сказано: «ГААССР отношения с РСФСР строит добровольно на основе Федеративного Договора и Конституции РСФСР». В статье 2 Декларации определено, что государственный суверенитет Горно-Алтайской АССР – «естественное, необходимое и законное условие существования её национальной государственности, истории, культуры, традиций и призван обеспечить каждому человеку неотъемлемое право на достойную жизнь, свободное духовное развитие и пользование своим родным языком» [Законы Республики Алтай 1992: 4]. В целом, Декларация о суверенитете Горно-Алтайской АССР, как и аналогичные документы двух других автономных областей (Адыгеи и Карачаево-Черкессии) РСФСР о повышении их правового положения до уровня республик, были программными документами политического и идеологического характера, оказавшими значительное влияние на последующее формирование их конституционно-правового статуса в составе Российской Федерации.

Руководство Горно-Алтайской автономной области предприняло также действия по решению конкретной задачи о выделении автономной области отдельной строкой при формировании государственного бюджета и плана РСФСР на 1991 г. После обращения 11 ноября 1990 г. к председателю Верховного Совета РСФСР и председателю Совета министров РСФСР данная задача в декабре 1990 г. была решена положительно [От уезда к республике 2001: 117–118].

Вопрос о выходе Горного Алтая и трех других автономных областей РСФСР из состава соответствующих краев был узаконен 15 декабря 1990 г. вторым (внеочередным) Съездом народных депутатов РСФСР, внесшим изменение в статью 82 Конституции РСФСР, по которому автономные области выводились из состава краев [Закон РСФСР: 1990]. Следует отметить, что в число депутатов, голосовавших за данное решение, а ранее (12 июня) за принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР, входили руководители области В.И. Чаптынов и В.И. Петров [Второй (внеочередной) Съезд 1992: 437, 443].

Основным направлением деятельности органов государственной власти Горно-Алтайской автономной области на **втором этапе** стало решение вопроса о повышении статуса автономной области до уровня республики в рамках разработки Федеративного договора. Политическое решение вопроса о федеративном устройстве РСФСР нашло отражение в постановлении третьего (внеочередного) Съезде народных депутатов РСФСР от 5 апреля 1991 г. «Об основных началах национально-государственного устройства РСФСР (О Федеративном договоре)». В пункте 5 постановления (принятого за основу) указано: «Поручить Верховному Совету РСФСР определить порядок преобразования Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакаской автономных областей в национально-государственные образования в соответствии с принятыми ими постановлениями и декларациями о суверенитете ...» [Третий (внеочередной) Съезд 1992: 157–158].

Результатом всей политической и нормативно-правовой деятельности органов государственной власти РСФСР и Горно-Алтайской автономной области по повышению статуса автономии стало принятие Закона РСФСР от 3 июля 1991 г. «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР». В статье 1 закона изложено: «Преобразовать Горно-Алтайскую автономную область в существующих границах в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР». В следующих двух статьях закона указано проведение выборов в Верховный Совет Горно-Алтайской ССР, подготовка и принятие Верховным Советом Конституции (Основного Закона) республики [О преобразовании Горно-Алтайской: 1991].

В одновременно принятом втором законе РСФСР «О порядке преобразования Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакаской автономных областей в Советские Социалистические Республики в составе РСФСР» конкретизированы организационно-правовые аспекты образования высших органов государственной власти и управления Горно-Алтайской ССР: выборы в Верховный Совет республики в срок до 1 января 1992 г. (ст. 5), избрание Председателя Верховного Совета, образование Совета Министров (Правительства), избрание Верховного Суда и Высшего арбитражного суда (ст. 6). Кроме того, определен срок

прекращения полномочий областного Совета формированием Верховного Совета (ст. 8), досрочное прекращение полномочий народных депутатов Алтайского краевого Совета народных депутатов от Горно-Алтайской Советской Социалистической Республики (ст. 9), а также сохранение представительства Горно-Алтайской автономной области от национально-территориального округа на Съезде народных депутатов РСФСР и в Совете Национальностей Верховного Совета РСФСР по прежним нормам представительства до очередных выборов народных депутатов РСФСР (ст. 10) [О порядке преобразования: 1991].

9 августа 1991 г. Президиум Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области принимает постановление «Об организационных мерах по реализации Закона РСФСР от 3 июля 1991 года «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую АССР в составе РСФСР», где были намечены основные мероприятия, связанные с началом административно-организационных мероприятий, в частности подготовка предложений о структуре, штатах и определении наименований распорядительных органов. Кроме того, в постановлении определены задачи по организации устойчивой работы всех отраслей народного хозяйства, бесперебойному обеспечению населения продуктами питания. В постановлении Президиума «О структуре органов власти, управления и выборах», принятом в тот же день, признана необходимость образования Верховного Совета республики (в составе 75 депутатов) и выборов депутатов Верховного Совета (намечены на 22 декабря 1991 г.) [Табеев 2012: 147–148].

Таким образом, социально-политическая история Горного Алтая 1988–1991 гг. является неразрывной частью истории Российской Федерации. На первом этапе осуществлялась активная политическая и нормативно-правовая деятельность органов государственной власти Горно-Алтайской автономной области по повышению статуса автономии, которая завершилась выходом Горно-Алтайской автономной области из состава Алтайского края. Во-втором этапе Горно-Алтайская АО преобразована в Горно-Алтайскую ССР в составе РСФСР. Начались административно-политические мероприятия по образованию Верховного Совета республики и организации выборов депутатов Верховного Совета республики. Тем самым создавались организационно-правовые

условия для формирования высших органов власти и управления Горно-Алтайской ССР (с мая 1992 г. – Республики Алтай), собственного законодательства и принятия первой Конституции (Основного Закона) республики.

...

В годы перестройки производственная и социальная сферы Горно-Алтайской автономной области не претерпела серьезных изменений и перемен, и продолжали развиваться по инерции, заданной предыдущим периодом. Попытки внедрения материальной заинтересованности у работников сельского хозяйства путем инициирования арендных отношений, как и прежде, имели кратковременный эффект. Коммунистическая партия в новых условиях теряла свое влияние, в первичных организациях усилился выход из рядов КПСС. С активизацией общественно-политических процессов, которые происходили в стране, население Горного Алтая активно включилось в обсуждение нерешенных социальных проблем региона. Появились общественные объединения, серьезно заявили о себе неформальное движение экологической направленности. Большую инициативную роль в нем сыграла национальная алтайская интеллигенция, которая ставила своей целью сбережение традиционной среды проживания алтайского этноса. Рост избирательной активности граждан продемонстрировал интерес к происходившим в стране переменам. Выборы в 1989–1991 гг. способствовали приходу во власть новых лиц, стали школой демократии для жителей региона. Можно сказать, что в эти годы в стране и в Горном Алтае происходили процессы формирования гражданского общества. В разных секторах региона – промышленном производстве, торговле, сфере услуг – стали утверждаться новые формы хозяйствования. В 1990–1991 гг. состояние экономики стало ухудшаться, негативные процессы стали принимать неуправляемый характер, что деструктивно повлияло на общий поступательный ход модернизации экономики и социальной сферы. В таких условиях руководство Горного Алтая предприняло шаги по повышению административно-правового статуса области, которые завершились в июле 1991 г. политико-правовым признанием Горно-Алтайской ССР в составе Российской Федерации. С этого времени начался новый этап в историческом развитии Горного Алтая.

Заседание постоянной комиссии по госзаконности и правопорядку Горно-Алтайского городского Совета народных депутатов XX созыва, 1988 г.

Депутатская группа Горно-Алтайской швейной фабрики, 1987 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В советский период Горный Алтай прошел вместе со всей страной сложный противоречивый исторический путь. В эти годы произошли важнейшие события, которые коренным образом изменили, определили дальнейшее развитие страны: революция 1917 года, Гражданская война, ускоренная модернизация и трансформация регионального традиционного общества, Великая Отечественная война, достижения в 1960–1980-е гг., перемены в общественно-политической жизни во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Кардинальные преобразования были осуществлены в экономике, социальной сфере, культуре, быту. На ход исторических процессов в Горном Алтае наложили отпечаток природные и цивилизационные особенности региона: окраинное положение, этническая неоднородность, культурно-историческое своеобразие.

Начавшаяся демократизация российского общества после февральской революции и свержения царизма вызвала к жизни национальное движение на ее окраинах. Общественное гражданское движение в Горном Алтае возглавили представители национальной алтайской интеллигенции. Выдающуюся роль в этом деле сыграл известный художник Г. И. Чорос-Гуркин. Лидеры алтайского национального движения, под руководством сибирских областников, инициировали создание Алтайской Горной думы – общественно-политического органа самоуправления коренного населения Алтая. В своих политических взглядах они в целом сочувствовали идеологии эсеров и областников. Главной целью в деятельности Горной думы являлось выделение Горного Алтая в самостоятельную административную единицу (округ, уезд) в составе Томской губернии для решения насущных задач коренного населения Алтая.

Октябрьские события 1917 года не внесли в общественную жизнь Горного Алтая особых перемен. Из-за слабо развитых социально-экономических отношений гражданское противостояние в регионе не проявилось столь остро, как в европейской части страны и в крупных городах Сибири. Алтайская Горная дума продолжала свою деятельность по созданию алтайской национальной автономии. По инициативе Горной думы в марте 1918 года учредительный съезд инородческих и крестьянских депутатов создал Каракорум-

Экологический митинг
против строительства
Катунской ГЭС,
1989 г.

Депутаты Областного Совета Горно-Алтайской автономной области,
1990 – 1991 гг.

Алтайский округ (с окружной управой) в составе Алтайской губернии. Первые мероприятия окружной управы в политической, хозяйственной и культурной жизни носили компромиссный характер. Идея образования Каракорум-Алтайского округа натолкнулась на противодействие Бийского Совета, что в итоге вынудило руководителей округа перейти в начавшейся Гражданской войне на сторону антибольшевистских сил. После свержения советской власти лидеры окружной управы инициировали перед Алтайской губернской управой и Алтайским губернским земским собранием вопрос о создании земского самоуправления в Горном Алтае. После продолжительного обсуждения колчаковский Совет Министров (ВРП) 30 декабря 1918 г. издал постановление об образовании Каракорумского уезда (с центром в с. Улала) в составе Алтайской губернии.

В условиях военного противостояния возможности для самостоятельного развития Каракорумского уезда были ограниченными, степень его жизнеспособности напрямую определялась военно-политической и социально-экономической ситуацией в Сибири. Постоянные реквизиции на нужды фронта и противоправные действия в отношении крестьян вызвали массовое вооруженное выступление против существовавших порядков. Партизанское движение зародилось в сопредельных с Горным Алтаем районах (волостях) Алтайской губернии с преимущественно с русским населением. Повстанцы в большинстве придерживались лозунгов большевиков.

После восстановления советской власти в Сибири Каракорумский уезд был упразднен, а в пределах его территории создан Горно-Алтайский район Бийского уезда. Подобная позиция объяснялась сложной военно-политической обстановкой, самим фактом тесного сотрудничества Каракорумской управы с колчаковским режимом. Новая власть очень быстро столкнулась с трудностями в управлении отдаленной территорией со своей спецификой. Вновь был поставлен вопрос о придании Горному Алтаю самостоятельного статуса. В итоге 7 апреля 1920 г. Бийский уездный ревком своим решением воссоздал Горно-Алтайский уезд, а Сибирский ревком после долгих колебаний официально утвердил новый уезд постановлением от 26 марта 1921 г.

Процесс административно-государственного строительства был прерван очередным витком вооруженного противостояния.

Массовое недовольство населения экономической и продовольственной политикой большевиков вылилось в вооруженный протест крестьянства. Особенностью повстанческого движения в Горном Алтае являлся этнический аспект, в рядах «бандитов» широко присутствовали представители алтайского населения. Активные боевые действия велись с сентября 1921 по ноябрь 1922 гг., они охватили большую часть территории уезда и сопровождались ожесточением с обеих сторон. В немалой степени умиротворение края стало возможным вследствие изменения властями экономической политики, а также их открытой позиции учесть интересы коренного населения и готовности к организации автономии алтайского народа.

С завершением вооруженного противостояния были созданы все условия для национально-государственного строительства в Горном Алтае. ВЦИК РСФСР своим декретом от 1 июня 1922 г. принял решение об образовании Ойротской автономной области с центром в с. Улала. В административно-территориальном отношении Ойротская АО была включена в состав Сибирского края. Значимую роль в ее создании и дальнейшем становлении сыграли представители национальной алтайской интеллигенции. В условиях острой нехватки национальных кадров большевики стали привлекать к работе в госорганах Ойротии своих недавних политических противников. Такая практика привлечения специалистов и бывших чиновников царского правительства была достаточно распространенным явлением в новой России 1920-х гг.

Гражданская война подорвала производительные силы сельского хозяйства. Порожденные ей разорение, голод и эпидемии привели алтайский народ к гуманитарной катастрофе. Сразу же после завершения боевых действий государство предпринимало меры по оказанию продовольственной и медицинской помощи коренному населению.

Провозглашенная советским правительством новая экономическая политика (нэп) способствовала быстрому восстановлению народного хозяйства. К 1925–1926 гг. в Горном Алтае (Ойротии) посевные площади и количество поголовья скота по основным видам достигли показателей 1913 года. В сельском хозяйстве Горного Алтая, как и по всей стране, шел процесс осереднячивания крестьянства. Однако, до середины 1920-х гг. кулацкие и байские хозяйства реально владели большей частью

пахотных, сенокосных земель и поголовья скота.

Характерной особенностью Горного Алтая являлось сохранение полукочевого и кочевого образа жизни среди алтайцев (ойротов), а также среди местных казахов. Политика советской власти по отношению к кочевникам заключалась в стремлении решить проблему их адаптации к новым социально-экономическим условиям, включить в культурное пространство советского государства. Достижение указанных целей осуществлялось путем землеустройства, кооперирования, перевода к оседлости. Предпринимаемые меры привели к урегулированию земельных отношений между русскими крестьянами и коренным алтайским населением, способствовали ускорению перехода к оседлости и возрастанию значения земледелия, а также содействовали развитию кредитной и производственной кооперации среди алтайцев.

В экономике Ойротии преобладал мелкотоварный уклад. Промышленность находилась в стадии зарождения и в основном, представляла собой кустарное производство.

С конца 1920-х гг. начался процесс ускоренного строительства «государственного социализма» в стране. В Ойротии в эти годы происходили кардинальные события, определившие на десятилетия вперед её дальнейшее развитие: коллективизация и раскулачивание, ускоренное промышленное строительство, культурная революция, формирование автономии алтайского народа.

Коллективизация на первом этапе (в начале 1930 г.) сопровождалась перегибами и оставила тяжелые последствия в сельском хозяйстве региона. Наиболее трагичными явлениями того времени стало раскулачивание крестьянства, в ходе которого зажиточные хозяева лишались имущества и насильственно выселялись из мест своего проживания. В результате прекратил существование целый слой трудолюбивых хозяев села и дьурта. Форсированная коллективизация сопровождалась резким сокращением поголовья скота.

В ходе коллективизации полукочевые и кочевые хозяйства были переведены на оседлость. Природно-географические условия, исторически сложившаяся система хозяйствования у алтайцев объективно способствовали сохранению традиционного животноводства, основанного на сезонном отгонно-пастбищном содержании скота, но уже в коллективных хозяйствах (колхозах). В дальнейшем отгонно-пастбищное животноводство показало свою

жизнеспособность в новых социально-экономических условиях.

К концу 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства в Ойротии была завершена. С образованием колхозов уровень материально-технической базы сельского хозяйства заметно возрос, увеличились производственные показатели отрасли. Колхозное производство быстро подверглось огосударствлению и стало основой аграрного сектора экономики СССР.

Основные усилия государства в Горном Алтае направлялись на кооперацию кустарного производства, строительство небольших объектов пищевой промышленности и предприятий строительных материалов, механизацию действующих заводов и фабрик. В начале 1930-х гг. кооперация утратила самостоятельную роль и перешла под административный контроль органов государственного управления.

В годы второй (1933–1937 гг.) и третьей (1938–1941 гг.) пятилеток в Ойротской автономной области развернулось промышленное строительство. К 1941 г. были введены в строй средние по размеру механизированные предприятия, появились новые отрасли и производства. Промышленный сектор носил многоотраслевой распыленный характер и состоял большей частью из мелких предприятий промышленной кооперации. Слой профессиональных рабочих на постоянной основе оставался немногочисленным. Горный Алтай представлял собой аграрный регион. Процессы модернизации проявились в создании промышленного горнорудного производства, широком развертывании дорожных работ, переходе на новый вид транспорта – автомобильный, вместо гужевого.

Политика государства, направленная на раскулачивание, устранение частной собственности из экономической жизни, привела к социальной однородности общества. Новую социальную структуру представляли три основные группы: рабочий класс, колхозное крестьянство и служащие с интеллигенцией. Тяжелые демографические последствия Первой мировой и Гражданской войн проявились в изменении соотношения возрастно-половой пропорции населения в сторону увеличения доли женщин. Численность населения Горного Алтая росла не только благодаря естественному воспроизводству, но и за счет миграции русского населения из других регионов страны. Городское население увеличивалось благодаря притоку из сельской местности.

Процессы унификации происходили и в общественно-политической жизни Горного Алтая. В условиях однопартийной системы правления многие положения принятой в 1937 г. Конституции СССР, провозглашавшие демократические права и свободы гражданам, в реальной жизни остались не исполненными. Жизнедеятельность всех сфер общества оказалась под полным контролем партии большевиков.

При этом алтайское население активно вовлекалось в управленческую работу, в связи с проводимой в регионе политикой коренизации государственных учреждений. Но с 1937 года, после упразднения Западно-Сибирского края и включения Ойротской автономной области в состав Алтайского края, она фактически утратила свою самостоятельность и полностью перешла в подчинение органам государственной власти края. К концу 1930-х гг. значительно сократилась сфера применения алтайского языка в образовательном процессе и в общественно-политической жизни.

Невосполнимый урон Горному Алтаю нанесли репрессии 1936–1938 гг., в ходе которых были уничтожены видные представители общества: управленцы, хозяйственники, интеллигенция. Основным контингентом репрессированных стали крестьяне, рядовые граждане, которые в глазах властей представляли собой нелояльные советской власти элементы. На ход политических репрессий в Ойротии наложили свой отпечаток местные региональные особенности: геополитическое расположение вблизи Монголии и Китая; факт вовлечения в антисоветскую борьбу в 1921–1922 гг. значительной части населения.

Репрессивная политика отразилась на судьбах многих представителей первого поколения национальной алтайской интеллигенции. Им на смену пришли выдвиженцы из бедняцко-среднеяцких слоев, активно поддерживавшие все мероприятия советской власти. Шел процесс формирования национальных кадров в сферы управления, медицины, народного образования, промышленности через обучение в вузах, училищах и на краткосрочных курсах.

Одним из главных направлений модернизации стала культурная революция, направленная на коренное изменение культурной и идеологической жизни общества. Ее целью являлось закрепление достижений революции и социалистического

строительства через глубокую перестройку, изменение сознания и быта людей. В 1920–1930-е гг. в Горном Алтае была реализована масштабная работа по ликвидации неграмотности, создана единая система народного образования. Стали действовать алтайские национальные школы. Благодаря поддержке государства, удалось развернуть широкую сеть организаций здравоохранения, создать государственную систему защиты материнства и детства, регулярно проводить санитарно-профилактические мероприятия.

Социально-экономические и культурные преобразования 1920–1930-х годов привели к трансформации традиционного алтайского обществ. Проводилась целенаправленная работа по перестройке и улучшению быта алтайцев, менялась их повседневная жизнь. Инновации коснулись разных сфер: в культуре и рационе питания, строительстве жилищ, гигиене, досуге. Изменилась роль женщины в обществе, шел процесс приобщения женщин-алтаек к новым условиям. Вместе с тем, деятельность по «перевоспитанию масс» была направлена на разрыв с многовековыми традициями и обычаями народа.

Масштабные изменения в культурной сфере в 1920–1930-е гг. носили противоречивый характер. В Горном Алтае начали функционировать музейные учреждения, жизнь людей стала освещаться на страницах областных и районных (аймачных) газет на русском и алтайском языках. К началу 1940-х гг. у алтайцев организационно оформились своя профессиональная литература и искусство. Для творчества многих алтайских художников и писателей того времени было присуще сохранение архаичного стиля и фольклорного мышления. Литература и искусство оказались под жестким административным, идеологическим контролем со стороны партийных органов, содержание произведений носило отпечаток официальной пропаганды и идеологии. Репрессии национальных кадров в 1930-е гг., сокращение сферы применения алтайского языка, курс на искоренение многих традиций и обычаев народа привели к их нивелированию и утрате.

Дальнейшее социально-экономическое развитие Ойротской автономной области прервала Великая Отечественная война. Всего ушло на фронт более 42 тысяч человек, из них 21299 человек погибли. Уроженцы Горного Алтая проявили стойкость и мужество в боях с агрессором. Массовая мобилизация вызвала острую нехватку трудовых кадров, основная тяжесть труда в тылу легла

на плечи женщин, стариков, подростков. Перераспределение части материально-технических ресурсов в пользу фронта привело к ухудшению материально-технической базы экономики региона, но народное хозяйство было быстро перестроено на нужды фронта. В годы войны аграрный сектор, промышленность, транспорт и другие отрасли работали по военным заказам и успешно справлялись с плановыми заданиями. Достигалось это благодаря самоотверженному труду жителей горного края, однако остановить общее падение производства в экономике не удалось. Усилилось применение административных мер в отношении тружеников села, что обостряло положение в деревне. Государство по мере сил и средств оказывало материальную и денежную помощь нуждающимся слоям населения. Несмотря на все выпавшие трудности, Горный Алтай внес достойный вклад в общее дело Победы.

С окончанием войны перед государством встала серьезнейшая задача преодоления ее последствий. Нехватка трудовых ресурсов оставалась главной проблемой на долгие годы. В промышленности и в сельском хозяйстве производственные процессы оставались слабо механизированными, преобладал ручной труд. После окончания войны колхозам возвращались ранее изъятые земли и техника, взятые разными организациями и учреждениями. Вместе с тем, усилился административный нажим на колхозы, вводились жесткие нормы государственных поставок. Несмотря на трудности и проблемы, народное хозяйство области медленно восстанавливалось. С начала 1950-х гг. промышленность и сельское хозяйство стали выходить по объемам производства продукции на довоенный уровень, а к середине 1950-х гг. по ряду отраслей его удалось превзойти.

Противоречивые процессы происходили в здравоохранении, народном образовании, сфере культуры и просвещения. К началу 1950-х гг. расширилась сеть медицинских учреждений, улучшилась санитарно-эпидемиологическая обстановка, повысилась доступность медицинских услуг населению. Увеличилось количество школ. Вместе с тем, материальные трудности, слабые возможности областного бюджета не позволяли оказывать необходимую поддержку школам и лечебным учреждениям. Сохранялся острый недостаток в квалифицированных кадрах, а также в помещениях для больниц, школ, учреждений культуры.

Открытие в 1949 г. на базе учительского института Горно-Алтайского педагогического института сделало возможным

осуществлять подготовку кадров для школ области. Одним из первых образовалось отделение алтайской филологии историко-филологического факультета, на котором обучались будущие учителя алтайского языка и литературы. С организацией в 1952 г. Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне – НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова) появились условия для научного изучения богатого культурно-исторического наследия, фольклора и языка алтайского народа. Деятельность указанных учреждений способствовала сохранению и развитию алтайской национальной культуры и языка. В послевоенные годы усилилось вмешательство партийных органов в творчество деятелей культуры и искусства, что не могло не отразиться на содержании произведений алтайских писателей и поэтов.

С 1953 года в обществе развернулся процесс разоблачения «культы личности» И. Сталина, началась реабилитация незаконно пострадавших граждан. Решения XX съезда КПСС ознаменовали премены в общественной жизни. В умах людей возобладал оптимизм и позитивный настрой, вера в правильность избранного курса. Жители области принимали активное участие в трудовых соревнованиях, в работе общественных организаций.

Восстановление к середине 1950-х гг. народного хозяйства создавало условия для качественной реструктуризации промышленного комплекса Горного Алтая. Политика государства, направленная на выравнивание социально-экономического уровня разных регионов, создавала условия для роста объемов капитального строительства и экономического подъема Горно-Алтайской автономной области. Во второй половине 1950-х гг. была осуществлена структурная реконструкция промышленности. На базе многочисленных промартелей создавались заводы и фабрики, в результате роста капиталовложений вводились в строй новые промышленные объекты. Одновременно укреплялась материально-техническая база промышленных предприятий, благодаря чему к началу 1960-х гг. удалось полностью механизировать основные трудовые операции.

Ускоренными темпами пополнялись техникой колхозы и совхозы, возросли энергетические мощности сельского хозяйства. Но со временем действия политического руководства страны стали демонстрировать непродуманность и поспешность. Стремление

следовать в аграрной политике амбициозным планам без их научного обоснования вело к ошибкам и просчетам. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. развитие сельского хозяйства в Горном Алтае носило выраженный экстенсивный характер, основные усилия направлялись на неограниченное расширение пашни, повсеместное внедрение в земледелие пропашных культур. Принимались меры по ограничению личных подсобных хозяйств населения. В ходе кампании укрупнения колхозов и их реорганизации в совхозы ликвидировались «неперспективные села». В результате из хозяйственного оборота была выведена значительная площадь естественных кормовых и пахотных угодий.

После смены в 1964 г. политического руководства страны предпринимаются попытки проведения экономической реформы путем внедрения хозрасчета и материального стимулирования производства. Первоначальные успехи имели кратковременный эффект, но в целом реформа 1965 года не дала ожидаемых результатов. В последующие годы усилилась тенденция укрепления командно-административных методов управления отраслями народного хозяйства страны.

В 1960–1980-е гг. сохранялась руководящая роль КПСС в системе государственного управления и в общественной жизни. Горно-Алтайский обком КПСС определял задачи по основным направлениям социально-экономического развития Горного Алтая и осуществлял контроль за их исполнением, назначал на ключевые должности в системе управления разных уровней, ведомствах и крупных организациях утвержденные кандидатуры. Партия контролировала выборы в местные Советы, исключив альтернативные выборы, кандидаты также утверждались партийными органами. Советы не обладали всей полнотой власти, текущую деятельность осуществляли исполкомы Советов.

В силу сложившихся отношений между центром и регионами Горно-Алтайская автономная область фактически не имела политической и экономической самостоятельности во взаимодействии с центральными органами власти РСФСР. Вопросы управления и планирования решались большей частью в Алтайском крайисполкоме.

С середины 1960-х гг. автономная область развивалась достаточно высокими темпами. Именно в эти годы изменения

в социально-экономической и культурной сферах определили современный облик региона.

Индустриальная модернизация проявилась в Горном Алтае ускоренным ростом промышленности, механизацией трудовых процессов в производственной сфере. Уже к концу 1950-х гг. окончательно сложился слой постоянных квалифицированных рабочих промышленности и технической интеллигенции, была создана система профессиональной подготовки инженеров и рабочих для нужд промышленности. В промышленном секторе непрерывно увеличивались объемы производства валовой продукции. Наиболее динамично развивались легкая промышленность и пищевая промышленность, специализировавшаяся на обработке местных ресурсов. Значительную долю в валовой продукции занимали лесозаготовительная промышленность и добывающие предприятия горнорудной отрасли. Экстенсивный путь развития экономики, ведомственный диктат при освоении природных богатств региона, приоритет интересов министерств над интересами территорий порождали многочисленные проблемы, в особенности в сфере экологии.

В сельском хозяйстве происходили такие же неоднозначные процессы, как и в промышленном секторе. Благодаря наращиванию капиталовложений значительно поднялся уровень материально-технической базы – расширился парк машин и тракторов, увеличилась механизация трудовых процессов в совхозах и колхозах. Развивались межхозяйственная кооперация и специализация, создавались совхозы, специализированные на производстве приоритетных видов продукции. В Горном Алтае эффективно действовала налаженная система подготовки кадров аграрной отрасли.

Сельскому хозяйству оказывалась серьезная материально-финансовая поддержка, но её оставалось недостаточно. Ручной труд продолжал занимать значительное место в трудовых операциях. Главная причина слабой эффективности аграрного сектора заключалась в отсутствии материальной заинтересованности сельских тружеников в результатах своего труда. Основными рычагами управления экономикой оставались командно-административные методы.

Процессы модернизации происходили во всех сферах общественной жизни. Об этом свидетельствует рост удельного веса рабочих и служащих. Повысился образовательный уровень

работающих в народном хозяйстве, возросла доля лиц, занятых преимущественно умственным трудом. Все изменения, которые происходили в экономической, социальной, культурной сферах воздействовали на динамику социально-профессиональной структуры населения области.

Демографические процессы в Горном Алтае в целом соответствовали общероссийским тенденциям, но имели свои особенности: наблюдался высокий уровень рождаемости, в первую очередь среди алтайской части населения, но при повышенных показателях младенческой смертности и смертности от внешних причин. Этническая структура региона изменялась в сторону повышения удельного веса алтайского населения.

В 1960–1980-е гг. в Горном Алтае решались многие социальные проблемы. Росли доходы населения, стабильно вводились в строй новые жилые дома и объекты социально-культурной сферы – как в областном центре, так и в сельской местности, увеличивались объемы предоставления товаров и услуг. Труднодоступность значительной части территории из-за горного рельефа, неравномерность расселения, занятость части работников сельского хозяйства в отгонном животноводстве создавали трудности в получении населением социокультурных, социально-бытовых, медицинских услуг.

Несмотря на постоянный ввод в строй новых объектов жилья, проблема обеспечения нуждающихся семей квартирами сохраняла свою остроту. Невысоким оставалось качество коммунальных услуг из-за недостаточного уровня развития производственной инфраструктуры коммунальной отрасли, в первую очередь – системы энергоснабжения и теплоснабжения. Значительное количество сельских населенных пунктов не было обеспечено водопроводом.

Жизнь населения менялась к лучшему, хотя в социальном развитии имели место противоречивые тенденции. Жители получили больше возможностей для приобретения товаров длительного назначения – автомобилей, телевизоров, мебели и т.д., но в условиях товарного дефицита денежные средства не всегда можно было потратить на удовлетворение своих нужд.

Развитие системы здравоохранения в Горном Алтае характеризовалось заметными достижениями. Значительно увеличилось количество лечебных учреждений, в том числе в сельской местности, улучшилось их оснащение современным

медицинским оборудованием. В результате медицинскими услугами было охвачено население в отдаленной местности. Однако сохранявшиеся проблемы в сельском здравоохранении, а именно нехватка помещений и недостаток кадров, сужали возможности оказания медицинской помощи сельским жителям.

Сеть школ расширялась, но темпы строительства отставали от потребностей народного образования. Значительная часть школ в сельской местности располагалась в старых зданиях. К тому же немало учителей, как и врачей, нуждалось в обеспечении нормальным жильем. Особенностью школьного образования в Горном Алтае являлась система национальных алтайских школ с обучением на родном языке, а также сеть школ-интернатов, где жили и обучались учащиеся из отдаленных селений. Родители этих детей большей частью были заняты в отгонном животноводстве.

Научно-исследовательскую деятельность в 1950–1980-е гг. осуществляли учреждения науки и высшей школы: Горно-Алтайский государственный педагогический институт, Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, Горно-Алтайская сельскохозяйственная опытная станция, ОПХ «Горно-Алтайское» НИИ садоводства им. И.В. Мичурина Минсельхоза СССР. Эти годы отмечены значительными достижениями в сферах гуманитарных, естественнонаучных и физико-математических наук. Прочно утвердили себя в общероссийском масштабе алтайская фольклористика, языковедение, литературоведение. Значительных успехов достигли ученые-аграрники, результаты их деятельности активно использовались в производстве. Сложилось плодотворное сотрудничество с ведущими институтами Академии наук и вузами России. В Горном Алтае был сформирован научный потенциал, сделаны важнейшие научные разработки, появились свои научные школы, которые способствовали стабильной научной работе в последующие годы.

Заметные изменения происходили в социокультурной сфере. Вводились в строй новые клубы, дома культуры, библиотеки, все большее количество сельского населения получило возможность удовлетворять культурно-просветительские и досуговые потребности. В культмассовой работе активно использовались передвижные формы работы, благодаря чему жители отдаленных селений и работники отгонного животноводства могли разнообразнее провести свой досуг.

Быстрый рост культуры и образования, развитие национальной школы создавали условия для формирования алтайской творческой интеллигенции. Вторая половина 1950-х гг. открывает новый этап развития алтайской литературы, его начало отмечено первыми произведениями выдающихся алтайских писателей и поэтов Л. Кокышева, А. Адарова и Э. Палкина. С этого момента наступает расцвет алтайской профессиональной литературы, которая уверенно утверждала себя в общесоюзном масштабе, а также музыки, театра, изобразительного искусства.

Активное приобщение к русской, а значит – и к общеевропейской культуре – одновременно сопровождалось процессами снижения роли алтайского языка, размыванием и утратой многих элементов материальной и духовной культуры алтайцев. В условиях идеологического давления деятели литературы, искусства, а также науки, культуры своей профессиональной деятельностью способствовали развитию национального самосознания и сохранению родного языка, инициировали интерес к культуре своего народа.

В целом, период с начала 1960-х до конца 1980-х гг. является наиболее стабильным и благополучным в истории Горного Алтая XX столетия. Вместе с тем, централизованная административно-командная система управления народным хозяйством демонстрировала свои как достоинства, так и недостатки. Она позволяла мобилизовать материально-финансовые ресурсы и в больших масштабах осуществлять капитальное строительство. С другой стороны, она обнаруживала свою громоздкость и неэффективность. Все более очевидными становились серьезные сбои в снабжении и сбыте, что вело к замедлению темпов капитального строительства и производства. Проблемы экономики отражались на социальной сфере. Несмотря на реальные успехи, в сельской местности не хватало помещений для больниц, школ, ощущалась нехватка квалифицированных кадров. Повсеместной проблемой стал дефицит товаров и продуктов. К середине 1980-х гг. необходимость перемен во всех сферах советского общества стала очевидной.

Решения мартовского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС послужили отправной точкой процесса преобразований в экономике, а затем и в общественно-политической системе. Он включал в себя комплекс разноплановых мер в экономической сфере и в общественно-политической жизни: предоставление большей самостоятельности

предприятиям и трудовым коллективам, допущение коммерческого сектора экономики, придание более широких полномочий Советам народных депутатов, введение гласности и расширение внутрипартийной демократии и др. Однако с 1989 года ситуация стала выходить из-под контроля руководства страны. Разрушение планово-распределительной экономики происходило в условиях, когда производственные объекты полностью зависели от государства, а рыночные структуры в системе снабжения и сбыта еще не утвердились.

Политика перестройки оживила гражданскую активность людей, стали появляться принципиально новые общественные организации. На волне антибюрократических настроений зародилось неформальное экологическое «катунское» движение, которое оппонировало решениям официальной власти и получило поддержку за пределами области. В национальном регионе наблюдался подъем этнического самосознания, возрос интерес к традиционным элементам культуры, религии, верованиям и историко-культурному наследию алтайского народа.

Рост гласности, подъем национального самосознания, демократизация актуализировали вопрос о повышении административно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области и обретения реальной самостоятельности в составе РСФСР. После широкого обсуждения в обществе Совет народных депутатов Горно-Алтайской автономной области принял 25 октября 1990 г. Декларацию о суверенитете. А 3 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон о преобразовании Горно-Алтайской АО в Горно-Алтайскую АССР. С обретением статуса республики в составе РФ началась активная работа по формированию высших органов государственной власти республики, положившее начало новому современному периоду развития Республики Алтай.

Советский период оставил глубокий след в российском обществе, в жизни и памяти граждан современной России. Рост интереса среди населения к своей истории вызван стремлением найти в минувшем времени ответы на вызовы сегодняшней реальности. Осознание, признание и уважение общего прошлого с его победами, ошибками и горькими страницами, пережитого народами Горного Алтая, позволяет делать верные выводы о прошедших событиях, дает ключ к пониманию общероссийского единства и солидарности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Члены Каракорум-Алтайского уездного земского собрания
(на 30 мая 1919 г.)

№	ФИО	Волость
1.	Тошаков Петр Семенович	Паспаульская
2.	Усачев Сергей Михайлович	Паспаульская
3.	Ошлаков Михаил Пимеевич	Катандинская
4.	Угрюмов Николай Арсентьевич	Келейская
5.	Печенин Степан Тимофеевич	Уймонская
6.	Вилисов Василий Николаевич	Шебалинская
7.	Малков Иван Михайлович	Салдамская
8.	Артюх Терентий Васильевич	Айская
9.	Берсенев Яков Киприанович	Айская
10.	Стругов Липантий Егорович	Айская
11.	Лесков Никифор Прокопьевич	Успенская
12.	Клесмедт Ян Янович	Успенская
13.	Мултышев Тозга	Барагашинская
14.	Елбудин Кылыгы	Барагашинская
15.	Сабуров Иван Павлович	Барагашинская
16.	Отопаев Василий	Усть-Канская
17.	Серков Василий Игнатьевич	Усть-Канская
18.	Сеченов Константин Васильевич	Усть-Канская
19.	Санаров Петр [Сарапинович]	Тюдралинская
20.	Токарев Алексей Исаевич	Тюдралинская
21.	Казанцев Алексей Федорович	Чергинская
22.	Попов Владимир Терентьевич	Чергинская
23.	Куликов Автоном Григорьевич	Ыныргинская
24.	Оборин Николай Кириллович	Алтын-Кольская
25.	Беспалов Егор Александрович	Четинская
26.	Арбузов Михаил Иванович	Абайская
27.	Манеев Никифор Николаевич	Чемальская
28.	Очи Василий Николаевич	Чемальская
29.	Ландышев Леонид Михайлович	Мьютинская
30.	Кирьянов Иван Павлович	Ново-Дмитриевская
31.	Адрианов Дмитрий [...]	Горно-Онгудайская
32.	Галадский Михаил Ильич	Горно-Онгудайская
33.	Меркулаев [Шепкиш]	Ябоганская
34.	Абаев Кичинек	Караколо-Куратинская
35.	Кыстаев Михаил Степанович	Имеринская
36.	Штанаков Владимир Григорьевич	Улалинская
37.	Горскин Маркел Степанович	Улалинская
38.	Силантьев Лука Потапович	Улалинская
39.	[Андьяков] Василий Пахомович	Улалинская

40.	Матвеев Степан Милитонович	Улалинская
41.	Манышев Георгий Васильевич	Улалинская
42.	Тобоков Александр Михайлович	Улалинская
43.	Кучияков Петр Александрович	Пешпельтирская
44.	Семисаженов Константин Николаевич	Ахтыганская
45.	Баксимов Энчи	Кырлыкская
46.	Воронов Иван Иванович	Киргизская
47.	Ермолаев Герасим Ермилович	Верх-Уймонская
48.	Тлешев Борош	Верх-Уймонская
49.	Кокаков Туткаш	Ининская
50.	Ю[з]уров Након	Ининская
51.	Кыныраков Николай Михайлович	Чолушманская
52.	Пироговский Григорий Самойлович	Улалинская
53.	Гуркин Степан Иванович	Член управы
54.	Манеев Василий [...]	Член управы
55.	Филатов Дмитрий [Кондратьевич]	Член управы

Источник: ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77. Л. 43, 43об.

Приложение 2

Распределение лиц, занятых в индустриальных отраслях
(по Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Город, райцентр, сельская местность, аймака	Всего, трудо занятых	В том числе:			
		Промышленность	Строительство	Транспорт, связь	Уд. вес среди всех занятых, %
Ойрот-Тура	9696	1865	19,2	1243	780
Ойрот-Туринский					
в том числе:					
с. Майма	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
сельская местность (без райцентра)	6014	831	13,8	87	319
Чойский					
в том числе:					
с. Чоя	395	27	6,8	31	20
сельская местность (без райцентра)	4672	295	6,3	57	51
Турочакский					

в том числе:					
с. Турочак	856	128	15,0	37	49
сельская местность (без райцентра)	9776	2813	28,8	219	86
Шебалинский					
в том числе:					
с. Шебалино	1019	171	16,8	34	135
сельская местность (без райцентра)	4486	407	9,1	80	148
Элекмонарский					
в том числе:					
с. Элекмонар	483	48	9,9	32	21
сельская местность (без райцентра)	3243	239	7,4	140	82
Усть-Канский					
в том числе:					
с. Усть-Кан	716	92	12,8	27	23
сельская местность (без райцентра)	6387	587	9,2	156	47
Онгудайский					
в том числе:					
с. Онгудай	1212	238	19,6	40	89
сельская местность (без райцентра)	5928	259	4,4	276	663
Усть-Коксинский					
в том числе:					
с. Усть-Кокса	608	108	17,8	38	23
сельская местность (без райцентра)	7016	366	5,2	280	22
Улаганский					
в том числе:					
с. Усть-Улаган	475	45	9,5	71	20
сельская местность (без райцентра)	1524	31	2,0	47	8
Кош-Агачский					
в том числе:					
с. Кош-Агач	637	64	10,0	115	42
сельская местность (без райцентра)	3358	126	3,7	107	276
Всего по области					

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 4. Д. 2. 1-18.

Приложение 3

Выписка из протокола № 10 (64) заседания Президиума
Ойротского областного исполнительного комитета от 4 марта
1936 г.

Майминский аймак

Слушали: п.-15 Ход-во гр. Софронова Мих. Семеновича (кулак)
о восстановлении в избирательных правах. Тов. Каланаков.

Постановили: Гр. Софронов М.С. эксплуатировал* и
закоболял* окружающее его население мельницей,
крупорушкой, столярной мастерской и молотилкой, поэтому
в ходатайстве о восстановлении в избирательных правах –
ОТКАЗАТЬ.

П.п. Председатель облисполкома – И. Пьянков
Секретарь облисполкома – П. Параев

Верно:

Зав. канц. ОИКа.....(Саруев)

Источник: Госархив РА. Ф. Р-112с. Оп. 1. Д. 279. Л. 6.

*Орфография текста документа сохранена.

Приложение 4

Кормообеспеченность в русских и алтайских колхозах в Ойротской
автономной области на 1 января 1935 г., в расчете ц на 1 усл. гол.
скота (овес и сенокосы – по валовому сбору)

Аймак	в нем хозяйства	Овес	Сенокосы	Пастбища
Усть-Коксинский	алтайские	2,24	14,3	4,2
	русские	3,89	16,2	2,2
	всего	3,58	15,8	2,8
Онгудайский	алтайские	1,12	12	6,4
	русские	1,84	6,8	5,9
	всего	1,31	10,6	6,2
Элекмонарский	алтайские	3,47	20,7	7,4
	русские	6,62	18,1	4,6
	всего	4,82	19,6	5,6
Кош-Агачский	алтайские*	0,11	2,79	14,5
	русские	-	-	-
	всего	0,11	2,79	14,5

Турочакский	алтайские	1,93	28,3	-
	русские	5,01	23,7	-
	всего	4,19	24,8	0,9
Ойрот-Туринский	алтайские	6,0	28,0	2,8
	русские	11,0	21,0	1,4
	всего	10,0	21,6	1,6
Усть-Канский	алтайские	1,4	20,9	6,4
	русские	6,7	22,2	4,3
	всего	3,7	21,6	5,5
Улаганский	алтайские	1,1	5,6	3,9
	русские	-	-	-
	всего	1,1	5,6	3,9
Чойский	алтайские	2,5	26,3	1,8
	русские	3,6	22,8	1,9
	всего	3,2	23,1	1,9
Шебалинский	алтайские	1,5	25,8	10,1
	русские	5,1	13,1	10,2
	всего	3,6	18,5	10,2
г. Ойрот-Тура	всего	20,7	19,6	0,5
По области	алтайские	1,08	11,3	8,5
	русские	5,6	18,2	4,2
	В ср. по области	2,97	14,2	6,5

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 645. Л. 73.

* Включены и казахские колхозы.

Приложение 5

Состав аймачных Советов Ойротской области

	Съезды аймачных Советов		Аймакисполкомы		Президиум АИКа		Председатели аймакисполкомов	
	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.
Всего избрано (чел.)	...	386	...	221	...	62	...	10
Из них колхозников	...	48,4	...	52,0	...	13,5	...	20,0
Женщин	21,2	24,4	16,1	23,0	-	9,7	-	-
Алтайцев	45,2	59,0	36,2	52,6	-	15,1	22,2	30,0
Неграмотных	15,6	13,9	5,6	4,5	-	1,6	-	-
Членов ВКП (б)	31,3	47,4	53,4	63,8	-	88,7	100,0	100,0
Членов ВЛКСМ	8,4	8,5	9,3	5,8	-	-	-	-
Бедняков	-	51,2	-	59,0	-	40,3	-	40,0
Средняков	-	21,7	-	16,7	-	14,3	-	10,0

Рабочих	11,5	14,5	9,3	9,5	-	9,7	-	-
Учителей и других	1,0	1,8	3,1	3,1	-	1,5	-	-
Служащие	7,1	10,6	18,6	19,9	-	33,8	-	50,0

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 409. Л. 43.

Примечание: ... – данных не имеется.

Приложение 6

Список ответственных работников Ойротского облизполкома, состоящих на персональном учёте Сибкрайисполкома по состоянию на 1 января 1930 г.

№	Должность	ФИО	Партстаж	Возр.	Соц. полож.	Образ.	Продолжительность пребывания в последней должности			
							Меньше года	До 2 лет	До 3 лет	Свыше 3 лет
1.	Председатель облизполкома	Алагызов И.С.	1920 г.	41	учитель	средн.				1
2.	Зам. пред. и Пред. облплана	Мохов В.Ф.	1920 г.	30	служащ.	средн.				1
3.	Секр. ОИК зав. орготдела	Шестопапов Т.			служащ.		1			
4.	Зам. зав. орготдел	Сары-Сеп Л.А.	беспарт.	39	учитель	средн.	1			
5.	Ответ. информат. ОИКа	Михайлов И.Н.	беспарт.	27	служащ.	средн.	1			
6.	Инструктор ОИК	Гардеев Т.	Чл. ВКП (б)	34	крестьян.	нисш.	1			
7.	Юрист-консультант	Бобриков Г.В.	беспарт.	36	служащ.	высш.				3
8.	Предс. горсовета г. Улалы	Воронков Н.И.	Чл. ВКП (б)		крестьян.	нисш.	1			
9.	Предс. Айки									
	Шебалинского	Тузовский П.В.	Чл. ВКП (б)	30	крестьян.	нисш.		1		
	Успенского	Шарабарин Г.Ф.	Чл. ВКП (б)	30	крестьян.	нисш.			3	

Онгудайского	Тадыш И.С.	Чл. ВКП (б)	28	крестьян.	нисш.	1			
Усть-Канского	Кардаманов И.Г.	-//-	34	-//-	-//-			3	
Майминского	Прохоров С.Д.	-//-	31	-//-	-//-			2	
Лебедской	Сергеев А.В.	-//-	35	-//-	-//-			3	
Уймонского	Каунов Г.И.	-//-		рабоч.	нисш.	1			
Чемальского	Титанаков	-//-		крестьян.	нисш.	1			
Улаганского	Такосов М.	-//-		-//-	-//-	1			
Кош-Агачского	Манеев Ф.К.	-//-	30	-//-	-//-	1			

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 231. Л. 47.

Приложение 7

Список секций и депутатских групп Ойрот-Туринского горсовета, на 21 июля 1936 г.

№№	Наименование секций и депутатских групп	Фамилии руководителей (председателей)
1.	Культсекция	Попов Б.
2.	Коммунальная и благоустройства	Муралов
3.	По борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью	Левин
4.	Связи	Квачёв
5.	Революционной законности	Токмашев
6.	Финансово-бюджетная	Плетнёв
7.	Здравоохранения и санитарии	Сластенин
8.	Соцобеспечения	Менкушева
9.	Обороны и физкультуры	Зяблицкий
10.	По ликвидации неграмотности	Шебалин
11.	Торгово-заготовительная	Ярмаковский
Депутатские группы		
1.	Депутатская группа 1 района	Куксин
2.	Депутатская группа 2 района	Усачёв
3.	Депутатская группа 3 района	Копылов

4.	Депутатская группа 4 района	Голубева
5.	Депутатская группа сельхозартели «Трудовик»	Белов С.
6.	Депутатская группа сельхозартели «Алферова»	Шебалин
7.	Депутатская группа сельхозартели «Томми»	Личертиги
8.	Депутатская группа сельхозартели «Кирзавода»	Шмелёв

Источник: Госархив РА. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 278. Л. 7.

Приложение 8

Состав Ойротского областного Совета депутатов трудящихся, 1939 г.

Всего депутатов	68
По полу:	
мужчин	49
женщин	19
По партийности:	
членов и кандидатов в члены ВКП (б)	53
беспартийных	13
ВЛКСМ	2
По роду занятий:	
рабочих	5
крестьян	58
служащих	5
По возрасту:	
До 25 лет	13
26-30	21
31-35	17
36-40	7
Старше 40 лет	10
По образованию:	
высшее	7
среднее	15
начальное	46
По национальности:	
русские	41
алтайцы	22
другие	5

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 57. Л. 27, 28.

Приложение 9

Сведения о коренизации государственного аппарата Ойротской автономной области (на 1 июня 1935 г.)

	Всего	в том числе:			
		Алтайцев		Русских, знающих алтайский* язык	
		Всего	Уд. вес, %	Всего	Уд. вес, %
Областной аппарат					
Рабочих и служащих	1164	186	15,9	24	2,0
в том числе:					
Руководящий состав	128	21	16,4	5	3,9
Инспекторы, инструкторы	103	36	34,9	3	2,9
Специалисты	295	32	18,5	7	2,4
Технические работники	333	52	15,6	2	0,6
Рабочие	305	45	14,7	7	2,3
Аймачный аппарат					
Рабочих и служащих	1371	253	18,6	65	4,7
в том числе:					
Руководящий состав	205	48	23,4	16	7,8
Инспекторы, инструкторы	148	52	35,1	8	5,4
Специалисты	272	30	11,0	7	2,5
Технические работники	426	81	19,0	27	6,4
Рабочие	320	44	13,7	7	2,2
Сельский аппарат					
Рабочих и служащих	3141	709	22,6	102	3,2
в том числе:					
Руководящий состав	267	79	29,6	28	1,5
Инспекторы, инструкторы	107	44	41,1	-	-
Специалисты	840	262	31,3	13	1,5
Технические работники	390	70	17,9	8	2,1
Рабочие	1537	254	16,5	53	3,4

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 795. Л. 24.

* Включая русских в Кош-Агачском аймаке, знающих казахский язык.

Приложение 10

Газеты Ойротской автономной области в 1930-е гг.

Наименование газет	Место выхода	На каком языке выходит	Тираж газет		
			1931 г.	1932 г.	1933 г.
Областные					
Красная Ойротия	Ойрот-Тура	Русск.	3000	3500	3500
Кызыл Ойрот	Ойрот-Тура	Алт.	2500	3000	3000
Ойротский комсомолец	Ойрот-Тура	Алт., русск.	500	1000	1000
Белен бол	Ойрот-Тура	Алт., русск.	-	200	500
Аймачные					
За ударные темпы	Ойрот-Тура	Русск.	500	1000	1000
Кызыл мергендучи	Онгудай	Алт.	450	700	870
Лесоруб	Турочак	Русск.	450	500	750
Дьяны дел	Кош-Агач	Алт.	500	500	700
За социалистическое животноводство	Усть-Кокса	Алт., русск.	300	450	700
Красный животновод	Чоя	Алт., русск.	-	-	500
За коллективизацию	Шебалино	Алт., русск.	-	-	500
Колхозчи	Усть-Кан	Алт.	-	-	200
Чедырген	Улаган	Алт.	-	-	200
Газеты политотделов					
За молоко и мясо	Абайский совхоз	Русск.	-	-	500
За большевистские колхозы	МТС Онгудай	Русск., алт.	-	-	500

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 696. Л. 128.

Приложение 11

Распределение населения по источникам средств существования (по данным Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг.), чел.

	1979 г.	1989 г.		
	Городское и сельское, тыс. чел.	Городское и сельское	городское	сельское
Все население	172,0	190831	51649	139182
Занятое население	83,1	88667	24406	64261
из него занятые:				
на предприятиях, учреждениях	74,7	78800	22896	54904
в колхозах	8,4	8877	116	8761
в кооперативах	. . .	937	384	553
у отдельных граждан	. . .	20	3	17
индивидуальной трудовой деятельностью	. . .	30	7	26
Члены семей, занятые в личном подсобном сельском хозяйстве	0,7	1009	31	978
Лица, находящиеся на обеспечении государства (пенсионеры и лица, получающие государственное пособие)	21,4	34591	9253	25338
Учащиеся и стипендиаты	4,2	4371	248	2933
Иждивенцы отдельных лиц – учащиеся	58,7	30887	12066	15624
Иждивенцы отдельных лиц – неучащиеся		29701	11926	15147
Другие иждивенцы гос. и обществ. организаций	3,6	1416	195	679
Имеющие другие источники средств существования и не указавшие источник	0,3	189	58	86

Источник: Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения. 1989. Ч. 3. 1992: 2–3, 7–8, 13–14; Госархив РА. Ф. Р–61. Оп. 9. Д. 17. Л. 90–91, 97–98, 110–113; Какие мы, сколько нас 1990: 3.

Примечание: ... – данных не имеется.

Приложение 12

Уровень образования занятого населения в Горно-Алтайской автономной области в расчете на 1000 чел.

	В ы с - шее	Незакончен- ное высшее	Среднее специаль- ное	Среднее общее	Неполное среднее	Началь- ное
Городское и сельское население						
Оба пола						
1959	18	11	70	32	209	393
1970	38	13	93	89	291	328
мужчины						
1959	18	10	54	32	209	471
1970	30	11	62	89	291	381
женщины						
1959	18	13	88	30	213	302
1970	40	14	124	91	307	277
Городское население						
Оба пола						
1959	44	21	107	50	262	358
1970	69	23	122	118	315	262
мужчины						
1959	43	19	84	47	233	451
1970	67	19	85	115	319	326
женщины						
1959	46	24	132	55	294	251
1970	72	26	156	120	312	204
Сельское население						
Оба пола						
1959	12	9	61	27	197	401
1970	27	9	83	78	282	352
мужчины						
1959	12	7	47	27	208	476
1970	26	9	54	82	303	400
женщины						
1959	12	11	77	28	184	314
1970	28	10	112	74	262	304

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. III. 1972: 459; Численность и состав населения СССР 1985: 63.

Приложение 13

Посевные площади сельскохозяйственных культур (в хозяйствах всех категорий), тыс. га

	1937 г.	1940 г.	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1989 г.
Вся посевная площадь	66,2	69,8	65,1	131,1	129,8	137,9	147,9	150,7	152,3
в том числе:									
Зерновые культуры	58,2	60,0	53,7	65,7	60,5	49,1	44,0	43,0	39,9
Из них:									
Пшеница яровая	22,2	17,3	11,1	4,9	6,6	1,4	2,1	2,5	2,7
Рожь озимая	2,2	2,5	6,2	-	-	0,1	0,4	0,6	0,4
Технические культуры	0,9	0,6	0,4	-	-	-	-	-	-
Картофель и овоще-бахчевые культуры	3,1	2,9	4,0	3,9	3,7	3,7	3,9	2,7	2,7
Из них:									
Картофель	2,4	2,2	3,6	3,4	3,3	3,2	3,4	2,5	2,4
Овощи	0,6	0,7	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	0,2	0,3
Кормовые культуры	4,0	6,3	6,9	61,5	65,6	85,1	100,0	105,0	109,7

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 40.

Приложение 14

Динамика численности поголовья основных видов скота (на 1 января), тыс. гол.

Год	КРС		в т.ч. коров		Лошади		Овцы	
	В хоз.-вах всех категорий	из них в хоз.-вах населения	В хоз.-вах всех категорий	из них в хоз.-вах населения	В хоз.-вах всех категорий	из них в хоз.-вах населения	В хоз.-вах всех категорий	из них в хоз.-вах населения
1920*	100,1	100,1	52,3	52,3	85,6	85,6	79,6	79,6
1929*	213,2	210,6	86,3	85,3	116,5	115,2	428,2	424,5

1932*	95,5	35,8	49,2	25,9	74,9	34,0	123,1	40,4
1937	119,9	47,6	51,5	24,9	57,0	9,3	184,1	35,6
1941	123,3	30,7	55,6	23,0	69,4	3,2	261,4	17,5
1946	94,0	34,0	43,2	21,2	35,5	1,4	215,7	11,0
1951	118,9	30,1	48,3	19,8	49,5	0,9	349,0	3,9
1956	122,6	42,3	51,3	21,1	40,6	3,0	538,9	9,2
1961	142,9	36,2	58,4	23,0	38,9	2,6	736,8	21,9
1966	169,9	48,7	66,3	24,1	43,5	3,0	870,4	35,9
1971	171,3	45,3	64,4	22,9	48,2	4,8	897,9	44,7
1976	172,4	43,5	66,6	21,1	52,0	5,2	935,2	50,4
1981	176,5	46,5	73,0	22,5	55,3	6,1	937,7	57,6
1986	...	52,2	75,2	24,6	63,2	7,7	961,0	77,2
1991	185,6	59,6	74,3	29,2	77,5	10,2	936,4	109,9

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 52. Л. 1-36, 50-60.

* На июнь.

Примечание: ... – данных не имеется.

Приложение 15

Состояние себестоимости основных видов продукции в колхозах и совхозах области в 1958–1962 гг. (в рублях за 1 ц, в ценах 1962 г.)

Виды	Колхозы					Совхозы				
	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
Зерно	5,8	6,5	7,7	6,2	7,68	5,04	4,7	5,7	6,6	7,04
Мясо КРС	3,9	61,5	56,7	44,5	45,27	52,2	59,9	62,2	66,04	70,38
Мясо овец	18,1	26,4	40,5	33,75	27,56	35,1	32,5	34,8	38,28	39,33
Молоко	11,49	11,29	12,05	14,1	11,09	11,09	12,0	13,0	14,47	14,47
Шерсть	160	209,1	204,1	133	175,23	...	...	...	...	...
Яйца (т. ш.)	74,9	122,8	132	118,1	65,72	267,1	255,5	253,6	181,49	245,26

Источник: Киселев 1964: 46.

Примечание: ... – данных не имеется.

Приложение 16

Производство продукции промышленности в натуральном выражении (включая агропромкомбинат, бытовое обслуживание, облпотребсоюз)

	Ед. изм.	1940 г.	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.
Вывозка древесины	тыс. куб. м	335	214	772,5	854	896	774	802,7	761,7
в т.ч. деловой	тыс. куб. м	242	128	619,4	606	659	587	598,1	509,4
Пиломатериалы	тыс. куб. м	19	11	50,2	91	118	96	78,8	126,5
Кирпич	тыс. шт.	3196	1363	11619	8577	7500	3668	3643	5394
Сборные ж/б конструкции и детали	тыс. куб. м	–	–	–	9,3	29,5	29,0	43,2	46,1
Электросамовары	тыс. шт.	–	–	–	–	51	69	84	–
Гардино-тюлевые изделия	тыс. кв. м	–	–	11793	14726	12309	12425	7449	6151
Ткани х/б	тыс. кв. м	–	–	2166	2533	3005	2901	4789	4285
Обувь валяная	тыс. пар	29	69	9,1	13	13	11,4	7	9,5
Обувь кожаная	тыс. пар	18	17	126	162	129	168	229	173
Мясо, включая субпродукты I категории	тонн	819	44	3723	4176	2963	2840	4062	3951
Колбасные изделия	тонн	71	65	359	748	598	394	784	641
Вино плодово-ягодное	тыс. дал.		2	432	776	897	489	254	
Пиво	тыс. дал.	26	17	208	320	396	220	233	314
Масло животное	тонн	777	607	1180	597	590	733	729	852
Сыр жирный	тонн	627	703	1505	1602	1340	1892	1905	2178
Цельномолочная продукция в пересчете на молоко	тонн		419	4772	7350	7350	9750	11679	13071

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 29–30.

Приложение 17

Перечень наказов избирателей, данных депутату Верховного Совета РСФСР по Горно-Алтайскому избирательному округу № 134 Карамаяву М.В. (1975 г.)

Содержание наказов	Предложение исполкома рай(гор)совета		
	Мероприятия по выполнению наказов	Срок выполнения	Ответственные за выполнение
1. Оказать содействие в строительстве 70-ти квартирного жилого дома и детского комбината на 280 мест для работников городского автотранспортного предприятия и автоколонны № 1931.	Просить крайисполком положительно решить данный наказ.		
2. Оказать содействие в выделении кабельной продукции для выполнения проекта по электрификации города Горно-Алтайска.		-//-	
3. Решить вопрос о телефикации Онгудайского района.		-//-	
4. Решить вопрос о строительстве аэродрома в с. Турочак под эксплуатацию самолета ЯК-40.		-//-	
5. Оказать содействие в реконструкции республиканской дороги Туэкта–Усть-Кокса, Туэкта–Иня, Бийск–Артыбаш.		-//-	

Источник: Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 574. Л. 47.

Приложение 18

Больничные и амбулаторно-поликлинические учреждения.

Медицинские кадры Горного Алтая

	1937 г.	1940 г.	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.
Число больничных учреждений, ед.	19	24	22	34	34	33	32	32	33
в них коек	399	509	659	1585	1940	2470	2680	2745	2800
На 10000 населения приходится коек	24,6	30,4	50,7	93,4	116,4	146,8	153,9	152,5	151,5
Число учреждений врачебной, амбулаторно-поликлинической помощи, ед.	...	...	...	40	41	40	41	42	51
Число фельдшерско-акушерских пунктов, ед.	24	58	112	179	197	204	226	227	227
Число женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий (самостоятельных и входящих в состав других учреждений), ед.	7	10	12	22	24	24	24	24	24
Число коек (врачебных и акушерских) для беременных женщин и рожениц, ед.	112129	102	267	272	291	260	220	214	243
Численность врачей всех специальностей (включая зубных), чел.	58	73	122	199	251	397	522	576	580
Численность среднего медицинского персонала, чел.	210	410	539	1031	1292	1773	2046	2396	2234
На 10000 населения приходится:									
врачей	2,8	4,4	9,4	11,2	15,1	23,6	30,0	32,1	31,4
среднего медицинского персонала	12,9	24,5	41,5	60,8	77,6	105,4	117,6	133,6	120,9

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 163, 164.

Примечание: ... – данных не имеется.

Приложение 19

Число общеобразовательных школ, в них учащихся и учителей

(на начало учебного года)

	1965–1966 гг.	1970–1971 гг.	1975–1976 гг.	1980–1981 гг.	1985–1986 гг.	1986–1987 гг.	1987–1988 гг.	1988–1989 гг.	1989–1990 гг.
Число общеобразовательных школ	262	222	198	189	199	200	197	196	196
в том числе:									
дневных общеобразовательных школ	248	214	186	179	187	189	190	191	191
вечерних (сменных) общеобразовательных школ	14	9	12	10	12	11	7	5	5
Численность учащихся, тыс. чел.	41,5	41,4	36,7	32,9	35,0	34,8	34,6	35,2	36,0
в том числе:									
в дневных общеобразовательных школах	39,0	39,6	34,1	30,0	32,1	33,2	33,8	34,5	35,5
вечерних (сменных) общеобразовательных школах	2,5	1,8	3,3	2,9	2,9	1,7	0,8	0,7	0,5
Численность учителей, тыс. чел.	2,2	2,6	2,5	2,5	2,8	2,9	3,1	3,3	3,4
в том числе:									
в дневных общеобразовательных школах	2,2	2,5	2,4	2,4	2,7	2,9	3,1	3,3	3,4
вечерних (сменных) общеобразовательных школах	-	0,1	0,1	0,1	0,1	-	-	-	-

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 165.

Приложение 20

Массовые библиотеки* в Горно-Алтайской автономной области
(на конец года)

Год	Всего		В том числе			
	Число библиотек	в них книг, журналов, тыс. экз.	В городах и поселках городского типа		В сельской местности	
			Число библиотек	в них книг, журналов, тыс. экз.	Число библиотек	в них книг, журналов, тыс. экз.
1937	59	102	2	33	57	69
1940	12	122	1	...	11	...
1950	42	259	1	91	41	168
1965	136	968	8	238	128	730
1970	129	1248	10	311	107	928
1975	142	1438	11	422	131	1016
1980	146	1506	14	501	132	1005
1985	156	1797	14	640	142	1157
1986	159	1843	15	662	144	1181
1987	161	1855	16	654	145	1201
1988	164	1819	15	613	149	1206
1989	166	1851	15	622	151	1229

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 171.

* Все библиотеки (государственные, ведомственные, учреждений, предприятий, учебных заведений и др.).

Примечание: ... – данных не имеется.

Приложение 21

Клубные учреждения в Горно-Алтайской автономной области
(на конец года)

Год	Число клубных учреждений, всего	В том числе	
		в городской местности	в сельской местности
1940	207	1	206
1950	138	1	237
1965	208	12	196
1970	227	9	218
1975	251	14	237
1980	257	11	246
1985	258	11	247
1986	260	11	249
1987	261	13	248
1988	266	12	254
1989	267	15	252

Источник: Горный Алтай в цифрах 1990: 172.

Приложение 22

Административно-территориальное деление Горно-Алтайской автономной области, по состоянию на 1 января 1991 г.

№№ п/п	Наименование административно-территориальной единицы	Количество сельских Советов	Количество селений	Численность населения (тыс. чел.)
1.	Майминский	7	25	23,3
2.	Чойский	5	18	7,2
3.	Турочакский	9	40	13,9
4.	Шебалинский	17	41	23,5
5.	Онгудайский	9	28	16,5
6.	Усть-Канский	11	24	16,4
7.	Усть-Коксинский	9	41	17,5
8.	Улаганский	6	12	8,1
9.	Кош-Агачский	10	14	16,9
	Итого по сельской местности:	83	243	143,3
	г. Горно-Алтайск	-	1	47,5
	пгт. Акташ	1	1	3,8
	пгт. Сейка	1	1	2,0
	Итого по городской местности:	2	3	53,3
	Всего по области	85	246	196,6

Источник: Народное хозяйство 1992: 8.

Приложение 23

Основные показатели капитального строительства в
непроизводственной сфере

Ввод в действие за счет всех источников финансирования	Ед. изм.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
Дошкольных учреждений	мест	185	635	670	500	657	271	270
в т.ч. в сельской местности	мест	185	635	480	500	607	271	270
Общеобразовательных школ	ед.	1	3	7	2	5	4	1

	уче- ниче- ских мест	192	904	2816	140	1369	904	100
в т.ч. в сельской местности	ед.	1	3	6	2	5	4	1
Больницы	коек	-	-	-	10	40	-	50
в т.ч. в сельской местности	коек	-	-	-	10	40	-	50
Ввод в действие больниц на 10000 чел. населения	ед.	-	-	-	0,6	2,2	-	2,5
Амбулаторно-поликлинические учреждения	посещений	-	600	-	-	200	-	20
в т.ч. в сельской местности	посещений	-	-	-	-	200	-	20
Ввод в действие АПУ на 10000 чел. населения	ед.	-	-	-	-	10,9	-	1,0
Клубы и дома культуры	ед.	1	1	3	4	6	3	3
	мест	500	150	500	640	1000	400	300
в т.ч. в сельской местности	ед.	1	1	3	4	6	3	3
	мест	500	150	500	640	1000	400	300
Водопроводные сети	км	13,8	7,7	6,5	9,7	10,1	-	22,0
Торговые предприятия	ед.	-	-	1	6	4	5	3
	тыс. кв.м.	-	-	150	882	500	650	562
Предприятия общ. питания	ед.	-	-	1	3	-	1	2
	мест	-	-	24	76	-	20	40

Источник: Госархив РА. Ф. Р-61. Оп. 16. Д. 403. Л. 94, 97.

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

1917, 23 февраля (8 марта) – 3 (16) марта – массовые антиправительственные выступления в Петрограде, падение монархии и передача власти Временному правительству.

1917, 1–16 июля – Съезд представителей инородческих волостей Алтая в г. Бийске. Организация Алтайской Горной думы.

1917, 25 октября (7 ноября нов. ст.) – Октябрьская революция, свержение Временного правительства и установление советской власти в Петрограде.

1918, 6–12 марта – состоялся Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов в Улале.

1918, 12 марта – создана Каракорум-Алтайская окружная управа.

1918, 17 мая – начало восстания чехословацкого корпуса против советской власти.

1918, 8 июня – выступление Каракорум-Алтайской управы против советской власти.

1918, 29 октября – Каракорум-Алтайская управа заключила договор о покупке у известных исследователей Сибири Гуляевых архивов, библиотеки, минералогических, палеонтологических и археологических коллекций. Начало организации музея в Горном Алтае.

1918, 18 ноября – вооруженный захват власти в г. Омске адмиралом А.В. Колчаком. Установление военной диктатуры.

1918, 30 декабря – образован Каракорум-Алтайский уезд (центр в с. Улала) в составе Алтайской губернии согласно постановлению Российского правительства («Омского правительства» А.В. Колчака).

1919, 15 мая – первое заседание Земского собрания Каракорум-Алтайского уезда.

1919, 2 августа – Зиминское восстание крестьян в Барнаульском уезде против колчаковской власти, начало партизанского движения на Алтае.

1919, 23 сентября – объединение в с. Черный Ануй двух партизанских полков в бригаду во главе с командиром И.Я. Третьяком. Организационное оформление партизанского движения в Горном Алтае.

1919, сентябрь – 1920, февраль – партизанское движение в Горном Алтае против власти А.В. Колчака.

1920, 5 января – создание Горно-Алтайского районного революционного комитета в с. Улале. Восстановление советской власти.

1920, 20 февраля. – создано Горно-Алтайское районное оргбюро РКП (б).

1920, 7 апреля – Горно-Алтайский район преобразован в уезд с центром в с. Шебалино.

1920, 19 апреля – Выход частей Красной армии к границе с Монголией. Восстановление советской власти на всей территории Горного Алтая.

1920, 9 мая – открыта первая в Горном Алтае глазная лечебница в с. Шебалино.

1921, 26 марта – постановлением Сибревкома создан Горно-Алтайский уезд с центром в с. Алтайское.

1922, 1 июня – издан Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) об образовании Ойротской автономной области в составе РСФСР.

1922, 7 ноября – вышли первые номера областных газет «Ойротский край» и «Кызыл солын табыш» (ныне газеты «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны»).

1923, 24 марта – Президиум Ойротского обкома РКП (б) принял постановление о создании в области отделения общества «Долой неграмотность».

1923, 1–5 мая – в с. Улала проходил I-й областной съезд Советов крестьянских и солдатских депутатов, на котором избран Ойротский областной Совет и исполком облсовета (Ойротский облисполком).

1924, август – введена в строй Улалинская городская электростанция (на р. Майма).

1924, 16 сентября – Ойротский (Горно-Алтайский) облисполком принял решение о переименовании 10 укрупненных волостей в аймаки (районы).

1924 – начала работу первая в Ойротии юрта-передвижка (Онгудайский аймак).

1928, 27 февраля – село Улала – административный центр Ойротской автономной области получил статус города областного подчинения.

1928, 15 сентября – открыт Ойротский педагогический техникум (ныне – Горно-Алтайский педколледж).

1928, 4 декабря – создана областная комиссия по переходу на новый алтайский (ойротский) алфавит, основанный на латинице.

1929, 25 декабря – принятие постановления бюро Ойротского обкома ВКП (б) о начале массовой коллективизации в Горном Алтае.

1931, 20 июня – начало работы Ойротской художественной школы во главе с художником-педагогом Г.И. Чорос-Гуркиным.

1931, 1 сентября – в Горном Алтае введено всеобщее начальное образование.

1932, 4 июля – постановлением Президиума ВЦИК СССР город Улала переименован в Ойрот-Туру.

1932, 27 июля – открыт национальный педагогический рабфак (ныне республиканская гимназия им. В. К. Плакаса).

1933, 9 июля – создание Алтайского опорного пункта НИИ плодородства им. И.В. Мичурина (впоследствии – ОПХ «Горно-Алтайское»).

1934 – начало вещания Ойрот-Туринской радиостанции РВ-83.

1935, 1 января – завершение реконструкции Чуйского тракта.

1936, 31 марта – введён в эксплуатацию двухцепной висячий мост через реку Катунь около села Иня Онгудайского района. Автор проекта инженер С.А. Цаплин.

1936, 14 апреля – открылась национальная театральная студия (позже – областной национальный театр, ныне Национальный драматический театр им. П.В. Кучияка).

1937, август – начало «Большого террора» в Горном Алтае.

1937, 28 сентября – постановлением ЦИК СССР Западно-Сибирский край разделен на Новосибирскую область и Алтайский край. Ойротская автономная область включена в состав Алтайского края.

1938, 31 марта – Народный комиссариат просвещения РСФСР принял решение о возврате алтайского алфавита к кириллице.

1938, 1 января – образован областной педагогический кабинет (впоследствии Институт усовершенствования учителей, ныне – ИПКРО РА).

1939, 29 ноября – в г. Ойрот-Тура открыт первый звуковой кинотеатр.

1939 г. – начала работу областная детская амбулатория (впоследствии Горно-Алтайская областная детская больница).

1941, 11 февраля – открыта Горно-Алтайская швейная фабрика.

1941, 15 апреля – образована служба скорой помощи в Горном Алтае.

1941, 22 июня – начало Великой Отечественной войны.

1945, 9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне.

30 мая 1945 г. – состоялся первый выпуск студентов отделения алтайского языка и литературы Московского государственного пединститута им. В.И. Ленина.

1945, 20 октября – открытие регулярного пассажирского автобусного сообщения по маршруту Ойрот-Тура – Бийск.

1948, 7 января – издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании Ойротской автономной области в Горно-Алтайскую автономную область. Город Ойрот-Тура переименован в Горно-Алтайск.

1949, 18 июля – открыт Горно-Алтайский учительский институт (впоследствии Горно-Алтайский пединститут, ныне – Горно-Алтайский государственный университет).

1949, 1 июля – решением Горно-Алтайского облисполкома создана областная национальная средняя школа (на базе расформированного национального рабфака).

1952, август – в г. Горно-Алтайске открыта первая музыкальная школа.

1952, 6 мая – решением Горно-Алтайского облисполкома создан Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ныне НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова).

1954, 19 февраля – начала работу Горно-Алтайская гардинно-тюлевая фабрика.

1956, 1 июня – создана Горно-Алтайская ткацкая фабрика на ее базе промартели «Текстильщик».

1958, 3 ноября – образовано Горно-Алтайское областное отделение Союза писателей СССР (совместное постановление бюро обкома КПСС и Горно-Алтайского облисполкома).

1961, 4 января – открытие комбината производственных предприятий в г. Горно-Алтайске (в 1971 г. преобразован в Горно-Алтайский завод железобетонных изделий).

1962, 28 июня – на территории Горного Алтая началось регулярное авиационное сообщение (решение бюро обкома КПСС и Горно-Алтайского облисполкома).

1962, 16 августа – решением Горно-Алтайского облисполкома создана национально-концертная группа (впоследствии реорганизована в концертно-эстрадное бюро, ныне Государственная филармония Республики Алтай).

1963, 8 февраля – организован строительно-монтажный трест «Горно-Алтайскцелинстрой».

1965, апрель – в г. Горно-Алтайск заложен парк Победы.

1967, 15 февраля – на базе подсобного хозяйства Горно-Алтайского винзавода и Подгорновского отделения Майминского опытно-производственного хозяйства образован совхоз-завод «Подгорный».

1968, 31 июля – решением Горно-Алтайского облисполкома создана Межрайонная контора газового хозяйства управления «Алтайкрайгаз».

1979, 28 февраля – создана специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва.

1986, 20 мая – образован национальный ансамбль «Алтай».

1988 г. 1–3 июля – впервые состоялся праздник народных игр «Эл-Ойын» в с. Ело Онгудайского района.

1989, 20 июля – недалеко от Улалинской археологической стоянки проведено перезахоронение останков репрессированных граждан, обнаруженных 19 января 1989 г. на южной окраине г. Горно-Алтайска.

1989, 22 сентября – на II-й сессии областного Совета народных депутатов двадцатого созыва принято решение «О повышении правового статуса Горно-Алтайской автономной области».

1990, 4 марта – состоялись первые альтернативные выборы народных депутатов РСФСР и местных Советов народных депутатов.

1990, 25 октября – на третьей внеочередной сессии Горно-Алтайского областного Совета народных депутатов принята Декларация о государственном суверенитете Горно-Алтайской Автономной Советской Социалистической Республики.

1991, 3 июля принят Закон Верховного Совета РСФСР «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику».

1992, 7 мая – Верховным Советом Республики Горный Алтай принято постановление о переименовании Республики Горный Алтай в Республику Алтай.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Автономия – самоуправление, право самостоятельного осуществления определённых функций государственной власти или управления, предоставленное Конституцией какой-либо части государства.

Аймак – название административной единицы – района в Ойротской автономной области с 1924 по 1963 гг.

Алтайская Горная дума – общественная организация населения Горного Алтая. Осуществляла деятельность в период с июля 1917 г. по февраль 1918 г.

Артели – форма производственной кооперации в СССР. В 1920-е годы создавались на основе самоуправления для совместной работы, без обобществления имущества своих членов, частично объединяя владение средствами производства. Доходы в артели распределялись по долевному принципу.

Бай – богач, крупный скотовод, обладал высокими социальным статусом и влиянием в кочевой общине.

Батраки – социальная группа, представлявшая беднейшую часть крестьянства, основным источником существования которой являлся труд по найму.

«Большой террор» («ежовщина») – термин современной историографии. Массовая репрессия граждан в СССР, которая отличалась интенсивностью, проводилась в 1937–1938 гг. по приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП (б) «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г. Прекращена согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», утвержденному Политбюро ЦК ВКП (б) 17 ноября 1938 г.

Военное положение – особый правовой режим, который вводится решением высшего органа государственной власти на территории всей страны или отдельной ее части в условиях внешней агрессии или её угрозы.

Волостной комитет – исполнительный орган советской власти в волости.

Всеобуч – обязательное обучение всех детей школьного возраста.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) – высший законодательный, распорядительный, исполнительный и контролирующий орган РСФСР в 1917–1937 гг., действовавший в период между съездами Советов.

Высшая партийная школа (ВПС) – высшее учебное заведение СССР (в 1946–1991 гг.) по подготовке руководящих партийных и советских кадров, а также подготовки руководителей средств массовой информации.

Государственный Комитет обороны СССР (ГКО СССР) – чрезвычайный государственный орган управления во время Великой Отечественной войны, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в стране.

ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) – самопровозглашенный орган власти в СССР, созданный рядом высших должностных лиц 19 августа 1991 г. ГКЧП предпринял неудавшуюся попытку государственного переворота («августовский путч») с целью отстранения Президента СССР М.С. Горбачёва от власти.

Гласность в СССР – политический курс в годы перестройки (1985–1991 гг.), направленный на повышение открытости в отношениях власти и общества, свободы информации в стране.

Готов к труду и обороне (ГТО) – программная и нормативная основа системы физического воспитания населения, устанавливающая государственные требования к уровню физической подготовленности граждан и нацеленная на развитие массового спорта и подготовку к трудовой деятельности и защите страны – СССР.

Дезинфекционный пункт (дезопункт) – санитарно-противоэпидемическое учреждение, осуществлявшее проведение дезинфекционных мероприятий, направленных на предупреждение возникновения и ликвидацию очагов заразных заболеваний.

Декрет – нормативный акт высших органов государственной власти (ВЦИК, СНК) в первые годы советской власти.

Депортация – принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или местность. В 1930–1940-е гг. депортации подверглись некоторые народы по ложным обвинениям.

Десталинизация – преодоление «культы личности» И.В. Сталина после его смерти.

Джут – зимняя бескормица скота в отгонном животноводстве, вызванная обледенением пастбищ.

Диспансер – лечебно-профилактическое медицинское учреждение, осуществлявшее лечение больных, систематическое наблюдение за их здоровьем.

Добровольная народная дружина (ДНД) – добровольная общественная организация, оказывающая помощь правоохранительным органам в обеспечении правопорядка.

Дом алтайки – стационарное культурно-просветительное учреждение, основной задачей которых была ликвидация неграмотности среди женщин-алтаек, их политическое просвещение, привитие санитарно-гигиенических навыков.

Дорожная повинность – возлагаемая государством обязанность на население выполнять безвозмездно в принудительном порядке работы по ремонту, строительству и содержанию дорог и мостов, а также предоставлять гужевой транспорт и денежные средства в распоряжение органов государственного управления. Применялась в 1920–1930-е гг.

Единоличники – социальная группа сельского населения, владельцы единоличных хозяйств (противоположность колхозников).

Естественный прирост населения – показатель интенсивности роста населения, представляет собой разницу между количеством родившихся и умерших за период времени.

Женотдел – отдел при ЦК и местных комитетах РКП (б)/ВКП (б) по работе среди женщин.

Живая газета – театральное представление фактической информации о текущих событиях.

Занятое население (занятые экономической деятельностью) – в СССР лица, занятые в общественном производстве.

Здравпункт – пункт здравоохранения, лечебно-профилактическое учреждение на предприятии, учебном заведении, совхозе и т.д.

Земельная управа – исполнительный орган губернской и уездной власти на Алтае с июня 1918 по декабрь 1919 гг.

Земельные комитеты – земельные органы, созданные после Февральской революции 1917 г. для подготовки земельной реформы.

Землеустройство – совокупность мероприятий, упорядочивающих землепользование.

Земское собрание – распорядительные органы власти на губернском и уездном уровнях, органы волостного самоуправления крестьян в 1917–1919 гг.

Избы-читальни – один из видов сельских клубных учреждений в СССР. Сыграли значительную роль в ликвидации неграмотности среди сельского населения и приобщении его к сельскохозяйственным знаниям, новой культуре. Являлись центрами политической пропаганды и культурно-просветительской работы в деревне.

Икили – алтайский народный музыкальный смычковый инструмент.

Инородцы – исторический термин, введенный «Уставом об управлении инородцев Сибири» 1822 г., применялся в отношении алтайцев и других коренных народов Сибири. В советский период перестал употребляться.

Карточная система – система снабжения населения товарами в условиях дефицита, основывалась на установленных нормах потребления товаров через карточки (талоны).

Кинопередвижка – передвижная установка для показа кинофильмов.

Коллективный подряд в сельском хозяйстве – метод ведения работы, основанный на принципах хозрасчета и оплаты труда по конечному результату. Подрядные арендные отношения активно внедрялись в сельскохозяйственном производстве во второй половине 1980-х гг.

Коммуна сельскохозяйственная – одна из форм сельскохозяйственной производственной кооперации, возникшая в первые годы советской власти, основанная на полном обобществлении средств производства и труда и уравнительным распределением по труду членов семей. Члены коммуны не имели своего личного подсобного хозяйства.

Комус – варган, металлический губной музыкальный инструмент.

Контрактация сельскохозяйственных продуктов – договор или контракт одна из форм государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов. Введена в 1928–1929 гг. и действовала до 1933 г. как форма заготовки важнейших сельхозпродуктов. В послевоенный период (до 1958 г.) в порядке контрактации у колхозников закупалась в основном продукция технических культур.

Кооперация – коллективное производственное, торговое объединение, создаваемое на средства членов кооператива при поддержке государства.

Кооперация промысловая – вид кооперации, объединяющей мелких производителей (кустарей и ремесленников) для совместного производства товаров и оказания услуг.

Коренизация – политика и практика советского государства, направленные на скорейшее вовлечение коренных народов Сибири и других регионов страны в партийно-государственные органы власти, хозяйственную сферу, образование и культуру. Одной из целей коренизации являлось развитие национальных языков, внедрение их в сферу деятельности государственных учреждений.

Кошма – войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

Кулак – зажиточный крестьянин, эксплуатировавший наемный труд батраков.

Культурная революция – коренное преобразование культуры и быта населения в довоенный период истории СССР. Культурная революция включала ликвидацию неграмотности, создание системы всеобщего народного образования и просвещения на социалистических началах, формирование новой социалистической интеллигенции, перестройку быта, развитие науки, литературы и искусства, утверждение новой морали и мировоззрения и т.д.

Ликбез (ликвидация безграмотности) – составная часть культурной революции, массовое обучение населения грамоте – умению читать и писать.

Ликпункт – пункт по ликвидации неграмотности, школа первоначальной грамоты.

Лишенец – неофициальное название гражданина, лишённого избирательных прав в 1918–1936 гг. согласно Конституций РСФСР 1918 и 1925 гг.

Механический прирост – разница между количеством людей, въехавших на определенную территорию, и количеством людей, выехавших из нее в конкретный промежуток времени.

Многopартийность – политическая система, при которой может существовать несколько политических партий, обладающих равными правами на получение мест в законодательных органах власти государства.

Мобилизация вооруженных сил – перевод армии из мирного состояния в состояние полной готовности к участию в военных действиях.

Номенклатура – в СССР перечень наиболее важных должностей в партийно-государственном аппарате, назначение и

снятие которых осуществлялось партийными комитетами разных уровней.

Областной исполнительный комитет (Облисполком) – высший орган исполнительной власти в области, подотчетный областному Совету депутатов трудящихся.

Областной комитет КПСС (Обком КПСС) – постоянный орган региональной партийной организации КПСС. Действовали до роспуска КПСС в августе 1991 г.

Озимые культуры – сельскохозяйственные злаки, которые засеваются осенью, зимой находятся в состоянии покоя под снегом и дают урожай на следующий год.

Отгонное (отгонно-пастбищное) животноводство – система организации животноводства, при которой животных в течение всего года (или большей его части) содержат на сезонных пастбищах, перегоняя скот с весенне-летних на осенние, позднее – на зимние пастбища. В отгонно-пастбищном содержании находились овцы, козы, лошади, верблюды, яки, а также часть КРС.

Охрана материнства и детства – система государственных медицинских мероприятий, обеспечивающих здоровье матери и ребенка, предупреждение и лечение болезней у женщин и детей.

Перепись населения – единый процесс сбора, обобщения, анализа и публикации демографических, экономических и социальных данных населения, относящихся по состоянию на определенное время ко всем лицам или их части.

Перестройка – общее название реформ и новой идеологии советского партийного руководства во главе с М.С. Горбачёвым; обозначает также перемены в экономике и политической жизни СССР 1985–1991 гг.

Политический плюрализм – сосуществование нескольких политических групп, партий, организаций, выражающих мнения, взгляды, позиции, интересы различных социальных групп (слоев) общества.

Правовое государство – форма организации политической власти, в которой государство ограничено в своих действиях Конституцией и другими законами, обеспечивает права и свободы граждан.

Продуктивность скота (сельскохозяйственных животных) – количество и качество продукции, получаемой от одного животного за определенный период.

Производственная инфраструктура – комплекс отраслей, обеспечивающих развитие производства. Производственная инфраструктура включает транспорт, электроэнергетику, связь, дорожное хозяйство, а также торговлю, складское хозяйство и др.

Производственная сфера – совокупность отраслей экономики, объединяющих материальное производство и материальные услуги.

Пролеткульт (Пролетарская культура) – культурно-просветительская и литературно-художественная добровольная организация (1917–1931 гг.) пролетарской самодеятельности в литературе, театре и других сферах искусства.

Пятилетний план (пятилетка) – основная форма планирования социально-экономического развития страны в советский период.

Рабфак (рабочий факультет) – в 1919–1940 гг. общеобразовательное учебное заведение по подготовке молодежи для поступления в вузы.

Райисполком (районный исполнительный комитет) – орган государственной власти районного уровня в 1917–1991 гг.

Реабилитация – восстановление в правах, возвращение репутации неправильно обвиненного человека.

Ревком (революционный комитет) – чрезвычайный орган государственной власти. В Горном Алтае ревкомы действовали в 1919–1922 гг.

Референдум – всенародное голосование, проводимое по какому-либо важному вопросу государственной жизни.

Санитарно-эпидемиологический отряд – военно-медицинское учреждение, предназначенное для организации и проведения мероприятий по санитарно-эпидемиологическому и противоэпидемическому обеспечению войск, а также отдельных регионов страны.

Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти – правительство Советского государства в 1917–1946 гг. Законом от 15 марта 1946 г. преобразован в Совет Министров СССР.

Совхоз – государственное сельскохозяйственное предприятие.

Социалистическое соревнование (соцсоревнование) – состязание по производительности труда между государственными предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими.

Спецпоселенец (спецпереселенец) – особая категория репрессированных граждан; лицо, выселенное из места проживания без судебной или квазисудебной процедуры в отдалённые районы страны.

Товарищество – простейшее производственное объединение крестьян в 1920-х гг. на основе добровольного обобществления земли и труда при сохранении личной собственности на средства производства.

Травопольная система земледелия – (травополье) – система земледелия, при которой часть пашни занята многолетними бобовыми и злаковыми растениями для восстановления и повышения плодородия почвы. При травопольной системе значительная площадь пашни отводится под пары.

Трудовая повинность – законодательно закреплённая обязанность по выполнению общественно полезного труда (обыкновенно низкооплачиваемая или вовсе неоплачиваемая).

Трудодень – мера оценки и форма учёта количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 г.

Урбанизация – процесс концентрации населения в городах, повышение их роли в социально-экономическом развитии общества, распространении городского образа жизни на сопредельные сельские населённые пункты.

Фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) – медицинское учреждение, являющееся первичным (доврачебным) звеном здравоохранения в сельской местности.

Хлебозаготовки – мероприятия по централизованной заготовке зерновых по фиксированной государством цене для обеспечения запасов хлеба.

Хозрасчет – ведение хозяйства предприятия на основе самоокупаемости, без помощи из государственного бюджета. Государственное предприятие существует за счёт продажи своей продукции.

Школа колхозной молодежи (ШКМ) – тип сельской общеобразовательной школы на базе начального образования и дававшей подготовку в объёме 7 классов. Создана в 1923 г. как школа крестьянской молодёжи, в 1930 г. переименована в Школу колхозной молодежи (срок обучения 3 года). Наряду с общим образованием давала основы агрономической подготовки и организации с.-х. производства применительно к условиям конкретных районов (зон).

Электорат – население, формирующее власть в результате выборов; круг избирателей, которые голосуют за определённую партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах. В электорат входит как часть избирателей, голосующих за определённую партию или кандидата, так и всех избирателей – граждан государства, которые имеют право участвовать в выборах.

Эл-Ойын – алтайский межрегиональный праздник, проводимый с 1988 года. Название переводится как «всенародные игры, всенародный праздник».

Юрта-передвижка – мобильное культурно-просветительное учреждение для обслуживания кочевого населения. В ее задачи входило политическое просвещение, борьба с «патриархально-родовыми пережитками», санитарно-профилактическая работа, приобщение женщин к новому быту.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Фонды:
Ф. 709 (Государственный комитет охраны природы при Совете министров СССР).

Ф. 9477 (Учреждения по руководству животноводческой отраслью сельского хозяйства).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонды:

Ф. 17 (Центральный комитет РКП (б)).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Ф. 970 (Всероссийское театральное общество).

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Фонды:

Ф. 4 (Главное управление Алтайского округа).

Ф. Р-12 (Алтайская губернская рабоче-крестьянская инспекция).

Ф. Р-26 (Алтайский губернский союз потребительских кооперативов).

Ф. 225 (Бийская уездная земская управа).

Ф. Д-229 (Алтайский уездный земельный комитет).

Ф. 213 (Алтайское управление лесного хозяйства Минлесхоза РСФСР).

Ф. 233 (Алтайская губернская земская управа).

Ф. 235 (Управляющий Алтайской губернией).

Ф. 239 (Каракорум-Алтайская уездная земская управа).

Ф. 573 (Управление Алтайского края по образованию и делам молодежи).

Ф. Р-718 (Управление статистики Алтайского крайисполкома).

Ф. Р-1533 (Кудрявцев И.Н. Личный фонд).

Ф. Р-1733 (Рыженко П.Н. Личный фонд).

Ф. 5886 (Партийный архив Алтайского краевого комитета КПСС).

Ф. П-1061 (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Истпарт) Алтайского губернского комитета ВКП (б)).

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Фонды:

Ф. П-1 (Сибирский краевой комитет РКП (б)).

Ф. Р-1 (Сибирский ревком).

Ф. 11 (Управление статистики Сибирского, Западно-Сибирского крайисполкома).

Ф. Р-47 (Сибирский, Западно-Сибирский крайисполком).

Ф. Р-195 (Западно-Сибирское производственное золотодобывающее объединение «Запсибзолото» Главного управления драгоценных металлов и алмазов при Совете Министров СССР).

Ф. Р–896 (Западно-Сибирское управление театральными и зрелищными предприятиями, г. Новосибирск).

Ф. Р–1180 (Плановая комиссия Сибирского революционного комитета).

Государственный архив Республики Алтай (Госархив РА). Фонды:
Ф. П–1 (Ойротский, Горно-Алтайский областной комитет ВКП (б), КПСС).

Историческая справка о фонде № 1 Горно-Алтайского обкома КПСС // сост. П. Пупышев. 1974. Л. 142–154.

Ф. Р–1 (Алтын-Кёльский волостной революционный комитет Горно-Алтайского уездного революционного комитета).

Ф. Р–5 (Ойротский областной революционный комитет (облревком)).

Ф. П–2 (Горно-Алтайский обком КПСС).

Ф. Р–33 (Исполнительный комитет Ойротского, Горно-Алтайского областного Совета народных депутатов (облсполком)).

Ф. Р–36 (Ойрот-Туринский, Горно-Алтайский Совет народных депутатов и администрация г. Горно-Алтайска).

Ф. Р–37 (Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Алтай).

Ф. Р–42 (Областное земельное управление Ойротского облисполкома).

Ф. Р–44 (Отдел здравоохранения Горно-Алтайского облисполкома (облздравотдел)).

Ф. Р–48 (Министерство труда и социального развития Республики Алтай).

Ф. Р–54 (Комитет торговли и местных ресурсов Правительства Республики Алтай).

Ф. Р–55 (Отдел народного образования Ойротского облисполкома).

Ф. Р–59 (Областной отдел планирования Ойротского облисполкома).

Ф. Р–61 (Статистическое управление (облстатуправление) Горно-Алтайской автономной области).

Ф. Р–63 (Открытое акционерное общество «республиканское жилищно-коммунальное хозяйство» (ОАО «РЖКХ»)).

Ф. Р–104 (Чемальский волостной революционный комитет (волревком) Чемальской волости Ойротской автономной области).

Ф. Р–190 (Отдел культурно-просветительской работы, Управление культуры Ойротского, Горно-Алтайского облисполкома).

Ф. Р–198 (Лебедской волревком Лебедской волости Ойротской автономной области).

Ф. Р–218 (Горно-Алтайская санитарно-эпидемиологическая станция).

Ф. Р–223 (ОЦД) (Горно-Алтайский областной национальный драматический театр).

Ф. Р–265 (Горно-Алтайский государственный педагогический институт, ГАГУ).

Ф. Р–362 (Общество с ограниченной ответственностью «Элегант»).

Ф. Р–364 (Редакция газет «Звезда Алтай» и «Алтайдын Чолмоны» – орган издания Горно-Алтайского областного комитета КПСС и Горно-Алтайского областного Совета депутатов трудящихся).

Ф. Р–420 (Исполнительный комитет Улаганского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ойротской автономной области).

Ф. Р–423 (Исполнительный комитет Актельского сельсовета Шебалинского аймака Ойротской автономной области).

Ф. Р–462 (Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова).

Архивный отдел администрации города Бийска (АОАГБ).

Ф. Д–11 (Бийская уездная земская управа).

Архивный фонд Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Алтай (АФ УФСБ РФ по РА).

Архивный фонд Горно-Алтайского государственного университета (АФ ГАГУ).

Архивный отдел Муниципального образования «Майминский район» (АО МО «Майминский район»).

Ф. Р–46 (ОПХ «Чуйское» (Горно-Алтайская сельхозопытная станция)).

Текущие архивы органов государственной власти, учреждений и ведомств Республики Алтай:

Текущий архив Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай (ТА ГС – ЭК РА).

Текущий архив Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай (ТА УМЮ РФ по РА).

Текущий архив Министерства природных ресурсов, экологии и туризма Республики Алтай (ТА МПРЭТРА).

Текущий архив филиала Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай в г. Горно-Алтайске (Алтайкрайстат).

Личные архивы:

Личный архив Таушканова Ф.Л. (г. Горно-Алтайск). Копии архивных документов хранятся в научном архиве НИИА им. С.С. Суразакова. НА. НИИА. Ф. Материалы по истории. Д. 6.

Перечень источников фотографий

ГAAK. Ф. Р–1771 (фонд Пирогова С.И.).

Госархив РА. Ф. 1–Ф (архивная коллекция фотодокументов).

НМРА им. А.В. Анохина. Основной фонд. Научно-вспомогательный фонд.

Научный архив НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова (НА НИИА). Фонд фотографий. Дела 1–3, 8, 12, 16, 17, 22, 23, 26, 28, 29, 31, 32, 38, 39, 41, 70, 71, 75, 107, 108, 110.

Государственный центральный музей современной истории России. Фото. № 19835/57.

ГБУ культуры и дополнительного образования Москвы «Мультимедийный комплекс актуальных искусств». Фото. № 1985/114 Ф. II–12236.

Текущий архив Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай.

Наследие Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Национальном музее им. А.В. Анохина. Фотоальбом / под ред. Р.М. Еркиновой. – Горно-Алтайск: НМРА им. А.В. Анохина, 2020. – 184 с.

Ойротская автономия: история в летописи. Фотоальбом / под ред. Р.М. Еркиновой, Т.П. Шастиной. – Горно-Алтайск: НМРА им. А.В. Анохина, 2022. – 212 с.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // История Советской Конституции. 1917–1957 гг.: сб. документов. – М., 1957. – С. 76–87.

Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Гарант. Информационно-правовой портал // [Электронный ресурс] URL: <http://www.base.garant.ru/185477> (дата обращения: 25.02.2014).

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. – М., 1977. – 16 с.

Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР: Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853–XI [Электронный ресурс] URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185466> (дата обращения: 16.12.2021).

Закон РСФСР от 15 декабря 1990 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» [Электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183128/> (дата обращения: 24.10.2020).

Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР: Закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423–I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – № 27. – Ст. 935.

Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. [Электронный ресурс] URL: [http:// Библиотека нормативно-правовых актов СССР. www.libussr.ru](http://Библиотека_нормативно-правовых_актов_СССР.www.libussr.ru) (дата обращения: 16.05.2020).

О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР: Закон СССР от 20 сентября 1972 г. [Электронный ресурс] URL: [http:// Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. Музейреформ.рф/node/13912](http://Музей_истории_российских_реформ_им._П.А._Столыпина.Музейреформ.рф/node/13912) (дата обращения: 07.11.2020).

Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении). – М.: Известия народных депутатов, 1987. – 64 с.

О выборах народных депутатов СССР: Закон СССР от 1 декабря 1988 г. [Электронный ресурс] URL: [http:// Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина](http://Музей_истории_российских_реформ_им._П.А._Столыпина) (дата обращения: 17.11.2021).

Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708–I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 42. – Ст. 839.

О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности: Закон СССР от 10 декабря 1990 г. № 1818–1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 51. – Ст. 1107.

Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс] URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 19.05.2020).

О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 29 июля 1971 г. [Электронный ресурс] URL: <http://zaki.ru> (дата обращения: 08.11.2021).

О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. [Электронный ресурс] URL: <http://zaki.ru> (дата обращения: 08.11.2021).

О выборах народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. [Электронный ресурс] URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 14.10.2021).

О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru>. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (дата обращения: 17.11.2021).

О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР: Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1536–I // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 27. – Ст. 931.

О порядке преобразования Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакасской автономных областей в Советские

Социалистические Республики в составе РСФСР: Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1539-1 // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 27. – Ст. 934.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.

О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 г. № 79 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 35. – Ст. 1149.

Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 25 августа 1991 г. № 90 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 35. – Ст. 1164.

О деятельности КПСС и КП РСФСР: Указ Президента РСФСР от 6 ноября 1991 г. № 169 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 45. – Ст. 1537.

Положение о постоянных комиссиях местных Советов народных депутатов РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 3 марта 1983 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1983. – № 10. – Ст. 318.

Об основных началах национально-государственного устройства РСФСР: Постановление внеочередного съезда народных депутатов РСФСР // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – № 27. – Ст. 934.

Об изъятии хлебных излишков в Сибири: Постановление Совнаркома РСФСР от 20 июля 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. – М.: Политиздат, 1978. – С. 240–243.

Об органах управления автономной области Ойратского народа: Постановление ВЦИК РСФСР от 18 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 89. – Ст. 650 [Электронный ресурс] URL: <http://www.prlib.ru/> Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина (дата обращения: 01.12.2021).

О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 29 октября 1928 г. // Семерка. Российский правовой портал [Электронный ресурс] URL: <http://www.law7.ru/ussr/page106.htm> (дата обращения: 25.02.2014).

О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР: Постановление Совета Министров СССР от 14 января 1960 г. [Электронный ресурс] URL: http://https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/6689 (дата обращения: 23.06.2020).

О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране: Постановление ЦК КПСС и Совета

Министров СССР от 5 июля 1968 г. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/9049678> (дата обращения: 23.06.2020).

О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве: Постановление ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, Совмина СССР от 19 марта 1981 г. № 292 // СП СССР. – 1981. – № 13. – Ст. 78.

О программе социального развития села: Постановление Совмина СССР от 5 апреля 1989 г. № 290 // Электронный фонд правовой и технической информации [Электронный ресурс] URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/765703199> (дата обращения: 03.03.2021).

Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 33. – Ст. 386.

О повышении правового статуса области: Решение II-ой сессии областного Совета народных депутатов двадцатого созыва Горно-Алтайской автономной области от 22 сентября 1989 г. // Госархив РА. Ф. Р–33. Оп. 6. Д. 9686. Л. 60–62.

Об организационных мерах по реализации Закона РСФСР от 3 июля 1991 г. «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР»: Постановление Президиума Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области № 111 от 9 августа 1991 г. // От уезда к республике: сб. архивных документов 1917–2001 г. // сост.: В.П. Величко [и др.] / науч. ред. Д.И. Табаев. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 126–128.

Декларация о государственном суверенитете Горно-Алтайской автономной Советской Социалистической Республики: Принята Горно-Алтайским областным Советом народных депутатов 25 октября 1990 г. // Законы Республики Алтай / сост. Д.И. Табаев, Н.И. Шатинова. – Горно-Алтайск, 1992. – Вып. 1. – 6 с.

Об утверждении схемы территориального планирования Республики Алтай и признании утратившими силу постановления Республики Алтай от 27 ноября 2015 г. № 397 [Электронный ресурс] URL: <http://www.altai-republic.ru> (дата обращения: 15.09.2022).

О порядке ареста жен изменников Родины: Приказ НКВД СССР № 00689 от 17 октября 1938 г. / ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. Глава I. Карательная политика советского государства [Документы №№ 1–52] // Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева» [Электронный ресурс] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009106> (дата обращения: 07.05.2017).

Грамота Временного Сибирского правительства ко всем народам Сибири от 7 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства от 18 июля 1918 г., № 2 (ст. 10) в кн.: Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири

(1917–1918). Сб. документов. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1926 // Сайт Научно-просветительского журнала «Скепсис» // [Электронный ресурс] URL: http://www.scepsis.net/library/id_2927.htm (дата обращения: 04.10.2013).

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

«Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника / сост.: Н.Г. Охотин, А. Б. Рогинский [Электронный ресурс] URL: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения: 07.05. 2017).

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: стеногр. отчет: В 2 т. Т. 1 / ред.: Л.Н. Барыкина, Б.Б. Неклюков. – М.: Политиздат, 1988. – 352 с.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стеногр. отчет. – М.: Политиздат, 1962 [Электронный ресурс] URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/s22/index.htm> (дата обращения: 26.06.2020).

XXXV Горно-Алтайская областная конференция КПСС. – Горно-Алтайск, 1988. – 120 с.

Административно-территориальное деление Горного Алтая: сб. архивных документов. 1917–2016 гг. / Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай; редкол.: Р.К. Сагыдыева [и др.]; сост.: Н.В. Шарабура [и др.]. – Барнаул, 2016. – 400 с.

Алтай в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1965. – 465 с.

Была война ... Сборник архивных документов 1941–1945 гг. – Горно-Алтайск, 2010. – 421 с.

Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 29 ноября – 1 декабря 1988 г.: стеногр. отчет. – М.: Верховный Совет СССР, 1988. – 251 с.

Второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 27 ноября – 15 декабря 1990 г.: стеногр. отчет. Т. I. – М.: Изд-во «Республика», 1992. – 448 с.

Горбачёв М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: доклад на Совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. – М.: Политиздат, 1987б. – 60 с.

Горбачёв М.С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, 25 февраля 1986 г. – М.: Политиздат, 1987а. – 178 с.

Горно-Алтайская областная организация КПСС в цифрах. 1922–1973 /гл. ред. Н.М. Киселёв. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. кн. изд-ва, 1975. – 118 с.

Горно-Алтайская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во Горно-Алт. отд., 1975. – 152 с.

Горно-Алтайский хронограф. Годы. События. Факты / редкол.: В.А. Облогин [и др.]. // сост. В.П. Величко [и др.]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2003. – 271 с.

Горно-Алтайской автономной области 60 лет. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1982. – 82 с.

Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях // сост.: О.Т. Зайцев [и др.]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская респ. тип., 1998. – 367 с.

Государственный архив Республики Алтай. Путеводитель / ред. Н.А. Петрова; Государственная архивная служба Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1998. – 189 с.

Делегату XXXIII Горно-Алтайской областной конференции КПСС. – Горно-Алтайск, 1983. – 116 с.

Делегату XXXIV Горно-Алтайской областной конференции КПСС. – Горно-Алтайск, 1985. – 117 с.

Делегату XXXV Горно-Алтайской областной конференции КПСС. – Горно-Алтайск, 1988. – 120 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. I / сост.: П.И. Чепкин. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер», 1996. – 285 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. II // сост.: П.И. Чепкин. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер», 1998. – 336 с.

Книга памяти. Т. III. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер», 1994. – 632 с.

Книга Памяти. Т. V. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер» Республики Алтай, 2000. – 356 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 7: 1938–1945. – 9-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1985. – 574 с.

Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – Т. 3: 1922–1925. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984. – 494 с.

Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1983–1990. Т. 8: 1946–1955. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций

и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1983–1990. Т. 9: 1956–1960. – М.: Политиздат, 1986. – 574 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1976–1980 гг.). Т. 13. – М.: Политиздат, 1986. – 509 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: сборник материалов. Т. 8: 1959–1965. – М.: Политиздат, 1971. – 567 с.

М.В. Карамаяев: жизнь и деятельность (документы и материалы) / редкол.: Н.В. Екеев [и др.]; сост.: Н.В. Екеев, М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2019. – 352 с.

Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. – М.: Политиздат, 1988. – 160 с.

Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971. – 320 с.

Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.

Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981. – 223 с.

Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 352 с.

Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. – М.: Политиздат, 1989. – 255 с.

Материалы Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 92 с.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. – 1992. – № 2–3. – С. 3–44.

XXXV Горно-Алтайская областная конференция КПСС. – Горно-Алтайск, 1988. – 120 с.

Они сражались за Родину. Т. IV. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер» Республики Алтай, 2000. – 306 с.

Основные направления экономического и социального развития Горно-Алтайской автономной области в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года. – Горно-Алтайск, 1985. – 157 с.

От уезда к республике: сб. архивных документов 1917–2001 г. // сост.: В.П. Величко [и др.] / науч. ред. Д.И. Табаев. – Горно-Алтайск: Б.и., 2001. – 276 с.

Память народа. 70 лет Горно-Алтайской автономной области. Документы и материалы по социально-экономическому и культурному развитию / под ред. В.С. Максимова, В.И. Петрова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская респ. тип., 1993. – 607 с.

Первый съезд народных депутатов СССР: стеногр. отчёт. Т. II. – М.: Изд.-ие Верховного Совета СССР. – 479 с.

Пленум ЦК КПСС. Стенографический отчёт. 3–7 июля 1953 г. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/26522> (дата обращения: 23.06.2020).

Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.): сб. архивных документов и материалов / отв. ред. Н.В. Екеев // сост.: М.С. Каташев, Л.Н. Мукаева, Г.Б. Эшматова. БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2017а. – 272 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 1. 1917–1928 гг. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 783 с.

Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края. XVII – начало XX веков. – Горно-Алтайск, 2000. – 231 с.

Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – Т. 1. – 748 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 864 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. / сост.: С.А. Красильников [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1992. – 283 с.

Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск, 1992. – 130 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2000. – 927 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. – М.: РОССПЭН, 2004. – 648 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. Кн. 2 / под ред. В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2006. – 704 с.

Третий (внеочередной) Съезд РСФСР, 28 марта – 5 апреля 1991 г. Стенографический отчёт. Т. 5. – М.: Изд-во «Республика», 1992. – 446 с. [Электронный ресурс] URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1Ke5r4-1J14ty0bzFT4uB0m-01shehhu> (дата обращения: 07.05.2017).

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) 1937 г.: начало «большого террора. Сибирский аспект. Презентация выставки документов Государственного архива Новосибирской области [Электронный ресурс] URL: <http://www.archive.nso.ru/news/183> (дата обращения: 07.05.2017).

Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Отдел специальной документации. Путеводитель / отв. ред. Н.И. Разгон. – М.:

Звенья, 2001. – 959 с.

Чуйский тракт: от выючной тропы до дороги федерального значения: сборник архивных документов. – Горно-Алтайск: Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2020. – 316 с.

Этот день мы приближали как могли. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается ...: научно-популярное издание / сост.: Захарова Т.В., Яковлева М.А. – Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2020. – 352 с.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – Т. VI. Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. – 389 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Занятия. – М.: Изд-ие ЦСУ СССР, 1929. – 411 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru> (дата обращения: 07.03.2020).

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскопweekly. Еженедельная демографическая газета. Приложения Демоскопа [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 14.04.2021).

Выборы Президента Российской Федерации. 2000. Электоральная статистика. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000. – 318 с.

Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Стат. сборник. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1982. – 82 с.

Горный Алтай в цифрах. Статистический сборник. Горно-Алтайское областное управление статистики. – Горно-Алтайск, 1990. – 187 с.

Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения. 1989. – Горно-Алтайск: Б. и. Ч. 3, раздел 1: Социально-экономическая характеристика. – 1992. – 161 с.

Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения. 1989. – Горно-Алтайск: Б. и. Ч. 3, раздел 2. Социально-экономическая характеристика. – 1992. – 368 с.

Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения. 1989. Ч. 1. – 291 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. – М.: Статистика, 1972. – 576 с.

Итоги экономического и социального развития Алтайского края за

годы десятой пятилетки: стат. сборник. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1981. – 104 с.

Народное хозяйство Алтайского края. Стат. сборник. – Барнаул, 1958. – 299 с.

Народное хозяйство Алтая за 60 лет Советской власти. Стат. сборник. – Барнаул, 1977. – 72 с.

Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области. Стат. сборник. – Горно-Алтайск, 1957. – 137 с.

Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области. Стат. сборник. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1957. – 51 с.

Народное хозяйство Республики Алтай за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. – Горно-Алтайск, 1992. – 117 с.

Народное хозяйство Республики Алтай. 1992. Статистический ежегодник. – Горно-Алтайск, 1993. – 378 с.

Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 752 с.

Население Горного Алтая в зеркале статистики: по итогам переписей населения. К 90-летию образования Ойротской автономной области / отв. ред.: Лацков В.Н. [и др.]. – Горно-Алтайск: Алтайстат, 2012. – 139 с.

Население Горного Алтая. Статистический сборник. В помощь учителю географии и истории / сост.: А.П. Макошев, А.И. Минаев. – Горно-Алтайск: ООП ГАГУ, 1994. – 67 с.

Научно-технический прогресс в СССР. Госкомитет СССР по статистике. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 270 с.

Портал Сибирского регионального отделения Российской академии сельскохозяйственных наук [Электронный ресурс] URL: <http://www.sorashn.ru/index.php?id=2194> (дата обращения: 17.06. 2014).

Предварительные итоги переписи населения 1926 г. по Ойратской автономной области / Стат. отд. Облесполкома Ойратск. автономной области. – Улала: Ойратск. стат. отд., 1927 (тип. издательск. объединение «Ойратск. край»). – 71 с.

Республика Алтай в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. Алтайстат. / редкол.: Лацков В.Н. [и др.]. – Горно-Алтайск, 2012. – 127 с.

Республика Алтай в цифрах. Юбилейный статистический сборник. Алтайстат. – 2 изд. – Горно-Алтайск, 2016. – 191 с.

Республика Алтай в цифрах. Юбилейный статистический сборник / Алтайстат. – Горно-Алтайск, 2006. – 196 с.

Список населенных мест с указанием численности населения по переписи населения 1939 г. по Алтайскому краю. – М.: Госпланиздат, 1941. – 54 с.

Список населенных мест Сибирского края. Вып. X. Ойротская область. – Новосибирск: Сиб. краевой стат. отдел ЦСУ, 1928. – 48 с.

Статистический бюллетень. Основные показатели развития

промышленности, сельского хозяйства, культуры, здравоохранения, торговли и других отраслей народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области за 40 лет (с 1922 по 1962 год). – Барнаул: тип. «Алтайская правда», 1962. – 24 с.

Статистический ежегодник Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2005. – 420 с.

Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи 1979 года. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 366 с.

Численность рабочих и служащих Алтайского края (статистический сборник) / Статистическое управление Алтайского края. – Барнаул: Б.и., 1982. – 30 с.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Л.Н. Образование в годы Великой Отечественной войны в Горном Алтае // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войны и современность. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – С. 67–72.

Аксенова Л.Н. Осуществление реформы образовательной системы Горного Алтая в 1980-е годы // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Материалы международной научно-практической конф. 24–27 мая 2011 г. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 8–12.

Аксенова Л.Н. Решение вопроса подготовки кадров советских учителей для народов Алтая (1920–1930-е гг.) // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 65–2. – С. 14–18.

Аксенова Л.Н. Становление и развитие советской системы образования у народов Южной Сибири // Вестник Московского государственного областного института. – 2013. – № 2. – С. 3–7.

Аксенова Л.Н. Формирование педагогических кадров для школ национальных регионов Западной Сибири (1945–1953 гг.) // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – Вып. 68. – Ч. III. – С. 10–12.

Аксенова Л.Н., Сокольская Л.В. Становление советской системы образования у коренных народов Южной Сибири в 1920-е годы // Образование и наука. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 170–198.

Актелов М.С. Сильные спайкой // Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. – Горно-Алтайск: кн. изд-во, 1957. – С. 68–70.

Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2. – Новосибирск: Наука, 1976. – 311 с.

Алтай в годы Великой Отечественной войны. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1960. – 235 с.

Аманжолова Д.Э. Этнос и вопрос о государственном устройстве России в годы гражданской войны // Журнал «История». – ИД «Первое сентября». – 2000. – № 41. [Электронный ресурс] URL: <http://www.his.1sept.ru/article.php?ID=200004102> (дата обращения: 21.11.2014).

Андронкина В.Р. Деятельность Горно-Алтайской партийной организации по руководству клубными учреждениями области (1946–1965 гг.) // Ученые записки ГАНИИЯЛа. – Вып. 9. – 1971. – С. 3–19.

Андронкина В.Р. Из опыта областной партийной организации Горного Алтая по развитию народного образования в 1946–1954 гг. // Ученые записки ГАНИИЯЛа. – Вып. 7. – 1967. – С. 74–91.

Андронкина В.Р. К вопросу формирования кадров советской интеллигенции в Горном Алтае // Из истории борьбы партийных организаций Западной Сибири за социалистическое строительство. – Барнаул, 1976. – С. 27–44.

Андронкина В.Р. Роль партийно-советских органов в организации научных исследований по истории, языку и литературе Горного Алтая // Гуманитарные исследования в Горном Алтае (сборник статей) / отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1987. – С. 4–40.

Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945 гг. Деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. – Барнаул, 1966. – 71 с.

Анкудинова Т.В., Гонохов А.Г. Основные тенденции экономического развития города Улала (Ойрот-Тура) в 20–30-е гг. XX в. // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 11. – Горно-Алтайск, Бийск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 6–13.

Анкудинова Т.В., Попов А.В. Проблемы мобилизации людских ресурсов и помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (на примере Ойротской автономной области) // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 16. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 7–14.

Анкудинова Т.В., Романенко Р.П. История медицинского образования в Горном Алтае // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 15. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 3–4.

Антарадонов Ю.В. Возвращённые имена и события // Возвращённые имена и события: сб. матер., посвящ. 70-летию памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2007. – С. 18–29.

Бабикина Е.Н. Двоевластие в Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 159 с.

Баева Л.П., Макошев А.П. Экономическая и социальная география Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Тип. ГАГУ, 1994. – 200 с.

Балдано М.Н. Развитие промышленности и кадров промышленных рабочих Бурятии (1960–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1997. – 23 с.

Бармин В.А. Формы и методы деятельности советских карательных органов при подавлении народного повстанческого движения в Горном Алтае в 1919–1922 гг. // Востокведные исследования на Алтае. Вып. III // отв. ред. В.А. Моисеев. – Барнаул: Азбука, 2002. – С. 198–205.

Баскакова И.В., Шуляк А.Г. Основание и развитие туберкулезного санатория «Чемал» в 20–50-е годы XX в. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 14. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – С. 13–16.

Батасов А., Раппопорт Г. Социалистическая Ойротия. – Барнаул: Изд-ие Алтайского крайкома ВКП (б), 1939. – 38 с.

Безгин В.Б. Лозунги повстанчества как отражение крестьянского менталитета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6 (80). – Ч. 2. – С. 10–13.

Белекова Э.А. Музеи учебных заведений // Республика Алтай. Краткая энциклопедия / гл. ред. А.С. Суразаков. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010. – С. 221.

Белекова Э.А. Ойротский областной краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 101–104.

Белекова Э.А. Работа Ойротского краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.musey-anohina.ru> (дата обращения: 21.11.2022).

Беликова А.П. Очерки общего и педагогического образования в Республике Алтай (XIX – начало XXI вв.): Уч. пособие для студентов вуза. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 180 с.

Белозерова М.В. Переселенческая политика и некоторые проблемы хозяйственного освоения Южной Сибири в 1910–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2010. № 1 (9). – С. 118–122.

Белоусова Н.В. Административно-территориальное устройство Горно-Алтайской автономной области в 1948–1991 гг. // Билим: науч. журнал. – Вып. 6. – Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – 2010. – С. 113–119.

Белоусова Н.В. История развития Горно-Алтайского учительского института (1949–1953 гг.) // Архивы Республики Алтай. Информативно-методический бюллетень. – Горно-Алтайск. – 1999. – № 7. – С. 52–58.

Богданов М.А. Разгром кайгородовщины // Вопросы истории. – 1972. – № 7. – С. 134–149.

Болдуев А.А. Горный Алтай в период военного коммунизма // Вопросы истории Горного Алтая. – Вып. 1. – Горно-Алтайск, 1980. – С. 74–94.

Болдуев А.А. Ойротская (Горно-Алтайская) автономная область: некоторые аспекты ее создания, функционирования и преобразования в республику // Социальные проблемы национальных регионов Сибири

в XX веке. Мат.-лы очно-заочной межрег. научн. конф. Горно-Алтайск, апрель-октябрь 2002 г. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2002. – С. 124–132.

Болдуев А.А. Первая продналоговая кампания в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. – Барнаул, 1978. – С. 19–33.

Бордюгов Г.А. Реабилитация жертв большого террора в 1939–1941 гг.: намерения и результаты // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2013. – № 4. – С. 22–30.

Борьба за власть Советов на Алтае. – Барнаул: Тип. Полиграфиздата, 1957. – 464 с.

Бражников Я.И. Горный Алтай в Великой Отечественной войне. – Горно-Алтайск, 1966. – 191 с.

Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М.: Звенья, 1999. – С. 95–118.

Букин С.С., Исаев В.В. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х – начале 1960-х гг. // ЭКО: экономика и организация промышленного производства. – 2010. – № 2. – С. 163–180.

Букин С.С., Исаев В.В. Развитие общественного питания в Сибири в 1920–1950-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: матер. Т. 2 / ред. В.В. Запарий. – Екатеринбург: Уральский государственный технический университет – УПИ, 2007. – С. 29–31.

Бурматов А.А. Факторы изменения половой структуры населения Западной Сибири в 1926–1939 гг. // Проблемы демографической истории Сибири: Сб. науч. тр. Вып. 3 / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 107–125.

Бухтуева Л.В. Эшелоны идут на Восток (к теме эвакуации в Усть-Коксинский аймак в годы Великой Отечественной войны) // Архивные чтения Республики Алтай: матер. III межрегиональных чтений, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (16–18 октября 2020 г.) / отв. ред. Т.В. Захарова, М.А. Яковлева. – Горно-Алтайск, 2021. – С. 5–9.

Варченко А.М. К истории народного образования в Горно-Алтайской автономной области // Ученые записки ГАГПИ. Вып. 1. – 1956. – С. 3–19.

Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. – 450 с.

Величко С.А. Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985–1991 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 44 с.

Водичев Е.Г., Красильников С.А. Наука на востоке России // Историческая Энциклопедия Сибири // гл. ред. В.А. Ламин [Электронный ресурс] URL: <http://russiasib.ru/nauka-na-vostoke-rossii> (дата обращения: 16.05.2014).

Возвращение. Сборник докладов и сообщений науч.-практ. конф. «Чорос-Гуркин и современность». – Горно-Алтайск – Анос, 11–12 янв. 1991 г. / Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, Комитет культуры Республики Алтай, Республиканский музей им. А.В. Анохина / гл. ред. В.И. Эдоков. – Горно-Алтайск, 1993. – 240 с.

Вопросы алтайского литературоведения и фольклористики (Из научного наследия С.М. Каташева) / сост. М.С. Каташев; отв. ред. Н.Д. Алмадакова. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2009. – 352 с.

Вопросы развития алтайского языка и литературы: материалы научной конференции 1951 г. / отв. ред. С.С. Суразаков [и др.]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1954. – 123 с.

Восьмая выставка картин и скульптуры АХРР «Жизнь и быт народов СССР». Справочник-каталог. – М.: Изд-во Ассоциации худож. Революционной России (АХРР), 1926. – 164 с.

Вторая мировая война. Цифры и факты // Проблемы мира и социализма. – 1985. – № 5. – С. 88–93.

Гартман Н.Э. Польский «след» в истории политических репрессий в Горном Алтае – 30–40-е гг. XX в. // Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917–1939 гг. (на примере Ойротии – Горного Алтая): матер. межрег. науч.-практ. конф. / редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 142–148.

Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. Вып. 13. – СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.

Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. – 245 с.

Гончарова О.А. Здравоохранение Горного Алтая на рубеже XIX–XX вв. // История Горного Алтая. Ч. 2. Горный Алтай в 1917–1940 гг. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1995. – С. 56–96.

Гончарова О.А. История становления и развития системы здравоохранения национальных районов юга Сибири в 1920–1941 гг. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – 96 с.

Гончарова О.А. Особенности социально-экономического положения Ойротской автономной области в 1920-е гг. // Социальная история Горного Алтая в документах и материалах. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – 112 с.

Гончарова О.А. Социально-экономические процессы в Горном Алтае в период перестройки (1985–1991 гг.) // Развитие территорий. – 2016. – № 1 (4). – С. 40–48.

Гордиенко П. Ойротия. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 141 с.

Гордиенко П.Я. Ойротия: к 10-й годовщине Ойротск. авт. области. – Новосибирск: Огиз Запсиботд-ние, 1931. – 144 с.

Гордон Э.В. Деятельность Алтайской Горной думы как одного из органов Временного правительства на территории Горного Алтая в 1917–1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 6 (26). – С. 32–37.

Горный Алтай: историография истории социального развития первой половины XX в. / Гончарова О.А., Пустогачева Т.С., Летов А.В. [и др.]; М-во образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Горно-Алтайский гос. ун-т». – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 93 с.

Горный Алтай: история социального развития второй половины XX в. / сост. О.А. Гончарова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – 235 с.

Горный Алтай: история социального развития первой половины XX в. / О.А. Гончарова, Т.С. Пустогачева, А.В. Летов; ред. О.А. Гончарова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007. – 346 с.

Горюшкин Л.М. Вопросы изучения истории крестьянства Сибири в 1917 г. (март–октябрь) // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири: Сб. статей. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. – С. 15–26.

Гридунова И.А. Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2009. – С. 647–663 // [Электронный ресурс] URL: http://www.krotov.info/libr_min/18_s/ta/stalinism_01.htm (дата обращения: 27.08.2017).

Гришаев В.Ф. Убитые дважды: документальный очерк // Алтай. – 1992. – № 3. – С. 126–139.

Гуляева А.П. Эхо из прошлого // Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917–1939 гг. (на примере Ойротии – Горного Алтая): матер. межрег. науч.-практ. конф. / редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 170–175.

Гущин Н.Я. Сибирская деревня в годы Великой Отечественной войны. (Итоги, проблемы и задачи изучения) // Сибирь в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 117–134.

Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 2011. – 863 с.

Дацышен В.Г., Овчаров В.В. Сerezское восстание 1920 г. История в документах. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 188 с.

Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1970. – 224 с.

Демидов В.А. Крах Каракорума // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 122–144.

Демидов В.А. Октябрь в Сибири: интернационализм против национализма // Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. – Новосибирск, 1987. – С. 19–29.

Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири, 1917–1923 гг. – 2-е изд., доп. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. – 318 с.

Демидов В.А. От Каракорума к автономии: Пособие к спецкурсу. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1996. – 156 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / В.А. Ламин [и др.]; отв. ред. В.А. Исупов; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории. – Новосибирск: ИИ, 2017. – 347 с.

Денчик С.В., Модоров Н.С. К вопросу о гражданском противостоянии в Горном Алтае в 1921–1922 гг. и его участниках // Мир Евразии. – 2009. – № 3(6). – С. 28–30.

Дитятев Н.Д., Насонов Р.Г. Создание предпосылок для роста национальной интеллигенции в Южной Сибири в 20-е гг. // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем: тез. междунар. конф. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 1998. – С. 84–86.

Екеев Н.В. Деятельность М.В. Карамеева по повышению административно-политического статуса Горно-Алтайской автономной области // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х–90-х гг. XX в. Матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. советского государственного и политического деятеля М.В. Карамеева. – Горно-Алтайск, 11–14 марта 2019 г. / редкол.: Н.М. Екеева [и др.]. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 12–17.

Екеев Н.В. Изучение истории Горного Алтая // Гуманитарные исследования в Горном Алтае (сборник статей) / редкол.: Екеев Н.В. (отв. ред.), Суразаков А.С., Тадыкин В.Н., Эдоков И.П. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1987. – С. 40–55.

Екеев Н.В. Об алтайских личных именах // Алтай: История и культура (Избранные труды) / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2015. – С. 367–373.

Екеев Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1988. – 208 с.

Екеев Н.В. Этнокультурное развитие народов Горного Алтая // Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI вв.). Вып. 3. Культурно-религиозное пространство Горного Алтая в конце XX – начало XXI вв.:

трансформации и инновации / редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов, Н.О. Тадышева. – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. – С. 16–29.

Екеев Н.В., Каташев М.С. Михаил Васильевич Карамеев: жизнь и деятельность // М.В. Карамеев: жизнь и деятельность (документы и материалы) / редкол.: Н.В. Екеев (гл. ред.) [и др.]; сост.: Н.В. Екеев, М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова. – Горно-Алтайск: ЛИД «Алтын Туу», 2019. – С. 9–27.

Ельдепов В.Я. Развитие физической культуры и спорта в Горном Алтае в период 1946–1990 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2007. – 23 с.

Ельдепов В.Я. Становление и развитие физической культуры и спорта в Горном Алтае в период 1917–1990 гг. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2021. – 140 с.

Ельчиногова О.А., Кудачинова А.А. Академическая наука в Горном Алтае: становление и развитие // История и современность Республики Алтай. Мат.-лы респ. научн.-практич. конф. – Горно-Алтайск: КПДА РА, 2012. – С. 30–33.

Емельянов Н.А. Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития. – Тула, 1997. – 192 с.

Енчинов Э.В. Обычно-правовое регулирование заключения брака алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7 / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – С. 114–124.

Енчинов Э.В. Похороны и наследство в обычном праве алтайцев // Исторический вестник. Вып. 3: сб. науч. тр. // под ред. Т.С. Пустогачевой, Т.В. Анкудиновой. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – С. 39–43.

Енчинов Э.В. Правовые обычаи, связанные с беременностью в традиционном мировоззрении алтайцев // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. Вып. II. – С. 271–277.

Енчинов Э.В. Шаалта/калым в современном обычном семейном праве алтайцев // История и современность Республики Алтай. – Горно-Алтайск: КПДА РА, 2012. – С. 33–35.

Еремян В.В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.): Уч. пособие – М.: Новый юрист, 1998. – 175 с.

Еркинова Р.М. А.В. Анохин и Г.И. Чорос-Гуркин у истоков формирования музейных коллекций // Анохинские чтения: материалы пятой научной конференции, посвящ. 90-летию НМ РА (30–31 октября 2008 г.). – Горно-Алтайск: Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, 2008. – С. 6–18.

Ермаков В.П., Линец С.И. История политических партий и движений в России: Уч. пособие для студентов. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2008. – 161 с.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 30-е годы. Взгляд на неизвестное. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 279 с.

Жуков А.В. Формирование политических организаций в Республике Алтай 1985–1995 гг. // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая: материалы Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 21–23 сентября 1998 г. / гл. ред Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 1998. Вып. II. – С. 94–100.

Заславский И. Пенсионное обеспечение // Население и социальное обеспечение. – М.: Финансы и статистика, 1984. – С. 21–28.

Захарова Т.В. К вопросу о подготовке кадров в Горно-Алтайской автономной области в 20–30-е гг. XX века // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке. (Мат.-лы очно-заочной межрегион. научн. конф.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 7–11.

Захарова Т.В. Некоторые аспекты социального развития Горного Алтая в 30-е гг. XX в. // Мир Евразии. – 2008. – № 1. – С. 7–11.

Захарова Т.В. Очерки по социальной истории Ойротии (1917–1929 гг.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – 148 с.

Захарова Т.В. Развитие системы здравоохранения Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны // Сибирский архив. – 2020. – № 4 (6). – С. 31–47.

Захарова Т.В. Развитие сферы бытовых услуг в Горном Алтае в годы «оттепели»: достижения и проблемы // Сибирский архив. – 2022. – № 1. – С. 131–144.

Захарова Т.В., Яковлева М.А. Женщины Ойротии в советском государственном строительстве (1917–1956 гг.) [Электронный ресурс]: монография. Электрон.дан. и прогр. (30,8 Мб). – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. – 117 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 гг. Вып. 1–2. – М.: Русская пресс-служба, 1994. – 125 с.; – 144 с.

Зыкова В.Г. Крестьянские организации в Сибири в 1917 г. Проблемы изучения // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной научной конференции. г. Новосибирск, 2–4 ноября 1987 г. Секция I, II, III. Новосибирск, 1987.

Иванова Г.М. Проблемы материального благосостояния населения СССР и стратегия социального реформирования в 1950-е годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2014. – Т. 16. – № 3. – С. 137–145.

Иванова Н.Ю. Гражданская война на территории Горного Алтая в 1921–1922 гг.: основные тенденции и события // Алтай – Россия: через

века в будущее. Мат.-лы всеросс. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – Т. 1. – С. 155–157.

Иванцова Н.Ф. Горный Алтай в октябре 1917 – июне 1918 гг. // История Горного Алтая. Ч. 2. Горный Алтай в 1917–1940 гг. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт ГАГУ, 1995. – С. 24–56.

Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В.И. Ленина, 1993. – 452 с.

Иванцова Н.Ф. Земство в Западной Сибири в 1917 – начале 1918 гг. // Вопросы истории. Сб. научных статей. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1996. Вып. 1. – С. 33–45.

Иванцова Н.Ф. Каракорум-Алтайская управа: первые мероприятия в области народного образования и культуры // Кан-Алтай. – 1994. – № 4. – С. 45.

Иванцова Н.Ф. Политические процессы в сибирской деревне в период Февральской революции. – М.: Прометей, 1992. – 119 с.

Ивницкий Н.С. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории, Ун-т г. Торонто (Канада). – М.: Б. и., 2000. – 350 с.

Ильиных В.А. Социалистическое соревнование в сельском хозяйстве Сибири в 1960–1985 гг. (Анализ массовых источников) // Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г. – Новосибирск, 1989. – С. 25–30.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М.: Мысль, 1983. – 294 с.

Ирkitова А.А. Судьбы спецпереселенцев в Горном Алтае в 1930–1940-е гг. // Алтай – Россия: через века в будущее: матер. Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхожд. алтайского народа в состав Российского государства (16–19 мая 2006 г.). Т. I. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 158–161.

Ирkitова А.А. Экономика Ойротской автономной области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 21 с.

Историческая энциклопедия Сибири 2009: в 3-х т. Т. I. А–И. – Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. – 715 с.

Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. Т. II. К–Р. – Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. – 807 с.

История алтайской литературы. Кн. 1. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2004. – 552 с.

История Алтая: в 3-х т. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 484 с.

История Горного Алтая. Ч. 2. Горный Алтай в 1917–1940 г.: уч. пособие / сост.: О.А. Гончарова, Н.Ф. Иванцова, Н.А. Майдурова. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 1995. – 152 с.

История Горного Алтая: в 3-х т. Т. 2: 1900–1945 гг. / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. – Бийск: НИЦ БигПИ, 2000. – 223 с.

История Горного Алтая: учебное пособие / А.П. Адлыкова, Т.В. Анкудинова, А.Г. Гонохов [и др.]; Горно-Алтайский гос. ун-т. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – 480 с. [Электронный ресурс] URL: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/3522/read.php> (дата обращения: 14.02.2021).

История и культура Горного Алтая: 9 класс. Уч. пособие. Ч. I: 1900–1945 гг. / сост.: А.А. Иркитова, Л.Н. Мукаева, М.П. Мишкина. – Новосибирск: АРТА, 2013. – 182 с.

История Сибири (С древнейших времен до наших дней). Т. 4. – Л., 1968. – 502 с.

История Сибири. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1969. – 470 с.

Исупов В.А. 1938–1945-е гг. Миграционное движение // Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред. Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – С. 96–98.

Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – 291 с.

Исупов В.А. Демографическая политика сталинского правительства в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы истории Сибири. Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Ч. 1. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – С. 124–128.

Исупов В.А. Демографическая статистика в Сибири: история становления (1920–1930-е годы) // Вестник НГУЭУ. – 2010. – № 1. – С. 90–102.

Казагачева З.С. Диалог поколений в эпистолярной истории. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2012. – 749 с.

Казагачева З.С. Зарождение алтайской литературы / отв. ред. А.А. Петросян. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1972. – 146 с.

Казанцев А.Ю. Социально-экономическое и политическое развитие Горного Алтая в конце XX в.: 1985–1993 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. н. – Абакан, 2005. – 23 с.

Казанцев А.Ю. Общественно-политическое развитие Горного Алтая в конце XX в. // Исторический вестник. Вып. 6: сб. науч. тр. / ред.: Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. – С. 21–28.

Казанцев А.Ю. Развитие промышленности Горного Алтая в 80–90-х годах XX в. // Горный Алтай. Исторический сборник. – Горно-Алтайск, Бийск, 2006. Вып. 10. – С. 59–65.

Казанцева В.П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946–1959 гг.) (Для учащихся и учителей истории). – Горно-Алтайск: Б.и., 1992. – 54 с.

Казанцева В.П. К вопросу о некоторых изменениях в быту трудящихся Горного Алтая в годы восстановления народного хозяйства (1920–1927 гг.) // Из истории партийных организаций Сибири. Вып. 73. Науч. тр. / отв. ред. В.М. Горячева, П.Н. Иванов. – Новосибирск, 1972. – С. 101–114.

Казанцева В.П. Из истории социально-экономического развития Горного Алтая в годы восстановления народного хозяйства (1920–1927 гг.) // Ученые записки ГАНИИЯЛа. – Вып. 9. – 1970. – С. 15–28.

Калинина И.П. Жизнь и деятельность основателя НИИ садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко [Электронный ресурс] URL: <http://www.plodosad.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

Калмык В.А. Социально-экономическое развитие сибирского села / [В.А. Калмык, Р.В. Рывкина, Л.А. Хахулина и др.]; отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 447 с.

Кампарс П.П., Закович Н.М. Советская гражданская обрядность. – М.: Мысль, 1967. – 256 с.

Карачаков Д.М. Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири: исторический опыт и уроки (1961–1985 гг.). – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998. – 184 с.

Карачаков Д.М., Карачакова Н.Д. Социально-экономическое развитие Тувы, Горного Алтая и Хакасии во второй половине XX века. – Горно-Алтайск, 2008. – 159 с.

Карлов С.В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011. – 206 с.

Каташев М.С. Вооружённое противостояние «белых» и «красных» на территории Горного Алтая в условиях падения советской власти в Сибири (лето 1918 года) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 28–31.

Каташев М.С. Исторический опыт лесопромышленного освоения Горного Алтая в 1960–1980-е гг. Эколого-экономический аспект. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2013. – 246 с.

Каташев М.С. Основные тенденции развития промышленности Горного Алтая в 1955–1964 гг. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской научно-теоретической конф., посвящ. памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (Иркутск, 28 апреля 2020 г.). – Иркутск: Оттиск, 2020а. – С. 131–140.

Каташев М.С. Отношение Л.П. Потапова и представителей алтайской национальной интеллигенции к проблеме экологии Горного Алтая (вторая половина 1980-х гг.) // История и культура народов Южной

Сибири: история, настоящее, будущее: Мат.-лы чтений, посвящ. памяти исследователя народов Сибири Л.П. Потапова. Горно-Алтайск, 18–20 сентября 2006 г. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 17–21.

Каташев М.С. Последствия Великой Отечественной войны для экономики Горного Алтая // Горный Алтай и горно-алтайцы в годы Великой Отечественной войны. Материалы круглого стола, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / редкол.: Н.В. Екеев, М.С. Каташев (отв. ред.), Н.О. Тадышева. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2020. – С. 85–94.

Каташев М.С. Проблемы развития молочной кооперации в среде кочевого и полукочевого населения Горного Алтая в 1920-е гг. // Векторы развития гуманитарной науки в современном мире (мат.-лы Всеросс. науч.-практ. конф., посв. 95-летию со дня рожд. первого директора Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, доктора филологических наук, профессора С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, 21–22 октября 2020 г.). – Горно-Алтайск, 2020. – С. 376–383.

Каташев М.С. Развитие кустарной промышленности в Горном Алтае в годы НЭПа (1928–1928 гг.) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск, 2014. – С. 309–215.

Каташев М.С. Развитие сельскохозяйственной производственной кооперации в среде кочевников Горного Алтая в 1920-е гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Сер.: Гуманитарные науки. – 2020в. – № 7–2. – С. 14–18.

Каташев М.С. Свержение Советской власти в Горном Алтае в июне 1918 г. // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 4 (20). – С. 36–40.

Каташев М.С. Становление и развитие золотодобывающей промышленности в Горном Алтае в 1935–1941 гг. // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 34–40.

Каташев М.С. Становление материально-технической базы лесной промышленности Горного Алтая в 1960–1980-е гг. // Исторический сборник / отв. за вып. Т.С. Пустогачева. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – С. 49–64.

Каташев М.С. Экономика национальных колхозов Ойротской автономной области в довоенные годы (1938–1941 гг.) // Макарьевские чтения: матер. Междунар. научн.-практ. конф. (24–26 октября 2019 г.) / отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. – С. 75–84.

Киселев Н.М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период (1946–1963 гг.). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1964. – 98 с.

Киселев Н.М. Развитие экономики Горного Алтая в послевоенный

период (1946–1963 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1965. – 20 с.

Ковалёв Р.В., Трофимов С.С. Достижения в изучении почв Сибири // Почвоведение. – 1977. – № 10. – С. 33–44.

Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов // Вопросы истории. – 2008. – № 6. – С. 37–47.

Кодкин А.С. Основные этапы развития здравоохранения в Горно-Алтайской автономной области // Об изучении и развитии производительных сил Горного Алтая. Материалы к первой научной конференции ОНИИ. – Горно-Алтайск, 1961. – С. 248–257.

Кожевников С. Рождение театра // Сибирские огни. – 1940. – № 3. – С. 135–142.

Кокоулин В.Г. Первый этап партизанского движения на Алтае в годы гражданской войны [Электронный ресурс] // Сайт Академии военных наук РФ. 03.07.2013 – Режим доступа: <http://www.avnrf.ru/.../557-pervyj-etap-partizanskogo-dvizheniya-na-altae-v-g> (дата обращения: 17.10.2013).

Коллективизация и раскулачивание на Алтае / Анашкин А.П., Захарова Т.В., Жданова Г.Д. [и др.] – Барнаул: Азбука, 2019. – 313 с.

Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. – Петроград: «Былое», 1923. – 190 с. [Электронный ресурс] // Сайт Научно-просветительского журнала «Скеписис». – Режим доступа: http://www.scepsis.net/library/id_2927.htm (дата обращения: 04.10.2013).

Комогорцева Т.Е. Производство товаров легкой промышленности в Сибири в 1960–1985 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 2. – С. 95–99.

Коптелов А. Литература советской Ойротии // Сибирские огни. – 1934. – № 6. – С. 92–108.

Копытов Н.Ф. Горно-Алтайское педагогическое училище (Очерки истории). – Горно-Алтайск, 1994. – 201 с.

Копытов Н.Ф. История народного образования. Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. изд-во «Юч-Сюмер», 1994. – 167 с.

Копытов Н.Ф. Лидеры народного просвещения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. кн. изд-во, 1995. – 148 с.

Кордонский Г.А. Горный Алтай в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917– июнь 1918 гг.) // Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. – Горно-Алтайск, 1973. – С. 22–73.

Коренные этносы Горного Алтая (конец XIX – начало XXI вв.) / Н.В. Екеев, Н.М. Екеева, С.П. Суразакова. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2006. – 152 с.

Коробко А.И. Этапы становления санитарной службы в Горном Алтае // Актуальные проблемы обеспечения санитарно-эпидемиологического

благополучия населения в Республике Алтай: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию санитарной службы России. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 4–15.

Костенков В. Активность депутата // Единство слова и дела. Из опыта работы Горно-Алтайской областной организации КПСС / сост. И.И. Белеков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1984. – С. 20–25.

Костякова Ю.Б. Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири: 1928–1961 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Абакан, 2007. – 25 с.

Котляров М.В. Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2011. – 23 с.

Кочевники Горного Алтая в условиях социальных и экономических преобразований в России (вторая половина XVIII – середина XX вв.) / отв. ред. Н.В. Екеев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2020. – 472 с.

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в период упрочения и развития социализма. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд.-ие, 1985. – 398 с.

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ие, 1991. – 493 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. / отв. ред. Н.Я. Гушин. – Новосибирск: Наука, 1983. – 389 с.

Кротов В.Л. Чоновцы. – М.: Политиздат, 1974. – 128 с.

Кудирмекова Н.И. Становление и развитие алтайской национальной школы (1917–1958 гг.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 180 с.

Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е гг. и реабилитация жертв террора: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1992. – 252 с.

Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970 гг. – Новосибирск, 1994. – 100 с.

Кыдыева В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 46. – М.: УОП Института этнологии и антропологии РАН, 1993. – 17 с.

Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сеоков (послепраздничные размышления о празднике и не только о нем) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М., 1994. – С. 51–57.

Кыдыева В.Я. Структура и характер расселения алтайских сеоков Онгудайского, Кош-Агачского районов по данным по данным 1897 г. и полевым материалам 1988–1994 гг. // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы и статьи). – Горно-Алтайск, 1995. – С. 90–96.

Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 76–114.

Ложкина Н.Н. История социального развития Горного Алтая в 1965–1985 гг. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – 128 с.

Ложкина Н.Н. Развитие социальной инфраструктуры в Горном Алтае в 1965–1985 гг. // Горный Алтай: история социального развития второй половины XX века. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 73–112.

Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России. 1917–1993. – М.: Изд-во МГУ, 2000 [Электронный ресурс] URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Lukyanova_gos.htm (дата обращения: 14.10.2020).

Лыжина Н.Ф. Первые аграрные преобразования советской власти на Алтае (декабрь 1917 – май 1918 гг.) // Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. – Красноярск, 1983. – С. 61–83.

Мазур Л.Н. Политика реконструкции Российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 25–37.

Мазур Л.Н. Политика советского государства в области сельского расселения. 1950–1980-е гг.: истоки трагедии российской деревни // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI в.: сб. мат.-лов междунар. науч. практ. конф. – Ч. I. – Коломна: Коломенский государственный педагогический институт. – 2007. – С. 338–348.

Майдурова Н.А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг. (От Горной Думы к Каракоруму). – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 2002. – 188 с.

Майдурова Н.А. Исторические исследования Института алтаистики им. С.С. Суразакова. Особенности. Проблемы. Тенденции // Институт алтаистики им. С.С. Суразакова / сост. Н.В. Белоусова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2010. – С. 18–24.

Макошев А.П. Вопросы территориальной организации животноводческого хозяйства Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – 323 с.

Макошев А.П. Сельское хозяйство Горного Алтая: Экономическо-статистический справочник. – Горно-Алтайск, 1996. – 84 с.

Макошев А.П., Минаев А.И. Население Горного Алтая. Статистический сборник / сост.: А.П. Макошев, А.И. Минаев. – Горно-Алтайск: ООП ГАГУ, 1994. – 67 с.

Малахов О.А. Сельское расселение в горных районах и территориальная организация торгового обслуживания населения (на примере Горно-Алтайской автономной области) // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. – Барнаул. – 1975. – С. 101–115.

Мальков Р., Коляденко М. Становление и развитие рабочего класса в Горном Алтае // Из истории партийных организаций Сибири. Вып. 73. Науч. тр. / отв. ред. В.М. Горячева, П.Н. Иванов. – Новосибирск, 1972. – С. 184–193.

Мальков Р.А. Типология рабочего класса в Горном Алтае // Ленинская национальная политика в действии / отв. ред. Р.А. Мальков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип. управления по печати Алтайского крайисполкома, 1972. – С. 19–20.

Мальков Р.А., Бражников Я.И. Рабочие Горного Алтая в Отечественную войну // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Материалы научной конференции, посвящ. 50-летию образования СССР. – Кызыл, 1973. – С. 171–177.

Мамет Л.П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. – Горно-Алтайск: Ак-Чек, 1994. – 184 с.

Мамышева Е.П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы. – Абакан: Изд-во «Бригантина», 2011. – 244 с.

Марачев Ф.Н. Судьба // Кан-Алтай / ред.: З.С. Казагачева, А.С. Суразаков. – 1999. – № 18. – С. 49–51.

Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447: сб. документов / сост.: Г.Д. Жданова [и др.]; редкол.: Р. Биннер [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2010. – 750 с.

Матюшин П.Н. Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х – начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки (на материалах доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2008. – 20 с.

Машегова Н.В. Из истории муниципализации частных домовладений в Горном Алтае. Жилищный кризис в Улале в 1922–1924 гг. // История и современность: матер. респ. науч.-ист. конф. / редкол.: А.Н. Гавриков (гл. ред.), В.П. Майер, Н.В. Машегова. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 100–104.

Машегова Н.В. Некоторые итоги исследований эвакуации гражданского населения, детских, лечебных, высших учебных и научных учреждений в Ойротскую автономную область в 1941–1942 гг. (с приложением) // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов респ. науч.-исторической конф. / редкол.: А.Н. Гавриков [и др.]. – Горно-Алтайск: Комитет по делам архивов, 2010. – С. 76–82.

Медведев И.Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований Сибири (1960–1985 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – 220 с.

Мелехова Ю.А. Продовольственное обеспечение эвакуированных граждан в 1941 – 1943 годах (на материалах Алтайского края) // Вестник Пермского университета. – 2015. – Вып. 2 (29). – С. 148–155.

Мердешева Е.В. Трансформация системы сельского расселения Республики Алтай в конце XX–начале XXI вв.: автореф. дис. ... к.г.н. – Калининград, – 2008. – 21 с.

Мердешева Е.В., Банникова О.И. Структура современной системы расселения в межгорных котловинах Республики Алтай // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Естественные науки. – 2018. – Т. 42. – № 4. – С. 550–560.

Миколаускайте Л.В. Особенности социального развития Горно-Алтайской автономной области в середине 50-х гг. XX в. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири: сб. научных трудов. Вып. 17. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. – С. 62–67.

Миронов Р.Б. Административная политика советского государства в отношении колхозной деревни в первые послевоенные годы (1946–1948 гг.) (на материале Прибайкалья) // Известия Байкальского государственного университета. – 2006. – № 6. – С. 29–31.

Михайлов Н.С. Динамика роста политической активности крестьянства Горно-Алтайской автономной области в социалистическом строительстве (1922–1930 гг.) // Ленинская национальная политика в действии / отв. ред. Р.А. Мальков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип. управления по печати Алт. крайисполкома, 1972. – С. 11–13.

Млекопитающие как переносчики клеща в Телецком очаге весенне-летнего энцефалита [Электронный ресурс] URL: <http://www.altzapovednik.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

Модоров Н.С. Интеллигенция национальных регионов Сибири: Горный Алтай // Историческая энциклопедия Сибири. А–И / гл. ред. В.А. Ламин [и др.]. – Новосибирск: Институт истории СО РАН; Изд. Дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – 715 с.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – 168 с.

Мохова А.В. Развитие системы здравоохранения Горного Алтая и Хакасии в 1920-х гг. // Вестник Бурятского университета. – 2010. – № 7. – С. 106–111.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова / сост. Н.В. Белоусова. – Горно-Алтайск, 2010. – 100 с.

Национальный музей им. А.В. Анохина [Электронный ресурс] URL: <http://www.musey-anohina.ru>.

Национальный суверенитет и процессы суверенизации Горного Алтая (в первой четверти XX века). – Барнаул, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://tigrp.wordpress.com/2010/02/05> (дата обращения: 14.02.2021).

Невзоров Д.А. Государственное управление развитием научных исследований в СССР в 1964–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 32 с.

Нечайкина Т.В. Женщины Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 15. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 169–171.

Николаева О.П., Суразакова С.П. Из истории освоения Чемала // Известия Алтайского государственного университета. – История. – 2013. – № 4 (80). – С. 76–80.

Нонукова И.В., Чернышев В.М., Стрельченко О.В. Организация медицинской помощи в условиях труднодоступности мест проживания и низкой плотности населения (на примере Республики Алтай). – Новосибирск: Альфа-Ресурс, 2012. – 140 с.

Обращение адмирала Колчака к населению // Газета «Правительственный вестник». 20.11.1918. № 2 в кн.: Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). Сб. документов. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1926 // Сайт Научно-просветительского журнала «Скепсис» [Электронный ресурс] URL: http://www.scepsis.net/library/id_2927.htm (дата обращения: 04.10.2013).

Ойротия. Труды СОПС по изучению производительных сил Ойротской автономной области. – М.-Л.: Изд.-во АН СССР, 1937. – 477 с.

Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.) / Черняк Э.И. [и др.]; отв. ред. И.М. Разгон, Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд.-ние, 1987. – 319 с.

Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС / гл. ред. Н.С. Лазебный. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1971. – 394 с.

Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. и с предислов. Л.П. Потапова. – Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1973. – 541 с.

Пак Н.В. Промышленное развитие Горно-Алтайской автономной области в годы первой послевоенной пятилетки // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 12. – Горно-Алтайск, Бийск, 2008: РИО ГАГУ. – С. 72–78.

Пановский Л.С. Роль колхозов Западной Сибири в решении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны // Сибиряки – фронту. – Новосибирск, 1970. – С. 251–259.

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: РОССПЭН, 2012. – 440 с.

Папков С.А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – С. 128–154.

Параев А.М. Алтайские музыкальные народные инструменты / ред. Г.В. Кондаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1963. – 36 с.

Парамонов Е.Г. Леса Республики Алтай. – Барнаул: ГИПП «Алтай», 1998. – 217 с.

Пахаев С.Я. Горный Алтай накануне массового партизанского движения (июнь 1918 год – июль 1919 год) // Ученые записки ГАНИИЯЛ. Вып. 4. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1961. – С. 106–130.

Пахаев С.Я. Контрреволюционная роль Каракорум-Алтайской окружной управы в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. – Томск, 1965. – С. 125–137.

Пахаев С.Я. Штрихи к политической биографии Г.И. Чорос-Гуркина // Возвращение. Сб. докладов и сообщений науч.-практ. конф. «Чорос-Гуркин и современность». 11–12 января 1991 г. Горно-Алтайск – Анос. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 128–139.

Петров В.Н. Сезонные перемещения строительных бригад и отрядов в Горном Алтае // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. – Барнаул, 1975. – С. 116–120.

Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: РОССПЭН, 2008. – 447 с.

Письмо Начальника УНКВД по ЗапСибкраю Миронова Н. Ежову [Электронный ресурс] URL: <http://www.istmat.info> > Документы по отдельным годам > 1937 год (дата обращения: 04.05.2017).

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд.-ие, 1973. – 307 с.

Поклонов В.В. Важный документ по истории «бандитизма» в Горном Алтае («Программа Кайгородова») // Мир Евразии. – 2012. – № 1 (16). – С. 48–50.

Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.) / редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Литературно-издательский Дом «Алтын Туу», 2017б. – 280 с.

Полтева Т.И. «Люди в белых халатах» (по материалам Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина) // История и современность Чемальского района. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2008. – С. 75–85.

Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев / предисл. Б. Каирского. – Горно-Алтайск: Облнациздат (тип.газ. «Бийский рабочий»), 1948. – 64 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев / отв. ред. С.В. Киселев. – 2-е изд. – М. – Л. Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Прохорова О.В. Факторы роста общественного состояния // Вопросы экономики и управления. – 2016. – № 5.1 (7.1). – С. 133–136.

Пустогачев Я.А. Изменение социально-классовой структуры в период социалистического строительства // Ленинская национальная политика в

действии / отв. ред. Р.А. Мальков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип. управления по печати Алтайского крайисполкома, 1972. – С. 17–18.

Пустогачева Т.С. Социально-бытовые условия жизни заключенных строителей Чуйского тракта в 30-е гг. XX века // Вестник ТГУ. – 2010. – № 4. – С. 67–73.

Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. А.С. Московский. – Новосибирск: Наука, 1982. – 384 с.

Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма (1938–1958 гг.) / отв. ред. В.В. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 376 с.

Реутов Е.В. Общественно-политические процессы в автономиях Южной Сибири (1985–1991 гг.). – Абакан: Кн. изд-во «Бригантина», 2015. – 166 с.

Росинский Ю.Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 2 (23). – С. 24–39.

Рубашкин П. Десять лет культурного строительства Ойротии (к десятилетию советской Ойротии) // Просвещение Сибири. – 1932. – № 7. – С. 5–13.

Русанов В.В. Некоторые аспекты «красного бандитизма» в Горном Алтае (1920–1922 гг.) // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке. Мат.-лы очно-заочной межрег. науч. конф. Горно-Алтайск, апрель–октябрь 2002 г. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2002. – С. 20–24.

Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 108–118.

Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в 1941–1945 гг. // Народонаселение. – 2011. – № 1. – С. 8–24.

Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). – Новосибирск: НГУ, 2006. – 211 с.

Савицкий И.М. Организация взаимодействия науки и оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. – 2017. – Т. 18. – № 1. – С. 73–99.

Самаев Г.П. Репрессии 1930-х гг. в отношении алтайской интеллигенции // Билим. – Вып. 1. – Горно-Алтайск: Б.и., 2006. – С. 63–72.

Санжиев Г.Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. – Новосибирск: Наука, 1980. – 367 с.

Саран А.Ю. Система исполнительной власти областного звена в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. // Управленческое консультирование. – 2016. – № 9. – С. 184–190.

Саруева М.Ф. Горный Алтай за годы советской власти // Сорок лет Советскому Горному Алтаю. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1957. – С. 67–112.

Серазитдинов Б.У. История деятельности геологических учреждений Западной Сибири по созданию минерально-сырьевой базы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 123–132.

Сизов С.Г. Политика КПСС в области культурного просвещения в 1953–1964 гг. (на материалах Западной Сибири) // Омский научный вестник. – 2001. – № 15. – С. 32–36.

Снегирева Л.И. Эвакуированные вузы и их вклад в развитие сельскохозяйственного производства Западной Сибири (1942–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). Т. 1. – С. 35–40.

Соболева А.Н. Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Вып. 3. – 2018. – С. 20–25.

Солдатов С.А. Творческие союзы СССР. – М.: Знание, 1989. – 63 с.

Солодова В.В. Решение проблем в области образования у национальных меньшинств (1917 – конец 30-х гг. XX в.) // Известия Алтайского государственного университета: История. – 2008. – № 45 (20). – С. 187–190.

Социальная история Горного Алтая в первой половине XX века: уч. для вузов. Ч. 1 / отв. ред. О.А. Гончарова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 305 с.

Социальная история Горного Алтая во второй половине XX века: уч. для вузов. Ч. 2 / отв. ред. О.А. Гончарова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – 294 с.

Социальная история Горного Алтая в документах и материалах / ред. Гончарова О.А. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – 112 с.

Социально-экономическое развитие сибирского села / отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1987. – 447 с.

Суразаков А.С. Археологические работы ГАНИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае (сборник статей) / отв. ред. Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1987. – С. 56–84.

Суразаков С.С. Алтайская советская литература военного периода // Очерки по истории алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1969. – С. 85–97.

Суразакова Н.В. Эстафета знаний. Сабашкина Ольга Григорьевна // Женское движение в Горном Алтае: история и современность / редкол.: Н.В. Белоусова (гл. ред.) [и др.]. – Горно-Алтайск, 2022. – С. 153–158.

Съемщиков Е.А. «Кызыл Солунтабыш» – начало алтайской национальной периодической печати // Горный Алтай: история, современность, перспективы. Сб. научных статей. – Горно-Алтайск: РИО, 2003. – С. 143–147.

Сыева С.Я. Вклад женщин в становлении и развитии аграрной науки Горного Алтая // Женское движение в Горном Алтае: история и современность / редкол.: Н.В. Белоусова (гл. ред.) [и др.]. – Горно-Алтайск, 2022. – С. 64–78.

Табаев Д.И. Конституционное право Республики Алтай: Уч. курс. – Горно-Алтайск, 2012. – 384 с.

Табаев Д.И. Республика Алтай – субъект Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 1997. – № 2 (14). – С. 16–23.

Табаев Д.И. Чуйский тракт. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд.-ва, 1975. – 78 с.

Тадина Н.А. О феномене возрождения института зайсанства у алтайцев // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений (матер. конф.). – Барнаул, 2007. – С. 52–57.

Тадьев П. Е. Гражданская война в Горном Алтае // 40 лет Советскому Горному Алтаю: Сб. ст. – Горно-Алтайск, 1957. – С. 6–32.

Тадышева Н.О. Трансформация традиционной свадебной обрядности алтайцев во второй половине XX века // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х – 90-х гг. XX века: матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения советского государственного и политического деятеля М.В. Карамаяева. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2019. – С. 326–335.

Тарбанакова С.Н. Деятельность клубных учреждений Горного Алтая с середины 40-х по 80-е годы XX века // Этносоциальные проблемы регионов Сибири: сб. научных трудов / отв. ред. О.А. Гончарова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011а. – С. 65–77.

Тарбанакова С.Н. Деятельность учреждений культуры с середины 40-х годов до конца 80-х XX века // Исторический вестник. Вып. 5: сб. научных трудов / ред.: Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011б. – С. 75–85.

Тарбанакова С.Н. Клубные учреждения 20-х гг. XX в. // Архивный документ – основа социогуманитарного знания: сб. респ. науч.-ист. конф. / гл. ред. А.Н. Гавриков. – Горно-Алтайск, 2011. – С. 31–35.

Тарбанакова С.Н. Культура Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны // Исторический вестник: сб. научных трудов. Вып. 4 / ред.: Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 82–93.

Тарбанакова С.Н. Национальный театр драмы Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2003. – 24 с.

Тарбанакова С.Н. Пути развития театров Южной Сибири / науч. ред. А.А. Степанова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1994. – 179 с.

Тарбанакова С.Н. Развитие искусства в Горном Алтае в 30-х гг. XX в. // Исторический вестник: сб. научных трудов. Вып. 6 / ред.: Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. – С. 71–83.

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – Новосибирск: Новый хронограф, 2008. – 608 с. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2008Teplakov/> (дата обращения: 04.05.2017).

Тимофеева Ф.М. Горно-Алтайская партийная организация в борьбе за ликвидацию неграмотности взрослого населения // Ученые записки. Вып. 9. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд.-ва, 1970. – С. 47–62.

Тимофеева Ф.М. Из истории социалистической культурной революции в Горном Алтае // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. – Новосибирск, 1962. – С. 171–172.

Торбоков В.С. У очага Горно-Алтайского ТВ // Хан-Алтай. Информационно-туристический портал Горного Алтая // [Электронный ресурс] URL: http://gorno-altaisk.ru/istoriya/u-ochag_altayskogo-tv (дата обращения: 30.06.2022).

Торушев Э.Г. Коллективизация сельского хозяйства Горного Алтая в конце 1929 – первой трети 1930 гг. // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – № 1–2 (13–14). – С. 145–157.

Тошчакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев / ред. Л.П. Потапов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд.-ние, 1973. – 58 с.

Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае. – Новосибирск: Зап.-Сиб. краевое изд.-во, 1933. – 165 с.

Троицкая Т.А. Горькое эхо войны // Помнить о каждом. – Горно-Алтайск: «Юч-Сюмер», 2001. – С. 498–499.

Троицкая Т.А. Регионально-этнические особенности системы расселения Республики Алтай // Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития. Ч. II / отв. ред. А.М. Палкин. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская респ. тип., 2003. – С. 46–50.

Троицкая Т.А. Этнические особенности населения и социальная политика // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Тезисы к конф., посв. 125-летию Г.И. Чорос-Гуркина / А.С. Суразаков (отв. ред.). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1994. – С. 121–130.

Троицкая Т.А. Этнодемографические процессы в Республике Алтай: исторический опыт и современные проблемы // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Тезисы к научно-практич. конф. «240 лет добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и современность» / редкол.: Н.В. Белоусова, Я.А. Пустогачев, В.А. Кочеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1996. – С. 130–132.

Тугужекова В.Н., Реутов Е.В. Отношение организаций КПСС автономий Южной Сибири к политике «перестройки» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (9). – Ч. II. – С. 211–215.

Туюнчекова Л.С. Межрегиональная миграция и этнический состав населения Республики Алтай // Тезисы к конф., посв. 125-летию Г.И. Чорос-Гуркина / А.С. Суразаков (отв. ред.). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1994. – С. 124–127.

Туюнчекова Л.С. Региональные особенности миграционной подвижности населения // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Тезисы к научн.-практ. конф. «240 лет добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и современность» / редкол.: Н.В. Белоусова, Я.А. Пустогачев, В.А. Кочеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1996. – С. 133–136.

Тюхтенев С.С. Дело всей жизни. Автобиографическая повесть. – Горно-Алтайск: ЛИД «Алтын-Туу», 2009. – 312 с.

Тюхтенев С.С. Позиция юриста (Сборник статей и других документов, посвященных созданию Республики Алтай). – Горно-Алтайск, 1998. – 229 с.

Тюхтенева С.П. «Неошаманство» на Алтае в 1980–1990 гг.: Ясновидение и сновидение в практике шаманствующих // Шаманизм и иные традиционные верования и практики / отв. ред. В.И. Харитонова. – М.: Ин-т этнол. и антропол. им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. – С. 92–98.

Тюхтенева С.П. Этническое самосознание алтайцев: 1987–1996 г. // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Д.А. Функ. – М., 1996. Вып. 2. – С. 144–147.

Тюхтенева С.П. Этнополитические и социокультурные процессы у алтайцев Республики Алтай в конце 1980-х – 1990-х гг. XX в. // Siberia, Land and Peoples: Destruction or Survival International Conference (6–8 September 2002). Abstracts of Papers. University of Leeds. 2002.

Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х – 1980-е гг. // Вестник ТГУ. – 2012. – № 2 (18). – С. 92–99.

Уйманов В.Н. Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.) и кампании по реабилитации репрессированных: автореф. дис. ... д. ист. наук. – Томск, 2013. – 54 с.

Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории. Летопись города с 1830 по 1945 годы / под ред. А.В. Эдокова. – Горно-Алтайск, 1997. – 188 с.

Ульянов Г.К. Просветительная работа среди алтайских народностей // Народное просвещение. – 1926. – № 12. – С. 113–124.

Устинова Л.А. География оседлых населённых пунктов Ойротской автономной области // Вопросы географии. Сб. 14. – 1949. – С. 75–106.

Устинова Л.А. Некоторые особенности географии населения Горного Алтая // Вопросы географии. Сб. 5. – 1947. – С. 129–158.

Хабаров П. 10 лет Советов Ойротии // 10 лет Советской Ойротии. Политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. – Улала: Ойротское обл. отд. ОГИЗа, 1932. – С. 7–11.

Чаптынов Валерий Иванович / ред. Е.М. Карпов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2015. – 558 с.

Чаптынов В.И. / редкол.: Д.И. Табаев [и др.]. – Горно-Алтайск, 2001. – 486 с.

Чевалков Н., Эдоков Л. Национальная печать к X-летию Ойротии // 10 лет Советской Ойротии. Политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. – Улала: Ойротское обл. отд. ОГИЗа, 1932. – С. 97–99.

Чедурова Е.М. Сельская кооперация Горного Алтая в 20-е годы XX в. // Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917–1939 гг. (на примере Ойротии – Горного Алтая): Матер. межрег. науч.-практ. конф. / редкол.: к. ист. н. Н.В. Екеев (отв. ред.), к. ист. н. М. С. Каташев, к. полит. н. Г.Б. Эшматова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск-Бийск: Общероссийское литературное общество, 2018. – С. 20–29.

Чемчиева А.П. Современные демографические процессы в Республике Алтай: основные тенденции и особенности // Вестник НГУ. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 288–296.

Чоков А. Письмо ойротского народа великому Сталину: стихи // Сибирские огни. – 1936. – № 6. – С. 26–33.

Чочкина М.П. Семейно-бытовые обряды алтайцев: традиция и современность // Этносоциальные процессы в Сибири: тем. сб. Вып. 6 / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Нонпарель, 2004. – С. 85–87.

Шарабура Л.Н. Мы учились в институте им. К. Либкнехта // Кан Алтай. – 1995. – № 2 (6). – С. 51–52.

Шарабура Н.В. Становление и развитие службы охраны материнства в Горном Алтае в первые десятилетия советской власти (1920–1940 гг.) // Архивный документ – основа социогуманитарного знания: сб. матер. респ. науч.-ист. конф. – Горно-Алтайск, 2011. – С. 23–31.

Швец И.А., Юдин И.Н. Как строится, живет и действует КПСС. – М.: Политиздат, 1980. – 366 с.

Шерстова Л.И. Национальная идеология в контексте этнополитического развития народов Южной Сибири (XIX – начало XX в.) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность. Материалы научной конференции. – Барнаул, 13–14 сентября 2004 г. – Барнаул: Аз Бука, 2004. – С. 11–23.

Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... д. ист. наук. – Томск, 1999. – 46 с.

Шиловский М.В. Горный Алтай в контексте этнополитических процессов в Азиатской России 1917–1918 гг. // Современное историческое сибиреведение XVIII–начала XX в. – Вып. V. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 91–104.

Шипунова Т.М. Падение самодержавия на Алтае [Электронный ресурс] // Мой Алтай. Краеведческий альманах. – Режим доступа: <http://www.myalta.ru/history/tmsmr09.shtm> (дата обращения: 17.10.2013).

Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть. Мат.-лы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 129–142.

Шишкин В.И. Сибирская деревня накануне и в период Октября: дискуссионные проблемы // Известия СО АН СССР. – 1987. – № 16. Вып. 3. – С. 10–16.

Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти / под ред. Ф.Ф. Шамахова. – Новосибирск, 1970. – 396 с.

Штанаква Н.Р. Женщины Горного Алтая в условиях общественно-экономической и политической трансформации (первая треть XX в.) // Алтай – Россия: через века в будущее: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Т. 1. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 201–204.

Штанаква Н.Р. О дискуссиях по проблемам развития алтайского языка (20–30-е гг. XX в.) // Урал-Алтай: через века в будущее. Мат.-лы научной конференции. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 67–69.

Штырбул А.А. К истории гражданской войны в Горном Алтае и Верхнем Прииртышье: «Сатунинщина» и ее ликвидация (1918–1920 гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв.: сб. материалов международной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 215–221 [Электронный ресурс] URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/conf2010...shtyrbul.htm> (дата обращения: 11.10.2013).

Шутько Д.В. Эволюция правового статуса общественных организаций // Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991. – С. 76–86.

Эвакуация во спасение [Электронный ресурс] URL: <http://www.ap22.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск: Фонд им. С.С. Суразакова, изд-во «Чаптыган», 1994. – 240 с.

Эдоков В.И. Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горн.-Алт. отд-ние, 1981. – 96 с.

Эдоков И.П. Коллективизация в Горном Алтае // под ред. Ю.В. Куперта. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1987. – 244 с.

Эшматова Г.Б. Партийные органы власти в Горно-Алтайской автономной области (1954–1985 гг.) / отв. ред. Н.С. Майнагашева // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвящ. 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.: Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной науч. конф.). – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021а. – С. 335–340.

Эшматова Г.Б. Представительные и исполнительно-распорядительные органы Советов народных депутатов Горно-Алтайской автономной области (1954–1985 гг.) / отв. ред. Ф.И. Куликов // Макарьевские чтения: сб. XVI Международной науч. конф. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2021б. – С. 335–345.

Эшматова Г.Б. Депутаты-сибиряки в представительных органах власти России в 40–90-е гг. XX в. (на примере Горного Алтая) // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х – 90-х гг. XX в.: матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения советского государственного и политического деятеля М.В. Карамасева. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2019. – С. 62–78.

Эшматова Г.Б. Деятельность Советов Горного Алтая в период с 1985–1991 гг. // Билим. – 2009. – № 5. – С. 95–101.

Эшматова Г.Б. Партийная организация Горного Алтая в условиях политических реформ (1985–1991 гг.) // Власть истории – История власти. – 2021в. – Т. 7. – Ч. 1. – № 27. – С. 63–70.

Эшматова Г.Б. Советы Горного Алтая в начале 1990-х гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2022. – № 3. – С. 27–30.

Эшматова Г.Б. Советы Ойротии в предвоенные годы // Исторический вестник: сб. науч. тр. Вып. 4 / ред.: Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 115–124.

Эшматова Г.Б. Социальная структура населения Ойротской автономной области (по материалам переписей 1926 и 1939 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2019. – № 5–2. – С. 43–48.

Эшматова Г.Б. Общественные объединения Горного Алтая в период перестройки (1985–1991 гг.) // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох. Сборник статей, посвящ. 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.) [и др.]. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2021г. – С. 197–208.

Ягов О.В. Кустарно-промышленная кооперация Поволжья в условиях НЭПа: автореф. дис. ... д.и.н. – Самара, 2009. – 42 с.

Яимов И.Э. История здравоохранения Горного Алтая // Наследие Н.У. Улагашева в современном осмыслении: матер. респ. науч.-практ. конф.,

посвящ. 150-летию выдающегося алтайского сказителя Н.У. Улагашева (март 2011 г.) / редкол.: Ю.В. Антародонов [и др.]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2011. – С. 203–209.

Яковлева Н.А. Деятельность Алтайского земского самоуправления в 1917–1919 гг. // Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919. Сб. документов. – Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. – С. 434–444.

Яковлева Н.А. Земские учреждения в Горном Алтае в 1917–1919 гг. // Социально-экономическое развитие Алтая в период социализма (1917–1985 гг.): сб. науч. трудов. – Барнаул: АГУ, 1989. – С. 10–28.

Яницкий О.Н. Экологическое движение в России: Критический анализ. – М.: Б.и., 1996. – 216 с.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Большая российская энциклопедия: в 35 т. / Предс. науч.-ред. совета: Ю.С. Осипов [и др.] – Т. 24. Океанариум – Оясно. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. – 766 с.

Большая российская энциклопедия: в 35 т. / Предс. науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. отв. ред. С.Л. Кравец. – Т. 15. Конго – Крещение. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. – 766 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 2. – Ангола – Барзас. – 1970. – 631 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 8. – Дебитор – Евкалипт. – 1972. – 591 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 9. – Евклид – Ибсен. – 1972. – 623 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 10. – Ива – Италики. – 1972. – 591 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 12. – Кварнер – Коигур. – 1973. – 623 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 13. – Конда – Кун. – 1973. – 608 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 18. – Никко – Отолиты. – 1974. – 632 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 21. – Проба – Ременсы. – 1975. – 640 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 26. – Тихорецк – Ульяново. – 1977. – 622 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 27. – Ульяновск – Франкфорт. – 1977. – 622 с.

Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 30. Эклибрис – Яя. – 1978. – 631 с.

Календарь памятных и знаменательных дат Республики Алтай на 2023 год / сост.: Н.П. Антародонова, Т.В. Захарова, М.А. Яковлева. – Горно-Алтайск, 2022. – 200 с.

Календарь памятных и юбилейных дат Республики Алтай. 2014 год / Ком. по делам арх. РА; гл. ред. А.Н. Гавриков, отв. ред., сост. Н.В. Машегова. – Горно-Алтайск: Б. и., 2013. – 173 с.

Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай, 2008 год / Ком. по делам арх. РА; сост.: Л.Т. Баштыкова, Г.Д. Мартынова. – Горно-Алтайск: Б. и., 2007. – 240 с.

Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2001 год / Государственная архивная служба Республики Алтай, Национальная библиотека Республики Алтай; сост.: Л.Т. Баштыкова, Л.Н. Шарабура. – Горно-Алтайск: [б. и.], 2001. – 131 с.

Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2003 год / Гос. архивная служба РА; сост.: Л.Т. Баштыкова, В.П. Майер, Л.Н. Шарабура. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип., 2003. – 216 с.

Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2011 год / Ком. по делам арх. РА; гл. ред. А.Н. Гавриков. – Горно-Алтайск: [б. и.], 2010. – 168 с.

Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2015 год / Ком. по делам арх. РА; редкол.: Н.В. Машегова, В.П. Майер. – Горно-Алтайск, 2014. – 140 с.

Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай: 2007 год / сост.: Л.Т. Баштыкова, Г.Д. Мартынова. – Горно-Алтайск: Б. и., 2006. – 160 с.

Моя судьба в судьбе Алтая. Библиографический справочник. XX – начало XXI вв. // сост.: В.П. Величко [и др.] / редкол.: А.Н. Гавриков, В.П. Майер, Л.Н. Шарабура. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2006. – 367 с.

Население СССР. Справочник / под ред. А.Я. Боярского. – М.: Политиздат, 1974. – 192 с.

Республика Алтай: краткая энциклопедия / гл. ред. А.С. Суразаков. – Новосибирск: Арта. – 2010. – 365 с.

Сельскохозяйственная энциклопедия / гл. ред.-ры В.В. Марцкевич и П.П. Лобанов. – 3-е изд. – Т. 3. Клетка – Молоко. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1184 стлб.

Словарь по партийному строительству. – М: Изд-во полит. лит-ры, 1987. – 365 с.

Словарь русского языка: в 4 т. /Акад. наук СССР, Ин.-т русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Т. II. К–О / ред. тома А.И. Евгеньева. – 3-е изд.-ие. – М.: Гос. изд.-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 1015 с.

Словарь русского языка: в 4 т. 1957–1961 гг. /Акад. наук СССР, Ин.-т русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Т. I. А–Й / ред. тома А.И. Евгеньева. – 3-е изд.-ие. – М.: Гос. изд.-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 964 с.

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. д.-р. филол. н. В.Ю. Михальченко / Институт языкознания РАН. – М., 2006. С. 97–98 [Электронный ресурс] /– URL: <http://www.iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar> (дата обращения: 25.05.2021).

Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков / науч. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Отд.-ние ист. наук Акад. наук СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. – Т. I. Аалтонен – Ааяны. – 1961. – 1024 стлб.

Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков / науч. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Отд.-ние ист. наук Акад. наук СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. – Т. 16. Чжань Вэнь Тянь – Яштух. – 1976. – 1002 с.

Хронограф Республики Алтай – 2016 / Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай, Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Б. и., 2016. – 85 с.

Хронограф Республики Алтай – 2019 / Комитет по делам ЗАГС, Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай»; сост.: Н.П. Антародонова, А.А. Альчина, Л.Н. Мукаева. – Горно-Алтайск: Полиграфика, 2018. – 174 с.

Хронограф Республики Алтай – 2020 / Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай, Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай»; сост.: Н.П. Антародонова, Т.В. Захарова. – Горно-Алтайск: Полиграфика, 2019. – 207 с.

Хронограф Республики Алтай – 2021 / Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай, Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Республики Алтай»; сост.: Н.П. Антародонова, Т.В. Захарова. – Горно-Алтайск: Полиграфика, 2020. – 206 с.

Хронограф Республики Алтай – 2022 / Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай, Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Республики Алтай»; сост.: Н.П. Антародонова, Т.В. Захарова. – Горно-Алтайск: [б. и.], 2021. – 167 с.

СТАТЬИ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

на алтайском языке

Жалга жүрген улысты ундыбагар // Кызыл Ойрот. – 1925. – 20 марта. – С. 1.
Апоятов. Селсоветтер букерек тикичегер! // Кызыл Ойрот. – 1925. – 9 мая. – С. 1.

Аргоков А. Алтайдын жылкымалын жарандырап // Кызыл Ойрот. – 1925. – 22 августа. – С. 2.

Байлар жендегенче // Кызыл Ойрот. – 1925. – 16 сентября. – С. 2.

Дади куш Кижизи. Ачап бөөрү ошкош // Кызыл Ойрот. – 1925. – 13 ноября. – С. 2.

Карачаков. Јоктулар јердү болды // Кызыл Ойрот. – 1926. – 21 октября. – С. 2.

Карындаштар, нөкөрлөр // Кызыл Ойрот. – 1925. – 13 февраля. – С. 1.

Мундус-Эдоков М. Алтай сөөктү карындаштар // Кызыл Ойрот. – 1925. – 20 февраля. – С. 2.

Советтергебирде бай-кулак кирбегени – јоктуларга арга болор // Кызыл Ойрот. – 1929. – 12 января. – С. 1.

Тайбон. Јоктууны кижее бодобой тон эмей // Кызыл Ойрот. – 1926. – 1 апреля. – С. 2.

Эне-Тил: «Эне-Тилдин» баштанкайлу куреези. Отв. за вып. Э. Бабрашев, В. Кыдыев. – 1989.

Эсаулов. 1926 жылда бее малга укту айгыр салар кереги // Кызыл Ойрот. – 1926. – 1 мая. – С. 4.

на русском языке

Агропром: пути радикальной реформы // Звезда Алтая. – 1990. – 10 июля. – С. 2.

Алев Г. Высота. Строитель – почетная профессия // Звезда Алтая. – 1967. – 22 июня. – С. 4.

Алушкин Б.К. Возвышая человека. Навстречу выборам // Звезда Алтая. – 1989а. – 25 января. – С. 2.

Алушкин Б.К. Время политической активности // Звезда Алтая. – 1989б. – 10 марта. – С. 1.

Алябьева П. Из истории здравоохранения Горного Алтая // Звезда Алтая. – 1999. – 31 июля. – С. 4.

Алябьева П. Из истории здравоохранения Горного Алтая // Звезда Алтая. – 1999. – 26 июня. – С. 5.

Амургушев В.К. Спрос на инициативу. Парламентская деятельность народных депутатов СССР и РСФСР от Горного Алтая должна стать более заметной // Звезда Алтая. – 1990. – 8 июня. – С. 2.

Ау, «Синяя блуза», где ты? // Ойротский край. – 1926. – 13 февраля. – С. 4.

Бражников В.Я. КПСС – организатор борьбы за победу коммунизма // Звезда Алтая. – 1962. – 16 мая. – С. 2.

Братуха И. Подножка хозрасчету // Звезда Алтая. – 1988. – 27 января. – С. 1–3.

Быть депутатом – почётно и ответственно // Звезда Алтая. – 1980. – 19 марта. – С. 2–3.

В единстве народов – успех перестройки. О задачах областной парторганизации в свете положений Платформы КПСС «О национальной политике партии в современных условиях» // Звезда Алтая. – 1990. – 11 января. – С. 1–3.

В жерновах карательной машины [Электронный ресурс] URL: <http://Звезда-алтая.рф>. (дата обращения: 08.04.2021).

В исполкоме облсовета // Звезда Алтая. – 1988. – 29 января. – С. 1.

В обкоме КПСС // Звезда Алтая. – 1988. – 6 января. – С. 1.

В стремлении к лучшему и разумному (письмо Г.И. Чорос-Гуркина, написанное в бийской тюрьме 3 февраля 1919 г. Расшифровка письма проведена Р.М. Еркиновой) // Звезда Алтая. – 1992. – 21 января. – С. 3.

В Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР // Звезда Алтая. – 1984. – 6 марта. – С. 1.

Варванец В. Взаимная откровенность. Встреча кандидата в народные депутаты СССР В.В. Гусева с интеллигенцией // Звезда Алтая. – 1989. – 15 марта. – С. 1.

Варванец В. Двое из семи // Звезда Алтая. – 1989. – 21 февраля. – С. 1.

Варванец В. Людям на встречу. Пребывание Н.И. Рыжкова в Горно-Алтайской автономной области // Звезда Алтая. – 1989. – 14 марта. – С. 1.

Варванец В. Оправдать надежды // Звезда Алтая. – 1989. – 23 марта. – С. 2.

Варванец В., Немова Т. На началах демократии. Репортаж о встрече кандидатов в народные депутаты РСФСР с избирателями Алтын-Кельского национально-территориального округа № 151 // Звезда Алтая. – 1990. – 23 января. – С. 1, 2.

Васильева Н. На встрече в Чое // Звезда Алтая. – 1990. – 1 февраля. – С. 1, 3.

Витовцев Н. Во власти избирателей. Беседа с кандидатом в народные депутаты СССР, председателем облисполкома В.И. Чаптыновым // Звезда Алтая. – 1989. – 21 марта. – С. 2.

Витовцев Н. Острый, но честный спор. Встреча кандидатов в народные депутаты РСФСР с избирателями Чуйского национально-территориального округа № 152 в Усть-Кане // Звезда Алтая. – 1990. – 31 января. – С. 1, 2.

Витовцев Н. Разговор на чистоту. Встреча избирателей с кандидатом в народные депутаты Н.Е. Кручиной // Звезда Алтая. – 1989. – 25 февраля. – С. 1.

Воронин В. Проблема воды // Звезда Алтая. – 1969. – 21 января. – С. 4.

Выдвинуты трудовыми коллективами // Звезда Алтая. – 1989. – 2 февраля. – С. 1.

Выступление члена фракции КПРФ В. Позднякова на пленарном заседании 16 июня // Правда. – 2017. – 20–21 июня. – С. 2.

Горно-Алтайский избирательный округ № 58 // Звезда Алтая. – 1954. – 3 февраля. – С. 2.

Горному Алтаю – комплексное развитие (Из предвыборной программы кандидата в народные депутаты СССР В.В. Гусева) // Звезда Алтая. – 1989. – 21 марта. – С. 2.

Городская читательская конференция // Красная Ойротия. – 1931. – 20 мая. – С. 4.

Готовься к референдуму // Звезда Алтая. – 1991. – 14 февраля. – С. 1.

Гущин И. Ойротская трагедия // Звезда Алтая. – 1989. – 4 февраля. – С. 3.

Данилов И. Проголосую за Союз // Звезда Алтая. – 1991. – 12 марта. – С. 1.

Депутаты Верховного Совета СССР, избранные 4 марта 1984 г. // Звезда Алтая. – 1984. – 7 марта. – С. 1.

Джаткамбаев А.Ж. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 23 февраля. – С. 1.

До съезда и после ... // Звезда Алтая. – 1989. – 20 мая. – С. 1.

Ерелина В.К. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 3 марта. – С. 1.

И дорого... И плохо... // За коммунизм. – 1959. – 23 февраля. – С. 2.

Заканчивается ремонт облбольницы // Звезда Алтая. – 1948. – 10 сентября. – С. 2.

Зарегистрированы кандидатами // Звезда Алтая. – 1991. – 22 мая. – С. 1.

Знаменский Ю.С. Вдохновляющая программа новых свершений // Звезда Алтая. – 1981. – 26 марта. – С. 1–3.

Знаменский Ю.С. Об итогах XXVII съезда КПСС и задачах областной партийной организации по выполнению его решений // Звезда Алтая. – 1986. – 27 января. – С. 1–3.

Знаменский Ю.С. Об итогах XXVII съезда КПСС и задачах областной партийной организации по выполнению его решений // Звезда Алтая. – 1986. – 2 апреля. – С. 1–3.

Знаменский Ю.С. По планам партии, для блага народа // Звезда Алтая. – 1982. – 28 октября. – С. 1–3.

Иванов Н.А. Панорама новостроек // Звезда Алтая. – 1984. – 1 марта. – С. 1–2.

Идеологию обновления – в практику перестройки // Звезда Алтая. – 1988. – 21 мая. – С. 1–2.

Из предвыборных программ Ерелиной В.К., Ялбакова А.И. // Звезда Алтая. – 1989. – 3 марта. – С. 1.

Из предвыборных программ Плетенецкого Д.Е., Чаптынова В.И. // Звезда Алтая. – 1989. – 2 марта. – С. 1.

Избирательные участки для выборов народных депутатов от территориальных и национально-территориальных избирательных округов // Звезда Алтая. – 1989. – 13 января. – С. 3.

Избран народный депутат России. Сообщение окружной избирательной комиссии о результатах выборов народного депутата РСФСР по Алтын-Кёльскому национально-территориальному избирательному округу № 151 // Звезда Алтая. – 1990. – 21 марта. – С. 1.

Избрание М.С. Горбачева Президентом СССР [Электронный ресурс] URL: <http://www.rnr.ru> / Парламентская газета. Издание Федерального Собрания РФ (дата обращения: 16.12.2021).

Илаков А.В. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 23 февраля. – С. 1.

Индустриальная основа ферм // Звезда Алтая. – 1988. – 10 марта. – С. 1.

Информационное сообщение о пленуме Горно-Алтайского обкома КПСС // Звезда Алтая. – 1990. – 9 января. – С. 1.

Итоги выборного марафона. Сообщение избирательной комиссии // Звезда Алтая. – 1990. – 1 июня. – С. 1.

Итоги выборов Президента РСФСР по шестому избирательному округу // Звезда Алтая. – 1991. – 15 июня. – С. 3.

Итоги выполнения Государственного плана развития народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области в 1974 году // Звезда Алтая. – 1975. – 1 февраля. – С. 1–2.

Итоги выполнения Государственного плана развития народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области в 1975 году // Звезда Алтая. – 1976. – 31 января. – С. 1–2.

Итоговые данные референдумов СССР и РСФСР на территории Горно-Алтайской АССР 17 марта 1991 г. // Звезда Алтая. – 1991. – 20 марта. – С. 1.

Какие мы, сколько нас. Пресс-выпуск областного управления статистики // Звезда Алтая. – 1990. – 30 мая. – С. 3.

Календарь избирательной кампании // Звезда Алтая. – 1989. – 5 января. – С. 1.

Калмыков Д.И. Большевицкий привет областному съезду врачей. Добьемся новых успехов // Красная Ойротия. – 1935. – 10 июля. – С. 1.

Кандидаты в народные депутаты РСФСР по Алтын-Кёльскому национально-территориальному избирательному округу № 151 // Звезда Алтая. – 1990. – 18 января. – С. 1–3.

Кандидаты в народные депутаты РСФСР по Чуйскому национально-территориальному избирательному округу № 152 // Звезда Алтая. – 1990. – 20 января. – С. 1–2.

Кармаев М.В. Видеть перспективы // Звезда Алтая. – 1986. – 24 января. – С. 1–2.

Кармаев М.В. Горный Алтай на пути ускорения // Звезда Алтая. – 1986. – 17 апреля. – С. 2–3.

Кармаев М.В. Курс ускорения и созидания. Отчет о работе исполнительного комитета областного Совета народных депутатов за 1986 год. Доклад председателя исполкома М.В. Кармаева // Звезда Алтая. – 1986. – 18 декабря. – С. 1–2.

Кармаев М.В. По пути, указанному партией // Звезда Алтая. – 1981. – 2 апреля. – С. 2–3.

Кармаев М.В. Стройки в горах // Алтайская правда. – 1981. – 7 ноября. – С. 3.

Кириченко Л. Всё начиналось с заразного барака // Звезда Алтая. – 2000. – 2 декабря. – С. 6.

Ключевая проблема всей нашей работы. Изложение доклада Ю.С. Знаменского // Звезда Алтая. – 1985. – 5 апреля. – С. 1.

Косинцев А.В. областной избирательной комиссии // Звезда Алтая. – 1990. – 25 января. – С. 1.

Красная свадьба // Ойротский край. – 1924. – 19 апреля. – С. 3.

Красный Крест – Ойрату // Ойротский край. – 1924. – 6 февраля. – С. 1.

Кручина Н.Е. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 16 февраля. – С. 1.

Кулешов А.А. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 4 марта. – С. 1.

Курносова П. Без права переписки // Звезда Алтая. – 1989. – 21 апреля. – С. 3.

Лабазов Г. Новый быт внедряется // Ойротский край. – 1924. – 20 августа. – С. 2.

Лазебный Н.С. Выполним юбилейные обязательства // Звезда Алтая. – 1970. – 12 июня. – С. 1.

Лазебный Н.С. О работе Горно-Алтайского обкома КПСС // Звезда Алтая. – 1971. – 6 февраля. – С. 1–3.

Лазебный Н.С. Речь на совместном торжественном заседании областного комитета партии и областного Совета депутатов трудящихся, посвященное вручению Горно-Алтайской автономной области ордена Дружбы народов // Звезда Алтая. – 1974. – 24 января. – С. 3.

Ларкин П. Здравоохранение Горного Алтая // Звезда Алтая. – 1967. – 29 июля. – С. 2, 4.

Любушкина В. Здравоохранение и медицинское обслуживание трудящихся области // Красная Ойротия. – 1947. – 4 апреля. – С. 2.

Маленький А. Алтайская постановка // Советская Сибирь. – 1924. – 10 октября. – С. 5.

Малючков А. Недоброкачественные изделия идут потребителям // Алтайская правда. – 1953. – 22 сентября. – С. 3.

Медицинские работники идут на фронт // Красная Ойротия. – 1941. – 29 июня. – С. 2.

Мемориальная доска Василию Тискинекову // Звезда Алтай. – 2018. – 17 октября. – С. 12.

Молчанов В.Е. Выполнению планов десятой пятилетки – твердую гарантию // Звезда Алтай. – 1980. – 3 января. – С. 2–3.

Молчанов В.Е. Горизонты новой пятилетки // Звезда Алтай. – 1976. – 24 января. – С. 2–3.

Морозов В.Г. Дети окружены заботой // Красная Ойротия. – 1935. – 10 июля. – С. 1.

На Алтае партизанский начдив был расстрелян как японский шпион [Электронный ресурс] URL: <http://www.ap22.ru/paper/Na-Altai-partizanskiy-nachdiv-byi-rasstrelyan-kak-yaponskiy-shpion.html>. Информационный портал Алтайская правда. 2019. 17 ноября (дата обращения: 06.06.2020).

На демократической основе. Беседа с секретарем Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР Ю.И. Рыжовым (беседу вел В. Саклаков) // Звезда Алтай. – 1989. – 3 января. – С. 3.

Надеждин Б. Улучшить работу школ (к августовским учительским совещаниям) // Звезда Алтай. – 1948. – 21 августа. – С. 2.

Назван кандидатом // Звезда Алтай. – 1989. – 18 января. – С. 1.

Наказы избирателей // Звезда Алтай. – 1985. – 4 апреля. – С. 1.

Немова Т. Кто кого кормит. С сессии городского Совета // Звезда Алтай. – 1991. – 15 июня. – С. 2.

Немова Т. Форма новая. А содержание? // Звезда Алтай. – 1987. – 6 мая. – С. 2.

Немова Т. Юность мудрости избирателей // Звезда Алтай. – 1989. – 22 февраля. – С. 1.

Николаев С. Завершение социалистической реконструкции партийного хозяйства. Победа социализма в СССР (1933–1937 гг.) // Звезда Алтай. – 1967. – 28 июля. – С. 2.

О разделении Западносибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край // Красный Алтай. – 1937. – 29 сентября. – С. 1.

О референдуме РСФСР на территории Горно-Алтайской АССР // Звезда Алтай. – 1991. – 15 марта. – С. 1.

Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства области за 1972 год // Звезда Алтай. – 1973. – 31 января. – С. 1.

Об образовании в порядке эксперимента многомандатных избирательных округов по выборам в Майминский районный Совет народных депутатов двадцатого созыва // Звезда Алтай. – 1987. – 9 апреля. – С. 1.

Об образовании общих избирательных участков по выборам народных депутатов РСФСР и местных народных депутатов // Звезда Алтай. – 1990. – 3 января. – С. 3.

Об утверждении состава Горно-Алтайской городской избирательной комиссии по выборам народных судей городского народного суда. Решение горисполкома № 103 от 5 апреля 1987 г. // Звезда Алтай. – 1987. – 9 апреля. – С. 1.

Об утверждении состава Горно-Алтайской городской избирательной комиссии по выборам в городской Совет народных депутатов двадцатого созыва. Решение горисполкома № 101 от 3 апреля 1987 г. // Звезда Алтай. – 1987. – 9 апреля. – С. 1.

Обращение ветеранов войны и труда Горно-Алтайска ко всем жителям автономной области // Звезда Алтай. – 1991. – 15 марта. – С. 1.

Оглянемся назад // Звезда Алтай. – 1991. – 5 февраля. – С. 3.

Они избраны в Верховный Совет СССР // Звезда Алтай. – 1989. – 1 июня. – С. 1.

Ориентиры для обновления // Звезда Алтай. – 1988. – 28 июня. – С. 1.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы на период до 2000 года // Звезда Алтай. – 1986. – 9 марта. – С. 4.

От депутатской группы по проверке деятельности Советов Горно-Алтайской АССР и их органов во время государственного переворота. Информация председателя депутатской группы А.М. Чичинова // Звезда Алтай. – 1991. – 7 сентября. – С. 2.

От съезда к съезду // Звезда Алтай. – 1981. – 14 февраля. – С. 3.

Отчёт бюро обкома партии о работе по руководству перестройкой // Звезда Алтай. – 1988. – 2 февраля. – С. 1.

Параев В. Не допустить развала Союза // Звезда Алтай. – 1991. – 15 марта. – С. 1.

Первая сессия областного Совета // Звезда Алтай. – 1954. – 12 марта. – С. 1.

Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. – 1927. – № 3. – С. 204–207.

Перестройке – энергию трудящихся // Звезда Алтай. – 1990. – 25 января. – С. 3.

Пешков Ю. Дома с пустыми окнами // Алтайская правда. – 1969. – 21 августа. – С. 5.

Пишут нам читатели: «Разве это благоустройство?» // Звезда Алтай. – 1969. – 23 января. – С. 4.

Платформа Горно-Алтайской областной партийной организации к выборам народных депутатов РСФСР и местных органов власти. Проект // Звезда Алтай. – 1989. – 11 ноября. – С. 1.

Пленум Горно-Алтайского обкома КПСС // Звезда Алтай. – 1954. – 26 января. – С. 1.

Пленум Горно-Алтайского обкома КПСС // Звезда Алтай. – 1966. – 16 февраля. – С. 2.

Плетенецкий Д.Е. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтай. – 1989. – 2 марта. – С. 1.

Плетнева Т. В поддержку Н.И. Рыжкова // Звезда Алтай. – 1991. – 30 мая. – С. 1.

По пути демократизации и политической реформы. К единому политдню 16 марта // Звезда Алтай. – 1989. – 15 марта. – С. 3.

По пути ускорения // Звезда Алтай. – 1987. – 31 января. – С. 3.

Победил генеральный директор. Сообщение окружной избирательной комиссии о результатах выборов народного депутата РСФСР по Чуйскому национально-территориальному избирательному округу № 152 // Звезда Алтай. – 1990. – 22 марта. – С. 1.

Подкорытов А.Т. Пути перестройки сельской экономики // Звезда Алтай. – 1989. – 24 июня. – С. 1–2.

Поливцев Н. Однобокая агитация // Звезда Алтай. – 1991. – 7 июня. – С. 1.

Полоков Н. От первой аптеки – до двухсот пунктов // Звезда Алтай. – 1973. – 29 июля. – С. 4.

Потенциал Агропрома // Звезда Алтай. – 1987. – 22 декабря. – С. 1.

Праздник советской демократии // Звезда Алтай. – 1984. – 6 марта. – С. 1.

Производительность труда на ферме // Звезда Алтай. – 1983. – 7 января. – С. 1.

Пятилетка год завершающий // Звезда Алтай. – 1975. – 21 января. – С. 1–2.

Пятилетка, год первый // Звезда Алтай. – 1972. – 29 января. – С. 2.

Пятилетка: ударная поступь // Звезда Алтай. – 1974. – 1 февраля. – С. 1–3.

Раскрепощение женщины Ойратки // Ойротский край. – 1924. – 13 мая. – С. 2.

Родин Ю. Жилищное и культурно-бытовое строительство в СССР // Политическое самообразование. – 1981. – № 7. – С. 48–56.

Санитарная авиация на службе охраны здоровья трудящихся // Звезда Алтай. – 1948. – 26 сентября. – С. 1.

Сат В. Две программы – два подхода // Звезда Алтай. – 1989. – 16 марта. – С. 1.

Сатлаев Ф. Уникальный документ // Звезда Алтай. – 1991. – 6 мая. – С. 3.

Свободный Алтай. – 1917. – 2 ноября.

Сегодня в Москве открывается XIX Всесоюзная партийная конференция // Звезда Алтай. – 1988. – 28 июня. – С. 1.

Серебрянский Ю. Победа аграрной политики партии // Звезда Алтай. – 1980. – 11 октября. – С. 1–2.

Сессия Совета республики // Звезда Алтай. – 1991. – 15 марта. – С. 1.

Скоренко Б. Каким быть городу и селам // Звезда Алтай. – 1973. – 17 января. – С. 3.

Сластенин Г. Как вас обслуживают. Изъяны в торговле // Звезда Алтай. – 1974. – 17 мая. – С. 2.

Слово депутата между прошлым и будущим (беседу вели А. Чепрасов и А. Косинцев) // Звезда Алтай. – 1989. – 1 января. – С. 1, 2.

Служить людям – почетно. С областного совещания работников сферы обслуживания // Звезда Алтай. – 1967. – 2 июня. – С. 3.

Совершенствовать стиль и методы работы Советов // Звезда Алтай. – 1989. – 24 марта. – С. 1, 3.

Совмещать ли должности // Звезда Алтай. – 1991. – 20 февраля. – С. 1.

Сообщение городской избирательной комиссии о регистрации кандидатов в депутаты Горно-Алтайского городского Совета народных депутатов Алтайского края // Звезда Алтай. – 1990. – 24 января. – С. 3.

Сообщение об итогах выборов в Горно-Алтайский городской Совет народных депутатов, состоявшихся 24 февраля 1985 г. // Звезда Алтай. – 1985. – 28 февраля. – С. 3.

Сообщение об итогах выборов в Горно-Алтайский городской Совет народных депутатов, состоявшихся 21 июня 1987 г. // Звезда Алтай. – 1987. – 26 июня. – С. 2.

Сообщение об итогах выборов в районные, городской, поселковые и сельские Советы народных депутатов РСФСР 20-созыва по Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 21 июня 1987 г. // Звезда Алтай. – 1987. – 23 июня. – С. 1.

Сообщение об итогах выборов в Совет народных депутатов Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 24 февраля 1985 г. // Звезда Алтай. – 1985. – 28 февраля. – С. 2.

Сообщение об итогах выборов в Совет народных депутатов Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 24 февраля 1980 г. // Звезда Алтай. – 1980. – 28 февраля. – С. 2.

Сообщение об итогах выборов народных судей районных (городских) народных судов РСФСР по Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 21 июня 1987 г. // Звезда Алтай. – 1987. – 23 июня. – С. 1.

Сообщение окружных избирательных комиссий о регистрации кандидатов в народные депутаты Алтайского краевого Совета народных депутатов // Звезда Алтай. – 1990. – 20 января. – С. 2, 3.

Сообщение окружных избирательных комиссий о результатах выборов народных депутатов РСФСР. Горно-Алтайский территориальный избирательный округ № 162 // Звезда Алтай. – 1990. – 7 марта. – С. 1.

Сообщение поселковых избирательных комиссий об итогах выборов в районные Советы народных депутатов Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 24 февраля 1985 г. // Звезда Алтай. – 1985. – 1 марта. – С. 1.

Сообщение районной избирательной комиссии по выборам в Майминский районный Совет народных депутатов 20 созыва,

проводившимся в порядке эксперимента по многомандатным избирательным округам 21 июня 1987 г. // Звезда Алтая. – 1987. – 27 июня. – С. 2.

Сообщение районных избирательных комиссий об итогах выборов в районные Советы народных депутатов Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 24 февраля 1985 г. // Звезда Алтая. – 1985. – 1 марта. – С. 1.

Сообщение сельских избирательных комиссий об итогах выборов в районные Советы народных депутатов Горно-Алтайской автономной области, состоявшихся 24 февраля 1985 г. // Звезда Алтая. – 1985. – 1 марта. – С. 1.

Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов в Верховный Совет РСФСР одиннадцатого созыва, состоявшихся 24 февраля 1985 г. // Звезда Алтая. – 1985. – 28 февраля. – С. 1.

Сорокин М.И. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 28 февраля. – С. 1.

Состав участковых избирательных комиссий по выборам народных депутатов РСФСР и в местные Советы народных депутатов РСФСР // Звезда Алтая. – 1990. – 10 января. – С. 3.

Стрекалов М. Выпуск медсестёр // Красная Ойротия. – 1942. – 4 февраля. – С. 4.

Стрельников П. Строить быстро, удобно, красиво // Звезда Алтая. – 1985. – 27 декабря. – С. 3.

Табаев Д.И. Действовать продуманно // Звезда Алтая. – 1990. – 9 января. – С. 1, 3.

Табаев Д.И. На демократической основе // Звезда Алтая. – 1989. – 17 января. – С. 3.

Табаев Д.И. Обеспечить волеизъявление избирателей // Звезда Алтая. – 1991. – 1 июня. – С. 1, 3.

Тезисы из предвыборных программ Джаткамбаева А.Ж., Илакова А.В. // Звезда Алтая. – 1989. – 23 февраля. – С. 1.

Темнота хуже невежества // Ойротский край. – 1926. – 8 сентября. – С. 4.

Тозыякова В.Ф. Последний взгляд // Звезда Алтая. – 1989. – 26 мая. – С. 3.

Третья Ойратская областная конференция // Ойротский край. – 1924. – 11 декабря. – С. 1–2.

Тур И. Чапаев // Красная Ойротия. – 1934. – 18 декабря. – С. 4.

Тюхтенов С.С. Воля народа // Звезда Алтая. – 1991б. – 23 марта. – С. 1.

Тюхтенов С.С. Всенародное голосование // Звезда Алтая. – 1991а. – 7 марта. – С. 1, 2.

Улучшается качество заказов // Животновод. – 1964. – 26 ноября.

Федорин М. Строить больше, быстрее и лучше // Звезда Алтая. – 1967. – 15 августа. – С. 2–3.

Филатов К. Комсомольские похороны в Онгудае // Ойротский край. – 1924. – 23 июня. – С. 2.

Фирсиков А. Никакой отсрочки кулаку в сдаче хлеба // Красная Ойротия. – 1931. – 13 октября. – С. 2.

Хронология важных дат // Звезда Алтая. – 2011. – 23 июня. – С. 2.

Художники Ойротии к XXIV годовщине Красной Армии // Красная Ойротия. – 1942. – 1 февраля. – С. 4.

Чальчиков П. Я – за Союз // Звезда Алтая. – 1991. – 7 марта. – С. 2.

Чанчибаева Л. Наша задача – сохранить Союз СССР // Звезда Алтая. – 1991. – 15 марта. – С. 1.

Чаптынов В.И. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 2 марта. – С. 1.

Чаптынов В.И. Советы в новых условиях // Звезда Алтая. – 1990. – 18 мая. – С. 2.

Чепкин П.И. Работа над книгой продолжается // Звезда Алтая. – 2002. – 19 сентября. – С. 15.

Чернов Г. Когда отсутствует контроль // Звезда Алтая. – 1974. – 15 мая. – С. 4.

Что день грядущий готовит // Звезда Алтая. – 1992. – 12 февраля. – С. 3.

Ямбаков А.И. Краткая биография. Кандидаты в народные депутаты СССР // Звезда Алтая. – 1989. – 3 марта. – С. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИК – аймачный исполнительный комитет
АОН – Академия общественных наук
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук
им. В.И. Ленина
ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН – высшая мера наказания
ВППШ – Высшая партийная школа
ВРП – Временное Российское правительство
ВС – Верховный Совет
ВСП – Временное Сибирское правительство
ВХУТЕИН – Всесоюзный художественно-технический институт
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов
ВЮЗИ – Всесоюзный юридический заочный институт
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГКЧП – Государственный Комитет по чрезвычайному положению
Горкомхоз – городской отдел коммунального хозяйства г. Ойрот-Туры (Горно-Алтайска)
Горсовет – городской совет Ойрот-Туры (Горно-Алтайска)
Госархив РА – Государственный архив Республики Алтай
Госпланиздат – государственное плановое издательство
ГПУ – Государственное политическое управление
ГТО – Готов к труду и обороне
ГЭС – гидроэлектростанция
ДНД – добровольные народные дружины
ДПР – Демократическая партия России
ДСО – Добровольное спортивное общество
ЖБИ – железобетонные изделия
ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство
ЗАГС – Запись актов гражданского состояния
ЗСК – Западно-Сибирский край
ИК – Избирательная комиссия
КГБ – Комитет государственной безопасности
ККОВ – Комитет крестьянских обществ взаимопомощи
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Крайисполком – краевой исполнительный комитет
КРС – крупнорогатый скот
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока

ЛДПСС – Либерально-демократическая партия Советского Союза
ЛПХ – личное подсобное хозяйство.
ЛЭП – линия электропередачи
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
медрабфак – медицинский рабочий факультет
междунар. – международный (ая)
Многопромсоюз – Многопромышленный союз кооперации Ойротии
МТС – машинно-тракторная станция
МТФ – молочно-товарная ферма
НА – Научный архив
Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
обком – областной комитет
облвоенком – областной военный комиссар
облвоенкомат – областной военный комиссариат
облдоротдел – областной дорожный отдел
облесуправление – областное лесное управление
облздрав – областной отдел здравоохранения
облсполком – областной исполнительный комитет
облкомхоз – областной отдел коммунального хозяйства
Обллеспромсоюз – Областной союз промышленной кооперации, лесной, деревообрабатывающей и лесохимической промышленности.
облместпром – областное управление местной промышленности
облоно – областной отдел народного образования
Облпотребсоюз – Областной союз потребительских обществ
облсельхозотдел – областной отдел сельского хозяйства
облсовет – областной Совет народных депутатов
облфинотдел – областной финансовый отдел
ОГИЗ – Объединение государственных издательств
ОГПУ – Объединенное главное политическое управление
ОДН – Общество «Долой неграмотность»
ОИК – областной исполнительный комитет
ОИУУ – областной институт усовершенствования учителей
ОХММ – Охрана материнства и младенчества
ПМК – передвижная механизированная колонна
Продснаб – отдел продовольственного снабжения
Райпо – районное потребительское общество
Райпотребсоюз – районный потребительский союз
ревком – революционный комитет
РЗ – республиканский закон
РИК – районный исполнительный комитет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РК – районный комитет
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РКП (б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РОКК – Российское общество Красного Креста
РПРФ – Республиканская партия Российской Федерации
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СДПР – Социал-демократическая партия России
СибВО – Сибирский военный округ
СМИ – Средства массовой информации
СМУ – специализированное монтажное управление
СМУ – строительно-монтажный участок
СНК – Совет народных комиссаров
СПТУ – сельское профессионально-техническое училище
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СФК – Совет физической культуры
ТИК – территориально-избирательная комиссия
ТОЖ – Товарищество по совместному содержанию животных
ТОЗ – Товарищество по совместной обработке земли
ТОС – территориально-общественное самоуправление
уздрав – уездный отдел здравоохранения
УК – Уголовный кодекс
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНХУ – Управление народно-хозяйственного учёта
уревком – уездный революционный комитет
ЦИК – Центральная избирательная комиссия
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК КПСС – Центральный комитет КПСС
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЧОН – Части особого назначения
ШКМ – Школа крестьянской молодежи (с 1930 г. – Школа колхозной молодежи)
ШРМ – Школа рабочей молодежи

Аксенова Любовь Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук юридического факультета ГОУ ВО Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет».

Екеев Николай Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, директор БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова».

Захарова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, начальник отдела использования КГУ РА «Государственный архив Республики Алтай».

Ирkitова Айжан Акчабаевна, кандидат исторических наук, проректор по научно-методической работе БУ ДПО РА «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай».

Каташев Максим Степанович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова».

Ложкина Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии историко-филологического факультета ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет».

Майдурова Наталья Александровна, кандидат исторических наук.

Тарбанакова Светлана Николаевна, кандидат искусствоведения.

Торусhev Эркem Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова».

Эшматова Гульнара Бахтияровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова».

Научное издание

БНУ РА «Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С.С. Суразакова»

**История Республики Алтай. Том III. Горный Алтай в
советский период
(1917–1991 гг.)**

Редколлегия:

канд. ист. наук Н. В. Екеев (ответственный редактор),

канд. ист. наук М. С. Каташев (научный редактор),

канд. полит. наук Г. Б. Эшматова

ISBN 978-5-903693-94-8

9 785903 693948

Подписано в печать _____ 2023 г. Формат 60x90^{1/16}

Бумага Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 60,75 п.л.

Тираж _____ экз. Заказ _____

Отпечатано в _____